

Евразийский юридический журнал

№ 10 (173) 2022

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор, член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камилльевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАПЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САПИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращения в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2022

Подписано в печать 14.10.2022
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasiatlaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasiatlaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

№ 10 (173) 2022

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor, member of the Permanent Court of Arbitration (Hague)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Bashkir State University)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2022

Signed for printing 14.10.2022

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasilaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasilaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhadinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Е. П. Русакова:

Трансформация правовой парадигмы цивилистического процесса в эпоху цифровизации

Интервью с Русаковой Екатериной Петровной, доктором юридических наук, доцентом, доцентом кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов 14

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Дьяченко Е. Б.

Влияние практики Суда Евразийского экономического союза на правоприменение в Российской Федерации 17

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Богатыренко И. А.

История создания и современные проблемы универсальных договорных контрольных органов по защите прав человека 20

Гигинейшвили М. Т.

Основные итоги двадцатилетней работы Международного уголовного суда 25

Сунь Д.

Международно-правовой режим регистрации глобальных навигационных спутниковых систем 29

Сунь Д.

Международно-правовая ответственность государств за поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг связи 32

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Талимончик В. П.

Статус операторов информационно-коммуникационных систем в международном частном праве 35

Берман А. М.

Проблемы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации 39

Ермакова Е. П.

Этапы информатизации судов в КНР: версии 1.0, 2.0, 3.0 и 4.0 43

Русакова Е. П., Зайцев В. В.

Развитие предсказанного правосудия: опыт США 48

Цепова Е. А.

Перспективы участия Российской Федерации в международном обмене налоговой информацией в условиях санкций 51

Мирошниченко О. И., Козлова О. Е.

К вопросу о легализации криптовалюты в Российской Федерации: общетеоретический аспект 53

Купчина Е. В.

Цифровые доказательства в международном коммерческом арбитраже по интеллектуальным спорам 56

Цепова Е. А.

Развитие трансграничного финансового контроля за движением капитала физических лиц в Российской Федерации 59

Проскура Д. С.

Проблемы рассмотрения судами дел о защите интеллектуальных прав на товарные знаки в цифровой среде 63

Берман А. М., Ершов Н. А.

Легализация параллельного импорта в Российской Федерации: новые возможности или бесконтрольная стихия? 65

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Кадышева О. В.

Влияние оговорки о публичном порядке на функционирование внутреннего рынка 70

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Байдарова М. А.

Юридические исключения как индикатор развития трудового законодательства Российской Федерации 76

Байниязова З. С.

Обеспечение баланса гуманистических ценностей и права как вектор устойчивого развития российской правовой системы в цифровую эпоху 78

Бокова Л. Н.

Правовой аспект и основные тенденции применения и развития информационных технологий и систем в юридической практике 80

Глушченко Д. В., Ковтун Н. А.

Юридические аспекты применения донских войск и участие донских казачьих полков в первой мировой войне на основе журнала боевых действий и юридического анализа их правоприменения 83

Лановой В. Г.

Цивилизация: понятие, признаки, виды 85

Кича М. В.

Современный виток правительственного кризиса в Республике Ирак: причины и следствия 88

Козырева А. Б.

Принудительная стерилизация недееспособных как нарушение прав человека: биоэтический, сравнительно-правовой и политико-социологический аспекты 91

Миронова О. А.

Миграционные процессы в России: основные тенденции и факторы 97

Новикова О. И., Рудман М. Н.

Проблема универсальности социальных прав и кризис правового государства (часть 2) 99

Сулейманов Ф. М., Тактаева З. Р.

Институт компенсации морального вреда: социально-правовые аспекты 101

Ишмухаметов С. Р.

К вопросу о правовой политике как об одном из основных направлений политики государства: теоретико-правовые основы 104

Мусина К. С.

Анализ общих тенденций становления законодательства в сфере регламентирования правосубъектности беспилотных транспортных средств в контексте цифровизации 107

Швецов В. В.

Кибербезопасность как элемент института защиты прав ребенка в XXI веке 110

Якимов Р. В.

Социальные сети и мессенджеры как основной носитель права на цензуру в США 114

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Белякова А. М.

Идеологические причины распада СССР и Конституция РФ 116

Гасанова С. А., Айбатов М. М.

История развития советского гражданского права 119

Гнетова Л. В., Гуляева Т. Б., Фабричная Л. И.

Правовое регулирование негативных социальных явлений за рубежом в конце XVIII века 121

Данилов И. Б.

Правовая природа и политическая сущность местных бюджетов РСФСР в период НЭПа 123

Лысенков С. Г., Бутов С. В.

Правовые средства борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны 125

Ермилов И. В.

Особенности законодательной политики Петра I в отношении старообрядцев 128

Лоос Е. В., Семенюк Р. А.

Политико-правовые представления о чести и достоинстве личности в Древнем Египте 131

Ляпин Н. М.

Культурно-просветительские организации Нижнего Поволжья в формировании гражданского общества во второй половине XIX – начале XX в.: историко-правовой аспект 133

Михеева С. Н.

Проблемы организации культурно-просветительской работы со спецпереселенцами в Уральской области в начале 30-х годов XX века 135

Миронова О. А., Назаров М. В.

Взаимодействие населения с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: историко-правовой аспект 138

Прысь И. Е.

Историческо-правовой анализ обеспечения реализации личных прав несовершеннолетних, совершивших правонарушения 140

Шалагина С. В., Галиуллина С. Д., Гайнутдинов Р. Р.

К проблеме правового регулирования естественного воспроизводства населения Башкортостана (1945 – 1959 гг.) 142

Сальников А. С.

ОМСБОН НКВД СССР: создание, структура, деятельность 144

Бутов С. В. Подвиг Зои Космодемьянской в юридических документах и доводах фальсификаторов истории Великой Отечественной войны.....	148
Гуляева Т. Б., Гнетова Л. В., Фабричная Л. И. Особенности правовой регламентации проституции в России и за рубежом в конце XVIII века.....	151
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО	
Архипкина А. С., Сницарева Ю. В. Получение субсидий муниципальными образованиями Иркутской области для поддержки молодых семей в решении жилищных проблем.....	153
Белова А. Р. Трансформация права на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общественных отношений.....	157
Темеева Ю. К., Магомедова П. Р. Информационная безопасность как вид национальной безопасности во внутригосударственной сфере РФ.....	160
Маллалиева Г. Г., Алиева З. И. Некоторые аспекты реализации Основного Закона Российской Федерации.....	162
Степанков С. Д. Правовые аспекты использования криптовалют как платежного средства при трансграничных расчетах.....	164
Чистякова О. А. Ограничение жилищных прав как способ влияния на должника.....	168
Буренкова М. А. Особенности реализации и ограничение права на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию в свете современных реалий.....	170
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	
Арбузов А. И., Ломакина М. Г., Ляхов А. В. Правовые аспекты эффективности государственных закупок в войсках национальной гвардии Российской Федерации.....	172
Богатырева Ю. В. Понятие мониторинга правоприменения в деятельности органов внутренних дел, правовые основы деятельности органов внутренних дел по осуществлению мониторинга правоприменения.....	175
Волков В. Ю., Холецкая А. Ю., Миткевич В. Н. Запрет счетов в иностранном банке для муниципальных служащих.....	177
Краснова Е. М. Юрисдикционные полномочия должностных лиц полиции в производстве по делам об административных правонарушениях и их классификация.....	179
Керамова С. Н. Место и роль мировых судов в механизме реализации прав граждан в Российской Федерации.....	182
Ковалишина К. В., Евсикова Е. В. Миграционный учет в системе миграционных правоотношений: теоретический аспект.....	185
Ленский В. М., Кочкарев А. И. Дискуссионные вопросы о понятии и природе административного надзора, устанавливаемого за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.....	187
Евсикова Е. В., Ковалишина К. В. Система миграционного учета в Российской Федерации в условиях цифровизации и ее элементы.....	190
Саранкина Ю. А. Семейно-бытовое дебоширство как одна из форм семейного насилия.....	192
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	
Акрамова А. Т. Проблематика соотношения понятий коммерческого обозначения и товарного знака. Практический аспект.....	194
Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Гражданско-правовое обеспечение отдельных направлений в деятельности УИС.....	198
Бычко М. А., Савченко О. Н. «Недопустимые условия» и «несправедливые условия» в договорах с потребителями: соотношение понятий.....	201
Курбатова Г. В., Цибульская Г. З. Купля-продажа отдельных видов недвижимости: особенности и реализация.....	204
Мазанаев М. Ш., Окунева А. В. Правовое регулирование договора займа.....	206
Гришин С. М., Одинцов С. В. Цифровое здравоохранение в Европейском союзе: регламентация и тенденции развития.....	208
Мирошниченко О. И., Козлова О. Е. Практические аспекты регулирования криптоактивов в Российской Федерации.....	211
Омаева З. К. Понятие и формы защиты наследственных прав.....	214
Никитина А. В., Каленов С. Е. Федеральная территория как субъект гражданского права: проблемы правового регулирования.....	216
Шаповал О. В., Мкртчян А. Л. К вопросу о понятии и особенностях правового режима линейного объекта в РФ.....	219
Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Проблемы цифровизации транспортной отрасли в России.....	222
Аскерли Д. З., Сотников Д. С., Ермолина М. А., Меньшиков П. В. Признание права собственности на самовольную постройку.....	225
Костин А. В. Недействительность сделки, совершённой с целью, противной основам правопорядка или нравственности.....	227
Омаева З. К. Нотариальное удостоверение завещания и приравненных к нему договоров как средства защиты наследственных прав.....	230
Башилов Б. И., Олейник А. Д. Общие вопросы оспаривания подозрительных сделок в процедуре банкротства.....	232
Карпова Ю. С. Цифровая трансформация способов извещения участников процесса в гражданском судопроизводстве: текущее состояние и перспективы.....	235
Проскура Д. С. Судебная защита исключительного права на товарный знак в контекстной рекламе: вызовы цифровой эпохи.....	238
Кузнецов М. Н., Чан Тхи Тхуй Зунг, Динь Тхи Ми Линь О некоторых особенностях урегулирования экологических споров во Вьетнаме.....	242
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
Неверов В. И. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе.....	246
Сахратулаева М. М. Процессуальные особенности рассмотрения групповых исков в гражданском процессе и пути их совершенствования.....	248
ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО	
Яровой А. В. Наем жилого помещения: реализация конституционного права граждан на жилище.....	250
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	
Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Суррогатная мать как субъект правоотношений суррогатного материнства.....	252
Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Негативные социальные и правовые аспекты «фактического брака».....	254
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Магомедов А. М., Магомедова А. Г. Актуальные проблемы специальной дисциплинарной ответственности работников.....	256
Саранкина Ю. А. Роль профсоюза в защите трудовых прав работников: история и современность.....	259
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
Богуславская Н. А. Цели и принципы предоставления государственных кредитов Российской Федерацией: отдельные аспекты правового регулирования.....	261

Еремеев Д. В. Усовершенствование правового регулирования инвестиционной деятельности некоторых категорий государственных служащих Российской Федерации.....	264
Эляков А. Л. Экономико-правовое обоснование совместного создания особой экономической зоны (ОЭЗ) на территориях Российской Федерации.....	266
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	
Алибекова А. М., Абдуллаев Р. М. Некоторые вопросы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в образовательном процессе (на примере Республики Дагестан).....	272
Ибрагимов И. Н., Магдилова Л. В. Административная ответственность за нарушение запрета о продаже алкогольной продукции посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».....	274
Садыкова А. А., Меджидова Х. С. Коммерческая тайна как разновидность информации с ограниченным доступом: отдельные аспекты классификации.....	276
УГОЛОВНОЕ ПРАВО	
Адилев З. А. Проблемы уголовной ответственности за террористический акт в свете современных политических и социальных вызовов.....	278
Алексеев А. М., Студнев А. С., Марченко К. С. Проблемный вопрос, возникающий при документировании преступлений, связанных со взяточничеством.....	280
Беднягина Ю. А. Буллинг: уголовно-правовой и криминологический аспекты.....	282
Биченова А. Р., Максимова Т. А. Преступления несовершеннолетних лиц: понятие, причины и профилактика.....	284
Бондарев С. П., Кангезов М. К. Порядок приема в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке.....	286
Заидова М. У. Усиление ответственности за отдельные преступления против военной службы.....	289
Иликбаева Е. С., Жук А. П. Особенности уголовной ответственности «руферов» и «зацеперов» в Российской Федерации.....	291
Сыч К. А. Меры социальной защиты в связи с концепцией «опасного состояния личности».....	293
Алистанова А. Э., Таилова А. Г., Магомедов Г. Б. Влияние социального неблагополучия в семье на криминогенные ситуации, возникающие в быту между членами семьи.....	295
Адилев З. А. О некоторых проблемах соучастия в неоконченных преступлениях экстремистского и террористического характера.....	298
Магомедалиев М. Ж., Курбанова Д. Н. Современные способы совершения мошенничества в России.....	300
Магомедова Р. М. Вопросы коррупции в системе природопользования.....	302
Мамонтова А. А. Особенности применения примечания к статье 206 УК РФ в условиях захвата заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ.....	304
Милова И. Е., Анисимов А. А., Оськин Е. Д. Некоторые аспекты назначения, процедуры и исполнения домашнего ареста в отношении подозреваемых, обвиняемых по преступлениям экономической направленности.....	306
Пхешхова И. М. Объект и предмет публичного распространения заведомо ложной информации (ст. ст. 207.1 и 207.2 УК РФ).....	309
Новикова Т. Ю., Торопов С. А., Пономарев А. В. Назначение судебных экспертиз по делам, связанным с расследованием преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта.....	311
Рахимкулов Р. А. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа.....	313
Федоров А. Ф., Штаб О. Н. Анализ состояния хищений чужого имущества в Алтайском крае.....	315
Шарипова А. Р. Криминализация распространения заведомо ложной информации о вооруженных силах Российской Федерации (Ст. 207.3 УК РФ).....	318
Гамидова Т. Т. Проблемы превышения необходимой обороны.....	320
Махмутов Т. А. Преступления против правосудия, совершаемые дознавателями, следователями и судьями, как специальные виды должностных преступлений.....	322
Бойцова А. Ю. Общественная опасность как основание криминализации деяний (на примере ч. 1 ст. 284.1 УК РФ).....	325
Машады Д. А., Карташева Е. В., Биченова А. Р. Опасность киберпреступности в современной России.....	328
Семёнов В. В. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем.....	330
Чалаев М. А. К вопросу уголовной политики в период пандемии.....	332
Яхьяев М. Ю., Таилова А. Г., Магдилов Н. М. Должностная преступность сотрудников фискальной службы и основные направления по ее предупреждению.....	334
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Альмов Д. В., Лясковец А. В. Анализ проблемных аспектов тактики предъявления для опознания.....	337
Байрамов Р. Р., Белоусова Е. А., Габдулхаков М. Ф. К вопросу об электронных доказательствах.....	340
Бамматов А. Б., Кухтяева Е. А. Пределы действия во времени норм общей части уголовного кодекса.....	343
Валюлин Р. Р. Об оценке предмета залога, его содержании, управлении им и обеспечении его сохранности, в порядке ст. 106 УПК РФ.....	345
Гришин Д. А., Антипов А. Ю. Цифровизация уголовного судопроизводства как гарантия законности производства отдельных следственных действий.....	348
Грязева Н. В. К вопросу о правовом регулировании проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях уголовно-исполнительной системы.....	350
Иванусенко Ю. Б. Процессуальное значение и тактические особенности осмотра вещественных доказательств.....	352
Кубанов В. В., Черезов А. В. О процессуальных средствах проверки сообщений о преступлениях.....	354
Коблева М. М., Дараселия Е. В. Применение восстановительно-медиативных технологий в работе с несовершеннолетним правонарушителем.....	356
Козлов В. В. Вопросы реализации прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.....	358
Косарева И. А. Доказательственное значение показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.....	360
Краинский А. В. Некоторые аспекты проведения и оценки результатов экспертного эксперимента в судебной экспертизе холодного и метательного оружия.....	362
Макогон И. В., Безверхова С. В. Актуальные аспекты использования в криминалистической деятельности специальных фоноскопических знаний на современном этапе.....	364
Петухова Ж. П. Правоприменительные особенности расследования уголовных дел и приостановления предварительного следствия.....	367
Сафонова Ю. С., Токарева Е. В., Часовникова О. Г. Проблемы правового регулирования отдельных следственных действий.....	369

Сулейманов Т. А., Назаркин Е. В., Новикова Л. В., Масленникова Е. А. Следственная практика получения доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств	371	Иванова Л. А., Шустикова М. В. Особенности осмотра места происшествия и осмотр участков местности.....	416
Прысь Е. В. Предварительное расследование как важнейшая мера предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых должностными лицами.....	373	Машлякевич В. А. Некоторые особенности проведения судебной фоноскопической экспертизы при расследовании мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи.....	418
Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А. Особенности тактики задержания и личного обыска в ходе расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.....	375	Сафонов Д. А. Значение и проблематика исследования предмета преступного посяательства при расследовании незаконной рубки лесных насаждений	420
Хабарова Е. А., Николаева Д. Ю. Доказательственное значение процедуры предъявления для опознания по «общему» образу	377	КРИМИНОЛОГИЯ	
Шамшина О. С. Некоторые аспекты производства проверки показаний на месте	380	Абдулатипов А. М., Урумов А. В. Особенности формирования «спящих ячеек» террористических структур (на примере Республики Дагестан)	422
Шматов В. М. О некоторых аспектах уголовно-процессуальных отношений следователя и органа дознания.....	382	Агаркова Т. К., Гаужаева В. А., Прокофьева Е. В., Ханина Н. В. Общая характеристика наркопреступности в России.....	427
Шувалов Д. Н. К вопросу об интеграции уголовно-процессуальных и криминалистических знаний, применяемых при преодолении противодействия расследованию	384	Колесникова И. Е. Расследование преступлений с помощью средств невербальной коммуникации.....	429
Аскерханова Д. Ю., Кухтяева Е. А. Теоретические основы обеспечения права на защиту на стадии апелляционного производства.....	386	Плотников Д. В., Середа Ю. С., Рагзин Н. С. Вопросы профилактики преступлений о взаимодействии экспертных учреждений со следственными органами и судами по реализации профилактических предложений.....	432
Гриценко Н. С. О понятии коллегиальности состава суда при рассмотрении уголовных дел	388	Кодзокова Л. А., Курлович П. Н., Романюк В. С. Некоторые проблемы виктимологии как криминологической категории.....	434
Цибульская Г. З., Курбатова Г. В. Классификация и виды доказательств в уголовном процессе.....	390	Степаненко Д. А. Формирование криминологических баз данных с использованием технологий блокчейна	436
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		Ступина С. А. Некоторые тенденции преступности в современных условиях	438
Асадов В. В. Отдельные аспекты взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с судами при назначении и исполнении уголовного наказания условно	392	Тугова О. В. Особенности слеодообразования при совершении преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий	441
Борченко В. А., Тулиев И. И. Правовое регулирование оказания юридической помощи осужденным в исправительных учреждениях.....	394	АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	
Бутенко Т. П., Петайчук А. А. Правовое регулирование осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в исправительных учреждениях.....	396	Иваненко И. Н., Миташова А. А. Некоторые вопросы использования искусственного интеллекта в приказном производстве.....	444
Ветрова О. А. Вопросы определения правового положения иностранного гражданина, совершившего преступление на территории России	399	ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Глебова Е. В., Питимирова Е. В. Ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы за неправомерное применение специальных средств и физической силы в рамках гражданско-правовых норм.....	403	Архипов Е. В., Пестерев Н. Н., Лихова А. А. Актуальные проблемы огневой подготовки в органах внутренних дел: теоретические и практические аспекты.....	446
Климюк Л. Я. О некоторых правовых аспектах регулирования трудовой деятельности осужденных к лишению свободы.....	405	Гофман А. А. Особенности освоения дисциплины «Огневая подготовка» при различных формах обучения	448
Кузина Е. В., Климонов П. А. Особенности применения мер взыскания в отношении осужденных к исправительным и обязательным работам.....	407	Калюжная О. В. К вопросу формирования имиджа сотрудников уголовно-исполнительной системы в общественном сознании посредством социальных сетей	450
Соколов А. А. Передача осужденных иностранцев в страны их гражданства как основание освобождения от отбывания наказания в Российской Федерации.....	409	Мансурова З. Р., Асянова С. Р. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников ОВД	452
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		Паращевина Е. А., Куценко Е. С. Роль органов прокуратуры Российской Федерации в противодействии легализации цифровых валют посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий	454
Бузулукский П. В. Проблемы и пути совершенствования исполнения наказания в виде лишения свободы	412	ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР	
КРИМИНАЛИСТИКА		Рудых С. Н. Защита прокурором прав предпринимателей при предоставлении государственных и муниципальных услуг	456
Дворянов И. Б. Особенности личности преступника, осуществляющего незаконную переделку гражданского оружия	414	БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО	
		Нагоева М. А. Актуальные вопросы развития современного международного экстремизма.....	458
		Собалирова З. Х. Социальные сети как информационный ресурс распространения экстремизма	460
		Кодзокова Л. А., Кумехова М. Б. Проблемы распространения наркомании среди молодежи.....	462

Кучмезов Р. А. Интернет-ресурсы как платформа для распространения экстремистских идей	464	ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ	
Малышев С. Я., Киселев Н. Н. Защита сведений, составляющих государственную тайну, от несанкционированного распространения, раскрытия или разглашения	466	Галимуллина Н. А., Фарвазова А. В., Гилязова А. И., Сизоненко З. Л., Сагадиева Д. Х. Материальное стимулирование оплаты труда государственных служащих	507
Нагоева М. А. К вопросу о проблемах предотвращения дорожно-транспортных происшествий в современной России	469	Толикова Е. Э., Макеев А. В. Методика оценки готовности бизнеса к цифровой трансформации	510
Улендеева Н. И., Керопян М. О. Возможности по реализации технологии блокчейн в документообороте учреждений и организаций	471	Уварова М. Н., Польшакова Н. В., Гришина С. Ю. Импортозамещение в сахаропродуктовом подкомплексе как приоритет обеспечения продовольственной безопасности	515
Шогенов Т. М., Федоренко С. П., Войлошников О. Д., Бураева Л. А. Об актуальных вопросах соблюдения мер личной безопасности сотрудниками подразделений по противодействию экстремизму при выполнении оперативно-служебных задач	473	Черемисина Н. В., Черемисина Т. Н., Голомидова П. Н., Пустынникова Е. А. Социально-экономическое положение тамбовской области в кризисные периоды	517
Собалирова З. Х. Меры противодействия распространению экстремистского контента в социальных медиа	475	Аслямова Э. М. Методы оценки эффективности внедрения цифровых технологий в закупочную деятельность в нефтегазовых компаниях	520
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО		Борисов А. О., Низаметдинова Е. А. Перспективы экономической стабилизации топливно-энергетического комплекса России в условиях сужения санкционного кольца	522
Гадиева А. Н. Межэтнический конфликт: от урегулирования до разрешения (на примере осетино-ингушских отношений)	477	Абрамов Н. Р., Самигуллин Р. Р., Абрамова С. Р. Социально-экономические последствия санкционной политики как меры регулирования	524
Фастович Г. Г., Кудашова И. В., Капсаргина С. А. К вопросу о применении информационных технологий в секторе инновационного развития Российской Федерации	480	Хакимов Р. М., Абрамов Н. Р., Нурутдинов А. А. Инерционность социально-экономических систем в контексте устойчивого развития	526
Чупрова В. О., Унтеров В. А. Защита семьи, материнства, отцовства и детства как ключевое направление политики Российской Федерации	482	ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ	
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО		Рудкевич Е. Ю. Наследие Сунь-Цзы и его оценка для современной философии войны	528
Досова А. В., Сидоренко О. В. Дополнительное образование как форма получения профессиональных знаний	484	Рубанцова Т. А. Концепции человека в религиозно-философской традиции средневековья	531
Кильсенбаева Д. Г., Валитова Н. Э., Гареев Э. С., Дунова Р. Р. Анализ коммуникационной политики волонтерских центров на примере «ГАУ Республиканского центра волонтерского движения и поддержки молодежных инициатив»	486	Ворохобов А. В., Уланов М. В. От разумного животного к человеку разумному: основы антропологии И. Канта	533
Краутман Т. Е. Требования к личности педагога вуза МВД России в современных условиях	488	Гайнуллин Р. А., Бикимбетов Р. Г., Вильданов Х. С. Социальное прогнозирование и проектирование социальных систем	535
Латыпова Э. Р., Райманов Р. И. Применение кейс-метода в процессе обучения навыкам межкультурной коммуникации (на примере Китая)	490	Гуторов Ю. А., Плаксин В. А., Спиринов В. К. Евразийская сущность Российской цивилизации в исторической философии евразийцев	538
Маджуга А. Г., Агзамов Р. Р., Самоловов Н. А., Юмагулова Н. И., Елагина М. Ю. Фрактально-голографическое мышление обучающихся: сущность, структура, принципы и механизмы формирования	493	Назарова М. Г. Эсхатологические представления Н. А. Бердяева о судьбе России и мира	540
Озёрский С. В. Особенности преподавания технических дисциплин в вузах ФСИН России	496	Иванова Е. В. Концепт религиозной безопасности и его реализация в образовательной среде	542
Титова О. З. Изучение особенностей культуры речи курсантами образовательных организаций ФСИН России на занятиях по дисциплине «Русский язык в деловой документации»	498	Альшеевская Л. В. Философская онтология в контексте педагогики бытия: теоретико-методологический аспект	544
Семенов В. В., Томас А. В. Влияние спортивно-командного вида – баскетбола на жизнедеятельность сотрудника полиции	500	Ворохобов А. В., Уланов М. В. Основы антропологических воззрений И. Канта (человек как разумное, самосовершенствующееся существо)	547
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО		Галимова Л. Р. Проблема формирования ценностных оснований социализации	549
Нурмухаметова И. Ф., Асафьева Н. В., Давтян В. Г. Специфика адаптационных возможностей сотрудников органов внутренних дел в период ранней взрослости	502	Егорова Ю. Р. Об относительном характере зла	551
Щелконогов Е. Е., Бычков С. Н., Дерюшева О. И., Праницкая Т. О., Семенов К. П. О некоторых психологических концепциях тактики задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления	505	Шилова О. С. Социально-философские проблемы этногенеза русского народа	553
		Шматько А. А. Социально-феноменологическое исследование базовых уровней исторического сознания	556
		Ларюшкин С. А. Проявление национального самосознания в подвиге российских новомучеников (на материале богослужебных текстов)	558
		ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	562

PERSONA GRATA

E. P. Rusakova:

Transformation of the legal paradigm of the civil process in the era of digitalization

Interview with Ekaterina Petrovna Rusakova, Ph.D. in Law, professor, associate professor, associate professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia..... 14

EURASIAN INTEGRATION

Dyachenko E. B.

Influence of the case-law of the Court of the Eurasian Economic Union on law enforcement in the Russian Federation..... 17

INTERNATIONAL LAW

Bogatyrenko I. A.

Historical background and current problems of the universal human rights treaty bodies..... 20

Gigineyshvili M. T.

Main results of 20 years of work of the ICC..... 25

Sun D.

International legal regime for registration of global navigation satellite systems..... 29

Sun D.

International legal responsibility of States for providers of global navigation satellite communication services..... 32

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Talimonchik V. P.

Status of information and communication system operators in private international law..... 35

Berman A. M.

Issues of recognition and enforcement of foreign arbitral awards in the Russian Federation..... 39

Ermakova E. P.

Stages of court informatization in China: versions 1.0, 2.0, 3.0 and 4.0..... 43

Rusakova E. P., Zaytsev V. V.

The development of predict courts' decisions: the US experience..... 48

Tsepova E. A.

Prospects for participation of the Russian Federation in the international exchange of tax information under sanctions..... 51

Miroshnichenko O. I., Kozlova O. E.

On the issue of the legalization of cryptocurrencies in the Russian Federation: general theoretical aspect..... 53

Kupchina E. V.

Digital evidence in international commercial arbitration on intellectual disputes..... 56

Tsepova E. A.

Development in the Russian Federation of cross-border financial control over the individuals' capital movement..... 59

Proskurina D. S.

Problems of court consideration of cases on protection of intellectual rights to trademarks in the digital environment..... 63

Berman A. M., Ershov N. A.

Legalisation of parallel import in the Russian Federation: new opportunities or an uncontrolled element?..... 65

EUROPEAN LAW

Kadyшева O. V.

The effect of the public policy clause on the functioning of the internal market..... 70

THEORY OF STATE AND LAW

Baydarova M. A.

Legal exceptions as an indicator of the development of the labor legislation of the Russian Federation..... 76

Bayniyazova Z. S.

Ensuring the balance of humanistic values and law as a vector of sustainable development of the Russian legal system in the digital Age..... 78

Bokova L. N.

The legal aspect and the main trends in the application and development of information technologies and systems in legal practice..... 80

Glushchenko D. V., Kovtun N. A.

Legal aspects of the use of the don troops and the participation of the don Cossack regiments in the first world war based on the journal of combat operations and legal analysis of their enforcement..... 83

Lanovoy V. G.

Civilization: concept, signs, types..... 85

Kicha M. V.

The modern round of the government crisis in the Republic of Iraq: causes and consequences..... 88

Kozyreva A. B.

Forced sterilization of the disabled as a violation of human rights: bioethical, comparative legal and political and sociological aspects..... 91

Mironova O. A.

Migration processes in Russia: key trends and factors..... 97

Novikova O. I., Rudman M. N.

The problem of universality of social rights and the crisis of the legal state (part 2)..... 99

Suleymanov F. M., Taktaeva Z. R.

Institute of compensation for moral damage: socio-legal aspects..... 101

Ishmukhametov S. R.

On the issue of legal policy as one of the main directions of state policy: theoretical and legal foundations..... 104

Musina K. S.

General trends in formation of legislation in the field of regulating the legal personality of unmanned vehicles in the context of digitalization..... 107

Shvetsov V. V.

Cybersecurity as an element of child protection institution in the XXI century..... 110

Yakimov R. V.

Social networks and instant messengers as the main bearer of the right to censorship in the USA..... 114

HISTORY OF STATE AND LAW

Belyakova A. M.

Ideological reasons for the collapse of the USSR and the Constitution of the Russian Federation..... 116

Gasanova S. A., Aibatov M. M.

The history of the development of Soviet civil law..... 119

Gnetova L. V., Gulyaeva T. B., Fabrichnaya L. I.

Legal regulation of negative social phenomena abroad at the end of the XVIII century..... 121

Danilov I. B.

Legal nature and political essence of the local budgets of the RSFSR during the NEP..... 123

Lysenkov S. G., Butov S. V.

Legal means to combat the falsification of the history of the Great Patriotic War..... 125

Ermilov I. V.

Features of the legislative policy of Peter I in relation to the Old Believers..... 128

Loos E. V., Semenyuk R. A.

Political and legal ideas about the honor and dignity of the individual in Ancient Egypt..... 131

Lyapin N. M.

Cultural and educational organizations of the Lower Volga region in the formation of civil society in the second half of the XIX – early XX century: historical and legal aspect..... 133

MIKHEEVA S. N.

Problems of organizing cultural and educational work with special settlers in the Ural region in the early 30s of the XX century..... 135

Mironova O. A., Nazarov M. V.

Interaction of the population with authorities carrying out operational search activities: historical and legal aspect..... 138

Prys I. E.

Historical and legal analysis of ensuring the implementation of personal rights of minors committed offenses..... 140

Shalagina S. V., Galiullina S. D., Gaynutdinov R. R.

To the problem of legal regulation of natural reproduction of the population of Bashkortostan (1945-1959)..... 142

Sainikov A. S.

OMSBON of the NKVD of the USSR: creation, structure, activity..... 144

Butov S. V. The feat of Zoya Kosmodemyanskaya in legal documents and arguments of falsifiers of the history of the Great Patriotic War	148	Grishin S. M., Odintsov S. V. Digital healthcare in the European Union: regulation and development trends	208
Gulyaeva T. B., Gnetova L. V., Fabrichnaya L. I. Features of the legal regulation of prostitution in Russia and abroad at the end of the XVIII century	151	Miroshnichenko O. I., Kozlova O. E. Practical aspects of crypto assets regulation in the Russian Federation.....	211
CONSTITUTIONAL LAW		Omaeva Z. K. The concept and forms of protection of hereditary rights	214
Arkhipkina A. S., Snitsareva Yu. V. Receiving subsidies by municipalities of the Irkutsk region to support young families in solving housing problems	153	Nikitina A. V., Kalenov S. E. Federal territory as a subject of civil law: problems of legal regulation.....	216
Belova A. R. Transformation of the right to privacy in the conditions of informatization of public relations	157	Shapoval O. V., Mkrtychyan A. L. On the question of the concept and features of the legal regime of a linear object in the Russian Federation.....	219
Temeeva Yu. K., Magomedova P. R. Information security as a type of national security in the domestic sphere of the Russian Federation	160	Ananjeva E. O., Ivliev P. V. Problems of digitalization of the transport industry in Russia	222
Mallalieva G. G., Alieva Z. I. Some aspects of the implementation of the Basic Law of the Russian Federation	162	Askerly D. Z., Sotnikov D. S., Ermolina M. A., Menshikov P. V. Recognition of ownership right to authorized construction	225
Stepankov S. D. Legal aspects of using cryptocurrencies as means of payment in cross-border settlements.....	164	Kostin A. V. Invalidity of a transaction made for a purpose contrary to the rule of law or morality.....	227
Chistyakova O. A. Restriction of housing rights as a way to influence the debtor	168	Omaeva Z. K. Notarization of a will and contracts equated to it as a means of protecting inheritance rights.....	230
Burenkova M. A. Features of the implementation and restriction of the right to unhindered return to the Russian Federation in the light of modern realities.....	170	Bashilov B. I., Oleynik A. D. General questions of challenging suspicious transactions in bankruptcy proceedings.....	232
ADMINISTRATIVE LAW		Karpova Yu. S. Digital transformation of ways of notifying participants of the process in civil proceedings: current status and prospects	235
Arbuzov A. I., Lomakina I. G., Lyakhov A. V. Legal aspects of the effectiveness of public procurement in the troops of the National Guard of the Russian Federation.....	172	Proskurina D. S. Legal protection of the exclusive right to a trademark in contextual advertising: the challenges of the digital age.....	238
Bogatyрева Yu. V. The concept of monitoring law enforcement in the activities of internal affairs bodies, the legal basis of the activities of internal affairs bodies to monitor law enforcement.....	175	Kuznetsov M. N., Chan Thi Thu Zung, Dinh Thi Mi Lin Some aspects of environmental dispute settlement in Vietnam.....	242
Volkov V. Yu., Kholetskaya A. Yu., Mitkevich V. N. Prohibition of accounts in a foreign bank for municipal employees.....	177	CIVIL PROCESS	
Krasnova E. M. The jurisdictional powers of police officials in the proceedings on administrative offenses and their classification	179	Neverov V. I. Actual problems of the prosecutor's participation in the civil process	246
Keramova S. N. The place and role of Magistrates' courts in the mechanism of realization of citizens' rights in the Russian Federation	182	Sakhratulaeva M. M. Procedural features of consideration of class actions in civil proceedings.....	248
Kovalishina K. V., Evsikova E. V. Migration accounting in the system of migration relations: theoretical aspect.....	185	HOUSING LAW	
Lensky V. M., Kochkarev A. I. Debating questions about the concept and nature of administrative supervision established for persons released from places of deprivation of liberty.....	187	Yarovoy A. V. Renting a dwelling: the implementation of the constitutional right of citizens to housing.....	250
Evsikova E. V., Kovalishina K. V. Migration registration system in the Russian Federation in the context of digitalization and its elements	190	FAMILY LAW	
Sarankina Yu. A. Family and household breaking as a form of family violence	192	Kornakova S. V., Chigrina E. V. Surrogate mother as a subject of legal relations of surrogate motherhood	252
CIVIL LAW		Kornakova S. V., Chigrina E. V. Negative social and legal aspects of «de facto marriage».....	254
Akramova A. T. Correlation problem between the concept of commercial designation and trademark. Practical aspect.....	194	LABOR LAW	
Ananjeva E. O., Ivliev P. V. Civil and legal support of certain areas in the activities of the PES.....	198	Magomedov A. M., Magomedova A. G. Actual problems of special disciplinary responsibility of employees.....	256
Bychko M. A., Savchenko O. N. "Unacceptable conditions" and "unfair conditions" in contracts with consumers: the relationship of concepts	201	Sarankina Yu. A. The role of the trade union in the protection of workers' labor rights: history and modernity.....	259
Kurbatova G. V., Tsibulskaya G. Z. Purchase and sale of certain types of real estate: features and realization	204	FINANCIAL LAW	
Mazanaev M. S., Okuneva A. V. Legal regulation of the loan agreement	206	Boguslavskaya N. A. Goals and principles of providing state loans by the Russian Federation: separate aspects of legal regulation	261
		Eremeev D. V. Improving the legal regulation of investment activities of certain categories of civil servants of the Russian Federation	264
		Elyakov A. L. Economic and legal justification for the joint creation of a special economic zone (SEZ) in the territories of the Russian Federation	266

INFORMATION LAW

Alibekova A. M., Abdullaev R. M.

Some issues of ensuring the information security of minors in the educational process (on the example of the Republic of Dagestan) 272

Ibragimov I. N., Magdilova L. V.

Administrative responsibility for violation of the prohibition on the sale of alcoholic beverages via the Internet information and telecommunications network 274

Sadykova A. A., Medzhidova H. S.

Trade secret as a type of information with limited access: some aspects of classification 276

CRIMINAL LAW

Adilov Z. A.

Problems of criminal responsibility for a terrorist act in the light of modern political and social challenges 278

Alekseev A. M., Studnev A. S., Marchenko K. S.

A problematic issue that arises when documenting crimes related to bribery 280

Bednyagina Yu. A.

Bullying: criminal and criminological aspects 282

Bichenova A. R., Maximova T. A.

Crimes of minors: concept, causes and prevention 284

Bondarev S. P., Kangezov M. R.

Procedure for admission to citizenship of the Russian Federation in a simplified procedure 286

Zaidova M. U.

Increased responsibility for certain crimes against military service 289

Ilikbaeva E. S., Zhuk A. P.

Features of criminal liability of "roofers" and "zatsepers" in the Russian Federation 291

Sych K. A.

Social protection measures in connection with the concept of «dangerous state of personality» 293

Alistanova A. E., Tailova A. G., Magomedov H. B.

The influence of social ill-being in the family on criminogenic situations, arising in everyday life between family members 295

Adilov Z. A.

About some problems of complicity in unfinished crimes of extremist and terrorist nature 298

Magomedaliev M. Z., Kurbanova D. N.

Modern ways of fraud in Russia 300

Magomedova R. M.

Corruption in the environmental management system 302

Mamontova A. A.

Features of the application of the note to Article 206 of the Criminal Code of the Russian Federation in the conditions of hostage-taking in institutions of the penal system of the Russian Federation 304

Milova I. E., Anisimov A. A., Oskin E. D.

Some aspects of appointment, procedures and execution of house arrest in relation to suspects, accused by economic crimes 306

Pksheshkhova I. M.

Object and matter of the public dissemination of knowingly false information (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) 309

Novikova T. Yu., Toropov S. A., Ponomarev A. V.

Appointment of judicial examinations in cases related to the investigation of crimes against traffic safety and operation of transport 311

Rakhimkulov R. A.

Criminal liability for encroachment on the life of a law enforcement officer 313

Fedorov A. F., Shtab O. N.

Analysis of the state of theft of other people's property in the Altai territory 315

Sharipova A. R.

Criminalization of dissemination of knowingly false information about the armed forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) 318

Gamidova T. T.

Problems of exceeding the necessary defense 320

Makhmutov T. A.

Crimes against justice committed by interrogators, investigators and judges as special types of official crimes 322

Boytsova A. Yu.

Public danger as a basis for criminalization of acts (on the example of part 1 of article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) 325

Mashady D. A., Kartasheva E. V., Bichenova A. R.

The danger of cybercrime in modern Russia 328

Semyonov V. V.

Features of carrying out operational investigative measures for the disclosure and investigation of crimes related to the legalization (laundering) of criminally obtained funds 330

Chalaev M. A.

On the issue of criminal policy during the pandemic 332

Yakhyaev M. Yu., Tailova A. G., Magdilov N. M.

Official crime of employees of the fiscal service and the main directions for their prevention 334

CRIMINAL PROCESS

Alymov D. V., Lyaskovets A. V.

Analysis of problematic aspects of presentation tactics for identification 337

Bayramov R. R., Belousova E. A., Gabdulkhakov M. F.

On the issue of electronic evidence 340

Bammatov A. B., Kukhtyaeva E. A.

The time limits of the norms of the general part of the Criminal Code 343

Valyulin R. R.

On the assessment of the subject of pledge, its content, its management and ensuring its safety, in accordance with art. 106 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation 345

Grishin D. A., Antipov A. Yu.

Digitalization of criminal proceedings as a guarantee of the legality of individual investigative actions 348

Gryazeva N. V.

On the issue of legal regulation of the verification of reports of crimes and incidents in institutions of the penal system 350

Ivanusenko Yu. B.

Procedural significance and tactical features of the examination of physical evidence 352

Kubanov V. V., Cherezov A. V.

About procedural means of checking messages about crimes 354

Kobleva M. M., Daraselia E. V.

The use of restorative mediation technologies in work with a juvenile delinquent 356

Kozlov V. V.

Issues of the implementation of the rights of persons involved in the production of procedural actions when checking a report of a crime 358

Kosareva I. A.

Evidentiary value of the testimony of a person against whom a criminal case has been separated into a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him 360

Krainsky A. V.

Some aspects of conducting and evaluating the results of an expert experiment in the forensic examination of edged and throwing weapons 362

Makogon I. V., Bezverkhova S. V.

Actual aspects of the use of special phonoscopic knowledge in criminalistics at the present stage 364

Petukhova Zh. P.

Law enforcement features of the investigation of criminal cases and the suspension of the preliminary investigation 367

Safonova Yu. S., Tokareva E. V., Chasovnikova O. G.

Problems of legal regulation of specific investigative actions 369

Suleymanov T. A., Nazarkin E. V., Novikova L. V., Maslennikova E. A.

Investigative practice of obtaining evidence in criminal cases of crimes related to illicit drug trafficking 371

Prys E. V.

Preliminary investigation as the most important measure to prevent economic crimes committed by officials 373

Nazarkin E. V., Suleymanov T. A.

Features of tactics of detention and personal search during the investigation of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in institutions providing isolation from society 375

Khabarova E. A., Nikolaeva D. Yu. The evidentiary value of the presentation procedure for identification by the «general» image.....	377	Plotnikov D. V., Sereda Yu. S., Ragzin N. S. Issues of crime prevention on the interaction of expert institutions with investigative authorities and courts for the implementation of prophylactic proposals	432
Shamshina O. S. Some aspects of on-site verification of readings	380	Kodzokova L. A., Kurlovich P. N., Romanyuk V. S. Some problems of victimology as a criminological category	434
Shmatov V. M. On some aspects of the criminal procedural relations of the investigator and the body of inquiry.....	382	Stepanenko D. A. Formation of criminological databases using blockchain technologies.....	436
Shuvalov D. N. To the question of integration of criminal procedure and criminalistic knowledge during the investigation.....	384	Stupina S. A. Some crime trends in modern conditions.....	438
Askerkhanova D. Yu., Kukhtyaeva E. A. Theoretical foundations of ensuring the right to defense at the stage of appeal proceedings	386	Tutova O. V. Features of trace formation in the commission of crimes in the field of information and communication technologies.....	441
Gritsenko N. S. The concept of collegiality of the composition of the court when considering criminal cases	388	ADMINISTRATIVE JUDICIARY	
Tsibulskaya G. Z., Kurbatova G. V. Classification and types of evidence in criminal proceedings	390	Ivanenko I. N., Mitashova A. A. Some issues of the use of artificial intelligence in order production	444
CRIMINAL-EXECUTIVE LAW		LAW ENFORCEMENT AGENCIES	
Asadov V. V. Selected aspects of interaction of criminal enforcement inspections with the courts in the appointment and execution of a conditional criminal sentence	392	Arhipov E. V., Pesterev N. N., Lihova A. A. Current problems of firearms training in internal affairs bodies: theoretical and practical aspects	446
Borchenko V. A., Tuliev I. I. Legal regulation of the provision of legal assistance to convicts in correctional institutions.....	394	Gofman A. A. “Fire training” in various forms of education: features of mastering.....	448
Butenko T. P., Petaychuk A. A. Legal regulation of public control over the provision of human rights in correctional institutions	396	Kalyuzhnaya O. V. On the issue of forming the image of employees of the penitentiary system in the public mind through social networks.....	450
Vetrova O. A. Issues of determining the legal status of a foreign citizen who has committed a crime on the territory of Russia.....	399	Mansurova Z. R., Asyanova S. R. Professional and psychological training of police officers	452
Glebova E. V., Pitimirova E. V. Liability of employees of the penitentiary system for unlawful use of special means and physical force.....	403	Parashevina E. A., Kutsenko K. S. The role of the prosecution authorities of the Russian Federation in countering the legalization of digital currencies through the use of information and telecommunication technologies.....	454
Klimyuk L. Ya. On some legal aspects of regulating the labor activity of persons sentenced to imprisonment	405	PROSECUTOR'S SUPERVISION	
Kuzina E. V., Klimonov P. A. Features of the application of penalties in relation to those sentenced to corrective and compulsory labor	407	Rudykh S. N. Protection by the prosecutor of the rights of entrepreneurs in the provision of state and municipal services.....	456
Sokolov A. A. Transfer of convicted foreigners to their countries of citizenship as a basis for release from serving sentences in the Russian Federation.....	409	SECURITY AND LAW	
OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES		Nagoeva M. A. Topical issues of the development of modern international extremism.....	458
Buzulukskiy P. V. Problems and ways to improve the execution of punishment in the form of deprivation of liberty.....	412	Sobalirova Z. Kh. Social networks as an information resource for the spread of extremism	460
CRIMINALISTICS		Kodzokova L. A., Kumekhova M. B. Problems of the spread of drug addiction among young people	462
Dvoryanov I. B. The identity of the perpetrator of the unlawful conversion of civilian weapons.....	414	Kuchmezov R. A. Social networks as an information resource for the spread of extremism	464
Ivanova L. A., Shustikova M. V. Features of the inspection of the scene of the accident and the inspection of the site areas	416	Malyshev S. Ya., Kiselyov N. N. Protection of information constituting a state secret from unauthorized dissemination, disclosure or disclosure	466
Mashlyakevich V. A. Some features of the forensic phonoscopic examination in the investigation of fraud committed with the use of telephone communications.....	418	Nagoeva M. A. On the issue of the problems of preventing road accidents in modern Russia.....	469
Safonov D. A. The significance and problems of the research of the subject of criminal encroachment in the investigation of illegal cutting of forest planting	420	Ulendeeva N. I., Keropyan M. O. Opportunities for the implementation of blockchain technology in the document flow of institutions and organizations.....	471
CRIMINOLOGY		Shogenov T. M., Fedorenko S. P., Voyloshnikov O. D., Buraeva L. A. On topical issues of compliance with personal security measures by employees of anti-extremism units when performing operational and official tasks.....	473
Abdulatipov A. M., Urumov A. V. Features of terrorist structures «sleeping cells» formation (on the example of the republic of Dagestan).....	422	Sobalirova Z. Kh. Measures to counter the spread of extremist content on social media.....	475
Agarkova T. K., Gauzhaeva V. A., Prokofieva E. V., Khanina N. V. General characteristics of drug crime in Russia.....	427		
Kolesnikova I. E. Investigation of crimes using non-verbal communication	429		

STATE AND LAW

Gadieva A. N. <i>Interethnic conflict: from settlement to resolution (on the example of Ossetian-Ingush relations)</i>	477
Fastovich G. G., Kudashova I. V., Kapsargina S. A. <i>Application of information technologies in the innovative development sector of the Russian Federation</i>	480
Chuprova V. O., Unterov V. A. <i>Protection of the family, motherhood, fatherhood and childhood as a key policy direction of the Russian Federation</i>	482

PEDAGOGY AND LAW

Dosova A. V., Sidorenko O. V. <i>Additional education as a form of obtaining professional knowledge</i>	484
Kilsenbaeva D. G., Valitova N. E., Gareev E. S., Dunova R. R. <i>Analysis of the communication policy of volunteer centers, on the example of the "GAU Republican center for volunteer movement and support of youth initiatives"</i>	486
Krautman T. E. <i>Requirements for the personality of an instructor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia in modern conditions</i>	488
Latypova E. R., Raymanov R. I. <i>Casestudy method in the process of teaching intercultural communication skills (by the example of China)</i>	490
Madzhuga A. G., Agzamov R. R., Samolovov N. A., Yumagulova N. I., Yelagina M. Yu. <i>Fractal-holographic thinking of students: the essence, structure, principles and mechanisms of formation</i>	493
Ozersky S. V. <i>Features of teaching technical disciplines in universities of the Federal Penitentiary Service of Russia</i>	496
Titova O. Z. <i>Study of speech culture features by cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia in the course "Russian language in business documentation"</i>	498
Semenov V. V., Thomas A. V. <i>The influence of a sports team sport – basketball on the life of a police officer</i>	500

PSYCHOLOGY AND LAW

Nurmukhametova I. F., Asafjeva N. V., Davtyan V. G. <i>Psychological features of the adaptive capabilities of employees of Internal Affairs Agencies</i>	502
Shchelkonogov E. E., Bychkov S. N., Deryusheva O. I., Pranitskaya T. O., Semenov K. P. <i>Detention of persons suspected of committing a crime: physical aspects of ensuring the personal safety of police officers</i>	505

ECONOMY. LAW. SOCIETY

Galimullina N. A., Farvazova A. V., Gilyazova A. I., Sizonenko Z. L., Sagadieva D. H. <i>Material incentives for the remuneration of civil servants</i>	507
Tolikova E. E., Makeev A. V. <i>Business readiness assessment methodology towards digital transformation</i>	510
Uvarova M. N., Polshakova N. V., Grishina S. Yu. <i>Import substitution in the sugar sub-complex as a food security priority</i>	515
Cheremisina N. V., Cheremisina T. N., Golomidova P. N., Pustynnikova E. A. <i>Socio-economic situation of the tambov region in times of crisis</i>	517
Aslyamova E. M. <i>Methods for evaluating the effectiveness of the introduction of digital technologies in procurement activities in oil and gas companies</i>	520
Borisov A. O., Nizametdinova E. A. <i>Prospects for economic stabilization of the fuel and energy complex of russia in the context of the narrowing of the sanctions ring</i>	522
Abramov N. R., Samigullin R. R., Abramova S. R. <i>Socio-economic consequences of sanctions policy as regulatory measures</i>	524

Khakimov R. M., Abramov N. R., Nurutdinov A. A. <i>Inertia of socio-economic systems in the context of sustainable development</i>	526
--	-----

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY

Rudkevich E. Yu. <i>The legacy of Sun Tzu and his assessment for the modern philosophy of war</i>	528
Rubantsova T. A. <i>The concept of man in the religious and philosophical tradition of the Middle Ages</i>	531
Vorokhobov A. V., Ulanov M. V. <i>From a rational animal to a rational person: the foundations of I. Kant's anthropology</i>	533
Gaynullin R. A., Bikimbetov R. G., Vildanov Kh. S. <i>Social forecasting and design of societal systems</i>	535
Gutorov Yu. A., Plaksin V. A., Spirin V. K. <i>The Eurasian essence of the Russian civilization in the historiosophy of the Eurasians</i>	538
Nazarova M. G. <i>N. A. Berdyaev's eschatological ideas about the fate of Russia and the world</i>	540
Ivanova E. V. <i>The concept of religious security and its implementation in the educational environment</i>	542
Alshevskaya L. V. <i>Philosophical ontology in the context of the pedagogy of being: theoretical and methodological aspect</i>	544
Vorokhobov A. V., Ulanov M. V. <i>Fundamentals of anthropological views of I. Kant (man as a rational, self-improving being)</i>	547
Galimova L. R. <i>The problem of forming the value bases of socialization</i>	549
Egorova Yu. R. <i>On the relative character of evil</i>	551
Shilova O. S. <i>Socio-philosophical problems of the ethnogenesis of the Russian people</i>	553
Shmatko A. A. <i>Socio-phenomenological study of the basic levels of historical consciousness</i>	556
Laryushkin S. A. <i>Manifestation of national consciousness in the feat of the Russian New Martyrs (based on the material of liturgical texts)</i>	558
INFORMATION FOR AUTHORS	562

Е. П. РУСАКОВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Интервью с Русаковой Екатериной Петровной, доктором юридических наук, доцентом, доцентом кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов.

E. P. RUSAKOVA: TRANSFORMATION OF THE LEGAL PARADIGM OF THE CIVIL PROCESS IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Interview with Ekaterina Petrovna Rusakova, Ph.D. in Law, professor, associate professor, associate professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia.

Русакова Е. П.

Визитная карточка:

Русакова Екатерина Петровна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института РУДН.

Автор более 140 научных работ, 40 из которых опубликованы на английском языке в изданиях, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science: «Current Problems of Digital Justice in the BRICS Countries», «Introduction of Digital Methods of Protection of Rights as a Legal Guarantee of Business Activity in the Modern World (on the Example of China)», «Procedural Standards for Civil Proceedings in China's Internet Courts», «Guidelines for the beginning of civil proceedings in the era of the fourth industrial revolution», «Robotization of Civil Proceedings: Reality or Future», посвященных концепции создания цифрового гражданского правосудия в России и за рубежом. Руководитель научных проектов РФФИ «Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона» (2020-2022 гг.); «Рассмотрение частных правовых споров в странах БРИКС» (2016-2018 гг.); исполнитель в научном проекте Научная Школа «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта» (2022-2023 гг.) (Грант Президента РФ), руководитель научного проекта д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РФ Фролова Е. Е.

– Екатерина Петровна, расскажите пожалуйста, чем вызван Ваш научный интерес к выбранной тематике исследований?

– Сегодня цифровизация стала неотъемлемой частью жизни общества, охватив и социально-экономическую, и правовую, политическую и культурную сферы. Вполне закономерно, что пристальное внимание ученых и практиков привлекает цифровая трансформация общества, публично-правовых и частно-правовых отношений. Динамика научно-технического развития характеризуется высокими темпами роста и выступает триггером возникновения новых отношений и изменения существующих, при которых границы между материальным, цифровым, биологическим мирами постепенно исчезают, порождая объективную необходимость сопровождения сложных социально-экономических и институциональных преобразований в обществе, требующих соответствующей правовой базы и научного обоснования.

Вспоминаю, как на первом курсе, обучаясь на юридическом факультете Российского университета дружбы народов, мне пришлось печатать текст курсовой работы на пишущей машинке, прочувствовав все сложности набора текста, требующего одновременно использования шрифта в различных форматах, а также сопровождающегося сложностями в исправлении опечаток, зачастую путем перепечатывания всей страницы. А сейчас, спустя 20 лет, мы исследуем такие явления как цифровое правосудие, робот-судья, искусственный интеллект в юридической деятельности, о которых никто не мог бы подумать в то время, разве что только после прочтения фантастического романа.

За прошедшие годы изменился не только формат обучения, но и при подобном сверхбыстром развитии информационно-телекоммуникационных технологий возникли вопросы, освещение которых «сложилось» совершенно новые учебные курсы, например, связанные со способами защиты прав и законных интересов граждан и организаций в цифровой форме, изучение которых сейчас осуществляется на

третьем курсе бакалавриата Юридического института Российского университета дружбы народов.

Такие темы как «Использование технологий искусственного интеллекта в юридической практике»; «Киберпространство: юрисдикция разрешения споров»; «Цифровые способы разрешения споров в России и за рубежом» сейчас преподаются в качестве учебных дисциплин и не только, но и становятся предметом научного осмысления ученых.

Продолжая эту мысль, хотела отметить, что на кафедре гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института РУДН реализуются такие масштабные темы, как «Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона», «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта», посвященные судебному способу разрешения споров, в процесс которого интегрированы современные цифровые технологии, причем географический охват исследований поражает воображение. Факт создания технологии искусственного интеллекта коренным образом изменил существующие «правила игры» в экономических и социальных сферах. Переоценке и переосмыслению подвергаются все сферы применения цифровых технологий и искусственного интеллекта и, в первую очередь, это касается системы эффективного отправления правосудия, а также альтернативных способов урегулирования споров.

– А расскажите подробнее о своих научных изысканиях в рамках реализации данных проектов?

– Исследовательский проект «Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона» осуществляется под моим научным руководством, а в состав научного коллектива входят молодые ученые нашей кафедры: к.ю.н. Гроник И. А. и Купчина Е. В. Целями работы являются выработка научных подходов к цифровому судопроизводству с точки зрения права и социологии, а также осуществление анализа закономерностей, тенденций и особенностей правового регулирования технологии искусственного интеллекта в правосудии. Данное сравнительно-правовое исследование

позволит расширить основные подходы для комплексного совершенствования процессуального законодательства в контексте внедрения цифровых технологий в судопроизводство с учетом сохранения социальной функции суда, законодательного закрепления социальных гарантий, обеспечение цифровой безопасности в процессе судебного разбирательства. Проведенное исследование уже позволяет сделать вывод, что цифровые технологии глубоко и прочно проникли в систему отправления правосудия государственными судами изучаемых стран, кардинально изменив всю судебную деятельность, а также процессуальные институты.

Исследовательская работа в рамках научной школы «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта» осуществляется под руководством д.ю.н., профессора, заведующей кафедрой Фроловой Евгении Евгеньевны, а коллектив научной школы составили ведущие ученые кафедры, занимающиеся исследованием данной проблематики: д.ю.н. профессор Кузнецов М. Н., д.ю.н., доцент Бегичев А. В., к.ю.н. доцент Ермакова Е. П., к.ю.н. Башилов Б. И., к.ю.н. Цепова Е. А., а также молодые ученые кафедры: Купчина Е. В., Берман А. М., Карпова Ю. С., Проскуркина Д. С. Коллектив научной школы считает принципиально важным сформировать не только идейно-концептуальный и теоретический каркас научной проблематики исследования и конкретизировать категориально-понятийный аппарат, но и разработать доктринально-правовые положения и модели правовых режимов применения технологии искусственного интеллекта при разрешении споров гражданско-правового характера, что может способствовать созданию адекватной и эффективной системы правосудия. Существует острая необходимость в совершенствовании юридической техники, обеспечивающей фиксацию и нормативное кодирование отношений в цифровую эпоху. В рамках проведенного исследования были выявлены общие для всех изучаемых стран этапы коллаборации технологий «искусственного интеллекта» и человека; различные препятствия на пути внедрения в судебную систему самостоятельных звеньев, специализирующихся на разрешении споров, имеющих тесную связь с сетью «Интернет»; базовые технологии, необходимые для создания «смарт» судов, а также основные тенденции процесса цифровизации гражданского судопроизводства.

– Расскажите тогда, пожалуйста, подробнее какие еще научные темы находятся в фокусе коллектива кафедры?

– Хотелось бы отметить еще один исследовательский проект «Регулирование цифровых прав в России и странах Европейского союза», руководителем которого является д.ю.н., профессор Кузнецов Михаил Николаевич, посвященный проблематике правового регулирования новых объектов цифровых правоотношений, а именно «цифровым правам», «криптовалюте», «токенам». В рамках проекта был проведен научный анализ данных институтов, определена их правовая природа и выработаны их дефиниции, а также разработаны теоретические основы правового режима новых цифровых явлений действительности в экономической сфере, а также выработаны практические решения возникающих проблем правового регулирования «цифровых прав» в России.

Продолжая идею проводимых научных исследований на кафедре, хочется отметить работы д.ю.н., профессора, Заслуженного юриста РФ Безбаха Виталия Васильевича, безвременно ушедшего из жизни в прошлом году, посвященные дополненной реальности и правовому регулированию предпринимательской деятельности (Bezbxh, V. V. *Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations* / V. V. Bezbxh, E. E. Frolova // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. – 2022. – Vol. 254. – P. 29-37), а также искусственному интеллекту в нормативном контексте индустрии 4.0 (Bezbxh, V. V. *Artificial intelligence in the regulatory context of industry 4.0 and epistemological optimism* / V. V. Bezbxh, E. E. Frolova // *Advances in Research on Russian Business and Management*. – 2022. – P. 289-307). В этих работах, вошедших в свою очередь, в цикл совместных работ в рамках научного проекта «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политического и правового развития Российской Федерации в XXI веке» подчеркивалось,

что инвестиции в бизнес, использующий технологии дополненной реальности, уже достигли колоссального уровня. Без применения таких технологий вступившие в эпоху цифровой экономики предпринимательские отношения уже не могут обходиться. Они нуждаются в ясно сформулированных и эффективно применяемых нормах, устанавливающих ответственность за нарушение авторских прав. Предоставление надежной защиты таким правам будет определяться не только ограничением отношений по поводу создания AR-программ и платформ от отношений, связанных с созданием AR-продуктов, но и от выработки достаточно четких критериев охраноспособности тех и других. Такие критерии должны не только учитывать различия в нюансах цифровизируемой реальности, виртуальной и дополненной, но и позволять оценивать уровень творчества, обусловивший создание каждой из них. Однако, выработка надежных и/или эффективных критериев непременно будет определяться совместными усилиями цивилистов и IT-специалистов, поскольку сохраняющаяся пока разобщенность усилий тех и других остаётся в значительной мере контрпродуктивной.

Вспоминая основателя кафедры гражданского права и трудового права (с 2016 года кафедра гражданского права и процесса и международного частного права) РУДН д.ю.н., профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Пучинского Василия Клементьевича, который сформировал и фактически возглавил в российской юриспруденции научное направление, охватывающее проблемы юстиции в развитых и развивающихся государствах, конечно необходимо сказать, что он создал основу уникальных сравнительно-правовых направлений научных исследований на кафедре. Памяти о профессоре В. К. Пучинском служат ежегодно проводимые кафедрой научные конференции, посвященные сравнительному праву и проблемам частноправового регулирования имущественных отношений, в рамках которых осуществляют научную апробацию результатов исследовательской деятельности десятки и сотни аспирантов кафедры из зарубежных стран, география которых поражает воображение: Белоруссия, Китай, Сирия, Вьетнам, Панама, Бразилия, Таджикистан, государства Южной Америки, которые продолжают и после успешной защиты диссертационных исследований научные исследования, не забывая «научные стены», давшие им профессиональный жизненный старт.

На сегодняшний момент коллектив кафедры находится в прекрасной творческой форме и темы, которые я перечислила, являются не единственными, находящимися в фокусе научных интересов. Не обойдены своим вниманием вопросы, связанные с разрешением финансовых споров в странах АТР. По результатам исследовательской работы над данной темой была опубликована коллективная монография ведущих ученых кафедры «Разрешение финансовых споров в странах АТР, изданная в 2019 г., которая посвящена исследованию правового регулирования гражданского судопроизводства, арбитража, медиации и иных форм альтернативного разрешения финансовых споров в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона: Австралии, Гонконге, Индии, Индонезии, Китае, Малайзии, Новой Зеландии, Сингапуре, США, Таиланде, Японии в контексте разрешения финансовых споров.

Буквально годом ранее мы завершили большую работу над научным проектом Научной школы «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке», научным руководителем которого является д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ Фролова Евгения Евгеньевна, участие в котором приняли не только представители кафедры, но и ведущие ученые из Московского государственного университета имени В. М. Ломоносова, Дальневосточного федерального университета, Владивостокского государственного университета. Результатом научных исследований коллектива научной школы стало обоснование нового научного направления, в рамках Стратегии научно-технологического развития РФ, связанного с проблемами гармонизации и конвергенцией социально-культурных и цифровых трендов развития российского общества, прогнозированием динамики и моделированием сценариев развития основных обществен-

ных систем (экономической, политической и правовой) под воздействием сквозных цифровых технологий в контексте обеспечения социокультурной устойчивости и национальной безопасности российского общества XXI веке.

Помимо работы над научными проектами, коллектив кафедры осуществляет научное руководство аспирантами, темы диссертационных исследований которых находятся в фокусе реализуемых тематик. В январе этого года С. С. Исай защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Альтернативные способы урегулирования коммерческих споров в США в практике FINRA», что стало продолжением исследования «Порядок разрешения финансовых споров в странах АТР», а С. А. Воронин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Судебная экспертиза как способ установления фальсификации доказательств в гражданском и арбитражном процессе».

– Вы обрисовали очень интересный и широкий фокус исследований, расскажите, пожалуйста, неужели настолько глубоко интегрированы технические средства в судопроизводство, арбитраж, медиацию?

– Занимаясь исследованием данной проблематики уже более семи лет, я пришла к выводу, что трансформация судебной формы защиты права на цифровую является не только целью, но и уже в ряде сфер жизни становится существующей реальностью современного мира. Широкое внедрение цифровых технологий делает необходимым и обуславливает под их воздействием выработку новых механизмов разрешения гражданско-правовых споров, в которых баланс частноправовых и публично-правовых интересов становится более оптимальным. Загруженность судов в настоящее время зачастую не оправдывает ожиданий граждан, что снижает социальную роль судебных органов. Важно и то, что внедрение новых способов и механизмов в традиционную судебную форму защиты прав и интересов субъектов гражданского оборота поможет сделать ее более эффективной и конкурентоспособной по сравнению с набирающими силу онлайн-способами разрешения споров. Само изменение правовой парадигмы гражданского судопроизводства происходит под воздействием стремительно развивающегося процесса цифровизации.

Опять-таки, если обратиться к зарубежному опыту, в частности, Китая, там уже несколько лет в интернет-судах некоторые дела рассматриваются роботом-судьей, а не человеком. И как ни странно, большая часть населения рассматривает положительно такую перспективу, считая, что в данном случае, наилучшим способом будет реализован принцип верховенства закона, так как алгоритм, записанный в данной программе, при внесении судебного решения основывается только на нормах закона. Нужно ли имплементировать в отечественную правовую доктрину эту идею, думаю, покажет время, но не изучать и попросту игнорировать те или иные практики – непродуктивно.

Происходящая в Российской Федерации постепенная трансформация форм защиты прав и законных интересов из обычного порядка в цифровой формат потребует корректировки существующих основополагающих начал их осуществления, реформирования действующего законодательства в контексте увеличения роли суда в процессе примирения сторон с целью преобразования порядка проведения и повышения привлекательности примирительных процедур, а также закрепления их обязательного осуществления, необходимость более широкого применения такого нового механизма разрешения споров как онлайн производство по судебным делам. Этот механизм пока не имеет точной правовой определенности. Аналогия закона и даже аналогия права как общепринятые способы восполнения пробелов уже не справляются с возникающими пробелами в сфере новых цифровых способах разрешения споров. В этой связи сформулирована задача создания новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный режим для возникновения, развития и применения цифровых технологий в сфере разрешения споров, а также для создания цифрового правосудия в Российской Федерации. Такая среда окажет ещё большее воздействие на право и судопроизводство, в частности, на внесение изменений в отдельные нормативные правовые акты, на дальнейшую регламентацию применения цифровых техно-

логий в сфере урегулирования споров между всеми участниками процесса и обеспечения информационной безопасности интернет пространства в целях противодействия преступлениям и правонарушениям в сфере цифровых технологий за счет создания различных информационных систем безопасности на предприятиях и организациях реального сектора экономики, государственных учреждениях и судах всех уровней.

Этот процесс является неизбежным, поэтому целесообразно обратиться к зарубежному опыту и - по аналогии опыта Китая - принять специальные правила проведения онлайн-судопроизводства, а также дополнить процессуальное законодательство новой доказательственной презумпцией - подлинности электронных данных, сохраненных в блокчейне. Разумно рассмотреть возможность включения в процессуальное законодательство Российской Федерации аналогичной презумпции в свете создания суперсервиса «Правосудие онлайн» на базе электронной платформы «Единого портала государственных услуг», что позволит избежать многих сложностей в процессе доказывания.

Однако, происходящий процесс цифровизации способов разрешения споров имеет своей целью не только повышение эффективности данных механизмов, но и, как показала практика, распространение юрисдикции одного государства на отношения, в том числе, осложненные иностранным элементом, возникающие в процессе урегулирования спора. Так, принятие в Англии и Уэльсе новых арбитражных правил «Правил разрешения цифровых споров» может сделать право Англии и Уэльса основным в регулировании цифровых споров посредством арбитража, причём планируется, что такие арбитражные решения должны исполняться всеми странами-участницами Нью-Йоркской конвенции «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений», правда, конечно с оговорочкой, только в тех странах, где признается онлайн-арбитраж. В любом случае, необходимо развивать онлайн-форму разрешения споров, чтобы не остаться за бортом в мировой «системе координат».

– Что бы Вы хотели пожелать редакции, авторам и читателям нашего журнала?

– Я бы хотела выразить искреннюю благодарность и признательность редакции Евразийского юридического журнала за возможность обратить внимание ученых и практиков к проблеме влияния цифровизации на способы и формы защиты прав и законных интересов. Убедена, что российская правовая наука сможет дать достойный ответ на все глобальные вызовы, связанные с цифровой трансформацией общественных отношений, в том числе на всем евразийском пространстве.

Всем авторам и читателям Евразийского юридического журнала я бы хотела пожелать творческих успехов в их профессиональных начинаниях, признания и дальнейшего роста.

Интервью брали:

**Бондаренко
Александр Викторович**
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

**Лукиянов
Михаил Юрьевич**
ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук,
доцент

ДЬЯЧЕНКО Екатерина Борисовна

кандидат юридических наук, советник судьи Суда Евразийского экономического союза, старший научный сотрудник Института государства и права РАН

ВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА НА ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Право Евразийского экономического союза истолковывается и применяется судами его государств-членов с учетом принципа верховенства правопорядка интеграционного объединения и использования ранее сформулированных позиций Суда ЕАЭС по иным делам. В российской судебной практике получили закрепление как правовые позиции Суда ЕАЭС, сформулированные при разрешении дел в отдельных отраслях права интеграционного объединения, среди которых наиболее часто происходит обращение к подходам в области таможенного регулирования, так и универсальные правовые позиции, прежде всего, касающиеся защиты прав человека. Преодоление проблемных аспектов взаимодействия судебных органов, связанных с неурегулированностью вопроса о пересмотре решения национального суда, по которому применен акт органа ЕАЭС, впоследствии признанный не соответствующим праву интеграционного объединения его судом, предлагается решить посредством внесения изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе.

Ключевые слова: Суд ЕАЭС, судебный диалог, интеграционный правопорядок, новые обстоятельства, защита прав человека и основных свобод.

DYACHENKO Ekaterina Borisovna

Ph.D. in Law, Advisor to the Judge of the Court of the Eurasian Economic Union, senior researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

INFLUENCE OF THE CASE-LAW OF THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION ON LAW ENFORCEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

EAEU law is consistently interpreted and applied by the courts of its Member States taking into account the principle of supremacy of the integration organization's legal order and with the use of the legal findings previously formulated by the EAEU Court in other cases. The Russian case law incorporated both the legal findings of the EAEU Court that were formulated in cases regarding the application of specific areas of integration law, mostly in the field of customs regulation, and universal legal findings concerning, above all, the protection of human rights. The author suggests to overcome the problematic aspects of the interaction between judicial bodies linked to the fact that the possibility of review of a national courts' judgment in which it applied an EAEU act that has been subsequently found to be not in line with the EAEU law by its court by modifying the Treaty on the Eurasian Economic Union.

Keywords: Court of the Eurasian Economic Union, judicial dialogue, legal order of the integration organization, newly discovered facts, protection of human rights.

Отличительной чертой права интеграционного объединения является его применение не только на уровне соответствующего союза государств, а также и в рамках правовых систем его стран-участниц. Подобный процесс обусловлен особенностями правопорядков интеграционных объединений, которые отличают такие свойства как верховенство, прямое действие и непосредственное применение. Ретроспективный анализ интеграционного развития демонстрирует, что впервые упомянутые характеристики были сформулированы Судом Европейского Союза (далее – Суд ЕС) в решениях по делам *Van Gend en Loos*¹, *Costa v. Enel*², *Simmenthal*³ и *Internationale Handelsgesellschaft*⁴. Суд Андского сообщества в решении № 1-IP-87⁵ также придерживался подхода о верховенстве актов, составляющих интеграционный правопорядок. В практике Суда Евразийского экономического союза

(далее – ЕАЭС, Союз)⁶ также сложился консенсус по вопросу о том, что его праву присущи такие свойства, как верховенство, прямое действие и непосредственное применение [1, с. 146; 2, с. 123-133].

Особенности права интеграционного объединения обуславливают его активное применение национальными судами в рамках рассмотрения дел, инициированных частными лицами, чьи права и законные интересы затронуты актами соответствующего объединения. Тот факт, что ключевым актором, уполномоченным толковать наднациональное право, является судебный орган интеграционного объединения, обуславливает для внутрисударственных судов необходимость обращения к его практике, ее восприятие и применение при рассмотрении конкретных дел. Подобные обсто-

1 Суд Европейского союза (далее – Суд ЕС). Решение от 05.02.1963 по делу 26/62, *Van Gend en Loos*.

2 Суд ЕС. Решение от 15.07.1964 по делу 6/64, *Costa v ENEL*.

3 Суд ЕС. Решение от 09.03.1978 по делу 106/77 *Amministrazione delle finanze dello Stato v Simmenthal*.

4 Суд ЕС. Решение от 17.12.1970 по делу C - 11/70. *Internationale Handelsgesellschaft*.

5 Суд Андского сообщества. Решение по делу № 1-IP-87.

6 Суд ЕАЭС. Решение от 21.02.2017 по делу № СЕ-1-1/1-16 по заявлению Российской Федерации против Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-2.16/; консультативное заключение от 04.04.2017 по делу № СЕ-2-1/1-17-БК по заявлению Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/P-1.18/; консультативное заключение от 07.12.2018 по делу № СЕ-2-2/5-18-БК по заявлению Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/P-3.18/ (дата обращения: 17.10.2022).

ательства становятся основанием для зарождения судебного диалога.

Концепция судебного диалога наиболее полно изучена в аспекте взаимоотношений Суда ЕС с судебными органами государств-членов, что обусловлено, в том числе продолжительной историей функционирования данного наднационального органа и значительным объемом накопленной им практики. Обобщение доктринальных позиций, сформулированных в российской и зарубежной науке, позволяет рассматривать судебный диалог как форму обмена позициями и концепциями между различными судебными органами, результатом которого становится взаимное обогащение правовых систем за счет заимствования правовых конструкций и подходов [3, с. 61; 4, р. 547-549; 5, р. 15, 30]. Существует мнение о существовании судебного диалога в двух аспектах: внешнего, который заключается в обмене правовыми позициями суда интеграционного объединения и классических международных судов, а также внутреннего диалога, в рамках которого происходит влияние практики наднационального суда на судебное правоприменение в государствах-членах [6, р. 1-16].

Исследование судебного диалога в аспекте Суда ЕАЭС демонстрирует его активное развитие в рамках т.н. «внутреннего аспекта», которое заключается в восприятии позиций Суда Союза судами государств-членов и, прежде всего, Российской Федерации.

Значительное влияние на российскую правоприменительную практику оказала позиция Суда ЕАЭС, изложенная в консультативном заключении по делу *о пенсиях*, согласно которой в Союзе гарантируется защита прав и свобод на уровне не ниже, чем в национальных конституциях⁷. Процитированный подход нашел отражение в Определении Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд) от 17 июня 2020 года № 303-ЭС20-816, в рамках которого оценке правомерности действий национального таможенного органа предшествовало установление пределов действия во времени классификационного решения Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия). Верховный Суд, применяя пункт 17 Положения о ЕЭК, являющегося приложением № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС, Договор о Союзе), которым установлен общий запрет применения с обратной силой решений ЕЭК, ухудшающих положение лиц, осуществил толкование нормы наднационального права сообразно практике его Суда. При этом ссылка на подходы Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) по вопросу о ретроактивном действии актов публичных органов приведена Верховным Судом лишь в подтверждение позиции, основанной на обращении к практике Суда ЕАЭС. Данный пример наглядно иллюстрирует роль национальных судебных органов в толковании права Союза. Учитывая, что полномочие по обеспечению государствами-членами единообразного применения права Союза пунктом 2 Статута его Суда, являющегося приложением к Договору о ЕАЭС, возложено на Суд Союза, судебному органу государства-члена надлежит избегать собственного толкования нормы права ЕАЭС в ситуации, когда такая норма уже интерпретирована Судом Союза. Наиболее уместным вариантом правовой ар-

гументации в таком случае является воспроизведение правовой позиции Суда ЕАЭС. В рассматриваемом случае ссылку Верховного Суда на практику Конституционного Суда следует рассматривать как проверку того факта, что толкование, осуществленное Судом ЕАЭС, не нарушает конституционные права, гарантированные в Российской Федерации.

Рассмотренный пример примечателен тем, что происходит перенос правовой позиции, сформулированной судом интеграционного объединения в одной сфере, на иную область правового регулирования, что позволяет согласиться с высказываемым в доктрине мнением, согласно которому причина подобного использования подходов Суда Союза кроется в том, что «российские суды понимают право ЕАЭС как единую целостную систему» [7, с. 60].

В рамках оценки влияния на правоприменение в Российской Федерации следует проанализировать консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу *о колесных транспортных средствах*⁸. В данном акте Суд Союза истолковал норму пункта 1 статьи 53 Договора о ЕАЭС о безопасности продукции, выпускаемой в обращение на территории Союза, установив, что она является императивной, а содержащееся в ней требование носит общий характер. Верховный Суд в рамках Определения от 21 мая 2020 года №306-ЭС20-387, по которому оспаривалась законность действий национального таможенного органа, который при проведении таможенного контроля оценивал безопасность ввозимой на таможенную территорию Союза продукции, сослался на упомянутое консультативное заключение Суда ЕАЭС, указав, что отказ таможенного органа в выпуске товара мотивирован, в том числе непредставлением декларантом всех документов, подтверждающих безопасность продукции. Примечательно, что впоследствии данная позиция Суда ЕАЭС использовалась арбитражными судами нижестоящих инстанций для аргументации собственных выводов [7, с. 60].

Что касается влияния практики Суда Союза на правоприменение в арбитражных судах апелляционных и кассационных округов, то обзор данного процесса в горизонте с 2016 года демонстрирует, что если в период 2016-2018 годов российская арбитражная практика опиралась на подходы Суда ЕАЭС, касающиеся толкования норм права Союза в отдельных сферах правоотношений и, прежде всего, в области таможенной классификации [8, с. 91-93], то в настоящее время национальные правоприменители используют преимущественно универсальные позиции Суда ЕАЭС, посвященные уровню защиты прав и свобод, целей определенных отраслей правового регулирования.

Обращаясь к проблемным аспектам диалога между Судом ЕАЭС и национальными судами на примере Российской Федерации, следует отметить невозможность пересмотра решения внутригосударственного суда, при вынесении которого применена норма права Союза, в связи с принятием его Судом акта, аннулирующего подобную норму. В процессуальном законодательстве Российской Федерации достижению подобной цели мог бы способствовать институт пересмотра решения суда по новым обстоятельствам⁹, но в действующих процессуальных кодексах случаи пересмотра

7 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 22.12.2018 по делу №СЕ-2-2/7-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.18/ (дата обращения: 19.10.2022).

8 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 31.10.2019 по делу № СЕ-2-2/4-19 по заявлению ЕЭК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.19/ (дата обращения: 19.10.2022).

9 Часть 4 статьи 392 ГПК РФ, часть 3 статьи 311 АПК РФ, часть 1 статьи 350 КАС РФ.

по новым обстоятельствам сформулированы исчерпывающе и не включают акты, принятые Судом ЕАЭС.

За восемь лет функционирования Суда ЕАЭС в арбитражной практике Российской Федерации имела место лишь одна попытка пересмотреть принятые национальными судами акты в связи с принятием Судом Союза решения о признании нормативно-правового акта ЕЭК не соответствующим праву ЕАЭС. В рамках дела № А46-11894/2014 суд первой инстанции расценил в качестве нового обстоятельства по делу решение Суда ЕАЭС и пересмотрел ранее принятые судебные акты, основанные на применении решения Комиссии о классификации отдельного вида товара, которое признано нарушающим право ЕАЭС его Судом. К сожалению, выводы суда первой инстанции не поддержаны в рамках апелляционного и кассационного пересмотра, а также Верховным судом. Конституционный Суд также не усмотрел в данном случае нарушения Конституции, мотивировав в Определении от 10.02.2022 № 191-О свою позицию отсутствием у решений Суда Союза свойств самоисполнимости и ретроактивности, а с субъективной точки зрения – тем обстоятельством, что решение Комиссии оспорено в Суде ЕАЭС одним лицом, а за пересмотром внутригосударственных решений по новым обстоятельствам обратилось иное лицо [7, с. 62].

Анализ правовой позиции Конституционного Суда свидетельствует о необходимости изменения правового регулирования в Союзе, которое может быть произведено одним из двух способов. В первую очередь, не исключен вариант включения в Статут нормы, согласно которой решение Суда ЕАЭС может рассматриваться в качестве нового или вновь открывшегося обстоятельства в целях судопроизводства в суде государства-члена [7, с. 8, с. 90]. С другой стороны, не менее эффективным представляется дополнение статьи 19 Договора о Союзе, посвященной Суду, положением об обязательстве государства-члена обеспечить наличие в национальном законодательстве нормы, направленной на реализацию во внутригосударственном праве решений Суда ЕАЭС. Следует также согласиться с высказываемой в доктрине точкой зрения, согласно которой «поднятые российскими судами проблемы, связанные с отсутствием у решений Суда Союза свойства исполнимости, ... должны, в первую очередь, решаться путем внесения изменения в Договор о ЕАЭС и наделения Суда правом аннулировать решения Комиссии» [7, с. 62-63].

Проведенный анализ позволил выявить последовательное влияние практики Суда ЕАЭС на внутригосударственное правоприменение, которое выражается как в восприятии позиций по конкретным, отраслевым вопросам, так и с точки зрения универсальных подходов к толкованию права интеграционного объединения.

Обращение к позициям Суда ЕАЭС для национального суда представляет собой элемент правовой аргументации, который предшествует толкованию права Союза самим внутригосударственным судом. Учитывая доктринальную классификацию аргументации на следующие виды: (1) на основе правовой нормы; (2) на основе аналогии; (3) на основе прецедента [9, р. 216], в данном случае обоснованно утверждать о сходстве обращения к подходам суда интеграционного объединения с прецедентной аргументацией.

Элементом, ослабляющим влияние Суда ЕАЭС на внутригосударственную практику, следует признать отсутствие институционализированной взаимосвязи между судом интеграционного объединения и национальными судами, которое приводит к невозможности сослаться на решение Суда Союза в качестве нового обстоятельства, служащего основа-

нием для отмены вступившего в силу решения внутригосударственного суда. Преодолению данной проблемы может содействовать внесение изменений в Договор о ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Чайка К. Л. Глобальный конституционализм или конституционализация права интеграционных объединений? // Государство и право. 2020. № 3.
2. Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 10 (262).
3. Энтин М. Л. Взаимосвязь и взаимозависимость наднационального и национального судьи // Международное правосудие. 2012. № 1 (2).
4. Jacobs F. G. Judicial dialogue and the cross-fertilization of legal systems: the European Court of Justice // Texas International Law Journal. 2003. Vol. 38.
5. Boisson de Chazournes L. Plurality in the fabric of international courts and tribunals: the threads of managerial approach // The European Journal of International Law. 2017. vol. 28. № 1.
6. Rosas A. The European Court of Justice in context: forms and patterns of judicial dialogue // European Journal of Legal Studies. 2007. Vol. 1. № 2.
7. Энтин К. В. Влияние правовых позиций Суда Евразийского экономического союза на правоприменительную практику российских судов по таможенным спорам // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 3.
8. Дьяченко Е., Энтин К. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. 2017. № 3 (23).
9. Walton D. Legal reasoning and argumentation // Handbook of Legal Reasoning and Argumentation ed. by Bongiovanni G., Postema G., Rotolo A., Sartor A., Walton D. Springer, 2016.

БОГАТЫРЕНКО Ирина Андреевна

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗИСП)

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ДОГОВОРНЫХ КОНТРОЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается история создания, формирование и основные направления деятельности договорных контрольных органов по защите прав человека. Отмечаемые государствами и академическим сообществом структурные проблемы договорных органов вызваны во многом сессионным характером их работы. В статье также рассматриваются предлагаемые варианты реформирования договорных органов.

Ключевые слова: договорные органы, права человека, универсальные конвенции по правам человека, реформа договорных органов по правам человека.

BOGATYRENKO Irina Andreevna

postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

HISTORICAL BACKGROUND AND CURRENT PROBLEMS OF THE UNIVERSAL HUMAN RIGHTS TREATY BODIES

The article deals with the background of the human rights treaty bodies, its formation and main activities. Problems of functioning of the treaty body system noted by states and academic community are caused by its sessions. The article also considers proposed reform measures of the treaty bodies.

Keywords: treaty bodies, human rights, human rights treaty body system, universal international human rights treaties, reform of the treaty bodies system.

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, создание на универсальном уровне договорных контрольных органов по соблюдению государствами взятых ими обязательств по защите прав человека рассматривается как одно из величайших достижений в области прав человека¹. Тем не менее необходимо отметить, что деятельность этих органов не лишена недостатков, которые, по признанию многих исследователей, носят системный характер, и обусловлены во многом теми особенностями таких органов, которые изначально были согласованы государствами при их создании.

В настоящее время международное сообщество уделяет большое внимание правам человека. Гарантии и защита прав человека, обеспечение их соблюдения внутри государства – все эти вопросы все более детально регулируются на международном, региональном и национальном уровнях. При этом одной из наиболее серьезных проблем является эффективность таких прав человека, то есть их реальная защита и обеспечение государствами. Сегодня международное право предусматривает различные уровни контроля за соблюдением и надлежащим обеспечением прав человека каждым конкретным государством. Осуществляется такой контроль в рамках региональных судов по правам человека, а на универсальном уровне – договорными контрольными органами, созданными в рамках различных многосторонних договоров о защите прав человека. Для того, чтобы понять механизм работы договорных контрольных органов и оценить их эффективность, необходимо остановиться на вопросе их создания и на проблемах, возникающих при осуществлении органами своих функций.

1. История создания договорных органов

После Второй мировой войны в 1946 году в рамках ООН при Экономическом и социальном совете была создана Комиссия по правам человека, возможность создания которой

предусматривалась статьей 68 Устава ООН. Комиссия по правам человека ООН начала разработку единого документа, который бы содержал основные права человека. При этом позиции государств разошлись в отношении вопроса о юридической силе этого документа: следует ли принять текст документа в виде декларации, носящей рекомендательный характер, или же это должен быть международный договор? В ходе многочисленных дискуссий было решено, что в качестве первого шага в выработке универсального международного документа по правам человека достаточным будет принять документ программного характера, не имеющего обязательной силы, что обеспечит его принятие значительно большим количеством государств, чем в случае с принятием обязательного для государств договора [1, с. 102].

Всеобщая декларация прав человека была принята 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН². В текст документа были включены разнообразные гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права. Несмотря на то, что резолюции ГА ООН не обладают обязательной юридической силой, и действуют скорее в качестве норм «мягкого права», текст Декларации как послужил отправной точкой для разработки документов по правам человека на национальном уровне, так и стал значимым событием в развитии международной защиты прав человека [2, р. 217].

В дальнейшем Комиссия продолжила работу над принятием обязательного для всех государств документа на основе Всеобщей декларации прав человека. Работа в этот период сопровождалась серьезными дискуссиями по наполнению документа конкретными правами, поскольку западные страны стремились в первую очередь закрепить гражданские и политические права, в то время как СССР и его союзники настаивали на более детальной разработке документа по культурным, экономическим и социальным правам. В итоге было принято компромиссное решение подготовить два документа – Пакт о гражданских и политических правах и Пакт об экономических, социальных и культурных правах – и предо-

1 Strengthening the United Nations human rights treaty body system. A report by the United Nations High Commissioner for Human Rights Navanethem Pillay, June 2012. – P. 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.ohchr.org/english/bodies/HRTD/docs/HCRReportTBSStrengthening.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

2 Universal Declaration of Human Rights, G. A. Res. 217A (III), U.N. Doc. A/810, at Art.21, 28, 29, and Preamble (3) (1948).

ставить государствам самим решать, как и в какой очередности эти договоры подписывать [3, с. 304].

Для эффективной реализации положений пактов по правам человека было предложено осуществлять контроль над соблюдением государствами прав, предусмотренных этими пактами. Наиболее оптимальной, лояльной мерой контроля представлялось представление государствами периодических отчетов – докладов о реализации ими положений международных договоров. Однако сразу же возник вопрос: кем будет осуществляться такой контроль? Здесь позиции государств разделились: следует ли представлять такие отчеты в Генеральную Ассамблею ООН или же необходимо создать самостоятельный орган? Против представления докладов в Генеральную Ассамблею выступали следующие аргументы. Во-первых, нецелесообразно представлять доклады в орган, не являющийся участником международного договора³. Во-вторых, ряд государств полагал, что представление отчетности о соблюдении прав человека внутри каждого конкретного государства в ГА ООН шло бы вразрез с пунктом 7 статьи 2 Устава ООН, гласящим, что «Устав ООН ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства»⁴. Другие государства, например, Тунис, возражали против представления докладов в орган, который бы состоял из группы экспертов, выступающих в личном качестве.

При этом некоторые государства вообще ставили под сомнение такую меру контроля как периодические доклады, так как идея отчета об эффективном осуществлении государствами прав человека не согласуется с принципом *pacta sunt servanda* – с тем, что государства должны соблюдать положения международных договоров после их ратификации [4, р. 11].

И пока упомянутые выше дискуссии сопровождали разработку текстов пактов, начиная с 1950-х годов, в 1965 году была принята Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, в рамках которой был создан первый договорный контрольный орган – Комитет, наделенный определенными полномочиями в сфере контроля за осуществлением государствами обязательств в сфере прав человека. Такой контрольный механизм послужил образцом не только для договорных органов в рамках пактов, но и для договорных органов в рамках последующих конвенций по правам человека.

Тем не менее важно отметить, что первоначально только в рамках Пакта о гражданских и политических правах предусматривалось создание Комитета по правам человека, основной задачей которого должно быть стать осуществление контроля за соблюдением государствами гражданских и политических прав, предусмотренных Пактом (в рамках второго Пакта в отсутствие соответствующих положений такой комитет был создан отдельной резолюцией ЭКОСОС лишь в 1985 г.⁵).

Одновременно с принятием Пактов был принят Факультативный протокол к Пакту о гражданских и политических правах, закрепивший процедуру подачи индивидуальных жалоб в создаваемый Комитет по правам человека. Факультативность этого протокола состояла в праве государств стать участником этого Пакта, но при этом не присоединяться к Протоколу. Считается, что в совокупности с Всеобщей декларацией прав человека Пакты составляют международный билль по правам человека. После разработки ключевых документов по правам человека международное сообщество продолжило работу в этом направлении. Целью последующих документов в области прав человека были защита прав отдельных категорий населения (женщин, инвалидов, детей),

а также контроль за соблюдением прав человека в различных областях (запрет пыток, дискриминации).

На сегодняшний день существует 10 договорных органов по правам человека: Комитет по правам человека, наблюдающий за осуществлением Международного пакта о гражданских и политических правах и факультативных протоколов к нему; Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, к компетенции которого относится наблюдение за выполнением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах; Комитет по ликвидации расовой дискриминации в рамках Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, наблюдающий за выполнением Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Комитет против пыток – в рамках Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Подкомитет по предупреждению пыток, учрежденный на основании факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁶; Комитет по правам ребенка, наблюдающий за выполнением Конвенции о правах ребенка и факультативных протоколов к ней; Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей – в рамках Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей; Комитет по правам инвалидов, наблюдающий за выполнением Конвенции о правах инвалидов; Комитет по насильственным исчезновениям наблюдает за выполнением государствами-участниками Конвенции о защите всех лиц от насильственных исчезновений.

2. Полномочия договорных органов

В данном параграфе предлагается рассмотреть, какими полномочиями обладают и как функционируют договорные органы по правам человека.

Все комитеты по правам человека осуществляют две основные контрольные функции. Во-первых, они рассматривают регулярные доклады государств о «принятых ими мерах по претворению в жизнь прав, закрепленных в соответствующем международном соглашении, и о прогрессе, достигнутом в использовании этих прав»⁷. По истечении одного-двух лет после вступления какого-либо из универсальных соглашений о защите прав человека в силу для конкретного государства, оно обязано представить в соответствующий договорный орган первоначальный доклад, в котором отражается существующее положение дел, а также имеющиеся у государства трудности в области прав человека. Периодичность предоставления последующих докладов определяется в зависимости от положений конкретного международного договора или решений комитета. Обычно этот срок занимает от двух до пяти лет. Предоставляемые государствами доклады рассматриваются комитетом при непосредственном обсуждении конкретных вопросов прав человека с делегацией государства; и на основе доклада, диалога с государством и внешней информации комитет выносит заключительные замечания или заключительные комментарии, содержащие рекомендации по принятию необходимых мер в области защиты прав человека, которые государству следует реализовать в течение указанного в замечаниях периода времени. Процедура предоставления государствами докладов стала определяющим фактором в развитии права прав человека. Вводимая изначально в качестве меры по контролю за соблюдением государствами прав человека процедура предоставления докладов преобразовалась в источник

3 Такой позиции придерживались, например, Бельгия, Великобритания.

4 Такова была позиция СССР.

5 ECOSOC, Review of the composition, organization and administrative arrangements of the Sessional Working Group on the Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (28 May 1985) ECOSOC Res. 1985/17.

6 Несмотря на то, что Подкомитет по предупреждению пыток рассматривается в качестве 10-го договорного органа, его роль скорее превентивная, поэтому его полномочия несколько отличаются от полномочий иных комитетов.

7 Статья 40 пакта. Необходимо также отметить, что деятельность по рассмотрению докладов государств является основной для комитетов и занимает около 80 процентов от общего объема их деятельности [9, с. 102].

прав человека и их защиты, подтверждающий закрепленные в международных соглашениях положения [5, р. 178].

Во-вторых, комитет, в том случае, если государство стало участником факультативного протокола в рамках конкретной конвенции, может рассматривать индивидуальные жалобы граждан по вопросу нарушения их прав, закрепленных в данном соглашении.⁸ По результату рассмотрения такого обращения комитет выносит соображение (view), в котором дает рекомендации государству об устранении выявленных нарушений и о выплате заявителю компенсации [6, с. 33]. Здесь также важно отметить, что количество государств, ратифицирующих соответствующие документы, позволяющие гражданам обращаться напрямую в комитеты с заявлениями о нарушении их прав, существенно ниже, чем количество государств, ратифицирующих основные документы по защите прав человека. Так, например, 169 государств ратифицировали Пакт о гражданских и политических правах и лишь 116 государств – факультативный протокол [7, р. 11]. Важно также отметить, что жалобы на действия государства-участника могут подаваться не только физическими лицами, но и государствами. При этом и государство-заявитель, и государство-предполагаемый нарушитель должны признавать компетенцию контрольного органа по принятию таких заявлений.⁹

Как отмечает А. С. Исполинов, эта «триада» была с незначительными вариациями воспроизведена во всех соглашениях о правах человека, причем регулярное представление докладов являлось тем минимумом, на который были согласны все участвующие в них государства [6, с. 34].

Помимо указанных выше основных полномочий, ряд комитетов, обладает и некоторыми другими. Так, комитеты могут выступать с инициативами о проведении конфиденциальных расследований¹⁰ на основании имеющейся у комитетов достоверной информации с обоснованными утверждениями о серьезных, грубых или систематических нарушениях положений конвенций государством-участником. При этом расследования могут проводиться лишь в отношении тех государств, которые признали компетенцию соответствующего комитета по проведению таких расследований. После рассмотрения результатов расследования ответственный комитет передает имеющуюся информацию с сопутствующими рекомендациями государству-участнику.

Другим дополнительным полномочием является процедура раннего реагирования и неотложных действий. Реализация данного полномочия доступна Комитету по ликвидации расовой дискриминации. Целью таких процедур является предотвращение перерастания текущих проблем внутри государства-участника в новые конфликты, а также предотвращение и ограничение масштабов нарушений конвенции.

Кроме того, комитеты могут принимать так называемые замечания/рекомендации¹¹ общего порядка (характера), которые по существу являются толкованием положений соответствующей конвенции в области прав человека и выступают в качестве своеобразного руководства по реализации ее положений.

3. Порядок работы комитетов

Комитеты состоят из 10-25 независимых экспертов в сфере прав человека, которые обладают надлежащим опытом и авторитетом. Наличие юридического образования не является обязательным условием для кандидатов в члены комитетов, что также на практике вызывает ряд вопросов¹². Эксперты предлагаются и избираются государствами-участниками на четырехлетний срок с возможностью последующего переизбрания. Комитеты не являются постоянно действующими органами, и работают на сессионной основе, собираясь несколько раз в год. Так, 2 раза в год проводят сессии Комитет против пыток, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по правам инвалидов, Комитет по насильственным исчезновениям, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, 3 раза в год – Комитет по правам человека и Комитет по правам ребенка. При этом, за исключением платы за период пребывания экспертов на сессиях комитетов и возмещения командировочных расходов, вознаграждение экспертам не выплачивается [6, с. 32].

Однако в деятельности договорных органов существует значительное количество проблем, на которые обращают внимание как международное сообщество в лице государств и органов ООН, так и представители академических кругов. Так, уже спустя несколько лет после создания договорных органов был поставлен вопрос о повышении эффективности их работы¹³. Об этом также неоднократно заявлялось на заседаниях Генеральной Ассамблеи. В резолюциях, посвященных этому вопросу, отмечалось, что необходимо изменить внутренние процедуры в договорных органах с целью увеличения их эффективности¹⁴. На проблему эффективности договорных органов обращал внимание и Генеральный секретарь ООН: в своем докладе он призвал к выработке более координированного подхода к деятельности договорных органов по правам человека¹⁵. В докладе 2005 года Генеральный секретарь ООН заявил о том, что необходимо «разрабатывать и выполнять согласованные инструкции относительно представления докладов во все договорные органы с тем чтобы эти органы могли функционировать в качестве единой системы»¹⁶. Как отмечалось еще в 2000 году система договорных органов испытывает серьезные трудности, характеризующиеся даже как кризис системы [8, р. 3]. К сожалению, на сегодняшний день ситуация практически не изменилась.

Так, основной проблемой договорных органов считается невозможность в силу их сессионной работы (в зависимости от комитета срок сессии составляет от одной до трех недель) рассмотреть в сроки все поступающие доклады государств, что привело к накоплению нерассмотренных докладов, ожидающих своей очереди. Уже в 2005 году, когда государства совершили более 1000 ратификаций, присоединяясь к различным конвенциям по правам человека, комитеты столкнулись с ситуацией, когда за 1 год они должны были рассмотреть в среднем 281 доклад [5, р. 179]. На 77-й сессии Генеральной Ассамблеи был представлен четвертый доклад

12 Подробнее см: [12, с. 156].

13 См., например: Резолюция A/44/668. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N89/255/34/PDF/N8925534.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.11.2022); Резолюция A/52/507. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/281/40/PDF/N9728140.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.11.2022) и др.

14 См., например: A/RES/68/268. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/55/PDF/N1345555.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.11.2022).

15 A/57/387. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unisdr.org/files/resolutions/No258328.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

16 A/59/2005, para. 147. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unisdr.org/files/resolutions/No537567.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

8 Помимо Комитета по правам человека рассматривать индивидуальные жалобы частных лиц могут: Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет против пыток, Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Комитет по правам инвалидов, Комитет по насильственным исчезновениям.

9 До недавнего времени рассмотрение межгосударственных жалоб не встречалось в практике комитетов, однако за последние пять лет несколько жалоб было подано [6, с. 32-33].

10 Комитет против пыток, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по правам инвалидов, Комитет по насильственным исчезновениям.

11 Термин «рекомендации» используется Комитетом по ликвидации расовой дискриминации и Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Генерального секретаря ООН¹⁷, касающийся состояния системы договорных органов по правам человека. По состоянию на 31 декабря 2021 года количество нерассмотренных докладов составило 441, что на 141 % больше, чем по состоянию на 31 октября 2019 года, когда количество нерассмотренных докладов составило 183. На это накладывается другая проблема, а именно несвоевременное представление государствами регулярных докладов. На сегодняшний день лишь 28 из 197 государств не имели просроченных докладов, то есть всего 14 % государств. Для сравнения – в 2019 году 19 % государств вовремя представили доклады. По состоянию на 31 декабря 2021 года 169 государств-участников (86 %) просрочили в общей сложности 591 доклад (226 первоначальных и 365 периодических), 163 (27 %) из которых просрочены более чем на 10 лет¹⁸. С другой стороны, как отмечается в научной литературе, именно благодаря тому, что государства предоставляют доклады с задержками, система мониторинга за осуществлением государствами прав человека все еще не рухнула [8, p. 6].

Срок от предоставления доклада в комитет до его рассмотрения комитетом колеблется в среднем от 17 до 24 месяцев, что выливается в ситуацию, при которой государство, подготовив и направив один доклад, вынуждено готовить следующий доклад, при этом первый доклад все еще не рассмотрен комитетом. В связи с такой периодичностью предоставления – как правило, каждые пять лет, но, например, в рамках Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации срок предоставления периодических докладов составляет два года – качество предоставляемых докладов зачастую оставляет желать лучшего. Более того, отсутствие санкций за несвоевременность предоставления докладов также вносит свой вклад в нарушение государствами сроков предоставления указанных докладов, о чем свидетельствует статистика ООН. Кроме того, поскольку заключения, которые готовят комитеты по итогам рассмотрения докладов, носят рекомендательный характер, едва ли можно говорить об эффективности такой процедуры. Хотя с другой стороны, в научной литературе отмечается, что как раз-таки необязательный характер документов комитетов и способствует неизменному росту числа участников конвенций, «куруемых» договорными органами¹⁹.

Ограниченность времени, которым располагают комитеты, и приоритетность для них рассмотрения именно докладов государств приводит также к задержкам рассмотрения индивидуальных жалоб. В 2018-2019 гг. комитеты принимали в среднем 250 решений в год, в 2020-2021 гг. – 276 решений. За период с 01.01.2021 по 31.12.2021 в различные комитеты подано в общей сложности 399 индивидуальных заявлений²⁰. При этом по состоянию на 31 декабря 2021 года из 1800 индивидуальных жалоб, ожидающих рассмотрения, лишь 420 были обработаны на предмет подготовки и рассмотрения соответствующими комитетами решений о приемлемости к производству и/или по существу. Отсутствие контрольного механизма за исполнением рекомендаций комитетов также не способствует эффективности указанной процедуры.

Говоря о подготавливаемых комитетами замечаниях общего характера, можно выделить следующие недостатки этой процедуры: во-первых, это уже отмеченная выше проблема юридической силы решений, принимаемых комитетами, включая такие замечания. Во-вторых – затянутость подготовки и анализа докладов, на основе которых готовятся замечания общего характера. Кроме того, отдельно вопросом стоит право комитетов толковать соответствующие конвенции и вытекающая из этого легитимность такого толкования.

Еще одной проблемой в функционировании договорных органов в единой системе является совпадение рассматриваемых комитетами вопросов. Так, один и тот же вопрос может быть рассмотрен различными комитетами с точки зрения разных конвенций, что может привести к принятию диаметрально противоположных заключений, а это, в свою очередь, может способствовать фрагментации защиты прав человека на универсальном уровне [9, с. 107]. Более того, такая ситуация приводит к дублированию предоставляемых государством докладов в различные комитеты.

4. Дискуссии о путях реформы договорных органов

В настоящее время ключевым документом в разработке и становлении эффективности договорных органов остается резолюция Генеральной Ассамблеи 68/268 «Укрепление и повышение эффективности функционирования системы договорных органов по правам человека»²¹ (далее также – резолюция 68/268). В резолюции отмечается необходимость предоставления Генеральной Ассамблее один раз в два года всеобъемлющего доклада о состоянии системы договорных органов по правам человека и прогрессе, достигнутом договорными органами по правам человека в деле повышения эффективности и результативности своей работы. Доклад должен включать в себя: информацию о количестве представленных и рассмотренных комитетами докладов и индивидуальных сообщений, о совершенных поездках, о ситуации с отставанием от графика, о достигнутых результатах по повышению эффективности работы, а также о предложениях по мерам, призванным активизировать вовлечение государств-участников в диалог с договорными органами, в том числе вносимых на основе информации и замечаний государств-участников. Вторым важным требованием резолюции 68/268 стал вопрос рассмотрения состояния системы договорных органов по правам человека с целью проанализировать эффективность принятых мер на предмет обеспечения их состоятельности и принять, если потребуется, решение о дальнейших мерах по укреплению и повышению эффективности функционирования системы договорных органов по правам человека.

Во исполнение резолюции 68/268 Управлением Верховного комиссара по правам человека был подготовлен доклад A/75/601²² о процессе рассмотрения состояния системы договорных органов Организации Объединенных Наций по правам человека. Примечательно, что в докладе обращается внимание лишь на процедурные сложности в работе комитетов, а большая часть указанных выше проблем остается вне поля зрения докладчиков. Так, например, авторы доклада полагают, что эффективность работы договорных органов по правам человека может быть повышена за счет внедрения информационных технологий, которые будут применяться как при проведении общих конференций органов, так и при выборе кандидатов в члены комитетов. Неспособность своевременной обработки поступающих докладов государств и заявлений частных лиц предлагается устранить посредством увеличения вспомогательного персонала в комитетах, и, конечно же, увеличения финансирования. Проблему дублирования деятельности комитеты предлагают решать через выработку унифицированного механизма работы²³, при этом речь не идет о том, чтобы выработать механизм распределения спорных вопросов, или хотя бы разработать алгоритмы для выработки единой политики и толкования спорных вопросов. Способствовать улучшению работы договорных органов также может усиление роли председателей комитетов

21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/55/PDF/N1345555.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.11.2022).

22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/321/64/PDF/N2032164.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.11.2022).

23 Например, предлагается перейти на упрощенную систему предоставления периодических докладов, выработать предварительные вопросы, на которые будут опираться государства при подготовке докладов.

17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/3985601?ln=en> (дата обращения: 10.11.2022).

18 П. 14-16 Доклада Генерального секретаря A/77/279.

19 Число ратификаций увеличилось на 13,1 процента (2190 ратификаций по состоянию на 31 декабря 2013 года и 2477 ратификаций по состоянию на 31 декабря 2021 года).

20 П. 19-20 Доклада Генерального секретаря A/77/279.

и проведение между ними совместных встреч. Однако будут ли предлагаемые решения эффективны? Думается, в действительности необходимы более глобальные решения для существующих проблем, что отмечает ряд представителей научного сообщества [10, p. 385-387].

Помимо предложений о различных процедурных изменениях выдвигаются также и более решительные планы реформирования, предусматривающие внесение разной степени изменений в существующие универсальные договоры о правах человека. Так, еще в 1990-х годах впервые прозвучала идея о реорганизации системы договорных органов и создании единого постоянно действующего договорного органа, что может быть дополнено созданием единой конвенции о правах человека, которая заменила бы собой все существующие универсальные договоры, и устранила бы конкуренцию и дублирование между ними²⁴. Примерно в то же время было высказано предложение о создании вместо комитетов Всемирного суда по правам человека, к компетенции которого относилось бы рассмотрение индивидуальных жалоб в связи с нарушением прав по конвенциям по правам человека и принятию обязательных для государств решений [7, p. 36]. Также озвучивается предложение о предоставлении государствами единого/объединенного доклада, который бы рассматривался комитетами одновременно, что, впрочем, не поддерживается самими договорными органами [5, p. 182].

Позиция относительно мягкого реформирования работы договорных органов через процедурные изменения поддерживается, например, Г. Е. Лукьянцевым. По его мнению, «внесение технических и процедурных изменений в модальности функционирования соответствующих механизмов контроля» будет более перспективным шагом в сравнении с реформированием путем внесения изменений в конвенции [9, с. 114]. В то же время А. С. Исполинов считает, что реформирование системы договорных органов путем внесения поправок в международные договоры по правам человека едва ли видится реализуемым вариантом на практике за счет «нежелания государств кардинально усилить существующий контрольный механизм в виде системы работающих сессионно комитетов, принимающих необязательные рекомендации», но при этом отмечает, что обсуждаемые и предлагаемые технические и процедурные изменения в деятельности комитетов могут лишь смягчить кризис, но не успешно его преодолеть [6, с. 38]. А. Е. Конева также полагает, что «недопустимость внесения изменений в правовые основы функционирования договорных органов является одной базовых установок текущего процесса укрепления договорных органов», и что существуют другие возможности для стимулирования государств более активно следовать рекомендациям договорных органов [11, с. 88]. Идею глобального реформирования системы договорных органов – создание единого договорного органа или Всемирного суда по правам человека – российские правоведы не считают реализуемой, поскольку такая идея не поддерживается ни самими государствами, «не готовыми на современном этапе принять такие кардинальные шаги» [11, с. 98], ни комитетами, «не желающими, чтобы их кем-то заменяли» [6, с. 38].

Таким образом, вопрос улучшения эффективности системы договорных органов по-прежнему остро стоит на повестке дня.

Система договорных органов является важной основой международной защиты прав человека. Эта система необходима именно сегодня с учетом всех существующих в мире проблем в области прав человека. В рамках своей деятельности договорные органы воплощают в жизнь положения конвенций по правам человека. Таким образом, на государствах-участниках, а также на всех соответствующих заинтересованных сторонах, включая сами договорные органы, лежит ответственность за то, чтобы система договорных органов оставалась сильной и независимой и становилась все более эффективной и результативной.

Пристатейный библиографический список

1. Исполинов А. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 4 (125). – С. 100-107.
2. Hoover J. Rereading the Universal Declaration of Human Rights: plurality and contestation, not consensus // Journal of Human Rights. – 2013. – Vol. 12. № 2. – Pp. 217-241.
3. Исполинов А. С. Вопросы толкования и применения Пактов о правах человека (к 50-летию принятия) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 1. – С. 303-312.
4. Creamer C., Simmons B. The proof is in the process: self-reporting under international human right treaties // American Journal of International Law. – 2020. – Vol. 5. № 1. – P. 1-50.
5. Johnstone R. Cynical savings or reasonable reform? Reflections on a single unified UN human rights treaty body // Human Rights Law Review. – 2007. – Vol. 7. № 1. – Pp. 173-200.
6. Исполинов А. С. Сила и слабость универсальных договоров о защите прав человека // Российский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 26-43.
7. Lhotský J. Human rights treaty body review. Towards an integrated treaty body system. – 2020. – 99 p.
8. Crawford J. The UN Human Rights Treaty System: A system in crisis? // The future of UN Human Rights Treaty Monitoring / Ed. by Ph. Alston, J. Crawford. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 1-12.
9. Лукьянцев Г. Е. К вопросу о повышении эффективности функционирования договорных органов по правам человека (теоретические и практические аспекты) // Московский журнал международного права. – 2005. – № 4. – С. 101-119.
10. Abashidze A. Koneva A. The process of strengthening the human rights treaty body system: the road towards effectiveness or inefficiency? // Netherlands International Law Review. – 2019. – Vol. 66. № 3. – P. 357-389.
11. Конева А. Е. К вопросу о бесперспективности учреждения всемирного суда по правам человека // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. № 1. – С. 83-101.
12. Тузмухамедов Б. Р. Универсальные договорные органы по правам человека и их место среди международных институтов // Государство и право. – 2021. – № 7. – С. 151-160.

²⁴ По примеру Комитета экспертов Международной организации труда, следящего за исполнением государствами 190 конвенций, принятых МОТ [7, p. 12].

значного ответа, однако стоит привести некоторые факты из практики и размышления ученых, для большего понимания ситуации и извлечения каких-либо выводов.

Идея создания Международного уголовного суда витала с момента принятия Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказания за него 1948 г.³ Проект Статута был представлен в 1950 г. Комиссией международного права, однако Генеральная Ассамблея ООН считала необходимым начать с принятия определения агрессии и Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества⁴. Так, идея создания Международного уголовного суда была отложена не на неопределенный срок. Холодная война в определенной мере способствовала «заморозке» этого проекта. Хотя в конце 1970-х юристы из разных «лагерей» Стоун, Р. Войцель, И. П. Блищенко объединили свои усилия в Международный Фонд по созданию МУС [4, с. 134-147.]. В 1989 г. от Тринидад и Тобаго поступило предложение возобновить работу над Статутом. В 1994 г. по поручению Генеральной Ассамблеи ООН Комиссией международного права был представлен очередной проект. В нем было значительно больше преступлений: туда вошли такие конвенционные преступления, как терроризм и незаконный оборот наркотических средств. Однако в окончательном варианте государства договорились оставить только преступления против человечности, геноцид, военные преступления и агрессию⁵. Первые три преступления сразу получили четкую регламентацию в Статуте и Элементах преступлений, в отличие от агрессии⁶, дефиниция которой была принята в 2010 г. на Конференции в Кампале⁷. 14 декабря 2017 г. Ассамблея государств-участников приняла резолюцию, активизирующую юрисдикцию Международного уголовного Суда в отношении агрессии⁸, с 17 июля 2018 г. она вступила в силу.

Из 123 государств-участников МУС 33 являются африканскими, 19 стран из Тихоокеанского региона, 18 – из Западной Европы, 28 представителей стран Латинской Америки и Карибского бассейна, 25 Восточноевропейских и др.⁹ Три постоянных члена Совета Безопасности ООН (Россия, США и Китай) не являются участниками Римского Статута, что, по мнению Б. Р. Тузмухамедова и В. Н. Ойвина, снижает авторитетность данной организации [5, с. 141-146.]. Хотя Китай принимал активное участие в работе комиссии, в итоге он

проголосовал против принятия Римского Статута¹⁰. США подписали Статут при администрации Б. Клинтона, однако Дж. Буш был настроен против данной организации, что привело к отзыву подписи [2, с. 26]. Российская Федерация изначально подписала Статут. По Поручению Президента РФ от 10 января 2003 года № Пр-48 была создана Межведомственная рабочая группа, однако через некоторое время работа над законопроектом о ратификации была приостановлена, а в 2016 г. Президент принял Распоряжение № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского Статута Международного уголовного суда»¹¹. Здесь же нельзя не отметить вышедшую из Римского Статута Бурунди и заявившую о намерении более не быть участником МУС ЮАР. Поводом для ЮАР стал скандал с бывшим президентом Судана О. Аль-Баширом. МУС обвинил ЮАР в нарушении обязательств по сотрудничеству в поимке обвиняемых¹². Выход Бурунди связан с началом прокурорского расследования преступлений против человечности, совершенных представителями этого государства и группировки «Imbonerakure»¹³.

При создании Римского Статута остро стоял вопрос о субъектах обращения в МУС. В итоге Суд может осуществлять юрисдикцию, если ситуация передается прокурору государством-участником или Советом Безопасности ООН, прокурор также имеет право начать расследование *proprio motu*. Стоит отметить, что в *travaux préparatoires* были ограничены полномочия прокурора. Только государства-участники и Совет Безопасности ООН могли передавать дело Суду [6, с. 145.]. По мнению С. А. Грицаева, тот факт, что по итогам переговоров прокурор получил полномочия инициировать возбуждение дел в МУС является «одним из существенных завоеваний сторонников сильного Суда» и «предвестников возможного усиления полномочий Суда» [7, с. 124-133.]. Однако его ученик М. Р. Юсупов в своем диссертационном исследовании приходит к выводу, что «канцелярия прокурора фактически не является независимой» [8, с. 10]. Особенно наглядно такая зависимость проявляется, когда прокурор, пользуясь правом начать расследование *proprio motu*, нуждается в одобрении Палаты предварительного производства МУС [8, с. 10.]. Так, офис прокурора получил положительный ответ на запрос на проведение расследования по ситуациям в Мьянме / Бангладеш по факту насильственного перемещения и прочих преступлений в отношении народа рохинджа, на Филиппинах вследствие совершенных в рамках государственной кампании «войны против наркотиков» преступлений против человечности, а также в Грузии в связи с вооруженным конфликтом в Южной Осетии¹⁴.

3 Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята Резолюцией ГА ООН 260 (III) В от 9 декабря 1948 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 1.03.2022).

4 Резолюция ГА ООН 898 от 23 февраля 1994 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///Users/mikhailgrekov/Downloads/S_RES_898\(1994\)-RU.pdf](file:///Users/mikhailgrekov/Downloads/S_RES_898(1994)-RU.pdf) (дата обращения: 1.06.2022).

5 Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4.

6 Ч. 2 ст. 5 Римского Статута содержала оговорку, согласно которой «Суд осуществляет юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято ... положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, в которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления».

7 Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда (Кампала, 31 мая – 11 июня 2010 г.). Официальные отчеты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crimeofaggression.info/documents/6/Review-Conference-official-records-RUS.pdf> (дата обращения: 12.06.2022).

8 Резолюция по активизации юрисдикции Международного уголовного Суда в отношении преступления агрессии от 14 декабря 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opiniojuris.org/wp-content/uploads/ICC-ASP-16-L10-ENG-CoA-resolution-14Dec17-1130.pdf> (дата обращения: 12.06.2022).

9 Assembly of State Parties. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asp.icc-cpi.int/> (дата обращения: 1.03.2022).

10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amnesty.org/ar/wp-content/uploads/2021/07/asa170232007en.pdf> (дата обращения: 1.06.2022).

11 Распоряжение № 361-рп от 16.11.2016 г. «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского Статута Международного уголовного суда». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41387> (дата обращения: 1.03.2022).

12 О. Аль-Башир посетил ЮАР, однако не был там задержан. Власти ЮАР ссылались на его иммунитет главы государства от уголовного преследования. Однако сам Статут не допускает ссылки на должностное положение как основание освобождения от ответственности (ст. 27 Римского Статута) // South Africa and Rome Statute. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pgaction.org/ilhr/rome-statute/south-africa.html> (дата обращения: 1.03.2022).

13 Situation in the Republic of Burundi. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/burundi> (дата обращения: 1.03.2022).

14 Официальное уведомление прокурора МУС от 13 октября 2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/iccdocs/otp/Article_15_Application--Notice_to_victims-RUS.pdf (дата обращения: 1.03.2022).

Некоторым авторам видится спорным право государств на обращение в МУС. Они считают, что есть опасность злоупотребления со стороны государств, которые, не желая самим проводить расследование, могут существенно загрузить Суд работой или использовать такую возможность как способ избавления от политических оппонентов [6, с. 166.]. Когда Уганда в 2003 г. передала ситуацию, связанную с Господней Армией сопротивления, прокурор сразу пояснил, что будет расследовать все преступления, произошедшие на Севере Уганды, независимо от того, кто их совершил¹⁵.

Здесь стоит отметить принцип комплиментарной юрисдикции, подразумевающий, что преступления в первую очередь должны расследоваться государствами, и лишь в случае их неспособности, быть переданными в МУС. Данный принцип тесно связан с другим – с принципом *non bis in idem* (никто не может привлекаться дважды по одной причине). В контексте международного правосудия это означает, что лицо несет ответственность либо в национальном суде, либо в международном трибунале. Однако Римский Статут допускает исключение, когда «разбирательство в другом суде: предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС; или по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что, в существующих обстоятельствах, не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию»¹⁶. В качестве примера стоит привести дело Саифа Аль-Ислама Каддафи, ордер на арест которого был выдан МУС еще в 2011 г.¹⁷ Однако ливийские власти не отреагировали на запрос МУС. В частности, 28 июля 2015 г. Каддафи был осужден за преступления против человечности в Суде Триполи к смертной казни. Однако, 12 апреля 2016 г. он был освобожден Законом об амнистии № 6 2015 г.¹⁸ Таким образом, по мнению защиты, Каддафи не может повторно привлекаться к ответственности в МУС, потому что он уже отбыл наказание в Ливии. Однако судьи не пришли к выводу о неприемлемости дела по причине нарушения принципа *ne bis in idem*, потому что Суд Триполи не выполнил приговор окончательно. Также МУС признал Закон № 6 попыткой обхода правосудия и нарушения прав жертв¹⁹.

Как было уже сказано, помимо прокурора и государства-участника инициатором рассмотрения дела в МУС может стать СБ ООН. Причем он может передавать любую ситуацию, даже если государство не является участником МУС. Это вызвало волну критики. Противники данной нормы, ссылаясь на ст. 34 Венской Конвенции о праве международ-

ных договоров, утверждали, что договоры не создают прав и обязанностей для третьего государства без его согласия [9, с. 98]. Однако, полагаем, что данное предписание Статута не противоречит международному праву, ибо зарубежный суд или трибунал могут привлекать к ответственности иностранца на основании принципа территориальной, пассивной персональной или универсальной уголовной юрисдикции. Примерами ситуаций, переданных МУС СБ ООН, являются Ливия и Судан. Оба государства не являются участниками Римского Статута, однако, с подачи Совета Безопасности ООН Палаты предварительного производства дали санкцию для дальнейшего расследования. При этом надо понимать, что подозреваемые по таким делам редко добровольно предстают перед судом, а тот факт, что государство не является участником МУС, лишь усложняет ситуацию с поимкой. Ведь ни на какое содействие в уголовном преследовании со стороны государства рассчитывать не приходится. Дела Кадафи и Аль-Башира – доказательства этого тезиса.

Среди прочих проблем следует упомянуть отсутствие у МУС собственной полиции, которая занималась бы поиском, задержанием и передачей обвиняемых. По этой причине до сих пор скрывается от правосудия лидер Господней Армии Сопротивления Джозеф Кони, ордер на арест которого был выдан еще в 2005²⁰. Недостаточная сплоченность в действиях стран-участниц МУС и невозможность МУС направить свой персонал для задержания обвиняемого привели к тому, что Омар Аль-Башир, будучи президентом Судана, беспрепятственно пересекал границы и посещал различные саммиты и конференции.

На рассмотрении МУС в общей сложности находилось 31 дело, в некоторых случаях с участием нескольких обвиняемых. На скамье подсудимых даже находился действующий президент Кении У. Кеньята²¹. Он не стал принимать попыток сослаться на иммунитет главы государства. Его обвиняли в преступлениях против человечности, однако ввиду нехватки доказательств, дело было прекращено с возможностью возобновления, в случае раскрытия новых обстоятельств.

Первый обвинительный приговор был вынесен в отношении лидера «Патриотических сил освобождения Конго» Т. Лубанги за совершение военных преступлений, в частности в вербовке детей в ряды вооруженной группировки. Судебное разбирательство длилось 6 лет. Все это время Т. Лубанга прибывал в следственном изоляторе. Данный срок был засчитан ему в 14-летний приговор²². Среди оправданных лиц можно назвать конголезских обвиняемых в военных преступлениях Нгуджоло Чуи и Жана-Пьера Бемба Гомбо (последний был частично оправдан)²³. Судебное разбирательство в отношении них длилось 5 и 8 лет (с апелляцией 7 и 10 лет соответственно).

Хотя в юрисдикцию МУС входят только международные преступления (геноцид, агрессия, преступления против человечности и военные преступления), Римский Статут допускает привлечение к ответственности за преступления против отправления правосудия. Прецедентом стало дело кенийского юриста Поля Гичеру, пытавшегося подкупить свидетелей и воспрепятствовать ходу судебного процесса²⁴.

15 Letter of the Prosecutor of 17 June 2004 attached to the Presidency Decision to assign the situation in Uganda to Pre-Trial Chamber II. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2007_02419.PDF (дата обращения: 1.03.2022).

16 Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4.

17 Gaddafi Case information. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/libya/gaddafi#3> (дата посещения: 20.02.2020).

18 Decision on the ‘Admissibility Challenge by Dr. Saif Al-Islam Gaddafi pursuant to Articles 17(1)(c), 19 and 20(3) of the Rome Statute’. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2019_01904.PDF (дата посещения: 20.02.2020).

19 Judgment on the appeal of Mr Saif Al-Islam Gaddafi against the decision of Pre-Trial Chamber I entitled ‘Decision on the “Admissibility Challenge by Dr. Saif Al-Islam Gaddafi pursuant to Articles 17(1)(c), 19 and 20(3) of the Rome Statute” of 5 April. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2020_00904.PDF (дата обращения: 1.06.2022).

20 Kony Case. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/uganda/kony> (дата обращения: 1.06.2022).

21 Prosecutor v. U. Kenyatta, ICC. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/kenya/kenyatta> (дата обращения: 1.05.2022).

22 Lubanga Case. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/drc/lubanga> (дата обращения: 1.03.2022).

23 Bemba Case, Chui Case. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/cases?cases_fulltext=bemba (дата обращения: 1.03.2022).

24 Gicheru Case. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/kenya/gicheru> (дата обращения: 1.06.2022).

МУС стал пионером и ввел новую для международного уголовного процесса фигуру – представителя потерпевших²⁵. Это позволило жертвам стать услышанными в Суде, приблизило их к правосудию и дало большую надежду на достижение справедливости. Ведь зачастую жертвы не знают о ходе судебных разбирательств, проходящих за тысячи километров на протяжении долгих лет после факта совершения преступления.

Помимо возможности быть представленными в Гааге, Римский Статут (ст. 75) предоставляет потерпевшим право на возмещение ущерба, включая реституцию, компенсацию и реабилитацию. Так, одна из самых больших компенсаций за историю МУС в размере 2,7 млн. евро была присуждена за умышленное разрушение в Тимбукту мечетей, составляющих культурное наследие ЮНЕСКО, по делу Аль Махди. Но поскольку сам виновный не располагает такими денежными средствами, компенсация будет выплачиваться за счет Целевого фонда. Последний формируется решением Ассамблеи государств-участников. МУС может пополнять его за счет уплаченных штрафов и конфискованного имущества [ст. 79 Римского Статута].

Завершая краткий анализ деятельности МУС, обозначим еще один упрек в его адрес – обвинение в пристрастном избирательном преследовании [10, с. 12]. Как заявляют А. М. Солнцев и Ж. Б. Букуру, это суд над африканцами [11, с. 332-339]. Смеем не согласиться с данным тезисом. Ввиду политической нестабильности в Африке там происходили кровопролитные государственные перевороты. Более того, с недавних пор офис прокурора занимается изучением ситуации в Грузии, на Украине, в Афганистане, Колумбии, Филиппинах, Мьянме²⁶. В дополнение стоит указать, что состав суда формируется (ч. 8 ст. 36 Римского Статута) с учетом необходимости обеспечения:

- «i) представительства основных правовых систем мира;
- ii) справедливого географического представительства...»²⁷.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на всю критику, подписание Римского Статута стало огромным шагом для человечества к «справедливому миропорядку» [12, с. 14]. К достижениям МУС относятся:

- возможность привлечения к ответственности лиц, виновных в международных преступлениях, вне зависимости от их должностного положения;
- право прокурора инициировать расследование *proprio motu* и возможность передачи дела Советом Безопасности ООН в случаях, когда государство не способно или не желает реагировать на совершенные на его территории или его гражданами преступления;
- исключение из принципа *non bis in idem*, позволяющее рассмотреть дело после вынесения решения национальными судами;
- наличие представителя потерпевших и Целевого фонда для выплат жертвам, что способствует восстановлению справедливости.

Среди проблем МУС можно отметить длительность разбирательства (в среднем 8 лет) и отсутствие механизма принудительной передачи подозреваемого суду. Среди прочего, МУС, к сожалению, так и не стал общепризнанным наднациональным судебным органом. Хотя в него входит 123 государства, три постоянных члена Совета Безопасности ООН не ратифицировали Римский Статут. Таким образом, МУС не имеет рычагов воздействия на них. Возбуждение расследования невозможно

даже с подачи СБ ООН, ввиду права вето, которым с высокой степенью вероятности будет заблокирована любая попытка передать дело суду. Более того, наблюдается тенденция дезинтеграции, некоторые африканские государства утратили доверие к МУС и заявили о своем желании выйти из Римского Статута.

Тем не менее в завершении стоит согласиться с С. А. Грицаевым, заявлявшим, что «принятие Статута МУС и вступление его в силу является самым значительным и наиболее оптимальным, с точки зрения баланса интересов отдельных государств и всего международного сообщества, достижением в развитии международной уголовной ответственности индивидов за совершение международных преступлений. Вместе с тем выявлено, что эффективность такого механизма определяется во многом политической волей государств» [13, с. 8-9].

Пристатейный библиографический список

1. Korman Sh. The right of Conquest: The Acquisition of Territory by Force in International Law and Practice. – Oxford: OUP. 2003. – 352 p.
2. Schabas W. A. An Introduction to the International Criminal Court. 6th Ed. – Cambridge: CUP, 2020. – 640 p.
3. Костенко Н. И. Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции: автореферат дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2002. – 61 с.
4. Трикоз. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы // Журнал Российского права. – 2005. – № 3 (99). – С. 134-147.
5. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. 10 лет Международному уголовному суду // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 6. – С. 141-146.
6. R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmshurst. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. – Cambridge, 2010. – 618 p.
7. Грицаев С. А. Международный уголовный Суд: принципы деятельности, юрисдикция, правила процедуры // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 10. – С. 124-133.
8. Юсупов М.-Б. П. Международно-правовое регулирование деятельности Международного уголовного суда: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 26 с.
9. Scharf, Michael P. The ICC's Jurisdiction Over the Nationals of Non-Party States: A Critique of the U.S. Position. 2001. – Faculty Publications. – 257 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scholarlycommons.law.case.edu/faculty_publications/257 (дата обращения: 25.07.2022).
10. Букуру Ж. Б. Африканские государства и Международный уголовный суд: международно-правовые аспекты взаимодействия: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. – 27 с.
11. А. М. Солнцев, Ж. Б. Букуру. Вопросы легитимности Международного уголовного суда в его отношениях с африканскими государствами в сфере борьбы с международными преступлениями // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 332-339.
12. Богуш Г. И. Международный уголовный суд и проблемы становления международного уголовного правосудия // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. – М.: Европейская Комиссия, 2008. – 791 с.
13. Грицаев С. А. Теоретические аспекты правосудия по Римскому Статуту Международного уголовного суда: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 24 с.

²⁵ Ст. 85-86 Правил процедуры и доказывания. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/RulesProcedureEvidenceEng.pdf#page=32> (дата обращения: 1.06.2022).

²⁶ Situations and cases. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/cases> (дата обращения: 1.03.2022).

²⁷ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4.

СУНЬ Дунпин

аспирант Российского университета дружбы народов

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РЕГИСТРАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ НАВИГАЦИОННЫХ СПУТНИКОВЫХ СИСТЕМ

Специфика развития глобальных навигационных спутниковых систем обуславливает особенности международно-правового режима, установленного в отношении них. Сегодня большая часть вопросов, касающихся глобальных навигационных спутниковых систем, основана на национальных законах стран, обладающих соответствующими системами. Однако, если вопросы ответственности на национальном уровне урегулировать достаточно просто, то вопросы регистрации и эксплуатации коммерческими субъектами таких систем без общего универсального понятийного аппарата и общих механизмов правового регулирования решить сложно.

С учетом существующих тенденций развития глобальных навигационных спутниковых систем и перспектив выхода отдельных стран на данный рынок видится объективно необходимым создание универсальной концепции – концепции единого международно-правового режима регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем. Установление на международном уровне такого подхода может быть реализовано путем издания Руководящего документа по регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем. Издание такого документа должно быть подчинено ряду целей: обеспечение в равной степени охраны космического пространства, а также обеспечение гарантии безопасности использования космического пространства вне зависимости от целей его использования. В содержании данного документа должны быть объединены все существующие требования международного уровня к регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем для государственных субъектов, а также должен быть предусмотрен ряд новых положений для коммерческих субъектов. При этом общие правила должны носить обязательный характер и не должны исключать национального регулирования, поскольку это будет стимулом для государств разрабатывать и принимать на национальном уровне законы, гарантирующие, возмещение вреда в порядке регресса при определенных обстоятельствах.

Ключевые слова: глобальные навигационные спутниковые системы, международное право, национальное право, международно-правовой режим, космического пространство.

SUN Dongping

postgraduate student of the Peoples Friendship University of Russia

INTERNATIONAL LEGAL REGIME FOR REGISTRATION OF GLOBAL NAVIGATION SATELLITE SYSTEMS

The specifics of the development of global navigation satellite systems determine the features of the international legal regime established in relation to such systems. Today, most of the issues related to global navigation satellite systems are based on the national laws of the countries with the corresponding systems. However, if it is quite simple to settle issues of responsibility at the national level, then it is quite difficult to solve the issues of registration and operation of such systems by commercial entities without a common universal conceptual apparatus and a common mechanism of legal regulation.

Considering the existing trends in the development of global navigation satellite systems and the prospects for individual countries to enter this market, it seems objectively necessary to create a universal concept – the concept of a unified international legal regime for the registration and operation of global navigation satellite systems. The establishment of such an approach at the international level can be implemented by issuing a Guidance Document on the Registration and Operation of Global Navigation Satellite Systems. The publication of such a document should be subordinated to a number of goals: ensuring the equal protection of outer space and guaranteeing the safety of the use of outer space, regardless of the purposes of its use, and its content should combine all existing international requirements for the registration and operation of global navigation satellite systems for state entities, and a number of provisions for subjects commercial. At the same time, the general rules should be binding and should not exclude national regulation, since this will encourage States to develop and adopt laws at the national level guaranteeing compensation for harm by way of recourse in certain circumstances.

Keywords: global navigation satellite systems, international law, national law, international legal regime, outer space.

Современный этап общественного развития характеризуется универсализацией и глобализацией международных отношений в различных областях. Универсализация и глобализация выражаются, помимо прочего, в формировании общих правовых подходов к правовому регулированию положений отдельных субъектов общественных отношений, а также в формировании правового статуса отдельных видов пространств. Все вышесказанное в полной мере относится и к области международного космического права.

Глобальные навигационные спутниковые системы функционируют в космическом пространстве на орбитах вокруг Земли, поэтому правовое регулирование вопросов, связанных с такими системами, подпадает под действие общего

свода международного космического права, а также под свой собственный международно-правовой режим.

Специфика развития глобальных навигационных спутниковых систем обуславливает тот факт, что международно-правовые вопросы их эксплуатации так и остаются одними из самых неразрешенных в теории и практике, поскольку существующие противоречия между целыми группами стран привели к тому, что большая часть вопросов в сфере оказания глобальных навигационных услуг и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем основана на национальных законах стран, обладающих соответствующими системами.

На необходимость разработать национальное космическое законодательство указывают и положения отдельных

международных актов в рассматриваемой сфере. Отсюда роль норм национального законодательства стран в контексте общего вопроса международно-правового режима регистрации глобальных навигационных спутниковых систем не может остаться без должного внимания.

В специализированной литературе, посвященной исследуемой проблематике, отмечается первостепенная роль в международном космическом праве национальных норм [2, 5], обусловленная спецификой развития международного космического права, которое начало развиваться в период холодной войны, а также того факта, что основные документы международно-правового уровня, общие для субъектов соответствующих отношений в области международного космического права, большую часть вопросов отдают на откуп нормам национального законодательства конкретного государства [4].

С указанной позицией трудно не согласиться, поскольку основные международно-правовые акты космического права прямо указывают на обязанность государств разработать нормы национального законодательства. Так, например, в статье VI Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, подписанного в городах Вашингтоне, Лондоне, Москве 27.01.1967 года (далее – Договор по космосу 1967 года) содержится прямое указание на то, что деятельность неправительственных юридических лиц в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства-участника Договора. Исходя из буквального толкования вышеприведенных положений можно сделать вывод о том, что государства обязаны разработать соответствующие правила поведения для субъектов рассматриваемой сферы отношений на национальном уровне, в том числе в части установления надлежащего разрешительного режима (это в полной мере относится и к режиму регистрации глобальных навигационных спутниковых систем). Вместе с тем, отсутствие на международном уровне единого понятийного аппарата и концепций по разработке национальных норм в соответствующей сфере привело к разнообразию общих подходов к лицензированию, регистрации и надзору за частной космической деятельностью.

Существующий подход безусловно влияет на то, каким образом соответствующие национальные законы описывают и применяют ключевые понятия о порядке осуществления действий, а также об ответственности. Длительное время такой подход международно-правового регулирования вопросов глобальных навигационных спутниковых услуг связи являлся приемлемым для международных организаций, курирующих соответствующую отрасль, а также для конкретных государств. Однако при существующем уровне коммерциализации спутниковой связи и продолжающейся коммерциализации спутниковой навигации, излишнее правовое регулирование на национальном уровне и отсутствие обязательных для применения субъектами соответствующих отношений правил на международном уровне представляет собой серьезную проблему [3, 5, 7]. Это связано в первую очередь с тем, что понятийный аппарат в нормах международного космического права не получил точного определения, а совокупность норм национального права конкретного государства определяет лишь конкретный порядок деятельности субъектов, являясь при этом надлежащим толкованием норм международного права на национальном уровне.

На сегодняшний день более двух десятков государств, среди которых США, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Австрия, Южная Корея, Франция, установили нормы национального космического законодательства в сфере порядка и особенностей действий коммерческих субъектов в области космического пространства. Однако, если рассматривать непосредственно сферу глобальных навигационных спутниковых систем, то здесь правовой режим действий публичных субъектов может быть закреплен в большей степени на уровне международно-правовых норм.

Особенность первых двух глобальных навигационных спутниковых систем – американской системы GPS и российской системы ГЛОНАСС, которые первоначально разрабатывались для военных целей и до сих пор поддерживаются военно-космическими силами государств, – обозначает то, что наличие норм национального законодательства, касающегося коммерческого использования и применения навигационных спутниковых систем, будет зависеть от того, разрешен ли на государственном уровне свободный доступ частных субъектов к соответствующим сигналам и службам.

С 2014 по 2019 годы Европейский Союз (далее – ЕС) активно экспериментировал с промышленной глобальной навигационной спутниковой системы «Galileo» [8, 9, 10]. Целью разработки такой системы был ввод в эксплуатацию гражданской системы, которая в конечном итоге будет управляться частным субъектом. Предполагалось, что внедрение системы позволит решить проблему в области безопасности ЕС. Однако, с 12 июля 2019 года все спутники группировки на сайте оператора системы «Galileo» были помечены как неработающие, а пользователи системы потеряли возможность получать информацию¹. До настоящего момента проблема работоспособности вышеописанной системы так и не решена. Кроме проблемы работоспособности системы «Galileo» осталась неразрешенной также проблема ее регистрации на национальном уровне ЕС в рамках концепции гражданско-частного партнерства, то есть надлежащий международно-правовой режим регистрации данной системы так и не был установлен.

В США система «Starlink» компании SpaceX с 2019 года используется военными для улучшения точности координат, получаемых от системы GPS, однако «Starlink» в качестве глобальной навигационной спутниковой системы не регистрировалась, поскольку до настоящего момента по законодательству США управление, регистрация и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем находится исключительно в ведении государства [8]. Аналогичным образом складывается и ситуация с глобальной навигационной спутниковой системой в Российской Федерации – все операции с такими системами возможны только в том случае, если они осуществляются публичными, а не частными субъектами (в рассматриваемом случае таким субъектом является Министерство обороны Российской Федерации).

Китай, Япония и Индия² анонсировали создание своих глобальных навигационных спутниковых систем, при этом как именно создание новых систем повлияет на будущий международно-правовой режим в этом секторе, пока до конца не ясно. На международном уровне периодически возникают дискуссии о международно-правовом режиме регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем с целью более качественного и эффективного управления космическим пространством, содействия и координации в части технической совместимости различных систем.

Однако, вопросы национального суверенитета двух глобальных государств, военное использование глобальных навигационных спутниковых систем и аспекты, связанные с безопасностью эксплуатации таких систем, привели к возникновению множества дискуссий, который до сих пор единого разрешения так и не нашли.

С учетом того, что существующая ситуация в области международно-правового регулирования космического пространства характеризуется наличием правового режима, не ограничивающегося исключительно нормами международных договоров в области космического пространства, при этом еще и ориентированного на нормы национального законодательства стран, являющихся по сути толкованием

- 1 Европейская навигационная система Galileo вышла из строя. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/news/t/460243/> (дата обращения: 04.11.2022 г.).
- 2 Китай начал строительство глобальной навигационной системы «Бэйдоу-3». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://avianews.info/kitaj-nachal-stroitelstvo-globalnoj-navigatsionnoj-sistemy-beidou-3/> (дата обращения: 04.11.2022 г.).

общих правил в соответствующей области, возникает вопрос относительно того, как должны быть сформированы национальные нормы, чтобы осуществлялось надлежащее правовое регулирование регистрации глобальных навигационных спутниковых систем коммерческими субъектами.

Как уже было отмечено ранее, две глобальные навигационные спутниковые системы – американская система GPS и российская система ГЛОНАСС – это системы регистрируемые, управляемые и эксплуатируемые в настоящий момент исключительно государственными субъектами, поэтому разработка отдельных норм законодательного регулирования для коммерческих субъектов на национальном уровне, как это предписано правилами Договора о космическом пространстве 1967 года, пока не требуется.

Однако, с учетом того, что сам по себе факт появления глобальной навигационной спутниковой системы не исключен, проблема надлежащего международно-правового режима регистрации данных систем на национальном уровне рано или поздно возникнет.

Исходя из вышесказанного, видится объективно необходимым создание универсальной концепции – концепции единого международно-правового режима регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем. Единство и эффективность работы международно-правовых правил должны базироваться на основных принципах, предъявляемых к международно-правовому регулированию различных сфер общественных отношений – универсализации и дифференциации. Касаемо рассматриваемой сферы общественных отношений принцип универсальных стандартов и принцип дифференциации стандартов будут применимы в зависимости от государства, в чьем ведении будет находиться процесс эксплуатации и регистрации глобальных навигационных спутниковых систем.

Принцип универсальных стандартов предполагает объединение требований к процессу регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем с учетом ориентации на универсальные правила, одинаковые для всех субъектов отношений – коммерческих и государственных, для определения единого понятийного аппарата. Что касается дифференциации стандартов, то в зависимости от государства, в чьем ведении будет находиться процесс эксплуатации и регистрации глобальных навигационных спутниковых систем, на национальном уровне необходимо будет определить лишь специфику привлечения к ответственности за нарушение международно-правового режима соответствующего субъекта (с учетом общих правил об ответственности государства) и порядок, гарантирующий возмещение вреда в порядке регресса государству при определенных обстоятельствах.

Установление на международном уровне такого комплекса стандартов может быть реализовано путем издания Руководящего документа по регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем. Издание такого документа должно быть подчинено ряду целей: обеспечение в равной степени охраны космического пространства и гарантии безопасности использования космического пространства вне зависимости от целей его использования.

Руководящий документ по регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем должен включать в себя уже существующие требования международного уровня к регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем для государственных субъектов, а также предусматривать ряд новых положений для субъектов коммерческих. Помимо правил о регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем, документ должен содержать нормы о предотвращении загрязнения космического пространства; закреплять общие положения об ответственности, возникающей в случае причинения ущерба, связанного с использованием глобальных навигационных спутниковых систем.

При этом общие правила не должны исключать национальное регулирование и должны носить обязательный характер, поскольку космическое пространство является сферой с повышенным уровнем опасности. Тем не менее, вопросы о международно-правовой ответственности коммерческих субъектов

глобальных навигационных спутниковых услуг должны быть делегированы на национальный уровень, так как они являются стимулом по разработке и принятию на национальном уровне законов, гарантирующих возмещение вреда в порядке регресса при определенных обстоятельствах.

Подводя итог, необходимо отметить, что специфика развития глобальных навигационных спутниковых систем обуславливает тот факт, что международно-правовые проблемы их эксплуатации так и остаются одними из самых неразрешенных, поскольку существующие противоречия между целыми группами стран привели к тому, что большая часть вопросов основана на национальных законах стран, обладающих соответствующими системами. Однако, если вопросы ответственности на национальном уровне урегулировать достаточно просто, то вопросы регистрации и эксплуатации коммерческими субъектами таких систем без общего универсального понятийного аппарата и общего механизма правового регулирования решить достаточно сложно.

С учетом существующих тенденций развития глобальных навигационных спутниковых систем и перспектив выхода отдельных стран на данный рынок видится объективно необходимым создание универсальной концепции – концепции единого международно-правового режима регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем. Установление на международном уровне такого комплекса стандартов может быть реализовано путем издания Руководящего документа по регистрации и эксплуатации глобальных навигационных спутниковых систем. Издание такого документа при этом должно быть подчинено ряду целей: обеспечение в равной степени охраны космического пространства и гарантии безопасности использования космического пространства вне зависимости от целей.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, подписанного в городах Вашингтоне, Лондоне, Москве 27.01.1967 года // Ведомости ВС СССР. – 1 ноября 1967 г. – № 44. – Ст. 588. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXV. – М., 1972. – С. 41-45.
2. Абашидзе А. Х., Черных И. А. Роль международного космического права в достижении целей устойчивого развития // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 1. – С. 12-19.
3. Вольнская О. А. Международные политико-правовые аспекты использования космических ресурсов // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 145-154.
4. Исполинов А. Международное космическое право эпохи начала бизнес-колониализации космоса // Международное правосудие. – 2020. – № 4 (36). – С. 22-44.
5. Международное право / В. Граф Витцтум [и др.]; Перевод с немецкого Т. Бекназар, А. Насырова, Н. Спица; Научный редактор, составитель указателя Т. Ф. Яковлева. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 961 с.
6. Штодина И. Ю. Некоторые актуальные вопросы правового обеспечения исследования и использования космоса // Московский журнал международного права. – 2018. – № 2. – С. 71-81.
7. Birnie P., Boyle A. and Redgwell C. International Law and the Environment 2009. – P. 217-218.
8. Dunk F. von der. Asteroid Mining: International and National Legal Aspects // Michigan State International Law Review. – 2017. – № 26. – P. 83-102.
9. Kerrest de Rozavel, A., & von der Dunk, F. G. Liability and insurance in the context of national authorization. In F. G. von der Dunk (Ed.), National space legislation in Europe. – 2011. – P. 125-161.
10. Smith L. J. Legal aspects of satellite navigation. In F. G. von der Dunk (Ed.), Handbook of space law. Cheltenham. – U.K.: Edward Elgar, 2015. – P. 554-617.

СУНЬ Дунпин

аспирант Российского университета дружбы народов

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА ПОСТАВЩИКОВ ГЛОБАЛЬНЫХ НАВИГАЦИОННЫХ СПУТНИКОВЫХ УСЛУГ СВЯЗИ

В статье рассматриваются международно-правовые механизмы ответственности государств за противоправные деяния поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг связи. Автором делается вывод о том, что механизм международно-правовой ответственности государств за вред, причиненный действиями поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг связи, в настоящий момент имеет приоритет и выступает в качестве основного правового инструмента в области международного космического права. В зависимости от специфики регулируемых отношений, в основу соответствующего механизма ответственности закладывается концепция должной осмотрительности («due diligence»), а также концепция строгой ответственности («strict liability»). Концепция должной осмотрительности («due diligence»), в отличие от концепции строгой ответственности («strict liability») ограничивает ответственность государства в отношении третьих сторон при определенных условиях. Однако реализация правил об ограничении ответственности возможна только в случае надлежащих правил регулирования на национальном уровне.

По общему правилу, закрепленному нормами международного права, государство несет абсолютную ответственность за все действия поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг вне зависимости от того, являются такие поставщики государственными или частными субъектами. Однако правила регулирования действий таких поставщиков, равно как и правила контроля и надзора за ними, регулируются уже не нормами международного права, а нормами права национального. От согласованности и совершенства норм национального законодательства в рассматриваемой сфере будет зависеть возможность ограничения ответственности государства в отношении третьих сторон при определенных условиях.

Ключевые слова: глобальные навигационные спутниковые услуги связи, международное право, национальное право, концепция строгой ответственности, концепция должной осмотрительности.

SUN Dongping

postgraduate student of the Peoples Friendship University of Russia

INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF STATES FOR PROVIDERS OF GLOBAL NAVIGATION SATELLITE COMMUNICATION SERVICES

The article examines the international legal mechanisms of State responsibility for the unlawful acts of suppliers of global navigation satellite communication services. The author concludes that the mechanism of international legal responsibility of States for harm caused by actions for suppliers of global navigation satellite communication services currently has priority and acts as the main legal instrument in the field of international space law. Depending on the specifics of the regulated relations, both the concept of due diligence ("due diligence") and the concept of strict liability ("strict liability") are laid in the basis of the corresponding liability mechanism. The concept of due diligence, in contrast to the concept of strict liability, limits the State's liability against third parties under certain conditions. However, the implementation of the rules on limitation of liability is possible only in the case of proper regulations at the national level.

According to the general rule established by the norms of international law, the State bears absolute responsibility for all actions of providers of global navigation satellite services, regardless of whether such providers are public or private entities. However, the rules governing the actions of such suppliers, as well as the rules of control and supervision over them, are no longer regulated by the norms of international law, but by the norms of national law. The possibility of limiting the State's liability against third parties under certain conditions will depend on the consistency and perfection of the norms of national legislation in this area.

Keywords: global navigation satellite communication services, international law, national law, strict liability concept, due diligence concept.

Глобальные навигационные спутниковые услуги связи в международном космическом праве называют прикладным видом космических операций [6, 7]. Активное развитие таких систем и их практическое внедрение началось еще середине 90-х годов прошлого века. И если с этого времени технические возможности глобальных навигационных спутниковых услуг связи значительно продвинулись в перед, то международно-правовые вопросы их эксплуатации так и остаются одними из самых неразрешенных в теории и на практике. Наличие этих проблем связано с общей тенденцией развития международно-правовых отношений последних лет, характеризующейся пренебрежением принципа взаимности, а также со спецификой развития международно-правовых отношений в космической отрасли, характеризующихся наличием ограниченного перечня международно-паровых правил поведения субъектов рассматриваемой сферы общественных отношений [8].

Вместе с тем, глобальные навигационные спутниковые услуги связи являются одной из тех сфер, где с каждым годом все более очевидным становится потребность в разработке более эффективных правил международного правового регулирования, в особенности если это касается ответственности поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг связи. Существующие международно-правовые механизмы ответственности уже давно перестали отвечать специфике таких услуг и предполагают излишнюю ответственность государства за действия отдельных лиц (поставщиков услуг связи).

В целом же проблемы международно-правовой ответственности государств в различных сферах общественных отношений в специализированной литературе рассматриваются давно. При этом отмечается, что общей проблемой международно-правовой ответственности государств является отсутствие кодифицированных международных актов

для соответствующей сферы общественных отношений; отсутствие международного опыта правового регулирования отдельных вопросов; отсутствие гармонизации между нормами национального и международного права [2, 4, 9, 10].

С указанной позицией трудно не согласиться, поскольку попытки кодифицировать правила об ответственности государств предпринимаются уже более ста лет, однако до настоящего момента ни одна из этих попыток не увенчалась успехом [3]. Ряд предложений по кодификации ответственности государств, сформированных после Второй мировой войны, так и остался в статусе предложений.

Кроме того, говоря о международно-правовой ответственности государств в международном праве, необходимо акцентировать внимание на том, что и теоретики, и практики традиционно выделяют две самостоятельные категории международно-правовой ответственности – «ответственность государств» («State responsibility») и «международная ответственность» («international liability») [8].

Различия указанных категорий заключается в правовых последствиях наступления ответственности, а также в обстоятельствах, при которых наступает ответственность государства. Так, «State responsibility» как самостоятельная категория ответственности применяется тогда, когда ответственность предусмотрена нормами международного права в целом. «International liability» предполагает ответственность за вред, причиненный за пределами территории конкретного государства, но в результате такой деятельности, которая осуществлялась на территории этого государства или под его контролем [8].

В целом же международно-правовая ответственность государств определяется в международном праве как некий универсальный режим исполнения обязательств, вытекающих из концепции возмещения вреда, которая основана на общих принципах международно-правовой ответственности государств [3, 8]. Общие принципы международно-правовой ответственности, в свою очередь, структурно представляют собой общие правила, устанавливающие обязательства государства при причинении вреда, а также частные правила, конкретизирующие общие нормы до правовых последствий за нарушение соответствующего обязательства.

Проблематика в области глобальных навигационных спутниковых услуги связи представляет собой одну из областей международного права – международное космическое право, где действует ограниченное количество международных соглашений, поскольку сама отрасль космического права начала развиваться в период холодной войны между двумя крупнейшими блоками стран.

Одним из наиболее значимых актов, определяющих специфику международно-правовых отношений, в том числе ответственность за нарушение в космической сфере, является Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, подписанного в городах Вашингтоне, Лондоне, Москве 27.01.1967 года (далее – Договор по космосу 1967 года).

В контексте настоящего исследования наиболее значимыми являются положения о международно-правовой ответственности государств, закрепленные в статье VI Договора по космосу 1967 года, в которой содержится прямое указание на то, что все государства-участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве вне зависимости от того, какими лицами такая деятельность осуществляется (правительственными органами или неправительственными юридическими лицами). При этом космическая деятельность неправительственных юридических лиц должна проводиться исключительно с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства-участника Договора.

Из буквального толкования статьи VI Договора по космосу 1967 года можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что государства несут международно-правовую ответственность за любую частную деятельность в космическом пространстве, при этом такая «любая частная деятельность» будет приравнена к деятельности конкретного государства,

под чьей юрисдикцией находится лицо, такую деятельность осуществляющее.

Такой механизм международно-правовой ответственности приравнивает действия публичных и частных субъектов к действиям самого государства и устанавливает «негласное правило» необходимости контроля за соответствующей деятельностью на национальном уровне, поскольку государство, в обязанность которого на международном уровне вменено отвечать за действия третьих лиц, должно разработать уже собственный национальный механизм для обеспечения ответственности и осуществления достаточного для этой цели контроля за выдачей разрешений и надзором.

Таким образом, международно-правовая ответственность государства за поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг связи раскрывается в том, что именно государство будет отвечать перед мировым сообществом за действия поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг связи, находящихся под его юрисдикцией вне зависимости от того, является ли такой поставщик правительственным органом или неправительственным юридическим лицом.

В сфере международно-правовой ответственности государств в международном праве выработано несколько концепций вины государства за совершенные противоправные деяния, среди которых: концепция должной осмотрительности («due diligence») и концепция строгой ответственности («strict liability»).

Концепция должной осмотрительности («due diligence») имеет достаточно длительную историю и заключается в соблюдении нейтральной позиции государства, в том числе при принятии мер, необходимых для предотвращения последствий. Если бы мы попытались переложить эту концепцию на сферу ответственности государства за поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг связи, то тогда по правилам, закрепленным международным договором, государству, подписавшему соответствующий договор, было бы предписано действовать таким образом, чтобы исключить причинение ущерба кому-либо. То есть принимать все необходимые меры в части минимизации риска наступления опасных последствий, в нашем случае последствий действий поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг.

При этом в правовой доктрине относительно концепции должной осмотрительности («due diligence») отмечается, что в соответствии с ней на лицо возлагается ответственность за вред, случайно причиненный другим лицам, только в том случае, если этот вред причинен из-за несоблюдения лицом должного стандарта поведения [8]. То есть в рамках концепции должной осмотрительности («due diligence») ответственность государства в отношении третьих сторон ограничена, если вред причинен не по причине несоблюдения должного стандарта поведения.

Исходя из правила об ответственности, закрепленного в статье VI Договора по космосу 1967 года, можно сделать вывод, что концепция должной осмотрительности («due diligence»), в основе которой лежит нежелание государства брать на себя обязательства за третьих лиц, не заложена в основу международно-правовой ответственности государств за поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг. Напротив, международно-правовая ответственность государства за поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг реализуется с помощью концепции строгой ответственности («strict liability»).

Концепция строгой ответственности («strict liability») является полностью противоположной концепции должной осмотрительности («due diligence») и основана на международно-правовых обязательствах государства брать ответственность на себя за действия любых третьих лиц в соответствующей сфере отношений, поэтому такая эта концепция чаще используется в сферах, связанных с принципиально новыми направлениями или сферах с повышенным уровнем опасности.

Необходимо отметить, что Договор по космосу 1967 года является не единственным документом международного уровня, предусматривающим нормы об ответственности

государства за действия лиц, участвующих в космической деятельности, в том числе поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг.

Еще одним не менее значимым документом в обозначенной области является Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, принятая резолюцией 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1971 года¹ (далее – Конвенция 1971 года), которая возлагает на государства ответственность за ущерб, причиненный космическими объектами, независимо от любого участия частных операторов в запуске или эксплуатации этого космического объекта. Исходя из буквального содержания Конвенции 1971 года можно констатировать, что ответственность государства по ней наступает исключительно за ущерб, причиненный космическими объектами, уже находящимися в космическом пространстве, а также запускаемыми в космическое пространство вне зависимости от того, кто является поставщиком глобальных навигационных спутниковых услуг – государство или частное лицо.

Так, например, если бы навигационный космический аппарат «Глонасс-К», запущенный 10 октября 2022 года, упал бы на территорию Китайской Народной Республики (далее – КНР), то КНР имела бы право требовать компенсации на всю сумму ущерба со стороны Российской Федерации, поскольку запуск был произведен с территории нашей страны.

Аналогичным образом, если частная компания из США, например, SpaceX, запустит с территории США спутник Starlink и спутник упадет на территорию Мексики, то последняя имеет право требовать компенсации на всю сумму ущерба со стороны США (поскольку запуск был произведен с территории США), оставляя за последним право требовать всю или часть такой компенсации с компании SpaceX в порядке регресса. Такие положения о международно-правовой ответственности за поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг представляют собой сильный стимул для государств по разработке и принятию на национальном уровне законов, гарантирующих возмещение вреда в порядке регресса при определенных обстоятельствах.

Вместе с тем, применительно к международно-противоправному деянию государства между Конвенцией 1971 года и положениями Договора по космосу 1967 года есть существенные различия - Конвенция 1971 года, в отличие от Договора по космосу 1967 года, разработана на основе концепции должной осмотрительности («due diligence»), предусматривающей освобождение от ответственности в том случае, если вред причинен по причине несоблюдения должного стандарта поведения.

Такой вывод следует из буквального толкования статьи VI Конвенции 1971 года, согласно которой «если причиненный ущерб полностью или частично возник в результате грубой небрежности либо действия или бездействия, совершенных с намерением нанести ущерб со стороны государства-истца, либо физических или юридических лиц, которых оно представляет, то государство, привлекаемое к ответственности, освобождается от нее».

Таким образом, грубая небрежность, выраженная в несоблюдении установленных нормами национального законодательства правил поведения поставщиком глобальных навигационных спутниковых услуг связи, может стать основанием от освобождения государства от международно-правовой ответственности. Однако характеристики того деяния, которое можно истолковать как грубую небрежность, будут лежать в плоскости норм национального законодательства, поскольку конкретные правила поведения поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг обязаны установить государства-участники Конвенции 1971 года. Отсюда можно предположить, что несогласованность и несовершенство норм национального законодательства, регулирующих различные направления деятельности поставщиков глобаль-

ных навигационных спутниковых услуг, могут привести к невозможности государства в отдельных случаях избежать международно-правовой ответственности за действия поставщиков, нарушающие правовые нормы.

Подводя итог, необходимо отметить, что механизм международно-правовой ответственности государств за вред, причиненный действиями поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг связи, в настоящий момент имеет приоритет и выступает в качестве основного правового инструмента в области международного космического права. По общему правилу, закрепленному нормами международного права, государство несет абсолютную ответственность за все действия поставщиков глобальных навигационных спутниковых услуг вне зависимости от того, являются такие поставщики государственными или частными субъектами. Однако правила регулирования действий таких поставщиков, равно как и правила контроля и надзора за ними, регулируются уже не нормами международного права, а нормами права национального. От согласованности и совершенства норм национального законодательства в рассматриваемой сфере будет зависеть возможность ограничения ответственности государства в отношении третьих сторон при определенных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, подписанного в городах Вашингтоне, Лондоне, Москве 27.01.1967 года // Ведомости ВС СССР. – 1 ноября 1967 г. – № 44. – Ст. 588. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXV. – М., 1972. – С. 41-45.
2. Абашидзе А. Х., Черных И. А. Роль международного космического права в достижении целей устойчивого развития // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 1. – С. 12-19.
3. Международное право / В. Граф Витцтум [и др.]; Перевод с немецкого Т. Бекназар, А. Насырова, Н. Спица; Научный редактор, составитель указателя Т. Ф. Яковлева. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 961 с.
4. Birnie P., Boyle A. and Redgwell C. International Law and the Environment. – 2009. – Pp. 217-218.
5. Goodman T. W. To the End of the Earth: A Study of the Boundary between Earth and Space // Journal of Space Law. – 2010. – Pp. 87-114.
6. Filho J. M. The Right of Self-defense in Outer Space // Proceedings of the International Institute of Space Law. – 2011. – Pp. 474-484.
7. Koplou D. A. The Fault Is Not in Our Stars: Avoiding an Arms Race in Outer Space // Harvard International Law Journal. Summer. – 2018. – Vol. 59. – № 2. – Pp. 330-388.
8. Hessbruegge J. The Historical Development of the Doctrines of Attribution and Due Diligence in International Law // International Law and Politics. – 2004. – Vol. 36. Iss. 4. – P. 265 - 306.
9. Tronchetto F. Legal aspects of space resource utilization. Handbook of space law Cheltenham. – U.K.: Edward Elgar. – 2015. – Pp. 782-788.
10. Viikari L. Environmental aspects of space activities. In F. G. von der Dunk (Ed.). Handbook of space law Cheltenham. – U.K.: Edward Elgar. – 2015. – Pp. 717-768.

¹ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 04.11.2022 г.).

ТАЛИМОНЧИК Валентина Петровна

доктор юридических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

СТАТУС ОПЕРАТОРОВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Целью предпринятого в статье исследования является выявление международных правил, регламентирующих статус операторов информационно-коммуникационных систем. При исследовании использовались методы анализа и синтеза, проблемно-теоретический метод, а также формально-логический метод. В результате исследования выявлено, что в настоящее время международно-правовая регламентация статуса операторов информационно-коммуникационных систем осуществляется обособлено от регламентации статуса провайдеров Интернет-услуг, который до настоящего времени не унифицирован.

Ключевые слова: международное частное право, информационно-коммуникационные системы, операторы информационно-коммуникационных систем, провайдеры интернет-услуг, искусственный интеллект, Международный союз электросвязи, ЮНЕСКО, резолюция ЮНЕСКО, международный договор.

TALIMONCHIK Valentina Petrovna

Ph.D. in Law, professor of General theoretical legal disciplines sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice

STATUS OF INFORMATION AND COMMUNICATION SYSTEM OPERATORS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

The purpose of the research undertaken in the article is to identify international rules governing the status of operators of information and communication systems. The methods of analysis and synthesis, the problem-theoretical method, as well as the formal-logical method were used in the study. As a result of the study, it was revealed that at present the international legal regulation of the status of operators of information and communication systems is carried out separately from the regulation of the status of Internet service providers, which has not been unified to date.

Keywords: private international law, information and communication systems, information and communication system operators, Internet service providers, artificial intelligence, International Telecommunication Union, UNESCO, UNESCO resolution, international treaty.

Введение

Настоящая статья продолжает исследования автора, связанные с трансформацией объекта международных информационных отношений на современном этапе их развития. Трансформация объекта международных информационных отношений проявилась в формировании и распространении информационно-коммуникационных систем – Больших данных, искусственного интеллекта, распределённых реестров, нейронных сетей.

Международные информационные отношения являются составной частью более широкой категории «международные отношения», что определяет необходимость учёта достижений смежных наук для определения их субъектного состава, в первую очередь теории международных отношений.

На современном этапе их развития международные отношения изменились. До 70-х гг. XX века теория международных отношений исходила исключительно из межгосударственного характера международных отношений, и их регулятором выступало международное публичное право. Считалось, что международное частное право регулирует внутригосударственные отношения «с иностранным элементом».

В 70-е гг. XX века появляются исследования, которые выявили появление в международных отношениях новых акторов, в первую очередь – международных неправительственных организаций и транснациональных корпораций [16]. В теории международных отношений сложилась точка зрения, согласно которой международные отношения сегодня немыслимы без международных неправительственных организаций [20].

В рамках теории международных отношений сложилось направление, которое рассматривает новую систему международных отношений, в которой, наряду с государствами, действуют и другие акторы – индивиды и юридические лица, транснациональные корпорации, международные неправительственные организации, субъекты федераций, административно-территориальные образования, муниципалитеты – основные субъекты международного частного права. Например, В. Снапковский пишет, что «сегодня национальные государства перестали быть единственными акторами на мировой арене... Сегодня можно говорить о том, что на смену моноцентристской международной системе одного актора постепенно приходит полицентристская международная система множества акторов» [3]. Автор настоящего исследования разделяет подход В. Снапковского к международным отношениям как к системе, в которой взаимодействует множество акторов.

Подтверждение этому подходу мы находим и в новейших исследованиях П. А. Цыганкова: «Институализация международных отношений вызвала к жизни множество неправительственных, и, что более важно с рассматриваемой точки зрения, огромное количество неправительственных организаций, которые стали значимыми акторами международной жизни. Резко возросло число транснациональных фирм, банков и предприятий, увеличились их возможности влияния на международную и внутреннюю политику» [7].

Концепция «множества акторов международных отношений» позволяет более точно установить природу международного частного права и учесть новые инструменты международно-правовой регламентации, появившиеся в связи с развитием ИКТ.

По нашему мнению, международные информационные отношения всегда складываются при трансграничной передаче данных (в настоящее время: трансграничная передача данных в Интернете, международная телефонная связь, трансграничное телевидение и радиовещание). Следует отметить, что международные информационные отношения регулируются достаточно сложно и в первую очередь нормами международного публичного и международного частного права, а также таким юридическим инструментом как *lex electronica*.

Появление информационно-коммуникационных систем одновременно обусловило вступление в международные отношения новых акторов, условно именуемых операторами информационно-коммуникационных систем, осуществляющими их разработку и организацию использования. В настоящее время на универсальном уровне формируются основы правового статуса операторов информационно-коммуникационных систем.

Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) на 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 года, приняла резолюцию, именуемую «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта». Резолюция ЮНЕСКО стала первым международным актом, регламентирующим вопросы использования искусственного интеллекта на благо человечества. Она определила ценности и принципы использования искусственного интеллекта. Резолюция Генеральной конференции ЮНЕСКО стала первым международным актом на универсальном уровне, направленным на формирование правового статуса операторов информационно-коммуникационных систем.

В зарубежной и отечественной правовой доктрине достаточное внимание уделялось статусу провайдеров Интернет-услуг. Подтверждением разработанности проблемы являются фундаментальные исследования по праву информационных технологий Дэвида Бейнбриджа [10], Дэнниса Кэмпбелла и Кристи Бан [15], Дайаны Ровланд и Элизабет Макдоналд [18], Эйрона Швабаха [19]. Имеются также отдельные статьи отечественных авторов по вопросу статуса и ответственности провайдеров Интернет-услуг [1; 2; 4; 5; 6; 13]. Необходимо отметить, что отечественные исследования развиваются преимущественно в направлении ответственности информационных посредников за нарушения в сфере интеллектуальной собственности.

Следует также учесть, что появился ряд зарубежных монографических исследований по правовым аспектам использования искусственного интеллекта: Шин-и Пенга, Шин-фу Лина и Томаса Стрейнза [9], Симона Честермана [11], Мити Ковач [14], Натали Ребе [17]. Однако существующие исследования объективно не могут охватывать новейшие тенденции международно-правовой регламентации информационно-коммуникационных систем.

В настоящем исследовании будет дан ответ на вопрос, каковы особенности формирующегося статуса операторов информационно-коммуникационных систем в международном частном праве?

1. Проблемы определения правового статуса провайдеров Интернет-услуг

На универсальном уровне статус провайдеров Интернет-услуг не определен, поскольку Международный союз электросвязи (МСЭ) занимается вопросами развития «традиционных» телекоммуникаций, только косвенно оказывая влияние на развитие Интернета.

Общие вопросы регулирования электросвязи рассмотрены в Конвенции Международного союза электросвязи от 22 декабря 1992 г. (далее – Конвенция 1992 г.) с дальнейшими поправочными документами, а также в Уставе Международного союза электросвязи от 22 декабря 1992 г. (далее – Устав)

с дальнейшими поправочными документами. Основное внимание в указанных документах уделено организации работы МСЭ, в том числе его целям, членству, компетенции органов.

Вместе с тем в Конвенции 1992 г. и Уставе содержится ряд правил, которых должны придерживаться операторы «традиционных» телекоммуникаций.

Во-первых, установлен общий доступ к услугам электросвязи и равные условия такого доступа. Для всех пользователей должны устанавливаться одинаковые условия обслуживания, тарифы и гарантии без предоставления какого-либо приоритета или предпочтения.

Во-вторых, установлено правило о тайне сообщений и безопасности услуг электросвязи. Уставом определено общее правило о тайне международных сообщений. Конвенция 1992 г. устанавливает правовой режим засекреченных сообщений.

В-третьих, государства-члены обязуются принимать меры, необходимые для предотвращения передачи или распространения ложных или вводящих в заблуждение сигналов бедствия, срочности, безопасности или опознавания, и сотрудничать при определении местоположения и опознавании станций, находящихся под их юрисдикцией, передающих такие сигналы.

С 90-х годов XX в. стала формироваться новая подсистема регулирования телекоммуникаций: регулированию подлежали конкуренция на рынке телекоммуникаций, условия торговли телекоммуникационными услугами. Условия торговли телекоммуникационными услугами установлены в Генеральном соглашении по торговле услугами (ГАТС) и Четвертом протоколе к ГАТС.

В апреле 1996 г. в рамках ВТО был одобрен Рекомендательный документ к Четвертому протоколу к ГАТС (Reference Paper to the Fourth Protocol to the General Agreement on Trade in Services), далее именуемый «Рекомендации». Соответствующие ссылки на Рекомендации вошли в Список специфических обязательств государств-членов ВТО, который является приложением к Четвертому протоколу к ГАТС.

Рекомендации содержат положения о пресечении антиконкурентной практики в сфере телекоммуникаций. Под антиконкурентной практикой понимались следующие меры:

- участие в объединениях поставщиков, нарушающих конкуренцию;
- использование полученной от конкурентов информации в антиконкурентных целях;
- непредставление другим поставщикам услуг технической информации об основных сооружениях и соответствующей коммерческой информации, которая необходима для оказания услуг.

В Рекомендациях содержится ряд положений по обеспечению взаимосвязи между телекоммуникационными сетями, которые направлены на обеспечение единства функционирования телекоммуникационных сетей, находящихся в собственности различных поставщиков услуг. Вне зависимости от экономических условий функционирования рынка телекоммуникационных услуг – монополии или конкуренции, телекоммуникации должны функционировать как единая технологическая система не только в пределах одного государства, но и на международном уровне.

Приведённые положения оказали только косвенное влияние на формирование статуса Интернет-провайдеров, поскольку технологической основой Интернета являются «традиционные» телекоммуникации. При использовании «традиционных» телекоммуникаций провайдеры Интернет-услуг обязаны соблюдать правила, установленные для операторов телекоммуникаций.

Меры по регламентации Интернет-услуг были приняты на региональном уровне. Конвенция об информации и правовом сотрудничестве относительно «услуг информационного общества» от 4 октября 2001 г. (далее – Конвенция об

услугах информационного общества) под «услугами информационного общества» понимаются любые услуги, обычно оказываемые за вознаграждение на расстоянии посредством электронных средств и по индивидуальному требованию получателя услуг. Распространение информации посредством Интернета подпадает под действие Конвенции об услугах информационного общества.

Конвенция об услугах информационного общества выработала единообразные подходы к правовому регулированию услуг информационного общества. Конвенция предусматривает косвенный метод регулирования ИКТ.

Европейская конвенция о правовой защите услуг, предоставляющих ограниченный доступ, от 24 января 2001 года распространяется на следующие услуги: любую из услуг, когда они предоставляются за вознаграждение и на основе ограниченного доступа, в том числе услуги информационного общества, под которыми понимаются услуги, предоставляемые с помощью электронных средств, на расстоянии и по индивидуальному запросу получателей услуг. «Незаконное устройство» означает любое оборудование, программное обеспечение и/или техническое решение, предназначенные или приспособленные для обеспечения доступа в удобной для понимания форме к одной из услуг без разрешения поставщика услуг.

Статья 7 Конвенции обязывает государства обеспечить, чтобы поставщики находящихся под защитой услуг, интересы которых затрагиваются незаконной деятельностью, имели доступ к соответствующим средствам судебной защиты, включая предъявление исков за ущерб и наложение запрета или другие превентивные меры и в соответствующих случаях обращение с ходатайством об изъятии незаконных устройств из коммерческих каналов.

Таким образом, нормы региональных международных договоров касаются статуса Интернет-провайдеров фрагментарно.

Модельный закон СНГ «Об основах регулирования Интернета» от 16 мая 2011 г. устанавливает, что участниками процесса регулирования Интернета являются государство, операторы услуг Интернета, саморегулируемые организации.

Операторы услуг Интернета в процессе регулирования Интернета осуществляют:

- разработку предложений, принципов и инструментария для заинтересованных сторон по вопросам регулирования отношений, связанных с использованием Интернета;
- участие в разработке государственной политики, проектов нормативных правовых актов в сфере использования Интернета;
- участие в разработке стандартов, применяемых при развитии Интернета.

Модельный закон СНГ не устанавливает статус провайдеров Интернет-услуг, а наделяет их полномочиями по регулированию Интернета.

Поскольку статус провайдеров Интернет-услуг в международном частном праве не сформирован, он не может служить основой для формирования статуса операторов информационно-коммуникационных систем.

2. Формирование статуса операторов информационно-коммуникационных систем в международном частном праве

Современное международное частное право недостаточно регламентирует права и обязанности операторов информационно-коммуникационных систем. В правовой доктрине дискуссия ведётся только по вопросу ответственности за действия, совершённые с использованием искусственного интеллекта, и предпринимаются попытки ввести различные юридические фикции в отношении самого искусственного интеллекта.

Так, Райан Эббот и Алекс Сарч предлагают разрешить вопрос ответственности искусственного интеллекта посредством введения юридической фикции. «Использование юридических фикций для решения сложных концептуальных вопросов или практических задач – например, как концептуализировать или доказать определенные виды ментальных элементов ИИ или неправильного поведения его разработчиков – придает теории уголовного права впечатляющую пластичность. Юридические фикции помогают превратить уголовное право в прагматический инструмент решения социальных проблем. Тем не менее, юридические фикции должны использоваться с осторожностью, поскольку их чрезмерное использование может подорвать общественное доверие и ослабить верховенство закона» [8].

Стефано Бруно и Сантос Дивино выдвинули идею электронной личности: «анализ с точки зрения объективной ответственности приводит к важным соображениям, поскольку он помогает избежать ошибок. Предпочтение отдается институту, а не его субъективному восприятию. Однако, чтобы избежать софистики в некоторых суждениях, предлагается создать электронную личность, переведенную в субъекта права с позиций объективной ответственности» [12].

В то же время в международных документах доктринальные идеи не поддерживаются.

Предварительное исследование по этике искусственного интеллекта, подготовленное экспертами ЮНЕСКО, содержит весьма значимое рассуждение о социальной роли искусственного интеллекта: «Поскольку мы привыкли эмоционально и социально взаимодействовать с поведенчески интеллектуальными агентами, мы, естественно, эмоционально и социально взаимодействуем с «высокофункциональным ИИ», такими как так называемые «социальные роботы», «умный домашний помощник» (Alexa, Siri, Google assistant)... На современном уровне технологического развития высокофункциональный ИИ не может должным образом отвечать сложным эмоциональным и социальным ожиданиям человека, в то время как его внешнее поведение в сочетании с человеческим воображением может породить нереалистичную надежду на подлинное взаимодействие с людьми. Нам важно помнить, что кажущийся «эмоциональным» ум ИИ – это скорее наше воображение, а не реальность».

Следовательно, международные эксперты предостерегают от «очеловечивания» искусственного интеллекта и не рассматривают вопрос о его международной правосубъектности.

В то же время эксперты ЮНЕСКО внесли свои предложения по ряду аспектов ответственности за действия, совершённые с использованием искусственного интеллекта. Они отметили, что «ИИ сегодня используется во многих областях современной жизни, таких как транспорт, медицина, связь, образование, наука, финансы, юриспруденция, военная сфера, маркетинг, обслуживание клиентов или развлечения. Эти инновации поднимают прямые этические проблемы, начиная от... ответственности за возможный физический или психологический вред людям и заканчивая общей дегуманизацией человеческих отношений и общества в целом.»

Экспертами ЮНЕСКО был высказан ряд суждений об ответственности разработчиков ИИ. «Разработка технологий будущего находится в руках технических специалистов... Традиционно инженеры обучаются разрабатывать продукты для оптимизации производительности с использованием минимальных ресурсов (мощность, спектр, пространство, вес и т.д.) при заданных внешних ограничениях. За последние десятилетия этика технологии разработала различные методы, чтобы привести этическую ответственность в процесс проектирования. В контексте ИИ был разработан термин «этически ориентированный дизайн».

Резолюция Генеральной конференции ЮНЕСКО, принятая на 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября

2021 года, и именуемая «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта» заложила основы правового статуса операторов информационно-коммуникационных систем.

Во-первых, в своей деятельности они обязаны руководствоваться ценностными установкам и принципами деятельности, которые изложены в Резолюции ЮНЕСКО. К ценностным установкам относятся: 1) уважение, защита и поощрение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод; 2) благополучие окружающей среды и экосистем; 3) обеспечение разнообразия и инклюзивности; 4) жизнь в гармонии и мире. К принципам относятся: 1) соразмерность и непричинение вреда; 2) безопасность и защищенность; 3) справедливость и недискриминационность (принцип непредвзятости); 4) устойчивость искусственных интеллектуальных систем; 5) неприкосновенность частной жизни; 6) подконтрольность и подчиненность человеку искусственных интеллектуальных систем; 7) прозрачность и объяснимость в отношении искусственных интеллектуальных систем; 8) ответственность и подотчетность субъектов связанной с искусственным интеллектом деятельности; 9) осведомленность и грамотность граждан.

Во-вторых, операторы информационно-коммуникационных систем обязаны соблюдать определённые правила. Им следует разработать механизмы контроля и проверки соблюдения этических норм, что позволит выявлять, предупреждать и минимизировать воздействие ИИ-систем на соблюдение прав человека и обеспечение законности и защиты от дискриминации, а также оценивать эффективность таких механизмов. Также следует принять надлежащие меры для обеспечения мониторинга на всех этапах жизненного цикла любой ИИ-системы, особенно в областях, требующих прямого взаимодействия с конечным потребителем. Операторам информационно-коммуникационных систем следует провести оценку прямого и опосредованного экологического воздействия ИИ-систем на всех этапах их жизненного цикла и сократить воздействие ИИ-систем и инфраструктур данных на окружающую среду.

В целом операторам информационно-коммуникационных систем следует соблюдать, продвигать и отстаивать этические ценности, принципы и стандарты в отношении ИИ, сформулированные в Рекомендации, а также принимать все возможные меры для практического выполнения изложенных в ней стратегических рекомендаций.

3. Вывод

По итогам проведённого исследования можно сделать следующий вывод:

В условиях, когда статус провайдеров Интернет-услуг в международном частном праве не сформировался, международно-правовое регулирование по данному вопросу является фрагментарным, формирование статуса операторов информационно-коммуникационных систем происходит не в рамках субинститута международно-правовой регламентации статуса и деятельности провайдеров Интернет-услуг, а обособлено. Начало формированию статуса операторов информационно-коммуникационных систем положила Резолюция Генеральной конференции ЮНЕСКО «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта», принятая на 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 года.

Пристатейный библиографический список:

1. Ахмадиева Г. Р., Соколова А. С. Ответственность информационных провайдеров (посредников) за нарушение авторских и смежных прав в сети Интернет в законодательстве РФ // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2019. – № 1 (46). – С. 60-63.
2. Возисов К. А. Гражданско-правовая ответственность Интернет-провайдеров за нарушение авторских и

смежных прав в рамках развития законодательства об интеллектуальной собственности // Дискуссия. – 2010. – № 5. – С. 90-93.

3. Снапковский В. Международные организации в системе международных отношений // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 3. – С. 71-77.
4. Копылов А. Ю. Гражданско-правовая ответственность информационных посредников (провайдеров) за нарушение авторских и смежных прав в сети Интернет // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. В. М. Лебедева, Г. Л. Осокиной, С. К. Соломина, В. С. Аракчеева, Н. Д. Титова. – Томск, 2013. – С. 47-49.
5. Пазова Ф. М., Бекирова Ф. С. Особенности правовой охраны и ответственность Интернет-провайдеров за нарушение авторских и смежных прав посредством сети Интернет // Молодой ученый. – 2019. – № 19 (257). – С. 241-242.
6. Рудаков К. Э. Ответственность провайдеров по договорам доступа к сети Интернет // Lex russica. – 2006. – Т. 65. – № 1. – С. 175-179.
7. Теория международных отношений / Под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Юрайт, 2019. – 316 с.
8. Abbott R., Sarch A. Punishing Artificial Intelligence: Legal Fiction or Science Fiction. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lawreview.law.ucdavis.edu/issues/53/1/articles/files/53-1_Abbott_Sarch.pdf (дата обращения: 22.10.2022).
9. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration / Ed. by Peng Shin-Yi, Lin Ching-Fu, Streinz Thomas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 320 p.
10. Bainbridge D.I. Introduction to Information Technology Law. – Edinburg; Pearson Education Limited, 2008. – 665 p.
11. Chesterman S. We, the Robots? Regulating Artificial Intelligence and the Limits of the Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 300 p.
12. Divino S., Bruno S. (2020). Critical Considerations on Artificial Intelligence Liability: E-Personality Propositions. Revista Eletronica Direito e Sociedade (REDES). – 2020. – Vol. 8. – Iss. 2. – P. 193-214.
13. Dobriakova G. Legal status of providers and provider of information on the Internet // Закон и право. – 2011. – № 10. – С. 53-54.
14. Kovac M. Judgement-Proof Robots and Artificial Intelligence A Comparative Law and Economics Approach. – London: Springer/Palgrave Macmillan, 2020. – 153 p.
15. Legal Issues in the Global Information Society / Ed. by D. Campbell, C. Ban. New – York; Oceana Publications Inc., 2005. – 758 p.
16. Merle M. Sociologie des relations internationales. – Paris: Dalloz, 1974. – 436 p.; Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems / Edited by James N. Rosenau. – New York: The Free Press, 1969. – 352 p.
17. Rebe N. Artificial Intelligence: Robot Law, Policy and Ethics. – Leiden: Brill – Nijhoff, 2021. – 252 p.
18. Rowland D., Macdonald E. Information technology law. – Abingdon; Cavendish Publishing Ltd., 2005. – 573 p.
19. Schwabach A. Internet and the Law: Technology, Society and Compromises. – Santa Barbara, ABC-CLIO Inc., 2006. – 395 p.
20. The Globalization of World Politics: an Introduction to International Relations. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 610 p.

БЕРМАН Алиса Михайловна

ассистент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В статье отражены результаты исследования комплекса правоотношений, возникающих в процессе признания и приведения в исполнение на территории Российской Федерации иностранных арбитражных решений. Основное внимание автора обращено на основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации. Такие основания разделены автором на общие и связанные с нарушением публичного порядка. В ходе исследования автором произведен сквозной анализ нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики судов в отношении признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений. В результате чего автором выявлены основные тенденции развития правоотношений, возникающих в процессе признания и исполнения иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации, а также выявлены и сопоставлены достоинства и недостатки в подходах, применяемых судами. Результатом проведенного исследования стало формирование практических предложений по совершенствованию правового регулирования в сфере признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации для устранения пробелов, существующих в правоприменительной практике.

Ключевые слова: третейский суд, арбитражное решение, оговорка о публичном порядке, публичный порядок, признание и приведение в исполнение, отказ в признании и приведении в исполнение, Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

BERMAN Alisa Mikhaylovna

assistant of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

ISSUES OF RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN ARBITRAL AWARDS IN THE RUSSIAN FEDERATION **

The article presents the results of the study of the complex of legal relations arising in the process of recognition and enforcement of foreign arbitral awards on the territory of the Russian Federation. The author focuses on the grounds for refusal to recognize and enforce a foreign arbitral award in the territory of the Russian Federation. Such grounds are divided by the author into general and those related to the violation of public policy. In the course of the research, the author made a cross-cutting analysis of the legal regulation and law enforcement practice of the courts with regard to the recognition and enforcement of foreign arbitral awards. As a result, the author has identified the main trends in the development of legal relations arising in the process of recognition and enforcement of foreign arbitral awards in the Russian Federation, as well as identified and compared the advantages and disadvantages in the approaches used by the courts. The result of the study was the formation of practical proposals for improving the legal regulation in the field of recognition and enforcement of foreign arbitral awards in the Russian Federation to eliminate the gaps that exist in law enforcement practice.

Keywords: arbitral tribunal, arbitral award, public policy clause, public policy, recognition and enforcement, denial of recognition and enforcement, Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards.

Введение

Общемировая практика показывает, что место третейских судов в системе разрешения споров стабильно и участники рынка все чаще прибегают к разрешению споров именно посредством арбитража. Это не означает, что третейские суды в ближайшем будущем (или когда-либо вообще) смогут занять место государственных судов и полностью вытеснить их, но, безусловно, означает, что роль и значение третейских судов нельзя недооценивать.

Появление и развитие системы третейских судов – это, в первую очередь, ответ на потребность участников рынка. Развитие мировой экономики и ее интеграция в мировые отношения неизбежно вызывает увеличение количества трансграничных споров, разрешать которые участники экономического процесса стремятся в третейских судах [1, с.

1592]. Специфика трансграничных споров приводит к необходимости не только проведения самого третейского разбирательства, но и к потребности в дальнейшем признать и привести в исполнение полученное решение на территории иностранного государства, где, например, могут находиться активы должника.

Именно на данном этапе сторона, победившая в третейском разбирательстве, может столкнуться с отказом в признании и приведении в исполнение арбитражного решения на территории иностранного государства. Такой поворот событий фактически делает все третейское разбирательство, все собранные доказательства, потраченные средства и время абсолютно бесполезными и неэффективными. Эта непредсказуемость не может способствовать развитию коммерческих отношений и института арбитража в целом.

В связи с этим теоретическая и практическая актуальность настоящего исследования обуславливается необходимостью создания эффективного правового механизма признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации.

Основной целью исследования является анализ, оценка и выработка практических предложений по совершенствованию правового регулирования в сфере признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации для устранения право-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** This work was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 «Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence».

вых пробелов, выявленных правоприменительной практикой.

Общие основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения на территории Российской Федерации

Согласно п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции [2] в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, в следующих случаях:

а) стороны арбитражного соглашения, согласно применимому к ним праву, были в какой-либо мере недееспособны или это соглашение недействительно согласно применимому праву;

Данное основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений на практике применяется достаточно редко ввиду объективности порока такого решения еще до обращения заинтересованной стороны в судебный орган с целью его признания и исполнения.

б) сторона, против которой вынесено решение, не была надлежащим образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве, или по другим причинам не могла представить свои объяснения;

Второе основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений является более распространенным в правоприменительной практике [3], [4], [5].

Так, Определением Верховного Суда Российской Федерации вопрос о приведении в исполнение решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Украины передан на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку ответчик не был должным образом уведомлен о времени и месте арбитражного разбирательства [6]. Суд пришел к данному выводу в связи со следующими допущенными нарушениями: извещение было направлено ответчику, находящемуся в другом государстве, по почте в обычном порядке (заказным письмом). Кроме того, письмо не было вручено адресату из-за большого количества получателей корреспонденции.

с) решение вынесено по спору, для рассмотрения которого в арбитраже отсутствовали основания [7], [8], [9];

Верховный Суд Российской Федерации в одном из дел пришел к выводу, что условие об арбитраже, содержащееся в контракте, имело отсылочный характер к Правилам Лондонской сахарной ассоциации. Данные Правила, несмотря на рекомендательный характер, указывают на обязательные условия любой арбитражной оговорки, подлежащие включению в ее текст (а именно: 1) какой орган компетентен рассмотреть спор; 2) применимое к спору право). Вместе с тем обязательные условия так и не были согласованы сторонами. Вследствие чего Лондонская сахарная ассоциация вынесла решение по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением [10].

д) были допущены нарушения в составе арбитражного органа или арбитражном процессе [11], [12], [13];

По одному из дел Верховный Суд Российской Федерации определил, что согласно арбитражной оговорке спор подлежал рассмотрению в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ. Однако в нарушение арбитражной оговорки при разрешении спора был применен английский Закон об арбитраже [14].

е) решение еще не стало окончательным для сторон или было отменено или приостановлено исполнением.

По данному основанию в правоприменительной практике можно привести два типа решений. Так, одни суды выносят постановления о прекращении производства по делу о признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража, так как исполнение промежуточных иностранных арбитражных решений положениями международных договоров и нормами национального законодательства не допускается [15].

Другие суды выносят определения об отказе в удовлетворении ходатайства о признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража на территории Российской Федерации, мотивируя это тем, что решение еще не стало окончательным для сторон, так как в производстве апелляционного суда находилось нерассмотренное дело по ходатайству об отмене арбитражного решения [16]. Последнее основание является наиболее распространенным [17], [18].

Обязанность по доказыванию наличия предусмотренных оснований возложена на сторону, заявившую ходатайство об отказе в признании и исполнении решения арбитража.

В п. 2 данной статьи Нью-Йоркской конвенции закреплены дополнительные основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, а именно:

а) объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по законам этой страны;

б) признание и приведение в исполнение этого решения противоречит публичному порядку этой страны.

Стоит отметить, что данные основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения суд может применить самостоятельно. Такое основание для отказа, как публичный порядок, будет рассмотрено далее.

Стоит отметить, что в правоприменительной практике встречается мнение судов, что применение положений п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции как основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений является правом, а не обязанностью суда [19, с. 49-50]. Такой вывод позволяет сделать буквальное толкование нормы, так как в ней дословно закреплено, что «в признании и приведении в исполнении арбитражного решения может быть отказано», а не «должно быть отказано», то есть данное положение является диспозитивным, а не императивным и дает пространство для судебного усмотрения в зависимости от обстоятельств дела [20, с. 9].

Представляется, что подобное понимание нормы является правильным, так как изначальная цель статьи была направлена на предотвращение случаев недобросовестного поведения со стороны участников спора. В случае же, если недобросовестное поведение отсутствует, а права участников спора не были нарушены в ходе судебного разбирательства, применение данных оснований для отказа в признании и исполнении арбитражного решения должно быть передано на усмотрение суда.

Вторым вопросом, возникающим в практике применения положений Нью-Йоркской конвенции, является возможность суда применить иные основания для отказа, чем те, которые закреплены Конвенцией. В качестве примера можно привести такое непредусмотренное Нью-Йоркской конвенцией основание как *forum non conveniens* – неподсудность дела данному суду (ненадлежащий суд для рассмотрения спора).

Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к ст. III Нью-Йоркской конвенции, согласно которой процедура принудительного исполнения осуществляется «в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений».

Forum non conveniens является доктриной процессуального права. Таким образом несмотря на то, что Нью-Йоркская конвенция прямо не закрепляет такое основание для отказа, как *forum non conveniens*, она и не исключает применение подобного возражения [19, с. 49-50]. В американской правоприменительной практике встречалось дело, в котором основанием для отказа послужило именно отсутствие компетенции на рассмотрение ходатайства о принудительном исполнении в силу национальных процессуальных норм [21, с. 1096-1111], [22, с. 57]. Подобный вывод представляется правильным и логичным.

Кроме того, в международных договорах Российской Федерации могут быть закреплены дополнительные основания для отказа в признании и исполнении решений, которые распространяются на государства-участников данных договоров. Такие дополнительные основания предусмотрены действующими двусторонними договорами между Российской Федерацией и зарубежными государствами. Например, п. 1 ст. 15 Договора о взаимном оказании правовой помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Иракской Республикой [23] содержит закрепление вышеописанного основания (*forum non conveniens*).

Если рассматривать основания, закрепленные национальным законодательством, то ст. 417 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает аналогичные основания тем, которые содержатся в ст. V Нью-Йоркской конвенции.

В ч. 3 ст. 244 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации дается общая отсылка к основаниям

для отказа в признании или приведении в исполнение арбитражного решения, предусмотренным Законом Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже». Статья 36 указанного Закона также дублирует положения ст. V Нью-Йоркской конвенции.

Оговорка о публичном порядке как основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации

При рассмотрении ходатайства о признании и приведении в исполнение на территории Российской Федерации иностранного арбитражного решения национальный суд зачастую сталкивается с проблемой применения оговорки о публичном порядке. Так, под оговоркой о публичном порядке понимается правило, закрепленное как непосредственно на законодательном уровне, так и в различных международных соглашениях, согласно которому иностранное арбитражное решение не подлежит исполнению в случае, если такое исполнение может иметь последствия, не совместимые с основами правопорядка данного государства [24, с. 98].

Согласно ст. 1193 Гражданского кодекса Российской Федерации публичный порядок идентифицируется как основы правопорядка. В комментариях к данной статье [25, с. 53-54] дается следующее разъяснение термина: публичный порядок – совокупность дух начал: основных начал публичного права и основных принципов частного права (равенство сторон, свобода договора, недопустимость вмешательства в частные дела, обеспечение восстановления нарушенного права и т.д.) [20, с. 6].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», предназначенного обеспечить правильное и единообразное применение норм международного частного права, положения о публичном порядке не получили должного осмысления.

Поэтому в этой части все еще следует руководствоваться п. 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 января 2013 г. № 156, в котором впервые было дано пояснение к термину «публичный порядок». Так, «под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц» [26].

В свете данного Информационного письма стоит отметить, что оговорка о публичном порядке и оговорка о сверхимперативных нормах не являются тождественными понятиями. Они являются двумя различными правовыми институтами, двумя различными правовыми категориями, имеющими смежный характер. Однако для целей применения пп. «в» п. 2 ст. V Нью-Йоркской конвенции сверхимперативные нормы страны места исполнения решения включаются в понятие «публичный порядок» [27, с. 23-26].

Как видно из представленного определения, которое в существенной степени разъясняет краткую легальную дефиницию, содержание термина «публичный порядок» все еще недостаточно конкретизировано и подвержено судебной дискреции, что порождает проблемы при правоприменении. Отсутствие четкой легальной дефиниции, влекущее субъективное толкование, может стать причиной необоснованного, а зачастую и недобросовестного применения оговорки о публичном порядке, и как следствие, отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений без наличия на то реальных оснований. Оговорка о публичном порядке становится «каучуковой нормой», используемой правоприменителем по своему усмотрению.

Таким образом, происходит подмена изначальной цели оговорки о публичном порядке, впервые [28, с. 23-24] сформулированной в Кодексе Наполеона – Гражданском кодексе Франции 1804 г. (п. 1 ст. 3, ст. 6), которая состояла в том, чтобы не допустить применения на территории государства иностранного законодательства, когда такое применение

несовместимо с основами национального правопорядка, государственного строя, основными гражданскими правами и свободами [24, с. 98] и т.п. Впоследствии данное правило было распространено и на признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений, так как иностранное решение представляет собой часть правопорядка того государства, на территории которого оно было вынесено [20, с. 7], [24, с. 101].

На разных этапах развития международных частноправовых отношений в зарубежных странах предпринимались попытки конкретизировать содержание термина «публичный порядок» как на доктринальном, так и на законодательном уровне [20, с. 8]. Однако выведение универсального содержания терминологии невозможно, потому что в каждой стране содержание публичного порядка определяется на основании содержания основ национального правопорядка, выражающегося, в свою очередь, через содержание основ национального законодательства [29, с. 1847]. То есть нарушение основ правопорядка, в котором заключается нарушение публичного порядка, должно выражаться в нарушении конкретных норм, составляющих или защищающих такие основы правопорядка.

В этой связи выдвигались предложения по замене понимания оговорки о публичном порядке на оговорку, ограничивающую действие иностранных законов и исполнение иностранных решений. Но в силу того, что содержание оговорки о публичном порядке осталось в неизменно «широком» виде, на разных этапах исторического развития в зависимости от реалий международного общения она использовалась в качестве инструмента политической и экономической борьбы. Так, например, в доктрине отмечается, что в период «века Просвещения» (первая половина XX века) оговорка о публичном порядке использовалась судами капиталистических государств как основание для непризнания законов Советского Союза о национализации [24, с. 100], [20, с. 8].

Также предлагалось выведение определения публичного порядка через принципы и нормы, которые стоят за термином «публичный порядок» и, в силу своей специфики, пользуются особой защитой государства. Так, существует позитивное и негативное понимание публичного порядка [20, с. 9]. Позитивная концепция состоит в том, что в национальном законодательстве закреплены императивные нормы, которые не могут быть нарушены применением иностранного права посредством признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения [24, с. 103]. Негативная концепция заключается в том, что не может быть признано и исполнено иностранное арбитражное решение, которое основывается на правовых нормах, неприемлемых в национальном правопорядке. Именно негативная концепция находит свое закрепление на законодательном уровне и в международных договорах (например, пп. «b» п. 2 ст. V Нью-Йоркской конвенции).

В связи с этим большинство специалистов выражает мнение о том, что оговорка о публичном порядке должна применяться в исключительных случаях, а ее содержание должно толковаться ограничительно, так как расширительное применение оговорки о публичном порядке в отношении признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений может затормозить развитие международных экономических отношений и ограничить действие такого эффективного для рыночных отношений института как арбитраж [30, с. 169].

На основании изложенного представляется, что оговорка о публичном порядке может быть применена как основание для отклонения ходатайства о признании и приведении в исполнение решений международных коммерческих арбитражей в следующих случаях. Во-первых, в случае, если не существует иных законных оснований для отказа. Во-вторых, при рассмотрении вопроса о возможности признания и исполнения решения суд должен анализировать только совместимость последствий исполнения решения с основами национального правопорядка, а не содержания самого решения, т.е. не пересматривать это решение по существу (например, в случаях, когда стороной заявляется о допущенной иностранном арбитражем ошибке при рассмотрении спора). В-третьих, оговорка о публичном порядке не может служить основанием для отказа, если арбитражное решение вынесено на основании материального права Российской Федерации, так как изначально презюмируется, что национальное право не может противоречить публичному порядку. Факт того, что применение иностранным арбитражем норм националь-

ного права исключает возможность ссылки на нарушение публичного порядка Российской Федерации подтверждается судебной практикой [31].

Заключение

Подводя итоги, основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, действующие на территории Российской Федерации, соответствуют основаниям, установленным на наднациональном уровне, и, по большей части, не вызывают существенных трудностей и «разнотений» при правоприменении. Наибольшие проблемы вызывает такое основание для отказа в признании и приведении в исполнение, как противоречие публичному порядку Российской Федерации.

По мнению автора, исчерпывающее и конкретизированное закрепление понятия «публичный порядок» ни на национальном, ни на наднациональном уровне нерационально. Обусловлено это невозможностью предусмотреть все случаи противоречия иностранного права и иностранных решений публичному порядку в силу специфики и динамичности развития основ национального правопорядка каждого государства.

В связи с этим данный термин (в контексте международного частного права) должен быть подвергнут анализу со стороны Верховного Суда Российской Федерации для целей унификации практики применения оговорки о публичном порядке при исполнении иностранных арбитражных решений в Российской Федерации. Результатом должно стать разъяснение для национальных судов того, в каких случаях и на каком основании возможно применение оговорки о публичном порядке. По мнению автора, такое разъяснение должно содержать порядок формирования системы критериев, основания и границы применения оговорки о публичном порядке. Представляется, что при этом должно использоваться узкое толкование термина для целей ограничения вмешательства в международные экономические отношения и возможных злоупотреблений. Только при соблюдении данных критериев применения оговорки о публичном порядке вынесенное решение будет носить обоснованный и объективный характер.

Пристатейный библиографический список

- Ermakova E. P., Frolova E. E., Sitkareva E. V. International Economic Integration and the Evolution of the Principles of Civil Procedure / Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Institute of Scientific Communications Conference. - Cham, 2021. - С. 1589-1597.
- Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г., г. Нью-Йорк // Вестник ВАС РФ. - 1993 г. - № 8.
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2000 г. № 38-Г00-10 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15 марта 2010 г. по делу № А69-1222/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 октября 2010 г. по делу № А67-1438/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
- Определением Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2001 г. № 5-Г01-105 // СПС «КонсультантПлюс».
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2000 г. № 5-Г00-65 // СПС «КонсультантПлюс».
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2016 г. № 304-ЭС16-5596 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25 мая 2006 г. по делу № А82-10555/2005-2-2 // СПС «КонсультантПлюс».
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2000 г. № 5-Г00-134 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 мая 2006 г. по делу № А21-5758/2005 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 сентября 2016 г. № Ф05-14113/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 июля 2017 г. № Ф05-9840/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2001 г. № 45-Г01-18 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Президиума Высшего арбитражного Суда Российской Федерации от 5 октября 2010 г. № 6547/10 // СПС «КонсультантПлюс».
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2002 г. № 5-Г01-168 // СПС «КонсультантПлюс».
- Определение Высшего арбитражного Суда Российской Федерации от 25 июля 2011 г. № ВАС-6857/11 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 февраля 2019 г. № Ф05-500/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
- Хлестова И. О. Признание и исполнение иностранных арбитражных решений // Журнал российского права. - № 8 (116). - 2006.
- Иванова Т. Н. Оговорка о публичном порядке в процессе признания и исполнения иностранных арбитражных решений // Вестник арбитражной практики. - 2015. - № 3 (58).
- Yearbook of Commercial Arbitration. - Vol. XXVIII. - 2003.
- Ламм К., Спуренберг Ф. Новые подходы к принудительному исполнению иностранных арбитражных решений по Нью-Йоркской конвенции // Международный коммерческий арбитраж. - 2004. - № 2.
- Договор о взаимном оказании правовой помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Иракской Республикой от 22 июня 1973 г., г. Москва // Ведомости ВС СССР. - 1974. - № 19. - Ст. 293.
- Дзускаева З. Т., Иванова Т. И. Проблема публичного порядка признания и исполнения иностранных арбитражных решений // Вестник МИЭП. - 2014. - № 4 (17).
- Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / Под ред. П. В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2014.
- Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 года № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. - 2013. - № 5.
- де Варей-Соммьер П., Гетьман-Павлова И. В. Нарушение «сверхимперативных» норм как основание для отказа в признании и исполнении иностранных арбитражных решений (судебная практика Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. - № 1. - 2015.
- Касьянов Р. А. Понятие публичного порядка в правовых системах государств (на примере России и Франции) // Цивилист. - № 4. - 2013.
- Frolova E. E., Rusakova E. P. Trends in the Development of Alternative Ways of Dispute Resolution of Neo Industrialization Subjects / Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Institute of Scientific Communications Conference. - Cham, 2021.
- Rusakova E. P., Frolova E. E., Kupchina E. V., Ocaqli U. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in the Federative Republic of Brazil / 7th International Conference on Education and Social Sciences. Abstracts & Proceedings. - 2020.
- Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 18 ноября 2002 года № КГ-А40/7628-02 // СПС «КонсультантПлюс».

ЕРМАКОВА Елена Петровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ЭТАПЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СУДОВ В КНР: ВЕРСИИ 1.0, 2.0, 3.0 И 4.0*

В статье обосновано, что «смарт» суды КНР являются результатом онлайн трансформации судебной системы Китая, состоящей из трех этапов, которая началась в 1990-х годах: 1) 1996-2003 годы; 2) 2004-2013 годы; 3) 2014 год – н/в. Первый этап китайской судебной реформы был сосредоточен вокруг оцифровки судебных документов. Второй этап характеризовался появлением виртуальных судебных слушаний с помощью Интернета. Третий этап реформирования судебной системы Китая можно подразделить на два под-этапа: а) создание онлайн-платформ и б) создание интернет-судов. Концепция смарт-суда была впервые обозначена в Отчете Верховного народного суда КНР за 2016 год. Если говорить о версиях информатизации судов КНР - 1.0, 2.0 и 3.0, отмечаемых в документах Верховного народного суда, то версия 1.0 предполагала трансформацию судебных данных в единую онлайн-систему и создание судебных онлайн-платформ. Версия 2.0 была направлена на двустороннее взаимодействие между судами и общественностью. Развитие версии 3.0 было реализовано в 2020 году в создании «интеллектуальных судов» или «смарт судов». В 2021 году Китай перешел к версии 4.0, запланированной на 2021-2025 годы (пятая пятилетка судебной реформы), в рамках которой должно произойти дальнейшее слияние технологий искусственного интеллекта, блокчейна и больших данных со «смарт судами».

Ключевые слова: право КНР, смарт-суды КНР, интернет-суды КНР, онлайн разрешение споров, платформенное правосудие, искусственный интеллект.

ERMAKOVA Elena Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

STAGES OF COURT INFORMATIZATION IN CHINA: VERSIONS 1.0, 2.0, 3.0 AND 4.0**

The article substantiates that the “smart” courts of the People’s Republic of China are the result of the online transformation of the judicial system of China, consisting of three stages, which began in the 1990s: 1) 1996-2003; 2) 2004-2013; 3) 2014 – present. The first stage of the Chinese judicial reform was centered around the digitization of court documents. The second stage was characterized by the emergence of virtual court hearings using the Internet. The third stage of the reform of China’s judicial system can be divided into two sub-stages: a) the creation of online platforms and b) the creation of Internet courts. The concept of a smart court was first outlined in the Report of the Supreme People’s Court of the People’s Republic of China for 2016. If we talk about the versions of the informatization of the courts of the People’s Republic of China - 1.0, 2.0 and 3.0, noted in the documents of the Supreme People’s Court, then version 1.0 assumed the transformation of judicial data into a single online system and the creation of online judicial platforms. Version 2.0 was aimed at two-way interaction between courts and the public. The development of version 3.0 was implemented in 2020 in the creation of “intelligent vessels” or “smart vessels”. In 2021, China switched to version 4.0, scheduled for 2021-2025 (the fifth five-year plan of judicial reform), within which there should be a further merger of artificial intelligence, blockchain and big data technologies with “smart courts”.

Keywords: law of the People’s Republic of China, smart courts of the People’s Republic of China, Internet courts of the People’s Republic of China, online dispute resolution, platform justice, artificial intelligence.

В 2020 году более 2 млрд человек заказали товары или услуги онлайн, а по состоянию на январь 2021 года было обнаружено 4,66 млрд активных интернет-пользователей — 59,5 процента населения мира. Из этого общего числа 92,6 процента (4,32 млрд человек) получили доступ к Интернету через мобильные устройства [9]. Китайская электронная торговля также быстро развивалась в течение последних пяти лет, чему способствовали высокий уровень проникновения Интернета и смартфонов, растущее доверие потребителей к онлайн-покупкам, появление платформ электронной торговли и доступность различных альтернативных платежных решений, таких как «Alipay» и «WeChat Pay». Согласно аналитике «GlobalData», продажи электронной торговли в Китае выросли в среднем на 17,7% в период с 2017 по 2021 год и достигли 13,8 трлн юаней (2,1 трлн долл. США) в 2021 году¹.

В такой онлайн-среде, основанной на информационных технологиях, традиционная система разрешения споров, которая требует бумажной системы заполнения исковых заявлений и присутствия сторон в зале суда, стала менее практичной и не

может более удовлетворять потребностям интернет-сообщества. Поэтому в последние годы онлайн-разрешение споров стало новой тенденцией в судах и арбитражах КНР [10]. Кроме того, с момента вспышки пандемии «сovid-19» онлайн-слушания стали чаще обсуждаться в национальных и международных судебных и арбитражных кругах [6]. Китайские суды стали активно изучать различные способы расширения сферы цифровых техно-

логий от онлайн-подачи исковых заявлений и виртуальных слушаний до создания интернет-судов и использования технологии блокчейна для хранения доказательств [5]. Пандемия «сovid-19» усугубила это развитие и побудила китайские суды принять онлайн-судебные разбирательства в качестве средства разрешения споров. Согласно данным Верховного народного суда КНР (SPC), в период с 1 января 2020 года по 31 мая 2021 года в материковом Китае было подано онлайн около 13 млн исковых заявлений, что составляет 28,3% от общего числа дел, поданных в этот период, и было проведено около 1,28 млн онлайн-слушаний². В отчете Верховного народного суда указывалось, что в 2021 году суды КНР урегулировали в порядке медиации более 10 млн споров в режиме онлайн (в среднем 51 дело в минуту)³.

Отметим, что Китай принял амбициозный план по созданию «смарт суда» (smart court) и модернизации всей своей судебной системы страны, используя различные технологические

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НИИ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НИИ-3270.2022.2 «Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence».

1 GlobalData. (2021). Chinese e-commerce market to reach US\$ 3.3 trillion in 2025 // GlobalData. 14 Sep 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globaldata.com/chinese-e-commerce-market-reach-us3-3-trillion-2025-says-globaldata/#:~:text=Chinese%20e%2Dcommerce%20market%2C%20the,and%202025%20to%20reach%20CNY21> (дата обращения: 01.04.2022).

2 The SPC Releases the Rules of Online Litigation of People’s Court // Supreme People’s Court. 2021-06-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://english.court.gov.cn/2021-06/18/content_37545136.htm (дата обращения: 01.04.2022).

3 最高人民法院工作报告 (全文) (Отчет о работе Верховного народного суда на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва 8 марта 2022 г. (полный текст)) // Верховный народный суд. 08.03.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-349601.html> (дата обращения: 01.04.2022).

инновации. Как указывал главный судья Чжоу Цян, председатель Верховного народного суда КНР (SPC) в отчете о работе SPC за 2016 год, где концепция «смарт суда» была впервые официально обозначена, особенности «смарт суда» должны включать: «...обеспечение справедливости и эффективности судебной системы и повышение доверия к судебным органам, максимально эффективное использование технологий, включая Интернет, облачные вычисления, большие данные и ИИ, содействие модернизации судебной системы и возможностей Китая, а также достижение высокоинтеллектуального функционирования и управления народными судами» [12].

Роль технологии была подтверждена в определении «смарт суда», опубликованном Верховным народным судом КНР в 2017 году, которое подчеркивало, что термин «смарт-суд» применяется не к одному конкретному суду, а относится к «организационной, конструктивной и операционной модели народных судов, которая основана на передовых инновациях с целью достижения справедливой судебной системы и справедливости для людей посредством поддержки онлайн-интеллектуальных судебных услуг на протяжении всего процесса разрешения спора в транспарентной среде»⁴. Примечательно, что создание системы «смарт-судов» было интегрировано в «Национальную стратегию Китая по развитию информатизации» 2016 года (China's National Strategy for the Informatization Development) и направлено на «повышение уровня информатизации на всех этапах судебных процессов, включая подачу, слушание, исполнение судебных решений, содействие открытости судебной системы и стимулирование судебной справедливости» [3].

Этапы онлайн-трансформации судебной системы КНР

Пакистанские ученые Х. Мухтар, Х. Салим, Р. Салим, и М. Дин отмечали, что дискуссия о внедрении онлайн-разрешения споров (ODR) в качестве альтернативы разрешению споров через традиционную судебную систему началась в 2003 году. С тех пор правительство КНР разрабатывает ODR, внедряя различные формы и способы, включая онлайн-медиацию, онлайн-арбитраж, онлайн-систему для жалоб потребителей и наконец, развитие онлайн-разрешения споров с появлением онлайн-судебной системы [9]. Эту периодизацию поддерживают также шанхайские исследователи Л. Ян, Х. Пэн и Ц. И. [16].

Однако, китайские, австралийские и американские исследователи называют другие сроки. Так, в своей совместной статье профессора Шанхайского университета Ч. Ши и Университета Ньюкасла (Австралия) Т. Сурдин и Б. Ли писали, что «смарт» суды КНР (smart courts) являются результатом трансформации судебной системы Китая, состоящей из трех этапов, которая началась в 1990-х годах. Ученые назвали эти этапы: 1) 1996 - 2003 годы; 2) 2004 - 2013 годы; 3) 2014 год – н/в [12]. При этом исследователи подтверждали свои выводы ссылками на политические документы правительства и компартии КНР, а также на постановления Верховного народного суда КНР (SPC).

Американские ученые Р. Стерн (Школа права Беркли), Б. Либман и Э. Ванг (Колумбийская школа права), М. Робертс (Калифорнийский университет в Сан-Диего) называли иные сроки – 2009 год. В своей статье 2021 года эти авторы писали: «в Китае раскрытие судебной информации началось с экспериментов местных судов, которым предшествовали изменения в национальной политике. Под давлением широкого освещения ошибочно решенных дел в средствах массовой информации в 2009 году Верховный народный суд КНР одобрил в качестве цели прозрачность судебной системы и начал поощрять усилия нижестоящих судов по публикации судебных документов и решений» [13].

С нашей точки зрения наиболее обоснованной и подкрепленной соответствующими документами представляется периодизация, предложенная профессорами Ч. Ши, Т. Сурдин и Б. Ли. Совершенно очевидно, что американские авторы Р. Стерн, Б. Либман, Э. Ванг и М. Робертс начали свое исследование реформирования судебной системы КНР сразу со второго этапа реформ – экспериментов местных судов в сфере разрешения споров онлайн, опуская первый этап – этап цифровизации судебных документов. Ту же ошибку допустили пакистанские ученые Х. Мухтар, Х. Салим, Р. Салим, и М. Дин; а также преподаватели Шанхайского университета Л. Ян, Х. Пэн и Ц. И. Поэтому в настоящей статье при раскрытии концепции об этапах онлайн-трансформации судебной системы КНР основной упор будет сделан на материалы, опубликованные в исследовании Ч. Ши, Т. Сурдин и Б. Ли.

Первый этап (1996 -2003 годы)

Первый этап трансформации судебной системы КНР начался после «Национальной конференции по вопросам судебной коммуникации и компьютеров» (National Conference on Matters of Court Communication and Computer) 1996 года и завершился в 2003 году, когда все суды в Китае завершили оцифровку своих решений и постановлений, а также ссылок на веб-сайты. Впервые на конференции 1996 года новые технологии были в центре внимания с точки зрения решения вопросов судебного управления [7]. Этот этап китайской судебной реформы был сосредоточен вокруг оцифровки судебных документов (включая документы по управлению делами) для внедрения компьютерных технологий в судах [16]. До этого времени судебные решения и постановления в Китае составлялись на бумаге и были написаны от руки. Перевод бумажных документов в цифровой формат проложил путь для китайских судов к разработке системы онлайн подачи исковых заявлений на более позднем этапе. В документе 1997 года – «План строительства Компьютерной информационной сети Национального Суда» - Верховный народный суд КНР (SPC) указал, что основная причина, по которой суды создают компьютерные системы, заключается в том, что традиционное бумажное оформление судебных актов (включая решения) не может обеспечить эффективные услуги в контексте растущего числа судебных дел⁵.

В «Первом пятилетнем плане реформы народных судов» (1999–2003 годы) Верховный народный суд КНР (SPC) подчеркнул, что в целях модернизации судебной администрации суды КНР на всех уровнях должны провести оцифровку судебных документов к концу 2001 года. Кроме того, SPC потребовал, чтобы в целях повышения технологического вклада в работу судебного управления в течение пяти лет (т.е. к концу 2003 года) была завершена общенациональная интернет-сеть, соединяющая все суды КНР⁶.

Второй этап (2004 -2013 годы)

Второй этап трансформации судов Китая с 2004 по 2013 год характеризовался появлением виртуальных судебных слушаний с помощью Интернета. В КНР первое полное слушание, проведенное посредством видеоконференции, состоялось в 2007 году по уголовному делу о краже в Шанхае. В сентябре 2009 года Высший народный суд Пекина объявил о том, что для того, чтобы содействовать правосудию и предоставить людям возможность следить за работой судов, суд завершил работу над обще-пекинским веб-сайтом прямых трансляций судебных слушаний, на котором общедоступность всей страны имеет одновременный доступ к наблюдению за онлайн судебными заседаниями, проводимыми в любом суде в регионе Пекина⁷. В марте 2010 года Верховный народный суд провинции Хэнань объявил, что он провел свое первое слушание в прямом эфире в рамках своих усилий по повышению прозрачности правосудия⁸.

Задачи судов КНР по внедрению онлайн-слушаний были определены во «Втором пятилетнем плане реформы народных судов» (2004–2008 гг.), а затем уточнены и разъяснены в «Третьем пятилетнем плане реформы народных судов» (2009 -2013)⁹. В течение этого периода транспарентность судебных органов КНР поощрялась путем прямой трансляции судебных слушаний для общественности. В 2010 году Верховный народный суд КНР выпустил документ под названием «Заключение о дальнейшем усилении коммуникации с общественным мнением», обязывающий все суды к ведению четкого судебного процесса, предназна-

- 5 План строительства Компьютерной информационной сети Национального Суда 1997 // Верховный народный суд КНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.66law.cn/tiaoli/2897.aspx> (in Chinese) (дата обращения: 01.04.2022).
- 6 План пятилетней реформы народных судов ([1999 -2003]) // Блог Jiupin Law-Законы и нормативные акты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gpinw.com/wuniangaige.html> (in Chinese) (дата обращения: 01.04.2022).
- 7 Пекинский муниципальный высокий суд открывает прямую трансляцию судебного веб-сайта <http://www.sina.com.cn> 17 сентября 2009 г. // Пекинская ежедневная газета. 17 сентября 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.sina.com.cn/c/2009-09-17/065816311211s.shtml> (in Chinese). (дата обращения: 01.04.2022).
- 8 Суды провинции Хэнань транслируют более тысячи дел в прямом эфире на онлайн-видео // 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-9704.html> (in Chinese). (дата обращения: 01.04.2022).
- 9 Белая книга «Судебная реформа в Китае» (октябрь 2012 г.) // Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zwqk/2012-10/09/content_2239971.htm (in Chinese). (дата обращения: 01.04.2022).

4 Opinions on Accelerating the Building of Smart Courts (Judicial Document, 12 April 2017) № 12// Supreme People's Court. 12 April 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/5dec527431cdc22b72163b49f0c284.html> (дата обращения: 01.04.2022).

ченного для прямой трансляции и записи слушаний¹⁰. Позднее, уже в рамках III этапа реформы в 2017 году Верховный народный суд КНР издал правила, призывающие суды записывать на видео все судебные процессы¹¹. Согласно данным, предоставленным Верховным народным судом на дату - 4 декабря 2020 года - более двух млн дел в КНР транслировались в прямом эфире. SPC также предпринял шаги для обнародования других видов судебной информации, включая имена судей, образование и опыт работы [13].

Третий этап (2014 год – н/в)

В 2014 году китайские суды вступили в третий этап трансформации с введением инициативы «смарт суд» (smart court), которая поддерживала более сложное использование инновационных технологий. Третий этап реформирования судебной системы Китая можно подразделить на два под-этапа: а) создание онлайн-платформ и б) создание интернет-судов.

В «Четвертом пятилетнем плане реформы народных судов» (2014–2018 годы) Верховный народный суд КНР указал на необходимость внедрения информационных технологий для создания «открытой, динамичной, прозрачной и удобной» судебной системы, позволяющей общественности «понимать, доверять и контролировать» функционирование правосудия. Термин «смарт суд» был впервые официально использован в «Отчете Верховного народного суда за 2015 год», представленном Главным судьей КНР Чжоу Цяном 13 марта 2016 года [9]. В 2017 году, через год после того, как концепция «смарт суда» была официально опубликована, президент КНР Си Цзиньпин потребовал, чтобы суды объединили задачу углубления судебной реформы с внедрением современных технологий, чтобы реформа правовой системы могла обеспечить «дальнейшее развитие социализма с китайской спецификой» [12].

В «Пятом пятилетнем плане реформы народных судов» (2019–2023 годы) Верховный народный суд (SPC) подтвердил, что «всестороннее продвижение строительства смарт суда» является одной из десяти целей реформы правосудия в этот период¹². Что касается конкретных мер, принимаемых для достижения этой цели, то SPC сослался на технологические инновации, связанные с искусственным интеллектом (ИИ), включая совершенствование подходов онлайн распознавания речи на слушаниях, а также вспомогательные системы управления делами с помощью искусственного интеллекта. Например, свои услуги для прямого перевода записей судебных заседаний в тексты в режиме реального времени предложила компания «iFLYTEK» - ведущая технологическая компания в Китае, основным продуктом которой является распознавание речи [4].

А. Создание онлайн-платформ

Китайская концепция «смарт суда» требовала, чтобы судебные услуги были доступны и проводились в режиме онлайн. Первоначально многие изменения были направлены на обслуживание сторон спора и их адвокатов и обеспечение доступности информации о судебных решениях. В рамках этих усилий в 2015 году Верховный народный суд (SPC) завершил создание трех онлайн-платформ, включая:

- 1) платформу «Информация о судебном процессе в Китае онлайн» (China Judicial Process Information Online);
- 2) платформу «Китайские судебные решения онлайн» (China Judgments Online) и
- 3) платформу «Информация об исполнении судебных решений в Китае онлайн» (China Judgments Enforcement Information Online).

Платформа «China Judicial Process Information Online» предназначена для предоставления спорящим сторонам и адвокатам возможности получать обновленную информацию по их собственным делам, позволяя сторонам вступать в систему с ин-

формацией, включая их имя, номер мобильного телефона, идентификационную карту или номер паспорта и проверочный код¹³.

Платформа «China Judgments Online»¹⁴ - в основном используется для обнародования и составления судебных документов. По состоянию на февраль 2020 года на сайте «China Judgments Online», который представляет собой крупнейшей в мире цифровой репозиторий судебной информации, находилось более 81,5 млн. судебных постановлений и других судебных документов [2]. Это стало возможным благодаря централизованной Платформе управления Большими данными и обслуживания Верховного народного суда КНР, которая связывает все суды в Китае (в том числе около 3 520 судов, 9 277 трибуналов и 39 морских судов).

Платформа «China Judgments Enforcement Information Online»¹⁵ это онлайн-платформа, на которой суды публикуют список тех тяжущихся, которые не выполнили судебные решения и не выплатили компенсацию. Данные об этих «дискредитированных» людях (включая имена и соответствующие идентификационные номера) могут быть использованы для недопущения определенных действий, которые включают покупку недвижимости или полеты на самолетах. По данным указанной онлайн-платформы, по состоянию на ноябрь 2019 года в списке «дискредитированных» числилось около 15,91 млн человек. Верховный народный суд (SPC) предположил, что различные меры, включая список «дискредитированных» лиц, могут способствовать решению давних проблем, связанных с «трудноисполнимыми судебными решениями» [12].

Были созданы и другие платформы. В настоящее время китайские юристы утверждают, что Китай наводнен **судебными онлайн-платформами**. Существуют публичные платформы и частные платформы; национальные базы данных и местные индексы; сайты для ученых, и сайты для юристов.

Только в Верховном народном суде Китая работают три онлайн-платформы. Первая – «China Judgments Online»; вторая – «Faxin.cn»¹⁶ - ориентирована на анализ судебных дел и связанные с этим вопросы; третья - платформа «Единое окно» (One-Stop) - диверсифицированная платформа разрешения международных коммерческих споров. Платформа «One-Stop» была создана на веб-сайте Международного коммерческого суда Китая (CICC)¹⁷ для пробной эксплуатации. С помощью платформы CICC интегрирует свою судебную систему с системой медиации и онлайн арбитража и осуществляет обмен информацией, что обеспечивает синергию для активного содействия внедрению и эффективности диверсифицированного международного механизма разрешения коммерческих споров.¹⁸

В 2019 г. была создана «Национальная платформа электронных доказательств» («National e-evidence platform»), в которую входят суды 22 провинций КНР [15]. Опираясь на платформу «China Judgments Online», Высший народный суд Пекина разработал и внедрил систему «Мудрый судья» («Rui Fa Guan» - кит. яз.), используя на общенациональные данные о судебных решениях, взятые из «China Judgments Online». В сфере уголовного права Высший народный суд Шанхая разработал «Интеллектуальную вспомогательную систему разрешения уголовных дел», где массовые судебные данные собираются и используются судьями Шанхая для обеспечения того, чтобы решения по анало-

10 Уведомление Верховного народного суда о вынесении «Заключения о дальнейшем усилении коммуникации с общественным мнением» 2010// Верховный народный суд КНР. 2010-02-25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/fabuxiangqing-383.html> (in Chinese). (дата обращения: 01.04.2022).

11 Некоторые положения Верховного Народного суда об аудио- и видеозаписях судебных заседаний Народных судов № 5 (2017) // Верховный народный суд КНР. 2010-02-25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-36562.html> (in Chinese). (дата обращения: 01.04.2022).

12 План Пятой пятилетней реформы народных судов (2019–2023 годы) // Верховный народный суд КНР. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinacourt.gov.cn/Show/32312> (in Chinese). (дата обращения: 01.04.2022).

13 China Judicial Process Information Online, (Webpage). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://splcgk.court.gov.cn/gzfwww/> (in Chinese). (дата обращения: 01.04.2022).

14 «China Judgments Online» (<http://wenshu.court.gov.cn/>) China Justice Observer. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinajusticeobserver.com/t/china-judgments-online> (дата обращения: 01.04.2022).

15 «Информация об исполнении судебных решений в Китае онлайн» // Верховный народный суд КНР. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zxgk.court.gov.cn/> (in Chinese). (дата обращения: 01.04.2022).

16 «Faxin.cn» // Верховный народный суд КНР. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://faxin.cn/> (in Chinese). (дата обращения: 01.04.2022).

17 Китайский международный коммерческий суд (CICC) учрежден в 2018 году Верховным народным судом Китая (SPC) для рассмотрения международных коммерческих дел. - A Brief Introduction of China International Commercial Court // The Supreme People's Court. 2018-06-28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/219/193/195/index.html> (дата обращения: 01.04.2022).

18 Supreme People's Court Launches «One-Stop» Diversified International Commercial Dispute Resolution Platform: Fully Online Dispute Handling with Chinese/English Interfaces// Beijing International Trade in Services Center. 2021.07.23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ciftis.org/article/9171295858978816.html> (дата обращения: 01.04.2022).

гичным делам соответствовали решениям, вынесенным в остальной части страны.

Б. Создание интернет-судов

В дополнение к усилиям Верховного народного суда (SPC) по созданию онлайн-платформ, в рамках национальной стратегии «смарт суда», трансформирующего судебные услуги в онлайн-среду, был создан особый тип суда под названием «Интернет-суд» [1, с. 159-170], [17, с. 187-192], [18, 1515-1521], [19, с. 1541-1549]. **Первый Интернет-суд Китая** был создан в городе Ханчжоу провинции Чжэцзян (Hangzhou Internet Court)¹⁹ в 2017 году, а в 2019 году сообщалось, что пользователи с марта по октябрь 2019 г. совершили более 3,1 миллиона юридических действий с использованием системы интернет-суда. В системе было зарегистрировано более миллиона граждан, а также около 73 000 юристов [1, с. 159]. В суде города Ханчжоу через веб-платформу «**Hangzhou Internet Court Litigation Platform**» все судебные разбирательства могут быть завершены в режиме онлайн, начиная с подачи искового заявления и вручения судебных документов и заканчивая обменом доказательствами, их изучением, онлайн слушанием и онлайн вынесением решений. Год спустя два других интернет-суда с аналогичными онлайн-судебными платформами были созданы в Пекине и Гуанчжоу.

Правительство КНР консультировалось с частными компаниями, в т. ч. с компанией «Alibaba» по поводу дизайна интернет-суда Ханчжоу. Кроме того, компания «Alibaba» предоставляет интернет-суду Ханчжоу облачные услуги (cloud services). Компания «Alibaba» также создала способ одним щелчком мыши передавать доказательства в интернет-суд со своих сайтов электронной торговли. В 2019 году в интернет-суд Ханчжоу был введен пилотный помощник судьи ИИ (试点AI助理法官), также разработанный компанией «Alibaba» [8].

Таким образом, мы выявили три этапа судебной реформы в КНР, целью которой была полная информатизация китайских судов и внедрение цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность: 1) 1996-2003 годы; 2) 2004-2013 годы; 3) 2014 год – н/в). Первый этап китайской судебной реформы означал оцифровку судебных документов во всех судах страны; второй этап – был направлен на внедрение виртуальных судебных слушаний (видео-конференций); третий этап – имел две основные цели: а) создание судебных онлайн-платформ и б) создание интернет-судов.

Версии информатизации судов КНР - 1.0, 2.0 и 3.0.

Как мы отмечали выше, пакистанские ученые Х. Мухтар, Х. Салим, Р. Салим, и М. Дин писали в своем исследовании, что терминология 1.0, 2.0, 3.0 версий информатизации судов КНР, по-видимому, происходит от концепции Web 1.0, 2.0 и 3.0 и т. д. [9]. Эти же термины неоднократно употреблял г-н Чжоу Цян, председатель Верховного народного суда КНР, в своих отчетах о деятельности суда и других публичных выступлениях²⁰.

Версия 1.0.

Информатизация китайской судебной системы по версии 1.0 характеризует начало онлайн-фазы и трансформацию судебных данных (judicial data) в единую онлайн-систему. Примером версии 1.0 является запуск трех онлайн-платформ, включая «China Judicial Process Information Online», «China Judgments Online» и «China Judgments Enforcement Information Online». Основная цель создания судебных онлайн-платформ заключалась в распространении судебной информации с тем, чтобы предоставить общественности легкий доступ к этой информации и повысить прозрачность судебной системы. Опыт использования онлайн-платформ был признан положительным. Согласно Отчету Верховного народного суда КНР за 2015 год, до февраля 2016 года народные суды КНР опубликовали более 1,5 млн судебных решений, 3,5 млн единиц информации об ответчике в процессе исполнительного производства. Через указанные онлайн-платформы было транслировано более 130 тысяч судебных слушаний в прямом эфире [9].

Версия 2.0.

Версия 2.0 информатизации судебной системы КНР представляла собой двустороннее взаимодействие между судами и общественностью, где были созданы механизмы взаимодействия и коммуникации между судами и общественностью. Одним из

значительных достижений версии 2.0 стала разработка «Платформы судебных услуг 12368» (12368 Litigation Services Platform)²¹ в Шанхайском высшем народном суде. Платформа предложила различные услуги, позволяющие сторонам спора и общественности связываться с адвокатами, обращаться к судьям для направления запросов о процедурах судебного разбирательства. Платформа также оказывала консультации по делам и предоставляла возможность подать жалобы на нарушения. Подчеркнем, что согласно отчету Верховного народного суда КНР в 2021 году уже 739 судов китайских судов запустили круглосуточные судебные службы – «Платформы судебных услуг 12368»: горячая линия 12368 сыграла роль «общего обслуживания клиентов» в судебных разбирательствах и позволяла решать судебные дела в основном через «Единое окно». Массовая удовлетворенность населения деятельностью этой службы достигла 96%²².

Эти меры по созданию механизмов коммуникации между судами и общественностью стали результатом Проекта «Национальная информационная система судебного разбирательства»²³. В 2016–2017 годах большинство китайских специалистов отмечало, что информационные технологии уже играют важную роль в повышении прозрачности судебной деятельности. В 2017 году президент КНР Си Цзиньпин официально заявил, что: «цель версии 2.0 судебной реформы КНР была достигнута, но Народный суд не остановился и посвятил себя созданию версии 3.0 Народного суда с китайской спецификой»²⁴.

От версии 3.0 к версии 4.0.

По мнению Верховного народного суда КНР, китайских ученых и практических работников, текущий этап судебной реформы КНР был ориентирован на достижение версии 3.0 информатизации народных судов. Это требовало интеграции информационно-коммуникационных технологий в повседневную работу народных судов. Это этап, который был направлен на развитие интерактивных услуг с помощью динамических приложений для укрепления взаимодействия между различными секторами для эффективного и своевременного разрешения дел [11]. Развитие версии 3.0 информатизации было реализовано в развитии «Интеллектуальных судов» (Intelligent Courts), которые полностью зависели от информационно-коммуникационных технологий для разрешения споров через онлайн-систему. В ноябре 2017 года г-н Чжоу Цян, председатель Верховного народного суда, предположил, что «применение новых технологий в содействии правосудию может сделать судебную практику более открытой, прозрачной и предсказуемой». Он заявил, что «суды по всей стране должны использовать Большие данные (big data) для модернизации системы правосудия, улучшения своей работы и предоставления более качественных услуг для развития страны»²⁵.

В декабре 2019 года Китай объявил, что миллионы судебных дел сейчас решаются «интернет-судами» (Internet courts), которые не требуют, чтобы граждане предстали перед судом. «Умный суд» (smart court) включает в себя судей, не являющихся людьми, на основе ИИ и позволяет участникам регистрировать свои дела в Интернете и решать свои вопросы с помощью цифрового судебного слушания, писала в феврале 2020 года канадский адвокат Тара Васдани [14].

В конце ноября 2021 года в КНР в рамках «Форума по вопросам информационным технологиям и верховенства права» организованного Верховным народным судом КНР, прокуратурой, Министерством науки и технологий, Министерством юстиции и Китайской Академией наук состоялся «Семинар по применению блокчейна в судебной сфере». В ходе указанного семинара г-н Чжоу Цян отметил, что новый виток технологической революции приносит беспрецедентные возможности и вызовы, а комплексное применение технологии блокчейн играет в этом

21 12368 Litigation Services Platform//One-stop Service Available on Litigation Service Platform of Shanghai Courts. 2019-03-01. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.hshfy.sh.cn/shfy/English/view.jsp?pa=aaWQ9MjAxMTQxNjAmeGg9MSZsbWRtPUV0XzAzz \(in Chinese\)](http://www.hshfy.sh.cn/shfy/English/view.jsp?pa=aaWQ9MjAxMTQxNjAmeGg9MSZsbWRtPUV0XzAzz (in Chinese).). (дата обращения: 01.04.2022).

22 最高人民法院工作报告 (全文) Цит. Соч.

23 Проект Национальной информационной системы судебного разбирательства прошел проверку // Верховный народный суд КНР. 2010-11-29. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.chinacourt.org/article/detail/2010/11/id/437165.shtml \(in Chinese\)](https://www.chinacourt.org/article/detail/2010/11/id/437165.shtml (in Chinese)). (дата обращения: 01.04.2022).

24 Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress// Xinhua. 2017-11-04. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm (дата обращения: 01.04.2022).

25 China's courts use big data to modernize justice system// Xinhua. November 26, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinadailyhk.com/articles/245/45/0/1511662595980.html> (дата обращения: 01.04.2022).

19 The litigation platform of Hangzhou Internet Cour. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.netcourt.gov.cn/?lang=En> (дата обращения: 18.03.2022).

20 The Supreme People's Court jointly organized the "Blockchain Application Seminar in the Judicial Field" // CoinYuppie. 2021-12-01. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://coinyuppie.com/the-supreme-peoples-court-jointly-organized-the-blockchain-application-seminar-in-the-judicial-field/> (дата обращения: 01.04.2022).

важную роль²⁶. Г-н Чжоу Цян подчеркнул, что Верховный народный суд твердо стоит на пути продвижения цифрового Китая и смарт общества, и в полной мере сыграл свою ведущую роль в области инновационных технологий. При поддержке соответствующих департаментов в течение 13-й пятилетки (2016 -2020 годы) была завершена информационная версия 3.0 Народного суда, которая сформировала всеобъемлющий «смарт суд». Этот «смарт суд» будет вести свою деятельность полностью онлайн, в полном соответствии с законом и предоставлять всесторонние на базе искусственного интеллекта. Г-н Чжоу Цян заявил, что в период «14-й пятилетки» народные суды КНР будут придерживаться инновационных технологий, ориентируясь на строительство судебных центров обработки данных (judicial data centers), интеллектуальных смарт судов (smart court brains) и онлайн-судов, активно содействовать построению версии 4.0 информатизации народных судов, содействовать судебному исполнению, судебным службам и судебному управлению.

Таким образом, исходя из заявлений г-на Чжоу Цяна, председателя Верховного народного суда КНР, можно заключить, что версия 3.0 информатизации народных судов КНР, которая заключалась в создании «смарта суда» на всей территории страны, завершена. Китай готов перейти к построению версии 4.0 судебной реформы, запланированной на 14-ю пятилетку (2021–2025 годы). В планы версии 4.0 входит: 1) дальнейшее развитие смарт судов, которое будет заключаться во внедрении в работу судов технологий искусственного интеллекта, блокчейна, больших данных и пр.; 2) повсеместное внедрение системы онлайн слушаний; 3) строительство судебных центров обработки данных (judicial data centers).

Выводы

«Смарт» суды КНР являются результатом онлайн трансформации судебной системы Китая, состоящей из трех этапов, которая началась в 1990-х годах: 1) 1996 -2003 годы; 2) 2004 -2013 годы; 3) 2014 год – н/в). Если говорить о версиях информатизации судов КНР - 1.0, 2.0 и 3.0, отмечаемых в документах Верховного народного суда, то версия 3.0 была реализована в 2020 году, а в 2021 году Китай перешел к версии 4.0, запланированной на 2021 -2025 годы, в рамках которой должно произойти дальнейшее слияние технологий искусственного интеллекта, блокчейна и больших данных со «смарт судами».

Мы согласны с выводом американских ученых Р. Стерн, Б. Либмана, Э. Ванг и М. Робертс, что опыт информатизации судебной системы Китая показал рынок правовой информации может быть сформирован государственными учреждениями, которые хотят контролировать, как используются судебные данные, и, возможно, получать прибыль от такого ценного товара. Кроме того, при интеграции инновационных технологий в судебную администрацию и аутсорсинге проектирования программного обеспечения, используемого для ключевых судебных функций, всегда существует риск передать государственную судебную власть в частные руки [13]. В Китае технологические компании стали важными игроками в ходе онлайн трансформации судебной системы страны. Например, в Ханчжоу компания «Alibaba» сотрудничала с местными судами, чтобы создать первый в Китае «интернет-суд» для ускорения рассмотрения споров, связанных с интернетом. Некоторые суды в Китае в настоящее время используют продукт частной компании «iFLYTEK» для прямого перевода записей судебных заседаний в тексты в режиме реального времени.

Пристатейный библиографический список

1. Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. Монография. - Изд. Юрлитинформ, 2021. - 224 с.
2. Русакова Е. П. (2020). Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура // Государство и право. - 2020. - № 9. - С. 102-109.
3. Creemers R. (2016). Outline of the National Informatization Development Strategy // China Copyright and Media. 27 July 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/07/27/outline-of-the-national-informatization-development-strategy/> (дата обращения: 01.04.2022).

4. Du G., Yu M. (2019). Big Data, AI and China's Justice: Here's What's Happening // China Justice Observer. 01 Dec 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/big-data-ai-and-chinas-justice-heres-whats-happening> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Fan J. et al (2021). Rules of Online Litigation of the People's Court of China launched // Herbert Smith Freehills. 9 July, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hsfnotes.com/asiadisputes/2021/07/09/rules-of-online-litigation-of-the-peoples-court-of-china-launched/> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Furong Y. (2020) Online hearings: A new challenge for China arbitration // Vantage Asia Publishing Limited. 24 November 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.asia/online-hearings-new-challenge-china-arbitration/> (дата обращения: 18.03.2022).
7. Keyuan Z. (2002). Judicial Reform in China: Recent Developments and Future Prospects // The International Lawyer. - 2002. - Vol. 36. - № 3. - P. 1039-1062. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/40707698> (дата обращения: 01.04.2022).
8. Mingay A. (2019). Size matters: Alibaba shapes China's first "Court of the Internet" // Oct 17, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://merics.org/en/analysis/size-matters-alibaba-shapes-chinas-first-court-internet> (дата обращения: 20.03.2022).
9. Mukhtar H. et al. (2021). Tracking the Development of Intelligent Court System in China // International Research Journal of Management and Social Sciences. – July. – Sep. 2021. - P. 254-263. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/358694567_Tracking_the_Development_of_Intelligent_Court_System_in_China/link/620f62974be28e145c9df32d/download (дата обращения: 01.04.2022).
10. Pan L. et al (2021). The People's Republic of China. 15 ANLBS and AI Working Group Report // IBA Alternative and New Law Business Structures Committee. September-2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ibanet.org/medias/15-ANLBS-and-AI-Working-Group-Report-September-2021-China.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).
11. Rusakova E. P. Integration of "smart" technologies in the civil proceedings of the People's Republic of China // RUDN Journal of Law. - 2021. - Vol. 25. - № 3. - P. 622-633. – DOI 10.22363/2313-2337-2021-25-3-622-633.
12. Shi C. et al (2021). The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? // International Journal for Court Administration. - № 12 (1). - P. 4-11. Mar. 2021. (DOI: <http://doi.org/10.36745/ijca.367>)
13. Stern R. et al. (2021). Automating Fairness? Artificial Intelligence in the Chinese Court // 59 COLUM. J. TRANSNAT'L L. 515 (2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/2940 (дата обращения: 01.04.2022).
14. Vasdani T. (2020). Robot justice: China's use of Internet courts // LexisNexis Canada. February 05, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.thelawyersdaily.ca/articles/17741/robot-justice-china-s-use-of-internet-courts?article_related_content=1 (дата обращения: 01.04.2022).
15. Weiwei S. (2020). Ordering the Courts: Understanding China's Big Precedent Push // Aug 17, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sixthtone.com/news/1006064/ordering-the-courts-understanding-chinas-big-precedent-push> (дата обращения: 01.04.2022).
16. Yang L. et al. (2020). Big-Data Measurement-Model Research about Judges' Actual Workload in China // Asian Journal of Law and Society. - Volume 7. - Issue 3. - October 2020. - P. 541-560 (DOI: <https://doi.org/10.1017/als.2019.31>).
17. Rusakova E. P., Frolova E. E. procedural standards for civil proceedings in china's internet courts // Smart Innovation, Systems and Technologies. - 2022. - T. 288. - С. 187-192.
18. Rusakova E. P., Frolova E. E., Inshakova A. O. Legal regulation of internet courts in China // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Institute of Scientific Communications Conference. - Cham, 2021. - С. 1515-1521.
19. Rusakova E. P., Frolova E. E., Arzumanova L. L. Challenges of the judicial systems of the Russian Federation and People's Republic of China in the era of the pandemic // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Institute of Scientific Communications Conference. - Cham, 2021. - С. 1541-1549.

²⁶ The Supreme People's Court jointly organized the "Blockchain Application Seminar in the Judicial Field" // CoinYuppie. 2021-12-01. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://coinyuppie.com/the-supreme-peoples-court-jointly-organized-the-blockchain-application-seminar-in-the-judicial-field/> (дата обращения: 01.04.2022).

РУСАКОВА Екатерина Петровна

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ЗАЙЦЕВ Виктор Васильевич

магистрант 2 курса Юридического института Российского университета дружбы народов

РАЗВИТИЕ ПРЕДСКАЗАННОГО ПРАВОСУДИЯ: ОПЫТ США*

В рамках исследования цифровизации правосудия, судебного разбирательства рассматривается развитие предсказанного правосудия в США. Предсказанное правосудие в США получило наибольшее развитие и располагает яркими примерами, например системы предсказанного правосудия Ravel Law, Casetext, Legal Analytics Platform. В статье исследуются примеры систем предсказанного правосудия, их детальное функционирование, особенности и ключевые функции. В частности, системы предсказанного правосудия представляют существенную значимость для судебных юристов, позволяя прогнозировать разрешение спора благодаря получению статистических данных об удовлетворении иска у конкретного судьи, также срок рассмотрения ходатайств, процент удовлетворения заявлений представителя оппонента и т.д. Авторы оценивают высокий уровень развития предсказанного правосудия в США и обращают внимание на сложную технологическую составляющую данных систем. В статье отмечается эффективность и технологичность российской судебной системы с задатками к созданию и дальнейшему развитию систем предсказанного правосудия.

Ключевые слова: предсказанное правосудие, цифровизация судебного процесса, судебное представительство, Casebook.

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

ZAYTSEV Viktor Vasiljevich

magister student of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

THE DEVELOPMENT OF PREDICT COURTS' DECISIONS: THE US EXPERIENCE**

As part of the study of the digitalization of justice, the trial examines the development of predict courts' decisions in the United States. Predict courts' decisions in the USA has received the greatest development and has vivid examples, for example, the systems of predict courts' decisions Ravel Law, Casetext, Legal Analytics Platform. The article examines examples of predict courts' decisions systems, their detailed functioning, features and key functions. In particular, the predict courts' decisions systems are of significant importance for trial lawyers, allowing them to predict the resolution of a dispute by obtaining statistical data on the approval of a claim from a particular judge, the period of consideration of petitions, the percentage of approval of statements by an opponent's representative, etc. The authors assess the high level of development of predict courts' decisions in the United States and pay attention to the complex technological composition of these systems. The article notes the efficiency and technological effectiveness of the Russian judicial system with the makings for the emergence and further development of systems of predict courts' decisions.

Keywords: predict courts' decisions, digitalization of the judicial process, judicial representation, Casebook.

Введение

Цифровизация судебного процесса представляет собой различные формы, например автоматизация судебного-пре-тензионной работы правовых департаментов различных компаний, справочные правовые системы, специализированные системы для поиска и анализа судебной практики, чат-боты, системы для мониторинга судебных дел и проверки контрагентов, возможность применения ИИ, нейросетей при разрешении споров. Названным темам можно уделять отдельное внимание в рамках написания научной работы. В настоящей статье авторами исследуется одна из форм цифровизации правосудия – предсказанное правосудие.

Цифровизация судебного процесса затрагивает множество государств, при этом прослеживается различный уровень развития тех или иных форм цифровизации судебного процесса. Уже в 2020 году судебная система России была признана наиболее технологически развитой в сравнении с судами 47 западных государств¹. С 2010 года граждане, судебные представители, предприниматели могут пользоваться сервисом «Картотека

арбитражных дел», который позволяет получить полную информацию по судебному делу. Пример системы КАД действительно является показательным и подтверждает высокий уровень цифровизации в данном случае². Например, аналогичная система в Китае была запущена на 3 года позже³. Однако нельзя установить успешное развитие предсказанного правосудия в России и вообще установить сам факт наличия предсказанного правосудия. В настоящей статье авторами исследуются системы предсказанного правосудия, которые наиболее развиты в США.

Цифровые системы предсказанного правосудия в США

В части предсказанного правосудия наиболее успешными являются системы, применяемые в США. Определение «предсказанное правосудие» отсутствует. Предсказанное правосудие является некой платформой или системой, которая действует на основе нейронных сетей, ИИ и сложных автоматизированных процессов.

Предназначением предсказанного правосудия является помощь предпринимателям в разрешении возможного спора, а также юристам для оказания наиболее эффективной правовой помощи доверителю.

Развитие справочных правовых систем началось в США в 70-х – 80-х годах 20 века (Lexis, Westlaw). Системы представляли

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270-2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** This work has been financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation № НШ-3270-2022.2 «Evolution or revolution of civil justice: digitalization through the prism of artificial intelligence».

1 Судебная система России признана наиболее эффективной в Европе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/05/sudebnaia-sistema-rossii-priznana-naibolee-effektivnoj-v-evrope.html?ysclid=19wv58np4u67745920>.

2 10 лет в базе: юбилей картотеки арбитражных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/221922/?ysclid=19wvfkaz27710901249>.

3 You Can View Almost All the Chinese Court Judgments Online for Free. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/you-can-view-almost-all-the-chinese-court-judgments-online-for-free>.

и представляют на сегодняшний день, как и в России, поиск судебной практики, получение информации по судебному делу, что способствует эффективности оказания правовой помощи. В 2010-2012 гг. развитие вышло на новый уровень (Bloomberg Law, Fastcase /Docket Alarm, Westlaw Edge, Gavelytics и Docket Navigator), системы стали использовать более совершенные аналитические технологии (машинное обучение, обработка естественного языка для нормализации, структурирования и анализа необработанных данных из миллионов дел и документов). Поиск информации по судебному делу стал детализированным и более точным. Данное развитие привело к появлению предсказанного правосудия. Далее рассмотрим конкретные примеры существующих платформ/систем предсказанного правосудия.

Зарождение предсказанного правосудия можно установить с момента запуска платформ Casetext и Ravel Law. Отличительной особенностью является то, что по запросу платформы представляли не только текст судебных актов, но и конкретные цитаты из судебного акта наиболее соответствующее запросу, мнения судей и др. (рассмотрено далее). Более того, система Ravel Law (в 2018 году переименована в Context) позволяла получить аналитику по количеству положительных или отрицательных мотивировок судей по конкретным вопросам. Также выяснить на какие судебные дела судьи чаще ссылались по интересующему вопросу, как часто судьи выносили решение в пользу определенного лица⁴. Следует сделать промежуточный вывод о том, что платформы направлены не только на изучение применения конкретной нормы права, но и на то, как эту норму применяет конкретный человек, то есть судья. Все это напоминает учение школы критической правовой мысли о необходимости исследования не самой нормы, а её применения конкретными судьями⁵.

Важно отметить, что исследуемые системы могут быть применены не только в работе юристов-консультантов, но и для предпринимателей и внутренних юристов, в частности для поиска специализированного юриста.

На примере Casetext рассмотрим более подробно инструментарий данной платформы. Одним из основных инструментов является исследование судебного текста (Casetext Research), которое включает в себя судебную практику всех судов США. Стоит отметить, что в режиме онлайн можно посмотреть любое из судебных дел⁶. В основе поиска информации заложена нейросеть. Стоит признать, что фильтрация поиска доступна также и в российских системах, например Caselook. В таком случае из примечательного стоит отметить, что система помечает цветами наиболее важную информацию, отменные судебные акты, представляет краткое содержание дела, цитаты, которые легли в основу мотивировочной части акта. В Casetext доступен специальный поиск CARA A.I., который примечателен следующим: доступна возможность загрузить необходимый документ, по анализу которого система сможет подобрать релевантные результаты, а именно необходимые законодательные акты, судебную практику, то есть возможно загрузить как собственный процессуальный документ, так и процессуальный документ оппонента и изучить судебную практику по его позиции.

В качестве второго инструмента следует отметить особый поиск информации (Parallel Search)⁷. Поиск судебной практики в КонсультантПлюс или Caselook зачастую осуществляется по ключевым словам или поиск через статью. Parallel Search предлагает ввести полноценный аргумент в качестве предложения, который заявитель хотел бы видеть в судебном акте. Стоит отметить, что юристы посчитали бы это неумением пользоваться справочными правовыми системами. Однако, благодаря нейросети, Parallel Search умеет подбирать судебные акты с тем аргументом, который был введен в запросе. Основная заслуга – это экономия времени на поиск (по утверждениям разработчиков юристы, использующие Parallel Search, экономят 11,5 часов

каждый месяц), выход за пределы поиска по ключевым словам и точечный результат в виде необходимых судебных актов.

Compose является третьим инструментом по созданию проектов процессуального документа, который соответствует необходимым юридическим стандартам⁸. На сайте данный инструмент находится в открытом доступе. Для начала предлагается выбрать конкретный процессуальный документ, например ходатайство о принудительном раскрытии требований о заработной плате и часах. Затем по выбранному процессуальному документу открывается более подробный функционал, позволяющий выбрать цель составляемого документа, то есть удовлетворить или отказать в удовлетворении, вследствие чего (в зависимости от выбора) предлагаются соответствующие аргументы по наиболее важным аспектам запрашиваемого документа. Аргументы представляют собой составленный тезис на основе судебного акта, которые система может по клику добавить в документ. Одновременно с этим доступен быстрый переход в Parallel Search для детального поиска наиболее интересовавшей судебной практики. На основе выбранной информации, а именно тезисов, которые основаны на законе и судебной практике, фактов и выводов судов, запрашиваемое лицо получает проект процессуального документа с дальнейшей возможностью его дополнения собственными идеями. Данный инструмент имеет схожесть с конструктором договоров КонсультантПлюс, который позволяет пошагово добавлять необходимые разделы в договор, предварительно выбрав вид договора, и получить по итогу проект необходимого договора. Учитывая также высокую цифровизацию правовых департаментов различных компаний (например, Трубная Металлургическая Компания, Магнит, РЖД, РУСАЛ и др.), следует отметить наличие у упомянутых правовых департаментов автоматизации составления однотипных процессуальных документов, которые не представляют высокой сложности⁹.

Помимо поиска Parallel Search существует также иная технология поиска, которая также основана на ИИ, представляющая собой нейронную сеть — AllSearch. Данный инструмент также сосредоточен на быстром поиске, который основан на вводе полноценного предложения, на широкий объем информации (мнений, судебных актов, законов).

Вышеупомянутая платформа Ravel Law также пользуется большим спросом среди юристов. Упомянутые в данной статье платформы являются участниками рынка юридических исследований и имеют схожие цели – придание эффективности правосудия, а также работе юриста и деятельности судьи. Различаются данные платформы техническими свойствами, а именно индивидуально созданными ИИ и нейросетями. Данный факт ярко демонстрирует существенное внедрение цифровизации в работу юристов и участников судебных процессов. Продолжая исследование Ravel Law, следует отметить, что в рамках создания сервиса Judges Analytics, данная платформа во многом направлена на предоставление информации по конкретным судьям, то есть – количество мнений судей по запрашиваемому вопросу, количество вынесенных решений в пользу запрашиваемого лица, судебные акты, на которые ссылается судья, основные выдержки из мотивировочной части. Получая данную аналитику, представляется возможность предугадать как конкретный судья отреагирует на какой-либо процессуальный документ (процент удовлетворения или отказа в удовлетворении), какие судебные акты необходимо положить в основу иска или отзыва на иск. Учитывая функционал Ravel Law, активно стали использовать понятие «предварительный анализ поведения» («Precedential Behavior Analysis») ¹⁰.

Все участники рынка юридических исследований для разработки цифровых программ активно начинают внедрять ИИ и нейросети, в том числе Lexis и Westlaw. Уровень цифровизации позволяет предоставить ссылки на закон, судебную практику, подзаконные законодательные акты не по привычному запросу по ключевым словам, а при постановке вопроса, например «Какой срок давности в трудовых спорах?».

Помимо платформ, функционал которых полезен судебному юристу, ряд участников запустили системы в сфере корпо-

4 Analytics, AI and Insights: 5 Innovations That Redefined Legal Research Since 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://abovethelaw.com/2020/01/analytics-ai-and-insights-5-innovations-that-redefined-legal-research-since-2010/>.

5 Действительно ли необходимы юристы? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kritikaprava.org/library/4/dejstvitelno_li_neobhodimy_yuristy.

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casetext.com/coverage>.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casetext.com/pages/parallel-search/>.

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://compose.law/>.

9 Pravo Tech Forum 2021 Online. Крупнейший в Европе кейс-форум об автоматизации юридических процессов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.tech/events/pravo-tech-forum-2021?ysclid=l7xmg1vc9449485264>.

10 Ravel Law Launches Judges Analytics: Precedential Behaviour Analysis Made Easy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.deweystrategic.com/2015/04/ravel-law-launches-judges-analytics.html>.

ративного права, например Bloomberg Law (аналитика сделок), Wolters Kluwer (аналитика статей о слияниях и поглощениях и рынках капитала). В основе данных систем аналогично используются ИИ, нейросети и алгоритмы, которые позволяют повысить эффективность создания документов по сделкам и их дальнейшему проведению на основе сравнения с предложенными системой вариантами и статистики.

Отдельно стоит отметить систему Court Analytics («Судебная аналитика»), разработанную Ravel Law в 2016 году¹¹. Данная система направлена на выбор способа разрешения спора, то есть система предоставляет возможность сторонам выбрать государственный суд, арбитраж, медиацию. Court Analytics прогнозирует результаты разрешения спора в судах США, а также в арбитраже или в медиативном органе. С развитым уровнем альтернативного разрешения споров данная система представляет ценный инструментом в руках сторон, так как позволяет предсказать ход разрешения спора. Система значительно облегчает работу судебного юриста, которому пришлось бы самостоятельно изучать практику конкретного суда, конкретного судьи, анализировать практику разрешения спора в арбитраже или при урегулировании его у медиатора.

Немаловажной в исследовании является система Lex Machina, которая была создана Lexis Nexis. В основе данной системы также находятся ИИ, нейросети, машинное обучение, обработка естественного языка. Все это необходимо для обработки миллиона данных, состоящих из судебных дел, судебных актов и процессуальных документов. Функционирует данная система под названием Legal Analytics Platform. Рассмотрим более подробно Legal Analytics Platform.

- Анализ судов и судей. Доступна возможность узнать статистику рассмотрения какого-либо спора в конкретном суде; узнать процент удовлетворения какого-либо ходатайства конкретным судьей; срок рассмотрения ходатайства, срок подготовки судебного акта конкретным судьей.

- Оценка судебного представителя оппонента. Система позволяет получить информацию о статистике судебных дел судебного представителя противоположной стороны; результаты его участия как представителя у конкретного судьи; количество побед иных юристов против судебного представителя оппонента.

- Оценить различные вопросы. Система предоставляет общую схему с результатами прогнозирования удовлетворения заявления, сроков рассмотрения, процентного соотношения судебных расходов, опыт судьи при рассмотрении конкретного дела, вероятность отказа и т.д.

По итогу система представляет полный анализ с детальным прогнозированием спора, позволяет сформировать стратегию ведения спора, быть осведомленным о действиях судебного представителя оппонента в аналогичных спорах. Безусловно наличие данных систем позволяет юристу более детально вникать в правовые аспекты кейса.

Заключение

Успешное развитие предсказанного правосудия, которое представляет собой систему/платформу, базирующуюся на ИИ и нейросети, осуществляется в США. Предсказанное правосудие является сложной технической системой, представляющей особую ценность для юриста. Предсказанное правосудие позволяет юристам ознакомиться со множеством существующих вопросов для судебного процесса, например: выбор места для разрешения спора (государственный суд или альтернативный способ разрешения спора, например арбитраж или медиация); прогноз удовлетворения искового заявления, какого-либо ходатайства конкретным судьей; срок разрешения дела или рассмотрения ходатайства. Системы предсказанного правосудия имеют существенную базу данных, позволяющих получить подробную информацию о рассмотрении дела конкретным судьей, что в свою очередь позволяет сформировать более грамотную позицию по судебному делу. Несмотря на признание эффективности и технологичности судебной системы России, а также высокий уровень развития автоматизированных процессов, в России отсутствуют аналоги систем предсказанного правосудия. Небольшие элементы предсказанного правосудия заложены в систему Casebook, которая предоставляет прогноз разрешения спора (процент удовлетворения или отказа в иске), однако данный прогноз вероятнее всего является в стадии разработки, так как представляется неточным. Системы предсказанного правосудия США имеют

расширенный функционал: специальная нейросеть для поиска, составление форм процессуальных документов, масштабная статистика по отдельным процессуальным вопросам, итоговая таблица со всеми данными, имеющими значение для судебного спора. Безусловно, стоит отметить трудоемкость создания данных систем с точки зрения их технологичности. Российская цифровизация права уже располагает системами, оказывающими содействие судебным юристам – Casebook, Caselook. Появление систем/платформ предсказанного правосудия будет характеризовать дальнейшее эффективное развитие цифровизации правосудия и окажет положительное значение для предоставления юридической помощи.

Пристатейный библиографический список

1. Белякова А. В. Развитие цифровых технологий в системе правосудия как один из способов ускорения судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. - 2019. - № 12. - С. 50-56.
2. Бирюков П. Н. Цифровизация правосудия по гражданским делам: опыт ЕС // Арбитражный и гражданский процесс. - 2022. - № 2. - С. 3-7.
3. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «Предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. - 2019. - № 11 (156). - С. 79-87.
4. Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Вестник гражданского процесса. - 2021. - № 6. - С. 13-35.
5. Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. Монография. - Москва: Изд. Юрлитинформ, 2021. - С. 224.
6. Кучерова И. И., Сяницына С. А., Дьяконова М. О., Ефремов А. А., Зайцев О. А. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие. - Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. - 376 с.
7. Макутчев А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - № 8. - С. 47-58.
8. Русакова Е. П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура // Государство и право. - 2020. - № 9. - С. 102-109.
9. Русакова Е. П., Гроник И. А., Купчина Е. В. Гражданское судопроизводство сквозь призму цифровизации: опыт России, США и Филиппин // Учебное пособие. - Изд. Российский университет дружбы народов (РУДН). - 2021. - С. 109.
10. Соседова М. В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. - 2020. - № 5. - С. 32-37.
11. Чудиновская Н. А. Некоторые направления цифровизации правосудия в России и странах Евросоюза // Арбитражный и гражданский процесс. - 2022. - № 7. - С. 7-9.
12. Яркова В. В., Абушенко Д. Б., Брановицкий К. Л., Загайнова С. К. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. - Москва: Статут, 2021. - 460 с.
13. Rusakova E. P. Robotization of civil proceedings: reality or future // Smart innovation, systems and technologies. - 2022. - Vol. 288. - P. 211-217.
14. Rusakova E. P., Frolova E. E. Guidelines for the beginning of civil proceedings in the era of the fourth industrial revolution // Advances in research on Russian business and management. - 2022. - P. 191-198.
15. Frolova E. E., Rusakova E. P. Trends in the Development of Alternative Ways of Dispute Resolution of Neo Industrialization Subjects // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap: Institute of Scientific Communications Conference. - Cham: Springer Nature, 2021. - P. 1842-1849.

11 В 2018 году Ravel Law была приобретена LexisNexis, система переименована в Context in Lexis Advance.

ЦЕПОВА Екатерина Андреевна

кандидат юридических наук, Российский университет дружбы народов

ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБМЕНЕ НАЛОГОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ*

Основная цель исследования заключается в изучении перспектив международного сотрудничества Российской Федерации в налоговой сфере в условиях беспрецедентного санкционного давления. В статье рассмотрены международные соглашения в сфере налогообложения, ратифицированные Российской Федерацией в контексте влияния санкций и геополитических факторов на реализацию каждого из них. Особое внимание уделено анализу перспектив прекращения налогового обмена в рамках «Многостороннего соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией» от 29 октября 2014 года.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на грозную политическую риторику, вероятность полного отказа других стран от обмена данными с Российской Федерацией крайне низкая. Межгосударственное налоговое взаимодействие является сложным и многоуровневым процессом, поэтому снижение эффективности функционирования одних информационных каналов не окажет существенного влияния на работу других.

Ключевые слова: санкции, налоговая прозрачность, автоматический обмен финансовой информацией, Common Reporting Standard, финансовый контроль.

TSEPOVA Ekaterina Andreevna

Ph.D. in Law, Peoples' Friendship University of Russia

PROSPECTS FOR PARTICIPATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE INTERNATIONAL EXCHANGE OF TAX INFORMATION UNDER SANCTIONS**

The main objective of the study is to examine the prospects for international cooperation of the Russian Federation in the tax sphere in the face of unprecedented sanctions pressure. The article considers international agreements in the field of taxation, ratified by the Russian Federation in the context of the impact of sanctions and geopolitical factors on the implementation of each of them. Particular attention is paid to the analysis of the prospects for the termination of the tax exchange within the framework of the "Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information" dated October 29, 2014.

The author comes to the conclusion that, despite the formidable political rhetoric, the probability of a complete refusal of other countries to exchange data with the Russian Federation is extremely low. Interstate tax interaction is a complex and multi-level process, therefore, a decrease in the efficiency of the functioning of some information channels will not have a significant impact on the work of others.

Keywords: sanctions, tax transparency, automatic exchange of financial account information, Common Reporting Standard, financial control.

С началом специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 года Россия столкнулась с абсолютно беспрецедентным по своему масштабу давлением. Всего экономические санкции различной степени воздействия ввели 48 государств и территорий. Наиболее значимые ограничения введены в отношении финансовой, энергетической и транспортной отрасли, поставки технологий и оборудования. Около половины золотовалютных резервов страны было заморожено США и другими странами, крупнейшие российские банки отключены от системы передачи финансовых сообщений SWIFT, российским авиакомпаниям запрещены полеты над территорией множества государств, введено эмбарго на некоторые виды российских энергоносителей [5]. Пострадали также торговые отношения России со многими странами, были прекращены инвестиции в российские предприятия, поставки продукции, оборудования и программного обеспечения [1].

Санкции привели к разрыву множества международных связей, под угрозой оказались и отношения в сфере налогообложения. В 2022 году несколько государств заявили о приостановке обмена налоговой информацией с Российской Федерацией, в том числе Украина, Латвия, Германия, США, Соединенное Королевство¹. В текущей ситуации большой научный и практический интерес представляет исследование вопроса перспектив международного сотрудничества в сфере налогообложения с участием Российской Федерации. Возможно ли полное прекращение налогового взаимодействия между Россией и другими странами?

Формы международного обмена данными в целях налогообложения достаточно разнообразны. Их законодательная основа была создана после заключения в Страсбурге 25 января 1988 года «Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам» (The Multilateral Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters). В настоящее время участниками конвенции является 146 государств, в том числе Российская Федерация, которая ратифицировала Конвенцию 4 ноября 2014 года.

Конвенция не содержит детального описания механизмов обмена налоговой информацией, но именно она предусматривает возможность различных способов обмена между государствами, ратифицировавшими Конвенцию, в том числе обмен информацией по запросу, инициативный обмен информацией и автоматический обмен информацией². Каждая из форм обмена имеет собственную нормативно-правовую базу и специфические каналы передачи данных. В частности, автоматический обмен регулируется «Многосторонним соглашением компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией» от 29 октября 2014 года (Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information, далее - CRS MCAA). Данное соглашение закрепляет применение единого стандарта для автоматического обмена информацией в налоговых целях³. В настоящее время CRS MCAA подписали 117 государств и территорий, включая Российскую Федерацию, присоединившуюся к соглашению в мае

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

¹ UK Government (2022). UK suspends tax co-operation with Russia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/uk-suspends-tax-co-operation-with-russia>.

2 «Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам» (Заклучена в г. Страсбурге 25.01.1988, с изм. и доп. от 27.05.2010) // «Собрание законодательства РФ». - № 12. - 21.03.2016. - Ст. 1586, ст. 6

3 OECD. Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/multilateral-competent-authority-agreement.pdf>.

2016 года. Стандарт подробно описывает состав и процесс сбора данных, их обработки и последующей передачи в рамках автоматического обмена финансовой информацией.

Еще одним ключевым документом, регулирующим международный обмен налоговой информацией, является «Многостороннее соглашение компетентных органов об автоматическом обмене страновыми отчетами» (Multilateral Competent Authority Agreement on the Exchange of Country-by-Country Reports, далее - СВС МСАА)⁴, подписанное в рамках реализации тринадцатого пункта плана ОЭСР по противодействию размытию налоговой базы и перемещению прибыли [4]. В настоящее время данное соглашение подписали 92 государства и территории, включая Российскую Федерацию, присоединившуюся к соглашению 27 января 2017 года. Присоединение к соглашению позволяет налоговым органам государства-участника СВС МСАА получать на ежегодной основе в автоматическом режиме информацию о распределении доходов и уплаченных налогов между участниками международных групп компаний, необходимую для оценки рисков, связанных с размытием налогооблагаемой базы и выводом прибыли в юрисдикции с меньшей налоговой нагрузкой.

Для того, чтобы механизм автоматического обмена между двумя государствами, подписавшими СВС МСАА или СВС МСАА, вступил в силу, необходимо, чтобы оба государства выразили намерение обмениваться информацией друг с другом, информировав об этом соответствующий комитет ОЭСР [3]. Актуальная информация о наличии действующих обязательств по обмену публикуется на официальном сайте ОЭСР, также ее обязаны публиковать налоговые органы каждого государства-участника.

Примечательно, что в 2022 году количество направлений международного обмена информацией о финансовых счетах в рамках СВС МСАА между Россией и другими странами только увеличилось. Новый перечень государств и территорий, с которыми осуществляется автоматический обмен налоговой информацией, вступил в силу 16 июля 2022 года⁵. Список пополнился такими странами, как Албания, Бруней, Новая Каледония, Перу и Эквадор. В ближайшее время в перечень также будут включены Казахстан, Мальдивы и Оман. В то же время две юрисдикции будут в ближайшее время исключены из данного перечня, это Каймановы острова и Швейцария. 16 сентября 2022 года Федеральный совет Швейцарии, принял решение временно приостановить обмен финансовой информацией с Россией⁶.

Тем не менее, по сравнению с общим количеством действующих направлений автоматического налогового обмена, временное прекращение двух из них не носит существенного характера. В настоящее время Российская Федерация получает финансовую информацию от 83 государств и 12 территорий (по состоянию на 08 октября 2022 года). В их число входит большинство стран, которые ввели санкции против России (страны ЕС, Австралия, Сингапур, Япония), а также множество дружественных государств, включая популярные у российских инвесторов ОАЭ, Гонконг, Турцию и др. Таким образом, многие политические заявления пока не нашли отражения в реальных действиях.

По своей сути автоматический обмен финансовой информацией представляет собой набор алгоритмов по периодическому сбору, анализу и передаче данных клиентов организацией финансового рынка по всему миру в нужные юрисдикции. Он разработан таким образом, чтобы минимизировать влияние на эти процессы человеческого фактора. Задачей обмена является повышение эффективности налогового контроля во всех странах-участниках СВС МСАА и каждая заинтересована в получении информации о своих «уклонистах», которые скрывают доходы в других юрисдикциях. Исключение какой-либо страны из этого процесса не только лишит ее данных о счетах своих

налогоплательщиков в других странах, но также позволит не передавать сведения о финансовых операциях налогоплательщиков других стран, делая своеобразной «налоговой гаванью».

Помимо «Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам» обмен данными между РФ и отдельными государствами осуществляется в рамках соглашений об избежании двойного налогообложения (СОИДН). В этом случае помимо налогового контроля обмен преследует и другую цель, он позволяет добросовестным налогоплательщикам снизить налоговую нагрузку за счет зачета налогов. Прекращение обмена лишит их возможности зачитывать в одной стране налоги, уплаченные в другой. Кроме того, разрыв такого соглашения не может произойти мгновенно. Этот серьезный шаг требует предварительного уведомления второй стороны не менее чем за полгода до начала нового налогового периода. У Российской Федерации СОИДН заключены с 84 государствами и изменения коснулись лишь двух из них: действие соглашения с Латвией было приостановлено с 26 сентября 2022 года, а соглашение с Украиной будет прекращено с 01 января 2023 года.

Кроме того, в 2019 году Российская Федерация ратифицировала «Многостороннюю конвенцию по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размытию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения» (Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting, далее - МЛ) от 24 ноября 2016 года. Участниками конвенции является 100 государств. Цель МЛ заключается в обеспечении налогообложения прибыли по месту ведения предприятиями основной экономической деятельности и предотвращение злоупотребления положениями налоговых соглашений.

Таким образом, ранее озвученные планы некоторых стран, связанные с отказом от сотрудничества с Россией в налоговой сфере, не спешат претворять в жизнь, и причина очевидна. Любое межправительственное соглашение является значимым достижением на пути к увеличению эффективности фискального контроля [2]. Поэтому разрыв таких связей под влиянием политических факторов, в конечном счете, будет иметь деструктивные последствия для всех сторон соглашения и препятствовать интеграции в налоговую сферу.

В заключение можно сделать вывод, что налоговое взаимодействие является комплексным процессом, включающим множество межгосударственных связей, как двусторонних, так и многосторонних. Если какие-то отдельные связи будут разорваны, восполнить пробел возможно через другие каналы информации. Такие государства как Соединенное Королевство, США, Канада, Литва, Черногория, Сербия, Таиланд, Венесуэла, Египет, КНДР, Куба, Туркменистан, Филиппины, Шри-Ланка и некоторые другие не обмениваются с Россией финансовой информацией в автоматическом режиме, но обмен с ними возможен в рамках действующих СОИДН. Кроме того, стороны, приостановившие автоматический обмен, могут продолжать обмениваться налоговой информацией, применяя положения «Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам». Необходимо также учитывать, что в распоряжении российских налоговых органов уже находится достаточно большой массив данных, полученных за предшествующие периоды, и приостановка обмена в дальнейшем вероятнее всего не будет препятствовать проведению контрольных мероприятий в ближайшие годы.

Пристатейный библиографический список

4 OECD. Multilateral Competent Authority Agreement on the Exchange of Country-by-Country Reports. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/about-automatic-exchange/cbc-mcaa.pdf>.

5 Приказ Федеральной налоговой службы от 27 мая 2022 г. N ЕД-7-17/450@ «Об утверждении Перечня государств (территорий), с которыми осуществляется автоматический обмен финансовой информацией» // Официальный интернет-портал правовой информации – 05.07.2022. - N 0001202207050025.

6 Der Bundesrat (The portal of the Swiss Government). Bern, 16.09.2022 - Die Schweiz setzt den steuerlichen Informationsaustausch mit Russland aus. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.admin.ch/gov/de/start/dokumentation/medienmitteilungen.msg-id-90388.html>.

1. Гегечкори И. М. Экономические санкции против Российской Федерации и внешнеэкономическая безопасность: вызовы и угрозы // Аудиторские ведомости. – 2022. – № 1. – С. 97-100.
2. Ermakova E. P. Legal Regulation of Responsible Investing in Russia and Foreign Countries: Concept, Principles, Examples // Perm U. Herald Jurid. Sci. – 2022. – Т. 55. – С. 86.
3. Frolova E. E., Ermakova E. P. Legal regulation of digital financing in Russia and foreign countries // The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention. – 2022. – С. 309.
4. Frolova E. E., Polyakova T. A., Dudin M. N., Rusakova E. P., & Kucherenko P. A. Information security of Russia in the digital economy: the economic and legal aspects // J. Advanced Res. L. & Econ. – 2018. – Т. 9. – С. 89.
5. Kalygina V. V. RUDN Journal of economics // RUDN Journal of economics. Учредители: Российский университет дружбы народов. – 2022. – Т. 30. – № 2. – С. 231-241.

МИРОШНИЧЕНКО Ольга Игоревна

кандидат юридических наук, L.L.m., доцент кафедры Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КОЗЛОВА Олеся Евгеньевна

магистрант 2 курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

В настоящей статье анализируются подходы к правовому регулированию криптовалюты как юридической категории на территории Российской Федерации. Авторы рассуждают о перспективах внедрения специальных правовых режимов криптовалюты и о необходимости (возможности) закрепления ее легального статуса в качестве платежного средства. Рассматривается правовая дискуссия между государственными органами – Банком России и Министерством финансов РФ. Делается вывод о том, что прямой запрет или фрагментарное игнорирование продуктов цифровизации в качестве основного побочного эффекта может привести к недоверию политическим инструментам властных институтов.

Ключевые слова: криптоактивы, цифровая экономика, криптовалюта, легализация криптовалюты, правовое регулирование криптовалюты, цифровизация, биткоин, правовые средства регулирования криптовалюты.

MIROSHNICHENKO Olga Igorevna

Ph.D. in Law, L.L.m., associate professor of the Law School of the Far Eastern Federal University

KOZLOVA Olesya Evgenjevna

magister student of the 2nd course of the Law School of the Far Eastern Federal University

ON THE ISSUE OF THE LEGALIZATION OF CRYPTOCURRENCIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: GENERAL THEORETICAL ASPECT

This article analyzes the main approaches to the legal regulation of cryptocurrencies as a legal category on the territory of the Russian Federation. The authors discuss the prospects for the introduction of special legal regimes of cryptocurrencies and the need (possibility) to consolidate its legal status as a means of payment. The legal discussion between the state bodies – the Bank of Russia and the Ministry of Finance of the Russian Federation is being considered. It is concluded that a direct ban or fragmentary disregard of digitalization products as the main side effect can lead to distrust of the political instruments of government institutions.

Keywords: crypto assets, digital economy, cryptocurrency, cryptocurrency legalization, legal regulation of cryptocurrencies, digitalization, bitcoin, legal means of regulating cryptocurrencies.

Криптоактивы являются одним из самых «модных» явлений 21 века как с экономической, так и с правовой точек зрения. Научное юридическое сообщество на протяжении более чем десяти лет разрабатывает подходы к определению криптоактивов (в том числе и криптовалюты), выстраивает необходимую теоретическую базу для законодательного регулирования возникающих в связи с их использованием общественных отношений, в ходе текущего регулирования пытаются решить вопрос о доверии к новому цифровому платежному средству [5].

Итак, на сегодняшний день существует четыре наиболее распространенных типа криптоактивов: криптовалюта, служебные токены, токены безопасности и стейблкоины. Массовый интерес вызывают первые – криптовалюты, использующие криптографию, алгоритмы консенсуса, распределенные реестры и иные технологии, с которыми пришлось столкнуться представителям юридической профессии. Наиболее распространенными видами криптовалюты считаются два крупнейших по рыночной капитализации активов – биткойн (BTC) и эфириум (ETH).

С каждым годом спрос на криптоактивы растет. Так, например, на пике спроса рыночная капитализация криптовалюты составляла более 171 трлн. рублей, а суточный объем варьировался в пределах 7 трлн. рублей. Несмотря на некоторые волнения в сфере финансовой активности граждан в постковидный период, объем рыночной капитализации до сих пор является внушительным и переваливает за 40 трлн. рублей. Стоит отметить, что в общем рейтинге российские граждане являются активными пользователями интернет-платформ, осуществляющих торговлю криптовалютами. Кроме того, Россия находится в числе лидеров по объему мировых майнинговых мощностей¹.

На фоне развивающихся технологических новшеств, к аналитике цифрового феномена стали подключаться и государственные органы. Так, в конце ноября 2021 года Центральный банк Российской Федерации оценил годовой объем операций россиян с цифровыми активами в более чем 350 млрд рублей. Данные были получены по итогам опроса крупных банковских организаций в июле 2021 года. Также в Банке России отметили, что российские пользователи лидируют не только в сфере активного рынка цифровых валют, но и по посещениям бирж криптоактивов².

Однако, несмотря на столь внушительный пользовательский интерес, криптовалюта по-прежнему остается вне зоны правового регулирования во многих государствах, в том числе и в Российской Федерации. Представляется, что законодатель пока не выработал четкой позиции относительно закрепления цифровых активов, а значит вопрос разработки и внедрения специальных правовых режимов также относится к числу нерешенных.

Однако, не можем не отметить многолетнюю работу по исследованию криптовалюты. Ретроспективный анализ показывает отсутствие единого подхода государственных органов Российской Федерации к пониманию, толкованию и, собственно, к вопросу о легализации криптовалюты, но повестка дня явно сформирована.

В 2014 году Банком России был опубликован пресс-релиз, в котором была обозначена негативная позиция по отношению к криптовалюте и ее потенциальному законодательному закреплению. Аргументы Банка России были

- 1 Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 21.02.2022).
- 2 В Думе рассказали о выборе между запретом и легализацией криптовалют // РБК. 16.12.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/crypto/news/61bb54389a794724cb513816?utm_source=amp_crypto_full-link (дата обращения: 21.02.2022).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

продиктованы, прежде всего, недоверием к цифровым валютам. Даже высказывалась точка зрения о спекулятивном характере операций с криптоактивами. Помимо общего отношения к такого рода финансовому инструментарию, Банк предупредил о высоком риске потери стоимости криптовалюты, а также о том, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций³.

Спустя 3 года Банк России повторно подтвердил свою позицию, указав на резкое возрастание количества запросов участников финансового рынка и СМИ в отношении криптовалют, получивших широкое распространение в мире. Также было отмечено, что большинство операций с криптовалютами осуществляется вне пределов правового регулирования Российской Федерации⁴.

Одновременно с этим Президент Российской Федерации утвердил перечень поручений Правительству совместно с Банком России на законодательном уровне выработать требования к майнингу (добыче) криптовалют, определить статус криптовалют и дать определения таким понятиям, как «цифровой аккредитив», «цифровая закладная», «токен» и «смарт-контракт». Поручение должно быть выполнено к 1 июля 2018 года⁵. Однако, легальной терминологии до сегодняшнего дня не существует [6].

Следующим этапом правового регулирования и легального закрепления статуса криптовалют стала разработка законопроекта «О цифровых финансовых активах». Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был принят 22 июля 2020 года и вступил в силу с 1 января 2021 года⁶.

На законопроект возлагались большие надежды научного сообщества, однако данный нормативно-правовой акт закрепил лишь понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта». Понятия «криптовалюта», «майнинг», «токен» и иные остались без внимания законодателя. Ученый мир, надевшийся на оформление статуса объекта права, признака имущественной стоимости и др. указанным нормативно-правовым актом ожидаемо остался недоволен [3].

На данный момент государственный подход в сфере закрепления статуса и режима криптовалюты можно разделить на два основных подхода. Фактически, оба принадлежат крупнейшим финансовым институтам государства - Министерству финансов Российской Федерации и Центральному Банку.

Подход Банка России подразумевает полный запрет на правомочия собственника криптовалюты. Менее категоричное Министерство финансов РФ рассматривает вариант легализации криптообменников и бирж в целях выработки прозрачной деятельности для регулирующих органов, в том числе Федеральной налоговой службы⁷. Такой подход кажется более прогрессивным и соответствующим современным российским реалиям. Подразумевается, что качественное правовое регулирование данной области позволит вывести

из теневого рынка столь значительный сегмент финансовых операций и, как следствие, защитить права и законные интересы российских юридических и физических лиц.

20 января 2021 года Банком России был опубликован доклад для общественных консультаций: «Криптовалюты: тренды, риски, меры». Анализ документа показал склонность Банка отстаивать свою позицию по запрету криптовалют в Российской Федерации и в дальнейшем⁸. В ответ на обозначенный доклад, 25 января 2021 года Директор департамента финансовой политики Министерства финансов на сессии «Криптоиндустрия: тренды, технологии, регулирование» в рамках конференции «РБК Крипто», заявил, что выступает против запрета на криптовалюты в России⁹. На следующий день в полемику вступил Президент Российской Федерации. Из заявления четко следовала необходимость властных органов сформировать единый подход, проведя необходимые дискуссии по поводу легализации криптовалюты, отметить конкурентные преимущества государства в майнинге, а также обозначить риски¹⁰.

27 января 2021 года в связи с обострившейся дискуссией Минфином была представлена концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют (криптовалют в том числе)¹¹.

В данной связи стоит отметить, что с теоретической точки зрения криптовалюты как объективный феномен уже прошла стадию правообразования, т.е. процесс от зарождения общественных отношений до их закрепления в нормативном массиве, уже пройден, а сам феномен носит объективный и массовый характер и обуславливается закономерностями общественного развития. Следующим этапом, в соответствии с положениями общей теории права, должен стать углубленный правотворческий процесс, т.е. непосредственная правоустановительная деятельность уполномоченных государственных органов по разработке и принятию законопроекта, содержащего в себе основы правового регулирования и легального закрепления статуса криптовалюты.

Так, 18 февраля 2022 года Минфином России внесен в Правительство законопроект о регулировании криптовалют. Проект федерального закона был разработан по поручению Правительства РФ на основе утвержденной концепции регулирования механизма организации оборота цифровых валют¹².

В то же время Банком России был подготовлен законопроект о запрете криптовалют. Из пояснительной записки к документу следует, что Банк России планирует установить запрет на организацию выпуска, выпуск, обращение «частных цифровых валют» на территории Российской Федерации и даже распространение информации о подобных действиях¹³.

В данном контексте отметим некоторые точки зрения представителей научного сообщества. Так, Кудряшова Е. В., рассуждая о сложившейся дискуссии, выделяет три подхода к регулированию, которые потенциально могут быть использованы законодателем: негативный, прогрессивный или нейтральный. По ее мнению, жесткое бескомпромиссное регулирование (негативный подход) не даст положительных

3 Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойн // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации (Банк России). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052.htm#highlight=%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%BA%D0%20VE%D0%B9%D0%BD (дата обращения: 21.02.2022).

4 Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют) // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации (Банк России). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm (дата обращения: 21.02.2022).

5 Путин поручил разработать налоги на майнинг криптовалют // РБК. 24.11.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59ef17b19a7947c7b2e0b6d> (дата обращения: 21.02.2022).

6 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2021).

7 В Думе рассказали о выборе между запретом и легализацией криптовалют // РБК. 16.12.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/crypto/news/61bb54389a794724c5f13816?utm_source=amp_crypto_full-link (дата обращения: 21.02.2021).

8 Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

9 В Минфине предложили «регулировать, а не запрещать» криптовалюты // РБК. 25.01.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/25/01/2022/61efdda69a794787b0ae2253> (дата обращения: 22.02.2022).

10 Путин вмешался в спор ЦБ и правительства о запрете криптовалют // РБК. 26.01.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/26/01/2022/61f15f059a79471abff191e> (дата обращения: 22.02.2022).

11 Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649q2Kg6HuTANrQZ.pdf> (дата обращения: 22.02.2022).

12 Минфин России направил в Правительство России проект федерального закона «О цифровой валюте». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37774-minfin_rossii_napravil_v_pravitelstvo_rossii_projekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovoi_valyute (дата обращения: 22.02.2022).

13 Банк России подготовил законопроект о запрете криптовалют // Российская газета. № 38. 20.02.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/02/20/bank-rossii-podgotovil-zakonoproekt-o-zaprete-kriptovalyut.html> (дата обращения: 22.02.2022).

результатов, т.к. это усилит тенденцию перетекания криптовалюты и фиатных денег, которые впоследствии все равно адаптируются, к изоляции. Прогрессивный же подход предполагает положительное отношение к новому явлению и создание норм, направленных на повышение привлекательности фиатных денег. Нейтральный подход же характеризуется «выжидательной» позицией законодателя [4, с. 2179]. Согласно предлагаемым Кудряшовой Е. В. подходам, Российская Федерация в большей степени на протяжении длительного времени использовала именно нейтральный подход, но в настоящее время четко обозначенные позиции Минфина и Банка России, можно фрагментарно отнести к прогрессивному и негативному подходам соответственно.

На наш взгляд, в обозначенных выше позициях есть общая социально важная цель – защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц, развитие цифровой экономики. В этой связи упорядочивание общественных отношений, т.е. приведение в соответствие фактически возникших отношений и установленных моделей поведения, на данный момент является ключевой задачей. Представляется, что легализация криптовалюты неизбежна. По нашему мнению, основной вопрос заключается лишь в установлении адекватного правового режима, который зависит, в том числе, от правовых и этических позиций Минфина и Банка России относительно необходимого набора правовых средств регулирования цифровой валюты.

В противостоянии Министерства финансов и Банка России ключевым является выбор доминанты предстоящего режима – запрет или дозволение в сочетании с позитивным обязыванием. Исходя из общетеоретических классификаций, по соотношению правовых стимулов и ограничений правовые режимы делятся на стимулирующие и ограничивающие правовые режимы с соответствующими подвидом [2, с. 9].

Позиция Банка России, согласно докладу «Криптовалюты: тренды, риски, меры» и информации о законопроекте по запрету криптовалют, очевидно, в дальнейшем будет тяготеть к ограничивающему правовому режиму с сочетанием запрещающего и обязывающего элементов. Такой режим характеризуется следующим:

1) Запрет как средство правового регулирования будет выражаться в ограничении на организацию выпуска, выпуск, организацию обращения «частных цифровых валют» на территории России, а также на распространение соответствующей информации;

2) Вариантом обязывания может служить блокировка банками денежных переводов через платежные карты и электронные кошельки при наличии сведений о том, что получатель перевода занимается деятельностью, способствующей организации выпуска, выпуску и обращению криптовалют в России и за ее пределами;

3) Применение санкций – установление ответственности за нарушение запретов в виде штрафов для физических и юридических лиц.

Позиция Минфина соответствует выбору стимулирующего правового режима с сочетанием общедозволяющего и обязывающего элементов в вопросе регулирования криптовалют как инструмента инвестиций¹⁴.

Такой подход предполагает:

1) Наибольшее распространение дозволения как средства правового регулирования, способствующего высокой степени свободы и активности участников правоотношений. Проследить это можно в следующих положениях законопроекта:

- квалифицированные инвесторы и юридические лица смогут совершать операции на бирже без ограничений;
- операции с покупкой или продажей криптовалюты будут возможны при условии проведения идентификации клиента;
- при успешном прохождении тестирования на уровень знаний о специфике вложений в цифровые валюты и осведомленности о возможных рисках граждане смогут вкладывать средств в цифровые валюты до 600 тыс. рублей ежегодно;

– закрепляется определение цифрового майнинга как деятельности, направленной на получение криптовалюты.

2) Обязывание как средство правового регулирования будет проявляться в следующих положениях:

- определены требования к биржам и «обменникам» (операторам), которые могут осуществлять деятельность, связанную с организацией оборота цифровых валют;
- биржи обязаны отделять в информационной системе цифровую валюту, принадлежащую им, от цифровой валюты участников торгов;
- биржи и «обменники» будут обязаны вести реестры с указанием адресов-идентификаторов каждого обладателя цифровых валют. Законопроектом также предусмотрен порядок ведения таких реестров.

Подобное сочетание средств правового регулирования, представленное Минфином России, на наш взгляд, отвечает интересам как частного сектора, включая граждан и юридических лиц, которые смогут инвестировать в криптовалюту, так и публичного в лице государственных органов, оставляющих за собой возможность контролировать процессы, которые на данный момент выведены из-под юрисдикционной деятельности государства.

В процессе обмена мнениями относительно законопроектов, Минфин отметил, что получил предложения Банка России (с проектом законодательных изменений) о введении запрета на организацию выпуска и обращения цифровых валют, а также введении ответственности за соответствующие правонарушения и указал на то, что полученные предложения Банка России будут учтены при дальнейшей работе над законопроектом в части, не противоречащей подходам Министерства¹⁵.

Подводя некоторые итоги, считаем нужным отметить, что криптовалюта как социально-экономический феномен, до сих пор является предметом дискуссий не только в свете ее потенциальной легализации и выбора адекватного правового режима, но и в общих вопросах доверия к этим цифровым институтам. Прямой запрет или фрагментарное игнорирование продуктов цифровизации, на наш взгляд, в качестве побочного эффекта способно привести лишь к нарастанию рисков и, как итог, общему недоверию к институтам управления.

Считаем, что сочетание правовых средств регулирования, качественно разработанная теоретическая база, а также совместная работа Министерства финансов и Банка России приведет к реальному результату, который обеспечит вывод криптовалюты из зоны теневой экономики и, как следствие, к общей стабилизации настроений на рынке криптоактивов.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Теория права. - М., 1993. - 223 с.
2. Беляева Г. С. К вопросу о классификации правовых режимов // Актуальные проблемы российского права. - № 2. - 2012. - С. 4-10.
3. Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 1. - С. 81-91.
4. Кудряшова Е. В. Криптовалюты в правовом поле // Финансы и кредит. - Т. 24. - № 10. - 2018. - С. 2175-2183.
5. Frolova E. E., Ermakova E. P. Legal regulation of digital financing in Russia and foreign countries // Advances in Research on Russian Business and Management. - 2022. - Vol. 2022. - P. 309-322.
6. Rusakova E. P., Frolova E. E., Gorbacheva A., Kupchina E. V. Implementation of the smart-contract construction in the legal system of Russia // 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities. - 2019. - С. 748-753.

14 Минфин России направил в Правительство России проект федерального закона «О цифровой валюте». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37774-minfin_rossii_napravil_v_pravitelstvo_rossii_proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovoy_valyute (дата обращения: 22.02.2022).

15 Минфин России направил в Правительство России проект федерального закона «О цифровой валюте». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37774-minfin_rossii_napravil_v_pravitelstvo_rossii_proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovoy_valyute (дата обращения: 22.02.2022).

КУПЧИНА Екатерина Валентиновна

старший преподаватель кафедры Гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ СПОРАМ

Развитие цифровой экономики вступило в новый этап. Интеграция цифровых технологий и процесса торговли приводит к ряду изменений, таких как онлайн-заказы, цифровая доставка и т.д., что снижает торговые издержки и повышает ее эффективность. Товары и услуги также оцифровываются, когда данные становятся предметом торговли. В этих условиях становятся очевидными важные задачи: защита интеллектуальной собственности и регулирование рынка. Например, алгоритмы работы искусственного интеллекта в настоящее время могут быть защищены авторским правом, коммерческой тайной или патентом, большие данные – авторским правом, патентным правом или законодательством о конкуренции, но ни тот, ни другой выбор сам по себе не является достаточным и представляет определенные трудности, прежде всего нечеткие стандарты защиты. В этой связи автору настоящего исследования представляется возможным провести анализ современных способов защиты прав на интеллектуальную собственность в международных коммерческих арбитражах с помощью цифровых доказательств.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, цифровые доказательства, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, блокчейн.

KUPCHINA Ekaterina Valentinovna

senior lecturer of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

DIGITAL EVIDENCE IN INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION ON INTELLECTUAL DISPUTES

The development of the digital economy has entered a new stage. The integration of digital technologies and the trading process brings about a number of changes such as online ordering, digital delivery, etc., which reduce trading costs and increase its efficiency. Goods and services are also digitized when data is traded. Under these conditions, important tasks become obvious: protection of intellectual property and regulation of the market. For example, artificial intelligence algorithms can currently be protected by copyright, trade secret or patent, big data – by copyright, patent law or competition law, but neither choice in itself is sufficient and presents certain difficulties, primarily fuzzy protection standards. In this regard, the author of this study seems to be able to analyze modern methods of protecting intellectual property rights in international commercial arbitrations using digital evidence.

Key words: international commercial arbitration, digital evidence, intellectual property, artificial intelligence, blockchain.

Купчина Е. В.

Введение

Область международного коммерческого арбитража превратилась в один из наиболее часто используемых методов разрешения коммерческих споров на международном уровне. Международный коммерческий арбитраж становится широко известным альтернативным методом разрешения споров в мировой практике. Целью международного коммерческого арбитража является разрешение трансграничных споров, которые возникают между частными сторонами в коммерческих сделках.

Несмотря на широкое распространение арбитража, многие учреждения не устанавливают специальных правил по сбору доказательств и представлению их в арбитражном разбирательстве. Кроме того, в большинстве арбитражных правил отсутствуют пояснения о различиях в понимании цифровых и документальных доказательств.

Одно из преимуществ международного арбитража заключается в том, что институциональные правила и правила специального разбирательства допускают гибкость и автономию воли сторон, что означает возможность использования в арбитражном процессе гибких подходов к предоставлению доказательств.

Ускоренные темпы цифровизации, обусловленные, в том числе, пандемией коронавируса, требуют адаптации процессуальных стандартов к новой технологической реальности. Эффективная защита прав интеллектуальной собственности

(ИС) требует надлежащей работы с электронными доказательствами в судах, в том числе арбитражах [1].

Все чаще электронные доказательства становятся средством доказывания фактов в спорах о нарушении прав на интеллектуальную собственность. Интернет становится основным рынком для распространения и доступа к объектам охраны интеллектуальной собственности. К основным проблемам регулирования медиаконтента относятся:

- невозможность контроля за использованием произведенных правообладателями;
- трудности идентификации правообладателей;
- разделяемость Интернета;
- отсутствие регистрации прав на объекты интеллектуальной собственности в цифровом пространстве;
- отсутствие метаданных;
- скорость обмена информацией;
- экстерриториальность интернета и возможность доступа к контенту одновременно неограниченному количеству людей.

Чаще всего под электронными доказательствами понимаются любые свидетельства данных, которые содержатся или сгенерированы любым устройством, работа которого зависит от программного обеспечения или данные, хранящиеся в компьютерной системе или в сети или передаваемые через компьютерную систему или сеть [2].

Однако, охраняемые объекты интеллектуальной собственности часто содержат не только текст, но и визуальные изображения или звуки, которые могут преобразовываться в цифровой контент. Несомненно, электронные доказательства становятся более сложными. Все чаще суды сталкиваются со сложными доказательствами, такие как мультимедиа, запись интернет-сеанса или сложной системой ссылок. Этот новый тип динамических доказательств требует гораздо большего опыта и знаний от участников судебного разбирательства. Наиболее ярким примером технологии, используемой для защиты электронных доказательств в делах об интеллектуальной собственности, которая требует особых знаний, является

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270-2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** This work has been financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation №. НШ-3270-2022.2 «Evolution or revolution of civil justice: digitalization through the prism of artificial intelligence».

блокчейн [3], а также доказательства, созданные с помощью искусственного интеллекта.

Кроме того, споры в области интеллектуальной собственности, как правило, носят сложный характер, включая сложные юридические вопросы и фактические вопросы, затрагивающие несколько сторон.

Особенно сложными являются споры при совершении правонарушений онлайн. Например, нарушения, совершенные с использованием однорангового файла¹, а также совместное использование протоколов, в которых участвует ряд нарушителей. В таких спорах использование электронных доказательств почти неизбежно, и типы электронных доказательств в спорах об интеллектуальной собственности могут быть всевозможными: IP-адреса, информация на веб-сайтах и сведения, находящиеся у респондента и (или) сервера третьих сторон («облачные вычисления»), программное обеспечение.

Получение электронных доказательств является сложной задачей, которая может значительно повлиять на ход арбитража. Основными трудностями при сборе доказательств в спорах об интеллектуальной собственности являются:

- получение доказательств по трансграничным делам;
- чрезмерные затраты на производство доказательств;
- несоответствие в понимании одной и той же информации.

В цифровой среде трансграничное использование интеллектуальной собственности становится все более распространенным явлением. Распространение товаров, охраняемых ИС, в Интернете, по своей сути, носит перекрестный характер. Таким образом, получение доказательств в спорах об ИС может быть особенно сложным не только из-за сложности споров, но и ввиду наличия «иностранный» элемента, который, почти неизбежно, требует тесного сотрудничества и создания единых образцов правил и подходов.

Электронные доказательства обладают уникальными свойствами, которые отличают их от традиционных бумажных доказательств. Способ хранения и тип информации, относящейся к доказательствам, может быть изменен в связи с использованием различных электронных устройств [4]. Сбор и представление доказательств в оригинальном электронном виде для арбитража требует проведения экспертизы. В этой связи следует учитывать общие принципы доказательственного права, но применять их к электронным доказательствам, с учетом уникальности и технических аспектов.

Правовая регламентация предоставления цифровых доказательств в международном коммерческом арбитраже

Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют создавать и хранить данные на различных цифровых устройствах. В большинстве юрисдикций под цифровыми доказательствами понимается любое доказательство, полученное из данных, которые содержатся или были произведены любым устройством, функционирование которого зависит от программного обеспечения, а также программы или данные, хранящиеся или передаваемые через компьютерную систему или сеть [2, с. 91]. Например, цифровые фотографии, аудио- и видеофайлы, записанные с помощью мобильного телефона. Однако изображение или документ — это лишь видимая часть процесса. В основе создания цифровых файлов лежат технологические принципы и характеристики, которые определяют разницу между цифровым доказательством и доказательством в аналоговом или физическом формате.

При рассмотрении споров международными коммерческими арбитражными судами вопрос о возможности предоставления доказательств, в том числе, в электронном виде отнесен к компетенции самих арбитражных институтов и, как правило, содержится в их правилах и регламентах². Кроме того, ввиду гибкости арбитражного разбирательства, участники спора могут самостоятельно определить порядок представления и исследования доказательств.

Вопрос о возможности предоставления электронных доказательств является одним из наиболее обсуждаемых в

современном научном сообществе, поскольку электронные документы и другие виды электронных доказательств часто считаются менее надежными, чем бумажные носители, так как ими легче манипулировать. Они могут быть легко изменены, повреждены или уничтожены в результате неправильного обращения или проверки. Кроме того, электронные документы или файлы содержат в себе важную отличительную особенность — метаданные, которые играют важную роль при их оценке и определении подлинности.

Возможность рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже, в первую очередь, обуславливается их трансграничной природой. Статья 19 (2) Типового закона ЮНСИТРАЛ³, предусматривает, что «полномочия, предоставленные арбитражному суду, включают право определять допустимость, относимость, существование и вес любых доказательств». Аналогичные положения содержатся в статье 27 (4) Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ⁴, которые устанавливают, что: «арбитражный суд определяет допустимость, относимость, существование и вес предоставленных доказательств».

В дополнение к применению данного принципа арбитражное сообщество разработало несколько наборов правил, среди которых особенно следует отметить Правила ИВА о получении доказательств в международном арбитраже (IBA Rules on Taking Evidence in International Commercial Arbitration (IBA)⁵, а также Пражские правила (Rules on the Efficient Conduct of Proceedings in International Arbitration (Prague Rules)⁶.

Применение Правил ИВА носит рекомендательный характер, однако их применение возможно независимо от материального или процессуального права, регулирующего само разбирательство. Последняя редакция правил была выпущена 15 февраля 2021 года. В основе пересмотренных Правил лежит концепция по дальнейшей оптимизации и решению основных технологических проблем, связанных с получением и оценкой цифровых доказательств⁷.

Согласно ст. 3.12 обновленных Правил ИВА предоставление доказательств должно осуществляться в форме, наиболее удобной и экономически выгодной для сторон. Данное положение подразумевает использование электронного документооборота в качестве основного инструмента предоставления доказательств. Кроме того, важным дополнением в Правила ИВА, является включение подпункта (e) в статью 2.2, который содержит положения о кибербезопасности и защите данных при предоставлении доказательств в электронном виде. Этот подпункт подчеркивает важность рассмотрения и решения проблем, связанных с технологическими особенностями предоставления цифровых доказательств еще на ранней стадии разбирательства, с целью обеспечения эффективного и рентабельного получения доказательств.

Еще одним важным документом, регулирующим возможность предоставления доказательств в международный коммерческий арбитраж, в том числе, в электронном виде, являются Пражские правила, которые были официально приняты 14 декабря 2018 года в Праге. Они представляют собой новый подход к совершенствованию арбитражного разбирательства и предоставляют сторонам широкий выбор «арбитражного инструментария». В частности, статья 4.7 Пражских правил содержит правило о том, что документы должны представляться в виде фотокопий и (или) в электронной форме, и такие формы документов считаются идентичными подлинникам, если другая сторона не оспаривает это [6].

В октябре 2008 года был выпущен Протокол Сертифицированного института арбитров (CI Arb Protocol for E-Disclosure in Arbitration) для электронного раскрытия информации в

1 Под одноранговым файлом здесь и далее по тексту понимается распространение и совместное использование цифровых носителей с использованием сетевой технологии peer-to-peer (P2P). P2P общий доступ к файлам позволяет пользователям получать доступ к мультимедийным файлам, таким как книги, музыка, фильмы и игры.

2 Правила арбитража МКАС при ТПП РФ (в ред. 13.05.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mkas.tpprf.ru/ru/reglamentmkas.php> (дата обращения: 10.11.2022).

3 Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 год (С изменениями, принятыми в 2006 году). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf (дата обращения: 18.11.2022).

4 Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (С изменениями и дополнениями 2013 год). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/uncitral-arbitration-rules-2013-r.pdf> (дата обращения: 15.11.2022).

5 International Bar Association. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ibanet.org/resources> (дата обращения: 15.11.2022).

6 Rules on the Efficient Conduct of Proceedings in International Arbitration (Prague Rules). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://praguerules.com/upload/medialibrary/9dc/9dc31b47799e26473d92961d926948c9.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

7 International Bar Association. Электронный ресурс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ibanet.org/resources> (дата обращения: 15.11.2022).

арбитраже⁸. Как указано в преамбуле документа «...протокол предназначен для использования в тех случаях, когда некоторые подлежащие раскрытию документы представлены в электронном виде».

Еще одним важным документом, оказавшим серьезное влияние на практические аспекты предоставления электронных доказательств в международном коммерческом арбитраже, являются Седонские Принципы о раскрытии электронной информации [7]. Данный документ был подготовлен в 2002 году в рамках конференции, проходившей в США (Седонская конференция). Применение положений данных Принципов для целей предоставления электронных доказательств в международном коммерческом арбитраже носит не официальный характер. Однако основные идеи и концепции, связанные, в первую очередь, с предоставлением и хранением электронных данных, привлечением свидетелей-экспертов, а также формы документов широко применяются в арбитраже.

Международная организация по стандартизации (International Organization for Standardization – ISO) и Международная электротехническая комиссия (International Electrotechnical Commission – IEC) разработали специализированную систему всемирной стандартизации в области информационных технологий. В международном стандарте ISO/IEC 27037:2012 указано, что «цифровые доказательства представляют собой информацию или данные, хранящиеся или передаваемые в двоичной форме, которые могут рассматриваться как доказательства»⁹.

Данный Стандарт разработан с целью дать рекомендации по обработке цифровых доказательств для всех участников судебного и арбитражного разбирательства, но особенно для лиц, принимающих решения, то есть тех, кто должен принимать решение о надежности цифровых доказательств – судей и арбитров. Сам Стандарт не имеет приоритета над национальным законодательством или конкретными юридическими требованиями. Тем не менее, ISO/IEC 27037:2012 обеспечивает детальное руководство по конкретным функциям при работе с ценными цифровыми доказательствами. Эти процессы, охватываемые руководством, включают, например, идентификацию, сбор, приобретение и сохранение ценных цифровых доказательств. Все эти процессы необходимы для поддержания целостности цифровых доказательств и формированию положительного отношения к допустимости цифровых доказательств во всех видах судебных разбирательств.

Большинство арбитражных регламентов различных арбитражных учреждений не содержат положений о цифровых доказательствах и электронном раскрытии информации, оставляя этот вопрос на усмотрение сторон спора и решение третейского суда.

Например, Арбитражный регламент Международной торговой палаты (International Chamber of Commerce – ICC) не содержит конкретных положений, регулирующих представление документов, и «трибуналы ICC пользуются широкой свободой действий в управлении разбирательством в соответствии с Правилами»¹⁰, чтобы предоставить каждой из сторон разумную возможность представить свою позицию.

Недавно принятый Арбитражный регламент Немецкого института арбитража (Deutsche Institution für Schiedsgerichtsbarkeit – DIS) отражает тот же подход и уполномочивает трибунал приказывать любой стороне предоставить или предоставить любые документы или данные, хранящиеся в электронном виде (статья 28)¹¹. Это требуется для установления фактов дела, имеющих значение и являющихся существенными для принятия решения по спору.

Приведенные выше отдельные примеры применения специальных Правил и Принципов носят рекомендательный характер для участников арбитражного разбирательства. Од-

нако они получили широкое распространение и успели зарекомендовать себя как эффективный инструмент предоставления и оценки электронных доказательств.

Заключение

Защита прав и законных интересов владельцев прав на интеллектуальную собственность должна осуществляться с учетом действующего законодательства, в том числе в рамках применения современных цифровых судебных инструментов. Глобальное распространение сети Интернет и онлайн-передача литературных произведений, музыкальных произведений, фильмов, компьютерных программ и иных, охраняемых законом произведений, позволяют использовать данные объекты в любое время и без привязки к территории конкретной страны. Подобная ситуация ставит под угрозу вопрос о защите своих прав законными правообладателями. Существует высокий риск того, что владельцы прав на объекты интеллектуальной собственности могут отказаться от предъявления претензий о нарушении своих прав, поскольку, ввиду отсутствия надлежащих доказательств, они не в состоянии выиграть дело. Именно поэтому суды должны проявлять осторожность при работе с электронными доказательствами в таких случаях.

Более технологичный и практичный подход к регулированию электронных доказательств просто необходим в современной арбитражной практике. Наличие уже существующих единообразных правил, рассмотренных в настоящей работе, а также стремление к их совершенствованию, демонстрирует стремление законодателя и арбитражных центров к расширению существующих процедур.

Поскольку предоставление доказательств в электронном виде, в том числе, по спорам в сфере интеллектуальной собственности, становится все более распространенным явлением, национальным правительствам необходимо более детально закреплять и прорабатывать существующие нормы законодательства об электронных доказательствах и, таким образом, отделять их от других типов доказательств.

В спорах об интеллектуальной собственности стороны часто предоставляют различные скриншоты. В этой связи следует понимать, что содержание веб-страницы может быть недостаточным для подтверждения определенных фактов, поскольку они не являются метаданными. Эффективное ведение дел и защита прав интеллектуальной собственности особенно важны, поскольку информация, относящаяся к электронным доказательствам, может находиться на территории иностранного государства во владении третьего лица.

Пристатейный библиографический список

1. Van Rhee C. H. et al. Transformation of Civil Justice, Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice. // Springer. - 2018.
2. Купчина Е. В. Правовое регулирование предоставления цифровых доказательств в международном коммерческом арбитраже // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 89-111. – DOI 10.35427/2073-4522-2021-16-3-ku pchina.
3. Mason S. et al. Electronic evidence. Institute of Advanced Legal Studies. Institute of Advanced Legal Studies University of London. - P. 37. - 2017.
4. Rusakova E. P. Frolova E. E. Guidelines for the beginning of civil proceedings in the era of the fourth industrial revolution // Advances in Research on Russian Business and Management. – 2022. – Vol. 2022. – P. 191-198.
5. Купчина Е. В. Цифровые доказательства в гражданском процессе Японии // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 6 (145). - С. 91.
6. Duarte G. Henriques. The Prague Rules: Competitor, Alternative or Addition to the IBA Rules on the Taking of Evidence in International Arbitration? ASA Bull. – 2018. – P. 354.
7. The Sedona Principles, Third Edition: Best Practices, Recommendations & Principles for Addressing Electronic Document Production // The Sedona Conference Journal. - 2018. - Vol. 19. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://thesedonaconference.org/sites/default/files/publications/The%20Sedona%20Principles%20Third%20Edition.19TSCJ1_0.pdf (дата обращения: 18.11.2022).

8 Protocol for E-Disclosure in International Arbitration. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ciarb.org/media/1272/e-disclosureinarbitration.pdf> (дата обращения: 12.11.2022).

9 ISO/IEC 27037:2012 Information technology – Security techniques – Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iso.org/ru/standard/44381.html> (дата обращения: 24.11.2022).

10 Арбитражный Регламент ICC (2021) – Примирительный Регламент ICC (2014). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2021/03/icc-2021-arbitration-rules-2014-mediation-rules-russian-version.pdf>.

11 DIS ARBITRATION RULES (Effective as of 1 March 2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.disarb.org/fileadmin/user_upload/Werkzeuge_und_Tools/2018_DIS-Arbitration-Rules.pdf (дата обращения: 20.11.2022).

ЦЕПОВА Екатерина Андреевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

РАЗВИТИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДВИЖЕНИЕМ КАПИТАЛА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Основная цель исследования заключается в выявлении мировых тенденций в сфере финансового контроля за размещением гражданами капитала в различных юрисдикциях, которые нашли отражение в современном российском законодательстве и вывели его на совершенно новый уровень. В результате исследования автор пришел к выводу, что в России финансово-правовое регулирование обязательств физических лиц – собственников капитала за рубежом в основном формируется под влиянием двух конкурирующих тенденций: либерализация валютного регулирования в условиях глобализации и усиление фискального контроля за операциями налогоплательщиков за границей.

Ключевые слова: капитал за рубежом, физическое лицо – резидент, налоговый контроль, CRS, автоматических обмен информацией, валютное регулирование, валютные ограничения.

TSEPOVA Ekaterina Andreevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION OF CROSS-BORDER FINANCIAL CONTROL OVER THE INDIVIDUALS' CAPITAL MOVEMENT

The main objective of the study is to identify current global trends in the financial control over the individuals' capital allocation in various jurisdictions, which are expressed in modern Russian legislation and took it to a whole new level. As a result of the study, the author came to the conclusion that in Russia the financial regulation of the obligations of individuals – owners of capital abroad is mainly formed under the influence of two competing trends: liberalization of foreign exchange regulation in the context of globalization and increased fiscal control over taxpayers' operations abroad.

Keywords: foreign capital abroad, individual, resident, tax control, CRS, automatic exchange of information, currency regulation, exchange restrictions.

1. INTRODUCTION

Development of legal relations between the state and its tax residents, who own assets in other jurisdictions arouses great scientific and practical interest throughout the world. The increased mobility of the population and capital in the context of globalization increases the risk of tax evasion by blurring the tax base and withdrawing funds in jurisdictions with a lower level of taxation. The attention of scientists is attracted by such problems as the possibility for taxpayer to choose a country where his income is taxed, tax evasion through cross-border financial transactions and transferring funds to offshore zones [12].

In such circumstances it is important to develop mechanisms to counter the negative effects of capital mobility, learning and adopting the successful experience of other countries in this area. The tax practice of a particular state may be influenced by such factors as the historical patterns that are included in the structure of fiscal systems [3], international tax competition due to globalization [13].

The subject of this article is the global trends in control over the residents' foreign capital, reflected in Russian legislation. The development of Russian law is interesting primarily due to its accelerated pace. While many developed countries, such as the USA and EU members, have been trying to solve the problem of tax evasion as a result of transferring funds to low-tax jurisdictions since the middle of the last century, in Russia, the regulation of this public relations area began to form only in 1991-1992 [6]. Since then, tax relations between Russian residents, who owning the property abroad and the state become more complex, improved mechanisms for implementation of the state's rights. Particularly noticeable this trend became in the last few years. The Russian tax code detailed features of the taxation of most income

types, the number of taxpayers' procedural duties is constantly expanding. There are new objects of personal income tax, such as the profit of controlled foreign companies, which is recognized as the income of the controlling person.

In accordance with the currency exchange regulation rules, Russian citizens have many obligations when they have property abroad, such as funds in accounts, cash and securities. These responsibilities include: compliance with currency restrictions, informing tax authorities about opening and closing foreign bank accounts and about the movement of funds through them, as well as other procedural obligations.

Throughout the period of development of currency exchange relations with individuals in the Russian Federation, there is a tendency to gradual liberalization of legislation, however, the easing of regulatory requirements remains quite low compared to the development of exchange relations with the participation of individuals and the law base in this area still requires improvement.

It is interesting to compare these trends with the international practice, to determine the special characteristics of Russian regulation. It will allow us to predict the further development of regulation in this area and identify issues requiring improvement in the legislation. In addition, issues of control over capital flows have been widely studied in the context of countering tax evasion by legal entities, primarily international corporations [8]. At the same time, the legal relations of various states with individuals who owning assets abroad have not been sufficiently studied in the work of lawyers yet.

2. REPORTING ABOUT ASSETS ABROAD

World experience in regulating the financial obligations of individuals owning assets in other jurisdictions is variable. Domestic legislation may contain both the main obligation to calculate and pay taxes on income received from foreign sources, as well as many additional procedural obligations, for example, notification of authorities about the property in foreign jurisdictions, regardless of whether it is a source of income or not. This

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

measure should discourage taxpayers from using offshore accounts for tax evasion. Some authors suggest that the volume of undeclared foreign assets of residents abroad is greatly underestimated, in particular, with regard to portfolio investments [15].

Examples of states where, in addition to obligation to calculate and pay tax from sources outside the country, residents (and in some countries, all citizens) have procedural obligations to notify state financial control authorities that they have property in foreign jurisdictions are USA, Canada, Spain, France, India, Brazil, Japan and etc. The most famous example of a regulatory act in the world that enforces such obligations is the part of U.S. Code - Foreign Account Tax Compliance Act (hereinafter - FATCA), which entered into force in 2010. This regulation obliges US taxpayers to annually inform the US Internal Revenue Service about their financial accounts in foreign financial institutions if the total balance of all accounts during the fiscal year exceeds 50,000 US dollars, as well as about other financial assets, which are not reflected in investment accounts, for example, certificates of ownership of shares or bonds. In addition, US taxpayers are also required to report annually on foreign financial accounts with the total balance exceeded 10,000 US dollars during the fiscal year also to the Financial Crimes Enforcement Network (hereinafter - FinCEN).

Western countries are still the main source of experience in tax policy, and as a rule, scientists take the tax policy of OECD countries as the most well-studied as a starting point. Therefore, most often in world practice, one can observe the adopting of certain methods used in Western countries by the other states [17]. The greatest attention is paid primarily to the financial accounts of residents in foreign financial institutions. Some countries use the approach that taxpayers should notify all of their property in foreign jurisdictions, including movable and immovable property. In the same time even in the case of sufficiently strict regulation providing for the obligation of residents to declare their property in the jurisdiction of other states, as a rule, the minimum value of property is established, that must be reported to the state financial control authorities. A slight easing of financial regulation through the introduction of such minimum value is justified primarily by the desire for a more efficient tax administration, that allows to identify the individuals, who own property of the highest value.

Russian individual residents need to notify the tax authorities of the accounts in foreign financial institutions. Until 2020 this applies only to bank accounts, and from 2020 onwards any other financial accounts, for example, opened by foreign brokers, depositories, investment companies should also be reported. At the same time, following the example of most states, since 2020 a minimum limit of 600,000 rubles was set in Russia for the amount of receipts and the balance of funds in the reportable account. At the same time, following the example of most states, since 2020 a minimum limit of 600,000 rubles has been set in Russia for the amount of receipts and the balance of funds in the account. Accounts with a receipt amount and a balance below the minimum threshold are unreportable.

The measures in question have demonstrated their effectiveness only in conjunction with a fairly rigid enforcement. For example, in India, the value of undeclared assets is taxed at a rate of 30%, and also entails a fine of 1 million rupees (which equals approximately 15,000 US dollars). The previously mentioned FATCA also has powerful enforcement tools that are widely and superficially used by the IRS. In the United States, penalties for concealment of the foreign assets contributed resulted in approximately 60,000 individuals disclosing offshore accounts for a total of approximately 120 billion US dollars, resulting in additional tax revenues of 0.7-1.0 billion US dollars per year. At the same time, until recently, US taxpayers had the opportunity to participate in the Offshore Voluntary Disclosure Program (hereinafter - OVDP) in order to eliminate errors made in previous tax periods. Under the program, taxpayers can avoid criminal prosecution by voluntarily disclosing information and paying a fine in the prescribed amount [19].

In Russia, a similar practice was applied. For example, since in 2015, it became possible in Russia to avoid liability for a number of offenses in the field of tax, currency exchange and customs legislation. Federal Law of June 8, 2015 No. 140 "On the voluntary declaration by individuals of assets and accounts (deposits) in banks and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" provides relevant legal guarantees to the persons, who voluntarily declared their assets and bank accounts. The law does not provide for obligation to transfer previously unpaid taxes to the budget, that makes it significantly more

attractive to taxpayers than the US OVDP. The amnesty was extended several times, and in 2019, the Minister of Finance of the Russian Federation reported that during the declaration company information on the assets of approximately 19,000 individuals with a total value of about 35 billion Euros was disclosed.

It should be noted that despite a significant number of examples of the introduction by various states of individuals' obligations to notify the state financial control authorities of their property abroad, regardless of the fact of generating income, milder regulatory requirements still prevail in world practice. They are limited to the main obligation to pay tax on revenue from foreign sources and do not impose on taxpayers an excessive amount of procedural tax obligations, except for the declaration of income received. Examples of this approach are found all over the world, it is used in many European countries (Germany, Latvia, Finland, Sweden), in China, African countries (Egypt, South Africa, Kenya, etc.) and the countries of the Middle East (Qatar, Bahrain etc.)

The issue of financial and legal regulation of the obligations of individuals - owners of shares in the capital or voting shares of foreign organizations (controlled by foreign companies) deserves special mention. A Controlled Foreign Corporation (hereinafter - CFC), as a legal structure, is a legal entity operating in the jurisdiction of one state, but owned or controlled by tax residents of another state. In some countries, residents - controlling persons of foreign organizations have specific obligations due to tax laws. According to some authors, they are aimed at ensuring fair taxation and preventing the withdrawal of income from countries with high tax rates [7].

The first state that introduced the CFC legal structure into its regulation was the United States in 1962. American shareholders who directly or indirectly own more than 10% of the voting shares (or registered capital) of a foreign organization (and in aggregate American shareholders own more than 50% of the voting shares or registered capital) have a duty to inform the IRS about it, and also declare and pay taxes on the certain types of income of such organization, for example dividends, interests, royalties, rent payments, annuities, and also revenues from the sale of property generating such passive income.

Later, the regulation of tax obligations of individuals, owning shares in the registered capital or voting shares of foreign organizations, developed in the United States, was adopted by other states with some changes (mainly, taking into account certain relaxations). In some countries, for example, in China and the UK, individuals do not have independent responsibilities due to their share in a foreign organization, but control of such a company by an individual is the basis for recognition of related resident legal entities as controlling persons of foreign company and providing them with additional responsibilities for the declaration and payment of tax on profits of a foreign organization.

In 2014 with implementing the anti-offshore policy the obligation to pay personal income tax on profits of Controlled Foreign Corporation by residents, who are the controlling persons, was added to the Russian tax legislation. If the Russian resident's participation in foreign organization registered capital exceeds 10%, he is obliged to notify the tax authorities about it, regardless of whether they receive income from participation in a foreign organization. And if the share exceeds 25%, then the Russian resident has an obligation to pay tax on profits of a foreign organization.

3. CAPITAL FLOW RESTRICTIONS

The content of legal relations, arising from currency exchange regulation, is the responsibility of residents and non-residents to comply with restrictions, or to perform certain actions related to the foreign exchange transactions, and the right to demand proper behavior of subjects by the state [4].

In the post-war period, control over the movement of capital in both developing and developed countries was considered an ordinary part of public policy. Such policies were seen as essential tools for managing the economy. Measures to control the movement of capital have been taken to increase the efficiency of macroeconomic policies, as well as to maintain financial stability as key tools to promote industrialization and competitiveness of the state. After this, an era of financial liberalization began, which broadly refers to a number of measures, including central bank autonomy, freedom of capital movement, free currency convertibility and differentiated interest rate policies to promote "strategic" sectors or sectors in the national economy [2]. Most developed countries at the end of the 20th century almost completely abolished currency restrictions on cross-border financial transac-

tions of both legal entities and individuals in accordance with recommendations developed by the IMF and the World Bank [20].

Currently, exchange restrictions are not applied in most countries OECD members on an ongoing basis, but can be temporarily introduced in order to maintain macroeconomic stability. Some authors consider capital controls and measures to prevent its outflow from the country as part of a policy to counteract tax evasion by participants in their own countries [5].

The trend of currency restrictions liberalization was most noticeable in world practice from 1995 to 2010. The experience of emerging market economies such as Russia, Azerbaijan Bulgaria Chile Cyprus Hungary Israel Jordan Korea and etc., which during this period liberalized capital movement, shows that openness to capital flows causes higher rates of economic growth and government revenues, as well as lower inflation and lower bank capital adequacy ratios [18].

This trend is very well seen in Russian legislation. In 1991, the state currency monopoly that had existed since the nationalization of foreign trade in 1918 was abolished in Russia. Since 1992, residents have the right to open accounts with foreign banks in certain cases, in particular, individuals were allowed to open accounts only during their stay abroad. Significant liberalization of the Russian currency legislation began in 2001, when Russian citizens got the opportunity to open bank accounts in foreign countries - members of the OECD or the FATF for permanent use, and also to use these accounts for securities investments. The originally permitted basis for transfer funds to individuals' foreign bank accounts was only a transfer between resident's own accounts opened with Russian or foreign bank. Later, the list of permitted grounds for funds transfer was expanded, in 2004 it included, in particular, loans and borrowings that meet a number of criteria, as well as receipts from accounts of other residents opened with Russian banks.

In recent years there has been a tendency among developed countries to introduce currency restrictions for reasons of national or international security. In particular, 37 countries notified such measures in 2015, while 23 countries did so during the first half of 2016, and the number of such countries has continued to increase continuously since 2013. At the beginning of 2018, some emerging market economies were faced with a reversal of capital flows and exchange rate pressures, influenced by rising geopolitical and trade tensions, a stronger dollar, and concerns about China's economic growth. The response included tightening capital restrictions. As a result, the composition of countries supporting restrictive measures has changed, while the total number of countries applying restrictions has remained unchanged.

It should be noted that this trend was not reflected in the Russian currency legislation. Perhaps this is due to the fact that the regulation existing at this point was quite stringent and needed further mitigation. In 2013, Russian residents received the right to open accounts in banks of any countries, and in the period 2014-2018 the list of permitted grounds for funds transfer to accounts in foreign banks was expanded, it included some common operations of individuals, for example, wages while working abroad or income from the rental of property located abroad, as well as certain types of income from investment activities. From 2020 it is possible to transfer funds from non-residents to the accounts of Russian residents opened with banks located in the territories of The Eurasian Economic Union (hereinafter - EAEU) members or states, participating in the automatic exchange of information with Russia, without restrictions. Mitigation of regulatory requirements has a positive effect on the economic activity of individuals, facilitating their participation in international payments by removing restrictions on foreign exchange transactions.

In addition, in early 2022, significant foreign exchange restrictions were introduced for a short time in Russia, due to the need to protect the Russian economy in the face of unprecedented Western sanctions, but as the situation stabilized, the restrictions were eased and most of them were lifted by the end of 2022.

It is important to note that in a number of countries that have geopolitical and social characteristics similar to Russia [21], the opposite trend is observed: currency restrictions on operations of individuals and legal entities are applied constantly up to the present time and are even toughened. This applies to currency regulation measures in some BRICS countries. India has strict controls on cross-border currency transactions, and residents are prohibited from opening or holding accounts in foreign currencies. In China, citizens are not prohibited from opening accounts abroad, but there are significant restrictions on foreign exchange transactions, which continue to tighten. For example, the annual quota for the purchase of foreign currency per capita established

by the State Administration of Foreign Exchange Regulation of China is only 50,000 US dollars.

In addition, many scientists actively support the idea of maintaining and strengthening capital controls [22]. Speculative financial flows that are not related to investments in industrial infrastructure and the real economy, they are criticized for being unproductive and considered as a threat to macroeconomic stability.

4. INTERNATIONAL COOPERATION

The measures that are being taken by various states in the fight against tax evasion should also be noted. First of all, they include active international cooperation in the field of tax control. There is a widespread transition from bilateral to multilateral relations.

A major role in the development of tax control on a global scale is played by international tax transparency, which is formed during the implementation of international agreements, in particular the Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information (hereinafter - CRS MCAA). Currently, 108 countries, including Russia, are members of the CRS MCAA. Its implementation was a breakthrough in the field of tax control over cross-border transactions of individuals, since it allows the tax authorities of the participating jurisdictions to freely and regularly receive data on the accounts of their tax residents in foreign financial institutions in an amount of data sufficient to monitor compliance with the tax law [12].

Until recently, tax information was exchanged mainly upon request on the basis of bilateral intergovernmental agreements and was selective, so as a result access to this information was significantly limited. Since all CRS MCAA member jurisdictions collect, analyze and transmit information to each other about taxpayer financial accounts in accordance with the Common Reporting Standard or CRS [14], this agreement is an example of the successful creation of a single financial control field in international taxation. Currently almost half of the jurisdictions existing in the world, the total nominal value of whose gross domestic product is 75% of the global value.

In most developed countries, the lack of foreign exchange restrictions on capital movement of natural persons is partly due to exchange control displacement by fiscal regulation. Joining international agreements and fulfilling their conditions creates a new vector for the development of financial legislation in Russia. Russian Federation exchanges information with other countries within the framework of the CRS MCAA since 2018 [1]. In order to ensure the implementation of a mechanism for the automatic exchange of tax information with other states, the CRS standard was implemented in Russian legislation by developing new and amending existing regulatory legal acts. Formulation and enactment of the Federal Law of November 27, 2017 No. 340 "On Amendments to Part One of the Tax Code of the Russian Federation in Connection with the Implementation of the International Automatic Exchange of Information and Documentation for International Groups of Companies" provides the mechanism for the collection by the Russian tax authorities of information necessary for the exchange with the competent authorities of foreign countries in order to comply with the terms of the multilateral agreements, including CRS MCAA [16].

In addition, a number of legal acts were developed and adopted, which are directly regulating the procedure and terms for processing and transmitting information intended for international exchange by Russian financial institutions. The key one is the Decree of the Government of the Russian Federation of June 16, 2018 N 693 "On the implementation of the international automatic exchange of financial information with the competent authorities of foreign states (territories)", which entered into force on July 19, 2018. This resolution is a text of the CRS standard translated into Russian language in a somewhat truncated version, but subject to its key conditions.

In the future, for the successful functioning and development of the system of international exchange of financial accounts information with CRS MCAA participating jurisdictions, it will be necessary to continue work in the following areas: development and implementation of measures to improve the quality of transmitted data, standardization of technical requirements for the hardware and software used for collection and transfer of information for international exchange, improving approaches to ensuring the confidentiality of transmitted data.

5. CONCLUSION

World practice shows that the main trends in the sphere of control over the movement of capital of resident individuals in foreign jurisdictions are: tightening of legal norms in the field of taxation, strengthening fiscal control over cross-border taxpayer operations. It should be noted that in the sphere of foreign exchange regulation there are mixed trends related both to the abolition of restrictions or their gradual liberalization, and to the strengthening of measures preventing the free movement of individuals' capital.

The current economic needs of the country determine the degree of displacement of currency exchange legislation by tax regulation. While in developed countries the most important task is the fight against tax evasion, in developing countries improving foreign exchange relations in order to maintain economic stability often comes first. The following trends can be identified in the development of Russian legislation over the past two decades: tax liabilities of owners of foreign capital are constantly becoming more complicated, the list of objects of taxation and procedural obligations of individuals is expanding, at the same time, there is a softening of currency exchange regulation.

Speaking about the further development of these trends, we can assume that radical changes should not be expected. Most likely, in the coming years, Russia will continue to move in the chosen direction. Despite the constant liberalization of currency regulation and the experience of developed countries, the current economic and legal conditions cannot be called favorable and contribute to the complete removal of currency exchange restrictions, but we can expect their further relaxation under the influence of globalization and effective international cooperation. The rules of tax control over the movement of individuals' capital are likely will continue to tighten, in addition, through participation in international agreements it will be possible to increase the effectiveness of tax control.

References

1. Bezbakh V. V., & Frolova E. E. (2022). Artificial intelligence in the regulatory context of industry 4.0 and epistemological optimism // *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*, 289.
2. Chang Ha-Joon and Grabel I. (2014), *Reclaiming Development: An Alternative Economic Policy Manual* // London: Zed Books, 256 p.
3. Djankov S. (2017). United States is Outlier in Tax Trends in Advanced and Large Emerging Economies // *Peterson Institute for International Economics. Policy Brief*. - 2017. - P. 17-29.
4. Ermakova, E. P. (2022). Legal Regulation of 'Responsible' Investing in Russia and Foreign Countries: Concept, Principles, Examples. *Perm U. Herald Jurid. Sci.*, 55, 86.
5. Fischer S. (1999). What Went Wrong in Russia? // *Financial Times*, September 27. - 1999. - P. 26
6. Frolova E. E., & Ermakova E. P. (2022). Legal regulation of digital financing in Russia and foreign countries // *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*, 309.
7. Frolova E. E., & Tsepova E. A. (2021). Controlled foreign companies of Russian residents in the context of world trends // *RUDN Journal of Law*. - № 25 (4). - P. 814-830.
8. Frolova E. E., Polyakov, T. A., Dudin M. N., Rusakova E. P., & Kucherenko P. A. (2018). Information security of Russia in the digital economy: the economic and legal aspects. *J. Advanced Res. L. & Econ.*, 9, 89.
9. International Monetary Fund (2016). *Monetary and Capital Markets Department: Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2015*. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2017/01/25/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2015-42751> (accessed on: 17.11.2022).
10. International Monetary Fund (2022). *Monetary and Capital Markets Department: Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2021*. [Electronic resource]. - Access mode: [https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2021-465689](https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2022/07/19/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2021-465689) (accessed on: 11.11.2022).
11. Loungani P. and Mauro P. (2000) IMF Research Department, *Conference on Post-Election Strategy Moscow, 2000*. [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.nber.org/papers/w23134> (accessed on: 11.11.2022).
12. Morten B. and Zeume S. (2018) // *The Review of Financial Studies*. - Volume 31. - Issue 4. - April 2018. - P. 1221-1264. [Electronic resource]. - Access mode: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhx122> (accessed on: 8.11.2022).
13. Naseif A. H., Hasan S. I., Malik Y. S., Talab H. R., Hussein N. A. (2019) *A Theoretical Review on Global Trends of Company Income Taxes and Alternatives of Tax Reforms // Account and Financial Management Journal*. - Volume 4. - 2019. - P. 1883-1895
14. OECD (2017). *Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters, Second Edition*. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/standard-for-automatic-exchange-of-financial-account-information-in-tax-matters-second-edition_9789264267992-en;jsessionid=IW0_TZBRjv88sDjil20E2i1C.ip-10-240-5-179 (accessed on: 17.11.2022).
15. Pellegrini V., Sanelli A., Tosti E. (2016) What do external statistics tell us about undeclared assets held abroad and tax evasion? // *Bank of Italy Occasional Paper*. - 2016. - № 367. [Electronic resource]. - Access mode: http://www.bancaditalia.it/pubblicazioni/qef/2016-0367/QEF_367.pdf (accessed: 14.11.2022).
16. Rusakova E. P., & Frolova E. E. (2022). Digital disputes in the new legal reality // *RUDN Journal of Law*. - № 26 (3). - P. 695-704.
17. Rusakova E., Frolova E., Kupchina E., & Ocaqli U. (2020). Recognition and enforcement of foreign arbitral awards in the Federative Republic of Brazil // *IJASOS-International E-journal of Advances in Social Sciences*. - № 6 (16). - P. 118-122.
18. Saadi-Sedik T. and Sun T. (2012), *Effects of Capital Flow Liberalization: What Is the Evidence from Recent Experiences of Emerging Market Economies?* // *IMF Working Paper* № 12/275. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Effects-of-Capital-Flow-Liberalization-What-is-the-Evidence-from-Recent-Experiences-of-40108> (accessed on: 11.11.2022).
19. Sardar M. (2018). Reporting Undisclosed Foreign Assets: The Clock Is Ticking // *The CPA Journal*. - 2018. - T. 88. - № 8. - C. 60-61
20. Williamson J. (1990). *Latin American Readjustment: How Much has Happened?* // Washington: Peterson Institute for International Economics, 1990. [Electronic resource]. - Access mode: <https://piie.com/commentary/speeches-papers/what-washington-means-policy-reform> (accessed on: 17.11.2022).
21. Wu YC, Lin CW (2008). National port competitiveness: implications for India // *Management Decision*. - 2008. - 46(10): 1482.
22. Yongding Y., Ming Z. (2012) *New International Trends of Capital Control and Capital Account Liberalization // International Economic Review*. - 2012. - T. 5. [Electronic resource]. - Access mode: http://en.cnki.com.cn/Article_en/CJFDTotal-GJPP201205008.htm (accessed on: 19.11.2022).

ПРОСКУРИНА Дарья Сергеевна

магистрант Юридического института Российского университета дружбы народов, лаборант-исследователь кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ*

На сегодняшний день стремительно развивающиеся цифровые реалии заводят правообладателей товарных знаков в положение незащищенности. Существующее в России правовое регулирование и представленные на законодательном уровне способы защиты интеллектуальных прав на товарные знаки зачастую являются устаревшими, а возможность их интеграции и применения в цифровой Интернет-среде фактически нереализуема. В настоящей работе автор рассматривает основные проблемы при рассмотрении споров о защите исключительных прав на товарные знаки в цифровой среде и предлагает возможные варианты для совершенствования правового регулирования в данной области.

Ключевые слова: товарный знак, интеллектуальные права, цифровая среда, интернет, информационный посредник, компенсация.

PROSKURINA Daria Sergeevna

magister student of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia, laboratory assistant-researcher of Civil law and process and international private law of the Peoples' Friendship University of Russia

PROBLEMS OF COURT CONSIDERATION OF CASES ON PROTECTION OF INTELLECTUAL RIGHTS TO TRADEMARKS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Today's rapidly evolving digital realities put trademark owners in a position of insecurity. The existing legal regulation in Russia and the ways to protect intellectual property rights for trademarks are often outdated, and the possibility of their integration and application in the digital Internet environment is actually unrealizable. In this article the author examines the main problems in disputes about the protection of exclusive rights to trademarks in the digital environment and offers possible options for improving the legal regulation in this area.

Keywords: trademark, intellectual rights, digital environment, internet, information intermediary, compensation.

В соответствии с законодательством РФ под рекламой понимается информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке¹.

Вопреки достаточно частой и распространенной практике нарушений исключительного права на товарный знак в сфере контекстной рекламы, легальное определение понятия «контекстная реклама» на сегодняшний день отсутствует. Судебной практикой было выведено релевантное определение контекстной рекламы в качестве «вида размещения интернет-рекламы, в основе которой лежит принцип соответствия появления рекламного материала в зависимости от содержания просматриваемой пользователем интернет-страницы»². Говоря простым языком, контекстная реклама является способом размещения рекламы в сети Интернет путем демонстрации рекламного объявления при введении посетителем интернет-сайта поискового запроса с использованием определенных ключевых слов. Контекстная реклама, как правило, возникает в виде «всплывающих окон» или в форме, похожей на выдачу ответа на запрос тем или иным поисковым сервисом. В большинстве случаев, недобросовестные субъекты рынка, которые выбирают чужой товарный знак в качестве того или иного ключевого слова для контекстной рекламы – рассчитывают на невнимательность или неосведомленность пользователей интернет-ресурса.

С точки зрения законодательства о рекламе поисковая система (например, Google) в рассматриваемом случае выступает рекламораспространителем. Рекламодатель (заказчик размещения той или иной рекламы) определяет состав ключевых

слов, которые пользователь будет вводить в поисковую строку, что повлечет показ конкретного рекламного объявления. Таким образом, ключевое слово – своеобразная метка, которая запускает показ рекламного объявления.

Сущностная проблематика настоящего исследования заключается в отсутствии единого подхода правоприменителя в отношении использования чужих товарных знаков в качестве ключевых слов в контекстной рекламе.

Обратимся к судебной практике, которая допускает возможность нарушения исключительного права на товарный знак путем его использования в ключевых словах.

Рассмотрим следующее дело. Правообладатель товарного знака «КОММУНАЛЕЦ» (истец) обнаружил, что при вводе в поисковую строку сайта www.google.ru запроса «датчик коммуналец» возникло рекламное объявление со ссылкой на сайт ответчика, в котором была отражена информация о товарах ответчика с использованием обозначения, сходного до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком истца. Суды всех трех инстанций удовлетворили требование истца и признали действия ответчика в качестве нарушений исключительного права на товарный знак. С ответчика по данному делу в пользу истца была взыскана компенсация в размере одного миллиона рублей. При рассмотрении настоящего дела суды детально вникали в технические особенности процесса создания и оформления рекламного объявления, размещаемого в рамках контекстной рекламы³.

Так, суды установили, что ответчиком при выборе ключевых слов были намеренно использованы обозначения, сходные до степени смешения с товарным знаком истца. По мнению суда, данный факт уже образует состав правонарушения по незаконному использованию товарного знака истца и является основанием для взыскания компенсации. В частности, суд пришел к выводу, что «намеренное указание в качестве ключевого слова товарного знака предполагает и предопределяет его отра-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

1 О рекламе: федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2006. - № 12. - Ст. 1232.
2 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.06.2012 № 09АП-14264/2012-АК по делу № А40- 112441/11-90-469. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

3 См.: решение Арбитражного Суда Смоленской области от 09.04.2019 по делу № А62-7909/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.12.2019 № Со1-1161/2019 по делу № А62-7909/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

жение в рекламном объявлении, что попадает под понятие использования права на товарный знак (ст. 1484 ГК РФ) и, соответственно, приводит к нарушению исключительных прав истца»⁴.

В ином деле Суд по интеллектуальным правам вывел собственный критерий, позволяющий относить использование товарного знака в ключевых словах к нарушению - вероятность введения пользователей Интернета в заблуждение и возможность смешения деятельности конкурентов, даже если при вводе в поисковую строку названия конкретного бренда, выдаются веб-сайты совершенно других компаний⁵.

Таким образом, отечественные суды усматривают наличие правонарушения только в том случае, если использование спорных обозначений в качестве ключевых слов при оформлении контекстной рекламы было намеренным и ввело потребителей в заблуждение.

Стоит сказать, что такого рода практика весьма редка, а такие категории как «заблуждение конечного потребителя» и «наличие намерения по введению в заблуждение» являются трудно доказуемыми и весьма размытыми, в связи с чем суды редко приходят к выводам о незаконном использовании товарного знака в данной категории дел.

В большинстве своем судебная практика останавливается на тезисе, аналогичном утверждению известной поисковой системы Яндекс, которая, участвуя в одном из судебных дел, придерживалась позиции, что ключевое слово не обладает индивидуализирующей функцией в отношении конкретного рекламного объявления. Оно лишь представляет собой технический критерий, устанавливаемый рекламодателем в интерфейсе рекламной кампании и, как следствие, не может нарушать исключительное право⁶.

Например, в ином деле, в ключевых словах объявления клиники микрохирургии был случайно использован товарный знак конкурента «Офтальма», однако судом было установлено, что в соответствии с правилами ключевых слов сервиса «Яндекс. Директ» данное слово было автоматически индексируется на основании ранее заданных похожих ключевых слов «офтальмо», «офтальмолог»⁷.

В этой связи, автоматическая поисковая выдача не всегда зависит от действий рекламодателя, соответственно такие ключевые слова не обладают индивидуализирующей способностью по отношению к товарам (услугам) рекламодателя, а представляют собой исключительно технический параметр⁸.

К выводу о том, что использование чужих товарных знаков в контекстной рекламе является технической данностью также приходят при решении такого практического вопроса, как привлечение к ответственности поискового и рекламного сервиса, поскольку, как правило, правообладатель привлекает в качестве соответчиков и поисковый сервис (рекламораспространителя) и компанию-нарушителя (рекламодателя).

Несмотря на отсутствие прямого указания на исключение ответственности поискового сервиса при размещении ключевых слов, нарушающих исключительное право на товарный знак, судебная практика распространяет на них данные правила.

В этом ключе интересно дело Google v. Louis Vuitton. Европейский суд рассматривал дело, связанное с нарушением исключительных прав через сервис Google AdWords. Нарушители использовали ключевые слова, схожие до степени смешения с товарными знаками ответчика. Суд постановил, что Google с учетом положений Директивы об электронной коммерции⁹, не должен нести ответственность за нарушение исключительного права истца на товарный знак, поскольку его действия не являются «использованием» товарного знака истца, а значит он

не может нести ответственность за нарушение исключительного права истца на товарный знак. Его действия были квалифицированы лишь как «создание технической возможности». Следовательно, если рекламный сервис осуществляет лишь технические функции, то он может быть освобожден от ответственности. Отметим, что и отечественная практика строится аналогичным образом [1].

Существующая отечественная практика по данному вопросу, как правило, представлена лишь Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2013 № 09АП-19422/2013-ГК по делу № А40-164436/12¹⁰, и наталкивает на единственный вывод о том, что указание товарного знака в качестве ключевого слова в поисковых сервисах не может быть признано использованием товарного знака в смысле ст. 1484 ГК, ведь нарушение носит лишь технический характер, а ключевые слова не выполняют функции индивидуализации.

Естественно, с данным выводом невозможно согласиться по ряду объективных причин:

во-первых, перечень способов использования товарного знака не является исчерпывающим;

во-вторых, в случае, если использование ключевого слова сходного с товарным знаком вызовет смешение в сознании конечного потребителя - данное действие априори должно быть квалифицировано, как нарушение права использования товарного знака вне зависимости от наличия или отсутствия у ключевого слова индивидуализирующей функции.

Таким образом, анализ судебных дел, рассмотренных арбитражными судами России за последние годы демонстрирует, что, в большинстве своем, суды делают вывод о том, что появляющиеся наравне с техническим прогрессом способы недобросовестного использования товарного знака являются ничем иным, как технической данностью связанной со спецификой сети Интернет и цифровизации многих рыночных процессов и не могут быть квалифицированы, как нарушение исключительного права, что в корне не верно и создает широкий простор для злоупотреблений.

Подводя итог, абсолютно очевидно можно сделать вывод о том, что судебная практика и фактически - складывающиеся отношения по использованию товарных знаков в Интернете шагнули намного дальше, оставив ныне действующее законодательство позади.

Во-первых, полагаем, что на законодательном уровне необходимо установление запрета на использование чужого товарного знака в интернет-рекламе без согласия правообладателя в случае, если такое использование вызывает смешение в сознании конечного потребителя и является недобросовестным (осуществляется в коммерческих целях).

Считаю, что в отношении поисковых и рекламных сервисов необходимо установить нормы, в соответствии с которыми рекламодатель и рекламодатель несут солидарную ответственность за содержание ключевых слов в контекстной рекламе в случае, если их использование вводит в заблуждение конечного потребителя. Это представляется разумным и справедливым, ведь предоставляя недобросовестному рекламодателю возможность использования ключевых слов в целях нарушения законодательства о товарных знаках - рекламодатель подготавливает почву для совершения неоднократных злоупотреблений рекламодателя, делая их техническими возможными.

Пристатейный библиографический список

1. Моргунова Е. Информационный посредник в гражданских спорах о защите авторских прав // ИС. Авторское право и смежные права. - 2016. - № 1. - С. 5-12.

4 Там же.

5 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.09.2018 по делу № А40-200682/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2019 по делу № А45-5897/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2019 по делу № А63-1305/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8 Там же.

9 О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции: Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2013 № 09АП-19422/2013-ГК по делу № А40-164436/12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

БЕРМАН Алиса Михайловна

ассистент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ЕРШОВ Никита Алексеевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЛИ БЕСКОНТРОЛЬНАЯ СТИХИЯ?*

В настоящей статье авторами проанализированы понятие и признаки параллельного импорта, судебная практика разрешения споров, связанных с параллельным импортом в Российской Федерации, в частности по привлечению параллельных импортеров к ответственности за введение в гражданский оборот товаров без согласия правообладателя, с момента введения категории параллельного импорта в законодательную базу до настоящего времени, с учетом последних изменений правоприменительной практики. В контексте легализации параллельного импорта авторами разграничены понятия «параллельный импорт» и «ввоз контрафактной продукции»: определены их сходства и различия. В результате проведенного исследования авторами сделаны выводы о перспективах и проблемах легализации параллельного импорта в Российской Федерации.

Ключевые слова: параллельный импорт, контрафактная продукция, товарный знак, правообладатель, исключительное право.

BERMAN Alisa Mikhaylovna

assistant of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

ERSHOV Nikita Alexeevich

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

LEGALISATION OF PARALLEL IMPORT IN THE RUSSIAN FEDERATION: NEW OPPORTUNITIES OR AN UNCONTROLLED ELEMENT?

In this article, authors analyze the concept and characteristics of parallel import, the judicial practice of resolving disputes related to parallel import in the Russian Federation, in particular on bringing parallel importers to responsibility for bringing goods into the civil turnover without consent of the rightsholder, since its introduction into the legislative framework to this date, taking into account recent changes in law enforcement practice. In the context of legalization of the parallel import, authors distinguish concepts of "parallel import" and "importation of counterfeit goods": their similarities and differences were determined. As a result of the study, the authors draw conclusions about the prospects and problems of legalization of parallel import in the Russian Federation.

Keywords: parallel import, counterfeit products, trademark, rightsholder, exclusive right.

Достоинства и недостатки легализации параллельного импорта в Российской Федерации уже на протяжении многих лет являются объектом дискуссий среди представителей власти, науки, бизнеса и потребителей. В связи с глобализацией экономики и распространением Интернет-торговли локализация компаниями производства в определенных случаях стала невыгодной, а разработка и выпуск аналогов многих видов зарубежных товаров отечественным производителем для удовлетворения спроса – либо неэффективными, либо экономически необоснованными. Таким образом, наиболее выгодным способом введения в оборот некоторых категорий иностранных товаров стал именно импорт. Однако для легального ввоза и последующей реализации товара, защищенного товарным знаком, импортер, в соответствии с российским законодательством, должен либо быть правообладателем такого средства индивидуализации, либо получить согласие от обладателя исключительного права. Такая

мера хоть и направлена на охрану прав на результаты интеллектуальной деятельности, при этом также дарует легальному импортеру возможность не только необоснованно и безнаказанно изменять цену на товар, но и устранять конкуренцию, самостоятельно определяя количество дистрибьюторов продукции. Данный вопрос стал наиболее актуальным в связи с последними событиями на международном рынке, потребовавшими решения тех вопросов, которые остались незатронутыми в рамках частичного открытия границ для параллельных импортеров, связанных с принятием постановления Конституционного Суда Российской Федерации¹, и возникновением необходимости введения последних в правовое поле.

Несмотря на наличие ряда научных исследований, анализирующих перспективы перехода на международный принцип исчерпания исключительных прав на товарный знак с оценкой возможных негативных последствий, а также зарубежного опыта правового регулирования этого вопроса, избежать возникновения проблем легализации

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** This work was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 «Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence».

1 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» от 13 февраля 2018 года № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 9. – Ст. 1435.

параллельного импорта практически невозможно. Расширение перечня объектов параллельного импорта, введенное Правительством Российской Федерации в марте 2022 года², не позволило в полной мере решить существующие проблемы, которые будут раскрыты в рамках настоящей статьи. При этом возможность полной легализации параллельного импорта в Российской Федерации сохраняется до сих пор, в связи с чем изучение рисков расширения круга хозяйствующих субъектов, имеющего право реализовывать на товарном рынке идентичный товар, представляет особый интерес. При легализации параллельного импорта остро встает вопрос о необходимости соблюдения законных прав правообладателей товарных знаков и баланса их интересов с интересами параллельных импортеров и потенциальных потребителей.

Понятие и признаки параллельного импорта: основные подходы к исчерпанию прав на товарный знак

Несмотря на отсутствие законодательного определения параллельного импорта, в обществе уже давно сформировалась его дефиниция, которая, несмотря на небольшие различия в объеме указываемых в определении признаков, сохраняется неизменной на протяжении многих лет и, по своей сути, представляет собой описательную характеристику международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак [2], или, в более развернутом описании, «ввоз в страну оригинальных товаров, имеющих маркировку товарным знаком, с разрешения правообладателя, лицами, которые не имеют официального согласия правообладателя на такой импорт, осуществляемый с использованием параллельных, альтернативных каналов поставок, а не через контракты и договора с аккредитованными дистрибьюторами» [3].

По мнению авторов, для целей настоящего исследования первый вариант определения представляется недостаточно развернутым, в то время как второй – избыточно подробным, поэтому авторами в настоящей статье будет использоваться следующий вариант дефиниции термина «параллельный импорт» – ввоз законно введенных в гражданский оборот товаров, маркированных правообладателем товарного знака, на территорию другой страны без согласия последнего в целях последующей реализации. Данное определение содержит в себе наиболее важные признаки параллельного импорта, каждый из которых определяет место данного института в системе права.

Во-первых, это защита такого товара товарным знаком – основной признак параллельного импорта, который вводит данный институт в сферу регулирования права интеллектуальной собственности.

Во-вторых, это маркировка товара самим правообладателем. Данный признак позволяет разграничить оригинальные товары, ничем не отличающиеся от реализуемых владельцем товарного знака, и контрафактную продукцию, произведенную без разрешения правообладателя с самостоятельно нанесенным обозначением и, как правило, не соответствующую по качеству в угоду снижению ее стоимости.

В-третьих, это законное введение в оборот на территории страны, из которой происходит «экспорт». Этот признак важен для возникновения у параллельного импортера права на использование защищенного правообладателем товара, в соответствии с которым последний может вывезти его из страны, а затем реализовать, за счет исчерпания исключительного права владельца товарного знака на контроль за перепродажей его продукции.

В-четвертых, это ввоз товара на территорию другой страны. Из-за общего правила действия нормативно-правовых актов в пространстве (в пределах государственных границ) параллельный импортер, приобретая право использования

товара любым не запрещенным законом способом, сталкивается с тем, что на той территории, на которой он планирует реализовывать свой товар, это право может считаться неисчерпанным и сохраняться за правообладателем.

Признак отсутствия у параллельного импортера согласия на введение товара в гражданский оборот определяет правовую проблему данного института. При наличии разрешения правообладателя импорт называется прямым, а канал перемещения товара – основным. Обратная ситуация порождает ввоз продукции альтернативным способом, хотя отправной (приобретение товара у владельца товарного знака) и конечный (реализация товара потребителю) пункты у них совпадают. Поэтому исследуемый процесс и называется «параллельным».

Наконец, цель параллельного импортера в дальнейшем реализовать свой товар поднимает вопрос о том, исчерпано ли исключительное право или нет, так как ввоз товара для личных нужд не влияет на соперничество правообладателя с иными дистрибьюторами его продукции.

Так как вопрос пределов действия исключительного права правообладателя на средство индивидуализации его продукции является ключевым при изучении правовой природы параллельного импорта, представляется необходимым затронуть и данный институт. Товарный знак, являясь средством индивидуализации товара, гарантирует правообладателю исключительное право на использование последнего любым не противоречащим закону способом, то есть другие лица могут совершать действия с ним только после получения согласия от владельца товарного знака. Однако такая возможность контролировать использование товара ограничена: она сохраняется за правообладателем и не переходит вместе с правом собственности на товар к его приобретателю. К тому же, после его введения в гражданский оборот непосредственно правообладателем или с его согласия, использование товарного знака другими лицами больше не считается правонарушением – иными словами, происходит исчерпание исключительного права и правообладатель утрачивает право контроля за последующей перепродажей товара и иными формами его коммерческого использования.

Существует три наиболее распространенных принципа исчерпания прав, которые различаются территорией, на которой право признается исчерпанным – национальный, региональный и международный. Закрепление какого-либо из них в правовой норме определяет дозволение или запрет государством параллельного импорта. Национальный принцип предполагает, что другие лица могут использовать товарный знак после легального введения в гражданский оборот только на территории того государства, в котором оно было совершено: перемещение через государственную границу и реализация защищенного средством индивидуализации товара в другой стране считается введением его в гражданский оборот и, соответственно, может быть осуществлено только в порядке, описанном ранее.

Региональный принцип предполагает, что гражданский оборот не ограничен территорией одного государства, а действует независимо от государственных границ в соответствии с региональными³ или двусторонними международными соглашениями.

Международный принцип гарантирует свободный оборот товаров, единожды введенных правообладателем в оборот на территории любого государства. Иными словами, он полностью открывает границы для параллельных импортеров, в отличие от двух вышеуказанных принципов, которые запрещают параллельный импорт товаров на территорию либо одной страны (национальный принцип), либо одного региона. Данный подход наиболее способствует поддержанию конкурентной борьбы между хозяйствующими субъектами и постоянной возможности удовлетворения спроса вне

2 Постановление Правительства Российской Федерации «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» от 29 марта 2022 года № 506 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022 г. - № 14. - Ст. 2286.

3 Например: Глава V Приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eaeunion.org (дата обращения: 20.11.2022); Condition 1 of Article 7 of the First Council Directive 89/104/EEC of 21 December 1988 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks // Official Journal. - L 040. - 1989. - P. 0001-0007.

зависимости от заинтересованности правообладателя в представлении своего товара на территории страны.

Проведение в сфере привлечения к ответственности за параллельный импорт в Российской Федерации до 2022 года

Судебная практика в сфере привлечения к ответственности за параллельный импорт несколько раз меняла свой вектор. Изначально и до 2009 года в качестве административно-правового способа борьбы с параллельными импортерами успешно использовалась статья 14.10 КоАП РФ: товар, ввезенный параллельным импортером, признавался контрафактным и конфисковывался⁴. В 2004 году Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил конституционность национального принципа исчерпания исключительных прав⁵. В 2007 году Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в обзоре устоявшейся практики выделил ввоз товара как самостоятельный способ использования товарного знака⁶.

Однако в 2009 году Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации подтвердил отсутствие публичного интереса государства в делах о нарушении исключительного права владельца товарного знака при параллельном импорте⁷. Это поставило точку не только в резонансном деле о конфискации автомобиля «Porsche Cayenne S» у ООО «Генезис», где импортер был привлечен к административной ответственности за попытку ввоза транспортного средства, маркированного самой компанией «Porsche», но и во всей последующей практике. Судом было отмечено, что автомобиль был выпущен правообладателем одноименных товарных знаков и, следовательно, не содержит признаков незаконного их воспроизведения, в связи с чем за его ввоз на территорию Российской Федерации лицо не может быть привлечено к ответственности, предусмотренной статьей 14.10 КоАП РФ. Таким образом была разграничена контрафактная продукция и параллельный импорт в практике административного права, устранен публичный характер параллельного импорта, что, однако, оставило возможность защиты правообладателем своего исключительного права на товарный знак в судебном порядке за счет подачи иска гражданско-правового характера. Также было отмечено, что административно-правовая санкция наступает только в отношении лиц, которые осуществляют производство и реализацию контрафактных товаров⁸.

Но вышеуказанное постановление повлияло и на гражданско-правовую сферу: суды начали отказывать в удовлетворении требований в связи с отсутствием признаков контрафактности у оригинального товара⁹. При этом сам параллельный импорт законным не стал: в одном из дел суд признал правомерными действия таможенного органа, приостановившего выпуск товара, внесенного в реестр объектов интеллектуальной собственности, в связи с тем, что импор-

тер не был в нем указан правообладателем и не представил доказательства наличия согласия владельца товарного знака¹⁰.

Изъятие и уничтожение товара без выплаты импортеру компенсации также не всегда применяется судами – Суд по интеллектуальным правам Российской Федерации встал на сторону тех, кто разделяет оригинальный товар, маркированный правообладателем, ввезенный путем параллельного импорта, и контрафактную продукцию¹¹.

Но, пожалуй, самые серьезные изменения судебной практики повлекло принятие в феврале 2018 года вышеупомянутого постановления Конституционного Суда Российской Федерации¹². Во-первых, Суд подтвердил отсутствие коллизии принципов исчерпания права, закрепленных на национальном и наднациональном уровнях. Во-вторых, в отношении конкретных партий товара, маркированного самим правообладателем, законно введенных в гражданский оборот за пределами Российской Федерации, при ввозе без согласия последнего в силу недобросовестности его поведения, Суд постановил не применять последствия нарушения исключительного права на товарный знак в случаях, когда это может создать угрозу для жизни и здоровья граждан и иных публично значимых интересов. Примером такого недобросовестного поведения Суд указал следование режиму санкций вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка. В-третьих, Суд закрепил несоразмерность тяжести последствий от ввоза поддельного товара и оригинального путем параллельного импорта, если только в конкретном деле убытки правообладателя не будут сопоставимы. Изъятие и уничтожение параллельно импортированного товара возможно только в случае ненадлежащего качества и/или в целях обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей. Наконец, Суд подтвердил сформированную в 2016 году позицию о частноправовом характере нарушения исключительных прав владельца товарного знака, что не исключает привлечение параллельного импортера к административной ответственности.

Так, после указанного изменения подхода к параллельному импорту суды, разрешая споры правообладателей, связанные с признанием исключительного права на товарный знак, начали использовать следующие критерии проверки исчерпания такого права: надлежащего ли качества импортированный товар, соответствует ли он нормам безопасности, может ли он причинить вред жизни и здоровью людей при его использовании¹³.

В 2019 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации повторно указал на условия уничтожения параллельно импортированных товаров, сформулированные в вышеуказанном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, что дополнительно укрепило уверенность в том, что правоприменитель сохранил сформированный подход и

4 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 1 (часть 1). - Ст. 1.

5 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2004 года №171-О // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32822.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).

6 Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2007 года № 122 // Вестник ВАС РФ. - 2008. - № 2.

7 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 03 февраля 2009 года № 10458/08 по делу № А40-9281/08-145-128 // Вестник ВАС РФ. - 2009. - № 5.

8 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 года № 11 // Вестник ВАС РФ. - 2011. - № 5; Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09 июня 2012 года № ВАС-5179/12 по делу № А41-42709/10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

9 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 сентября 2009 года № 09АП-14602/2009-ГК по делу № А40-2250/09-51-27. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

10 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2012 года № 6813/12 по делу № А51-6603/2011 // Вестник ВАС РФ. - 2013. - № 2.

11 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 октября 2013 года по делу № А53-33004/2012 // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ipc.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

12 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 года № 8-П // Российская газета. - 2018. - № 39.

13 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05 декабря 2018 года № 305-ЭС18-19734 по делу № А40-98047/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

продолжит соблюдать его¹⁴, что, в свою очередь, не повлекло изменение тенденций в правоприменительной практике¹⁵.

Параллельный импорт в 2022 году и дальнейшие перспективы его легализации

Необходимо учитывать, что существование такого явления как параллельный импорт имеет как преимущества, так и недостатки. Полная легализация параллельного импорта предполагает использование международного принципа исчерпания права, поэтому далее по тексту данные термины используются как синонимичные.

Международный режим более выгоден странам, которые в основном импортируют технологии. Существование альтернативных путей поставок уменьшает зависимость потребителей технологий внутри страны-импортера от правообладателей, увеличивает конкуренцию и снижает цены. На рынках, где правообладателю невыгодна локализация производства ввиду ограниченности спроса – например высокотехнологичных товаров медицинского назначения – его удовлетворение происходит за счет предложений параллельных импортеров. Потребитель в такой ситуации вправе не брать на себя оплату расходов на развитие и поддержание локализации производства и не нести дополнительные траты в связи с желанием правообладателя получить более высокую «маржу» за реализацию своего товара. Он просто приобретает товар у продавца, который предлагает наиболее низкую цену из-за условий конкурентной борьбы.

Большое разнообразие предлагаемых на рынке товаров, связанное с ним падение цен и увеличение спроса на рынках с высокой эластичностью не может не способствовать улучшению благосостояния рынка. К тому же, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении 2018 года, позволила уменьшить негативные последствия от введения санкций против Российской Федерации, хоть даже и за счет частичной легализации параллельного импорта в конкретных случаях. При введении международного принципа исчерпания права действующий в настоящее время режим санкций по отношению к российскому товарному рынку будет иметь намного меньший эффект на национальную экономику и внутренний товарооборот.

Стоит отметить, что в некоторых регионах легализация параллельного импорта просто необходима. Ярким примером, вызванным особым географическим положением, является Калининградская область. Не только локализация производства, но и вообще ведение бизнеса для многих правообладателей в этом регионе экономически невыгодно, в связи с чем спрос на товары остается неудовлетворенным. Неудивительно, что заявителем в вышеупомянутом постановлении Конституционного Суда Российской Федерации 2018 года значится именно калининградская фирма. Власть субъекта признает данную проблему и даже предлагала федеральному правительству сделать территорию тестовой площадкой с легализованным параллельным импортом в отношении иностранных лекарств (при этом очевидно, что требуется открытие границ для целого ряда товаров), однако, одобрения этого предложения так и не последовало¹⁶.

Локализация обоснована, когда речь идет о производстве товаров широкого потребительского спроса, создающем большое количество рабочих мест. Когда речь идет о более специфической, высокотехнологичной продукции, локализация оказывается невыгодной, так как ни рынок России, ни рынок Евразийского экономического союза не обладают до-

статочной емкостью для того, чтобы сделать такое производство рентабельным. Ситуация осложняется также тем, что локализация производства высокотехнологичной продукции требует долгосрочного горизонта планирования и наличия возможностей расширения рынков сбыта за счет экспорта на рынки сопредельных государств. В подобных случаях ограничение параллельного импорта имеет своим результатом только чрезмерную экономическую власть дистрибьюторов и, в итоге, завышение цен для конечного потребителя [4]. Это было наглядно продемонстрировано действиями множества зарубежных компаний, прервавших любые контакты с Россией и тем самым лишивших российских потребителей возможностей приобретения и полноценного использования произведенных ими товаров.

Однако применение международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак может повлечь не только позитивные последствия. Легализация параллельного импорта делает менее привлекательной локализацию производства, поскольку производитель внутри страны не защищен от внутрибрендовой конкуренции. Последний тщательно будет выбирать те рынки, на которых выгодно размещать производство внутри страны. Пострадает от этого только потребитель: оказывать постпродажное обслуживание может стать просто некому. В большинстве своем параллельный импортер – это представители малого бизнеса, которые должны быстро реагировать на изменение конъюнктуры рынка и не заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве и укреплении своей позиции на рынке неценовыми способами. Изменения на валютном рынке резко уменьшают параллельный импорт (ярким примером этого были количественные показатели параллельного импорта в период экономического кризиса 2008 года¹⁷), а незаинтересованность конкурентов в технологическом развитии приводит к стагнации. Правообладатель, занимаясь реализацией своего импортированного товара, помимо себестоимости, должен окупить множество сопутствующих процессов по развитию инфраструктуры: локализацию производств, строительство центров клиентского обслуживания, сертификацию и адаптацию товаров, логистику, рекламу, промоакции, гарантийное и сервисное обслуживание, создание новых рабочих мест, обучение персонала и многое другое. В связи с этим он не может так масштабно оперировать ценами, как параллельный импортер, который созданной инфраструктурой, по сути, пользуется бесплатно [1]. При этом, для борьбы с приобретением импортированных без согласия владельца товарного знака товаров, последний может отказаться от предоставления сервисных и гарантийных услуг реализованной без его согласия продукции, из-за чего рискует своей же деловой репутацией.

В случае существенной разницы в ценах в стране-импортере и стране-экспортере правообладатель, для максимизации собственной выгоды, может отказаться от производства в странах с низкими ценами во избежание перемещения товара по параллельным каналам в страны с более высокими ценами, а также установить единую цену реализации в целях ограничения реэкспорта, что с высокой долей вероятности приведет к росту цены товара в бедных странах и к снижению цены в богатых.

Ценовые различия между авторизованным и неавторизованным импортом значительно колеблются в зависимости от категории товара и объема дополнительных услуг, предоставляемых потребителю (как уже отмечалось ранее, неавторизованные импортеры крайне редко осуществляют постпродажное обслуживание).

Рост риска приобретения контрафактного, бракованного или непригодного для использования в России товара заслуживает отдельного внимания. С последним все понятно: развивать инфраструктуру невыгодно правообладателю и бессмысленно для параллельных импортеров.

17 Отчет о научно-исследовательской работе «Влияние ограничения параллельного импорта на товарные рынки Российской Федерации» Фонда «Центр стратегических разработок // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org> (дата обращения: 20.11.2022).

14 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. - 2019. - № 96.

15 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2022 года № 305-ЭС22-17802 по делу № А40-222446/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс».

16 В Калининграде разбавят бренды. Область предлагает легализовать параллельный импорт // Газета Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3600206> (дата обращения: 20.11.2022).

Первый же случай практически всегда используется в качестве контраргумента легализации параллельного импорта. Да, количество представленного на рынке товара за счет появления контрафакта увеличится, так как у приобретателя появится возможность выбора продавца, и, в силу незнания или желания приобрести товар по меньшей цене, повысится вероятность приобретения подделки. Но то, насколько хорошо защищен и индивидуализирован товарный знак, зависит только от правообладателя. Развитие данного направления для владельца товарного знака всегда обоснованно и не является прямым следствием легализации параллельного импорта. Например, компания «Apple» при производстве своей продукции настолько хорошо защищает свой товар уникальными маркировками, что практически никакая, даже самая качественная подделка, не может быть спутана с оригинальным товаром. Для ситуации с ввозом бракованного товара положение неоднозначно – параллельный импортер не связан ни обязанностью вернуть товар правообладателю для замены, ни самостоятельно произвести его сервисное обслуживание, от чего в большей степени страдает деловая репутация последнего. В связи с этим необходима дополнительная правовая защита прав потребителей и регламентация ответственности параллельного импортера за необеспечение качества товара либо в форме проверки его соответствия самим параллельным импортером, либо вменения ему обязанности не вскрывать упаковку товара и возвращать бракованный товар обратно производителю, либо стимулированием его к осуществлению постпродажного обслуживания.

Влияние легализации параллельного импорта на сферу занятости в отечественном производстве также велико. Сворачивание локальных производств по вышеописанным причинам влечет снижение количества рабочих мест и рост незанятого населения, которое не может пойти на аналогичную работу в связи с тем, что ни у отечественного бизнеса, ни у правообладателя, ни у параллельного импортера нет заинтересованности в развитии инфраструктуры. Правообладатели, не локализовавшие производство, получают возможность поддерживать высокую «маржу» за счет контроля цен и объемов поставки товаров.

Легализация параллельного импорта также способна повлечь потерю привлекательности трансграничных сделок ввиду их юридической сложности для стихийных поставок. При этом на оптовые закупки (ввиду того, что эти риски изначально заложены в процесс приобретения товара) это повлиять не должно.

Как одно из возможных последствий легализации параллельного импорта можно также выделить уменьшение таможенных и налоговых поступлений, вызванных распространением использования нелегальных схем для ценовой конкуренции с добросовестными параллельными импортерами. Однако данное негативное последствие целиком зависит от эффективности деятельности налоговых и таможенных органов по контролю за перемещением товаров и исполнением конституционных обязанностей. В соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза органы таможенного контроля для защиты прав интеллектуальной собственности имеют право применять меры, связанные с приостановлением выпуска товара в оборот, если не имеют сведений о согласии правообладателя. В этих целях как на уровне Российской Федерации, так и на уровне Евразийского интеграционного объединения предусмотрено создание национальных реестров объектов интеллектуальной собственности, в которых должны отмечаться правообладатель и лица, уполномоченные им на ввоз продукции. Это представляется достаточно серьезным подспорьем эффективному применению мер таможенного регулирования к правонарушителям.

Параллельные импортеры часто ввозят в Россию товары либо непредназначенные для нее изготовителями, либо требующие дополнительной адаптации под существующие в России стандарты, не осуществляя таковой. Вместе с тем производители, например, автомобилей, адаптируют технику к эксплуатации в конкретном климатическом условиям, экологическим требованиям, требованиям безопасности и иным стандартам и техническим регламентам, установленным в Российской Федерации. Этого почти никогда не делают па-

раллельные импортеры, которые просто ввозят автомобили, не задумываясь о необходимости доработки товара для соответствия как обязательным требованиям, так и особенностям спроса данной категории приобретателей.

Кроме того, параллельные импортеры часто не осуществляют надлежащее информационное обеспечение и поддержку, например предоставление информации о товарах на русском языке. В частности, они могут безнаказанно направлять потребителей к официальным импортерам и дилерам, отказываясь удовлетворять их требования самостоятельно.

Заключение

Легализация параллельного импорта, несомненно, открывает широкие возможности для развития конкуренции на товарном рынке и поиска хозяйствующими субъектами новых способов привлечения покупателей. Несмотря на то, что легального определения у параллельного импорта нет, во многих нормативно-правовых актах, регулирующих отношения по поводу использования товарных знаков после исчерпания исключительного права, содержатся нормы, регулирующие правовой статус параллельных импортеров.

Подводя итог, нельзя однозначно сказать стоит ли открывать границы для параллельных импортеров и возможно ли сохранить при этом баланс интересов всех участников параллельного импорта. При этом нельзя не отметить переход практики правоприменения от абсолютного запрета на деятельность параллельных импортеров к относительному, хоть и ограниченному частными случаями.

В текущих условиях подход законодателя к частичной легализации параллельного импорта представляется целесообразным, хоть и сильно ограниченным. При введении определенных ограничений применение регионального принципа исчерпания прав будет больше соответствовать балансу интересов сторон параллельного импорта.

По мнению авторов, необходимо создать реестр параллельных импортеров. Для включения в указанный реестр параллельный импортер должен получить разрешение Федеральной антимонопольной службы, предоставив последней доказательства того, что он предпринял достаточные меры для обеспечения инфраструктуры рынка. Это может выразиться в локализации производства, сертификации дистрибьютеров и сервисных центров, инвестировании в эти процессы. Соответственно, существование конкурентов будет зависеть не только от согласия правообладателя, но и от собственных действий импортера. При этом достаточность мер будет определяться в каждом конкретном случае в зависимости от объема рынка. К тому же, в случае недобросовестной практики правообладателя Минпромторг России сможет оперативно временно ограничивать исключительное право на товарный знак в целях восстановления спроса за счет расширения перечня групп товаров, в отношении которых разрешено осуществлять параллельный импорт.

Пристатейный библиографический список

1. Ермакова Е. П. Правовое регулирование «ответственного» инвестирования в России и зарубежных странах: понятие, принципы, примеры // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2022. - № 55. - С. 86-106.
2. Карданов В. А. Рассмотрение перспектив параллельного импорта // Вестник ГУУ. - 2019. - № 7. - С. 114.
3. Нургалеев М. С., Петров Е. Н. Особенности правового регулирования параллельного импорта лекарственных средств в России // Юридическая наука. - 2019. - № 10. - С. 50.
4. Шикалова Е. В., Фролова Е. Е. Перспективы выхода иностранных компаний на российский рынок государственных закупок // Россия – Китай: вектор развития. Материалы научно-практической конференции. Под общей редакцией О. А. Цепелева. - 2016. - С. 31-34.

КАДЫШЕВА Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой международного права
Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Кадышева О. В.

ВЛИЯНИЕ ОГОВОРКИ О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА

В статье рассматривается практически неисследованная в отечественной литературе проблематика использования концепции публичного порядка при функционировании внутреннего рынка ЕС, включая «пятую свободу», а именно свободу движения внутри ЕС решений, вынесенных судами государств-членов ЕС. Отмечается, что в своей практике Суд ЕС исходит из того, что государства-члены ЕС сохраняют свободу определять требования публичного порядка в соответствии со своими национальными интересами, однако эти требования должны толковаться ограничительно и под контролем Суда ЕС. Кроме того, в статье рассматриваются вопросы публичного порядка в РФ и ЕАЭС.

Ключевые слова: публичный порядок, ЕС, ЕАЭС, единый рынок, пятая свобода, признание судебных и арбитражных решений.

KADYSHEVA Olga Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, Acting Head of International law sub-faculty of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

THE EFFECT OF THE PUBLIC POLICY CLAUSE ON THE FUNCTIONING OF THE INTERNAL MARKET

The article examines the problems of using the concept of public order in the functioning of the EU internal market, including the «fifth freedom», namely the freedom of movement within the EU of judgments rendered by the courts of the EU member states, which are practically unexplored in the domestic literature. It is noted that in its practice, the EU Court of Justice proceeds from the fact that EU Member States retain the freedom to determine public policy requirements in accordance with their national interests, but these requirements should be interpreted restrictively and under the control of the EU Court. In addition, the article discusses issues of public order in the Russian Federation and the EAEU.

Keywords: public order, EU, EAEU, single market, fifth freedom, recognition of judicial and arbitration decisions.

Понятие публичного порядка (*public policy* (англ.), *ordre public* (фр.)) встречается в различных областях права практически во всех правовых системах. Но независимо от области права или конкретной правовой системы, в которой применяется это понятие, оно применяется для выполнения схожих основных задач. Публичный порядок ограничивает возможность принудительного исполнения допустимых в иных случаях проявлений автономии сторон в рамках частного права. Кроме того, публичный порядок ограничивает возможности принудительного исполнения применимых в иных случаях оговорок о выборе суда, оговорок о выборе права, норм иностранного права или иностранных судебных решений. Ограничения публичного порядка последнего рода основаны на заинтересованности суда в сохранении наиболее фундаментальных ценностей правовой системы [4, с. 407]. При этом сама категория публичного порядка чрезвычайно расплывчата и неопределенна. В литературе отмечается, что «...это одно из самых труднодостижимых понятий в праве, учитывая противоречивые судебные решения и запутанную литературу» [7, р. 688], оно «изменчиво и непостоянно», поэтому к нему обращаются «только тогда, когда нет других аргументов...» [7, р. 688].

Вопросы публичного порядка в праве ЕС

В соответствии учредительными договорами, Европейский Союз (ЕС) основан на свободном движении товаров, услуг, людей и капитала, известном как четыре свободы вну-

треннего рынка ЕС¹. С момента своего подписания Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (Рим, 1957 г., далее – Римский договор) включал несколько положений, не изменившихся до сих пор, согласно которым государства-члены ЕЭС, выступающие стороной-получателем товаров, работ, услуг или рабочей силы, могли ссылаться на правила своего публичного порядка для того, чтобы не исполнять предписания права ЕС.

С другой стороны, понятие публичного порядка также использовалось при решении вопросов признания и исполнения внутри ЕС решений, вынесенных национальными судами государств-членов ЕС. Сначала этот вопрос был урегулирован в Брюссельской конвенции по вопросам юрисдикции и исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров (27 сентября 1968 года, далее – Брюссельская конвенция). Очевидно, что в правопорядке каждого государства-члена ЕС имеются ценности, которые необходимо защищать от противоречащих ему судебных решений. К таким ценностям относится и публичный порядок государства-члена ЕС, в котором испрашивается признание и исполнение судебного решения, вынесенного судами других государств-членов ЕС. Серьезные перемены стали происходить начиная с конца 1990-х годов, когда стало понятно, что конвенционного регулирования оборота судебных решений в ЕС стало явно недостаточно, и существующие межгосу-

1 Раздел II и IV части 3 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС).

дарственные процедуры стали уже явно мешать нормальному функционированию единого внутреннего рынка за счет разрыва единого правового пространства в этом вопросе. Именно поэтому Амстердамский договор перенес вопросы взаимного признания и исполнения решений судов государств-членов в «первую опору» Европейского Союза. Таким образом, появилась свобода движения судебных решений (пятая свобода), а конвенционное регулирование этих вопросов было заменено на регулирование актами институтов ЕС (соответственно Брюссельская конвенция была заменена Брюссельским регламентом²), который при этом сохранил оговорку о публичном порядке в качестве ограничения этой свободы.

В качестве формы ограничения четырех свобод внутреннего рынка, публичный порядок стоит рядом с общественной безопасностью и общественной моралью, защитой здоровья и жизни людей, животных или растений, защитой национальных сокровищ, обладающих художественной, исторической или археологической ценностью, и защитой промышленной и коммерческой собственности в случае свободного перемещения товаров (статья 36 ДФЕС). Однако, в случае применения оговорки о публичном порядке в отношении признания и исполнения судебных решений не существует исключений, аналогичных исключениям для четырех рыночных свобод. Публичный порядок государства нелегко определить из-за его изменчивости в пространстве и времени. Однако, как будет показано ниже, Суд Европейского Союза (Суд ЕС) разработал некоторые стандарты его применения как в контексте обоснования ограничения действия четырех свобод, так и в контексте ограничения пятой свободы [8, р. 181].

Публичный порядок как способ ограничения свобод внутреннего рынка

Государства-основатели ЕС, планируя архитектуру европейской интеграции исходили из того, что государства, входящие первоначально в Сообщества, а затем и в Европейский Союз, имеют существенные различия общественного уклада, и что каждое из этих государств будет стремиться укрепить различные ценности этого уклада и дифференцированно подходить к определенным видам деятельности в рамках интеграционных процессов. Именно поэтому государствам-членам ЕС было разрешено использовать свои собственные правила публичного порядка для ограничения правил внутреннего рынка. Содержание этих правил публичного порядка было оставлено на усмотрение каждого государства-члена ЕС в пределах его внутреннего правопорядка, именно поэтому Договор о ЕЭС не содержал ни определения того, что считать публичным порядком, ни путей его применения государствами [10, р. 28].

В первый раз, когда Суду ЕС пришлось решать дело, касающееся такого исключения (*Van Duyn v Home Office*), он подтвердил, что ответственность за определение своего публичного порядка несут исключительно государства-члены ЕС³. Суд, придерживаясь традиционной точки зрения, за-

явил, что публичный порядок является «территориальной концепцией» (т.е. специфическим публичным порядком для каждого государства-члена), которая при этом может меняться с течением времени. Таким образом, Суд ЕС признал, что государства-члены могут изменять содержание своего публичного порядка по мере необходимости в связи с эволюцией членов общества и их деятельности, а концепция публичного порядка становится чувствительной к фактору времени, и никто не знает какой она будет завтра [10, р. 28]. Отдельно надо отметить, что Суд ЕС также указал, что «концепция публичного порядка в контексте Сообщества и, в частности, когда она используется в качестве оправдания для отступления от фундаментального принципа свободы перемещения работников, должна толковаться только ограничительно» [10, р. 18].

Тем не менее, впоследствии Суд ЕС несколько изменил свой подход к вопросу происхождения и порядка применения публичного порядка, поскольку он позволил себе вмешаться в само содержание публичного порядка стран-членов ЕС. В деле *Bouchereau*⁴ Суд указывает, что понятие публичного порядка предполагает, помимо нарушения общественного порядка, которое представляет собой любое нарушение закона, наличие серьезной и достаточно серьезной угрозы, затрагивающей фундаментальные интересы общества⁵. Этим решением Суд начал ограничивать свободу государств-членов в определении содержания публичного порядка. Теперь для того, чтобы любая норма была квалифицирована как публичный порядок, необходимы два единых критерия: во-первых, она должна устранять реальную и достаточно серьезную опасность, а не просто любое нарушение правила, а, во-вторых, целью нормы публичного порядка должна быть защита фундаментального интереса соответствующего общества [10, р. 29]. Таким образом, государства-члены ЕС могут защищать лежащие в основе их системы фундаментальные ценности только в очень ограничительном понимании.

В деле *Petar Aladzhov v Zamestnik* Суд ЕС фактически суммировал ранее высказанные им аргументы и указал, что хотя государства-члены в принципе сохраняют свободу определять требования публичного порядка и общественной безопасности в соответствии со своими национальными интересами, которые могут варьироваться от одного государства-члена к другому и от одной эпохи к другой, «факт остается фактом» – в контексте Европейского Союза и особенно в качестве оправдания для отступления от фундаментального принципа свободного передвижения лиц, требования публичного порядка должны толковаться исключительно ограничительно, то есть таким образом, чтобы их объем не мог определяться в одностороннем порядке каждым государством-членом без какого-либо контроля со стороны институтов Европейского Союза⁶.

Публичный порядок как ограничение признания и исполнения судебных решений, вынесенных судами государств-членов ЕС

2 Council Regulation (EC) No 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (Brussels I Regulation) [2001] OJ L12/1.

3 Case 41/74, Yvonne van Duyn v. Home Office [1974] ECR, 01337 at 01351.

4 Case 30/77, Regina v. Pierre Bouchereau [1977] ECR, 1999.

5 Bouchereau (n 19) para 35.

6 Case C-434/10 Petar Aladzhov v Zamestnik director na Stolichna direktсия na vateshnite raboti kam Ministerstvo na vateshnite raboti [2011] ECR I-11659, para 34.

Как уже указывалось выше, в первые десятилетия становления Европейских Сообществ вопросы взаимного признания и исполнения судебных и арбитражных решений, а также организации и деятельности арбитража воспринимались как исключительная компетенция государств-членов ЕС. В статье 220 Римского договора указывалось, что государства-члены ЕЭС решают вопросы гармонизации норм о признании и исполнении судебных и арбитражных решений не путем издания актов ЕЭС, а через заключение для этих целей многосторонних конвенций. В результате такого подхода странами членами ЕЭС была разработана и подписана Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров. Впоследствии регулирование признания и исполнения арбитражных решений дополнилось актами институтов ЕС.

Статьи 34 и 57 Регламента Брюссель I⁷, статьи 22 и 13 Брюссель II bis⁸, и ряд других документов позволяют не признавать или не исполнять судебные решения на основании публичного порядка государства, где осуществляется признание и исполнение судебного решения, вынесенного судом другого государства-члена ЕС. Несмотря на то, что ЕС стремится к созданию «все более сплоченного союза»⁹, государства-члены ЕС еще не достигли такого сродства в основных принципах, фундаментальных ценностях и защите прав человека, чтобы полностью отказаться от соображений публичного порядка.

В деле *Krombach v Bamberski*¹⁰, обращаясь с запросом в Суд ЕС, национальный суд государства-члена ЕС просил Суд ЕС прояснить вопрос о том, может ли оговорка о публичном порядке в соответствии с действующей на тот момент Брюссельской конвенцией быть истолкована таким образом, чтобы охватить, во-первых, чрезмерную жесткость правил установления юрисдикции суда, вынесшего решение (в данном случае речь шла о французском суде), и, во-вторых, нарушение права на справедливое судебное разбирательство. В своем преюдициальном заключении Суд ЕС установил, что государства-члены не имеют права ставить под сомнение юрисдикцию суда, вынесшего решение, о чем говорится в самой Конвенции в статье 28, даже если эта юрисдикция ошибочно определена¹¹. Кроме того, Суд ЕС отметил, что обращение к оговорке о публичном порядке, содержащейся в пункте 1 статьи 27 Брюссельской конвенции, возможно только в тех случаях, когда признание или приведение в исполнение судебного решения, вынесенного в другом государстве-члене ЕС, в неприемлемой степени противоречило бы публичному порядку государства, в котором испрашивается исполнение, в той мере, в какой оно нарушает какой-либо фундаментальный принцип¹². Для того чтобы запрет на любой пересмотр по существу любого решения суда государ-

ства-члена ЕС соблюдался, нарушение должно представлять собой явное нарушение нормы права, считающейся существенной в правовом порядке государства, в котором испрашивается исполнение, или права, признанного фундаментальным в этом правовом порядке. Что касается второго вопроса, то Суд ЕС указал, что государства-члены могут интерпретировать понятие «публичный порядок» в соответствии со своими собственными концепциями, но пределы такого толкования должны быть определены самим Судом ЕС¹³. Для того, чтобы можно было обоснованно сослаться на публичный порядок как качество оправдания отказа исполнять решение суда другого государства-члена ЕС, необходимо выполнение трех совокупных требований: (а) наличие заметного расхождения между нормой, применяемой в государстве суда, вынесшего решение, и нормой государства признания или исполнения этого решения, (б) как результат такого расхождения нарушение какого-либо фундаментального принципа в государстве признания или исполнения этого решения, и (в) это нарушение фундаментального принципа представляет собой «явное нарушение нормы права, считающейся основной в правовом порядке государства, в котором испрашивается исполнение этого решения ...»¹⁴.

На практике национальные суды, как правило, ориентируются на национальную концепцию публичного порядка, используемую в данном государстве. Вместе с тем, все-таки не стоит забывать основные начала приведения в исполнение иностранных судебных решений, которые сводятся к тому, что, во-первых, применение положений публичного порядка должно носить исключительный характер, а во-вторых, суды, перед которыми ставится вопрос о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, не могут произвольно отказывать в признании и исполнении по причине несоответствия национальному праву, равно как и пересматривать иностранные судебные и арбитражные решения. В разных юрисдикциях относительно немногие правовые нормы поднимаются до уровня публичного порядка, а определение нормы как публичного порядка остается исключительным [4, с. 408].

Публичный порядок ЕС и международный коммерческий арбитраж

В том, что касается международного коммерческого арбитража, то уже в статье 1 Брюссельской Конвенции прямо указывалась, что конвенция не применяется в отношении арбитража. По единодушному мнению исследователей права ЕС, разработчики Брюссельской конвенции исходили из того, что для регулирования вопросов признания и исполнения арбитражных решений достаточно уже существовавшей к тому времени Нью-Йоркской Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (далее – Нью-Йоркская конвенция), участниками которой являлись все страны ЕС [5]. Эта Конвенция также разрешает судам не признавать и отказывать в исполнении арбитражных решений на основании их противоречия публичному порядку. Со временем Суд ЕС обнаружил, что национальные суды стран членов ЕС предлагают по сути 27 видов различных толкований концепции публичного поряд-

7 Council Regulation (EC) No 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (Brussels I Regulation) [2001] OJ L12/1.

8 Council Regulation (EC) No 2201/2003 of 27 November 2003 concerning jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in matrimonial matters and the matters of parental responsibility, repealing Regulation (EC) No 1347/2000 OJ L338/1.

9 Преамбула ДФЕС

10 Case C-7/98 Dieter Krombach v André Bamberski [2000] ECR I-01935.

11 Krombach (n 16) para 33.

12 Krombach (n 16) para 3.

13 Krombach (n 16) para 41.

14 Krombach (n 16) para 41. para 37.

ка, внося хаос в вопросы признания арбитражных решений, вынесенных в других государствах ЕС. Так же как в случае с исполнением решений национальных судов государств-членов ЕС по гражданским делам, в каждом государстве-члене ЕС суды самостоятельно толковали понятие «публичный порядок» применительно к арбитражным решениям, разрывая единое правовое пространство, и создавая тем самым препятствие на пути функционирования единого внутреннего рынка.

Это вынудило Суд ЕС занять твердую позицию, согласно которой суды государств-членов ЕС должны принимать во внимание правила права ЕС при решении вопросов о соответствии их публичному порядку арбитражных решений, вынесенных в других странах ЕС. Ключевым в данном вопросе стало дело *Eco Swiss*¹⁵, в рамках которого Верховный суд Нидерландов обратился в Суд ЕС за предюдициальным заключением в соответствии со статьей 267 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) по вопросам толкования статьи 101 ДФЕС¹⁶. Эти вопросы были подняты в ходе разбирательства, возбужденного компанией *Benetton International NV* в целях отмены Верховным судом Нидерландов арбитражного решения, предписывающего *Benetton* возместить убытки *Eco Swiss China Time Ltd* за нарушение лицензионного соглашения. Поскольку арбитраж имел место в Нидерландах, в соответствии с нормами процессуального законодательства данного государства был поставлен вопрос о противоречии арбитражного решения публичному порядку, включающему и положения статьи 101 ДФЕС.

Верховный суд Нидерландов задал Суду ЕС в общей сложности пять вопросов, но вопрос о публичном порядке является наиболее важным в контексте рассматриваемой темы. По мнению Суда ЕС, статья 3 (1)(b) ДФЕС, устанавливающая исключительную компетенцию ЕС в области установления правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка, является важным положением договора и должно рассматриваться как фундаментальный принцип ЕС, поскольку его функция заключается в обеспечении возложенных на ЕС задач и функционировании внутреннего рынка. Любые соглашения или решения, нарушающие положения антимонопольного права ЕС, считаются автоматически недействительными. Суд ЕС отнес положения статьи 101 ДФЕС к фундаментальным императивным нормам права ЕС и включил их в понятие публичного порядка ЕС.

Таким образом, Суд ЕС, рассматривая вопросы публичного порядка и конкурентного права ЕС, указал, что национальные суды государств-членов должны принимать во внимание любые вопросы, касающиеся права ЕС, в процессе либо отмены, либо признания и приведения в исполнение арбитражного решения, и фактически ввел понятие публичного порядка ЕС, которое было подтверждено в его последующих решениях.

Абсолютно правомерно возникает вопрос – норма права ЕС является «просто» нормой права ЕС? Тогда в какой момент она приобретает статус публичного порядка ЕС? Может ли все право ЕС представлять собой публичную политику ЕС?

Учитывая широту права ЕС и возможность того, что любая его отрасль может заслужить статус публичного порядка в глазах Суда, суды государств-членов будут часто сталкиваться с вопросом о сфере действия публичного порядка ЕС.

В последующий делах Суд ЕС стал более серьезно отслеживать границы публичного порядка ЕС. В глазах Суда не каждая норма права ЕС может заслужить статус публичного порядка, а суды государств-членов будут часто сталкиваться с вопросом о сфере действия публичного порядка ЕС. Характер и значение нормы права ЕС будут определять ее нарушение как непереносимое нарушение публичного порядка ЕС.

С учетом того, что сейчас 80% национального законодательства государств-членов ЕС строится на основе права ЕС [3, с. 49], очевидно, что Суд ЕС исходит из того, что в вопросах публичного порядка стран-членов ЕС свобода национальных судов должна снижаться, и одновременно нарастать скоординированный подход к публичному порядку всего ЕС. В доктрине уже было высказано предположение, что Суд ЕС руководствуется тем, что Европейский Союз является своего рода квазифедерацией в развитии [3, с. 64], где государства-члены Союза являются субъектами такой федерации, и поэтому право этих субъектов использовать соображения публичного порядка для отказа в исполнении как нормативных актов Союза, так и решений национальных судов других субъектов этой федерации должно быть ограничено.

Тем не менее у этого подхода есть и свои критики. Так, *T. Keresteš* указывает, что Суд ЕС был прав, опасаясь, что государства могут злоупотреблять использованием оговорки о публичном порядке. Но в результате этого опасения он лишил данное положение его основного смысла, и осталось лишь несколько случаев, когда государствам разрешено применять оговорку [9, р. 88]. Далее *T. Keresteš* указывает, что возможно, в определенный момент европейское общество будет настолько интегрировано, что оговорку о публичном порядке придется объявить «вне закона», однако, это время еще не пришло. Культурное разнообразие по-прежнему является важным признаком ЕС, а различия – это «преимущество и выгода, а не слабость». До тех пор, пока национальные культуры ЕС будут процветать, будет существовать место оговорке о публичном порядке [9, р. 90]. С ним согласен *F. Feretti*, который, оценивая практику Суда ЕС в отношении международного коммерческого арбитража, говорит о том, что Суд ЕС еще не прояснил границы публичного порядка ЕС, и вместо этого подходит к этому вопросу в каждом конкретном случае. Таким образом, без четкого определения границ публичного порядка ЕС арбитраж обречен оставаться в состоянии правовой неопределенности по отношению к рамкам, предусмотренным Нью-Йоркской конвенцией. Государства-члены ЕС, скорее всего, будут применять эту концепцию непредсказуемо и непоследовательно, что, в свою очередь, поставит под угрозу функционирование внутреннего рынка [6, р. 150].

Вопросы публичного порядка в Российской Федерации и в ЕАЭС

Россия уже столкнулась с вольницей национальных судов всех уровней при определении вопросов публичного порядка. В РФ нет законодательного определения того, что считать публичным порядком, статья 1193 ГК РФ лишь предусматривает возможность отказа в исключительных случаях

15 Case C-126/97, *Eco Swiss China Time Ltd v Benetton International NV*. ECR 1999, I-03055.

16 Статья 101 ДФЕС устанавливает запрет на антиконкурентные соглашения между предприятиями.

ях в применении иностранного права, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. Пункт 7 части 1 статьи 244 АПК РФ предусматривает, что компетентный суд вправе отказать в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, если такое признание и приведение в исполнение противоречит публичному порядку страны суда. Похожее регулирование содержится в гражданско-процессуальном законодательстве.

В судебной практике выработан подход, согласно которому под публичным порядком в целях применения названных норм понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц (п. 1 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 26 февраля 2013 г., № 156).

Фактически этот вопрос отдается на откуп судам общей юрисдикции и арбитражным судам. Отечественные исследователи с сожалением отмечают, что оправдались наихудшие ожидания, которые были у специалистов в момент введения соответствующих положений в АПК и ГПК 2002 г., и что практика российских государственных судов (как арбитражных, так и общей юрисдикции) по применению понятия «публичный порядок» отличается непоследовательностью и непредсказуемостью [1, с. 151].

В связи с этим в литературе отмечается, что произошедшая в результате принятия новых поправок в Конституцию 2020 г. централизация этого важного вопроса в руках Конституционного Суда РФ (КС РФ) в виде обязанности судов обращаться к нему с соответствующим запросом бесспорно может привести к большей правовой определенности, хотя и создаст для КС РФ дополнительную нагрузку [2, с. 71].

В том, что касается концепции публичного порядка в ЕАЭС, то нужно отметить, что соответствии с положениями статьи 28 Договора о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014, далее – Договор о ЕАЭС) Союз принимает меры по обеспечению функционирования внутреннего рынка в соответствии с положениями настоящего Договора. Внутренний рынок охватывает экономическое пространство, в котором согласно положениям настоящего Договора обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов.

Статья 29 Договора о ЕАЭС предусматривает исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров, к числу которых относится право государств-членов во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются

средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для охраны жизни и здоровья человека; защиты общественной морали и правопорядка; охраны окружающей среды; охраны животных и растений, культурных ценностей; выполнения международных обязательств и обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена. Как мы видим, Договор о ЕАЭС не содержит явным образом оговорку о публичном порядке как основание ограничений свобод внутреннего рынка Договора о ЕАЭС. Отсутствуют в нем и упоминания о взаимном признании и исполнении в странах членах ЕАЭС судебных и арбитражных решений, вынесенных в других государствах членах Союза. Однако все государств-члены ЕАЭС как минимум являются участниками Нью-Йоркской конвенции, и поэтому рано или поздно Суд ЕАЭС столкнется с проблематикой публичного порядка в контексте именно препятствий для единого рынка.

В особом мнении судьбы Суда Евразийского экономического союза Т. Н. Нешатаевой (дело № СЕ-2-1/1-22-БК) от 12 октября 2022 года в первые в практике Суда ЕАЭС был использован термин «публичный порядок» применительно, как можно предположить из текста особого мнения, к проблеме установленных правом ЕАЭС исключений из налогообложения косвенными налогами товаров при их перемещении товаров внутри ЕАЭС. Оставляя в стороне вопрос о возможности использования в контексте данного дела термина «публичный порядок», который, как было показано выше, используется для обоснования отказа в применении той или иной нормы иностранного права или для отказа в признании и исполнении иностранного судебного или арбитражного решения, можно лишь отметить, что само понятие публичного порядка и его содержание в особом мнении не раскрывается.

Вместе с тем вопросы о том, будут ли нормы права ЕАЭС толковаться и квалифицироваться в контексте «публичного порядка» или только постулаты, идеи, ценности или абстрактные права могут считаться подпадающими под контекст публичного порядка, и насколько широким в вопросах публичного порядка будет усмотрение государств-членов остаются открытыми.

Заключение

Подводя итоги, стоит отметить, что практически с самого начала в Европейском Союзе оговорка о публичном порядке использовалась в двух контекстах. Во-первых, как предусмотренное учредительными договорами одно из возможных оснований для государства-члена ЕС отказать в том или ином конкретном случае исполнять свои обязательства и допустить ограничение четырех свобод единого внутреннего рынка. Во-вторых, ссылки на противоречие публичному порядку разрешались как основание для отказа признавать и исполнять судебное решение, вынесенное судом другого государства-члена ЕС. В обоих случаях такое основание предусматривалось исходя из понимания сохраняющихся различий между государствами-членами Союза, именно поэтому содержание правил публичного порядка было оставлено на усмотрение каждого государства-члена ЕС в пределах его внутреннего правопорядка, а сами учредительные договоры ЕС не содержали ни определения того,

что считать публичным порядком, ни указаний в отношении путей его применения.

Накопившиеся проблемы с признанием и исполнением судебных решений по гражданским делам, вынесенных судами государств-членов ЕС привели к тому, что это стало восприниматься как препятствие для нормального функционирования единого внутреннего рынка. Это привело к тому, что Амстердамским договором вопросы признания и исполнения судебных решений по гражданским делам были отнесены к «первой опоре» ЕС, получив название «свободное движение судебных решений» или «пятая свобода». Это позволило использовать для регулирования этих вопросов нормативные акты институтов ЕС и распространить на них юрисдикцию Суда ЕС.

Практика Суда ЕС по обоим аспектам публичного порядка показывает значительное сходство, что не позволяет говорить о наличии двух кардинально различных подходов. При этом Суд ЕС исходит из того, что государства-члены ЕС сохраняют свободу определять требования публичного порядка в соответствии со своими национальными интересами, которые могут варьироваться от одного государства-члена к другому и от одной эпохи к другой, однако, эти требования должны толковаться ограничительно, чтобы их объем не мог определяться в одностороннем порядке каждым государством-членом без какого-либо контроля со стороны институтов Европейского Союза, в первую очередь Суда ЕС.

Кроме того, Суд ЕС, в отличие от законодателя, считает не совсем неверным отказ от распространения действия Брюссельского Регламента на решения международных коммерческих арбитражей, вынесенных в государствах-членах ЕС, также рассматривая существующий разнобой в порядке признания и исполнения таких решений как препятствие для функционирования единого внутреннего рынка, и пытаясь решить эту проблему за счет использования конструкции публичного порядка ЕС. Однако несмотря на политику Суда ЕС по созданию публичного порядка ЕС в целом, что особенно видно в ситуации с исполнением решений международного коммерческого арбитража начиная с решения по делу *Eco Swiss*, государства-члены ЕС еще длительное время будут продолжать использовать ссылки на собственные публичные порядки для обоснования отказа исполнять предписания ЕС. Это означает необходимость для национальных судов и Суда ЕС принимать во внимание такое сосуществование двухуровневого публичного порядка в ЕС.

В Российской Федерации децентрализованное и в небольшой степени хаотичное использование национальными судами концепции публичного порядка при признании и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений уже привело к появлению у национальных судов обязанности обращаться в КС РФ за соответствующими разъяснениями, что может привести к выработке единого подхода к этим вопросам.

Говоря о концепции публичного порядка на уровне ЕАЭС, нужно отметить, что в отличие от ЕС соображения публичного порядка государств-членов не включены в перечень оснований для возможного отказа государств-членов Союза обеспечивать в конкретном случае рыночные свободы внутреннего рынка, равно как Договор о ЕАЭС не упоминает публичный порядок самого ЕАЭС. Однако это не исключает возможности толкования и использования оговорки о

публичном порядке национальными судами и Судом ЕАЭС в первую очередь в делах о возможном негативном влиянии на внутренний рынок ЕАЭС отказов в исполнении судебных или арбитражных решений, вынесенных в другом государстве-члене ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Варей-Соммьер Паскаль П. де, Гетьман-Павлова И. В. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 1. – С. 140-168.
2. Исполинов А. С. Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей // Закон. – 2020. – № 12. – С. 61-73.
3. Исполинов А. Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств-членов ЕС // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 4 (119). – С. 47-68.
4. Bermann G. Navigating EU Law and the Law of International Arbitration // Arbitration International. – 2012. – Vol. 28. № 3. – Pp. 397-445.
5. Bermann G. Reconciling European Union Law Demands with the Demands of International Arbitration // Fordham International Law Journal. – 2011. – Vol. 34. № 5. – Pp. 1193-1216.
6. Feretti F. EU Internal Market Law and the Law of International Commercial Arbitration: Havethe EU Chickens Come Home to Roost? // Cambridge Yearbook of European Legal Studies. – 2020. – Vol. 22. – Pp. 133-155.
7. Ghodoosi F. The Concept of Public Policy in Law: Revisiting the Role of the Public Policy Doctrine in the Enforcement of Private Legal Arrangements // Nebraska Law Review. – 2015. – Vol. 94. – Pp. 685-736.
8. Hoško T. Public policy as an exception to free movement within the internal market and the European judicial area: a comparison // Croatian Yearbook of European Law & Policy. – 2014. – Vol. 10. № 1. – Pp. 189-213.
9. Keresteš T. Public Policy in Brussels Regulation I: Yesterday, Today and Tomorrow // LEXONOMICA. – 2016. – Vol. 8. № 2. – Pp. 77-91.
10. Kessedjian C. Public Order in European Law // Erasmus Law review. – 2007. – Vol. 1. № 1. – Pp. 25-36.

БАЙДАРОВА Марина Александровна

кандидат юридических наук, преподаватель Пензенского государственного университета

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность заявленной темы определена потребностью регламентации трудовых правоотношений, динамикой их развития, а также разнообразием субъектов в них участвующих. Роль правовых исключений особенно возросла в условиях распространения COVID-19, а также проводимой частичной мобилизацией на территории Российской Федерации. Исключения в трудовом законодательстве обеспечивают не только оперативное регулирование трудовых правоотношений, но и формируют уникальную, отличную от общих правил, альтернативу возможной линии поведения субъектов правовых отношений в нестандартных и экстраординарных случаях и обстоятельствах. Исключения, имплементированные в нормы Трудового кодекса РФ, выступают индикатором прогрессивного и опережающего развития трудового права в целом.

Ключевые слова: исключения, трудовое законодательство, разнообразие, трудовые отношения, отступление, обеспечение, инструмент регуляции, право, гарантии.

BAYDAROVA Marina Alexandrovna

Ph.D. in Law, lecturer of the Penza State University

LEGAL EXCEPTIONS AS AN INDICATOR OF THE DEVELOPMENT OF THE LABOR LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of the stated topic is determined by the need to regulate labor relations, the dynamics of their development, as well as the variety of subjects involved in them. The role of legal exceptions has especially increased in the context of the spread of COVID-19, as well as the ongoing partial mobilization on the territory of the Russian Federation. Exceptions in labor legislation provide not only operational regulation of labor relations, but also form a unique, different from the general rules, alternative to the possible line of behavior of subjects of legal relations in non-standard and extraordinary cases and circumstances. The exceptions implemented in the norms of the Labor Code of the Russian Federation are an indicator of progressive and advanced development of labor law in general.

Keywords: exceptions, labor legislation, diversity, labor relations, derogation, provision, instrument of regulation, law, guarantees.

Байдарова М. А.

Разнообразие общественных отношений – есть объективная действительность правового регулирования, свидетельствующая о многогранной природе человеческой деятельности [6, с. 101]. Распространение COVID-19, а также проведение частичной мобилизации в Российской Федерации во многом послужило предпосылкой к закреплению в Трудовой кодекс Российской Федерации положений о дистанционной работе, электронном документообороте, а также целому ряду социально-трудовых гарантий за гражданами Российской Федерации, которые призваны на военную службу по мобилизации в Вооруженные силы Российской Федерации.

В связи с этим присутствие юридических исключений в трудовом законодательстве предопределяется стоящими перед трудовым законодательством целями, среди которых и закрепление гарантий трудовых прав, свобод граждан, создание благоприятных условий труда для согласования интересов сторон трудовых отношений и государства, а также защита прав и интересов работника и работодателя.

Осмысление и понимание в общей теории государства и права правового регулирования помогает увидеть правовые нормы не только в действии, но и выявить инструменты регуляции, посредством которых происходит урегулирование социальных отношений [3, с. 9].

Имплементация исключения в норму права трудового законодательства позволяет легально установить дифференцированное регулирование трудовых правоотношений. По мнению С. Ю. Суменкова «право, с одной стороны, устанавливает правила регулирования социальных отношений, с другой, будучи результатом отражения реального мира, предусматривает определенные возможности отступления от общеобязательного эталона» [7, с. 25]. Верно отмечено И. С. Барзиловой, что «существование юридических исключений как средств дифференциации предопределено необходимостью преодоления объективно существующих препятствий в процессе удовлетворения законных интересов субъектов» [2, с. 23].

Кроме того, наличие исключений в трудовом законодательстве свидетельствуют о невозможности формализации всей палитры многообразия трудовых отношений только в пределах правила. Еще У. Р. Эшби в кибернетическом законе необходимого разнообразия было закреплено: управление тогда лучше, когда больше разнообразие [10]. В свою очередь совершенствование трудовых отношений, напрямую связано как с их интенсивным

развитием, так и усложнением требуемых процедурных моментов между работником и работодателем.

Законодатель всё чаще по содержанию Трудового кодекса РФ употребляет такие формулировки как «катастрофа» (природного или техногенного характера), производственная авария, несчастный случай на производстве, пожар, наводнение, землетрясение, а также эпидемии и эпизоотии.

Данный подход к включению указанных формулировок в статьи 22.3. (Взаимодействие работодателя и работника посредством электронного документооборота), 72.2. (Временный перевод на другую работу), 312.9. (Порядок временного перевода работника на дистанционную работу по инициативе работодателя в исключительных случаях) Трудового кодекса Российской Федерации во многом сводится к многообразию трудовых отношений и потенциально возможных рабочих ситуаций¹. Правовые нормы создавались и создаются ввиду «...обобщения видовых и типических качеств многообразных действий и общественных отношений» [5, с. 24].

В свою очередь юридическое исключение, закрепленное в контексте ст. 22.3. Трудового кодекса Российской Федерации в формулировке «и в любых исключительных случаях», связывает наступление последних с ситуациями, ставящими под угрозу жизнь, адекватные жизненные условия населения (его части), а также работника и соответственно работодателя.

Содержание исключения в данной статье, позволяет в любых исключительных случаях быстро перейти на взаимодействие между работодателем и работником посредством электронного документооборота, но с последующим предоставлением данных документов и на бумажном носителе.

Включение в норму права наступления экстраординарных случаев, свидетельствует о том, что правовые нормы объективно не могут сформулировать каждый потенциально возможный в трудовых отношениях исключительный случай, но посредством внесения изменений и дополнений (внедрение юридических исключений) законодатель имеет возможность скорректировать конкретные правовые отношения.

Наглядным подтверждением данного вывода является внесение изменения законодателем в Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Федерации Федеральным законом от 07.10.2022 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», касающихся обстоятельств прекращения трудового договора, по обстоятельствам, которые не зависят от воли сторон.

В частности, пункт 1 части 1 ст. 83 Трудового кодекса Российской Федерации с 21 сентября 2022 года распространяется на трудовые правоотношения. Из данного пункта Трудового кодекса Российской Федерации следует, что по общему правилу, закрепленному в указанной статье, в случае призыва работника на военную службу или направления его на заменяющую её альтернативную гражданскую службу договор подлежит прекращению. Исключение из данного права формулируется термином «за исключением», раскрывающееся в том, что трудовой договор не подлежит прекращению в исключительном случае, когда осуществлен призыв работника на военную службу по мобилизации.

Вышеизложенный пример, позволяет сделать вывод, что оперативное внесение изменений в п. 1 ч. 1. ст. 83 Трудового кодекса Российской Федерации посредством внедрения исключения в правовое положение, позволяет надлежащим образом обеспечить социальное-трудовые гарантии по трудовым договорам (контрактам) с гражданами Российской Федерации, которые призваны на военную службу по мобилизации в Вооруженные силы Российской Федерации.

Тем самым, сохранение рабочих мест (соответственно и конкретной должности) распространяется за гражданами, с которыми заключен трудовой договор (как с испытательным сроком, так и срочный трудовой договор), а также получившими уведомление о сокращении (но продолжающие работать). Принципиально важным следует считать закрепление в Трудовом кодексе Российской Федерации запрета на расторжение трудового договора по инициативе работодателя².

На основании изложенного, включение исключения в статью Трудового кодекса Российской Федерации позволяет гарантировать не только сохранение рабочего места за работником, но и обеспечить выплаты, предусмотренные трудовым законодательством (например, премии по итогам всего года и т.д.).

Кроме того, именно посредством имплементации исключения в норму права совершенствуются и регламентируются трудовые отношения граждан, призванных на военную службу по мобилизации в ВС РФ. Федеральным законом от 07.10.2022 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» вступили в силу дополнения в главу 55 Трудового кодекса Российской Федерации, а именно статья 351.7.

Во-первых, не смотря на приостановление действия трудового договора в отношении работника (и как следствие приостановления осуществления прав и обязанностей) сохраняются, например такие социально-трудовые гарантии как улучшение его социально-бытовых условий и членов его семьи и т.д.

Во-вторых, в данной статье законодателем предусматривается введение конструктивной формулировки «за исключением», которая в контексте правовой нормы устанавливает исключение из прав и обязанностей, предусмотренных статьёй 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации.

Изложенное, позволяет заключить, что исключения в нормах права представляют собой уникальное по своей природе средство правовой дифференциации, позволяющее нивелировать пробельность в регулировании трудовых отношений, что безусловно усилит нормативность права, а также его ценность как правового регулятора [1, с. 241].

Другим, не менее интересным примером имплементации исключения в норму Трудового кодекса Российской Федерации выступают положения статьи 60 и 72.1. Представляется целесообразным рассматривать во взаимосвязи положения данных статей, поскольку именно при комплексном подходе представляется возможным дополнительно подчеркнуть целевую направленность исключений.

Законодателем статьёй 60 Трудового кодекса Российской Федерации введен запрет требовать от работника выполнения работы, которая не обусловлена трудовым договором. Исключением из данного правила выступают случаи, которые прямо предусмотрены Трудовым кодексом Российской Федерации.

В свою очередь статьёй 72.1 Трудового кодекса Российской Федерации запрещается переводить работника как постоянно, так и временно, без письменного согласия последнего, за исключением случаев, которые регламентированы частью 2 и частью 3 статьи 72.2 Трудового кодекса Российской Федерации.

Согласно статье 72.2 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривается легальная возможность в любых исключительных случаях перевести работника без его согласия (кур-

сив – М. Б.) до 1 месяца. Включение исключения в ст. 72.2. ТК РФ позволяет привлечь работника к не обусловленным трудовым договором функциям исключительно в целях предупреждения случаев, связанных с угрозой жизни, нормальными жизненными условиями населения (его части) и других указанных в статье экстраординарных, чрезвычайных случаев, а также устранения их последствий. Аналогичные причины указаны в ст. 312.9 Трудового кодекса Российской Федерации по временному переводу работника на дистанционную работу (на период наличия указанных в данной статье обстоятельств), по инициативе работодателя *в исключительных случаях* (курсив – М.Б.).

Таким образом, законодателем допускается потенциальная возможность исключительных случаев в практике трудовых отношений между работником и работодателем. Ввиду чего следует признать, что необходимым инструментом регуляции трудовых правоотношений являются исключения как уникальный ресурс (потенциал) права, позволяющий «... адекватно отвечать многообразно окружающей действительности...» [8, с. 6].

Трудовые отношения требуют наличия не только общих, типичных правил, регламентирующих отношения между работодателем и работником на предмет выполнения последним за плату определенной трудовой функции в интересах работодателя, но и закрепления иных непосредственно связанных с ними отношений. Г. Ф. Шершеневич писал, где есть общество, там должны быть и установления, общежития, или социальные нормы. Данные нормы определяют поведение человека в социальной среде, а следовательно, отношение человека к другим людям [9, с. 139]. Регулирование Трудовым кодексом Российской Федерации нестандартных трудовых отношений позволяет их участникам согласовывать своё поведение в рамках закона, оценивая его как в форме действия, так и бездействия, а также проектируя на достижение конкретного результата.

Имплементация исключений в нормы трудового законодательства Российской Федерации позволяют оперативно обеспечить регуляцию и безусловное развитие нестандартных, экстраординарных по своей природе трудовых отношений, так и совершенствование трудового права в целом.

Динамика современной жизни требует от законодателя гибкости и дифференцированности, оперативного реагирования на постоянные изменения [4, с. 154; 2, с. 25]. Решая поставленные задачи, право выступает нормативным регулятором с помощью такого сложного и неоднозначного феномена как «исключение» в праве.

Наличие исключений следует рассматривать как объективную логическую закономерность и результат эволюционного развития права и общества. Исключения занимают значительное место в процессе становления человеческого общежития, формирования социальных и правовых норм.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М.: Юрид. лит. 1989. – 288 с.
2. Барзилова И. С. Юридические исключения как средства правового развития России: современные подходы // Правовое развитие России: принципы, стратегии, механизмы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Правовые чтения на Большом Каретном – 2014» (30 октября 2014 г.) / под ред. О.Ю. Рыбакова; ВГУЮ (РПА Минюста России). – М.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. – 261 с.
3. Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. – 161 с.
4. Джиоев С. Х. Тенденции и перспективы развития трудовых отношений в условиях глобализации и цифровизации экономики // Образование и право. – 2020. – № 6. – С. 152-156.
5. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2008. – 339 с.
6. Лютов Н. А. Трудовые отношения и социальное обеспечение // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 98-107.
7. Суменков С. Ю. Принципы права и исключения в праве: аспекты соотношения // Государство и право. – 2009. – № 5. – С. 23-30.
8. Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. – М.: Юрлитинформ. 2016. – 482 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2016. – 752 с.
10. Эпби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с.

² Федеральный закон от 04.11.2022 № 434-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 251. 2022. 8 нояб.

БАЙНИЯЗОВА Зульфия Сулеймановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И ПРАВА КАК ВЕКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В статье обосновывается необходимость сбалансированного соотношения гуманистических ценностей и права, как важного условия устойчивого развития отечественной правовой системы в цифровую эпоху. По мнению автора, актуализация данного вектора необходима в то же время для поступательного развития цифровизации. В статье значительное внимание уделено осмыслению параметров организации и функционирования правовой системы с учетом необходимости ее адекватного реагирования на современные вызовы. Подчеркивается, что социальная ценность правовой системы во многом выражается в обеспечении ценностных основ информационного общества, связанных с гуманистическими ценностями. Системное исследование правовой системы в ценностном ее аспекте с точки зрения гуманистических ценностей является необходимым условием анализа направлений развития информационного общества.

Ключевые слова: гуманистические ценности, право, правовая система, цифровая эпоха, информационное общество.

BAYNIYAZOVA Zulfya Suleymanovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and law theory sub-faculty of the Law Faculty of the N. G. Chernyshevskiy Saratov National Research State University

ENSURING THE BALANCE OF HUMANISTIC VALUES AND LAW AS A VECTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM IN THE DIGITAL AGE

The article substantiates the need for a balanced correlation of humanistic values and law as an important condition for the sustainable development of the domestic legal system in the digital age. According to the author, the actualization of this vector is necessary at the same time for the progressive development of digitalization. In the article, considerable attention is paid to understanding the parameters of the organization and functioning of the legal system, taking into account the need for its adequate response to modern challenges. It is emphasized that the social value of the legal system is largely expressed in ensuring the value foundations of the information society associated with humanistic values. A systematic study of the legal system in its value aspect from the point of view of humanistic values is a necessary condition for analyzing the directions of development of the information society.

Keywords: humanistic values, law, legal system, digital age, information society.

Байниязова З. С.

В современных условиях происходят социально-правовые трансформации, которые в цифровую эпоху неизбежны. И вместе с этим обстоятельством возникает закономерный вопрос определения сбалансированного соотношения гуманистических ценностей, права и новых вызовов технологического развития. Актуализация теоретического вектора исследования в данном вопросе необходима для выявления направлений дальнейшего развития отечественной правовой системы и в то же время процессов цифровизации. Социальная ценность правовой системы с учетом новых потребностей времени определяется во многом характером соотношения гуманистических ценностей и права. Сбалансированность гуманистических ценностей и права придает устойчивость правовой системе. В связи с усложнением общественных отношений, появлением новых вызовов в различных сферах жизни общества, возникает запрос на устойчивое развитие правовой системы. В свою очередь, устойчивость и сбалансированность правовой системы в ценностном аспекте – это необходимое условие поступательного общественного, государственного и правового развития. В условиях цифровизации возникает необходимость осмысления вопроса о ценностной основе правовой организации общественной жизни, что связано с рассмотрением аксиологического аспекта правовой системы. В информационном пространстве гуманистические ценности должны иметь соответствующее применение. Ориентирующее значение гуманистических ценностей, связанных с уважением личности, ее прав, определяет необходимость становления качественно новых характеристик правовой системы, в соответствии с которыми должны определяться ценностные параметры ее организации и функционирования, те возможности, которые в современных условиях востребованы.

Осмысление гуманистических ценностей при всей существующей палитре теоретических взглядов, никогда не утрачивает своей актуальности, наоборот, с новыми тенденциями общественного развития обращенность к данной проблематике звучит по-новому. В частности, актуализация исследования идеи прав человека в особенности в условиях цифровой реальности

становится в наибольшей степени очевидна, а объяснение роли права, в целом правовой системы характеризуется объективной потребностью. В данном случае правовая система выступает, с одной стороны, важным фактором реализации гуманистических ценностей, с другой стороны, гуманистические ценности обеспечивают механизм адаптации правовой системы к общественным изменениям. Такое системное исследование правовой системы в ценностном ее аспекте с точки зрения гуманистических ценностей является необходимым условием анализа направлений развития информационного общества. Обращение к данному аспекту является важным в условиях необходимости укрепления основ правового статуса личности в информационном обществе, как одной из приоритетных задач отечественной правовой системы. Социальная ценность правовой системы во многом выражается в обеспечении ценностных основ информационного общества, связанных с гуманистическими ценностями. Без осознания всей важности ценности личности на уровне ее организации невозможно обеспечить вектор ее устойчивого развития, выразить ценностный потенциал с точки зрения адаптационных возможностей в общесоциальном выражении. Уважение личности, ее достоинства, прав и свобод является ценностным основанием упрочения права, правотворчества, правоприменения, правового статуса личности, в целом всей правовой системы. Одновременно это является основой информационного общества. Следует подчеркнуть, что принцип ценности человеческой личности выражается, прежде всего, в высшей ценности человека, его прав и свобод (ст. 2 Конституции РФ). Вместе с тем важно учитывать, что ценность личности – это всеобъемлющее понятие, затрагивающее спектр вопросов, связанных не только с актуальными вопросами реализации прав и свобод личности, но и с вопросами обеспечения достоинства личности, ее свободы.

Принцип ценности личности оказывает организующее воздействие на правовую систему, придает ей устойчивые, ценностные формы, в рамках которых она может эффективно развиваться и оказывать необходимое воздействие на различные сферы общественной жизни. Единая ценностная направленность, в осо-

бенности в сфере защиты прав человека, является необходимым условием эффективного развития правотворчества и правоприменения, что, в свою очередь, придает устойчивый характер правовой системе. При этом большое внимание должно быть уделено праву, которое должно быть выражением, средством реализации гуманистических ценностей в правовой системе на уровне правотворчества, правоприменения, механизма правового регулирования. Учитывая то, что в условиях неизбежных общественных изменений происходит трансформация правового воздействия, которая влияет на изменение правового статуса личности, рассмотрение вопроса о соотношении права и гуманистических ценностей становится актуальной задачей, определяющей задачу оптимизации правового регулирования, упрощения ценностных основ права. Актуализация регулирующей роли права является одним из основных факторов укрепления основ правового статуса личности, что в особенности востребовано в цифровую эпоху. Правовое сопровождение инновационного развития государства в условиях цифровизации определяет необходимость усиления регулирующих свойств права. Исходя из характера правового воздействия на общественные отношения, становится возможным придание упорядоченности общественным отношениям в условиях их динамизма. Сегодня большое внимание должно быть уделено исследованию роли права, основ его функционирования. От того, в каких параметрах будет развиваться право, во многом зависит вектор развития правовой системы, а также обеспечение целей развития общества и государства в цифровую эпоху. В условиях цифровизации актуализируется вопрос, прежде всего, о функциональных свойствах права. Задача обеспечения устойчивой системы регуляции, связанной с действием права, с его регулируемыми свойствами, необходима для укрепления основ правового статуса личности, всегда остается актуальной. В рамках целостного рассмотрения взаимосвязи роли права и ценности прав человека можно обнаружить в значительной мере ценностные основы правовой системы, учитывая тесную связь права и правовой системы.

Исследование роли права в обеспечении ценности прав человека определяет необходимость обращения к правовой системе. Сегодня меняются представления о роли правовой системы, о характере ее функционирования. Современная правовая система предстает в ином качестве, происходит переоценка ее роли в обществе и государстве, она становится открытой для взаимодействия с другими социальными системами, учитывая то, как отмечается в литературе, что правовая система служит их «нормативно-организующей основой, способствует их развитию» [2, с. 98]. И в то же время возникает необходимость перехода правовой системы на качественно новый уровень своего развития, адекватный вызовам технологического развития. В частности, появляется ряд вопросов, связанных с осмыслением роли правовой системы в обеспечении ценностных основ информационного общества, что, безусловно, затрагивает гуманистические ценности. Актуализация исследования идеи прав человека в особенности в условиях цифровизации, которая «проникает в различные сферы общественной и государственной жизни, становится элементом жизненного пространства индивида» [3, с. 12], в наибольшей степени очевидна, а объяснение роли правовой системы определяется объективной потребностью. Социальная ценность правовой системы во многом связана с воплощением в жизнь идеи уважения личности, ее прав и свобод.

Очевидно, что постановка вопроса о соотношении гуманистических ценностей и регулирующей роли права затрагивает в целом вопросы развития правовой системы. Прежде всего речь идет о необходимости обеспечения их сбалансированности в правовой системе. Общие ценностные ориентиры развития правовой системы связаны с гуманистическими ценностями. В любых условиях, в особенности в цифровую эпоху, правовая система должна выдерживать ориентированность на устойчивое, сбалансированное развитие, на реализацию конституционных принципов о защите прав личности, исходить и в то же время быть обращенной в конечных целях своего функционирования к гуманистическим ценностям, связанным с уважением личности, ее человеческого достоинства (принцип ценности личности).

В условиях динамизма общественных отношений неизменной, устойчивой должна оставаться ценностная основа, связанная с уважением личности. Человек, права человека всегда должны быть в центре права, правовой системы. Цели развития правовой системы и всех ее составляющих правовых явлений должны исходить из принципа ценности прав человека. В особенности такая постановка вопроса объясняется переходом Российского государства на цифровизацию и продиктована, в связи с этим, необходимостью укрепления основ правового статуса личности, совершенствования механизма осуществления прав человека. В современных условиях вопросы развития отечественной правовой системы вызывают повышенный интерес с точки зрения определения ключевых направлений и ориентиров ее развития, прежде всего это связано с обеспечением прав личности, кото-

рые, как подчеркивается в литературе, «имеют универсальный, всеобъемлющий характер» [1, с. 81].

Эти и многие другие связанные с приведенными обстоятельствами положения в очередной раз подчеркивают значимость права и в целом правовой системы в решении задач в цифровую эпоху. Соответственно возрастает повышенное внимание к теоретическому осмыслению социальной ценности права и правовой системы. Право и правовая система в своей взаимосвязи являются необходимыми условиями для поступательного развития цифровизации, и в то же время под влиянием данных процессов происходит в определенной степени трансформация их характеристик в соответствии с современными вызовами. Сама постановка вопроса характеризуется актуальностью. Цифровизация задает соответствующие ориентиры для дальнейшего развития российской правовой системы и всех ее составляющих правовых явлений. В этих условиях объективно возникает потребность в осмыслении ценностных форм самоорганизации отечественной правовой системы, направлений ее дальнейшего развития. Прежде всего речь идет об изменении общего состояния отечественной правовой системы в русле обеспечения ее сбалансированности и устойчивого развития. Эффективное воздействие правовой системы на общественные отношения в условиях цифровизации общества предполагает существование устойчивых основ ее организации и функционирования. Сегодня речь идет о постепенном изменении роли правовой системы. В то же время, анализируя роль правовой системы в условиях цифровизации общества, следует подчеркнуть значение права.

Очевидна социальная роль права и правовой системы в современных условиях. Право и правовая система позволяют обеспечить упорядоченность общественных отношений. В этом во многом состоит их социальное значение. Поступательное развитие цифровизации сопряжено с определением ценностных параметров развития правовой системы, ее составляющих элементов, прежде всего права, правотворчества и правоприменения. Современные вызовы ставят перед отечественной правовой системой задачи, связанные с необходимостью повышения социальной ценности права, эффективности правового регулирования.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Переход Российского государства на цифровизацию обусловлен необходимостью обеспечения адекватного правового сопровождения данного процесса, в то же время вопрос о сохранении устойчивой ценностной основы, связанной с гуманистическими ценностями, остается по-прежнему важным. Поступательный характер технологического развития связан с устойчивым развитием правовой системы и определяется в значительной степени сбалансированным соотношением гуманистических ценностей и права.

На современном этапе развития государства следует говорить о необходимости повышения социальной ценности права, его регулирующей роли в вопросах осуществления прав человека, что выражает собой одно из основных приоритетных направлений развития отечественной правовой системы. Это то направление, которое объективно востребовано, характеризуется своей актуальностью в современных условиях, и в особенности продиктовано задачей укрепления основ правового статуса личности. Постепенное изменение роли права, в целом правовой системы обуславливает необходимость формирования соответствующих параметров их развития в целях обеспечения прав человека, как одного из основных приоритетов, который имеет непреходящее значение.

Трансформации неизбежны, что влияет на правовую систему. Но в любом случае должна быть обеспечена устойчивость ценностных основ правовой системы с последующим воспроизводством ее ценностного потенциала. Важный тезис о неизменности гуманистических ценностей, связанных с уважением человеческой личности, всегда будет являться непреложным положением. При любых трансформациях в любом случае важно понимание того, что в приоритете всегда вопрос о месте человека, о его правах. Это ключевая закономерность развития правовой системы, в соответствии с которой должны выстраиваться соответствующие параметры ее организации и функционирования.

Приставленный библиографический список

1. Марченко М. Н. Проблемы универсализации прав человека в условиях глобализации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2015. – № 1 (39). – С. 81-88.
2. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2003. – 512 с.
3. Человек, общество, право в условиях цифровой реальности / Под ред. О. Ю. Рыбакова. – М.: РУСАИНС, 2020. – 254 с.

БОКОВА Людмила Николаевна

проректор по профессиональному образованию Московского государственного областного университета

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СИСТЕМ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Применение информационных технологий и систем в юридической практике позволяет значительно улучшить качество предоставления юридических услуг, но не все технологии могут обеспечить информационную безопасность клиентов. Существует потребность в правовой оценке разрабатываемых информационных технологий и систем и применяемых на практике специалистами юридической сферы.

Цель: поиск наиболее адекватного подхода к разрабатываемым и применяемым информационным технологиям, в которых, как показала практика, нуждаются специалисты юридической сферы.

Методологическая основа: в рамках исследования использовались общенаучные и эмпирические методы, анализ норм действующего законодательства.

Результаты: аргументирована авторская позиция относительно применения или не применения информационных технологий и систем в рамках юридической практики, выделены основные тенденции развития востребованных технологий.

Выводы: подчеркнута важность создания единой информационной системы для юридической практики, необходимость включения в образовательный процесс подготовки специалистов для юридической сферы дисциплин, направленных на изучение основ информационной безопасности.

Ключевые слова: информационные технологии, технологии "искусственного интеллекта", информационная безопасность, юридическая практика, услуги.

BOKOVA Lyudmila Nikolaevna

Vice-Rector for Professional Education of the Moscow State Regional University

THE LEGAL ASPECT AND THE MAIN TRENDS IN THE APPLICATION AND DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND SYSTEMS IN LEGAL PRACTICE

The use of information technologies and systems in legal practice can significantly improve the quality of legal services, but not all technologies can ensure the information security of clients. There is a need for a legal assessment of the information technologies and systems being developed and applied in practice by legal professionals.

Objective: to find the most adequate approach to the information technologies being developed and applied, which, as practice has shown, legal professionals need.

Methodological basis: general scientific and empirical methods, analysis of the norms of the current legislation were used in the framework of the study.

Results: the author's position on the use or non-use of information technologies and systems in the framework of legal practice is reasoned, the main trends in the development of popular technologies are highlighted.

Conclusions: the importance of creating a unified information system for legal practice is emphasized, the need to include disciplines aimed at studying the basics of information security in the educational process of training specialists for the legal sphere.

Keywords: information technologies, artificial intelligence technologies, information security, legal practice, services.

Применение IT-технологий в юриспруденции широко обсуждается в среде экспертов. Многие считают, что это может привести к снижению уровня защиты граждан. Другие, напротив, уверены, что создание цифровых юридических помощников необходимо и актуально [7, с. 50-53]. Чтобы разобраться в данном вопросе следует дать оценку информационным технологиям, которые могут быть применимы в юридической сфере. Под понятием «Информационные технологии» в широком смысле понимается процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [5, с. 4-6].

В первой социальной сети для юристов zakon.ru Павлом Дробышевым была опубликована статья «Инновации в юриспруденции: обзор достижений и тенденций в области IT-технологизации юридического бизнеса в англоязычных юрисдикциях».

В этом списке перечислены, конечно, не все возможные направления внедрения и развития IT-технологий в юридической практике. Новости о новых идеях и предложениях по виртуализации юридической сферы, о новых программных

разработках и IT-методах оказания юридических услуг появляются по несколько раз в месяц.

Вместе с тем отмечается существенный дисбаланс объема инвестиций в инновации в юридической сфере, поэтому большая часть программных продуктов для юридической сферы находится в стадии тестирования [4, с. 105-106].

Возможно, проблема состоит в том, что недостаточно внимания обращено на ET (emotional intelligence). А юридические услуги – это личностные отношения, морально-нравственные аспекты общения практикующих юристов с клиентами и друг с другом, они играют роль не меньше, чем сами IT-технологии.

Доверительные, долговременные отношения невозможно установить посредством чат-бота, это возможно исключительно при личном общении. И ни один клиент никогда не поверит в то, что интернет-платформа может испытывать чувство преданности интересам клиента, озабоченности только его проблемами. Интернет проблему социальных связей в юридическом мире не решает. А этот мир, как и любой другой сфере, построен на знакомствах, встречах, разговорах в привычных офисах.

IT-технологии позволяют упростить решение именно технологических, а не психологических задач.

Вопросы развития и становления правового регулирования информационных технологий и систем представлены в трудах многих ученых, таких как: Ю. А. Афанасьева, Ю. М. Батурич, И. Л. Бачило, Данилин, В. В. Копылов, Морозов А. В., В. Б. Наумов, В. В. Орлов, Т. А. Полякова, И. М. Рассолов, Л. К. Терещенко, Л. В. Филатова, А. А. Чеботарева, С. Г. Чубукова. Несмотря на довольно большое число таких трудов, полагаем, что тема правового регулирования использования информационных технологий и систем остается по-прежнему недостаточно исследованной, а научная проблема правового регулирования исследуемых правоотношений нуждается в дальнейшей разработке.

Проанализируем перспективы российского сегмента рынка информационных технологий для юридической сферы.

Существует три основных типа информационной активности, которые включают:

хранение информации – статическая операция, во время которой информация не должна изменяться. Происходит с использованием какого-либо объекта материального характера (хранилища информации);

обработка информации – преобразование набора информации в другой набор информации, чаще всего в соответствии с заранее определенным алгоритмом, часто для того, чтобы получить возможность сделать выводы или выделить содержание, содержащееся в исходной информации, которое было трудно уловить. Он также может заключаться в упорядочивании или классификации самой информации;

передача информации – любая передача информации от отправителя к получателю (в связи с тем, что информация, существующая у отправителя, имеет форму, отличную от информации, передаваемой по ссылкам канала связи, она должна быть закодирована до передачи, а после приема – декодирована).

Информационные технологии описывают особенности реализации информационных процессов с помощью компьютерных технологий. Информационные технологии классифицируются:

в зависимости от типов данных, которые обрабатываются при их реализации, например, текстовые, графические, числовые, мультимедийные информационные технологии;

в зависимости от ведущего информационного процесса, реализующего эту технологию, такого как передача, обработка, хранение информационных технологий;

в зависимости от основной цели реализации информационных процессов, таких как: обработка данных, обработка данных, обработка данных, обработка данных.

Цель информационных технологий – создание и обработка информационных ресурсов, которые включают программы, документы, графику, аудио- и видеоданные, веб-страницы и т. д. Для реализации отдельных информационных технологий, а особенно их сложных, создаются информационные системы.

Юридический стартап в области процедуры патентования является важным решением, которое позволяет осуществить электронный документооборот.

Программный метод «умного распознавания» основных характеристик объектов патентования позволяет на основе ключевых элементов их описания в патентных заявках сравнивать эти характеристики с характеристиками любых прочих уже запатентованных объектов. Результатом работы программы является определение процентного числа, показывающего степень патентопригодности исследованного объекта, в том числе его новизны по отношению к другим подобным или отдаленно подобным, но уже запатентованным объектам. Потребителями продукта являются прежде всего крупные коммерческие организации высокотехно-

логических областей экономики. Более распространенными для практикующих юристов являются юридические поисковики. Например, это различные правовые системы: «КонсультантПлюс», «КонсультантПлюс региональный», «Гарант F1», «Кодекс». Востребованными являются программы, функционал которых похож на функционал юридических поисковых роботов, но с тем отличием, что программные продукты для определения юридической чистоты сделок, корпоративных мероприятий и документов, в целом юридической чистоты деятельности компаний (например, в связи с планируемым слиянием или поглощением) еще более специализированы, поскольку включают в себя проверку запросов по еще более тонким и конкретным темам, например, об аффилированности, о заинтересованности, о схемах оптимизации налогообложения, о социальной ответственности и т.п.

Так же востребованы информационные технологии, позволяющие любому допущенному к участию в деле лицу ознакомиться с электронными образцами всех относящихся к делу документов в их самом актуальном виде, с одинаковой нумерацией электронных папок, одинаковым набором вложенных в каждую папку документов и с одинаковой нумерацией страниц этих документов в каждой папке.

Количество IT-стартапов, разрабатывающих и предлагающих специалистам в юридической сфере свои продукты, измеряется сотнями.

Почти всегда IT-технологии – это программные продукты, использующие те же самые аппаратные возможности, которые предоставлены всем прочим пользователям в любой сфере общественной жизни. Специальных «юридических» компьютеров, серверов или смартфонов не существует.

Хотя разработка, например, клавиатуры, оснащенной несколькими клавишами со специальными, часто используемыми символами при составлении юридических документов очень была бы полезна.

Что касается использования чат-ботов, то они не стали обыденностью, но продолжают притягивать внимание и вызывать интерес своей новизной, в отличие от интернет-сайтов, которые органично дополнили «офисную» юриспруденцию [2, с. 16-20]. Вместе с тем есть и вопросы к предоставлению такого рода услуг: в части определения лиц, ответственных за функционирование, дающих советы клиентам компьютерных программ, основанных на технологиях «искусственного интеллекта», в том числе лиц, ответственных за качество юридических консультаций чат-ботов [3, с. 3-8].

Рассмотрим также организационно-правовые аспекты применения информационных технологий в юридической практике. Это важно, поскольку разрешение поставленного вопроса – это, в том числе, и ответственность тоже. В связи с чем не следует забывать то, что интернет-экономики на основе технологий «искусственного интеллекта» развивается быстрее, чем нормы закона и говорить о каком-либо регулировании достаточно сложно.

Кроме того, в настоящее время юридические фирмы притягивают внимание со стороны интернет-преступников, которые ведут «охоту» за персональными данными клиентов и конфиденциальной информацией, поэтому в рамках подготовки специалистов для юридической сферы нужно позаботиться и о подготовке в области информационной безопасности. Для решения вопросов информационной безопасности необходимо учитывать особенности создания информационных систем [1, с. 64-73], предназначенных для юридической практики. Остановимся на некоторых технических аспектах.

Современная информационная система – это автоматизированная система, которая обычно использует компьютерное оборудование и программное обеспечение. Отдельная компьютеризированная часть информационной системы называется ИТ-системой. Это система, состоящая из оборудования, программного обеспечения, баз данных, устройств

и средств связи, людей и процедур. В теории и на практике, помимо ИТ-системы, существует также понятие компьютерной системы, описывающее ее как «набор компьютерного оборудования, данных и алгоритмов для их обработки, а также людей, работающих в этой среде».

Функционирование ИТ-систем было бы невозможно без информационных технологий. Технологии вместе с информационными потребностями организации, а в данном случае мы говорим о юридических практиках, определяют цели и функциональные возможности ИТ-систем. С другой стороны, последовательные модели информационных систем являются основой и катализатором для:

– развития информационных технологий следующего поколения, определения технологических требований к системе,

– определения все более сложных потребностей организации благодаря возрастающим возможностям поддержки деятельности организации.

ИТ-системы – это большая группа систем поддержки процессов. По критерию выполняемых функций можно выделить группу систем, поддерживающих процессы управления и автоматизирующих процессы реальной эксплуатации. Первая группа состоит из систем, поддерживающих процессы принятия решений, а также систем транзакций и учета, существенно связанных с экономическими процессами, которые являются основой для контроля и оценки эффективности деловой активности. Вторая группа систем – это системы поддержки, координации и оптимизации производственных процессов, включая производство, поставку и распространение. Что касается производственного процесса, можно выделить группу систем, поддерживающих процедуры проектирования, а также планирование и контроль производственных процессов [6, с. 27].

Принимая во внимание критерий своевременности информации, можно выделить информационные системы на основе ретроспективной (например, учетная), текущей (управление процессами) или предполагаемой (планирование) информации. ИТ-системы также адаптированы к уровню управления организации. Объем и форма необходимой информации зависит от уровня управления (стратегический, тактический, операционный) и области деятельности (менеджмент, производство). Это приводит к разнонаправленному развитию ИТ-систем, определяемых их назначением, существенным объемом, функциональной и технической сложностью.

Полагаем, что для юридической практики более подходят системы управления информационными технологиями, что позволит объединить все ресурсы в единое информационное пространство. Такие системы часто используются в сфере широко понимаемого менеджмента. На вопрос: какой сложности должны быть эти системы можно ответить на основании критериев, а именно: основной объем ИТ-системы, назначение полезности, функциональная и техническая сложность или объем выполняемых функций. Их анализ в соответствии с предполагаемым использованием позволяет идентифицировать системы учета, информации и регулирования в зависимости от желаемой пропорции; «офисности» юридической практики или автоматизированной.

Выводы:

1. Анализ формирования отечественного рынка информационных услуг показал, с одной стороны, наличие небольшого количества информационных компаний, способных предоставлять квалифицированные информационные услуги, а с другой – стремительный рост и дифференциацию спроса на информацию, что обуславливает необходимость развития рынка информационной инфраструктуры.

Исходя из анализа состояния развития мировой информационной инфраструктуры, концепция развития рынка

информационных услуг в России должна базироваться на следующих блоках:

– определение целей развития рынка информационных услуг, которые включают продвижение рыночных отношений, рынок информационных продуктов и услуг, развитие конкуренции;

– разработка основных принципов развития: систематизация и комплексность государственных программ развития рынка информационных услуг, целесообразность и четкая направленность поддержки.

2. Очевидно, что одним из трендов в использовании информационных технологий в юридической сфере являются преимущественно облачные технологии, которые разработаны в соответствии с ГОСТ Р 53113.1-2008.

3. Нишевыми становятся принципиально новые информационные технологии и системы, которые позволяют отказаться от уже ставших традиционными способов передачи конфиденциальной информации или вынуждают отрасль переложить бремя ответственности на самого клиента.

4. Проблема с обеспечением информационной безопасности создает дополнительные требования к уровню подготовки специалистов для юридической сферы.

Пристатейный библиографический список

1. Бокова Л. Н. Развитие законодательства Российской Федерации в условиях обеспечения международной информационной безопасности в сети Интернет // Правовая культура. – 2016. – № 3 (26). – С. 64-73.
2. Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Популяризация и стимулирование информатизации судебного делопроизводства // Администратор суда. – 2022. – № 1. – С. 16-20.
3. Гаврилов С. Н. Модель формирования национальной системы профессионального оказания юридической помощи в России в контексте глобальной и корпоративной информатизации (цифровизации) // Адвокатская практика. – 2021. – № 1. – С. 3-8.
4. Демьянец М. В. Правовое регулирование идентификации в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Образование и право. – 2018. – № 1. – С. 105-106.
5. Плешанов А. Г. Информационные технологии и система принципов цивилистического процесса: вопросы корреляции // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 7. – С. 4-6.
6. Рыжова Н. И., Соколов Д. А. Информационно-правовая компетентность как основа для развития правовой культуры специалиста в условиях глобальной информатизации // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 2. – С. 27.
7. Щелокова А. А., Яковлев В. И. Перспективы развития общего учения об объектах гражданских прав в условиях цифровизации // Юрист. – 2022. – № 8. – С. 50-53.

ГЛУЩЕНКО Дмитрий Владимирович

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

КОВТУН Наталия Александровна

кандидат психологических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОНСКИХ ВОЙСК И УЧАСТИЕ ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПОЛКОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА ОСНОВЕ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ И ЮРИДИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИХ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Донские казацкие полки внесли большой вклад в сохранение границ Российской империи, не раз доказывая свою преданность государству на поле боя, поле брани. Неся большие потери во время позиционных боев Первой Мировой войны с австро-германцами, показали себя как смелые и бесстрашные лихие защитники Отечества нашего и Руси православной. Но применение Донских казачьих полков имело и юридические аспекты их участия в Первой Мировой войне, в данной научной статье мы рассматриваем с точки зрения закона и анализа законодательства России.

Ключевые слова: юридический аспект, применение, современное законодательство, приказ, боевые действия, донской казачий полк, чрезвычайные ситуации и обстоятельства, профессионализм, юридический анализ.

GLUSHCHENKO Dmitriy Vladimirovich

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Administrative activities and public order protection sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

KOVTUN Nataliya Alexandrovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF THE DON TROOPS AND THE PARTICIPATION OF THE DON COSSACK REGIMENTS IN THE FIRST WORLD WAR BASED ON THE JOURNAL OF COMBAT OPERATIONS AND LEGAL ANALYSIS OF THEIR ENFORCEMENT

The Don Cossack regiments made a great contribution to the preservation of the borders of the Russian Empire, repeatedly proving their loyalty to the state on the battlefield, the battlefield. Bearing heavy losses during the positional battles of the First World War with the Austro-Germans, they showed themselves as brave and fearless dashing defenders of our Fatherland and Orthodox Russia. But the use of the Don Cossack regiments also had legal aspects of their participation in the First World War, in this scientific article we consider from the point of view of the law and the analysis of the legislation of Russia.

Keywords: legal aspect, application, modern legislation, order, military operations, Don Cossack regiment, emergencies and circumstances, professionalism, legal analysis.

Обучение и качественная подготовка Донских войск для правоохранительной системы не могла существовать без закона, без качественной профессиональной служебной подготовки, морально-психологической подготовки, физической и огневой выучки личного состава казачьих полков. В области войска Донского все было устроено на основе законодательства и свода законов. Конечно же все основано на законности действий и на твердых юридических знаниях Донского правительств, специалистов в области охраны общественного порядка и применении казачьих войск в подавлении мятежей, обеспечения общественной безопасности, выполняя функции правоохранителя и правоприменителя в отсутствии полицейских или оказывая помощь полиции.

Для того чтобы понять деятельность казачьих войск, нами был изучен журнал боевых действий 15-го Донского казачьего полка в период его участия в Первой Мировой войне. Ниже приведено описание командира полка в период с 28 мая по 30 июня 1916 года.

28 мая 1916 года с наступлением темноты полк прибыл в м. Заставна и расположился на ночлег, выставив охранение на Западной окраине м. Заставна полевые караулы.

29 мая полку дана была задача с боем взять г. Коцман. Выслав от себя 3 офицерских и 2 урядничьих разъезда, полк выступил в 7 часов в направлении г. Коцман, составляя авангард дивизии. Вскоре от разъездов получены были донесения, что г. Коцман занят противником. В головной заставе двигалась 2 сотня, к ней придан был оставшийся взвод от 1 сотни, 3 сотня по этому донесению была послана правее шоссе на деревню Суховерхув, а 5 сотня в направлении железной дороги левее шоссе.

Задача обеих сотен – охватить г. Коцман и выбить оттуда задержавшегося противника. Г. Коцман по донесению прапорщика Рогачева (начальника разъезда № 3) был занят ротой пехоты и полуэскадрой конницы и что он бросался 2 раза в атаку, изрубил до 10 австрийцев, но довести атаку до конца не мог вследствие превосходства австрийцев. Выяснив обстановку командир 2 сотни есаул Мишарев приказал всей головной заставе с присоединившимся разъездом 1 сотни броситься в атаку. С лихим гиком казаки 1 и 2 сотен понеслись в атаку по шоссе на австрийцев, зарубили несколько человек, но встреченные пулеметом и частым ружейным огнем свернули в узкие улицы г. Коцмана, и продвигаясь вперед продолжали атаку. Благодаря узким улицам казаки разбились на группы, а австрийцы рассыпавшись по Коцману продолжали оказывать сопротивление, отступая назад по шоссе на Ново-Ляшкучка, Берхомитка и Ошехлиб. 5 сотня двигаясь вдоль железной дороги и р. Совица в направлении на д. Старе-ляшкучка, спешила и завязала бой у южной окраины г. Коцмана, получив в помощь пулемет сбита противника, который поспешно стал отходить на д. Старе-ляшкучка. Задержавшиеся в г. Коцман также поспешно стали уходить на юго-запад. В 11 часов г. Коцман был совершенно очищен от противника, что дала возможность спокойно двигаться остальным полкам дивизии. В бою под г. Коцманом полком было взято до 250 австрийцев, 3 подводы с продовольствием и телефонным имуществом и несколько лошадей, при чем полк потерял: 1 подхорунжего и 4 нижних чина убитыми, 4 ранеными и 1 контуженным, лошадей: убито 2, ранено 13 и пропало без вести 1. Выбив противника из г. Коцмана, полк продолжал движение на Берхомитка и Дубивци. Встретив противника

сильные цепи на линии отметки 191 и фольварк к Дубивцам, полк рассыпавшись в лагу и выслав разведку и послав донесение ждал подхода 13 полка. В это время к полку был выслан 1 взвод артиллерии, который обстрелял обозы противника, уходящие к д. Дубовцам. В 13 часов в полку вместе с 13 полком было приказано атаковать противника на указанной линии и на линии высоты 213-256, в атаке участвовали 3, 2, 4 и 2 взвода 1 сотни. Полку дано было направление на отметку 213-256, сотни дружно пошли в атаку, но неожиданно встретили на лугу скрытый травой и невидный издали, ручей с крутыми берегами и 2 канавы, которые лишь некоторые лошади взяли прыжком, другие казаки перевели в подводу, а другие вынуждены были обходить к д. Ошехлиб, что обессилило и замедлило атаку. Это дало возможность оправиться австрийцам и встретить атаку сильным ружейным и пулеметным огнем. По переходу оврага левофланговая 4 сотня снова села на лошадей и пошла в атаку, в то время когда другие сотни после атаки отошли, была тоже обстреляна сильным ружейным и пулеметным огнем, что заставило её отойти назад к ручью. После это сотни полка были собраны в д. Ошехлиб, чтобы устроившись снова повторить в направлении на отметку 256, но разразившийся ливень с градом, который продолжался в течении полутора часа заставил отложить атаку до его конца. В 17 часов были высланы дозоры в направлении на ст. Непоколоуц на высоту 256 и 266. Противник заметил движение дозоров, быстро очистил линию высоты 213-256 и отошел к железной дороге. Настигнуть и захватить удалось в плен лишь несколько австрийцев, так как почва настолько распустилась, что лошади по пахоте едва шли шагом. Полусотня, высланная к ст. Непоколоуц донесла, что станция обороняется 2 ротами пехоты, которые открыли по разездам сильным ружейным и пулеметный огонь. Попытка обойти станцию справа или слева не удалась. Когда лава стала обходить станцию с Запада, то была встречена сильным ружейным огнем с Винокурного завода, редким с полотна железной дороги, лава бросилась на этих стрелков, изрубила многих и несколько захватила в плен. Затем обойдя Винокурный завод слева, сотни полка направились через отм.190 на д. Пиодикивцы, чтобы обойти завод с тыла, но с усадьбы Пиодикивцы, также были встречены сильным ружейным огнем, тогда сотням полка было приказано направиться на д. Ревакивцы, которая оказалась противником не занята. При движении далее на д. Дубивцы разведчики полка с северной окраины этой деревни были встречены ружейным огнем, повидимому заставой. Были уже сумерки, дивизия через д. Берхомитка направились на присоединение к 13 полку, который по полученным сведениям был у отм.239, но в пути получил приказание отойти в г. Коцман на ночлег, куда и прибыл около полуночи.

30 мая полк в составе дивизии получил задачу преследовать противника в новом направлении, а именно: через г. Коцман на д. Суловерхув, Ставчан, Стацова, Красноставче и Ханьковце. Выступление авангарда от 9 полка было назначено в 11 часов, а затем 15 и 13 полки, они уже составляли и главные силы дивизии. В Ханьковце 9 полк завязал бой с противником и в 17 часов полку было приказано помочь ему. Из д. Задубровце 1 и 5 сотни 15 полка были высланы лавами в обход д. Ханьковце и Альбинувка с северной и западной сторон с целью очистить от противника поля к западу, юго-западу от этих деревень, а также перехватить бегущих австрийцев, кроме того для охвата собственно д. Альбинувка была выслана 3 сотня, прошедшая промежуток и обшедшая деревню с Запада и Юго-Запада между д. Ханьковце и Альбинувка, южная часть которой занималась еще австрийцами, встретившими наши цепи ружейным огнем. Для обхода с востока д. Альбинувка было выслано 2 сотни 9 Донского Казачьего полка с двумя пулеметами 15 полка. Всей боевой линией командовал Войсковой Старшина Власов. Сотни эти были встречены частым ружейным огнем с фольварка, что южнее Альбинувки, откуда противники скоро был выбит натиском вышеупомянутых сотен и отброшен за ручей. Фольварк вслед за тем был занят нашими пулеметами, открывшими огонь по убегающим австрийцам, а также по австрийцам в окопах за р. Орелец. 1 сотня под командой Сотника Антонова и 5 сотни под командой подесаула Познышева, подходя лавами на линию южного конца д. Альбинувка, были встречены ружейным огнем австрийцев из окопов, расположенных в 3 ряда западнее р. Орелец. Сотни увлекаемые своими командирами сотен и офицерами 1 сотни прапорщиками Клейменовым и Рогачевым и 5 сотни сотником Даниловым и прапорщиками Чекиным и Аленыным, не взирая на трудно проходимую местность, лежащую впереди с болотистым ручьем Орелец, с криком «Ура» броси-

лись в штыки и пики на первые линии окопов, следуя их примеру бросилась слева и 3 сотня. Сотни ворвались в них, причем было захвачено сотнями вначале пленными более 100 человек, а зарублено и заколото по подсчету одной только 1 сотней не менее 80 человек. В это время 2 австрийских эскадрона, охранявшие левый фланг своих цепей, повели было атаку на наши сотни со стороны отметки 294, но увидев казаков готовых встретить их атаку, не довели атаку до конца, повернули обратно и ускакали за возвышенность. Во время этой схватки пал смертью героя прапорщик Клеменов, ворвавшийся в австрийские окопы с пикой в руке был сражен штыком и упал в окоп. Кроме того ранен прапорщик Аленин, оставшийся на месте атаки, урядник Лаптев 1 сотни, под которым на ручье была убита лошадь, добежал вместе с конными до окопов и на глазах у всех выстрелами убил не менее 10 человек. Во время рукопашной схватки в первой линии австрийцы, открывшие из второй линии окопов частый огонь из ружей и 3 пулеметов, бросились в контр-атаку, но отбить пленных не смогли. Противника в окопах было не менее батальона при 3 пулеметах. Захваченные в плен австрийцы видя переход своих в контр-атаку, стали останавливаться, падать, обнаруживать намерению разбежаться, вследствие чего их было значительная часть уничтожена, а остальных 60 человек доведены и сданы по начальству. Потери учувствовавших в атаке сотен и командиров следующие: офицеров убит 1, ранен и пропал без вести 1, убито нижних чинов 5, ранено 18, контужено 3, без вести пропало 2. Лошадей: убито 20, ранено 23, пропало без вести 6. После боя сотни 15 и 9 полков отошли на ночлег в д. Ханьковце, оставив в сторожевое охранение 3, 4 и 6 сотни, которые заняли – 3 сотня у фольварка что южнее д. Альбинувка, 6 сотня у моста на р. Орелец и 4 сотня на дороге на д. Яблонувку у креста, 9 полк занял охранение впереди северо-западнее и севернее окраины д. Ханьковце.

Анализируя юридический аспект описания применения Донского казачьего полка в боевых действиях и в условиях чрезвычайной ситуации для страны на тот период в том числе и со стороны закона, мы увидели фактическое законное применение казачьих войск непосредственно в боевых действиях, в условиях чрезвычайной ситуации и обстановки.

После проведенного юридического анализа, из группы законодательных актов Российской Империи в условиях ведения войны на территории других государств, выделены отдельные приказы по области войска Донского о применении казачьих войск, даже более, чем других государственных служащих и сотрудников Российской полиции, неоднократно участвовавших в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных мероприятий, волнений в народных массах. У группы казаков рассматриваемого полка повысилась эмоциональная устойчивость к факторам стресса и негативно-воздействия свето-шумовых помех, особенно максимальное эмоциональное напряжение и утомление, получали казаки донского полка в период разведки ночного и темного времени суток.

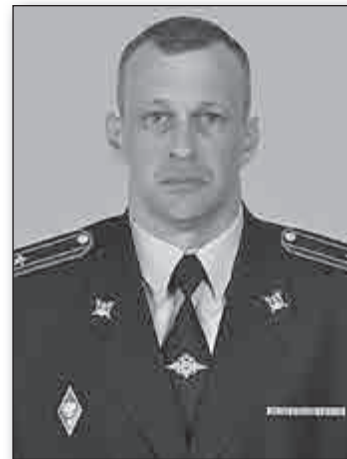
Сегодня на основе юридического аспекта применения донских войск и участия донских казачьих полков в первой мировой войне, на основании журнала боевых действий и юридического анализа их правоприменения, мы с Вами можем сделать вывод, что в условиях современной обстановки, возникает крайняя необходимость в дополнительной юридической подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Подготовка современных специалистов правоохранительной направленности ВУЗах МВД и юридических ВУЗах должна отвечать современным вызовам и угрозам безопасности нашего общества на современном этапе.

Пристатейный библиографический список

1. Глущенко Д. В. Прикладная физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел России для выполнения оперативно-служебных задач в чрезвычайных обстоятельствах и ситуациях. Кандидатская диссертация. Волгоград, 2014.
2. Материалы из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) Ф. 5069. Оп. 1. Д. 1., Лл. 48-196., Д. 12. Л. 12-14. и Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1573. Лл. 468-473.

ЛАНОВОЙ Вадим Геннадьевич

кандидат юридических наук, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

Лановой В. Г.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ВИДЫ

Статья посвящена пониманию цивилизации как базовой научной категории типологии государства и права. В статье раскрывается понятие цивилизации, формулируются, раскрываются и анализируются ее признаки, определяются виды в контексте религиозных традиций и базовых ценностных и культурных констант. Затрагивается проблематика истинности познания. Проводится соотношение понятий «государства» и «государственности». Дается определение цивилизации, формулируются ее признаки. Автором делается вывод, что на сегодняшнем этапе развития науки под цивилизацией следует понимать целостную развивающуюся социально-политическую организацию, которая включает в себя всю совокупность созданных человеком культурных и материальных ценностей. Понятие «цивилизация» в современной науке должно отражать многовариативность развития человеческого общества при обязательном учете инвариативности конкретных социальных систем, взаимосвязанных между собой интегративных культурных процессов, общности развития экономики.

Ключевые слова: цивилизация, культура, государство, государственность, идеология, типология, общественная экономическая формация, формационная теория, системный подход, историческая континуальность, инвариативность, социальная организация, форма государства.

LANOVOY Vadim Gennadjevich

Ph.D. in Law, Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

CIVILIZATION: CONCEPT, SIGNS, TYPES

The article is devoted to understanding and civilization as a basic scientific category of the typology of state and law. The article reveals the concept of civilization, formulates, reveals and analyzes its features, defines the types in the context of religious traditions and basic value and cultural constants. The problematic of the truth of cognition is touched upon. The correlation of the concepts of "state" and "statehood" is carried out. The definition of civilization is given, its signs are formulated. The author concludes that at the present stage of the development of science, civilization should be understood as an integral developing socio-political organization, which includes the whole set of cultural and material values created by man. The concept of "civilization" in modern science should reflect the multivariability of the development of human society, taking into account the invariance of specific social systems, interrelated integrative cultural processes, and the commonality of economic development.

Keywords: civilization, culture, state, statehood, ideology, typology, social economic formation, formation theory, systematic approach, historical continuity, invariance, social organization, form of the state.

Системный подход к типологии государства и права рассматривает их генезис в контексте базовых характеристик государственности цивилизационной и формационной теорий общественного развития. Преимуществами такого подхода следует признать широкий спектр сущностных признаков государства и права, определяющих принципы регулирования общественных отношений. Однако, если в формационной теории мы имеем строго определенное базовое научное понятие общественной экономической формации, то в цивилизационной теории неоднозначность интерпретации категории «цивилизация» приводит к эпистемологическому релятивизму.

Действительно, цивилизация понимается достаточно широко. Впервые о ней в общественном знании упоминается в конце XVIII века. Апологеты эпохи Просвещения выводили понятие «цивилизация» из многоаспектности культурных проявлений. Французские философы под цивилизацией подразумевали общество, созданное на основе разума и справедливости [7, с. 766]. Ее историческое развитие связывалось с прогрессом нравственно-этических и правовых норм, культурных и материальных достижений. С середины XIX века понятие «цивилизация» характеризует бурно развивающиеся капиталистические отношения. К. Маркс писал, что ци-

вилизация – ступень «общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе»¹. Таким образом, в советский период развития исторической, политической и юридической наук под цивилизацией понимался итог развития общественной экономической формации. Вся совокупность достижений в материальной и духовной сфере конкретного общества и государства. Европейское и американское обществознание рассматривает понятие «цивилизация» в социологическом контексте, понимая под ней «культурные формы (центральное правительство, искусство и наука, озабоченность моралью, манерами) в городах и обществах, в которых они существуют; отдельное общество или область культуры, обладающие вышеуказанными характеристиками»².

1 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 39 т. Т. 13. – М., 1954. – С. 305-306.

2 Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: В 2 т. / Harper Collins Publishers. 1995 / Пер. Н. Н. Марчук. Т. 2. – М.: Издательство Вече. АСТ, 2001. – С. 437.

По мнению С. Хантингтона, цивилизация – это высокий уровень культурного отождествления, наивысшее общество. В цивилизованном государстве торжествуют верховенство закона и индивидуализм, эффективно действуют представительные органы, власть разделяется на духовную и светскую, жизнь общества основывается на положительном наследии античности и христианстве [см.: 8, с. 33-49].

Понимание категории «цивилизация» требует подхода с различных теоретических позиций, так как процесс познания находится в прямой зависимости от уровня идеологического, образовательного, культурного содержания личности исследователя. Истинным знанием о вещи следует признавать соответствующее ее внутреннему и внешнему содержанию конкретное знание, полученное через призму субъективных оценок. Конкретность – свойство истины, опирающееся на принцип диалектического подхода к процессу познания, априори предполагающего точный учет всех условий, в которых находится объект исследования. А главным критерием истины всегда будет оставаться практика. Следовательно, именно способность рассмотреть научную проблему с различных теоретических позиций и определяет авторский когнитивный подход, позволяет дать наиболее полную характеристику принципов развития государства и элементов изучаемого явления.

На сегодняшнем этапе развития науки под цивилизацией следует понимать целостную развивающуюся социально-политическую организацию, которая включает в себя всю совокупность созданных человеком культурных и материальных ценностей. Существование человеческой цивилизации объективно предопределено. Ее историческое развитие – часть глобальной эволюции биосферы, подчиненное общим закономерностям биологического развития, в котором общественные процессы – всегда устойчивая и целеполагающая система управляемых и взаимосвязанных действий, явлений, событий, формирующих коллективные и личностные стереотипы поведения. В современной цивилизации государство и право являются источником, основанием и регулятором отношений между людьми.

Исходя из инвариативности общественных систем при многовариативности цивилизационного развития предлагается сформулировать следующие признаки цивилизации:

1) Наличие религии.

На протяжении веков система социально-правовых и экономических отношений выстраивалась и выстраивается исходя из религиозных предпочтений. Религия является основанием любой правовой системы, оказывает влияние на формирование государственности. Это нравственно-этический регулятор развития общества, определяющий его стереотипы поведения. Религиозные установки заполняют мировоззренческий и идеологический вакуум сознания человека, определяя личностные критерии объективного восприятия окружающей действительности, понимание и выбора приоритетов в системе ценностей.

2) Наличие системы ценностей.

Понимание ценностей многообразно. В первую очередь, это система духовных идеалов общества, отражающих историческую общность, стимулирующее начало развития культуры в конкретную историческую эпоху и определенных условиях. Ценности имеют личностную окраску. Они включают в себя черты психики отдельного человека и общества, в котором он проживает, социальные установки, интересы и убеждения, нравственные принципы. Не зависимо от мировоззренческого ракурса личностного восприятия к ценностям относят моральные, нравственные и духовные идеалы в преемственности поколений. Они всегда отражаются в общественно-правовых установках поведения, в достижениях культуры и материальной сферы. В личностном восприятии, и в восприятии конкретного общества они априорны, так как не нуждаются в научном обосновании и проверке опытным

путем. Это рациональные, чувственные и эмоциональные установки существующей интеллектуальной действительности, образующие сознательную сферу бытия каждого человека и общества, в котором он проживает. Это наделенная смысловым содержанием цель жизни, к достижению которой мы стремимся ради нее самой.

3) Культурно-духовная интеграция.

Например, распространение библейской, мусульманской и иной религиозной культуры с момента их зарождения. Следует отметить, что сегодня этот признак несет общую смысловую нагрузку, так как общество в любом государстве, на определенной территории, как правило, многоконфессионально. К культурной экспансии можно отнести развитие науки и внедрение повсеместно технологий (как объективные необходимые на какой-то территории, так и навязываемые искусственно и принудительно), распространение «новых» веяний моды художественного искусства, музыки, литературы, кино, философских течений, которые влияют на формирование личности человека, его взглядов на окружающую действительность, понимание смысла ценностных категорий, отношение к обществу, своим индивидуальным правам и обязанностям, модели социального поведения в процессе всей жизни. Духовная и культурная интеграция объективный цивилизационный процесс. Но, как и любой процесс, он подвержен влиянию различного уровня управленческим воздействиям. Такой способ управления можно называть манипуляцией сознания – у общества путем информационного воздействия в угоду третьих лиц формируются необходимый для современной социальной реальности стереотип поведения и границы реализации личностных возможностей.

4) Наличие организованной системы управления социальными процессами.

В самом общем виде такую систему можно представить в виде пирамиды, состоящей из двух слоев: вершины (правящий слой – элита) и остальной части (нижний слой – толпа); или управляющие и управляемые. Это деление условно. Управляющий слой и управляемые имеют свою сложную структуру, в основу которой кладутся особенности государственного устройства, национального менталитета, созданных и исторически устоявшихся правовых систем, культурных, религиозных традиций и т.д. Следует признать неизбежное разделение общества по отношению к власти на привилегированное властвующее меньшинство (управляющие) и подвластное (управляемые) большинство. Оно вытекает из самой природы социальных отношений, историческое развитие которых невозможно без их регулирования, и создания концепции организации управления общественными процессами.

5) Наличие государств, самобытной государственности. В отечественной правовой науке понятия «государство» и «государственность» очень часто отождествляются. Историческое существование каждого конкретного государства – это, прежде всего познаваемый феномен (или явление), который необходимо рассматривать в диалектической динамике культурного, политического, экономического развития общества. Государственность – это «системообразующая политико-правовая категория, отражающая качественное состояние государства и общества, взятое в их единстве, характеризующееся исторической преемственностью и постоянством базовых институтов (или констант, институциональных матриц, традиций, сверхценностей), связанных с национальной самобытностью и обеспечивающих ее воспроизводство в различные исторические периоды»³.

На протяжении истории государственность отражает целостность и единство взаимодействия общества и поли-

3 Сафронова Е. В., Карсканова С. В. «Государство» и «государственность»: проблемы терминологического соотношения и определения // История государства и права. – 2014. – № 22. – С. 47.

тических институтов. Она обладает обусловленными общностью и индивидуальностью исторического развития признаками:

а) историческая континуальность, в которую входят характеристики эволюции государственно-правовой материи во взаимосвязи с культурно-религиозными и ментальными матрицами общества на протяжении различных эпох. Например, в истории права Запада от античности до современной концепции «правового государства» прослеживается поэтапное развитие «религиозной демократии»: компиляции ветхозаветных иудейских традиций, духовных, этических, правовых особенностей европейских народов, эволюционировавших в католическую модель демократического государственного устройства. Сегодня ведущие западные державы представляют собой именно такую законченную форму политической организации, где синтез различных христианских направлений и социал-либеральных тенденций достиг «своей исторической кульминации» [см.: 1, с. 17].

б) историческая вариативность, представляющая собой динамическую характеристику, раскрывающую формы развития государства и права, которое происходит в виде эволюции и революции, прогресса и регресса. Однако при анализе следует учитывать, что оценка текущего состояния и развития государственности носит субъективно-объективный характер, зависящий от конкретных социальных реалий рассматриваемого временного интервала истории государства, этноса, теоретического подхода исследователя. К примеру, сегодня невозможно однозначно утверждать прогрессивным или регрессивным в политико-правовом аспекте было развитие государственности Руси от демократических институтов в форме вече городов-государств Руси XI-XIII вв. до просвещенного абсолютизма XVIII – XIX вв., сформировавшего сверхэтатизм правопонимания в российском обществе.

В различные исторические периоды государства действительно имели и имеют общий вектор развития. В большей части это технологическое направление. А культурные аспекты социального генезиса имеют свою индивидуальность, уникальность, отражая духовную самобытность существования общества в целом на протяжении истории. Таким образом, государственность представляется саморефлексирующей идеей в гегелевском духе [см.: 4, с. 10].

в) социально – этническая и политическая организованность, придающая государственности единство целостности социальной системы взаимосвязанных, динамичных общественных элементов и гармоничности существования многоконфессиональной и многонациональной культуры. В чисто юридическом понимании это форма государства – организация власти в государстве, состоящая из: формы государственного правления; территориального устройства; политического режима. Социальными факторами, отражающими специфику конкретной формы государства, являются: расстановка политических в государственной власти в конкретный исторический промежуток времени; национальный состав населения, от которого напрямую зависит форма государственного устройства; сложившиеся в результате исторического развития страны культура и традиции населяющих ее народов; внешнее политическое, культурное взаимодействие с другими государствами; особенности географического положения, развитая система экономических отношений.

На основании описанных признаков можно выделить типы цивилизаций. Принято различать традиционную (восточную) цивилизацию – это страны Азии, Африки. И прогрессивную (западную) цивилизацию – Европа, Северная Америка. Такое разделение основано на компилятивном сопоставлении отношения человека к расе, национальности, ориентации развития экономических отношений, культурных и идеологических предпосылок способа организации и реализации власти.

Автором предлагается в системной типологии государств рассматривать три типа существующих сегодня цивилизаций.

1. Цивилизация иудейской и библейской культурной концепции (общества, государства исповедующие иудаизм и христианство различных направлений).

2. Мусульманская цивилизация.

3. Цивилизация философско-религиозных концессий (общества и отдельные государства, исповедующие буддизм, конфуцианство, синтоизм и т.д.).

Данная классификация цивилизаций выстроена на описанных выше системных характеристиках: религия, система ценностей, культурно-духовная экспансивность, организованная система иерархического управления, наличие государства и государственности, развитие экономики. Понятие «цивилизация» в современной науке должно отражать многовариативность развития человеческого общества при обязательном учете инвариативности конкретных социальных систем, взаимосвязанных между собой интегративных культурных процессов, общности развития экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Дугин А. Н. Предисловие: Теория Евразийского государства // В кн.: Н. Н. Алексеев. Русский народ и государство. – М.: «Аграф», 2003. – 635 с.
2. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: В 2 т. / Harper Collins Publishers. 1995 / Пер. Н. Н. Марчук. Т. 2. – М.: Издательство Вече. АСТ, 2001. – 528 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 39 т. Т. 13. – М., 1954. – 453 с.
4. Овчинников А. И., Бойко Н. А. Народовластие в истории государственности России: политические и правовое традиции // Философия права. – 2016. – № 5 (78). – С. 7-11.
5. Сафронова Е. В., Карсканова С. В. «Государство» и «государственность»: проблемы терминологического соотношения и определения // История государства и права. – 2014. – № 22. – С. 42-47.
6. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 1600 с.
7. Философский энциклопедический словарь // Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33-48.

КИЧА Мария Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

СОВРЕМЕННЫЙ ВИТОК ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА В РЕСПУБЛИКЕ ИРАК: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы государственно-правового устройства Республики Ирак. Автор уделяет особое внимание современным событиям, имевшим место в Багдаде летом и осенью 2022 г. (в первую очередь – протестам садристов, проблемам формирования иракского правительства, а также составу и перспективам функционирования нового кабинета министров под руководством Мохаммеда Ши́и ас-Судани).

Ключевые слова: шииты, садристы, протесты, парламентские выборы, вооруженные формирования, правительство.

KICHA Mariya Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

Кича М. В.

THE MODERN ROUND OF THE GOVERNMENT CRISIS IN THE REPUBLIC OF IRAQ: CAUSES AND CONSEQUENCES

The article deals with topical problems of the state-legal structure of the Republic of Iraq. The author pays special attention to the current events that took place in Baghdad in the summer and autumn of 2022 (first of all, the Sadrist protests, the problems of the formation of the Iraqi government, as well as the composition and prospects for the functioning of the new cabinet of ministers under the leadership of Mohammed Shia al-Sudani).

Keywords: Shiites, Sadrists, protests, parliamentary elections, militias, government.

Нынешний виток государственно-правового и политического кризиса в Ираке начался осенью 2021 г., после парламентских выборов. Явка по стране составила 41 %. Неясно, как высчитывалась эта цифра – от общего количества избирателей или от количества владельцев биометрических карт (биометрические карты начали выдавать за несколько месяцев до выборов как «средство от фальсификации»). Однако карты оформили далеко не все потенциальные избиратели – многие вообще не собирались участвовать в голосовании. К тому же, Адель аль-Лями (глава избирательной комиссии Ирака) заявил, что цифра явки на выборы в 41 % основана на неверных подсчетах, а реальное число проголосовавших – 34 % [1].

Выборы сопровождались скандалами. На юге мухафазы (провинции) Найнава участок для голосования обстреляли из минометов. Участок к северо-западу от Баакубы в мухафазе Дияла был закрыт из-за драки, которую устроили сторонники разных кандидатов. Позже из Диялы сообщили об обстрелах участков в округах Абара и Аль-Вакаф. В городе Байджи на севере страны по участкам в районах Аскари и Асра выпустили ракеты (ответственность за это взяли на себя террористы «ИГ»). Конфликты возникали и в других местах – например, в Мосуле.

Как бы то ни было, по итогам парламентских выборов в Ираке не удалось сформировать правительство (Ирак является парламентской республикой), поэтому старый кабинет министров во главе с Мустафой аль-Казыми продолжал исполнять свои обязанности, чтобы не оставлять страну без главного органа исполнительной власти. Премьер-министр аль-Казыми считается ставленником США, среди иракцев он не пользовался популярностью, однако насильственно убрать его – означало сломать и без того хрупкую политическую систему Ирака [2].

Тем не менее, в конце июля 2021 г. правительственный кризис обострился, и тогда один из самых ярких иракских политиков, радикальный шиитский имам Муктада ас-Садр (отпрыск одиозной и авторитетной семьи Аль Садр) потре-

бовал распустить парламент и провести новые досрочные выборы – исключив из них тех, кто участвует в политическом процессе с 2003 г. (с момента американского вторжения). Ас-Садр объяснил это тем, что на протяжении почти 20 лет политикой занимаются одни и те же люди, они лишь сменяют друг друга на разных должностях. Также Муктада утверждал, что его предложения помогут вывести Ирак из кризиса – но, во-первых, ситуация в Ираке складывалась таким образом, что досрочные выборы вряд ли могли что-то исправить. Вторых, роспуск парламента окончательно похоронил бы иракскую политическую систему. Ни Верховный Суд, ни президент Бархам Салех не последовали предложению ас-Садра; парламента тоже отказался распускать сам себя. И тогда Муктада вывел на улицы своих сторонников.

В конце июля 2022 г. после митингов в Багдаде садристы ворвались в «Зеленую зону» (особо охраняемый район столицы, где расположены правительственные здания и посольства зарубежных государств). В течение недели садристы дважды входили в парламента, где не было депутатов, и после второго «штурма» удерживали его на протяжении нескольких дней. Если для нас захват парламента кажется экстраординарным событием, сулящим гибель режима, то в Ираке – где есть множество противостоящих друг другу партий и группировок, – это событие заурядное. Ранее протестующие уже занимали парламента в 2016 г., 2018 г. и 2019 г. [2].

Интересно, что и Муктада ас-Садр, и его главный оппонент Нури аль-Малики (премьер-министр Ирака в 2006-2014 гг.), и все прочие иракские политики прекрасно понимают, что полноценного столкновения лояльных им организаций и группировок – хоть друг с другом, хоть с ВС Ирака – допустить нельзя. Обильное кровопролитие снова приведет к гражданской войне, а за ее разжигание никто не хочет брать ответственность. Поэтому в начале августа 2022 г. Муктада ас-Садр призвал своих сторонников покинуть здание парламента, что они и сделали.

Впрочем, спустя несколько недель столкновения садристов с армией и полицией возобновились, но формат собы-

тий оставался прежним. Нынешняя политическая система Ирака характеризуется фразой «все против всех»; именно это и творилось на улицах Багдада и других городов. Садриты выступали против правительственных сил, различные шиитские группировки – друг против друга и т.д. Например, ополченцы «Сарайя ас-Салам» (вооруженного формирования, преданного лично ас-Садру) нападали на членов «Хашд аш-Шааби», жгли штабы организаций «Асаиб Ахль аль-Хакк» и «Бадр», а также офисы партий, возглавляемых конкурентами Муктады (в том числе, «Давы» – партии Нури аль-Малики). Сам аль-Малики, поклявшийся защищать Багдад до последней капли крови и позировавший с оружием, сбежал в неизвестном направлении. Протестующие садриты захватили багдадский Республиканский дворец (Ас-Салам), построенный еще Саддамом Хусейном, где заседает правительство. На фоне беспорядков Муктада ас-Садр – менее суток назад в очередной раз «ушедший из политики» – моментально вернулся и объявил, что будет голодать, пока насилие не прекратится. Наконец – после долгих призывов успокоиться и разойтись по домам – премьер-министр Мустафа аль-Казыми приказал выбить садритов из Республиканского дворца, который является его собственной официальной резиденцией. Полиция разогнала демонстрантов, в Багдаде был объявлен комендантский час – и вскоре обстановка нормализовалась.

Очередные выступления садритов состоялись в начале октября 2022 г., главные события происходили в центре Багдада – возле моста Аль-Джумхурия, который находится около знаменитой площади Тахрир. Все закончилось, когда ас-Садр снова призвал своих сторонников разойтись.

Во время всех вышеуказанных событий иракские государственные органы не функционировали, госслужащие и депутаты отсутствовали на своих рабочих местах, а рядом с иракским парламентом возник стихийный мясной рынок.

Наконец, в середине октября 2022 г. – спустя год после парламентских выборов 2021 г. – в Ираке было сформировано правительство. Новым президентом стал 78-летний курд Абдул-Латиф Рашид, член «Патриотического союза Курдистана». Он – близкий родственник ныне покойного иракского президента (тоже курда) Джаляля Талабани (2005 – 2014).

Новый премьер-министр – 52-летний Мохаммед Шиа ас-Судани. Он является членом проиранской партии «Дава» радикально-шиитского толка и соратником бывшего премьер-министра Нури аль-Малики.

«Дава» была создана в конце 1950-х гг. для борьбы со светской формой правления, секуляризмом и арабским социализмом – при участии известной семьи Аль Садр. С 1970-х гг. функционеры «Давы» начали осуществлять теракты против представителей баасистского режима; так, в 1982 г. они пытались убить Саддама Хусейна близ деревни Эд-Дуджейль (потом Саддам ее уничтожил). В годы Ирано-иракской войны (1980-1988) «Дава» поддерживала Иран и фактически являлась «пятой колонной» в Ираке. Тогда же отец и несколько других родственников Мохаммада Шии ас-Судани были казнены за антиправительственную деятельность.

Ас-Судани сменил на должности премьер-министра Мустафу аль-Казыми – формально беспартийного политика, который, тем не менее, женат на дочери Махди аль-Аллака – видного функционера «Давы».

Назначение Мохаммеда Шии ас-Судани и Абдул-Латифа Рашида не означает для Ирака выход из кризиса. Дело в том, что в Ираке президент официально избирается из числа курдов, премьер-министр – из числа арабов-шиитов, а спикер парламента – из арабов-суннитов. Подобное разделение власти и назначение политиков по национальному и конфессиональному признакам априори ущербно, это не консенсус, а новая почва для конфликтов (подтверждением тому служит, в частности, современный Ливан).

Кроме того, партия «Дава», к которой принадлежит ас-Судани, – весьма специфическая. Во-первых, она проиранская – то есть теперь исполнительную власть в Ираке официально возглавляет прямой агент иранского влияния.

Во-вторых, «Дава» играла огромную роль в годы сектантской войны между суннитами и шиитами, которая разразилась в Ираке после американского вторжения. Ас-Судани

(как и его бывший начальник аль-Малики) имел прямое отношение к «чисткам» среди суннитов, к притеснению тысяч иракцев просто за то, что они состояли в саддамовской партии «Баас» (которая была массовой, и партбилетом обладало множество людей). Активность «Давы», аль-Малики и ас-Судани сыграла немаловажную роль в возникновении «ИГИЛ»* – ибо в описанных условиях игиловцы позиционировали себя в первую очередь как защитники суннитов от беззакония со стороны шиитов – и быстро приобрели популярность среди суннитского населения страны (которого, вопреки распространенному мнению, в Ираке больше, чем шиитского).

Иными словами, должность премьер-министра Ирака занял человек, враждебный большинству населения (по мнению самого большинства). Это не просто слова – у ас-Судани соответствующий бэкграунд, соответствующая семья, он и его родственники десятилетиями совершали антиправительственные и антигосударственные действия (в том числе, в годы Ирано-иракской войны) в интересах другой страны – враждебного Ираку Ирана. Предыдущий иракский премьер-министр Мустафа аль-Казыми, будучи шиитом, хотя бы не имел формальных связей с «Давой». При этом период правления Нури аль-Малики – бывшего шефа ас-Судани и лидера «Давы» – завершился полной деградацией иракской армии, которая просто сдала игиловцам 40 % территории страны.

Таким образом, деятельность ас-Судани на посту премьер-министра может спровоцировать очередной виток суннитско-шиитского конфликта – а, значит, и гражданской войны.

Особого внимания достоин и состав кабинета министров под руководством ас-Судани:

- министр обороны Сабит Мухаммед Сайид аль-Аббаси неоднократно уклонялся от воинской службы;
- министр труда Ахмед аль-Аббаси, напротив, ветеран Ирано-иракской войны – но только сражался на стороне Ирана и участвовал в пытках иракских пленных. Кроме того, аль-Аббаси имеет вид на жительство в Австралии, полученный под предлогом политического убежища, – и, соответственно, владеет недвижимостью за рубежом. Австралийская полиция однажды обнаружила у него дома \$ 10 млн. наличными, незаконно вывезенных из Ирака (деньги были конфискованы);
- министр образования и научных исследований Наим аль-Абуди – обладатель фальшивого диплома о высшем образовании. Он никогда не преподавал и не занимался научными исследованиями. Также Наим аль-Абуди – член радикальной шиитской группировки «Асаиб Ахль аль-Хакк». Эта группировка, финансируемая Ираном, обучается, оснащается и управляется иранскими «Силами «Кудс»» (спецподразделением Корпуса стражей Исламской революции);
- министр нефти – Хайян Абдул-Гани Абдул-Захр аль-Савад. Раньше он работал пекарем в Дамаске, у него нет никакого образования, даже школьный аттестат поддельный [3].

Впрочем, нынешнее правительство – типичное для Ирака. Предыдущие составы кабинета министров вряд ли можно назвать более квалифицированными и компетентными. Например, Ихсан Абдул-Джаббар Исмаил, ранее занимавший должность министра нефти, впоследствии исполнял обязанности министра финансов; сейчас он подозревается в причастности к одному из крупнейших хищений в современной истории Ирака.

16 октября 2022 г. министерство финансов Ирака обнаружило, что пять компаний украли 3,7 трлн. иракских динаров (\$ 2,5 млрд.) со счета Генеральной комиссии по налогам. Деньги были похищены с правительственного счета в головном офисе «Rafidain Bank» в Багдаде (это государственный банк, который является крупнейшим в стране, а также имеет филиалы в других арабских государствах). В период с 21 сентября 2021 г. по 22 августа 2022 г. мошенники обналичили 247 чеков – причем три компании из пяти были созданы за месяц до начала схемы. Кто владельцы этих компаний, кто разрешил им выдавать эти чеки, были ли чеки настоящими

либо поддельными, почему в течение года никто не обратил внимания на столь подозрительные финансовые операции – вот на какие вопросы предстоит ответить следствию в первую очередь. Впрочем, рядовые иракцы не сомневаются в подлинности чеков: учитывая масштабы воровства и коррупции среди иракских политиков и чиновников, подобная афера не кажется чем-то невероятным (поражает разве что наглость преступников). Министерство финансов разводит руками – ведь с ноября 2021 г. бывший глава ведомства Али Абдул-Амир Аллауи запретил производить платежи со счета без его согласия. Комитет по неподкупности иракского парламента пообещал вызвать для объяснений исполняющего обязанности министра финансов Ихсана Абдул-Джаббара Исмаила, его помощников и ряд других администраторов. В любом случае, факт остается фактом: \$ 2,5 млрд. таинственным образом испарились со счета налогового органа в очень короткие сроки.

Другой одиозный персонаж в иракской политике – генерал Наджах аш-Шаммари. В 2015 г. он получил шведское гражданство под чужим именем («Наджах аль-Адели»), притворившись умственно отсталым беженцем, а спустя 4 года стал министром обороны Ирака, но не отказался ни от шведского паспорта, ни от сочувствующих ему льгот и предпочтений. Потом аш-Шаммари заподозрили одновременно в военных преступлениях и в незаконном получении социального пособия [4]. Кроме того, аш-Шаммари – известный гомосексуалист. Во время службы в армии при Саддаме Хусейне он неоднократно пытался изнасиловать симпатичных солдат (за что получил тюремный срок по приговору суда), затем изнасиловал школьника (за что опять был лишен свободы по приговору суда) – и, наконец, уже в Стокгольме осуществлял сексуальные домогательства по отношению к шведскому юноше, склоняя его к интимной близости [5].

Катастрофическое положение нынешней политикоправовой системы и государственного устройства Ирака охарактеризовал еще его первый король Фейсал I из династии Хашимитов (1921 – 1933). Однажды сказал: «Я говорю, – и сердце мое полно печали, – что, по моему мнению, иракского народа пока нет, а есть людские конгломераты, лишённые всякой национальной идеи, проникнутые религиозными традициями и ложью, не объединённые, слушающие зло и склонные к хаосу».

С момента правления Фейсала I мало что изменилось. Месопотамия никогда не была спокойной, и все ее нынешние проблемы обозначились еще в прошлом веке. Курды на севере, шииты на юге и на территории страны в целом, иранское и турецкое влияние, вечные дразни в кругах арабских националистов, недееспособное и зависимое от зарубежных сил правительство – данные факторы не благоприятствуют построению нормального жизнеспособного государства.

Вообще после Первой мировой войны Ирак появился на карте, поскольку был собран из трех османских вилайетов (провинций) – Багдадского Мосульского и Басрийского. Они имели разные источники доходов, отличались по этническому и религиозному составу населения – и никогда прежде не сосуществовали вместе, будучи связанными именно друг с другом в рамках единого государственного образования. Собственно, поэтому Ирак называют искусственно созданным. Дальнейшие исторические события – например, истребление ассирийцев в 1930-х гг. и исход еврейской общины в 1940-х – 1950-х гг. – способствовали тому, что некоторые демографические показатели были приведены к большему единообразию, но nation building пока не завершено.

Современный Ирак сродни лоскутному одеялу. Если протестующие год за годом захватывают здание парламента, а на севере страны существует автономный курдский анклав (Иракский Курдистан), куда Багдад, согласно Конституции, даже не имеет права ввести войска, – то, значит, ни о каком подлинном государственном суверенитете говорить не приходится.

Существующий режим в Ираке не будет свергнут в результате протестов или так называемой «народной революции» по одной простой причине: толпы протестующих на улицах ничего не решают. Они могут прийти в парламент,

организовать митинги, скандировать лозунги и размахивать флагами – но потом возвращаются к повседневным делам. Это своеобразное развлечение и традиция – которая, кстати, опровергает популярные рассказы про «свободное демократическое общество», где граждане не боятся выражать свое мнение. Демонстрации и протесты часто приводят в качестве примера политической развитости Европы, США, даже Израиля – но что если посмотреть на Ирак? Он странно выглядит в одном ряду с вышеназванными государствами. Однако в Ираке реально не только протестовать, но и захватить здание госоргана (причем не единожды за неделю) и удерживать его несколько дней – но ничего не добиться.

Имеется ли у Ирака перспектива выхода из кризиса, в котором он пребывает далеко не первый год? Да, и это – военный переворот. На Ближнем Востоке нет и никогда не было демократии и либерализма в привычном нам понимании. Регион исторически живет в двух режимах: диктатуры (военной, монархической, секулярной, теократической – любой) и хаоса (анархии). Диктатура предпочтительна, потому что при ней страдает меньше людей; при анархии же страдают все. В рядах иракской армии есть два военачальника, которым однажды может надоесть то, что творится в стране. Первый – глава Генштаба, генерал Абдул-Амир Яррала. Второй – командующий Иракскими силами специальных операций (ISOF), генерал Абдул-Ваххаб ас-Саади. Яррала – суннит (и популярен среди суннитов), ас-Саади – шиит (и популярен среди шиитов). Оба они родились в 1960-х гг. в семьях военных (что для Ирака очень важно), служили в армии еще при Саддаме Хусейне, а затем хорошо проявили себя в борьбе с игиловцами. Эти люди при поддержке других высокопоставленных офицеров имеют шанс начать новую главу в истории страны. Иными словами, Ирак может пойти по пути Египта – в том смысле, что там тоже после беспорядков к власти пришли военные во главе с нынешним президентом Абдул-Фаттахом ас-Сиси. Конечно, у Ирака гораздо больше проблем, чем у Египта, и период анархии растянулся на 20 лет, но вариант изменить ситуацию сохраняется. Сработает ли он – покажет время.

* «ИГ» / «ИГИЛ» – террористическая организация, запрещенная в РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Turnout at Iraqi national election sluggish as many boycott polls. The Guardian. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/oct/10/turnout-at-iraqi-national-election-as-low-as-25-as-many-boycott-polls> (дата обращения: 20.11.2022).
2. Востоковед Мария Кича объяснила, кто стоит за беспорядками в Ираке и почему захват парламента не обязательно приведет к смене власти в стране. «Российская газета». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/08/01/v-bagdade-nespokojno.html?ysclid=laqu79ltkv950380052> (дата обращения: 20.11.2022).
3. انما لربلا نم نيناوق هي قارعالا مهوكحل بحس نأشب ل دج عي عيرش تال لم علل ليطعت. Al Araby Al Jadeed. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alaraby.co.uk/politics/هي-قارعالا-مهوكحل-ابحس-نأشب-ل-دج-عي-عيرش-تال-لم-علل-ل-يطعت-انما-لربلا-نم-نيناوق> (дата обращения: 22.10.2022).
4. Irakminister har «utvandrat». Svenska Dagbladet. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svd.se/a/Ad939j/irakminister-har-utvandrat> (дата обращения: 22.10.2022).
5. Iraqi Defence Minister Threatens to Sue Swedish Media Over Disclosure of Citizenship, Alleged Fraud. Sputnik International. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputniknews.com/20191125/iraqi-defence-minister-threatens-to-sue-swedish-media-over-disclosure-of-citizenship-alleged-fraud-1077391981.html?ysclid=laqum6k2r9668607797> (дата обращения: 22.10.2022).

КОЗЫРЕВА Анна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ СТЕРИЛИЗАЦИЯ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ КАК НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: БИОЭТИЧЕСКИЙ, СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*

Евгенические вопросы всегда вызывали серьезный резонанс в обществе. С одной стороны, современное общество стремится лишиться раз избежать риска рождения нездорового потомства – создать все возможные условия для развития здоровых национальных общностей. С другой, стремясь к столь, на первый взгляд, благим намерениям, можно легко перейти очень опасную грань – жизнь и свободу человека.

В связи со стремительным развитием науки удержать баланс между практичным и этическим становится все сложнее. Нужны несокрушимые и четкие юридические рамки для евгенических методов, о которых нужно договориться всему мировому сообществу раз и навсегда. Пока этого нет и практика стран сильно различается. Слишком много мнений и интересов.

Для решения данной проблемы автор статьи рассмотрел проблему принудительной стерилизации с учетом разных аспектов: юридического (права человека), этического (биоэтического) и политического (угроза возрождения некоторых идей нацизма в обществе). В данной статье автор описывает исторический опыт внедрения евгенических идей в правовую и политическую жизнь некоторых государств (США, Германия, Швеция, Швейцария, Канада, Япония, Великобритания), систематизирует действующее российское законодательство о принудительной стерилизации и рассуждает о его соответствии нормам международного права, Нюрнбергскому кодексу, раскрывает возможные биоэтические подходы к принудительным манипуляциям с телом человека и рассуждает о рисках возвращения к идеям нацизма.

Ключевые слова: принудительная стерилизация, медицинская стерилизация, права человека, недееспособность, признание недееспособным гражданина, нацизм, евгеника, генетические заболевания, биоэтика, Нюрнбергский процесс, Нюрнбергский кодекс.

KOZYREVA Anna Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

FORCED STERILIZATION OF THE DISABLED AS A VIOLATION OF HUMAN RIGHTS: BIOETHICAL, COMPARATIVE LEGAL AND POLITICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS

Eugenic issues have always caused a serious resonance in society. On the one hand, modern society seeks once again to avoid the risk of the birth of unhealthy offspring - to create all possible conditions for the development of healthy national communities. On the other hand, striving for such, at first glance, good intentions, one can easily cross a very dangerous line - the life and freedom of a person. In connection with the rapid development of science, it is becoming increasingly difficult to maintain a balance between practical and ethical. We need an unshakable and clear legal framework for eugenic methods, which must be agreed upon by the entire world community once and for all. So far, this is not the case and the practice of countries varies greatly. There are too many opinions and interests. To solve this problem, the author of the article considered the problem of forced sterilization, taking into account various aspects: legal (human rights), ethical (bioethical) and political (the threat of the revival of some ideas of Nazism in society). In this article, the author describes the historical experience of introducing eugenic ideas into the legal and political life of some states (USA, Germany, Sweden, Switzerland, Canada, Japan, Great Britain), systematizes the current Russian legislation on forced sterilization and discusses its compliance with international and constitutional law, the Nuremberg Code, reveals possible bioethical approaches to coercive manipulation of the human body and discusses the risks of returning to the ideas of Nazism.

Keywords: forced sterilization, medical sterilization, human rights, incapacity, recognition of a citizen as incapable, Nazism, eugenics, genetic diseases, bioethics, Nuremberg Trials, Nuremberg Code.

Козырева А. Б.

В эпоху регулярных научных открытий проблемы этики звучат все актуальнее. Для разрешения возможных этических вопросов учеными была создана специальная междисциплинарная отрасль науки на стыке нескольких дисциплин: философии, юриспруденции и естественных наук¹, которая изучает вопросы нравственности научной деятельности в медицине и биологии. Также в литературе встречается термин

«биоправо», под которым понимается «новая дисциплина, включающая такие области, как правовое регулирование генной медицины, неврологии, фармакологии, правовые акты относительно достойно смерти...[2]».

Более того, в России на данный момент ведутся активные переговоры по поводу создания специального комитета при Государственной Думе Российской Федерации по биоэтике² и принятия федерального закона о биоэтике, что позволит

* Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

1 Термин «биоэтика» впервые был введен в научный оборот американским биохимиком В. Р. Поттером в 1969 г.

2 По аналогии с Комитетами по этике Всемирной Медицинской Ассоциации (ВМА).

мониторить законопроекты на предмет этических противоречий еще на стадии обсуждения. Для столь консервативного и традиционного общества как российское это чрезвычайно важное направление, требующее особого внимания.

Одной из биоэтических проблем является евгеника, которая представляет собой учение о «хорошем роде» [11]. Сама идея усовершенствования природы человека уходит в древность - в эпоху античных и средневековых философов, однако научное обоснование данная идея получила в трудах Ч. Дарвина о естественном отборе. По мнению Ч. Дарвина, благодаря естественному отбору только наиболее приспособленные особи выживают и передают свои признаки потомству, что позволяет видам поддерживать высокий стандарт «качества» на протяжении многих тысячелетий. Только человек, по словам ученого, «благодаря развитию культуры, сумел избежать влияния естественного отбора и теперь неуклонно приближается к пропасти полного вырождения». Из этого обстоятельства сторонники Ф. Гальтона делали вывод о необходимости введения «искусственного отбора», который бы выполнял в человеческом обществе те же функции, что и естественный — в природе [1].

Евгенику чаще всего принято делить на *негативную* (вывод из популяции нежелательных признаков с помощью сокращения рождаемости людей с увечьями других «неприспособленных к выживанию» [4]) и *позитивную* (улучшение существующих характеристик человека, улучшение медицинской нормы, среднестатистических показателей). К методам негативной евгеники до открытия ДНК в первой половине XX века традиционно относились эвтаназия и стерилизация. До сих пор по поводу применения эвтаназии и принудительной стерилизации ведутся споры.

Если в вопросе эвтаназии общественность уже многое успела обсудить и даже назревают первые компромиссы, то с вопросом принудительной медицинской стерилизации дела обстоят намного сложнее. Пока что он не только не обсуждается законодателем, но и даже не стоит на отечественной общественной повестке.

На данный момент в России *разрешена принудительная стерилизация*. Ст. 57 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»³ определяет медицинскую стерилизацию как специальное медицинское вмешательство в целях лишения человека способности к воспроизводству потомства или как метод контрацепции. В соответствии с данным законом, медицинская стерилизация возможна по письменному заявлению гражданина в возрасте старше тридцати пяти лет или гражданина, имеющего не менее двух детей, а при наличии медицинских показаний и информированного добровольного согласия гражданина - независимо от возраста и наличия детей. Однако есть исключения из общего правила. По заявлению **законного представителя** совершеннолетнего лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, если такое лицо по своему состоянию не способно выразить свою волю, *медицинская стерилизация возможна по решению суда*, принимаемому с участием совершеннолетнего лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным.

Перечень медицинских показаний для медицинской стерилизации утвержден приказом Минздравсоцразвития РФ от 18.03.2009 г.⁴ Перечень достаточно длинный, в него входят разные категории болезней: от инфекционных до психи-

ческих расстройств. Например, среди медицинских показаний к принудительной стерилизации в Приказе Минздрава № 121н встречаются следующие заболевания: туберкулез в различных формах, наследственные и дегенеративные психические расстройства, ревматические пороки сердца, тромбозмобильная болезнь и тромбозмобильские осложнения, Spina bifida occulta, болезни зависимости (алкоголизм II и III стадии у женщин), онкологические заболевания последних стадий и многие другие болезни, которые медицина уже изучила, умеет поддерживать терапию, а в некоторых случаях даже известны частичное или полное выздоровление пациента.

Следует заметить, что в судебном разбирательстве не участвует прокурор и, как правило, дела рассматриваются за закрытыми дверями из-за интимного характера дела. Согласно буквальному толкованию ч. 2 ст. 57 Закона об охране здоровья, заявителю достаточно представить суду доказательства признания опекаемого недееспособным, подтвердить свой статус опекуна, а также доказать, что соответствующее лицо по своему состоянию не способно выразить свою волю и имеет медицинские показания в соответствии с Приказом Минздрава РФ № 121н. Как показывает практика, само судебное заседание проходит формально, если вообще проходит (в российской практике известны случаи принудительной медицинской стерилизации без решения суда).

Согласно научно-практическому комментарию к ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» А. А. Кириллова⁵, потребностью и основанием принудительной стерилизации является предотвращение распространения соответствующих заболеваний, передающихся на генетическом уровне. Однако такая позиция подвергается критике в научной литературе. Так, Е. Ц. Дугарон считает, что нельзя согласиться с А. А. Кирилловых, так как едва ли законодатель принял исследуемые нормы для обеспечения безопасности государства, даже если и демографической. Развитие здравоохранения и укрепление здоровья населения – важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, но обеспечение здоровья нации не должно базироваться на селекции человека [3]. На мой взгляд, данный вопрос необходимо рассмотреть на одном из первых заседаний Комитета по биоэтике Государственной Думы РФ после его открытия.

На уровне федерального закона норма о принудительной стерилизации была принята в 2011 году, до этого момента действовали Приказ Минздрава от 28.12.92 г. «О применении медицинской стерилизации женщин»⁶, которым были утверждены инструкции о порядке разрешения операции медицинской стерилизации, и Приказ Минздрава СССР № 484 от 14.12.90 г. «О разрешении проведения операции хирургической стерилизации женщин»⁷. До 1990 г. вопрос принудительной стерилизации в законодательстве и подзаконных актах СССР вообще не рассматривался. О практическом применении данных методов в советское время также достоверных сведений нет. Тем самым, можно сделать вывод о введении принудительной стерилизации в России в 1990 г.

Критики принудительной стерилизации ссылаются на следующие правовые аргументы:

- 3 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2011, № 48, ст. 6724.
- 4 Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 18.03.2009 г. № 121н «Об утверждении перечня медицинских показаний для медицинской стерилизации» // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12166678/> (дата обращения: 06.02.2022 г.).
- 5 Научный комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (постатейный) под общ. ред. А. А. Кирилловых. Деловой двор. 2012.
- 6 Приказ Минздрава от 28.12.92 г. «О применении медицинской стерилизации женщин» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901709729> (дата обращения: 06.02.2022 г.).
- 7 Приказ Минздрава СССР от 14.12.90 г. «О разрешении проведения операции хирургической стерилизации женщин» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901709729> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

1. Данная мера противоречит ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ «Реабилитация нацизма»⁸, которая не допускает отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников, **одобрение преступлений, установленных указанным приговором**. Между тем, факт принудительной стерилизации — одно из преступлений, установленных указанным Международным военным трибуналом. Данный факт отражен в приговоре трибунала в части показаний Гесса об Освенциме. Вот выдержка из приговора: «*Остальные эксперименты включали опыты по определению условий на больших высотах, когда жертвы помещались в камеры с пониженным давлением, опыты, целью которых служило определить, сколько времени человеческое существо может прожить в ледяной воде, опыты с отравленными пулями, опыты с зараженными болезнями, опыты по стерилизации мужчин и женщин рентгеновскими лучами и путем применения других методов. Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения*»⁹. Таким образом, факт принудительной стерилизации недееспособных мужчин и женщин, пускай даже и предпринятый по решению суда, не дает возможности исключить суть происходящего из числа преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран. Кроме того, в соответствии с Римским статутом Международного уголовного суда от 2002 г. преступлением против человечности является изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, **принудительная стерилизация** или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести¹⁰. Однако данный статут Россия приняла в 2010 г., но не ратифицировала, а в 2016 г. и вовсе отказалась в нем участвовать.

2. Также норма о принудительной стерилизации противоречит ст. 39 Конституции РФ¹¹, которая гласит, что каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, **в случае болезни**, инвалидности, потери кормильца, **для воспитания детей** и в иных случаях, установленных законом. *Следует обратить внимание на слово - «каждому», то есть включая недееспособных. И как бы кому ни хотелось, но право «воспитывать за счёт государства» закреплено Конституцией и от сложности реализации правом быть не перестает.*

Если говорить о правоприменительной практике данного законодательства, то дела обстоят еще печальнее. На данный момент заголовки СМИ все чаще пестрят жестокими историями из психоневрологических интернатов¹² (далее по

тексту – ПНИ), где далеко не все пациенты лишены дееспособности. Так, в 2020 году в Уктусском пансионате для пожилых и инвалидов принудительно стерилизовали всех совершеннолетних и несовершеннолетних женщин без судебных решений (и о лишении дееспособности, и о принудительной стерилизации) по «добровольному» письменному согласию самих потерпевших. Жертвой этого произвола медицинских чиновников стала семья Бахтеевых, которые в прошлом были пациентами ПНИ. За год до их выписки из ПНИ и женитьбы (дееспособности они лишены не были) беременную и несовершеннолетнюю Анну Бахтееву под угрозами оставить в ПНИ навсегда (это вызывает самый большой страх у подопечных ПНИ) заставили подписать согласие на принудительный аборт и стерилизацию. Сейчас семья не может иметь детей, виновные не наказаны¹³. И таких случаев колоссальное количество по стране, а сколько еще не знает общественность?

Безусловно, это нарушение закона. Однако сам закон изначально поощряет подобное недопустимое в правовом государстве отношение к человеку, его телу и праву на продолжение рода. *Чем ниже планка законодателя в принципиальных этических вопросах, тем больше самодеятельности при его исполнении.*

Следует также отметить, что специальных составов за нарушение норм действующего законодательства при осуществлении медицинской стерилизации нет. В каждом конкретном случае юридическая квалификация будет проводиться на основе имеющихся в указанных выше источниках норм исходя из наступивших последствий (например, в связи с причинением вреда здоровью) [8]. Однако посягательство на столь важный объект правоотношений, как – репродуктивная функция человека, необходимо вывести в отдельный состав уголовного закона, что поможет следствию и в квалификации преступления, и в доказательстве состава преступления. Лишь при выделении непосредственного объекта правонарушения¹⁴ [10], он будет максимально защищен от посягательства.

Официальной статистики по применению принудительной медицинской стерилизации в нашей стране нет, детального учета и мониторинга, где бы анализировались соблюдение законодательства и медицинской процедуры, тоже - нет. Совет по правам человека РФ¹⁵ ни разу не ставил данный вопрос на повестку дня, что показывает окончательную позицию государства в этом вопросе и его незаинтересованность в решении стратегически важного вопроса.

Интересны мотивы и аргументы в оправдание применения принудительной стерилизации в России. Чиновники-правоприменители необходимость принудительной стерилизации объясняют тем, что у подопечных ПНИ частым явлением является беременность недееспособных. Именно в целях избежания столь нежелательных случаев и вводятся подобные меры. Однако никто не хочет устранить причину беременности недееспособных женщин, а именно: сексуального насилия со стороны персонала медицинских учрежде-

8 Уголовный кодекс Российской Федерации от 28.01.22 // «Российская газета» от 18 (ст.ст. 1-96).

9 Приговор международного военного трибунала от 1.10.1946 г. // Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Приговор_Международного_военного_трибунала (дата обращения: 06.02.2022 г.).

10 Римский статут международного уголовного суда от 17.07.1998 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

11 Конституция Российской Федерации // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

12 Психоневрологический интернат (сокращённо ПНИ) — социально-медицинское учреждение, которое предназначено для постоянного, а также временного (сроком до шести месяцев) и пятидневного в неделю проживания и обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов старше 18 лет, страдающих хроническими психическими расстройствами и нуждающихся в постороннем уходе, и которое должно обеспечивать соответствующие их возрасту и состоянию здоровья условия жизнедеятельности, мероприятия медицинского и социального характера, питание и уход, организацию сильной трудовой деятельности, отдыха и досуга. // ГОСТ Р 52880-2007 Социальное обслуживание населения.

Типы учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, ГОСТ Р от 27 декабря 2007 года № 52880-2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200060783> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

13 Подробнее об инциденте можно узнать в репортаже Машковой-Благих А. «Неестественный отбор. Кто решает, кому рожать, а кому – нет» // Первый русский. Царьград. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/neestestvennyj-otbor-kto-reshaet-komu-rozhat-a-komu-net_307222 (дата обращения: 06.02.2022 г.).

14 Непосредственным объектом преступления признается тот конкретный вид правоотношений, которому непосредственно причиняется вред от преступного деяния, или, еще говорят, то, на что направлено преступное посягательство.

15 Полное название - Совет при президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

ний (является распространенным явлением в ПНИ¹⁶), сексуального насилия со стороны опекунов (на данный момент подобные инциденты начало фиксировать движение STOP ПНИ и мы имеем возможность ознакомиться с подобными кейсами) и отсутствия контроля за жизнедеятельностью недееспособных пациентов (например, следить за посещениями недееспособных в ПНИ¹⁷). Безусловно, намного проще и экономичнее стерилизовать пациентов ПНИ, чем заниматься профилактикой.

Также удивляет тот факт, что законодатель не закладывает в свое решение принудительно стерилизовать недееспособных по медицинским показаниям риск того, что человек в последующем может по суду перейти из статуса недееспособного в статус дееспособного, а также вылечить заболевание, которое послужило медицинским показанием для принудительной стерилизации¹⁸.

Более того, сама процедура признания недееспособным в России не вызывает доверия. Так, по мнению адвоката и члена Московской рабочей группы по реорганизации психоневрологических интернатов, анализ дел по лишению граждан дееспособности позволяет сделать вывод о повсеместном нарушении закона. Особенно это касается людей, кого лишали дееспособности до 2011 года — это делалось без присутствия человека в суде, а часто и врачебная экспертиза проводилась заочно¹⁹. По некоторым данным, около 96% судебных дел по лишению дееспособности разрешаются в сторону признания человека недееспособным, а дела данной категории в среднем рассматриваются судом за 5-10 минут²⁰. Данная статистика практически лишает гражданина права на законность процедуры, защиты и объективную медицинскую экспертизу.

Также следует отметить тенденцию к увеличению количества дел по лишению дееспособности граждан за последние несколько лет. Число таких дел, например, в Нагатинском суде (именно этот суд обслуживает одну из психиатрических больниц), выросло в разы: 2016 год - 177 дел, 2017 год - 179 дел, 2018 год - 669 дел. За первые два месяца 2019 года в Нагатинском суде было рассмотрено уже 164 дела по лишению дееспособности. К концу 2019 года таких дел было уже под тысячу. Скорость принятия решений шокирует еще больше. Так, 7 декабря 2018 года судья О. Чубарова в один день вынесла решения о лишении граждан дееспособности по 24 делам. 14 декабря 2018 - по 22 делам. 21 декабря 2018 - по 25 делам и т.п. Таким обра-

зом, за декабрь 2018 года только одна судья удовлетворила 70 исков о лишении дееспособности. Ни один из этих исков обжалован не был²¹. О нарушении процедуры вообще отдельный разговор (отсутствие адвоката, да и еще личного присутствия самого гражданина встречается повсеместно). Конечно, такая статистика пугает и не вызывает доверия.

О данной вопиющей статистике в конце 2021 года даже высказался Верховный Суд РФ, по мнению которого, решая вопрос о «недобровольной» госпитализации в психбольницу, судам нельзя выносить решение, если есть хоть малейшие сомнения в «достоверности и полноте представленных медиками доказательств». И обратил внимание на то, что необходимо «обязательно изучить обстоятельства принудительного доставления гражданина в стационар, установить особенности поведения гражданина, которые указывали бы на нахождение его в состоянии, представляющем опасность для себя или окружающих»²². Однако на практике никто еще данные призывы Верховного Суда РФ всерьез не воспринял, для этого необходимы более действенные меры со стороны законодателя.

В то время, как мы повязали в средневековой статистике, другие страны признают ошибки прошлого и занимаются реабилитацией жертв принудительной стерилизации.

Общемировая практика принудительной стерилизации берёт свое начало с конца XIX века. Данная практика зародилась в США и далее быстро распространилась по европейским странам. Основной целью данной процедуры был запрет воспроизводить население некоторым гражданам, которые не соответствуют тем или иным критериям адекватности, например: *ношение дефектных генетических признаков; «этнически неполноценные» люди (дети от межрасовых браков); люди с низким социальным статусом (например, если имел место факт супружеской измены); наследственные заболевания; склонность к сексуальному непостоянству (например, пристрастие к танцевальным площадкам и флирту); умственная отсталость (ее признаки трактовались довольно свободно, на усмотрение принимающих решение врачей, например, прогулы уроков вполне могли быть отнесены к признакам слабоумия и стать показанием к стерилизации)*²³. Например, в Швеции²⁴ девочку, не достигшую фертильного возраста²⁵, из-за отсутствия возможности у ее родителей купить ей очки для полноценного обучения в школе (не могла рассмотреть информацию на доске) признали слабоумной и отправили в коррекционный класс, где ее стерилизовали без уведомления родителей.

Утопичное стремление к превосхождению человеческого рода над законами природы и идеям о сверхчеловеке при-

16 Сексуальному насилию в ПНИ подвергаются как женщины, так и мужчины. Ознакомиться с некоторыми известными инцидентами можно в статье: Алленова О. «Жалобы жителей ПНИ никто не воспринимал всерьез» // Журнал «Коммерсант Власть». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2961581> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

17 На данный момент в ПНИ отсутствует любая секс-профилактика, которая бы помогла устранить беременность подопечных ПНИ. Подробнее: Словохотова В. «О сексе в ПНИ не говорят вообще». Что ждет людей, которые хотят близости и семейных отношений // Издание «ПРАВМИР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/o-sekse-v-pni-ne-govoryat-voobshhe-chto-zhdet-lyudej-kotorye-hotyat-blizosti-i-semejnyh-otnoshenij/> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

18 Например, одним из медицинских показаний согласно Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ 18.03.2009 г. № 121н «Об утверждении перечня медицинских показаний для медицинской стерилизации» является онкология IV стадии, которая все чаще лечится в медицинской практике.

19 Алленова О. «У людей в ПНИ права на защиту нет» // Журнал «Коммерсант Власть». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3164779> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

20 Мальчикова Т. Конвейер по лишению дееспособности // Сайт Гражданской комиссии по правам человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cchr.ru/articles/419.htm> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

21 Козлова Н. Почему суды стали чаще принудительно отправлять в психиатрические клиники // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/12/15/pochemu-sudy-stali-chashche-prinuditelno-otpravliat-v-psihiatricheskie-kliniki.html> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

22 Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2021), утв. Президиумом ВС РФ 10 ноября 2021 года // Официальный сайт Верховного Суда России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsr.ru/documents/practice/30502/> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

23 «Неестественный отбор. Кто решает, кому рожать, а кому – нет» // Первый русский. Царьград. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/neeestestvennyj-otbor-kto-reshaet-komu-rozhat-a-komu-net_307222 (дата обращения: 06.02.2022 г.).

24 Данная страна очень пострадала от подобных мер и там даже есть памятник жертвам принудительной медицинской стерилизации.

25 Фертильный возраст (лат. *fertilis* – «плодородный, плодovitый») – способность половозрелого организма производить жизнеспособное потомство. По данным ВОЗ у женщин возникает примерно с 15 лет // Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фертильность> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

Название страны	Год реабилитации	Назначение компенсации
Германия	1998	не назначена
Канада	1995	назначена
США	в зависимости от штата в период с конца 1980-х до начала 2000-х	назначена
Швеция	1976	назначена
Япония ¹	1996	назначена
Швейцария	в период с 1980 до 1996 (в зависимости от кантона)	не назначена

Рисунок 1. Реабилитация жертв принудительной медицинской стерилизации [12]

вели к тому, что людей стерилизовали даже без их уведомления о последствиях данной операции. Либо если их уведомляли, то делали это под страхом изъятия детей из семьи, отказа в социальных пособиях²⁶ и др. угроз.

После окончания первой мировой войны принудительная стерилизация еще больше вошла в ежедневный оборот многих стран. США стали первой страной, которая приняла законодательство о принудительной стерилизации граждан. Ее примеру последовали Канада, Германия, Швеция, Швейцария и др.

Особенно подробно следует остановиться на применении мер принудительной стерилизации в Германии во времена Третьего рейха, именно ее граждане более всех пострадали от данной процедуры. Так, за время правления Гитлера в Германии были стерилизованы более 500 тысяч граждан [29]. Перед немецкими врачами стояла задача «выискивать» повсюду дефективных и проводить их стерилизацию. К званию прилагался список лиц, которые подлежали принудительной обработке. Вот некоторые пункты из этого перечня: дети, достигшие школьного возраста, слепые, глухонемые, идиоты от рождения, не способные к обучению общественно полезной профессии, подлежат стерилизации; содержащиеся в клиниках слепые, глухонемые, идиоты, эпилептики подлежат стерилизации; преступники против нравственности и женщины, имеющие более двоих детей, отец которых неизвестен, подлежат стерилизации; наказание преступникам может быть смягчено, если они соглашаются на стерилизацию [6]. Все перечисленные дефективные свойства назывались *конституционными пороками*. И это все было применено к гражданам Третьего рейха, что говорить про узников концлагерей²⁷...

Расовые признаки служили основными показаниями к принудительной стерилизации не только в Германии, но в других странах. И только после Нюрнбергского процесса, когда нацизм и расизм был признан злом мирового масштаба, страны вычеркнули из показаний к принудительной сте-

рилизации расовые признаки. Однако по социальным и медицинским показаниям людей продолжали стерилизовать.

Наиболее пострадавшими от принудительной стерилизации являются Германия (порядка 500 тысяч – здесь сказались опыт нацистской Германии), США (более 20 тысяч стерилизованных за 50 лет в одной только Калифорнии) и Швеция (60 тысяч) [12].

Продолжалось это до рубежа XX-XXI вв., примерно с конца 1980-х и до 2010 г., до тех пор, пока проблема принудительной медицинской стерилизации не вызвала общественного резонанса на фоне принятия мировым сообществом демократических ценностей и выбора идей правового государства в качестве основного пути развития общества.

За это время страны начали активно признавать свою вину: откладываются от подобных «профилактических мер», реабилитируют пострадавших и даже выплачивают компенсации за причиненный физический и моральных ущерб. В конечном итоге практика принудительной стерилизации с целью ограждения общества от «вредных» генов была повсеместно признана неэтичной, а основные права человека на продолжение рода и личную неприкосновенность – невыполнимыми.

Предлагаю обратиться к практике некоторых стран по реабилитации пострадавших от принудительной медицинской стерилизации (см. Рис. 1).

Как следует из таблицы, страны активно признают свою вину и в большинстве случаев назначают большие компенсации жертвам принудительной стерилизации. На данный момент многие страны используют альтернативные способы контрацепции для уязвимой группы населения, для них создаются специальные программы, а необратимые методы контрацепции либо вообще не применяются, либо только в случае угрозы жизни человека. Для последнего случая суд обязан обеспечивать жесткие процессуальные и материально-правовые меры защиты, так как существует опасность того, что санкционированная государством принудительная стерилизация может стать предметом злоупотреблений как инструмент евгеники [9].

Следует также обратить внимание на качество подготовки судебных решений, скрупулезность судебного расследования и его длительность. Подобное дело может рассматриваться годами с максимальным привлечением правозащитных организаций и экспертов (на фоне 70 дел за месяц на одного судью в Нагатинском суде звучит впечатляюще²⁸). В этой связи приведем цитату из решения 1992 г. Высокого суда Австралии по делу о принудительной медицинской стерилизации в целях защиты психического и физического здоровья девушки (ежемесячные менструации из-за резкой смены гормонального фона вызывали опасные приступы эпилепсии и

26 Что на фоне великой депрессии, мирового экономического кризиса и двух мировых войны являлось жизненно важным.

27 На узниках концлагерей испытывали всевозможные способы стерилизации женщин и кастрации мужчин, после которых они почти всегда умирали в адских муках. Тех, кто выживал после эксперимента, отвозили в газовую камеру. Опыты проводили профессор и врачи Третьего рейха, целью которых было найти максимально быстрый способ стерилизации для послевоенной стерилизации европейских народов. По мнению историка Е. Яковлева, «стерилизация позволила бы буквально за одно поколение заменить состав жителей. Также нельзя забывать о том, что одновременно с экспериментами в области стерилизации разрабатывался план «Ост», который предполагал освоение завоеванных территорий и предусматривал в том числе препятствование деторождению местного населения». // Бурнов В. Одноразовые люди. Стерилизация как форма геноцида. Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/historical_memory_publication/20210423/306997557.html (дата обращения: 08.02.2022 г.).

28 Козлова Н. Почему суды стали чаще принудительно отправлять в психиатрические клиники // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/12/15/pochemu-sudy-stali-chashche-prinuditelno-otpravliat-v-psihiatricheskie-kliniki.html> (дата обращения: 06.02.2022 г.).

другие последствия, угрожающие ее жизни): «Серьезность последствий некорректного принятия решения о проведении стерилизации связана как с невозможностью продолжения рода лица, в отношении которого была проведена такая процедура, так и с нарушением интересов и желаний. Подобное нарушение может иметь социальные и психологические последствия, затрагивающие самосознание этого лица, его социальное положение и самооценку²⁹».

Однако именно в это время российский законодатель в 1990 г. наперекор общей тенденции вводит процедуру принудительной стерилизации. С чем это связано, непонятно. Возможно, причиной является низкий уровень медицинского обслуживания граждан в то время и отсутствие каких-либо возможностей для контроля половой жизни дееспособных.

В научной литературе бытует мнение, что самой главной ошибкой евгеники являлось ее применение по социальному признаку [11] (малоимущие, ассоциативное поведение и др.) и если бы причиной принудительной медицинской стерилизации послужили бы исключительно психические заболевания, то эффект был бы иным. Современные сторонники евгеники считают, что евгеника нацистской Германии скомпрометировала данное направление. А. А. Малиновский, в своем выступлении отметил, что изначальная цель евгеники — обеспечение наследственного здоровья — сама по себе положительна, но ее основатель Гальтон допустил «известные» ошибки, вследствие чего позже евгеника «дала начало двум направлениям — научному и гуманному, основанному на распространении знания и добровольности, способствовавшему возникновению медицинской генетики, и — реакционному, получившему наиболее пышное развитие в нацистской Германии [7].

Однако несмотря на доводы сторонников современной евгеники о том, что после серьезных открытий в области генной инженерии евгеника первой половины XX века существенно отличается от евгеники настоящего времени, смею не согласиться с воззрениями на предмет принудительной стерилизации ради общего блага. Идеи евгеники крайне опасны переходом с биологической формулировки вопроса на социальную, здесь чрезвычайно тонкая грань, которую достаточно просто незаметно для себя переступить. В истории уже есть этому печальные примеры.

Как же тогда найти баланс между интересами общества (не воспроизводить нетрудоспособное потомство) и личным правом человека (каждый имеет право на материнство и отцовство, а также право отказаться от манипуляций с собственным телом)? В. С. Соловьев утверждал, что сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага [13]. И все зависит от того, что над чем превалирует в обществе — личная свобода или общее благо? Так, В. С. Соловьев помимо правовых норм называл «субъективно-безотчетные нормы», которые вытекают из имеющихся в конкретном социуме морально-нравственных представлений и идей о должном порядке вещей [1]. Мировая история неоднократно уже показывала, как только общество выбирает в качестве субъективно-безотчетных норм (по В. С. Соловьеву) общее благо и защищает его за счет личных

прав и свобод граждан, общество становится на рельсы тоталитаризма, репрессий и последующего патернализма.

Нет ни капли сомнения, что у страны, которая победила нацизм, отсутствует какой-либо умысел на данный счет. Наоборот, законодатель тщательно охраняет общественные ценности от посягательства подобного рода разрушительных лжеучений. На данный момент ситуация ушла из-под контроля на уровне правоприменения. Возможно, про нее и вовсе — забыли. Для исправления сложившейся ситуации необходимо сделать законодательные правки в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», отменить Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ 18.03.2009 г. № 121н «Об утверждении перечня медицинских показаний для медицинской стерилизации», ужесточить процедуру лишения дееспособности и продумать дополнительные меры безопасности (в том числе и половой) для недееспособных.

Пристатейный научный список

1. Артемов В. М., Савина О. В. Биоэтика: учебное пособие. М., 2021. 240 с.
2. Валадес Д. Язык права и право языка. М., 2008. С. 128.
3. Дугарон Е. Ц. Гражданская процессуальная сторона дел о медицинской стерилизации и искусственном прерывании беременности у совершеннолетней, признанной недееспособной // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5.
4. Жданова В. В. Евгеника. Возможности и изменения генома человека // Медицинские науки. 2018. С. 84-93.
5. Жданова В. В. Возможности и изменения генома человека // Студенческий научный форум — 2018. Медицинские науки. С. 100.
6. Кольцова Н. К. Евгеническая стерилизация в Германии // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 81-82.
7. Лисеев И. К., Шаров А. Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 114.
8. Мохов А. А. Медицинская стерилизация, правовой аспект // Медицинское право. 2017. С. 14-18.
9. Соловьев А. А. Судебная практика государств англосаксонской правовой семьи по делам о медицинской стерилизации // Пермский юридический альманах. 2021. С. 175-186.
10. Харабара И. В. Объект преступления и его виды // Журнал образование и право. 2020. С. 318-323.
11. Хен Ю. В. Евгенический проект: «pro» и «contra». М.: ИФ РАН, 2003. С. 2.
12. Bach O. Euthanasie im Dritten Reich — psychiatriegeschichtliches Inferno (нем.) // Ärzteblatt Sachsen. 2005. № 4. С. 146-152.
13. Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск, 2001. С. 7.

29 Решение Высокого суда Австралии от 06.05.1992 No [1992] HCA 15; (1992) 175 CLR 218 по делу «Секретарь Департамента здравоохранения и социального обеспечения против Дж. У. Б. и С. М. Б.» [Secretary, Department of Health and Community Services v. J.W.B. and S.M.B. (Marion's Case) / High Court of Australia of 6 May 1992 No [1992] HCA 15; (1992) 175 CLR 218]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/02/HC-1992-Marions-Case.pdf> (дата обращения: 19.11.2020). // Соловьев А.А. Судебная практика государств англосаксонской правовой семьи по делам о медицинской стерилизации. Пермский юридический альманах. 2021. С. 175-186.

МИРОНОВА Оксана Александровна

начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ

В статье рассматривается сущность миграционных процессов, происходящих в Российской Федерации и мире. Автором проводится анализ факторов, влияющих на миграционный процесс в современной России, определяются проблемы и тенденции их развития. Особое внимание в работе уделено миграции как ресурсу «разрешения демографического кризиса». Нашли свое отражение вопросы профилактики незаконной миграции. Делается вывод, что незаконная миграция является не только противоправным деянием, за которое предусмотрено наказание, но и реальной угрозой национальной безопасности.

Ключевые слова: миграция, миграционный процесс, тенденции миграционного процесса, демография, контроль, профилактика, национальная безопасность.

MIRONOVA Oxana Alexandrovna

the Chief of State and civil law sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA: KEY TRENDS AND FACTORS

The article describes the essence of migration processes taking place in the Russian Federation and the world. The author analyzes the factors influencing the migration process in modern Russia, identifies the problems and trends in their development. Particular attention is paid to migration as a resource for "solving the demographic crisis". The issues of prevention of illegal migration were also reflected. It is concluded that illegal migration is not only an illegal act for which punishment is provided, but also a real threat to national security.

Keywords: migration, migration process, trends in the migration process, demography, control, prevention, national security.

Миронова О. А.

В современных реалиях проблемы, вызванные внешними миграционными процессами, приобрели исключительную актуальность. Анализ миграционных процессов показал, что это явление сопровождает Россию на различных этапах ее исторического развития. Практически всегда их итогом являлось изменение численности населения. Для миграционных процессов в России характерна импульсивность и неравномерность, что вызывало резкий рост или спад населённости регионов. Миграция представляет собой разнообразное и многоплановое социальное явление. Она обусловлена множественными экономическими, политическими, социальными, гуманитарными и другими факторами. Соответственно миграционный процесс можно представить как совокупность взаимообусловленных действий направленных на переселение людей из одного государства в другое на длительное время или навсегда.

Общепризнанными тенденциями миграционных процессов, присущих современной России и миру в целом являются:

1) расширение географии миграционных процессов и миграции. Сегодня в мире насчитывается около 200 млн. мигрантов, то есть почти 3 % населения Земли проживают в странах, не являющихся их родиной. В миграционный процесс втянуто более 200 государств, в том числе и Россия [2]. Сегодня на территории России находится порядка шести миллионов иностранцев¹. По состоянию на 01 января 2021 года в Республике Крым находилось 175485 (АППГ – 289792 или – 39,4 %) иностранных граждан. В структуре находящихся в Республике Крым иностранных граждан 82 % составляют граждане Украины (143 849 человек). 7,6 % составляют граж-

дане Белоруссии (13 284 человек); 3,1 % граждане Узбекистана (5 396); 1,3 % граждане Азербайджана (2267); 1,3 % граждане Армении (2272); Общее количество граждан иных государств составляет 4,7 %².

Начиная с 2020 года миграционная обстановка в России складывалась с особенностями, обусловленными введенными ограничениями, связанными с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Так, в целях безопасности государства, защиты здоровья населения и нераспространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 введены ограничения на пересечение государственной границы Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства. Отмечается, что по сравнению с показателями миграционной активности за 2019 г. миграционный прирост в России в 2020 году уменьшился более чем в 2 раза, количество прибывших мигрантов снизилось на 16,5 %, при этом численность выбывших оказалась несколько ниже, чем в 2019 г. Такое положение дел обусловлено тем, что в целях нормализации эпидемиологической ситуации в стране правительство приняло ряд мер: было остановлено авиа-железнодорожное сообщение с другими странами, закрыты границы и усилен пограничный контроль, введен режим изоляции, распространившийся на сферы жизнедеятельности общества [1].

2) расширение вынужденной миграции. Вынужденное переселение занимает весомое место в структуре миграции. Наряду с увеличением масштабов вынужденного перемещения населения, его географические рамки за последние годы также расширились. По состоянию на 01.11.2022 Управление

1 Выступление В Колокольцева в Совете Федерации ФС в рамках «правительственного часа». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://МВД.РФ/news/>.

2 Обзор об осуществлении контрольно-надзорной деятельности территориальными органами МВД России на районном уровне подчиненными МВД по Республике Крым в сфере миграции по итогам 12 месяцев 2020 года.

Верховного комиссара ООН по делам беженцев оценивает число мигрантов, пребывающих только с территории Украины с 24.02.2022 в количестве более 14,8 млн. человек. Процесс исхода украинских вынужденных переселенцев в государства-члены Европейского союза продолжается, но темпы его существенно снижаются в сравнении с первыми месяцами. По данным УВКБ ООН, беженцы с территории Украины перемещаются в Польшу (5,9 млн человек), далее следуют: Венгрия (1,3 млн), Румыния (1,1 млн), Словакия (757 тыс.), а также Молдавия (600 тыс.). С начала января по конец июня в Германию приехало более 900 тыс. украинцев, что превышает количество просителей убежища в острую фазу миграционного кризиса 2015-2016 годов. Вместе с тем Польша предоставила временную защиту большому количеству украинцев из всех стран Евросоюза – разрешения получили 1,3 млн беженцев. Следом за ней идут: Германия (967 тыс.), Италия (142 тыс.), Испания (131 тыс.), Болгария (125 тыс.). В период с 18.02.2022 по 01.11.2022 с территории Украины, ДНР и ЛНР через пункты пропуска на территорию России прибыло более 4,7 млн человек, в т.ч. более 705 тыс. детей³. По данным крымского пограничного управления ФСБ РФ на 27 апреля 2022 года на территории Республики Крым насчитывалось порядка 80 тысяч вынужденных переселенцев. Приведенная статистика свидетельствует о том, что страны ЕС продолжают переживать самый крупный за последние десятилетия миграционный кризис.

3) миграция как демографический ресурс страны (перекрывает убыль населения за счет притока иммигрантов) и проблем, связанных с трудовой занятостью. Сегодня демографическая проблема для России приобретает угрожающие масштабы. Среди причин можно назвать и последствия первой мировой войны 1914-1918, гражданскую войну 1917-1922, голод 1932-1933, массовые репрессии, продолжающиеся с 1930 по 1953, Великая отечественная война 1941-1945, послевоенный голод, экономические проблемы 90-х годов, падение уровня рождаемости, смертность от болезней. Статистические данные свидетельствуют о том, что по состоянию на 1 мая 2022 года население России составляло 145,2 миллионов человек. Сведения Росстата показывают, что в течение последних пяти лет численность людей сокращается. Рост населения в любой стране может быть обеспечен двумя источниками: естественным приростом - разницей между числом родившихся и умерших - и миграцией. Однозначно, миграция рассматривается во многих государствах как демографический ресурс. Но для того, чтобы этот ресурс давал желаемый результат в государстве, должны быть приняты специальные программы, которые ориентированы на прием мигрантов, в которых предусмотрены механизмы адаптации, интеграции, включения иммигранта в общество.

Не следует исключать из внимания и тот факт, что миграция из стран дальнего зарубежья однозначно повлияет на изменение культурного состава и национальной составляющей страны, причем за очень короткий промежуток времени. Следует отметить, что сегодня из шести миллионов иностранцев 9 % пребывают в России без законных на то оснований⁴.

Важное место в системе профилактики незаконной миграции занимают органы внутренних дел. В рамках полномочий, возложенных на них действующим законодательством, они осуществляют:

1) анализ миграционной обстановки, а также мониторинг мест компактного проживания (пребывания), массовой постановки на миграционный учет, осуществление трудовой деятельности иностранных граждан, на основе которого определяется перечень проверяемых объектов и разработка перечня мер по проведению мероприятий.

2) оперативно-розыскные и профилактические мероприятия на обслуживаемой территории.

3 Мониторинг международной информации о ситуации, связанной с событиями на Украине (по состоянию на 6-13 сентября 2022 года).

4 Выступление В Колокольцева в Совете Федерации ФС в рамках «правительственного часа» [Электронный ресурс]- Режим доступа: <http://МВД.РФ/news/>.

3) проверку мест проживания, трудовой деятельности и концентрации иностранных граждан и лиц без гражданства, с целью установления и документирования фактов нарушения ими миграционного законодательства.

4) проверку ключевых объектов интересов этнических криминальных структур – оптово-розничные рынки, места торговли и сетевых предприятий торговли на предмет исполнения требований миграционного законодательства.

Вместе с тем следует отметить, что ни один законодательный акт не содержит указаний на конкретные профилактические и пресекающие мероприятия подлежащие реализации органами государственной власти при осуществлении противодействия незаконной миграции, круг субъектов участвующих в противодействии незаконной миграции нормативными правовыми актами не предусмотрен, представляется, что он значительно шире субъектов правоохранительной деятельности.

Все указанные факторы и обстоятельства свидетельствуют о необходимости и важности усиления внимания к правовой стороне проблемы, к деятельности государства и его структур в направлении укрепления миграционной безопасности Российской Федерации. Именно с этой целью в России была принята Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая, направлена на оптимизацию миграционных потоков в Российской Федерации. Кроме того, она является базой для совершенствования государственной миграционной политики в современных геополитических условиях

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что:

1) миграционная политика России является составной частью государственной внешней и внутренней политики, а соответственно, ее реализация одна из приоритетных задач государства.

2) успешному развитию миграционного законодательства во многом может способствовать развитие стратегического планирования в сфере миграции.

3) миграционная ситуация подвержена изменениям, в связи с чем миграционное законодательство требует постоянного совершенствования, как на федеральном, так и на региональном уровне.

4) механизм миграционного контроля сосредоточен в нормативных правовых актах, что однозначно вызывает сложности как у правоприменителей, так и у иностранных граждан и лиц без гражданства.

5) анализ нормативных актов, посвященных противодействию незаконной миграции, позволяет прийти к выводу, что в настоящее время механизм противодействия указанному явлению характеризуется эпизодическими, ограничительными, запретительными и карательными мерами, которыми достигается цель – пресечение, тогда как, взаимосвязанных, непрерывных четко скоординированных профилактических мер с возложением конкретных функций на органы государственной власти всех уровней, действующие нормативные правовые акты не предусматривают [2].

Очевидно, что незаконная миграция является не только противоправным деянием, за которое предусмотрено наказание, но и реальной угрозой национальной безопасности. Поэтому, все указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости и важности усиления внимания к правовой стороне проблемы, к деятельности государства и его структур в направлении укрепления миграционной безопасности Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Информация о социально-экономическом положении России (январь-сентябрь 2020) / Росстат. – Москва, 2020. – 118 с.
2. Яхина Ю. Э., Самигуллин В. К., Казамиров А. И., Вицке Р. Э., Хазиева Р. Р. Миграционные процессы в современной России: проблемы и тенденции правового регулирования // Учебное пособие. – Уфа, 2019. – 58 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-99-100

НОВИКОВА Оксана Ивановна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета

РУДМАН Марк Наумович

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ И КРИЗИС ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА (ЧАСТЬ 2)

В статье представлен анализ исторических предпосылок закрепления в конституционном законодательстве социальных прав. С позиций интегративного подхода рассматриваются кризис индустриального общества как системная основа конституционного регулирования права личности на социальное страхование со стороны государства, а также объективные проблемы внедрения системы социального страхования как угрозы принципам правового государства.

Ключевые слова: индустриальное общество, социальные права, публичное право, социалистическое право, социальное страхование, самореализация личности.

NOVIKOVA Oksana Ivanovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of law of the Bashkir State University

RUDMAN Mark Naumovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of law of the Bashkir State University

THE PROBLEM OF UNIVERSALITY OF SOCIAL RIGHTS AND THE CRISIS OF THE LEGAL STATE (PART 2)

The article presents an analysis of the historical prerequisites for the consolidation of social rights in the constitutional legislation. From the standpoint of an integrative approach the authors examine the crisis of industrial society as a systemic basis for the constitutional regulation of the individual's right to social insurance provided by the state, as well as objective problems of the introduction of the social insurance system as a threat to the principles of the rule of law.

Keywords: industrial society, social rights, public law, socialist law, social insurance, personal self-realization.

В результате закрепления социально-экономических прав Всеобщая декларация соединила, по выражению Ф. Хайека, «права западной либеральной традиции с совершенно иного рода концепциями, ведущими происхождение от идей марксистской революции в России» [3, с. 271]. Декларация дополняет список классических гражданских прав, перечисленных в первых двадцати одной статьях, семью дополнительными обязательствами, соответствующими новым «социально-экономическим правам». В этих дополнительных пунктах «каждому, как члену общества» гарантируется удовлетворение положительных притязаний на конкретные услуги, и при этом ни на кого не возлагается обязанность или бремя их предоставления. Всеобщая декларация не дает юридически точного определения этих прав, что не позволяет суду определить их содержание в каждом конкретном случае. Поэтому практическое воплощение социально-экономических прав как принципов Всеобщей декларации остается нерешенной проблемой, в первую очередь, для юриспруденции.

Утверждение ст. 22 Всеобщей декларации о том, что каждый «имеет право... на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях» поэтому не может считаться юридическим текстом. Предельно расплывчатый характер имеют формулировки п. 1 ст. 23 о праве «каждого» на «справедливые и благоприятные условия труда» и п. 3 ст. 23 на «справедливое и удовлетворительное вознаграждение». И абсолютно не имеет отношения к юридической технике формулировка п. 1 ст. 27 о праве на свободное участие в культурной жизни общества, наслаждение искусством, участие в научном прогрессе и использование его благ. Объективная слабость юридической техники в формулировках социально-экономических прав объясняется не ошибкой авторов Всеобщей декларации, а объективной проблемой правового регулирования, возникшей как единственно возможный ответ цивилизации на вызов кризиса классической рыночной экономики в форме безработицы. Единственным способом выживания общества стало развитие государственного регулирования, которое путем государственного принуждения изыскивает средства для формирования государства как целенаправленно создаваемой публичной организации, которая каждому дает работу и обеспечивает «достойные условия». В содержании Всеобщей декларации отражен грядущий кризис либеральной концепции личной ответственности. Очевидно, что перекладывание

ответственности за поиск работы и обеспечение иных социальных прав – идея, подвергающаяся обоснованной критике. Главным аргументом в ее защиту является отсутствие иных вариантов сглаживания противоречий между «трудом и капиталом». «Мы сумеем продемонстрировать неверность решения, основанного на первом правиле, лишь в том случае, если сможем найти это другое правило или показать, что оппонент и сам бы не согласился с применением первого правила во всех ситуациях, к которым оно приложима» [3, с. 183]. У. Черчилль утверждал, что «демократия – наилучшая форма правления, но ничего лучшего люди не придумали». Аналогично можно ответить на экономическую и юридическую критику социальных прав «второго поколения». Их отсутствие в системе правового регулирования общественных отношений ведет к массовому отчаянию, степень которого наглядно проявилась в череде социальных конфликтов, вершиной которых стала Вторая мировая война. И включение социальных прав во Всеобщую декларацию является демонстрацией незаменимого способа прекратить этот поток воспроизводящих друг друга войн. Пережитые обществом потрясения доказали объективную необходимость законодательной фиксации социальных прав, влекущие за собой формально юридические ограничения экономической самостоятельности личности, конституционное закрепление пределов прав и свобод, выраженные теперь уже в нормативной форме в институте конституционных обязанностей индивида перед обществом, провозглашенных в ст. 29 Всеобщей декларации. Юридически такие обязанности регулируются национальными правительствами, которые согласно п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации «могут устанавливать такие ограничения только для обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [4, с. 39].

Неконкретное содержание формулировок Всеобщей декларации объясняется в целом тем, что юридически не создают обязательных для государств норм поведения, то есть носят рекомендательный характер. Особенность статей Всеобщей декларации как принципов правового регулирования общественных отношений внутри национальных государств состоит в том, что по отношению к правительствам национальных государств они носят диспозитивный характер. Но влияние перечисленных принципов обусловлено тем, что обязательный характер они имеют в пределах государств, являющихся лидерами в жизненно важных сферах развития

общества. На этом основании можно сделать вывод о том, что принципы Всеобщей декларации прав человека, являясь выработанными на основе длительной социальной практики общечеловеческими ценностями, определяют уровень эффективности правового регулирования общественных отношений, сплачивая общество в нацию, и обеспечивая, таким образом, внутреннее единство, стабильность и темпы развития могущественных государств. Именно их единство определило исход Второй мировой войны как прецедента объединения государств с различным общественным строем, которые смогли стать союзниками на общей платформе признания недопустимости государственно организованного массового нарушения фундаментальных прав и свобод человека в практике тоталитарных государств нацистского блока.

Противоречивость этого союза оформилась исторически и состоит в различных принципах организации государственного управления, отношения к собственности, политическим правам и свободам. Но сам факт такого союза показал жизнеспособность принципов признания, соблюдения и защиты государствами фундаментальных прав и свобод человека, признаваемых отныне общечеловеческими ценностями. Приоритет политических, гражданских и экономических прав и свобод, с одной стороны, и, социальных прав, с другой стороны, не стал барьером для союза «сверхдержав» перед лицом угрозы тоталитарного нацистского режима.

Общечеловеческий потенциал принципов прав человека, достойных закрепления на уровне норм международного права, наглядно проявил себя в ходе Второй мировой войны. Всесторонняя экономическая, политическая, технологическая, идеологическая, мобилизационная эффективность национал-социалистического режима и его союзников в итоге не выдержала противостояния с режимами, основанными именно на общечеловеческих по содержанию идеях именно потому, что ставка на отрицание идеалов «свободы, равенства и братства» с наглядной государственной дискриминацией «недочеловеков» вплоть до физического истребления на оккупированных территориях ограничивала военно-политические ресурсы нацистов. Противоположное состояние было у сверхдержав, объединившихся в 1941 году в антигитлеровскую коалицию. Изначальная опора на общечеловеческие ценности в ходе государственно-правового строительства давала странам либеральной демократии, с одной стороны, и Советскому Союзу, с другой стороны, практически неограниченные пропагандистские, а, следовательно, и человеческие и материальные ресурсы.

Но урок Второй мировой войны поставил под вопрос именно универсальность принципа государственного суверенитета, который в случае агрессии суверенного государства может и должен быть ограничен. Усвоение этого урока и привело к созданию Организации Объединенных Наций, ведущая цель которой состояла и состоит в демонстрации потенциальному агрессору изначальной безнадежности любых попыток системного нарушения общечеловеческих ценностей. Именно различия в социальном опыте и способах его реализации на уровне правовой системы наций, учредивших ООН, обуславливали необходимость выработки общих норм – принципов как признанных всеми ценностей, нарушение которых в мировом сообществе недопустимо. И при всех указанных выше противоречиях огромное значение для развития теории и практики правового обеспечения жизнеобеспечения общества имеет именно тот факт, что проанализированные права – принципы «первого поколения» и «второго поколения» были соединены в пределах одного документа – Всеобщей декларации прав человека.

Противоречия сохранились, но теперь, при сформулированной во Всеобщей декларации системе принципов, они стали основой для мирного соревнования стран с различной общественной системой в пределах одного поля общечеловеческих ценностей, которое можно определить как создание при помощи институтов прав человека максимально благоприятных условий для самореализации личности. И на этом правовом поле государства – участники антигитлеровской коалиции с переменным успехом соревнуются по настоящее время. Различия следует определить как разные способы достижения одной и той же цели самореализации личности.

Сделать эти принципы обязательными нормами было невозможно потому, что такой подход перечеркивал бы институт суверенного государства, изначально не допускающий императивного по характеру регулирования извне. То есть жесткий характер правового и политического регулирова-

ния международным сообществом в лице ООН универсальных прав и свобод человека невозможен по той причине, что он потребовал бы отказа от принципа национального суверенитета. В этом смысле нормы Всеобщей декларации не могут являться императивными принципами, любое нарушение которых должно преследоваться на основе процессуального механизма, созданного ООН. Сама возможность такого механизма объективно блокируется признанием суверенитета национальных правительств. Но сила рекомендательного влияния принципов Всеобщей декларации состоит в том, что государства, реализовавшие в наибольшей степени эти принципы на уровне общеобязательных норм национального конституционного права, добиваются наибольших успехов в обеспечении политической стабильности и эффективности реализации «человеческого потенциала». Национальные правовые системы таких государств-лидеров служат эталоном для остальных государств как членов мирового сообщества, естественным образом заинтересованных в обеспечении политической стабильности и экономического процветания как универсальных взаимосвязанных параметров. Сопоставление успехов и проблем, возникающих в разных государствах на этом пути при всех местных различиях, позволяет утверждать, что только совокупная реализация в правовой политике принципов соблюдения личных, гражданских, экономических, политических и социальных прав человека обеспечивает условия для самореализации личности, которые и являются универсальной основой для стабильности и процветания общества и государства. Такой вывод может быть обоснованным только при условии постоянного поиска и поддержания разумного и обусловленного конкретно-историческими условиями жизнеобеспечения общества баланса между правами и свободами, не требующими фактического угнетения соотечественников через рост публичных расходов, и социальными правами, требующими таких расходов для обеспечения политической стабильности.

Нарушение достигнутого путем выявления оптимального для конкретного общества с учетом его исторических традиций баланса политических, гражданских, экономических и социальных прав, то есть прав «первого поколения» и «второго поколения» – есть нарушение баланса свободы и равенства в конкретной правовой системе. Оно неизбежно порождает угрозу свободе как ведущему условию самореализации личности – высшей ценности цивилизации индустриальной и постиндустриальной эпох. Для общества и государства в целом неограниченный рост публичных расходов неизбежно ведет к потере стимулов к индивидуальному труду и творчеству, то есть к отсталости, как в плане способов обеспечения политической стабильности, так и в сфере реализации творческого потенциала индивидов. Надо подчеркнуть, что эта угроза носит объективный характер и реализуется не столько в тех или иных внешних санкциях, сколько в неизбежной потере доверия к правительству, не способному обеспечить условия для творческой самореализации жителей своей страны, которая влечет за собой общую социально-психологическую пассивность или, наоборот, рост популярности экстремизма. Противостоять таким губительным для любого национального сообщества явлениям можно только путем сбалансированного обеспечения в системе национального законодательства всего комплекса прав, представляющих собой защищенные публичной властью возможности творческой самореализации личности.

Пристатейный библиографический список

1. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. - М.: Статут, 2014. - 456 с.
2. Хайек Ф. А. Дорога к рабству: Монография / Пер. с англ. М. Гнедовского. - М.: Новое издательство, 2005. - 264 с.
3. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики: Монография / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. - М.: ИРИСЭН, 2006. - 644 с.
4. Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории: пер. с англ. / Под ред. Н. И. Колышкина. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. - 688 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-101-103

СУЛЕЙМАНОВ Фуат Мурзагалиевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибайского института (филиала) Уфимского университета науки и технологий

ТАКТАЕВА Зульфия Равилевна

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибайского института (филиала) Уфимского университета науки и технологий

ИНСТИТУТ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Институт компенсации морального вреда является новым и одним из динамично развивающихся правовых явлений. Практика применения данного института показывает, что существуют спорные проблемы, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Одним из последствий неправомерного поведения может выступать моральный вред, причиненный человеку, который зачастую вызывает большую степень нравственных переживаний и страданий, чем причиненный материальный вред. Поэтому в статье была предпринята попытка анализа концепций морального вреда и практики применения данного правового института в современном обществе.

Ключевые слов: мораль, моральный вред, возмещение, компенсация, нравственные переживания, физические страдания, психический вред, оценка морального вреда, неправомерные действия, защита прав граждан.

SULEYMANOV Fuat Murzagalievich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Sibay Institute of the Ufa University of Science and Technologies

ТАКТАЕВА Zulfya Ravilevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Sibay Institute of the Ufa University of Science and Technologies

INSTITUTE OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE: SOCIO-LEGAL ASPECTS

The institute of compensation for moral damage is a new and one of the dynamically developing legal phenomena. The practice of applying this institute shows that there are controversial problems both in theoretical and in practical aspects. One of the consequences of misconduct may be moral damage caused to a person, which often causes a greater degree of moral feelings and suffering than the material harm caused. Therefore, the article attempted to analyze the concepts of moral damage and the practice of applying this legal institution in modern society.

Keywords: moral, moral damage, reimbursement, compensation, moral experiences, physical suffering, mental harm, assessment of moral damage, illegal actions, protection of citizens rights.

Любое правовое государство должно ценить естественные права и свободы человека, его нравственные ценности и предусматривать разумную и справедливую защиту в форме компенсации причиненного вреда. Одним из последствий неправомерного поведения может выступать моральный вред, причиненный человеку, который зачастую вызывает большую степень нравственных переживаний и страданий, чем причиненный материальный вред.

Вряд ли найдется такой человек, который никогда не испытывал моральные страдания, т.к. наша современная жизнь еще далека от совершенства, от идеального общества. Наше современное общество является потребительским и порождает, в терминологии Г. Маркузе, «одномерного человека», стремящегося к удовлетворению, прежде всего, материальных ценностей – выгоды и пользы для себя [4, с. 73]. Такой человек неизбежно порождает неправомерные действия, причиняя не нравственные страдания другим людям.

Жизнь, здоровье, благополучие, честное имя, честь, достоинство, репутация, неприкосновенность частной жизни и т.д. – все это основные нравственные ценности любого человека. Эти ценности представляют собой нематериальные блага. В результате неправомерных действий эти ценности могут оказаться незащищенными, им может быть нанесен вред. Вред, причиненный нематериальному благу, по своей правовой природе, является моральным. Закономерно, что государство должно осуществлять защиту этих ценностей, нематериальных благ. Следует отметить, что в современном российском гражданском праве предусмотрена более эффективная защита имущественного права граждан, чем их нематериальные блага. Поэтому государство в должной мере должно осуществлять защиту этих прав, справедливо возмещать или компенсировать моральный вред, причиненный гражданам.

Компенсация морального вреда – относительно молодой институт в российской правовой системе, хотя определенные завершённые теоретические концепции возмещения морального вреда возникли еще до революции, а некоторые воззрения существовали и ранее. Так, еще в 1910 г. правовед С. А. Беляцкий утверждал: «Как известно, под моральным вредом, подлежащим возмещению, разумеют страдания и лишения физические и

нравственные причиненные потерпевшему неправомерной деятельностью делинквента» [1, с. 43].

Анализ исследований российских цивилистов дореволюционного и советского периодов по этой проблеме показывает, что многие исследователи подчеркивали нравственный аспект этого вопроса, указывали на трудность материальной оценки морального вреда и невозможность компенсации страданий человека в денежном значении. Так, такие авторитетные ученые – юристы, как Г. Шершеневич [8, с. 37], Л. Петражицкий [5, с. 84] были противниками материальной компенсации морального вреда. Поэтому начало советской доктрины было связано с воззрением о недопустимости компенсации морального вреда. Эта концепция сохранилась и после Октябрьской революции.

В силу того, что в российском праве применялась исключительно практика возмещения только материального вреда, институт компенсации морального вреда развивался медленно. Институт компенсации морального вреда считался чуждым, характерным для буржуазного общества, а всякое незаработанное, нетрудовое, обогащение расценивалось, как аморальное. Такая идеология способствовала тому, что данный институт не прижился у нас в России. Более того, в советское время институт компенсации морального вреда был подвергнут критике со стороны общественности и науки, т.к. он рассматривался как явление, унижающее честь и достоинство человека.

Первое закрепление возможности возмещения морального вреда появилась в Основах гражданского законодательства Союза ССР и Республик от 31.05.1991 г.¹ В этом документе, а, именно в статье 131, «моральный вред» трактуется как физические или нравственные страдания, причиненные гражданину неправомерными действиями. Действующее же законодательство определяет данное понятие в статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации².

1 Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211–1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. [Элек-

Многие современные правоведы считают данный институт порождением западной политики либерализма, ничего общего, не имеющего с подлинной защитой прав человека. С этим мнением трудно согласиться, т.к. наряду с тем, что у прав человека есть не только юридическое, но и моральное измерение, которое многие исследователи и практики сегодня игнорируют. Поэтому практика применения данного института носит скорее декларативный, чем прикладной характер.

Следует отметить, что категория моральный вред неоднозначно трактуется российскими правоведами. На наш взгляд, представляют интерес работы тех правоведов, которые придерживаются более широкого подхода к этой проблеме. Так, например, М. Малеева считает, что «моральный вред может выражаться в таких эмоциях и чувствах человека, как страх, стыд, беспомощность, унижение и иные переживания. Как она отмечает, часто нарушение права сопровождается и моральным, и физическим вредом. Поэтому она исходит из того, что не надо противопоставлять понятия физический и моральный вред. Правильно рассматривать моральный вред как физические и нравственные переживания» [3, с. 27].

Таким образом, проведенный нами анализ, показывает различное понимание и толкование категории «компенсация морального вреда» и, как следствие, отсутствие единой оценки, единого подхода в практике применения данного института, что порождает массу теоретических и процессуальных проблем в судопроизводстве. На это влияют, на наш взгляд, следующие причины.

Во-первых, отсутствие единой позиции к определению категории моральный вред, различное толкование (нематериальный вред, немущественный, психологический, нравственный и т.д.).

Во-вторых, отсутствие единого подхода и единой шкалы в оценке и методике расчета суммы компенсации при защите прав граждан. Как показывает судебная практика, в России компенсация морального вреда оценивается крайне низкими суммами. Это обстоятельство и останавливает людей от попыток получить компенсацию за причиненный моральный вред.

Рассмотрим подробнее причины несовершенства института компенсации морального вреда.

Так, категория «моральный вред» является специфичным термином, т.к. оно включает два понятия: мораль и вред. Кроме того, данное понятие необходимо рассматривать в разрезе права и морали.

Само понятие вред в широком смысле определяется как ущерб, порча, потеря, убыток или урон. Толковый словарь В. И. Даля дает следующее понятие вреда: «это последствия всякого повреждения, порчи, убытка, вещественного или нравственного, всякое нарушение прав личности или собственности, законное и незаконное» [2, с. 64].

Чтобы выяснить, какой вред является моральным, необходимо проанализировать понятие мораль. Мораль – это весьма противоречивое явление, представляющее собой, наряду с правом форму социального контроля поведения человека в обществе.

Моральные стандарты очень сильно отличаются в разных культурах. Так, один и тот же поступок может быть расценен неодинаково в разных культурах. Допустим, в западной культуре он может определяться, как социальная норма, а в восточной – как отклонение, девиация и, наоборот. Такая оценка будет зависеть от ментальных, национальных ценностей, традиционных установок, национального сознания и других факторов. Эти культурные различия, как считают некоторые исследователи, в частности Сулейманов Ф. М., Тактаева З. Р., «приводят зачастую представителей разных культур к конфликтным ситуациям и создают недопонимание в коммуникации» [7, с. 83].

Разные культуры представляют собой и разные правовые системы. Ориентиром для определения компенсации морального вреда в разных культурах могут быть различные критерии, такие, как пол, возраст, характер и темперамент, образованность и социальное положение, состояние здоровья, эмоциональная чувствительность и устойчивость к стрессовым ситуациям и т.д. Это обстоятельство и определяет неодинаковое понимание категории морального вреда, что обуславливает неоднозначное его применение в разных культурах.

Кроме этого, термин «моральный вред» используется в различных значениях в теории права. В качестве синонимов применяются такие понятия, как нравственный, нематериальный, немущественный, психический вред и пр.

На наш взгляд, термин «моральный вред» включает в себя два элемента: физические и нравственные страдания. Такое понимание раскрывается в статье 151 Гражданского кодекса РФ. Моральный вред определяется как физические и нравственные страдания, причиненные гражданину действиями, нарушающими

ми его личные немущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага³.

Однако не все авторы согласны с таким определением. Более узкое определение дают исследователи В. М. Савицкий и И. И. Потеружа. Они акцентируют внимание только на нравственных переживаниях человека, отмечая, что «моральный вред заключается в нарушении объективных прав гражданина, путем оскорбления его чести и достоинства в глазах других людей, в связи с чем, у пострадавшей стороны возникают нравственные страдания» [6, с. 6].

Цивилист А. М. Эрделевский предлагает более узкое понимание термина моральный вред. По его мнению, «моральный вред представляет собой психический вред, поскольку вызывает негативные психические реакции в организме у человека» [9, с. 19].

Так, авторы исключают из категории моральный вред физические страдания человека, акцентируя внимание или только на нравственных или на психических переживаниях. На наш взгляд, категория морального вреда обязательно должна включать два элемента:

1. Нравственные страдания – это внутренние переживания, которые негативно отражаются на благополучии и жизни человека. Как мы отмечали выше, примером моральных переживаний могут быть такие чувства, как стыд, гнев, тревога, унижение, отчаяние, нервозность, вспыльчивость, подавленность и другие.

2. Физические страдания – неприятные чувства, последствия физиологического характера, которые выражаются в форме боли и других проявлениях организма человека (лихорадка, головокружение, головная боль и т.п.).

Второй значимой причиной несовершенства института компенсации морального вреда является отсутствие единого подхода в методике, практике применения и оценки размера компенсации причиненного морального вреда. Так, противники института компенсации морального вреда, как мы отмечали выше, указывали в качестве главного аргумента трудность материальной оценки морального вреда и невозможность компенсации страданий человека в денежном значении.

Нравственные страдания можно рассматривать и оценивать в разрезе представлений о добре и зле. В силу различных психологических особенностей человека его нравственные страдания могут иметь различную степень. Так, у одного человека они могут продолжаться 2 месяца, а у другого – 2 года. Кто-то может их переносить очень бурно, а люди с тонкой душевной организацией могут переносить их долго и в скрытой форме. Поэтому на практике закономерно возникают вопросы по поводу того, кто и как будет определять степень страданий человека. Следует выявить, какой специалист должен быть экспертом в этом вопросе: психолог, социолог, врач-психиатр или какой-нибудь другой узкий специалист. Кроме этого, необходимо найти критерии для оценки компенсации морального вреда, учитывая то, что само понятие морального вреда рассматривается неоднозначно. Следует отметить, что такая экспертиза в настоящее время применяется крайне редко, т.к., мнения экспертов - это субъективные оценки, а судьям не привычно оценивать душевные переживания человека. В то же время такие эксперты, не имеющие юридического образования, не вправе квалифицировать деяния причинителя морального вреда. Как пишет исследователь М. Малеева, «нельзя учитывать только субъективное восприятие потерпевшего, в качестве определения размера компенсации должна учитываться общественная оценка фактического обстоятельства, вызвавшего дисконфорт» [3, с. 27].

Небольшие суммы возмещения морального вреда в России стали обыденной практикой. Так, назначенные судом низкие суммы компенсации не способны компенсировать вред, нравственные переживания и физические страдания человека. Основной причиной, на наш взгляд, является отсутствие в законодательстве и правовой практике единого подхода к определению размеров сумм компенсации морального вреда. Каждый районный суд имеет свою определенную практику в решении данного вопроса. Это приводит к ситуациям, когда за гибель человека назначаются суммы компенсации морального вреда, существенно отличающиеся в размерах. Такое положение вещей противоречит нормам статьи 19 Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом⁴.

Вместе с тем, более высокие суммы, присуждаемые в качестве компенсации морального вреда способны служить сдер-

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142.

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 №

живающим фактором от посягательств на права граждан, более внимательному отношению сторон в гражданском праве к соблюдению законодательства, договорных отношений, норм и правил. Практика возмещения значительных для ответчика сумм возмещения морального вреда может послужить инструментом снижения загруженности судов, поскольку будет способствовать стремлению к досудебному урегулированию возникающих конфликтов.

На итоговую сумму компенсации могут влиять личность пострадавшего, его действия в момент причинения вреда, имущественное положение причинителя ущерба, наличие иных денежных возмещений в пользу истца, помимо компенсации морального вреда, сложившаяся судебная практика в регионе рассмотрения дела, уровень жизни населения и другие.

Суммы присуждаемых компенсаций могут различаться в несколько раз в различных регионах страны, однако если в ряде случаев кратные различия вполне понятны, исходя из обстоятельств дела, то зачастую огромная разница в выплатах ничем не обоснована. Такое положение вещей противоречит принципу равенства всех перед законом и судом. Причина таких различий кроется исключительно в отсутствии единого подхода в этом вопросе.

Кроме этого, нужно отметить, что важной проблемой судебной практики в сфере применения данного института в нашем обществе является отсутствие минимальных, максимальных и средних пороговых значений такой компенсации. Поэтому возникают существенные различия в судебной практике, поскольку в настоящее время судьи ориентируются на собственные представления о соразмерности и справедливости назначаемой судом компенсации морального вреда, которые, естественно, будут отличаться у каждого отдельного представителя судебной системы и зависеть от внутренних моральных установок.

Таким образом, проведенный анализ отечественной судебной практики показывает, что существует ряд факторов, которые негативно влияют на практику применения компенсации морального вреда и обуславливают несовершенство данного института:

- 1) отсутствие единой позиции в определении минимально и максимально возможных размеров суммы компенсации морального вреда;
- 2) отсутствие единого подхода в оценке морального вреда, при рассмотрении судами дел, схожих по обстоятельствам;
- 3) существенное различие в оценке морального вреда в системе общественного сознания и судопроизводства.

Отсутствие единого подхода к определению минимальных и максимальных размеров возможных сумм компенсации морального вреда, в особенности минимальных ее размеров, приводит к появлению таких дел, когда назначается лишь формальная компенсация, поскольку законодательно предусмотрена возможность и необходимость такой защиты прав человека в конкретном деле, но не определен размер суммы, который может быть назначен в качестве минимально возможного. Поэтому закономерно, что незначительные суммы компенсации не способствуют предупреждению неправомерных действий причинителя морального вреда злоупотреблений со стороны ответчиков в будущем. Это, в свою очередь, лишает институт компенсации морального вреда сдерживающей и предупредительной функции.

Отсутствие единой позиции в оценке морального вреда приводит к ситуациям, когда назначаются сильно различающиеся суммы компенсаций в схожих, по своим обстоятельствам, делах. Так, отсутствие такого единого подхода в судебной практике приводит к случаям, когда сумма возмещения морального вреда за перелом руки в одном деле соразмерна с суммой компенсации за смерть человека в другом.

Существенное различие в оценке морального вреда в системе общественного сознания и судопроизводства формирует недоверие общества к суду и мнение о его бесполезном и несправедливом характере при обращении граждан за компенсацией моральной вреда и защите иных прав.

В процессе введения единого механизма оценки морального ущерба необходимо проведение ряда исследований общественного мнения. Такие исследования необходимы для установления представлений о справедливости и достаточности компенсации морального вреда в обществе. Учёт результатов таких исследований позволит повысить уровень доверия граждан к системе правоприменения в процессах, связанных с возмещением морального вреда.

На наш взгляд, в целях совершенствования института компенсации морального вреда в современном российском обществе, следует разработать единую шкалу оценки морального вреда. В судебной практике необходимо принять за основу определенную величину стоимости человеческой жизни и определе-

ния суммы компенсации в случае гибели человека. Это позволит рассчитать размеры компенсации вреда здоровью различной степени тяжести.

Реализация такого механизма регулирования сумм компенсаций морального вреда позволит определить минимальные и максимальные размеры выплат и избежать существенных различий в расчётах денежного возмещения морального вреда.

В результате проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в юридической науке существуют некоторые расхождения относительно сущности морального вреда. Исследователи единодушны в том, что моральный вред представляет собой страдания. Одни исследователи акцентируют внимание на психических страданиях, другие на нравственных, третьи полагают, что моральный вред — это сочетание, как физических, и нравственных страданий. Мы склоняемся к мнению, что моральный вред включает и нравственные, и физические страдания.

Во-вторых, практика решения судов по делам о взыскании и возмещении морального вреда, а именно в определении размеров компенсации морального вреда, носит довольно противоречивый и непоследовательный характер. Это объясняется отсутствием четких и однозначных ориентиров в отечественном законодательстве, определяющих размеры компенсации морального вреда. Субъективное мнение судьи по вопросу компенсации морального вреда может зависеть от уровня правовой культуры, менталитета, и в первую очередь, от его нравственного сознания. Такая ситуация приводит к произвольному толкованию норм, регулирующих данный институт и установлению различных размеров компенсации морального вреда. Мы полагаем, что роль института компенсации морального вреда будет возрастать и укрепляться в современном российском обществе, а практика его применения будет эффективной и обеспечивать разумную защиту его нарушенных прав и, самое главное, справедливую компенсацию, соразмерную моральным страданиям потерпевшего лица.

В-третьих, появление института компенсации морального вреда и самой возможности материальной компенсации моральных страданий следует считать значимым аспектом в развитии правовой культуры и важным этапом на пути формирования подлинного правового государства. Однако, следует отметить, то, что сегодня мы являемся свидетелями эволюции моральных ценностей и прав человека в современном многокультурном мире. Меняется парадигма восприятия этих понятий в современных условиях, а за ней и система механизмов их продвижения и защиты. Многие эти изменения вызывают серьезные опасения. Поэтому важной задачей в применении института компенсации морального вреда является то, чтобы правовая теория и практика ориентировались на общечеловеческие ценности, разграничивающие добро и зло, моральное и аморальное, гуманное и негуманное. Ведь как общественная, так и субъективная оценка морального вреда будет напрямую зависеть от уровня нравственности общества, а эффективное применение данного института будет сдерживать людей от неправомерных действий. Иными словами, нормы морали и права не должны расходиться в решении вопросов и проблем компенсации морального вреда. В этом и есть истинный смысл права как формы социальной регуляции поведения человека и механизма защиты прав и свобод граждан в обществе. Формирование такой правовой культуры будет выступать важным аспектом устойчивого развития правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Беляцкий С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. - М.: ОАО «Издательский Дом «Гордец», 2005. - С. 43.
2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. - М.: АСТ, 2020. - С. 64.
3. Малеина М. Н. Компенсация за неимущественный вред // Вестник Верховного Суда СССР. - 1991. - № 5. - С. 27-29.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: АСТ: Ермак, 2003. - С. 73.
5. Петражицкий Л. И. Возмещение нематериального вреда с точки зрения социальной политики // Право. - 1900. - № 16. - С. 84.
6. Савицкий В., Потеружа И. Потерпевший в советском уголовном процессе. - М.: Госюриздат, 1963. - С. 6.
7. Сулейманов Ф. М., Тактаева З. Р. О причинах возникновения ксенофобии и путях ее преодоления // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 1 (152). - С. 83-85.
8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. - М.: тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1911. - С. 37.
9. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда. - М.: Волтерс, 2004. - С. 19.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-104-106

ИШМУХАМЕТОВ Самат Рустемович

аспирант, ассистент кафедры международного права и международных отношений Уфимского университета науки и технологий

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ КАК ОБ ОДНОМ ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

В настоящей статье обосновывается значимость продуманной и последовательной правовой политики в реалиях сегодняшнего дня. Осуществляется теоретическое осмысление сущности данной категории посредством обращения к анализу авторских позиций.

Делается вывод об исключительном плюрализме понятия «правовая политика» и недопустимости ее ограничения сферой права в строгом смысле. Выявлены ключевые характеристики, позволяющие уяснить суть и смысл правовой политики. Предпринята попытка по предложению авторской дефиниции данной категории, синтезирующей существенные признаки правовой политики.

Ключевые слова: правовая политика, право, политика, государство, власть, механизм, правотворчество, правоприменение.

ISHMUKHAMETOV Samat Rustemovich

postgraduate student, assistant of International law and international relations sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

ON THE ISSUE OF LEGAL POLICY AS ONE OF THE MAIN DIRECTIONS OF STATE POLICY: THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS

This article substantiates the importance of a well-thought-out and consistent legal policy in the realities of today. The theoretical understanding of the essence of this category is carried out by referring to the analysis of the author's positions.

The conclusion is made about the exceptional pluralism of the concept of «legal policy» and the inadmissibility of its limitation to the sphere of law in the strict sense. The key characteristics that make it possible to understand the essence and meaning of legal policy are identified. An attempt is made at the suggestion of the author's definition of this category, synthesizing the essential features of legal policy.

Keywords: legal policy, law, policy, state, power, mechanism, law-making, law enforcement.

Ишмухаметов С. Р.

Вряд ли будет оспорен тезис о том, что в реалиях сегодняшнего дня право выступает в качестве базового регулятора всего плюрализма отношений, складывающихся в социуме. В то же время, при его трактовке в качестве совокупности нормативных предписаний можно выявить лишь статический аспект, когда право является некой абстрактной моделью.

Для того чтобы фундаментальные правовые постулаты смогли претвориться в объективной действительности, необходим действенный и слаженный механизм их использования. Таким механизмом следует считать правовую политику, проводимую государством, поскольку именно она предопределяет вектор развития самого права, экономического, социального, духовного сегментов общества, экономики, а также ролевую модель, избранную государством в рамках международной координации [2, с. 8].

Актуальность анализа сущности и содержательного субстрата правовой политики не подлежит сомнению, поскольку данная категория не имеет временных границ, особенно сейчас, когда праву отведена доминирующая ниша в деле усовершенствования общества и формирования поистине правового, социально ориентированного государства. Правовую политику можно также воспринимать как коммуникацию государства и общества в самом широком значении. До XIX в. осмысление проблем человеческой коммуникации осуществлялось преимущественно в рамках философии [13, с. 138]. В настоящее время обращение к исследованиям правовой политики на уровне доктринальных изысканий позволяет заключить, что данный вопрос имеет высокую научную ценность, и авторы акцентируют внимание на различных

гранях анализируемого явления, от выявления его сущностной природы и содержательного субстрата, до анализа форм и методов его внешней объективации.

Традиционно правовая политика рассматривается в контексте общей теории государства и права, что вполне закономерно и вытекает из своей априорной правовой, юридической сущности. В то же время, при ограничении исследовательской сферы правовой политики областью формальной юриспруденции вряд ли возможно сконструировать целостное представление о правовой политике.

Правовая политика, будучи порождением, преимущественно, сферы государственной деятельности, вместе с тем, объективируется не в сугубо государственно-правовой сфере, но также в социальном сегменте (в широком понимании этого слова). Процесс концептуального оформления правовой политики неизбежно несет на себе отпечаток множества факторов сугубо экономического, психологического, социального и иного характера.

Уже аксиоматичным стал тезис о том, что реальная политика, не являющаяся аморфным образованием с декларируемыми целями, безотносительно к сфере, где она находит свое применение, не получит своего надлежащего практического воплощения при абстрагированности от реального состояния политической, социальной и правовой сфер общества.

Она также немислима без принятия во внимание наличия уровня экономического и культурного развития, специфики воспринятой идеологии и иных значимых факторов. Этот вывод распространяется на все проявления государ-

ственной политики, помимо, собственно правовой политики.

Как отмечает Р. В. Нигматуллин, «в широком плане правовая политика воспринимается как межсистемный институт, в котором «находят свое выражение наиболее значимые социально-экономические, политические, культурные и иные интересы, ценности и т.д., осуществление которых требует официально-властного признания и обеспечения соответствующими государственно-правовыми средствами и механизмами» [9, с. 24].

В то же время, в рамках сущностной идентификации правовой политики важно учитывать, что она, опосредуя иные формы социальной политики, вместе с тем, обладает собственным смысловым и содержательным ядром, и должна восприниматься автономным явлением [10, с. 64].

Аналогичным образом важно указать на недопустимость смешения правовой политики с категориями похожего характера (например, с политическими и правовыми реформами), поскольку именно правовая политика закладывает требуемый фундамент такого реформирования и предопределяет сущность планируемых реформ, их временную протяженность и планируемые результаты [3, с. 54].

На сегодняшний день доктрина в изобилии представлена позициями авторов по вопросу понимания правовой политики. О первых научных исследованиях в данной сфере можно вести речь с 70-х гг. XX века, что вполне закономерно ввиду отсутствия политического плюрализма и социального заказа на последовательную и обоснованную правовую политику.

В числе первых исследователей, проявивших интерес к проблематике правовой политики, был В. Н. Кудрявцев, по мнению которого, для результативного функционирования правовой надстройки объективно необходима научно выверенная программа ее внутреннего развития и совершенствования.

В ней должны найти свое концентрированное выражение аспекты правотворчества и правоприменения, воплощающие собой общий вектор деятельности государства в рамках использования права [4, с. 163].

Приведенная позиция нередко подвергается критике в том ключе, что правовая политика трактуется в качестве некоей программы, стратегии деятельности государства, в то время как она объективирует собой ежедневную, регулярную деятельность государства в сфере формирования и практического воплощения правовых решений, не сводимую лишь к вопросам планирования векторов развития «правовой материи».

Научный интерес к данной категории стал особенно рельефно проявлять себя с начала 1990-х годов, и заслуга в формировании базовых постулатов современной концепции правовой политики по праву принадлежит выдающемуся исследователю А. В. Малько, множество трудов которого обращено к данной проблематике.

Как считает ученый, правовая политика должна пониматься в качестве последовательно осуществляемой, базирующейся на научном обосновании, деятельности государственных структур и институтов гражданского общества в сфере оптимизации правового регулирования и правовой системы в целом [6, с. 123].

Функциональное и целевое предназначение правовой политики А. В. Малько видит в следующих аспектах:

- упрочнение права в качестве стержневого компонента правовой системы путем нивелирования пробелов и коллизий нормативной регламентации;

- обеспечение координации между всеми структурными звеньями правовой системы (прежде всего, между правом, юридической практикой и приоритетными идеологическими установками);

- формирование условий для результативного взаимодействия правовой системы с иными институциональными структурами социальной среды.

Во многом аналогичных воззрений придерживается и Л. Н. Берг, по мнению которого правовая политика воплощает собой «системообразующую концептуальную деятельность публичных структур государства, основывающуюся на научно-обоснованном фундаменте по вопросу об оптимальных векторах развития сегментов общества, имеющих неоспоримую социальную значимость» [1, с. 92]. В этой связи заслуживает внимания правовая политика государства, направленная на создание правовых и организационных составляющих, обеспечивающих международное гуманитарное сотрудничество. Так, на протяжении десятилетий Башкирский государственный университет является участником различных международных контактов [12, с. 127].

Также заслуживает внимания позиция В. А. Затонского, который особенно подчеркнул такой сущностный признак правовой политики как нацеленность на максимизацию качественного уровня правовой жизни и выражение отношения субъектов правовой политики к фундаментальным аспектам развития правовой жизни общества [5, с. 26].

Весьма обстоятельную трактовку правовой политики приводит О. Ю. Рыбаков, отмечая, что она вбирает в себя комплекс идей, целевых установок, методологического инструментария, посредством которых обеспечивается результативное функционирование правовых механизмов и создаются благоприятные условия для всесторонней реализации фундаментальных прав и свобод личности [11, с. 112].

Не оспаривая наличия рационального начала в приведенной позиции, вместе с тем, как видится, автор в большей степени раскрыл сущность демократического строя государства, не выявив специфику правовой политики.

В аспекте анализируемого вопроса важно также указать на такого авторитетного теоретика государства и права как Н. И. Матузов, обобщающий анализ взглядов которого дает основания для вывода о том, что правовая политика трактуется автором как сфера идей, методов, отношений и связей, органический синтез которых формирует понятие «правовое пространство» и которые объективно нуждаются в нормативном упорядочивании со стороны представителей публичных структур [7, с. 356].

Данная позиция не лишена ряда небесспорных положений. В частности, сомнительным видится обоснованность включения в понятие правовой политики идей, которые, даже будучи правовыми, традиционно формируют компонент правовой идеологии и правосознания.

Включение же в правовую политику методов неизбежно заставляет задаться вопросом о том, какие методы резюмируются автором. Так, если речь идет о методах властвования, то в данном случае, скорее, раскрывается суть политического (государственного) режима. Если же речь идет о методах правового регулирования, то с большими сомнениями они могут служить конструирующими характеристиками правовой политики - они, скорее, в некоторой степени раскрывают юридический субстрат правовой политики.

Проведенный анализ позволил выявить ярко проявляющуюся тенденцию аккумуляции исследователями в рамках дефиниции правовой политики обширного спектра разнородных по своей сути явлений (например, идейных установок, целевых показателей, программ, методов и т.д.), что придает ей весьма размытый характер и не позволяет уяснить суть.

В целом же можно заключить, что сущность правовой политики необычайно многоаспектна, и закрепление универсальной дефиниции данного понятия вряд ли возможно, да и нецелесообразно. Равным образом, априори неосуществимо исчерпывающее освещение всех подходов к его рассмотрению, существующих в науке. Каждая из приведенных

выше позиций вполне адекватно раскрывает ту или иную грань анализируемого явления, но в то же время не претендует на статус абсолюта.

Обобщающий анализ авторских подходов к определению правовой политики позволяет тезисно выделить его конструирующие черты:

– активный характер данной деятельности, ориентированность на результат;

– субъектами осуществления деятельности, составляющей содержание правовой политики, являются уполномоченные публичные структуры;

– властный характер, предполагающий возможность принятия тех или иных правовых решений вопреки чьей-либо личной воле или общественным возражениям;

– правовая форма объективации (в виде равноуровневых законодательных и подзаконных актов, судебных решений и т.д.);

Данный признак не следует трактовать как ограничение действия права лишь сугубо правовой областью – как мы ранее заключили, оно опосредует также иные фундаментальные сегменты функционирования общества и государства (политическую сферу, экономическую и иные).

Однако важно уяснить принципиальный момент, позволяющий обособить правовую политику от иных проявлений государственной политики с правовым сопровождением: если в рамках правовой политики право проявляется дуалистично, одновременно обладая признаками объекта, испытывающего на себе воздействие права, и средств осуществления такого воздействия, то во второй ситуации право имеет лишь инструментальное значение [14, с. 99].

– высокое общественное значение и особый социально-экономический резонанс;

– четкая временная организация, которая носит, как правило, стадийный, поэтапный характер;

– наличие строго выверенных целевых индикаторов промежуточного и конечного характера, а также указание на методологический инструментарий, необходимый для их достижения.

Как видится, в суммарном выражении указанных признаков весьма ярко проявляется сущность правовой политики и формируется адекватное представление о ней.

Тезисно суть правовой политики можно изложить следующим образом: правовая политика – базирующаяся на доктринальном фундаменте, слаженная деятельность властных структур по применению юридических средств во всех сферах общественной жизни в целях максимального обеспечения прав и свобод человека и гражданина, упрочнения дисциплины, законности и правопорядка в обществе, формирования достойной правовой культуры и развитого правосознания. В качестве примера можно отметить деятельность государства по реализации правовой политики в миграционной сфере. В частности, объединение усилий государственных органов по реализации Государственной программы по добровольному переселению в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом [8, с. 371].

Отметим, что в современных реалиях особую важность приобретает правотворческий аспект правовой политики, и исследователи должны сместить акцент из сферы доктринальных конструкций в сторону анализа качества действующей нормативной правовой базы и разработки обоснованных рекомендаций по ее совершенствованию. В противном случае игнорирование данного вопроса не позволит осуществить реформирование в «правовом поле» на поистине демократичной, легитимной основе.

Пристатейный библиографический список

1. Берг Л. Н., Березина Е. А. Теория права: правовое воздействие и правовое регулирование: учебник для вузов. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 875 с.
2. Бредихин А. Л. Правовая политика как категория современного правоведения // Право: ретроспектива и перспектива. - 2020. - № 4. - С. 8-13.
3. Кагерманов А. С. Правовая политика России: проблемы и перспективы развития // Евразийский научный журнал. - 2017. - № 12. - С. 54-57.
4. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. - М., 1978. - 312 с.
5. Малько А. В., Затонский В. А. Правовая политика в сфере формирования сильного государства // Право и государство. - 2018. - № 1-2. - С. 23-34.
6. Малько А. В., Соломатин А. Ю. Основы правовой политики. - М., 2013. - 278 с.
7. Матузов Н. И. Правовая политика // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2001. - 745 с.
8. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Миграционная политика государства как фактор его стабильности в современном мире // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 12 (127). - С. 370-373.
9. Нигматуллин Р. В. Правовая политика современного государства в сфере борьбы с международной преступностью // Правовое государство: теория и практика. - 2013. - № 3 (33). - С. 24-30.
10. Правовая политика России на современном этапе: Учебное пособие / Ю. К. Краснов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД России. - М.: Прометей, 2019. - 354 с.
11. Рыбаков О. Ю. Личность и правовая политика в Российском государстве. - Саратов, 2003. - 165 с.
12. Сулейманова Р. Р. Роль Башкирского государственного университета в формировании международного имиджа Республики Башкортостан // Организация Объединенных наций - универсальный центр поддержания мира и обеспечения международной безопасности: Материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13 ноября 2015 года. - Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. - С. 118-125.
13. Сулейманова Р. Р. Проблемы коммуникации в истории социально-философской мысли // Вестник Челябинского государственного университета. - 2011. - № 2 (217). - С. 131-138.
14. Хасанов Д. Р. Современное понимание правовой политики // Право и политика. - 2020. - № 6. - С. 97-104.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-107-109

МУСИНА Камилла Салаватовна

аспирант кафедры теории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов

АНАЛИЗ ОБЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье исследуются и анализируются тенденции развития законодательства в сфере регулирования беспилотных инновационных видов транспорта в России и в зарубежных странах. Будет обосновываться концепция о целесообразности внедрения нового законопроекта для совершенствования правоотношений, возникающих при эксплуатации беспилотных транспортных средств. Также обосновывается актуальность фиксации и разработки требований к безопасности беспилотников.

Ключевые слова: беспилотник (дрон), правосубъектность искусственного интеллекта, новый законопроект, страхование гражданской ответственности, хакерская атака, кибербезопасность.

MUSINA Kamilla Salavatovna

postgraduate student of Theory of law and state sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

GENERAL TRENDS IN FORMATION OF LEGISLATION IN THE FIELD OF REGULATING THE LEGAL PERSONALITY OF UNMANNED VEHICLES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The article investigates and analyzes trends in the development of legislation in the field of regulation of unmanned innovative modes of transport in Russia and in foreign countries. The concept of implementation of a new law draft to improve legal relations arising out of the operation of unmanned vehicles is substantiated. The relevance of creation and development of requirements for the safety of drones is also presented.

Keywords: drone, legal personality of artificial intelligence, new draft bill, civil liability insurance, hacker attack, cybersecurity.

Мусина К. С.

Перспективы прогрессивности роботизации, правомерность правосубъектности и сопоставления функциональности с человеческим естественным интеллектом являются актуальным предметом исследования в сфере кибернетики, аналитической философии и когнитивной науки, однако, оставались на периферии юридической науки длительное время. В дальнейшем ситуация изменилась благодаря стремительному становлению инноваций в процессе цифровизации. Интенсивный экспоненциальный стремительный рост послужил катализатором в прогрессивности технологического развития. Вследствие этого современные реалии повседневного бытового контекста не представляются целесообразными без внедрения роботов и («дронов») беспилотников. Однако, интенсивная роботизация во многом не урегулирована законодательством, к примеру, остаётся открытым вопрос о лицах ответственных в случае выхода беспилотника из строя, который приводит людей к летальным исходам, в 2016 г. с автопилотируемыми творениями компании *Tesla 2* трагедии в США и другая в Китае произошли по причине выхода роботизированных автомобилей из строя [3]. Компании разработчики избежали ответственность [4]. Позиция И. Маска заключается в том, что производители нести ответственность не должны за аварии с участием беспилотников, приведя сравнение с лифтом, когда изготовитель не должен привлекаться к ответственности при каждом сбое лифта. Юридическая идея должна заключаться в том, что имущественную от-

ветственность обязан нести собственник, эксплуатирующий источник повышенной опасности. На сегодняшний день вопросы безопасности и правовой ответственности остаются открытыми и набирают обороты. Актуальность правового регулирования инновационных технологий подтверждается судебной практикой [2]. Нормативные правовые акты, регламентирующие эксплуатацию беспилотников приняты в: Швеции, Голландии, Дании, Австралии, США, Великобритании, Германии, Франции¹. В нынешних реалиях в контексте стремительного развития цифровизации и робототехники в юридической науке наиболее актуально исследование путей решения проблем регулирования правосубъектности. Одним из стартовых упоминаний о роботах в тексте законодательства было в ст. 12 Конвенции ООН в 2005 году. Данный международный правовой акт был посвящён регламентированию использования электронных сообщений в текстах международных договоров, «электронных агентов», разработанных для заключения договоров в отсутствие человека

1 Regulation of Drones. The Law Library of Congress, Global Legal Research Center, 2016; At a Glance: Autonomous Vehicles, 25 July 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twobirds.com/en/news/articles/2017/global/at-a-glance-autonomous-vehicles>; A Global Race for Autonomous Vehicles: Views from The United States, Europe, And Asia, June 2, 2017.: <http://fticommunications.com/2017/06/global-raceautonomous-vehicles-views-united-states-europe-asia/> (дата обращения: 28.08.2022).

как участника². В тексте официального комментария к вышеизложенной Конвенции уточняется, что автоматические сгенерированные процессы программы интерпретируются в качестве действий юридического либо физического лица. Кроме того, прогнозируется, что инновационные поколения информационных систем будут более автоматизированными и автономными³. Радикальные, ожидаемые трансформации в эпоху глобальной цифровизации требуют детального регламентирования и идентификации дефиниции «правосубъектность робота» в законодательстве и единого унифицированного подхода к терминологии робот как самостоятельный субъект права на международной арене, общепризнанной большинством стран, один из как возможных вариантов это разработка специальной новой Конвенции с последующей ратификацией. Европарламентом 16.02.2017 г. была принята резолюция о гражданских правовых нормах, относительно робототехники⁴. Основополагающими целями Резолюции было регламентирование ответственности за причинённый роботами вред имуществу, исходя из двух подходов: а) рискоориентированный и в данном случае ответственность несёт лицо, которое способно было минимизировать негативные последствия и возможные риски; б) обязательство возместить вред независимо от вины. Европейский парламент всё же устойчиво продолжает придерживаться мнения, что к ответственности следует привлекать исключительно человека, но не робота. Интерпретирование степени ответственности и соразмерностей, совершаемых с участием робота преступлений, остаётся актуальной задачей. Целесообразно определять степень автономности и разграничивать навыки, приобретённые роботом в ходе тренировок, и теми, которые получены в процессе самостоятельного функционирования. Согласно содержанию текста Резолюции в долгосрочной перспективе необходимо разработать специальный правовой статус «электронных лиц», с возложением на них ответственности за причинённый вред. Кроме того, в случаях самостоятельного инициирования вступления в какие-либо правоотношения с 3-ми лицами целесообразно наделять их правами и обязанностями. В 2016 г. сотрудники Санкт-Петербургской юридической фирмы «Dentons» по специальному заказу *Grishin Robotics* разработали проект Закона. Деятельность по проектированию осуществлялась в следующих целях: 1) инициирование дискуссии экспертов о периодическом законодательном регламентировании системного характера в сфере индустрии роботизации [1, с. 50]; 2) внесение изменений в ГК РФ для усовершенствования правового регламентирования. Исходя из общей концептуальной идеи законопроекта электронным-агентом целесообразно считать робота, предназначенного участвовать в гражданских правовых оборотах. В процессе регистрации робот-агент приобре-

тует правоспособность. В дальнейшем регламентирование с участием «электронных лиц» осуществляется гражданским законодательством о юридических лицах либо правовыми нормами, регулирующими имущественные правоотношения, выбор обуславливается в зависимости от того, фигурирует ли робот как субъект договора либо в качестве предмета юридической сделки. По общему правилу, в случае причинения вреда ответственность за деяния робота, возлагается на владельца и его собственника. Однако, необходимо учитывать, что юридические основания для привлечения к ответственности возникнуть могут и по причине совершения противоправных действий широкого круга лиц, целесообразно акцентировать на следующем перечне: а) производитель робота, беспилотного транспорта; б) лица, имеющие доступ к осуществлению технического контроля и к процедуре обслуживания робота; в) а также разработчики.

Таким образом, в результате анализа можно заключить, что исследованные примеры являются достоверным подтверждением того, что дефиниция «правосубъектность» имеет эпохальную длительную историческую ретроспективу, при этом не утрачивает, а лишь усиленное сохраняет и укрепляет свою актуальность. Кроме того, абсолютно объективно можно прогнозировать, что вероятно, актуальность в процессе развития новейших автоматизированных технологий будет возрастать в целях эффективного трансформирования системы правового регламентирования отношений, повседневно в цифровой экономике фигурирующих. Внедрение с последующим использованием беспилотных транспортных средств является одним из наиболее актуальных и весьма значимых этапов в эпоху глобальной цифровизации. Однако, в законодательном регламентировании эксплуатации беспилотников остается ряд открытых правовых вопросов. Соответственно следует заключить, что необходимы совершенствования и трансформация законодательства. Регламентировать эксплуатацию в России беспилотных инновационных видов транспорта на законодательном уровне планируется законопроектом «О высокоавтоматизированных транспортных средствах» (*далее – ВАС*), разработанным Министерством транспорта РФ в 2021. Согласно оптимистичным прогнозам законопроект вступит в силу в 2025 г., в связи с ожиданием завершения эксперимента по контролю эксплуатации ВАС, активированный постановлением Правительства РФ⁵, финальное завершение было запланировано до 2023 года, активно участвовали следующие компании: «Аврора Роботикс», «Яндекс», МАДИ, «Иннополис». Согласно задумке разработчиков, изложенной в п. 1 ст. 4, законопроекта обязательным станет определение соответствия требованиям дорожной безопасности, устанавливаемым Правительством РФ.

Таким образом, проект Закона о беспилотниках ориентирует на эксплуатацию без испытателей-инженеров. Однако наличие бортового активного регистратора обязательно и выключение режима «автопилот» с последующим переключением транспорта на традиционное механическое управление с передачей человеку. В настоящее время актуальные

2 Конвенция Генеральной Ассамблеи ООН от 23.11.2005 г. принята резолюцией 60/21 // СПС Консультант плюс.

3 Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах». - Нью-Йорк, 2007. - С. 69–70.

4 Гражданско-правовые нормы о робототехнике Резолюция Европейского парламента от 16.02.2017 с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым нормам о робототехнике (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA (2017) 005.

5 См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415.

требования к безопасности транспортных средств изложены в Техническом регламенте⁶. Одним из актуальнейших аспектов является и обеспечение информационной безопасности. Так, в Стратегии развития автопромышленности РФ до 2025 г.⁷, акцентируется на возрастание степени автономности транспорта и в этой связи требуется регламентировать усиление кибербезопасности. Кроме того, необходимо обезопасить транспорт от террористических и хакерских атак на законодательном уровне. Авторы Законопроекта (ст. 8) предложили ввести специальное Положение об идее преобразовать страхование гражданской ответственности, трансформировав его в обязательное для владельцев беспилотников, в целях обязать возместить ущерб, и владелец беспилотника будет нести ответственность. Не исключено и возникновение коллизий, затрудняющих регламентирование эксплуатации ВАС. В этой связи целесообразно реформировать действующее законодательство, ориентируя и адаптируя к инновационному прогрессу беспилотников. К примеру, в Постановление Совета Министров – Правительства РФ⁸, ФЗ № 259⁹, ФЗ № 196¹⁰, ФЗ № 40¹¹, КоАП РФ. В частности, в ст. 264 УК РФ внести дополнения о возложении уголовной ответственности за преступления с участием беспилотника для дальнейшей квалификации по данной статье). А в целях уточнения идентификации лиц, обязанных возместить имущественный вред целесообразно трансформировать ст. 1079 ГК РФ. После запуска законопроекта целесообразно прогнозировать, что необходимо будет и оперативно разработать ряд новых законов. Кроме того, на мой взгляд, исходя из вышеизложенного целесообразно на законодательном уровне закрепить следующие требования к: безопасности беспилотников и к их составляющим компонентам, в том числе и к методам их диагностирования, к правилам допуска беспилотников на дорогу, к срокам и процедуре хранения, обработки и передачи информации, поступающей с датчиков, включая с навигационных приборов. В связи с особенностями российского холодного климата, быстро и пагубно влияющего на амортизацию транспортной техники и ввиду сложности конструкций и механизмов ВАС актуальны и правовые акты, регламентирующие требования к периодичности проведения диагностики исправности беспилотников. Соответственно целесообразно регламентировать требования к периодичности техосмотра, поскольку неисправность может повлечь аварийные ситуации с летальным исходом.

Таким образом, можно подытожив заключить, что принятие вышепроанализированного законопроекта будет являться прогрессивно-результативным преобразованием отечественного законодательства и перспективной новеллой. Кроме того, благодаря новому Закону удастся эффективно урегулировать и устранить коммерческую подоплёку профанации по эксплуатации беспилотных транспортных средств, и более того он послужит мотивирующим импульсом для развития экономики и науки в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. - 2017. - Вып. 6 (55). - С. 50.
2. Awan Family Tesla Lawsuit. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/6517391-Awan-family-Tesla-lawsuit/page/n3/mode/2up> (date of reference: 22.08.2022).
3. Tesla sued in China over fatal crash. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fit.com/content/80c45ad6-7ef0-11e6-bc52-0c7211ef3198> (дата обращения: 12.08.2022).
4. Tesla's Self-Driving System Cleared in Deadly Crash. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/01/19/business/tesla-model-s-autopilot-fatal-crash.html> (дата обращения: 28.08.2022).

6 Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 018/2011), принят Решением Комиссии Таможенного союза от 9 сентября 2011 г. № 877.

7 Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. №831-р.

8 Постановление Совета Министров – Правительства РФ «О правилах дорожного движения» от 23 октября 1993 г. № 1090.

9 Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ / Российская газета, 2007. – 17 ноября. - №258.

10 Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ / Собр. законодательства Рос.Федерации, 1995. 11 декабря. – № 50. – Ст. 4873.

11 Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ / Российская газета, 2002. – 7 мая. – № 80.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-110-113

ШВЕЦОВ Вадим Витальевич

ассистент кафедры международного права и международных отношений Уфимского университета науки и технологий

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В XXI ВЕКЕ

Предметом исследования настоящей статьи являются способы вовлечения несовершеннолетних в такие направления преступной деятельности как преступления, посягающие на половую неприкосновенность, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и преступления террористической и экстремистской направленности, применяемые с использованием сети «интернет».

Задачами настоящей статьи являются анализ методов вовлечения несовершеннолетних в вышеуказанные направления преступной деятельности, посредством использования сети «интернет», с учетом специфики каждого из них, а также существующих в настоящее время способов противодействия данным преступным деяниям и оценка их эффективности.

Автор приходит к выводу о важности международного сотрудничества в целях борьбы с вовлечением детей в указанные категории преступлений, о важной роли профилактической работы и технической составляющей в борьбе с преступлениями данного рода.

Ключевые слова: право, дети, преступность, вовлечение, противодействие терроризму, кибербезопасность, интернет, даркнет.

SHVETSOV Vadim Vitaljevich

assistant of International law and international relations sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

CYBERSECURITY AS AN ELEMENT OF CHILD PROTECTION INSTITUTION IN THE XXI CENTURY

The object of the article is the methods of involving of minors in such crimes as sexual inviolability crimes, crimes connected with illicit drug trafficking and terrorist and extremist crimes, which are applied through the Internet.

The objectives of this article are the analysis of methods of involving minors in the above-mentioned areas of criminal activity, through the use of the Internet, taking into account the specifics of each of them, as well as the currently existing methods of combating these criminal acts and assess their effectiveness.

The author comes to a conclusion about the importance of international cooperation to combat the involvement of children in these categories of crime, about the importance of preventive work and technical component in combating crimes of this kind.

Keywords: law, children, crime, involvement, counter-terrorism, cybersecurity, Internet, darknet.

Швецов В. В.

В начале XXI века в перечне преступлений международного характера упоминались лишь компьютерные преступления [1, с. 27]. В настоящее время мы видим широкое распространение преступлений с использованием социальных сетей и высоких технологий как на международном, так и на национальном уровне. В связи с активным распространением в мире сети «интернет» становится актуальным вопрос обеспечения безопасности детей в киберпространстве.

Можно выделить следующие основные направления преступной деятельности в интернет-пространстве, которые непосредственно представляют угрозу вовлечения в них детей:

1. Преступления, посягающие на половую неприкосновенность;
2. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков;
3. Преступления террористической и экстремистской направленности.

Следует сделать ремарку, что данные направления преступной деятельности одинаково представляют опасность для детей, и их нумерация в настоящей статье не означает их «ранжирования» по степени опасности, однако каждый из перечисленных видов преступной деятельности требует определенного подхода в борьбе с ними.

Данные направления преступной деятельности посягают на такие права детей как право на защиту от небрежного отношения, жестокости и эксплуатации [12], а также право на защиту от произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию [16]. Государства обязаны охранять права детей и предотвращать их вовлечения в соверше-

ние преступлений, при этом уделяя данному вопросу повышенное внимание, поскольку в силу доверчивости и моральной незрелости детей можно легко вовлечь в преступную деятельность, а также совершить над ними насилие.

Применительно к преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность детей в качестве основных каналов вовлечения следует отметить социальные сети и онлайн игры. В представлении детей существует стереотипное представление образа педофила, его представляют как толстого мужчину пенсионного возраста и отталкивающей внешности, однако практика показывает, что преступниками, посягающими на половую неприкосновенность детей, могут выступать любые лица, которых объединяет одна общая черта: общение с ними сразу приобретает сексуальный подтекст [17, с. 40].

Как показывают исследования, в сети Интернет доверие ребенка можно завоевать за 2 минуты, добившись открытого разговора, флирта или общения в видеочате [17, с. 40], из чего следует вывод о том, что для совершения преступлений данного рода ключевым обстоятельством является моральная незрелость ребенка и его неспособность оценить степень опасности преступного посягательства и оказать сопротивление.

Политика большинства социальных сетей направлена на пресечение распространения детской порнографии, удалению соответствующего контента и блокировке аккаунтов распространителей, однако данных мер недостаточно. По мнению автора, необходимо чтобы администрации социальных сетей передавали информацию о каждом выявленном подобном случае в правоохранительные органы, с предоставлением информации о пользователе (IP-адрес, номер телефона, указанный при регистрации, адрес электронной почты

и т.д.), которая может помочь установить преступника и в дальнейшем привлечь его к ответственности.

Для пресечения деятельности преступника, который выходит на контакт с ребенком посредством социальных сетей или мессенджеров эффективной мерой является родительский контроль, при должном уровне которого лицо, совершающее преступное посягательство на половую неприкосновенность ребенка может быть остановлено на ранней стадии. Так в 2020 году в Челябинской области, благодаря бдительности родителей, которые обнаружили переписку ребенка в социальных сетях с педофилом, его удалось задержать, в ходе расследования было доказано 7 эпизодов покушений на сексуальное насилие, преступник был осужден и приговорен к 17 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима [2].

Следует отметить, что для распространения порнографических материалов с участием детей в настоящее время большинство преступников редко используют социальные сети или же сайты в сети «Интернет», которые находятся в открытом доступе и индексируются интернет-поисковиками, по причине быстрого выявления и блокировки подобных сайтов, а также в связи с возможностями правоохранительных органов установить местонахождение сервера и иные данные, позволяющие изобличить преступника. Подобный противоправный контент распространяется в так называемом «даркнете» или «темном интернете».

Преступные посягательства на детей в киберпространстве, в частности распространение порнографических материалов, носят транснациональный характер. Как отмечает Нигматуллин Р. В., транснациональная организованная преступность продолжает оставаться серьезной угрозой экономике, правопорядку и обеспечению прав человека [18, с. 23].

В целях более полного понимания сути проблемы, следует рассмотреть, что представляет из себя «даркнет». Итак, под «даркнетом» в большинстве случаев, понимается сеть «The Onion Router» (луковичная сеть) или TOR, работающая по принципу «луковичной маршрутизации», который заключается в том, что пользовательские данные сначала шифруются так, чтобы их могли расшифровать только на выходном узле, и потом эти данные снова шифруются так, чтобы их могли расшифровать только на промежуточном узле, а затем переносят через различные ретрансляторы, присутствующие в данной сети [19, с. 53].

Также данная сеть децентрализована, что означает отсутствие единого центра обработки данных и местонахождения ее серверов. Для доступа к данной сети необходимо специальное программное обеспечение, которое однако, находится в свободном доступе, которое работает с конкретной группой сайтов с расширением «.onion», на которые невозможно зайти с обычного интернет-браузера.

Основной проблемой для пресечения преступлений с использованием «даркнета» является отсутствие возможности блокировки отдельных сайтов в нем, а также технические трудности, связанные с поиском и деанонимизацией лиц, осуществляющих противоправную деятельность в данной сети. Полная блокировка данной сети на территории государства, по аналогии с «Великим китайским фаерволом» не будет являться эффективным средством борьбы с ней, так как обходится VPN сервисами и иным программным обеспечением, которое также можно найти в свободном доступе.

Наиболее предпочтительными способами борьбы с преступлениями с использованием «даркнета» является комбинация традиционных и программных методов расследования. К традиционным методам, используемым при проведении расследований деятельности преступных сообществ можно отнести такие как прослушивание телефонных переговоров, наблюдение, перлюстрация почтовых отправлений, выявления круга общения и т.д.

Программные методы являются неотъемлемой частью расследований преступной деятельности с использованием «даркнета» поскольку именно с их помощью происходит взлом и деанонимизация пользователей сети TOR, осуществляющих противоправную деятельность, условно их можно разделить на активные и пассивные. К пассивным методам

относятся: анализ трафика пользователя, основанный на установлении временной взаимосвязи между запросом на создание соединения и установкой выходного соединения, а также методы, основанные на анализе трафика и нагрузки узла внутри сети [20, с.110].

К активным методам можно отнести комбинированные: timing, действия tagging - дублирование случайного сообщения на входном узле, его поиск в поступивших на выходной узел данных; raptor - серия действий по асимметричному анализу трафика, сбору и обработке информации о переборах, которые приводят в силу специфики топологии и протоколов работы анонимной сети данные на нужный узел, с последующим собиранием проходящего трафика, а также ряд иных методов [20, с. 110].

Исходя из того, что данная сеть децентрализована участники преступного сообщества могут находиться на территории разных государств и пресечь деятельность такого сообщества невозможно без международного сотрудничества в сфере борьбы с транснациональной преступностью.

Примером комплексного подхода по выявлению и пресечению преступной деятельности в «даркнете» стало установление личности и задержание Роса Ульбрихта - администратора одной из самых распространенных сетей торговли криминальным товаром Silk Road, который не скрывая своих данных, пользовался для рекламы мессенджерами и социальными сетями открытого интернета, выходил в Сеть из ближайшего к дому интернет-кафе, для связи оставлял адрес электронной почты [20 с. 107].

Также следует отметить, что благодаря подобному комбинированному подходу немецкой полицией в 2020 году была пресечена деятельность одной из крупнейших в «даркнете» площадок по распространению детской порнографии, которая насчитывала порядка 400 тысяч пользователей. В чатах и форумах данной площадки пользователи обменивались детской порнографией — преимущественно, записями жестокого обращения с мальчиками [20].

Пресечение деятельности подобных незаконных площадок позволяет не только пресечь деятельность преступного сообщества, но и получив доступ к их серверам установить личности преступников и потерпевших от их противоправных действий.

Основными инструментами для вовлечения детей в торговлю наркотиками являются мессенджеры и социальные сети. В «даркнете» происходит непосредственно сам процесс «трудоустройства» и «работы».

Итак, большинство площадок по торговле наркотиками расположены в «даркнете» и представляют собой своеобразные «маркетплейсы», на которых размещают свои объявления т.н. «шопы» - магазины, занимающиеся распространением наркотиков. Процесс «трудоустройства» в данные «магазины» требует либо внесения определенной денежной суммы в качестве залога, либо фотографии наркокурьера с паспортом. Зачастую, ввиду отсутствия денежных средств несовершеннолетние, как правило, предоставляют свои паспортные данные.

При вовлечении несовершеннолетних в торговлю наркотиками лидеры преступных сообществ играют на юношеском максимализме и стремлении к материальной независимости от родителей, а также обещают, что в случае поимки им ничего не грозит, ввиду несовершеннолетнего возраста. Как показывает правоприменительная практика, такие обещания далеки от истины. Так, в 2018 году Ленинским районным судом г. Краснодара был вынесен приговор в отношении 17-летнего жителя Усть-Лабинска, который хотел сбыть крупную партию синтетических наркотиков, в соответствии с приговором суда ему назначено наказание в виде 5 лет лишения свободы, с отбыванием наказания в воспитательной колонии [2].

Актуальность вопроса вовлечения несовершеннолетних в преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков также подтверждаются данными судебной статистики так, согласно сведениям Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиче-

ских средств, психотропных и сильнодействующих веществ за 1 полугодие 2022 года за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков осуждено 762 несовершеннолетних [3], что выше показателя за аналогичный период 2021 года, в котором за данную категорию преступлений был осужден 669 несовершеннолетних [4].

Наиболее эффективными методами борьбы с вовлечением несовершеннолетних в преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков является профилактическая работа, в которой основной акцент должен быть сделан на приведении конкретных примеров поимки несовершеннолетних, а также на разъяснении несовершеннолетним положений Уголовного кодекса Российской Федерации, в части преступлений, касающихся незаконного оборота наркотиков, а также о рисках предоставления данных о личности неизвестным людям и как следствие этого угрозы не только для себя но и для членов семьи.

Также крайне важным является пресечение деятельности по вовлечению детей в преступления террористической и экстремистской направленности. Представители международных террористических и экстремистских организаций стремятся вовлечь в свои ряды молодежь ряда государств [5, с. 373].

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344, особенно отмечается, что лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь [6, ст. 24]. И для государства является важным оградить детей от влияния террористической и экстремистской идеологии.

Основными каналами вовлечения детей в преступления террористической и экстремистской направленности являются социальные сети и мессенджеры. Для вовлечения детей в данного рода противоправную деятельность представители запрещенных организаций играют на эмоциональной незрелости детей и подростков, юношеском максимализме, повышенном чувстве справедливости, социально-экономической ситуации и т.д. Международными террористическими организациями тиражируются специальные веб-сайты, интернет-магазины, предлагающие книги, аудио- и видеозаписи, другие товары экстремистского характера [7, с. 180]. Помимо деятельности такой запрещенной в России организации как ИГИЛ, угрозу представляет т.н. запрещенное в России движение «Колумбайн», получившее свое название от школы, расположенной в округе Джефферсон штат Колорадо США, в которой 20 апреля 1999 двое учащихся этой школы убили из огнестрельного оружия 15 человек и ранили еще 23, после чего покончили с собой. Указанные преступные действия получили название «скулшутинг». Лукашкова И. Л. и Яценко А. А. приводят следующее определение данного явления: под «скулшутингом» понимается (англ. School shooting – стрельба в школе) понимается массовая стрельба, вооруженное нападение учащегося (группы учащихся) или стороннего человека на обучающихся и педагогов в учреждении образования [8, с. 338].

Пучнин А. В. и Пучнина М. Ю. выделяют следующие характерные черты «скулшутинга»:

- нападавший (нападавшие) имели отношение к образовательной организации (как правило, это действующие обучающиеся);
- убийства или ранения носили умышленный характер, не имели корыстных мотивов, были демонстративны и направлены на неопределенный круг лиц;
- нападение не носило спонтанный характер, было спланировано и организовано заранее [9, с. 40].

Следует отметить, что такой вид терроризма как «скулшутинг» является новым для России. Первый случай нападения на учебные заведения в России случился 3 февраля 2014 года, когда старшеклассник пришел с ружьем в московскую школу № 263 и выстрелил в учителя географии, который скончался на месте. Далее подобные трагические случаи имели место быть в 5 сентября 2017 года в школе г. Ивanteevka Московской области, нападение на Пермскую школу 15 ян-

варя 2018 года, нападение на школу в п. Сосновый Бор рядом с г. Улан-Удэ 19 января 2018 года, нападение на гимназию № 175 в г. Казани 11 мая 2021 года [10], нападение на школу № 88 г. Ижевска 26 сентября 2022 года [11], а также ряд иных случаев.

Важной чертой «скулшутинга» является его демонстративность, в отличие от «классического» терроризма, целями которого являются привлечение общественного внимания, запугивание населения и представителей органов власти, оказание воздействия на деятельность органов государственной власти, выдвижение властям требований политического характера и т.д. Действия «скулшутеров» продиктованы ненавистью и желанием мести, которые в процессе индуктивного умозаключения переходят от конкретных лиц к обществу в целом.

Раннее идеология «скулшутинга» свободно могла распространяться в социальных сетях и сайтах в сети «интернет», однако государство приняло ряд мер по борьбе с этим явлением, в частности 2 февраля 2022 года Верховный суд Российской Федерации по иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации запретил в России международное молодежное движение «Колумбайн» [13], что в свою очередь позволит оперативно блокировать группы данной направленности в социальных сетях и сайты в сети «интернет», а владельцев данных ресурсов привлекать к уголовной ответственности, тем самым предотвращая совершение данного рода преступлений и вовлечение в них несовершеннолетних.

Следует отметить, что в 2022 году Федеральная служба безопасности предотвратила ряд нападений на образовательные учреждения в России и не последнюю роль в этом сыграла бдительность граждан, которые сообщили в правоохранительные органы, о лицах, которые подписаны на группы в социальных сетях, которые пропагандировали запрещенную идеологию, а также высказывали в социальных сетях о намерениях совершить подобные нападения [14].

Использование международных социальных сетей в преступных целях предполагает активное сотрудничество правоохранительных органов государств. В этой связи хочется отметить инициативу Российской Федерации по проблеме противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, внесенную в ООН. 27 декабря 2019 года Генеральная Ассамблея ООН приняла одноименную резолюцию и постановила учредить специальный межправительственный комитет экспертов открытого состава для разработки всеобъемлющей международной конвенции [15, с. 134].

Подводя итог изложенного, можно привести следующие рекомендации, направленные на снижение числа случаев вовлечения посредством сети «интернет» несовершеннолетних в такие направления преступной деятельности как преступления, посягающие на половую неприкосновенность, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и преступления террористической и экстремистской направленности:

1. Родительский контроль. Родителям следует контролировать поведение несовершеннолетних в интернет-пространстве, так как данная мера позволяет пресечь вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность на ранних стадиях, а также своевременно обнаружить попытки преступных посягательств на несовершеннолетних и сообщить о них в правоохранительные органы.

2. Профилактическая работа. Суть данной меры должна быть направлена на информирование несовершеннолетних и их родителей о методах вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, а также о правовых последствиях за совершенные преступления, с приведением в качестве примеров реальных ситуаций и положений Уголовного кодекса Российской Федерации. Наиболее эффективную реализацию данной меры обеспечит доведения до родителей вышеуказанной информации педагогическими работниками на родительских собраниях, а также информирование несовершеннолетних о способах вовлечения и последствиях совершения преступлений на введенном в 2022 году школьном предмете «Разговоры о важном». Здесь сле-

дует отметить, что ряд случаев «скулшутинга» удалось предотвратить благодаря своевременной реакции окружения неудавшихся террористов, что подчеркивает эффективность данной меры.

3. Совершенствование технических методов борьбы с преступностью. Данная мера направлена на более эффективное выявление и пресечение преступлений, совершенных с использованием интернет-технологии, в частности «даркнета», поскольку основной проблемой раскрытия преступлений такого рода является выявление местоположения преступника или преступной группы и их деанонимизации, в связи с чем встает вопрос о необходимости совершенствования необходимых для этого технических методов.

4. Совершенствование алгоритмов выявления противоправного контента администрациями социальных сетей и их взаимодействия с правоохранительными органами. Здесь следует отметить необходимость не только выявления и блокировки противоправного контента со стороны администраций социальных сетей, но и передачу соответствующей информации в правоохранительные органы, с целью установления лиц, занимающихся распространением противоправного контента с участием несовершеннолетних, а также направленного на вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность.

5. Укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Поскольку преступность в киберпространстве уже давно приобрела транснациональный характер, в частности лица, совершающие преступление посредством «даркнета» могут находиться на территории разных государств, то вопрос международного сотрудничества в данной сфере и его эффективность являются определяющими факторами результативной работы по противодействию вовлечению несовершеннолетних с использованием информационных технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Нигматуллин Р. В. Преступления международного характера // *Международное публичное и частное право*. – 2009. – № 2. – С. 27-31.
2. Краснодарские известия. 17-летнего закладчика наркотиков из Усть-Лабинска осудили на 5 лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ki-news.ru/2018/09/18/podrostok-iz-ust-labinska-poluchil-5-let-kolonii-za-popytku-sbyta-narkotikov/> (дата обращения: 28.10.2022).
3. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ за 1 полугодие 2022 года за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 28.10.2022).
4. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ за 1 полугодие 2021 года за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895> (дата обращения: 28.10.2022).
5. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Миграционная политика государства как фактор его стабильности в современном мире // *Евразийский юридический журнал*. – 2018. – № 12 (127). – С. 370-373.
6. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005290036> (дата обращения: 28.10.2022).

7. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р., Насырова Е. В. Современные тренды в борьбе ООН с международным терроризмом // *Государство и право*. – 2022. – № 10. – С. 176-183. – DOI: 10.31857/S102694520022608-9.
8. Лукашкова И. Л., Яценко А. А. Феномен скулшутинга: причины и профилактика // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. – 2021. – Т. 6. – № 2 (12). – С. 337-341.
9. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Общество и право*. – 2021. – № 2 (76). – С. 38-43.
10. РБК. Случаи стрельбы и нападений в российских школах и колледжах. Справка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/11/05/2021/609a5cdc9a7947237982ce4a> (дата обращения: 28.10.2022).
11. Фонтанка.ру. Погибли 11 детей и 6 взрослых. Всё о трагедии в Ижевске, где мужчина устроил стрельбу в школе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2022/09/26/71684696/> (дата обращения: 28.10.2022).
12. Декларация прав ребенка 1959 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 28.10.2022).
13. Интерфакс. Верховный суд признал террористическим и запретил в РФ движение «Колумбайн». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/819836> (дата обращения: 28.10.2022).
14. Интерфакс. ФСБ предотвратила ряд терактов в образовательных учреждениях в РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/820829> (дата обращения: 28.10.2022).
15. Абашидзе А. Х., Симонова М. А., Нигматуллин Р. В. [и др.]. ООН и вызовы современного мира в XXI веке: коллективная монография. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – 152 с. – ISBN 978-5-7477-5404-1.
16. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 28.10.2022).
17. Колбасин В. В. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на динамику насильственной сексуальной преступности в отношении малолетних и несовершеннолетних // *Общество и право*. – 2022. – № 2 (80). – С. 39-47.
18. Нигматуллин Р. В. Деятельность ООН по противодействию современным вызовам и угрозам // ООН и «послековидный» мир: состояние, угрозы, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 30 сентября 2021 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – С. 20-26. – DOI 10.33184/OONIPM-2021-09-30.3.
19. Дык Б. М., Хуи Н. Н., Линь Л. Т. [и др.] Принцип работы тор-браузера // *Проблемы современной науки и образования*. – 2017. – № 1 (83). – С. 52-55.
20. Смушкин А. Б. Криминалистические аспекты исследования даркнета в целях расследования преступлений // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – Т. 17. – № 3. – С. 102-111. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.102-111.
21. Вести.ру. Германская полиция закрыла крупнейший портал педофилов в даркнете. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2558278> (дата обращения: 28.10.2022).

ЯКИМОВ Роман Васильевич

студент Национального исследовательского Томского государственного университета

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И МЕССЕНДЖЕРЫ КАК ОСНОВНОЙ НОСИТЕЛЬ ПРАВА НА ЦЕНЗУРУ В США

Сегодня в США цензура устанавливается со стороны частных организаций и носит в себе вред принципам демократии и самому демократическому выбору. Интернет-платформы благодаря своим ресурсам и зависимости пользователей от информации преподносят её в выгодном себе ракурсе и без учёта мнения отдельных категорий граждан. Такие процессы носят в себе тектонические сдвиги на право монопольного владения цензурой. Оно более не принадлежит государству в должной мере, а частные компании захватывают оставшиеся рычаги влияния на информационное поле. Такие процессы мы видим со времён блокировки аккаунта Дональда Трампа со стороны администрации Twitter. В дальнейшем проблема стала приобретать более глобальный характер благодаря использованию в работе искусственного интеллекта и технологий машинного обучения.

Ключевые слова: цензура, социальные сети, мессенджеры, США, искусственный интеллект, регулирование интернета, контролируемая демократия.

YAKIMOV Roman Vasiljevich

student of the National Research Tomsk State University

SOCIAL NETWORKS AND INSTANT MESSENGERS AS THE MAIN BEARER OF THE RIGHT TO CENSORSHIP IN THE USA

Today, in the United States, censorship is established by private organizations and is harmful to the principles of democracy and the democratic choice itself. Internet platforms, thanks to their resources and the dependence of users on information, present it in a favorable perspective and without taking into account the opinions of certain categories of citizens. Such processes carry tectonic shifts to the right of monopoly ownership of censorship. It no longer belongs to the state in due measure, and private companies seize the remaining levers of influence in the information field. We have seen such processes since the blocking of Donald Trump's account by the Twitter administration. In the future, the problem began to acquire a more global character due to the use of artificial intelligence and machine learning technologies in the work.

Keywords: censorship, social networks, instant messengers, USA, artificial intelligence, internet regulation, controlled democracy.

Наука и активные граждане начали рассматривать сеть «Интернет» как одну из главных угроз современной демократии. Интернет и крупные платформы, такие как Google, Twitter и ряд запрещённых на территории РФ социальных сетей стали инструментами популяризации различных политических сил [1] и популизма. Особенно заметно это на примере победы Дональда Трампа в США, Родриго Дутерте на Филиппинах и Нарендра Моди в Индии, которые эффективно использовали Twitter для точечного охвата своих последователей и активных нападков на оппонентов.

Тем не менее, существует большая путаница в отношении того, в чем заключается реальная угроза демократии. Эта путаница начинается с вопроса о причинно-следственных связях: отражают ли платформы только существующие политические и социальные конфликты или они на самом деле являются причиной таких конфликтов? Кроме того, именно такое влияние подрывает доверие к институту электронной демократии, развивающемуся в последние десятилетия [2].

Данный феномен только обостряется по причине появления отдельных случаев информационной борьбы, перетекающей в офлайн пространство. Ярким примером является нападение протестующих на Конгресс США 6 января 2021 года, которое было спровоцировано Дональдом Трампом, уходящим с поста президента. Этот случай стал основанием для Twitter в вопросе блокировки аккаунта Трампа. Однако, отключив его от основного канала общения со своими последователями, платформа проявила акт дискриминации и тем самым нарушила свои правила о невмешательстве в политические процессы. Научное сообщество в этом вопросе разделилось на две группы, одна считает, что блокировка аккаунта стала логичным итогом популистской политики [3] Трампа,

а другая настаивает на негативных последствиях возникновения прецедента вмешательства частных компаний в политические дела государства, хотя существуют и акты подобного вмешательства во внутренние дела других государств [4].

В то же время выстраивается ситуация, когда частные компании на подобии Google или Amazon (которые также стали блокировать политика) приобретают монопольную власть на цензуру и формируют общественное мнение благодаря возможности отключать из публичного дискурса невыгодных для них акторов. На фоне этого аргументация различных компаний в виде «краткосрочных решений» с целью нивелировать последствия подстрекательства к насилию и оскорблениям, становятся не такими весомыми. Но в то же время, эта проблематика не приобретает широкой общественной огласки по причине блокировки частными компаниями неудобной информации и созданию информационного вакуума, где преобладает более выгодная позиция. Более того, существуют многочисленные примеры формирования информационного шума, направленного на дискредитацию обратной позиции благодаря созданию многочисленных фейков [5] и распространению различных «теорий заговора».

Примечательно, что в законодательстве США запрет цензуры закреплён Первой поправкой к Конституции [6], но распространяется он только на действия федерального правительства и правительства штатов. Фактически, Поправка защищает право частных лиц и компаний, публиковать любой контент, который они хотят. Помимо этих мер, онлайн-платформы защищены от определенных форм ответственности разделом 230 «Закона о приличии в общении» 1996 года. Однако, проблема, с которой мы сталкиваемся сегодня, носит масштабный характер. Социальные сети и мессенджеры

настолько велики, что превратились в крупные общественные площадки [7], где граждане открыто критикуют различные новости и идеи, в том числе, формируя контролируемые обсуждения. Феномен бурного развития онлайн площадок осложняет работу других медиа-компаний, которые, кроме того, часто защищают интересы различных групп стейкхолдеров. Даже такие медиа-гиганты, как *New York Times* или *Wall Street Journal* сталкиваются со сложностями в формировании общественного мнения. Ни одна из устаревших медиа-компаний (мы рассматриваем социальные сети как форму «новых медиа») не является настолько крупной, чтобы соперничать с представителями «новых медиа». Масштабы интернет-платформ достаточно велики, чтобы решения, принимаемые их владельцами, могли повлиять на результаты выборов и процессы принятия публичных решений, в том числе, благодаря распространяющимся партиципативным практикам. Традиционные СМИ не имеют таких возможностей, даже при мобилизации всего своего потенциала.

Другой проблемой является прозрачность деятельности социальных сетей, мессенджеров и поисковых систем. Если смотреть на факт блокировки аккаунта Трампа, то это акт открытый и заметный во всём медиополе, хотя и противоречащий правилам платформы [8]. Но ежедневно блокируется большое количество информации или уменьшается количество её выдачи в «умных лентах» и поисковых системах [9] другими платформами. Причем, такие действия не всегда соответствуют правилам платформы или вовсе им противоречат. Часто компании прикрываются ошибками в ходе большого количества обработки информации или винят в ошибках использование Искусственного интеллекта и технологий нейросетей. Современные технологии в обработке информации начали преимущественно использоваться во время пандемии коронавирусной инфекции, так как распространялось множество данных не соответствующих действительности и это имело негативное влияние на ход пандемии. В дальнейшем, было признано, что такой подход эффективен и облегчает работу администрации платформы, в том числе, для блокировки «невыгодной» информации. Одновременно, в обиход стала входить практика распространения «умных лент», показывающих человеку информацию, отобранную исходя из его личных интересов. Но опять-таки, процесс формирования умных лент непрозрачен и как правило человек получает большое количество информации коммерческого характера или политизированных новостей, которые соответствуют интересам собственников платформы. Таким образом, внутриэлитная борьба переходит в плоскость социальных сетей [10], данный факт подтверждается и основанием Дональдом Трампом собственной социальной сети.

Складывается ситуация, когда цензура устанавливается со стороны частных организаций и носит в себе вред принципам демократии и самому демократическому выбору. Интернет-платформы благодаря своим ресурсам и зависимости пользователей от информации преподносят её в выгодном себе ракурсе и без учёта мнения отдельных категорий граждан. Такие процессы носят в себе тектонические сдвиги на право монопольного владения цензурой. Оно более не принадлежит государству в должной мере, а частные компании захватывают оставшиеся рычаги влияния на информационное поле. Получается, что собственники организаций сами решают не только морально-этические или нравственные аспекты жизни общества, но и дают направления для политического выбора граждан и постепенно превращаются в своеобразные надгосударственные организации. Причём,

это, в первую очередь, проблема либеральных демократий, которые сами создали систему взаимоотношений, где государство, как коллективный носитель интересов всей нации уходит на второй план перед лицом частного мнения или бизнеса.

Пристатейный библиографический список

1. Щербак Т. И. Средства языковой компрессии в новостных публикациях СМИ в Инстаграме // Современный ученый. - 2022. - № 1. - С. 119-122.
2. Лаврик Н. В. Электронная демократия: теоретические основы исследования // Вестник ЗабГУ. - 2014. - № 12. - С. 74-82.
3. Ширяева Н. А. Анализ языковых средств выражения языковых личностей американских президентов // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. - 2022. - Т. 16. - № 1. - С. 82-90.
4. Белевцева С. Н. Стратегия «распространения демократии» во внешней политике США второй половины XX века: научные подходы, течения, оценки // Вестник гуманитарного образования. - 2021. - № 2. - С. 80-88. - DOI 10.25730/VSU.2070.21.021.
5. Валитова А. Т. Фейковые новости как политико-дискурсивный феномен современной эпохи // Вопросы политологии. - 2022. - Т. 12. - № 3. - С. 684-691. - DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.006.
6. Чумаченко З. М. Особенности правового регулирования деятельности социальных сетей в США // Международное публичное и частное право. - 2022. - № 5. - С. 42-45. DOI 10.18572/1812-3910-2022-5-42-45.
7. Таран К. К., Гарбар Ю. Р. Использование Интернет-технологий в сфере коммуникации, правовой взгляд // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 1 (152). - С. 51-55.
8. Кочкин Т. Н. Монополия современных IT-корпораций на примере Twitter и Parler // Молодой ученый. - 2021. - № 4. - С. 176-177.
9. Цветкова Н. А., Фёдорова И. В. Дипломатия данных США: цели, механизмы, содержание // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2021. - Т. 51. - № 1. - С. 104-116. DOI 10.31857/S268667300013205-5.
10. Басов О. Н. Инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть в современных США // Вопросы национальных и федеративных отношений. - 2021. - Т. 11. - № 5 (74). - С. 1578-1586. DOI 10.35775/PSI.2021.74.5.022.

БЕЛЯКОВА Анастасия Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Дзержинского филиала Нижегородского государственного университета им Н. И. Лобачевского

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РАСПАДА СССР И КОНСТИТУЦИЯ РФ

В научной литературе рассматривается множество причин распада СССР. В данной статье дана попытка проанализировать идеологические причины, которые, на наш взгляд, имели решающее значение для распада СССР. Автор анализирует идеологическое состояние российского общества в эпоху перестройки. Методологической основой исследования выступают общенаучные и общ исторические методы. В статье делается вывод о том, что во многом разочарование общества в коммунистических идеалах привело к распаду СССР.

Ключевые слова: причины распада СССР, перестройка, гласность, идеология, марксизм-ленинизм, коммунизм, атеизм.

BELYAKOVA Anastasiya Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor of Humanitarian and legal disciplines sub-faculty of the Dzerzhinsky branch of the N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Белякова А. М.

IDEOLOGICAL REASONS FOR THE COLLAPSE OF THE USSR AND THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The scientific literature considers many reasons for the collapse of the USSR. This article attempts to analyze the ideological reasons that, in our opinion, were crucial for the collapse of the USSR. The author analyzes the ideological state of Russian society in the era of perestroika. The methodological basis of the research is general scientific and general historical methods. The article concludes that, in many ways, society's disillusionment with communist ideals led to the collapse of the USSR.

Keywords: the reasons for the collapse of the USSR, perestroika, glasnost, ideology, Marxism-Leninism, communism, atheism.

Говоря о факторах распада СССР, следует уделить особое внимание идеологическим причинам. Идеология — это система целей и ценностей, взглядов и идей, наиболее распространенных в государстве и обществе, принимаемых большинством его граждан. Идеология — это духовная основа существования любого общества и государства. Не существует государства без идеологии. Идеология призвана сплотить общество.

Все государства создавались под влиянием определенной идеологии или религии. Идеология — это «светская религия».

На наш взгляд, именно разрушение государственной идеологической системы в СССР в 1991 г. привело к распаду этого государства. Процесс разрушения СССР происходил, прежде всего, на уровне идей, ценностей и смыслов.

СССР изначально был создан как идеологическое государство.

В начале XX столетия произошло коренное изменение ценностных ориентиров жизни России и русского народа. Когда в октябре 1917 г. большевики захватили власть и начали строить новое коммунистическое общество, они обещали освободить людей от старого мира: эксплуатацию и угнетение заменить справедливостью, конфликты — гармонией, а религию — атеизмом. Большевики заменили царскую власть властью Советов, религиозную мораль — коммунистической моралью ... [10, с. 20]. Еще до революции часть русской интеллигенции (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк) осудила коммунизм как ложную веру. Однако после прихода к власти большевиков коммунистическая идеология стала государственной, обязательной для всех советских граждан. Отступления от коммунистической идеологии, ее критика и тем более борьба с ней сурово карались. Роль связующего звена в СССР была призвана играть Коммунистическая партия.

Идеи марксизма-ленинизма содержались уже в первых советских конституциях 1924, 1936 годов, а также в Конституции РСФСР 1918 г.

Конституция СССР 1977 закрепляла марксизм-ленинизм как официальную идеологию Советского Союза. Статья 6 Конституции СССР 1977 года устанавливала: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза», также «Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества» [1]. Произошло сращивание советского государства и Коммунистической партии.

Мораль нового общества была выражена в «Моральном кодексе строителя коммунизма» (1961 г.).

Большевики попытались заменить религию на марксистско-ленинскую идеологию, которая, по их мнению, давала новый смысл жизни общества и отдельного человека и вела к «светлому будущему». Коммунистическая партия провозгласила свою монополию на власть и нравственность. В своем труде «Истоки и смысл русского коммунизма» Н. А. Бердяев писал, что «воинствующий атеизм» коммунизма и его «непримиримо враждебное отношение» к религии были не «явлением случайным», но «самой сущностью коммунистического мирозерцания». Тот факт, что коммунистическая идеология претендует дать «ответы на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни», делает коммунизм чем-то большим, чем «социальная система» или «научная, чисто интеллектуальная теория». Претендуя на то, чтобы охватить всю полноту человеческого опыта, коммунизм впадает в «нетерпимость, фанатизм» и становится таким же «эксклюзивным», как любая религиозная вера [3, с. 129].

Официальная позиция советского государства по отношению к религии в основе своей оставалась неизменной от революции до распада СССР. Однако большевикам не удалось создать полностью атеистическое общество. Религия все равно осталась фактом советской жизни. Атеизм в СССР не раз подвергался переосмыслению, что имело важ-

ные последствия для Коммунистической партии и марксистско-ленинской идеологии. Для первых лет советской власти характерны гонения на религию, особенно на Православие, и «воинствующий атеизм». В Русской Православной церкви пришедшие к власти большевики видели идеологическую и политическую угрозу для построения социализма. В годы Великой Отечественной войны И. В. Сталин возобновил отношения с Русской Православной церковью в целях духовной мобилизации населения для борьбы с врагом [10, с. 20]. При Н. С. Хрущеве вновь была объявлена антирелигиозная кампания и поворот к «научному атеизму». В эпоху Л. И. Брежнева происходит постепенное отступление от идеологии. При М. С. Горбачеве происходит разрыв с атеизмом и возвращение Православия в общественную жизнь. В 1988 г. отмечалось тысячелетие крещения Руси. М. С. Горбачев на встрече с Патриархом признал глубокие «мировоззренческие различия» между советской Коммунистической партией и Русской православной церковью, но подчеркнул, что православные верующие — «это советские люди, трудящиеся, патриоты» и в этом качестве могут «без всяких ограничений» пользоваться всеми правами советских граждан, включая и «полное право достойно выражать свои убеждения». В ходе встречи М. С. Горбачев также призвал церковь внести свой вклад в дело морального возрождения советского общества, в котором «общечеловеческие нормы и обычаи могут способствовать нашему общему делу».

В советском государстве идеология была «несущей конструкцией». Основой официальной идеологии оставался марксизм-ленинизм, априори считавшийся единственно верным учением. Однако не существует такой идеологии, которую бы разделяли все граждане. Репрессии со стороны государства не достигали в полной мере своей цели по соблюдению идеологического единства, а загоняли проблему внутрь общества. Суровые меры применялись против разного рода диссидентов: аресты, лишение свободы, направление на принудительное лечение в психиатрические клиники, дискредитация в средствах массовой информации, лишение советского гражданства, изгнание из страны. Политическое руководство СССР не могло приспособить догмы марксизма-ленинизма к современной реальности. Более того, политические лидеры недооценили духовный кризис советского общества, в большей мере связанный как раз с идеологией. Государственная власть должна была считаться с теми изменениями, которые произошли в общественном сознании, учитывать и международную обстановку. Органы государственной безопасности, участвующие в поддержке безусловного авторитета советской идеологии, несмотря на всю систему силовых мер, не могли больше обеспечивать состояние идеологического единства [8, с. 374-382]. КПСС медленно теряла власть. В конце 80-х годов XX века в условиях отмены мер поддержки монополии коммунистической идеологии эта идеология уже не могла конкурировать с другими идейными течениями - консервативными, либеральными.

Советская идеология претерпевала изменения на протяжении всего существования СССР, например, И. Сталин в 1943 году выступил инициатором возрождения Русской православной церкви. В период «хрущевской оттепели» (середина 1950-х - середина 1960-х годов) были осуждены репрессии и культ личности Сталина, но было подчеркнуто исключительное значение руководящей роли партии и партийной идеологии в политической и общественной жизни. В период «развитого социализма» (конец 1960-х - начало 1980-х годов) идеология продолжала терять свои позиции [2, с. 84]. Идеологическая неоднородность советского общества отчетливо проявлялась с середины 1960-х гг., когда в Советском Союзе появляется диссидентское движение. В 1970-е годы происходит расхождение общественного сознания с идеологическими стандартами. В советском обществе последних десятилетий советской власти не было идеологического единства.

Однако коррекция коммунистической идеологии в СССР была невозможна, так как идеология — это его несущая конструкция.

Перестройка как процесс кардинальных социально-экономических и политических реформ, которые были начаты во второй половине 1980-х гг. XX века в СССР и инициатором которых выступил М.С. Горбачев, стала одним из важнейших событий XX в. Переворот 1985–1991 годов был, прежде всего, идеологическим переворотом.

Официальная цель идеологических преобразований второй половины 1980-х гг. в СССР — это «возврат к подлинному ленинизму», недогматическому марксизму, т.е. оздоровление идеологии, а не её подрыв. Скорее всего, М. С. Горбачёв и другие реформаторы в руководстве партии не осознавали всех последствий своих действий.

Идеологические перемены были неразрывно связаны с реформированием существовавшего в СССР политического режима, вместе с которым распалось и советское государство. Потеря монополии на власть коммунистической партией, которая консолидировала СССР, способствовала «тому, что распад СССР приобрел «галопирующий» характер» [11, с. 101].

Политика гласности была официально закреплена как основа проводившихся политических реформ. Именно эта политика гласности и стала главным средством разрушения СССР. «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма» [14, с. 14]. В 1987-89 гг. в СССР выходят ранее не печатавшиеся и запрещенные произведения, образуются многочисленные политические объединения, пересматриваются устоявшиеся представления в отношении исторического прошлого СССР. Общество все более и более прислушивалось к западным радиостанциям, в первую очередь, «Голосу Америки», Радио «Свободы», «Русской службы Би-би-си» и др. Советская коммунистическими идеология воспринималась со всё сильнее возрастающим недоверием и подготовила почву для восприятия населением новых либеральных идеологических постулатов. «На разрушение духовного и психологического каркаса советского народа, по мнению политолога С. Г. Кара-Мурзы, была направлена большая кампания, названная «перестройкой». Политика гласности, возможность проявления инакомыслия вызвали в обществе дискуссию по многочисленным темам истории России, которые до этого либо вообще не обсуждались и не освещались, либо интерпретировались по-другому. Многие из них стали предметом общественных споров. Впервые в советской действительности люди получили возможность открыто обсуждать недостатки социализма. В журналах печатались ранее запрещённые произведения («Котлован», «Дети Арбата», «Собачье сердце»), на экраны вышли ранее запрещенные фильмы. Заострялось внимание на самых мрачных страницах советского тоталитарного прошлого, связанных с репрессиями и депортациями. На русский народ, на ядро советской нации, на его самоуважение был направлен основной идеологический удар. Русофобия процветала среди самого русского народа. Как пишет В. А. Тураев: «Одним из главных видов оружия в этой идеологической кампании стала идея исторической вины русских. Им следовало покаяться за империю, за то, что жили в СССР и были ему лояльны, за то, что воевали с его врагами, за сталинские репрессии, за принятие христианства от Византии. В вину русскому народу ставилось даже то, что он дважды осмелился ответить Отечественной войной на нашествие с Запада. Одна из любимых тем для нападок — это наша Победа в Великой Отечественной войне. Поток клеветы были вылиты в адрес маршала Жукова. Красноармейцы обвинялись в жестоком отношении к немцам... Под сомнение ставился подвиг советского народа и подвиги Героев Великой Отечественной войны: Зои Кос-

моделью, Александра Матросова, 28-ми гвардейцев-панфиловцев. Преувеличивались военные потери Красной армии. Звучали совершенно дикие цифры числа погибших. Советские герои и антигерои поменялись местами: первых разоблачали и развенчивали, вторых реабилитировали. Был утрачено общественное согласие в отношении базовых ценностей: патриотизма, социальной справедливости, гражданского долга и т.п.

Специальная комиссия, созданная в этой связи, к тому времени уже закончила свою работу, точные данные о потерях среди военнослужащих были доложены ЦК КПСС. Власть могла мгновенно остановить поток фальсификаций. Ничего подобного не предприняли. Более того, в кампанию по разрушению образа Великой Отечественной войны втянули советскую школу» [12, с. 15].

Оценивая последствия отравления и разрушения исторической памяти советского народа в годы перестройки, И. К. Лавровский писал: «В результате... в истории страны не осталось ни одного живого места. История России превратилась в сплошную зону экологического загрязнения, куда всяк сливает свои токсичные помои» [7, с. 131]. Русофобия рассматривалась либеральной интеллигенцией как высшая добродетель. В стране стало исчезать патриотическое воспитание. Патриотизм стали считать архаизмом. В печатных СМИ стало модным признаваться в нелюбви к России и русскому народу.

Одним из важнейших факторов разрушения страны стали информационно-психологические войны против СССР, то есть внешний фактор. В 1990-е годы XX века широкую известность получил так называемый план (или доктрина) Даллеса. Эта доктрина имела целью разрушить морально-нравственные ценности советского общества. Данный документ был разработан в соответствии с позицией правительства США. Его члены справедливо считали, что коммунистическая идеология, отношения народа и правящей партии СССР — наиболее уязвимое место государства. Пропагандистская деятельность ЦРУ, направленная на создание негативного образа России и положительного образа заграницы, а также на демонстрацию советским гражданам преимуществ западного образа жизни, также выступает одной из причин распада СССР. В СССР развился культ западного образа жизни [15, с. 43-73].

По мнению В. Е. Шамбарова, «перестройкой ломали не только коммунизм, но и тысячелетнюю модель русской истории. Это вполне согласуется со словами З. Бжезинского - борьба велась не против СССР, а «против России и русского духа». В средства массовой информации, культуру, литературу внедрилось очернительство не только Советской, но и царской России. Гражданам прививали комплекс «национальной неполноценности», приучали к мысли, что в нашей стране ничего хорошего никогда не было ни при царе, ни при советской власти. Ни одного светлого образа для подражания. Все победы и достижения - лишь «официозные выдумки». Операции по разрушению национального самознания развернулись по нескольким направлениям. Разрушалась традиционная советская и русская мораль» [13, с. 161].

По мнению российского государственного и политического деятеля Н. А. Нарочницкой, «когда случился крах Советского Союза, люди не понимали, что разрушен не коммунистический режим, а разрушено историческое государство Российское, которое собирали не большевики в 1917 году, а наши Цари: Пётр, Екатерина Великая, все Романовы! Нам предлагается в уплату за тоталитаризм расплатиться 300 годами русской истории».

Мировоззренческий раскол общества поразил даже советское руководство. Авторитет марксизма-ленинизма и коммунистической партии исчез среди всех слоев советского

общества. Падение доверия к коммунистической идеологии, лежавшего в основе государственности, подтолкнуло многих граждан, независимо от социального статуса, национальной или конфессиональной принадлежности, к поискам новых идей и ценностей [4].

В таких условиях сохранить СССР как идеологическую конструкцию, как государство, базирующееся на коммунистических ценностях, было уже невозможно. Для объединения советского общества требовалась новая мировоззренческая база, то есть новая идеология.

В 90-е годы XX века молодые реформаторы отрицали не только советскую идеологию, но и вообще какую-либо позитивную роль идеологии в обществе и государстве. По их мнению, идеология подавляет свободно мыслящих личностей, претендуя на универсальную систему мировоззрения. С их точки зрения, сосуществование государственной (общенациональной) идеологии и демократии невозможно. Кроме того, после почти 70 лет господства идеологии марксизма-ленинизма Россия была не готова к провозглашению в новой Конституции РФ 1993 года какой-либо государственной или обязательной идеологии.

Пристатейный библиографический список

1. «Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик» (принята ВС СССР 07.10.1977) // «Ведомости ВС СССР». - 1977. - № 41. - Ст. 617.
2. Авдонин В. С. Трансформация советской идеологии в дискурсивных практиках Российской власти // Контуры глобальных трансформаций. - 2021. - Том 14. - № 5. - С. 81-99.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Наука, 1990. - 224 с.
4. Гаджиев К. С. О кризисе национальной идентичности // mir-politika.ru: международный политический журнал «Мир политика». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://mir-politika.ru/3499okrizise-nacionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения: 18.11.2022).
5. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. - М.: Алгоритм, 2007. - 704 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Т. 2. - М.: Алгоритм, 2001. - 688 с.
7. Лавровский И. К. Странострой // Главная тема. - 2005. - № 4. - С. 120-137.
8. Никонова С. И. Кризис идеологии и советское общество в 1970-80-е гг. // Вестник ТГУ. - 2008. - Выпуск 5 (61). - С. 374-382.
9. Савченко А. Е. СССР 1985-1991 гг.: история случайной самоликвидации власти? // Россия и АТР. - 2016. - С. 66-81.
10. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / Виктория Смолкин; пер. с англ. О. Б. Леонтьевой, науч. ред. М. Ю. Смирнов. - М.: Новое литературное обозрение, 2021. - 552 с.
11. Согрин В. Политическая история современной России, 1985-1994: от Горбачева до Ельцина. - М.: Прогресс - Академия, 1994. - 192 с.
12. Тураев В. А. Кризис советской идентичности и распад СССР // Россия и АТР. - 2015. - № 4 (90). - С. 5-17.
13. Шамбаров В. Е. Предательство в КПСС. Хроника разрушения СССР. - Москва: Родина, 2022. - 480 с.
14. Яковлев А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX в. // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / С. Куртуа [и др.]. - М., 2001. - С. 5-32.
15. Яковлев Н. Н. «Да, это мы прикончили гигантского дракона»: Заметки профессионального историка // Молодая гвардия. - 1996. - № 6. - С. 43-73.

ГАСАНОВА Савдат Абдурахмановна

магистрант кафедры истории государства и права Юридического института Дагестанского государственного университета

АЙБАТОВ Магомеднаби Магомедмирзоевич

доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права Юридического института Дагестанского государственного университета

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В настоящей статье предпринята попытка установить отличительные черты и особенности отрасли гражданского права в период существования советского государства. В результате проведенного историко-правового анализа авторы пришли к выводу, что для гражданского права того периода было характерно существование большого количества норм императивного характера, превалировавших над нормами диспозитивного характера. Кроме того, на пути построения социализма и под влиянием коммунистической идеологии гражданское право претерпело множество изменений.

Ключевые слова: гражданское право, советское законодательство, частное право, публичное право, социализм, частная собственность.

GASANOVA Savdat Abdurahmanovna

magister student of History of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

AIBATOV Magomednabi Magomedmirzoevich

Ph.D. in Law, professor of History of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF SOVIET CIVIL LAW

This article attempts to establish the distinctive features and peculiarities of the branch of civil law during the existence of the Soviet state. As a result of the conducted historical and legal analysis, the authors came to the conclusion that the civil law of that period was characterized by the existence of a large number of mandatory norms that prevailed over the norms of a dispositive nature. In addition, on the way of building socialism and under the influence of communist ideology, civil law has undergone many changes.

Keywords: civil law, soviet legislation, private law, public law, socialism, private property.

Право традиционно принято рассматривать в качестве динамичного явления, подверженного постоянным изменениям, обусловленным стремительным развитием общественных отношений. Потребность в изучении генезиса отрасли гражданского права не вызывает сомнений поскольку диахронный анализ позволяет лучше уяснить смысл нормативно-правовых предписаний, регулирующих имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, а также выявить проблемы и пробелы теоретического и практического характера и сформулировать предложения по их решению.

События 1917 года положили начало новому этапу в развитии российского государства и права. Коренные изменения государственного и общественно-политического строя страны затронули все сферы общественной жизни. Изменения произошли и в отрасли гражданского права.

Еще с древних времен гражданское право занимало ведущую роль в системе правового регулирования. Дело в том, что с момента появления частной собственности возникла объективная необходимость упорядочения поведения субъектов имущественных отношений. В связи с тем, что предметом гражданского права выступают правоотношения, характеризующиеся равенством и автономией сторон, в теории государства и права его условно относят к группе частноправовых отраслей. Главным отличием частноправовых отраслей является использование в их регулировании диспозитивного метода и минимальное вмешательство со стороны государства.

Вместе с тем, идеи марксистско-ленинской идеологии наложили серьезный отпечаток на состояние отрасли советского гражданского права, следы которого проявляются и по сей день.

Руководители и идеологи октябрьской революции воспринимали феномен права враждебно, поскольку считали его буржуазным средством угнетения одних классов другими. Изначально предполагалось, что на определенном этапе существования социалистического государства право и вовсе перестанет существовать. Отношение советской власти к праву иллюстрируют высказывания таких государственных деятелей, как А. Г. Гойхбарг и П. И. Стучка.

А. Г. Гойхбарг, будучи заведующим отделом кодификации и законодательных предположений Народного комиссариата юстиции, сравнивал право с религией, а та, как известно, была провозглашена К. Марксом «опиумом для народа». Кроме того, он выражал крайне негативное отношение к делению права на частное и публичное, аргументируя это тем, что оно способствует ограничению возможностей государства по вмешательству в дела собственников [1, с. 23].

Народный комиссар юстиции РСФСР Пётр Иванович Стучка также считал, что право имеет ярко выраженный классовый характер, что в полной мере относится и к праву гражданскому [2, с. 49].

После победы революции большевистское правительство занялось активной правотворческой деятельностью, направленной на отмену ранее действовавших законов дореволюционной России и издало ряд актов, определивших основные направления развития советского законодательства в области гражданского права, к таковым можно отнести:

- Декрет Всероссийского съезда Советов от 26 октября (8 ноября) 1917 г. «О земле»;
- Декрет СНК от 23 ноября (6 декабря) 1917 г. «Об отмене права частной собственности на городские недвижимости»;
- Декрет СНК от 14 (27) декабря 1917 г. «О национализации банков»;

- Декрет СНК от 16 (29) декабря 1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью»;
- Декрет СНК от 27 января (9 февраля) 1918 г. «О социализации земли»;
- Декрет СНК от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования»;
- Декрет ВЦИК и СНК от 20 мая 1918 г. «О дарениях» и др.

В результате этой деятельности многие частноправовые институты были видоизменены, а некоторые и вовсе перестали существовать. В частности, в 1918 году была оформлена отмена наследования посредством закрепления запрета на наследование по завещанию или закону. Устанавливалось, что все имущество умершего переходит в собственность государства. Затем последовала и отмена института дарения с целью пресечь возможные попытки незаконной передачи имущества от одного лица другому.

Советская власть полностью отказалась от деления права на публичное и частное, отрицая последнее. Однако и государство, и общество и личность нуждались в гражданском праве, ведь имущественные отношения хоть и облекались в иную форму существовать не перестали. Эта потребность стала еще более ощущаться с началом новой экономической политики, введенной в 1921 году.

Именно так в начале 20-х годов XX века назрела необходимость в разработке единого документа в сфере гражданско-правовых отношений.

В рамках комплексной кодификации советского законодательства был принят первый Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. Новеллой ГК РСФСР 1922 г. стало закрепление таких категорий, как «правоспособность» и «дееспособность», а также независимость их объема от гендерных, национальных, религиозных или иных социальных признаков.

Что касается права собственности, то кодексом признавались три формы собственности: государственная, кооперативная и частная, при этом приоритет отдавался государственной (национализированной) собственности.

Как отмечает Д. А. Пашенцев, ГК РСФСР 1922 г. были присущи следующие отличительные признаки:

- изъятие из-под гражданско-правовой охраны личных неимущественных прав, что отразилось на содержании гражданской правоспособности;
- отказ от традиционного деления имущества на движимое и недвижимое, продиктованный монополией государства на землю и изъятием ее из оборота;
- закрепление ограниченного перечня вещных прав и отсутствие владения, как защищенного законом фактического обладания вещью [1, с. 25-26].

На наш взгляд, этот перечень можно дополнить еще одним признаком, который заключается в сравнительно небольшом перечне поименованных обязательств, признаваемых государством.

ГК РСФСР 1922 года изобилует нормами императивного характера, вследствие чего советское гражданское право часто характеризуют как публичную отрасль права. Несмотря на это, сами разработчики кодекса признавали наличие в нем положений проекта Гражданского Уложения Российской Империи и объясняли это проведенной рецепцией буржуазного гражданского права. В связи с этим отмечалось, что ГК РСФСР 1922 года имеет лишь временный, переходный характер [3, с. 39-40]. Однако вплоть до 1961-1964 гг. он продолжал оставаться основным кодифицированным актом в сфере регулирования гражданско-правовых отношений.

Во второй половине XX века стало очевидно, что советское законодательство нуждается в модернизации, в том числе и положения ГК РСФСР 1922 года, многие из которых устарели и на практике не применялись.

На XX съезде КПСС было принято решение о проведении масштабной кодификации, основной целью которой

являлось воплощение в жизнь норм и принципов «социалистической законности» [4, с. 10]. Результатом кодификационной работы стало принятие в 1961 году Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, впоследствии в 1964 году был принят новый Гражданский кодекс РСФСР.

Принятием названных документов было оформлено измененное отношение государства к личной собственности граждан, охраняющейся теперь не только средствами уголовно-правовой защиты, но и гражданско-правовыми.

В основе кодификации, проведенной в 1950-60 гг. лежали теоретические труды отечественных цивилистов таких, как М. М. Агарков, О. С. Иоффе, К. А. Граве, Р. О. Халфина и др.

В отличие от своего предшественника ГК РСФСР 1964 г. предусматривал защиту нематериальных благ, а именно – чести и достоинства. Собственность дифференцировалась на социалистическую и личную. Первая включала в себя государственную (общенародную) собственность; колхозно-кооперативную собственность; собственность профсоюзных и иных общественных организаций. Некоторые изменения произошли и в области обязательственного права, дополнившегося новыми видами обязательств.

Важным нововведением ГК РСФСР 1964 года стала регламентация интеллектуальных прав. Появились разделы, посвященные авторским и патентным правам.

В целом, Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик ГК РСФСР 1964 можно охарактеризовать, как прогрессивные документы, вобравшие в себя накопленный опыт правового регулирования имущественных отношений, но несмотря на это, гражданское право продолжало оставаться отраслью публичного права, так как степень вмешательства государства в гражданский оборот оставалась велика, земля и прочно связанные с ней объекты сохраняли статус исключительно социалистической собственности, столь многочисленные субъекты гражданско-правовых отношений – юридические лица (предприятия, учреждения) создавались государством.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что для гражданского права советского периода было характерно существование большого количества норм императивного характера, превалировавших над нормами диспозитивного характера. Кроме того, на пути построения социализма и под влиянием коммунистической идеологии гражданское право претерпело множество изменений, затронувших его традиционные институты, такие как право частной собственности и наследование. Однако, несмотря на то рвение, с которым советская власть пыталась уничтожить все то, что было характерно для буржуазного права, первый кодифицированный акт в сфере гражданского права являлся результатом рецепции проекта Гражданского Уложения Российской Империи.

Пристатейный библиографический список

1. Пашенцев Д. А. Особенности развития советского гражданского права на начальном этапе (1917-1922) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 4. – С. 22-27.
2. Феоктистов А. В. развитие гражданского права в России // Наука. Общество. Государство. – 2021. – № 4. – С. 46-55.
3. Рузанова В. Д. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: предпосылки принятия и преемственность правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – № 2. – С. 37-42.
4. Биюшкина Н. И. Проблемы развития советского гражданского права и процесса в период кодификации середины 1950-х – середины 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 9-17.

ГНЕТОВА Людмила Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

ГУЛЯЕВА Татьяна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры гражданского и международного права Нижегородского института управления филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ФАБРИЧНАЯ Людмила Игоревна

студент 6 курса Лечебного факультета Приволжского исследовательского медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕГАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ ЗА РУБЕЖОМ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования борьбы с алкоголизмом в процессе исторического развития отдельных государств в конце XVIII века. Особое внимание авторами уделяется возникновению, развитию и сравнительному анализу законодательства зарубежных стран, регламентирующего вопросы лечения и профилактики алкоголизма среди населения. В процессе исследования авторы рассматривают основные приемы и методы диагностики и лечения пьянства в различных государствах с высказыванием своего мнения по этому вопросу. В заключение подведены итоги, позволяющие сделать категоричный вывод о значимости мер, принимаемых в зарубежных странах в борьбе с таким пагубным явлением в обществе как пьянство.

Ключевые слова: лечебницы, алкоголизм, злоупотребление алкоголем, лечебные заведения, правовое регулирование принудительного лечения.

GNETOVA Lyudmila Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of General history, classical disciplines and law sub-faculty of the K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

GULYAEVA Tatyana Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process law sub-faculty of the Volga branch of the Russian State University of Justice, associate professor of Civil and international law sub-faculty of the Nizhny Novgorod Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation

FABRICHNAYA Lyudmila Igorevna

student of the 6th course of the Medical Faculty of the Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

LEGAL REGULATION OF NEGATIVE SOCIAL PHENOMENA ABROAD AT THE END OF THE XVIII CENTURY

The article deals with the issues of legal regulation of the fight against alcoholism in the process of historical development of individual states at the end of the XVIII century. The authors pay special attention to the emergence, development and comparative analysis of the legislation of foreign countries regulating the treatment and prevention of alcoholism among the population. In the course of the study, the authors consider the main techniques and methods of diagnosis and treatment of drunkenness in various states with the expression of their opinion on this issue. In conclusion, the results are summarized, allowing us to make a categorical conclusion about the importance of measures taken in foreign countries in the fight against such a pernicious phenomenon in society as drunkenness.

Keywords: hospitals, alcoholism, alcohol abuse, medical institutions, legal regulation of compulsory treatment.

Здоровье общества во все времена волновало законодателей, поэтому они уделяли пристальное внимание такому пороку общества, как алкоголизм. Особенно интересно проанализировать возникновение и развитие законодательства этого феномена в зарубежных странах.

Если, к примеру, рассмотреть законодательство некоторых зарубежных стран, то можно заметить, что меры борьбы с пьянством проявлялись тогда в двух основных направлениях:

- меры, непосредственно направленные против лиц, употребляющих спиртные напитки,
- меры, направленные против общих причин, порождающих алкоголизм.

Первое направление существовало в конце XVIII века и в первой половине прошлого столетия, проявляясь главным образом, в карательных мерах, которые с течением времени все больше и больше смягчались. С распространением взгляда на лицо, употребляющего спиртные напитки, как на больного, государство со своей стороны принимало гуманные меры по отношению к ним, в основном как к больным людям, требующим особого попечения, и, в первую очередь, заботы и лечения.

Взгляд этот возник в Америке, откуда он перешел в Англию, затем в Германию и позже в некоторые другие страны Европы, и дал повод к созданию особых «лечебниц» для лиц,

злоупотребляющих спиртными напитками¹. Появление таких «лечебниц» вызвало потребность в законодательном регулировании вопроса о помещении «любителей спиртного» в эти учреждения. Но проблема заключалась в том, что лица, злоупотребляющие спиртными напитками, поступали в такие «лечебницы» добровольно, по собственному желанию, а потом оставляли их, не излечиваясь до полного выздоровления, и тогда их лечение теряло всякий смысл.

Поэтому впервые в Нью-Йорке законом 31 мая 1865 года было введено «принудительное помещение в лечебницы хронических пьяниц» на период не свыше одного года. По образцу этого закона были изданы аналогичные законы и в других штатах Северной Америки [1].

Позже, в 1878 году в Англии также был принят закон о принудительном содержании в лечебных заведениях «привычных пьяниц». Сначала в виде опыта, они содержались в этих заведениях сроком до 10 лет. Позднее с некоторыми изменениями этот закон был введен окончательно². Особенность

1 Борьба с алкоголизмом в XIX веке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/351305>.

2 Государство и право Великобритании в новое время (первая половина XVII - начало XX вв.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/32WHdf>.

английского правового акта о принудительном помещении в лечебницу заключалась в том, что в основе госпитализации было добровольное согласие человека, употребляющего спиртные напитки. Но когда согласие уже было получено, дальнейшее пребывание «алкоголика» в лечебнице в течение определенного срока осуществлялось уже без его согласия. Считаем, что это правильным и неплохо было бы ввести эту норму и в национальное законодательство. По крайней мере, можно было бы добиться более положительных результатов в лечении лиц, злоупотребляющих спиртными напитками.

Принудительное помещение лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, в лечебные заведения существовало также и в Швейцарии, где оно регламентировалось законом 1891 года³. В соответствии с этим правовым актом поступление в лечебницу могло быть как добровольным, так и по постановлению муниципального совета, но уже принудительным. Необходимо отметить, что основным средством лечения данной категории лиц был в основном физический труд.

Вторым направлением в борьбе с алкоголизмом исследуемого периода была работа с общими внешними условиями, которые порождали пьянство в обществе. Оно нашло свое выражение только в немногих государствах, например, в штатах Северной Америки (система полного запрещения), в Швейцарии и в России (правительственная монополия), в Швеции и Норвегии (Готенбургская система)⁴.

В Америке в шести штатах: Мэне, Канзасе, Айове, Северной Дакоте, Нью-Гемпшир и Вермонте, а также на территории Аляски действовал закон о полном запрещении производства и продажи спиртных напитков⁵. Таким образом, спирт в этих штатах можно было получить только по рецепту врача. Лица, виновные в нарушении этого закона, подвергались заключению в тюрьму до 2 месяцев и штрафу до тысячи долларов. Характерной особенностью было и то, что родственники этого алкоголика имели право предъявить иск к лицу, продававшему ему спиртные напитки. В свою очередь, сам алкоголик подлежал аресту до 1 месяца.

Интересно посмотреть на проблему пьянства в Германии и решение ее особым образом. Там по имперскому закону 1879 года открытие питейного заведения ставилось в зависимость от представления доказательств в их потребности [1]. Тоже полагаем, достаточно правильная норма, поскольку в последнее время в нашем государстве появляются подобные заведения слишком часто, без учета спроса населения.

В Швеции по закону 1885 года каждая община имела право запретить продажу крепких напитков в пределах своей территории⁶. Благодаря этому закону главными потребителями крепких напитков остались только города. Например, город Фалун, еще в 1850 году попробовал урегулировать вопрос о торговле крепкими напитками путем передачи права исключительной продажи в руки благотворительных обществ. Опыт оказался удачным и вскоре этому примеру последовал Готенбург, от которого вся система получила название Готенбургской системы⁷. В городе Готенбург для ведения торговли крепкими напитками было даже учреждено акционерное общество – первый шведский питейный «Болланг». Основным принцип нового акционерного дела заключался в том, что цель образуемой компании, которой город передавал монополию продажи вина, была не нажива,

а влияние на уменьшение употребления спиртных напитков. Поэтому участники акционерной компании заранее отказывались от дивиденда свыше 5%, причем все излишки дохода должны были пойти на общественные нужды, и, в первую очередь – на борьбу с пьянством. Одновременно с введением Готенбургской системы было принято решение производить торговлю в чистых и светлых помещениях, причем отпускать водку самого лучшего качества и в количестве не более двух рюмок для местного потребления и не менее 1 литра на вынос.

Дальнейшее развитие Готенбургская система получила в Норвегии, где в 1894 году был издан закон, по которому вне городов была запрещена продажа водки. Из постановлений этого закона следует еще упомянуть, что передача права на содержание питейных заведений предоставлялась не городскому совету, а всем гражданам, не исключая также и женщин. Решение принималось большинством голосов на собрании всего городского населения старше 25 лет. Кроме того, закон 1894 года точно распределял получаемую акционерной компанией от винной монополии прибыль, причем до 35% прибыли должно быть направлено на борьбу с пьянством.

В Швейцарии тоже действовала монополия система, причем из доходов от продажи спирта ежегодно отчислялся определенный процент на борьбу с пьянством⁸.

Таким образом в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы и обобщения.

1. Меры борьбы с пьянством в зарубежных странах в конце 18 века были в двух основных направлениях: непосредственно направленные против лиц, употребляющих спиртные напитки и меры против общих причин, которые порождали алкоголизм.

2. Впервые на законодательном уровне принудительное лечение от алкоголизма в лечебницах было введено законом в Нью-Йорке в 1865 г., что явилось примером для многих государств, в частности в Северной Америке, Англии, Германии, Швейцарии и Швеции.

3. Зарубежные государства по-разному реагировали на лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, но в большинстве стран лечение было принудительным, даже если вначале было согласие пациента, но потом он не изъявлял желание его продолжить.

4. Характерной особенностью общих профилактических мер в борьбе с алкоголизмом было то, что все средства, которые экономились от продажи алкогольных напитков, направлялись на оздоровление общества.

Пристатейный библиографический список

1. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пособие для студентов. – СПб, 1903. Allpravo.Ru – 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/32WHnc>.
2. Возникновение концепции принудительного лечения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/32WSVM>.
3. Пьянство и борьба с ним. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/brockhaus/>
4. Синие законы в США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wikidea.ru/wiki/Blue_laws_in_the_United_States.
5. Алкогольные напитки в Швеции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/32WHWc>.
6. Гётеборгская система борьбы с алкоголизмом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/32WHXG>.
7. Методы борьбы с алкоголем в разных странах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/32WHXv>.

ДАНИЛОВ Игорь Борисович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Сибирского государственного университета геосистем и технологий

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ РСФСР В ПЕРИОД НЭПА

В статье рассматриваются политико-правовые процессы и явления, связанные с установлением системы местных бюджетов РСФСР в период НЭПа. Анализируются предпосылки учреждения новой системы, описывается система земских бюджетов, определяется её значение. Характеризуется деятельность советских органов власти по организации системы независимых финансов на местах. Делается вывод о том, что понимание правовой природы и политической сущности нового института было крайне неоднозначным и основывалась на идеологических противоречиях государственных деятелей принципам и идеям НЭПа.

Ключевые слова: местные бюджеты, местные финансы, земские бюджеты, НЭП, Временное положение о местных финансах 1923 г., Положение о местных финансах 1926 г.

DANILOV Igor Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Jurisprudence sub-faculty of the Siberian State University of Geosystems and Technologies

Данилов И. Б.

LEGAL NATURE AND POLITICAL ESSENCE OF THE LOCAL BUDGETS OF THE RSFSR DURING THE NEP

The article deals with the political and legal processes and phenomena associated with the establishment of the system of local budgets of the RSFSR during the NEP period. The prerequisites for the establishment of a new system are analyzed, the system of zemstvo budgets is described, and its significance is determined. The activity of the Soviet authorities in organizing a system of independent finance in the field is characterized. It is concluded that the understanding of the legal nature and political essence of the new institution was extremely ambiguous and was based on the ideological contradictions of statesmen to the principles and ideas of the New Economic Policy.

Keywords: local budgets, local finances, zemstvo budgets, NEP, Temporary Regulations on Local Finances 1923, Regulations on Local Finances 1926.

Период новой экономической политики представлял собой весьма своеобразный и самобытный интервал времени в истории РСФСР. Значительная часть политических установок и правовых институтов предшествующих лет оказалась отвергнута, а в области правового регулирования были определены новые векторы и приоритеты. Одним из ключевых направлений трансформации политической и правовой системы являлась децентрализация. Стремление законодателя к установлению относительной автономии различных государственных образований отчетливо проявлялось и в бюджетной системе, где учреждалась новая модель местных бюджетов волостей, городов, уездов и губерний. В историческом контексте местные финансы представляют собой чрезвычайно интересное явление, поскольку в полной мере отражают идеи законодателя по преобразованию механизма государства в период НЭПа, а также характеризуют реальные попытки воплощения этих установок в жизнь.

Справедливым представляется утверждение о том, что учреждение системы местных бюджетов в рассматриваемый период правильнее называть «возрождением». В дореволюционной России система автономных финансов на местах существовала и была обусловлена структурой земств. Так, земские учреждения на уровне губерний и уездов формировались начиная с земской реформы 1864 г., а на уровне волости – с 1917 г. Бюджеты указанных органов включали в себя, главным образом, поступления от местных налогов и сборов и не финансировались правительством, что позволяет подчеркнуть их самостоятельный характер. В исторических исследованиях справедливо утверждается, что земские бюджеты являлись одним из главных показателей результатов земской деятельности, поскольку именно по ним можно проследить направления, темпы и глубину работы органов местного самоуправления [1, с. 24]. Земские сметы доходов и расходов самым

наглядным образом иллюстрируют приоритеты и направления развития местного управления в Российской империи.

Нормативно-правовую основу формирования земских бюджетов изначально составляли «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» [2], «Временные правила для земских учреждений по делам о земских повинностях» [3], а после 1899 г. – «Устав о земских повинностях» [4]. Последний документ в п. 6 устанавливал: «Денежные земские повинности предназначаются на надобности или для пользы одной какой-либо губернии или области, или нескольких губерний или областей» [4]. Названное положение окончательно определяло автономный характер местных бюджетов земств не только с точки зрения источников их наполнения, но и с точки зрения их расходной части.

Первые годы существования советского государства озаменовались переходом к принципу демократического централизма [5]. Следуя данному импульсу, в бюджетной сфере были провозглашены идеи консолидации и единства советского государственного бюджета, что автоматически исключало существование самостоятельных местных финансов.

Разворот государственной политики в данном направлении был обусловлен именно провозглашением НЭПа, в состав принципов которого входили децентрализация, автономия, самоокупаемость, хозяйственный расчет и финансовая инициатива. Все эти категории составили экономический базис новой системы, которая начала формироваться в 1921 г., и была свернута в начале 1930-х гг.

Становление системы советского законодательства о местных бюджетах начинается в 1921 г. с принятием Декрета СНК от 22 августа 1921 г. «О местных денежных средствах». Документ устанавливал территориальный принцип формирования местных доходов и определял их источники. Так, в распоряжение губернских исполкомов попадали процентные

отчисления от сумм промыслового и других прямых государственных налогов, размеры которых определялись Народным комиссариатом финансов. Одновременно губернским съездам Советов предоставлялось право также устанавливать надбавки к окладам промыслового и других прямых государственных налогов, а также вводить и взимать местные налоги и сборы. В местные средства также обращались доходы от коммунальных предприятий. Для финансирования непредвиденных расходов местного значения в смету каждого губернского исполкома включался особый фонд в размере 5 % сметных расходов. Декрет, по своей сути, означал восстановление системы местных налогов и сборов. В дальнейшем законодателем было принято значительное число нормативно-правовых актов, посвященных данному вопросу, в числе которых следует особенно выделить «Временное Положение о местных финансах» 1923 г. и «Положение о местных финансах» 1926 г., непосредственно посвященных регламентации вопросов формирования местных бюджетов.

Вместе с тем, в общественно-политической мысли того периода отсутствовало единое понимание политической сущности нового юридического института. Так, например, известный и влиятельный политический деятель Сибири М. М. Лашевич, выступая на заседании Сибирского экономического совещания 19-20 сентября 1922 г., заявлял: «при советской системе единой государственной власти недопустимо противопоставление местного бюджета государственному, как это имело место при земском и городском самоуправлении. Бюджет в основе един и необходимым является только ... отчетливое определение статей доходов и расходов, принимаемых на себя центром и передаваемых на места» [6]. Особенно отмечалось, что в советских условиях во главе как центральной, так и местной власти, стоит один и тот же правящий класс, вследствие чего никакие противоречия внутри него невозможны, а следовательно, противопоставление бюджетов недопустимо. Такое восприятие местного бюджета нивелировало все попытки государственной власти установить его реальный и автономный характер, сводя роль финансов на местах к техническому разделению составления доходных и расходных смет.

Не существовало единства понимания и правовой природы нового института. Положение о местных финансах 1926 г. устанавливало, что местные финансы являются «частью единой системы финансов СССР, состоящей в непосредственном ведении местных Советов и исполкомов». Таким образом, закреплялся принцип единства бюджетной системы, который характеризуется совокупностью единства таких элементов, как доходная часть государственного и местных бюджетов, целей и задач, решаемых вышестоящими и нижестоящими звеньями бюджетной системы, целевой направленности расходов и доходов, а также наличием единой бюджетной классификации.

Однако в Финансовой энциклопедии 1927 г. местные финансы определяются как «совокупность задач, поручаемых государством местным публичным органам и совокупность средств, которыми они располагают для их удовлетворения» [7]. Как видно, основной акцент здесь делается именно на функции и задачи местных административных органов, бюджеты определяются как их необходимое финансовое обеспечение. Местное самоуправление рассматривается как автономное, обособленное от государственной власти, направленное на решение отдельного круга задач, отнесенного к его компетенции.

В то же время местные финансы понимались как «способ удовлетворения местных потребностей ... за счет доходных источников, предоставленных соответствующим местным исполнительным комитетам и Советам» [8]. Это толкование опирается на существование объективных местных потребностей, которые должны удовлетворяться за счет местных же ресурсов. Сходным образом институт местных финансов трактуется в Энциклопедии местного управления и хозяйства, изданной в 1927 году: средства, находящиеся в непосредственном распоряжении местных исполкомов, предназначенные для решения задач местного масштаба [9].

Нельзя говорить о том, что местная власть и государственная, равно как и местный бюджет и государственный, в этих определениях противопоставляются, однако определению следует отметить, что они разграничиваются. Пониманию НЭПа вообще было свойственно опираться на идеи децентрализации, в соответствие с которыми управление на местах

было самостоятельным, автономным, не производным от государственной власти. Соответственно, местные бюджеты, как их финансовое обеспечение, характеризовались такими же чертами.

Идеологические убеждения многих политических деятелей того периода исключали подобные идеи. Местный и государственный бюджет представлялись едиными. Их разделение носило технический характер и служило целям оптимизации государственного финансового управления. Советская власть была единой, неделимой, она лишь дифференцировалась на определенные уровни исключительно для удобства осуществления управленческой деятельности на большой территории.

Исходным положением для проведения данной логики являлся постулат, согласно которому в основе социалистической власти находилась воля одного класса в то время, как для буржуазного типа государства характерны различные социальные классы, представляющие центральную и местную власть. В буржуазных государствах протекает постоянная борьба между данными классами, что исходно противопоставляет местную власть и центральную (соответственно, местный бюджет и государственный). Для социалистического государства это нехарактерно, государственная и местная власть неделимы, следовательно, государственный и местный бюджет в своей основе един. Этот догмат ложился в основу определений местных финансов, свойственных тоталитаризму и централизации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что восстановление системы местных бюджетов в период НЭПа происходило в условиях неоднозначного восприятия их правовой природы и политической сущности со стороны финансовых работников и видных государственных деятелей. Представляется, что сами идеи, заложенные в основу Новой экономической политики, предопределяли полноценный, самостоятельный характер местных финансов, как хозяйственной основы деятельности полновластных местных органов. Местный бюджет должен был быть отделен от государственного, представлять собой автономный источник ресурсов для развития губернии, уезда, волости и города. Однако идеологические установки на местах препятствовали такому пониманию природы нового правового института, низводя его роль до технического инструмента. Допустимо предположить, что это обстоятельство впоследствии стало одной из причин, по которой реальные местные бюджеты так и не были установлены в советском государстве, а период НЭПа завершился в начале 1930-х гг. переходом к тоталитарной централизованной модели, исключающей саму концепцию местных финансов.

Пристатейный библиографический список

1. Низамова М. С. Земские бюджеты поволжского и уральского регионов как показатели финансово-хозяйственной деятельности органов местного самоуправления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2009. - № 96. - С. 24-31.
2. Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Учреждения государственного управления в России: опыт формирования и эволюция. Документы повествуют... - Н.Н., 1994. - С. 120-133.
3. Временные правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении // Сборник всех узаконений и распоряжений правительства по земским учреждениям. - СПб., 1868. - С. 63-94.
4. Устав о земских повинностях // Свод законов Российской империи. Текст: издание 1876-1917 г.
5. Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. Соч., т. 36. - М., 1969. - С. 151-152.
6. Советское народное хозяйство // Жизнь Сибири. - 1922. - № 2. - С. 3.
7. Финансовая энциклопедия: под общ. ред. Г. Я. Сокольникова. Второе издание. - М., 1927. - С. 278.
8. Озеров Н. М., Оптивцев А. Н., Орлов Ф. Е. Местные финансы и местный бюджет. - М., 1931. - С. 7.
9. Энциклопедии местного управления и хозяйства. - М., 1927. - С. 216.

ЛЫСЕНКОВ Сергей Геннадьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

БУТОВ Сергей Валерьевич

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения) Факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье отмечается важность борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны, раскрываются основные направления фальсификации и ее причины. Авторами приведена хронология организационно-правовых мер, направленных на противодействие фальсификации истории, проанализировано содержание действующих правовых актов. Представлены предложения по совершенствованию организационно-правовых средств противодействия фальсификации истории.

Ключевые слова: фальсификация истории, правовые средства, патриотизм, победа, Великая Отечественная война.

LYSENKOV Sergey Gennadjevich

Ph.D. in Law, professor, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Order of Zhukov St. Petersburg Military Institute of the National Guard of the Russian Federation

BUTOV Sergey Valerjevich

adjunct of the adjunct course (full-time and part-time studies) of the Faculty of Training of Highly Qualified Personnel and Additional Professional Education of the Order of Zhukov St. Petersburg Military Institute of the National Guard of the Russian Federation

LEGAL MEANS TO COMBAT THE FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article notes the importance of combating the falsification of the history of the Great Patriotic War, reveals the main directions of falsification and its causes. The authors give a chronology of organizational and legal measures aimed at counteracting the falsification of history, analyze the content of existing legal acts. Proposals for improving the organizational and legal means of counteracting the falsification of history are presented.

Keywords: falsification of history, legal means, patriotism, victory, Great Patriotic War.

Великая Отечественная война с фашистской Германией стала тяжелейшим испытанием для советского народа. Эта трагедия коснулась каждого гражданина и наглядно показала, что в нашей стране за годы советской власти выросло новое замечательное поколение сильных, волевых людей. Только такие люди способны были выйти победителями из войны, разгромить и добить сильнейшую машину германского милитаризма [1, с. 140].

Одним из главных источников победы в Великой Отечественной войне, основой морально-нравственного превосходства СССР над фашистской Германией был патриотизм. Он явился мощным источником массового героизма, мужества и самоотверженности, небывалой стойкости, беззаветной преданности Родине советских людей на фронте и в тылу [2, с. 60]. Патриотизм всегда был характерной чертой гражданской идентичности и менталитета народов нашего Отечества.

Несмотря на бесспорные свидетельства решающего вклада Советского Союза в разгром фашистской Германии, в первые послевоенные годы США и их союзники начали активно распространять в мировом сообществе идею о своей главной роли в победе во Второй мировой войне. Если в советское время предметом спора являлась в основном проблема «значения вклада» в достижение победы над общим врагом, то в настоящее время под сомнение уже ставятся концептуальные вопросы всей истории Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Вследствие активизации действий западных государств по распространению «выгодной» для них истории той войны, ухода из жизни ветеранов, которые могли бы опровергнуть измышления псевдоисториков, донести правду военных лет до последующих поколений, современное общество стало постепенно забывать о том, какой ценой досталась Великая Победа советскому народу.

Размер фальсификации роли СССР в Великой Отечественной и Второй мировой войнах значительно вырос после ослабления и распада Советского Союза. Под давлением западных стран бывшие советские республики, народы которых воевали против фашистских захватчиков, теперь сами стали носителями необъективной критики в адрес союзного государства. А некоторые страны, входившие в состав СССР, из союзников превратились в противников. Даже между представителями одной единой нации дезинформация сеет раздор и разрушает национальные ценности. Воздействие на сознание людей, их память о войне происходит по многим каналам: научная и популярная литература, средства массовой информации, культура, система образования. Цифровизация, при этом, способствует расширению сети каналов воздействия на людей. В информационном пространстве, постоянно насыщаемом «фейковой» информацией, враждебно настроенные субъекты целенаправленно используют возможности глобальных медиакомпаний для дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации, организации незаконных публичных акций и навязывания искаженных взглядов на исторические факты [3, с. 282]. Большой объем информации и неопределенность ее источников в сети «Интернет», недостаток критического мышления у большинства пользователей этой сети создают благоприятные условия для деструктивной деятельности западных спецслужб. Наиболее уязвимой социальной группой является современная молодежь, которая ввиду недостаточности исторического опыта и возрастных психологических особенностей более подвержена внушению и склонна к инфантильности.

Фальсификация истории Великой Отечественной войны осуществляется по следующим направлениям:

принижается вклад советского народа в Победу и одновременно преувеличивается вклад США, Англии и их сателлитов в разгром фашистской Германии;

большие людские и материальные потери СССР преподносятся как избыточная цена равная поражению, причины которого кроются в неумелом руководстве страной и Красной Армией лидерами коммунистической партии и в низких морально-психологических качествах советских граждан;

СССР наравне с фашистской Германией, а иногда и в большем размере, приписывается роль не освободителя стран Европы, а агрессора, пытавшегося их поработить; происходит реабилитация нацизма и фашистской Германии, которая якобы в целях безопасности Европы нанесла превентивный удар по Советскому Союзу;

используя самые циничные доводы, псевдоисторики дискредитируют подвиги военнослужащих Красной Армии, отрицая героизм советских воинов, и называя их фанатиками Сталина, психически нездоровыми людьми. Навязывается мнение, что в атаку воины шли движимые не чувством патриотизма, а страхом расправы со стороны заградительных отрядов войск НКВД, игнорируя тот факт, что из войск НКВД заградотряды не формировались [4, с. 281];

наряду с дискредитацией советских воинов, со стремлением превратить их из освободителей в оккупантов, активизируется процесс героизации предателей и коллаборационистов, воевавших на стороне фашистской Германии. Предателям приписывается роль героических борцов с коммунизмом за независимую демократическую Россию (Украину, Белоруссию, Польшу, Прибалтику и т.д.).

Указанный перечень искажения исторических фактов не является исчерпывающим. Фальсификация истории носит периодический характер и имеет тенденцию к усилению. Как только опровергаются одни лжефакты, сразу же появляются новые, как правило, еще более циничные. Об активизации работы западных спецслужб в России по распространению «выгодной» Западу истории Великой Отечественной войны можно судить по увеличению количества псевдоисторических заявлений, исходящих не только от иностранцев, но и от российских граждан.

Фальсификация истории Великой Отечественной войны создает угрозу национальной безопасности России. Без вмешательства государства губительное воздействие лжеисториков на сознание российских граждан может привести к необратимым последствиям. Это ставит перед государством задачу обеспечения сохранности исторической памяти народа и защиты от разрушающего воздействия ложных идей и злонамеренных посягательств недоброжелателей нашей страны на традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны должно являться одним из важных направлений внутренней политики, поскольку от этого зависит сохранение общероссийской гражданской идентичности и государственности в целом. Не опираясь на исторические факты, события и явления, отражающие величие и сплоченность наших предков, невозможно построить крепкое суверенное государство. Поэтому в России ведется борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны [5, с. 102]. Однако она не всегда эффективна, правовая составляющая этой работы требует дальнейшего совершенствования.

В настоящее время только объективным знанием истории, обоснованными аргументами можно опровергнуть лженаучные теории, целью которых является ослабление России, разрушение ее традиционных духовно-нравственных ценностей, обострение противоречий между народами на основе национальных, религиозных, идеологических и других признаков.

Российское государство и его народ переживают сложные времена. В такие периоды истории общество испытывает особую потребность в духовных опорах, обращаясь к опыту предыдущих поколений, их героическому и драматическому прошлому, сложившимся традициям консолидации, к их подвижничеству. Изучение истории России и всемирной истории с объективным раскрытием фактов вредоносных действий по отношению к нашей стране, поможет сформировать у подрастающего поколения критическое мышление и способность противостоять попыткам деструктивного влияния на сознание современной молодежи.

Государство должно взять на себя законодательное обеспечение деятельности по противодействию фальсифика-

ции истории, установить механизмы влияния общественных институтов на все средства распространения и пропаганды информации.

Ответственность за распространение ложной, деструктивной информации обязана стать неизбежной как для субъектов противоправных действий, так и для владельцев средств ее распространения. К каждому, кто захочет «полить грязью» вклад советского народа в Великую Победу, переписать итоги войны или дискредитировать ее героев, необходимо применить меры пресечения.

Между тем ряд мер правового характера, направленных на борьбу с фальсификацией истории в российском государстве уже принимались. Например, в мае 2009 года Указом Президента РФ была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Комиссия была представлена специалистами самых разных отраслей: историками, представителями законодательной власти, общественными деятелями, журналистами, но спустя три года была распущена вследствие низкой результативности. В составе комиссии было изрядное количество лиц, озабоченных идеей борьбы с советским прошлым нашего Отечества [6, с. 16].

Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ внес поправки в Уголовный кодекс РФ, введя статью 354.1 «Реабилитация нацизма». В указанной статье затрагивается более широкий круг вопросов, нежели определено в ее названии: «уголовной ответственности подлежат лица за отрицание фактов установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси; за одобрение установленных указанным приговором преступлений; за распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны, о деятельности СССР в годы Второй мировой войны; за распространение сведений, выражающих явное неуважение к обществу о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества; за оскорбление памяти защитников Отечества или унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, а равно оскорбление символов воинской славы России, совершенные публично»¹. Самым строгим наказанием за перечисленные противоправные действия статья предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок.

Включение в Уголовный кодекс РФ статьи 354.1 повлекло за собой действия организационного характера. В структуре Следственного комитета РФ в сентябре 2020 года был создан Штаб для архивных и поисковых работ в рамках борьбы с фальсификацией истории и реабилитацией нацизма, образовано Отделение по расследованию преступлений, связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории Отечества. Работа этого подразделения в настоящее время направлена не только на установление виновных в совершении преступлений в годы войны, но и на предотвращение искажения исторических фактов.

Результатом наиболее юридически значимых действий, направленных на борьбу с фальсификацией истории Великой Отечественной войны, стало внесение в июле 2020 года поправок в Конституцию Российской Федерации. Теперь в соответствии с ч. 3 ст. 67.1 Основного закона Россия обязана чтить память защитников Отечества и защищать историческую правду, не допускать умаление значения подвига народа при защите Отечества².

Практически одновременно с Конституцией РФ был дополнен Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», который в п. 2 ст. 2 определил воспитание как деятельность, направленную на «...формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества...»³.

1 Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // СЗ РФ от 17 июня 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – № 144. – 04.07.2020.

3 Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ от 31 декабря 2012 г. – № 53. – (часть I) Ст. 7598.

Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 278-ФЗ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» был дополнен статьей 6.1 запрещающей публичное отождествление целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицание решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы⁴. Следует отметить, что административная ответственность за указанное правонарушение была установлена только 16 апреля 2022 года путем дополнения КоАП РФ статьей 13.48⁵.

Свое развитие требования Конституции РФ получили не только в сфере образования, но и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ в июле 2021 года⁶. В «Стратегии» указано, что США и их союзниками предпринимаются попытки фальсификации российской и мировой истории и уничтожения исторической памяти, целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории и исторической правды, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма. Сохранение культурного и исторического наследия, памяти народа являются национальными интересами России. В целях защиты этих интересов основные действия Российской Федерации должны быть направлены на противодействие фальсификации истории, защиту исторической правды, сохранение исторической памяти и патриотическое воспитание граждан на примерах героического прошлого.

Указом Президента РФ № 442 30 июля 2021 года была создана в качестве координационного и совещательного органа при Президенте РФ Межведомственная комиссия по историческому просвещению⁷. Комиссия образована в целях сохранения исторической памяти, предупреждения попыток фальсификации исторических фактов, отставивания национальных интересов России по защите исторической правды. В состав Межведомственной комиссии помимо должностных лиц Администрации Президента и Совета Безопасности РФ вошли представители правоохранительных органов, силовых структур, министерств, исторических и патриотических обществ. Можно надеяться, что Межведомственная комиссия по историческому просвещению в ходе своей работы покажет значительно большую результативность, чем предшествующая ей Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, упраздненная из-за своей неэффективности в феврале 2012 года.

Правовым актом в сфере внешней политики, направленным на противодействие фальсификации истории, явился изданный 5 сентября 2022 года Указ Президента РФ, утвердивший Концепцию гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом⁸. В Концепции нормативно закреплена необходимость проведения активной работы по пресечению попыток других государств переписать историю Великой Отечественной и Второй мировой войн, принизить роль советского народа в общей Победе, умалить гордость российских граждан за свою Родину.

Значительный вклад в борьбу с фальсификацией истории внес Президент Российской Федерации, утвердивший 9 ноября 2022 года Основы государственной политики по со-

хранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁹. Указанные «Основы» определяют систему целей, задач и инструментов защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, к которым относятся патриотизм, служение Отечеству, историческая память поколений. В «Основах» указано, что распространение в России деструктивной идеологии влечет за собой риски искажения исторической правды и разрушения исторической памяти, дискредитации идеи служения Отечеству, формирования негативного отношения к воинской службе. В целях недопущения таких последствий основными задачами, направленными на сохранение и укрепление традиционных ценностей, являются: повышение эффективности деятельности общественных и государственных организаций по защите исторической правды, сохранению исторической памяти и историко-культурного наследия народов России, патриотическому воспитанию российского общества, противодействию фальсификации истории.

Проанализировав содержание указанных правовых актов, необходимо сделать вывод о том, что организационно-правовая работа, направленная на борьбу с фальсификацией истории Великой Отечественной войны организована в Российской Федерации достаточно эффективно, и имеет тенденцию к улучшению. Вместе с тем, в связи с участвующими нападками на историческую память российского народа необходимо постоянное совершенствование нормативной правовой базы в этой сфере. Кроме того, следует определить порядок публичного размещения информации, вызывающей подозрение в ее достоверности и законности, обязать средства массовой информации публиковать опровержение недостоверной информации, поступившей к ним от заинтересованных лиц и организаций.

В заключение стоит отметить, что даже самые востребованные меры правового характера, направленные на противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны не смогут достичь цели при отсутствии надлежаще организованной работы по нравственному, патриотическому воспитанию современной молодежи нашей многонациональной страны.

Пристатейный библиографический список

1. Аркин Е. А. Беседы о воспитании. – М.: «Молодая гвардия», 1945. – 203 с.
2. Кузницына С. Л. Памяти павших будем достойны // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. – 2015. – № 2 (27). – С. 59-66.
3. Дерюгин А. А., Луценко В. В. Противодействие распространению «фейковой» информации в вопросах обеспечения безопасности: функция государства в современных условиях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 281-286.
4. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Правовое обеспечение деятельности войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов // Яковлевские чтения: Сборник научных статей I Межведомственная научно-практическая конференция с международным участием, Новосибирск, 22-23 марта 2022 года. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. – С. 278-283.
5. Бредихин А. Л. Правовая регламентация борьбы с фальсификацией истории России // Экономика. Социология. Право. – 2020. – № 4 (20). – С. 101-105.
6. Противодействие фальсификации истории России: научные и законодательные аспекты. – М.: Издание Государственной Думы, 2020. – 160 с.
9. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 15.11.2022).

4 Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» // СЗ РФ от 22 мая 1995 г. – № 21. – Ст. 1928.

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // СЗ РФ от 7 января 2002 г. – № 1. – (часть I). Ст. 1.

6 Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ от 5 июля 2021 г. – № 27. – (часть II) Ст. 5351.

7 Указ Президента РФ от 30.07.2021 № 442 «О Межведомственной комиссии по историческому просвещению» (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии по историческому просвещению») // СЗ РФ от 2 августа 2021 г. – № 31. – Ст. 5896.

8 Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 (ред. от 17.10.2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // СЗ РФ от 12 сентября 2022 г. – № 37. – Ст. 6315.

ЕРМИЛОВ Иван Валерьевич

аспирант кафедры экономики и менеджмента Московского финансово-юридического университета

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ

В научной статье анализируются причины изменения законодательной политики Российского правительства в отношении отдельных раскольничьих общин, а также всей религиозной общности старообрядцев в годы правления Петра I. Дается юридическая оценка нормативных актов, регламентирующих правовое положение староверов в Российском государстве начала XVIII в.

Ключевые слова: правовой статус, абсолютная монархия, правовое регулирование, декриминализация, история права, феодальное право.

ERMILOV Ivan Valerjevich

postgraduate student of Economics and management sub-faculty of the Moscow University of Finance and Law

FEATURES OF THE LEGISLATIVE POLICY OF PETER I IN RELATION TO THE OLD BELIEVERS

The scientific article analyzes the reasons for the change in the legislative policy of the Russian government in relation to individual Old Believer communities, as well as the entire religious community of the Old Believers during the reign of Peter I. A legal assessment is given of the regulations governing the legal status of the Old Believers in the Russian state at the beginning of the 18th century.

Keywords: legal status, absolute monarchy, legal regulation, decriminalization, history of law, feudal law.

Ермилов И. В.

На протяжении многих веков, подданные Российского государства, исповедовавшие любое другое вероисповедание, обладали существенно меньшим объемом гражданских и религиозных прав и свобод, нежели последователи официального Православия. Одной из таких наиболее дискриминированных групп была религиозная общность старообрядцев. Представители данного течения, ещё в период его возникновения на заре Российского абсолютизма подвергались жесточайшим гонениям со стороны светских и церковных властей. Однако уже в начале XX в. раскольники играли существенную роль в общественно-политической жизни империи и обладали широким спектром гражданских и религиозных прав и свобод. Одним из ключевых для понимания эволюции Российского законодательства в отношении старообрядцев периодов, являются годы правления Петра I.

XVII век в истории России стал временем, когда страна проходила через целый ряд важнейших преобразований, оказавших колоссальное влияние на дальнейшее развитие отечественной государственности. Рост производительных сил, увеличение объемов промышленного производства, экстенсификация сельского хозяйства, укрупнение городов, возникновение товарно-денежных отношений и формирование общероссийского внутреннего рынка, - все эти факторы вызвали коренные изменения политико-правовой надстройки. Словно-представительная форма монархии утрачивала свою актуальность, шёл процесс становления Российского абсолютизма. Произошла бюрократизация государственного аппарата, существенно снизилась роль словно-представительных органов власти в государственном управлении, серьёзно расширились привилегии дворянства, ставшего новым правящим сословием. Окончательно было закреплено крестьянство [14, с. 444].

В законодательной сфере процессы абсолютизации, прежде всего, выразились в принятии «Соборного уложения» – нового основного свода законов Русского царства, содержащего нормы, регулирующие правоотношения практически во всех сферах жизни общества. Одними из наиболее важных были нормы, устанавливавшие новый правовой ста-

тус Православной церкви. Статьи «Уложения» впервые в истории отечественного права официально закрепляли приоритет светской власти над духовной, а также наносили серьёзный ущерб экономическому могуществу церкви [5, с. 149]. Такое положение дел вызвало крайне негативную реакцию со стороны представителей высшего духовенства, а их желание вернуть себе утраченные позиции повлекло за собой политическое противостояние между духовной и светской властями¹.

Поражение официальной церкви в данном противостоянии и переход её в полностью подчинённое дворянскому государству положение, привели к «расколу» и возникновению религиозного течения, известного, как «старообрядчество». С самого момента возникновения этого течения, его представители подвергались уголовному преследованию на основании первой статьи первой главы «Соборного Уложения», законодательно приравниваясь к еретикам [12, с. 70]. Однако в связи с рядом событий, произошедших во второй половине семнадцатого столетия в Русском царстве, перед законодателем встала необходимость выделения в отдельные составы ряда деяний, связанных с «Расколом».

Обострившиеся в России XVII в. социальные противоречия привели к ряду массовых антиправительственных выступлений, активно поддерживаемых представителями староверия. Это послужило причиной того, что российские власти берут курс на полное искоренение «раскола», а их политика в отношении старообрядцев приобретает исключительно репрессивный характер. Правовым основанием этого стал изданный царевной Софьей в апреле 1685 г. указ «О наказании разсепевающих и принимающих ереси и расколы». Данным указом, помимо уголовной ответственности за принадлежность к староверию законодатель также криминализировал ряд деяний, связанных

1 Полное Собрание Законов Российской Империи (далее ПСЗ) Т. IV. № 1910.

с оказанием различного рода содействия раскольникам². Именно в годы правления царицы Софии происходили наиболее суровые гонения на старообрядцев.

Серьёзные изменения во взаимоотношениях между государством и старообрядцами начинают происходить уже после восшествия на престол Петра I. Судебная практика второй половины 90-х гг. XVII в. по делам о «Расколе» свидетельствует о существенно более лояльном отношении властей к староверам в сравнении с периодом правления предыдущих монархов. Согласно исследованию советского историка Н.Б. Голиковой, старообрядцы, которым в ходе судебного разбирательства удавалось доказать, что они не оскорбляли государя «непригожими словами», освобождались от уголовной ответственности [2, с. 121]. Таким образом, уже в самом начале единовластного правления Петра I факт принадлежности лица к «Расколу» переставал быть основанием наступления уголовной ответственности. В этой связи стоит упомянуть произошедший в 1698 г. случай, когда в ходе расследования дела о распространении запрещённой старообрядческой литературы книготорговцем Грачёвым, сотрудниками Преображенского приказа в Москве были обнаружены несколько тайных староверческих молитвенных зданий. Несмотря на установленный для старообрядцев запрет на возведение культовых сооружений, никаких мер по пресечению их деятельности сотрудниками приказа предпринято не было.

С другой стороны отношение государства к «расколу» продолжало оставаться исключительно негативным. В 1700 г. Палата об Уложении обязала всех помещиков и вотчинников осуществлять меры по борьбе с проявлениями староверия на территориях, находящихся в их собственности. Представители органов местной административной и монастырской властей также должны были препятствовать распространению «раскола» [7, с. 34].

Проводимая Петром I вероисповедная политика существенно отличалась от политики его предшественников. Стремление Петра сблизить Россию с европейскими государствами обусловило возникновение первых проявлений принципа веротерпимости в российском законодательстве. 29 апреля 1702 г., Петр I издаёт указ «о вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания». Согласно этому указу все последователи неправославных христианских течений получали право беспрепятственно совершать на территории России все необходимые им богослужения по установленным у них обрядам³. В тексте указа разъяснялось, что царь имеет власть над народом, но над человеческой совестью властен лишь Господь [8, с. 527].

Льготы, предоставленные данным указом лицам, принадлежащим к инославным конфессиям, не распространялись на старообрядцев. Староверы резко негативно относились к официальной церкви и обвиняли её в отступлении от истинного христианства. Со стороны государства подобные нападки на полностью аффилированную с ним РПЦ рассматривались, как проявление противоправительственных настроений [10, с. 107]. Стоит также упомянуть, что в годы правления Петра I переход из православия в любое другое вероисповедание рассматривался законодателем, как уголовно наказуемое деяние, за совершение которого было предусмотрено наказание в виде смертной казни.

В то же время, в политике Петра I в отношении старообрядцев всё сильнее начинает прослеживаться тенденция к либерализации. Наиболее ярко это выражалось в предоставлении староверам Выговской общины права справлять необходимые богослужения по книгам дониконианского образца. С точки зрения автора данной статьи предоставление царём таких преференций отдельной раскольничьей общине может объясняться её экономической «полезностью» для интересов государства.

В России конца XVII в. происходил масштабный рост ремесленного производства, тем не менее оно всё равно серьёзно отставало от спроса на промышленную продукцию со стороны казны и рынка. В особенности это касалось продукции железоделательной промышленности. В 1700 г. началась Северная война, в связи с чем, сильнее всего обострилась потребность в развитии отечественной металлургии, производящей лёгкое вооружение и иную военную продукцию.

Кроме того, с началом Северной войны, Швеция прекратила экспорт в Россию своего железа, от которого та серьёзно зависела [9, с. 11]. Царю не оставалось иного выхода, как приступить к созданию базы для развития отечественной тяжёлой промышленности. Основным регионом, где были сосредоточены главные металлургические производства, стал Олонецкий край. Здесь был создан целый ряд чугуноплавильных и железоделательных заводов, в том числе известный Повенецкий завод, по объёму выпускаемой продукции занимавший второе (после Петровского) место из четырёх Олонецких петровских заводов [1, с. 247].

Этот завод был построен неподалёку от Выговской пустыни, на территории которой, ещё с XVII в. располагалась крупнейшая беспоповская раскольничья община. Из-за столь отдалённого места расположения предприятия, на заводе имелся определённый дефицит рабочей силы. Решение этой проблемы Пётр I видел в привлечении выговских старообрядцев к работам на данном заводе. В связи с этим, 20 февраля 1705 г. Петр I издал указ, согласно которому, выговские староверы получали право свободно проживать на территории пустыни, справлять необходимые богослужения по книгам дониконианского образца, а также избирать себе старосту. Примечательно, что одной из обязанностей старосты было ходатайствовать царю о новых угодьях и землях, необходимых общине для её роста. Сами же члены общины этим указом обязывались исправно принимать участие в работах на Олонецких заводах и участвовать в приискании руд. Согласно тексту указа, общинникам за это полагались «от великого государя милости» [8, с. 527].

Необходимо отметить, что подобные льготы касались исключительно проживающих на Выге раскольников. В отношении старообрядческих общин, располагающихся в других регионах, правительство продолжало проводить довольно жёсткую репрессивную политику. Например, в 1706 г. по поручению Петра I проводились масштабные мероприятия по разорению Керженских скитов [13, с. 175]. С другой стороны, в том же 1706 г. в Выговской пустыне был возведён женский староверческий монастырь, где настоятельницей стала сестра киновиарха общины [6, с. 81].

Очевидно, заинтересованность Петра I в подобном сотрудничестве с Выговскими раскольниками была чрезвычайно высока. Этому свидетельствует тот факт, что выполняя просьбу выговского киновиарха Андрея Денисова, 5 марта 1714 г. царь издаёт указ, до того момента беспрецедентно расширявший гражданские права и свободы выговских старообрядцев. Согласно данному указу, каждый член выговской общины имел право получить отпускное письмо, наличие которого, позволяло старообрядцу беспрепятственно перемещаться по территории страны, а также заниматься промыслами и торговлей. Лицу, уличённому в воспрепятствовании реализации староверами их законного интереса, грозило наказание в виде «жесточкого истязания»⁴. Одним из последствий принятия этого указа стало развитие промыслов и торговли выговской общины, увеличение количества её членов, усиление роли общины в экономической жизни страны и ещё большее распространение староверия.

В то же время, в масштабах всей страны правительство продолжает принимать меры по искоренению «Раскола». 13 марта 1715 г. Пётр I издаёт указ, устанавливающий уголовную ответственность и наказание в виде смертной казни за оказание противодействия мерам, направленным на борьбу со староверием. Этот же указ обязывал должностных лиц оказывать необходимое содействие представителям органов,

2 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. Т. 4. СПб., 1836. С. 419-422.

3 Полное Собрание Законов Российской Империи (далее ПСЗ) Т. IV. № 1910.

4 ПСЗ. Т. V. № 2991, 2996.

уполномоченных вести противостарообрядческую деятельность. За неокказание должностным лицом подобного рода содействия, указом устанавливалась уголовная ответственность и наказание в виде лишения «имения своего»⁵.

Дальнейшее развитие правового статуса старообрядцев в годы правления Петра I можно объяснить их экономической «полезностью» для российского правительства. К середине 10-х гг. XVIII в. государственная казна была сильно истощена, нарастающие инвестиционные потребности активно развивающейся военной промышленности удовлетворить было всё труднее и труднее, а расходы бюджета на протяжении нескольких лет существенно превышали его доходы. Несмотря на рост доходов от торговли, единственным добиться бездефицитного бюджета оставалось проведение масштабной реформы системы налогообложения и увеличение налогового бремени на податное население. Разработанные правительством меры по модернизации отечественной системы налогообложения должны были решить следующие задачи: разделение общества на податные и неподатные сословия, затруднение перехода лиц в неподатные сословия; унификация налогов и сборов; максимально возможное расширение числа налогооблагаемых субъектов [4]. По мнению автора данной статьи именно этот фактор оказал решающее влияние на политику Петра I в отношении раскольников.

Стремясь увеличить число субъектов налогообложения, в феврале 1716 г. Пётр I издаёт указ, согласно которому, каждый подданный, регулярно не посещающий службы в заведенных официальной церкви, записывался в «Раскол» и облагался двойной подушной податью⁶. Данный закон косвенно отменял изданный ещё царевной Софьей указ «О наказании распевующих и принимающих ереси и расколы», предусматривавший наказание в виде смертной казни за принадлежность к «расколу». Таким образом, можно утверждать о фактической легализации старообрядчества в годы правления Петра I. С точки зрения автора данной статьи, столь радикальные изменения правового статуса раскольников, в первую очередь, были продиктованы интересами фиска. Уже к началу XVIII в. многие раскольничьи общины превратились в крупные торговые организации, члены которых обладали крупными денежными средствами. В связи с этим, легализация «раскола» с одной стороны помогала увеличить объём поступающих в казну налогов, а с другой, снизить расходы бюджета, выделяемые на борьбу с распространением староверия. Необходимо также упомянуть, что члены выговской общины были освобождены от выплаты двойной подушной подати.

Помимо декриминализации целого ряда связанных с «расколом» деяний, указ даровал старообрядцам право беспрепятственно проживать на территории сёл и городов.

Тем не менее, старообрядцы продолжали оставаться одной из наиболее ущемлённых в вероисповедных и гражданских правах религиозных групп. Староверам по-прежнему было запрещено возводить сооружения, иметь в собственности землю, а также хранить у себя какую-либо литературу. В качестве наказания за своевременную неуплату налогов или обращение из официального православия в «раскол» старообрядцу грозили экспроприация в пользу государства всего его имущества и ссылка. Кроме двойной подушной подати староверы при совершении обряда бракосочетания должны были выплачивать «особые сборы»⁷. За совершение любого иного обряда раскольничьим священником законодательство предусматривало штраф в размере двойного тягла⁸. Каждая старообрядческая община при рождении или погребении кого-либо из её членов, обязана была выплачивать в казну налог в размере одной гривны. Налог такого же размера представители православного духовенства имели право собирать с любого двора, на котором проживали староверы⁹.

Исходя из всего сказанного выше, можно сделать вывод о том, что основным фактором, влияющим на развитие отечественного законодательства в отношении «раскола» в годы правления Петра I, стала их экономическая «полезность» для государства. Решая проблему нехватки рабочей силы на промышленных предприятиях Олонецкой губернии, Пётр I наделяет рядом гражданских и религиозных прав старообрядцев выговской общины. Затем, с целью добиться бюджетного профицита и увеличения числа податного населения, Пётр фактически легализует «раскол», отменяя уголовное преследование старообрядцев и облагая их двойным подушным сбором. С другой стороны, государство по-прежнему продолжает рассматривать «раскол», как нежелательное явление и предпринимает ряд мер, направленных на борьбу с ним.

Пристатейный библиографический список

1. Глаголева А. П. Олонекские заводы в первой четверти XVIII века. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. - Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. - С. 247.
2. Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. - Москва: Изд-во МГУ, 1957. - С. 121.
3. Дубаков М. В. Промышленно-торговая политика Петра I. диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - Москва, 2004. - С. 73.
4. Золина И. И. Правовое положение церкви по Соборному Уложению 1649 года // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. - Новосибирск: Изд-во НГТУ. Новосибирск, 2012. - С. 149-154.
5. Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. - Казань, 1887. - С. 81.
6. Клибанов А. И. Опыт религиозного прочтения сочинений Аввакума. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Сб. науч. трудов. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Р. Моррис. - Новосибирск, 1992. - С. 34.
7. Князьков С. А. Очерки из истории до-Петровской Руси. - 2-е изд., испр. и доп. - Петроград: Кн. маг. П. В. Луковникова, 1917. - С. 527.
8. Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. - Свердловск, 1948. - С. 11.
9. Мельгунов С. П. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в.: Старообрядчество. Религиозные гонения. Сектанство. - Москва: Задруга, 1919. - С. 107.
10. Мнения патр. Никона об Уложении и проч. (Из ответов боярину Стрешневу) // ЗОРСА. - Т. 2. - С. 423-498.
11. Скрипкина Е. В. Самодержавие и церковный раскол в России во второй половине XVII в.: царь Алексей Михайлович и протопоп Аввакум: монография; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Омский фил. Российского заочного ин-та текстильной и легкой пром-сти. - Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. - С. 70.
12. Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. - 2-е изд., испр. и доп. - Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1895. - С. 175.
13. Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. - Москва: Наука, 1969. - С. 444.

5 ПСЗ. Т. V. № 3330.

6 ПСЗ. Т. V. № 2991, 2996.

7 ПСЗ. Т. V. № 3330.

8 Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания (ПСПрВПИ) Т. I. № 97.

9 ПСЗ. Т. VI. № 4009.

ЛООС Евгений Викторович

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

СЕМЕНЮК Руслан Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВЕ ЛИЧНОСТИ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Эффективная правовая защита и полноценная реализация прав личности на честь и достоинство невозможны без изучения природы этих явлений. В статье рассматриваются представления о чести и достоинстве личности, существовавшие в одном из типичных государств Древнего Востока – Древнем Египте. Сформированное в существовавших тогда исторических условиях государство стало инструментом классового господства, утвердившись в ряде стран того периода в форме восточной деспотии. Идеологической основой деспотизма стала религия, которая обожествляла личность и власть главы государства. Все это наложило отпечаток на специфику формирования представлений о чести и достоинстве на исследуемом историческом отрезке.

Ключевые слова: честь, достоинство, личность, Древний Египет, представления, права человека.

LOOS Evgeniy Viktorovich

senior lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SEMENYUK Ruslan Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Altai branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

POLITICAL AND LEGAL IDEAS ABOUT THE HONOR AND DIGNITY OF THE INDIVIDUAL IN ANCIENT EGYPT

Effective legal protection and full realization of the individual's rights to honor and dignity are impossible without studying the nature of these phenomena. The article examines the ideas about the honor and dignity of the individual that existed in one of the typical states of the Ancient East – Ancient Egypt. The state formed in the historical conditions that existed at that time became an instrument of class domination, establishing itself in a number of countries of that period in the form of eastern despotism. The ideological basis of despotism was religion, which deified the personality and power of the head of state. All this left an imprint on the specifics of the formation of ideas about honor and dignity in the historical segment under study.

Keywords: honor, dignity, personality, ancient Egypt, ideas, human rights.

Наряду с другими фундаментальными правами и интересами личности, права личности на честь и достоинство признаются в современном мире высшей ценностью [6, с. 22]. Возникнув еще в древности, эти феномены в процессе развития человеческой цивилизации прошли путь трансформации от категорий морально-нравственных, и даже онтологических, до категорий правовых, прочно заняв в наши дни место среди объектов внимания юридической науки.

В связи с диалектичностью природы чести и достоинства личности их исследование может проводиться на каждом новом этапе исторического развития общества без утраты актуальности предмета исследования. При этом изучение этих явлений на каждом из этапов позволяет глубже уяснить их сущность, выявить закономерности развития, повысить эффективность их правовой защиты [1, с. 48-52].

В самых общих чертах честь можно определить как положительную внешнюю оценку качества личности; достоинство – как внутренне присущее качество личности, связанное с принадлежностью к человеческому роду и ее адекватной самооценкой [4, с. 45]. Представления о чести и достоинстве личности в разных частях земного шара возникали и развивались неравномерно, в зависимости от менталитета и жизненного уклада конкретного социума.

Человечество прошло в своем развитии несколько крупных, традиционно выделяемых в науке этапов, в число которых входит Древний Восток. В результате длительного сохранения сельской общины, которая вела натуральное хозяйство и в значительной степени была замкнута в себе, сформировалось государство, ставшее инструментом классового господства, и утвердившееся в ряде основных стран в форме восточной деспотии. В таких государствах вся власть была сосредоточена в руках монарха. При этом она не была ограничена законом, обожествлялась и обеспечивалась поддержкой военных и чиновничьего аппарата.

Право стран Древнего Востока также имело сходные черты. Основным его источником был обычай, который будучи санкционированным государством, лег в основу письменных правовых документов. Право Древнего Востока было неотъемлемо от религии, которая оказывала на него серьезное влияние. Нарушение норм права одновременно являлось нарушением норм морали и религии.

Ярким представителем Древнего Востока являлся Древний Египет. В древнеегипетском обществе доминировали представления о социальной ценности лишь представителей господствующих классов. Высшим достоинством признавалось достоинство фараона, а служение ему было великой

Лоос Е. В.

Семенюк Р. А.

честью, о чем упоминается во многих древнеегипетских источниках. «Он (бог Амон-Ра) - это отец мой; я - сын его, которого он предопределил к пребыванию на престоле своем, в то время как я был еще птенцом» - можно прочесть в речи фараона Тутмоса III, записанной на стене постройки Карнакского храмового комплекса бога Амона-Ра в Фивах. В другом источнике - Жизнеописании вельможи Уны - записано: «Никогда не было сделано подобного ни одному [другому] слуге, так как я пользовался расположением его величества, так как я был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня. ... Я действовал так, что вызывал одобрение его величества, организуя охрану, уготовляя путь царя и организуя стоянку. Я делал все так, что его величество хвалил меня за то чрезвычайно» [2, с. 7].

Чем ближе к фараону располагался сановник в иерархической лестнице, тем большим достоинством он обладал. «Почитай твоих вельмож; ... Обогащай твоих вельмож, и они будут исполнять твои законы», - записано в Поучении Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара [5, с. 18]. В произведениях древнеегипетской скульптуры присутствуют тенденции создать при изображении фараонов и вельмож идеализированный образ прекрасного человека.

Представители бедных слоев населения также стремились приблизиться ко двору фараона. По этой причине высоко ценилась в обществе профессия писца, которая не только обеспечивала хорошей работой с высоким доходом и льготами, но и позволяла подняться в иерархической лестнице. Многие древнеегипетские источники подчеркивают привилегированность писцов перед представителями других профессий. В этой связи следует отметить, что мастерство в любом деле в древнеегипетском обществе также ценилось высоко. В Поучении Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара отмечается: «Не делай различия между сыном (знатного) мужа и простолюдином; приближай к себе человека за дела его рук, и будет исполняться всякое ремесло [...] для (царственного) владыки мощи» [5, с. 19].

Особенностью Древнего Египта было довольно высокое для Древнего Востока положение женщин, что детерминировано пережитками матриархата. Они, наравне с мужчинами имели ряд личных и имущественных прав, и даже иногда становились во главе государства. К примеру, преемницей фараона Тутмоса I стала его дочь Хнумит-Амон Хатшепсут. Однако в целом достоинство женщины значительно отличалось от достоинства мужчины. Мужчины имели явное превосходство, что фиксировалось в законах и обычаях.

Человеческое достоинство, в современном его понимании, не имело в Древнем Египте особой ценности. Рабы, как уже было отмечено выше, приравнивались к вещам. За нарушение закона применялись жестокие, бесчеловечные наказания, попирающие всякое достоинство: отрезание носа, ушей, языка, конечностей, кастрация и т.д. Широко практиковалась смертная казнь, которая также носила крайне жестокие формы: сажание на кол, варение в кипятке, замуровывание в стене, скармливание крокодилам и т.д.

Вместе с тем, многие древнеегипетские тексты и документы свидетельствуют и о ценности в обществе фундаментальных нравственных идеалов. Причина, по которой даже фараоны вынуждены были с этим идеалами считаться - вера в загробную жизнь и посмертное воздаяние за грехи. В Поучении Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара читаем: «Не будь злым. На земле (скоротечно) проходит [жизнь], нет ей продления, но (добрая) память на ней — это (вечная) юность.... Утешь стенающего, не притесняй вдову, не прогоняй сына от имущества его отца. Стерегайся карать опрометчиво! Не убивай — нет тебе в этом пользы ...». И далее: «Пребывание там - это вечность, ... что же до снискавшего это без совершения греха, он будет существовать там, подобно богу, вольно шагая, подобно владыкам вечности» [5, с. 18].

В известном древнеегипетском произведении «Книге мертвых» называется ряд деяний, неугодных богам, которые очевидно осуждались и не ассоциировались с честью и в обществе: «Я не творил зла вместо справедливости. ... Я не притеснял бедного. ... Я не причинял никому страданий. Никого не заставлял плакать. Я не убивал и не заставлял убивать. Я никому не причинял боли. ... Я не развратничал. Я не мужеложествовал. Я не уменьшал меры зерна. Я не убавлял меры длины. Я не покушался на чужие поля. ... Я не отнимал молока от уст младенца. ... Я не был жадным. ... Я не крад,

я не говорил лжи, я не лицемерил, я не был надменным, я не делал различия между собой и другими, не велико было пристрастие ко мне имущество...» [3, с. 104]. Следует констатировать диссонанс между содержанием подобных исторических документов и реальной жизнью. Это объясняется, очевидно, стремлением выдать желаемое за действительное, скрыть неблагоприятные стороны реальности за ширмой красивых изречений. Подобная особенность, как показывает история, является характерной для тоталитарных режимов.

Таким образом, честь и достоинство человека в Древнем Египте были тем ценнее, чем выше было его положение в обществе и материальное благосостояние. Беднейшие слои населения вообще были лишены права претендовать на обладание этими нематериальными благами. Рабы ставились в один ряд со средствами производства и являлись коллективной собственностью (принадлежали государству, храмам и общинам). При этом границы, отделявшие положение рабов от низших слоев общинников-крестьян были выражены слабо.

Итак, в странах Древнего Востока государство подчинило своей воле всех подданных, превратив человека в послушного исполнителя. Честью признавалось верное служение правителю и деятельность, полезная для государства. Уважение к лицу, обладающему мастерством в какой-либо области такой деятельности, значительно повышалось.

Достоинство личности находилось в прямой зависимости от происхождения и социального статуса человека: наивысшим признавалось достоинство правителя и окружавшей его элиты, низшие слои общества были лишены права обладания им. Следует также отметить характерное для всех государств Древнего Востока гендерное неравенство: достоинство женщины оценивалось значительно ниже достоинства мужчин. На достоинство личности, кроме того, оказывало значительное влияние материальное благосостояние человека, однако материальная обеспеченность и высокий социальный статус, как правило, совпадали.

Вместе с тем, несмотря на классовое разделение, в сознании народа существовали идеи ценности человека в целом, и началось формирование основ достоинства личности в современном его понимании.

Пристатейный библиографический список

1. Аничкин Е. С., Ботвин И. В. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства стран Европы и Российской Федерации за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Алтайский юридический вестник. - 2014. - № 1.
2. Жизнеописание вельможи Уны. Цит. по: История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебное пособие / Под ред. В. И. Кузицина. - М.: Высш. шк., 2002.
3. Изречения «Книги мертвых». Цит. по: История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебное пособие / Под ред. В. И. Кузицина. - М.: Высш. шк., 2002.
4. Лоос Е. В. К вопросу о чести и достоинстве коллективных субъектов // Алтайский юридический вестник. - 2017. - № 3 (19).
5. Поучение Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара. Цит. по: История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебное пособие / Под ред. В. И. Кузицина. - М.: Высш. шк., 2002.
6. Ермакова О. В., Ботвин И. В., Тарасова Л. Я. [и др.]. Преступления против личности и собственности: проблемы толкования и квалификации. - Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020.

ЛЯПИН Никита Михайлович

кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения Астраханского государственного технического университета

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются историко-правовые аспекты деятельности общественных культурно-просветительских организаций Нижнего Поволжья и их влияние на формирование гражданского общества в пореформенной России. Исторический опыт свидетельствует, что условием эффективного решения общественно значимых задач является кооперация и координация деятельности государства, местного самоуправления и частной инициативы.

Ключевые слова: гражданское общество, общественная организация, городское самоуправление, просветительская деятельность.

LYAPIN Nikita Mikhaylovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Astrakhan State Technical University

CULTURAL AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The article examines the historical and legal aspects of the activities of public cultural and educational organizations of the Lower Volga region and their impact on the formation of civil society in post-reform Russia. Historical experience shows that the condition for the effective solution of socially significant tasks is cooperation and coordination of the activities of the state, local self-government and private initiative.

Keywords: civil society, public organization, city self-government, educational activities.

Несмотря на многовековую историю существования понятия «гражданское общество» и многочисленные попытки в мировой философской, политической и юридической науках его определить, приходится констатировать, что единый подход к его дефинированию отсутствует [2, с. 6].

Основываясь на понимании гражданского общества как «системы самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, в задачи которых входит обеспечение условий для самореализации отдельных индивидов и коллективов, удовлетворение частных — индивидуальных или коллективных — интересов и потребностей» [3, с. 441], можно утверждать, что общественные организации просветительской направленности, наряду с выборными органами местного самоуправления и политическими партиями и союзами [4, с. 142], являлись его важнейшим элементом.

В последние годы во власти и общественном мнении коренится осознание органичной и тесной связи национально-суверенитета и развитого гражданского общества. Выступая в октябре 2020 г. на ежегодном заседании дискуссионного клуба «Валдай», Президент РФ В. В. Путин отметил, что хотя не все зарубежные фонды, финансировавшие российские НКО, преследовали «дурные и корыстные цели», но даже искренние энтузиасты в конечном счете отражали интересы не граждан России, а своих иностранных покровителей. Следовательно, «сильное, свободное, самостоятельное гражданское общество по определению национально ориентировано и суверенно. Оно прорастает из толщи народной жизни».¹

В этой связи представляется, что особое внимание должно быть уделено изучению исторического опыта дея-

тельности именно отечественных общественных организаций, как наиболее близких по духу и целям современным институтам гражданского общества России.

В конце XIX – начале XX века деятельность различных общественных организаций приобрела широкий размах и большое социальное значение не только в столичных центрах, но и в самой «толще народной жизни» – провинциальных регионах, переживавших в пореформенную эпоху значительный подъем социально-экономического и духовного развития.

Нижнее Поволжье, включавшее в указанный период территории Астраханской и Саратовской губерний, не стало исключением. На его территории успешно функционировали ряд культурно-просветительских общественных организаций, различавшихся по целям и содержанию деятельности, но возникших благодаря частной инициативе и стремившихся к просвещению народа, улучшению его духовно-нравственного состояния.

Наиболее эффективной формой культурно-просветительской работы в последней четверти XIX – начале XX в. стали так называемые комиссии народных чтений. В нижне-волжском крае они были представлены астраханской, саратовской и царичынской комиссиями. В их функции входила организация народных чтений – публичных чтений произведений научно-популярного характера, художественной литературы, произведений историко-патриотического, религиозно-нравственного содержания.

Правовой базой для их деятельности стали Высочайше утвержденные правила для устройства народных чтений в губернских городах от 24 декабря 1876 г. Согласно данному НПА, в качестве организаторов чтений могли выступать общественные организации и частные лица.² Функции общего

1 Путин: Российское гражданское общество по определению суверенно // Российская газета, 22.10.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/22/putin-grazhdanskoe-obshchestvo-po-opredeleniu-suverenno.html> (дата обращения: 23.11.2022).

2 Высочайше утвержденные правила для устройства народных чтений в губернских городах: Положение Комитета министров, Высочайше утв. 24 декабря 1876 г. // Полное собрание законов Российской империи: СОБР.2-е, Т. LI. - СПб., 1878. - С. 556-557.

контроля и выдачи разрешения на проведение чтений отводились администрации учебного округа, непосредственный надзор – инспекторам народных училищ. Важнейшим условием выдачи разрешения являлась благонадежность организаторов мероприятия и лекторов.

Выбор материала для чтений ограничивался списком произведений, утвержденным Ученым комитетом Министерства Народного Просвещения, чтение самих произведений осуществлялось «без всяких изменений и дополнений». Сам список допущенных к чтению произведений был невелик: по состоянию на 1896 г. в него входило 250 наименований³.

Астраханская комиссия народных чтений (далее – АКНЧ), возникла в 1882 г. по инициативе преподавателей местных учебных заведений Н. Д. Пацукевича и Н. В. Лаврова. «Убежденные в нравственной пользе и образовательском значении народных чтений», они просили астраханского губернатора «исходатайствовать... у г. Попечителя Казанского учебного округа разрешение устраивать народные чтения в Астрахани на основании правил 24 декабря 1876 г.»⁴.

С момента создания АКНЧ популярность проводимых ею чтений росла, увеличивался и ее состав, в 1892 г. в ней состояло 106 членов [1, с. 242], в основном – преподавателей местных учебных заведений.

Несмотря на отсутствие устава, АКНЧ имела достаточно четкую внутреннюю организацию, что обеспечивало ей эффективную и регулярную деятельность. АКНЧ точнее было бы классифицировать как неформальное объединение граждан, носящее некоторые признаки официально зарегистрированного общества. Однако четкая структура, хорошо продуманный процедурный характер принятия новых членов, строгое распределение обязанностей внутри распорядительной комиссии – исполнительного органа АКНЧ – существенно приближали АКНЧ к признанному законом общественным организациям.

Созданная в 1887 г. Саратовская комиссия народных чтений являлась структурным подразделением Общества Саратовских санитарных врачей и действовала на основании устава общества, что в значительной степени гарантировало большую стабильность работы комиссии. В уставе фиксировалась основная цель общества: «Содействовать улучшению общественного здоровья и санитарных условий в г. Саратове и Саратовской губернии». В качестве способов достижения этой цели общество предполагало «распространение гигиенических сведений с помощью популярных изданий, публичных лекций и других мер, разрешенных правительством», а также открытие гигиенической библиотеки и «устройство санитарных съездов» [6, с. 2].

Структурная организация СКНЧ вполне соответствовала духу общества и базировалась на принципах демократизма и коллегиальности. Важнейшие вопросы выносились на ежемесячные заседания общего собрания СКНЧ и решались голосованием. На заседаниях избиралось и Правление комиссии, ведавшее отношениями с администрацией и разрешением текущих вопросов. Правление состояло из председателя, вице-председателя, казначея, заведующего картинами, заведующего фонарями и двух секретарей. Впоследствии в

правление комиссии были введены по одному избранному члену от созданных в 1901 г. отделов комиссии – литературно-музыкального и лекционного.

Характерной особенностью изучаемого периода стало тесное сотрудничество культурно-просветительских организаций с органами городского и земского самоуправления. Проявлялось это не только в участии гласных городских дум в работе комиссий народных чтений в качестве чтецов, но и в формировании материальной базы комиссий. Особенно это было актуально в условиях полного отсутствия государственного финансирования.

Астраханская и Саратовская городские думы ежегодно выделяли денежные субсидии комиссиям. В частности, АКНЧ с первого же года существования город назначил субсидию в размере 300 рублей, впоследствии увеличившуюся до 750 рублей в год, а с 1890 – до 1000 руб. в год [5, с. 19]. Таким образом, с 1882 по 1894 год Астраханская городская дума перечислила АКНЧ 9550 руб. Ежегодную субсидию в размере 150 руб. Перечисляла Саратовская городская дума СКНЧ. Кроме того, для проведения воскресных и праздничных чтений городские думы Саратова и Астрахани предоставляли думские залы заседаний.

Подобное сотрудничество общественных организаций и органов местного самоуправления наглядно демонстрирует глубокие процессы, происходившие в дореволюционном русском общественном сознании. Стремление городской интеллигенции, чиновничества, духовенства к консолидации во имя социально значимых целей не только на частном, но и на организационном уровне, свидетельствует об интенсивном и уверенном формировании ведущих институтов гражданского общества. Общедоступность просветительских мероприятий, избрание в качестве целевой аудитории лиц, для которых элементарные знания были недоступными в силу ряда социально-экономических причин, позволяют рассматривать события в русле общего процесса демократизации дореволюционного российского общества, ставшей одной из предпосылок дальнейших коренных преобразований.

Пристатейный библиографический список

1. Вахтеров В. П. Народные чтения // Русская школа. - 1896. - № 5-6.
2. Колесникова Н. А., Рябова Е. Л. Гражданское общество в современной России. - М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.
3. Кравченко А. И. Политология: Учебник. - М.: изд-во МГУ, 2006.
4. Макшаева Е. Н. Дореволюционный этап становления гражданского общества в России // Материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе». - Саранск, 26.09.-31.10.2011 г. (Язык. Культура. Общество. Выпуск 3. 2011 г.).
5. Памятная книжка Астраханской губернии на 1892 г. - Астрахань, 1892. - Ч. 2.
6. Устав общества саратовских санитарных врачей. Саратов, тип. Ищенко и К°, без года.

3 Список книг, разрешенных Ученым комитетом Министерства народного просвещения к употреблению в низших училищах, в бесплатных народных читальнях и для публичных народных чтений. - Неофиц. изд. - Казань: Казан. уезд. земство, 1900.

4 Государственный архив Астраханской области (далее - ГААО). - Ф. 1. - Оп. 11. - Д. 957. - Л. 1.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-135-137

МИХЕЕВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СО СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В данной статье, на основе ряда архивных документов раскрыты особенности в организации культурно-просветительской работы среди спецпереселенцев на Урале (в Уральской области) в начале 30-х годов XX века. Необходимость организации культурно-просветительской работы, в том числе, и среди кулаков, имела довольно прочную правовую и идеологическую основу, нашедшую свое отражение в решениях XVI съезда ВКП (б), а именно – в борьбе против уклонов в национальном вопросе – против великодержавного шовинизма и местного национализма; введению в ближайшее время всеобщего обязательного начального образования и ликвидации неграмотности населения, а также развертывании ударничества и социального соревнования.

Ключевые слова: спецпереселенцы, репрессии, Урал, Уральская республика, кулаки, культурно-просветительская работа.

MIKHEEVA SVETLANA NIKOLAEVNA

Ph. D in Law, associate professor of General psychology and humanities sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMS OF ORGANIZING CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK WITH SPECIAL SETTLERS IN THE URAL REGION IN THE EARLY 30S OF THE XX CENTURY

In this article, on the basis of a number of archival documents, the peculiarities in the organization of cultural and educational work among special settlers in the Urals (in the Ural region) in the early 30s of the XX century are revealed. The need to organize cultural and educational work, including among the Kulaks, had a fairly solid legal and ideological basis, reflected in the decisions of the XVI Congress of the CPSU (b), namely, in the fight against deviations in the national question – against great-power chauvinism and local nationalism; the introduction in the near future of universal compulsory primary education and the elimination of illiteracy of the population, as well as the deployment of percussion and social competition.

Keywords: special settlers, repression, the Urals, Ural Republic, kulaks, cultural and educational work.

Правовой статус специальных переселенцев регулировался различными нормативными правовыми актами внутригосударственного характера. Основопологающим документом в указанной сфере явилось Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года, согласно которого государственным органам автономных республик было предоставлено право применять «все необходимые меры борьбы с кулачеством, в том числе и выселение их из пределов отдельных районов (областей) краев [1]. Стоит отметить, что политика ликвидации кулачества как класса в дальнейшем получила полное одобрение на XVI съезде ВКП (б), который прошел в 26 июня – 13 июля 1930 г. [2].

В 30-е годы XX века Урал становится одним из районов массового переселения семей раскулаченных. Только в 1930-1931 гг. XX века сюда было выслано около 128 233 крестьянских семей, раскулаченных по 2 категории. К 1932 году количество спецпереселенцев увеличится до 500 000 человек. География высылаемых была внушительной, и включала наряду с кулаками, проживавшими в РСФСР, крестьян-кулаков из республик Советского Союза: Украинской ССР – 32 127 человек, Белорусской ССР – 9 113 человек [3, с. 13]. Местом основного сосредоточения спецпереселенцев стали специальные «кулацкие» поселки под управлением комендантов.

Основными направлениями по организации быта спецпереселенцев являлись 1) хозяйственное обслуживание, которое включало в себя мероприятия по строительству

Михеева С. Н.

спецпоселков, размещению, расселению и хозяйственному, снабжению – обеспечению продовольствием, 2) организация и производительность труда; 3) медицинское обслуживание; 4) культурно-просветительская работа, изучению организации которой и посвящена данная научная статья.

Необходимость в организации культурно-просветительской работы была обусловлена следующими причинами: 1) максимального экономического использования специальных переселенцев, которые требовали особого внимания к повышению уровня их грамотности и повышению уровня специальных технических знаний; 2) политическим воспитанием спецпереселенцев, особенно подрастающего поколения. Особую роль в реализации данного направления должна была играть политпросветительская работа, необходимость ведения которой органам государственной власти представлялась как попытка бороться с моральным разложением и низкой дисциплиной среди спецпереселенцев, которые стали результатом:

1) негативного воздействия на них специального режима и внутреннего распорядка, в рамках которых всячески поощрялись доносы и слежки, напрямую влиявшие на психологию и нравственный уровень развития спецпереселенцев [4].

2) Слабой организации работы персонала хозяйствующих субъектов. Целевые проверки, проводимые уполномоченными работниками обкома ВКП (б) в трестах «Ураллеспрома» показали халатное отношение к работе

персонала лесопромышленных хозяйств, которые выявились в плохой организации труда, неумении, неправильном неполном и нерациональном использовании рабочей силы на работах. По вине счетного аппарата леспромхозов и его низовой сети были установлены факты затяжных и далеко несвоевременных выплат зарплаты при наличии у леспромхозов свободных лимитов [3, с. 71]. Последнее особо отчетливо проявлялось в бродяжничестве, перебежках и бегством рабочей силы в сторонние организации и к частным лицам (леспромхозы Ивдельский, Чусовской, Добрянский).

Политико-просветительская работа должна была нести в себе задачу воспитательную, т.е. включать мероприятия, направленные на производственную и антирелигиозную пропаганду, внедрение ударничества и соцсоревнования, борьбу с шовинизмом и антисемитизмом, пьянством и антисанитарией [5].

Итак, рассмотрим особенности организации культурно-просветительской работы со спецпереселенцами в Уральской области в начале 30-х годов XX века.

Из докладной записки от 8 сентября 1931 г., представленной заведующим УралОНО Перелем «Об уровне культурного обслуживания» отмечается, что на сентябрь 1931 года детей спецпереселенцев школьного возраста от 8 до 11 лет насчитывалось 36 750 человек, при этом только 2,8 % детей получали образование. Некомплект среди педагогов составлял 850 человек [3, с. 64]. С целью реализации мероприятий по введению всеобщего обучения требовалось построить школ на 850 комплектов. Кроме того, проектом предусматривалось введение семилетнего обучения с охватом 25 % детей в возрасте от 12 до 15 лет.

Для реализации мероприятий в рамках политпросвет работы требовалось построить также 65 изб-читален и организовать 444 красных уголка.

Обязанности по постройке школ, изб-читален и их оборудованию, должны были быть возложены на хозяйствующие субъекты. Хозяйственные расходы по школам, избам-читальням, красным уголкам должны были осуществляться за счет самодеятельности спецпереселенцев.

Состояние выполнения намеченного плана можно проследить по отчетным документам на 1 марта 1932 г.

Количество школ увеличилось на 65.

Количество красных уголков – 227.

Количество изб-читален – 50.

Количество рабочих клубов – 3.

Количество кружков: драматических – 209, музыкальных – 43, хоровых – 55, безбожников – 18, политических – 21, иных – 2.

Количество изданий – 34 000. Среди которых политических – 10 898, по сельскому хозяйству – 7 533, по беллетристике – 10 783, производственных – 589, медицинских – 211.

Количество радиоточек – 139.

Количество киносеансов – 368.

Количество стенгазет – 71.

Количество многотиражных газет – 4 [3, с. 114].

Несмотря на достигнутые показатели, к сожалению, в деле культурного обслуживания в части обучения, и политпросвет работе со спецпереселенцами в Уральской области в начале 30-х годов XX века уже на первоначальном этапе их реализации возникли следующие проблемы.

В части обучения – отсутствие необходимого количества школ, квалифицированных педагогических кадров, острый дефицит учебной, научно-технической литературы, в том

числе, книг для национальных меньшинств, а также письменных принадлежностей.

Только потребность в педагогических кадрах на 1 марта 1932 г. составляла 492 человека, против 442 на январь 1932 г.

По началу, проблема с нехваткой педагогических кадров решалась за счет привлечения к образовательной деятельности учителей из спецпереселенцев и комсомольцев. Однако как выяснилось позже, привлечение к образовательному процессу учителей из числа спецпереселенцев было с точки зрения политической благонадежности не лучшим решением для УралОНО, да и уровень их знаний, как отмечается, в докладной записке от 1 марта 1932 г. оценивался как низкий [3, с. 113].

Для решения указанной проблемы было предложено провести мобилизацию педагогов из числа национальных меньшинств. При этом, как показывают цифры на 1 марта 1932 года, выполнение мобилизации по Уральской области сильно затягивалось, план был выполнен только на 59,8 %. Недостаток в квалифицированных педагогических кадрах усугублялся еще и увеличением численности спецпереселенцев. На март 1932 года только детский контингент спецссылки от (8-11) насчитывал 48 892 человек, против 36 750 человек на сентябрь 1931 года [3, с. 64, 113].

Довольно остро стояла проблема ликвидации производственной неграмотности среди взрослого населения спецпереселенцев. В первую очередь, – это касалось рабочих профессий – слесарей, плотников, печников, столяров. Еще в марте 1931 г. бюро Уральского обкома ВКП (б) обязало лесопромышленные хозяйства (Ураллес, Уралуголь, Востокосталь, Союзрыбу, Уралсоль и др.) произвести учет спецпереселенцев, исходя из их производственной квалификации, и использовать их для жилищного строительства (преимущественным типом жилищного строительства в промышленных поселках в рассматриваемый период стало барачное строительство с коридорной системой) [3, с. 40]. Причина была одна – невыполнение плана по строительству жилья для спецпереселенцев в установленные сроки указанными хозяйствующими субъектами. Именно эта проблема еще в начале кампании по раскулачиванию и выявила острую нехватку специалистов производственных профессий. Несмотря на приложенные усилия местных хозяйственных и партийных органов, охват лиц, получающих образование по техническим специальностям среди взрослого населения спецпереселенцев на 1 марта 1932 г. был незначительным. Из 31 381 человека специальное образование получали только 6679, что составляло около 1/5 или 21,3 % от общего числа взрослого населения [3, с. 114].

Ситуацию в сфере образования усугубляло невыполнение плана по строительству школ. Так, по материалам докладной записки, представленной в ГУЛАГ ОГПУ и обком ВКП (б) от 20 марта 1932 г. в Ивдельском районе план по строительству школ не был выполнен вместо 16 их функционировало только 11, в связи с чем 20 % детского контингента не получало образования [3, с. 136].

В вопросе организации политического просвещения можно обозначить такие проблемы как:

1) нехватка квалифицированных политпросвет работников, в связи с этим низкая вовлеченность спецпереселенцев к организации самодеятельности. Из представленного отчета от 1 марта 1932 г. видно, что количество лиц, задействованных в различных кружках, составляло менее 1 % от общей численности спецпереселенцев, которая на январь 1932 г. уже насчитывала 484 679 человек;

2) бездеятельность хозяйственных и общественных организаций в части обустройства пунктов ликвидации безграмотности, которая была выявлена в результате проверки состояния и трудового использования кулацкой ссылки уполномоченными сотрудниками в ряде районов Уральской области. Занятия по ликбезу проводились в неотапливаемых помещениях, при освещении лучинами (Ивдельский район), а также дефицит периодических изданий, которые должны были поступать в избы-читальни и красные уголки, вызванный сокращением тиража газет, а также халатностью почтовых служащих;

3) отсутствие должной разъяснительной работы со спецпереселенцами со стороны общественных организаций. Фактически их самоустранение. Так, например, по результатам проверки состояния и трудового использования кулацкой ссылки в Ивдельском районе, организованной бригадой сотрудников полномочного представительства ОГПУ в марте 1932 года было выявлено, что массовая работа среди спецпереселенцев велась «недопустимо слабо». Полезная инициатива молодежи не поддерживалась [3, с. 137].

При этом, рассматриваемые проблемы усугублялись постоянным увеличением численности спецпереселенцев продолжавших массово прибывать на Урал.

В целом же, в первой половине 30-х годов XX века руководству большинства хозяйственных организаций Урала так и не удалось наладить на должном уровне культурно-просветительскую работу, о чем свидетельствует неудовлетворительная оценка деятельности в этом направлении ряда трестов Западолеса, Свердловеса, Востокостальеса, Кизелугля, Бумтреста, представленная в постановлении бюро Свердловского обкома ВКП (б) от 25 ноября 1935 г. (в 1934 г. Уральская область Постановлением ВЦИК от 17 января была разделена на три: Свердловскую, Челябинскую, Обско-Иртышскую) [5], а также неудовлетворительная оценка общего состояния спецссылки, данная Свердловским обкомом ВКП (б) еще в 1934 году [3, с. 200].

К ранее обозначенным причинам провала в указанном направлении, можно добавить следующие: недооценка данной работы со стороны партийных органов; неудовлетворительная работа органов народного образования, и частичное использование денежных средств, выделенных на культурно-бытовые нужды [6]; самоустранение от работы профсоюзных органов, а иногда и препятствование в деле культурного просвещения среди спецпереселенцев. Так, например, из материалов докладной записки начальника ОТП-МЗ управления НКВД по Свердловской области отмечалось, что профсоюзная организация Кировградского р/управления не только не участвует в культмассовой работе, но и срывает ее, что выразилось в неоднократном факте ущемления прав трудопоселенцев, которых неоднократно выгоняли из помещения клуба с формулировкой, что они «недостойны смотреть фильм» [3, с. 212].

Подводя итоги, отметим, что причины столь плачевного состояния организации культурно-просветительской работы среди спецпереселенцев наш взгляд кроются в общем халатном, пользовательском, а также необоснованно жестоком обращении с ними со стороны как государственных органов (речь идет о самой процедуре раскулачивания), так и хозяйственных организаций, которые осуществляли их трудовое использование [7].

Бытовые условия содержания раскулаченных, лишение значительного количества политических и гражданских прав не могли создать должную атмосферу, способствовавшую

воспитанию спецпереселенцев в духе идейности и преданности идеям социализма, коммунистическому отношению к труду и общественному хозяйству.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление ЦИК и СНК от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6540#LkOzvlSmEb1pyfmS1> (дата обращения: 14.11.2022).
2. Шестнадцатый съезд ВКП (б). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/151487/> (дата обращения: 14.11.2022).
3. Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале 1930 – 1936 гг.: Сб. документов / сост. А. Э. Бедель, Т. И. Славко. – Екатеринбург, 1994.
4. Формуляр обязательства старшего группы спецпереселенцев о соблюдении правил, введенных в спецпоселках Уральской области. Не позднее начала мая 1930 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/51467> (дата обращения: 14.11.2022).
5. Обследование спецпоселков ЛПХ Чусовского района. Резолюция по докладу комиссии на заседании бюро Чусовского РК ВКП(б). 17 июля 1932 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/72221-obsledovanie-spetsposelkov-lph-chusovskogo-rayona-rezolyutsiya-po-dokladu-komissii-na-zasedanii-byuro-chusovskogo-rk-vkp-b-17-iyulya-1932-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 14.11.2022).
6. О мероприятиях по повышению политико-воспитательной и культурно-просветительной работы среди трудпоселенцев. Из постановления бюро Свердловского обкома ВКП(б). 20 ноября 1935 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/72244-o-meropriyatiyah-po-povysheniyu-politiko-vospitatelnoy-i-kulturno-prosvetitelnoy-raboty-sredi-trudposelentsev-iz-postanovleniya-byuro-sverdlovskogo-obkoma-vkp-b-20-noyabrya-1935-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 14.11.2022).
7. Докладная записка ПП ОГПУ по Уралу тов. Раппопорт от оперуполномоченного ОО ППОПУ по Уралу Кирюхина А. С. и начальника Областного комендантского отдела Баранова Н. Д.; Сводка Главного управления лагерей ОГПУ о политико-экономическом состоянии спецпереселенцев на 20 июля 1931 г.; Докладная записка Уральского облздрав отдела в Наркомздрав на 10 февраля 1932 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pmem.ru/index.php?id=60> (дата обращения: 14.11.2022).
8. О спецпереселенцах и реорганизации комендантского управления и его местных органов. Постановление Президиума Уральского областного исполнительного комитета от 8 февраля 1931 г. – ГАСО. – Ф. р.-88. – Оп. 1-а. – Д. 63. – Л. 11, 12.

МИРОНОВА Оксана Александровна

начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

НАЗАРОВ Матвей Викторович

курсант Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Невозможно обеспечить профилактику и раскрытие преступлений без противопоставления деятельности преступников комплекса оперативно-розыскных мероприятий и использования помощи населения. В статье проводится историко-правовое исследование этапов развития взаимодействия населения с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, начиная с этапа построения Древнерусского государства (X в.) и заканчивая современным периодом. Авторы приходят к выводу, что такое взаимодействие прошло в своем развитии 4 этапа.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, древнерусское государство, Российская империя, Советское государство, полиция.

MIRONOVA Oxana Aleksandrovna

Head of State and civil law sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

NAZAROV Matvey Viktorovich

cadet of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

INTERACTION OF THE POPULATION WITH AUTHORITIES CARRYING OUT OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

It is impossible to ensure the prevention and detection of crimes without opposing the activities of criminals to a complex of operational-search measures and using the help of the population. The article conducts a historical and legal study of the stages of development of interaction between the population and the bodies carrying out operational-search activities, starting from the stage of building the Old Russian state (X century) and ending with the modern period. The authors come to the conclusion that such interaction has gone through 4 stages in its development.

Keywords: operational-search activity, ancient Russian state, Russian Empire, Soviet state, police.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) является одним из наиболее важных направлений деятельности полиции в условиях наших реалий. ОРД в современном её понимании предшествовала сыскная деятельность, которая уходит корнями в историю на много веков. Но следует отметить, что чёткую законодательную регламентацию ОРД получила лишь в 90-х годах прошлого столетия. Это было обусловлено изменениями общественного и государственного строя, сменой правовой парадигмы, возникновением новых институтов общества и государства.

В нынешнем понимании ОРД – комплекс гласных и негласных мероприятий, проводимый уполномоченными на то субъектами в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства от различных преступных посягательств.

Для исследования правовых и организационных основ данной деятельности и участия в ней граждан необходимо рассмотреть это явление в аспекте исторического развития нашего государства.

Начиная с X в. источником права Древнерусском государстве становится княжеское законодательство. Одним из главных НПА того времени является Русская Правда (включая все редакции). Данный документ не выделял ОРД, но предусматривал несколько форм розыска преступника:

- свод – инициативный поиск потерпевшим преступника, осуществляемый различными путями;
- гонение следа – розыск преступника по оставленным на месте преступления следам.

Княжеская власть выступала независимым участником при споре сторон. Инициатором розыска была потерпевшая сторона, на которую были возложены функции по доказыванию иска и поиску виновных. Таким образом, реализация полицейской функции государства ложилась на плечи потерпевшего и его общины и осуществлялась фактически без участия власти.

Следующим этапом развития сыска принято считать возникновение в XV-XVI вв. централизованного государства, что подразумевало наличие разветвлённого государственного аппарата. Основным актом, регулирующим ОРД на названном этапе, являлся Судебник 1497 года. Среди принципиальных, наиболее важных отличий можно выделить:

– Инициатором розыска преступников теперь выступает должностное лицо компетентного органа государства;

– Изменение цели правоохранительной деятельности с компенсационного характера на устранение преступников;

– Розыск стал возможен в тех случаях, когда ставилась задача выявления лиц, совершающих те или иные преступления.

Однако в Судебнике 1497 года отсутствовало правовое регулирование взаимодействия граждан с правоохранительными органами.

Важной вехой в процессе развития ОРД стало принятие Судебника 1550 года, который детально регламентировал вопросы уголовного производства и расширял аппарат применяемых должностными лицами розыскных мероприятий:

- обыск «Окольных людей» выражающийся в опросе соседей подозреваемого;
- повальный обыск, при котором население опрашивается на обычном съезде;
- попытка подозреваемых.

С появлением приказной системы управления полномочия по розыску и поимке преступников перешли к т.н. «обыщникам», которые, по сути, стали первыми сыщиками в России.

Документами, изменившими прежний порядок взаимодействия органов власти граждан и объединений, являлись губные грамоты, которые с одной стороны регулировали деятельность губных учреждений, а с другой – возлагали на население обязанности по поимке и наказанию разбойников.

Новым этапом развития ОРД стало принятие соборного уложения 1649 года. Согласно ему, создавались земские органы самоуправления, осуществляющие уголовно-процессуальные и полицейские функции.

Дальнейшее развитие органов сыска приводит к появлению негласных методов деятельности по выявлению и раскрытию преступлений и тесно взаимосвязано с возникновением агентурной работы.

В Инструкции чинам воинских команд 1719 года, перед названными чинами стояла задача как розыска преступников, так и поиск лиц, готовых осуществлять агентурную деятельность и которым за то полагалось вознаграждение.

Продолжал развиваться институт доносительства, создавались различные розыскные органы (которые явились индикатором необходимости создания специализированных подразделений полиции – уголовного розыска).

Основное развитие агентурная работа получила в органах политического сыска: экспедиции благочиния МВД, сокровенной полиции, особенной канцелярии МВД (а затем Министерства полиции), 3 отделении Собственной Его Императорского Величия Канцелярии (далее – 3 отделение) [1, с. 5-7].

Фактически, агентурная работа в современном её понимании до XVIII в. активно не велась, однако этот институт был компенсирован доносительством, поощряемым со стороны государственных органов и закреплённым в ряде НПА.

Изменения, произошедшие в обществе в начале XVIII в., диктовали новые «правила игры». Наиболее ярко это выражалось в жандармских органах, в деятельности которых произошел переход от личного сыска к применению тайных осведомителей и созданию агентурной сети.

В 1866 году в Санкт-Петербурге впервые создаётся подразделение сыскной полиции, руководителем которой становится И. Д. Путилин, внесший огромный вклад в её развитие. Сыскная часть учреждалась в целях производства розысков по важнейшим преступлениям, борьбы с преступностью, поиска мер пресечения и предупреждения преступлений и др. [2, с. 80].

Из основных изменений, произошедших в агентурной работе до 1917 года, можно выделить: создание заграничной агентуры, появление новых органов политического сыска, правовую регламентацию негласного (секретного) надзора, создание розыскных отделений в местностях с усиленным развитием революционного движения и др.

Органом, осуществляющим ОРД в большевистской России, являлась созданная в декабре 1917 года Всероссийская чрезвычайная комиссия (далее – ВЧК), которая за небольшой промежуток времени начала агентурное наблюдение в общественных объединениях (в основном антисоветского характера), на различных предприятиях и т.д.

Возникновение централизованной системы уголовного розыска связано с появлением Центрального управления уголовного розыска в структуре Главмилиции в начале октября 1918 года. По образу и подобию осуществления ОРД ВЧК, реализация таковой деятельности осуществлялась в органах милиции, в том числе и с применением гласного и негласного содействия населению.

В рамках исследования необходимо отметить отсутствие каких-либо цензов, предъявляемых к лицам, негласно сотрудничающих с оперативными подразделениями, единственным критерием отбора являлась эффективность деятельности.

Начиналась градация органов государственной безопасности и уголовного розыска, одним из основных различий было расхождение подходов к использованию негласного содействия населению.

В период Великой отечественной войны ОРД и взаимодействие органов, её осуществляющих с отдельными лицами, не претерпели существенных изменений и по-прежнему регулировались ведомственными правовыми актами.

В послевоенные годы деятельность оперативных подразделений регулировалась секретными и совершенно секретными документами (часть из которых легла в основу современного законодательства об ОРД). Данные акты устанавливали новые, более строгие требования к лицам, осуществляющим негласное содействие.

Одним из важнейших этапов современного развития ОРД стало принятие унифицированного и единого акта для всех органов, осуществляющих розыскную деятельность Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В нём были определены назначение, принципы, полномочия, средства конкретных органов, осуществляющих указанный вид деятельности.

Непосредственная регламентация содействия граждан органам, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность (далее – органы) происходит главой 4 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹.

Сегодня содействие населения используется для решения следующего спектра задач: выявление, предупреждение пресечение преступлений; установление лиц, подготавливающих,

совершающих или совершивших преступления; осуществление розыска лиц, скрывающихся от суда и следствия; розыск без вести пропавших; добывания сведений о событиях, которые могут повлечь угрозу безопасности Российской Федерации.

Исходя из анализа законодательства, мы делаем вывод о том, что привлекаемые для сотрудничества с оперативными подразделениями граждане обеспечиваются полным комплексом мер государственной защиты и поддержки, социальным и пенсионным обеспечением.

Таким образом, исходя из проведенного анализа можно выделить следующие исторические этапы развития оперативно-розыскной и агентурной деятельности:

В X-XVII вв. содействие населения органам, осуществляющим розыскную деятельность, носило довольно примитивный характер, было тесно связано с уголовным, следственным и судебным процессом и зависело в основном от правосознания граждан.

С XVIII по XIX вв. окончательно сформировалось разделение ОРД и уголовного процесса. Первый в свою очередь стал одной из форм деятельности специализированных государственных органов.

Изменения государственной и общественной жизни обусловили переход органов, осуществляющих розыск к агентурным способам работы, включая внедрение в тайные организации.

На рубеже XIX – XX вв. завершается обособление сыскных органов, а содействие населения «переросло» доносительство и стало иметь системный и целенаправленный. Именно агентура стала главным инструментом борьбы с революцией. Агентурная работа регламентировалась как общим законодательством, так и ведомственными НПА.

В советский период стало понятно, что полный отказ от привлечения граждан к содействию в осуществлении ОРД – неверный ход. На различных этапах развития Советского Союза агентами были и уголовники, и добропорядочные граждане, и только проверенные граждане. По сути, для агентов не устанавливались никакие цензы, что позволило создать мощную разветвленную сеть информаторов и осведомителей и установить практически полную слежку во всех сферах жизни общества. Законодательство и НПА 70-80-х годов, касающиеся ОРД и содействия граждан в осуществлении этого вида деятельности, легли в основу современного правового регулирования указанных вопросов.

В настоящее время нормативной основой ОРД и взаимодействия органов, её осуществляющих, с гражданами является ФЗ «О полиции», закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Государством гарантируются конфиденциальность, защита, социальное и пенсионное обеспечение лиц, привлекаемых для сотрудничества с оперативными подразделениями. На современном этапе развития нашего государства мощным противовесом тайному характеру действий преступников выступает применение уполномоченными органами негласных сил, средств и форм осуществления ОРД.

Таким образом, очевидно, что невозможно обеспечить профилактику и раскрытие преступлений без противопоставления деятельности преступников целенаправленного комплекса оперативно-розыскных мероприятий и использования в качестве вспомогательной информации, данных, полученных оперативно-розыскным путем. Так же все указанные мероприятия невозможны без привлечения населения [3]. Сложившееся законодательство в данной сфере позволяет не только эффективно осуществлять ОРД, но и на должном уровне взаимодействовать органам, осуществляющим розыскные мероприятия с гражданами и иными институтами гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Бредихин А. Л. III отделение собственной его императорского величества канцелярии в истории российского политического сыска // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. - 2020. - № 1.
2. Рассказов Л. П., Рассказов В. Л. Возникновение и функционирование сыскной полиции Санкт-Петербурга (1866-1881 гг.) // Вестник КРУ МВД России. - 2018. - № 2.
3. Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 1999. - 230 с.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/10104229/paragraph/51105/doclist/14381/o/o/O6%20ОРД:2>.

ПРЫСЬ Ирина Евгеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права, европейского и международного права Академии ФСИН России

ИСТОРИЧЕСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В статье делается историко-правовой анализ отношений к несовершеннолетним как к объекту посягательства, так и как к субъекту преступления. Определено, что на каждом этапе исторического развития, отношение к несовершеннолетним, как к самой уязвимой части населения, со стороны семьи, общества и государства приводилось к единообразным мерам воспитания и реагирования на их противоправное поведение. Так, в конце XIX в. стали выработываться положения и инструкции о воспитании несовершеннолетних, в том числе о содержании в тюрьмах и иных местах заключения тех, кто совершил преступление. В настоящее время на основе историко-правового опыта выстроена целая система мер воспитательно-профилактического характера, которая как в России, так и в других странах мира, с учетом социально-политических, культурно-религиозных особенностей государства постепенно развивается.

Ключевые слова: права, свободы, личность, гражданин, человек, несовершеннолетний, правонарушения, государственная власть, правосознание, преступление, проступок.

PRYS Irina Evgenjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Theory of state and law, European and international law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF ENSURING THE IMPLEMENTATION OF PERSONAL RIGHTS OF MINORS COMMITTED OFFENSES

The article makes a historical and legal analysis of the relationship to minors as an object of encroachment, and as a subject of a crime. It is determined that at each stage of historical development, the attitude towards minors, as the most vulnerable part of the population, on the part of the family, society and the state, was brought to uniform measures of education and response to their illegal behavior. So, at the end of the nineteenth century, regulations and instructions began to be developed on the upbringing of minors, including the detention in prisons and other places of detention of those who committed a crime.

Keywords: rights, freedoms, personality, citizen, person, minor, offenses, state power, legal consciousness, crime, misconduct.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Они составляют необходимый перечень гражданских (личных) политических, социальных, экономических, культурных и религиозных прав. Среди всех прочих право на жизнь, охрану здоровья, свободу, собственность, вероисповедание являются личными правами человека. Они формировались тысячелетиями и берут свое начало с догосударственного периода развития нашего общества. В поисках истоков института защиты личных прав будущего поколения, исследователи встречают далеко не позитивные факты отношения к ним. Об этом свидетельствуют выводы некоторых ученых. Так, «многочисленные работы, посвященные предистории человечества, говорят о том, что убийство были тогда в порядке вещей, повседневной практикой. Безусловно, полуживотное состояние человека делало неизбежным преобладание биологического начала над социальным...» [1].

Древние люди не сразу стали понимать, что ребенок может быть не только предметом жертвоприношения или пищи в голодные периоды их жизни, но и способен оказывать помощь взрослым. Такие выводы по мере развития человека делались буквально во всех зарождающихся народах мира. Так, например, добыча и охрана огня, заготовка, обработка и приготовление пищи требовало помощи несовершеннолетних. Совершенствование орудий охоты, с переходом на оседлый образ жизни, орудий земледелия, скотоводство, уход за

Прысь И. Е.

прирученными птицами так же требовали их помощи. Таким образом, разделение труда способствовало вовлечению подрастающего поколения в трудовую деятельность, делало подростков нужными и полезными для взрослых, оправдывало расход потребляемой пищи, износившейся одежды, соответствующей заботы и внимания, оказываемого детям. Это значило, что естественные отношения детей и взрослых выходили на новый социальный уровень и превращались из инстинктивных в осознанные, где младенцев рассматривали как представителей формирующегося ядра будущего поколения. Причем целью наказания уже не являлось физическое уничтожение подростка. Поскольку, находясь в одиночестве, страхе и практически без пищи, подросток должен раскатыться в содеянном и больше не нарушать обычаи и традиции предков [2].

С появлением элементов государства правовые обычаи соответственно трансформировались в законы, где нашли свое отражение нормы, регулирующие права граждан, относящихся к различным слоям общества.

Формирующиеся органы государственной власти обеспечивали выполнение нормативных правовых актов. Карл Поппер, опираясь на труды древних философов, писал, что государство как новая общность людей создается для защиты прав и свобод и, соответственно, безопасности людей [3].

Первое упоминание о защите прав несовершеннолетних были связаны со сделками с имуществом, причем в различных странах вопрос возраста несовершеннолетних определялся по-разному.

Как ни парадоксально, в Дигестах императора Юстиниана (VI в.н.э.) в книге четвертой (IV-титул «О лицах, не достигших двадцати пяти лет») говорилось, что от имени лиц в возрасте до 25 лет сделки с имуществом осуществляли только попечители.

Примечательно и то, что в начальном периоде формирования законодательства в правовых документах большинства стран отсутствовали нормы о защите прав несовершеннолетних, а соответственно и нормы о их справедливом наказании. Только в законах отдельных государств имели место нормы, в некоторой степени касающиеся наказания несовершеннолетних при определенных условиях. Так, в законе XIX таблиц речь шла о назначении более мягкого наказания несовершеннолетним в двух случаях: а) когда несовершеннолетний не понимал характера преступного акта; б) когда несовершеннолетний не довел до конца задуманное преступление. Соответствующие положения были приняты и в других государствах.

Страны, воспринимавшие Римское право продолжительное время руководствовались данными нормами ставшими «аксиомами», совершенствуя и приумножая их применительно к своим условиям жизни. Так, уже в средневековье во многих странах стали формироваться в отдельную группу соответствующие нормы. Например, в XVI веке во Франции такие нормы получили название «нормы, применяемые к уменьшенным взрослым», сходные нормы появились в XVII веке в законодательстве Швеции, Дании, Финляндии, а в России такие нормы назывались «уменьшенная вменяемость» и были отражены в Воинском артикуле в начале XVIII века.

Вместе с тем, в большинстве случаев поступки несовершеннолетних оценивались родителями или близкими родственниками, либо окружением, позитивно или негативно настроенным в отношении подростка. Это значило, что нередко решение о виновности и применении наказания выносилось совершенно неизвестными (посторонними) людьми, которые не имели никакого отношения к государственным органам. Случаи бывали разные, однако приоритет имела семья. Здесь, начиная с древних времен, взрослые члены семьи, особенно отец, имели огромное влияние на детей, вплоть до применения крайне суровых мер наказания. Абсолютной была власть отца не только в Древнем Риме, как эталоне закона, права и справедливости, но и во всех остальных странах, о чем свидетельствует писания древних народов Запада и Востока [5].

Очень сильной была власть отца и в древней и средневековой Руси. Так в нашей стране длительное время убийство ребенка не рассматривалось как серьезное преступление, а по Соборному уложению 1649 года, действовавшему до 1832 года, это почти 200 лет, за убийство родителей ребенок подвергался смертной казни. Причем жаловаться дети на родителей не имели права. Только лишь за распространение этой информации уложение предписывало «бить их кнутом нещадно». Это значило, что государство в соответствующие отношения не вмешивалось, давая полную волю родителям. Но отношения, складывающиеся вне пределов семьи «строго контролировались государством», а в случае их нарушения применялись меры государственного реагирования, а в случае совершения несовершеннолетним преступления общественно опасное поведение оценивал суд. Крайне редки были случаи снисхождения или применения более мягкого наказания к детям за совершенные общественно опасные деяния. Суды практически не дифференцировали виновных по возрасту и применяли к подросткам такое же наказание как к взрослым. Это было вызвано тем, что в отечественном законодательстве до эпохи царствования Петра I, отсутствовали нормы об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних. Развитие законодательства Российской империи применительно к несовершеннолетним все дальше уходило от принципа прощения, применяемого по усмотрению

судей или других лиц, уполномоченных осуществлять правосудие, поскольку в уголовном праве все больше появлялось специальных норм для детей и подростков, выделенных из блока совершеннолетних.

Таким образом, историко-правовой анализ обеспечения реализации личных прав несовершеннолетних, совершивших преступления, показал, что в раннее государственной период развития общества личные права несовершеннолетних мало отличались от прав взрослого человека, что ставило ребенка в более незащищенное положение. Чаще всего несовершеннолетний нес ответственность за хищение, а так же за убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и другие опасные деяния, совершая которые подросток ясно осознавал пагубность их последствий. Круг опасных деяний в большинстве государств совпадал. Однако имели место и особенности, причем они могли меняться со временем в зависимости от направлений уголовной политики и других обстоятельств, вызванных характером и тенденциями течения преступности в каждой конкретной стране.

Вплоть до нового времени в отношении несовершеннолетних применялись нетипичные приемы расследования. Это не способствовало установлению причинно-следственной связи между общественно-опасными последствиями и деяниями несовершеннолетних. Более того, нередко виновным в совершении преступления признавали не по результатам следственных действий, а по решению вышестоящих чиновников из категории лиц, заинтересованных в наказании несовершеннолетнего. Имели место случаи признания детей, в качестве шарлатанов, колдунов, ведьм и т.п., за что нередко их привлекали к уголовной ответственности. Больше того, подростки отбывали наказание вместе со взрослыми. Лишь во второй половине XVIII века этот вопрос был частично решен.

С середины XIX века в ряде стран Европы, в том числе и в России, стал активно развиваться институт предварительного расследования. В Советской России он приобрел отчетливые черты и в достаточной степени был гарантом справедливости в ходе производства дознания и следственных действий в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления. Сегодня институт реализации личных прав несовершеннолетних, совершивших преступления, обеспечивается на всех стадиях уголовного производства. Это стало возможным благодаря опыту, накопленному в советский период развития нашего государства, внедрению новых технологий расследования преступлений с учетом международного опыта борьбы с преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними.

Пристатейный библиографический список

1. Мустафаев Ф. М., Мустафаева З. С. Специфика охраны прав несовершеннолетних в истории Российского государства // Конвенция ООН о правах ребенка: опыт и перспективы реализации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2009. – С. 309.
2. Лихачёв Д. С. «Повесть временных лет» // В кн.: Лихачёв Д. С. [Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси]. - Л.: Худож. лит., 1987. - Т. 2.
3. Поппер К. Логика последования (logic der Forschung, в русском переводе «Логика и рост научного знания»), 1935.
4. Общее увещание Карла I (789 г.) об образовании школ // Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. Н. П. Грацинского и С. Д. Сказкина. Т. 1. - М.: Гос уч.-педпгог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1949. - С. 119.

ШАЛАГИНА Светлана Витальевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЛИУЛЛИНА Светлана Дмитриевна

доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЙНУТДИНОВ Раиль Радикович

аспирант кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета

К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА (1945 – 1959 ГГ.)

В статье рассматриваются некоторые проблемы естественного воспроизводства населения Башкирской советской социалистической автономной республики в послевоенное время прошлого столетия. Анализируются правовые документы, предопределившие цели, задачи и приоритеты поддержки и охраны материнства и детства в СССР. В статье предпринята попытка комплексного изучения источников и каналов, специфики репродуктивного поведения населения Башкирии. Проведен всесторонний анализ проблем, связанных с естественным воспроизводством населения на основе привлечения широкого круга источников.

Ключевые слова: правовая система, государственная власть, воспроизводство населения, семья.

SHALAGINA Svetlana Vitaljevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of International relations, history and oriental studies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

GALIULLINA Svetlana Dmitrievna

Ph.D. in historical sciences, professor of International relations, history and oriental studies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

GAYNUTDINOV Rail Radikovich

postgraduate student of International relations, history and oriental studies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

TO THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF NATURAL REPRODUCTION OF THE POPULATION OF BASHKORTOSTAN (1945 – 1959)

The article deals with some problems of natural reproduction of the population of the Bashkir Soviet Socialist Autonomous Republic in the post-war period of the last century. The legal documents that predetermined the goals, objectives and priorities of support and protection of motherhood and childhood in the USSR are analyzed. The article attempts to comprehensively study the sources and channels, the specifics of the reproductive behavior of the population of Bashkiria. A comprehensive analysis of the problems associated with the natural reproduction of the population was carried out based on the involvement of a wide range of sources.

Keywords: legal system, state power, population reproduction, family.

Предметом исследования данной научной статьи являются воспроизводственные процессы в части показателей рождаемости населения (в его историческом аспекте), что представляет собой сложную взаимосвязь составных элементов общественного развития, требующих привлечения широкого круга разнообразных источников и документов.

Основная цель исследования данной работы видится нам в изучении наиболее активного этапа урбанизации башкирского края, связанного с колоссальными изменениями, деформацией характеристик естественного воспроизводства населения республики в части показателей рождаемости в послевоенный компенсаторный период. Это обусловило и предположило постановку и решения следующих исследовательских задач: 1) изучение и анализ динамики рождаемости в Республике Башкортостан; 2) анализ степени влияния отдельных факторов на изменение показателей рождаемости, в контексте государственных преобразований в России в 50-е годы XX столетия. Поставленные перед нами цели и задачи потребовали использование ряда универсальных методов и подходов. Предлагаемый анализ в настоящем историко-демографическом исследовании базируется на принципах исторического моделирования и классификации, проблемности, хронологии, соотношения общего и особенного, факта и теории.

Естественные показатели прироста населения в городах Башкирской автономной Советской Социалистической республики в послевоенное время имели противоречивые характеристики, на которые особо сильно повлияли итоги «демографических волн» первой половины XX века, предопределившие исходные компоненты естественного воспроизводства населения послевоенных лет. Противоречивыми были статистические данные рождаемости по БАССР за представленные годы. Исходя из исследованных статистических данных и произведенных на их базе расчетов, можно утверждать о повышении рождаемости в Башкирии в послевоенный компенсаторный период. В противовес данным по СССР, которые в течение 50-х гг. XX века имели константное значение 25-26 рожденных детей на 1000 человек, Башкирия была отмечена опережающими показателями рождаемости. Прирост появившихся на свет новорожденных детей в послевоенные годы в городской и сельской среде, от численной характеристики родившихся перед Великой Отечественной войной в республике составил: в 1959 году - 0,2 % против 1939 года, и 1,9 % против 1940 года. Естественное воспроизводство населения в городах достигло уровня предвоенных лет в 1948 году. Государственная политика Советского правительства была направлена на стимулирование рождаемости в стране. Очередным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26

марта 1956 года была увеличена продолжительность отпуска по беременности и родам (Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1958 гг., 1959 год). В письменном отчете начальника отдела здравоохранения Башкирской АССР Башкирскому областному комитету ВКП (б) сообщалось, что «... в городских поселениях республики рождаемость детей носит позитивный характер, оправдывая прогнозы нашего отдела по этому вопросу, что обусловлено ростом материального благополучия населения и улучшением политики здравоохранения в республике» (Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1958 гг., 1959 год). Доказательством вышеприведенных фактов являются статистические данные Башкирского Народного Комитета здравоохранения, сохранившиеся в ежеквартальных и годовых отчетах, которые планомерно предоставлялись в специальные отделы Совета Народных Комиссаров БАССР и Госплан республики. Важно отметить, что во время функционирования в стране восстановительного периода прослеживается тенденция сокращения численности сельского населения Башкирии и увеличения общего числа жителей городов. Так, если в 1950 году против 1939 года численность горожан возросла в 1,8 раза (число рождений увеличилось в 1,7 раза), то в 1959 году относительно 1950 года рост горожан составил 2,4 раза (рост рождаемости – 1,5). На селе в 1950 году произошло сокращение жителей в 1,26 раза против 1939 года, рождаемость упала в 1,7 раза. В 1959 году ситуация по увеличению числа сельских жителей относительно 1939 года приобретает положительную тенденцию, прирост произошел в 1,27 раза, в то время как рождаемость увеличилась в 1,6 раза. К 1950 году, за счет механического движения населения из села и других регионов страны на ударные республиканские стройки послевоенных пятилеток, удалось восстановить в городах Башкирии процентное соотношение репродуктивных половозрастных групп населения. К 1951 году наиболее высокий показатель рождаемости прослеживался в городских зонах проживания населения Башкортостана. К середине XX столетия горожане от 18 до 49 лет составили 47,7 % от общей численности городского населения республики, в 1939 году та же возрастная категория насчитывала такие же процентные данные, тогда как в 1945 году аналогичная величина была равна 34,2 %. Период реформации семейной политики в части регулирования количества детей в семье в Башкирии приходится на середину 50-х годов XX века. На основании чего, поэтапно, в течение ряда лет в автономии утверждается двухдетная модель семьи. Ускоренными темпами и в первую очередь данный процесс развивался в городах Башкирии, что было связано с мировой спецификой эмансипации женского населения планеты. Политическая власть не единожды обращало внимание на этот важный для страны вопрос. В 1944 году, когда государство участвовало в мировом военном конфликте и основные, в том числе и финансовые резервы предназначались фронту, выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства» (Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1959 год). 19 мая 1949 года выходит в свет еще один документ – «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении труда и быта женщин». По произведенным расчетам в 1950 г. 70 % матерей имели не более двух детей, тогда как в сельской местности данный показатель был меньше и составлял 64 %. В 1955 г. двухдетная семья от существующих моделей семьи в городах равнялась 65,3 %, в сельской местности – 58 %. В 1956 году и 1957 году в городских поселениях республики Башкирия аналогичный показатель количества детей в семье был равен 69 % и 70,4 %, на селе – 47,5 % и 51,2 %. Однодетные семьи в городских зонах от общего количества семей составили в 1950 году – 44 %, в 1955 году – 37,3 %, в 1956 году – 39,6 %, в 1957 году – 41 %. В 1958 году семьи с двумя детьми по Башкирской республике составили 56,5 % от всех наличных семей, однодетные семьи – 31,6 % от всего количества семей по республике и 56 % от общей численности одно- и двухдетных семей. Политику детопроизводства в стране была делом государственной важности. Через правовую систему органы власти пытались стимулировать, контролировать и координировать вопросы деторождения. В Указе от 8 июля 1944 года Президиума Верховного Совета СССР узаконивалось право, по которому «... с бездетных граждан от 20 до 50 лет дополнительно взимался подоходный налог в размере 6 % от получаемой зарплаты.

С сельских жителей дополнительно при воспитании одного ребенка в семье в год изымалось 150 рублей, при наличии 2 детей – 50 рублей» (Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1959 год). Важно отметить, что данная мера, в какой-то степени, способствовала повышению рождаемости в сельской местности, но при этом нельзя забывать и о колоссальном влиянии многовековых традиций, а также отстающую по развитию относительно города систему здравоохранения. Приведенный материал аргументированно доказывает, что уже с середины 50-х годов прошлого столетия в городских поселениях республики была обозначена тенденция преобладания в семье двухдетной модели ее организации. На основании реально возникших, существовавших и функционировавших в прежние времена общественных событий и явлений, оказавших активное влияние на поведенческие характеристики фертильного контингента населения, со второй половины XX столетия по всей России наблюдается переход от архаичного к новому типу репродуктивной практики населения, при которой внутрисемейное регулирование детородного процесса принимает всеобщее распространение и приобретает стандартный принцип жизненного уклада.

В заключении, анализируя представленный материал, необходимо отметить, что в силу видоизменения социальных, политических и экономических характеристик советского общества, фундаментальные основы естественного воспроизводства населения республики были подвергнуты значительной трансформации, что непосредственно повлияло на показатели рождаемости населения Башкирии. Качественные изменения репродуктивной практики, которые происходили в контексте эволюционного и революционного развития народонаселения республики (в рамках представленных нами направлений), характеризуются тем, что: 1) военно-политические конфликты XX века форсировали процессы, направленные на снижение показателей рождаемости в городских поселениях. Гибель мужчин на фронтах Великой отечественной войны нанесла огромный урон общему развитию страны. Глобально был дезорганизован брачный рынок и нарушена традиционная система создания семьи, значительно был изменен баланс половозрастных групп; 2) брачные связи в первой половине XX века принимают форму эгалитарной семьи; 3) наблюдается заметный переход от архаичного репродуктивного поведения к новому его виду, при котором внутрисемейное корректирование деторождения принимает повсеместное распространение в городской зоне проживания и превращается в индифферентную особенность образа жизни людей; 4) модель двухдетной городской семьи в 50-е годы XX столетия становится доминирующей в семейной практике.

Приставленный библиографический список

- 1-я сессия Верховного Совета Башкирской АССР второго созыва. Стенографический отчет. – Уфа, 1947. – С. 1.
- Shalagina S. V., Istamgalin R. S., Lobankova I. P., Iseeva E. R., Kotova T. P. On the problem of the influence of soviet demographic policy on the urban population of Bashkortostan in 1930s-1950 s. // Asian social science. – 2015. – Т. 11. – № 19. – С. 185-192.
- Галин Р. А., Галина Л. А. Население Республики Башкортостан. Динамика и особенности формирования. – Уфа, 1996.
- Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / КПСС; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС; Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 5. – С. 144-145.
- Подьячих П. Г. Вопросы народонаселения и демографической статистики. – М., 1966.
- Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917-1940 гг.). – Уфа, 1959. – С. 681.
- Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС. (1941-1960 гг.). – Уфа, 1962.
- Шалагина С. В., Казанцева Е. А. Некоторые аспекты эвакуации населения в Республику Башкортостан в годы Великой Отечественной войны // Научный потенциал. – 2013. – № 2 (11). – С. 93-97.

САЛЬНИКОВ Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России

ОМСБОН НКВД СССР: СОЗДАНИЕ, СТРУКТУРА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматриваются вопросы создания, становления и развития одного из уникальных специальных подразделений, сформированных в годы Великой Отечественной войны – Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР, в процессе постановки перед ней новых целей и задач по направлениям ее деятельности в условиях различных этапов борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, диверсионная деятельность, разведывательная деятельность, партизанское движение, ОМСБОН НКВД СССР, войска Особой группы.

SALNIKOV Alexander Sergeevich

Ph.D. in Law, leading scientific researcher of the Department for the study of history of the MIA of Russia of the research center of the Management Academy of the MIA of Russia

OMSBON OF THE NKVD OF THE USSR: CREATION, STRUCTURE, ACTIVITY

The article deals with the creation, formation and development of one of the unique special units formed during the Great Patriotic War - a separate motorized rifle brigade for special purposes of the NKVD of the USSR, in the process of setting new goals and tasks for it in the areas of its activity in the conditions of various stages of the fight against the German – fascist invaders.

Keywords: The Great Patriotic War, sabotage activities, intelligence activities, partisan movement, OMSBON NKVD of the USSR, Special Group troops.

Важной составляющей успешной деятельности Вооруженных Сил СССР с самого начала Великой Отечественной войны являлось проведение разведывательной и диверсионной деятельности в тылу врага. В значительной степени организация данного вида работы была возложена на НКВД СССР – на первом этапе на образованную при Наркомате Особую группу, впоследствии соответственно на 2-й отдел НКВД СССР и 4-е управление НКВД СССР. В то же время, помимо решения вопросов связанных с организацией, планированием, контролем указанной деятельности важнейшими являлись задачи по реализации данных мероприятий на практике. Большую долю работы по данному направлению выполняли зафронтовые формирования такие как партизанские отряды, диверсионные и разведывательные подразделения, истребительные батальоны, подпольные агентурные сети. Вместе с тем, была необходимость организации профессиональных воинских подразделений на регулярной основе которые должны были специализироваться на данном направлении деятельности. Именно такое подразделение представляла собой отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН НКВД СССР) [4, с. 99].

Основой концепции для организации нового подразделения стали отряды, создававшиеся в Вооруженных Силах в период советско-финской войны для проведения диверсионных операций в тылу врага. Методика организации данных отрядов в условиях войны была разработана и применена Хаджи-Умаром-Джиоровичем Мансуровым. Он предложил использовать для создания подобных отрядов спортивный актив. Основой подразделений Мансурова были спортсмены Ленинграда имеющие хорошую физическую подготовку. Лыжный отряд Мансурова действующий на территории Финляндии зимой 1940 г. показал очень хорошие результаты работы, вывел из окружения несколько советских армейских подразделений [11, с. 187]. Основываясь на этом опыте стали создавать и спецназ НКВД.

25 июня 1941 г. приказом Наркома внутренних дел при Особой группе НКВД СССР было сформировано пять отря-

дов особого назначения общей численностью 500 человек (в каждом отряде по 100 человек), а также саперно-подрывная рота числом 90 человек [8, л. 9, 19]. Основу кадров отрядов составили слушатели Высшей школы НКВД СССР, а также Курсы усовершенствования НКГБ СССР. Личный состав саперно-подрывной роты был сформирован из военнослужащих отдельной мотострелковой дивизии особого назначения НКВД (ОМСДОН НКВД СССР) и 3 полка местной противовоздушной обороны НКВД СССР [8, л. 9, 19]. Организация подразделений осуществлялось в здании Высшей школы НКВД СССР по адресу г. Москва, Большой Кисельный переулок, д. 11 [9, л. 3]. Личный состав отрядов постоянно пополнялся из числа сотрудников НКВД, милиции и добровольцев. Непосредственно комплектованием подразделений занималась специальная комиссия возглавляемая комбригом Павлом Михайловичем Богдановым. Осуществлялось тщательное изучение и отбор кандидатов на основе оценки физических и морально-психологических показателей, с целью определения их соответствия требованиям опасной и тяжелой службы [1, с. 296]. Прохождение медицинской комиссии было организовано на стадионе «Динамо» в г. Москве [7, с. 320].

Специфичность задач, поставленных перед специальными подразделениями, определяли требования хорошей физической подготовки. Поэтому значительная часть кандидатов отбиралась из числа спортсменов и физкультурников. Например, среди зачисленных в подразделение были известные спортсмены-тяжелоатлеты Н.И. Шатов и В.В. Крылов, многократные победители и призеры чемпионатов СССР и международных соревнований – легкоатлеты братья Г.И. Знаменский и С.И. Знаменский, чемпион и призер чемпионатов СССР по толканию ядра Л.А. Митропольский, рекордсмен СССР по скоростному бегу на коньках А.К. Капчинский, выдающиеся советские боксеры С.С. Щербakov и Н.Ф. Королев и т.д. [7, с. 318]. Значительным (около 300 человек) было количество лиц поступивших на службу из числа преподавателей и студентов Центрального государственного ордена Ленина института физической культуры [1, с. 297].

Принимались в отряды и граждане иностранных государств. Уже на первом этапе формирования, по направлению Коминтерна, для изучения возможности прохождения службы в подразделениях было направлено около 1 тыс. 500 добровольцев – антифашистов, представляющих государства Европы и Азии. Из данной категории кандидатов было организовано отдельное подразделение. Иностранцы прошли тщательный отбор, критериями которого были желание бороться с нацизмом, хорошее здоровье, владение русским языком [7, с. 321]. На должность командира отряда был назначен старший лейтенант госбезопасности Е.П. Мицкевич [7, с. 319].

Уже 28 июня 1941 г. сформированные отряды были откомандированы для прохождения боевой подготовки на стрельбище «Динамо» в г. Мытищи [8, л. 9, 19].

6 июля 1941 г. по штатам, утвержденным начальником Особой группы НКВД СССР из отрядов была организована Отдельная бригада, включающая в себя 4 батальона. Каждый батальон включал в себя 3 отряда, в свою очередь отряд разделялся на 3 группы, группы на 3 звена. К числу основных задач бригады на данном этапе являлась подготовка личного состава подразделения к действиям во вражеском тылу в составе подразделений, а также отдельными мелкими группами [8, л.9].

Основываясь на приказах Особой группы НКВД СССР от 14 июля 1941 г. № 2 [10, л. 2], а также от 24 июля 1941 г. № 7 [9, л. 189] была сформирована 2-я бригада в составе трех батальонов и саперной роты. Общая численность подразделения составило 1 тыс. человек [4, с.104]. Дислоцировалось подразделение на стрельбище Осовиахима, также в г. Мытищи.

3 сентября 1941 г. ЦК ВЛКСМ принял специальное постановление «О мобилизации комсомольцев на службу в войска особой группы НКВД СССР». Согласно данному нормативному акту в подразделения по линии комсомола было направлено около 800 кандидатов из 14 регионов страны [6, с.138].

Структурные подразделения бригады формировались по принципу основанному на характере предыдущей деятельности, национальности, критериях принадлежности кандидатов на службу к тем или иным общественным организациям. Так, например, один из батальонов первой бригады был создан из представителей Высшей школы НКВД и НКГБ. Другой батальон состоял из иностранцев, отобранных из лиц прибывших направлению Коминтерна. В его составе служили испанцы, австрийцы, поляки, немцы, болгары, итальянцы, вьетнамцы [11, с. 190]. Еще два батальона первой бригады были сформированы из спортсмен и физкультурников. Один из батальонов второй бригады комплектовался сотрудниками милиции из оккупированных территорий СССР таких как Республики Прибалтики, Западная Украина и Белоруссия. Второй и третий батальоны второй бригады состоял из комсомольцев прибывших по мобилизации ЦК ВЛКСМ [8, л. 20-21].

Сформированные подразделения являлись Войсками Особой группы НКВД СССР. 1 августа 1941 г. приказом НКВД СССР от 05.09.1941 № 1479 на должность начальника штаба Войск Особой группы был назначен полковник Михаил Федорович Орлов, ранее занимавший должность начальника Себежского военного училища НКВД. Приказом НКВД СССР от 19 августа 1941 г. № 00110819 были утверждены штаты обеих бригад, а также штаба войск Особой группы [8, л. 21].

В это же время были определены задачи созданного специального подразделения. К ним в частности относились: проведение разведки, осуществление диверсионной и боевой деятельности на наиболее важных коммуникациях во вражеском тылу, борьба с агентурой врага, а также содействие и помощь местным органам власти в организации партизанского движения и подпольной работы, осуществлении руководства и координации патриотических сил в тылу немцев [7, с. 332].

5 октября 1941 г., ввиду начавшейся битвы за Москву, проведением централизации зафронтовой работы, вырази-

вшейся в реорганизации руководства ей, создании 2-го отдела НКВД СССР, в соответствии с приказом НКВД СССР № 001481, войска Особой группы НКВД СССР были преобразованы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН НКВД СССР) в составе двух мотострелковых полков и иных подразделений бригады [8, л. 21].

Во главе ОМСБОН НКВД СССР стоял командир которому непосредственно подчинялось управление бригадой, включающее в себя штаб и политотдел. Командир подразделения имел трех заместителей: по политчасти, по техчасти и по снабжению. В непосредственном подчинении управлению бригады находились рота боевого обеспечения, отдельная автомобильная рота, отдельная саперная рота, отдельная рота связи, батальон ПТО и артиллерийский дивизион. В состав бригады входили первый и второй мотострелковые полки. Возглавляли оба полка командиры у которых в непосредственном подчинении находились начальники штабов и заместители по политической части. В структуру каждого полка входили 7 отдельных взводов (связи, разведки, санитарный, комендантский, ПТО, химической защиты, музыкальный), 3 специальных роты (автоматчиков, минеров, авторота) по 1 артиллерийской батарее, а также по 3 саперных батальона в свою очередь состоящих из 4 саперных рот каждый. В бригаде имелся пункт медицинской помощи. Общая штатная численность ОМСБОН составляла 4 тыс. 127 человек. Кроме указанных подразделений в состав бригады в апреле 1942 г. была включена школа младшего начальствующего состава и специалистов [8, л. 21-22].

Осенью 1941 г. немецкие войска находились на подступах к Москве. В ситуации угрозы захвата столицы определялись задачи, ставившиеся перед ОМСБОН. В начале они были связаны с осуществлением минирования различных наиболее важных объектов в г. Москве, а также созданием на подступах к ней минных заграждений. Например, 7 октября 1941 г. в первом мотострелковом полку был создан отряд подрывников которым руководил старшего лейтенанта Жулябин и комиссар отряда младший лейтенант Потапов. Перед подразделением ставилась конкретная задача: произвести минирование важнейших объектов и сооружений государственного и оборонного значения внутри г. Москвы, а также на подступах к столице. Главной целью данной деятельности было остановить продвижение немецких войск. В случае же их вторжения в город – уничтожить не давая возможности воспользоваться имевшейся инфраструктурой. Отряд успешно выполнил работы в срок до 20 ноября 1941 г. [8, л. 24].

23 октября 1941 г. согласно приказа Главного инженерного управления Красной Армии и штаба обороны г. Москвы бригада осуществляла минирование дорог и дорожных сооружений на Можайском, Нарофоминском, Останковском, Подольском направлениях, в районе Кунцево, Большая Сетунь, Суково, Узкое и Чертаново и др. а также занималась установкой минных полей на территориях прилегающих к указанным дорогам. Данная деятельность массово осуществлялась на протяжении всего периода осени-зимы 1941 г.

Всего в период оборонительного периода Битвы за Москву, с октября по декабрь 1941 г. отряды ОМСБОН численностью от 25 до 717 человек привлекались к работам по минированию 15 раз [8, л. 10-11].

Надо отметить, что в осенне-зимний период 1941 г. ОМСБОН, ввиду ее дислокации на территории Москвы, выполняла множество задач не относящихся напрямую к сфере деятельности для которой она создавалась. Например, в документах того периода имеются многочисленные сведения о фактах привлечении личного состава бригады к работам по ликвидации разрушений после налетов авиации, тушению зажигательных бомб, охране оборонных предприятий, тушению пожаров. Также, отряд активно привлекался к меропр-

ятиям по патрулированию города, обеспечению общественного порядка, проверке документов, выявлению шпионов, распространителей панических слухов и т. д. [8, л. 3, 6, 10, 11].

С 15 октября 1941 г. после захвата немецкими войсками Калинин, Можайска, Наро-Фоминска и возникновения непосредственной угрозы столице, бригада в полном составе была передислоцирована в Москву и поступила в оперативное подчинение второй мотострелковой дивизии особого назначения. Согласно боевому приказу № 1 от 15 октября 1941 г., штабом второй дивизии перед бригадой была поставлена задача: действуя совместно с танковым батальоном и артиллерийским дивизионом, осуществить подготовку к обороне района пл. Свердлова, Красной Площади, пл. Маяковского и пл. Пушкина, с целью не дать противнику прорваться через Садовое кольцо. Одновременно предписывалось находиться в готовности к действиям в направлениях: Ржевского вокзала – Ленинградского шоссе – Волоколамского шоссе. При этом ставилась задача по поддержанию общественного порядка, недопущению паники и скопления людей в районах обороны [8, л. 35-40].

По окончании в декабре 1941 г. оборонительного периода Битвы за Москву, бригада приступила к непосредственному осуществлению работы за линией фронта. Одним из первых отрядов из числа личного состава ОМСБОН направленных в тыл противника является отряд численностью 26 бойцов под командованием лейтенанта госбезопасности Ключникова. Подразделение было переброшено на оккупированную территорию по заданию командования 7 декабря 1941 г. Основной задачей подразделения являлось содействие продвижению частей Красной Армии в районе ст. Крюково и г. Истра путем проведения боевой и диверсионной работы [8, л. 46]. Необходимо отметить, что деятельность подразделения была успешной. В результате грамотно организованных ударов с тыла противник был в значительной степени дезорганизован, понес весомые потери, что в свою очередь способствовало успешному наступлению РККА.

Основная часть зафронтной работы ОМСБОН относится к периоду с января 1942 г. С этого времени отмечается рост количества направленных в тыл противника отрядов и групп. В основном их формирование и заброска за линию фронта определялись оперативной обстановкой в зоне боевых действий и координировались с деятельностью армии. В планирующих и отчетных документах ОМСБОН часто идет речь о направлении зафронтных подразделений «по заданию» руководства Вооруженных сил [5, с. 100].

Например, в марте 1942 г. из личного состава первого мотострелкового полка был сформирован отряд общей численностью 37 человек во главе капитаном Н. С. Артамоновым. Подразделение было создано для выполнения задания главного командования Западного фронта, его задачами были подрыв железных дорог и шоссе на участке между станциями Свищево – Дорогобуж на участке Смоленск – Вязьма.

В период с января 1942 г. по январь 1943 г. подразделения ОМСБОН направлялись за линию фронта 67 раз [8, л. 12-16]. При этом надо отметить, тщательную проработку и планирование операций во вражеском тылу. Так, перед переброской подразделений за линию фронта всегда разрабатывалась подробная схема действий. Документ содержал выходные данные приказа о проведении операции, количество личного состава принимавшего участие в ней, назначался руководитель группы, указывались задачи отряда, подробно указывались количество и виды вооружения, специальной техники, четко прорабатывалась нанесенная на карту схема деятельности отряда. После окончания операции руководством предоставлялся подробный отчет в котором указывались время проведения операции, осуществленные мероприятия, их результат, потери отряда [9, л. 39-59; 8, л. 62-83].

Обобщенные результаты зафронтной деятельности бригады впечатляют. Так, например, в результате проведен-

ных операций было уничтожено путем подрыва железнодорожных путей 1 тыс. 415 немецких эшелонов с техникой, ГСМ, живой силой, 5 бронепоездов, 13 тыс. 181 различных видов железнодорожного подвижного состава (вагоны, цистерны, платформы), 2 тыс. 323 единиц автоматотехники, подорвано 335 железнодорожных и шоссейных мостов на оккупированной территории, уничтожено 145 единиц бронетанковой техники, сбит 51 вражеский самолет. Осуществлено около 400 иных диверсионных актов, в результате которых было уничтожено 344 объекта промышленности и складов. Бойцы бригады принимали непосредственное участие в более 1 тыс. боевых столкновениях с противником, в ходе которых были уничтожены 122 гарнизона, управлений полиции, штабов и комендатур. Всего в ходе открытых боестолкновений, а также диверсионных актов было уничтожено порядка 136 тыс. военнослужащих противника, ликвидированы 87 важных представителей немецкой военной и гражданской власти, 2 тыс. 45 агентов и пособников фашистов и т.д. [3, с. 132].

Надо отметить, что группы ОМСБОН НКВД СССР, забрасываемые в тыл врага помимо выполнения задач диверсионной и разведывательной направленности, в целом ряде случаев становились основой партизанских отрядов. Так, за годы войны на основе отрядов созданных на базе бригады было сформировано 212 различных видов зафронтных подразделений с общей численностью 7 тыс. 316 человек [2, с.620].

Одной из важнейших составляющих деятельности ОМСБОН стала деятельность по специальному обучению личного состава иных подразделений Красной армии и НКВД. Бригада, являясь единственным в СССР штатным подразделением НКВД обладающим профессиональными кадрами по всем аспектам зафронтной работы, отработанными на практике в этом смысле была уникальной. Так, уже в августе - сентябре 1941 г. началась подготовка специалистов. При 2 мотострелковом полке обучение пришли 83 снайпера и 45 человек младшего командного состава [8, л. 9]. С ноября 1941 г. на базе бригады, была организована переподготовка группы испанских летчиков численностью 20 человек [8, л. 10]. В ходе обучения отрабатывались навыки действий во вражеском тылу, переброски парашютных десантов, методы взлета и посадки в при сложных геометрических условиях.

С января 1942 г. руководство НКВД СССР поставило перед бригадой задачу по подготовке специалистов для организации командования в тылу врага. Так, в бригаде были сформированы 92 группы с общим количеством 1 тыс. 867 человек. В этот же период была разработана специальная программа подготовки включавшая в себя несколько блоков. Изучались вопросы организации общевойсковой и агентурной разведки, подготовки к переходу и переход линии фронта, передвижения в тылу противника, организации баз и лагерей, организации диверсий на жизненно важных объектах противника, ведения боевых действий с мелкокомплектными группами противника, отрядами полиции и карателей, изучалось трофейное оружие [8, л. 84 б]. В программу обучения входили такие предметы, как разведка, подрывное дело, преодоление водных преград, топография, парашютная подготовка и т.д. [7, с. 322].

Востребованным направлением обучения являлась подготовка специалистов-подрывников и специалистов службы заграждения. 13 февраля 1942 г. была выпущена первая группа по данному направлению в количестве 25 человек [8, л. 12].

На первоначальном этапе обучение производилось в самих подразделениях ОМСБОН по направлениям деятельности, носило характер стажировки в том или ином подразделении бригады. Однако, к весне 1942 г. пришло понимание необходимости создания при ОМСБОН специального учебного подразделения в котором обучение проходило бы по определенной программе.

Так, 19 марта 1942 г. при втором мотострелковом полке была сформирована школа младшего начальствующего состава, включающая в себя 3 взвода. Начальником школы был назначен старший лейтенант П.И. Соловьев.

12 мая 1942 г. при бригаде, согласно приказа НКВД СССР от 10.04.1942 г. № 00713 была создана школа младшего начальствующего состава. Ее штат составил 308 человек [8, л. 14, 25].

В школе осваивались программы обучения подрывников, шоферов, снайперов, младших командиров, саперов, санинструкторов, радистов, поваров, автоматчиков, телефонистов, мотоциклистов, мотоводителей. В период с мая 1942 г. по 1 января 1943 г. здесь были подготовлены 445 подрывников, 326 радистов, 50 телефонистов, 60 мотоциклистов. 11 водителей автомобиля и т. д. [8, л. 14-16].

Выдающейся страницей в истории бригады стало ее участие в историческом параде 7 ноября 1941 г. в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции прошедшем в Москве. Парад имел значительное идеологическое значение, произвел глубокое впечатление на граждан СССР, а также на мировое общественное мнение. Он стал своеобразным символом решимости бороться с фашистами до полной победы, а главное, явился показателем возможности и успешности этой борьбы [2, с. 578]. За подготовку и участие в параде приказом по Второй Мотострелковой дивизии особого назначения, которой в этот период оперативно подчинялась ОМСБОН, всему личному составу бригады, была объявлена благодарность. [8, л. 42].

Деятельность ОМСБОН НКВД СССР явилась важной составляющей успешной деятельности всех вооруженных сил. Большой вклад в дело разгрома фашизма, внесенный бригадой, высокая оценка ее деятельности со стороны руководства страны, просматривается в награждениях командиров и бойцов подразделения. Так, в период с 1941 по 1943 г. в бригаде имелось 3 Героя Советского Союза, награждены Орденом Ленина 32 человека, Орденом «Знак Почета» 34 человека, Орденом «Красное Знамя» – 82 человека, Орденом Отечественной войны 1 и 2 степени – 110 человек, Орденом «Красной звезды» 210 человек, значительное количество личного состава были награждены иными орденами и медалями [8, л. 88-177].

В апреле 1943 г. был воссоздан Народный комиссариат государственной безопасности. Вновь созданное ведомство было организовано на базе так называемых «оперативно-чекистских» подразделений НКВД СССР. В октябре 1943 г. личный состав ОМСБОН, включая находящийся во вражеском тылу, вместе со всем имуществом был передан в распоряжение 4-го управления НКГБ СССР. На основе подразделения был сформирован Отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР [4, с. 140].

Итак, в условиях начавшейся Великой Отечественной войны, продвижения вражеских войск вглубь СССР, возникла необходимость организации так называемой зафронтной работы на оккупированных территориях. Организация выполнения указанных задач первоначально была возложена на НКВД СССР. Однако помимо вопросов организации, планирования, контроля указанной деятельности важнейшим являлся вопрос реализации мероприятий на практике. Безусловно, что основную практическую часть этой работы выполняли существующие зафронтные формирования в виде партизанских отрядов, истребительно-диверсионных, диверсионных и разведывательно-диверсионных подразделений, подпольных агентурных сетей и разведывательно-диверсионной резидентуры. В то же время существовала необходимость создания регулярных профессиональных воинских подразделений, специализирующихся на данном роде деятельности, – своеобразного спецназа НКВД. Именно таким подразделением стала отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН НКВД СССР). Деятельность ОМСБОН НКВД СССР созданного в пе-

риод оборонительного периода Московской битвы и до его упразднения в структуре НКВД СССР в октябре 1943 г. выполняла широкий спектр задач. В первоначальный период войны к этим задачам относились оборона столицы, обеспечения безопасности внутри города, с начала 1942 г. основная задача заключалась в диверсионной, разведывательной и боевой работы в тылу врага. Важной составляющей деятельности ОМСБОН было специальное обучение навыкам зафронтной работы представителей иных подразделений НКВД и РККА. За годы своего существования ОМСБОН НКВД СССР внес значительный вклад в дело Победы в войне.

Пристатейный библиографический список

1. Бунин С. В., Марценюк Ю. А., Беркутов А. С. и др. Войска НКВД в великой Отечественной войне. Военно-исторический труд. В 3 т. Том. II. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941-1943). – М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015.
2. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: Кучково поле, 2013.
3. Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол. – М.: Мысль, 1991.
4. Климов А. Ю., Потёмкин И. А., Сальников А. С. Роль НКВД СССР в партизанском движении и подпольно работе в годы Великой Отечественной войны 1941-1942 годов. – М.: Академия управления МВД России, 2020.
5. Климов А. Ю., Сальников А. С. Организация НКВД СССР разведывательной и агентурной работы зафронтных подразделений в период Великой Отечественной войны (октябрь 1941 г. - апрель 1942 г.) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4 (66). – С. 99-103.
6. Коровин В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: «Русь», 2003.
7. Партизаны в битве за Москву 1941-1942: Архивные документы и материалы / Сост. М. М. Горинов, М.Ю. Маруков, И. В. Рыжова. – М.: Издательство Главархива Москвы, Издательство «Патриот». 2008.
8. РГВА. Ф.39026. Оп. 1. Д. 112.
9. РГВА. Ф.39026. Оп. 1. Д. 189.
10. РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 179.
11. Судоплатов П.А. Победа в тайной войне. 1941-1945 / Павел Судоплатов. – М.: Алгоритм. 2019.

БУТОВ Сергей Валерьевич

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения) Факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

ПОДВИГ ЗОИ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ И ДОВОДАХ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье представлен анализ архивных материалов и юридических документов, позволяющих объективно судить о подвиге Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Автор на основании неоспоримых фактов опровергает доводы фальсификаторов подвига Зои Космодемьянской, показывает необходимость применения мер правового и морального воздействия к лицам, пытающимся исказить историческую правду, реабилитировать нацизм, дискредитировать подвиги защитников Отечества в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Зоя Космодемьянская, герой, подвиг, фальсификация истории, Великая Отечественная война.

Бутов С. В.

BUTOV Sergey Valerjevich

adjunct of the adjunct course (full-time and part-time studies) of the Faculty of Training of Highly Qualified Personnel and Additional Professional Education of the Order of Zhukov St. Petersburg Military Institute of the National Guard of the Russian Federation

THE FEAT OF ZOYA KOSMODEMYANSKAYA IN LEGAL DOCUMENTS AND ARGUMENTS OF FALSIFIERS OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article presents an analysis of archival materials and legal documents that make it possible to objectively judge the feat of the Hero of the Soviet Union Zoya Kosmodemyanskaya. The author, on the basis of indisputable facts, refutes the arguments of the falsifiers of the feat of Zoya Kosmodemyanskaya, shows the need to apply legal and moral measures to persons trying to distort historical truth, rehabilitate Nazism, and discredit the exploits of the defenders of the Fatherland in the Great Patriotic War.

Keywords: Zoya Kosmodemyanskaya, hero, feat, falsification of history, Great Patriotic War.

Великая Отечественная война для советского народа стала тяжелейшим испытанием. Советский Союз потерял более 26 млн. своих граждан, погибших от рук фашистских захватчиков. В ходе военных действий было разрушено и разорено 1710 городов и других населенных пунктов, более 70 тысяч сел и деревень, 32 тысяч предприятий промышленности [1, с. 386]. Благодаря героизму, стойкости, патриотизму советских людей удалось разгромить немецких оккупантов, вероломно напавших на Советский Союз. Историческая память об их подвигах в Великой Отечественной войне является примером патриотизма для современной российской молодежи. Именно этот символ, дающий силы и веру российскому человеку, внушает страх врагам нашей страны. В целях ослабления патриотических чувств, прежде всего у молодого поколения России, ряд западных стран предпринимает неоднократные попытки фальсифицировать историю Великой Отечественной войны, переписать, исказить исторические факты, истолковать их в выгодной для себя интерпретации.

К концу второго десятилетия XXI века попытки «коллективного Запада» фальсифицировать историю Великой Отечественной войны достигли такого масштаба, что результатом противодействия им стало внесение в 2020 году поправок в Конституцию Российской Федерации¹. В новой редакции Основного закона России (ст. 67.1 ч. 3) декларируется почитание памяти защитников Отечества, защита исторической правды, недопущение умаления значения подвига народа при защите Отечества

Согласно положениям Конституции Российской Федерации требуется правдиво освещать события Великой Отечественной войны, основываясь не на слухах, догадках и непроверенных сведениях об описываемых событиях, а исключительно только на объективных фактах, документально обоснованных и подтвержденных материалами, степень достоверности которых неоспорима. К таким материалам, в первую очередь, относятся правовые акты военного времени и послевоенных лет.

Фальсификаторы истории, преследуя свои политические и (или) корыстные цели, как правило, используют различные психологические приемы, рассчитываемые на неосведомленность значительной части населения нашей страны, отсутствие у граждан развитого критического мышления или желания подробно разобраться в достоверности источников получаемой информации.

Одним из способов фальсификации истории с целью принижения героизма и негибимой воли солдат Красной Армии является тиражирование утверждений о том, что советские воины не обладали мужеством и доблестью. При этом их подвиги пытаются списать на советскую пропаганду или еще хуже на психическую невменяемость военнослужащих и других защитников Отечества. Одним из примеров постоянных посягательств на светлую память героев войны, является попытка дискредитации подвига Зои Космодемьянской – первой из женщин, удостоенных в годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза.

Попытки дискредитации подвига Зои Космодемьянской, по мнению автора статьи не случайны, и связаны они с тем, что её подвиг был одним из первых в годы войны, обрел широкую известность и до сего дня является символом героизма для многих поколений соотечественников. Поэтому ставится под сомнение не только подвиг З. Космодемьян-

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 04.07.2020. № 144.

ской, но и факты массового героизма советского народа, его вклад в достижение Великой Победы.

Подвигу Зои Космодемьянской посвящена статья в Кратком биографическом словаре Героев Советского Союза: «В октябре 1941 года комсомолка З. Космодемьянская добровольно вступила в специальный отряд, действующий по заданию штаба Западного фронта на Можайском направлении. Дважды направлялась в тыл противника. В конце ноября 1941 года при выполнении второго боевого задания в районе деревни Петрищево (Рузский район Московской области) была схвачена фашистами. Несмотря на жестокие пытки, не выдала военной тайны, не назвала своего имени. 29 ноября 1941 года повешена фашистами. Её преданность Родине, мужество и самоотверженность стали вдохновляющим примером в борьбе с врагом. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно. Награждена орденом Ленина» [2, с. 743].

Более подробно факты проявления мужества и стойкости З. Космодемьянской во время пыток и казни были отражены: в статье П. Лидова «Таня» (таким именем представилась Зоя в дер. Петрищево) в газете «Правда» за № 27 (8798) [3, с. 3]; в записи беседы 3 февраля 1942 года с жителями дер. Петрищево – очевидцами зверской расправы над З. Космодемьянской [4]; в сообщении командира войсковой части № 9903 подполковника А.К. Спрогиса о казни З. А. Космодемьянской, направленном 5 февраля 1942 года секретарю МК и МГК ВЛКСМ А. М. Пегову [5]; в показаниях, данных в 1942 году немцем военнопленным унтер-офицером 10 роты 332 пехотного полка 197 дивизии Карлом Бейерлейном о казни в ноябре 1941 г. в дер. Петрищево «девушки-партизанки» [6]; в записке А. М. Пегова, направленной в МК и МГК ВКП (б) А. С. Щербакову, Г. М. Попову и Б. Н. Черноусову с предложением о представлении З. А. Космодемьянской к званию Героя Советского Союза [7].

Наряду с указанными документами достоверную информацию, содержащую неопровержимые факты подвига Зои, можно почерпнуть из материалов судебных заседаний военных трибуналов по делам о лицах, совершивших предательство и противоправные действия в отношении З. Космодемьянской и своего Отечества. Так, из протокола судебного заседания Военного трибунала Западного фронта от 3 апреля 1942 года по обвинению красноармейца войсковой части 9903 Клубкова Василия Андреевича по статье 58-1 п. «б» УК РСФСР видно, что указанный военнослужащий 26 ноября 1941 года вместе с группой красноармейцев – Крайновым и Космодемьянской получил задание перейти через линию фронта в тыл войск противника и поджечь дома, в которых размещались немецкие войска [8]. Их группа 27 ноября разделилась, и каждый ее член приступил к выполнению своей части задания. Крайнов и Космодемьянская выполнили поставленную задачу – подожгли дома, занятые немцами. При этом Клубков был задержан немецкими солдатами, не дойдя до места выполнения задания. На допросе Клубков рассказал немецкому офицеру, что он вместе с Крайновым и Космодемьянской прибыл по заданию разведотдела Западного фронта с диверсионными целями, выдал немцам место дислокации штаба Западного фронта и остальную информацию, которую знал о советской армии. После его допроса в штаб немецких войск привели Космодемьянскую, которую Клубков опознал и подтвердил, что она прислана с ним для выполнения задания диверсионного характера. Немецкий офицер стал в присутствии Клубкова допрашивать Космодемьянскую, но она ничего ему не сказала. Когда немцы начали избивать Космодемьянскую, то слышали от нее лишь «убейте меня, но я ничего не скажу». После этого Зою раздели и избили до потери сознания, затем вынесли из штаба на мороз.

В ходе судебного заседания было установлено, что Клубков, испугавшись за свою жизнь, согласился стать немецким разведчиком. Он прошел специальную подготовку и получил задание передавать немцам оперативную информацию, собранную в тылу Красной Армии. Указанное задание Клубков выполнить не смог, так как был задержан красноармейцами и арестован. Подсудимый Клубков в последнем слове признал себя виновным в предательстве Зои Космодемьянской и в измене Родине, просил суд сохранить ему жизнь.

Приговором Военного трибунала Западного фронта от 3 апреля 1942 года по обвинению бывшего красноармейца войсковой части 9903 В. А. Клубкова по статье 58-1 п. «б» УК РСФСР «подсудимый Клубков Василий Андреевич признан виновным в измене Родине и приговорен к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, без конфискации имущества за отсутствием такового. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит» [9]. Подобный приговор был вынесен 4 июля 1942 года в отношении местного жителя дер. Петрищево Свиридова Семена Агафоновича [10]. В нем отмечалось, что указанный гражданин в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками дер. Петрищево, встал на путь измены Родине. В ноябре 1941 года Свиридов С. А. по приказу немецкого командования нес службу в качестве часового у своего дома, в котором расположились немецкие офицеры. Во время дежурства Свиридов заметил шедшую к сараю, в котором содержали своих лошадей немцы, неизвестную «партизанку-разведчицу», и незамедлительно сообщил об этом оккупантам. Немецкие солдаты окружили сарай и задержали разведчицу, которой оказалась Зоя Космодемьянская. На следующий день после задержания З. Космодемьянская была публично повешена. Ранее при допросе Свиридов С. А. сообщил, что за предательство Зои Космодемьянской немцы в качестве вознаграждения угостили его вином [11].

Как указано в выписке из уголовного дела военного трибунала войск НКВД Московской области, датированной 5 октября 1951 года, не избежали высшей меры наказания и жительницы дер. Петрищево Аграфена Смирнова и Федосья Солина, которые принимали активное участие в издевательствах над Зоей Космодемьянской, в то время, когда та содержалась под стражей у немецко-фашистских захватчиков [12].

Анализ указанных документов, объективность которых не может быть подвержена сомнению, показывает, что восемнадцатилетняя комсомолка Зоя Космодемьянская была истинной патриоткой Родины. Она стойко выдержала все издевательства, унижения и пытки фашистов, достойно, как подобает герою, приняла смерть. Последние ее слова были пропитаны любовью к Родине и ненавистью к врагу: «Граждане! Вы не стойте, не смотрите. Надо помогать воевать Красной Армии. Эта моя смерть – это мое достижение. Товарищи! Победа будет за нами! Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен! Советский Союз непобедим и не будет побежден! Сколько нас ни вешайте, но всех не перевешаете! Нас 170 миллионов. За меня вам наши товарищи отомстят!» [7].

Казалось бы, в каких деталях героического поступка Зои можно усомниться? Однако отдельные авторы нашли способ борьбы с исторической правдой, подвергнув сомнению сам факт проявления героизма советской девушкой, представив его в виде психического расстройства больной психозом. Именно с такой позиции рассматривает героический поступок Зои Космодемьянской Андрей Бильжо. На портале The Insider (в настоящее время издание признано нежелательной организацией, и доступ к ней на территории РФ заблокирован) 9 декабря 2016 года этот фальсификатор объяснил причину, по которой Космодемьянская под пытками не выдала военную тайну психическим расстройством девушки. якобы «здоровый» человек не смог бы совершить подобный подвиг. Противоречив сведениям, полученным из архивных документов и судебных материалов, А. Бильжо утверждал, что «Когда Зою вывели на подиум и собирались повесить, она молчала, хранила партизанскую тайну. Она просто не могла говорить, так как впала в «кататонический ступор с мутизмом», когда человек с трудом двигается, выглядит застывшим и молчит. Этот синдром был принят за подвиг и молчание Зои Космодемьянской»².

Примечательно, что в России оказалось достаточно много оппонентов этому псевдоисторику. Среди них кинорежиссер Карен Шахназаров, который считает, что мерзкие слова А. Бильжо о подвиге З. Космодемьянской не заслуживают цитирования, но не обращать на них внимания нельзя, так

2 Говорит Москва: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://govoritmoskva.ru/news/102783/?print=1> (дата обращения: 09.11.2022).

как подонка надо знать в лицо и понимать всю его гнилую сущность. Директор музея Зои Космодемьянской Ольга Полякова назвала абсурдом высказывание А. Бильжо о шизофрении юной разведчицы. Военный историк Александр Дюков и воронежский историк Виктор Шамрай сочли утверждения А. Бильжо, дискредитирующие подвиг З. Космодемьянской, ложными, неправомерными и недопустимыми. Ряд неравнодушных к правде историков и политических деятелей обратился в органы прокуратуры с заявлениями проверить законность высказываний А. Бильжо в адрес З. Космодемьянской как информации компрометирующего характера. Однако отсутствие со стороны правоохранительных органов должной реакции на подобные высказывания, сподвигло других российских антипатриотов к новым попыткам посягательства на историческую память о подвиге Зои Космодемьянской.

В феврале 2021 года вскоре после выхода на экраны кинофильма «Зоя», посвященного подвигу одноименной героини, журналист Александр Невзоров в эфире радиостанции «Эхо Москвы» оценил указанный фильм следующим образом: «Понятно, что выбрана очень неудачная фигура, которая категорически не годится на увековечивание. Потому что вот здесь не войти в конфликт со здравым смыслом, прославляя Зою Космодемьянскую, фанатичную сталинистку... И, скажем так, поступки этой особы предлагаются как подвиг... Заслуги-то никакой не было. Фанатик, исполняющий преступный приказ»³. Российское военно-историческое общество осудило слова этого антисоветчика и русофоба, призвав его к ответственности за распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное с использованием средств массовой информации. Но необходимой реакции правоохранителей вновь не последовало. Только в марте 2022 года после публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации в отношении А. Невзорова было возбуждено уголовное дело, предусмотренное п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ. К этому времени подозреваемый гражданин А. Невзоров уже покинул Россию.

Ради сохранения исторической правды и в опровержение доводов А. Невзорова стоит отметить, что Зоя Космодемьянская была настоящим патриотом своей Родины, а не фанатом Сталина и его режима. Она защищала свое Отечество от немецко-фашистских захватчиков, а не жизнь Сталина, которой ничто не угрожало. Противоправность ее действий, выраженных в поджоге домов, в которых проживали немцы, полностью исключается, так как З. Космодемьянская действовала во исполнение обязательного для нее приказа Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября 1941 г. № 0428 [13]. В этом приказе указывалось, что фашистская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах оккупированной советской территории. Немецкие солдаты, выслив хозяев, живут в крестьянских избах и подсобных помещениях, в подвалах которых прячутся от советской авиации. Для того чтобы ускорить разгром врага, выгнать его из теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом Ставка Верховного Главнокомандования приказала разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40-60 км в глубину от переднего края и на 20-30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия ставилась задача широко использовать партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами. Приказом также предписывалось в каждом полку создать команды для взрыва и поджога населенных пунктов, в которых располагались войска противника. В эти команды необходимо было подбирать наиболее отважных и крепких в

политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии. Архивные документы, в том числе и те, которые приведены в статье, свидетельствуют о том, что не все подобранные для диверсионных мероприятий красноармейцы оказывались отважными, морально-крепкими и способными выполнить боевую задачу. Справиться с заданием командования могли только истинные патриоты своей страны, которые ставили защиту Отечества выше своей собственной жизни.

Нападки на подвиг З. Космодемьянской и попытки реабилитации фашизма не прекращаются и в настоящее время. В печатных изданиях Санкт-Петербурга 9 сентября 2022 года появилась информация о задержании 44-летнего жителя города за дискредитацию подвига Зои Космодемьянской в сообществе «Раса» социальной сети «ВКонтакте». Подозреваемый в реабилитации нацизма гражданин ранее привлекался к уголовной ответственности. В ходе обыска у него были найдены агитационные материалы и экстремистская литература.

В современной военно-политической обстановке будет правильным нетерпимо относиться к попыткам дискредитации подвигов героев Великой Отечественной войны, критически оценивать цели псевдоисториков, документально опровергать их лживые доводы, а к самим фальсификаторам применять меры правового и морального воздействия. Как бы не старались враги российского государства разрушать его базовые ценности, подвиги героев войны всегда будут оставаться символом мужества, отваги и стойкости в сознании граждан нашей многонациональной страны.

Пристатейный библиографический список

1. Бунин С. В., [и др.]. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд. В 3 т. Том III. Войска НКВД в третий период Великой Отечественной войны и в советско-японской войне (1944-1945). М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. 416 с.
2. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т. 1 / Абаев – Любичев / Пред. ред. коллегии И. Н. Шкадов. М.: Воениздат, 1987. 911 с.
3. Лидов П. Таня // Правда. газ. 1942. 27 янв. С. 3.
4. Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 8682. Оп. 1. Д. 561. Л. 55-76.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-7. Оп. 2. Д. 649. Ч. 5. Л. 7.
6. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 110. Л. 28-29.
7. ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 145. Л. 1-10.
8. Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ). Д. Н-16440. Л. 66-67об.
9. ЦА ФСБ. Д. Н-16440. Л. 68-69.
10. ЦА ФСБ. Д. 35902. Л. 49-49об.
11. Архив Управления ФСБ по г. Москве и Московской области. Д. 35902. Л. 15-16.
12. ЦАОПИМ. Ф. 8682. Оп. 1. Д. 561. Л. 38-38 об., 40-40 об.
13. Центральный архив Министерства Обороны РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 111. Л. 21, 22.

3 Аргументы и факты: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/politics/russia/reabilitaciya_nacizma_chno-skazal_nevzorov_pro_zoyu_kosmodemyanskuyu (дата обращения: 09.11.2022).

ГУЛЯЕВА Татьяна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры гражданского и международного права Нижегородского института управления филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ГНЕТОВА Людмила Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

ФАБРИЧНАЯ Людмила Игоревна

студент 6 курса Лечебного факультета Приволжского исследовательского медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОСТИТУЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования проституции, как негативного явления в конце XVIII века. Особое внимание уделяется механизму выявления определенной категории женщин, предлагающих интимные услуги за вознаграждение, и тем мерам, которые в зарубежных странах, в том числе и в России, принимали в борьбе с этим пагубным явлением. Авторами анализируется законодательство Франции, Англии и России по исследуемому вопросу, сравниваются положительные и отрицательные моменты. В заключение подведены итоги, позволяющие сделать категоричный вывод о значимости мер, принимаемых в зарубежных странах и в России в борьбе с проституцией.

Ключевые слова: право, закон, проституция, больницы, принудительное лечение, сифилис.

GULYAEVA Tatyana Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process law sub-faculty of the Volga branch of the Russian State University of Justice, associate professor of Civil and international law sub-faculty of the Nizhny Novgorod Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation

GNETOVA Lyudmila Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of General history, classical disciplines and law sub-faculty of the K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

FABRICHNAYA Lyudmila Igorevna

student of the 6th course of the Medical Faculty of the Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF PROSTITUTION IN RUSSIA AND ABROAD AT THE END OF THE XVIII CENTURY

The article deals with the issues of legal regulation of prostitution as a negative phenomenon at the end of the XVIII century. Particular attention is paid to the mechanism of identifying a certain category of women offering intimate services for remuneration, and to the measures that foreign countries, including Russia, have taken in the fight against this harmful phenomenon. The authors analyze the legislation of France, England and Russia on the issue under study, compare the positive and negative aspects. In conclusion, the results are summarized, allowing us to make a categorical conclusion about the importance of measures taken in foreign countries and in Russia in the fight against prostitution.

Keywords: law, law, prostitution, hospitals, forced treatment, syphilis.

В разные периоды развития государств менялись морально-этические и правовые нормы, но проблема проституции оставалась достаточно острой. История показывает, что как любое общественное явление, проституция также подвержена изменениям, и на увеличение ее масштабов особенно влияет нестабильность социально-экономического положения населения, особенно в периоды кризисов, войн и революций. Изучение опыта прошлого позволяет предвидеть будущее, поэтому небезынтересно узнать, где и когда появилось это социальное пагубное явление, и какие меры предпринимало государство и общество в борьбе с проституцией.

Сейчас в вопросе борьбы с проституцией государство ставит перед собой две основные задачи: 1) устранение нравственной опасности от проституции и 2) уменьшение опасности заболевания венерическими болезнями. Нас, в данном случае, интересует, конечно, только вторая задача. Осуществление этой задачи совершается путем государственной ре-

гламентации проституции, сущность которой заключается в том, чтобы путем надзора за профессиональной проституцией ослабить вредные ее последствия.

Правовое регулирование проституции возникло во Франции в конце XVIII века¹. История развития проституции была схожа с историей этого феномена в других странах Европы, а именно периодами «терпимости и репрессиями». Во Франции отсутствовал специальный закон, который определял бы систему регламентации проституции. Власть префектуры по надзору за проституцией основывалась на старинном ордонансе 1778 года, который запрещал женщинам предлагать в публичных местах свое тело, а также запрещал домохозяевам сдавать в наем свою квартиру лицу с «дурной

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5f79026f-635cfa12-840d45ea-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/History_of_prostitution_in_France.

репутацией». Надзор за полицией нравов ордонанс возлагал на полицейского лейтенанта, с «упразднением должности коего этот надзор перешел к префекту».

В 1802 году парижская полицейская префектура сделала распоряжение об установлении периодического освидетельствования женщин, промышляющих развратом. Больные женщины, согласно тому же распоряжению, подлежали обязательному принудительному помещению в больницы. В том же направлении действовала и провинциальная префектура, издавая местные регламенты. Таким образом, во Франции регламентация проституции не базировалась на каком-либо особом законе, а основывалась на административных распоряжениях².

Иначе дело обстояло в Англии, где регламентация была введена 11 июня 1866 года парламентским биллем о венерических болезнях³. Сущность закона заключалась в том, что агентам полиции было предоставлено право лишать свободы женщину, которую они считали подозрительной. Лишение свободы заключалось в принудительном ее освидетельствовании и помещении в больницу. Основательность полицейского распоряжения подлежала обязательно судебной проверке. Однако, полицейскому агенту было предоставлено право замены доказательств подтверждением под присягой, что у него есть достаточно оснований считать данную женщину проституткой. Считаем, что данная норма была не только жесткой, но и не справедливой, т.к. у работника полиции было преимущественное право перед решением суда, но наш взгляд недопустимо.

В России, также, как и во Франции, не было в исследуемый период общего закона, определяющего систему действующей регламентации проституции. В существующих законах содержалось общее запрещение «открывать днем и ночью дом свой или наемный для непотребства, входить в оный и непотребством своим или непотребством иных сыскивать себе пропитание» [1]. В примечании к этой статье было сказано, что учрежденные для врачебно-полицейского надзора за женщинами, промышляющими развратом, врачебно-полицейские комитеты в действиях своих должны руководствоваться особо изданными для сего правилами. Врачебно-полицейские комитеты существовали позже в следующих городах: Санкт-Петербурге, Москве, Вильне, Риге и во время ярмарки в Нижнем Новгороде.

Сущность действующей в России регламентации состояла в том, что в каждом городе полиция должна была вести списки всех проживающих в городе проституток, которые подлежали обязательному врачебному свидетельствованию не менее одного раза в неделю. Считаем, что это достаточно жесткое правило, но, наверное, иначе в тот период времени поступить быть нельзя, чтобы добиться положительного результата.

В губернских городах списки проституток хранились во врачебных отделениях, в уездных - в полиции. Проститутки, оказавшиеся по освидетельствованию зараженными, подлежали принудительному лечению в больницах. Кроме того, больные сифилисом мужчины, обращающиеся за медицин-

ской помощью в больницы, должны были обязательно рассказать, где, по их мнению, они могли заразиться.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. В конце XVIII века появились первые правовые акты, регулирующие вопросы борьбы с проституцией во Франции, Англии, Германии и России, и направлены были они как на оказание медицинской помощи, так и на привлечение к ответственности женщин, занимающихся «торговлей» своего тела.

2. Во Франции не было закона, который бы регламентировал меры борьбы с проституцией, этим вопросом занималась полицейская префектура, действия которой основывались на административных распоряжениях.

3. В Англии, на основании билля о венерических болезнях, полиции было предоставлено право лишать свободы женщину, которую они могли принудительно освидетельствовать и поместить в больницу, если подтверждалось наличие этого заболевания, и, самое главное, решение полицейского было в приоритете над решением суда.

4. В России в исследуемый период времени не было закона, который определял бы систему регламентации проституции, существовал только запрет сдавать в наем помещение для занятия проституцией. Полиция вела списки проживающих в городе проституток, которых обязательно подвергали врачебному свидетельствованию не менее одного раза в неделю и при наличии заболевания принудительно лечили в больницах.

5. Особенности правовой регламентации такого социального явления как проституция в конце XVIII явилось то, что во всех рассматриваемых нами странах боролись с этим феноменом как государство, так и общество, применяя меры как медицинского, так и правового характера.

Пристатейный библиографический список

1. Устав о благочинии» императрицы Екатерины Второй от 8 апреля 1782 года ст. 155. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&empire=1&nd=142691&page=1&rdk=0&link_id=3#10.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4e4b21d1-635cfb04-fbdf44e3-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/History_of_prostitution_in_France.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.1b3c3caa-635cfc35-b3686312-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/1864_Contagious_Diseases_Act.

АРХИПКИНА Анастасия Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

СНИЦАРЕВА Юлия Владимировна

магистрант Байкальского государственного университета, г. Иркутск, консультант отдела по развитию социальной сферы комитета по социальной политике

ПОЛУЧЕНИЕ СУБСИДИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В РЕШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРОБЛЕМ

В данной статье анализируется один из механизмов реализации конституционного права граждан на жилище на примере Иркутской области. Право на жилище является одним из фундаментальных и естественных прав человека, так как его нуждаемость в данном благе возникла с момента первой потребности в укрытии и защите себя и своей семьи с древних времен. В настоящее время обеспечение потребности каждого гражданина в жилище является одним из важнейших условий создания достойного уровня жизни человека.

Ключевые слова: право на жилище, поддержка молодых семей, жилище, социальная выплата.

ARKHIPKINA Anastasiya Sergeevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

SNITSAREVA Yuliya Vladimirovna

magister student of the Baikal State University, Irkutsk, consultant of the Department for the Development of the Social sphere of the Committee on Social Policy

RECEIVING SUBSIDIES BY MUNICIPALITIES OF THE IRKUTSK REGION TO SUPPORT YOUNG FAMILIES IN SOLVING HOUSING PROBLEMS

This article analyzes one of the mechanisms for implementation of constitutional right to housing on the example of the Irkutsk region. The right to housing is one of the fundamental and natural rights of a human being, because the need for housing has arisen since ancient times from the moment of the need to shelter and protect oneself and one's family. Nowadays, ensuring the need of each citizen for housing is one of the most important conditions for creating a decent standard of living for human beings.

Keywords: right to housing, support for young families, housing, social payment.

Архипкина А. С.

Сницарева Ю. В.

В соответствии с пунктом 1 статьи 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище. Улучшение жилищных условий граждан, повышение доступности и качества жилья является одной из задач в достижении целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала в соответствии с пунктом 33 стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Одной из нуждающихся в государственной поддержке социально-демографических групп являются молодые семьи. Для повышения уровня позитивного отношения к институту семьи в молодежной среде, формирования у молодежи традиционных семейных ценностей через создание условий для укрепления семьи, развитие семейного образа жизни, обеспечение экономической и социальной основ семейных ценностей, необходимых для реализации семей ее функции, в первую очередь репродуктивной и воспитательной необходимо поддерживать молодых граждан в решении жилищных проблем. Оказание финансовой помощи молодым семьям при решении жилищной проблемы основа

стабильных условий жизни, которая влияет на улучшение демографической ситуации и позволяет сформировать экономически активный слой населения.

Таким образом, для решения задачи по улучшению жилищных условий молодых семей требуется участие и взаимодействие органов публичной власти всех уровней.

В данной статье рассмотрим практику привлечения федеральных и областных бюджетных средств муниципальными образованиями для решения жилищных проблем молодых семей, а также трудности, возникающие при привлечении указанных средств на примере Иркутской области.

Одним из механизмов помощи молодым семьям в реализации права на жилище в Иркутской области является реализация подпрограммы «Молодым семьям - доступное жилье» на 2019-2024 годы государственной программы Иркутской области «Доступное жилье» на 2019-2024 годы (далее – Областная подпрограмма), которая реализуется совместно с муниципальными образованиями Иркутской области. Целью областной подпрограммы является создание механизма государственной поддержки молодых семей в решении жилищной проблемы в Иркутской области. В задачи областной подпрограммы входит оказание за счет средств областного

бюджета поддержки муниципальным образованиям Иркутской области, привлекающим для решения жилищной проблемы молодых семей финансовые ресурсы на местном уровне путем консолидации бюджетных и внебюджетных источников финансирования. Ответственным исполнителем областной подпрограммы является министерство по молодежной политике Иркутской области, которое реализует основное мероприятие по улучшению жилищных условий молодых семей.

В связи с вышесказанным Областная подпрограмма предусматривает привлечение бюджетных средств из федерального бюджета, а также обязательное софинансирование из средств местных бюджетов. Федеральные бюджетные средства предоставляются в рамках реализации ведомственной целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2017 года № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Средства местных бюджетов предусматриваются муниципальными программами.

Областная подпрограмма является эффективным механизмом решения жилищной проблемы, а также благоприятствует демографической ситуации в области. За время действия мероприятий по улучшению жилищных условий молодых семей на территории Иркутской области с 2005 по 2021 годы улучшили жилищные условия 5 772 молодые семьи. Для того, чтобы участвовать в мероприятии по улучшению жилищных условий молодых семей муниципальным образованиям Иркутской области необходимо руководствоваться федеральными и областными нормативными актами, кроме того должна функционировать муниципальная программа по обеспечению жильем молодых семей на территории соответствующего муниципального образования Иркутской области без привлечения субсидии и предусмотренные в местном бюджете средства на соответствующий финансовый год и плановый период на реализацию Областной подпрограммы.

С каждым годом увеличивается количество молодых семей, желающих принять участие в улучшении жилищных условий на территории муниципальных образований Иркутской области. Число участников подпрограммы на 1 июня 2021 года составило 4 768 молодых семей. В 2020 году свидетельства о праве на получение социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья получили 745 молодых семей, в том числе 170 многодетных семей. Однако на данный момент подпрограмма обеспечивает не более 11-15 % потребностей молодых семей, желающих получить помощь в улучшении своих жилищных условий¹. В этой связи представляется важным разобраться в трудностях реализации Областной подпрограммы для решения жилищных проблем молодых семей в Иркутской области.

В реализации Областной подпрограммы по улучшению жилищных условий молодых семей в 2020 году участвовало 32 муниципальных образования Иркутской области, в 2021 году – 33 и в 2022 году – 33. При этом Иркутская область имеет в своем составе 10 городских округов и 32 муниципальных района. При сравнении данных показателей можно сделать вывод, что 21,4 % или 9 муниципальных образований Иркутской области не принимают участие в реализации мероприятий по улучшению жилищных условий молодых семей.

В соответствии с пунктом 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Таким образом, молодые семьи, нуждающиеся в улучшении жилищных условий определенного муниципального образования, не реализующего мероприятия по оказанию финансовой помощи молодым семьям в приобретении (строительстве) жилья на территории, не могут реализовать свое право на жилище с помощью государственных средств, тем самым становятся не равными в своих правах на жилище по отношению к молодым семьям, получившим государственную помощь и улучшившим свои жилищные условия.

Кроме того, распределение бюджетных средств из вышестоящих бюджетов в бюджеты муниципальных образований - участников мероприятия по улучшению жилищных условий молодых семей является неравномерным.

Из таблицы видно, что основная доля бюджетных средств предоставляется в город Братск и город Иркутск. Удельный вес финансирования почти половины муниципальных образований меньше 1 %. Данное неравномерное распределение зависит от результатов проведенного конкурса на получение средств субсидий из федерального и областного бюджетов.

В соответствии с порядком проведения конкурсного отбора муниципальных образований Иркутской области для участия в подпрограмме «Молодым семьям – доступное жилье» на 2019-2024 годы государственной программы Иркутской области «Доступное жилье» на 2019-2024 годы, утвержденного постановлением правительства Иркутской области от 3 апреля 2014 № 181-пш «О порядке проведения конкурсного отбора муниципальных образований Иркутской области для участия в подпрограмме «Молодым семьям – доступное жилье» на 2019-2024 годы государственной программы Иркутской области «Доступное жилье» на 2019-2024 годы, одним из условий участия является наличие в муниципальном правовом акте представительного органа муниципального образования о местном бюджете на соответствующий финансовый год (соответствующий финансовый год и плановый период) расходных обязательств и бюджетных ассигнований на финансирование мероприятий муниципальной программы по улучшению жилищных условий молодых семей.

Выполнение вышеуказанного условия муниципальными образованиями Иркутской области является труднодостижимым в связи с дефицитностью местных бюджетов. Большинство муниципальных образований не могут в полном объеме выполнять расходные обязательства, предусмотренные полномочиями в соответствии со статьями 15, 16 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», так как одной из серьезнейших проблем в настоящее время является проблема недостаточности

1 Об утверждении стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года: Закон Иркутской области от 10 января 2022 года № 15-ОЗ // Областная. - 2022. - № 19. - 21 февраля.

Таблица 1. Распределение бюджетных средств из федерального и областного бюджетов между муниципальными образованиями Иркутской области

№ п/п	Наименование муниципального образования Иркутской области	2021 год		2022 год	
		Средства федерального и областного бюджетов	Удельный вес	Средства федерального и областного бюджетов	Удельный вес
1	Городской округ муниципальное образование город Иркутск	84 093,37	26,0 %	70 446,08	17,2 %
2	Городской округ муниципальное образование города Братска Иркутской области	79 870,88	24,7 %	129 534,00	31,6 %
3	Зиминское городское муниципальное образование	6 796,31	2,1 %	8 368,61	2,0 %
4	Городской округ муниципального образования город Саянск Иркутской области	16 724,73	5,2 %	20 314,83	5,0 %
5	Городской округ город «Свирск» Иркутской области	1 811,37	0,6 %	1 989,92	0,5 %
6	Муниципальное образование - «город Тулун»	798,71	0,2 %	2 225,64	0,5 %
7	Муниципальное образование «город Усолье-Сибирское»	11 964,25	3,7 %	17 300,71	4,2 %
8	Муниципальное образование город Усть-Илимск	19 386,28	6,0 %	12 954,47	3,2 %
9	Ангарский городской округ Иркутской области	21 894,78	6,8 %	29 285,44	7,1 %
10	Муниципальное образование города Бодайбо и района	5 186,73	1,6 %	5 563,01	1,4 %
11	Муниципальное образование «Братский район»	4 846,12	1,5 %	6 033,07	1,5 %
12	Муниципальное образование «Железногорск-Илимское городское поселение»	441,26	0,1 %	1 035,01	0,3 %
13	Баяндаевский муниципальный район Иркутский район	1 862,64	0,6 %	2 890,99	0,7 %
14	Байкальское муниципальное образование	5 714,29	1,8 %	7 488,94	1,8 %
15	Иркутское районное муниципальное образование Иркутской области	10 641,27	3,3 %	15 788,30	3,8 %
16	Муниципальное образование «Качугский район»	1 796,15	0,6 %	3 364,03	0,8 %
17	Киренский муниципальный район Иркутской области	3 512,02	1,1 %	17 610,88	4,3 %
18	Муниципальное образование «Нижнеилимский район»	613,02	0,2 %	1 450,50	0,4 %
19	Муниципальное образование «Нижнеудинский район»	1 041,94	0,3 %	1 149,96	0,3 %
20	Ольхонский муниципальный район Иркутской области	4 293,89	1,3 %	5 148,87	1,3 %
21	Слюдянский муниципальный район Иркутской области	2 540,45	0,8 %	2 404,34	0,6 %
22	Тайшетское муниципальное образование «Тайшетское городское поселение»	4 879,76	1,5 %	6 012,83	1,5 %
23	Тайшетский муниципальный район Иркутской области	6 920,07	2,1 %	8 443,90	2,1 %
24	Усть-Кутское городское поселение Усть-Кутского муниципального района Иркутской области	7 750,97	2,4 %	10 463,45	2,5 %
25	Муниципальное образование «город Черемхово»	3 876,83	1,2 %	4 592,77	1,1 %
26	Черемховское районное муниципальное образование	1 172,27	0,4 %	1 700,65	0,4 %
27	Чунское районное муниципальное образование	532,44	0,2 %	839,86	0,2 %
28	Муниципальное образование «город Шелехов»	2 437,29	0,8 %	2 517,61	0,6 %
29	Аларский муниципальный район Иркутской области	1 638,01	0,5 %	2 304,18	0,6 %
30	Муниципальное образование «Нукутский район»	352,80	0,1 %	677,37	0,2 %
31	Осинский муниципальный район Иркутской области	3 478,16	1,1 %	5 043,66	1,2 %
32	Усольский муниципальный район Иркутской области	2 066,32	0,6 %	3 556,74	0,9 %
33	Эхирит-Булагатский муниципальный район Иркутской области	2 045,61	0,6 %	1 869,75	0,5 %
Итого:		322 980,99	100,0 %	410 370,37	100,0 %

собственных источников дохода местных бюджетов для исполнения своих обязательств по повышению уровня и качества жизни населения, то есть существует финансовая зависимость территорий от средств вышестоящих бюджетов². При этом размер средств, выделяемых из местных бюджетов, на реализацию мероприятий по улучшению жилищных условий молодых семей напрямую зависит от размера софинансирования средств вышестоящих бюджетов. Таким образом, возникает неравномерное распределение финансирования среди муниципальных образований. В связи с этим очередь на получение социальной выплаты среди молодых семей возрастает быстрее, чем убывает за счет семей, получивших социальную выплату. По этой причине процесс движения молодой семьи в очереди на финансирование замедляется и возникают случаи, когда хотя бы одному из членов семьи исполняется полных 36 лет, семья в полном составе исключается из состава участников на улучшение жилищных условий, не дождавшись получения социальной выплаты. Отсюда возникают недовольства среди молодых семей и разочарование в государственной жилищной политике в целом.

Из проведенного анализа можно сделать выводы о том, что качество правового регулирования жилищной отрасли играет огромную роль в развитии страны, региона и муниципального образования. Преимущества покупки, либо строительства того или иного жилья для каждой молодой семьи могут быть различны. Однако задача государства в целом – не забывать о значимости и актуальности реализации социальных программ среди населения, в том числе среды молодых семей. Подпрограмма «Молодым семьям – доступное жилье» на 2019-2024 годы государственной программы Иркутской области «Доступное жилье» на 2019-2024 годы является одним из самых эффективных механизмов по сокращению числа нуждающихся семей в улучшении жилищных условий. Для муниципального образования это возможность закрепить на территории трудоспособное население, которое будет являться составной частью развития экономики и социальной инфраструктуры, а для этого необходимо помогать молодым гражданам в приобретении (строительстве) жилья на своей территории, что накладывает на бюджеты муниципальных образований достаточно большие расходы обязательства.

Для повышения качества механизма реализации Областной подпрограммы, по нашему мнению, нужно уходить от процентного софинансирования мероприятий по улучшению жилищных условий молодых семей, которые зависят от наличия размера финансовой возможности местных бюджетов. Следует исходить из потребности муниципальных образований, то есть стоит преимущественно финансировать территории, где большая очередь среди семей на получение социальных выплат, где семьи стоят в очереди более 3-4 лет. Также необходимо увеличивать финансирование для муниципальных районов Иркутской области, закрепляя в сельских территориях трудоспособное население, так как, несмотря на динамичный рост агропромышленного комплекса, уровень и качество жизни сельского населения в целом существенно отстает от уровня жизни в городах, наблюдается рост миграционного оттока, вследствие этого происходит дефицит кадров.

Проведенный анализ практики реализации права на жилище на примере Иркутской области наглядно иллюстрирует зависимость реализации права на жилище от финансовых возможностей муниципалитетов.

Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека в соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации. В Иркутской области реализуется подпрограмма «Молодым семьям – доступное жилье» на 2019-2024 годы государственной программы Иркутской области «Доступное жилье» на 2019-2024 годы, которая является одним из условий реализации благополучной жизни молодыми семьями в собственном жилье. С каждым годом интерес среди населения к вышеуказанной подпрограмме растет, следовательно, увеличивается очередь на получение социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья. Необходимо отметить, что финансирование Областной подпрограммы также увеличивается, и соответственно, с каждым годом растет количество семей, улучшивших жилищные условия с помощью средств социальной выплаты. Благодаря реализации Областной подпрограммы в экономику региона молодыми семьями привлекаются средства из внебюджетных источников. Прежде всего, семьи заимствуют кредитные средства частных кредитных организаций, реализуются средства материнского (семейного) капитала, областного (материнского) семейного капитала, а также собственные средства.

Пристатейный библиографический список

1. Бабичев И. В., Есин В. В. Некоторые правовые аспекты муниципальной экономики и осуществления компетенций муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. - 2017. - № 3.
2. Бадулина Е. В., Крашенникова П. В. Обеспечение права на жилище органами местного самоуправления. - Москва: Издание Государственной Думы, 2015.
3. Бойко Н. Н. Актуальные проблемы межбюджетных трансфертов в местных бюджетах // Государственная власть и местное самоуправление. - 2020. - № 10.
4. Сазонова Н. Л. Особенности развития социальной политики в Российской Федерации // Baikal research journal. – 2011. - № 4.
5. Седых О. Г. Взаимодействие власти и бизнеса в решении жилищных проблем детей-сирот как механизм контроля и сдерживания социального иждивенчества // Академический юридический журнал. – 2018. Т. 9. - № 2.
6. Пятковская Ю. В. Государственная поддержка молодых специалистов как направление молодежной политики: региональный аспект // Академический юридический журнал. - 2021. - Т. 22. № 3.

² Бойко Н. Н. Актуальные проблемы межбюджетных трансфертов в местных бюджетах // Государственная власть и местное самоуправление. - 2020. - № 10. - С. 30-36.

БЕЛОВА Алина Радиковна

адъюнкт Академии Управления МВД России

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье исследуется вопрос развития права на неприкосновенность частной жизни в условиях стремительного развития информационных технологий и их активного внедрения в общественные отношения. Последовательно рассматривается эволюция содержания и процесс нормативного закрепления данного права в России, в решениях ЕСПЧ и КС РФ. Выявляются актуальные проблемы, с которыми сталкиваются граждане при реализации права на неприкосновенность, в связи с чем обосновывается необходимость совершенствования национального законодательства.

Ключевые слова: права человека, личные права, право на неприкосновенность частной жизни, механизм реализации гарантий, информатизация общественных отношений.

BELOVA Alina Radikovna

adjunct of the Academy of Management of the MIA of Russia

TRANSFORMATION OF THE RIGHT TO PRIVACY IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION OF PUBLIC RELATIONS

The article examines the question of the transformation of the right to privacy under the influence of developing modern technologies and their active implementation in public relations. The evolution of the content and the process of normative consolidation of this right in Russia and in the decisions of the ECtHR and Russia's Constitutional Court are consistently considered. The actual problems faced by citizens in the exercise of the right to immunity are identified, in connection with which the need to improve national legislation is substantiated.

Keywords: constitutional law, human rights, personal privacy, privacy, digital society, data protection, fundamental rights to privacy and data protection.

Цифровые технологии оказывают повседневное воздействие на все аспекты общественной жизни, включая правовые. С одной стороны, они могут положительно влиять на правовые гарантии, предоставляя дополнительные средства фиксации нарушений и восстановления в правах. С другой стороны, они создают определенную угрозу для ряда конституционных прав, которые касаются личной жизни, информации, человеческого достоинства и т.д. О необходимости обеспечения права на неприкосновенность частной жизни как фундаментального права, присущего человеку с рождения, в 2018 г. и в 2020 г. высказывался Верховный Комиссар по правам человека, подчеркнув, что особую роль в этом должны взять на себя коммерческие организации и национальные правительства¹.

Право на неприкосновенность частной жизни: содержание и становление

Рассматриваемое право является естественным по своей природе. Указанная характеристика означает, что человек обладает им и может пользоваться вне зависимости от обстоятельств внешней среды и непосредственного закрепления в нормативных актах. Начало зарождения теории права на неприкосновенность было положено английскими исследователями С. Уорреном и Л. Брендисом в 1890 г. Авторами отмечалось, что данное право является одним из древнейших, поскольку возникло одновременно с отделением семьи от стаи, что подтверждается его закреплением в древнейших памятниках права [1, с. 864]. Признание данного права со стороны международного сообщества было установлено в связи с его включением в статью 12 Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и статью 17 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г.²

В России процесс эволюции данного права был более неоднородным и поздним, чем в европейских странах, поскольку он развивался особым путем, предопределенным историческим контекстом и изменениями политического строя.

В первой Конституции 1918 г. индивидуальные права не были закреплены как таковые, поскольку социалистическое государство признавало только коллективные права.

В следующем по хронологии акте – Конституции СССР 1924 г. – закрепление получили только социально-экономические права, которые предоставлялись только трудящимся лицам. Личные права в данном акте не упоминались.

В Конституции СССР 1936 г. право на неприкосновенность частной жизни впервые упоминается, однако его содержание значительно отличалось от того, как оно понимается сегодня. Так, в него были включены неприкосновенность личности, жилища и переписки. Тем не менее данное закрепление носило лишь формальный характер, поскольку на практике советским государством личные права не признавались.

Следующим этапом формирования исследуемого права стало принятие Конституции СССР 1977 г. Новеллой этого акта послужило появление категории личной жизни. Таким образом, это право было расширено и стало также охранять тайну семейных связей, медицинского диагноза, завещания, имущественного положения и т.д. При этом категория «частного» (то есть всего, что не является общественным) по идеологическим соображениям по-прежнему не применялась [2, с. 34-35]. Следует сделать промежуточный вывод, что, несмотря на формальное закрепление права на неприкосновенность частной жизни в конституционном праве СССР, в этот период отсутствовали практический механизм его реализации гражданами.

Впервые официальное закрепление права на неприкосновенность частной жизни произошло в статье 9 Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР³, где утверждалось, что каждый имеет право на неприкосновенность его частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений. Кроме того, важным нововведением стало указание на то, что ограничение такого права может быть осуществлено исключительно на основании норм закона по судебному решению.

И наконец, принципы правового государства нашли свое отражение, в том числе, в статье 23 и части 1 статьи 24 Конституции Российской Федерации 1993 г.⁴, где признается неотъемлемым право на неприкосновенность частной жизни.

Тем не менее по настоящее время в российском законодательстве не было принято акта, в котором бы подробно указывалось, что следует понимать под «частной жизнью». Отдельные аспекты механизма реализации гарантий по статье 23 затрагиваются в таких актах, как Федеральный закон «Об информации,

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/2020/06/new-technologies-must-serve-not-hinder-right-peaceful-protect-bachelet-tells-states>.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900204>.

3 Постановление Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 № 1920-I «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1991 г. № 52, ст. 1865.

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 445.

информационных технологиях и о защите информации»⁵ и Федеральный закон «О персональных данных»⁶. Данные акты касаются узких и специфических сфер, в связи с чем их нормы не могут применяться на общих основаниях ко всем случаям нарушения права на неприкосновенность частной жизни.

Некоторая ясность и единообразие были внесены за счет постановлений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), членом которого Российская Федерация являлась до марта 2022 года. Особенностью этого органа, является то, что он допускает «гибкое» толкование данного права, гарантированного статьей 8 Европейской конвенции по правам человека. Анализ судебной практики ЕСПЧ по данному вопросу свидетельствует о том, что в данное понятие включаются следующие аспекты:

1) личные данные – тайна смена имени и фамилии, смена пола, семейное положение («Гийо против Франции», 1993; «В. против Франции», 1992);

2) связи с другими лицами – тайна данных о прошлом, тайна усыновления, родственные связи, факт отцовства («Гаскин против Великобритании», 1983; «Расмиоссен против Дании», 1984);

3) информация о карьере и профессии («Нимиц против Германии», 1992);

4) физическая и моральная неприкосновенность – запрет принудительного лечения, физического насилия, ограничения эвтаназии, аборта («X & Y против Нидерландов», 1996; «Претти против Великобритании», 2002);

5) социальные контакты – запрет ограничения права на взаимодействие с другими людьми («Сливенко и др. против Латвии», 2003);

6) сбор данных о лице – хранение отпечатков пальцев и иных биометрических данных, результатов переписи населения («Леандер против Швеции», 1987).

Следует сделать вывод, что ЕСПЧ по сравнению с Конституцией РФ существенно расширяет понимание термина «неприкосновенность частной жизни», фактически приравнивая его к понятию «приватность».

Для сравнения необходимо рассмотреть подход Конституционного суда РФ (далее – КС РФ) к пониманию содержания данного права. В своих правовых позициях КС РФ выражает следующее мнение по поводу того, что следует включать в «неприкосновенность частной жизни»:

1) частная жизнь как любая законная деятельность, которая не подлежит общественному и государственному контролю (Определение от 9 июня 2005 г. № 248-О);

2) тайна усыновления (Постановление от 16 июня 2015 г. № 15-П);

3) профессиональная тайна (Постановление от 20 февраля 1996 г. № 5-П);

4) банковская тайна (Постановление от 14 мая 2003 г. № 8-П);

5) право требования от государственных органов собранной ими информации о гражданине (Постановление от 18 февраля 2000 г. № 3-П);

6) право человека контролировать и запрещать разглашение информации о себе [3, с. 84-86].

В связи с повсеместным распространением цифровых технологий постепенную трансформацию переживает сам смысл понятия «частная жизнь». Особое расширение претерпевает «информационная» составляющая данного права – персональные данные, фотографии, личные переписки. В частности, в деле «Агеев в. России» 2013 г. ЕСПЧ указал, что к частной жизни следует относить любые данные, которые носят личный характер и не могут быть опубликованы без согласия лица.

Развитие социальных сетей, в рамках которых лицо имеет право создавать свой персональный образ, привело к тому, что понятие «частная жизнь» также пополнилось правом на самоидентификацию, то есть на защиту своего образа, имени, «никнейма» и изображения. ЕСПЧ в деле «Хмель в. России» 2013 г. определил, что лицо имеет право запретить произвольное использование или распространение своего образа в Интернете. ЕСПЧ также неоднократно высказывал свою позицию в отношении того, что разговоры по мобильному телефону, переписка в социальных сетях, мессенджерах или по электронной почте также должны рассматриваться как «частная жизнь» (см. «Роман Захаров в. России» 2015 г.)⁸.

5 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета, 29 июля 2006 г., № 165.

6 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // «Парламентская газета», 03.8.2006 г., № 126-127.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roseurosud.org/r/st-5>.

8 «Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2016)» (утв. Президиумом ВС РФ 19.10.2016) // «Бюллетень ВС РФ», № 5, 2017.

Таким образом, в настоящее время наблюдается переход от «негативного» статуса права на неприкосновенность (запрет вмешательства) в сторону его позитивного расширения. Тем не менее уровень гарантий, предоставляемых КС РФ все еще далек от того, который обеспечивается ЕСПЧ. Полагается, что с усилением тенденций цифровизации и повышения уровня доступности личной информации КС РФ также пересмотрит свой подход.

Проблемы реализации права на неприкосновенность частной жизни в цифровом обществе

В 2020 году в рамках Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ при ООН) был проведен Рабочий семинары по вопросам неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий. Приоритетные задачи которого сводились к выявлению основных проблем, существующие в данной сфере, определению принципов, стандартов защиты данного права и наилучший опыт государств. В соответствующем Докладе Верховного комиссара было указано, что цифровые технологии являются неотъемлемой частью современного общества, поскольку затрагивают все его сферы. Повсеместное использование таких средств, как big data, искусственный интеллект, социальные сети, смартфоны, базы данных и т.д. приводит к неограниченным возможностям государства, компаний и отдельных лиц с точки зрения слежения за частной жизнью человека, обращая полученную информацию в свою пользу⁹.

В резолюциях Генеральной ассамблеи (A/HRC/RES/28/16 от 01.05.2015 и A/75/147 от 27.07.2020, A/HRC/46/37 от 25.01.2021)¹⁰ неоднократно отмечалось, что неоправданное предоставление конфиденциальности информации, размещенной в Интернете, может затрагивать права других лиц (например, свободу выражения мнения и беспрепятственно придерживаться ему). К сожалению, следует констатировать, что оптимальный баланс между этими правами на сегодняшний день не найден.

Неограниченное применение цифровых технологий неизбежно приводит к появлению новых угроз и рисков, связанных с разглашением личной информации о лице и, как следствие, нарушением его права на неприкосновенность частной жизни. В Докладе Верховного комиссара ООН от 17 октября 2019¹¹ года перечисляются следующие основные проблемы:

1) неправомерное использование личных данных государством или частными компаниями:

– невозможность отслеживания субъектов разглашения данных ввиду постоянного обмена информацией между компаниями;

– неограниченный сбор данных о лице сетевыми устройствами (смартфон, «умные» часы и т.д.);

– внедрение системы биометрических данных, что не всегда является оправданным и соразмерным;

– распространение аналитической функции искусственного интеллекта, что позволяет на основании фактических данных сформировать психологический, физический портрет человека и т.д.

2) слежение государства за гражданами:

– неизбежное тайное массовое слежение за гражданами, иностранцами и т.д., противоречащее основам демократического общества;

– применение хакерских программ для получения доступа к информации, защищенной персональным паролем;

– принуждение компаний к передаче данных о своих клиентах/пользователях под предлогом обеспечения государственной и общественной безопасности;

– принудительное ограничение принципов анонимности и шифрования в Интернете;

– межгосударственный обмен разведывательными данными без надлежащей правовой процедуры;

– распространение трансграничными компаниями личных данных по всему миру.

Так, в 2018 году о крупной утечке персональных данных сообщила сеть отелей Marriott – была похищена личная информация (имена, паспортные данные, номера банковских карт, даты рождения, адреса электронной почты) о более чем 400 миллионов клиентов. В результате компания понесла не только репутаци-

9 Доклад Верховного комиссара ООН по правам человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/2020/06/new-technologies-must-serve-not-hinder-right-peaceful-protest-bachelet-tells-states>.

10 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml>.

11 Выступление Верховного комиссара ООН по правам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/2019/10/human-rights-digital-age>.

ционный ущерб, но и убытки в размере 916 миллионов долларов штрафа. Утечка действительно произошла из-за халатного отношения компании, через которых был получен доступ к данным. Взлом Marriott привел ко второму по масштабу хищению данных и нарушению личных прав во всем мире со времён утечки информации 3 миллиардов пользователей из Yahoo в 2013 году¹².

В 2021 г. бывший сотрудник Совкомбанка получил неправомерный доступ к банковской базе, где хранилось более 150 тысяч анкет о потенциальных заемщиках кредитной организации. В его распоряжении оказались паспортные данные, номера телефонов, информация о размере доходов и адреса проживания потенциальных клиентов, которые были получены в ходе рекламного опроса. Указанной проблемы можно было бы избежать, если бы блокировка учетной записи уволенного сотрудника была заблокирована автоматически¹³.

Такого рода события происходят в современном информационном обществе постоянно. К сожалению, на настоящий момент универсальное решение для их пресечения отсутствует, поскольку, как видно из приведенных примеров, во многом они связаны не столько с законодательными пробелами, сколько с недобросовестным отношением самих операторов персональных данных. Так, только в России за 2022 год произошло более 12 случаев крупнейших утечек данных через такие крупные компании, как Ozon, Delivery Club, Яндекс, СДЭК и т.д. Общее количество утечек данных за первое полугодие 2022 г. в РФ составило 305, в результате чего в открытом доступе оказались более 187 миллионов записей о персональных данных, что превышает число населения России.

В связи с наличием указанных проблем национальными законодательствами принимаются различные средства для минимизации последствий активного внедрения цифровых технологий в общественные отношения. Для этого создаются и обеспечиваются надлежащие правовые и политические рамки, однако их эффективность может быть оценена по-разному. Необходимо комбинировать меры посредством сотрудничества, обмена ведущей практикой и тщательного изучения результатов работы национальных систем регулирования, включая как позитивный, так и негативный опыт [5, с. 260].

Современный механизм реализации гарантий прав на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации

Как уже было сказано, неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации гарантируется статьями Конституции РФ. Кроме того, данные положения конкретизируются в ряде уже упомянутых федеральных законах, а также в таких специализированных актах, как федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (статья 5)¹⁴, Уголовный Кодекс РФ (статья 137)¹⁵, Закон РФ «О средствах массовой информации»¹⁶ и др.

Тем не менее большинство из этих актов следует отнести к традиционным и, в большей степени не отвечающим современному пониманию права на неприкосновенность частной жизни с точки зрения цифровых технологий. Возникают новые проблемы, которые требуют актуальных решений. Ввиду этого в российское законодательство постоянно вносятся изменения, направленные на обеспечение конституционных прав в обновленных общественных условиях.

В 2012 году федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» был дополнен статьей 15.1, которая предусматривает механизм ограничения доступа к сайту сети Интернет, где размещена информация, порочащая честь и достоинство гражданина.

Кроме того, в 2015 г. российское законодательство было дополнено категорией, заимствованной из законодательства Европейского союза (а именно – Регламента о персональных данных (GDPR)) – правом на забвение. Согласно этому праву, пользователь может запросить удаление в поисковых системах сети Интернет определенной информации, которая может нанести вред его чести и достоинству [6, с. 5]. Практика применения норм о праве на забвение показывает, что отечественное понимание дан-

ной категории в некоторых случаях конфликтует с правом на доступ к информации, а также частично ограничивает последнее, что в корне не согласуется с частью 4 статьи 29 Конституции РФ. Следует констатировать необходимость дальнейшего совершенствования гарантий права на неприкосновенность частной жизни.

Заключение

Процесс цифровизации имеет двойные последствия для конституционных прав и правовых механизмов, гарантирующих их обеспечение государством. В особенности это касается права на неприкосновенность частной жизни как фундаментального права человека, которое становится особенно уязвимым в связи с активным внедрением социальных сетей, мессенджеров, искусственного интеллекта и прочих технологических средств в общественные отношения на повседневной основе.

Данное право является гибким по своей сути, поскольку подстраивается под актуальную общественную обстановку. В период советской истории России оно воплощало коллективные свободы, затем было переориентировано на демократический курс построения общества и стало применяться в отношении личной жизни индивида (тайна переписки, усыновления, медицинские данные и др.). По мере развития цифровых технологий в него также стали включаться такие аспекты современной жизни, как сбор персональных данных, распространение информации в Интернете, общение в социальных сетях и т.д.

С одной стороны, цифровизация упрощает жизнь человека и общества в целом, приносит немало пользы: бесконтактное взаимодействие, коммуникации людей по всему миру, проведение международных расследований, использование шифрования сообщений, снимков со спутника, технологий искусственного интеллекта, в том числе для предупреждения нарушения прав человека.

Однако безусловная польза цифровизации общественных отношений не отменяет очевидных и специфических рисков, требующих предотвращения комплексно на национальном и международном уровнях. Такие риски могут быть поделены на две группы – исходящие от частных компаний и физических лиц, а также исходящие от государства. В результате создается неоднозначная ситуация, при которой государство выступает в качестве потенциального нарушителя конституционных прав, а также одновременно является основным субъектом обеспечения конституционных гарантий.

На примере Российской Федерации рассмотрен механизм реализации права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации общественных отношений. Очевидно, в силу малого опыта государств в данной, постоянно прогрессирующей области, действующие нормы имеют ряд недостатков и нуждаются в совершенствовании. Следует констатировать общую положительную тенденцию, в соответствии с которой российский законодатель адаптирует конституционно-правовые механизмы для обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в современных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Конституционное право России: Учебник. М.: Эксмо, 2006. С. 864.
2. Майоров А. В., Поперина Е. Н. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 3 (21). С. 34-38.
3. Кротов А. В. Концепция «широкого» толкования права на частную жизнь в решениях КС РФ // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90). С. 81-88.
4. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 5. С. 141-147. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-5-varlamova.
5. Захаров Т. В. Право на неприкосновенность частной жизни: новая реальность эмоциональной сферы человека // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 251-266. DOI: 10.31249/pctii/2021.00.13 ISBN 978-5-248-01002-8
6. Хужокова И. М. Эволюция содержания права на неприкосновенность частной жизни в России // Адвокатская практика. 2016. № 4. С. 2-5.

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/20/08/2020/5f3dc3ca9a794721a8f10076>.

13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/valerykomarov/351438.php>.

14 Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета, 18 августа 1995 г. № 160.

15 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

16 Закон Российской Федерации от 27.12.1991. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ, 1992 г., № 7, ст. 300.

ТЕМЕЕВА Юлдуз Каирбековна

магистрант кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

МАГОМЕДОВА Патимат Расуловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ВИД НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЙ СФЕРЕ РФ

В статье рассматриваются вопросы обеспечения информационной безопасности как вида национальной безопасности Российской Федерации. Анализируется целесообразность принятия нового Федерального закона, регулирующего деятельность, направленную на обеспечение информационной безопасности. Автором также обосновывается необходимость усиления защищенности информационного пространства России от современных киберугроз.

Ключевые слова: безопасность, информация, опасность, информационная война, хакерские атаки, киберугрозы.

ТЕМЕЕВА Yulduz Kairbekovna

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

MAGOMEDOVA Patimat Rasulovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

INFORMATION SECURITY AS A TYPE OF NATIONAL SECURITY IN THE DOMESTIC SPHERE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The issues of ensuring information security as a type of national security of the Russian Federation are considered. The expediency of adopting a new Federal law regulating activities aimed at ensuring information security is analyzed. The author also substantiates the need to strengthen the protection of the Russian information space from modern cyber threats.

Keywords: security, information, danger, information warfare, hacker attacks, cyber threats.

Информация на сегодняшний день – это та объективная реальность, которая сопровождает нас всю жизнь. Информация позволяет человеку познавать мир и ощущать себя его частью. Информационная сфера стала системообразующим фактором жизни общества, и чем активнее эта сфера общественных отношений развивается, тем больше политическая, экономическая, оборонная и другие составляющие национальной безопасности любого государства будут зависеть от информационной безопасности, и в ходе развития технического прогресса эта зависимость будет все более возрастать.

В России действуют законы, где описано, как правильно работать с информацией: кто отвечает за ее сохранность, как ее собирать, обрабатывать, хранить и распространять. Одну из важнейших позиций среди законодательных актов РФ в сфере обеспечения информационной безопасности занимает Федеральная Конституция, которая гласит, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (статья 24). Нарушение данной статьи влечет уголовную ответственность, о которой порой забывают преступники (ст. 137 УК РФ)¹.

Вместе с тем, Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 была утверждена «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», согласно пунктам «б» и «в» статьи 2 которой «угроза информационной безопасности Российской Федерации – совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере», а информационная безопасность Российской Федерации представляет собой «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое

социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»².

Вместе с тем, хотя Доктриной и предусмотрено определение информационной безопасности, в научной среде еще не существует единого подхода к трактовке данного термина.

Так, В. Ф. Пилипенко под информационной безопасностью понимает «состояние сохранности информационных ресурсов государства и защищенности законных прав личности и общества в информационной сфере» [4, с. 170].

К примеру, А. Ю. Бушкова, отмечает, что в информационной сфере можно выделить два вида воздействия на население: психологическое и техническое. И если, во-втором случае, объектом воздействия являются технические средства, то в-первом, таким является человек [1, с. 64].

Помимо этого, Ю. Д. Муратова, полагает, что такой вид воздействия, как психологический становится составной частью технического воздействия [2, с. 40]. Так, если ранее дети совершали суицид, к примеру, из-за неразделенной любви, либо травли, то сейчас они все чаще становятся жертвами интернет-преступников, склоняющих их к этому. К тому же, нередко в средствах массовой информации, в основном через социальные сети в системе Интернет, имеют место случаи умышленного распространения сведений, содержание которых нарушает конституционные права граждан.

С. В. Нуязин и О. С. Нуязин полагают, что «информационная безопасность – одна из ключевых (приоритетных) составляющих национальной безопасности, и наблюдаемое в последнее время противостояние именно в информационном пространстве из демонстрации технологического превосходства переходит в массированное информационное воздействие на системной основе с заведомо деструктивными целями» [3, с. 79].

На наш взгляд, все эти определения имеют место быть. Исходя из доктринального определения, информационная безопасность – это «состояние защищенности...». Но возможно ли соблюдение этой «защищенности» в условиях нынешних реалий? Здесь, как видно, создаются угрозы инфор-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 20 июня. – № 113-115.

2 Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации от 05 декабря 2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016, 12 декабря. – № 50. – Ст. 7074.

мационной безопасности, а именно, действия и факторы, которые направлены на подрыв национальной безопасности РФ. После объявления Президентом РФ начала специальной военной операции в Украине (далее СВО) началась настоящая информационная война. К тому же, хакерские атаки на сайты федеральных ведомств ставят перед необходимостью не на шутку задуматься о немаловажном усилении периметра безопасности страны в этом направлении.

На данный момент информация представляет собой не просто сведения (сообщения, данные), но и средство воздействия на национальную безопасность конкретного государства, которое может иметь как внутригосударственное, так и внешнее происхождение, располагать целым перечнем своих проявлений, в частности, негативных.

Важную роль информационная безопасность играет в защите национальных интересов. К ним можно отнести следующие элементы:

1. Необходимость обеспечения и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина;
2. Поддержка устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры. Здесь следует отметить, что, это в первую очередь, касается критически важных инфраструктур³;
3. Развитие информационных технологий;
4. Создание всех необходимых условий по доведению до граждан РФ, а также мирового сообщества лишь достоверной информации;
5. Поддержка развития системы международной информационной безопасности.

Таким образом, информационная безопасность должна обеспечиваться на уровне государства. Государственная политика должна видеть своей главной задачей – создание правовых актов, в которых прописываются условия и правила обеспечения информационной безопасности. Как было отмечено, главным документом Российской Федерации, регулирующим в числе других и сферу информационной безопасности, выступает Конституция РФ. Правовые акты данной сферы не могут противоречить положениям информационной безопасности, прописанным в Конституции РФ. На основе статей Конституции РФ можно сделать вывод, что в Российской Федерации созданы все условия для информационной безопасности граждан. Это особенно актуально в наше время, так как всё больше людей работают с различного рода информацией: становятся копирайтерами, блогерами, таргетологами. И всё это в первую очередь работа с Интернет-ресурсами [5, с. 54].

Обратимся к ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который гласит, что государственными органами проводится мониторинг «информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности...»⁴ (ст. 15.3).

Выше мы уже затронули “хакерскую” войну, которая создает условия, дестабилизирующие обстановку в России. В качестве примера можно привести антимобилизационные митинги, прошедшие по некоторым регионам России. Так, в малоизвестной социальной сети были осуществлены призывы граждан, не согласных с действиями властей, выйти с протестами. Одним из таких регионов стала Республика Дагестан, где на митинг собрались, в основном, женщины с детьми, которых долгое время не могли разогнать. Проводились подобные мероприятия по всей республике несколько дней подряд. Вскоре выяснилось, что за всеми этими беспорядками стояли граждане Украины, причем некоторые принимали в них участие.

3 О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации от 26 июля 2017. № 187-ФЗ // Российская газета. – 2017, 31 июля. – № 167.

4 Об информации, информационных технологиях и о защите информации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 29 июля. – № 165.

Таким образом, можно проследить градацию угроз информационной безопасности на внешние и внутренние угрозы. Первые связаны с осуществлением другими государствами комплекса мероприятий, таких как разведывательные действия, осуществление компьютерных атак, информационно-психологическое воздействие, направленное на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности российского государства, а также информационной инфраструктуры, иные подготовительные к военным действиям мероприятия. Вторые зарождаются в самом государстве, такие как состояние развития информационных технологий, научной работанности данной сферы, совершение преступлений, с применением информационных технологий. При этом любая из угроз информационной безопасности направлена на наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Проблемы национальной безопасности, а именно, такой ее вид, как информационная безопасность являются актуальными не только для нашего государства, но и для всего мирового сообщества.

За последние годы в Российской Федерации реализован определенный комплекс практических мер по укреплению информационной безопасности страны. Так, начато формирование нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности. В настоящее время она включает в себя более 80 законов и свыше 200 других нормативных правовых актов.

Однако, на наш взгляд на законодательном уровне не хватает закрепления термина «информационная безопасность». Полагаем, что целесообразным было бы включение данного термина в ФЗ «О безопасности в РФ» либо же следует рассмотреть вопрос о принятии такого федерального закона, как «О информационной безопасности РФ». Единство федеральной и региональной политики в области информационной безопасности, ее формирование с учетом специфики субъектов Федерации при безусловном соблюдении федерального законодательства являются основополагающим фундаментом обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, а также неотъемлемой составляющей национальной безопасности нашего государства [6, с. 4].

В заключении хотелось бы отметить, что, хотя конфликты и могут быть разрешены исключительно двумя сторонами, то в информационной сфере политические конфликты представляют собой некий клубок, распутать который становится все сложнее, ввиду того, что он включает в себя большое количество людей. Собственно, с этой точки зрения и обосновано становление и развитие этого института, как «информационная безопасность», рассматриваемого нами в качестве одного из видов национальной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Бушкова А. Ю. Технологии информационного воздействия на государственность российской Федерации: пути противодействия // Манускрипт. – 2018. – № 9 (95). – С. 63-66.
2. Муратова Ю. Д. Сущность информационной войны в региональном политическом конфликте и основные формы ее проявления // Коммуникология. – 2018. – № 1. – С. 34-45.
3. Нуяззин С. В., Нуяззин О. С. Информационная безопасность личности и некоторые организационно-правовые меры по ее обеспечению // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 2 (44). – С. 77-85.
4. Пилипенко В. Ф. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник. – М.: ПЕР СЭ-Пресс. – 2005. – С. 170.
5. Смирнов В. М., Перебийнос К. А. Правовые акты в сфере информационной безопасности как один из важнейших источников информационной безопасности РФ // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 85-1. – С. 52-57.
6. Шерстюк В. П. Информационная безопасность в системе обеспечения национальной безопасности России, федеральные и региональные аспекты обеспечения информационной безопасности // Информационное общество. – 1999. – № 5. – С. 3-5.

МАЛЛАЛИЕВА Гульнара Гусейновна

магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

АЛИЕВА Зульфья Ибрагимовна

кандидат юридических наук, преподаватель, доцент Юридического института Дагестанского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей работе отражены результаты исследования отдельных аспектов реализации Конституции Российской Федерации. Основной Закон РФ всегда был и остается одним из самых популярных объектов правовых исследований. Интерес к вопросам реализации Конституции существенно возрос в 2020 году после принятия поправок, которые неоднозначно были восприняты правовым сообществом. Особенно остро встал вопрос о верховенстве Конституции и ее соотношении с нормами международного права. В связи с этим авторами рассмотрены конституционные положения, закрепленные в статьях 15 и 79 и их значение для всей системы права российского государства.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, верховенство, международное право, национальное право, реализация Конституции Российской Федерации, поправки.

MALLALIEVA Gulnara Huseynovna

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

ALIEVA Zulfiya Ibragimovna

Ph.D. in Law, lecturer, associate professor, of the Institute of Law of the Dagestan State University

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE BASIC LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

This paper reflects the results of a study of certain aspects of the implementation of the Constitution of the Russian Federation. The Basic Law of the Russian Federation has always been and remains one of the most popular objects of legal research. Interest in the implementation of the Constitution increased significantly in 2020 after the adoption of amendments, which were ambiguously perceived by the legal community. The issue of the supremacy of the Constitution and its correlation with the norms of international law was particularly acute. In this regard, the authors consider the constitutional provisions enshrined in articles 15 and 79 and their significance for the entire system of law of the Russian state.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, supremacy, international law, national law, implementation of the Constitution of the Russian Federation, amendments.

Ни в одной из советских конституций не был урегулирован вопрос о соотношении норм международного и национального права. Конституцией СССР 1977 г. в статье 29 закреплялось, что отношения СССР с другими участниками международной арены строятся на общепризнанных принципах и нормах международного права, вытекающих из договоров обязательств Союза. Но при этом указание на их место в системе советского права отсутствовало. Думается, что это во многом было обусловлено господствовавшей тогда идеологией коммунизма. Отраслевое законодательство равным образом не относило нормы международного права к источникам правового регулирования.

Даже после распада СССР многие правоведы продолжали придерживаться точки зрения, согласно которой нормы международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией, не входят в состав источников права и, соответственно, не могут регулировать отношения, возникающие в сфере действия национального права [1, с. 190].

В Конституции Российской Федерации 1993 года впервые было закреплено положение, в соответствии с которым прямо и недвусмысленно определено место международно-правовых норм в иерархии источников российского права. Согласно пункту 4 статьи 15 федеральной Конституции «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Аналогичные нормы содержатся в нормативно-правовых актах отраслевого законодательства. Например, в Гражданском кодексе РФ, в Семейном кодексе РФ, Уголовном кодексе РФ и др. Неоднократное дублирование в текущем законодательстве нормы, устанавливающей приоритет между-

народных договоров по отношению к национальным законам, может быть расценено, как закрепление монистической концепции примата международного права над внутригосударственным, однако это не соответствует реальности.

Повышенное внимание правоведов к п. 4 ст. 15 Конституции приковано с момента принятия Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 14.07.2015 г. № 21-П, в котором КС РФ признал верховенство конституционных норм по отношению к решению Европейского суда по правам человека¹. Конституционный Суд РФ не только признал приоритетное положение нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой, но и указал на возможность создания специального механизма, предусматривающего порядок рассмотрения решений Европейского суда по правам человека и других международных органов на предмет их соответствия российской Конституции.

1 По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-Пт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/ (дата обращения: 18.10.2022).

Можно сказать, что с принятием указанного Постановления отчетливо наметилась тенденция к закреплению верховенства Основного закона страны.

С принятием в 2020 году поправок к Конституции РФ эта позиция по инициативе Президента РФ В. В. Путина была закреплена в тексте Основного закона. Согласно ст. 79 «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Указанная формулировка была закреплена не только в Конституции, но и в актах текущего законодательства.

Указанное нововведение сразу же стало предметом многочисленных дискуссий и обсуждений. Практикующими юристами высказывались опасения относительно ограничения сферы действия Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод 1950² г. и юрисдикции Европейского суда по правам человека. Некоторые, в том числе и представители средств массовой информации, полагали, что с принятием поправок российская правовая система вернется в хаос и беззаконие, а граждане окажутся беззащитными перед лицом государственной власти, неподвластной юрисдикции независимых международных правозащитных органов. Безусловно, что такие суждения слишком радикальны и не соответствуют действительности.

Ф. Палермо, рассуждая на указанную тему, подчеркнул, что «верховенство национального права над международным «очень нехарактерно» для Европы, хотя тенденция к этому есть»³.

Однако большинство конституционалистов положительно восприняли поправки. Так, Е. О. Мадаев обосновывает правомерность анализируемых изменений свойством суверенитета, благодаря которому государству вправе самостоятельно решать все вопросы внутренней жизни, в том числе и конституционные [2, с. 105].

О соотношении норм международного права и Конституции РФ высказался и С. А. Авакьян. По мнению профессора правила, п. 4 ст. 15 учредительного акта, обладающего высшей юридической силой, не распространяются на конституционные нормы. Эта позиция последовательно прослеживается в решениях Конституционного Суда РФ, в Федеральном конституционном законе о данном Суде, а теперь и в статье 79 Конституции [3, с. 145].

Считаем, что придание этим поправкам чисто негативного окраса слишком поспешно, поскольку нередко Европейским судом по правам человека принимались довольно спорные решения. Орган, обеспечивающий соблюдение нормативных предписаний, содержащихся в Европейской конвенции 1950 года, не раз выносил противоречивые постановления, исполнение которых не вполне согласовывалось с положениями внутринационального законодательства.

В качестве примера можно привести следующее постановление.

В Постановлении от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» Европейский суд по правам человека изложил довольно противоречивую правовую позицию по вопросу о возможности наделения лиц, находящихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, активным и пассивным избирательным правом⁴. ЕСПЧ посчитал, что конституционный запрет лицам, осужденным к отбыванию наказания в местах лишения свободы, на участие в избирательной компании противоречит положениям Евро-

пейской конвенции 1950 года в части права на свободные выборы и указал на необходимость устранения противоречия.

Коллизия заключалась в том, что исполнение решения международного судебного органа требовало принятия нового учредительного акта, что по понятным причинам было невозможно. Даже гипотетическая возможность реализации предписаний ЕСПЧ сильно подрывала авторитет отечественной Конституции, публичной власти и суверенитет Российской Федерации, как самостоятельного и независимого государства, монополично устанавливающего на своей территории общеобязательные нормативно-правовые нормы.

В силу неоднозначности анализируемого Постановления Центральная избирательная комиссия обратилась в высший судебный орган конституционного контроля с запросом о даче толкования ч. 3 ст. 32 федеральной Конституции. Конституционный Суд РФ не смог рассмотреть обращение по существу, так как оно было подано ненадлежащим субъектом – ЦИК РФ не отнесена Основным законом страны к числу органов, которые могут обращаться с запросом о толковании Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд пришел к выводу о том, что наличие бессрочного и недифференцированного ограничения в области пассивного избирательного права по отношению к гражданам, которые были ранее осуждены лишением свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления является противоречащим Конституции, так как данное ограничение устанавливает абсолютный и бессрочный запрет на участие в политической жизни государства, даже при условии, что данные лица стремятся к полному исправлению и ведут честную жизнь на протяжении длительного времени.

Думается, что в вопросе соотношения норм международного права и конституционных норм давно следовало поставить точку.

Поправки к Конституции Российской Федерации стали предметом рассмотрения Венецианской комиссии – консультативного органа, функционирующего в рамках Совета Европы с 1990 года. В своем заключении Комиссия указала, что подобно тому, как государство вправе самостоятельно избирать модель соотношения полномочий законодательной, исполнительной и судебной властей, право разрешать вопросы соотношения международного и национального права вытекает из суверенной сущности каждого государства и не подвергается сомнениям⁵.

В марте 2022 года Россия вышла из состава Совета Европы, что привело к исключению ее из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека. Вместе с тем, данное обстоятельство вовсе не обесценивает принятые поправки, поскольку Российская Федерация является участницей множества международных договоров и соглашений, истолкование которых также не должно противоречить Основному закону.

Вышеизложенное позволяет заключить, что Конституция, признавая общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью ее правовой системы, сохраняет статус нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой и имеющего приоритет по отношению к нормам международного права, противоречащим конституционным положениям.

Пристатейный библиографический список

1. Фархтдинов Я. Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»: дис. ... юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 376 с.
2. Мадаев Е. О. Доктринальный подход к соотношению национального и международного права в свете конституционных поправок // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 1. – С. 96-105.
3. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 томах. Том 1. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 433 с.
5. Венецианская комиссия Совета Европы рассмотрела поправки к Конституции России, касающиеся отношений с Европейским судом по правам человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://european-court-help.ru/venecyanskaia-komissia-sovetu> (дата обращения: 18.10.2022).

2 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 18.10.2022).

3 Путин подписал законы о приоритете конституции над международным правом // Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/putin-podpisa-zakony-o-prioritete-konstitucii-nad-mezhdunarodnym-pravom/a-55872285> (дата обращения: 18.10.2022).

4 Постановление Европейского суда по правам человека от 04.07.2013 Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22anchugov%22%2C%22display%22:%5B%22%5D%22%2C%22languageisocode%22:%5B%22ENG%22%22%2C%22documentcollectionid%22:%5B%22GRANDCHAMBER%22%2C%22CHAMBER%22%22%2C%22itemid%22:%5B%22001-122260%22%22%7D> (дата обращения: 18.10.2022).

СТЕПАНКОВ Сергей Дмитриевич

аспирант Российского университета дружбы народов; Ведущий юрист-консульт Института «Оргэнергострой»

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ КАК ПЛАТЕЖНОГО СРЕДСТВА ПРИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РАСЧЕТАХ

Ведение внешнеэкономической деятельности в условиях санкций является серьезным вызовом и проверкой стабильности финансовой системы. Финансовые ограничения затронули не только государство, но и общество (в том числе предпринимательские структуры, граждан). Государство и общество находится в поисках эффективного механизма осуществления трансграничных расчетов. Одним из рассматриваемых вариантов являются криптовалютные операции. В данной статье исследуется применение криптовалют как платежного средства при трансграничных расчетах через призму правового регулирования.

Ключевые слова: биткоин, блокчейн, криптовалюта, санкции, токен, финансовый рынок, цифровые активы, цифровая валюта, цифровая экономика.

STEPANKOV Sergey Dmitrievich

postgraduate student of the Peoples' Friendship University of Russia; Lead legal counsel of Joint-Stock Company «Institute «Orgenergostroy»

LEGAL ASPECTS OF USING CRYPTOCURRENCIES AS MEANS OF PAYMENT IN CROSS-BORDER SETTLEMENTS

Conducting foreign economic activity under sanctions is a serious challenge and a test of the stability of the financial system. Financial restrictions affected not only the state, but also societies (including business structures, citizens). The State and society are in search of an effective mechanism for cross-border settlements. One of the options being considered is cryptocurrency transactions. This article examines the use of cryptocurrencies as a means of payment in cross-border settlements through the prism of legal regulation.

Keywords: bitcoin, blockchain, cryptocurrency, sanctions, token, financial market, digital assets, digital currency, digital economy.

По состоянию на 12.10.2022 г. против Российской Федерации Европейским союзом, США и рядом других стран введено 9 967 санкций [2]. Несмотря на то, что 8 329 санкций из данного количества носят частный характер, и всего лишь 1 541 из них направлена против Российской Федерации и российских юридических лиц, экономика и финансовая система Российской Федерации претерпевают значительные ограничения, целью которых является изолирование страны от внешней экономической деятельности.

Так, около половины всех золотовалютных резервов Центрального банка Российской Федерации, что составляет ориентировочно 300 миллиардов долларов США, были «заморожены» западными странами [5]. Кроме воздействия на Центральный банк Российской Федерации, санкции оказывают влияние и на большинство кредитных организаций Российской Федерации. Большинство российских кредитных организаций были отключены от международной межбанковской системы совершения платежей «SWIFT» или же их функционирование было существенно ограничено. Платежные системы, являющиеся мировыми лидерами в данной сфере (Visa, Mastercard), прекратили свою деятельность в Российской Федерации. Данное обстоятельство лишило возможности осуществлять платежи банковскими картами вышеназванных платежных систем, выпущенных на территории Российской Федерации, за рубежом, а также принимать оплаты с иностранных счетов, что привело к фактической изоляции российского финансового рынка от международной банковской системы. У граждан и предпринимательских структур остались минимальные возможности оставаться участниками внешнеэкономической жизни. Крупные предпринимательские структуры хотя и имеют возможность открытия счетов в иностранных банках через создание зарубежных представительств и филиалов, однако, это связано с существенным количеством организационно-правовых трудностей. В свою очередь, не имеющие такой возможности субъекты малого и среднего предпринимательства попали под серьезный экономиче-

ский удар, грозящий существованию их бизнеса, так как существенное количество товаров и услуг экспортировалось за рубеж и импортировалось из-за рубежа.

Фактически введенные санкции затронули и лиц, не включенных в санкционные списки. Так, держатели карт, выпущенных российскими кредитными организациями, лишились возможности совершать транзакции, сопряженные с международным элементом. Это существенно ограничило возможности реализации их прав и обязанностей в широком круге общественных правоотношений, в том числе трудовых, как со стороны работника, так и работодателя. Физическим лицам также стало недоступно оплачивать товары и услуги за границей, что существенно ограничило их право на передвижение.

В результате санкционного воздействия, замороженными оказались не только государственные активы, но и часть ценных бумаг частных российских инвесторов, которые претерпели аналогичные ограничения. Из-за действий со стороны европейских партнеров - Euroclear и Clearstream, заблокированными только со стороны Euroclear стали активы россиян на 72 миллиарда Евро [1].

Банк России совместно с оператором платёжной системы «Мир» - акционерным обществом «Национальная система платёжных карт», в целях защиты прав и законных интересов резидентов Российской Федерации предприняли меры по географическому расширению применения национальной платёжной системы «Мир» за пределами Российской Федерации. Так, за короткое время к названной платёжной системе было подключено множество банков ряда зарубежных стран.

Национальная платёжная система «Мир», призванная нивелировать введенные ограничения, сама подверглась санкционному давлению. Так, Минфин США уведомил о введении вторичных санкций в случае технической поддержки и обеспечения работы платёжной системы «Мир» за пределами Российской Федерации [6], после чего весомая доля иностранных банков, ранее подключившихся к платёжной системе, отказались от обслуживания банковских карт платёжной системы «Мир».

06.10.2022 г. Евросоюз ввел санкции, которыми запретил организациям предоставлять для граждан и резидентов Российской Федерации услуги в сфере криптовалют, а последним создавать учетные записи, хранить цифровые активы на крипто счетах и криптокошельках, находящихся под юрисдикцией ЕС [11].

При таких обстоятельствах стали очевидны преимущества цифровых активов, а именно: в силу децентрализованности распределенного реестра санкции окажут слабое влияние на способность россиян распоряжаться своими цифровыми активами. Данные ограничения способны оказать негативное влияние лишь при использовании централизованных решений, предоставляемых третьими лицами (криптовбиржи, централизованные криптокошельки). Использование децентрализованных бирж для сделок по покупке и продаже криптовалют позволит избежать вышеуказанных ограничений. Децентрализованные биржи не имеют единого управленческого органа, а также не обладают механизмом запрета выборочных сделок, транзакций или наложения санкций на определенных субъектов. Это существенно повышает возможности реализации законных прав и гражданских обязательств хозяйствующими субъектами и гражданами РФ.

Осознавая актуальность имеющейся проблематики, федеральные органы исполнительные власти начали массово заявлять о необходимости интенсивного внедрения цифровых валют и цифровых финансовых активов. В частности, неоднократно высказывались позиции о необходимости разрешения к использованию криптовалют при расчетах по внешнеэкономическим сделкам. Так, Председатель Правительства Российской Федерации М. В. Мишустин поручил Министерству финансов Российской Федерации и Центральному банку Российской Федерации совместно с Федеральной службой по финансовому мониторингу, Федеральной налоговой службой и Федеральной службой безопасности не позднее конца 2022 г. выработать согласованную позицию по проектам федеральных законов, призванных урегулировать: выпуск, организацию выпуска и обращения цифровой валюты на территории Российской Федерации; осуществление майнинга; использование цифровых валют при международных расчетах [10]. Министерству финансов Российской Федерации и Центральному банку Российской Федерации выразили заинтересованность и поддержку внедрения данного механизма трансграничных расчетов [8], [19].

Очевидно, что использование криптовалют при расчетах по внешнеэкономическим сделкам невозможно без создания правовой почвы, основанной как на нормах дозволений, так и на нормах предписания. Помимо создания правовой почвы, необходимо устранить возникающие правовые коллизии в дефинициях, классификации, сущности цифровых активов, цифровых валют, а также сформировать единообразный правовой подход к данным вопросам со стороны законодательства и всех органов власти. Более того, при внедрении криптовалют, имеющаяся правовая система не готова обеспечить государственную экономическую безопасность, а также безопасность субъектов гражданского оборота.

Первоначальный проект федерального закона «О цифровой валюте», подготовленный Министерством финансов Российской Федерации, был направлен в Правительство Российской Федерации еще в начале 2022 г. [9]. Изначально данный проект федерального закона не решил проблему противоречивых подходов государственных ведомств к регулированию криптовалют, однако, сложившиеся обстоятельства способствовали ускорению процесса достижения консенсуса, заключающегося в стратегии ограничительного дозволения использования криптовалют.

Наличие консенсуса лишь первый кирпич в построении правового фундамента. Тем не менее, в настоящее время существует проблематика определения законодателем правовой сущности криптовалют и выработки четкой классификации. Так, незадолго до этого законодателем был принят Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [18] (далее «Закон о ЦФА»), легализовавший понятия

«цифровой финансовый актив» и «цифровая валюта». Если изначально, на рассмотрении проекта Закона о ЦФА в первом чтении, он был приближен к регулированию криптовалют, их интеграции в гражданско-правовой оборот, то к моменту опубликования, проект сменил вектор развития в сторону создания нового инструмента, схожего с токеном, однако, интерпретированный консервативным подходом законодателя. По своей сути, данный законопроект регулирует токенизацию традиционных эмиссионных ценных бумаг, другими словами, переход прав на физические активы в электронную форму выражения. Регулированию же цифровых валют и вовсе посвящена одна статья и дано легальное определение. Результаты проведенных полевых исследований показывают, что предусмотренное законодательством определение цифровых валют не является четко определенным: при наличии совокупности обстоятельств, под термин цифровой валюты может быть отнесен широкий круг инструментов, активов, прав, по своей природе не являющимися платежным средством. Можно усмотреть логику законодателя в умышленном отделении понятия цифровой валюты от цифровых прав с целью ограничения выпуска и обращения цифровой валюты на территории Российской Федерации.

Санникова Л. В. и Харитонова Ю. С. утверждают, что статья 14 Закона о ЦФА является бланкетной, так как отношения по организации выпуска цифровых валют, а также их обращения должны регулироваться отдельным законом [12.]. Статья 14 Закона о ЦФА лишь ограничивает способность использования цифровых валют в качестве платежных средств как резидентами Российской Федерации, так и на территории Российской Федерации. В случае же дозволения использования цифровых валют при трансграничных расчетах данная норма нуждается в поправках с учетом изменившихся организационно-правовых и экономических реалий.

Упомянутый ранее проект федерального закона, подготовленный Минфином России рассматривает цифровые валюты не в качестве платежного средства, а только в качестве инструмента для инвестиций. Подобный подход порождает существенную правовую неопределенность, что является препятствием для реализации прав и обязанностей всеми участниками гражданских правоотношений. Так, при рассмотрении данного подхода в контексте Федерального закона от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «Закон о привлечении инвестиций») происходит смешение цифровых валют с категориями утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов. Законодателем в статье 5 названного закона допустимо несколько способов инвестирования с использованием инвестиционной платформы, в том числе путем приобретения: эмиссионных ценных бумаг; утилитарных цифровых прав; цифровых финансовых активов [14]. Видится, что дополнение данного списка цифровыми валютами окончательно сотрет грань определенных и сформированных различий трех названных категорий. Законодатель и без того усилил смешение категорий, дополнив статью 8 Закона о привлечении инвестиций пунктами 13-15, на основании которых: цифровые финансовые активы могут приобретаться и отчуждаться на инвестиционной платформе; закон допускает наличие цифровых прав, включающих в себя одновременно как утилитарные цифровые права, так и цифровые финансовые активы; сделки с утилитарными цифровыми правами могут осуществляться в том числе посредством оператора обмена цифровых финансовых активов; запрещается принимать утилитарное цифровое право в качестве средства платежа. Таким образом, цифровые права могут относиться к обеим категориям одновременно, а также отчуждаться и приобретаться по правилам регулирования друг друга. Дополнив Закон о привлечении инвестиций категорией цифровых валют, законодатель окончательно уничтожит возможность классифицировать данные объекты. В качестве утилитарных цифровых прав нормы права именуют особую разновидность цифровых прав, которые, в свою очередь, определены законодателем в ст. 141.1 ГК РФ. В свою очередь, цифровые

права определены как указанные в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых регламентируются правилами информационной системы. Городов О. А. отмечает, что это чрезмерно размытая, неопределенная и крайне неудобная для целей правоприменения формулировка феномена, именуемого субъективным правом [3, с. 5-10].

Результаты проведенного автором сравнительного-правового анализа показывают, что в российской законодательной модели классификации «криптовалют» взято за основу разделение на: коин (цифровая валюта), секьюрити токен (цифровой финансовый актив), утилитарный токен (утилитарные цифровые права). Такую параллель можно провести лишь с большой степенью тривиальности. Ведь цифровая валюта – совокупность электронных данных, а две других категории – цифровые права. Данная классификация является подходящей для целей правового регулирования: одни объекты становятся платежным средством, другие способом инвестирования, а некоторые – ценными бумагами (или правом их требования). Однако, для этого требуется определение правовой природы каждого вида цифрового актива, установление строго определенных атрибутов, свойств, способов применения.

Однако, даже в случае, если законодатель успешно консолидирует нормы права, классифицирует криптовалюты, наблюдается сохранение проблематики.

Так, одна из важных задач при внедрении нового механизма расчетов – обеспечить государственную экономическую безопасность. Валютный контроль призван обеспечить «устойчивость валюты Российской Федерации и стабильность внутреннего валютного рынка Российской Федерации» [16].

Для целей валютного контроля и регулирования необходимо определить подход законодателя к криптовалютам под углом ее применения в качестве платежного средства при трансграничных расчетах. К валютным операциям, согласно п. 9 ч. 1. ст. 1. Федерального закона от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» в том числе относятся: «а) приобретение и отчуждение одним резидентом у другого валютных ценностей на законных основаниях, либо использование валютных ценностей в качестве средства платежа; б) приобретение и отчуждение резидентом у нерезидента либо нерезидентом у резидента валютных ценностей, валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг на законных основаниях, либо использование валютных ценностей, валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг в качестве средства платежа» [16]. В свою очередь, к валютным ценностям вышеуказанный закон причисляет иностранную валюту и внешние ценные бумаги. Приобретение, отчуждение цифровой валюты, а также ее использование как средства платежа по признакам схоже с валютной операцией, но не являются таковой, так как законодательство относит к валютным операциям действия с ценными бумагами и иностранной валютой, коей цифровая валюта не является.

Остается правовая неопределенность вопроса о распространении действия валютного контроля по отношению к операциям с цифровыми валютами. В случае распространения обязанности субъектов указанного валютного контроля в сравнении с традиционными валютными операциями могут быть упрощены в силу некоторых особенностей распределенного реестра: прозрачность, необратимость, децентрализованность.

Помимо валютного контроля, особого внимания требует возможность применения к расчетам в криптовалютах норм ПОД/ФТ, противодействия коррупции, характерных, по мнению Кучерова И. И., для традиционных платежных систем [7]. В дополнение к вышеназванным нормам, по мнению автора, к субъектам правоотношений, в зависимости от их видов, необходимо установить различный уровень требований. Для физических лиц и самозанятых достаточными могут являться идентификация, прохождение процедуры KYC (know your customer), уведомление Федеральную налоговую службу о криптосчете. Для юридических лиц и индивиду-

альных предпринимателей требования должны быть выше, например, ведение раздельного бухгалтерского учета, предоставление отчетности.

Кроме того, по мнению автора, существует правовая неопределенность в вопросе определения стоимости цифровых валют. Наличие стоимости присуще всем объектам гражданских прав. Определение рыночной стоимости играет важную роль, так как влияет на правовые последствия при определении ценности (стоимости): наследуемого имущества; конкурсной массы; общего имущества супругов; имущества ликвидируемой организации; налоговой базы; имущества в рамках судопроизводства. По мнению автора, при рассмотрении криптовалют как платежного средства при трансграничных расчетах, требуется ввести официальный курс Центрального банка Российской Федерации для криптовалют по отношению к рублю. В целях правового закрепления данного механизма необходимо внесение изменений в статью 53 Федерального закона от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [15], с практической точки зрения Банк России получит возможность устанавливать и публиковать официальные курсы криптовалют по отношению к рублю. Определять официальный курс криптовалют по отношению к рублю допустимо, основываясь на данных Московской Биржи о средневзвешенных курсах этих криптовалют к рублю по сделкам, заключенным за определенной временной промежуток в течение дня – такой механизм соответствует действующему механизму определения курса иностранной валюты [13]. При отсутствии осуществления сделок с криптовалютой на базе Московской биржи, альтернативным вариантом представляется определение курса криптовалют на основе средневзвешенной цены по сделкам, заключенных на крупнейших мировых площадках по торговле криптовалютами, прошедших проверку и признанных Центральным банком Российской Федерации.

По мнению автора, установление курса может частично абсорбировать волатильность, присущую некоторым криптовалютам, а также придаст стабильность при расчетах в рамках гражданско-правовых сделок. Так, стороны договора будут способны предусмотреть условие о расчетах, например, в биткоинах за товар, номинированный в рублях или иностранной валюте, в размере, определяемом по курсу, установленному Центральным банком Российской Федерации на дату осуществления платежа.

По мнению автора, еще одним возможным решением, способным снизить риски, является признание цифровой валютой конкретного актива. Данное решение прежде всего противодействует имущественным рискам субъектов гражданско-правового оборота при использовании неликвидных криптовалют, подверженных манипулированию и спекуляционному изменению стоимости. Говоря о ненадежных и сомнительных криптовалютах, нельзя исключать и мошеннических действий, хакерских атак. Исходя из этого, необходим механизм легального признания цифрового актива таковым. Легальное признание может означать в том числе распространение на цифровой актив правового регулирования и правовой защиты. Данное признание должно формироваться исходя из соответствия ряду требований, например: высокий объем торгов; положительный результат технического аудита распределенного реестра (проверка на наличие ошибок, количество транзакций в секунду; размер комиссии за транзакцию; масштабируемость; размер блока в распределенном реестре; проверка прозрачности записей; возможность идентификации транзакций); положительная деловая репутация децентрализованной автономной организации или команды разработчиков; высокая ликвидность. Так как трансграничные платежи подразумевают международный аспект, необходимо установить требование о наличии широко признанной международной репутации цифрового актива. Аналогичный механизм применяется в Федеральном законе от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [17], как требование к иностранному арбитражному учреждению.

Критерии к данному требованию могут быть разработаны на базе Евразийского экономического союза, который имеет все шансы стать стартовой площадкой для использования цифровых активов как платежного средства. Согласно статье 64 Договора о Евразийском экономическом союзе [4], государства-члены осуществляют гармонизацию и сближение подходов к формированию и проведению валютной политики, создают условия для интеграционных процессов в валютной сфере. Использование цифровых активов соответствует целям и принципам единого экономического пространства Евразийского экономического союза, а также способствует обеспечению свободного движения товаров, услуг и капитала на территориях государств-членов.

По мнению автора, также не стоит пренебрегать механизмами международно-правового регулирования, а именно регулированием гражданских отношений, вытекающих из трансграничных расчетов в криптовалюте путем заключения международных договоров Российской Федерации.

Использование криптовалют при трансграничных платежах несет в себе перспективы стать достойным альтернативным способом для трансграничных расчетов. Разрешение такого применения послужит отличной песочницей для анализа и тестирования всех возможностей технологий, которые стоят за криптовалютами. Тенденция обсуждения хоть и частичного признания криптовалют является позитивным вектором для дальнейшего расширения сфер применения цифровых активов.

Пристатейный библиографический список

1. Euroclear заработала €110 млн на замороженных из-за санкций российских активах // Forbes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/finansy/472593-euroclear-zarabotala-eur110-mln-na-zamorozennyh-iz-za-sankcij-rossijskih-aktivah> (дата обращения: 14.10.2022).
2. База данных по введенным санкциям против России // Castellum.ai. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 14.10.2022).
3. Городов О. А. Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России // Право и цифровая экономика. - 2020. - № 1.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс», 2022.
5. Запад заморозил около \$300 млрд резервов Банка России // Газета.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/04/21/17607968.shtml> (дата обращения: 14.10.2022).
6. Информация об ограничениях национальной платежной системы «Мир» // Официальный сайт Минфина США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/faqs/1082> (дата обращения: 12.10.2022).
7. Кучеров И. И. Цифровые валюты в альтернативных платежных системах // Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования. - М.: ИЗиСП, НОРМА, 2022.
8. Минфин заявил о возможной скорой легализации трансграничных расчетов в криптовалютах // ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/15646955> (дата обращения: 14.10.2022).
9. Минфин России направил в Правительство России проект федерального закона «О цифровой валюте» // Официальный интернет-ресурс Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37774-minfin_rossii_napravil_v_pravitelstvo_rossii_proekt_federalnogo_zakona_otsifrovoy_valyute (дата обращения: 14.10.2022).
10. Мишустин поручил к 19 декабря согласовать позицию по цифровым валютам и майнингу // ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/15732581> (дата обращения: 12.10.2022).
11. Пресс-релиз Восьмого пакета санкций // Официальный сайт Европейской Комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_5989 (дата обращения: 14.10.2022).
12. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. - М.: 4 Принт, 2020.
13. Указание Банка России от 03.10.2022 № 6290-У «О порядке установления и опубликования Центральным банком Российской Федерации официальных курсов иностранных валют по отношению к рублю». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс», 2022.
14. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс», 2022.
15. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс», 2022.
16. Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс», 2022.
17. Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс», 2022.
18. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс», 2022.
19. ЦБ видит потенциал для международных расчетов в цифровых валютах центробанков // ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/15777351> (дата обращения: 14.10.2022).
20. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России: монография. - М., 2021.

ЧИСТЯКОВА Ольга Андреевна

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

ОГРАНИЧЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ КАК СПОСОБ ВЛИЯНИЯ НА ДОЛЖНИКА

В настоящее время в законодательном пространстве наметилась тенденция внесения поправок, затрагивающих права должников, в том числе и в случаях, когда речь идет об изъятии у него жилого помещения. Причина данной тенденции в том, что активность должника в вопросе исполнения возложенных на него обязанностей по оплате долга не так высока. В свою очередь государство старается сформировать эффективную экономическую систему, позволяющую решать вопроса взыскания долга максимально в короткие сроки. Автором анализируются точки зрения исследователей и положения действующего законодательства по данному вопросу. На основании чего, автором делается вывод о негативности данной законодательной тенденции, а также необходимости создания иного механизма, в основу которого будет заложено допустимое ограничение должника в отношениях, где объектом выступает недвижимое имущество (жилье).

Ключевые слова: жилье, должник, конституционное регулирование, принципы права, банкротство.

CHISTYAKOVA Olga Andreevna

postgraduate student of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

RESTRICTION OF HOUSING RIGHTS AS A WAY TO INFLUENCE THE DEBTOR

Currently, there is a tendency in the legislative space to introduce amendments that affect the rights of debtors, including in cases where it is a question of withdrawing a dwelling from him. The reason for this trend is that the debtor's activity in fulfilling the obligations assigned to him to pay the debt is not so high. In turn, the state is trying to form an effective economic system that allows solving the issue of debt collection as soon as possible. The author analyzes the points of view of researchers and the provisions of the current legislation on this issue. On the basis of which, the author concludes that this legislative trend is negative, as well as the need to create a different mechanism, which will be based on the permissible restriction of the debtor in relations where the object is real estate (housing).

Keywords: housing, debtor, constitutional regulation, principles of law, bankruptcy.

Конституционные гарантии защиты прав собственников включают в себя, в основном, методы, предусматривающие развитие двух направлений: санкционного типа и компенсационного. При этом немаловажным будет отметить то, что указанные методы применяются в основном постфактум, то есть тогда, когда речь идет о совершении действий, направленных либо затрагивающих указанные правомочия.

В определенной степени такое положение дел является спорным, так как эффективная защита должна предусматривать не только определенную методологию воздействия на поведение конкретного субъекта, но и обладать возможностью исключать применение указанного воздействия исходя и превентивности самого механизма [1, с. 194]. То есть, в основу создания механизма защиты заведомо положено ограничение, которое, с одной стороны, оставляет право субъекту самостоятельно принимать решение о вхождении в договорные отношения относительно вопросов собственности на жилье, с другой, указывает, что нарушение его прав является априори невозможным, либо, сведено к минимуму.

Примером создания именно превентивного механизма в практике защиты прав собственности является введение «эскроу-счетов»¹, на которых хранятся денежные средства застройщиков, которые, в свою очередь, передаются кампании застройщика после того, как объект недвижимости будет введен в эксплуатацию. Естественно, без выполнения данных действий, или наступления определенных обстоятельств, застройщик денежные средства не получит. Следовательно, квинтэссенцией указанного механизма является то, что комплекс гарантий здесь построен на заведомом, но осмысленном ограничении прав одного из участников отношений. При этом оба находятся в защищенном положении: первый гарантированно не останется без денежных средств, второй получит их при условии выполнения заказа. На западе модель применения «эскроу-счетов» имеет двойную форму. В первом случае обмен ресурсами происходит по тому же самому алгоритму, что мы указали выше, во втором, участник долевого строительства также может быть ограничен в своих правах, при условии, что в процессе строительства кампания-застройщик столкнулась с некоторыми трудностями [2,

с. 129]. Безусловно, что создание таких моделей – это прерогатива государства; мало какой застройщик будет заключать договор долевого строительства, без учета рисков - потратить больше средств, чем у него есть на момент начала выполнения заказа. Однако, важно не само ограничение прав (полномочий) застройщика, а то каким образом оно позволяет регламентировать возникшие отношения.

Данный пример свидетельствует о том, что категоризация гарантий, а также их разновидность могут зависеть от характера отношений, и от того, насколько государство преследует цель использовать механизм ограничения к определенной модели социального (договорного) взаимодействия. Следовательно, для создания нового комплекса гарантий прав собственников, прежде всего основанного на заведомом ограничении, необходимо выстроить модель, которая будет предоставлять одной стороне «полные» права, другой «ограниченные». То есть, это такая защита прав одних лиц от правового (субъективного, конечно же) влияния другого лица. В свою очередь, государство принимает на себя роль арбитра, курирующего не просто вопрос возникновения отношений в сфере недвижимости, но и контролирующего его на разных стадиях развития, вплоть до окончания, тем самым следя за тем, чтобы установленный баланс приносил социальную пользу, а не вред участникам.

Для примера можно привести ряд законодательных инициатив, позволяющих влиять на создание комплекса гарантий, направленных на ограничение прав должников в вопросе владения или пользования недвижимым имуществом, находящихся (или не находящихся) в их непосредственной собственности [4, с. 12]. Эти инициативы, в большей степени, содержат в себе скорее карательное начало, то есть, когда причиной ограничения (лишения) права является ненадлежащее поведение (действия, бездействие) владельца, и государство применяет к нему санкции в виде запрета на выполнение сделок с недвижимым имуществом до того момента, пока его социально-правовое положение не выправится и не перейдет в законное русло. Если быть объективным, то следует признать, что такой подход скорее указывает на неизбежность ответственности, но не гарантирует возможности избежать столкновения с незаконопослушным контрагентом в дальнейшем. Мы же стараемся показать наибольшую эффективность тех способов, которые гарантированно исключают участие подобных субъектов в гражданских отношениях, следовательно, до того момента, пока он не выполнит долговые обязательства.

1 Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 03.01.2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 40.

Между тем, должником, традиционно, с правовой и доктринальной точки зрения, признается (физическое или юридическое) лицо, которое в установленном порядке (как правило, по решению суда) было признано не выполнившим возложенные на него договором или законом обязательства, и потому подвергнутым определенным санкциям, куда, среди прочего, входят и меры по ограничению его прав в распоряжении личным движимым или недвижимым имуществом [3, с. 9].

Вполне допустимой аналогией здесь можно признать положение лица, признанного банкротом, которое в силу возложенных на него обязанностей - принимать меры к погашению задолженности, - может быть освобождено от неё, но при этом на него возлагаются другие обязанности, которые в числе прочих, представляют из себя ограничения по части культивации недвижимого имущества от своего имени.

Стоит отметить, что здесь указанная мера носит именно ограничительный характер с перспективой на исключение совершения иных сделок с недвижимостью со стороны должника. В частности, такого права могут быть лишены (ограничены) лица, чьи долговые обязательства на момент совершения новой сделки являются неисполненными. Автор диссертационного исследования «Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц - должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве)» Е. С. Пирогова полагает, что формирование превентивных механизмов, призванных защитить от участия в отношениях с должниками, непосредственно связано с ограничением прав последних, что непременно сказывается на их правоспособности. Однако законодательное усмотрение по данному вопросу должно строиться не только на учете возможностей должника, а скорее на объективном представлении того, что его дальнейшее участие в вопросах, к примеру, совершения сделок с жильем, может также приносить вред правам и законным интересам иных лиц [5, с. 26].

Частично соглашаясь с мнением исследователя, мы вынуждены констатировать, что в вопросе выбора таких средств (по части ограничения должника принимать участие в сделках с жильем, либо выступать соучастующим субъектом в проведении такой сделки) наше законодательство не избилует какими-либо эффективными мерами. Дело в том, что ограничение прав должника, как способ влияния на его поведение, предусматривает в первую очередь возможность оценки такого (предыдущего) поведения, что говорит о том, что до момента совершения определенных действий, должник обладает «общим» статусом, и с точки зрения законодательного внимания к рассматриваемому вопросу, не может быть признан законом как недобросовестный субъект, априори. В свою очередь, причины неплатежеспособности (появления задолженности) могут быть разными, и подразумевать, что должник может быть ограничен в своих правах, значит законодательно учитывать необходимость дифференциации случаев, определяющих (влияющих) на указанные ограничения.

На сегодняшний момент законодатель не выделяет указанное направление в качестве приоритетных для развития. Причина этого в том, что право собственности, в особенности, если речь идет о жилье, гарантировано государством на основании положений Конституции РФ², где указано, что права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2), а также то, что произвольное лишение права собственности может противоречить общему принципу его непосредственной защиты (ст. 8). Нужно отметить, что указанной позиции придерживается и Конституционный суд РФ, который еще в 2012 году, рассматривая вопрос о признании положений ст. 446 Гражданского процессуального Кодекса РФ³ противоречащими Основному закону страны, указал, что ограничение прав должника по части владения собственным жильем, при условии наличия требований кредитора о необходимости изъятия части жилого имущества в счет уплаты долга, представляют из себя недопустимую меру, так как вопрос обеспечения жильем граждан не может (не должен)

решаться без учета ряда факторов, одним из которых является его острая социальная значимость⁴. В указанном решении был отражен важнейший принцип, на основании которого и до настоящего времени аспект ограничения прав должников по части пользования недвижимым имуществом, строится исключительно из учета конституционной защиты. Кроме этого, Конституционный Суд сделал акцент на том, что для решения вопроса лишения должника части жилого помещения, необходимо внести соответствующие поправки в гражданское процессуальное законодательство. Тем не менее, не далее, как в 2021 году, Конституционный Суд вернулся к рассмотрению данного вопроса, но только на этот раз оценка гражданских предписаний давалась с учетом нормативных положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»⁵ (п. 3 ст. 213.25)⁶. В данном случае, судом первоначальная позиция была сопровождена такой точкой зрения, что «имущественный иммунитет» небезоговорочен, не носит абсолютного характера, а следовательно, имеется возможность для его преодоления.

Позиция не окончательная, но, исходя из тенденций в законодательном представлении о необходимости внесения поправок, затрагивающих правовое положение (правоспособность, дееспособность) должника, стоит задуматься над тем, что в последствии нормы права, которые ранее защищали его положение, будут определять возможность отчуждения жилья (части жилья) в целях удовлетворения законных требований кредиторов.

Таким образом, мы видим, что, на данный момент, законодательная логика, подкрепляемая доктринальными представлениями о сущности жилья, как объекта права, его социальной роли для нормальной жизнедеятельности человека, а также правовой категоризации с точки зрения конституционного назначения и защиты прав собственников, постепенно движется к тому, что права должников по части использования жилых помещений могут быть серьезно ограничены. Мы полагаем, что этот вопрос носит негативный оттенок для развития цивилистического начала в правовой практике, связан исключительно с расширением спектра обязанностей должника, и, с точки зрения реализации основных конституционных постулатов, может распространить указанное влияние на социальное положение не только должностных лиц, но и членов его семьи.

Пристатейный библиографический список

- Афанасьева Т. Ю. Ограничение права собственности: теоретико-правовой аспект // *Власть Закона*. – 2022. – № 1 (49). – С. 192-196.
- Гаврилов В. Н., Зудина М. А. Счет эскроу в российском и зарубежном праве // *Власть Закона*. – 2022. – № 1 (49). – С. 126-135.
- Кондратенко А. А. Понятие неплатежеспособного должника как субъекта права // *Свобода и право: сборник статей LXXXIV Международной научной конференции*, Кемерово, 06 декабря 2021 года. – Кемерово: Издательский дом «Плутон», 2021. – С. 7-14.
- Михеева И. В., Волков М. В. Перспективы введения института государственных корпоративных управляющих при банкротстве застройщиков // *Законодательство*. – 2022. – № 4. – С. 11-17.
- Пирогова Е. С. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц - должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.03. Гражданское право, предпринимательское право, семейное право. – Москва, 2010. – 170 с.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // *Собрание законодательства РФ*. - 21.05.2012. № 21. - Ст. 2697.
- Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022, с изм. от 21.07.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // *Собрание законодательства РФ*. - 28.10.2002. - № 43. - Ст. 4190.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // *Собрание законодательства РФ*. - 10.05.2021. - № 19. - Ст. 3290.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

3 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // *Собрание законодательства РФ*. - 18.11.2002. - № 46. - Ст. 4532.

БУРЕНКОВА Мария Александровна

аспирант Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА БЕСПРЕПЯТСТВЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

В статье поднимается проблема сущности и природы права на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что данное право ввиду ряда факторов, связанных с распространением COVID-19 и проведением специальной военной операции, может подвергаться некоторым ограничениям. Ограничения рассматриваемого права могут носить как правовой, так и неправовой характер. Установлено, что препятствия должны носить временный характер и соответствовать принципам целесообразности, необходимости и разумности. Обосновывается, что данным правом наделяются только граждане Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что право на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию является самостоятельным конституционным правом, входящим в группу прав, составляющих право человека и гражданина на территориальное самоопределение. Научная новизна состоит в том, что получившие закрепление в статье результаты показывают, что право на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию требует дальнейшего исследования. В частности, в совершенствовании нуждается порядок и механизмы правомерного ограничения данного права.

Ключевые слова: свобода передвижения, право на свободу передвижения, право на въезд, право на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию.

BURENKOVA Mariya Aleksandrovna

postgraduate student of the Institute of Public Administration and Management of the RANEPА under the President of the Russian Federation”

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION AND RESTRICTION OF THE RIGHT TO UNHINDERED RETURN TO THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF MODERN REALITIES

The article raises the problem of the essence and nature of the right to unhindered return to the Russian Federation. The relevance of the research topic is due to the fact that this right, due to a number of factors related to the spread of COVID-19 and the conduct of a special military operation, may be subject to certain restrictions. Restrictions on the right in question may be both legal and non-legal in nature. It is established that the obstacles should be temporary and comply with the principles of expediency, necessity and reasonableness. It is proved that this right is granted only to citizens of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the right to unhindered return to the Russian Federation is an independent constitutional right that is part of the group of rights that constitute the right of a person and a citizen to territorial self-determination. The scientific novelty consists in the fact that the results obtained in the article show that the right to unhindered return to the Russian Federation requires further research. In particular, the procedure and mechanisms for the lawful restriction of this right need to be improved.

Keywords: freedom of movement, right to freedom of movement, right of entry, right of unhindered return to the Russian Federation.

Одним из основополагающих прав человека является право на свободное передвижение. Данное право гарантировано каждому Всеобщей декларацией прав и свобод¹, Конституцией Российской Федерации и детализируется в различных нормативных правовых актах и подзаконных актах. Как верно отмечает А. В. Кудрявцева глобализационные процессы, размытие границ привычных нам национальных государств подталкивает современных учёных к выделению нового этапа в развитии исследуемой конституционно провозглашённой свободы [3, с. 423].

В настоящее время ввиду сложившейся напряжённой обстановки по причине ряда геополитических факторов право на передвижение за пределы страны и право беспрепятственного возвращения в Россию подвергается некоторым ограничениям, в большинстве случаев обусловленным рядом объективных причин. Это обуславливает актуальность избранной темы исследования и подчеркивает значимость совершенствования механизмов правового гарантирования права человека на свободу передвижения.

1 Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. - 1998. - 10 декабря.

Буренкова М. А.

Существует точка зрения, согласно которой свобода передвижения — это юридически закреплённая возможность смены мест пребывания как в пределах территории государства, так и за его пределами [4, с. 144]. На наш взгляд, в рамках права на свободное передвижение можно выделить несколько аспектов. Первый состоит в реализации и обеспечении указанного права в пределах Российской Федерации, а второй — за её пределами. Отдельное же место в реализации права на свободное передвижение занимает право на свободное и беспрепятственное возвращение на территорию Российской Федерации. Особенностью данного вида права является то, что оно состоит в свободе передвижения, но его реализация не ограничена территорией Российской Федерации или какой-либо иной страной пребывания. Его реализация охватывает два указанных аспекта.

В последнее время под влиянием российских и международных реалий в условиях COVID-19 и проведения специальной военной операции происходит законодательное реформирование, затрагивающее различные сферы общественных отношений, в том числе конституционно провозглашённую и гарантированную свободу передвижения [5, с. 39].

В настоящей статье хотелось бы определить особенности реализации и обеспечения права на беспрепятственное

возвращение граждан России в страну, а также детерминанты и необходимость ограничения указанного права в современных реалиях.

Право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию гарантируется каждому гражданину ч. 2 ст. 27 Конституции РФ². Анализ текста ст. 27 Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что право на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию является самостоятельным правом. В этой связи, верно отмечает И. В. Шапиро, что вся совокупность отдельных прав, закреплённых в ст. 27 Конституции РФ представляет собой сложносоставное субъективное право - право человека и гражданина на территориальное самоопределение [6, с. 12].

Некоторые аспекты обеспечения рассматриваемого права освещены в Федеральном законе от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»³. Тем не менее, положения данного Закона носят лишь фрагментарный характер и не раскрывают сущности рассматриваемого права.

Право на беспрепятственное возвращение на территорию Российской Федерации принято относить к личным правам и свободам, которые характеризуется тем, что представляют собой совокупность естественных и неотчуждаемых основополагающих прав, и свобод, принадлежащих человеку от рождения и не зависящих от его связи с конкретным государством [2, с. 14]. Тем не мене, анализ формулировки ч. 2 ст. 27 позволяет утверждать, что рассматриваемым правом наделяются граждане Российской Федерации, что свидетельствует об их принадлежности к государству.

В современных условиях интенсивно развивающихся глобальных процессов практика реализации и обеспечения права на свободное перемещение, в числе которого право на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию, приобретает определенные рамки и может подвергаться определенного рода ограничениям. Такие ограничения носят как правовой, так и неправовой характер.

Подобные ограничения могут быть обусловлены разнообразными причинами. Например, в связи с распространением новой коронавирусной инфекции возвращение в Российскую Федерацию ее граждан сопровождалось рядом так называемых препятствий (ограничений). К таковым следует отнести: задержка или отмена рейсов; сдача пцр-тестов, отправление на самоизоляцию и др.

К неправовым основаниям следует отнести формирование списков лиц, не одобряющих мировую политику; лиц, осуществляющих обеспечение государственной безопасности определенного государства; лиц, поддерживающих волеизъявление граждан об изменении статуса территории их проживания и др. [1, с. 84]. Например, в августе 2022 года члены рабочей группы Госдумы по расследованию антироссийской деятельности в сфере культуры (ГРАД) показали список из 142 знаменитостей, которые публично не поддержали спецоперацию на Украине⁴.

Практика такого рода ограничений рассматриваемого права нередко приводит к неправомерности или необоснованности такового. Очевидно, что подобные ограничения и запреты направлены на противодействие угроз государству и миру в целом, а также развитию и безопасности определенных государств. Следует признать необходимым, чтобы ограничения права на беспрепятственное возвращение на территорию Российской Федерации должно быть целесообразным, разумным, а также необходимым. В целом, лишение человека такого права должно быть обосновано рядом

причин и выступать в качестве крайней меры ограничения его права.

Для наиболее полного понимания сущности права на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию необходимо произвести его соотношение со смежными категориями, в первую очередь с правом на въезд в Российскую Федерацию. Примечательно, что право на въезд в Россию касается в равной степени как граждан России, так и иностранных граждан. Для иностранных граждан и лиц без гражданства порядок въезда в Российскую Федерацию носит разрешительный характер, граждане РФ не могут быть лишены права на въезд в Российскую Федерацию ни по каким основаниям. Это обстоятельство и порождает существование права на беспрепятственное возвращение в Россию, распространяемое только на граждан России.

Гарантии реализации права на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию можно проследить, например, на установлении ограничений для иноагентов и персон нон-гранта. Для первой категории установлен ряд ограничений и запретов, не связанных с пребыванием на территории России, в то время как для вторых, ограничительные меры сопряжены с запретом на въезд либо признанием нежелательным их появлением на территории Российской Федерации.

Подводя итог все вышеизложенному, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, право на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию является самостоятельным конституционным правом, входящим в группу прав, составляющих право человека и гражданина на территориальное самоопределение.

Во-вторых, данным правом наделяются только граждане РФ, которые связаны устойчивой правовой связью с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей.

В-третьих, в некоторых случаях рассматриваемое право может подвергаться ограничению, которые, как правило, обусловлены объективными причинами. Подобного рода препятствия должны носить временный характер и соответствовать принципам целесообразности, необходимости и разумности.

В-четвертых, порядок и механизмы правомерного ограничения данного права нуждаются в совершенствовании и требуют оперативного принятия соответствующих, связанных с устранением возникающих препятствий.

Пристатейный библиографический список

1. Алешкова И. А. К вопросу о правовых и неправовых основаниях ограничения права на свободу передвижения // Образование и право. - 2016. - № 7. - С. 82-85.
2. Андрианова В. В. Личные права человека – правовая категория // Пробелы в российском законодательстве. - 2012. - № 6. - С. 13-16.
3. Кудрявцева А. В. Становление права на свободу передвижения // Учёные записки Орловского государственного университета. - 2012. - № 1 (45). - С. 423-428.
4. Лимонова Н. А. Теоретико-правовые подходы к пониманию свободы передвижения // Вестник Московского университета МВД России. - 2012. - № 3. - С. 138-144.
5. Новопавловская Е. Е. Ограничение свободы передвижения в свете современных российских реалий: правовое регулирование и практика конституционного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2022. - № 3 (95). - С. 33-40.
6. Шапиро И. В. Конституционные права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, выезд за границу и возвращение: теоретический аспект // Конституционное и муниципальное право. - 2009. - № 13. - С. 8-12.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>. 6 октября. 2022.

3 Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Российская газета. - 1996. - 22 августа. - № 159.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ru/culture/v-gosdume-predstavili-spisok-142-znamenitostej-nepodderzhavshih-svo/> (дата обращения: 18.10.2022).

АРБУЗОВ Андрей Иванович

преподаватель кафедры конституционного и административного права Новосибирского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации

ЛОМАКИНА Ирина Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Новосибирского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации

ЛЯХОВ Александр Васильевич

доцент кафедры конституционного и административного права Новосибирского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации, полковник юстиции

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В ВОЙСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются некоторые организационно-правовые аспекты регулирования государственных закупок в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Авторами выполнен анализ теоретической базы исследования, который лег в основу рассмотрения понятия «эффективность государственных закупок». Авторами предпринято исследование материалов и данных, полученных из внутренних статистических источников, материалов судебной и административной практики.

Ключевые слова: эффективность, государственные закупки, затраты, контроль, управленческие решения, коррупционные факторы, процедуры.

ARBUZOV Andrey Ivanovich

lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

LOMAKINA Irina Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

LYAKHOV Alexander Vasiljevich

associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, colonel of justice

LEGAL ASPECTS OF THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC PROCUREMENT IN THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses some organizational and legal aspects of the regulation of public procurement in the troops of the National Guard of the Russian Federation. The authors analyzed the theoretical basis of the study, which formed the basis for considering the concept of "effectiveness of public procurement". The authors undertook a study of materials and data obtained from internal statistical sources, materials of judicial and administrative practice.

Keywords: efficiency, public procurement, costs, control, management decisions, corruption factors, procedures.

В настоящее время концепция организации и проведения государственных закупок представляется необходимым компонентом управления государственными финансовыми ресурсами. Становление и формирование системы закупок в сфере обороны и безопасности государства неотъемлемо связаны с историей российского государства. Как отмечает А. В. Мишагин, «развитие законодательного регулирования в области обеспечения государства продукцией военного назначения было непрерывно связано с совершенствованием и усложнением экономических отношений в государстве и мире» [5, с. 19]. Во все времена государственные закупки составляли одну из самых сложных областей правового регулирования, обусловленных особым субъектным составом правоотношения.

Актуальность представляемого исследования определяется совокупностью целого ряда факторов: во-первых, необходимостью обеспечения бесперебойного и эффективного функционирования военной организации государства в условиях нарастания напряженности в международной, военной и геополитической сферах; во-вторых, стремлением повышения финансовой эффективности в выполнении государственных оборонных заказов; в-третьих, выявлением и анализом организационно-правовых проблем реализации

государственных оборонных закупок в условиях динамично обновляющихся общественных отношений.

Войска национальной гвардии Российской Федерации в настоящее время находятся в состоянии становления и развития, что, несомненно, находит отражение в реформировании правовых аспектов системы снабжения войск. Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в ст. 31 напрямую закрепляет, что «закупка товаров, работ и услуг в сфере деятельности войск национальной гвардии осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹. Направления дальнейшего совершенствования и развития системы материально-технического обеспечения Росгвардии определяются Концепцией развития системы материально-технического обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации на период до 2025 года.

1 О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 27 (часть 1). – Ст. 4159.

По мнению М. В. Шмелёвой «государственные закупки могут быть использованы государством для достижения различных преимуществ, которые выходят за рамки простого приобретения товаров, работ или услуг» [10, с. 80]. Так, в соответствии с п. 5 ч. 11 ст. 24 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2021 г. № 3095-р утверждён «Перечень федеральных органов исполнительной власти, их подведомственных учреждений и предприятий, при осуществлении закупок товаров, работ, услуг, которыми применяются закрытые конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей)», в число ведомств, которые могут не раскрывать данные о своих закупках, была включена Росгвардия. Департамент реализации государственных программ и организации закупок Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации осуществляет государственные закупки и является структурным подразделением Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд»², осуществляющим свою деятельность с учётом особенностей, предусмотренных Федеральным законом «О государственном оборонном заказе».

Ключевой проблемой функционирования механизма госзакупок вообще и его отдельных этапов, в частности выступает проблема эффективности.

При рассмотрении подходов к определению эффективности было выявлено, что большинство исследователей-правоведов разделяют мнение о сложном, междисциплинарном и многоаспектном характере данного термина. Необходимо рассматривать эффективность государственных закупок «как интегральный показатель эффективности на разных уровнях государственной системы, как синергетический результат взаимодействия всех институтов и механизмов данной системы» [2, с. 205]. Комплексный или конвергентный подход к определению эффективности в бюджетной сфере отражается в содержании поправок, внесённых за последнее время в Бюджетный кодекс Российской Федерации [3, с. 292]. В статье 98 Федерального закона № 44-ФЗ при проведении аудита и оценивания эффективности расходования бюджетных средств также представлен конвергентный подход.

По мнению авторов, эффективность в сфере закупок — это достижение минимальной цены товаров, работ и услуг для государственных нужд при максимальном качестве с безусловными гарантиями поставщика, подрядчика, исполнителя и т.п. К критериям эффективности М. В. Шмелёва, например, относит: 1) обеспечение соответствия приобретаемых товаров, работ или услуг заявленным требованиям;

2) заключение договора на лучших возможных условиях (что не обязательно означает самую низкую цену);

3) обеспечение гарантии того, что участник закупки будет в состоянии осуществить поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг на согласованных в контракте условиях [10, с. 81].

Полукаров А. В. отмечает, что эффективность любой нормы права является «соответствием объективным закономерностям, близости к оптимальному масштабу поведения, фактического результата к цели», определённой правовой нормой. Таким образом, эффективность правовой нормы заключается не в её абстрактном исследовании, а в исследовании её результата воздействия на поведение людей и оценке соответствия данного результата с целью, для которой она была создана [7, с. 802].

Вопрос эффективности действия норм права приобрёл особую актуальность в оценке мер противодействия коррупции, а точнее, в связи с неэффективностью последних. Действительно, сегодня стало очевидным, что несмотря на постоянное совершенствование административно-правовых и уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией и соответствующих международно-правовых стандартов в сфере закупок для государственных нужд, эффективность борьбы с коррупцией оставляет желать лучшего. Это привело к пониманию необходимости оценки эффективности реализации административно-правовых, уголовно-правовых, организационных и иных средств противодействия коррупции [6, с. 149].

Несмотря на то, что в ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 44-ФЗ содержится указание на принцип ответственности за результативность обеспечения публичных нужд, эффективность закупок, порядок и механизм реализации данного принципа в законодательстве не представлен.

Реализация предусмотренного Федеральным законом № 44-ФЗ положения о создании Единой информационной системы в сфере государственных закупок (далее – «ЕИС») увеличивает эффективность расходования финансовых средств. С целью повышения эффективности необходимо проводить качественное обоснование закупок, что должно реализовываться заказчиком при формировании плана закупок, составлении плана-графика для размещения в ЕИС. По результатам выполненного мониторинга осуществление закупки может быть оценено как необоснованное. К сожалению, не все государственные закупки войск национальной гвардии РФ, включённые в план-график и размещённые в ЕИС, признаются эффективными. В 2021 году Росгвардией в плане-графике закупок было представлено 102 позиции, из них 58 позиций плана-графика, размещённого в ЕИС, не прошли контроль по ч. 5 ст. 99 Федерального закона № 44-ФЗ. Следовательно, критерием эффективности госзакупки помимо экономии бюджетных средств за счёт снижения цен закупок с сохранением качества поставляемых товаров в рамках конкурсных процедур является качество управленческих решений по их организации и рисков, сопровождающих действия.

В качестве одного из инструментов повышения эффективности бюджетных расходов планируется «внедрение в систему управления государственными финансами обзоров бюджетных расходов» [4, с. 6]. В целях соблюдения законности расходования бюджетных средств даже в условиях применения закрытых конкурентных способов определения поставщиков, а также выявления коррупциогенных факторов в сфере закупок, контроль и надзор осуществляется Счетной палатой РФ, Министерством финансов РФ, Прокуратурой РФ. Результаты такой надзорной деятельности отражены, к примеру, в аналитической справке Военного прокурора Новосибирского гарнизона о результатах надзорной деятельности за первое полугодие 2022 года в сфере государственных закупок, осуществленных учреждениями и воинскими частями Росгвардии. В указанной сфере с участием специалистов военной прокуратуры, а также органов безопасности проведено 33 проверки, которыми выявлено 149 нарушений закона, внесено 5 представлений, привлечено к административной ответственности 16 должностных лиц, в порядке пункта 2 части 2 статьи 37 УПК РФ в органы предварительного следствия направлено 3 материала, возбуждено 2 уголовных дела. Проверками исполнения положений статьи 103 Федерального закона № 44-ФЗ, определяющей порядок ведения реестра государственных контрактов и внесения в него сведений о заключении, изменении и исполнении условий контракта, выявлено 25 нарушений закона. По результатам надзорных мероприятий возбуждено 5 дел об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 7.31 КоАП РФ, по результатам рассмотрения которых 5 должностных

² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

лиц военного управления привлечено к административной ответственности.

При реализации государственных закупок в войсках национальной гвардии Российской Федерации выявлены следующие основные нарушения законодательства:

– несвоевременное направление для размещения в реестре государственных контрактов информации об исполнении государственного контракта (административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.31 КоАП РФ);

– утверждение документации о проведении электронного аукциона на заключение государственного контракта на выполнение работ, которая вопреки положениям ч. 4 ст. 31 Федерального закона № 44-ФЗ не содержала установленных Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 г. № 2571 требований к участнику закупки о наличии опыта исполнения договора (административное правонарушение, предусмотренное ч. 4.2 ст. 7.30 КоАП РФ);

– необоснованное заключение дополнительного соглашения изменяющее существенные условия государственного контракта, в частности увеличение цены контракта, вопреки положениям ч. 18 ст. 34, подпунктом 1.2 ч. 1 ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ (административное правонарушение, предусмотренное ч. 4.2 ст. 7.30 КоАП РФ);

– заключение государственного контракта, предусматривавшего выполнение работ, предполагавших поставку материальных ценностей по указанной номенклатуре, повлекшее завышение стоимости в виду фактической недопоставки (в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации материалы проверки направлены в органы предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании должностных лиц подрядной организации по части четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В ходе анализа выявленных нарушений законодательства были сформулированы основные проблемы, возникающие при реализации государственных закупок: фактическое несоответствие процедуры заключения и исполнения госконтракта требованиям законодательства; нарушения в оформлении документации; завышение или занижение требований к поставщику и документам; нарушение порядка заключения контракта; изменение цены контракта.

Анализ указанной сферы деятельности выявил ряд проблемных вопросов, требующих решения. Назрела необходимость в разработке комплексной системы оценивания эффективности такой деятельности в войсках, не ограничивающейся лишь принципом минимальной достаточности и целеполаганием экономии бюджетных средств. С целью сокращения коррупционных факторов следует уделить внимание установлению строго определённых критериев предварительной квалификации поставщиков. Для искоренения нарушений в области государственных закупок в войсках требует решения вопрос повышения уровня профессионализма должностных лиц контрактной службы, чёткое разграничение полномочий должностных лиц и органов военного управления в сфере госзакупок, систематизация внутриведомственного контроля, включающего проведение антикоррупционной экспертизы, ужесточение ответственности должностных лиц, а также повышение уровня правосознания и правовой культуры всех участников закупочной деятельности для обеспечения государственных нужд.

Таким образом, существующая правовая база в области контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения деятельности войск национальной гвардии позволяет выполнять войскам возложенные на них законодательством задачи, однако, следует заметить, что назрела необходимость решения ряда проблемных вопросов, обозначенных в данном исследовании.

Пристатейный библиографический список

1. Горохова С. С. О некоторых правовых и организационных аспектах государственных закупок в России // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (65) – С. 72-80. DOI: 10.33184/pravgos-2021/3/6.
2. Гуцин А. Ю. Определение эффективности и способы её оценки в системе государственного заказа // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 9 (часть 1). – С. 204-208.
3. Демиденко М. В. Развитие методов оценки эффективности государственных закупок строительной продукции в контексте требований контрактной системы // Вестник гражданских инженеров. – 2017. – № 2. – С. 291-300.
4. Исаева А. Д. Принцип эффективности осуществления государственных закупок // Вестник Ивановского госуниверситета. – Серия «Естественные, общественные науки». – 2020. – Вып. 1. – С. 5-9.
5. Михашин А. В. Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук. – Москва, 2020. – 199 с.
6. Мороз О. Н., Арбузов А. И. Исследование эффективности государственных закупок учреждений войск национальной гвардии // Новая реальность: экономика, менеджмент, социальные коммуникации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 23-24 апреля 2019 г.): в 2 ч. / М-во науки и высшего образования Российской Федерации, Новосибирский Государственный педагогический университет. – Новосибирск: Изд-во НГПУ. – Часть 1. – Научные труды преподавателей, аспирантов и магистрантов, 2019. – С. 149.
7. Полукаров А. В. К вопросу об эффективности реализации административно-правовых средств противодействия коррупции в социальной сфере // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 9. – С. 799-806.
8. Пономарев А. А. Вопросы теории и методологии повышения эффективности государственных закупок как финансово-экономического инструмента // Сервис в России и за рубежом. – 2021. – Т. 15. – № 5. – С. 180-189.
9. Юзвович Л. И., Исакова Н. Ю., Истомина Ю. В. и др. Система государственных закупок: теоретический и практический аспекты: монография / Под ред. Л. И. Юзвович, Н. Ю. Исаковой. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2019. – 233 с.
10. Терещенко Д. С. О новых подходах к определению эффективности государственных закупок // Финансовое право. – 2018. – № 2. – С. 20-23.
11. Шмелёва М. В. Эффективность осуществления закупок как важнейшая цель российской контрактной системы // Правовая парадигма. LEGAL CONCEPT. – 2018. – № 1. – С. 79-83.

БОГАТЫРЕВА Юлия Владимировна
адъюнкт Академии управления МВД России

ПОНЯТИЕ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Мониторинг правоприменения сегодня является важным инструментом для реализации исследования уровня эффективности использования нормативных актов, а также создания способов их совершенствования, что существенно помогает увеличению успешности деятельности органов внутренних дел РФ. Сегодня присутствует большое количество проблем, выявляются правотворческие ошибки, которые затрудняют применение отдельных нормативно-правовых актов. Здесь мониторинг правоприменения может быть необходимым средством для поиска, обобщения и контроля состояния нормативно-правовых актов. Подобные акты могут определять и улучшать качество деятельности органов внутренних дел при условии трансформации нормативно-правовой области и изменении задач отдельных субъектов правоприменения.

Ключевые слова: правоприменение, органы внутренних дел, мониторинг правоприменения, правовой мониторинг, ОВД, правотворчество.

BOGATYREVA Yuliya Vladimirovna
adjunct of the Academy of Management of the MIA of Russia

THE CONCEPT OF MONITORING LAW ENFORCEMENT IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES, THE LEGAL BASIS OF THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES TO MONITOR LAW ENFORCEMENT

Monitoring of law enforcement today is an important tool for the implementation of the study of the level of effectiveness of the use of regulations, as well as the creation of ways to improve them, which significantly helps to increase the success of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Today there are a large number of problems, law-making errors are revealed, which complicate the application of certain normative legal acts. Here, law enforcement monitoring can be a necessary tool for searching, summarizing and monitoring the status of regulatory legal acts. Such acts can determine and improve the quality of the activities of internal affairs bodies, provided that the regulatory area is transformed and the tasks of individual law enforcement entities are changed.

Keywords: law enforcement, internal affairs bodies, law enforcement monitoring, legal monitoring, ATS, law-making.

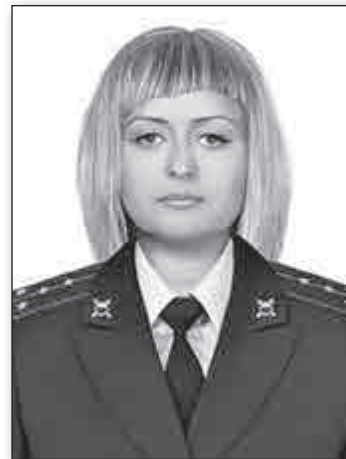
Сегодня происходит глобальная трансформация области нормативно-правовых актов и их применения. Наблюдается контроль над оптимальностью применения тех или иных нормативных актов, а также регулирование входящих в них норм. Рассмотрим мнения авторов о сущности процесса правоприменения. Присутствует проблема выделения направлений и сущности правоприменительного юридического процесса. Рассматриваемые в статье принципы и направления мониторинга правоприменения помогают установить его сущность, а также обосновать базу общего юридического процесса, согласно выявляемым основаниям [3, с. 123-129].

Правоприменительный юридический процесс формируется в процессуальной деятельности отдельных управомоченных субъектов, которые взаимодействуют с областью разрешения правовых споров и юридических дел. Мецгер А. А. считает, что в соответствии с общей теорией права, правоприменение отмечается деятельностью некоторых компетентных органов по осуществлению вынесения индивидуально-конкретных предписаний для реализации правовых норм [4, с. 60-65].

Русская А. А. выделяет правоприменение в виде важной государственно-властной деятельности разного рода компетентных органов, реализующих контроль и введение правовых предписаний в область правового использования. По её мнению, правоприменительная деятельность может выступать как самостоятельное правовое явление [6, с. 39-42].

Хабиева З. Д. считает, что правоприменение характеризуется одной из базовых организационно-правовых норм осуществляемой государством деятельности, непосредственно направленной на внедрение предписаний правового характера [8, с. 158-162].

На наш взгляд, наиболее оптимальным и исчерпывающим является определение Мецгер А. А. Оно выражает основные

Богатырева Ю. В.

предпосылки для возникновения необходимости осуществления мониторинга правоприменения для установления обоснованности использования того или иного нормативного акта или положения. В свою очередь, рассмотрим мнение авторов о сущности самого мониторинга правоприменения [4, с. 60-65].

Сегодня нет единого мнения о сущности мониторинга правоприменения, однако некоторые авторы имеют четкую точку зрения на этот счет. Русская А. А. считает, что мониторинг правоприменения является совокупной и плановой работой, реализуемой компетентными органами в пределах имеющихся полномочий, в эту работу входит анализ, обобщение и предшествующий им сбор информации о целостности и оптимальности использования той или иной правовой формы [6, с. 39-42].

Хабиева З. Д. выделяет мониторинг правоприменения как систематическое и своевременное исследование нормативно-правовых актов, относительно правоприменительной практики при учете мнения правоохранительных структур и органов государственной власти. Мониторинг правоприменения активно взаимодействует с мониторингом законодательства [8, с. 158-162].

Согласно мнению Ю. В. Богатыревой, мониторинг правоприменения характеризуется общностью мероприятий органов власти или иных компетентных органов по поиску, анализу и обеспечению использования нормативно-правовых актов, в случае необходимости и обоснованности признания их утратившими силу [1, с. 75-81]. На наш взгляд, последнее определение наиболее исчерпывающее.

В некотором роде, реализуемые изменения в законодательстве РФ, а также трансформация функционирования и условий деятельности государственных систем, создают обоснование для уточнения и контроля за используемыми правовыми

актами. При этом создается множество положений, непосредственно направленных на уточнение содержания используемых нормативных актов, применяемых в деятельности тех или иных органов.

На данный момент отсутствует четкая система реализации правового мониторинга правоприменения, который имел бы место только в работе ОВД РФ. Сегодня деятельность органов ОВД важна для создания области контроля над применением нормативно-правовых актов, выявления тех, которые по своему содержанию утратили свою силу.

В целом деятельность органов ОВД в рамках мониторинга правоприменения, состоит в осуществлении действий, среди которых можно выделить:

- выявление разного рода коллизий в действующих нормах законодательства РФ;
- исследование опечаток или смысловых неточностей в действующих нормативно-правовых актах;
- выявление пробелов и нестыковок нормативно-правовых норм в отдельных нормативных актах;
- определение наличия правовых дефектов в отдельных нормах законодательства.

С помощью мониторинга правоприменения сегодня стало возможным следующее:

- установление того, достаточно ли обоснована законность того или иного нормативно-правового акта;
- выявление оптимальности соблюдения норм права, относительно контроля ОВД;
- установление противоречий действующих норм законодательства разного рода международным нормативно-правовым актам;
- обеспечение взаимодействия сотрудников ОВД и компетентными органами в процессе изучения содержания законодательного акта;

– поиск информации об области использования нормативно-правовых актов, использования её для отдельных целей, среди которых совершенствование законодательства, создания государственных программ, необходимых для обеспечения соответствующей экономической поддержки со стороны властей.

Сегодня необходимо максимальное повышение эффективности реализации законодательства страны, всестороннего обеспечения общности используемой правоприменительной практики, совершенствования качества общей нормотворческой деятельности, за счет чего возможно плодотворное информационно-правовое обеспечение работы ОВД. Можно сказать, что сегодня недостаточно осуществляется сопровождение автоматизированных информационных систем, которые важны для обеспечения правового назначения задействования технологий и программно-технических средств [2, с. 415-419].

Богатырева Ю. В. выделяет три вида мониторинга правоприменения: плановый, инициативный и точечный. Каждый из них служит обособленной цели, приоритетам исследования нормативных актов и деятельности компетентных органов.

Главными целями реализуемого мониторингами правоприменения ОВД, стоит назвать:

- выявление пробелов и противоречий в законодательстве, поиск устаревших и недействующих норм права, реализующих регулирование работы ОВД;
- исключение пробелов и противоречий, устаревших и недействующих норм права, реализующих регулирование работы ОВД;
- создание эффективного средства реализации нормотворческого процесса, принимающего во внимание основные потребности ОВД в нормативно-правовом регулировании общественных отношений;
- достижение эффективности нормативно-правового регулирования общей деятельности МВД РФ;
- повышение качества обратной связи и общего взаимодействия между ведомственным нормотворчеством и субъектами правоприменительной практики.

Вышеназванные цели обосновывают необходимость разрешения следующих задач:

- совершенствование нормативно-правовой области осуществления регулирования деятельности ОВД РФ;
- проведение качественного информационно-аналитического обеспечения процесса совершенствования нормативно-правового регулирования работы ОВД РФ.

С помощью мониторинга правоприменения ОВД возможно осуществление:

- выделения и учета нормативно-правовых актов осуществления антикоррупционной политики;

– учета и исследования состояния нормативно-правовых актов реализации ликвидации коррупциогенных факторов;

– выявление судебных решений по отдельным делам, затрагивающим компетенцию деятельности МВД РФ.

При условии качественной трансформации процесса принятия и проверки нормативно-правовых актов на их обоснованность и активность действия, мониторинг правоприменения помогает органам внутренних дел выявлять устаревшие нормы, неправомерно используемые акты, искаженное их содержание [2, с. 415-419].

Чтобы улучшить работу органов внутренних дел, мониторинг правоприменения важно применять для:

- активной систематизации присутствующих нормативно-правовых актов, которые важно принимать только относительно направлений работы ОВД;
- создания системы учета и использования поисковых систем для выявления устаревших и дублирующих норм, их плодотворной ликвидации в будущем;
- совершенствования ведомственного процесса нормотворчества, который выделяется как инструмент стабилизации правоприменения и увеличения его качества.

На данный момент развитие оборота использования нормативно-правовых актов повышает важность реализации своевременной систематизации и контроля процесса их задействования. Можно сказать, что органы ОВД в своей компетенции имеют необходимость исследования нормативно-правовых актов, а также выявление неточностей и ошибок в их содержании.

Проблемой выделяется то, что успешной и полновесной системы мониторинга правоприменения в РФ на данный момент ещё не сформировано. Присутствующие части данной системы могут действовать вопреки действующим нормам, не могут качественно выявлять и представлять правоприменительные проблемы, которые могут формировать угрозу национальной безопасности [3, с. 123-129].

Подводя итог, можно сказать, что мониторинг правоприменения, относительно деятельности ОВД, используется на постоянной основе, контролирует содержание, практику использования нормативно-правовых актов. Это помогает своевременно регламентировать область работы ОВД, подтверждать целесообразность и качественное взаимодействие отдельных органов, уровень достижения поставленных целей и разрешения задач. План мониторинга формируется и утверждается Правительством РФ, позволяет выявлять существенные проблемы правоприменения, которые сегодня являются наиболее весомыми.

Пристатейный библиографический список

1. Богатырева Ю. В. Мониторинг правоприменения в деятельности ОВД РФ // Всероссийский юридический форум. Сборник всероссийской научно-практической конференции. – 2022. – С. 75-81.
2. Еремин А. Р. Ахметов А. Р. Понятие и сущность правоприменительной деятельности // Аллея науки. – 2021. – № 1. – С. 415-419.
3. Клеймёнов М. П. Иванов Е. С. Козловская М. Г. Мониторинг правоприменения в России // Вестник омского университета. – 2017. – № 4. – С. 123-129.
4. Мецгер А. А. Понятие и содержание правоприменительной деятельности // Образование, наука, научные кадры. – 2020. – № 3. – С. 60-65.
5. Попович Т. В. Процесс организации правовой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации // Студенческий вестник. – 2020. – № 43. – С. 40-43.
6. Русская А. А. Бутенко Т. П. Понятие и сущность мониторинга законодательства и правоприменения как самостоятельного правового института // Аспирант. – 2022. – № 3. – С. 39-42.
7. Уваров А. А. О принципах мониторинга правоприменения // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 2. – С. 92-95.
8. Хабиева З. Д. Бидова Б. Б. Правоприменение как фундаментальная основа правоприменительного юридического процесса // Вестник владимирского юридического института. – 2022. – № 1. – С. 158-162.
9. Хабиева З. Д. Доктринальное осмысление правоприменения как основы юрисдикционного процесса // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 6. – С. 41-43.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-177-178

ВОЛКОВ Вячеслав Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ХОЛЕЦКАЯ Ангелина Юрьевна

студент 4 курса Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

МИТКЕВИЧ Виктория Николаевна

студент 3 курса Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ЗАПРЕТ СЧЕТОВ В ИНОСТРАННОМ БАНКЕ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

В статье исследуется целесообразность введения запрета на наличие счета в иностранном банке для муниципальных служащих. Несмотря на специфичность коррупционных действий на уровне местного самоуправления, связанную с менее выраженной системой разделения властей, нежели на уровне государственного управления, полномочия муниципальных служащих, масштабируемые систематическим расширением доходной базы муниципальных бюджетов и увеличением инвестиций в российские регионы, являются достаточно широкими для совершения коррупционных правонарушений. В этих условиях важнейшим инструментом предотвращения коррупционному поведению со стороны муниципальных служащих становится запрет на наличие счета в иностранном банке.

Ключевые слова: счет в иностранном банке, запрет, муниципальные служащие, коррупция, коррупционное поведение.

VOLKOV Vyacheslav Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

KHOLETSKAYA Angelina Yurjevna

student of the 4th course of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

MITKEVICH Viktoriya Nikolaevna

student of the 3rd course of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

PROHIBITION OF ACCOUNTS IN A FOREIGN BANK FOR MUNICIPAL EMPLOYEES

The article examines the expediency of introducing a ban on having a foreign bank account for municipal employees. Despite the specificity of corruption actions at the level of local self-government, associated with a less pronounced system of separation of powers than at the level of public administration, the powers of municipal employees, scaled by the systematic expansion of the revenue base of municipal budgets and increased investment in Russian regions, are wide enough to commit corruption offenses. In these conditions, the most important tool for preventing corrupt behavior on the part of municipal employees is a ban on having an account with a foreign bank.

Keywords: foreign accounts, ban, municipal employees, corruption, corrupt behaviour.

Основным вектором государственной политики России на протяжении последних десятилетий остается антикоррупционная деятельность. Вопросам предупреждения коррупции посвящен целый пласт фундаментальных и прикладных наук, осуществляется систематическая модернизация законодательства, совершенствуется правоприменительная практика, разрабатываются мероприятия по формированию правовой культуры населения. Доминирующим направлением в антикоррупционной деятельности государства является предупреждение коррупции в государственных органах, что детерминировано высокой коррумпированностью государственных и муниципальных служащих. Коррупция государственного аппарата – это коррозия государства, дестабилизирующая его функционирование, препятствующая развитию общественных институтов и социально-экономическому эволюционированию страны; деструктивный процесс, создающий реальную угрозу национальной безопасности государства. Повышение эффективности предупреждения коррупции в госорганах провозглашается приоритетной задачей Национального плана противодействия коррупции.

В соответствии с данными Министерства Внутренних Дел Российской Федерации, в 2021 г. зафиксировано 10879 правонарушений коррупционной направленности, совершенных должностными лицами, из них: 17,4 % - лица, занимающие должности в правоохранительных органах; 12,3 % - чиновники в системе Министерства обороны Российской Федерации; 8,9 % - служащие органов государственной исполнительной

власти; 0,6 % - чиновники органов законодательной власти¹. В 2021 г. правоохранительными органами выявлено 186 случаев взяточничества в государственном аппарате в особо крупном размере (на сумму 1,5 млрд. рублей), 538 случаев – в крупном размере (на сумму 193,5 млн. руб.), 826 случаев – на сумму 48 млн. рублей и 4,5 тыс. случаев мелких взяток.

Безусловно, борьба с коррупцией должна носить системный характер – от серьезных экономических санкций и ужесточения уголовной ответственности до формирования правовой культуры в обществе и искоренения правового нигилизма. При этом в рамках данной борьбы выделяются наиболее приоритетные меры – в первую очередь, это запрет должностным лицам иметь иностранные счета и хранить денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. В настоящий период данные ограничения уже распространяются на государственные должности РФ и ее субъектов, руководителей Центрального Банка, генеральной прокуратуры, федеральных органов власти, а также на муниципальных глав и депутатов. Помимо того, запрет распространяется на супругов и несовершеннолетних детей обозначенных лиц.

Нормативно-правовыми рамками регулирования запрета на открытие и использование иностранных счетов государственными служащими, служат ст. 7.1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О противо-

1 Министерство Внутренних Дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// https://мвд.рф/ anticorr/realization](http://https://мвд.рф/anticorr/realization) (дата обращения: 14.11.2022).

действию коррупции», Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» и Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно ст. 1 ФЗ от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ, запрет иностранных счетов для лиц, принимающих по долгу службы решения, влияющие на суверенитет и безопасность страны, продиктован объективной необходимостью обеспечения национальной безопасности страны, упорядочения лоббистской деятельности, расширения инвестирования средств в национальную экономику и повышения эффективности противодействия коррупции. Запрет распространяется на ценные бумаги; договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами; кредитные договоры, заключенные с иностранными банками; цифровые финансовые активы, выпущенные в информационных системах, организованных в соответствии с иностранным правом.

В ст. 2 ФЗ от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ, закреплены категории лиц, на которых распространяется запрет на открытие счетов и хранение денежных средств в иностранных банках².

Соответственно, запрет распространяется на крайне широкий круг лиц, однако, под его действие не попадают муниципальные служащие (за исключением муниципальных служащих высшего звена). При этом необходимо констатировать, что муниципальные служащие в равной степени с государственными служащими влияют на суверенитет и безопасность страны. На наш взгляд, целесообразным представляется разработка законопроекта о запрете иностранных счетов для муниципальных служащих.

В настоящий период на муниципальных служащих возложены следующие запреты экономического характера и нацеленные на противодействие коррупции:

1) запрет на занятие предпринимательской деятельностью. Запрет налагается на все без исключения виды предпринимательской деятельности. Одновременно с этим, законодательство не запрещает ведение предпринимательской службы родственниками служащего. Также законодательством закреплено право муниципального служащего на ведение любой оплачиваемой непредпринимательской деятельности – преподавательской, научной, творческой. Соответственно, муниципальная служба в качестве основной статьи доходов муниципального служащего предполагает оплату труда из местного бюджета, в качестве дополнительной статьи доходов – педагогическую деятельность, творческую, научную. Законодательно запрещается ведение предпринимательской деятельности, за несоблюдение запрета предусматривается уголовная ответственность (ст. 289 УК РФ).

2) запрет быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в органах местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования, в которых он замещает должность муниципальной службы либо которые непосредственно подчинены или подконтрольны ему.

3) запрет на принятие со стороны физических и юридических лиц денежных вознаграждений, услуг, подарков, суд и любых иных вознаграждений). Преподнесение подарков муниципальному служащему (и принятие им этих подарков) в случае отсутствия договора дарения и превышения стоимости подарка 3000 р. (ст. 575 ГК РФ) расценивается в качестве коррупционного акта. Принятие вознаграждения возможно исключительно в случае признания данного вознаграждения муниципальной собственностью с соблюдением всех необходимых протоколов.

4) запрет на служебные командировки, оплачиваемые средствами физических и юридических лиц (за исключением командировок, осуществляемых на взаимной основе по договоренности органа местного самоуправления). Запрет направлен на предотвращение подкупа муниципального служащего.

5) запрет на использование муниципального имущества (оргтехника, средства коммуникации и иные виды оборудования) в личных целях. Запрет связан с препятствованием формирования негативного образа чиновника – нечестного, корыстолюбивого, пренебрегающего нормами профессиональной этики.

6) запрет на принятие наград, почетных и специальных званий (за исключением научных) иностранных государств, международных организаций и политических партий других общественных объединений без письменного разрешения главы муниципального образования.

7) запрет на занятие оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно средствами иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан.

8) запрет на избрание на оплачиваемую выборную должность в органе профессионального союза.

Запреты для муниципального служащего носят абсолютный характер, действуют в течение всего времени нахождения службы, принимаются муниципальным служащим на добровольной основе и направлены на: препятствование коррупции в муниципальных органах власти, повышения результативности муниципальной деятельности, формирование позитивного образа муниципального служащего, достижения автономности служебной деятельности в системе муниципальной службы.

Самая значительная группа запретов имеет целью противодействие и профилактику коррупционных правонарушений [2]. Однако, как мы видим, в группе запретов, направленных на противодействие коррупции, отсутствует наиболее важный и эффективный инструмент – это запрет на открытие иностранного счета для муниципальных служащих и их родственников. Несмотря на уже существующие запреты и, казалось бы, отсутствие значительных возможностей для реализации коррупционных намерений со стороны муниципальных служащих, количество уголовных дел, связанных с коррупционным поведением муниципальных служащих, ежегодно растет. Муниципальные служащие имеют достаточные ресурсы и возможности для нецелевого использования средств местного бюджета, использования служебного положения в корыстных целях, незаконного участия в бизнес-проектах и содействии компаниям в распределении земель и т.д. Как правило, взяточничество в деятельности муниципальных служащих реализуется в следующих формах: вымогательство (формирование для взяткодателя таких условий, при которых не остается альтернативных взяткодательству вариантов) и содействие в ускорении решения вопросов взяткодателя [1, с. 91].

Таким образом, наличие достаточных властных полномочий для взяточничества со стороны муниципальных служащих (в распоряжении муниципальных органов земли, объекты жилого и нежилого фонда, средства муниципальных предприятий и т.д.) детерминирует необходимость в наложении запрета на иностранные счета для муниципальных служащих как наиболее важного инструмента предупреждения и противодействия коррупции. В связи с чем, представляется целесообразным дополнить ст. 7.1 ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ и ст. 1 ФЗ от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ пунктом следующего содержания: «запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: 1) лицам, замещающим (занимающим): к) муниципальные должности и должности муниципальной службы.

Пристатейный библиографический список

1. Рой О. М. Коррупция в органах местного самоуправления // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. – 2021. – № 4. – С. 90-100.
2. Вырлеева-Балаева О. С. Финансово-правовые запреты и особенности их реализации // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2017. – № 33. – С. 12-15. – EDN YTCWOZ.

² Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О противодействии коррупции».

КРАСНОВА Елена Михайловна

сотрудник информационного центра Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу, г. Москва

ЮРИСДИКЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПОЛИЦИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

При установлении компетенции того или иного органа исполнительной власти государство уполномочивает его на совершение определенных действий, закрепляя законодательно. Автором в статье уточняются понятия «юрисдикция», «полномочия», «компетенция» и их соотношение, так как термины тесно взаимосвязаны в административной науке и других отраслях права; раскрывается сущность понятия юрисдикционных полномочий должностного лица полиции, совокупность полномочий, прав, обязанностей должностного лица при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях; предлагается их классификация по разным критериям, в зависимости от предназначения, целей и задач, а также и от формы реализации.

Ключевые слова: юрисдикция; органы внутренних дел (полиция); должностные лица полиции; административно-юрисдикционные полномочия; компетенция; производство по делам об административных правонарушениях, права и обязанности, критерии, классификация.

KRASNOVA Elena Mikhailovna

employee of the information center Transport Departments of the MIA of Russia in the Central Federal District, Moscow

THE JURISDICTIONAL POWERS OF POLICE OFFICIALS IN THE PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES AND THEIR CLASSIFICATION

When establishing the competence of a particular executive authority, the state authorizes it to perform certain actions, fixing it by law. The author clarifies the concepts of "jurisdiction", "powers", "competence" and their relationship, since the terms are closely interrelated in administrative science and other branches of law; reveals the essence of the concept of the jurisdictional powers of a police official, the totality of powers, rights, duties of an official in the conduct of proceedings on administrative offenses; suggests their classification according to different criteria, depending on the purpose, goals and objectives, as well as on the form of implementation.

Keywords: jurisdiction; internal affairs bodies (police); police officials; administrative and jurisdictional powers; competence; proceedings in cases of administrative offenses, rights and obligations, criteria, classification.

Юрисдикционная деятельность правоохранительных органов обусловлена различными факторами, среди которых статус органа и его компетенция. Органы внутренних дел (полиция), занимая в системе правоохранительных органов исполнительной власти одну из значимых ролей по обеспечению общественного порядка и безопасности, наделены наибольшим объемом юрисдикционных полномочий. К ведению полиции при реализации административно-юрисдикционных полномочий отнесены практически все процессуальные полномочия, реализуемые при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях (далее – ПДАП). Процессуальная компетенция, включающая в себя полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях (далее по АП) и принятию по ним решений в установленном порядке и форме, по мнению А. Ю. Якимова, является элементом административно-юрисдикционных полномочий [1].

Рассматривая компетенцию органа внутренних дел по осуществлению административной юрисдикции, тот же автор определяет ее как «нормативно закрепленную совокупность полномочий по рассмотрению подведомственных им дел об административных правонарушениях и принятию решений по ним в установленных законом порядке и форме» [2].

Краснова Е. М.

В. В. Головкин считает, что термин «полномочие» тесно связан с определением юрисдикции в науке административного права и других отраслях права рассматривается как составная часть компетенции [3] (совокупность полномочий, прав, обязанностей) должностного лица, выполняющего функции управления, а также других лиц, реализующих, предусмотренные для них законодательством Российской Федерации, функции. Таким образом, государство наделяет органы власти полномочиями реализовывать правоприменительную деятельность, правосудие [4].

При установлении компетенции того или иного органа исполнительной власти государство уполномочивает его на совершение определенных действий, закрепляя законодательно. Традиционным является понимание компетенции государственного органа как совокупности закрепленных за ним властных полномочий (прав и обязанностей) [4].

Органы внутренних дел обладают внесудебной юрисдикционной деятельностью при условии соблюдения процессуальных прав лица, подозреваемого в совершении АП. Полное, всестороннее, объективное установление обстоятельств [4] возникновения и разрешения административно-правового конфликта является обязательным условием его разрешения в сфере внутренних.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [5] (далее – КоАП РФ) и ряд других федеральных и региональных законов возлагают такую обязанность на должностных лиц полиции, перечень которых закреплен различными нормативными правовыми актами.

Указом Президента РФ [6] установлены полномочия в сфере внутренних дел в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

КоАП РФ в статье 23.3 предоставляет должностным лицам ОВД (полиции) полномочия, которые, по мнению законодателя, являются достаточными и необходимыми для выполнения указанных обязанностей и соблюдения прав [4]. Должностные лица органов внутренних дел (полиции) уполномочены разрешать дела по более чем 80 составам АП, предусмотренных КоАП РФ [7], подведомственных полиции. При этом особенности административно-юрисдикционных полномочий должностных лиц полиции обусловлены спецификой решаемых задач [4].

Таким образом, через полномочия должностное лицо органов внутренних дел (полиции), имеет возможность практически реализовать возложенные на него обязанности, права, функции. Они могут быть указаны как в должностном регламенте (должностной инструкции) и служебном контракте, так и в общих компетенционных актах (например, в Типовом положении о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации). Обязанности и функции, не подкрепленные соответствующими правами на законодательном уровне, не могут быть реализованы и лишаются практического смысла.

Административную юрисдикцию, по мнению В. В. Денисенко, следует считать одним из основных направлений деятельности полиции, поскольку «предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений» и «производство по делам об АП» [8] отнесены к полномочиям должностных лиц полиции и закреплены в ст. 2 Федерального закона «О полиции» [9].

Полномочия различных категорий сотрудников полиции по составлению протоколов об АП конкретизированы в приказе «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» [10].

О специфичности ПДАП высказывался профессор И. А. Галаган «... производство по делам об административных правонарушениях – это самостоятельное процессуальное явление в рамках системы административно-процессуального права, обладающее специфическими для него чертами, признаками, которыми оно отличается от всех иных административных производств [11].

Совокупность нормативно закрепленных полномочий органов внутренних дел (полиции) по рассмотрению подведомственных им дел об АП и принятию по ним решений в установленных законом порядке и формах является осуществлением административной юрисдикции, как способа правовой охраны общественных отношений.

В зависимости от предназначения, целей и задач, а также и от формы реализации, полномочия должностных лиц полиции в ПДАП можно классифицировать по различным критериям:

1. Основные (общие) – полномочия, которые рассматриваются и разрешаются исключительно посредством ведения производства по делу об АП (направленные, соответственно на выявление, устранение и предупреждение нарушений законов):

а) предусмотренные Конституцией Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативные правовые акты Президента, Правительства Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти;

б) предусмотренные законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

2. Специальные полномочия:

а) полномочия по применению мер административного принуждения: (административного предупреждения; административного пресечения; административно-процессуального обеспечения и меры административной ответственности);

б) полномочия по взаимодействию с другими органами исполнительной власти и совмещению межведомственных контрольных и юрисдикционных полномочий по обеспечению охраны общественного порядка и собственности, охраны жизни и здоровья граждан.

3. Полномочия по обеспечению режимов (чрезвычайного положения, военного положения и др.)

4. Дополнительные полномочия:

а) по обеспечению совместного, межведомственного участия по обеспечению охраны общественного порядка и собственности;

б) по обеспечению безопасности граждан и правопорядка в общественных местах при проведении публичных манифестаций, митингов, шествий и других массовых мероприятий;

в) по обеспечению участия органов внутренних дел в мероприятиях по противодействию терроризму;

г) при проведении избирательных кампаний, при подготовке и проведении референдумов и др.

5. По основаниям закрепления:

а) внутренние (закрепленные законодательством Российской Федерации по АП);

б) внешние (закрепленные международными договорами).

6. Полномочия в зависимости от сфер защиты и охраны (главы 5-21 КоАП РФ):

а) направленные на защиту прав, свобод граждан (реализуемых в административно-правовой сфере), защиту и охрану здоровья б) направленные на охрану общественного порядка; в) направленные на охрану собственности; г) направленные на защиту государства, органов управления.

7. В зависимости от видов производств административно-юрисдикционные полномочия должностных лиц полиции классифицируются следующим образом:

а) полномочия при обычном производстве – это последовательная реализация всех стадий ПДАП: возбуждение и административное расследование дела, рассмотрение дела, пересмотр постановлений (решений).

б) полномочия при упрощенном производстве – для них характерен минимум процессуальных действий и наибольшая оперативность. Протокол об АП не составляется, соответствующее решение принимается на месте правонару-

шения должностным лицом, уполномоченным принимать такое решение.

в) полномочия при особом производстве – имеют место в тех случаях, когда общий порядок производства видоизменяется отдельными федеральными законами. Например, особенности порядка производства по делам об административных правонарушениях в отношении отдельных категорий субъектов установлены: Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [12], Федеральным законом «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Российской Федерации» [13], Федеральным законом «Об основных гарантиях прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [14] и др.

8. Полномочия должностных лиц полиции, осуществляемые на стадиях ПДАП:

а) полномочия на стадии возбуждения и применения мер обеспечения ПДАП; б) полномочия на стадии рассмотрения; в) полномочия на стадии рассмотрения и при оказании правовой помощи; г) полномочия при пересмотре постановлений ПДАП.

9. По субъекту применения с учетом осуществляемых полномочий (в соответствии с приказом МВД России № 675):

а) должностные лица – руководители структурных подразделений, наделенные властными полномочиями; б) должностные лица, имеющие звание полиции; в) должностные лица, не имеющие звания полиции.

10. По объекту осуществления полномочий должностными лицами полиции в ПДАП:

а) в отношении физических лиц; б) в отношении юридических лиц; в) в отношении должностных лиц; г) в отношении должностных лиц, являющихся специальными субъектами; д) в отношении несовершеннолетних их родителей и иных законных представителей; е) в отношении иностранных лиц и лиц без гражданства.

11. По объему полномочий (компетенции) должностных лиц:

а) должностные лица полиции, рассматривающие дела об административных правонарушениях; б) должностные лица полиции, рассматривающие и принимающие решения по делам об административных правонарушениях; в) должностные лица, участвующие в рассмотрении и принятии решения (участие в суде); г) (сотрудники, не имеющие звания, стажеры).

12. Полномочия по процессуально-правовому оформлению:

а) с обязательным оформлением протокола об АП; б) без обязательного оформления протокола об АП (ст.27.2 КоАП РФ); в) полномочия по оформлению постановлений и определений; г) полномочия по оформлению запросов, ходатайств, жалоб.

Пристатейный библиографический список

1. Якимов А. Ю. Субъекты административной юрисдикции (правовой статус и его реализация) – М., 1996. – С. 7.
2. Якимов А. Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации – М., 1999. – 200 с.
3. Головкин В. В. Понятие и признаки административной юрисдикции // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2014. – № 4 (55). – С. 60.

4. Краснова Е. М. О понятии и сущности административно-юрисдикционных полномочий должностного лица полиции // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 7 (158). – С. 234.
5. Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 24.09.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.11.2022).
6. Указ Президента РФ от 21.12.2016 N 699 (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» осуществляет иные полномочия в сфере внутренних дел в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.11.2022).
7. Солдатов А. П. О новом подходе к определению полномочий органов внутренних дел (полиции) по рассмотрению дел об административных правонарушениях // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 90-93.
8. Денисенко В. В. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях: общие положения. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – 176 с.
9. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.04.2020) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
10. Приказ МВД России от 30.08.2017 № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2022).
11. Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (процессуальное регулирование). – Воронеж: ВГУ, 1978. – С. 34.
12. Закон Российской Федерации Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»(ред. от 16.04.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.10.2022).
13. Федеральный закон от 22.12.2020 № 440-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2022).
14. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред.28.06.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2022).

КЕРАМОВА Саида Назировна

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

МЕСТО И РОЛЬ МИРОВЫХ СУДОВ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы о роли и месте мировых судей в защите прав граждан в нашей стране. Говорится, что организация их деятельности регулируется наравне с федеральным и региональным законодательством. Перечисляются проблемы организационного обеспечения. Подчеркивается, что сегодня можно отметить увеличение числа производств по административным правонарушениям, в связи с чем на мировых судей ложится большая нагрузка. Представляется необходимым определить верхний предел нагрузки мировых судей, который не должен превышать. Приводятся примеры из судебной практики. Сделан вывод о том, что мировые суды играют важную роль в механизме реализации прав граждан, приближая суды к местному населению, и, тем самым, облегчая доступ граждан к правосудию.

Ключевые слова: мировые суды, права граждан, Российская Федерация, судебная система, административные правонарушения, местное население.

KERAMOVA Saida Nazirovna

senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University

THE PLACE AND ROLE OF MAGISTRATES' COURTS IN THE MECHANISM OF REALIZATION OF CITIZENS' RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the role and place of magistrates in protecting the rights of citizens in our country. It is said that the organization of their activities is regulated on an equal basis with federal and regional legislation. The problems of organizational support are listed. It is emphasized that today it is possible to note an increase in the number of proceedings on administrative offenses, in connection with which a large burden falls on magistrates. It seems necessary to determine the upper limit of the workload of magistrates, which should not be exceeded. Examples from judicial practice are given. It is concluded that the magistrates' courts play an important role in the mechanism of realization of citizens' rights, bringing the courts closer to the local population, and thereby facilitating citizens' access to justice.

Keywords: magistrates' courts, citizens' rights, Russian Federation, judicial system, administrative offenses, local population.

В судебную систему Российской Федерации согласно Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. входят федеральные суды и суды субъектов Федерации. Это – конституционные (уставные) суды субъектов РФ и мировые суды. Аналогичное положение содержится в Федеральном законе «О мировых судьях в Российской Федерации» (ст. 1)¹, а именно то, что мировые судьи в нашей стране являются судьями общей юрисдикции субъектов Федерации и входят в единую судебную систему Российской Федерации. Актуальность темы настоящей статьи обусловлена ролью мировых судов в судебной системе, значительно возросшей в настоящее время.

Прежде всего, надо сказать, что нередко в России права и свободы граждан нарушаются незаконными действиями или бездействием чиновников. В результате граждане обращаются в суд. Однако зачастую безнаказанными остаются незначительные преступления, совершаемые в быту, затрагивающие частные интересы граждан. Воссоздав мировые суды, государство попыталось облегчить доступ граждан нашей страны к правосудию. Как полагает К. Н Степанова,

целью введения института мировых судей является желание законодателя возобновить действие общедемократических принципов, «уверенное и положительное развитие судебной системы» [7, с. 108].

В процессе рассмотрения административных дел мировой судья следует принципам административного судопроизводства, закрепленным в Федеральном законе «О статусе мировых судей»², в ГПК РФ, в КоАП РФ. Сегодня можно отметить увеличение числа производств по административным правонарушениям, в связи с чем на мировых судей ложится большая нагрузка [5, с. 247], поэтому встает вопрос о снижении нагрузки мировых судей. С этой целью в стране был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Хотя они и не разрешили в целом вопрос о нагрузке мировых судей, однако упорядочили их работу, порядок размещения судебных участков, расширив, таким образом, доступ граждан к правосудию. Однако думается, что такое решение данной проблемы в настоящее время исчерпало себя [4, с. 166].

Необходимо подчеркнуть, что мировые судьи для обеспечения законности должны правильно выбирать при-

1 О мировых судьях в Российской Федерации: федер. закон от 17 дек. 1998 г. № 188-ФЗ: в ред. от 1 июля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 О статусе мировых судей в Российской Федерации: федер. закон от 17 дек.1998 г. № 188-ФЗ: в ред. от 1 июля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

меняемую норму права в каждом случае, для чего важным представляется предотвращение судебных ошибок. В связи со сказанным приведем примеры жалоб на решения мировых судей.

Так, Петроградский районный суд, рассмотрев дело на постановление мирового судьи судебного участка № 155 в отношении Т. А., привлеченного к административной ответственности, установил, что Т. А. при управлении автомобилем совершил дорожно-транспортное происшествие, после чего оставил место ДТП. Другими словами, им было совершено административное правонарушение. На постановление мирового судьи Т. А. подал жалобу, в которой просил отменить постановление, полагая, что он невиновен. Т. А. также отметил, что мировой судья не уведомил его о времени и месте рассмотрения дела. В жалобе Т. А. также указано на нарушение подсудности по данному делу. Это было опровергнуто распоряжением председателя Петроградского районного суда, так как для равномерного распределения нагрузки на мировых судей дела по административным правонарушениям были переданы мировому судье участка № 155.

Согласно сведениям из материалов дела участники производства извещены о месте и времени рассмотрения дела телефонограммой, но вызов с телефона не поступал. Поэтому доводы Т. А. о неуведомлении о месте и времени судебного заседания не были опровергнуты. Изучив материалы дела об административном правонарушении, суд сделал вывод, что постановление следует отменить по причине того, что в ходе производства был нарушен порядок рассмотрения дела, Т. А. не был уведомлен о месте и времени судебного заседания, что вызвало ущемление права лица на защиту, в силу чего названное постановление нельзя признать законным. Вследствие сказанного суд решил постановление мирового судьи отменить, жалобу Т. А. – удовлетворить³.

Как видим, в связи с тем, что мировым судьей был нарушен порядок рассмотрения дела, а значит права человека на защиту, жалоба была удовлетворена районным судом.

Однако, хотя на решения мировых судей поступает достаточное количество апелляционных жалоб, необходимо отметить, что сократилось число решений об их удовлетворении и отмене либо изменении этих решений. На сегодняшний день, судя по статистике, мировые судьи гораздо чаще применяют верные законодательные нормы при рассмотрении дел.

Приведем пример. Сафакулевским районным судом Курганской области установлено, что Н. А. согласно постановлению мирового судьи привлечен к административной ответственности и подвергнут наказанию в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами сроком на один год 6 месяцев. Н. А. не согласился с постановлением мирового судьи и обратился в суд с жалобой. Он указал, что постановление было вынесено мировым судьей незаконно, в силу чего его права нарушены и потребовал его отменить, а производство по делу прекратить. Из материалов дела видно, что Н. А., будучи водителем транспортного средства и находясь в состоянии опьянения,

был причастен к дорожно-транспортному происшествию, однако не выполнил законное требование сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования.

При составлении протокола Н. А. не дал никакого объяснения, не указал замечания, хотя имел такую возможность, но не воспользовался такой возможностью. Это указывает на то, что он был согласен с содержанием протокола. Довод жалобы Н. А. о нарушении мировым судьей его прав, которое выразилось в том, что мировой судья не подтвердил свои полномочия путем отказа в предъявлении Н. А. служебного удостоверения судьи, суд посчитал несостоятельным. Следовательно, доказано, что Н. А. не выполнил законного требования должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. При рассмотрении указанного дела об административном правонарушении не было допущено нарушений норм материального и процессуального закона, не установлено обстоятельств, могущих повлечь отмену данного судебного акта. На основании вышеизложенного, согласно решению суда, постановление мирового судьи в отношении Н. А. оставлено без изменения, а жалоба – без удовлетворения⁴.

Из приведенного примера мы видим, что мировой судья применил правильные нормы, рассматривая данное конкретное дело.

Следует подчеркнуть, что мировые судьи при рассмотрении конкретных дел руководствуются, прежде всего, Конституцией РФ, федеральными конституционными и федеральными законами. Однако в контексте данной статьи необходимо отметить ряд проблем в деятельности мировых судей.

К примеру, согласно ст. 4 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» юрисдикция мирового судьи распространяется на судебный участок. Тем не менее на многих судебных участках нет элементарных условий, в связи с чем нужно добиваться того, чтобы деятельность мировых судей осуществлялась на территории судебных участков в комфортных условиях [3, с. 12].

Не менее актуальной проблемой является большая загруженность мировых судей. В настоящее время рабочая нагрузка большинства мировых судей очень высока, и ее дальнейшее увеличение может привести к физической невозможности обеспечения нормального доступа граждан к правосудию и своевременному рассмотрению дел. Появление такой проблемы, как представляется, связано с порядком формирования судебных участков. Как полагают Ю. В. Кайнова и С. П. Сальников, порядок формирования судебных участков мировых судей далек от совершенства, что снижает эффективность их деятельности. Как подчеркивает К. Н. Степанова, с которой можно согласиться, решить эту проблему можно путем установления порядка организации судебных участков, основываясь не на количестве населения района, а на реальном количестве дел, поступающих к мировым судьям, их рациональном распределении [6, с. 112].

Также представляется необходимым определить верхний предел нагрузки мировых судей, который не должен превышать [2, с. 155]. Как известно, мировой судья рассма-

3 Решение Петроградского районного суда (город Санкт-Петербург) № 12-272/2020 12-910/2019 от 3 февр. 2020 г. по делу № 12-272/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/dXO2n3AJpVgr/> (дата обращения: 12.11.2022).

4 Решение Сафакулевского районного суда Курганской области от 6 сент. 2019 г. по делу № 12-11/2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/TmOu8Q5gtfYU/> (дата обращения: 12.11.2022).

тривает уголовные, гражданские и административные дела. Как полагают ученые, с которыми следует согласиться, для снижения нагрузки мировых судей следует внести изменения в законодательство, совершенствовать правила подсудности дел мировым судьям, обосновать введение упрощенных форм судопроизводства у мирового судьи [8, с. 144] и т.д.

В связи со сказанным можно отметить, что с возрождением мировых судов поставленная цель законодателя – облегчить доступ граждан нашей страны к правосудию – была достигнута. Однако, как подчеркивает Л. Вербицкая, остаются нерешенными проблемы организационного обеспечения, которое, в свою очередь, влияет на эффективность судопроизводства [1, с. 19]. Требуется уточнить статус мировых судей, разработать единый подход к организационному обеспечению их деятельности и т.д. Сказанное обусловлено тем, что в стране выросло число обращений в мировой суд в целях защиты прав и свобод российских граждан.

На основе изложенного можно сделать следующие выводы.

В настоящее время в связи с развитием российской судебной системы деятельность мировых судей не только снижает нагрузку на судебную систему, но и укрепляет законность, упрощает защиту гражданами своих прав. Значит можно отметить, что роль мировых судов в механизме реализации прав граждан очевидна, в связи с чем решается такая важная проблема, как приближение доступа населения к правосудию.

Однако, несмотря на успешное функционирование мировых судов в нашей стране, не урегулирован ряд вопросов организационно-правового обеспечения их деятельности, что негативно влияет на осуществление правосудия.

В деятельности мировых судей имеются некоторые проблемы. Актуальной проблемой является большая загруженность мировых судей. Появление такой проблемы, как представляется, связано с порядком формирования судебных участков. И хотя в законодательство были внесены изменения для улучшения существующего положения, они вряд ли приведут к сокращению нагрузки мировых судей, но они стабилизировали работу мировых судей, улучшили качество размещения судебных участков и расширили доступ граждан к правосудию.

Представляется необходимым определить верхний предел нагрузки мировых судей, который не должен превышать.

Для снижения нагрузки мировых судей следует совершенствовать правила подсудности дел мировым судьям, обосновать введение упрощенных форм судопроизводства у мирового судьи и т.д.

В заключение следует сказать, что необходимо улучшить законодательное регулирование деятельности мировых судей из-за существующих проблем как в законодательной, так и в практической деятельности этого института.

Пристатейный библиографический список

1. Вербицкая Л. Создаются условия для успешной работы мировых судей // Российская юстиция. – 2015. – № 5. – С. 19-20.
2. Кайнова Ю. В., Сальников С. П. Теоретико-правовые критерии оценки эффективности института мировых судей при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 152-160.
3. Мусина М. М. Современные проблемы организации деятельности мировых судей в Российской Федерации // Перо науки. – 2022. – № 47. – С. 11-13.
4. Очиргаряева И. К. к вопросу о некоторых правовых и организационных проблемах деятельности мировых судей в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11 (191). – С. 165-168.
5. Рудь Н. И. Особенности производства по делам об административных правонарушениях мировыми судьями // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 3А. – С. 246-251.
6. Степанова К. Н. Актуальные проблемы развития института мировых судей в Российской Федерации // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 9. – С. 107-114.
7. Степанова К. Н. Проблемы совершенствования законодательства о мировых судьях в Российской Федерации // Наукосфера. – 2021. – № 9-1. – С. 195-201.
8. Ципий Д. В. Место мирового судьи в судебной системе российской федерации // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 1 (53). – С. 142-145.

КОВАЛИШИНА Ксения Викторовна

студент Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ЕВСИКОВА Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

МИГРАЦИОННЫЙ УЧЕТ В СИСТЕМЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются существующие на сегодняшний день проблемы определения понятия и сущности миграционных правоотношений, раскрываются их структура и особенности. На основе проведенного анализа авторами предложено авторское определение категории «миграционные правоотношения» и «миграционный учет» с точки зрения теории системы. Определено место миграционного учета в системе миграционных правоотношений.

Ключевые слова: миграция, миграционные правоотношения, система миграционных правоотношений, миграционный учет.

KOVALISHINA Kseniya Viktorovna

student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

MIGRATION ACCOUNTING IN THE SYSTEM OF MIGRATION RELATIONS: THEORETICAL ASPECT

The article examines the existing problems of defining the concept and essence of migration legal relations, reveals their structure and features. Based on the analysis, the authors proposed the author's definition of the categories "migration legal relations" and "migration accounting" from the point of view of the theory of the system. The place of migration registration in the system of migration legal relations is determined.

Keywords: migration, migration legal relations, the system of migration legal relations, migration accounting.

На сегодняшний день, как никогда, актуальной является проблема миграционных правоотношений и качественного нормативно-правового урегулирования миграционных отношений с учетом требований современных реалий в том числе, всеобщих процессов цифровизации.

Миграционные правоотношения, с точки зрения теории права [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], выступают одним из видов общественных отношений. Однако, среди учёных-правоведов нет единства мнений, касательно определения данного понятия.

Как отмечает Жеребцов А. Н., миграционные правоотношения – «это общественные отношения, урегулированные нормами административного права, содержанием которых является правовая связь между субъектами, при которой мигрант реализует предоставленное ему Конституцией РФ право на свободу передвижения, с одной стороны, и уполномоченными органами государственного или муниципального управления, обязанными обеспечить реализацию указанных прав, с другой, возникающие в связи с потребностью в территориальном перемещении либо при непосредственном территориальном перемещении или являющиеся результатом такого перемещения» [8].

По мнению Плотникова Р.В., под миграционными правоотношениями следует понимать урегулированное нормами национального (международного) права общественное отношение, связанное с пространственным перемещением лица, а также с реализацией прав, свобод и обязанностей лиц, осуществляющих перемещение. При этом, миграционные правоотношения делятся на внутренние (перемещение внутри страны) и внешние (перемещение за пределы страны) [9].

В свою очередь, Лялякин Ю. А. предлагает под миграционными правоотношениями понимать совокупность общественных отношений, возникающих в процессе прибытия и нахождения на территории РФ лиц, приобретающих права и наделяемых обязанностями в соответствии с российским законодательством и международным правом, регламентирующим вопросы миграции, на которые оказывают влияние особенности геополитического положения РФ, ее исторические традиции, особый характер взаимоотношений с сопредельными государствами [10, с. 9].

Кроме того, Ермашов Д. В., исследуя механизм правового регулирования миграционных отношений, рассматривает его в качестве системы юридических средств (средств-установлений и средств-деяний), посредством которых государство оказывает нормативно-властное воздействие на

миграционные отношения с целью контроля, защиты и восстановления миграционных прав личности, этнических групп и общества в направлении поддержания жизнеспособности и демографического развития государства [11, с. 11].

Также, Суюнчуалиева О. Т. отмечает, что под миграционными правоотношениями следует понимать общественные отношения, урегулированные нормами миграционного права, участники (субъекты) которого имеют субъективные права и юридические обязанности [12, с. 152], выделяя при этом, такие структурные элементы миграционных правоотношений, как субъекты - участники миграционных правоотношений, обладающие субъективными правами и юридическими обязанностями, правоспособностью и дееспособностью (мигранты, государство и др.); объекты - это то, на что направлены права и обязанности субъектов миграционных правоотношений, по поводу чего они вступают в юридические связи; субъективное право - мера юридически возможного поведения, позволяющего субъекту удовлетворять собственные интересы; юридическая обязанность - мера юридически необходимого поведения, установленная для удовлетворения интересов управомоченного лица.

Следует отметить, что анализ структурных элементов миграционных правоотношений, позволяет сделать вывод о том, что данный вид правоотношений характеризуется определенными отличительными признаками и особенностями, позволяющими их обособить от иных видов правоотношений, в частности:

- 1) правоотношения в данной сфере обладают публичным характером;
- 2) миграционные правоотношения характеризуются обусловленностью социально-политической и экономической ситуацией в государстве и в мире (вооруженные конфликты, низкий уровень жизни, национальная напряженность);
- 3) специфический субъектный состав;
- 4) обладают специальным объектом;
- 5) данные правоотношения носят волевой (сознательный) характер;
- 6) возникновение данных правоотношений основано исключительно на специальных юридических фактах;
- 7) изменение правового статуса лица является результатом миграционных правоотношений [13].

По нашему мнению, с точки зрения теории систем, миграционные правоотношения представляют собой определенную систему, которую можно определить, как гаранти-

рованную силой государственного принуждения систему общественных отношений, урегулированных нормами миграционного права, которые возникают, изменяются и прекращаются на основе норм миграционного права и юридических фактов, между субъектами этих отношений (мигрантами и контролирующими органами), а также субъектами, помогающими надлежательной реализации миграционных отношений, по поводу въезда, выезда, перемещения внутри страны граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства в связи с реализацией указанными лицами прав и надлежательного исполнения обязанностей в миграционной сфере, а также осуществления субъектами властных полномочий миграционного учета и контроля миграционной сферы, привлечения к ответственности за совершение миграционных правонарушений и преступлений; обеспечение миграционной безопасности.

Как видится, именно такое определение понятия «миграционные правоотношения» следует закрепить в действующем законодательстве, поскольку, как уже неоднократно отмечалось многими правоведами, миграционные правоотношения нуждаются в структурированном категорировании и разработке и введении единого терминологического аппарата.

При этом, миграционный учет и контроль является важным и неотъемлемым элементом системы миграционных правоотношений, заслуживающим более качественного законодательного урегулирования и совершенствования в условиях всеобщей цифровой трансформации.

Поскольку, не следует забывать, что процессы всеобщей цифровизации вносят свои коррективы в правовой «ландшафт государства», выдвигая на передний план актуальные проблемы цифровизации сферы миграционных правоотношений в целом, а также миграционного учета – в частности, что сегодня уже не вызывает сомнений и справедливо подтверждается многими учеными, которые называют цифровизацию миграционной сферы всеобщим трендом [14].

Вследствие чего, следует обозначить, что проблемы качественного нормативно-правового урегулирования системы миграционных правоотношений и миграционного учета, как одного из особо важных элементов этой системы выдвигаются на передний план и требуют ответной реакции со стороны государства.

Следует отметить, что 08.07.2021 г. МВД России был подготовлен проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»¹, однако, он так и не был принят, хотя содержал много важных преобразований с учетом проблем миграционной практики и, по нашему мнению, позволял более качественно урегулировать механизм реализации миграционных правоотношений с точки зрения гарантий обеспечения реализации прав и обязанностей субъектов миграционных правоотношений, в том числе, предусматривал более реальный срок реализации обязанности по постановке на учет в случае внутренней или внешней миграции, а также способствовал бы обеспечению миграционной безопасности и предупреждению совершения правонарушений и преступлений в миграционной сфере.

Под категорией «миграционный учет», по нашему мнению, следует понимать общественные отношения по фиксации, обобщению, ведению и мониторингу сведений о гражданах, иностранных гражданах, лицах без гражданства и их перемещениях, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся на основе норм миграционного законодательства и юридических фактов, между субъектами миграционного учета (органами публичной власти и их должностными лицами, уполномоченными на осуществление миграционного учета), лицами, подлежащими миграционному учету (граждан (в рамках внутренней миграции) и иностранных граждан и лиц без гражданства (в рамках внешней миграции)), юридическими лицами, подлежащими административному надзору в связи с привлечением к трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства, органов, способствующих надлежательному осуществлению и реализации миграционного учета (органы пограничной службы; органы регистрации актов гражданского состояния; налоговые органы; органы мини-

стерства иностранных дел; органы службы безопасности; органы службы по техническому и экспортному контролю).

Таким образом, одной из важнейшей задач современного общества и государства является усовершенствование нормативно-правового урегулирования и организации системы миграционных правоотношений и одного из ее основных элементов – миграционного учета, как наиболее важного и значимого для государства в условиях глобализации, цифровизации, усиления миграционных потоков, путем разработки и принятия нового законодательства в сфере миграционного учета и контроля, в котором предлагается закрепить предложенные авторами определения категорий «система миграционных правоотношений» и «миграционный учет».

Пристатейный библиографический список

1. Евсикова Е. В. Некоторые вопросы обеспечения и защиты прав человека в административно-деликтных отношениях в сфере миграционных правонарушений // *Океанский менеджмент*. – 2022. – № 1 (15). – С. 11-16.
2. Капранова Ю. В., Понежина Л. Ю. Правовое регулирование миграционных процессов: учебное пособие. – Ростов-на-Дону, 2019.
3. Капранова Ю. В., Капранов А. В. Миграция как глобализационный процесс: история и современность // *Актуальные проблемы миграционных процессов: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. – 2019. – С. 44-50.
4. Капранова Ю. В. Конституционно-правовой институт обращений граждан: отдельные вопросы теории // *Юристы-Правоведы*. – 2018. – № 2 (85). – С. 158-164.
5. Капранова Ю. В., Тузов А. И. Профилактика правонарушений в сфере трудовой миграции: содержание и проблемы совершенствования // *Юристы-Правоведы*. – 2020. – № 2 (93). – С. 192-198.
6. Трифонова К. В., Трифонов С. Г. Институционально-правовое обеспечение миграционной безопасности // *Евразийский юридический журнал*. – 2022. – № 4 (167). – С. 147-149.
7. Трифонова К. В., Трифонов С. Г. Институт миграционной амнистии как одно из правовых средств современной миграционной политики в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // *Евразийский юридический журнал*. – 2021. – № 9 (160). – С. 140-142.
8. Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики): автореферат дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2009.
9. Плотников Р. В. Миграционные правоотношения: социальный и юридический аспекты // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Право. – 2012. – № 20 (279). – С. 100-105.
10. Лялякин Ю. А. Конституционно-правовые основы регулирования миграционных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.02. Академия управления МВД России. – Москва, 2007. – 28 с.
11. Ермашов Д. В. Механизм правового регулирования миграционных отношений: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.01. Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия адвокатуры и нотариата». – Москва, 2011. – 33 с.
12. Суюнчалиева О. Т. Миграционные правоотношения: понятие, структура, субъекты и модели развития // *Альманах современной науки и образования*. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 6 (61). – С. 151-154.
13. Методология и методы изучения миграционных процессов: Междисциплинарное учеб. Пособие. Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – Москва, 2007. – 370 с.
14. Попова С. М. – Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы // *Право и политика*. – 2021. – № 9. – С. 118-132.

1 Проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» (подготовлен МВД России 08.07.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/56883645/>.

ЛЕНСКИЙ Владимир Михайлович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

КОЧКАРЕВ Аркадий Иванович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ О ПОНЯТИИ И ПРИРОДЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА, УСТАНОВЛИВАЕМОГО ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В настоящей статье рассматриваются дискуссионные вопросы о понятии и природе административного надзора, устанавливаемого за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Авторами обосновывается многоаспектная природа административного надзора, проводится классификация ее сущности, обозначаются нормативно установленные задачи, подтверждается комплексный характер как межотраслевого правового института.

Проведенное исследование позволило сформулировать авторское определение института, регулирующего административный надзор, устанавливаемый лицам, освобожденным из мест лишения свободы.

Ключевые слова: административный надзор, социальная профилактика, функция пресечения правонарушений, двуединая сущность административного надзора.

LENSKY Vladimir Mikhaylovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law and administrative activity sub-faculty of the Rязan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

KOCHKAREV Arkadiy Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law and administrative activity sub-faculty of the Rязan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

DEBATING QUESTIONS ABOUT THE CONCEPT AND NATURE OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION ESTABLISHED FOR PERSONS RELEASED FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

This article discusses debatable questions about the concept and nature of administrative supervision established for persons released from places of deprivation of liberty.

The authors substantiate the multidimensional nature of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty, classify its essence, define normatively established tasks, and confirm its complex nature as an intersectoral legal institution.

The study made it possible to formulate the author's definition of an institution that regulates administrative supervision established in relation to persons released from deprivation of liberty.

Keywords: administrative supervision, social prevention, crime prevention function, dual nature of administrative supervision.

Административный надзор, устанавливаемый за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (далее по тексту сокращенно – административный надзор), отображается независимым правоведческим воззрением, имеющим законодательное закрепление в специально принятом федеральном законе¹. Несмотря на детальную его регламентацию в нормах права, сущностная природа этого института в трудах многих ученых и практических работников считается спорной.

Не требует доказательства факт, согласно которому именно через выявленную сущность рассматриваемой категории можно определить ее характер, адресность, установить цель, определить задачи и функции реализации. Следовательно, выяснение основополагающей характеристики правовой сути института, регулирующего назначение административного надзора, предопределено желанием получить всеобъемлющую функциональность этого явления, рассмотреть его конкретные свойства, а также идентифицировать его роль в правовой системе.

¹ См.: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СЗ РФ, 11.04.2011, № 15, ст. 2037.

Ленский В. М.

Кочкарев А. И.

В современной юридической литературе отсутствует единое мнение по юридической природе административного надзора. По этой причине считаем необходимым сгруппировать основные из имеющихся авторских позиций, отражающих природу административного надзора, и поделить их на определенные виды.

1. Широко распространена точка зрения, согласно которой суть административного надзора характеризуется в формате уголовно-правового средства [16].

2. Ряд авторов полагают, что административное принуждение поднадзорных лиц есть ни что иное, как доминирующая роль административного надзора, что представляет собой одну из форм воплощения в жизнь уголовной ответственности [10].

3. Согласно третьей точке зрения, организованный административный надзор выполняет функцию пресечения правонарушений [4].

4. Глубинным смыслом административного надзора, считает ряд авторов, служит факт назначения данного института в формате реабилитационного принципа, воздействующего на освобожденных из мест лишения свободы лиц, не доказавших свое исправление [13].

5. Среди ученых бытует точка зрения, согласно которой ядро административного надзора включает в себя социальную профилактику в отношении лиц, не утративших в полном объеме свою общественную опасность на момент освобождения

из мест лишения свободы и вплоть до погашения или снятия судимости [15].

6. Существует определенная позиция, исходя из которой, административный надзор есть ни что иное как проявление воспитательно-предупредительного воздействия по отношению к возможно будущим правонарушителям [14].

В свете сказанного представляется целесообразным провести беглый обзор скомпонованных авторских позиций относительно природы административного надзора.

1. В общеизвестных юридических трудах содержательной особенностью административного надзора служит его уголовно-правовое естество. Следует знать, что устанавливаемый над освобожденными из мест лишения свободы, административный надзор является мерой управленческого воздействия, служит способом влияния на них с помощью уголовных правоотношений и формирует средство уголовно-правовой природы [16].

Согласно данной точке зрения, применение к вышеназванной категории лиц, административного надзора становится возможным только в период времени их непогашенной или неснятой судимости. Следовательно, в качестве центрального звена (условия), позволяющего применить к лицам, освобожденным из мест лишения свободы, административный надзор, служит их непогашенная или неснятая судимость. Таким образом, недопустимо назначить административный надзор лицу, у которого судимость снята или погашена.

Уголовно-правовое содержание административного надзора вытекает из общественных отношений, возникающих при его назначении и дальнейшем исполнении [10]. Данные общественные отношения могут возникнуть лишь в том случае, если их носитель совершит уголовно наказуемое деяние, в результате которого им будет придан статус уголовно-правовых. В результате отбытия уголовного наказания одноименные уголовно-правовые отношения становятся отгесненными на задний план, но по инерции они производят воздействие на отбывшего уголовное наказание объекта управления, вплоть до погашения или снятия судимости. Одним из примеров такого влияния выступает предписанный (назначенный) судом или руководителем органа внутренних дел административный надзор.

Позитивным обоснованием уголовно-правового содержания административного надзора рекомендовано признавать ниже обозначенные факторы его установления:

- событие освобождения из мест лишения свободы [12];
- существование судимости за указанные в законе преступления².

Подобная постановка вопроса свидетельствует о том, что без предшествующего привлечения к уголовному наказанию в виде лишения свободы назначение административного надзора оказывается невозможным [6].

2. В научной среде бытует суждение о том, что административный надзор есть ни что иное, как управленческое поощрение к конкретному образу действий [3], [5], [7], [10] (присутствие для регистрации в орган внутренних дел установленное в течение месяца количество раз). Одновременно меры административного надзора выступают в качестве временного ограничителя отдельных гражданских прав (запрет на нахождение в некоторых установленных местах, запрет на пребывание на территории, на которой проводятся события с большим количеством участников, а также на участие в таких акциях). Другими словами данные ограничения, направлены на воздержание лица от определенного поведения.

3. Исторически сложилось мнение, согласно которому административный надзор, для отдельных категорий лиц является средством пресечения правонарушений. Речь, в первую очередь, идет о лицах при особо опасном рецидиве преступлений [4]. Данная категория правонарушителей по своей сути представляет собой «профессионалов» преступного мира. Поэтому только качественный, постоянный надзор со стороны сотрудников органов внутренних дел служит основанием для правоуправляющего их образа жизни. Установленные законодателем в адрес поднадзорных лиц административно-правовые ущемления вместе с ответственностью, наступающей за несоблюдение этих ограничений, выступают гарантией законопослушных действий со стороны этой категории лиц.

2 См.: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СЗ РФ, 11.04.2011, № 15, ст. 2037.

4. В юридической литературе встречается позиция, по которой природу административного надзора, установленного для освобожденных из мест лишения свободы гражданами, в связи со своей малоизученностью, можно представить, как некий специальный принцип, как руководящее начало рассматриваемого института [13]. Реализация принципов административного надзора станет намного эффективней, если их законодательно закрепить, придав им статус общеобязательных к исполнению норм. Правовая регламентация основных начал административного надзора нацелена на формирование общего способа поведения со стороны представителей органов внутренних дел при производстве с их стороны контроля за образом жизни поднадзорных лиц.

5. Определенная группа ученых полагает, что сущность назначаемого административного надзора лежит в области социальной профилактики их образа жизни. Граждане, покинувшие в результате отбытия наказания места лишения свободы, представляют определенную опасность для общества в силу их десоциализации, объективно наступившей за время отбытия уголовного наказания [15]. Снижение такой опасности становится возможным посредством проведения для данной категории лиц социальной профилактики вплоть до момента их полной ресоциализации. Следовательно, реализация подобного социально-профилактического механизма становится приемлемой посредством назначения обозначенной категории субъектов административного надзора.

Отдельная группа научных работников инкриминирует административному надзору превентивную функцию по предупреждению совершения после отбытия наказания новых преступлений [11].

6. Ряд авторов полагают двуединую сущность административного надзора. В одном случае миссия административного надзора заключается в предупреждении будущих возможных со стороны освободившихся из мест лишения лиц преступлений. С другой стороны, выполнение первой задачи не представляется возможным без оказания на поднадзорных воспитательного воздействия [11].

Следует иметь в виду, что многолика сущность административного надзора, выраженная в рассмотренных выше авторских позициях, свидетельствует не только о многообразии ее толкования, но и о нерешенных проблемных вопросах правовой природы этого института.

Важно знать, что среди ученых существуют и иные воззрения относительно юридической сущности рассматриваемого института [8], [9], [14]. Отдельные взгляды представляются весьма спорными, поэтому требуют авторских комментариев. Так, вывод о том, что любая норма государственного влияния, направленная на превенцию преступного поведения со стороны лиц, ранее совершивших уголовно противоправное деяние, должна быть закреплена исключительно в уголовном законодательстве [2], является весьма неоднозначным.

Согласно статье 43 УК РФ, стадией общегосударственного давления (понууждения) считается уголовная кара, цель которой состоит в ресоциализации гражданина посредством воссоздания общесоциальной справедливости; в его исправлении, а также в предупреждении исполнения с его стороны новых преступлений.

Суть административного надзора сводится к наблюдению и контролю со стороны субъектов управления в лице сотрудников полиции за освобожденными из мест лишения свободы управленческими объектами на основании вмененных им на установленный период времени запретов на определенные действия³.

Федеральный закон называет следующие задачи административного надзора:

- недопущение учинения иных проступков и преступлений;
- индивидуальная профилактическая работа с поднадзорными лицами, направленная на защиту общественных и государственных потребностей.

Стало быть, способ, ориентированный на профилактику проступков и преступлений, является в качестве общей цели, имеющей значение как для уголовного наказания, так и для административного надзора.

3 См.: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СЗ РФ, 11.04.2011, № 15, ст. 2037.

В то же время цели административного надзора не направлены на воссоздание общесоциальной справедливости и исправление поднадзорного.

Необходимо принять к сведению обстоятельство, согласно которому контроль за социальной реабилитацией поднадзорных лиц, относится к ведению полиции⁴. Посему социальная реабилитация таких индивидов выступает в качестве автономной задачи административного надзора.

Проделанное изыскание позволяет изложить авторскую позицию о том, чтобы в статью вторую Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» включить еще одну (третью) задачу административного надзора, выразившуюся в применении комплекса мер социальной реабилитации к рассматриваемой категории лиц.

Благодаря выполненному исследованию становится очевидным, что институт административного надзора, хотя и именуется «административным», однако по своей сути является междисциплинарным блоком нормативных правовых актов.

Доказательством комплексного, системного характера института административного надзора является его междисциплинарное правовое регулирование. Так уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации рассматривает вопросы установления административного надзора в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы (ст. 173.1).

Уголовный кодекс Российской Федерации регулирует ответственность поднадзорных за уклонение от административного надзора либо систематическое нарушение с их стороны назначенных судом запретов (ст. 314.1).

Алгоритм подачи исковых административных заявлений, в части административного надзора, регулируется кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 270)

В законе «О полиции» закреплено право полиции осуществлять контроль за социальной реабилитацией поднадзорных лиц (п. 11, ч. 1. Ст.13).

Механизм осуществления полицией административного надзора регулируется соответствующим приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации⁵.

Прокуратура Российской Федерации выполняет надзорную функцию за законностью применения нормативных актов, регулирующих административный надзор⁶.

И, наконец, основным документом, в котором подробно рассматривается административный надзор, выступает специально принятый тематический Федеральный закон⁷.

Таким образом, в настоящей работе посредством анализа существующих научных воззрений, подтверждена многоаспектная природа административного надзора, обозначены его нормативно установленные задачи, обобщен комплексный характер данного межотраслевого института.

Проведенное исследование позволило сформулировать авторское определение института, регулирующего административный надзор, устанавливаемый за освободившимися из мест лишения свободы лицами.

Таким образом, административный надзор – это упорядоченная система уголовно-правовых, уголовно-исполнительных

и административно-правовых норм, регулирующих образ действий, подвергнутых административному надзору лиц, в целях предупреждения с их стороны новых проступков, а также оказания на них индивидуального профилактического воздействия с применением системы мер социальной реабилитации, в целях обеспечения государственных и общественных интересов»

Пристатейный библиографический список

1. Архипов Д. Н., Гришин Д. А., Поникаров В. А. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы осуществляемый полицией и учреждениями пенитенциарной системы России: Монография. – Рязань: Рязанский филиал МосУ МВД России, 2011. – С. 22.
2. Бавсун М. В., Карпов К. Н. Контроль за поведением лиц, осужденных условно или освобожденных от наказания, как иная мера уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 3. – С. 9-10.
3. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. – Минск: Выпешняя школа, 1976. – С. 156.
4. Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности [Текст]: Учеб. пособие / М-во высш. и сред. спец. образ. РСФСР. Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Пермь: [б. и.], 1969. – С. 116, 149.
5. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: Городец-издат. 2001. – С. 78.
6. Бреев А. В., Чистотина О. Н. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: криминологический аспект: учебное пособие. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. – С. 17.
7. Буденко Н. И. Административно-правовое положение граждан в сфере общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МВШМ МВД СССР, 1986. – С. 79.
8. Бузина М. В., Юдина Ю. В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: от теории к практике // Административное право и процесс. – 2017. – № 4. – С. 44-47.
9. Громов В. Г., Галкина А. Н. Правовая природа административного надзора // Современное право. – 2015. – № 6. – С. 20-24.
10. Калинин Т. М. Понятие и юридическая природа административного надзора // Административное право и процесс. – 2013. – № 8. – С. 44-51.
11. Мартынов А. В. Административный надзор в России: теоретические основы построения / Под ред. Старилова Ю. Н. – М.: Юнити-Дана: закон и право. 2010. – С. 27.
12. Понятовская Т. Г. Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 100.
13. Репьев А. Г., Кашкина Е. В. Специальные принципы осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: сущность, содержание и виды // Административное право и процесс. – 2019. – № 2. – С. 61-65.
14. Смоляков П. Н. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Консультант Плюс: [сайт справ-правовой системы]. – [Москва, 2022]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, (дата обращения: 12.11.2022).
15. Тепляшин П. В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Законность. – 2011. – № 10. – С. 16-19.
16. Фильченко А. П. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: правовая природа и перспективы законодательного регулирования // Административное право и процесс. – 2012. – № 2. – С. 54-57.

4 См.: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // СЗ РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.

5 См.: Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 (ред. от 30.05.2022) «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Консультант Плюс: [сайт справ-правовой системы]. – [Москва, 2011]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, (дата обращения: 12.11.2022).

6 См.: Приказ Генпрокуратуры России от 05.09.2022 № 494 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Консультант Плюс: [сайт справ-правовой системы]. – [Москва, 2022]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, (дата обращения: 12.11.2022).

7 См.: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [сайт справ-правовой системы]. – [Москва, 2011]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, (дата обращения: 12.11.2022).

ЕВСИКОВА Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

КОВАЛИШИНА Ксения Викторовна

студент Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

СИСТЕМА МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ЕЕ ЭЛЕМЕНТЫ

В статье рассматривается понятие и сущность правовой категории «миграционный учет», на основе анализа разработок современной правовой доктрины и позиции законодателя выводится собственное определение правовых категорий «миграционный учет» и «система миграционного учета», раскрываются элементы системы миграционного учета, изучается понятие и сущность Государственной информационной системы миграционного учета. На основе проведенного анализа авторами выносятся свои предложения.

Ключевые слова: миграционные правоотношения, миграционный учёт, система миграционного учета, государственная информационная система миграционного учета.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

KOVALISHINA Kseniya Viktorovna

student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

MIGRATION REGISTRATION SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND ITS ELEMENTS

The article examines the concept and essence of the legal category "migration accounting", based on the analysis of the developments of modern legal doctrine and the position of the legislator, its own definition of the legal categories "migration accounting" and "migration accounting system" is derived, the elements of the migration accounting system are revealed, the concept and essence of the State Information system of migration accounting is studied. Based on the analysis, the authors make their proposals.

Keywords: migration legal relations, migration accounting, migration accounting system, state migration accounting information system.

Проблемы качественного нормативно-правового урегулирования миграционных правоотношений были и остаются актуальными и привлекают к себе внимание значительного количества ученых [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], юристов-практиков, законодателей, правоприменительных органов, а также простых граждан – субъектов миграционных правоотношений в случае их возникновения, изменения или прекращения в ходе различных миграционных процессов, происходящих в условиях глобализации.

При этом, не следует забывать, что процессы всеобщей цифровизации вносят свои коррективы в правовой «ландшафт государства», выдвигая на передний план актуальные проблемы цифровизации сферы миграционных правоотношений в целом, а также миграционного учета – в частности, что сегодня уже не вызывает сомнений и справедливо подтверждается многими учеными, которые называют цифровизацию миграционной сферы всеобщим трендом [8].

Следует отметить, что основной вектор развития миграционных правоотношений в ключе цифровой трансформации миграционной среды был задан после определения одной из национальных целей развития – «достижение цифровой зрелости»¹.

Вследствие чего, был разработан проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» (далее – Проект)², который под миграционным

учетом иностранных граждан (лиц без гражданства) понимает фиксацию и обобщение предусмотренных настоящим Федеральным законом сведений об иностранных гражданах (лицах без гражданства) и о перемещениях иностранных граждан на территории Российской Федерации, т.е. фактически дублирует понятие, закрепленное в ФЗ № 109-ФЗ.

Однако, на сегодняшний день Проект так и не принят, а миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» (далее – ФЗ № 109-ФЗ).³ Данный нормативно-правовой акт содержит права и обязанности мигрантов, перечень органов и их полномочия в указанной сфере, порядок и основания учёта.

При этом, детальная регламентация процедуры постановки на учёт содержится в правилах, утверждённых Постановлением Правительства РФ⁴.

В настоящий момент законодательно закреплено два способа учёта мигрантов: 1) регистрация по месту жительства; 2) учёт по месту пребывания.

1 Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>

2 Проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» (подготовлен МВД России

08.07.2021). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/56883645/>

3 Федеральный закон «о миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства» от 18.07.2006 № 109-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/

4 Постановление Правительства РФ от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. 26.05.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65707/858fe32f24de552d39a0788f6871cc7995eef71a/#dst100012.

Так, органами публичной власти, уполномоченными на осуществление миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства, в соответствии с ФЗ № 109-ФЗ, выступают федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в указанных сферах, и его территориальные органы.

Кроме того, следует отметить, что органы миграционного учета на основе получаемых сведений об иностранном гражданине формируют государственную информационную систему миграционного учета⁵.

При этом, поставщиками сведений в информационную систему являются МИД РФ, ФСБ РФ, ФНС РФ, а также и иные лица, которые заключают с оператором информационной системы соглашение об информационном обмене сведениями.

Так, государственная информационная система миграционного учета представляет собой межведомственную автоматизированную систему и формируется на основе центрального банка данных по учету иностранных граждан, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации, в том числе участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; а также данных МВД РФ, данных в случае осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами, биометрических персональных данных, данных о лицах получивших или получающих статус беженца, иных данных иных информационных систем.

При этом, обладателем сведений является МВД РФ, а также поставщики таких сведений. Поставщики сведений осуществляют их обработку с помощью технических и программных средств, позволяющих обеспечить автоматизированный ввод сведений в информационную систему.

Обеспечение функционирования информационной системы осуществляется путем применения стандартизованных технических и программных средств, прошедших соответствующую проверку и сертификацию, единых форматов, классификаторов учетных данных, словарей, справочников и стандартных протоколов в порядке, определяемом нормативными правовыми актами, принятыми совместно заинтересованными федеральными органами исполнительной власти.

В свою очередь, Федеральная служба по техническому и экспортному контролю в соответствии с установленной сферой ведения обеспечивает контроль за применением и эксплуатацией средств технической защиты сведений, а также за проведением аттестации объектов информатизации, входящих в состав информационной системы.

Обращаясь к наработкам современной правовой доктрины в сфере миграционных правоотношений, следует отметить, что Трофимова Т. С. рассматривает миграционный контроль как внешний вид контроля, целью которого является регулирование потока граждан из других стран, отмечая при этом, что миграционный учет имеет уведомительный характер [9].

Юрков А. Л. раскрывает понятие иммиграционный контроль через властное воздействие государства на субъектов миграционных правоотношений [10].

В рамках данного исследования определен научный интерес представляет позиция Ивановой Л. В., которая рассматривает миграционный учет граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках института паспортно-регистрационного учета сквозь призму понятия правоотношения и их содержания, выделяя при этом, субъектов и объектов, а также основания их возникновения – регистрация, учет по месту пребывания или по месту жительства [11, с. 10].

По нашему мнению, институт миграционного учета следует рассматривать сквозь призму теории систем, говоря о таком правовом явлении, как «система миграционного учета», под которой следует понимать совокупность субъектов миграционного учета, т.е. имеющих соответствующие полномо-

чия на его осуществление органов публичной власти и их должностных лиц, лиц, подлежащих миграционному учету, т.е. граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, органов, способствующих надлежащему осуществлению и реализации миграционного учета (органы пограничной службы; органы регистрации актов гражданского состояния; налоговые органы; органы министерства иностранных дел; органы службы безопасности; органы службы по техническому и экспортному контролю), а также государственной информационной системы миграционного учета.

При этом, под категорией «миграционный учет», по нашему мнению, следует понимать общественные отношения по фиксации, обобщению, ведению и мониторингу сведений о гражданах, иностранных гражданах, лицах без гражданства и их перемещениях, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся на основе норм миграционного законодательства и юридических фактов, между субъектами миграционного учета (органами публичной власти и их должностными лицами, уполномоченными на осуществление миграционного учета), лицами, подлежащими миграционному учету (граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства), органов, способствующих надлежащему осуществлению и реализации миграционного учета (органы пограничной службы; органы регистрации актов гражданского состояния; налоговые органы; органы министерства иностранных дел; органы службы безопасности; органы службы по техническому и экспортному контролю).

При этом, только в случае координации и взаимодействия всех обозначенных субъектов миграционного учета и органов, способствующих надлежащему осуществлению и реализации возможна эффективная и качественная реализация правоотношений по миграционному учету не просто путем фиксации сведений о нахождении и перемещении граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, а путем предупреждения и профилактики совершения миграционных правонарушений и стабилизации административно-деликтивной ситуации в Российской Федерации в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Евсикова Е. В. Некоторые вопросы обеспечения и защиты прав человека в административно-деликтивных отношениях в сфере миграционных правонарушений // Океанский менеджмент. - 2022. - № 1 (15). - С. 11-16.
2. Капранова Ю. В., Понезжина Л. Ю. Правовое регулирование миграционных процессов: учебное пособие. - Ростов-на-Дону, 2019.
3. Капранова Ю. В., Капранов А. В. Миграция как глобализационный процесс: история и современность // Актуальные проблемы миграционных процессов: сборник материалов Международной научно-практической конференции. - 2019. - С. 44-50.
4. Капранова Ю. В. Конституционно-правовой институт обращений граждан: отдельные вопросы теории // Юрист-Правовед. - 2018. - № 2 (85). - С. 158-164.
5. Капранова Ю. В., Тузов А. И. Профилактика правонарушений в сфере трудовой миграции: содержание и проблемы совершенствования // Юрист-Правовед. - 2020. - № 2 (93). - С. 192-198.
6. Трифонова К. В., Трифонов С. Г. Институционально-правовое обеспечение миграционной безопасности // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 4 (167). - С. 147-149.
7. Трифонова К. В., Трифонов С. Г. Институт миграционной амнистии как одно из правовых средств современной миграционной политики в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 9 (160). - С. 140-142.
8. Попова С. М. Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы // Право и политика. - 2021. - № 9. - С. 118-132.
9. Трофимова Т. С. Сущность и содержание миграционной сферы Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. - 2019. - № 3. - С. 47-49.
10. Юрков А. Л. К вопросу о целях осуществления иммиграционного контроля // Журнал российского права. - 2004. - № 5. - С. 123-133.
11. Иванова Л. В. Институт паспортно-регистрационного и миграционного учета граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.14. - Москва, 2009. - 28 с.

5 Постановление Правительства РФ от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. 26.05.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65707/858fe32f24de552d39a0788f6871cc7995eef71a/#dst100012.

САРАНКИНА Юлия Александровна

заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ ДЕБОШИРСТВО КАК ОДНА ИЗ ФОРМ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

Статья посвящена анализу семейного насилия, его форм. В статье дается характеристика такой формы семейного насилия как семейно-бытовое дебоширство, определяются его циклы развития. На основе проведенного анализа предлагается предусмотреть административную ответственность за семейно-бытовое дебоширство.

Ключевые слова: административная ответственность, дебошир, профилактика, семейное насилие, семейно-бытовое дебоширство.

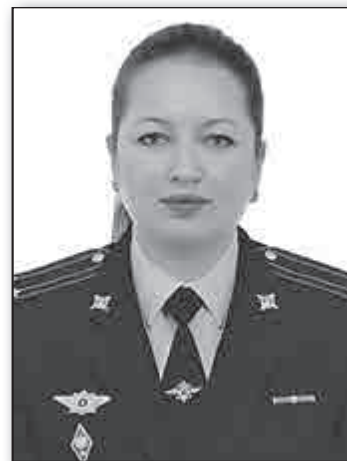
SARANKINA Yuliya Aleksandrovna

Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FAMILY AND HOUSEHOLD DEBAUCHERY AS A FORM OF FAMILY VIOLENCE

The article is devoted to the analysis of domestic violence, its forms. The article characterizes such a form of family violence as domestic debauchery, defines its cycles of development. On the basis of the analysis carried out, it is proposed to provide for administrative responsibility for family and household rowdy.

Keywords: administrative responsibility, rowdy, prevention, domestic violence, domestic rowdy.

Саранкина Ю. А.

Вопросы семейного насилия актуальны для многих стран мира. Ученые, занимающиеся изучением семейного насилия, трактуют определение указанного понятия и причины его возникновения по-разному. Так, среди причин домашнего насилия наиболее часто выделяются, к примеру, низкий уровень социально-экономического развития, высокий уровень бедности, низкий уровень образования и др.

В трудах ученых приводятся различные классификации семейного насилия. Так, некоторые авторы подразделяют семейное насилие на группы: сексуальное насилие, финансовые злоупотребления, физическое насилие и эмоциональное насилие или выделяют такие его формы: физическое, сексуальное, психологическое, экономическое, пренебрежение¹.

На наш взгляд, необходимо выделить четыре основные формы семейного насилия, такие как:

бытовое дебоширство, которое включает, к примеру: скандалы, повреждение имущества, нанесение побоев (которые не влекут уголовной ответственности, так как в этом случае речь идет о физическом насилии, а не о дебоширстве);

физическое – включает в себя причинение телесных повреждений, ответственность за которые предусмотрена уголовным законодательством;

сексуальное – совершение различных действий сексуального характера против воли, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность;

психологическое – угрозы, унижения, изоляция, запрет на работу или принуждение к работе. Необходимо отметить, что непосредственно только психологическое насилие может выступать, как самостоятельной формой, так и в совокупности с указанными выше формами.

Анализируя семейно-бытовое дебоширство, отметим некоторые особенности данной формы семейного насилия.

Во-первых, проанализируем и определим некоторые понятия, применяемые в указанной сфере. «Дебош» – это французское слово «Debauche», означает буйство, скандал с шумом; дебошир – тот, кто устраивает дебоши; а дебоширство значит – буйничать, скандалить. Таким образом, дебоширство характеризуется только действиями и в обязательном порядке включает в себя скандал, шум.

Быт – это наш повседневный привычный уклад жизни, семейный быт – это функционирование семьи на основе существующих в ней (семье) укладов, традиций.

Семья, как указано в семейном законодательстве, являясь естественной и основной ячейкой общества, находится под защитой государства и определяется как: круг лиц, свя-

занных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления².

Отметим, что законодательство России и Республики Беларусь признает единый вид брака – зарегистрированный в государственных органах. В виду чего считаем, что одним из обязательных признаков семейно-бытового дебоширства в отношении супругов является наличие зарегистрированного брака.

Следующим обязательным признаком, является совершение семейно-бытового дебоширства непосредственно в жилом помещении семьи, которым семья владеет на законных основаниях (например, их собственное жилье, предоставленное в аренду или в ссуду).

На основании изложенного, можем констатировать, что семейно-бытовое дебоширство – это действие члена семьи, которое может выражаться в: буйстве, скандалах, беспорядках, нарушении тишины и покоя других членов семьи и тому подобное, совершаемое в жилом помещении семьи в отношении: супруга или супруги, которые состоят в зарегистрированном браке, и(или) детей, в том числе усыновленных и(или) в отношении братьев или сестер, в том числе единоутробных и единокровных и(или) родителей лица, совершающего дебоширство.

Во-вторых, анализируя семейно-бытовое дебоширство, с позиции психологии или социологии, следует отметить, что оно является первым видимым проявлением агрессии со стороны члена семьи, и возможного проявления, в последующем, более тяжелых форм насилия.

Так, мы согласны с мнением ученых, которые указывают на четыре цикла возникновения насилия: первый цикл – нарастание напряжения в семье, характеризуется тем, что между членами семьи, в сложившемся положительном общении, возникает первичное недовольство личностными взаимоотношениями, которое в последующем учащается. Второй цикл – это непосредственно сам насильственный инцидент; в этом цикле полностью раскрывается дебоширство (скандалы, ссоры, оскорбления, уничтожение имущества, побои и т.п.). Третий цикл – примирение, включает в себя как молчаливое прощение, в основном в случаях непризнания своей вины дебоширом, так и озвучиванием просьбы простить дебоширство. Четвертый цикл – спокойствие, это когда наступает спокойный период в отношениях (инцидент забыт или забыт, обидчик, в большинстве случаев, прощен).

1 Волосова Н. Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2017-3/27-volosova.pdf>.

2 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=344845&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7757159798759543#018665019203366784>.

Но непосредственно после него неизбежен путь к первому циклу³. Такая цикличность, на наш взгляд, характерна непосредственно для дебоширства, однако, повторность цикла приводит к появлению более тяжелых форм насилия в семье. Потому, считаем уже после первого цикла необходимо обязательное посещение психолога, как дебоширом, так и лицами ставшими жертвами его агрессии. Контроль в этом случае должен осуществляться органами социальной защиты населения. Отметим, что система социальной защиты – это совокупность установленных законодателем определенных прав и гарантий (экономических, социальных, юридических и т.п.), а также определение социальных институтов и учреждений, которые обеспечивают их реализацию и, соответственно, создают условия для поддержания жизнеобеспечения и нормального существования различных социальных слоев и групп населения, прежде всего, социально уязвимых, в том числе и тех, которые претерпели насилие в семье.

Дальнейший анализ законодательства об ответственности лиц за семейно-бытовое дебоширство, позволяет указать на отсутствие в нем норм, устанавливающих ответственность за семейное насилие или семейно-бытовое дебоширство.

Так, в законодательстве России лишь только в некоторых кодексах об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации предусмотрена ответственность за семейно-бытовое дебоширство. В иных субъектах Российской Федерации действия дебоширов квалифицируются по иным (различным) нормам административного законодательства, например побой, хулиганство, нарушение тишины и т.д. или по уголовному законодательству, если, например, умышленно причинен легкий вред здоровью.

В законодательстве Республики Беларусь также отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность за семейное насилие или семейно-бытовое дебоширство, а действия дебоширов квалифицируются по административному или по уголовному законодательству⁴. Однако в Республике Беларусь законодательно определено определение понятия «насилие в семье». Так, в Законе Республики Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» не только дано определение насилия в семье, а также и уделено внимание профилактике насилия в семье. Ст. 31 указанного закона, содержит меру государственного предупреждения насилия в семье – защитное предписание, которое направлено на ограничение совершения определенных действий непосредственно агрессором⁵. Однако, как следует из анализа нормы, защитное предписание применяется к гражданину только после вынесения официального предупреждения или если он состоит на профилактическом учете. Из чего следует, что, несмотря на его предупредительную цель, защитное предписание применяется только в случае повторного совершения правонарушения в виде насилия в семье.

Ученые, изучающие насилие в семье, и предлагающие внести соответствующие изменения, прежде всего в административное законодательство, больше спорят не о необходимости нормы, а о включении в нее такой санкции, как штраф. Действительно штраф, в большинстве случаев будет оплачен дебоширом, однако, денежные средства из которых будет уплачена сумма, это совместное имущество супругов, так как с момента регистрации брака, имущество мужа и жены приобретает режим общего имущества, за исключением наследственного имущества или имущества, полученного в дар. Таким образом, жертва дебошира, дабы не лишиться семейных денежных средств, забирает свое заявление о дебоширстве.

О необходимости данной нормы высказываются и представители государственных органов, указывая на то, что непосредственно на почве бытовых отношений совершается половина преступлений по причинению тяжкого или средней тяжести вреда здоровью члену семьи, при этом данные преступления в большинстве случаев являются продолжением затяжного семейного конфликта. И, несмотря на об-

ращение потерпевшего от семейного конфликта в государственные органы по защите, привлечь дебошира (агрессора) к ответственности невозможно, так как в административном законодательстве отсутствует норма, предусматривающая ответственность за данные действия (за исключением профилактической работы, в основном беседа), что приводит в большинстве случаев к более тяжелым последствиям.

Учитывая изложенное, на сегодняшний день существует реальная необходимость в установлении административной ответственности за семейно-бытовое дебоширство, перечень деяний, в норме, должен быть открытым, так как пренебрегать все возможные деяния, в которых оно может выражаться, невозможно. Что касается санкций за семейно-бытовое дебоширство, она должна содержать обязательные работы и посещение психолога, а также возможность вынесения защитного предписания, в том числе незамедлительно, по просьбе потерпевшей стороны. Указанная санкция должна применяться независимо от того обратился ли член семьи во встречным заявлением о прекращении проведения сотрудниками органов внутренних дел проверки в связи с примирением сторон, либо по иной причине. Такая позиция связана с тем, что практически все семейно-бытовые конфликты происходят между членами семьи в жилых помещениях, и в основном на почве употребления спиртных напитков. В разгар конфликта стороны всегда ищут защиты в органах внутренних дел, вызывая их как «рефери» для решения спора, а на следующий день, после осознания возможных последствий своих действий обращаются с просьбой проверки не проводить.

Неминуемое привлечение к ответственности в таких случаях обязательно, поскольку таким образом будет осуществляться профилактика семейного насилия. Обязательные работы (бесплатный общественно-полезный труд), как вид административного наказания в совокупности с посещением психолога, поможет семье в решении возникших конфликтов, которые привели к дебоширству.

На основании изложенного, сделаем ряд выводов:

Семейно-бытовое дебоширство является первой формой семейного насилия и состоит из четырех циклов, повторность которых влечет более тяжелые формы семейного насилия. Потому государству необходимо уделять больше внимания непосредственно этой форме семейного насилия.

В действующем административном законодательстве необходимо предусмотреть ответственность за семейно-бытовое дебоширство, перечень деяний в правовой норме должен быть открытым, санкция должна содержать обязательные работы и посещение психолога, а также возможность вынесения защитного предписания (в том числе незамедлительно по просьбе потерпевшей стороны).

Профилактическая деятельность семейного насилия должна быть одним из основных направлений профилактической деятельности государства. Контроль за семьями, в которых зафиксированы неоднократные факты семейно-бытового дебоширства и(или) иной формы семейного насилия, необходимо возложить на органы социальной защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Волосова Н. Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2017-3/27-volosova.pdf>.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=344845&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7757159798759543#01866501203366784>.
3. Замалчивая проблему домашнего насилия, его жертвы порождают новый виток жестокости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sb-by.turbopages.org/s/sb.by/articles/pole-bitvy-semya.html>.
4. Административная ответственность за насилие в семье в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zav.minsk.gov.by/20190515-profilaktika-nasiliya-v-seme/7355-administrativnaya-otvetstvennost-za-nasilie-v-seme-v-respublike-belarus>.
5. Закон Республики Беларусь от 04.01.2014 № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_osnovah_deyatelnosti_po_profilaktike_pravonarushenij.htm.

3 Замалчивая проблему домашнего насилия, его жертвы порождают новый виток жестокости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sb-by.turbopages.org/s/sb.by/articles/pole-bitvy-semya.html>.

4 Административная ответственность за насилие в семье в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zav.minsk.gov.by/20190515-profilaktika-nasiliya-v-seme/7355-administrativnaya-otvetstvennost-za-nasilie-v-seme-v-respublike-belarus>.

5 Закон Республики Беларусь от 04.01.2014 № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_osnovah_deyatelnosti_po_profilaktike_pravonarushenij.htm.

АКРАМОВА Альфия Талгатовна

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета

ПРОБЛЕМАТИКА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ КОММЕРЧЕСКОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ И ТОВАРНОГО ЗНАКА. ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье проведен анализ действующего законодательного регулирования применения коммерческого обозначения, позволяющего идентифицировать конкретного предпринимателя (производителя, продавца) на рынке одноименных товаров и средства индивидуализации продавца – товарного знака, знака обслуживания и фирменного наименования. Обозначенные в Гражданском кодексе РФ средства индивидуализации, с одной стороны, осуществляют в некоторой степени охрану бизнеса, с другой стороны, вызывают на практике ряд вопросов, одним из которых является тождественность отдельных средств индивидуализации. В статье рассмотрены и установлены ключевые для исследования положения и определения, исследовано соотношение понятий коммерческого обозначения и товарного знака.

Ключевые слова: коммерческое обозначение, товарный знак, средства индивидуализации, фирменное наименование, исключительное право на коммерческое обозначение.

AKRAMOVA Alfiya Talgatovna

Ph.D. in political science, senior lecturer of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

CORRELATION PROBLEM BETWEEN THE CONCEPT OF COMMERCIAL DESIGNATION AND TRADEMARK. PRACTICAL ASPECT

The article analyzes current legal implementation of the use of commercial designation, that identify a specific entrepreneur (manufacturer, seller) in the market of goods with the same name, and the means of individualization of the seller – trademark, service mark and the company name.

The means of individualization indicated in the Civil Code of the Russian Federation, on the one hand, protects business, on the other hand, give a raise to number of practical questions such as identity of individual means of individualization and commercial designation.

Keywords: commercial designation, trademark, means of individualization, company name, exclusive right to a commercial designation.

Акрамова А. Т.

Проведение сравнительного анализа таких средств индивидуализации как коммерческое обозначение и товарный знак начнем с определения каждого из них. Понятие коммерческого обозначения в Гражданском кодексе РФ¹ отсутствует. Первая статья в параграфе 4 «Права на коммерческое обозначение» Главы 76, посвященной правам на средства индивидуализации, описывает лишь круг субъектов и сферу применения коммерческого обозначения, не раскрывая его понятия (ст. 1538 ГК РФ), что представляется серьезным пробелом в законодательстве.

Т. Г. Ключун под коммерческим обозначением предлагает понимать незарегистрированное обладающее различительными признаками средство индивидуализации предприятия (как объекта гражданских прав) в виде словесного обозначения, которое может включать в себя элементы изобразительного характера, исключительные права на которое возникают в силу фактического использования на вывесках, бланках, в счетах, иной документации, объявлениях, рекламе, товарах, их упаковках, иных объектах правообладателя, а также известности в пределах определенной территории [1, с. 9]. Более содержательное понятие коммерческого обозначения предложено З. Р. Ожевой, под которым она понимает «не подлежащее государственной регистрации или иной фиксации обладающее различительными признаками и использу-

емое на территории осуществления предпринимательской деятельности юридического лица средство его индивидуализации как субъекта гражданских прав, выраженное преимущественно в виде словесного обозначения, которое может включать в себя иные элементы, исключительные права на которое возникают в силу фактического использования на вывесках, бланках, счетах и иными способами, не запрещенными законом» [2, с. 15]. С данным определением сложно согласиться в части определения субъектного состава: нередко предприятия создаются не только юридическими лицами, но и индивидуальными предпринимателями. Однако точку зрения З. Р. Ожевой разделяет и Д. А. Белова, которая подчеркивает, что «Правом на наименование могут обладать только те коллективные образования, которые имеют статус юридического лица» [3, с. 7, 8], т.е. автор фактически ставит знак равенства между коммерческим обозначением и фирменным наименованием, что, представляется, неверным. Д. А. Шишкин считает, что коммерческое обозначение является средством индивидуализации предпринимательской деятельности, отвечающим всем обязательным признакам охраноспособности обозначения [4, с. 11]. Под коммерческим обозначением О. А. Лупандина понимает рисунок, графическое изображение, буквенное сочетание слово или набор слов [5, с. 507]. Следует отметить, что международное законодательство не содержит указания на такое средство индивидуализации как коммерческое обозначение, что подтверждается перечнем прав на интеллектуальную собственность,

1 Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Часть четвертая. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

закрепленным в ст. 2 Конвенции, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности².

Как отмечают Д. В. Коростелев и Ю. А. Тарасов, средство индивидуализации служит для выполнения такой функции как выделение определенного объекта или субъекта среди однородных объектов или участников правоотношений [6, с. 302].

М. А. Верхолетов выделяет следующие принципы правового регулирования использования коммерческих обозначений: принцип индивидуализации коммерческим обозначением предприятия как имущественного комплекса, принцип известности и принцип различимости коммерческого обозначения [7, с. 59].

Помимо предложенных, указанный автор предлагает использование дополнительных принципов, таких как принцип территориальности, принцип коммерческого использования, принцип свободы оформления, принцип свободы использования и принцип срочности [7, с. 59-61].

Изучив обозначенные дополнительные принципы, представляется, что автор скорее имел в виду условия использования коммерческого обозначения. Тем не менее, интересным представляются рассуждения М. А. Верхолетова относительно охраны прав на коммерческое обозначение в пределах территории, на которой он используется [7, с. 60]. Действительно, по определению коммерческое обозначение служит для индивидуализации товаров или производителя (продавца). Предоставляя охрану право на коммерческое обозначение исключительно в определенной территории, законодатель фактически ограничивает права правообладателя на использование коммерческого обозначения при выходе на новый территориальный рынок, на котором, возможно, уже появится продавец, применяющий аналогичное коммерческое обозначение. Использование ранее разработанного коммерческого обозначения другими продавцами может привести к тому, что потребителя будут введены в заблуждение относительно того, с кем именно они заключают договоры. Так, в недалеком прошлом при посещении Москвы гости из регионов стремились в известный продуктовый магазин «Елисеевский», богатый широким ассортиментом различных продуктов питания. Безусловно, использование такого наименования на других товарных рынках приведет к ошибочному суждению об открытии филиала или представительства в регионе тем самым магазином «Елисеевским».

Признаки коммерческого обозначения предложены Т. Г. Ключун: 1) коммерческое обозначение является средством индивидуализации предприятия как имущественного комплекса, 2) это обозначение, которое является, прежде всего, словесным, но при этом может включать в себя и изобразительные элементы, 3) признак новизны, 4) наличие достаточных различительных признаков, 5) известность в пределах определенной территории, 6) употребление правообладателем для индивидуализации предприятия (использование путем указания на вывесках, бланках и т.п.) [1, с. 9].

А. В. Полещенок предлагает следующие признаки коммерческого обозначения:

- 1) принадлежат юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям;
- 2) индивидуализируют предприятие как имущественный комплекс;
- 3) обладают признаками новизны и различительной способностью;
- 4) выражаются в словесных, изобразительных и др. формах;

5) имеют известность в пределах определенной территории в связи с использованием их предпринимателями на бланках, вывесках, счетах, в рекламе и т. д.;

6) не имеют регистрации в качестве маркетингового обозначения [8, с. 51].

Наряду с признаками коммерческого обозначения, О. А. Лупандина выделяет требования к коммерческому обозначению, ряд которых совпадает с перечисленными выше признаками [5, с. 506, 507]. Однако, указанный автор дополняет свой перечень такими требованиями как запрет на дублирование в коммерческом обозначении фирменного наименования и запрет на использование в коммерческом обозначении общеупотребительных названий товаров и услуг.

Все перечисленные принципы и признаки соответствуют также и товарному знаку. В этой связи возникает вопрос о различиях этих двух средств индивидуализации.

Согласно п. 1 ст. 1447 ГК РФ товарный знак – это обозначение, служащее для индивидуализации товаров, юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Права на товарный знак признаются исключительными и удостоверяются соответствующим свидетельством, выдаваемым Роспатентом.

Права на коммерческое обозначение регистрации не требуют. Право на использование коммерческого обозначения возникает с момента начала его использования. И в данной ситуации возникает вопрос, как зафиксировать момент начала использования коммерческого обозначения. Действие исключительного права на коммерческое обозначение прекращается, если правообладатель не использует обозначение более одного года.

Далее статья 1476 ГК РФ закрепляет возможность включения в коммерческое обозначение фирменного наименования или его отдельных элементов. Аналогичная ситуация и с товарным знаком: в товарный знак также могут быть включены полностью или часть фирменного наименования, что ещё больше приводит на мысль об отождествлении данных средств индивидуализации. В данном случае под отдельными элементами понимается указание полностью или части наименования юридического лица без указания его организационно-правовой формы.

Относительно субъектного состава – лиц, использующих товарный знак и/или коммерческое обозначение, отметим, что он абсолютно идентичен. Лица, использующие в своей деятельности коммерческое обозначение и/или товарный знак – это субъекты предпринимательской деятельности.

Одной из самых серьезных проблем, представляется проблема защиты прав на коммерческое обозначение. Приоритет дается лицу, у которого раньше возникло право на и использование коммерческого обозначения. На практике зачастую возникают вопросы как зафиксировать момент начала использования коммерческого обозначения. Учитывая, что коммерческое обозначение служит средством индивидуализации предприятия, то заказы на распространение рекламы с указанием названия предприятия, на изготовление вывесок и прочее будут служить началом исчисления срока использования такого коммерческого обозначения.

Вопрос регистрации прав на коммерческое обозначение требует дополнительных пояснений. Исходя из положений ст. 1538 ГК РФ коммерческие обозначения не являются фирменными наименованиями и не подлежат обязательному включению в учредительные документы и единый государственный реестр юридических лиц. Однако прямых норм, указывающих на обязательность регистрации коммерческого обозначения в ГК РФ не содержится. Согласно п. 1 ст. 1539 ГК РФ правообладателю принадлежит исключительное право использования коммерческого обозначения в качестве средства индивидуализации принадлежащего ему предприятия. В целях реализации данного права предполагается введение определенного реестра коммерческих обозначений

² Конвенция, учреждающая всемирную организацию интеллектуальной собственности (Подписана в Стокгольме 14 июля 1967 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

с указанием сведений о правообладателях, сферы и территории применения коммерческих обозначений. Следует отметить, что реестр товарных знаков находится в ведении ФИПС (Федеральный институт промышленной собственности), который служит определенным инструментом не только для защиты прав, но способствует информированию потенциального правообладателя о том, что права на подобное обозначение уже зарегистрированы. К сожалению, официального реестра коммерческих обозначений нет. Проблема отсутствия единого реестра состоит в том, что предприниматель, имеющий намерение использовать коммерческое обозначение в своей деятельности, либо зарегистрировать товарный знак не имеет возможности осуществить поиск используемых коммерческих обозначений, – отмечает Т. Л. Калачева [9, с. 39, 40]. Отсутствие такого реестра в итоге может привести к нарушению прав отдельных лиц, использующих коммерческие обозначения, и возникновению расходов у лиц, добросовестно зарегистрировавших товарный знак, имеющий сходство с коммерческим обозначением, права на использование которого возникли раньше регистрации товарного знака.

В сети интернет на сайте, размещенном по адресу: <http://www.reestrko.ru/>, размещен реестр российских коммерческих обозначений, позволяющий подтвердить время возникновения права на коммерческое обозначение. Данный реестр находится в ведении частного лица. Внесение сведений о коммерческих обозначениях осуществляется за плату. Относительно ведения такого реестра Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам опубликовано письмо от 30 января 2009 года № 10/37-68/23, которым фактически ведению данного реестра признано необоснованным³. В частности, в письме отмечается необоснованность выдачи свидетельств на коммерческие обозначения, выданные патентным поверенным Российской Федерации. Безусловно, наличие подобного реестра у частного лица не может служить интересам правообладателей. В качестве аргумента хотелось бы привести аналогию с реестром товарных знаков, ведение которого осуществляется на основании административного регламента, разработанного и утвержденного государственным органом⁴. Как показывает практика, тренд ведения реестра коммерческих обозначений подхватили иные организации. Так, Торгово-промышленная палата РФ предлагает свои услуги по внесению в «Добровольный Реестр коммерческих обозначений» сведений о коммерческом обозначении предпринимателя или юридического лица⁵.

В целом, представляется обоснованным введение подобного реестра, однако, возникает ряд вопросов по его функционированию. Например, подача сведений в данный реестр может быть актом недобросовестного поведения, когда правообладатель направил уже заявку на регистрацию товарного знака, либо находится на стадии ее оформления, а иное лицо, получившее доступ к такому обозначению, предпринимает все меры для закрепления прав на чужое обозначение,

в том числе путем направления в реестр коммерческих обозначений соответствующего заявления. Также не известно, в течение какого времени сведения о коммерческом обозначении сохранятся в данном реестре, учитывая, что право на коммерческое обозначение прекращается, если правообладатель в течение одного года не пользуется таким правом.

По мнению А. А. Светлоусова, целесообразнее регистрировать используемое обозначение в качестве товарного знака вместо внесения его в тот или иной реестр коммерческих обозначений [10, с. 223]. Такой вывод автор обосновывает тем, что в отличие от коммерческого обозначения товарный знак действует на всей территории Российской Федерации, и допустимым является использование тождественных коммерческих обозначений на разных территориях.

На практике часто возникают вопросы установления юридической связи между используемым коммерческим обозначением и его правообладателем, поскольку потребитель зачастую не осведомлен, какое именно юридическое лицо или индивидуальный предприниматель является продавцом, осуществляющим свою деятельность под тем или иным обозначением. Так, Комиссия Новосибирского УФАС России при рассмотрении заявления о нарушении обществом законодательства о конкуренции, установила факт регистрации обществом товарного знака, который является тождественным с коммерческим обозначением, используемым заявителем. В свою защиту общество сообщило, что у заявителя отсутствуют доказательства возникновения у него прав на обозначение. Однако комиссия ФАС опровергла данный аргумент, мотивируя тем, что средством индивидуализации юридического лица в силу ст. 1473 ГК РФ является его фирменное наименование. В свою очередь, коммерческое обозначение служит для индивидуализации торгового или промышленного предприятия, т.е. имущественного комплекса, используемого в предпринимательской деятельности, в рассматриваемом случае – спортивного магазина. Заявитель использовал для индивидуализации своего магазина графическое изображение с буквенным обозначением названия магазина на самой вывеске магазина (подтвердив права на магазин договором аренды), бланками организации, атрибутикой, в рекламе на сайтах в сети Интернет, а также в электронном периодическом издании «ДубльГис», с которым был заключен соответствующий договор⁶.

Относительно тождественности полной или частичной коммерческих обозначений и/или товарных знаков указано в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.07.2006 № 2979/06 и № 3691/06: угроза смешения имеет место, если один товарный знак воспринимается за другой или если потребитель понимает, что речь идет не об одном и том же товарном знаке, но полагает, что оба товарных знака принадлежат одному и тому же предприятию. Согласно Приказу Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482, обозначение считается тождественным с другим обозначением (товарным знаком), если оно совпадает с ним во всех элементах⁷. Обозначение считается сходным

3 Письмо Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам от 30 января 2009 года «О регистрации коммерческих обозначений». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

4 Административный регламент предоставления федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов, утвержден приказом Минэкономразвития России от 20 июля 2015 года № 483». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

5 Официальный сайт Торгово-промышленной палаты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uslugi.tpprf.ru/ru/services/32014/> (дата обращения: 01.06.2022).

6 Решение Новосибирского УФАС России от 22 мая 2012 года по делу № 06-01-63-14-11. Официальный сайта ФАС России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/>. (дата обращения: 01.06.2022).

7 Приказ Минэкономразвития России от 20 июля 2015 года № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот,

до степени смешения с другим обозначением (товарным знаком), если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия. В пункте 37 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утверждённого Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.09.2015, разъяснено о том, что при выявлении сходства до степени смешения обозначений учитывается общее впечатление, которое они производят в целом на среднего потребителя соответствующих товаров или услуг. Рассматривая спор между обладателем исключительного права на товарный знак и лицом, использующим схожее с товарным знаком коммерческое обозначение, Шестнадцатый Арбитражный Апелляционный Суд в своем постановлении указал, что спорное обозначение используется в разных видах деятельности – деятельность санаторно-курортных организаций (у истца) и деятельность по предоставлению прочих мест для временного проживания (у ответчика)⁸.

Некоторыми авторами затрагиваются вопросы использования коммерческих обозначений и товарных знаков в доменных именах. На основе проведенного анализа норм, регулирующих использование коммерческого обозначения, Г. А. Литвинов приходит к выводу о возможности использования коммерческого обозначения для регистрации доменного имени при условии передачи исключительного права на такое обозначение администратору домена по договору в составе предприятия, которое оно индивидуализирует, либо по договору коммерческой концессии [11, с. 123].

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что отличиями коммерческого обозначения от товарного знака является: 1) товарный знак служит для индивидуализации не только самого продавца (производителя), но и товара, а коммерческое обозначение – для индивидуализации предприятия как имущественного комплекса; 2) использование коммерческого обозначения в отличие от товарного знака не требует государственной регистрации либо внесения в какие-либо реестры; 3) действие товарного знака осуществляется на всей территории Российской Федерации, а коммерческого обозначения – лишь на определенной территории, в пределах которой правообладатель осуществляет свою предпринимательскую деятельность.

Кроме того, в целях охраны и защиты интересов обладателей исключительных прав на коммерческое обозначение или товарный знак представляется целесообразным введение единого реестра коммерческих обозначений.

Постатейный библиографический список

1. Ключун Т. Г. Исключительное право на коммерческое обозначение в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2007. 30 с.
2. Ожева З. Р. Исключительные права на коммерческое обозначение в предпринимательском праве Российской Федерации: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03; [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГУ)]. М., 2013. 142 с.
3. Белова Д. А. Правовая охрана фирменных наименований и коммерческих обозначений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2004. - 28 с.

4. Шишкин Д. А. Гражданско-правовые формы использования фирменных наименований и коммерческих обозначений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Ростов-на-Дону, 2010. 24 с.
5. Лупандина О. А. Особенности регулирования коммерческого обозначения // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: Материалы XXI национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 16-18 апреля 2020 года. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2020. С. 506-509. EDN YDLVBF.
6. Коростелев Д. В., Тарасов Ю. А. Объекты интеллектуальной собственности как средства индивидуализации юридического лица // Проблемы развития современного общества: Сборник научных статей 7-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 5-ти томах, Курск, 20–21 января 2022 года / Под редакцией В. М. Кузьминой. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 301-305. EDN ZXSWJC.
7. Верхолётов М. А. О новых возможностях правового регулирования коммерческих обозначений // Марийский юридический вестник. 2016. № 2 (17). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-novyh-vozmozhnostyah-pravovogo-regulirovaniya-kommercheskih-oboznacheniy> (дата обращения: 13.06.2022).
8. Полещенок А. В. Понятие коммерческого обозначения // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2009. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kommercheskogo-oboznacheniya> (дата обращения: 13.06.2022).
9. Калачева Т. Л. Коммерческие обозначения и фирменные наименования в гражданском кодексе Российской Федерации // Актуальные вопросы юридической науки и практики в современном мире: материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 18 июня 2020 года. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2020. С. 38-42. EDN MTCLQE.
10. Светлорусов А. А. Правовое значение реестров коммерческих обозначений в Российской Федерации // Сборник трудов IX Конгресса молодых ученых, Санкт-Петербург, 15–18 апреля 2020 года. СПб.: Университет ИТМО: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», 2021. С. 221-223. EDN MKGNTS.
11. Литвинов Г. А. Правовые аспекты защиты использования средств индивидуализации участников гражданского оборота в сети интернет // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 6-4 (74). С. 121-125. EDN DNSSGT.

Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак) (далее – Правила). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

8 Постановление Шестнадцатого Арбитражного Апелляционного Суда от 14.10.2021 по делу № А63-1241/2021. Высший Арбитражный Суд РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.06.2022).

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИС

В данной статье рассматривается проблема гражданско-правового сопровождения лиц, отбывающих уголовные наказания, которые являются субъектами совершения имущественных и личных неимущественных отношений, и которые по причине совершения криминальных деяний на данной почве, оказались в местах лишения свободы. В статье рассматриваются примеры подобного сопровождения, дается примерное содержание проведения необходимой работы, направленной в конечном итоге на профилактику совершения повторных преступлений в этой сфере и приобщение данной категории граждан к организации правопослушной жизнедеятельности в гражданском обществе.

Ключевые слова: гражданско-правовое законодательство, право гражданина, сопровождение, трудовой договор, социальная поддержка, осужденные, уголовно-исполнительная система.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

CIVIL AND LEGAL SUPPORT OF CERTAIN AREAS IN THE ACTIVITIES OF THE PES

This article deals with the problem of civil legal support of persons serving criminal sentences who are subjects of property and personal non-property relations and who, due to the commission of criminal acts on this ground, ended up in places of deprivation of liberty. The article discusses examples of such support, provides an approximate content of the necessary work aimed ultimately at preventing the commission of repeated crimes in this area and introducing this category of citizens to the organization of law-abiding life in civil society.

Keywords: civil law, citizen's right, support, employment contract, social support, convicts, penal enforcement system.

Ананьева Е. О

Ивлиев П. В.

Современная практика исполнения уголовных наказаний в России подвергается кардинальным изменениям. Этому способствуют законодательные новации, касающиеся условий отбывания наказаний в отношении осужденных, как в виде лишения свободы, так и без изоляции от общества. Подтверждением этому является то, что в ИУ увеличено количество денежных средств, разрешенных к ежемесячному расходованию осужденным на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости; пересмотрены нормативы жилой площади ИУ в расчете на одного человека с учетом пола, возраста и других особенностей; решены вопросы применения социального страхования и пенсионного обеспечения лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы; расширены возможности получения помощи из внешнего мира лицами, лишенными свободы, за счет использования их личных денежных средств: это услуги адвокатов, нотариусов, врачей. Однако, Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года указывает на отдельные вопросы и проблемы, требующие своего дальнейшего решения. В частности, в ней говорится, что «лица,

освободившиеся из мест лишения свободы, не адаптированы к жизни в гражданском обществе». Хотя сделанная формулировка реально лишь частично отражает имеющееся положение вещей, но в связи с необходимостью обострить внимание соответствующих структур к проблеме, она представлена именно в таком виде. Если перечислить минимальные требования, касающиеся того, какого человека считать адаптированным к жизни в гражданском обществе, то они, прежде всего, будут заключаться в следовании каждым лицом общепринятым правилам проживания, установленным в нем. Заметим, что в представленном в Концепции развития УИС тезисе, безапелляционно делается вывод о неадаптированности лиц, освободившихся из мест лишения свободы, к жизни в гражданском обществе. Сотрудниками УИС данный тезис, безусловно, может восприниматься даже, как обвинение в недоработке по адаптации к условиям свободы лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Уголовно-исполнительное законодательство (п. 2. ст. 1 УИК РФ) провозглашает, что его задачами является наряду с другими и «оказание помощи осужденным в социальной

адаптации». Эта норма означает, что должна быть оказана помощь в социальной адаптации именно осужденным, которые находятся в исправительных учреждениях, а не с адаптацией к жизни в обществе лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. В ст. 180 п. 2 УИК РФ записано, что «с осужденным проводится воспитательная работа в целях подготовки его к освобождению, осужденному разъясняются его права и обязанности» [1, с. 130]. Отсюда следует, что проводимая воспитательная работа по подготовке к освобождению должна быть направлена в совокупности реализуемых направлений и на адаптацию освобождающегося человека к жизни в гражданском обществе, т.е., в сущности, речь идет и о гражданско-правовом сопровождении этого процесса. После прохождения первичного этапа социализации (допрофессиональный уровень) человек должен предстать перед обществом, как лицо, усвоившее правила проживания в нем, затем получить профессию, решить вопрос трудоустройства, чтобы обеспечить себя источником существования, позаботиться о жилище, создании семьи, совершенствовании в профессии, собственном развитии в системе деловых, общественных, имущественных и личных неимущественных отношений. Отсутствие или нарушение всех перечисленных элементов, связанных с гражданско-правовым положением человека и предопределило (как результат) отсутствие у него адаптированности и наступление конфликта с законом. А у части из указанных категорий лиц, результатом стало пребывание в местах лишения свободы.

Располагают ли современные исправительные учреждения возможностями, чтобы, применяя гражданско-правовое сопровождение оступившихся лиц, оказывать им помощь в социальной реабилитации? Наука и практика свидетельствуют, что в большинстве случаев возможен положительный исход применения гражданско-правового сопровождения лиц, допустивших факты социального срыва.

Что же из себя может представлять это гражданско-правовое сопровождение? Оно может представлять – участие субъектов оказания помощи осужденным в совместном совершении правомерных действий, направленных на осознание допущенных ошибок имущественного и личного неимущественного характера, усвоение знаний, умений и навыков организации своей жизнедеятельности, обретения опыта совершения всех необходимых действий, связанных с построением социально-одобряемых гражданско-правовых отношений, необходимых для проживания человека в обществе. Все участники уголовного судопроизводства и далее отношений в сфере исполнения уголовных наказаний прекрасно понимают, что значительная часть лиц, оказавшихся в местах лишения свободы – это результат неправомерного их поведения в том числе и в сфере гражданско-правовых отношений.

Какие формы гражданско-правового сопровождения возможны к использованию в условиях мест лишения свободы к человеку, оказавшемуся там не случайно? Для активной подготовки к проживанию в гражданском обществе лиц, освобождающихся из мест лишения свободы необходимо использовать применение программ исправления и ресоциализации. Формами, вносимыми в указанные программы, для обеспечения гражданско-правового сопровождения лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, могут быть: создание условий для пользования электронно-информационными системами, позволяющими гражданам совершать необходимые действия для решения экономических вопросов; обучение планированию и организации жизнедеятельности, информирование, оказание помощи в совершении и

расторжении сделок, изучение порядка обращения в судебные инстанции за защитой своих имущественных и неимущественных прав, исключающих применение насилия, самосуда и совершение преступлений. Сюда же следует вводить все формы гражданско-правового консультирования, проведение приемов по личным вопросам, разрешения писем, жалоб и заявлений. Важно учитывать в ходе организации и обеспечении гражданско-правового сопровождения, что особенно «болезненными» для лиц, лишенных свободы будут также вопросы, которые связаны с получением источника жизнедеятельности; стоимостью продуктов питания и предметов первой необходимости; ведением трудовой либо предпринимательской деятельности; содержанием жилья; реализацией прав потребителя; стоимостью услуг, связанных с обращениями в суды; возмущениями размерами пенсионного обеспечения и получения других выплат (социальных гарантий и льгот); получения социальной помощи из государственных социальных учреждений в ситуациях отсутствия возможностей ее получения из других источников.

Необходимость гражданско-правового сопровождения лиц, отбывающих наказания просматривается и в сфере исполнения альтернативных видов наказаний. Новые меры уголовно-правового характера и отдельных наказаний без изоляции от общества вообще потребовали измененного правового регулирования привлечения осужденных к труду. Не простыми были вопросы страховки лиц, отбывающих наказания и выполняющих трудовые обязанности на оплачиваемой работе от несчастных случаев на производстве, которые должны быть предусмотрены нормами уголовно-исполнительного, гражданского и трудового законодательства. В соответствии со ст. 103 УИК РФ каждый осужденный обязан трудиться в тех местах и на таких работах, которые будут определены администрацией исправительных учреждений. Вопрос прав и обязанностей осужденных, привлекаемых принудительно к труду, должен быть решен национальными законодательными средствами на основе норм международного права. Он решен ст. 4 Трудового кодекса РФ, где закреплено правило, что не является принудительным труд, который назначен приговором суда. Указанную обязанность мы можем встретить и в качестве дополнительного наказания, назначенного судом для лиц, не исполняющих условия отбывания отдельных видов наказаний.

Однако, исполнение подобной обязанности и контроль за этим ложится на плечи не только осужденного, но и сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы и администрации тех организаций, в которых будут работать граждане. Если говорить о наказаниях без изоляции от общества, то трудоустройство осужденных происходит следующим образом. Например, при трудоустройстве осужденного к исправительным работам стоит обратить внимание на определенные нюансы [2]. Закон предусматривает возможность заключения как срочного, так и бессрочного трудового договора. Часто работодатель при приеме на работу осужденного к исправительным работам в трудовом договоре указывает окончательный срок, то есть предварительную рассчитанную дату истечения срока наказания. Это неверно. В соответствии с нормами трудового и уголовно-исполнительного права организация и одновременно сотрудники уголовно-исполнительных инспекций должны учитывать, что в соответствии с приговором суда из заработной платы осужденных должны производиться удержания в доход государства. Отсюда, бессрочные договоры сразу можно исключить из возможных для заключения. С другой стороны, не всегда

сроки исполнения данного вида наказания согласно приговору суда будут с ним совпадать. Ведь за нарушения, как трудовой дисциплины, так и иных условий отбывания наказания, срок может быть продлен в соответствии с ч. 1 ст. 42 УИК РФ. Поэтому при заключении трудового договора следует учесть эту особенность и указывать его окончание фразой, например, до окончания срока исправительных работ. Только не всегда такие категории граждан вновь трудоустраиваются. Многие из них уже работают на каких-либо предприятиях и производствах. В этом случае наказание отбывается по месту работы осужденного. Действующее трудовое законодательство предоставляет право администрации предприятия заключать при наличии основного трудового договора дополнительные соглашения. Это предусмотрено ст.ст. 57, 72, 107 ТК РФ. Именно в этом соглашении стоит указать об удержаниях из заработной платы в пользу государства, а также изменениях, связанных с начислением дней ежегодного оплачиваемого отпуска, так как тот не может превышать 18 рабочих дней и должен быть согласован с уголовно-исполнительной инспекцией.

В отличие от исправительных работ, осужденные к принудительным работам привлекаются к труду с изъятием правил приема на работу, перевода на иные виды работ, предоставления отпусков и увольнений. Однако, ст. 60.8 УИК РФ говорит о том, что все же правила трудоустройства применяются к такой категории граждан. Это значит, что момент, связанный со страхованием от несчастных случаев на производстве и социальными выплатами будет учитываться. Прием на работу все же осуществляется с оформлением трудового договора. А уже на его основании возможно издание приказов о приеме на работу [3]. В настоящее время не в полном объеме урегулированы вопросы привлечения к труду отдельных категорий лиц, к которым применены наказания альтернативного характера. С ними не заключаются трудовые договоры, они не включаются в штат сотрудников (работников), а запись в трудовую книжку в соответствии с таким положением им не вносятся.

Сегодня действующее законодательство допускает заключение гражданско-правовых договоров, и отдельные граждане в соответствии с таким положением могли бы заключать такие соглашения. Современные нормы права внесли свои коррективы и в наследственные возможности каждого гражданина в России. Однако, что касается лиц, находящихся в местах лишения свободы, то они не могут в полной мере воспользоваться ими. Так, для заключения наследственного договора в России следует обратиться к нотариусу. Иные формы составления договора приведут к его недействительности. В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 1127 ГК РФ завещания лиц, находящихся в местах лишения свободы, заверяет начальник учреждения. Таким образом, норма достаточно противоречива. Если говорить о наследственном договоре, то кроме нотариуса потребуются наследники, которых осужденный-наследодатель должен оповестить об условиях наследственного договора.

Таким образом, мы видим, что на протяжении исполнения различных видов уголовных наказаний, действия и деятельность сотрудников УИС, осужденных и третьих лиц сопровождается нормами отраслей законодательства, не относящихся к уголовно-правовой сфере. Только их применение связано с отдельными ограничениями ввиду наличия приговоров суда. Хотелось бы иметь возможность отдельного усовершенствования применения данных норм, примеры которых были рассмотрены в работе. Это касается в первую

очередь вопросов заключения трудовых договоров, страхования, формирования пенсионных баллов. Гражданско-правовое сопровождение лиц, отбывающих уголовные наказания, в комплексе применяемых исправительных мер способно играть позитивную роль в решении вопросов адаптированности освобождающихся от наказаний граждан и их законопослушного проживания в гражданском обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Кириллова Т. В., Кириллова О. В., Коряшева С. Е., Холопова Е. Ю., Кузнецов М. И., Лузгин С. А., Коноплин Н. Ю., Ананьева Е. О., Иванова Е. К., Чемеринова И. А., Шубникова Е. Г. Воспитательная работа: новые направления, методы, пути развития. Коллективная монография. Ульяновск, 2018.
2. Ананьева Е. О. Гражданско-правовая ответственность лиц, осужденных к уголовным наказаниям: проблемы исполнения решений судов // В сборнике: Преступление, Наказание, Исправление. Сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международного пенитенциарного форума: (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т. 2019. С. 177-181.
3. Памятка для работодателей «Особенности регулирования труда осужденных к принудительным работам». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://muob.ru/aktualno/news/novosti-poseleniy/1237120.html> (дата обращения: 12.08.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-201-203

БЫЧКО Марина Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, заведующая базовой кафедрой юридического сопровождения бизнеса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

САВЧЕНКО Оксана Николаевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

«НЕДОПУСТИМЫЕ УСЛОВИЯ» И «НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ УСЛОВИЯ» В ДОГОВОРАХ С ПОТРЕБИТЕЛЯМИ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Реформирование потребительского законодательства в области уточнения недопустимых условий потребительских договоров, ущемляющих права потребителей, является актуальным и продиктовано целесообразностью введения дополнительных гарантий для потребителя как слабой стороны договора. Основываясь на международном опыте и опыте зарубежных стран, внесены изменения в ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей», которые вступили в силу с 1.09.2022 года. Авторы обращают внимание на отсутствие терминологического единообразия при формулировке названия статьи 16 Закона РФ «О защите прав потребителей». Использованная российским законодателем новая дефиниция «недопустимые условия», совпадает по сущности с широко применяемой в отечественной судебной практике, цивилистической доктрине и международном законодательстве дефиницией «несправедливые условия договора».

Ключевые слова: потребитель, недопустимые условия договора, несправедливые условия договора, недействительность договора.

BYCHKO Marina Alexeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Head of the Basic department of legal support of business of the Institute of Law of the North-Caucasian Federal University

SAVCHENKO Oxana Nikolaevna

senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North-Caucasian Federal University

“UNACCEPTABLE CONDITIONS” AND “UNFAIR CONDITIONS” IN CONTRACTS WITH CONSUMERS: THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS

The reform of consumer legislation in the field of clarifying unacceptable conditions of consumer contracts that infringe on consumer rights is relevant and dictated by the expediency of introducing additional guarantees for the consumer as a weak party to the contract. Based on international experience and the experience of foreign countries, amended Article 16 of the Law of the Russian Federation “On Consumer Protection”, which came into force on 1.09.2022. The authors draw attention to the lack of terminological uniformity in the formulation of the title of Article 16 of the Law of the Russian Federation “On Consumer Protection”. The new definition of “unacceptable conditions” used by the Russian legislator coincides in essence with the definition of “unfair contract terms” widely used in domestic judicial practice, civil doctrine and international legislation.

Keywords: the consumer, unacceptable terms of the contract, unfair terms of the contract, invalidity of the contract.

Федеральным законом от 1 мая 2022 г. № 135-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»¹ с 1 сентября 2022 г. введена в действие новая редакция статьи 16 Закона РФ «О защите прав потребителей»² (далее – Закон «О ЗПП»), получившая по сравнению с прежней редакцией, не только достаточно объемное содержание, но и обновленное название. Ранее статья именовалась «Недействительность условий договора, ущемляющих права потребителя». В первоначальной редак-

1 Федеральный закон от 01.05.2022 № 135-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 02.05.2022. № 18. ст. 3021.

2 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. - № 3. - ст. 140.

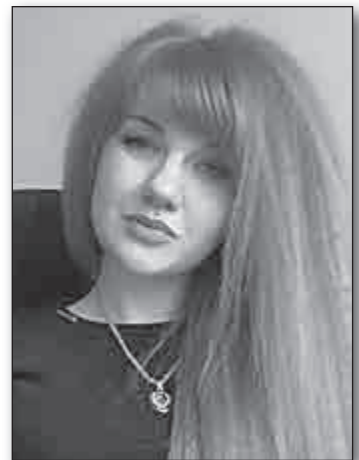
ции Закона «О ЗПП» (1992 г) норма была закреплена в статье 14 Закона, с 2004 года в статье 16 Закона, а ее содержание не подвергалось существенной корректировке на протяжении 30 лет.

Российский законодатель не использовал общепринятую в зарубежной и международной практике дефиницию «несправедливые условия договора», несмотря на то, что уже в 1993 году это понятие было введено в оборот Директивой № 93/13/ЕЭС Совета Европейских сообществ «О несправедливых условиях в договорах с потребителями»³ (далее – Ди-

3 Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12 (дата обращения: 08.09.2022).

Бычко М. А.

Савченко О. Н.

ректива № 93/13/ЕЭС). В указанном акте несправедливыми условиями считаются условия, не подвергшиеся индивидуальному обсуждению между контрагентами, если они нарушают требования добросовестности и вызывают значительное несоответствие в правах и обязанностях сторон в ущерб интересам потребителя. Национальные законодательства Германии, Франции, Бразилии также оперируют понятием «несправедливые условия договоров с потребителями». Российская доктрина и судебная практика широко использует понятие «несправедливые условия договора». Исследователи называют его оценочной категорией [4], при этом в ряде случаев оперируют разными терминами. Так, М. В. Кратенко, использует формулировку «несправедливые условия» [2], а С. В. Румянцев – «недобросовестные условия» [7]. Ю. Б. Фогельсон полагает, что в полной мере суть правового явления можно выразить в формулировке «несправедливые (недобросовестные) условия договора» [8]. При этом автор не считает их синонимами. Несмотря на отличающееся название указанных категорий, смысл придается единый, а именно «несправедливые условия - это такие договорные условия, содержание которых существенно нарушает баланс интересов сторон в ущерб одному из контрагентов» [4]. Выделяя признаки несправедливых условий, исследователи основываются на зарубежных и международных актах, в том числе на Директиве № 93/13/ЕЭС. Учитывая зарубежный опыт, цивилистическую доктрину и судебную практику, на наш взгляд, логично было бы включить в наименование статьи 16 Закона «О ЗПП» формулировку «несправедливые условия». Также нельзя полностью отвергать обоснованность использования дефиниции «недобросовестные условия». Отталкиваясь от легально введенного в 2013 году в российское гражданское законодательство принципа добросовестности, который по мнению О. И. Мягковой является выражением принципа справедливости [4], использование формулировки «недобросовестные условия» максимально отражали бы суть статьи 16 Закона «О ЗПП». При этом акцентируем внимание, что понятие «недобросовестные условия» не нашло закрепления в российском законодательстве.

Полагаем, что первоначальное название статьи 16 Закона «О ЗПП», введенное в 2004 году было неудачным, вводящим в заблуждение относительно последствий признания условий, ущемляющих права потребителей, недействительными. Название и сущность статьи требовали ответа на вопрос: о ничтожности или оспоримости условий идет речь? Закон РФ «О ЗПП» не давал ответ на этот вопрос. Его решение следовало строить на анализе нормы ст. 168 ГК РФ⁴. Важно отметить, что позиция законодателя при ответе на этот вопрос неоднократно менялась. Так, до 1 сентября 2014 г., а именно до вступления в силу изменений в ст. 168 ГК РФ слабая сторона, в нашем случае потребитель, могла настаивать на признании этих условий ничтожными. Это подтверждалось и примерами судебной практики. После внесения изменений в ст. 168 ГК РФ была введена презумпция оспоримости этих условий, что намного усложняло процесс защиты потребителями своих прав. Доказать оспоримость сделки потребителю было сложнее, кроме того, срок исковой давности по оспоримым сделкам составляет 1 год, в отличие от 3 лет для ничтожных сделок. Вступившая в силу с 1 сентября 2022 г. редакция ст. 16 Закона «О ЗПП» четко закрепила, что «не-

допустимые условия договора, ущемляющие права потребителя, ничтожны». Но при этом законодатель ввел новую для российского законодательства дефиницию – «недопустимые условия договора, ущемляющие права потребителей», дав ей очень широкое толкование – «условия, которые нарушают правила, установленные международными договорами Российской Федерации, настоящим Законом, законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей»⁵.

Несмотря на то, что российский законодатель не использовал термин «несправедливые условия договоров» он последовал примеру Директивы № 93/13/ЕЭС, которая содержит перечисление условий, отнесенных к несправедливым, и, в свою очередь, включил в п. 2 статьи 16 Закона «О ЗПП» подобное перечисление.

Важно отметить, что проработка условий, ущемляющих права потребителей, с целью закрепить их на законодательном уровне в России началась в 2019 году в ходе подготовки проекта федерального закона «О внесении изменений в ст. 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». В государственном докладе Роспотребнадзора за 2021 г.» было отмечено, что при разработке проекта «была проанализирована и учтена зарубежная регуляторная практика в соответствующей сфере, подходы, сформированные в рекомендациях ОЭСР, а также российская правоприменительная практика» [1].

Полагаем возможным вести речь об «имплементации решений судебных органов» в потребительское законодательство относительно внесенных изменений в статью 16 Закона «О ЗПП».

Несмотря на то, что, по мнению ряда исследователей, [3] понятие имплементации введено не так давно в научный оборот, использовалось преимущественно в международном праве, а сама доктрина имплементации судебных решений нова для юридической науки, целостное представление о которой еще предстоит создать, факты имплементации, на наш взгляд, прослеживаются в современном потребительском законодательстве.

В Пояснительной записке к проекту ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Закона РФ «О защите прав потребителей», подготовленной Комитетом Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, была включена аргументация необходимости расшифровки условий, ущемляющих права потребителей, а именно: не уменьшается количество нарушений прав потребителей, связанных с включением в потребительские договоры таких условий. В договоры с потребителями их экономически более сильные контрагенты продолжают включать условия, которые неоднократно судами признавались недопустимыми. Приводятся наиболее показательные судебные решения относительно практически каждого, внесенного в статью 16 Закона «О ЗПП» условия. Так, например, суды неоднократно указывали на недействительность такого условия в потребительском договоре, как право на односторонний отказ или одностороннее изменение условий договора с потребителем. Например, признание недействительным условия абонентского договора об оказании услуг связи, предусматривающее право одностороннего изменения условий договора; право на отказ от

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Парламентская газета. - № 224. - 28.11.2001.

5 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» //Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. - № 3. - ст. 140.

посещения клуба любому лицу, без объяснения причин и др.[5].

На практике широко распространено включение в договор с потребителем условий, исключающих или ограничивающих ответственность продавцов и иных контрагентов потребителей. В качестве наглядного примера можно привести рассмотренное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации гражданское дело по иску Медведева Юрия Петровича к обществу с ограниченной ответственностью «Дельта-Челябинск 1» о защите прав потребителя [6]. Сторонами был заключен договор на оказание услуг по охране гаражного бокса, с включением в него следующего условия: «за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по договору, повлекшее причинение реального ущерба имуществу заказчика, исполнитель несет ответственность в размере прямого реального ущерба, но не более 20 000 руб.». Договор был исполнен ненадлежащим образом, в результате чего ущерб потребителя составил 700 тыс. рублей (были похищены снегоболотоходы). Дело было рассмотрено в трех инстанциях, ни районный суд, ни апелляционный, ни кассационный не признал указанное условие договора, ущемляющим права потребителей. Только Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда пришла к такому выводу. Это подтверждает факт необходимости прямого законодательного закрепления условий, ущемляющих права потребителей. Не только контрагент потребителя, включающий подобные условия в потребительские договоры не осознает недобросовестность своего поведения, но и правоприменитель не имеет однозначного видения правовых последствий включения в договор таких условий.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что российскому законодателю не свойственно терминологическое единообразие в исследуемой сфере. Введенная в силу федеральным законом от 1 мая 2022 г. № 135-ФЗ дефиниция «недопустимые условия договора» по своему содержанию совпадает с дефиницией «несправедливые условия договора». Полагаем, что целесообразнее было бы использовать именно эту формулировку: она широко применяется в судебной практике, неоднократно подвергалась анализу в доктрине, законодательно закреплена в международном потребительском законодательстве.

Включение пунктов 2 и 3 в статью 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» в редакции ФЗ - № 135 является примером имплементации решений судебных органов в законодательство, проявлением возможности учитывать правотворческие и правоприменительные нюансы, избегать крайности, формировать единую государственную позицию. Процесс имплементации судебных решений в законодательные акты позволяет улучшить законопроектную деятельность. Полагаем, что закрепление на уровне закона перечня недопустимых условий договора, ущемляющих права потребителей, будет иметь положительный эффект и позволит снизить количество злоупотреблений правом со стороны экономически более сильного субъекта потребительских правоотношений, а также позволит наглядно продемонстрировать потребителю-непрофессионалу те условия, которые не должны быть включены в потребительский договор и заведомо являются ничтожными. Информирование потребителей об этих условиях в рамках реализации права потребителей на просвещение, прочтение закона продавцами, исполнителями, владельцами агрегатора, невозможность и далее рассчитывать на судебское усмотрение по этому вопросу, окажет превен-

тивное воздействие на участников потребительского рынка и позволит снизить количество нарушений в этой сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2021 году: Государственный доклад. – М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. - М., 2021. - 340 с.
2. Кратенко М. В. Несправедливые условия в договорах с потребителями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kmcon.ru/main/articles/jurist12/jurist12_3058.html.
3. Лазарев В. В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // Журнал российского права. - 2019.- № 7 - С. 5-16.
4. Мягкова О. И. Несправедливые условия договора в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - М., 2019. - 224 с.
5. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184356-7> (дата обращения: 08.09.2022).
6. Решение № 2-1081/2020 2-143/2021 2-143/2021(2-1081/2020;)-М-1063/2020 М-1063/2020 от 11 марта 2021 г. по делу № 2-1081/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/prYJYWBZTG5j/> (дата обращения 08.09.2022).
7. Румянцев С. Недобросовестные условия в банковских договорах с потребителями // Хозяйство и право. -2014. - № 1. - С. 70-85.
8. Фогельсон Ю. Б. Несправедливые (недобросовестные) условия договоров // Хозяйство и право. -2010. - № 10. - С. 29-55.

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ЦИБУЛЬСКАЯ Галина Зиновьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры тылового обеспечения Академии ФСИН России

КУПЛЯ-ПРОДАЖА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ НЕДВИЖИМОСТИ: ОСОБЕННОСТИ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Недвижимость была и остаётся одним из основных материальных социальных благ, постоянно привлекающее к себе внимание, провоцирующая субъектов гражданско-правовых отношений на совершение действий, направленных на получение недвижимости в собственность. В нашей стране вопросы, касающиеся купли-продажи недвижимости не теряют своей актуальности. Именно поэтому рынок недвижимости столь сильно наполнен денежным эквивалентом. В статье рассматриваются особенности договора купли-продажи отдельных видов недвижимости, анализируются фундаментальные аспекты реализации договора, раскрывается его значимость в условиях современной правовой действительности. Актуализируется важность дальнейшего использования и развития сферы купли-продажи недвижимости в контексте динамичного роста рыночной экономики.

Ключевые слова: недвижимость, купля-продажа, разновидности недвижимости, особенности недвижимого имущества, рынок недвижимости.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

TSIBULSKAYA Galina Zinovjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Logistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

PURCHASE AND SALE OF CERTAIN TYPES OF REAL ESTATE: FEATURES AND REALIZATION

Real estate has been and remains one of the main material social benefits, constantly attracting attention, provoking subjects of civil law relations to take actions aimed at obtaining real estate in ownership. In our country, issues related to the purchase and sale of real estate do not lose their relevance. That is why the real estate market is so heavily filled with cash equivalents. The article discusses the features of the contract for the sale of certain types of real estate, analyzes the fundamental aspects of the implementation of the contract, reveals its significance in the conditions of modern legal reality. The importance of further use and development of the sphere of sale and purchase of real estate in the context of the dynamic growth of a market economy is being updated.

Keywords: real estate, sale and purchase, types of real estate, features of real estate, real estate market.

Общественные отношения, складывающиеся вокруг использования недвижимости, составляют основу и базис современной экономической системы. Недвижимость используется гражданами не только для удовлетворения потребности в жилище, но и для извлечения прибыли посредством её реализации под различные нужды – проживание, коммерческую или производственную деятельность. Категория недвижимого имущества особо выделена законодателем с целью отражения специфики отношений, складывающихся вокруг объектов недвижимости существуют обособлено от отношений, складывающихся вокруг них. Они имеют материальное, физическое выражение, юридическое, документальное подтверждение и, в случае отсутствия каких-либо ограничений, могут свободно отчуждаться, передаваться, использоваться между субъектами правоотношений.

По ряду объективных причин, применительно к отечественной правовой действительности, основным видом сделок с недвижимостью является купля-продажа. Ежедневно в Российской Федерации совершается огромное количество сделок с недвижимостью между физическими, юридическими лицами, государственными и муниципальными органами и иными субъектами гражданского права, при этом подавляющее большинство подобных сделок составляют до-

говоры купли-продажи. В связи с этим, законодатель, признавая важность и значимость сделок с недвижимостью, закрепляет за ней специальный правовой статус и стремится максимально детально и обстоятельно обеспечить эффективное нормативное правовое регулирование. Современный рынок недвижимости отличается существенным многообразием. Рыночные отношения обуславливают различные виды недвижимости, которые, являясь объектами гражданских прав, участвуют в товарном обороте и пользуются спросом среди субъектов. Как правило, деление недвижимости по видам осуществляется на основании целевого назначения. Из этого формируются и присущие конкретным видам особенности купли-продажи. Наша задача – рассмотреть наиболее интересные из них.

Для начала обратимся к рассмотрению купли-продажи предприятия. Первой особенностью является то, что предприятие продаётся как целый, единый имущественный комплекс, включающий в себя земельный участок, здания, сооружения, оборудование, инфраструктуру, сырьё, производимую продукцию и иные вещи, которые используются для осуществления деятельности предприятия [2, с. 372]. Кроме того, в продажу предприятия входят долги, права требования, права на средства индивидуализации, права на производимую продукцию, работу, услуги. Другими слова-

Курбатова Г. В.

Цибульская Г. З.

ми, приобретая предприятие, покупатель становится собственником не только его самого в физическом выражении, но и перенимает на себя права собственника по юридическим составляющим. Другой не менее важной особенностью является то, что к договору купли-продажи предприятия, обязательно оформленному в письменном виде, прилагается ряд важнейших документов, среди которых: заключение независимого аудита о составе и стоимости предприятия, акт инвентаризации, справка о бухгалтерском балансе, перечень долгов (обязательств) предприятия и кредиторов (при их наличии). Не стоит забывать, что продавец обязан уведомить кредиторов предприятия о его продаже и передаче в собственность другого лица в письменном виде до момента передачи. Если эта обязанность не будет исполнена, кредиторы в течение года с момента получения известия о продаже предприятия вправе предъявить иск об удовлетворении своих требований. Еще одна особенность – обязательное наличие в договоре купли-продажи предприятия его стоимости и состава. Если условие о цене в договоре будет отсутствовать, то он будет считаться незаключенным. Передача предприятия осуществляется посредством передаточного акта, который, по общему правилу, обязан подготовить продавец. В передаточном акте содержатся все сведения о составе передаваемого имущества, данные о его недостатках, а также сведения, подтверждающие факт уведомления кредиторов. Как только стороны подписывают передаточный акт, предприятие считается переданным. С этого момента на покупателя переходит риск случайной гибели или повреждения переданного имущества, а также ложится обязанность по прохождению процедуры государственной регистрации. Важно помнить, что в рамках указанной процедуры регистрируется сам факт сделки и переход прав на предприятие, а не отдельные объекты недвижимости, которые входят в его состав. Поэтому местом регистрации предприятия является его местонахождение как юридического лица, а не местонахождение его составных частей.

Земельные участки в соответствии с действующим законодательством также признаются объектами недвижимости. Их специфика в том, что отношения, складывающиеся вокруг земельных участков, регулируются не только гражданским правом, но и земельным. В настоящий момент существуют два способа продажи земельных участков: приобретение их на торгах посредством предоставления из государственной или муниципальной собственности и приобретение посредством обычной сделки, когда частное лицо, владевшее земельным участком ранее, продаёт его другому лицу. Одна из особенностей в том, что земельные участки, которые в установленном порядке не прошли государственный кадастровый учет, не могут являться объектом купли-продажи. Для продажи земельных участков также обязательна письменная форма договора. Кроме этого, в числе обязанностей продавца выделяется предоставление покупателю всей полноты информации относительно обременений земельного участка, ограничений по его использованию. Другими словами, продавец обязан гарантировать, что земельный участок свободен от чьих-либо прав, не обещан в дарение, не находится в залоге, не обременён запретом. Если будет установлено, что покупатель земельного участка не получил всей полноты достоверной юридически важной информации о нём, он вправе требовать расторжения договора и возмещения убытков. Отдельного внимания заслуживает процедура установления стоимости земельного участка, которая может быть рыночной и кадастровой. Первая определяется оценщиками. Следует помнить, что если объектом сделки является земельный участок, который полностью или частично является государственной или муниципальной собственностью, то проведение подобной оценки обязательно [1, с. 924]. Чтобы установить кадастровую стоимость, необходимо провести государственную кадастровую оценку. Если рыночная стоимость земли уже была определена, то её кадастровая стоимость устанавливается в процентах от рыночной. Кадастровая оценка должна проводиться не реже одного раза в пять лет и не чаще одного раза в три года. Также отметим, что если земельный участок продаётся в кредит или в рассрочку, то до тех пор, пока покупателем не будет выплачена его полная стоимость, он находится в залоге у продавца.

Особым спросом на рынке недвижимости пользуются жилые помещения. Это легко объяснимо тем, что каждому человеку необходимо жилище, поэтому многие стремятся приобрести его именно в собственность, чтобы сократить расходы на арендную плату и увереннее осуществлять жиз-

недеятельность, создавать семью и воспитывать детей. Ежедневно на территории нашей страны продаются и покупаются сотни тысяч жилых помещений, а суммарная стоимость указанных сделок превышает многомиллионные показатели. Заключая договор, стороны обязаны зафиксировать в нём существенные условия, такие, как предмет и стоимость. В договоре должно быть чётко определено, какое именно жилое помещение продаётся, указана его общая и жилая площадь, фактический адрес местонахождения и иная характеризующая конкретный объект недвижимости информация. Ещё одной особенностью является продажа доли в жилом помещении, например, в квартире. В ситуации, когда собственниками квартиры являются двое или более лиц, а один из них желает продать свою долю в указанной квартире, прежде чем предложить долю к продаже любым заинтересованным лицам, продавец-собственник обязан предложить выкупить у него данную долю другим собственникам квартиры. Если они не пожелают выкупить долю, продавец вправе реализовать её любым желающим покупателям. Подобный механизм предусмотрен, чтобы защитить и учесть интересы всех собственников имущества.

Применительно к оплате недвижимости по договору купли-продажи так же следует внести некую ясность. Закон не запрещает осуществлять оплату, как путем наличного, так и путем безналичного расчета. Покупатель обязан оплатить приобретаемое недвижимое имущество в сроки и в размере, установленном договором. В момент получения продавцом денежных средств оплата считается произведенной. Вопрос оплаты недвижимого имущества по договору купли-продажи обе стороны обязаны уделять крайне пристальное внимание, так как чаще всего в подобных сделках фигурируют крайне большие суммы денег, и каждая деталь имеет значение. Для того чтобы подтвердить факт оплаты товара, можно использовать расписку. При безналичном расчете риски снижены, так как продавец автоматически защищается от получения фальшивых денег, однако дополнительное внимание к поступлению денежных средств на счет не помешает. Специальных правил в отношении оплаты действующее гражданское законодательство не устанавливает, что свидетельствует о необходимости произвести оплату либо до, либо после непосредственного получения товара, исходя из договоренности сторон. Так же, закон не запрещает сторонам определить особый порядок оплаты. В повседневной гражданско-правовой практике получила передача задатка на этапе заключения предварительного соглашения. Стороны обговаривают конкретные условия договора купли-продажи недвижимости, определяют конечную сумму, после чего сторона покупателя в целях подтверждения своих намерений передает другой стороне часть денежных средств, в качестве задатка.

Таким образом, нам удалось подтвердить тезис о том, что отдельным видам недвижимого имущества присущи определённые особенности, которые проявляются в процессе их купли-продажи. Важно понимать, что недвижимость – это общая, собирательная категория, которая включает в себя различные составляющие. Многообразие недвижимости и её участие в гражданском обороте – следствие развития рыночных отношений. В современных условиях законодательство в обязательном порядке должно учитывать присущие отдельным видам недвижимости особенности и транслировать их в нормы права, чтобы в вопросах, касающихся купли-продажи, наблюдалась ясность, последовательность и порядок. Если предположить, что правотворческая деятельность будет лишена подобной направленности, не сложно представить, какие негативные последствия в виде пробелов и недостатков в праве могут наступить. Тем не менее, мы убеждены, что рынок недвижимости продолжит развиваться, что вынудит законодателя принять новые вызовы и найти на них соответствующий эффективный ответ в правовом поле.

Пристатейный библиографический список

1. Уаге М. Б. Особенности возникновения, изменения и прекращения действия договора купли-продажи земельных участков // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2021. – Т. 31. – С. 924-928.
2. Шалайкин Р. Н., Кравченко Е. В. Договор купли-продажи предприятия // StudNet. – 2020. – № 12. – С. 368-378.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-206-207

МАЗАНАЕВ Мурад Шабанович

кандидат юридических наук доцент кафедры гражданского права Юридического института Дагестанского государственного университета

ОКУНЕВА Алина Валерьевна

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА ЗАЙМА

Актуальность исследования обусловлена тем, что заем является наиболее характерным, универсальным кредитным обязательством, определяющим важнейшие признаки и формы кредитования. Договор займа – это такой вид сделок, который является массовым, более распространенным в повседневной области, так как не требует обязательного письменного заключения на бумаге между гражданами.

Ключевые слова: договор займа, заемщик, сумма займа, долг, просрочка возврата, письменная форма, проценты и т.д.

MAZANAIEV Murad Shabanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

OKUNEVA Alina Valerjevna

magister student of the Institute of Law of the Dagestan State University

LEGAL REGULATION OF THE LOAN AGREEMENT

The relevance of the study is due to the fact that a loan is the most characteristic, universal credit obligation that determines the most important signs and forms of lending. A loan agreement is a type of transaction that is massive, is more common in the household area, since it does not require an indispensable written conclusion on paper between citizens.

Keywords: loan agreement, borrower, loan amount, debt, overdue repayment, written form, interest.

Содержание кредитного соглашения, основанного на его одностороннем характере, представляет собой обязательство заемщика погасить сумму кредита и соответствующее требование кредитора. Последовательность и сроки осуществления основного обязательства заемщика определяются договором. Как правило, срок действия кредита определяется датой перевода средств кредитору или датой, когда соответствующая сумма поступила на банковский счет кредитора. При всем том, стороны могут указать иное [3, с. 78].

Своевременным погашением суммы кредита является дата, указанная в кредитном договоре. Если он наступает в нерабочий день, то датой погашения кредита считается следующий рабочий день (статьи 193, 194 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Отсутствие срока погашения суммы кредита в договоре означает, что срок определяется моментом, когда кредитор запрашивает сумму, то есть в течение тридцати дней с даты, когда кредитор непосредственно должен погасить долг. Следовательно, это означает тридцать календарных дней. Срок рассчитывается с даты подачи письменного заявления. Таким образом, при расчете сроков необходимо придерживаться норм ст. 190-194 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Как правило, срок кредита определяется моментом его передачи кредитору (перевод денег гражданину, внесение в кассу юридического лица и т. д.) или моментом перечисления соответствующей суммы на банковский счет кредитора. Однако стороны могут указать иное (к примеру сказать, перевод денег на счет кредитора в то время, когда банк заемщика осуществляет свое платежное поручение).

Отсутствие срока в соглашении означает, что срок определяется моментом, когда кредитор запрашивает сумму, другими словами, в течение 30 дней с даты, непосредственно

когда кредитор должен погасить долг. Это означает тридцать календарных дней. Срок рассчитывается с даты подачи письменного заявления. При расчете сроков необходимо соблюдать норм ст. 190-194 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В жизни часто появляются обстоятельства создания так именуемого невалютного кредита, когда деньги или прочие вещи («валюта кредита») заемщиком фактически не покупаются у кредитора или не получают в меньшем количестве, чем указано в договоре.

Чтобы защитить заемщика от нерадивого кредитора, статья 812 Гражданского кодекса РФ предусматривает процедуру оспаривания кредитного договора из-за нехватки денежных средств (дефицита валюты). Заемщик, который использует аналогичную процедуру, получает определенные преимущества.

Таким образом, если кредитный договор был заключен с нарушением простой письменной формы, заемщик может использовать свидетельства, противоречащие правилам статьи 162 Гражданского кодекса Российской Федерации, во всех своих действиях, если кредит был взят под влиянием мошенничества, насилия, угроз, злонамеренного соглашения, заключенного представителем заемщика, в соответствии с положениями статьи 162 Гражданского кодекса Российской Федерации была предоставлена кредитором или по принудительным обстоятельствам [2, с. 128].

После доказательства в суде того, что ссуда не была предоставлена, договор считается незавершенным. Соответственно, сумма кредита, если она незначительна по сравнению с суммой, указанной в договоре, считается заключенной на меньшую сумму.

Заемщик, чья кредитоспособность вызывает сомнения у кредитора, может быть обязан обеспечить погашение суммы

кредита. Аналогичное положение имеет место в рамках тех методов, которые предусмотрены главой 23 Гражданского кодекса Российской Федерации. Следовательно, залог, вычет, залог, поручительство, гарантия используются для обеспечения залога. Закон предусматривает последствия его утраты в случае предоставления займа под залог.

Если заемщик не выполняет свои собственные обязательства по погашению суммы кредита, а также в случае потери залога или уменьшения его стоимости без вины кредитора, следователи могут потребовать от заемщика досрочного исполнения договора и выплаты процентов на сумму долга, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

Время от времени на практике возникает необходимость превратить долг, возникший в результате соглашения (о покупке, аренде или на другом основании), в кредитное обязательство.

Например, покупатель не полностью расплатился с продавцом при покупке товара и хочет получить отсрочку платежа. Разница между денежными средствами, подлежащими уплате, и уже выплаченными, является предметом обязательства по кредиту (статья 818 Гражданского кодекса Российской Федерации). Замена договорного долга кредитным обязательством должна осуществляться в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации о нововведениях, предусмотренными Кредитным договором.

Обязательство по кредитному договору также является односторонним. Нарушение договора заемщиком (другими словами, несвоевременное погашение суммы долга) влечет за ним последствия, предусмотренные статьей 811 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые заключаются в возложении на заемщика обязанности выплачивать проценты за неисполнение денежного обязательства, предусмотренного статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Размер ответственности заемщика за просрочку платежа определяется банковской ставкой, которая рассчитывается со дня, когда сумма кредита должна быть погашена, до дня фактического погашения кредитором, независимо от суммы выплаты процентов, предусмотренной кредитным договором. Проценты в качестве обязательной формы начисляются на сумму кредита без учета процентов, уже начисленных на использование полученной основной суммы, если иное не оговорено в правилах, имеющих обязательную силу для сторон, или в соглашении [1].

Следовательно, неустойчивые процентные ставки могут быть установлены законом или соглашением. Если договором непосредственно предусмотрены одновременно два вида ответственности за несвоевременное погашение задолженности, кредитор вправе сообщить об одном из требований без обоснования факта и размера убытков, связанных с просрочкой.

Таким образом, суд удовлетворил требования компании о взыскании основного долга и неустойки по кредитному договору вследствие того, что материалы дела подтверждают тот факт, что ответчик не погасил сумму кредита. Если кредитный договор предусматривает погашение долга по частям, задержка в погашении соответствующей части дает кредитору право потребовать досрочного погашения непосредственно всей суммы долга с причитающимися процентами.

В силу диспозитивного характера норм ответственности заемщика договор может также предусматривать чрезмерную ответственность, либо размер ответственности может

быть увеличен или уменьшен по сопоставлению со статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации до полного ее исключения.

Итак, самой существенной задачей заемщика является своевременный и в последовательности, предусмотренном договором, возврат кредитору полученной суммы кредита. Данное обязательство содержится как в договоре займа с оплатой, так и в договоре займа без комиссии. Соответственно первому кредитному договору заемщик должен выплачивать проценты кредитору за использование суммы кредита.

Следовательно, по договору займа, который заключается при условии, что заемщик использует приобретенные средства на определенные цели, заемщик обязан предоставить кредитору возможность контролировать предполагаемое использование суммы займа. Заемщик имеет право оспорить кредитный договор в результате отсутствия у него денег, другими словами, путем ратификации, что деньги или вещи не были переданы ему кредитором или были переданы в наименьшей сумме, чем указано в данном договоре.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С., Алексеева О. Г., Беляев К. П. и др. Гражданское право: учебник: в 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2018.
2. Иванова Е. В. Гражданское право. Особенная часть. Учебник и практикум для СПО. - М.: Юрайт, 2019.
3. Фомичева Н. В., Строкова О. Г. Гражданское право. Общая часть. Учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. - М.: Юрайт, 2019.

ГРИШИН Сергей Михайлович

соискатель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, адвокат, Московская коллегия адвокатов «Интеллектуальные решения»

ОДИНЦОВ Станислав Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ЦИФРОВОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье подвергаются анализу ключевые направления развития цифрового здравоохранения в Европейском союзе. Уделяется особое внимание истории становления цифрового здравоохранения, нашедших отражение в директивах Европейского совета и Европейского парламента, а также различных профильных программах. Выявлены ключевые проблемы в европейской инфраструктуре цифрового здравоохранения и предложены правовые пути их решения.

Ключевые слова: цифровое здравоохранение, искусственный интеллект, телездоровье, мобильное здравоохранение, электронные медицинские карты.

GRISHIN Sergey Mikhaylovich

competitor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Lawyer, Moscow Bar Association "Intellectual Solutions"

ODINTSOV Stanislav Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

DIGITAL HEALTHCARE IN THE EUROPEAN UNION: REGULATION AND DEVELOPMENT TRENDS

The article analyzes the key directions of digital healthcare development in the European Union. Special attention is paid to the history of the formation of digital healthcare, reflected in the directives of the European Council and the European Parliament, as well as various specialized programs. The key problems in the European digital healthcare infrastructure have been identified and legal solutions have been proposed.

Keywords: digital healthcare, artificial intelligence, telehealth, mobile healthcare, electronic medical records.

В последние десятилетия страны Европейского союза демонстрируют яркий пример постиндустриального перехода к информационному обществу и обществу знаний. Стандарты политики ЕС, лежащие в основе большинства национальных цифровых инфраструктур в секторе здравоохранения, направлены на создание экосистемы цифрового (электронного) здравоохранения (e-health/digital healthcare), которая предоставляет широкий спектр данных, информации и инфраструктурных услуг для обеспечения информационно-коммуникационной (сетевой) безопасности, конфиденциальности и сохранности медицинских данных.

Ресурсы цифровой медицины способны коренным образом предоставить медицинским, фармацевтическим и страховым организациям, а также государственным/муниципальным властям актуальные сведения и инструменты, необходимые для управления системами здравоохранения. Технологии цифрового здравоохранения дают возможность медицинским клиникам применять передовые технологии в области телемедицины, охватывая дистанционную диагностику пациентов. Бесспорными преимуществами являются – своевременность и повышение точности диагноза, диагностики состояния здоровья при помощи виртуальной реальности, искусственного интеллекта или больших данных.

Стандарты ВОЗ касательно электронного здравоохранения

Всемирная организация здравоохранения дала определение понятию цифровое здравоохранение: «Широкий зонтичный термин, охватывающий использование информационных и коммуникационных технологий, а также развитие таких областей, как использование передовых компьютерных наук — играет важную роль в укреплении системы общественного здравоохранения, в повышении справедливости в доступе к услугам здравоохранения и работе по обеспечению всеобщего охвата услугами здравоохранения»¹.

Электронное здравоохранение, среди прочего, включает следующие инновационные направления:

- интернет медицинских вещей (Internet of medical things/IoMT);
- электронные рецептурные системы и управления электронным документооборотом как инструменты для принятия клинических решений при оказании медицинской помощи;
- искусственный интеллект (AI) и машинное обучение (ML);
- нанотехнологии и медицинская робототехника;

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/Health-systems/digital-health>.

- приложения мобильного здравоохранения (mHealth-app), используемые с целью мониторинга и профилактики;
- сервисы, обеспечивающие интеграцию и интероперабельность медицинских информационных систем (fast healthcare interoperability resource/FHIR);
- телемедицина (telehealth/telemedicine) и удалённый мониторинг параметром здоровья пациентов;
- облачные технологии (вычисления и хранения);
- электронные рецептурные системы, иная медицинская документация.

Цифровизация здравоохранения набрала обороты за последние два десятилетия, особенно с появлением таких инноваций, как Интернет медицинских вещей, телемедицина и медицинские инструменты на основе искусственного интеллекта.

Цифровым технологиям определена роль «в качестве средства содействия справедливому, приемлемому по стоимости и всеобщему доступу к услугам в области здравоохранения для всех»².

Стоит отметить, что развивающаяся в течение порядка двух десятилетий телемедицина оправданно получила серьёзный импульс в стрессовых условиях карантинных ограничений COVID-19. Применение новых цифровых технологий предоставило новые возможности в области мониторинга, диагностики и лечения, а также породило множество стартапов.

Европейская модель регулирования цифровизации медицины

Уже в самом начале 1990-х годов большинство европейских университетских провайдеров медицинских услуг создали свои собственные медицинские базы данных, и следующей значимой задачей гармонизации являлась попытка их объединения.

Европейские положения о цифровом здравоохранении имеют исторические корни в инициативе Европейской комиссии «Электронная Европа – информационное общество для всех» 1999 года³. Первоначальный документ, представленный Европейской комиссией, преследовал три основные цели: ввести всех субъектов права в цифровую эпоху и предоставить им доступ в онлайн режиме; внедрить в Европе цифровую культуру, основанную на предпринимательском духе, благоприятную для финансирования и развития новых идей; убедиться, что весь этот процесс направлен на социальную интеграцию, завоевывает доверие потребителей и укрепляет социальную сплочённость. Эти взаимосвязанные программы сделали возможным анализ данных о состоянии здоровья. Затем последовали новые возможности в управлении данными, позволившие создать новые медицинские услуги, новые организационные и бизнес-модели.

«Регулирование цифрового здравоохранения в ЕС можно разделить на стандарты в области оказания информационных услуг, передачи персональных данных и предоставления медицинских услуг» [3, с. 167].

2 Всемирная ассамблея здравоохранения. Цифровое здравоохранение. Женева: Всемирная организация здравоохранения; 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA71/A71_R7-ru.pdf (дата обращения: 30.09.2019 г.).

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruwiki.press/fr/EEurope>.

Особо отметим Директиву 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 8 июня 2000 г. «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции»⁴.

Образцы оказания медицинских услуг выражены в соответствующей Директиве⁵. Важно также отметить, что в отношении пациентов из государств-членов ЕС запрещается дискриминация по национальному признаку.

На территории государств ЕС актуальны три вида модели хранения данных пациентов, различаемых по методу централизации: «централизованная», «децентрализованная» и «пациент-ориентированная» [4, с. 98].

В 2012 году последовало принятие европейской политики здравоохранения «Здоровье-2020», которая была одобрена Европейским региональным комитетом ВОЗ в 2012 г.), целью которого являлось анализ и причин, которые могли каким-либо образом замедлить развитие электронного здравоохранения.

На европейском рынке цифрового здравоохранения в настоящее время доминируют крупные игроки. Участвуют большинство крупных европейских телекоммуникационных компаний, от британской Vodafone (телемедицина, Digital Angels) до Deutsche Telekom (клинические ИТ) и испанской Telefónica (партнерство с Teladoc Health и Tunstall Healthcare). Также в этой области работают крупные фармацевтические (Roche, Bayer, Servier, Astra Zeneca, Pfizer, Novartis) и медицинские (Fresenius, Essilor, Coloplast, Smith and Nephew, Sonova, Getinge, William Demant) корпорации.

Для содействия росту в этой области были созданы различные как национальные, так и трансграничные структуры. Практически в каждой европейской стране есть одна или несколько торговых ассоциаций, которые представляют субъектов, занимающихся цифровым здравоохранением (например, Asociación Salud Digital в Испании, Société Française de Santé Digitale во Франции, Società Italiana di Salute Digitale e Telemedicina в Италии, Spitzenverband Digitale Gesundheitsversorgung в Германии).

Анализ проблем цифровизации здравоохранения в государствах ЕС

В европейской инфраструктуре цифрового здравоохранения помимо достижений, имеются и сложности: в политике, в соблюдении нормативных требований, в кибербезопасности и исключительных правах на медицинские (персональные) данные, в функциональной совместимости национальных платформ цифрового здравоохранения по всей Европе, в принципах оборота информации (сведений) о здоровье, в цифровой терапии, в европейских электронных медицинских картах, а также в восприятии цифрового здра-

4 Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции (Директива об электронной коммерции)» [рус., англ.] (Вместе с «Исключениями из статьи 3») (Принята в г. Люксембурге 08.06.2000). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txenreg/depasmer/consumer_rights/Documents.

5 Директива № 2011/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О правах пациентов в трансграничном медицинском обслуживании» [рус., англ.] (Принята в г. Страсбурге 09.03.2011).

воохранения заинтересованными сторонами в сфере здравоохранения населения ЕС.

Отметим основные направления:

а) На данном этапе требуется активная политика в области цифрового здравоохранения, так как даже самые последние европейские инициативы часто опираются на старые методы регулирования.

б) Переход к автоматизированному, возможно, токенизированному соответствию. Большинство нормативных требований в здравоохранении возникло, когда устаревшие процедуры были компьютеризированы. Требуются новые подходы с упором на электронно-цифровые инструменты для обеспечения полной автоматизации с присущей функциональной совместимостью. Будущее автоматизированное соответствие может быть токенизировано для реализации децентрализованного управления на основе так называемых смарт-контрактов (smart contract).

в) Сосредоточенность на сохранности данных. Угрозы кибербезопасности для медицинских данных и инфраструктуры цифрового здравоохранения усугубляются по мере распространения Интернета медицинских вещей (IoMT) и поддержки со стороны некоторых государственных субъектов из-за предполагаемой конфиденциальности медицинских (персональных) данных. Кроме того, нагрузка на существующие сети приводит к зависимости новых цифровых функций от старых сетей связи, что делает новые функции бесполезными или дорогостоящими.

г) Простые и интеллектуальные электронные медицинские карты приняты не по всей Европе. Некоторые страны ЕС перешли на электронные медицинские карты, а некоторые по-прежнему преимущественно традиционно бумажные. Полное покрытие отсутствует, и ожидается, что оно будет достигнуто в ближайшие годы. Национальные системы имеют ограниченную совместимость, поэтому отсутствует функциональная совместимость. Страдают телемедицина и взаимодействие клиник при перемещении пациентов внутри ЕС, ожидается полностью открытый, но безопасный доступ по всей Европе.

д) Виртуальное заполнение медицинской документации. Интеллектуальные системы клинической поддержки в настоящее время относятся к ранним поколениям, где их роль ограничивается референтами, а предполагается, что они станут полноценными помощниками врачей. Также ожидаются виртуальные помощники медсестер. Ожидается, что ИИ и машинное обучение станут стандартной функцией таких инструментов.

Выводы

На сегодняшний день цифровое здравоохранение в ЕС является областью, в которой прослеживается повышенная активность, как государственных органов, так и национальные организации здравоохранения и социальной защиты, местные провайдеры медицинских услуг, представители стартапов, медицинского и сестринского персонала, смежных медицинских работников, а также управленческий и технический ИТ-персонал, специалисты по данным и аналитики.

Пандемия Covid-19 безусловно придала дополнительный импульс развитию рынка дистанционных медицинских услуг, и особенно телемедицины.

Европейская инфраструктура цифрового здравоохранения наряду с достижениями, испытывает и сложности, среди которых выделяются неактуальные нормативные требования в здравоохранении. Требуются новые подходы с упором на цифровые инструменты для обеспечения полной автоматизации с присущей функциональной совместимостью.

Пристатейный библиографический список

1. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 09.03.2011г. № 2011/24/ЕС «О правах пациентов в трансграничном медицинском обслуживании».
2. Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции (Директива об электронной коммерции)» (Вместе с «Исключениями из статьи 3») (Принята в г. Люксембурге 08.06.2000). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/technreg/depsanmer/consumer_rights/Documents.
3. Варюшин М. С. Правовое регулирование телемедицины в России и ЕС: два шага вперед и один назад // Закон. – 2018. – № 1. – С. 167.
4. Одинцов С. В., Стеблецов И. В. Электронное здравоохранение – анализ практики, регламентации и принципов функционирования. – 2020. – С. 98. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/348443605_Elektronnoe_zdravooxranenie_-_analiz_praktiki_reglamentacii_i_principov_funkcionirovania.

МИРОШНИЧЕНКО Ольга Игоревна

кандидат юридических наук, L.L.M., доцент кафедры Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КОЗЛОВА Олеся Евгеньевна

магистрант 2 курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОАКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Во второй части исследования авторами проводится анализ судебной практики и научной литературы в части перспектив дальнейшей апробации предложенных Центральным Банком и Министерством финансов РФ вариантов правового регулирования криптовалюты, занимающих противоположные позиции в части легализации цифровых активов на территории Российской Федерации. В статье рассмотрен подход к криптовалюте как к средству инвестирования, инструменту спекулятивного трейдинга, а также предмету и способу совершения преступления. Выявлены практикоориентированные признаки, на основе которых делаются выводы о рисках и перспективах легализации криптовалюты в Российской Федерации на современном этапе. Также авторы предлагают наиболее подходящий с точки зрения финансово-экономической стабильности государства правовой режим.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая валюта, криптоактивы, цифровая экономика, криптовалюта, легализация криптовалюты, правовой режим криптовалюты, правовое регулирование криптовалюты.

MIROSHNICHENKO Olga Igorevna

Ph.D. in Law, L.L.M., associate professor of the Law School of the Far Eastern Federal University

KOZLOVA Olesya Evgenjevna

magister student of the 2nd course of the Law School of the Far Eastern Federal University

PRACTICAL ASPECTS OF CRYPTO ASSETS REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the second part of the study, the authors analyze judicial practice and scientific literature regarding the prospects for further testing of options for legal regulation of cryptocurrencies proposed by the Central Bank and the Ministry of Finance of the Russian Federation, which occupy opposite positions in terms of the legalization of digital assets in the territory of the Russian Federation. The article considers the approach to cryptocurrency as a means of investment, a tool of speculative trading, as well as the subject and method of committing a crime. Practice-oriented signs have been identified, on the basis of which conclusions are drawn about the risks and prospects of cryptocurrency legalization in the Russian Federation at the present stage. The authors also propose the most appropriate legal regime from the point of view of financial and economic stability of the state.

Keywords: digitalization, digital currency, crypto assets, digital economy, cryptocurrency, cryptocurrency legalization, legal regime of cryptocurrency, legal regulation of cryptocurrency.

На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать, что большинство государств столкнулись с беспрецедентным влиянием новейших цифровых технологий на экономическую стабильность и структуру финансового рынка [3], [5]. Цифровизация фактически заставляет в кратчайшие сроки адаптироваться к колебаниям технологического сегмента и менять саму структуру нормативно-правового регулирования стремительно возникающих общественных отношений. Одним из таких юридических «триггеров» финансового рынка безусловно стали криптоактивы.

На наш взгляд, криптовалюты формируют контуры новой парадигмы финансовой системы в целом. Являясь одной из самых рискованных технологий современности, криптовалюты одновременно проявляют потенциал стабилизирующего инструмента, в том числе в сфере инвестирования, обеспечивая безопасность финансовых транзакций. Также, стоит отметить, что криптовалюта уже является частью общественных отношений, законодательное регулирование которой позволило бы обеспечить условия защиты некавалифицированных пользователей, а также определить ключевые механизмы функционирования и рамки государственно-частного взаимодействия. В этой связи все чаще встречается точка зрения, что в настоящее время криптовалюты представляют собой важнейший аспект мировой финансовой системы¹.

В Российской Федерации вопрос о легализации криптовалюты в конце 2021 г. обострился в связи с опубликованием Центральным Банком Российской Федерации доклада для общественных консультаций «Криптовалюта: тренды, риски, меры»². Банк продолжает настаивать на запрете криптовалюты в России, вопреки чему Министерство финансов РФ внесло на рассмотрение в Правительство законопроект о регулировании криптовалют на основе утвержденной концепции регулирования механизма организации оборота цифровых валют³. Одновременно Банком России был подготовлен законопроект о запрете криптовалют.

Таким образом, на фоне противоречащих официальных позиций государственных органов, не способных прийти к единому мнению, перспектива легализации криптовалюты в Российской Федерации носит еще более смутный характер. Очевидно, легального решения и, как следствие, качественного, подробного нормативного регулирования в указанной сфере в ближайшее время даже ожидать не стоит.

Под влиянием не всегда успешной практики использования, изначально задуманные в качестве современного и безопасного средства обмена с использованием криптографии для защиты транзакций и их контроля, сегодня криптоактивы

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

1 Todorovska A., Spirovska E. Analysis of cryptocurrency interdependencies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/356131104_Analysis_of_Cryptocurrency_Interdependencies (дата обращения: 02.02.2022).

2 Криптовалюта: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

3 Минфин России направил в Правительство России проект федерального закона «О цифровой валюте». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37774-minfin_rossii_napravil_v_pravitelstvo_rossii_proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovoi_valyute (дата обращения: 22.02.2022).

являются одним из основных финансовых опасений крупных экономических субъектов [4]. По нашему мнению, несмотря на высокие риски цифровизации финансового рынка, основной вопрос все же заключается не в легализации криптовалюты, а в установлении адекватного правового режима их функционирования.

Для выработки наиболее подходящего правового режима необходимо проанализировать ключевые признаки цифровой валюты и ее основные функции с практической точки зрения.

Во-первых, криптовалюта, как самый «модный» актив в сфере электронной торговли, стала буквально инструментом спекулятивного трейдинга. Идея в кратчайшие сроки без приложения существенных трудовых усилий приумножить личный капитал стала массовым эффектом.

Возникла ситуация, в которой значительный пласт населения, не обладая достаточным уровнем финансовой или правовой грамотности, в результате инвестирования в криптовалюту серьезно пострадал.

Так, Арбитражным судом Чувашской Республики было рассмотрено и удовлетворено заявление пенсионера о признании банкротом. Из материалов дела следует, что сумма кредиторской задолженности по денежным обязательствам, которая признается гражданином перед ПАО Банк ВТБ, составляла 4 959 875 руб. 51 коп. В Решении Арбитражного суда Чувашской Республики от 22.01.2021 г. по делу № А79-10152/2021⁴ письменными пояснениями пенсионера подтверждено, что кредитные средства были получены и израсходованы на приобретение криптовалюты, вследствие неполной осведомленности субъекта о рынке электронных денежных средств и спекулятивных действий биржи. Денежные средства, вложенные должником с целью получения прибыли, были утрачены.

В другом случае, под воздействием информационных и спекулятивных факторов, истец на свой страх и риск перечислил денежные средства на платежную карту ответчика в качестве оплаты сделки по купле-продаже криптовалюты с целью получения выгоды, выражающейся в разнице между начальной и конечной ценой приобретенной криптовалюты⁵.

Таким образом, весьма обоснованными выглядят неоднократные предостережения Банка России относительно высоких финансовых рисков вложения денежных средств в криптовалюту. Стоит отметить, что Центробанк в своих официальных позициях также указывает на спекулятивный характер криптовалюты, в результате чего незащищенность самостоятельных субъектов рынка является правовой реальностью современной России.

В данном контексте отметим, что Минфин в законопроекте «О цифровой валюте» предпринял попытку разграничения квалифицированных и неквалифицированных пользователей, а также предложил некоторые механизмы защиты прав граждан⁶. Среди них, например, информирование пользователей о существенных рисках (предполагается возложение на биржи обязанности соответствующей обязанности по донесению информации о рисках и последствиях приобретения криптовалюты), прохождение онлайн тестирования для определения уровня знаний и осведомленности граждан о последствиях инвестирования, а также ограничение суммы инвестирования в зависимости от результатов онлайн тестирования. Предполагается, что при успешном прохождении тестирования гражданам смогут вкладывать в криптовалюту денежные средства до 600 тыс. рублей ежегодно. Если тестирование не пройдено, то предельный размер вложений будет ограничен 50 тыс. рублей.

Несмотря на то, что механизмы защиты вводятся с теоретическим барьером, по нашему мнению, такие правовые

средства все же позволят оградить пользователя от негативных правовых и финансовых последствий неграмотных действий, ну или, как минимум, проинформировать о наличии существенных рисков ввиду отсутствия достаточного правового регулирования.

Однако, подобного барьера для юридических лиц законом не предусмотрено, вопреки предложениям научного сообщества о предоставлении доступа на рынок криптовалют исключительно через профессиональных участников по аналогии с рынком ценных бумаг [1], [6].

Отметим, что интерес к криптовалюте среди физических и юридических лиц в качестве средства инвестирования на сегодняшний день является весьма понятным. Судебная практика не раз признавала экономическую ценность криптовалюты и дефинировала ее в качестве «иного имущества», вводя криптоактивы в открытый перечень объектов гражданских прав⁷.

Так, в рамках банкротного дела № А40-124668/2017⁸ в 2018 году суд первой инстанции отказал финансовому управляющему во включении содержимого криптокошелька, находящегося в сети Интернет, в общую банкротную массу. Суд мотивировал свою позицию тем, что правовой статус криптовалюты действующим законодательством Российской Федерации не определен, существо отношений, связанных с оборотом криптовалюты, не позволяет применить к указанному финансовому инструменту по аналогии нормы, регулирующие сходные отношения. Таким образом, суд считал невозможным применение аналогии закона в соответствии со ст. 6 ГК РФ.

Девятый арбитражный апелляционный суд не согласился с вышеуказанным Определением суда первой инстанции и в своем Постановлении от 15.05.2018 г. указал на то, что в силу общего диспозитивного характера правового регулирования в гражданском праве, в ГК РФ отсутствует закрытый перечень объектов гражданских прав. Значит, ввиду отсутствия в гражданском законодательстве четкой дефиниции понятия «иное имущество», упомянутого в статье 128 ГК РФ, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование. Суд указал на возможность применения в данном случае аналогии права и посчитал, что любое имущество должника, имеющее экономическую ценность для кредиторов (включая криптовалюту), не может быть произвольно исключено из конкурсной массы⁹.

Такой вывод суда подтверждается и аналогичной судебной практикой. Так, например, Арбитражный суд Пермского края в своем Определении от 24.12.2021 по делу № А50-6372/2018 утвердил Положение о реализации имущества должника, в перечень реализуемого имущества была включена криптовалюта Dogcoin в количестве 72 896 монет¹⁰.

Проиллюстрированные примеры, на наш взгляд, указывают на разумность закрепления стимулирующего правового режима, предложенного Министерством финансов РФ. Однако, все же не можем не согласиться и с некоторыми положениями официальной позиции Банка России, в том числе касающимися необходимости анализа потенциальных рисков. В том числе в связи с ключевым признаком криптовалюты – ее волатильностью, а также зависимостью рыночной стоимости от инфопространства.

Последнее возможно проследить на примере социальных сетей. Публикуемая и распространяемая в соцсетях информация становится буквально катализатором повышения стоимости, значимости и экономической ценности криптовалюты. Банком России в своем докладе была отмечена высо-

4 Решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 22.01.2021 г. по делу № А79-10152/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/35dd7641-2e09-43ec-9e2e-4e79e5117365> https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/35dd7641-2e09-43ec-9e2e-4e79e5117365/a4125cce-3b80-4f17-8526-9c176b03de41/A79-10152-2021_20211222_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 29.03.2022).

5 Решение Березниковского городского суда Пермского края от 22.11.2021 по делу № 2-2998/2021 (УИД 59RS0011-01-2021-004776-89). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

6 Минфин России направил в Правительство России проект федерального закона «О цифровой валюте». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37774-minfin_rossii_napravil_v_praavitelstvo_rossii_proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovoy_valyute (дата обращения: 22.02.2022).

7 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301. (ред. от 25.02.2022).

8 Определение Арбитражного суда города Москвы от 05.03.2018 г. по делу № А40-124668/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a> (дата обращения: 22.02.2022).

9 Постановление Девятого арбитражного суда от 15.05.2018 г. по делу № А40-124668/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a> (дата обращения: 22.02.2022).

10 Определение Арбитражного суда Пермского края от 24.12.2021 по делу № А50-6372/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2022).

кая зависимость цен на криптовалюты от информационного фона¹¹.

Сообщения в соцсетях, включая Facebook, Reddit, Twitter и др., заявления как финансового, политического, так и личного характера высоких публичных лиц, имеющих значительный охват аудитории, и прочие события в большей степени медийного характера, способны в рекордно короткие сроки вызвать существенные колебания на рынке криптоактивов.

Ярким примером такого феномена являются «твитты» (публикации в Twitter) Илона Маска. 20 декабря 2020 года бизнесмен опубликовал пост о Dogecoin, в результате чего стоимость валюты возросла до своего исторического максимума в 0,45 доллара. Маск заявил, что является бывшим генеральным директором Dogecoin, что практически мгновенно увеличило стоимость на 17%¹². А в твитте от 14 февраля 2021 года Маск заявил: «Если крупные держатели Dogecoin продадут большую часть своих монет, это получит мою полную поддержку». На фоне этих сообщений криптовалюта подешевела на 14%, до 5,6 цента, по данным CoinMarketCap¹³.

Подобное влияние информации неофициального характера приводит к высокой волатильности и беспрецедентной неопределенности цен на криптовалюту, что является негативным фактором, не способным обеспечить финансовую и правовую стабильность государства.

Еще одним негативным фактором в вопросе о потенциальной легализации криптовалюты может служить противоправная деятельность с применением анализируемого инструмента, зачастую используемым в качестве предмета и средства совершения преступления. Так, исходя из анализа судебной практики, суды не испытывают затруднений при квалификации деяний, в которых криптовалюта выступает средством оплаты оружия, наркотиков и т.п., либо используются при совершении мошеннических действий. Операции с криптовалютами рассматриваются как доказательство по уголовному делу [2].

Ежегодно суды общей юрисдикции сталкиваются с уголовными делами, в рамках которых криптовалюта является платежным средством при приобретении наркотических средств. Например, Приговором Железнодорожного районного суда г. Пензы от 22.12.2021 года по делу № 1-409/2021¹⁴ было установлено, что гражданин, реализуя свой преступный умысел, направленный на незаконное приобретение и хранение наркотического средства в значительном размере, в качестве оплаты произвел перевод денежных средств в размере 1500 рублей на неустановленный номер счета через интернет-приложение «Тинькофф». Средства через «обменник» криптовалюты в интернет-магазине были переведены в криптовалюту Биткойн, после чего подсудимый получил от неустановленного лица информацию о месте нахождения тайника с наркотическим средством.

Подобная тенденция подтверждается и судебной практикой других государств. Так, например, Могилевским областным судом Республики Беларусь было рассмотрено уголовное дело, в рамках которого обвиняемый собрал сведения об эмитированных на территории 114 государств и государственных образований банковских платежных и кредитных картах, а затем разгласил путем размещения на специализированных сетевых платформах для реализации за вознаграждение третьим лицам, получив незаконный доход в криптовалюте в сумме не менее 424,51191118 Bitcoin и

не менее 254,7919235 Bitcoin Cash¹⁵. Криптовалюта являлась вещественным доказательством и была конфискована в доход государства.

Таким образом, вопреки доводам Центробанка, совершение противоправных действий с использованием криптовалюты, на наш взгляд, является одним из ключевых аргументов в пользу обязательного законодательного регулирования криптоактивов. Минфином при разработке законопроекта учтены негативные реалии и предложены необходимые изменения банковского законодательства в сфере регулирования процедуры покупки и продажи криптовалюты, а также по информированию Росфинмониторинга о выявленных подозрительных сделках. Также биржи и «обменники» необходимо обязать вести реестры с указанием адресов-идентификаторов обладателей криптовалют в целях пресечения возможных правонарушений.

Подводя итоги, отметим, что, с теоретической точки зрения, криптовалюта как объективный существующий феномен, уже в должной степени сформировалась на уровне существующего и реализуемого субъектами правонарушения. Следующим этапом, в соответствии с положениями общей теории права, должен стать продуманный и конкретизированный правотворческий процесс. Приведенный анализ судебной практики, научной литературы, а также официальных позиций Банка России и Министерством финансов Российской Федерации по поводу легализации криптовалюты на территории Российской Федерации в полной мере позволяет сделать вывод о том, что предложенный стимулирующий правовой режим, сочетающий в себе как средства дозволения, так и обязывания, предложенный Министерством финансов РФ, является наиболее благоприятным подходом государства.

Пристатейный библиографический список

1. Демина А. М., Левонян Л. А. Защита прав на криптобирже: опыт Российской Федерации и Японии // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». - № 1. СПС «КонсультантПлюс».
2. Рубцова А. С. Криптовалюты: предмет и средство совершения преступления // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2018. - № 12. - С. 172-181.
3. Фролова Е. Е. Новая экосистема финансового рынка Европейского союза: цифровизация и устойчивость // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2020. - Т. 24. - № 3. - С. 673-694.
4. Frolova E. E., Ermakova E. P., Protopopova O. V. Consumer protection of digital financial services in Russia and abroad // Advances in Intelligent Systems and Computing. - 2020. - Т. 1100. - С. 76-87.
5. Frolova E. E., Ermakova E. P. Legal regulation of digital financing in Russia and foreign countries // Advances in Research on Russian Business and Management. - 2022. - Т. 2022. - С. 309-322
6. Rusakova E. P., Frolova E. E., Gorbacheva A. I. Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law // Advances in Intelligent Systems and Computing. - 2020. - Т. 1100. - С. 665-673.

11 Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций. 2022. С. 11. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 21.02.2022). - С. 23.

12 После твита Илона Маска цена Dogecoin выросла почти на 30% // РБК. 21.12.2020. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5fe055c99a79476879ca33a9> (дата обращения: 21.02.2022).

13 Твиты Илона Маска уронили курс криптовалюты Dogecoin // Интерфакс. 15.02.2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/751066> (дата обращения: 21.02.2022).

14 Приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 22.12.2021 года по делу № 1-409/2021 (УИД 58RS0008-01-2021-006282-23). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2022).

15 Могилевским областным судом постановлен приговор по уголовному делу в отношении жителя г. Калинковичи, обвиняемого в угрозе совершением акта терроризма, коммерческом шпионаже, заведомо ложном доносе, совершении иных преступлений // Официальный сайт Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/bce0171b777c4d4e.html (дата обращения: 29.03.2022).

ОМАЕВА Зарема Курбановна

магистрант 3 года обучения Дагестанского государственного университета

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ ЗАЩИТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

В данной статье автор раскрывает проблемы защиты наследственных прав, приводит статистические данные и предлагает пути решения данных проблем на современном этапе. Рассматриваются особенности применения способов защиты наследственных прав. Данные способы защиты реализуются в охранительных гражданских правоотношениях.

Ключевые слова: защита права, свидетельство о праве на наследство, объективный и субъективный фактор, недостойный наследник.

ОМАЕВА Zarema Kurbanovna

magister student of the 3rd course of the Dagestan State University

THE CONCEPT AND FORMS OF PROTECTION OF HEREDITARY RIGHTS

In this article, the author reveals the problems of protecting inheritance rights, provides statistical data and suggests ways to solve these problems at the present stage. The features of the application of methods of protection of hereditary rights are considered. These methods of protection are implemented in protective civil relations.

Keywords: protection of the right, certificate of inheritance, objective and subjective factor, unworthy heir.

Омаева З. К.

Любое право требует своей защиты. Особенно когда речь идет о наследственных правах, которые являются составной частью гражданских правоотношений. При нарушении прав субъект права может прибегнуть к их защите. Но защита нужна не только когда права нарушаются, но и тогда, когда необходимо обеспечить правовую определенность и безопасность права. Она необходима как средство обеспечения осуществления конституционных прав граждан и их реализацию.

Среди ученых нет единой позиции относительно такого правового явления как «защита права». Были высказаны различные точки зрения. По мнению Е. А. Крашенинникова: ««защита гражданских прав — это деятельность по устранению препятствий на пути их реализации, осуществляемая субъектом защиты (так как существует самозащита права) либо уполномоченными государством лицами и органами» [1, с. 8].

В. А. Грибанов, формулируя понятие защиты права, так же, как и Е. А. Крашенинников, исходил из того, что защита — это действие. На его взгляд, защита права это: «возможность требовать от компетентных органов совершить (или осуществить самостоятельно) действия, направленные на восстановление нарушенного права, обеспечение законных интересов, побуждение должностного лица выполнить возложенную на него обязанность, а также на применение к нему соответствующих санкций» [2, с. 106-108].

По мнению О. О. Юрченко «защита гражданских прав — это предусмотренная законом система мер, направленных на обеспечение неприкосновенности права и ликвидацию последствий нарушения» [3, с. 35].

Точка зрения Г. Я. Стоякина основана на понимании защиты как определенные способы, методы и приемы, которые применяются при осуществлении защиты. Исходя из этого под защитой гражданских прав он понимает: «систему правового регулирования гражданско-правовых отношений, которая предотвращает правонарушения, а в случае их совершения устанавливает ответственность за допущенное правонарушение» [4, с. 60-67].

Нам наиболее близко определение понятия защиты как действия. Исходя из этого мы даем следующее определение

понятия защиты наследственных прав: это деятельность нотариусов, направленная на обеспечение исполнения и охраны наследственных прав, и деятельность суда, направленная на восстановление или признание нарушенных или оспоренных прав.

Наличие дискуссий по данному вопросу связано с отсутствием законодательного определения понятия «защита права». На наш взгляд закрепление такого понятия в Гражданском кодексе РФ способствовало бы совершенствованию механизма правового регулирования гражданских правоотношений, в том числе и наследственных правоотношений. Необходимо дополнить ст. 12 ГК РФ, дав в ч. 1 понятие защиты гражданских прав.

Следует согласиться с Р. И. Тунтаевым, что право на защиту имеет два аспекта: материальный и процессуальный¹. Данное положение применимо и при характеристике права на защиту наследственных прав. Защита наследственных прав в материальном смысле — это установленная законом возможность лица распорядиться своим имуществом на случай смерти, а наследника правом наследовать после открытия наследства. Выделение в защите наследственных прав материального аспекта дает возможность говорить не только о защите наследственных правоотношений в узком, но и широком смысле, включая и право наследодателя распорядиться по своему усмотрению наследственными правами.

Процессуальный аспект защиты наследственных прав выражается в деятельности нотариуса, направленной на подтверждение права наследника и предотвращение их нарушения в будущем, а также деятельность суда, направленная на подтверждение прав наследника или восстановление его прав. Если наличие судебной формы защиты наследственных прав ни у кого не вызывает сомнений, более того, именно о ней говорит ст. 11 ГК РФ и ей уделяется большое внимание в научных исследованиях, то нотариальная форма защиты

1 Тунтаев Р. И. Система мер защиты права интеллектуальной собственности: общетеоретический аспект // автореф. диссерт. к.ю.н. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/teoria-prava/sistema-mer-zawity-prava-intellektualnoj-sobstvennosti-obweteoreticheskij-aspekt.html> (дата обращения: 20.12.2021).

обойдена вниманием. На наш взгляд следует дополнить ст. 11 ГК РФ указанием на нотариальную форму защиты прав граждан в случаях, предусмотренных законом.

Правовыми средствами защиты наследственных прав являются определенные меры защиты, предусмотренные действующим законодательством. На их формирование влияет как объективный, так и субъективный фактор. К объективным факторам формирования мер защиты наследственных прав следует отнести вопросы предела регулирования наследственным правом правового положения участников наследственного правоотношения, основания его возникновения и порядка осуществления.

Субъективными факторами являются – равенство прав субъектов наследственных правоотношений, автономия их воли и имущественная самостоятельность.

Защита наследственных прав осуществляется в двух формах: нотариальной и судебной. Так как нотариальная деятельность осуществляется в рамках бесспорной юрисдикции нотариальная защита наследственных прав имеет место тогда, когда между участниками наследственных правоотношений отсутствует спор о праве. В случае возникновения спора защита наследственных прав может осуществляться только в судебном порядке.

Большое значение в выборе форм защиты наследственных прав имеют способы защиты. Перечень способов защиты гражданских прав дан в ст. 12 ГК РФ. Он не является закрытым и может быть дополнен способами, которые предусмотрены третьей частью ГК РФ, регулирующего наследственные правоотношения и Основами законодательства РФ о нотариате». некоторые способы защиты вырабатываются судебной практикой. Например, наследник, принявший наследство, но не имеющий возможности оформить наследственные права нотариально, вправе по истечении срока на его принятие предъявить иск о признании права собственности в порядке наследования. Хотя о таком способе приобретения наследства нормы ГК не упоминают, однако на практике такой способ широко применяется².

Анализ законодательства и судебной практики позволил нам выделить основные способы защиты наследственных прав. Одни из них относятся к общим способам (ст. 12 ГК РФ), другие к специальным (ч. 3 ГК РФ). В зависимости от форм защиты их можно объединить в несколько групп.

1. Применяемые при нотариальной защите наследственных прав:

а) удостоверение факта;
б) удостоверение права. Так, выдачей свидетельства о праве на наследство нотариус удостоверяет право на имущество, которое наследник получил по наследству. По справедливому замечанию Н. Остапюк, посредством свидетельства о праве на наследство реализуется такой материально-правовой способ защиты субъективных гражданских прав как признание права лица на определенное имущество, перешедшее к нему в порядке наследования [6, с. 20-30];

в) принятие мер по охране наследственного имущества и управление им. Действия нотариуса при совершении им мер к охране наследства носят не только охранительный, но во многом и правозащитный характер. Сохраняя имущество в неизменном виде, нотариальные органы способствуют реальному, беспрепятственному осуществлению прав на него правопреемниками наследодателя [7, с. 158];

г) создание наследственного фонда.

2. Применяемые при судебной защите наследственных прав:

а) признание недостойным наследником. Это один из специальных способов защиты прав наследников, которая одновременно является мерой их ответственности, в результате чего такие наследники лишаются (утрачивают) субъективное право наследования имущества, а другие его приобретают, если не было «прощения» со стороны наследодателя;

б) признание права собственности на унаследованное имущество;

в) восстановление срока на принятие наследства;

г) признание завещания недействительным;

д) раздел наследственного имущества;

3. Способы, которые применяются в обеих формах защиты:

а) установление фактов принятия наследства и места открытия наследства;

б) включение имущества в наследственную массу;

в) удовлетворение требований кредитора;

г) оплата расходов за счет наследственного имущества.

Пристатейный библиографический список

1. Крашенинников Е. А. Право на защиту // Методологические вопросы теории правоотношений. Тезисы IV областной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов 5–8 февраля 1986 г. / Отв. за вып.: Крашенинников Е. А. - Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1986. - С. 8.
2. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. - М., «Статут», 2000. - С. 106-108 (Классика российской цивилистики).
3. Юрченко О. О. Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве. - Тверь: Издательство: Твер. гос. ун-т, 2004. - С. 35.
4. Стоякин Г. Я. Защита абсолютного субъективного гражданского права // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР. Межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1977. - Вып. 53. - С. 60-67.
5. Тунтаев Р. И. Система мер защиты права интеллектуальной собственности: общетеоретический аспект // автореф. дис. ... канд. юрид. наук. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.dslib.net/teoria-prava/sistema-mer-zawity-prava-intellektualnoj-sobstvennosti-obweteoreticheskij-aspekt.html> (дата обращения: 20.12.2021).
6. Остапюк Н. Пределы осуществления и нотариальная защита наследственных прав граждан // Гражданское право. - М.: Юрист, 2006. - № 1. - С. 20-30.
7. Журавлева А. А. Нотариальная защита наследственных прав // Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика. Материалы международной научно-практической конференции. - Ставрополь, 2015. - С. 158. - ISBN: 978-5-9296-0747-9.

2 Решение № 2-334/2018 Шигонского районного суда Самарской области. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.sudact.ru/regular/doc/dMYHUAJ12X6m/> (дата обращения: 20.12.2021); О судебной практике по делам о наследовании. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам наследования от 29 мая 2012 г. № 9 // Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации. - июль 2012. - № 7.

НИКИТИНА Анна Васильевна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия

КАЛЕНОВ Сергей Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного и частного права Дальневосточного института управления (филиала) РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируются актуальные положения законодательства, регулирующие гражданско-правовой статус федеральной территории «Сириус». Авторами выявлены общие черты и особенности федеральной территории по сравнению с иными публично-правовыми образованиями – субъектами гражданского права, а также противоречия и пробелы гражданского законодательства, регулирующего участие федеральной территории в гражданском обороте.

Ключевые слова: гражданское законодательство, публично-правовое образование, федеральная территория «Сириус», федеральная собственность, муниципальная собственность, субъект гражданского права.

NIKITINA Anna Vasiljevna

Ph.D., associate professor, professor of Civil law sub-faculty of the Far-East branch of the Russian State University of Justice

KALENOV Sergey Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Public and private law sub-faculty of the Far-East Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation

FEDERAL TERRITORY AS A SUBJECT OF CIVIL LAW: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The article analyzes the current provisions of legislation regulating the civil status of the federal territory «Sirius». The authors have identified common features and peculiarities of the federal territory in comparison with other public legal entities - subjects of civil law, as well as contradictions and gaps in civil legislation regulating the participation of the federal territory in civil turnover.

Keywords: civil legislation, public legal entities, federal territory «Sirius», federal property, municipal property, subject of civil law.

Никитина А. В.

Каленов С. Е.

Конституционные поправки 2020 года, внесшие изменения в статью 67 Конституции РФ¹, заложили основу для создания в Российской Федерации федеральных территорий в качестве особой разновидности публично-правовых образований, наряду с Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями. В развитие данных положений был принят Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»² (далее – Федеральный закон № 437-ФЗ), который, комплексно регулируя отношения, возникающие в границах данного публично-правового образования и с его участием (ст. 1), определяет территориальные, организационные, финансово-экономические особенности его правового положения, в том числе специфику формирования и деятельности органов публичной власти, осуществления гражданами местного самоуправ-

ления, предоставления льгот и иных мер поддержки лицам, осуществляющим деятельность в федеральной территории «Сириус» и пр.

При этом принятие указанного закона породило научную дискуссию практически по всем затронутым им вопросам, в том числе об особенностях федеральных территорий как разновидности публичных образований, об их значении для развития федеративных отношений [1], о специфике организации публичной власти [2, 3], о финансовых основах данного территориального образования [4] и др. Отмечается эклектика управления федеральной территории «Сириус», микширование статуса и компетенции разных по своей природе и сущностному предназначению органов в единой мультиформе под названием «органы публичной власти» [5]. Не являются бесспорными и те нормы закона, которые определяют гражданско-правовой статус федеральной территории «Сириус».

С одной стороны, Федеральный закон № 437-ФЗ, регулируя отдельные аспекты участия федеральной территории «Сириус» в гражданском (имущественном) обороте, содержит правовые нормы, аналогичные нормам Гражданского кодекса РФ. Это, в частности, положения о том, что федераль-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> 2020. 04 июля.
2 О федеральной территории «Сириус»: Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (Ч. I). Ст. 8583.

ная территория «Сириус» выступает в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными субъектами гражданского права и к ней применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в таких отношениях, если иное не вытекает из закона или особенностей федеральной территории «Сириус». В целях осуществления публично-властных полномочий, указанных в статье 8 закона, могут создаваться предприятия, учреждения и другие организации. Органы власти федеральной территории «Сириус»: 1) могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и иные права и обязанности, выступать в суде в рамках их компетенции, установленной нормативными актами, определяющими статус этих органов; 2) осуществляют функции и полномочия учредителя в отношении созданных предприятий, учреждений и других организаций.

Вместе с тем, Федеральным законом № 437-ФЗ определены и существенные особенности, отличающие федеральную территорию «Сириус» от других публичных образований – субъектов гражданского права. Как следует из содержания закона, федеральная территория «Сириус» имеет двойственную, государственно-муниципальную природу. В силу этого ее органы (названные в законе органами публичной власти) осуществляют как государственно-властные полномочия, принадлежащие органам государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ, так и полномочия органов местного самоуправления городского округа (ст. 8 закона), что и предопределяет специфику участия федеральной территории в отношениях, регулируемых гражданским законодательством.

Во-первых, экономическую основу федеральной территории «Сириус» составляет муниципальное имущество и имущественные права федеральной территории «Сириус», а также иное имущество и имущественные права, переданные федеральной территории «Сириус» (ч. 1 ст. 43). При этом органы публичной власти федеральной территории самостоятельно владеют, пользуются и распоряжаются муниципальным имуществом и имущественными правами федеральной территории «Сириус» и осуществляют полномочия собственника в отношении федерального имущества, переданного федеральной территории «Сириус» (ч. 2 ст. 43), с учетом особенностей, определенных постановлением Правительства РФ³, которым, в числе прочего, данные органы наделены функциями уполномоченного федерального органа исполнительной власти в сфере управления имуществом Российской Федерации, осуществляющего полномочия собственника, права акционера и участника общества с ограниченной ответственностью и пр. Согласно пп. 10 и 11 Устава Федеральной территории «Сириус» Администрация федеральной территории как орган публичной власти осуществляет, в том числе: управление муниципальной собственностью федеральной территории, решение вопросов создания, приобретения, использования, аренды объектов муниципальной собственности, принятие решений об отчуждении

объектов муниципальной собственности (п. 10); полномочия собственника в отношении федерального имущества, переданного федеральной территории (п. 11)⁴.

Стоит отметить, что первоначальный состав имущества федеральной территории «Сириус» был сформирован за счет передачи ей имущества и имущественных прав Российской Федерации, Краснодарского края и городского округа город-курорт «Сочи» в соответствии с частями 3-5.1 ст. 43 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус». Основанием возникновения прав на имущество федеральной территории являются решения о передаче имущества и имущественных прав, принимаемые соответственно органами государственной власти Российской Федерации, Краснодарского края и органами местного самоуправления города «Сочи» (части 5.2, 5.3 ст. 43 закона).

Во-вторых, обладая имуществом на праве муниципальной собственности и осуществляя полномочия собственника в отношении федерального имущества, органы публичной власти федеральной территории «Сириус» вправе создавать как государственные, так и муниципальные предприятия и учреждения, осуществлять финансовое обеспечение их деятельности (п. 13 ст. 32 Устава федеральной территории «Сириус»), осуществлять закупки товаров, работ, услуг для обеспечения как государственных, так и муниципальных нужд федеральной территории (п. 32 ст. 32 Устава).

В-третьих, содержание норм Устава федеральной территории «Сириус» и Постановления Правительства РФ «Об особенностях осуществления органами публичной власти федеральной территории «Сириус» полномочий собственника в отношении федерального имущества...» позволяет сделать вывод о том, что органы публичной власти федеральной территории приобретают и осуществляют имущественные и иные права и обязанности, выступают в суде не только от собственного имени, но и от имени Российской Федерации. Например, согласно частям 3, 4 ст. 58 Устава администрации федеральной территории от имени федеральной территории осуществляет владение, пользование и распоряжение муниципальным имуществом федеральной территории, а от имени Российской Федерации – права собственника в отношении переданного федерального имущества. Органы публичной власти федеральной территории: от имени федеральной территории и от имени Российской Федерации вправе участвовать в уставных капиталах хозяйственных обществ и осуществлять полномочия участника хозяйственных обществ; от имени Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и иные права и обязанности, выступать в суде в рамках их компетенции. Государственные и муниципальные предприятия и учреждения создаются администрацией федеральной территории также от имени либо федеральной территории, либо от имени Российской Федерации (ч. 5, 7 ст. 58 Устава).

Таким образом, Федеральным законом № 437-ФЗ создана довольно своеобразная концепция участия федеральной территории в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, отличающаяся по ряду параметров от норм Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), определяющих правовое положение публично-правовых образований в ка-

3 Об особенностях осуществления органами публичной власти федеральной территории «Сириус» полномочий собственника в отношении федерального имущества, переданного федеральной территории «Сириус» в соответствии со статьей 43 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус», и о внесении изменений в пункт 1 Положения о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом: Постановление Правительства РФ от 18.10.2021 г. № 1764 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 43. – Ст. 7262.

4 Устав федеральной территории «Сириус»: решение Совета федеральной территории «Сириус» от 19.11.2021 г. №1-3/16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cloud01.sochisirius.ru/index.php/s/8jxCiXL6qzQwbJ#pdfviewer>.

честве участников гражданского оборота⁵. При этом ни пункт 1 ст. 2 ГК РФ, исчерпывающим образом определяющий круг участников отношений, регулируемых гражданским законодательством, ни положения статей, входящих в состав Главы 5, посвященной участию публичных образований в таких отношениях, ни содержат упоминания федеральных территорий в качестве субъекта гражданского права. В связи с чем можно обнаружить ряд пробелов и в иных нормах ГК РФ, а также противоречия между нормами ГК РФ и Федерального закона «О федеральной территории «Сириус». В частности:

– статьи 114 и 125 ГК РФ не называют органы публичной власти федеральной территории в качестве органов, которые могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, осуществлять права собственника, выступать в суде от имени Российской Федерации, принимать решения о создании унитарных предприятий;

– пункт 2 статьи 212 ГК РФ, перечисляющий субъектов права собственности в Российской Федерации, не упоминает такого субъекта, как федеральная территория, при этом в противоречие со ст. 215 ГК РФ федеральная территория «Сириус» является собственником муниципального имущества, не будучи муниципальным образованием;

– пунктом 2 ст. 123.21 ГК РФ исчерпывающим образом определен перечень лиц, имеющих право создавать государственные и муниципальные учреждения; не сложно догадаться, что федеральная территория среди этих субъектов не указана.

Отсутствие упоминания федеральных территорий в статье 125 сказывается и на содержании статей 66 и 114 ГК РФ, предусматривающих, что публично-правовые образования могут быть учредителями унитарных предприятий, участниками хозяйственных обществ, вкладчиками в товариществе на вере, поскольку данные статьи содержат ссылку на статью 125 ГК РФ.

Необходимо отметить также и то, что согласно положениям статьи 126 ГК РФ публично-правовые образования отвечают по своим обязательствам имуществом, принадлежащим им на праве собственности, и не отвечают по обязательствам друг друга. Согласно же буквальному толкованию ч. 10 ст. 43 Федерального закона № 437-ФЗ федеральная территория «Сириус» отвечает по своим обязательствам не только муниципальным имуществом, находящимся в ее собственности, но и переданным федеральным имуществом, в отношении которого федеральная территория осуществляет правомочия собственника.

Кроме того, отсутствие в ГК РФ норм о федеральных территориях и органах публичной власти, действующих от их имени, фактически исключает их из перечня лиц, способных нести ответственность за вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) этих органов, изданием такими органами правовых актов, не соответствующих закону или иному правовому акту, а также за ущерб, причиненный их правомерными действиями, в соответствии со статьями 16, 16.1, 1069 ГК РФ.

Поскольку согласно п. 2 ст. 3 ГК РФ нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ, и при этом законодатель исходит из специфики политико-правовой природы федеральной территории, ста-

тус которой нуждается в особом правовом регулировании, представляется, что нормы Гражданского кодекса РФ, посвященные участию публично-правовых образований в гражданском обороте, требуют корректировки. Необходимо, прежде всего, включить упоминание федеральной территории наряду с Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями в пункт 1 статьи 2, статью 16, пункт 2 статьи 123.21, пункт 1 статьи 124, пункты 2, 3 статьи 126, пункты 2, 3 статьи 212 ГК РФ, название главы 5 и статей 124, 125, 126 ГК РФ. Содержание норм ГК РФ, посвященных порядку участия публично-правовых образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством (ст. 125 ГК РФ), понятию и содержанию государственной и муниципальной собственности (ст. 214, 215 ГК РФ), гражданско-правовой ответственности публично-правовых образований (статьи 16, 16.1., 126, 127, 1069 ГК РФ), требует совершенствования исходя из особенностей гражданско-правового статуса федеральных территорий, определенных отдельными федеральными законами (как уже действующим, так и тех, что могут быть приняты в будущем).

Полагаем, что данные изменения обеспечат системность и непротиворечивость гражданского законодательства, позволят внести ясность в регулирование гражданско-правового статуса федеральной территории.

Пристатейный библиографический список

1. Хадиков А. К., Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Федеральная территория «Сириус». Юридическая конструкция публично-правового образования // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Т. 9. – № 6А. – С. 43-50.
2. Виноградов В. В. Федеральная территория как принципиально новый вид организации публичной власти в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 1. – С. 38-39.
3. Кожевников О. А. Дискуссионные вопросы реализации местного самоуправления на федеральной территории // Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах: сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием. – М.: РУДН, 2021. – С. 55-63.
4. Богуславская Н. А. Финансовая основа федеральной территории «Сириус» // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 2. – С. 237-239.
5. Колесников А. В. Эклектика управления федеральной территорией «Сириус»: органы публичной власти, государственные должности, муниципальное имущество и налоги // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2021. – № 4. – Ст. 27-31.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ШАПОВАЛ Ольга Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Кубанского государственного университета

МКРТЧЯН Алина Левовна

магистрант программы магистерской подготовки «Гражданское право» Кубанского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЛИНЕЙНОГО ОБЪЕКТА В РФ

В статье рассматриваются практические и теоретические проблемы, связанные с отсутствием унифицированного понятия линейного объекта в законодательстве РФ. Проводится анализ различных отраслевых нормативных актов, регулирующих правовой режим линейных объектов. Рассматриваются и выявляются пробелы законодательства и коллизии судебных решений по вопросам правового регулирования создания и функционирования линейных объектов.

Ключевые слова: недвижимое имущество, линейный объект, земельные участки, правовой режим.

SHAPOVAL Olga Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law sub-faculty of the Kuban State University

MKRTCHYAN Alina Levovna

magister student of the Master's degree program "Civil Law" of the Kuban State University

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF A LINEAR OBJECT IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses practical and theoretical problems associated with the lack of a unified concept of a linear object in the legislation of the Russian Federation. The analysis of various industry regulations regulating the legal regime of linear objects is carried out. The gaps in legislation and conflicts of court decisions on the issues of legal regulation of the creation and functioning of linear objects are considered and identified.

Keywords: real estate, linear object, land plots, legal regime.

Линейные объекты представляют собой самостоятельный объект недвижимого (в некоторых случаях — движимого) имущества, который обеспечивает существование и использование энергетических комплексов, систем транспорта и других стратегически важных отраслей народного хозяйства любого государства.

Как известно, наша страна является одним из крупнейших поставщиков энергоносителей в мире. Подобная деятельность невозможна без развитой инфраструктуры различного рода линейных объектов, которые позволяют передавать самые разнообразные виды энергоносителей, недр, как естественного происхождения, так и производимые российскими поставщиками. Объекты, обеспечивающие коммуникации в современном мире, могут как доставлять необходимые для населения ресурсы, такие как газ, вода, тепло, так и быть частью инфраструктуры города, например, мосты, тоннели, радио, телепередающие башни и другое.

Сложившаяся на сегодняшний момент геополитическая ситуация и введенные против Российской Федерации санкции ставят под угрозу не только функционирование, но и сам факт принадлежности государству его линейных объектов, в частности, газопроводов и нефтепроводов. Заявления, а в некоторых случаях и действия ряда стран заставляют нас опасаться, что как линейные объекты, так и газохранилища, и нефтехранилища могут быть банально захвачены нашими так называемыми партнерами.

Шаповал О. В.

Мкртчян А. Л.

Насущная необходимость закрепления понятия и правового режима линейных объектов возникла также в связи с существенными изменениями гражданского законодательства, направленными на закрепление принципа единства судьбы земельного участка и объекта недвижимого имущества, на нем находящегося. Отказ от этого принципа произошел в период советской правовой системы, что связано вообще с отказом от частной собственности на землю. Потребность введения подобной конструкции появилась вновь как результат приватизации. Вдруг оказалось, что огромное количество зданий, сооружений и других объектов находятся на земле, принадлежащей другим собственникам. И если споры между собственниками различных объектов недвижимости носили частных характер и не касались публичных интересов, то нахождение на частных земельных участках таких объектов, как водопроводы, газопроводы, линии электропередач, привело к невозможности их нормальной эксплуатации и обслуживания. Разрозненное отраслевое законодательство, регулирующее режим линейных объектов, в свою очередь, породило еще большее количество противоречий и споров.

Проблема недостаточно развитого правового режима подобных объектов становится все более актуальной при их создании, регистрации и эксплуатации как на территории России, так и на территории сопредельных государств, которые являются потребителями или просто странами-транзитерами российских энергоносителей.

Сегодняшняя геополитическая ситуация подстегивает необходимость устранения указанных пробелов для формирования универсальной правовой базы, согласующейся с международным и национальными законодательствами стран-партнеров РФ.

В действующем законодательстве отсутствует единое понятие линейного объекта. Различные по своему содержанию определения линейного объекта закреплены в целом ряде нормативных актов федерального и регионального уровня и подзаконных актах. Сущностной правовой проблемой является, во-первых, отсутствие единого определения линейного объекта в Гражданском кодексе РФ и характеристика его как самостоятельного объекта недвижимости, а также создание федерального законодательного акта, комплексно определяющего все аспекты создания и функционирования линейных объектов. Во-вторых, упоминание в законодательстве о линейных объектах носит характер перечисления их видов в различных вариациях без формулирования юридически четкого и корректного, называющего виды и признаки таких линейных объектов определения. Определение и характеристика линейных объектов содержится в Градостроительном, Земельном, Лесном кодексах РФ, Гражданский кодекс упоминает линейные объекты в рамках правового режима единого недвижимого комплекса, упоминаются линейные объекты в Федеральных законах «О связи», «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую», а также в ряде подзаконных актов, в каждом из которых дано свое определение понятия линейного объекта. Отсутствие единого унифицированного определения понятия «линейный объект» следует признать слабой стороной законодательства, порождающей целый спектр правовых и технологических проблем.

Рассмотрим понятие линейного объекта в различных нормативных актах.

Градостроительный кодекс Российской Федерации дает понятие линейного объекта в п. 10.1 ст. 1, относя его к одному из видов сооружений и раскрывая через перечисление его отдельных видов: линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения¹.

В свою очередь, Гражданский кодекс РФ определяет линейный объект как перечисление следующих объектов: железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие, как часть единого недвижимого комплекса².

Земельный кодекс РФ в последней редакции рассматривает линейные объекты в пп. 1 ст. 39.37: «строительство, реконструкция, эксплуатация, капитальный ремонт объектов электросетевого хозяйства, тепловых сетей, водопроводных сетей, сетей водоотведения, линий и сооружений связи, линейных объектов системы газоснабжения, нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, их неотъемлемых технологических частей, если указанные объекты являются объектами федерального, регионального или местного значения, либо необходимы для организации электро-, газо-, тепло-, водоснабжения населения и водоотведения, подключения (технологического присоединения) к сетям инженерно-технического обеспечения, либо переносятся в связи с изъятием земельных участков, на которых они ранее располагались,

для государственных или муниципальных нужд (далее также – инженерные сооружения)»³.

Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» понимает под линейным объектом дороги, линии электропередачи, линии связи, нефте-, газо- и иные трубопроводы, железнодорожные линии и другие подобные сооружения⁴.

Линейные объекты используются в различных отраслях и несут в своем понятии специфические характеристики. Например, Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» определяет линейно-кабельные сооружения связи – объекты инженерной инфраструктуры, созданные или приспособленные для размещения кабелей связи, и линии связи – линии передачи, физические цепи и линейно-кабельные сооружения связи⁵.

Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» в п. 7 ст. 2 приводит следующее определение: линейные объекты топливно-энергетического комплекса – система линейно-протяженных объектов топливно-энергетического комплекса (электрические сети, магистральные газопроводы, нефтепроводы и нефтепродуктопроводы), предназначенных для обеспечения передачи электрической энергии, транспортировки газа, нефти и нефтепродуктов⁶.

Законодательное закрепление линейных объектов нашли и в подзаконных актах, примером которых является Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию», в котором линейный объект выступает в качестве вида объекта капитального строительства (трубопроводы, автомобильные и железные дороги, линии электропередачи и др.)⁷.

Строительные нормы и правила (далее – СНиПы) также содержат определение линейного объекта – «линейные объекты: линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения»⁸.

По общему правилу, линейные объекты являются недвижимостью, так как они относятся к сооружениям. Сооружения являются недвижимыми вещами (п. 1 ст. 141.3 ГК РФ). При этом они должны быть прочно связаны с землей, а их перемещение невозможно без несоразмерного ущерба их назначению (п. 1 ст. 130 ГК, п. 10.1 ст. 1 ГК РФ). Однако в иных случаях линейные сооружения не будут относиться к недвижимости. Так, линии связи могут быть как недвижимостью

1 Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ: в ред. от 14 июля 2022 г. № 350-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 29 (часть III), ст. 5317.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: в ред. от 25 февраля 2022 г. № 430-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 52 (часть I), ст. 8989.

3 Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: в ред. от 14 июля 2022 г. № 312-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 29 (часть III), ст. 5279.

4 О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую: Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ: в ред. от 30 декабря 2021 г. № 492-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 1 (часть I), ст. 61.

5 О связи: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ: в ред. от 30 декабря 2021 г. № 465-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 1 (часть I), ст. 34.

6 О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ: в ред. от 28 июня 2022 г. № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 27, ст. 4631.

7 О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию: постановление Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87: в ред. постановления Правительства Рос. Федерации от 27 мая 2022 г. № 963 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 23, ст. 3791.

8 Об утверждении СП 48.13330.2019 «СНиП 12-01-2004 Организация строительства»: Приказ Минстроя России от 24 декабря 2019 г. № 861/пр // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(линейно-кабельные сооружения), так и движимым имуществом – линии передачи, физические цепи (ч. 7 ст. 2, п. 1 ст. 8 ФЗ № 126-ФЗ, Письмо Минкомсвязи России от 14 апреля 2015 г. № П12-7172-ОГ⁹).

Для разрешения данной коллизии обратимся к нормативному регулированию.

В Письме ФАС от 23 октября 2017 г. № ВК/72746/17 общается следующее: «Из положений пункта 11 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации следует, что линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения относятся к линейным объектам.

Согласно части 1 статьи 25 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» право собственности на созданный объект недвижимого имущества регистрируется на основании правоустанавливающего документа на земельный участок, на котором расположен этот объект недвижимого имущества, а также разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, если в соответствии с законодательством Российской Федерации требуется получение такого разрешения.

В соответствии с пунктом 3 части 3 статьи 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации для принятия решения о выдаче разрешения на ввод объекта в эксплуатацию необходимо разрешение на строительство. Вместе с тем, пунктом 5 части 17 Градостроительного кодекса Российской Федерации установлено, что выдача разрешения на строительство не требуется в случаях, если в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации о градостроительной деятельности получение разрешения на строительство не требуется.

Например, в соответствии с подпунктом «в» пункта 1 статьи 2 закона Красноярского края от 8 июня 2017 года № 3-714 «Об установлении случаев, при которых не требуется получение разрешения на строительство на территории края» получение разрешения на строительство на территории Красноярского края не требуется при строительстве и (или) реконструкции объектов электросетевого хозяйства напряжением до 35 киловольт включительно: линий электропередачи, электрических подстанций, электрических распределительных устройств и связанного с ними иного предназначенного для обеспечения электрических связей и осуществления передачи электрической энергии оборудования.

Таким образом, территориальные органы Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии могут отказывать в регистрации прав на объекты электроэнергетики, как не относящиеся к недвижимому имуществу, в случаях, если законодательством соответствующего субъекта Российской Федерации установлено, что они отнесены к объектам, не требующим получения разрешения на строительство, либо по иным основаниям.

Учитывая изложенное, заключения Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Красноярскому краю об отказе в государственной регистрации договоров аренды или купли-продажи объектов электросетевого хозяйства в связи с тем, что указанные объекты не относятся к объектам недвижимого имущества, могут приниматься регулирующими органами в составе документов, подтверждающих право собственности или иные законные основания владения в отношении объектов, используемых для осуществления регулируемой деятельности, и являются основанием для установления в от-

ношении таких объектов соответствующих тарифов на передачу электроэнергии.

При этом объекты электроэнергетики, отнесенные к недвижимому имуществу, должны быть зарегистрированы надлежащим образом¹⁰.

Исходя из изложенного, мы приходим к выводу, что решение об отнесении того или иного линейного объекта (в описанном случае – объекта электро-сетевого хозяйства) к движимому или недвижимому имуществу зависит от регионального законодательства, которое определяет порядок и необходимость предоставления того или иного перечня документов при строительстве линейного объекта. Из чего мы можем сделать вывод, что одни и те же по своим характеристикам линейные объекты могут быть отнесены к недвижимости в одном субъекте РФ и являться движимым имуществом в другом.

Подобный пример можно привести и с автомобильными дорогами как видом линейных объектов.

Автомобильная дорога – это объект транспортной инфраструктуры, который предназначен для движения транспортных средств и включает в себя земельные участки в границах полосы ее отвода, расположенные на них или под ними конструктивные элементы (дорожное полотно, дорожное покрытие и подобные элементы) и дорожные сооружения, являющиеся ее технологической частью, – защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, элементы обустройства автомобильных дорог¹¹.

Как было сказано выше, автомобильная дорога является линейным объектом, сооружением. В свою очередь, сооружения являются недвижимостью при условии, что они прочно связаны с землей, то есть их перемещение без несоразмерного ущерба назначению невозможно. Для строительства таких сооружений необходимо получение разрешения на строительство, а после завершения строительства – разрешение на ввод объекта в эксплуатацию (п. 1 ст. 130 ГК РФ, п. 10.1 ст. 1, ч. 1 ст. 51, ч. 1 ст. 55 ГрК РФ).

Таким образом, объекты, входящие в состав автомобильной дороги, создаются с соблюдением порядка, установленного для создания объектов недвижимости – приобретение земельного участка, получение разрешения на строительство, соблюдение строительных норм и правил, ввод в эксплуатацию и т.д. В противном случае они не будут являться объектом недвижимости.

Вопрос о том, является ли объект недвижимостью, решается на стадии разработки проектной документации и получения разрешительных документов. Также он может быть решен и при проведении кадастровых работ (Письма Минэкономразвития России от 2 мая 2017 г. № ОГ-Д23-5242¹², от 11 июля 2014 г. № Д23и-2426¹³).

Все вышесказанное подчёркивает острую необходимость совершенствования законодательства в области правового режима линейных объектов и унификации понятия «линейный объект».

10 О правомерности учета тех или иных документов при проверке соответствия критериям ТСО: письмо ФАС России от 23 октября 2017 г. № ВК/72746/17 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ: в ред. от 14 июля 2022 г. № 284-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 29 (часть III), ст. 5251. (п. 1 ст. 3)

12 Письмо Минэкономразвития России от 2 мая 2017 г. № ОГ-Д23-5242 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 О рассмотрении обращения: письмо Минэкономразвития России от 11 июля 2014 г. № Д23и-2426 // Нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве. – 2014. – № 4.

9 О линиях связи: Письмо Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 14 апреля 2015 г. № П12-7172-ОГ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ

В статье рассматривается транспортная отрасль как площадка для разработки и применения инициатив по цифровизации данной отрасли. Контроль за качеством дорожного движения, регулирование транспортных потоков, мониторинг и предиктивное обслуживание, а также установление необходимости ремонта, внедрение мобильных дорожных сервисов и обслуживание клиентов – пассажиров сегодня является основной целью цифровизации данной отрасли. Однако, имеющиеся проблемы введения новаций, урегулирование которых должно пройти в обязательном порядке с нормами законодательства, вопросы финансирования и развития дорожного транспорта не только в центральной России, но и других городах требуют постоянного контроля и развития.

Ключевые слова: гражданское законодательство, цифровые технологии, развитие транспортной отрасли, транспортный контроль, нормативно-правовое регулирование.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF THE TRANSPORT INDUSTRY IN RUSSIA

The article considers the transport industry as a platform for the development and application of initiatives for the digitalization of this industry. Traffic quality control, traffic flow regulation, monitoring and predictive maintenance, as well as the establishment of the need for repairs, the introduction of mobile road services and passenger customer service today is the main goal of digitalization of this industry. However, the existing problems of introducing innovations, the settlement of which must necessarily take place in accordance with the norms of legislation, issues of financing and development of road transport not only in central Russia, but also in other cities require constant monitoring and development.

Keywords: civil legislation, digital technologies, development of the transport industry, transport control, regulatory regulation.

Современное развитие общества характеризуется цифровизацией всех сфер его жизнедеятельности. При этом основу развития получают города и центры, в которых достаточное количество транспортных средств. Мы видим, как средства массовой информации освещают активную трансформацию транспортной отрасли и ее переход на новый технологический уровень, создание интеллектуальных транспортных систем, разработку новейших решений для удобства пользования пассажирами различных терминалов и проведения оплат проезда.

В отдельных городах успешно проходит тестирование беспилотных транспортных средств по перевозке грузов и пассажиров, а также систем мониторинга обслуживания и ремонта таких средств передвижения. Однако, достаточно высокая стоимость разработок и их внедрение, позволяет реализовать подобные инициативы далеко не везде.

Транспортный коллапс в городах-миллионниках привел к появлению многокилометровых пробок. Ведь сегодня среднестатистическая семья имеет в хозяйстве минимум два автомобиля. Неважно, какой это транспорт личный или грузовой для организации перевозок. Для подрастающих детей родители также стараются отложить денежные средства либо берут кредиты на приобретение личного автотранспорта. Все это только увеличивает количество участников дорожного движения. Из-за такого объема транспорта страдают и сами люди. Порой скорая медицинская помощь приезжает по вызову через 5-6 часов, когда для оказания помощи бывает слишком поздно.

Строительство новых районов городов также не использует масштаб архитектурного мышления и по «старой памяти» дорожное полотно состоит из четырех полос, вместо так уже необходимых 6-8. К примеру, въезд в город Рязань со стороны г. Москва характеризуется сужением дороги из

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

4 полос в две, при этом в данные полосы вливается Южная окружная дорога. В таких пробках люди проводят два раза в день ежедневно, а в дни уик-энда в такой поток вливаются иногородние машины, стремящиеся попасть к родственникам и на собственные дачные участки.

Такая ситуация говорит о необходимости принятия решений по изменению транспортной обстановки на дорогах России. В первую очередь вопрос касается информационных ресурсов, которые могли бы в кратчайший срок довести транспортную информацию для пользователя, то есть водителя либо пассажира. Поскольку временные затраты касаются не только тех, кто управляет транспортным средством, но и лиц, например, едущих в аэропорт. Поэтому, на первое место в решении транспортного вопроса выходят транспортное моделирование, транспортная аналитика, статистика и матричное управление дорожным движением.

Современные технологии в области навигации и маршрутизации, а также геопозиционирования в рамках использования цифровых карт и различных приложений позволяют в режиме реального времени найти искомое транспортное средство на дороге, просчитать траекторию его движения и рассчитав скорость потока вычислить время в пути.

Как ни странно, но основными поставщиками информации о геолокации являются пользователи автомобильных и портативных навигаторов, различных приложений для геоинформации для смартфонов, а также компании-операторы. Такой комбинированный набор источников обеспечивает высокое качество и репрезентативность собранной информации. Именно она в режиме онлайн ложится в основу расчета цифрового формата движения автотранспортных средств и транспортного потока в целом.

Относительный застой транспортной отрасли и тем более вопросов ее перевода в иной формат взаимодействия с клиентом начался в пандемийный период. Это время характеризуется не только резким снижением мобильности граждан, но и необходимостью осуществления дотаций и субсидирования со стороны государства в целях сохранения такого сервиса. О внедрении каких-либо технологий говорить не приходилось [1].

Однако постепенная отмена ограничений сегодня позволяет вернуться, практически, к прежнему уровню дорожного движения исходя из его интенсивности. И все же остаются вопросы, связанные с эпидемиологической ситуацией, которая оставила определенный спектр привычек клиентам – жителям в городах. Многие люди боятся пользоваться общественным автотранспортом, входят в контакт при оплате проезда с кондукторами и стараются либо минимизировать свои перемещения, либо делать это с помощью услуг такси и частном автотранспорте [2, с. 175].

И все-таки вопрос цифровизации транспортной отрасли так и остается пока открытым. Для удобства пассажиров общественного транспорта и минимизации контактов на станциях ожидания сегодня включены сервисы бесконтактной оплаты и онлайн приложений, позволяющих отследить маршрут движения и время прибытия на остановку нужного вида общественного транспорта. Однако этого сегодня уже недостаточно, ведь так и остаются нерешенными следующие проблемы транспортной отрасли: высокая аварийность ввиду не только человеческого фактора, но и дорожных и погодных условий; слабая эффективность перевозочных процессов

традиционными видами транспорта; остающаяся низкая мобильность населения; невозможность осуществления оперативного управления транспортным комплексом из единого штаба управления; слабая осведомленность и низкая координация действий федеральных, региональных и местных органов власти, их субъектов при обеспечении безопасности дорожного движения, включая транспортную безопасность и кибербезопасность; невозможность контроля за состоянием транспортных объектов инфраструктуры на всех этапах их жизненного цикла.

Правительством РФ в связи с этим принято Постановление от 9.11.2021 года № 1922 «О внесении изменений в государственную программу РФ «Информационное общество» и признании утратившими силу некоторых решений Правительства РФ». Одним из проектов программы стала стратегия цифровой трансформации отрасли «Транспорт», состоящая из шести направлений. Среди них можно увидеть цифровое управление транспортной системой РФ, цифровизацию транспортной безопасности и решение вопросов цифровых двойников объектов транспортной инфраструктуры. Программа рассчитана до 2030 года. Интересным является то, что начало работы программы абсолютно не обеспечено финансами.

Однако, достаточно интересными являются позиции, распространяемые на перевозки пассажиров и грузов, а именно ввод беспилотников для их перемещения. В рамках программы этот момент выглядит следующим образом. Создание инфраструктуры для движения беспилотных аппаратов всех видов транспорта, в рамках которой предусмотрено введение в эксплуатацию беспилотных транспортных средств легкового и грузового автомобильного транспорта, поездов, кораблей, а также роботизация транспортных и логистических узлов (хабов), к которым относятся порты, железнодорожные станции, логистические центры. Такой переход планируется в связи с увеличением средней скорости перевозок, повышением безопасности движения и снижения транспортных расходов [3].

В сфере оплаты проезда на любом транспорте, либо подтверждения регистрации и проезда сегодня стартовало применение биометрических данных, к которым, например, банком Сбер привязываются сервисы платежа. Так в терминалах аэропортов регистрация пассажиров проходит по отпечатку пальца, а проезд в обычных автобусах и троллейбусах возможен с помощью не только пластиковых карт, но и систем сбер пей и иных цифровых инструментов. На автомобильных дорогах платного типа (М11 или ЦКАД) уже работают камеры, которые рассчитывают путь и выдают стоимость оплаты проезда без обращения к администратору.

Применение интеллектуальных транспортных систем уже не новость для населения страны. Они собирают информацию, связанную с дорогами и всей дорожной структурой. Повсеместно, конечно, по главным транспортным артериям страны, они собирают информацию о передвижении транспортных средств, скоростном режиме и даже о лицах, находящихся в автомобилях.

ИТС представляют собой целый комплекс современных информационных телематических технологий с выводом на возможность управления. Это значит, что уже есть основа для цифровой структуры управления дорожным потоком и повышением безопасности управления транспортным

комплексом. Кроме того, сегодня в такой комплекс внедряют цифровые метеостанции для наблюдения за дорожным полотном и информирования участников движения о состоянии трассы. Этот уникальный комплекс микросистем улавливает направление ветра, скорости воздушных потоков, осадки и оптическую видимость, в состоянии оценивать дорожное покрытие, его температуру и др.

По планам Минтранса России такие информационные цифровые дорожные экосистемы должны строиться по принципу лестницы, то есть снизу-вверх: от муниципального к региональному уровню, а затем выходить на федеральный.

На уровне городов и поселков внедряются подсистемы, которые позволяют контролировать дорожное движение, информировать людей о ситуации на дорогах, контролировать состояние дорог, а также принимать средства на платных станциях.

Кроме того, данные из местных органов власти собираются на региональном уровне на интеграционной платформе. Это позволяет извлекать, анализировать и распределять информацию из подсистем и создавать автоматические алгоритмы на основе повторяющихся событий [4]. Из всего вышперечисленного в регионах чаще всего в реальности работают камеры слежения (скорости), относящиеся к системе «безопасный город», платные станции, а оповещение о ремонтных работах идет из приложений «Навигатор», но с определенным опозданием или устаревшими данными, когда ремонтные работы уже закончены, а навигатор сообщает о них, либо работы начались и впереди образовался длительный автомобильный коллапс, который можно было объехать, а информация для этого пришла слишком поздно.

Решение вопросов транспорта не останавливается на простой цифровизации его сервисов, которые «для удобства» пользования привязываются к конкретным людям или к биометрическим данным, что приводит к тотальному отслеживанию не только уровня дохода человека, но и частоты его передвижений и направлений поездок. Вопрос удобства пользования транспортом сегодня решается и иными способами. Один из них – это переход общественного транспорта на второй уровень. Предполагается, что подобная система может решить целый ряд вопросов, связанных с пропускной способностью в часы «пик», минимизацией негативного воздействия на человека, окружающую среду при сохранении длительности суточного пробега средства, снижения расходов топлива, так как видимость энергетического кризиса в планетарном масштабе уже начинает наблюдаться в отдельных странах, решение вопросов транспортной безопасности и многое другое. Вопросы нормативно правового регулирования транспортной сферы в основном относятся к гражданскому законодательству, а с момента введения в действие новых положений о цифровых объектах гражданских прав, вопросы цифровизации в данной сфере возникать и не должны. Но как быть с появлением новых видов транспортных средств и моментами некоторого несоответствия уровня безопасности граждан и вопросами тайны информации о человеке и гражданине в целях защиты его личной жизни.

В рамках информационной безопасности пока государство отдает предпочтение удобству граждан, несмотря на, теперь уже, невозможность сокрытия доступа к личным данным. А в сфере решения транспортного вопроса в последнее время появляется достаточно большое количество разрабо-

ток, которые могли бы привлечь внимание инвесторов и в рамках программы «Информационное общество». Однако, пока средств для подобных разработок нет, а решение вопросов транспортной безопасности для граждан сегодня имеет большее значение, чем момент вопроса конфиденциальности их доходов, местонахождения и передвижения, что тоже требует нормативного регулирования [5].

Пристатейный библиографический список

1. Makhboroda M., Ananyeva E., Doucek I. P. Changes in transport activity regulation in the context of the coronavirus pandemic // В сборнике: E3S Web of Conferences. Сер. "International Scientific and Practical Conference "Development of the Agro-Industrial Complex in the Context of Robotization and Digitalization of Production in Russia and Abroad", DAIC 2020" 2020. – С. 5006.
2. Ананьева Е. Ю. Большие данные для транспортной аналитики // Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2020. – С. 170-177.
3. Минтранс СЦТ. СЭС. Расширенный паспорт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/Admin/Downloads/Минтранс%20СЦТ.%20СЭС.%20Расширенный%20паспорт (дата обращения: 15.09.2022 г.).
4. Как интеллектуальные транспортные системы изменят российские города / РБК Тренды. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/cmrm/61ade61e9a794742054cb6d1> (дата обращения: 15.09.2022 г.).
5. Ананьева Е. О., Шмаева Т. А. Человек – общество – государство: вопросы обязательной цифровизации гражданского общества // Теория государства и права. – 2022. – № 1 (26). – С. 11-21.

АСКЕРЛИ Давуд Захид Оглы

магистрант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

СОТНИКОВ Денис Сергеевич

магистрант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МЕНЬШИКОВ Павел Валентинович

ассистент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ПРИЗНАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА САМОВОЛЬНУЮ ПОСТРОЙКУ

В статье рассмотрены особенности приобретения права собственности на самовольную постройку, а также выделены правовые аспекты и основания такого приобретения. В результате исследования были рассмотрены и выделены особенности приобретения права собственности на самовольную постройку и определен их правовой статус с точки зрения гражданского и земельного законодательства.

Ключевые слова: право, собственность, право собственности, недвижимость, имущество, самовольная постройка.

ASKERLY Davud Zahid Ogly

magister student of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

SOTNIKOV Denis Sergeevich

magister student of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MENSHIKOV Pavel Valentinovich

assistant of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

RECOGNITION OF OWNERSHIP RIGHT TO AUTHORIZED CONSTRUCTION

The article discusses the features of acquiring the right of ownership to an unauthorized construction, as well as highlights the legal aspects and the basis of such an acquisition. As a result of the study, the features of acquiring ownership of unauthorized construction were considered and highlighted, and their status was determined from the point of view of assessment and land legislation.

Keywords: law, own, ownership, real estate, property, arbitrary building.

Конституция Российской Федерации устанавливает основы права собственности на землю и иные природные ресурсы в Российской Федерации (ст. 8, 9 и ст. 36) [1]. Исходя из конституционного определения права частной собственности, можно сделать вывод о том, что субъектом права частной собственности может являться, по сути, любой субъект гражданского права. К таковым могут носиться как физические лица, вне зависимости от гражданства, так и юридические лица, вне зависимости от организационно-правовой формы, а также государство в лице своих государственных органов и должностных лиц, уполномоченных в той или иной сфере общественных отношений.

Согласно п. 2 ст. 213 Гражданского кодекса Российской Федерации, право частной собственности может быть ограничено в тех случаях, когда такие ограничения установлены законом, а именно: когда граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права «в своих интересах» [3]. Между тем регламентация права собственности в российском законодательстве предусматривает некоторые исключения. К таковым относятся самовольные постройки.

Ст. 222 ГК РФ предусматривает основные правовые аспекты, характеризующие самовольную постройку. Так, согласно ч. 1 ст. 222, под «самовольной постройкой» следует понимать такое строительство, которое не допускается в силу оснований, предусмотренных гражданским и земельным законодательством, или не может быть осуществлено без наличия специальных на то соглашений и разрешений [3]. Таким образом, право на самовольную постройку не является законным правом, а право соб-

ственности за лицом, которое ее возвело либо дало указание на ее возведение, не может быть признано законным.

Отмеченные особенности предопределяют специфику самовольной постройки как одного из объектов гражданских прав [10, с. 137]. Также федеральное законодательство содержит особые основания для наделения собственника соответствующей постройки правом собственности. Они могут быть определены путем анализа федерального законодательства, предусматривающих основания для приобретения права собственности на соответствующую постройку [6, с. 16].

В практическом плане интерес представляет судебная практика. Так, в одном из судов общей юрисдикции в настоящий момент слушается дело о внесении спорного имущества в наследственную массу и признании права собственности на него. Предмет спора состоит в следующем:

В 1994 году между администрацией муниципального образования и гражданином А. был заключен договор аренды земельного участка под индивидуальное жилищное строительство сроком на три года. Земельный участок был передан по акту отвода в натуре. По договору о возведении жилого дома строительство было возможно только после получения разрешения на строительство и утверждения плана строительства. После окончания строительства для регистрации права собственности на земельный участок и жилой дом постройка должна была быть сдана в эксплуатацию. Жилой дом и земельный участок не поставлены на учет в Росреестр, а также не имеют кадастровых номеров. Жилой дом был построен не в соответствии с утвержденным планом строительства, после окончания строительства

в эксплуатацию не сдан. А. продолжал пользоваться земельным участком, а администрация МО не имела против этого возражений, решений о сносе самовольной постройки или приведении ее в соответствие с установленными требованиями не выносило. В 2011 г. администрацией МО было вынесено постановление о присвоении построенному жилому дому номера.

После смерти А. его наследница обратилась в суд с иском о внесении жилого дома в наследственную массу и признании права собственности на него. Администрация МО возражает против исковых требований, заявляя, что жилой дом является самовольной постройкой, так как истцом не подтверждено соответствие конструкции дома утвержденному плану застройки. По мнению же истца, небольшие отклонения от утвержденного плана застройки и факт того, что дом не был сдан в эксплуатацию, однозначно не говорят о недобросовестности А. в исполнении договора о возведении жилого дома.

На примере этого дела возникает вопрос: каким именно должно быть несоответствие постройки плану строительства для признания ее самовольной постройкой и вынесении решения о ее сносе? Отвечая на него, нужно обратиться к положениям Градостроительного кодекса Российской Федерации. Анализ законодательства позволяет выделить основные правовые нормы, влияющие на признание объекта строительства самовольной постройкой. Так, согласно ст. 55.32 ГрК, снос объектов строительства, признанных самовольными постройками, осуществляется только по решению суда или органа местного самоуправления. Этим нормативным актом устанавливаются основные особенности принятия решения о сносе подобного строительного объекта [2].

Право собственности на самовольную постройку может быть признано в судебном порядке. Это устанавливает важные правовые аспекты реализации права собственности на такую постройку и дальнейшее ее использование и распоряжение ей в законном порядке. Именно поэтому основания для признания права собственности на самовольную постройку на сегодняшний день являются столь значимыми. Данная особенность позволяет рассматривать самовольную постройку как основание, при котором за лицом признается соответствующее право собственности. Анализ федерального законодательства позволяет также рассматривать право собственности на самовольную постройку не только посредством вынесения соответствующего судебного решения, но и при соблюдении определенных условий:

во-первых, лицо, осуществившее самовольную постройку, имеет право на строительство на земельном участке, на котором она и была возведена;

во-вторых, сама постройка соответствует требованиям, установленным гражданским и земельным законодательством;

наконец, сохранение такой постройки не нарушает права третьих лиц и не угрожает их жизни или здоровью [12, с. 60].

Основываясь на данных нормах, можно сделать вывод о том, что самовольная постройка тем самым может быть признана законной, и лицу, ее возводившему, на нее может быть оформлено право собственности. Подобные основания позволяют юристам говорить о специфике самовольной постройки как одного из объектов гражданского права. Рассматриваемые особенности наделения лица правом собственности в отношении самовольной постройки дают основания рассматривать данную постройку как совокупность правовых требований, регулирующих порядок закрепления права собственности за ней [9, с. 29].

Еще одним, не менее важным обстоятельством, предусматривающим возможность наделения правом собственности лица в отношении самовольной постройки, следует рассмотреть такую ситуацию, при которой порядок ее строительства был нарушен. В частности, лицо может быть наделено в отношении нее правом собственности только при наличии условий, когда такая самовольная постройка может быть реконструирована в соответствии с требованиями законодательства [7, с. 94]. В подобных случаях решение принимается судом либо органом местного самоуправления в пределах муниципального образования, в границах которого была возведена самовольная постройка.

Очевидно, что право собственности на самовольную постройку подлежит обязательной государственной регистрации [11, с. 183]. Данное обязательство в конечном счете определяет порядок возведения самовольной постройки, основания для дальнейшего осуществления правового регулирования правомочий собственника в отношении нее. Данную норму можно рассматривать как одно из оснований для закрепления права собственности на самовольную постройку за соответствующим лицом. Необходимо также отметить, что особенности закрепления права собственности на самовольную постройку выражаются, прежде всего, в характере такой постройки [8, с. 301].

Полагаем целесообразным обратиться также к Обзору судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ от 19.03.2014 [5]. В частности, в практике судов вызывают опреде-

ленную сложность дела, связанные с разрешением требований о признании права собственности на самовольные постройки, возведенные на арендованных земельных участках. В представленных выводах особо подчеркнуто, что в соответствии со взаимосвязанными положениями Земельного кодекса Российской Федерации (подп. 2 п. 1 ст. 40 и п. 1 ст. 41) арендатор земельного участка имеет право возводить жилые, производственные, культурно-бытовые и иные здания, строения, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением всех предусмотренных законом требований (градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных, а также иных правил и нормативов) [4]. Отсюда следует, что самовольная постройка представляет собой объект строительства, не соответствующий нормам федерального законодательства. Особенности самовольной постройки выступают то, что лицо не приобретает права собственности на нее, то есть не может ей распоряжаться по своему усмотрению. И, наконец, самовольная постройка подлежит сносу за счет лица, ее возводившего.

В целом процедура признания права собственности на самовольную постройку является достаточно сложной. В основном признание права собственности на самовольную постройку осуществляется через судебные органы, однако иногда встречаются и такие случаи, когда право собственности на самовольную постройку возможно признать и при обращении в соответствующие органы государственной власти. Порядок признания права собственности на самовольную постройку позволяет заключить, что такое признание не всегда возможно. При этом случаи, когда признание права собственности на самовольную постройку является возможным, установлены законом.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144 (8198).
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 38. – Ст. 6431.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: офиц. текст по состоянию на 08.12.2020 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 50. – Ст. 8129.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 44. – Ст. 7489.
5. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.03.2014) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 68.
6. Алексеева Е. Н. Самовольная постройка, возведенная на спорном земельном участке // Состояние и перспективы развития государства и общества в условиях модернизации: диалог науки и практики Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 16-18.
7. Известкина К. С. Актуальные вопросы, возникающие в практике при признании права собственности на самовольную постройку // Вестник магистратуры. – 2019. – № 2 (17). – С. 93-96.
8. Кобылинский Н. Д. Самовольная постройка в системе объектов гражданских правоотношений // Актуальные проблемы современного частного права Сборник научно-практических статей Всероссийской научно-практической студенческой конференции. – 2016. – С. 301-304.
9. Мотлохова Е. А. Особенности правового режима самовольных построек в российском гражданском праве // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 10 (169). – С. 25-33.
10. Рубанцова Т. А. Проблемы сноса самовольных построек и способы защиты прав, нарушаемых возведением самовольной постройки в Российской Федерации // Юридические науки: проблемы и перспективы Материалы IV Международной научной конференции. – 2016. – С. 136-139.
11. Сидорова В. Н. К вопросу о самовольной постройке в российском праве // Частное и публичное в вещном праве сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 183-189.
12. Турлюк В. М. Спорные моменты признания права собственности на самовольную постройку // Судебная практика в Западной Сибири. – 2020. – Т. 2. – С. 58-66.

КОСТИН Андрей Васильевич

студент 1 курса Юридического института Томского государственного университета

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛКИ, СОВЕРШЁННОЙ С ЦЕЛЬЮ, ПРОТИВНОЙ ОСНОВАМ ПРАВОПОРЯДКА ИЛИ НРАВСТВЕННОСТИ

С момента появления нормы ст. 169 ГК РФ она фактически долгие годы была заблокирована, в связи с тем, что в качестве последствий признания недействительной антисоциальной сделки, было предусмотрено изъятие всего полученного или причитавшегося в доход государства. Тем самым норма ст. 169 ГК РФ была лишена развития, которое могла вызвать правоприменительная практика. В 2013 г. была изменена норма ст. 169 ГК РФ, тем самым возникла необходимость доктринальной разработки и судебных разъяснений нормы ст. 169 ГК РФ с целью введения её в активное применение. В связи с этим вопрос актуальности сделок, совершённых с целью, противной основам правопорядка или нравственности, является актуальным, так как отечественное право ещё не пришло к окончательному и единому подходу к пониманию данных сделок, а судебные разъяснения отчасти повторяют устаревшие положения, которые к норме ст. 169 ГК РФ в настоящее время применяться не могут.

Ключевые слова: антисоциальная сделка, недействительная сделка, основы нравственности и правопорядка.

KOSTIN Andrey Vasiljevich

student of the 1st course of the Institute of Law of the Tomsk State University

INVALIDITY OF A TRANSACTION MADE FOR A PURPOSE CONTRARY TO THE RULE OF LAW OR MORALITY

Since the appearance of Article 169 of the Civil Code, it has in fact been blocked for many years due to the fact that the consequences of invalidating an anti-social transaction included the seizure of everything received or read into the possession of the state. This deprived Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation of the development that law enforcement might have caused. In 2013, the rule of Article 169 of the Civil Code was amended and there was a need for doctrinal development and judicial clarification of the rule of Article 169 of the Civil Code in order to bring it into active use. In this connection, the question of the relevance of transactions made for purposes contrary to the rule of law or morality is relevant, since domestic law has not yet come to a definitive and unified approach to the understanding of such transactions, and judicial explanations partly repeat outdated provisions which cannot currently be applied to the rule of Article 169 of the Civil Code.

Keywords: antisocial transaction, invalid transaction, morality and the rule of law.

Костин А. В.

При определении содержания основ правопорядка и нравственности первоначально стоит отметить, что норма ст. 169 ГК РФ и Определение КС РФ от 08.06.2004 г. № 226-О²², исходя из негативной формулировки, то есть сделка должна противоречить основам правопорядка или нравственности, а не только не соответствовать последним. Данной же позиции придерживается иностранное законодательство. Например, Я. Шапп пишет, что «решающим для систематики контроля над содержанием сделок на основании § 138 является негативная формулировка нормы. Сделка подлежит проверке не на предмет того, соответствует ли она добрым нравам, а на предмет её противоречия этим нравам» [9, с. 283].

Однако, что стоит понимать под основами правопорядка, нравственности и добрыми нравами в зарубежном законодательстве?

А.Г. Карапетов определяет, что «под основами правопорядка следует понимать базовые принципы публичного порядка, общественной, политической и экономической организации общества» [7, с. 521-527]. Под добрыми нравами Л.Ж Морандьер понимал «правила нравственности, которые без прямого закрепления их нормами права могут рассматриваться как составная часть нашего публичного порядка эти правила так же существенны для нашего общественного

строю, как его основные политические, социальные и экономические принципы» [4, с. 159].

И.А. Покровский приводит мнение Леонгарда о том, что «добрые нравы, далеко не тождественны с требованиями нравственности. Нравы покоятся на внешних правилах благоприличия, нравственность – на внутреннем состоянии совести. ... Целью запрещения посягательств на добрые нравы является не борьба с безнравственными движениями человеческой души, а охрана того ценного культурного богатства, которое имеет каждый народ в своих нравах» [5, с. 255-256].

Л. Эннекцерус определял, что «понятие добрых нравов связано не с нравами, т.е. не с достойным одобрения жизненным обычаем, а с моралью – это почти всеобщее господствующее мнение» [10, с. 268].

КС РФ в Определении от 08.06.2004 г. № 226-О определяет, что «... квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является её цель, т.е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит им» (курсив мой. – А.К.). То есть КС РФ исходит из того, что должны быть нарушены нормы морали, для признания сделки антисоциальной.

В свою очередь п. 85 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 не содержит в себе положение о том, что антисоциальная сделка должна противоречить нормам

морали, а указывает, что «в качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои»¹ (курсив мой. – А.К.). Тем самым п. 85 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 исходит из того, что должно быть нарушение нравственных устоев общества, а не норм морали.

Однако, как между собой различаются нормы морали и нравственные устои общества? Если исходить из того, что нравственность – «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы»², из этой же позиции исходит Леонгард [5, с. 254]. В свою очередь мораль – «совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу»³. То можно сделать вывод, что если нравственность – это, правила поведения конкретного человека, то нравственные устои общества – это, социальные правила взаимодействия между людьми. Тем самым понятия нравственных устоев общества и морали являются синонимичными.

Однако какое объективное содержание закладывается в основы правопорядка, нравственности общества, морали и добрые нравы? Видится, что дать их объективное содержание невозможно. Так С. Вагацума и Т. Ариидзуми приходят к выводу, что «систематизировано перечислить конкретное содержание понятия публичного порядка и добрых нравов невозможно, его следует рассматривать, отталкиваясь от судебной практики и научных доктрин, в свете постоянно меняющейся общественной идеологии и системы ценностей» [1, с. 109].

Так же И.А. Покровский определял, что «понятие «добрых нравов» оказывается условной формулой, при раскрытии которой отходят в сторону всякие соображения морали или благоприличия и на сцену выступают критерии чисто правового характера, только критерии не осознанные, не «обобществленные», остающиеся в стадии субъективного усмотрения судей» [5, с. 255-256].

И этой же позиции исходит КС РФ в Определении от 08.06.2004 г. № 226-О и определяет, что «понятия «основы правопорядка» и «нравственность», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика».

То есть нормы морали или нравственные устои общества являются синонимичными понятиями, содержание которых зависит от субъективной оценки. В свою очередь норма ст. 169 ГК РФ говоря о нравственности имеет ввиду нравственные правила поведения общества, а не отдельного человека.

Стоит более подробно остановиться на вопросах основ нравственности, к которым отсылает ст. 169 ГК РФ. О. Эрлих отмечал, что «правовые нормы каждый момент отсылают судей к другим общественным нормам, они запрещают без-

нравственное и неодобряемое обычаем злоупотребление правами, запрещают аморальные договоры [11, с. 174]. Один из ключевых вопросов в контексте основ нравственности выступает способность конкретной нормы нравственности охранять отдельные социальные отношения. Правовые нормы являются главенствующим видом социальных норм, но кроме них в систему социальных норм входят также нормы традиций, обычаев, религии, этики и нормы морали. Представляется, что как и правовые нормы, нормы морали, как источник социальных норм могут быть регулятивными и охранительными. Для простоты разбираемого отношения приведём аналогии с подготовкой выпускных квалификационных работ в высших учебных заведениях. Например, А. Г. Карапетов в качестве антисоциальной сделки приводит следующий пример: «написание кандидатской или докторской диссертации за деньги» [7, с. 536]. С этим выводом можно согласиться, однако можно ли к антисоциальным сделкам отнести написание выпускной квалификационной работы за деньги? Ответ на этот вопрос является неоднозначным, однако, если признать антисоциальный характер таких сделок, то встаёт следующий вопрос. Большинство российских выпускников высших учебных заведений понимает, что покупка выпускной квалифицированной работы противоречит основам морали, и предположим, это может не останавливать их от заключения подобных сделок. Возникает ситуация, когда норма морали есть, но она больше не способна охранять отдельные социальные отношения, так как не останавливает большинство от совершения действий, которые ей бы противоречили. То есть ст. 169 ГК РФ, отсылающая к основам морали, являющимися иными социальными нормами, должна исходить из того, что если отдельная норма морали способна охранять отдельные социальные отношения, то с применением ст. 169 ГК РФ мы можем обязать меньшинство исполнять нарушенные нормы морали. Но когда норма морали существует, но не способна охранять отдельные социальные отношения большинства населения, то может ли суд с помощью ст. 169 ГК РФ принуждать к исполнению норм морали большинство? Данный вопрос поднимался в своё время И. А. Покровским, который пришёл к аналогичному выводу «в суде должна действовать мораль общепризнанная и даже более того - мораль фактически реализованная» [5, с. 254]. В связи с этим, если сама норма морали больше не служит регулятором социальных отношений, представляется, что признание сделки, противоречащей нормам морали, является невозможным. Однако данное суждение является спорным, в связи с этим разрешение поставленного вопроса остаётся на усмотрение суда.

Кроме того, нормы морали со временем могут изменяться. К. Цвайгерт и Х. Кётц приводят следующий пример: «в Великобритании вплоть до XIX в. удовлетворялись иски по спорам, предмет которых с позиций сегодняшнего дня выглядит аморальным. Еще в 1771 г. в деле *March v. Pigot* (1771) 5 Burr. 2802, 98 Eng. Re. 171 вполне этичным считался спор, участники которого делали ставки на «продолжительность жизни своих отцов». Это означало, что спор выигрывает тот, чей отец проживет дольше» [8, с. 82].

Нормы морали изменяются вместе с обществом, поэтому изменение норм морали вполне естественно, правоприменитель должен каждый раз определять, соответствует ли какая-либо норма морали современным представлениям. Однако, стороны могут заключить условный договор, по которому возникновение прав и обязанностей зависит от изме-

1 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: пост. Пленума Верховного Суда Рос. Федерации [от 23.06.2015 г. № 25] // Бюллетень Верховного Суда РФ. Август 2015. № 8.

2 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/nравственность> (дата обращения: 10.10.2022 г.).

3 Малый академический словарь / Под. ред. под редакцией А.П. Евгеньевой: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas/мораль> (дата обращения: 10.10.2022 г.).

нения норм морали. Как право должно реагировать на данную сделку? Решение предложил Л. Эннекцерус, который указывал, что «в этом отношении не составляют исключения также условные сделки, так как безнравственно заключать сделки на тот случай, что в дальнейшем может быть повалено то, что сейчас нарушает добрые нравы» [10, с. 268].

Также существует вопрос о том, какие нормы морали должны применяться к ст. 169 ГК РФ. Л. Эннекцерус считает, что «судья должен решать не согласно своим особым воззрением на мораль и не согласно с учением определённого класса или партии, но в соответствии с образом мыслей всего народа, по воззрению разумных и добропорядочных граждан. При этом в отношении меры требования нужно брать среднюю меру, средний масштаб добропорядочных граждан» [10, с. 269]. Аналогичной позиции придерживались Й. Колер и Ф. Бернгефт «при рассмотрении вопроса о нравственности приходится считаться с народными убеждениями, но не с убеждениями масс, а только тех, которые в нравственном отношении являются вождями народа» [3, с. 197]. Видится, что данная позиция являлась господствующей на территории Германии, так как пишет Я. А. Канторович «по определению бывшего Имперского (высшего Кассационного) суда, мерилом для понятия добрых нравов должно служить для судьи господствующее народное сознание и чувство приличия всех разумно и справедливо мыслящих людей. Эта формула, почти стереотипно повторяемая во многих решениях Касс. Суда [2, с. 60]».

Однако данная позиция не является единственной, так в качестве примера противоположного мнения можно привести Р. Саватье, который считал, что «судья определяет безнравственность того или иного действия в соответствии со своим собственным осознанием общественных явлений» [6, с. 284].

В России иная точка зрения, так А.Г. Карапетов определяет, что «этические ценности, должно разделяться большинством населения страны» [7, с. 527]. Аналогичная позиция отражена КС РФ в Определении от 8 июня 2004 г. № 226-О, в котором отмечено, что «понятия «основы правопорядка» и «нравственность», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика». Участниками гражданского оборота в той или иной степени выступают все субъекты гражданского права, соответственно КС РФ исходит и того, что нужно брать именно моральные ценности большинства населения России.

Однако, Россия является многонациональной страной и в одном регионе основы морали могут не разделяться с основами морали другого региона. В литературе приводятся примеры касаясь Кавказа [7, с. 528]. Стоит отметить, что на территории Северного Кавказа проживают множество разных народов, которые активно взаимодействуют друг с другом, тем самым применение общих основ морали, в том числе и в споре с представителями одного народа является оправданным. Однако более сложный вопрос возникает с коренными малочисленными народами РФ. Так как часть данных народов проживают практически изолированно. В их населённых пунктах, может не быть представителей иного народа, данный населённый пункт может являться единственным на сотни километров и в нём может отсутствовать интернет. Может ли судья в данном случае применить усреднённые нормы основ морали всего населения России к представителям народа, проживающим изолированно, которым данные ос-

новы морали могут не разделяться? Видится, что для единообразного применения нормы ст. 169 ГК РФ необходимо применять усреднённые основы морали всего населения России. Кроме того, на народы, проживающих изолированно распространяется законодательство РФ, независимо от того, разделяются ли ими ценности, изложенные в законе или нет, то делать исключение для применения основ морали всего населения страны к конкретному народу является нелогичным.

Пристатейный библиографический список

1. Вагацума С., Ариидзум Т. Гражданское право Японии. К. 1. / Пер. В. В. Батуренка / Под ред. Р. О. Халфина. М.: Прогресс, 1983.
2. Канторович Я. А. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1928.
3. Колер Й., Бернгефт Ф. Гражданское право Германии / Пер. под ред. В. М. Нечаев. СПб.: Сенатская типография, 1910.
4. Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции / Пер. Е. А. Флейшиц. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Юридический книжный склад право, 1917.
6. Саватье Р. Теория обязательств: Юридический и экономический очерк / Пер. Р. О. Халфина. М.: Прогресс, 1972.
7. Сделки, представительство, исковая давность: пристатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018.
8. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 2. Договор, неосновательное обогащение, деликт / Пер. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, 1998.
9. Шапп Я. Система германского гражданского права / Пер. С. В. Королёв, К. М. Арсланов. М.: Международные отношения, 2006.
10. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Пол. Т. 2. Введение и общая часть / Пер. И. Б. Новицкий, Г. Н. Полянский, В. А. Альтшулер. М.: Издательство иностранной литературы, 1950.
11. Эрлих О. Основположение социологии права / Пер. М. В. Антонова / Под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2011.

ОМАЕВА Зарема Курбановна

магистрант 3 года обучения Дагестанского государственного университета

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ ЗАВЕЩАНИЯ И ПРИРАВНЕННЫХ К НЕМУ ДОГОВОРОВ КАК СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

В статье автор исследует актуальные вопросы нотариальной деятельности в сфере защиты права наследования некоторых видов имущества, правила свободы завещания, а также виды завещательных распоряжений. Сделан вывод, что действующее гражданское законодательство закрепляет принцип универсальности правопреимства (ст. 1110 ГК РФ), согласно которому имущество переходит как единое целое в один и тот же момент. Это означает, что к наследнику переходят права и обязанности одновременно. Наиболее важным является принцип свободы завещания, закрепленный в ст. 1119 ГК РФ, он подразумевает под собой принятие наследодателем самостоятельных решений по распоряжению имуществом.

Ключевые слова: удостоверение завещания, личность завещателя, дееспособность наследодателя, наследственный договор, совместное завещание супругов.

Омаева З. К.

OMAЕVA Zarema Kurbanovna

magister student of the 3rd course of the Dagestan State University

NOTARIZATION OF A WILL AND CONTRACTS EQUATED TO IT AS A MEANS OF PROTECTING INHERITANCE RIGHTS

In the article, the author explores topical issues of notarial activity in the field of protection of the right of inheritance of certain types of property, the rules of freedom of will, as well as types of testamentary dispositions. It is concluded that the current civil legislation enshrines the principle of universality of succession (Article 1110 of the Civil Code of the Russian Federation), according to which the property passes as a whole at the same moment. This means that the rights and obligations are transferred to the heir at the same time. The most important is the principle of freedom of will, enshrined in Article 1119 of the Civil Code of the Russian Federation, it implies that the testator makes independent decisions on the disposal of property.

Keywords: the certificate of the will, the identity of the testator, the legal capacity of the testator, the inheritance contract, the joint will of the spouses.

Действия нотариуса по защите наследственных прав не ограничиваются теми, которые он совершает после открытия наследства. Несмотря на то, что правоотношения, возникающие до открытия наследства, в юридической литературе не относят к наследственным правоотношениям [1, с. 14, 18], [8] с ними законодатель связывает возникновение или прекращение права на наследование.

До открытия наследства только нотариус вправе совершать действия, направленные на защиту прав будущего наследника. Таким действием является удостоверение завещания. Гражданский кодекс содержит понятие завещания. Законодатель определил завещание как одностороннюю сделку, которая создает права и обязанности после открытия наследства¹. Удостоверение завещания существенно отличается от удостоверения иных сделок. Нотариус вправе удостоверить завещание только в отношении полностью дееспособного лица. Завещание не может быть удостоверено через представителя. Завещатель должен явиться к нотариусу лично. При удостоверении завещания нотариус не выясняет наличие у завещателя имущества, в отношении которого он составил завещание.

При возбуждении производства по удостоверению завещания нотариус должен установить личность завещателя. Для этого необходимо представить документ, который не допускает сомнения относительно его личности. Перечень таких документов содержится в Регламенте совершения нотариусами нотариальных действий².

После этого нотариус должен проверить дееспособность наследодателя. Действенным механизмом, способствующим установлению дееспособности завещателя, могло бы быть внесение в блок ЕИС нотариата в раздел «Ограничение по лицам» сведений о признании судом граждан недееспособными и ограниченно дееспособными. На сегодняшний день сведения о дееспособности завещателя может быть получено нотариусом из ЕГРН и ЕГИС социального обеспечения.

На наш взгляд, следует включить в Основы законодательства о нотариате³ ст. 57.1 которая бы предусматривала право нотариуса отложить удостоверение завещания, если у него есть основания предполагать о наличии оснований для признания гражданина недееспособным или ограничить в дееспособности, и обратиться к лицам, перечисленным в п. 1 ст. 281 ГПК РФ, которые могут решить этот вопрос в судебном порядке. Ст. 5 Основ дополнить абзацем, предусматривающим, что сообщение, о том, что указанное лицо обратилось за удостоверением завещания, не является нарушением нотариальной тайны.

Наследственное право не предусматривает составление завещания под условием, но, если исходить из общих положений гражданского права, регулирующих сделку заключение условных завещаний допустимо. По свидетельству Г. Дербурга, исторически первой сферой отношений, в которой предположительно началось применение условий, явля-

№ 156 // «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 7 сентября 2017 г.

3 Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г., № 4462-1 с изм. и допол. от 2 июля 2021 г. // Ведомостях съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 11 марта 1993 г. - № 10. - Ст. 357 (далее Основы).

1 Ст. 1118 ГК РФ.

2 Об утверждении Реглаamenta совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования. Приказ Минюста России от 30.08.2017

ется наследственное право [2, с. 481]. Одни ученые считают допустимым составление условного завещания [3, с. 25, 35], [9]. Другие категорически против этого и обосновывают свой вывод тем, что любое условие в итоге приводит к нарушению законодательства и прав наследника [4, с. 145-146], [10]. Не признает права на составление условных завещаний и нотариальная практика [5, с. 14-16].

Завещание должно быть подписано в присутствии нотариуса завещателем. Оно может быть подписано рукоприкладчиком, если завещатель в силу физических недостатков, тяжелой болезни или неграмотности не может собственноручно подписать завещание, оно по его просьбе может быть подписано другим гражданином в присутствии нотариуса. В завещании должны быть указаны причины, по которым завещатель не мог подписать завещание собственноручно, а также фамилия, имя, отчество и место жительства гражданина, подписавшего завещание по просьбе завещателя, в соответствии с документом, удостоверяющим личность этого гражданина⁴.

После удостоверения завещания, под которым понимается совершение удостоверительной надписи⁵, оно должно быть занесено в электронный реестр ЕИС нотариата и в алфавитную книгу регистрации завещаний. Один экземпляр завещания должен храниться у нотариуса. Второй экземпляр выдается завещателю. Если в завещании предусмотрено создание наследственного фонда, то составляется три экземпляра завещания, два экземпляра должны храниться у нотариуса один экземпляр у завещателя.

Одной из форм защиты наследственных прав нотариусом является принятие на хранение закрытого завещания. В отличие от обычного завещания – закрытое должно быть лично подписано завещателем под страхом его недействительности

Новеллой, которая вступила в действие с 1 июля 2019 года, является наследственный договор. Нотариальное удостоверение наследственного договора, как верно отмечают Конопляникова Т. В. и Шагивалиева И. З., является гарантией защиты гражданских прав [6, с. 150]. Попытка включения в гражданское право наследственного договора предпринималась не единожды (1993, 1995). Законопроект, внесенный в Государственную Думу в 2018 году, убедил законодателей в необходимости наличия в ГК РФ такого института и наследственный договор был включен в главу 62 «Наследование по завещанию». Пункт 1 ст. 1140.1 ГК РФ определяет наследственный договор как договор, заключаемый наследодателем с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, с условиями, определяющими круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию.

Наследственный договор должен быть подписан каждой из сторон договора, он не может быть подписан рукоприкладчиком. Хотя в юридической литературе встречается мнение о предоставлении душеприказчику право выступать рукоприкладчиком в случае невозможности по состоянию здоровья подписать наследственный договор стороной [6, с. 153]. Наследственный договор не может быть закрытым, он может быть удостоверен только нотариусом. Если одна из сторон уклоняется от нотариального удостоверения договора правила ст. 165 ГК РФ о признании судом такого договора действительным к наследственному договору не применяются. В соответствии с п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ наследственный договор может быть заключен между супругами. Заключение на-

следственного договора между супругами отменяет действие ранее совершенного совместного завещания супругов.

Институт совместного завещания супругов давно известен западному миру. В Германии он существует со времен Баварских уложений 1703 года. Долгое время совместные завещания были уникальным немецким явлением. Их востребованность в ФРГ и в современный период является достаточно высокой, из общего количества завещаний 57% приходится на совместные завещания супругов⁶. ФРГ не единственная страна, где допускается совместное завещание супругов. Применение совместных и взаимных завещаний допускается в Англии, Шотландии, Австрии, США во всех штатах, кроме Луизианы. В СНГ возможность составления совместных завещаний о взаимном наследовании исключительно супругами предусмотрено ст. 1169 ГК Азербайджанской Республики, ст. 1347 ГК Грузии, ст. 1106 ГК Туркменистана, ст. 1243 ГК Украины. Содержит этот институт и гражданское законодательство Прибалтийских государств.

В РФ нормы о совместном завещании супругов действуют с 1 июня 2019 года. В совместном завещании оба супруга выступают завещателями. Особенностью этого завещания является то, что его участниками могут быть лица, состоящие в зарегистрированном браке, следовательно, при удостоверении такого завещания нотариусу должно быть предоставлено свидетельство о браке.

Все виды завещаний могут быть удостоверены любым нотариусом по всей территории РФ. При удостоверении наследственного договора и совместного завещания супругов нотариус должен вести видеофиксацию процедуры их заключения, если субъекты наследственного правоотношения не возражают против этого.

Пристатейный библиографический список

1. Казанцева А. Е. Теория наследственного и причастных к нему правоотношений по гражданскому праву Российской Федерации: монография. - Барнаул, 2011. - С. 18. - ISBN: 978-5-93957-450-1.
2. Пандекты: Общая часть. Перевод с немецкого. Т. 1 / Дернбург Г.; Под ред.: Соколовский П.; Пер.: Фон Рехенберг Г. - М.: Унив. тип., 1906. - 481 с.
3. Крысанова-Кирсанова И. Г. Завещание как основание наследования в современном гражданском законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005. - С. 35.
4. Маковский А. Л. Как лучше гарантировать наследование (нормы наследственного права в проекте Части третьей Гражданского кодекса РФ) // Законодательство и экономика. - 1997. - № 3-4. - С. 145-146.
5. Телюкина М. В. Комментарий к разделу V Гражданского кодекса Российской Федерации («Наследственное право») // Законодательство и экономика. - М., 2002. - № 11. - С. 4-16.
6. Конопляникова Т. В., Шагивалиева И. З. Нотариальное удостоверение наследственного договора как гарантия защиты гражданских прав: проблемные вопросы // Бизнес. Образование. Право. - 2022. - № 2 (59). - С. 150. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.59.214.
7. Конопляникова Т. В., Шагивалиева И. З. Нотариальное удостоверение наследственного договора как гарантия защиты гражданских прав: проблемные вопросы // Бизнес. Образование. Право. - 2022. - № 2 (59). - С. 153. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.59.214.
8. Кропочева Ю. Г. Граждане как управомоченные субъекты наследственных правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Томск, 2013. - С. 14.
9. Долинская В. В. Наследственное право Российской Федерации. - М.: Приор, 2002. - С. 25.
10. Атаев У. А. Условные завещания их недопустимость в российском наследственном праве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 4-2. - С. 21.

4 Абз. 2. п. 3. ст. 1125 ГК РФ и ст. 44 Основ.

5 На завещании в подтверждение нотариального удостоверения нотариусом проставляется соответствующая удостоверительная надпись, предусмотренная приказом Минюста РФ от 30 сентября 2020 года № 226 «Об утверждении форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления».

6 Путинцева Е. П. Указ. соч.

БАШИЛОВ Борис Игоревич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов, старший партнер юридической фирмы «Башилов, Носков и Партнеры»

ОЛЕЙНИК Антон Денисович

студент Юридического института Российского университета дружбы народов

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОСПАРИВАНИЯ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА*

В статье авторы анализируют законодательные положения, научные работы, связанные с правовым регулированием оспаривания сделок, в частности подозрительных сделок, выявляют общие тенденции, связанные с оспариванием сделок на основании правоприменительных позиций судебных органов.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок должника, подозрительные сделки, судопроизводство, арбитражный процесс.

BASHILOV Boris Igorevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia, senior partner of the law firm «Bashilov, Noskov and Partners»

OLEYNIK Anton Denisovich

student of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

GENERAL QUESTIONS OF CHALLENGING SUSPICIOUS TRANSACTIONS IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS**

In the article the authors analyze the legislative provisions, scientific works related to the legal regulation of contesting transactions, in particular suspicious transactions, identify general tendencies related to the challenge of transactions on the basis of enforcement positions of judicial authorities.

Keywords: bankruptcy, challenging debtor's transactions, suspicious transactions, court proceedings, arbitration process.

1. Механизм оспаривания сделок в процедуре банкротства выполняет экономически важную функцию пополнения конкурсной массы имуществом денежными средствами и иными объектами гражданских прав, предусмотренными ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые выбыли из собственности должника без должного правового основания.

Однако нормативно не установлены четкие критерии для целей установления обстоятельств для оспаривания сделок по разным категориям, что влечет за собой невозможность применения эффективного перечня инструментов для оспаривания сделок по предусмотренным основаниям. Такое широкое позволение со стороны законодателя можно рассмотреть, как мнимый пробел – то есть действительную необходимость употребления наиболее широкого понятия, при котором сущность нормы не будет утрачена в емкой формулировке.

Отдельными положениями Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 63 от 23.12.2010 года указанные пробелы устраняются, по сути являясь единственным систематизированным источником разъяснения законодательства об оспаривании сделок в процедуре банкротства.

Регулятивная и охранительная функции механизма оспаривания сделок в банкротстве позволяют кредиторам повысить шансы реального возврата имеющейся дебитор-

ской задолженности. Однако неоднозначность процедуры доказывания из-за емкой формулировки оставляет вопросы у заинтересованных лиц в поиске действенного способа по реализации этого механизма.

Законодатель предоставляет несколько способов по реализации предоставленного права лицам, уполномоченным оспаривать сделки должника. Их можно разделить следующим образом: оспаривание сделок по общим, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации, и специальным основаниям, предусмотренными банкротным законодательством.

Для реализации механизма оспаривания сделок по указанным основаниям заявителю необходимо подать заявление, соответствующее требованиям ст. 125 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в суд, рассматривающий дело о банкротстве должника, в рамках дела о банкротстве [4, с. 50]. В таком заявлении обязательно должны содержаться сведения о других, кроме должника, сторонах сделки, среди которых могут быть кредиторы или другие лица, в отношении которых совершена оспариваемая сделка.

Документы по оспариванию сделки необходимо направить лишь должнику, являющимся участником сделки, арбитражному управляющему в случае, если не им было подано заявление об оспаривании сделки, а также контрагенту должника по оспариваемой сделке должника.

Для оспаривания цепочки сделок заявление подается в отношении того лица, которое выступало второй стороной по сделке с должником с последующей подачей виндикационного иска к конечному выгодоприобретателю в рамках отдельного судопроизводства. В случае одновременного совпадения подсудности дела об оспаривании сделки и виндикационного иска возможно соединение таких требований в одном заявлении как самостоятельным заявителем, так и судом на основании ст. 130 АПК соответственно в рамках дела о банкротстве, а также взыскание убытков, вызванных последующим изменением стоимости имущества. Однако не исключено параллельное оспаривание цепочки сделок как единой

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** The work was done with the financial support of Grant of the President of the Russian Federation № НШ-3270.2022.2 «The evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence».

с требованием о вилдикации спорного имущества и признании права собственности в отношении такого имущества.

При этом предварительное судебное заседание по банкротным правилам по оспариванию сделок не проводится, а заявление рассматривается в трехмесячный срок.

Однако заявителем одновременно может быть поданы заявления как с требованием о возвращении вещи в натуре, так и о возмещении ее стоимости. Такие заявления могут быть поданы для ускорения судебного процесса, дабы исключить возможность возникновения ситуации, когда имущество истребовать невозможно, как например вследствие его утраты, а рассмотрение нового заявления повлечет нарушение принципа разумного срока судопроизводства. Для сделок, предметом которых являются выполненная работа или оказанная услуга, последствием недействительности может быть исключительно возмещение стоимости выполненных работ или оказанных услуг. Однако судебная практика исходит из того, что суд по своей инициативе может самостоятельно взыскать стоимость вещи, даже если было заявлено о возвращении вещи в натуре.

Такой механизм по логике правоприменителя позволяет избежать вилдикации имущества у лиц, признанных добросовестными приобретателями. Если суд придет к выводу о наличии иного правового основания недействительности сделки, то на основании ч. 1 ст. 133 и ч. 1 ст. 168 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации суд должен самостоятельно определить характер спорного правоотношения, возникшего между сторонами, а также нормы права, подлежащие применению (дать правовую квалификацию), и признать сделку недействительной в соответствии с надлежащей нормой права (п. 9.1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 63 от 23.12.2010 года).

Если было вынесено два судебных акта с удовлетворением таких требований, одно из которых исполнено стороной добровольно или в принудительном порядке, то удовлетворение требований по второму судебному акту в исполнительном производстве не является возможным и подлежит окончанию судебным приставом-исполнителем на основании ст. 47 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Так как специальные основания для оспаривания сделок относятся к оспоримым сделкам, срок исковой давности по таким сделкам составляет один год, но только по сделкам, оспариваемых по специальным основаниям (п.п. 4, 32 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 63 от 23.12.2010 года). В случае же оспаривания сделок в связи с ее ничтожностью по общим основаниям, такой срок составляет три года, если такое заявление было подано лицом, являющимся стороной сделки, в противном случае – десятигодичный срок.

Такие сроки начинают исчисляться с момента, когда лицо, участвующее в деле о банкротстве, узнало или должно было узнать о наличии оснований для оспаривания сделки. При этом стоит учитывать то, что должником была реально передана вся бухгалтерская и иная документация должника, которая относится к заключенным сделкам и не была скрыта. Иной подход к исчислению срока давности противоречил бы основополагающим принципам права и создавал брешь в праве.

Однако следует учесть, что, если была совершена сделка, которая в обязательном порядке должна регистрироваться, такой срок исчисляется с момента ее регистрации [3, с. 71], а срок по недействительным сделкам, которые фактически не исполнялись, вовсе не течет, а при оспаривании части сделки – с фактического исполнения оспариваемой части сделки (абз. 3, 4 п. 101 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

2. Банкротным законодательством предусмотрено два вида сделок, которые можно оспорить по специальным основаниям: подозрительные сделки, а также сделки с предпачтением.

Подозрительные сделки можно разделить на два вида подвидов сделок:

1) несоразмерные сделки - сделки, которые были совершены должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки;

2) неблагоприятные сделки - сделки, которые были совершены должником с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления и в результате совершения которой был причинен вред имущественным правам кредиторов в случае действительной осведомленности или необходимой осмотрительности по условиям оборота, если другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

Главный правовой эффект, являющийся целью оспаривания подозрительных сделок, заключается в необходимости поставить контрагента в такое положение, в котором он был бы, если бы сделка не была совершена¹.

Несоразмерные сделки могут быть оспорены, если они были совершены должником в течение одного года до или после принятия заявления о признании банкротом, а в случае совершения неблагоприятных сделок – в течение трех лет до или после принятия заявления о признании должника банкротом.

При этом под неравноценным встречным исполнением понимается любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств, когда, например, стоимость имущества по этой сделке на момент ее заключения существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий аналогичных сделок [6, с. 52].

В таком случае можно говорить о несоразмерности как основном признаке такой сделки, по которой, например, была осуществлено такое исполнение должником обязательств, которое существенно превышает размер полученного встречного исполнения обязательства по сделке, то есть в худшую сторону для должника как стороны правоотношений в отличии от иных схожих правоотношений.

При этом несоразмерность сделки в сравнении с иными схожими правоотношениями по общим правилам арбитражного судопроизводства должен доказать заявитель.

Надлежащими способами доказывания и опровержения обстоятельств неравноценности по такой категории дел являются судебная экспертиза, проводимая в порядке ст. 82 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, и внесудебная оценка стоимости отчужденного должником имущества, осуществляющаяся в порядке статьи 8 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», при возникновении спора о стоимости объекта оценки между лицом, оспаривающим сделку, и исполнившему обязательства по такой сделке. Оценочная деятельность производится в соответствии с федеральными стандартами оценки, утвержденными приказом Министерства экономического развития Российской Федерации.

При наличии нескольких конкурирующих отчетов об оценке, имеющих разную стоимость предмета оценки, суду следует предложить участникам спора провести судебную экспертизу² или назначить ее по своей инициативе.

- 1 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2018 №305-ЭС17-3098 по делу №А40-140251/2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8f82159c-10c6-4c23-894b-3236e282b667/ca15d541-d01a-47b7-9a83-94d16df18285/A40-140251-2013_20180214_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.09.2022).
- 2 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.06.2016 №305-ЭС15-10323 по делу №А40-113869/2012. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Docu>

К ненадлежащим доказательствам, исходя из судебной практики, относятся те доказательства, которые не несут конкретный характер и не свидетельствуют о том, что установленным законом лицом (конкурсным управляющим, специалистом, экспертом) была произведена оценка имущества, являющимся предметом по оспариваемой сделке, отсутствуют сведения о том, что был осуществлен осмотр соответствующего имущества, а лишь приведена стоимость аналогичного имущества в аналогичной комплектации в процессуальных документах. Таким образом сравнительный метод не может считаться достоверным и достаточным для определения неравноценности встречного исполнения с учетом возможного применения коэффициента уторговывания, который вводится в том случае, если в качестве конкурентного материала используется ценовая информация, не являющаяся твердо установленной.

При этом необходимо учитывать, что на неравноценное встречное исполнение обязательства по сделке могли повлиять являющиеся существенными для рассмотрения спора обстоятельства, которые негативно повлияли на встречное обязательство.³ Такими обстоятельствами могут быть причиненный вред имуществу (например, в результате пожара⁴, вследствие чего оно утратило или ухудшило свои свойства или износ.

Сделки, совершенные в отношении имущества, обладающего исполнительным иммунитетом, по общему правилу не могут быть признаны неравноценными, так как на такое имущество по общему правилу взыскание не допускается, и следовательно вред имущественным интересам кредиторов причинен быть не может [1, с. 166].

Однако в контексте Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова от 26.04.2021 № 15-П такое оспаривание может иметь экономическое значение для кредиторов, поскольку в случае признания судом необоснованным применением исполнительского иммунитета к единственному жилому помещению недопустимым такое имущество будет обращено к взысканию в пользу интересов кредиторов.

При оспаривании сделок должника с имуществом, которое имеется в единственном экземпляре или же при невозможности достоверно установить его рыночную стоимость, необходимо руководствоваться тем, за какую стоимость такое имущество было приобретено должником до совершения сделки⁵. Собственно говоря, правовая природа произведений искусства дает основания полагать, что большая часть про-

изведений искусства находятся вне рамок обычного гражданского оборота из-за своей самобытности и рядом уникальных черт таких как стоимость материала, сохранность, размер, техника изготовления и пр. [2, с. 10], что и приводит к усложнению установления неравноценности сделки.

В последнее время наметилось стремление определения неравноценности в твердом процентном соотношении. Как правило, оно составляет 20% разницы от рыночной стоимости объекта сделки. Однако мотивировка применения такого порога является разной: от отхождения от рыночной цены на 20%, установленной ст. 40 Налогового кодекса Российской Федерации, в пользу контрагента по сделке, или вовсе заявляется о уже существующем правиле, при котором отклонение на 20% от стоимости объекта сделки является неравноценным встречным исполнением.

Пристатейный библиографический список

1. Башилов Б. И., Олейник А. Д. Об особенностях доказывания неравноценности встречного исполнения при оспаривании сделок в процедуре банкротства // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 9. - С. 164-166.
2. Горев С. В., Кутузова А. С. Практический инструментарий для оценки стоимости предметов искусства // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2-021. - № 1 (47). - С. 6-13.
3. Новотольская О. С. Спорные вопросы правоприменительной практики при оспаривании сделок должника с неравноценным встречным исполнением // Государства и право. Юридические науки / Финансовое право. - 2019. - С. 71-75.
4. Одинцов С. В. Оспаривание сделок должника: сравнительно-правовые аспекты, доктринальное толкование и правоприменительная практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2013. - № 12 (147). - С. 49-57.
5. Панченко П. В., Фролова Е. Е. Реализация принципа содействия сторон при прекращении обязательства и после прекращения // Пробелы в Российском законодательстве. 2018. - № 4. - С. 136-142.
6. Стрекаловский А. А. Определение неравноценности при оспаривании сделок должника-банкрота в российском законодательстве // Вестник науки. 2022. - № 2 (47). - Т.3. - С. 51-54.

ment/Pdf/fd660222-b79d-437c-aec1-0e7792f462fa/e814bcf2-6c9e-4564-816f-bb4205cf598a/A40-113869-2012_20160620_Opredele-nie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.09.2022).

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2015 №304-ЭС15-3591 по делу №А02-629/2010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d740d975-3074-4a24-b4cf-5a30aad72639/cd5a49da-aa72-4a74-bae7-4d48f8f44167/A02-629-2010_20150805_Opredele-nie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.09.2022).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2016 №308-ЭС16-11018 по делу №А22-1776/2013. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6e6d7c0c-27cd-48a0-9673-1e1f1500a730/32686331-47a0-42c0-a8b9-afb9f0c7b1cf/A22-1776-2013_20161222_Opredele-nie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.09.2022).
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2015 №304-ЭС15-3591 по делу №А02-629/2010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d740d975-3074-4a24-b4cf-5a30aad72639/cd5a49da-aa72-4a74-bae7-4d48f8f44167/A02-629-2010_20150805_Opredele-nie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.09.2022); Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2019 №309-ЭС19-17895 по делу №309-ЭС19-17895. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/26dfbc8c-301c-4981-a72a-f46849f09cfd/ddf3f129-9f02-4b38-abci-b9baf28740a/A76-27801-2016_20191017_Opredele-nie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 19.09.2022).

КАРПОВА Юлия Сергеевна

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов, ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СПОСОБОВ ИЗВЕЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Цифровые технологии по мере своего развития всё больше внедряются в различные сферы жизни общества: развитие технологий повышает качество жизни, как отдельных людей, так и всего общества в целом. Современные технологии открывают новые горизонты по совершенствованию механизмов обеспечения прав и свобод граждан, в том числе в части их защиты в судебном порядке [5], [6].

Надлежащее извещение является составным элементом права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Актом привлечения лица к участию в судебном разбирательстве является надлежащее извещение этого лица о времени и месте судебного заседания или совершения иных процессуальных действий [1, с. 121]. Действующее правовое регулирование обязывает по направлению норм процессуального права, и, безусловно, влечет отмену судебного решения.

Надлежащее извещение участника процесса о времени и месте судебного заседания играет особую роль при рассмотрении дела, поскольку является необходимым условием обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Ненадлежащее извещение лишает стороны гарантированного права на доступ к правосудию, что, в свою очередь, является существенным нарушением норм процессуального права, и, безусловно, влечет отмену судебного решения.

Важность вопросов надлежащего извещения лиц, участвующих в деле, предопределяет проблемы способов его извещения, которые постоянно совершенствуются благодаря развитию информационных технологий. Дополнение существующего процессуального механизма новыми способами извещения, в том числе электронными, призвано упростить процедуру извещения участников процесса, равно как гарантировать ее исполнение надлежащим образом. Более того, электронные способы извещения при сравнении с традиционными способами извещения обладают рядом преимуществ, таких как оперативность, экономичность и удобство. Между тем, возникает вопрос определения границ их применения в рамках судопроизводства.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, право, технологии, цифровые технологии, извещение, гражданский процесс.

KARPOVA Yuliya Sergeevna

postgraduate student of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia, assistant of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

DIGITAL TRANSFORMATION OF WAYS OF NOTIFYING PARTICIPANTS OF THE PROCESS IN CIVIL PROCEEDINGS: CURRENT STATUS AND PROSPECTS**

Digital technologies, as they develop, are increasingly being introduced into various spheres of society: the development of technologies improves the quality of life of both individuals and society as a whole. Modern technologies open up new horizons for improving mechanisms for ensuring the rights and freedoms of citizens, including in terms of their protection in court.

Due notice is an integral element of the right to a fair trial, enshrined in article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

The act of attracting a person to participate in court proceedings is the proper notification of this person about the time and place of the court session or the commission of other procedural actions. The current legal regulation imposes the obligation to send court notices to all participants in the trial on the court.

Proper notification of the participant of the process about the time and place of the court session plays a special role in the consideration of the case, since it is a necessary condition for ensuring the right to a fair trial. Improper notification deprives the parties of the guaranteed right to access to justice, which, in turn, is a significant violation of the norms of procedural law, and, of course, entails the cancellation of the court decision.

The importance of issues of proper notification of persons involved in the case predetermines the problems of methods of its notification, which are constantly being improved due to the development of information technologies. The addition of the existing procedural mechanism with new notification methods, including electronic ones, is designed to simplify the procedure for notifying participants in the process, as well as to guarantee its proper execution. Moreover, electronic notification methods, when compared with traditional notification methods, have a number of advantages, such as efficiency, cost-effectiveness and convenience. Meanwhile, there is a question of defining the boundaries of their application in the framework of legal proceedings.

Keywords: digital transformation, digitalization, law, technologies, digital technologies, notification, civil procedure.

При сравнении механизмов извещения участников процесса в арбитражном и гражданском судопроизводстве, стоит отметить, что способы извещения в рамках арбитражного процесса являются более современными и по вопросам их применения противоречивой судебной практики значительно меньше, чем в рамках гражданского процесса.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** The work was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. NSH-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

Так, в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ), лица, участвующие в деле, после получения первичного извещения в традиционной форме самостоятельно предпринимают меры по получению информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи. Таким образом, в рамках арбитражного процесса последующее уведомление участников процесса не предусмотрено - судебные акты размещаются в системе электронного правосудия «Мой Арбитр», и участники арбитражного процесса, в свою очередь, могут ознакомиться с ними в любое время (ч. 6 ст. 121 АПК РФ).

В литературе неоднократно высказывалась точка зрения о том, что однократное надлежащее извещение судом лиц, участвующих в деле, не соответствует Конституции РФ и нарушает все те права, составным элементом которых

является институт судебного извещения [2, с. 12]. Между тем, указанный вопрос уже рассматривался Конституционным Судом РФ. Так, как указывает Конституционный Суд РФ в определении от «31» марта 2022 г. № 630-О, положения ст. 123 АПК РФ призваны пресекать недобросовестное процессуальное поведение лиц, участвующих в деле, и обеспечивать рассмотрение дела в предусмотренный законом срок. Полагаем, что в рамках арбитражного процесса регулирование института извещения о времени и месте судебного заседания является достаточно понятным и вызывает меньше количество вопросов, нежели в рамках гражданского процесса.

Так, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) устанавливает аналогичный порядок судебного извещения только для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, являющихся сторонами и другими участниками процесса. Проектом Федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» предлагалось установить обязанность физических лиц самостоятельно следить за движением дела, что подверглось жесткой критике, в результате чего для физических лиц ГПК РФ сохранил прежнюю форму направления судебных извещений.

Между тем, нельзя отрицать, что развитие цифровых технологий в корне изменило традиционные способы извещения посредством почтовых отправлений, что, в свою очередь, стало основой для возникновения тех или иных дискуссионных вопросов.

1. С 2012 года в качестве иных способов извещения участников процесса суды применяют СМС-извещение.

Так, цивилистами выделяется целый ряд условий использования данного способа информирования участников судопроизводства.

Во-первых, добровольность – СМС-извещение возможно только с согласия участника судопроизводства.

Как следует из абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от «26» июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» (далее – постановление Пленума ВС РФ N 13), *факт согласия на получение СМС-извещения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике судопроизводства и его согласием на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона, на который оно направляется.*

Во-вторых, своевременность, то есть СМС-извещения направляются участникам судопроизводства в срок, необходимый для выработки ответной позиции по делу и - при необходимости - обеспечения участия представителя. В противном случае уведомление также будет считаться ненадлежащим [3, с. 183].

В-третьих, обязательность фиксации судом фактов отправки и доставки адресату СМС-извещений [4, с. 5].

Между тем, в судебной практике не всегда соблюдаются все вышеперечисленные требования к извещению участников процесса посредством СМС-сообщений.

Так, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от «15» марта 2022 г. по делу № 8Г-3370/2022 пришел к достаточно неоднозначным выводам. Как следует из материалов дела, в заявлении о передаче дела по подсудности Ответчик не указал адрес регистрации либо адрес фактического места жительства, но при этом указал свой номер телефона и адрес электронной почты. О времени и месте судебного заседания Ответчик извещался телефонограммой, в ходе получения которой просил направить смс-извещение, что и было сделано судом по его просьбе. Таким образом, Ответчиком не предоставлялась предусмотренная расписка, однако номер телефона Ответчика был указан по тексту поданного заявления. Между тем, суд пришел к выводу о надлежащем уведомлении Ответчика при условии, что Ответчик не отрицал поступление звонка и получение СМС-сообщения.

Изложенное свидетельствует о том, что иногда суды придерживаются позиции, что надлежащим следует считать любое извещение, которым участник процесса действительно и своевременно уведомляется о разбирательстве, получая тем самым возможность подготовиться [1, с. 131]. То обстоятельство, что требуемый результат был достигнут без применения процессуальных правил или в отступление от них, не дает основания для его аннулирования, если игнорирование

процессуальной нормы не повлияло на полученный результат.

Вопрос своевременности получения участником процесса извещения в отсутствие установления конкретного срока на законодательном уровне также является достаточно спорным.

Так, Красноярский краевой суд в апелляционном определении от «27» сентября 2021 г. по делу № 33-12183/2021 посчитал надлежащим уведомление участника процесса за один день до судебного заседания (СМС-извещение направлено «01» октября 2020 г., судебное заседание проведено «02» октября 2020 г.). Как отмечено судом, участник дал согласие на получение уведомления о времени и месте судебных заседаний посредством СМС-сообщений на указанный им телефонный номер и обязался ежедневно просматривать его на предмет поступления новых уведомлений, и указал, что ему разъяснено о том, что с момента поступления СМС-сообщения он считается извещенным о времени и месте судебного заседания. Суд также отметил, что участник процесса также имел возможность отслеживать информацию о движении дела на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Полагаем, что для безусловного обеспечения гарантии соблюдения прав участников процесса следует установить срок, до истечения которого участники процесса должны быть уведомлены о дате и времени судебного заседания через формулировку: «не менее чем за ... дней до».

Между тем, следует отметить, что указанный способ извещения является самым быстрым, но не самым надежным. При осуществлении СМС-извещения даже при соблюдении всех вышеуказанных условий существует риск злоупотребления правом со стороны недобросовестных участников процесса, которые могут преследовать цель затягивания рассмотрения дела. В таком случае, участник процесса может указать неверный телефонный номер и в таком случае, не будучи уведомленным надлежащим образом, участник будет лишен возможности участвовать в рассмотрении дела со всеми вытекающими последствиями, в том числе возможности отмены судебного акта по п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ.

Возможно ли в данном случае применение по аналогии положений о возложении риска неполучения почтовой корреспонденции самим участником процесса?

Подобного рода судебная практика встречается при рассмотрении судами дел об административных правонарушениях. Так, как указано в постановлении Первого кассационного суда общей юрисдикции от «30» июля 2021 г. № 16-2964/2021, риски неполучения СМС-извещений, не обусловленные неправомерными или недобросовестными действиями или бездействием мирового судьи, осуществлявшего доставку сообщений, лежат на адресате извещения, поэтому при неполучении участником процесса СМС-сообщений на указанный им номер телефона по обстоятельствам, зависящим от адресата, такие сообщения считаются полученными, а участник, как следствие, считается извещенным.

Однако такая практика в настоящее время имеет место быть только по делам об административных правонарушениях в целях недопущения нарушения сроков рассмотрения дел в связи с наличием сроков давности привлечения к административной ответственности.

2. Возможность извещения посредством электронной почты указана в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Согласие на извещение по электронной почте может быть выражено, в частности, посредством указания адреса электронной почты в тексте обращения в суд, а также при подаче обращения в суд в электронном виде посредством заполнения соответствующей формы, размещенной на официальном сайте суда в сети «Интернет».

Между тем, в последнем абзаце п. 19 указанного Постановления говорится о том, что судебное извещение, направленное по адресу электронной почты, считается полученным адресатом в день направления судебного извещения.

Как следует из буквального толкования вышеуказанного пункта, участники процесса считаются надлежащим образом извещенными о времени и месте судебного заседания с момента направления им извещения по адресу электронной почты. Таким образом, очевидно, что во главу угла ставится факт исполнения судом обязанности по направлению извещений, а не факт надлежащего уведомления участников про-

цесса. Полагаем, что изложенное не соответствует правовой сущности института извещения и, соответственно, не гарантирует соблюдение прав участников процесса. Более того, при вышеуказанном подходе в расчет не берется ряд возможных рисков (сбои в работе электронной почты, «взлом» электронной почты, и др.).

Безусловно, применение презумпций, закрепленных в ч. 2 ст. 117 ГПК РФ, создает основу для рассмотрения дела в разумный срок, однако формализованный подход к их применению недопустим.

3. Также в ГПК РФ закреплена возможность извещения участника процесса *посредством единого портала государственных и муниципальных услуг* при наличии согласия на получение заказных почтовых отправок, пересылаемых в форме электронного документа.

Частью 7 статьи 113 ГПК РФ предусмотрено право суда на направление судебного извещения в электронном виде посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг либо системы электронного документооборота участника процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Полагаем, что указанный способ является наиболее надежным и оперативным. Так, портал обеспечивает необходимый уровень гарантий идентификации участника процесса (напр., при извещении по адресу электронной почты достоверно идентифицировать получателя не представляется возможным), минимизирует количество ошибок (напр., при СМС-извещении возможно неверное указание телефонного номера) и злоупотреблений со стороны участников процесса.

В настоящее время судебная практика по извещению участников процесса посредством единого портала государственных и муниципальных услуг находится в процессе формирования в связи с новизной такого способа извещения.

Между тем, в рамках настоящей статьи хотелось бы отметить некоторые аспекты правового регулирования института извещения, нуждающиеся в дальнейшем усовершенствовании.

Так, участники процесса вправе дать свое согласие на получение извещений тем или иным способом, *однако отсутствие у суда корреспондирующей обязанности осуществлять извещение выбранным участником процесса способом свидетельствует об отсутствии у участника процесса права выбора и оставление этого вопроса на усмотрение суда.*

Безусловно, некоторым участникам процесса привычнее и удобнее (в силу ряда причин, например, отсутствия Интернета, неумения пользоваться мобильным телефоном и пр.) получать корреспонденцию на почте, между тем, очевидно и наличие граждан, готовых получать извещения по электронной почте или посредством СМС-извещения. Однако даже при наличии согласия лица на извещение посредством электронной почты или СМС, выбор способа извещения осуществляется судом.

Так, в определении Пермского краевого суда от «23» декабря 2020 г. по делу № 33-12702/2020 суд отметил, что, несмотря на то, что истец дал согласие на извещение посредством СМС-сообщения в связи с тем, что он не проживает по месту регистрации, суд при рассмотрении заявления о предоставлении рассрочки исполнения судебного акта направил извещение о времени и месте судебного заседания по месту его регистрации, а не посредством СМС-сообщения. Заказное письмо вернулось с отметкой «истек срок хранения», в связи с чем судом применена презумпция надлежащего извещения. Как указал суд, извещение посредством СМС-сообщения является *одним из способов* уведомления участников процесса, права истца не нарушены. Более того, согласие на СМС-извещение было дано в рамках рассмотрения дела, но не для рассмотрения заявления ответчика о предоставлении рассрочки. Вывод суда представляется необоснованным, т.к. исходя из буквального толкования нормативно-правовых актов, в рамках рассмотрения дела согласие на получение СМС-извещения дается *единожды* на весь период рассмотрения дела или до отзыва такого согласия.

Разумеется, участники процесса могут получить информацию о дате и месте судебного заседания на официальном сайте суда в разделе «Судебное делопроизводство», между тем, фактически информация часто размещается судами с нарушением установленных сроков или не размещается совсем.

В связи с этим полагаем, следует предусмотреть возможность подачи ходатайства об отсутствии необходимости

направления извещений почтовой корреспонденцией и о направлении извещений способом, удобным для участника процесса, и, соответственно, предусмотреть соответствующую корреспондирующую обязанность суда по указанному ходатайству направлять извещения способом, выбранным участником процесса.

Аналогичным образом следует предусмотреть и обеспечить право всех участников гражданского процесса (в том числе юридических лиц, органов власти и т.д.) заявить немотивированное ходатайство о направлении извещений почтовой корреспонденцией. Возможность заявления такого ходатайства исключит любые возможные споры об ограничении лиц в доступе к правосудию (в случае отсутствия технических средств либо навыков).

В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект № 156972-8 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», который предусматривает *обязательное уведомление участников гражданского процесса через Портал государственных услуг Российской Федерации вне зависимости от направления им бумажных повесток почтой или альтернативными способами, предусмотренными ГПК РФ.*

Согласно пояснительной записке к вышеуказанному законопроекту, целью принятия соответствующих нововведений является более полное соблюдение прав граждан на получение информации о направлении судебных повесток и иных судебных извещений.

Полагаем, что принятие предложенного нововведения увеличит нагрузку на суды общей юрисдикции, однако насколько оправданно извещение участника процесса одновременно двумя способами извещения? Безусловно, риск ненадлежащего извещения в результате некачественного оказания услуг почтовой связи, в частности утери писем, ошибок сотрудника почты, будет отчасти нивелирован. Было ли бы эффективнее предоставить участнику процесса права выбора способа извещения, наиболее удобного для него и возложение на участника риск неполучения извещения выбранным им способом?

Кроме того, некоторые вопросы остаются открытыми: в какой момент извещение, направленное через Портал государственных услуг Российской Федерации, будет считаться полученным участником процесса? А если участник процесса не использует Портал и/или не обладает соответствующими навыками или доступа к определенным техническим средствам? Будет ли участник процесса нести риск неполучения извещения в таком случае?

Итак, подводя итог, хотелось бы отметить, что только своевременное извещение участников процесса гарантирует реализацию принципа законности в гражданском судопроизводстве. Технологии, безусловно, позволяют сократить время по извещению участников процесса, а вместе с тем сделать гражданское судопроизводство более оперативным. Однако, вне сомнений, способы извещений нуждаются в дальнейшем совершенствовании, как на законодательном уровне, так и на уровне правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Елисеев Н. Г. Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. – 2016. – № 6. – С. 121-137.
2. Попова Н. И. Актуальные проблемы надлежащего извещения участников арбитражного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 2. – С. 11-15.
3. Иванов С. Д. Ненадлежащее извещение стороны, против которой вынесено решение третейского суда: обзор практики арбитражных судов округов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 4. – С. 181-189.
4. Афанасьев С. Ф., Жирнова Н. А., Филимонова М. В. Информационно-правовая составляющая СМС-извещения участников гражданского судопроизводства // Администратор суда. – 2018. – № 3. – С. 3-6.
5. Ermakova E. P., Frolova E. E. Using artificial intelligence in dispute resolution // Smart Innovation, Systems and Technologies. – 2022. – Т. 254. – С. 131-142.
6. Rusakova E. P., Frolova E. E. Guidelines for the beginning of civil proceedings in the era of the fourth industrial revolution // Advances in Research on Russian Business and Management. – 2022. – Т. 2022. – С. 191-198.

ПРОСКУРИНА Дарья Сергеевна

магистрант Юридического института Российского университета дружбы народов, лаборант-исследователь кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК В КОНТЕКСТНОЙ РЕКЛАМЕ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ*

В условиях постоянно растущей конкуренции и развития рыночной экономики, на товарном рынке, как правило, присутствует немалое количество хозяйствующих субъектов, которые не боятся прибегать к незаконным способам использования чужих товарных знаков и осуществлению недобросовестной конкуренции. Ввиду активного внедрения цифровизации во все рыночные процессы – цифровая среда стала одним из удобных «проводников» для подобного рода правонарушений. Зачастую недобросовестные предприниматели намеренно используют чужие товарные знаки в качестве ключевых слов в поисковых системах, чтобы воспользовавшись чужой деловой репутацией привлечь к себе клиентов. Практика рассмотрения подобного рода споров о защите исключительного права на товарный знак при его незаконном использовании в контекстной рекламе достаточно неоднозначна и не сформирована должным образом. В большинстве случаев правообладатели оказываются в проигрышной ситуации, а недобросовестные субъекты рынка остаются безнаказанными.

Ключевые слова: товарный знак, исключительное право, контекстная реклама, ключевые слова, недобросовестная конкуренция.

PROSKURINA Daria Sergeevna

magister student of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia, laboratory assistant-researcher of Civil law and process and international private law of the Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL PROTECTION OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK IN CONTEXTUAL ADVERTISING: THE CHALLENGES OF THE DIGITAL AGE**

In the conditions of constantly growing competition and the development of a market economy, as a rule, there are a considerable number of economic entities on the commodity market who are not afraid to resort to illegal methods of using other people's trademarks and the implementation of unfair competition. Due to the active introduction of digitalization into all market processes, the digital environment has become one of the convenient "guides" for such offenses. Often unscrupulous entrepreneurs intentionally use other people's trademarks as keywords in search engines in order to use someone else's business reputation to attract customers. The practice of considering such disputes about the protection of the exclusive right to a trademark in case of its illegal use in contextual advertising is rather ambiguous and has not been formed properly. In most cases, copyright holders find themselves in a losing situation, and unscrupulous market actors remain unpunished.

Keywords: trademark, exclusive right, contextual advertising, keywords, unfair competition.

В современной цивилистической науке различают две основные формы защиты исключительного права - юрисдикционную и неюрисдикционную. Юрисдикционная форма защиты осуществляется государственными или уполномоченными государством органами в судебном или административном порядке. Неюрисдикционная форма защиты охватывает собой действия граждан и организаций по защите гражданских прав и охраняемых законом интересов, без обращения в государственные и иные уполномоченные органы (самозащита) [1].

В свою очередь, юрисдикционная форма защиты реализуется в административном и судебном порядке.

Внесудебная административная защита нарушенных или оспариваемых прав не замыкается на едином административном органе. Существует возможность подачи возражения против регистрации товарного знака в Федеральный институт промышленной собственности РФ (ФИПС) с правом последующего обжалования принятого по возражению решения Роспатентом. Защита исключительных прав на товарный знак может также осуществляться и с помощью таможенных органов. Речь идет о тех случаях, когда товары, произведенные с незаконным использованием товарных знаков известных юридических лиц, ввозятся в Российскую Федерацию или, наоборот, вывозятся за ее пределы.

Однако действительно актуальным и эффективным административным способом защиты исключительного права яв-

ляется обращение с заявлением о нарушении правил добросовестной конкуренции в федеральный антимонопольный орган (ФАС). Незаконное использование чужого товарного знака – всегда является актом недобросовестной конкуренции (п. 1 ст. 14.4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»)¹. При этом недобросовестная конкуренция определяется, как любые действия хозяйствующих субъектов, которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам - конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации (ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

При осуществлении недобросовестной конкуренции в форме незаконного использования обозначения, тождественного товарному знаку хозяйствующего субъекта-конкурента либо сходного с ними до степени смешения путем его использования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», включая размещение в доменном имени и при других способах адресации, ФАС вправе выдавать хозяйствующим субъектам обязательные предписания о прекращении нарушений антимонопольного законодательства или об устранении их последствий [2].

Однако, не смотря на распространённость административной защиты по данной категории споров, нельзя забывать, что основной порядок защиты – судебный.

В свою очередь, судебные способы защиты доктринально делятся на меры защиты и меры ответственности. Между

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** This work has been financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation № НШ-3270-2022.2 «Evolution or revolution of civil justice: digitalization through the prism of artificial intelligence».

1 О защите конкуренции: федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3434.

ними есть принципиальная разница, которая заключается в том, что меры защиты применяются вне зависимости от наличия или отсутствия вины нарушителя. К ним относятся требования о признании права; о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; изъятие материального носителя, признанного контрафактным по причине нарушения исключительных прав; публикация решения суда о нарушении прав с указанием действительного правообладателя.

Меры ответственности же применяются к виновным нарушителям и влекут для них более тяжелые имущественные санкции. К ним относятся взыскание убытков или популярная альтернатива в виде взыскания компенсации, а также ликвидация юридического лица.

Предъявление требования о признании права на товарный знак к лицу, которое отрицает или иным образом не признает право, нарушая тем самым интересы правообладателя, довольно редко встречается на практике.

Представить ситуацию, когда ответчик сознательно игнорирует информацию о зарегистрированном товарном знаке, отрицает право правообладателя на товарный знак или иным образом не признает это право, довольно трудно. На практике такое требование встречается в совокупности с иными требованиями, выдвигаемыми в рамках иных способов защиты прав на товарный знак.

Следующий способ защиты права на товарный знак - **заявление требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения**, к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним, а также к иным лицам, которые могут пресечь такие действия. Особый интерес в данном контексте представляет практика защиты прав на товарный знак в доменных именах.

В частности, в Справке по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров, утвержденной Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4², отмечается, что требование о пресечении действий, нарушающих право на товарный знак и выражающихся в незаконном использовании доменного имени, «может быть предъявлено к администратору соответствующего доменного имени».

В свою очередь, **требование о возмещении убытков** может быть предъявлено к администратору соответствующего доменного имени и к лицу, фактически использовавшему доменное имя, тождественное или сходное до степени смешения с товарным знаком, в отношении товаров, однородных тем, в отношении которых предоставлена правовая охрана этому товарному знаку. При этом такие лица отвечают перед правообладателем солидарно. Кроме этого, следует учитывать, что закон не исключает возможности при наличии соответствующих оснований администратору предъявить регрессный иск к лицу, фактически разместившему информацию об однородных товарах на соответствующем ресурсе в Интернете под спорным доменным именем [2].

Защищая свои права на товарный знак в доменных именах, правообладатели зачастую выигрывают. В качестве примера приведем окончательное решение по делу об использовании в доменном имени товарного знака NIKE.

Компания «NIKE International Ltd» обратилась в суд с иском о признании действий ответчика по администрированию доменного имени «nike.ru» нарушением прав на товарные знаки и фирменное наименование истца и о запрете использовать обозначение «nike» в доменном имени «nike.ru» в Интернете.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены частично: ответчику запрещено использовать обозначение «nike» в доменном имени «nike.ru». В удовлетворении остальной части требований отказано. Су-

дом кассационной инстанции решение было оставлено без изменений³.

На основании анализа судебной практики по разрешению споров, связанных с конфликтом интересов обладателей прав на доменное имя и на товарный знак можно сделать вывод об основных критериях, которые подлежат оценке судами при их разрешении: 1) степень сходства товарного знака и доменного имени; 2) соотношение видов деятельности владельца домена и товарного знака; 3) регистрационный приоритет; 4) наличие/отсутствии законных самостоятельных прав на использование доменного имени; 5) поведение владельца доменного имени и использование им сайта.

Компенсация является альтернативой возмещению убытков. Введение ее в гражданское законодательство в качестве альтернативы объясняется объективными трудностями оценки причиненных убытков правообладателю.

Существует несколько альтернативных форм расчета компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, которые предусматривает пункт 4 статьи 1515 ГК РФ: 1) от 10 000 до 5 000 000 рублей; 2) в 2-кратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак; 3) в 2-кратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за его правомерное использование.

Весьма популярна ошибочная точка зрения, что при заявлении требований о взыскании компенсации, истец не обязан обосновывать размер взыскиваемой суммы. Такая позиция основана на искаженном толковании положений пункта 3 статьи 1252 ГК РФ, гласящих, что компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения, при этом истец освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков.

Конечно, когда правообладатель обращается в суд с иском, то он не обязан приводить доказательства относительно объема причиненных убытков в денежном выражении, ведь требование заключается не в возмещении убытков.

В пункте 61 Постановления Пленума Верховного суда № 10 указано, что истец освобожден от необходимости обоснования размера суммы, если он требует взыскать компенсацию в минимальном размере, то есть 10 000 рублей. В остальных случаях правообладатель должен представить обоснование размера взыскиваемой суммы, подтверждающее соразмерность требуемой им суммы компенсации допущенному нарушению. Это необходимо для того, чтобы истец автоматически не ставился в более выгодное положение, а ответчик – не трепел неблагоприятные последствия.

Конституционный Суд Российской Федерации специально отметил, что во избежание случаев, когда размер взыскиваемой компенсации может оказаться чрезмерным, не отвечающим требованиям разумности и справедливости, законодательство необходимо внести изменения в регулирование чтобы предоставить право судам при определенных обстоятельствах снижать размер взыскиваемой компенсации ниже минимальных пределов, установленных в ГК РФ⁴.

Необходимо сказать, что в контексте рассмотрения способов защиты исключительного права на товарный знак, такие меры защиты, как изъятие контрафактных материалов и публикация решения суда о нарушении прав с указанием действительного правообладателя являются мало актуальными и редкими. В подавляющем большинстве случаев, правообладатель обращается с заявлением о нарушении правил добросовестной конкуренции в ФАС и параллельно в порядке искового производства пытается взыскать компенсацию через судебный орган.

3 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 октября 2013 г. № Со1-70/2013 по делу № А40-11177/2012. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4 По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2016. - № 52. - Ст. 7729.

2 Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров: Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

Важнейший проблемный аспект защиты - **привлечение к ответственности информационного посредника.**

В рамках доменных споров и споров о нарушениях исключительного права на товарный знак в контекстной рекламе постоянно ведутся дискуссии о статусе информационного посредника и его привлечении. В первом случае – перед судебной практикой стоит вопрос: является ли регистратор доменных имен информационным посредником?

Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» в Гражданский кодекс было введено понятие «информационный посредник».

Данное понятие включает в себя⁵: лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети (например, оператор связи, оказывающий телематические услуги по доступу к сети Интернет [6, с. 46-50]); лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети (например, владелец веб-сайта; сервисы контекстной рекламы [5], файлообменники [6]); лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в информационно-телекоммуникационной сети.

Информационный посредник несет ответственность при наличии его вины в совершенном нарушении интеллектуальных прав, но может быть освобожден при одновременном соблюдении ряда условий.

Верховый суд Российской Федерации сформировал презумпцию, что если владелец сайта не докажет, что материал был размещен третьим лицом, то он не может считаться информационным посредником⁶.

На практике не сложилось однозначного понимания роли информационного посредника. Так, в ходе заседания Научно-консультативного совета при СИП представитель Координационного центра национального домена сети Интернет С. А. Копылов высказал мнение о том, что регистратор домена не может быть информационным посредником, поскольку он является лишь одним узлом технической адресации [4]. На данное заявление председатель суда Л. А. Новоселова возразила, что при прекращении делегирования домена речь идет не о привлечении к ответственности его регистратора, а о применении мер защиты интеллектуальных прав - такие меры защиты могут быть применены в том числе и к регистратору доменов [4].

Рассматривая вопрос о том, является ли регистратор информационным посредником, необходимо понять - может ли регистратор пресечь нарушение. Если опереться на точку зрения М. А. Рожковой и Н. А. Кручинина⁷, допуская, что сама по себе регистрация доменного имени, включающего чужой товарный знак, иногда уже может стать нарушением права на этот знак, надо признать, что именно регистратор фактически обеспечивает такое нарушение. Из этого следует, что никто кроме фигуры регистратора не может фактически препятствовать такому нарушению. Таким образом, очевидно, что регистратор обязан принять необходимые меры - совершить действия для устранения технических возможностей продолжения нарушения.

Во второй категории дел (неправомерное использование товарного знака в контекстной рекламе в качестве ключевого слова поискового сервиса) – перед судебной практи-

кой стоит вопрос ответственности, в частности, поискового и рекламного сервиса и нарушителя исключительного права на товарный знак, поскольку, как правило, правообладатель привлекает в качестве ответчика и поисковый сервис (рассчитывая на его ответственность в качестве информационного посредника), и организацию-правонарушителя.

Несмотря на отсутствие прямого указания на исключение ответственности поискового сервиса при размещении ключевых слов, нарушающих исключительное право на товарный знак, судебная практика распространяет на них данные правила⁸. В этом ключе интересно дело Google v. Louis Vuitton Европейский суд рассматривал дело, связанное с нарушением исключительных прав через сервис Google AdWords. Нарушители использовали ключевые слова, схожие до степени смешения с товарными знаками ответчика. Суд постановил, что Google с учетом положений Директивы об электронной коммерции⁹, не должен нести ответственность за нарушение исключительного права истца на товарный знак, поскольку его действия были квалифицированы лишь как «создание технической возможности» и не имеют ничего общего с «использованием». Следовательно, если рекламный сервис осуществляет лишь технические функции, то он может быть освобожден от ответственности. Отметим, что и отечественная практика строится аналогичным образом [3].

Существующая отечественная практика по данному вопросу наталкивает на единственный вывод о том, что указание товарного знака в качестве ключевого слова в поисковых сервисах не может быть признано использованием товарного знака в смысле ст. 1484 ГК¹⁰.

Естественно, с данным выводом невозможно согласиться по ряду объективных причин: во-первых, перечень способов использования товарного знака не является исчерпывающим; во-вторых, в случае если использование того или иного ключевого слова сходного до степени смешения с товарным знаком вызовет смешение в сознании конечного потребителя, то данное действие априори должно быть квалифицировано, как нарушение права использования товарного знака.

Следующая особенность, которую хотелось бы выделить в практике по делам нарушения исключительного права на товарный знак в сети Интернет - **своевременность принятия мер для устранения нарушений информационным посредником.**

Так, информационный посредник обязан своевременно принять меры по устранению нарушения после того, как он получит уведомление от правообладателя. Такие меры информационного посредника, как правило выражаются в удалении материала, нарушающего исключительное право, либо блокировке страниц, где размещен такой материал.

Говоря о своевременности принятия мер, напрашивается вывод, что ни текущее нормативное регулирование, ни судебная практика в России не дает однозначного ответа на данный вопрос. Думается, что при выявлении реального содержания данной категории можно провести аналогию с таким же оценочным понятием разумного срока.

В этом ключе очень интересна судебная практика иностранных государств, когда правообладатели требуют выдачи судебного запрета на размещение материалов, связанных с торговлей контрафактными товарами истца в будущем. В

5 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: федер. закон Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2013. - № 27. - Ст. 3479.

6 О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 // Российская газета. - 2019. - № 96.

7 Протокол № 2 заседания рабочей группы Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам 23 января 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ipc.arbitr.ru/node/13473>.

8 Решение Кассационного суда Французской Республики по делу «Google France SARL and Google Inc» против Louis Vuitton Malletier SA and Others» от 23.03.2010 № ECLI:EU:C:2010:159. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://curia.europa.eu/>

9 О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции: Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

10 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2013 № 09АП-19422/2013-ГК по делу № А40-164436/12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

деле Hendrickson против eBay¹¹ суд отказал в выдаче такого запрета, обосновывая отказ тем, что такое решение возложит на eBay излишние и физически сложно выполнимые обязательства по непрерывному мониторингу миллионов объявлений пользователей на своей платформе.

Наиболее релевантного подхода в этой связи придерживается законодательство Нидерландов. Суд может вынести запрет на дальнейшее предоставление услуг конкретному пользователю, который совершил нарушение дабы предотвратить повторения таких неправомерных действий¹².

В отечественной практике информационные посредники принимают такие меры лишь иногда, реагируя на конкретные запросы правообладателя, а отечественные суды не наделены полномочиями по вынесению решений о пресечении будущих нарушений. Данный факт играет не в пользу правообладателей и конечных потребителей, ведь после удаления нелегального контента или прекращения доступа к нему, пользователи смогут вновь загружать аналогичные материалы. В этой связи правообладатели вынуждены постоянно осуществлять мониторинг информационных ресурсов своими силами и в каждом конкретном случае вновь обращаться к информационным посредникам.

Такой расклад говорит о неэффективности мер, применяемых информационными посредниками.

Полагаем, что в этой связи опыт Нидерландов является оптимальным вариантом для создания качественной модели правового регулирования. В связи с вышеизложенным, думается, что есть смысл расширить компетенцию отечественных судебных органов и уполномочить их выносить судебные акты о понуждении информационного посредника блокировать доступ нарушителя к своему информационному ресурсу или платформе в случае совершения им правонарушения более двух раз.

Последняя особенность является по большей мере процессуальной и связана с **невозможностью наложения предварительных обеспечительных мер** в виде блокировки интернет-страниц, где размещен спорный материал, содержащий чужой товарный знак, как это предусмотрено в отношении некоторых объектов авторского права и смежных прав¹³. Временная блокировка интернет-страниц может быть применена в качестве меры по обеспечению иска, но порядок и процедура исполнения такой меры не предусмотрены.

На данный момент единственный механизм наложения таких мер описан в Положении «О процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах»¹⁴, в соответствии с которым Ru-Center¹⁵ наделен полномочиями принимать ограничения на действия с доменными именами в досудебном порядке, во время судебного разбирательства и на этапе исполнения судебных актов. Ограничения могут выражаться во временном запрете на аннулирование регистрации доменного имени, передачу прав администрирования другому лицу, а также на передачу другому регистратору поддержки сведений о доменном имени. Данные меры сопровождаются блокировкой доступа на веб-сайт.

Однако, полагаем, что такого рода меры не являются процессуальными и соответственно возникает необходимость в создании возможности и условий для принятия до-

судебных ограничительных мер в случаях неправомерного использования обозначения в сети Интернет, не связанных с доменными именами. Подобные меры способны ускорить и оптимизировать процесс защиты прав на средства индивидуализации, когда промедление недопустимо.

Таким образом, в настоящей работе были рассмотрены гражданско-правовые и административно правовые способы защиты исключительного права на товарный знак в делах о нарушениях исключительного права в цифровой среде.

Также были проанализированы некоторые особенности данной категории дел, в свете чего сделаны следующие выводы.

Во-первых, существует проблема ответственности информационных посредников, в том смысле, что их вину практически невозможно доказать. Необходимо выработать специальные нормы, которые бы устанавливали критерии ответственности для конкретных видов информационных посредников. Например, для поисковых и рекламных сервисов необходимо установить нормы, в соответствии с которыми информационный посредник несет ответственность за содержание ключевых слов в контекстной рекламе в случае, если их использование вводит в заблуждение конечного потребителя. Это представляется разумным и справедливым, ведь предоставляя недобросовестному рекламодателю возможность использования ключевых слов с нарушением законодательства о товарных знаках – сервис фактически дает потенциальному нарушителю в руки заряженный револьвер.

Во-вторых, есть обоснованная необходимость внести изменения в процессуальное законодательство, добавив в число мер по предварительному обеспечению иска возможность блокировки интернет-страниц, где размещен спорный материал.

В-третьих, предлагаем расширить компетенцию отечественных судебных органов и уполномочить их выносить судебные акты о понуждении информационного посредника блокировать доступ нарушителя к своему информационному ресурсу или платформе в случае совершения им правонарушения более двух раз.

Пристатейный библиографический список

1. Галкина У. В. Защита интеллектуальных прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. - М.: Московский университет МВД России, Издательство «Щит-М», 2009. - С. 325.
2. Кириллов Н. Г., Кириллов Н. Н. Современные способы защиты товарных знаков: системный подход // ИС. Промышленная собственность. - 2021. - № 3. - С. 37-47.
3. Моргунова Е. Информационный посредник в гражданских спорах о защите авторских прав // ИС. Авторское право и смежные права. - 2016. - № 1. - С. 5-12.
4. Нюняев В. О. Актуальные проблемы защиты интеллектуальных прав в практике таможенных органов // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. - 2016. - № 1 (57). - С. 256-270.
5. Савельев А. И. Критерии наличия действительного и предполагаемого знания как условия привлечения к ответственности информационного посредника // Закон. - 2015. - № 11. - С. 48-60.
6. Терещенко Л. К., Тиунов О. И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2016. - № 6. - С. 46-50.

11 Решение Окружной суд США Центрального округа Калифорнии по делу «Robert Hendrickson» против «EBAY INC., Luckyboy Entertainment, Steven Reilly, and Does 1 through X» от 04.09.2001. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/165/1082/2521829>.

12 Об авторском праве: закон Королевства Нидерланды от 23.09.1912. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hendriks-james.nl/auteurswet>.

13 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

14 О процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах: Положение Координационного центра национального домена сети Интернет от 20.09.2012 № 2012-07/47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

15 АО «Региональный Сетевой Информационный Центр» - организация, предоставляющая услуги по регистрации доменных имен.

КУЗНЕЦОВ Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ЧАН Тхи Тхуй Зунг

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ДИНЬ Тхи Ми Линь

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ ВО ВЬЕТНАМЕ*

В статье рассматриваются актуальные вопросы разрешения экологических споров в правовом поле Вьетнама и указывается на превосходство арбитража над другими формами их разрешения. Целью исследования является всесторонний анализ применимости арбитража к разрешению экологических споров. В исследовательской работе используются синтетические методы научного исследования и методы анализа, абстрагирования, индукции, дедукции, логического и правового сравнения. Авторы приходят к выводу, что в целом добавление арбитража для разрешения экологических споров в Закон Вьетнама об охране окружающей среды 2020 года целесообразно в контексте международной интеграции.

Ключевые слова: арбитраж, экологический арбитраж, возмещение вреда окружающей среде, экологические споры, загрязнение окружающей среды.

KUZNETSOV Mikhail Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

CHAN Thi Thu Zung

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

DINH Thi Mi Lin

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

SOME ASPECTS OF ENVIRONMENTAL DISPUTE SETTLEMENT IN VIETNAM**

The article discusses the current issues of environmental dispute settlement within the Vietnamese legal framework and points out the superiority of arbitration over other forms of dispute resolution for environmental disputes. The aim of the study is to comprehensively analyze the applicability of arbitration to environmental dispute resolution. The research work uses synthetic scientific research methods and methods of analysis, abstraction, induction, deduction, logic and legal comparison. The authors come to the conclusion that, in general, the addition of arbitration to settle environmental disputes in the Law on Environmental Protection of Vietnam 2020 is appropriate in the context of international integration.

Keywords: arbitration, environmental arbitration, compensation for environmental damage, environmental disputes, environmental pollution.

Введение

За последние два десятилетия загрязнение окружающей среды в акватории Вьетнама резко выросло и продолжает ухудшаться, что привело к спорам по поводу экологических проблем, число и сложность которых также увеличились [1]. Тем не менее, урегулирование и рассмотрение экологических споров в целом и споров о возмещении ущерба, причиненного загрязнением окружающей среды, в частности, во Вьетнаме по-прежнему носят преимущественно административный характер, что привело к длительному потоку жалоб, вызывая недовольство населения и трудности для производственной и хозяйственной деятельности предприятий. В данной статье исследуются актуальные и правовые вопросы, связанные с урегулированием экологических споров и методов их разрешения и делается вывод, что арбитражная форма такого разрешения имеет существенные преимущества для применения в делах по экологическим спорам.

1. Экологические споры

С позиций юридической науки понятие *экологический спор* определяется по-разному в зависимости от изменения реальной ситуации и совершенствования экологического права в процессе международной интеграции в целях соответствия международным обязательствам.

«Экологический спор» — это термин, заимствованный из международной практики, сформировавшийся в результате рассмотрения международных экологических жалоб в начале XX века. На национальном уровне к концу 70-х годов термин *экологический спор* использовался достаточно широко во многих странах, таких как Австралия, Индия, США, Канада, Бангладеш, Шри-Ланка, Таиланд, Малайзия, Сингапур¹. В этих странах часто возникают судебные иски, связанные с чрезмерной эксплуатацией природных ресурсов в ущерб другим государствам, а также иски о возмещении ущерба окружающей среде, гибели людей, здоровья и имущества, вызванных актами загрязнения окружающей среды².

Во Вьетнаме в последнее время было много жалоб и споров по поводу окружающей среды, таких как ОНН Ветан

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** The work was done with the financial support of Grant of the President of the Russian Federation № НШ-3270.2022.2 «The evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence».

1 Что такое экологический спор? Типичные признаки экологических споров. // Закон Минь Кхуэ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uatminhkhue.vn/tranh-chap-moi-truong-la-gi-nhung-dau-hieu-dac-trung-cua-tranh-chap-moi-truong.aspx> (дата обращения: 13.11.2022).

2 Там же.

(Vedan, 2010)³, Компания Тунг Куанг (Tung Kuang, 2010)⁴, Сонадези (Sonadezi, 2014)⁵, Никотекс Тхань Тай (Nicotex Thanh Thai, 2013)⁶, Хунг Нгиеп Формоза (Hung Nghiep Formosa, 2016)⁷. Но на самом деле уже с середины 1980-х годов проблема экологических споров имеет тенденцию к постепенному распространению по всей стране. В компетентные органы было направлено множество жалоб по экологическим проблемам, основное содержание которых следующее:

- Во-первых, обязать госорганы жестко пресекать нарушения природоохранного законодательства, заставляя загрязнителей немедленно прекращать действия, наносящие вред окружающей среде, или просить перенести производство в другое место.

- Во-вторых, обязать загрязнителей принимать меры по восстановлению загрязненной окружающей среды, возмещать ущерб, причиненный людям и имуществу в результате актов загрязнения окружающей среды.

- В-третьих, требуется, чтобы организации и лица, совместно использующие компоненты окружающей среды, не злоупотребляли экологической ценностью природных ресурсов, затрагивая право на общественное использование элементов окружающей среды.

- В-четвертых, требуется, чтобы владельцы проектов не осуществляли деятельность по развитию, которая может вызвать загрязнение, деградацию, экологические проблемы или нарушить экологический баланс в особо уязвимых районах или местах с высокой численностью населения. Если эта деятельность обязательно осуществляется в общественных интересах, то владелец проекта или управляющее агентство этого проекта должны компенсировать проживающим в данном районе людям ущерб от снижения качества среды обитания из-за реализации проекта.

- В-пятых, просить органы государственного управления усилить требования к принизанным административным актам, связанным с управлением природными ресурсами и охраной окружающей среды, особенно решения о выдаче инвестиционных разрешений, разрешений на строительство объектов, утверждение отчетов об оценке воздействия на окружающую среду. Нарушение этих требований к административным системам должно рассматриваться как грубое нарушения экологического законодательства со всем вытекающими последствиями.

Во Вьетнаме Закон об охране окружающей среды 2020 г. (вступивший в силу 1 января 2022 г.) не содержит конкретно определения экологических споров. Тем не менее, Закон об окружающей среде 2020 года использует метод перечисления для определения экологических споров, в том числе: (i) споры о правах и обязанностях по охране окружающей среды при эксплуатации и использовании компонентов окружающей среды; (ii) споры по поводу выявления причин загрязнения окружающей среды, её деградации или иных последствий; (iii) споры об ответственности за устранение последствий и возмещении ущерба нанесённого окружающей среде⁸.

3 Интернет-газета правительства Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baohinhphu.vn/vedan-da-hoan-tat-viec-boi-thuong-220-ty-dong-cho-nong-dan-bi-thiet-hai-10257545.htm> (дата обращения: 13.11.2022).

4 Пойманный на месте преступления, Тунг Куанг сливает неочищенные отходы через подземные трубы. // Газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dwtm.gov.vn/Bat-qua-tang-Tung-Kuang-xa-thai-chua-xu-ly-qua-ong-ngam-1177> (дата обращения: 13.11.2022).

5 Заявление о возмещении ущерба Sonadezi вызывает серьезное загрязнение: одинокие люди. // Люди и природа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thiennhien.net/2014/03/01/doi-boi-thuong-do-sonadezi-gay-o-nhiem-nghiem-trong-nguoi-dan-don-doc/> (дата обращения: 13.11.2022).

6 Оглядываясь на дело об экологическом «отравлении» тайской акционерной компании Nicotex Thanh Thai (Thanh Hoa) // Электронная газета Коммунистической партии Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dangcongson.vn/ban-doc/y-kien-ban-doc/nhin-lai-vu-dau-doc-moi-tuong-cua-cong-ty-cp-nicotex-thanh-thai-thanh-hoa-207652.html> (дата обращения: 13.11.2022).

7 Formosa обязалась компенсировать 500 миллионов долларов США после инцидента, вызвавшего загрязнение окружающей среды. // Электронная газета Коммунистической партии Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dangcongson.vn/thoi-su/formosa-cam-ke-boi-thuong-500-trieu-usd-sau-su-co-gay-o-nhiem-moi-truong-396078.html> (дата обращения: 13.11.2022).

8 Пункт 1 статьи 162 Закона об охране окружающей среды 2020 г. // Веб-портал правительства Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/> (дата обращения: 13.11.2022).

Таким образом, экологические споры можно определить как конфликты между организациями, отдельными лицами и сообществами людей по поводу прав и интересов, связанных с предотвращением и ликвидацией последствий загрязнения и ухудшения состояния окружающей среды эксплуатацией и использованием природных ресурсов, связанные с правом жить в здоровой окружающей среде и правом на защиту жизни и здоровья людей.

2. Практика урегулирования экологических споров во Вьетнаме

В отличие от гражданских, экономических или трудовых сфер, в сфере охраны окружающей среды споры могут разрешаться в административном и судебном порядке [4]. Во многих странах, в том числе во Вьетнаме, административные процедуры до сих пор широко признаются и применяются в процессе разрешения экологических конфликтов, поскольку считают, что объект экологических споров всегда тесно связан с общественными интересами, которые охраняются государством (через органы государственного управления, отвечающие за охрану окружающей среды) [8]. Эти органы обязаны следить за надлежащим разрешением конфликтов экологического характера между сторонами. Считается, что применяемые государственными органами административные процедуры лучше всего отвечают требованиям быстрого разрешения экологических споров, своевременного предотвращения неблагоприятных последствий, которые могут быть нанесены окружающей среде, в то время как в соответствии с судебными процедурами решение дел может быть растянуто во времени, о безотлагательные меры по восстановлению нарушенного качества окружающей среды рискуют быть по этой причине своевременно не приняты.

Во Вьетнаме урегулирование экологических споров является одним из девяти направлений государственного управления окружающей средой. Аппарат органов природопользования, участвующих в разрешении экологических споров, организован на четырех уровнях: кадастровые чиновники на уровне районов и коммун; специализированные учреждения при народных комитетах районов, поселков и городов непосредственного подчинения губернии; Департаменты природных ресурсов и окружающей среды провинций; Национальное агентство по охране окружающей среды. Хотя административные процедуры довольно распространены при разрешении экологических споров, это не означает, что значение судебных процедур во Вьетнаме занижено и не воспринимается всерьез. Отношения между государством в лице его органов природопользования и организациями и отдельными лицами по существу являются отношениями между представителем собственника и эксплуатантом, пользующимся объектами, окружающей среды находящимися в общественной собственности.

При нанесении ущерба компонентам окружающей среды государство выступает как представитель общественных интересов, требуя восстановления нарушенного качества окружающей среды. В этом случае отношение между государством и стороной, наносящей ущерб окружающей среде, являются отношениями между двумя сторонами, в которых государство является представителем заинтересованной стороны. Когда обе стороны не могут прийти к обоюдному согласию, то компетентным органом для принятия решения будет суд.

3. Способы разрешения экологических споров во Вьетнаме

Анализ текста Закона об окружающей среде 2020 года показывает, что в нем не содержится указания конкретно каким следует методом разрешать возникший экологический спор, что даёт основание полагать, что урегулирование экологических споров осуществляется во Вьетнаме в соответствии с положениями гражданского законодательства и иными положениями соответствующих законов⁹. Однако исходя из общегражданских научных представлений и сложившейся практики урегулирование споров о возмещении ущерба окружающей среде может осуществляться путем: переговоров, посредничества, арбитража разрешение споров, или судебного разбирательства¹⁰.

9 Пункт 2 статьи 162 Закона об охране окружающей среды 2020 г. // Веб-портал правительства Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/> (дата обращения: 13.11.2022).

10 Пункт 1 статьи 133 Закона об окружающей среде 2020 г. // Веб-портал правительства Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/> (дата обращения: 13.11.2022).

3.1. Переговоры

Закон об охране окружающей среды 2020 года предусматривает, что «Возмещение ущерба окружающей среде должно быть урегулировано путем переговоров между сторонами. В случае неудачи в переговорах стороны могут выбрать урегулирование посредством посредничества, арбитража или суда»¹¹. Таким образом, переговоры всегда считались довольно распространенной формой разрешения экологических споров и считались предпочтительным вариантом из-за своей простоты и эффективности. Это наилучшая возможность для сторон собрать больше информации, рассмотреть обстоятельства происшествия, правильно оценить характер дела, устранить недопонимания и иные проблемы и вместе найти оптимальные решения с точки зрения затрат времени, энергии и финансовых издержек.

По сравнению с другими способами разрешения споров, переговоры урегулирование экологических споров характеризуются тем, что часто количество участников каждого экологического спора настолько велико (в ряде случаев оно доходит до тысяч лиц, десятков организаций), что сам переговорный процесс не может проходить непосредственно между всеми участниками. Например, в споре о возмещении ущерба ООО Ведан в 2008-2010 гг., Ведан согласился выплатить компенсацию более чем 5000 домохозяйств в 3 провинциях: Донгнай, Бариа-Вунгтау и Хошимин на общую сумму 220 миллиардов донгов.¹²

3.2. Посредничество

Во Вьетнаме посредничество – понимают как форма разрешения споров, когда конфликт сторон урегулирован, но вскоре обнаруживается, что возникающий препятствия для его реализации. При этом обе стороны все же хотят найти вывод из создавшегося положенная самостоятельно, не прибегая к суду Медиация споров является правом сторон. Закон рекомендует сторонам спора применять этот метод. В настоящее время путем примирения сторонами часто используется способ разрешения именно экологических споров. Во Вьетнаме правовая база для разрешения экологических споров содержится в Законе об охране окружающей среды 2020 г. и Гражданском кодексе 2015 г. Фактически медиация экологических споров осуществляется в следующих формах:

- в форме судебного примирения осуществляемого в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом 2015 года; и Законом о посредничестве и диалоге в суде 2020 года;
- в форме коммерческого посредничества, осуществляемого в соответствии с Постановлением 22/2017-ND/CP;
- в форме внесудебного примирения примирение в народном комитете коммуны и примирение на низовом уровне.

Для симулирования развития института посредничества в 2015 году Фонд Азии, Институт стратегии и политики природных ресурсов и окружающей среды (MONRE) в сотрудничестве с Департаментом природных ресурсов и окружающей среды города Дананг совместно отобрали ряд экологических споров для пилотного урегулирования через посредничество Народного комитета коммуны в некоторых населенных пунктах таких, как ГЭС Дак Ми 4, район Хо Рай. Однако результаты этого проекта оказались вестя скромными [2]. В числе новых явлений при разрешении экологических споров во Вьетнаме следует отметить то, что при посредничестве посредники часто объединяются в группы, например, представители органов местного самоуправления, государственных органов управления природными ресурсами и окружающей средой, общественных организаций, иные представители обществу, юристы и др. Поскольку экологические споры связаны со многими интересами и затрагивают различные аспекты жизни, то для их объективного и всесторонне то рассмотрения требуется не только специальные научные знания, но и практический опыт пачками подходу, поскольку организация примирительных групп способствует уравниванию позиций сторон, которые в каждом экологическом споре изначально настаиваем на максимальном удовлетворённом своих требований.

Сложность посредничества в экологических спора во Вьетнаме, как видно, связана с многокомпонентным характером посреднических групп. Если посредничество не организовано

научно и логично, между самими [5] посредниками могут возникнуть и как правило возникают дополнительные разногласия.

3.3. Разрешение споров в судах общей юрисдикции

Во Вьетнаме подсудность по разрешению наиболее распространенных видов споров в области охраны окружающей среды определяется гражданско-процессуальным законодательством. Народные суды провинций уполномочены рассматривать дела по первой инстанции с участием иностранных граждан и юридических лицами имущества, находящегося за границей. Остальные дела в первой инстанции слушает окружной народный суд.

Что касается территориального охвата, то подсудность дел определяется по месту жительства или работы ответчика (если ответчиком является физическое лицо) или по месту нахождения ответчика (если ответчиком является организация). Заинтересованные стороны также могут договориться об урегулировании спора в суде по месту жительства истца.

Если дело касается спора о возмещении вреда вне договора, то истец может обратиться в суд по месту жительства или работы по месту жительства или работы либо по месту возникновения причинившего ущерб происшествия для его разрешения.

Однако следует также признать, что определение юрисдикции суда на основе критериев объекта или территории обычно подходит только для споров простого характера, узкой сферы и малой ценности в споре.

Что касается экологических споров, носящих сложный характер с большим количеством людей. Как со стороны истца, так и ответчика настаивающих на выводе ней для них подсудность, то при определении ее суд, в который поступило дело, может стойте от критериев места жительства, места работы или даже места причинения вреда и передать дела в другой суд, в котором имеются специализированные составы судей или в вышестоящий суд.

3.4. Разрешение споров в арбитраже

В настоящее время во Вьетнаме замена тенденция в передаче экологических дел на рассмотрение арбитража. Выбор арбитража объяснявшая такими его преимуществами по сравнению с судами общей юрисдикции. Как быстрота рассмотрения спора, отсутствие ряда формальностей, специализированный состав арбитров и их профессиональный опыт, наконец, дешевизна самого процесса [9]. По состоянию на 2022 год во Вьетнаме насчитывается 30 специализированных арбитражных центров, из которых Вьетнамский международный арбитражный центр (VIAC) имеет две палаты в двух самых загруженных городах страны – Хошимине и Ханое.¹³

В соответствии с положениями Закона Вьетнама о коммерческом арбитраже 2010 г. арбитраж определяется как метод разрешения споров, при котором стороны спора договариваются, что *арбитр* – лицо, выбранное сторонами или назначенное арбитражным центром разрешает спор, и заканчивание разбирательство вынесением арбитражного решения¹⁴.

Для того, чтобы экологический спор мог быть предметом коммерческого арбитража, он должен «возникать между сторонами, из которых хотя бы одна сторона занимается коммерческой деятельностью», или такой экологический спор «возникает между сторонами, чья функциональная деятельность по закону подлежит юрисдикции арбитражного суда»¹⁵.

Арбитражный процесс регулируется не только Законом о коммерческом арбитраже 2010 г. Он также указан в Правилах арбитражных центров во Вьетнаме. Эти арбитражные правила в целом имеют много общего с тем, как разрешаются споры в крупных международных арбитражных центрах в мире таких как Международный арбитражный суд при Международной торговой палате («ICC»), Лондонский международный арбитражный суд («LCIA»), Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты («SCC»), Гонконгский международный арбитражный центр («HKIAC»), Сингапурский международный

11 Пункт 1 статьи 133 Закона об окружающей среде 2020 г. // Веб-портал правительства Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/> (дата обращения: 13.11.2022).

12 Интернет-газета правительства Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baochinhphu.vn/vedan-da-hoan-tat-viec-boi-thuong-220-ty-dong-cho-nong-dan-bi-thiet-hai-10257545.htm> (дата обращения: 13.11.2022).

13 Центры коммерческого арбитража во Вьетнаме. // Тьен Ан Юрист. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://luatthienan.com/cac-trung-tam-trong-tai-thuong-mai-o-viet-nam/> (дата обращения: 13.11.2022).

14 Пункт 1 статьи 3 Закона о коммерческом арбитраже Вьетнама 2010 г. // Веб-портал правительства Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/> (дата обращения: 13.11.2022).

15 Пункты 2 и 3 статьи 2 Закона о коммерческом арбитраже Вьетнама 2010 г. // Веб-портал правительства Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/> (дата обращения: 13.11.2022).

арбитражный центр («SIAC»), Венский международный арбитражный центр («VIAC»).

Как правило процесс разрешения экологических споров в коммерческом арбитраже включает следующие основные этапы:

Шаг 1: Истец подает иск и выбирает арбитра

Шаг 2: Арбитражный центр проводит предварительную проверку по вопросу о подсудности, дела принимает жалобу и направляет ее ответчику.

Шаг 3: Ответчик подает возражение по иску и выбирает своего арбитра

Шаг 4: Обе стороны могут выбрать одного арбитра или поручить своим арбитрам или арбитражному центру назначить третьего арбитра. [суперарбитра]

Шаг 5: Арбитражный суд изучает дело и решает ряд задач в соответствии со своей компетенцией.

Шаг 6: Согласованным сторонами арбитра или состав из трех арбитров вызывает стороны и в их присутствии рассматривает дело по существу.

Шаг 7: Арбитр [Комиссия из трех арбитров] выносит свое решение по спорному делу.

4. Оценка применимости арбитража к урегулированию экологических споров во Вьетнаме

По сравнению с использованием арбитража для разрешения экологических споров, организация разрешения споров путем медиации по-прежнему носит в значительной степени административный характер, поэтому роль механизма разрешения споров путем коммерческого примирения не обладает достаточной привлекательностью. Мало того, предоставление права решать экологические споры через народные комитеты на уровне коммун в ряде случаев представляется неразумным, в особенности когда в конфликт вовлечены предприятиями с иностранными инвестициями (ПИИ), например, в случае с Hung Nghiep Formosa Ha Tinh и Vedan Company.

Напротив, национальный международный или арбитражный центр с командой арбитров, обладающих специальными юридическими знаниями и практическим опытом разрешения споров с участием иностранцев, позиционирует себя как более надежное и привлекательное место для разрешения конфликтной ситуации экологического характера [3].

Старый менталитет вьетнамцев состоит в том, чтобы верить в окончательность и возможность приведения в исполнение решения суда. Этим следуем объяснить, что внутренние арбитражные решения вступают в силу с момента их вынесения и не требуют прохождения процедур признания [7].

Мало того, если стороны спора (например, граждане, юридические лица с вьетнамским гражданством и компании с иностранными инвестициями) договорились о выборе иностранного арбитражного центра для разрешения спора. Несмотря на экологические проблемы, возможность приведения в исполнение иностранных арбитражных решений во Вьетнаме по-прежнему гарантирована. Потому что с 1995 года Вьетнам стал участником Нью-Йоркской конвенции 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, одним из принципов которой является принципа взаимности. В настоящее время участниками этой Конвенции являются более 160 стран¹⁶. В соответствии с Нью-Йоркской конвенцией физические или юридические лица, являющиеся гражданами одной из сторон конвенции, имеют право добиваться признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений¹⁷. Такое право во Вьетнаме гарантировано законом¹⁸. Для вьетнамских граждан и предприятий применение Нью-Йоркской конвенции имеет большое практическое значение, поскольку даже если проигравшая сторона (иностранное предприятие, предприятие с иностранными инвестициями) откажется от исполнения арбитражного решения, победившая сторона может ходатайствовать о признании

и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений во вьетнамских судах.¹⁹

Заключение

Учитывая вышеизложенное и принимая во внимание преимущества арбитража перед другими способами разрешения споров считаем вполне разумно включить арбитраж в положение о мерах по разрешению экологических споров во Вьетнаме. Эта мера позволит как вьетнамским, так и иностранным гражданам и юридическим лицам шире выбирать Вьетнам как надежное, предсказуемое и справедливо разрешение конфликтов экологического характера.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270-2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта»

This work has been financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation No. NSh-3270-2022.2 «Evolution or revolution of civil justice: digitalization through the prism of artificial intelligence»

Пристатейный библиографический список

1. Нгуен Трунг Тханг, Хоанг Хонг Хан, Дуонг Тхи Фуонг Ань. Исследуйте и предложите механизм разрешения экологических споров вне суда во Вьетнаме // Экологический журнал. – 2015. – № 6.
2. Азиатский фонд и Институт стратегии и политики в области природных ресурсов и окружающей среды. Руководство по разрешению экологических споров через медиацию. – Ханой, 2015. – С. 11.
3. Дао Дык Хань, Тринь Туан Ань. Разрешение экологических споров путем медиации: Текущее состояние применения законодательства и рекомендации по его совершенствованию // Вьетнамский журнал Lawyer. – Ханой, 2021.
4. Русакова Е. П. Некоторые вопросы разрешения финансовых споров арбитражными центрами в Социалистической Республике Вьетнам // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 8 (135). – С. 29-32. – EDN MLHUUO.
5. Русакова Е. П. Правовые основы гражданского судопроизводства социалистической Республики Вьетнам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2019. – Т. 23. – № 4. – С. 586-601. – DOI 10.22363/2313-2337-2019-23-4-586-601. – EDN WHHMPU.
6. Чан Минь Нгуен, Куен Динь Ха. Способность местных сотрудников экологической полиции разрешать экологические споры – пример из Ханоя. // Вьетнамский журнал сельскохозяйственных наук. – Ханой, 2016. – № 14 (2). – С. 220-228.
7. Лорен Сан. Что лучше: арбитраж во Вьетнаме или арбитраж за границей? - Lexology, 2020.
8. Dudin M. N., Frolova E. E., Artemeva Yu. A. [et al.]. Business Entities within the Agro-Industrial Sector and Present-Day Trends in "Green" Logistics in a Climate of Transformation of the World Economy / M. N. Dudin, E. E. Frolova, Yu. A. Artemeva [et al.] // International Journal of Economic Research. – 2016. – Vol. 13. – № 6. – P. 2379-2390. – EDN URHXZU.
9. Frolova E. E. Trends in the Development of Alternative Ways of Dispute Resolution of Neo Industrialization Subjects / E. E. Frolova, E. P. Rusakova // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap: Institute of Scientific Communications Conference. Vol. 198. – Cham: Springer Nature, 2021. – P. 1842-1849. – DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_203. – EDN ECWPXH.

16 Contracting States. // New York Arbitration Convention. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newyorkconvention.org/countries> (дата обращения: 13.11.2022).

17 Note 486. The Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards of 1958. // New York Arbitration Convention. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newyorkconvention.org> (дата обращения: 13.11.2022).

18 Гражданский процессуальный кодекс Вьетнама 2015 г. // Правительственный портал Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/> (дата обращения: 13.11.2022).

19 Гражданский процессуальный кодекс Вьетнама 2015 г. // Правительственный портал Вьетнама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/> (дата обращения: 13.11.2022).

НЕВЕРОВ Виталий Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Самарского юридического института ФСИН России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Представленная научная статья посвящена актуальным вопросам отечественного гражданского процесса. Участие прокурора в гражданском процессе предопределено необходимостью защиты интересов неопределенно широкого круга населения, интересов общества и государства, а также отдельной категории лиц, которые не могут полноценно реализовать свои процессуальные права в силу возраста, состояния здоровья или иных обстоятельств. С учетом возрастания экономических процессов в обществе возрастает и роль гражданско-правового регулирования. Следовательно, возрастает доля участия прокурора, как процессуальной фигуры в гражданско-правовой сфере. Однако в этом плане выявляются пробелы, которые связаны с отставанием законодательства от изменений в экономике, социальной сфере, технологиях от возрастающего количества гражданских процессов в целом, от необходимости участия государства в более широких кругах гражданско-правовых споров. Данным пробелам и посвящена настоящая научная статья.

Ключевые слова: гражданский процесс, участие прокурора, прокурор как участник гражданского процесса.

NEVEROV Vitaliy Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE CIVIL PROCESS

The presented scientific article is devoted to topical issues of domestic civil procedure. The participation of the prosecutor in the civil process is predetermined by the need to protect the interests of an indefinite wide range of the population, the interests of society and the state, as well as a separate category of persons who cannot fully exercise their procedural rights due to age, health status or other circumstances. Taking into account the increasing economic processes in society, the role of civil law regulation is also increasing. Consequently, the participation of the prosecutor as a procedural figure in the civil law sphere increases. However, in this regard, gaps are identified that are associated with the lag of legislation from changes in the economy, social sphere, technology, from the increasing number of civil processes in general, from the need for state participation in broader civil law disputes.

Keywords: civil procedure, participation of the prosecutor, the prosecutor as a participant in the civil process.

Прокурор с момента создания органов прокуратуры условно называется оком государства. По российскому законодательству главной функцией прокурора считается надзор за соблюдением действующего на территории страны законодательства. В системе развития органов прокуратуры роль прокурора все больше ориентируется на систему гражданских отношений, а не только на выполнение задач государственного обвинителя в уголовном процессе. Это вызвано развитием и своеобразным осложнением экономических составляющих общества, ростом влияния частноправовых отношений.

Прокуратура РФ, будучи призванной отстаивать интересы общества, государства, неопределенно широкого круга населения, защищать слабые слои населения, все чаще и чаще вынуждена вмешиваться в гражданско-правовые отношения.

Глобальной задачей прокуратуры в гражданском процессе является гарантировать баланс частного и публичного интереса в спорных гражданско-правовых отношениях путем соблюдения определенных предпосылок.

Прокурор в гражданском процессе участвует в деле на основании ст. 34 ГПК РФ, а также п. 1 ст. 23 и п. 1 ст. 35 ФЗ «О прокуратуре РФ», откуда следует, что прокурор обращается в суд и принимает участие в рассмотрении дел в установленных случаях и порядке.

Органы прокуратуры уполномочены выступать с иском заявлением по просьбе многих других лиц, нуждающихся в защите, в связи с нарушением их социально значимых прав - жилищных, трудовых, семейных и других.

Согласно ст. 45 ГПК РФ прокурор может обратиться в суд с заявлением в защиту интересов граждан, неопределенного круга лиц. Различные официальные и доктринальные

акты толкования предопределяют, что прокурор обладает полномочиями обратиться в суд в интересах физических лиц при таких сложившихся обстоятельствах, при которых становится невозможным обращение гражданина в суд самостоятельно из-за недееспособности, возраста, состояния здоровья.

Прокурор может стать участником гражданского процесса на любой из его стадий. Формы участия прокурора в гражданском процессе, объем его прав и обязанностей, содержание процессуальных действий различны в зависимости от того, в какой стадии процесса он принимает участие. Однако основное направление деятельности прокурора в гражданском процессе – это отстаивание в нем публично-правовых интересов. Обратиться же в защиту прав отдельного гражданина прокурор может только тогда, когда гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

С одной стороны видится, что функции прокурора, его цели и задачи в гражданском процессе достаточно четко определены. С другой стороны законодатель оставляет некую неопределенность в детальном толковании некоторых аспектов прокурорской деятельности в данной сфере.

Например, законодатель указывает в ст. 45 ГПК РФ, что праве представлять интересы лиц, которые в силу состояния здоровья не могут полноценно отстаивать свои интересы в гражданском процессе. С другой стороны, законодатель не оговаривает и критериев состояния здоровья, в соответствии с которыми гражданин не может обратиться в суд.

Более того, законодатель указывает на неопределенные уважительные причины, по которым истец или заявитель не могут самостоятельно представлять свои интересы в суде, а

прокурор в исковом заявлении должен привести мотивы, по которым гражданин не может самостоятельно обратиться в суд, представить доказательства, подтверждающие невозможность самостоятельного обращения заинтересованного лица, и приложить копии соответствующих документов. Право оценки состояния здоровья, равно как и уважительных причин, по которым гражданин сам не может обратиться в суд, принадлежит суду.

Некоторые ученые-юристы, которые занимались исследованием в данной области, отмечают, что в качестве уважительных причин невозможности самостоятельного обращения гражданина нет определенных критериев. Отмечается, что актуальность поставленной проблемы объясняется отсутствием объективных критериев уважительности причин, их различным пониманием судом и органами прокуратуры.

Исследуя такие обстоятельства, как инвалидность, тяжелое материальное положение, служебная зависимость, ученые-юристы полагают, что данные понятия слишком оценочные, чтобы определить на методологическом уровне хотя бы общие критерии [4].

Полагаем, что правильно согласиться с Ярошенко Т. В., что неопределенность формулировки «иные уважительные причины» вызывает абстрактность в определении круга лиц, в чью защиту прокурор имеет право на обращение в суд [6, с. 47-48].

Следовательно, вопрос о том, что считается критерием участия прокурора в гражданском процессе в связи с законодательными формулировками о неких «других уважительных причинах» является дискуссионным.

Однако отчасти дефиниция уважительности причин сформирована судебной практикой. В качестве них распространено понимание не просто жизненной ситуации, где лицо, чьи права нарушены, оказалось в итоге аварии, межэтнического конфликта, воздействия стихии, катастрофы. Судебной практикой однозначным основанием для обращения прокурора в суд признается наличие у лица I и II групп инвалидности.

Анализируя положения, разработанные судебной практикой и предложения ученых юристов можно сделать вывод, что ряд из приведенных толкований имеют объективный характер - попадание лица в сложную жизненную ситуацию по независящим от него причинам: из-за техногенной катастрофы, природного катаклизма, локального конфликта, пожаров. Как правило, численность пострадавших в таких случаях достаточно велика, что может привести к целесообразности обращения прокурора в суд в интересах неопределенного круга лиц. При защите прокурором прав конкретного лица доказывание уважительности причин невозможности самостоятельного обращения гражданина в суд направлено на установление факта события и причинно-следственной связи между ним и бедственным положением лица, нуждающегося в защите. Иные названные обстоятельства в той или иной степени имеют субъективный оттенок, т.е. либо зависят от поведения лица, либо распространяются персонально на него или его семью.

По мнению автора данной статьи, отдельные обстоятельства, такие как нахождение на иждивении у истца несовершеннолетних детей, нахождение на пенсии по возрасту, юридическая неграмотность, сами по себе не могут считаться уважительными причинами к обращению прокурора в суд. Однако совокупность одновременно нескольких факторов, по причине которых сложилась тяжелая жизненная ситуация, к примеру, пенсионного возраста, хронического заболевания, повлекшего инвалидность, отдаленность места проживания, тяжелого имущественного положения, должны толковаться судом в качестве уважительных причин, делающих невозможным самостоятельное обращение лица в суд и объясняющих активность прокурора в защите в судебном порядке прав такого гражданина.

Остается дискуссионным вопрос о целесообразности отдельной статьи гражданско-процессуального кодекса, где бы указывался расширенный перечень уважительных причин, по которым гражданин может не обращаться в суд лично, а непосредственно через своего прокурора. Состояние здоровья и возраст конкретно определены законодателем и не требуются представления доказательств, их подтверждающих. Однако, исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод об отсутствии определенности в толковании ст. 45 ГПК РФ, а именно в той части, в которой раскрывается формулировка возможности обращения в суд посредством прокурора. Абстрактная формулировка нормы, указывающая на «иные уважительные причины», позволяет суду неправомерно отказывать прокурорам в принятии заявлений. Таким образом, возникает необходимость разъяснения положений ст. 45 ГПК РФ, в части, касающейся «иных уважительных причин, препятствующих обращению в суд самим гражданином» на законодательном при рассмотрении гражданских дел.

В связи с указанным, думается, что разрешение возникшей неопределенности возможно не столько изменением положений закона, сколько разработкой судебного толкования процессуальной нормы в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда. Дело в том, что полное раскрытие всех возможных случаев, когда требуется участие прокурора в гражданском процессе не представляется возможным. Во-первых, технико-юридический объем рассматриваемой нормы не позволяет широкой регламентации всех возможных случаев участия прокурора в гражданском процессе. Во-вторых, на взгляд автора, необходимо оставлять некоторую свободу в применении указанной нормы. Как говорится, к каждому случаю в жизни закон не прописать. Необходимо, чтобы с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела в гражданском процессе была не только возможность, но и необходимость участия прокурора. С другой стороны, важно соблюдать баланс в этих отношениях. Широкое участие прокурора в частноправовых отношениях не должно допускаться в плане недопущения вмешательства государства в узкие частноправовые сферы, предопределяя свободу частной собственности, договора и экономических отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф. Некоторые проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве с целью защиты прав и законных интересов других лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2012. - № 9. - С. 46-47.
2. Сергиенко А. А. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами общей юрисдикции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005. - С. 11.
3. Тарабрин Д. В. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. - 2017. - № 2. - С. 54-55.
4. Филипенко С. В. Проблемы подготовки и реализации протеста прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов // Российский юридический журнал. - 2014. - № 3. - С. 128-133.
5. Ярошенко Т. В. Актуальные вопросы участия прокурора в гражданском процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. - 2008. - № 9. - С. 47-54.

САХРАТУЛАЕВА Мадина Магомедовна

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ГРУППОВЫХ ИСКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ И ПУТИ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются современные аспекты рассмотрения групповых исков в гражданском процессе. Изучены исторические и теоретические аспекты применения групповых исков в современном российском гражданском процессе. Исследованы проблемы и современные направления развития и модернизации процессуальных особенностей рассмотрения групповых исков в гражданском процессе. Выделены основные концепции, определения и значение групповых исков в гражданском процессе. Сделаны выводы, что для совершенствования механизма рассмотрения групповых исков в Российской Федерации необходима проработка норм о подсудности коллективных исков, изменение процедуры отказа от иска истцом-представителем и регламентация процедуры замены истца-представителя в ГПК РФ, что позволит данному механизму работать более эффективно.

Ключевые слова: иск, гражданский процесс, групповой иск, однородность требований, процессуальный статус, количественный критерий, подсудность, представитель, групповое производство.

SAKHRATULAEVA Madina Magomedovna

magister student of the Institute Law of Law of the Dagestan State University

PROCEDURAL FEATURES OF CONSIDERATION OF CLASS ACTIONS IN CIVIL PROCEEDINGS

The article discusses modern aspects of the consideration of class actions in civil proceedings. The historical and theoretical aspects of the application of class actions in modern Russian civil proceedings are studied. The problems and modern directions of development and modernization of procedural features of consideration of class actions in civil proceedings are investigated. The main concepts, definitions and significance of class actions in civil proceedings are highlighted. It is concluded that in order to improve the mechanism for considering class actions in the Russian Federation, it is necessary to work out the rules on the jurisdiction of collective claims, change the procedure for rejecting a claim by a plaintiff representative and regulate the procedure for replacing a plaintiff representative in the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which will allow this mechanism to work more effectively.

Keywords: lawsuit, civil process, class action, uniformity of claims, procedural status, quantitative criterion, jurisdiction, representative, group proceedings.

Как следует из современных исторических особенностей развития гражданского судопроизводства в условиях российской действительности, групповые иски составляли значимую роль в цивилистическом процессе. Одним из первых институтов подачи коллективного иска является процессуальное соучастие, предполагающим участие нескольких истцов и ответчиков. Вторым же институтом является обращение в суд в защиту прав и законных интересов других лиц, допускающий возможность защиты неопределенного круга лиц и имеющий некоторые недостатки, например, им не допускается предъявление требований отдельными лицами, чьи права и законные интересы защищаются иском [2, с. 36].

Исследователи отмечают, что как такового группового иска в законодательстве РФ не существовало примерно до 30 лет назад. Первые подобные нормы о защите групповых интересов появились в законе «О защите потребителей», а в 2000 году изменения внесли в статью 42 ГПК РФ, допуская защиту неопределенного круга лиц. А уже в 2009 году в Гражданско-процессуальный кодекс была введена глава 28.2 «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересах группы лиц».

Важным шагом в развитии защиты прав группы лиц в России стало введение в 2019 году в ГПК РФ института групповых исков. Механизм судебной защиты группы лиц впервые в истории зафиксирован в римском праве, но имел дефиницию общедоступных исков. Юстиниан в своих трудах приводит описание механизма подобных исков, целью которых являлось обеспечение возможности предъявления гражданином иска от имени множества граждан муниципия.

Сахратулаева М. М.

После нововведений в отношении групповых исков среди ученых и практикующих юристов сформировались различные позиции относительно их преимуществ или недостатков для российского гражданского процесса.

В ГПК РФ наблюдается отказ от формулирования теоретической конструкции, законодатель устанавливает совокупность условий предъявления группового иска: общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик, предмет спора - общие либо однородные права и законные интересы, схожие фактические обстоятельства и одинаковый способ защиты членов группы лиц.

Главным и основополагающим условием для групповых исков - критерий общности группы. В модели групповых исков России выделяется условие об однородности требований всех участников группы. Считается, что подобное требование является самым оптимальным и обусловлено целью группового производства.

Ориентиром для принятия решения о возможности группового производства служит также количественный критерий, указанный в ч. 5 ст. 244.20 ГПК РФ: группа лиц определяется минимальным количеством группы - 20 лиц [3, с. 156].

Рассмотрим основные процессуальные особенности групповых исков в современном российском гражданском процессе. В соответствии с современным законодательством групповые иски рассматриваются по общим правилам, однако существуют следующие особенности. Так, в гражданском процессе срок рассмотрения групповых исков обычно составляет 8 месяцев, в то время как в обычном порядке для

обычных исков – 2 месяца. Также стоит отметить, что групповой иск должен исключать наличие в других судах аналогичных самостоятельных исков. Соответственно, ответчик должен сообщить в ходе гражданского процесса суду о наличии и отсутствии подобных аналогичных исков. Также имеются определенные условия, когда гражданин или организация может подать иск по защите прав группы лиц. Например, имеется общий для всех ответчик, при этом предмет спора содержит однородные права.

Таким образом, с 1 октября 2019 году у граждан появилась возможность подавать групповые иски в суды общей юрисдикции. Появление такой возможности содержит большое количество положительных черт не только для лиц, подающих коллективные иски, но и для судебной системы. Так, подобные процессуальные механизмы, в первую очередь, способны отчасти оптимизировать нагрузку на судей, которым раньше приходилось рассматривать аналогичные иски и тратить большое количество времени. Также институт групповых исков играет важную роль в обеспечении принципа доступности судебной защиты. Это связано с тем, что раньше групповые иски граждане могли подавать только, когда в их защиту выступали ассоциации защиты прав потребителей, прокуратура или местные власти. Сейчас же для подачи группового иска необходимо минимум 20 заявителей и истец-представитель [1, с. 1047].

Также групповые иски позволяют обратиться за судебной защитой лицам, у которых относительно небольшой размер исковых требований, когда сумма расходов на процесс может превышать размер исковых требований. Также интересным моментом в правовом регулировании коллективных исков можно выделить то, что если гражданин не хочет присоединиться к групповому иску (например, не согласен с тактикой стороны защиты), то суд приостанавливает производство по индивидуальному иску с дальнейшей возможностью рассмотрения индивидуального иска уже после вынесения решения по групповому иску.

В то же время, необходимо заметить, что процедура рассмотрения групповых исков имеет и свои недостатки, например, его сложность для судьи, а также потенциальная возможность изменения цены иска в процессе рассмотрения дела из-за присоединения новых членов группы, вследствие последнего может измениться подсудность, например, дела о защите прав потребителей по искам с ценой менее 100 тысяч рублей рассматриваются мировыми судьями, в то же время при увеличении цены иска возникает необходимость в вынесении определения о передаче дела на рассмотрение в районный суд [4, с. 76].

В связи с этим считаем возможным изъять производство по групповым искам из подсудности мировых судей в пользу районных судов, так как для группового иска необходимо минимум 20 заявителей, а также учитывая, что в будущем возможно появление новых заявителей, то велика вероятность «перешагивания» цены иска за 100 тысяч рублей. В результате данная новелла сыграет важную роль в оптимизации деятельности судов. Поэтому возможно введение изменений в пункт 5 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ, предполагающие исключение из общего правила о подсудности мировому судье имущественных споров о защите прав потребителей, при цене иска менее 100 тысяч рублей, рассматриваемых в порядке главы 22.3 ГПК РФ.

При введении групповых исков в практику России многие выражали свои сомнения в эффективности данного института. На данный момент групповые иски показывают лишь востребованность и демонстрируют эффективность в выборе средств защиты прав, данный институт постоянно развивается и как следствие этого требует от законодателя более четкого и отлаженного механизма его реализации.

Также интересным для дальнейшей работы законодателя представляется вопрос о более подробной регламентации процедуры замены истца-представителя в ситуации, когда он откажется от иска. На данный момент в ГПК РФ и АПК РФ встречаются положения о непринятии судом, заявленного истцом-представителем отказа от иска, в случае если суда нет данных об уведомлении членов группы по истечении срока,

указанного судом в определении. Однако, такой подход можно рассматривать, как отступление от принципа диспозитивности, который в данном примере раскрывается в том, что истец не может быть принужден к защите своего права, законного интереса [6, с. 86].

Для разрешения данной проблемы необходимо проработать процедуру уведомления членов группы в случае отказа от иска истцом-представителем. Так в первом варианте возможно переложить обязанность уведомления членов группы на суд, который рассматривает дело. Однако, такой подход к разрешению проблемы не самый удачный, так как увеличивает нагрузку на работников суда. Мы видим необходимость в автоматизации такого процесса, например, уведомление может приходиться через систему ГАС «Правосудие» или получение соответствующего уведомления через портал Государственных услуг РФ в случае принятия судом заявления истца-представителя об отказе от иска.

Далее хочется обратить внимание на отсутствие регламентации процедуры замены истца-представителя членами группы. Так как лиц, присоединившихся к иску, может быть довольно большим, то затрудняется процесс организации замены истца-представителя, в связи с этим необходимо реализовать данный процесс через ГАС «Правосудие» или предоставить суду возможность организовать голосование по ходатайству определенного числа участников группового иска.

В завершение хочется отметить, что на данный момент для правоприменителей групповой иск является непривычным институтом гражданского судопроизводства в России, вследствие этого есть потребность в законодательном уточнении ряда процессуальных норм или их кардинального изменения.

На наш взгляд, возможно выделить следующие направления совершенствования института группового иска: во-первых, проработка норм о подсудности коллективных исков; во-вторых, изменение процедуры отказа от иска истцом-представителем; в-третьих, регламентация процедуры замены истца-представителя в ГПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Альпимова А. М. Проблемы применения института группового иска в гражданском судопроизводстве // Молодежь - Барнаул: Материалы XXIII городской научно-практической конференции молодых ученых, Барнаул, 01–30 ноября 2021 года / Гл. редактор В. В. Гудков. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2022. – С. 1047-1048.
2. Долганичев В. В. Групповой иск: сравнительный анализ нормативных конструкций АПК, ГПК и КАС РФ // Закон. – 2021. – № 2. – С. 36-45.
3. Кривова Т. А. Групповые иски и их особенность в гражданском процессе // Форум молодых ученых. – 2021. – № 1 (53). – С. 156-159.
4. Кулакова Е. А. Заключение мирового соглашения по групповым искам в гражданском процессе: в поисках баланса интересов // Российское право онлайн. – 2022. – № 1. – С. 76-84.
5. Шувалов Р. Р. Групповой иск в гражданском процессе: правовая основа и судебная практика // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 ноября 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 233-240.
6. Ярков В. В. Групповые иски в гражданском процессе: вопросы правоприменения // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11. – № 5. – С. 86-106.

ЯРОВОЙ Александр Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, декан Факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

НАЕМ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ: РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ

В статье рассматриваются подходы к пониманию конституционного смысла понятия «жилище» и его отличие от понятия «жилое помещение». Проведен анализ содержания конституционного права на жилище, раскрыты обязанности публичных правовых образований. Предложены критерии разграничения жилья как объекта жилищных и гражданских правоотношений. Сделаны практические выводы о возможности передачи государственных и муниципальных жилых помещений по договору коммерческого найма.

Ключевые слова: жилище, жилое помещение, конституция, публичная обязанность, социальное благо, право на жилище.

YAROVY Alexander Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining and Professional Development of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor Office of the Russian Federation

RENTING A DWELLING: THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO HOUSING

The article discusses approaches to understanding the constitutional meaning of the concept of "dwelling" and its difference from the concept of "dwelling". The analysis of the content of the constitutional right to housing is carried out the duties of public legal entities are disclosed. The criteria for distinguishing housing as an object of housing and civil relations are proposed. Practical conclusions are made about the possibility of transferring state and municipal residential premises under a commercial lease agreement.

Keywords: housing, housing, constitution, public duty, social benefit, right to housing.

Конституционное право граждан наравне с иными основными правами и свободами, а равно и обязанностями, предусмотренными Конституцией Российской Федерации, составляют основы правового статуса личности. Основные права и свободы российских граждан Конституция Российской Федерации объявила непосредственно действующими в отличие от их декларативного признания конституциями советского периода [4, с. 83]. Создание условий для их реального осуществления и действенная защита от нарушений вот первоочередная задача, стоящая перед государством. В главе II «Права и свободы человека и гражданина» в статье 40 регламентировано право на жилище. Органам государственной власти и органам местного самоуправления установлена обязанность по созданию условий для осуществления гражданами права на жилище. Переоценить ее значение невозможно. Реализация конституционного права граждан на жилище обеспечена многими положениями Конституции Российской Федерации, в частности, в статье 2 признается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, а также следует отметить статью 7, в которой провозглашено, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Провозглашенное в Конституции Российской Федерации право имеет своим объектом жилище. Понятие «жилище» в конституционном аспекте существенно отличается от понятия «жилого помещения» в гражданском и жилищном праве. Если в гражданском и жилищном праве обладание жилищем рассматривается как обладание вещью (материальным благом), то конституционное право на жилище рассматривается как возможность уединения, является границей частной жизни людей, которая не может быть нарушена, за исключением строго установленных случаев [1, с. 60].

Из сказанного можно констатировать, что жилище рассматривается с позиции Конституции Российской Федерации как социальное благо, а наличие крова над головой позволяет не только извлекать полезные свойства вещи, но и обеспечивает возможность социализации человека (создание семьи, воспитание детей, занятие общественно-полезной

деятельностью и многое другое). Конституционное право граждан на жилище раскрывается и во взаимодействии с международными правовыми актами: Всеобщей декларацией прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, как право на достойную жилую среду, как части здоровой среды обитания, достойной цивилизованного человека [3, с. 197].

Конституционное право на жилище осуществляется посредством создания условий для доступного жилищного строительства и через предоставление жилья отдельным, указанным в законе гражданам из государственных и муниципальных жилищных фондов.

Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. Как уже было сказано, органы местного самоуправления должны создавать условия для осуществления права на жилище, обеспечивать комфортные условия проживания. В Жилищном кодексе РФ вопросы содержания и ремонта жилого помещения (общего имущества многоквартирного жилого дома) определяются во многом диспозитивно, через предоставление возможности собственникам помещений решать вопросы управления домом на общем собрании собственников помещений многоквартирного жилого дома и в том числе путем выбора такого способа управления как непосредственное управление. Разобеспечение собственников помещений, их нежелание нести материальные затраты на содержание и ремонт общего имущества в конечном итоге негативно сказывается на правах жильцов и наиболее существенно на правах нанимателей и членов их семей, проживающих на условиях социального найма.

Принятые Правительством РФ нормативные правовые акты, направленные на создание цивилизованной системы использования жилищного фонда, должны быть реализованы. Собственники помещений в многоквартирном доме обязаны участвовать в проведении общих собраний собственников многоквартирного дома. Понудить собственников (граждан) к надлежащему содержанию многоквартирных жилых домов проблематично, иное дело собственники – муниципальные образования. Муниципальное образование – это не обычный собственник. Оно обладает целевой

правоспособностью, так в жилищной сфере может иметь права и нести обязанности, которые соответствуют целям и функциям муниципалитета, в конечном счете решение вопросов местного значения, забота о росте благосостояния населения. В статье 65 Жилищного кодекса РФ установлена обязанность наймодателя по социальному найму принимать участие в надлежащем содержании и ремонте общего имущества многоквартирного дома. Муниципальное образование обязано принимать активное участие наравне с другими собственниками в собраниях собственников помещений в многоквартирном доме (статья 45 Жилищного кодекса РФ). Муниципалитет обязан организовывать и проводить общие собрания собственников помещений, предлагать принятие решений по определению перечня работ и услуг по содержанию жилищного фонда, по установлению необходимой структуры договорных связей с ресурсоснабжающими организациями, специализированными организациями и так далее. Это позволит в краткие сроки наладить механизм эксплуатации жилищного фонда. Следует отметить, что прокуроры активно используют предоставленные возможности по понуждению в судебном порядке органов местного самоуправления к исполнению обязанностей собственников жилых помещений в рамках статьей 13 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Конституционное право на жилище в отношении отдельных категорий граждан регламентировано особо. Предоставление малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, осуществляется из государственных, муниципальных жилищных фондов бесплатно или за доступную плату. В литературе предлагается в связи с отсутствием свободного жилищного фонда социального использования предоставлять жилые помещения гражданам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, из муниципального жилищного фонда коммерческого использования [2, с. 40]. Насколько такой подход соответствует Конституции Российской Федерации? Несмотря на открытый перечень жилищных фондов, из которых может предоставляться жилье малоимущим и иным указанным в законе гражданам в Конституции Российской Федерации указано, что обеспечение производится в соответствии с установленными законом нормами. Нормы предоставления площади жилого помещения предусмотрены действующим законодательством только для жилья из жилищного фонда социального использования и отдельных видов жилых помещений специализированного жилищного фонда. Таким образом, Конституция Российской Федерации не предусматривает предоставление жилых помещений коммерческого использования для малоимущих и иных указанных в законе граждан.

В законодательстве реализуется подход к правоспособности публичных образований как целевой. В частности, в муниципальной собственности может находиться только то имущество, которое необходимо для решения задач, стоящих перед муниципальным образованием (задачи и соответствующие им полномочия муниципальных образований устанавливаются федеральным законодательством и решениями конкретных муниципальных образований в установленном порядке). Имущество, не используемое для целей, указанных в Федеральном законе № 131-ФЗ, должно быть перепрофилировано или отчуждено. В законе установлено, что в собственности поселений находится жилищный фонд социального использования, предоставляемый малоимущим гражданам. Следует заметить, что закон не ограничивает цели и функции муниципальных образований. Могут быть предусмотрены иные цели, направленные на развитие уровня благосостояния населения, в частности, создание жилищного фонда коммерческого использования. Положения Федерального закона № 131-ФЗ являлись предметом проверки на конституционность Конституционным Судом Российской Федерации. Было установлено, что статья 50 не может рассматриваться как формирующая закрытый перечень видов муниципального имущества, не допускающая наличия в му-

ниципальной собственности иного имущества, имеющего такое же целевое предназначение, что и имущество, названное в данной статье. Наличие жилищного фонда коммерческого использования муниципальные образования обосновывают отсутствием запрета на это в статье 19 Жилищного кодекса РФ. Однако Конституционный Суд РФ указал, что норма пункта 4 части 3 данной статьи, являясь дефиницией, не регулирует отношения, связанные с поступлением в собственность публично-правовых образований и предоставлением частным лицам помещений коммерческого жилищного фонда. В силу прямого действия норм Конституции Российской Федерации предоставление жилья по договору коммерческого найма из государственного и муниципального жилищного фонда возможно, только в случае полного исполнения конституционной обязанности по обеспечению жильем малоимущих и иных категорий граждан, указанных в законе.

Из системного толкования Конституции Российской Федерации, Жилищного кодекса РФ, Федерального закона № 131-ФЗ можно сделать следующие выводы: жилище является социальным благом, а не ограничивается характеристикой вещи (материального блага) свободной в гражданском обороте; законом установлены категории граждан, в отношении которых установлена публичная обязанность по обеспечению жильем из государственного или муниципального жилищного фонда; отсутствует правовая регламентация порядка обособления и использования коммерческого жилищного фонда от социального; нарушением конституционного права на жилище является предоставление жилья по коммерческому найму при наличии нуждающихся граждан, указанных в законе. Только в том случае, если развитие муниципального образования достигло такого уровня, когда все граждане, поставленные на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, получили жилые помещения из жилищного фонда социального использования, достаточно жилых помещений специализированного жилищного фонда, муниципальные образования могут сформировать жилищный фонд коммерческого использования. Для этого представительным органам местного самоуправления необходимо разработать нормативную базу, обобщающую существование такого целевого имущества. Только в случае неукоснительного исполнения положения Конституции Российской Федерации и решения жилищных проблем малоимущих нуждающихся граждан муниципальные образования могут формулировать иные задачи экономического и социального развития территории, путем возложения на себя в установленном порядке новых полномочий.

Для реализации конституционного права граждан на жилище предлагается осуществить мероприятия, направленные на активизацию органов местного самоуправления, по осуществлению прав и исполнению обязанностей собственника муниципального жилищного фонда. Начать формирование правоприменительной практики, направленной на пресечение фактов использования муниципальными образованиями жилищного фонда в коммерческих целях при наличии очереди граждан на получение жилья по договору социального найма.

Пристатейный библиографический список

1. Красавчикова Л. О. Личная жизнь граждан под охраной закона. - М., 1983.
2. Куницина С. Фонды жилищные, проблемы насущные / ЭЖ-Юрист. - 2012. - № 40.
3. Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. - М., 2004.
4. Литовкин В. Н. Конституционное право российских граждан на жилище // Актуальные вопросы российского частного права: Сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В. А. Дозорцева. - М., 2008.

КОРНАКОВА Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

ЧИГРИНА Елена Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

СУРРОГАТНАЯ МАТЬ КАК СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с предоставлением услуги суррогатного материнства с позиции особенностей возникающих при этом правоотношений и статуса суррогатной матери. Анализируются требования, предъявляемые к суррогатной матери, отмечаются риски для женщины, выразившей согласие на имплантацию эмбриона и вынашивание ребенка. Делается вывод о том, что правовое регулирование статуса всех участников правоотношений, связанное с реализацией права на суррогатное материнство, является обязательным для правового государства, а контроль за программой суррогатного материнства позволит избежать злоупотребления этим правом. Высказываются предложения относительно совершенствования правового статуса суррогатной матери.

Ключевые слова: семейное право, правоотношения, суррогатное материнство, правовой статус суррогатной матери.

KORNAKOVA Svetlana Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

CHIGRINA Elena Vladimirovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

SURROGATE MOTHER AS A SUBJECT OF LEGAL RELATIONS OF SURROGATE MOTHERHOOD

The article deals with issues related to the provision of surrogacy services from the perspective of the peculiarities of the legal relations arising in this case and the status of a surrogate mother. The requirements for a surrogate mother are analyzed, the risks for a woman who has expressed consent to the implantation of an embryo and carrying a child are noted. It is concluded that the legal regulation of the status of all participants in legal relations related to the realization of the right to surrogate motherhood is mandatory for the rule of law, and control over the surrogate motherhood program will avoid abuse of this right. Suggestions are made regarding the improvement of the legal status of a surrogate mother.

Keywords: family law, legal relations, surrogate motherhood, legal status of a surrogate mother.

Суррогатная мать (с медицинской точки зрения – гестаационный курьер) – здоровая женщина, которая дала согласие на оплодотворенная путем использования репродуктивных технологий без предоставления ее биологического материала и обязалась выносить родить ребенка для других. Медицинские специалисты из США, с учетом судебной практики, считают возможным выделить следующие виды суррогатного материнства:

– традиционное – согласие между будущими родителями ребенка и женщиной, которая согласилась на искусственное оплодотворение генетическим материалом будущего отца ребенка. При этом будущая мать ребенка в большей части штатов получает родительские права только после процедуры усыновления (удочерения). Отметим, что такой подход создает дополнительные трудности, поскольку институт усыновления сопряжен с наличием собственных условий его реализации [1, с. 23];

– суррогатная беременность – согласие между будущими родителями ребенка и женщиной, согласной на имплантацию эмбриона, основано на зачатии с использованием ооцитов и генетического материала будущих родителей;

– донорская суррогатная беременность – согласие между будущими родителями и женщиной, согласной на имплантацию и вынашивание ребенка, предполагает зачатие с использованием клетки донора (обычно анонимного) и генетического материала будущего отца или донора.

Считаем, что в первом случае, когда женщина предоставляет свой генетический материал, усложняется выявления правового статуса суррогатного материнства. Здесь суррогатная мать отдает другим являющегося для нее генетическим ребенка, поскольку она не только родила, но и непосредственно имеет с ним кровную связь, что, с точки зрения морали представляется недопустимым. Поэтому, по нашему мнению, приемлемым в аспекте правового регулирования является только второй и третий определенных вид, как-то суррогатная беременность и донорская суррогатная беременность.

Несмотря на легальную дозволенность суррогатного материнства в Канаде, договор с суррогатной матерью не имеет юридической силы, в связи с этим женщина (суррогатная мать)

может оставить себе родившегося ребенка. В Англии при рождении ребенка суррогатная мать имеет все родительские права и может дать свое согласие на передачу ребенка только через шесть недель после родов [2, с. 27]. Такие ограничения, касающиеся собственных детей, могут устанавливаться в национальном законодательстве, но определять это за общее правило мы бы не стали.

Суррогатное материнство также связано с особенностями отдельных отношений, то есть каждая субъективная ситуация носит индивидуальный характер, поэтому в некоторых случаях следует все же отходить от такой категорической нормы (например, если суррогатная мать является близким лицом для супругов). Возможны случаи, когда суррогатная мать просто не хочет иметь собственных детей, таким образом, ограничивается ее право на содержание себя всеми не запрещенными законодательством способами. Такие услуги суррогатная мать может оказывать как бесплатно (тогда обеспечиваются только расходы, связанные с вынашиванием и рождением), так и на возмездной основе [3, с. 76].

Но следует учитывать, что суррогатное материнство для женщины не является обычной, естественной процедурой. Кроме природных проблем, связанных с беременностью, дополнительно возникает ряд других. Метод экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) нельзя отнести к абсолютно безопасным. В частности, безуспешные попытки пересадки эмбриона не могут не оказать на пациенток негативного психологического воздействия, также отрицательно влияет на организм женщины невозможность доведения беременности до конца и использования в рамках ЭКО гормональных препаратов, что не следует оставлять без внимания. В течение этих процедур возможны такие осложнения, как перинатальная смертность, выкидыши, преждевременные роды, рождение детей с патологиями.

Нарушение иммунитета суррогатной матери, изменения гормонального статуса и эндотелиальные расстройства являются основными звеньями патогенеза возникновения осложнений беременности, полученной с помощью ЭКО. Беременность после применения ЭКО часто сопровождается иммунологическими нарушениями, то объясняется назначением значительного ко-

личества иммунодепрессантов к применению вспомогательных репродуктивных технологий и больших доз препаратов прогестерона во время беременности [4, с. 37]. В связи с этим, думается, что такая процедура с необходимостью должна предполагать страхование здоровья женщины, которое, как известно, является для человека важнейшим условием полноценной жизнедеятельности [5, с. 8].

Суррогатная мать теряет не только свое время и получает дискомфорт, она, в прямом смысле, жертвует своим здоровьем, поэтому мы считаем, что с точки зрения, как морали, так и права будет приемлемым признать возможность платного и бесплатного суррогатного материнства. Поэтому было бы приемлемым на законодательном уровне оговорить возможность компенсации ущерба со стороны заказчиков в случае значительной потери здоровья или смерти женщины, которая произошла вследствие беременности с использованием вспомогательных репродуктивных технологий.

Кроме того, специальная правоспособность суррогатной матери определяется ее соответствием всем предъявляемым законом специальным требованиям. В действующем законодательстве такие требования содержатся в п. 10 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья, в которой дается определение суррогатной матери [6].

Так, в соответствии с указанной нормой, «суррогатной матерью может быть женщина в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья, давшая письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. Женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга. Суррогатная мать не может быть одновременно донором клетки».

Отсюда следуют обязательные критерии, предъявляемые законом к суррогатной матери, а именно:

- женский пол;
- возраст от 20 до 35 лет;
- наличие не менее одного собственного здорового ребенка;
- удовлетворительное состояние здоровья, подтвержденное медицинским заключением;
- письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство;
- получение согласия супруга;
- не является донором генетического материала.

Сформулированный законодателем перечень необходимых критериев, которым должна соответствовать суррогатная мать, не является бесспорным и уже не раз подвергался обсуждению и критике.

Следует заметить, что определение верхней возрастной границы суррогатной матери является проблематичной. В первую очередь, это связано с медицинскими показателями. Наличие у человека специального механизма, который не препятствует рождению ребенка в возрасте 40-45 лет, позволило ученым назвать этот феномен «репродуктивным альтруизмом», который дает возможность зачатия в этом возрастном периоде, когда еще здоровая женщина может полноценно заботиться о своих детях. С возрастом репродуктивный потенциал женщины снижается как за счет истощения запаса фолликулов в яичниках, так и за счет снижения качества ооцитов.

Далее, суррогатной матерью может быть женщина при отсутствии медицинских противопоказаний для вынашивания и рождения здорового ребенка. В нашем законодательстве определяется, что ею может быть только женщина, которая имеет собственного здорового ребенка. Таким образом, обеспечивается несколько условий, то есть подтверждение репродуктивной возможности суррогатной матери, и социальный критерий - застраховывается сторона, в интересах которого проводится эта технология, то есть суррогатная мать сможет отдать ребенка генетическим родителям.

Следующее требование о наличии удовлетворительного состояния здоровья, подтвержденное медицинским заключением, представляется вполне объективным и необходимым требованием. От состояния здоровья суррогатной матери зависит непосредственный процесс вынашивания и рождения ребенка, в связи с чем, состояние ее здоровья является весьма значимым требованием. Если состояние здоровья женщины не позволяет ей забеременеть, выносить и родить ребенка, то и о суррогатном материнстве не может идти и речи.

Наличие письменного информированного добровольного согласия суррогатной матери на медицинское вмешательство продиктовано положением пункта 1 статьи 20 Закона об

основах охраны здоровья, в соответствии с которым, «необходимым, предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного, добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником, в доступной форме, полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи».

Согласие супруга является требованием, которое по своему содержанию, в большей степени, призвано обеспечить права супруга. Очевидно, что беременность суррогатной матери достаточно длительный процесс, который вызывает определенный дискомфорт, как у самой суррогатной матери, так и у непосредственно окружающих ее лиц. В первую очередь, таким лицом является ее супруг, в связи с чем, его согласие призвано обеспечить, с одной стороны, его информированность о намерениях его жены, а с другой, соблюсти баланс интересов супругов, поскольку, с точки зрения права, в семейных отношениях допускается применение усмотрения при реализации своих прав при условии отсутствия ограничения прав и интересов иных субъектов данных правоотношений [7, с. 6].

Последний критерий, запрет суррогатной матери быть донором клетки обусловлен тем, что в Российской Федерации разрешено только, так называемое, гестационное суррогатное материнство.

Таким образом, правовое регулирование статуса всех участников правоотношений, связанное с реализацией права на суррогатное материнство, является обязательным для правового государства. Жесткий контроль за программой суррогатного материнства позволит избежать злоупотребления этим правом. Совершенствование правового статуса суррогатной матери, на наш взгляд, необходимо в следующих аспектах:

- установить возможность применения суррогатного материнства с использованием генетического материала заказчиков или анонимного донора;
- рекомендовать в договоре суррогатного материнства оговорить возможность компенсации вреда со стороны заказчиков вреда в случае значительной потери здоровья или смерти женщины, которое произошло вследствие беременности с использованием вспомогательных репродуктивных технологий;
- установить нижнюю (не ниже возраста совершеннолетия) и верхнюю границу возможности быть суррогатной мамой с условием медицинских показателей.

Кроме того, следует принять дополнения к законодательству, по которому если суррогатная мать ввела потенциальных родителей в заблуждение относительно каких-либо условий, влияющих на возможность нормального выполнения программы суррогатного материнства, что в результате повлечило на выполнение программы суррогатного материнства, то у потенциальных родителей есть два варианта: требование выплаты убытков или неустойки, и отказ от исполнения договора.

Приставительный библиографический список

1. Бимбаева О. Л. К вопросу о понятии усыновления // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 5.
2. Довнар А. Н. Права и обязанности суррогатной матери // *Via scientiarum. Дорога знаний*. 2017. № 1.
3. Шабанова А. С. Обеспечение прав женщин при применении суррогатного материнства // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 7 (187).
4. Манджиева Д. С. ЭКО как медицинская услуга // *Международный студенческий научный вестник*. 2016. № 6. С. 37.
5. Степанова М. Н. Здоровье как категория страхового дела // *Baikal Research Journal*. 2019. Т. 10. № 3.
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022): Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) // *Российская газета*. 2011. № 263.
7. Сарина К. С. Юрисдикционная форма защиты прав и интересов членов семьи // *Baikal Research Journal*. 2015. Т. 6. № 6.

КОРНАКОВА Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

ЧИГРИНА Елена Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

НЕГАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ «ФАКТИЧЕСКОГО БРАКА»

Статья посвящена рассмотрению некоторых негативных аспектов фактических брачных отношений, основным из которых является правовая незащищенность женщины. Указывается, что в нашем обществе люди, состоящие в официальном зарегистрированном браке, имеют более высокий статус и пользуются большим уважением окружающих людей, чем люди, которые состоят в фактическом браке. В противовес мнению ученых, считающих необходимым сменить статус фактического брака с сугубо социального на правовой, авторами делается вывод, что на современном этапе российской действительности законодательство не должно регулировать фактические брачные отношения, поскольку данное явление не может регулироваться правом, т.к. оно изначально его игнорирует.

Ключевые слова: семейное право, семья, брак, фактический брак, правоотношения.

KORNAKOVA Svetlana Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

CHIGRINA Elena Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

NEGATIVE SOCIAL AND LEGAL ASPECTS OF «DE FACTO MARRIAGE»

The article is devoted to the consideration of some negative aspects of the actual marital relations, the main of which is the legal insecurity of a woman. It is indicated that in our society, people who are officially married have a higher status and are more respected by people around them than people who are actually married. In contrast to the opinion of scientists who consider it necessary to change the status of an actual marriage from a purely social to a legal one, the authors conclude that at the present stage of Russian reality, legislation should not regulate actual marital relations, since this phenomenon cannot be regulated by law, because it initially ignores it.

Keywords: family law, family, marriage, actual marriage, legal relations.

Корнакова С. В.

Чигрина Е. В.

Фактический брак, незарегистрированный брак, «неформальный брак», часто ошибочно называемый «гражданским» – это отношения между партнерами, не оформленные в установленном законом порядке. Само понятие «фактический брак» возникло в связи с тем, что партнеры, не оформляя своих отношений по закону, фактически живут в браке. Тем не менее, само понятие «фактический брак» в российском законодательстве не предусмотрено. При этом законодатель сознательно не предусмотрел такое понятие в юридическом лексике, так как браком признается только союз мужчины и женщины, заключенный в органах записи актов гражданского состояния, и именно такой брак, признаваемый государством и порождающий юридические последствия для супругов и их детей называется «гражданским браком» [1, с. 117].

Таким образом, основу семьи составляет брачный союз между мужчиной и женщиной, санкционированный обществом. Своим возникновением, существованием и развитием семья обязана, прежде всего, общественным потребностям, нормам и санкциям, предписывающим супругам заботиться о своих детях.

Брак – то общественное установление, учреждение или, как говорят юристы и социологи, особый общественный институт, особая форма общественного устройства, наряду, например, с государством как особым институтом для регулирования отношений между его гражданами, наряду с институтом собственности и т.д. [2, с. 18].

Брак – это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между полами, между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, своему потомству. Иными словами, брак – это традиционное средство формирования семьи и общественного контроля за ней, одно из орудий, путей, способов самосохранения и развития общества. При этом особенностью норм семейного права является то, что

в них отображается плотная связь не только прав, но и обязанностей гражданина [3].

Стоит отметить, что в нашем обществе люди, состоящие в официальном зарегистрированном браке, имеют более высокий статус и пользуются большим уважением окружающих людей, чем люди, которые состоят в фактическом браке. Так, одна из опрошенных нами молодых женщин рассказала, что пока она находилась в фактическом браке, она чувствовала какое-то недоверие со стороны своих коллег по работе, но, как только она вступила в официальный брак, сразу почувствовала изменения в этих отношениях. Молодая женщина задавалась вопросом: «Что же, в сущности, изменилось?». Ведь она все тот же ответственный работник, тот же человек, какой была и до регистрации брака, но отношение поменялось – ее стали больше уважать. Значит, действительно, замужняя женщина имеет более высокий статус, чем одинокая или состоящая в фактическом браке.

Безусловно, онтологические основания брака – любовь и взаимное уважение, признание друг друга мужем и женой, взаимное принятие на себя ответственности за другого, неограниченность союза временем или какими-то условиями. В связи с этим возникает вопрос: почему состоящие в незарегистрированных отношениях не вступают в брак? Когда говорят, что штамп в паспорте не меняет ничего в отношениях, таким образом, пытаются защититься от подобных вопросов окружающих. Главным достоинством такого семейного союза партнеры считают взаимное доверие и уважение, которое, с их точки зрения, может подвергаться сомнению самим фактом юридического его оформления. Именно с этой позиции справедливо утверждение ученых о том, что одной из особенностей менталитета российских граждан является «преобладание эмоциональной составляющей брачных отношений над рациональностью» [4, с. 71].

Разумеется, штамп в паспорте, подтверждающий факт регистрации брачных отношений, не делает семью крепкой, но для женщины незарегистрированный брак крайне нежелателен.

Факт регистрации брака подтверждает, что партнер по браку готов взять на себя обязательства по содержанию семьи, отсутствие такового говорит о потенциальной готовности фактического супруга прервать такие отношения.

Да, у лиц, зарегистрировавших брак, появляются новые обязанности, но у них появляются и новые права. Кроме того, брак определяет статус пары по отношению к обществу и государственным институтам, что также немаловажно.

По результатам проведенного нами опроса, молодые люди в качестве одной из причин заключения брака указывают стремление «узаконить отношения», т. е. отмечают юридический аспект отношений. Современные молодые люди видят в браке в первую очередь опору и понимание, актуальными также являются установки на рождение детей в браке. В то же время они считают, что человек, отказываясь от вступления в брак, многое теряет. Из всего этого можно сделать вывод, что партнер в фактическом браке (при отсутствии желания оформлять отношения) воспринимается как временный, он не любимый, с ним невозможно вступить в отношения, дающие опору и поддержку (ведь именно так воспринимается брак проживающими в незарегистрированных отношениях). Все эти факты говорят о том, что они не вступают в брак, поскольку не видят себя в семье, не уверены в этой социальной роли, не готовы к созданию семьи с этим человеком.

В последнее время наблюдается рост числа фактических браков, которые с подачи СМИ стало принято именовать «гражданские браки», когда люди живут вместе, ведут общее хозяйство, рожают и воспитывают детей, но по каким-либо причинам официально не регистрируют свои отношения. Понятно, что с позиций современного семейного законодательства такие фактические отношения не признаются государством в качестве брачных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Такой вывод прямо следует из буквального смысла ст. 1 СК РФ, в которой зафиксированы основные начала семейного законодательства современной России. Брак является одним из наиболее важных общественных отношений, который регулируется тем или иным образом разными правовыми порядками, общественными системами, обычаями, традициями, моралью и религией. Без данного явления не может обойтись ни одно даже самое примитивное общество на земле, ибо в браке кроется весь смысл дальнейшей жизни людей. Определяя, что такое брак, каждое общество, государство стремится оградить это явление от негативных проявлений и тенденций, от тех ненужных свойств и определений, которые существуют и могут отрицательно на него повлиять. То же самое делает и отечественный закон – Семейный кодекс РФ, который определяет условия заключения брака (ст. 12); обстоятельства, препятствующие его заключению (ст. 14); прекращение брака и многое другое. Однако понятия брака как основы всего семейного законодательства закон не дает, что является большим недостатком действующего отраслевого законодательства.

Действительно, затруднительно установить брачный возраст, условия заключения брака, обстоятельства, препятствующие заключению брака, прекращение брака и т. п., не определив самое главное: а что же такое брак, какова его природа? Таким образом, принцип государственного признания брака, оформленного в установленном законом порядке, является основополагающим принципом не только семейного права, но и других правовых отраслей: гражданского (прежде всего, наследственного и жилищного), трудового, пенсионного и др.

По нашему мнению, брак – это социально-правовое явление, представляющее собой законно оформленный союз между мужчиной и женщиной, заключенный в целях совместного проживания, ведения общего хозяйства, рождения и воспитания детей и тем самым возникновения между лицами, вступающими в брак личных неимущественных и имущественных прав.

Брак – явление социально-правовое, поскольку брак существует только в обществе, имеет правовую регламентацию. Под законно оформленным следует понимать союз, который всецело основывается на норме права, ничем ей не противореча. Немаловажно отметить такую демографическую функцию брака как рождение и воспитание ребенка, в которую также включается право на усыновление (удочерение) ребенка, приемная семья. При этом наиболее распространенной причиной так называемого фактического воспитания ребенка принято считать именно фактический брак с родителем ребенка. В этом нет ничего удивительного, динамика родительских отношений пока не стала частью предметного внимания семейно-правовой науки. Тогда как, находясь в зависимости от множества фактических и юридических обстоятельств, исходное родительство, то, которое обе-

спечило бы родителям их статусность при рождении ребенка, в течение жизни ребенка может иметь разные исходы: родители живут в одиночку, вступают в прочные или не очень фактические партнерские отношения. Все это причина и одновременно следствие того, что данные отношения носят непосредственный, практический, то есть неофициальный характер, чья мотивация нередко далека от юридической сферы. Российское законодательство учитывает эти изменения фрагментарно, реагируя в основном на случаи временного (ограничение родительских прав) или постоянного распада детско-родительских отношений (лишение родительских прав). Однако семейно-правовая наука живущих в фактическом браке лиц «не замечает». Поэтому к фактическому браку постулат о том, что «явление фактического порядка – жизненное отношение – подвергается воздействию норм права, в результате чего трансформируется в новое отношение – правовое» [5, с. 1092] неприменим.

Нареканий в адрес законодателя на это счет высказано немало. С позиции С. И. Реутова, хотя регистрация брака является, безусловно, необходимой и с общественных позиций целесообразной, незарегистрированные фактические браки не могут находиться вне правового регулирования, так как сложившаяся на их основе семья характеризуется теми же признаками, что и семья, созданная на основе зарегистрированного брака, и выполняет аналогичные функции: деторождение, воспитание детей, взаимная материальная поддержка и сотрудничество [6, с. 90]. Вместе с тем встречающиеся в различных источниках предложения законодателю сменить статус фактического брака с сутибо социальной на правовой являются неприемлемыми. Думается, на современном этапе российской действительности законодательство не должно регулировать фактические брачные отношения, поскольку данное явление не может регулироваться правом, т. к. оно изначально его игнорирует. Кто мешает сожительствующим лицам регистрировать свои отношения в установленном законом порядке? Регламентация сожительства приведет к проблеме понимания тех отношений, которые не подпадают под эту регламентацию, либо создаст предпосылки к желанию не регистрировать брачные отношения в органах ЗАГС, что будет являться неудачным законодательным шагом к регулированию новых складывающихся общественных отношений. К тому же, семейное законодательство должно прививать людям уважительное отношение к браку как одному из главных видов общественных отношений. Законодательное регулирование фактического брака, как усматривается, создаст обратный эффект.

Таким образом, проблема фактического брака для юриспруденции – это проблема тех состояний, которые пребывают вне пределов правового регулирования. Подобная квалификация не исключает сопряжения этого социального понятия с правом в целях соблюдения прав и интересов ребенка и его законных родителей, однако оно может быть только точечным.

Пристатейный библиографический список

1. Саяпина Т. С. Сущность гражданского брака в культуре // Аналитика культурологии. – 2013. – № 2 (26). – С. 117-121.
2. Донцов Д. А., Донцова М. В. Основополагающие функции семьи и особенности семейного психологического консультирования // Научные исследования и образование. – 2009. – № 8. – С. 16-21.
3. Сарина К. С. Юрисдикционная форма защиты прав и интересов членов семьи // Baikal Research Journal. – 2015. – Т. 6, № 6.
4. Толстикова О. М., Костюнина О. В. К вопросу о применении к имущественным отношениям супругов гражданского закона по аналогии // Академический юридический журнал. – 2020. – Т. 23. № 1. – С. 71-77.
5. Асланян Н. П., Григорьева М. А. Несколько замечаний к дискуссии о понятии правоотношения // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25. № 6. – С. 1091-1097.
6. Данилин В. И., Реутов С. И. Юридические факты в советском семейном праве – Свердловск, 1989. – С. 83-95.

МАГОМЕДОВ Абдулхалик Мухтарович

магистрант кафедры гражданского права Дагестанского государственного университета

МАГОМЕДОВА Амина Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного университета

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ

В данной статье рассматриваются проблемы специальной дисциплинарной ответственности. Установлены специфические особенности специальной дисциплинарной ответственности, отграничивающие ее от общей ответственности. Проведен анализ трудового законодательства, а также иного законодательства, содержащего нормы о специальной дисциплинарной ответственности работников прокуратуры, судей и спортсменов. Обращается внимание на существующие пробелы в правовом регулировании специальной дисциплинарной ответственности. Приведена судебная практика. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: специальная дисциплинарная ответственность, работники прокуратуры, спортсмены, трудовая деятельность, судьи.

MAGOMEDOV Abdulkhalik Mukhtarovich

magister student of Civil law sub-faculty of the Dagestan State University

MAGOMEDOVA Aminat Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Dagestan State University

ACTUAL PROBLEMS OF SPECIAL DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF EMPLOYEES

This article deals with the problems of special disciplinary responsibility. The specific features of special disciplinary responsibility, delimiting it from general responsibility, are established. The analysis of labor legislation, as well as other legislation containing norms of special disciplinary responsibility, is carried out on the example of prosecutors, judges and athletes. Attention is drawn to the existing gaps in the legal regulation of special disciplinary responsibility. Judicial practice is given. It is concluded that it is necessary to improve legislation in this area.

Keywords: special disciplinary responsibility, employees of the prosecutor's office, athletes, labor activity, judges.

Российское трудовое законодательство подразделяет дисциплинарную ответственность работников на общую и специальную. Специфика специальной дисциплинарной ответственности предполагает наличие норм, которые отличаются от общей ответственности и применяются исключительно по отношению к отдельным категориям работников. К числу существенных признаков, которые служат основанием разграничения видов дисциплинарной ответственности относятся следующие: круг лиц, подпадающих под ее действие; меры дисциплинарного взыскания; круг органов и лиц, которые имеют право привлекать работника к дисциплинарной ответственности; порядок применения взысканий и их обжалования [5, с. 383].

Специальная дисциплинарная ответственность предусматривает ряд более строгих по сравнению с общей дисциплинарной ответственностью мер дисциплинарного характера, в том числе дополнительных оснований для увольнения [6, с. 143]. Она устанавливается специальными федеральными законами, уставами и иными подзаконными нормативными правовыми актами, регуливающими трудовую деятельность отдельных категорий работников.

Как же можно определить специальную дисциплинарную ответственность, ее сущность?

Прежде всего, отметим, что в законодательстве не закреплена легальная дефиниция специальной дисциплинарной ответственности. В соответствии с частью 5 статьи 189 ТК РФ для отдельных категорий работников применяются нормы, разработанные с учетом специфики их деятельности. Как представляется, наиболее полное определение специальной

дисциплинарной ответственности было дано М. Р. Яхиной: специальная дисциплинарная ответственность – это «нормативно предусмотренная ответственность работника за совершенный дисциплинарный проступок, связанный со спецификой выполняемой им трудовой функции» [1, с. 96].

Специальная дисциплинарная ответственность применяется лишь к тем категориям работников, противоправные действия которых могут привести к опасным последствиям для большого круга лиц и трудовая деятельность которых регламентируется не только Трудовым кодексом Российской Федерации, но и отдельными федеральными законами, уставами, положениями о дисциплине.

К числу работников, в отношении которых применяются специальные меры дисциплинарной ответственности, относятся: судьи; прокурорские работники; государственные служащие; работники железнодорожного транспорта; работники организаций с особо опасным производством в сфере использования атомной энергии; спортсмены; другие категории работников (морского транспорта, речного транспорта и т.п.).

Так, например, прокурорские работники являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по должности федеральной государственной службы. Ответственность прокурорских работников наступает за противоправное виновное действие или бездействие, а также нарушение обязанностей гражданской службы, которое наносит ущерб служебному порядку. В отношении прокурорских работников как публичных служащих существуют специальные основания для наложения дисциплинарной

ответственности: неисполнение должностных обязанностей; ненадлежащее исполнение этих обязанностей. Следует подчеркнуть, что в случае если служащий исполнил неправомерное поручение, ответственность будет нести как он сам, так и его руководитель, давший такое распоряжение [2, с. 101].

Соответственно, к служащим прокуратуры могут быть применены замечание, выговор, строгий выговор, понижение в классном чине, лишение нагрудных знаков, предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение. В статье 192 Трудового кодекса дисциплинарный проступок определяется как неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей. Специальный нормативный правовой акт, содержащий положения об ответственности прокурорского работника, не содержит определения категории «проступок». Тогда как легальное понятие дисциплинарного проступка является необходимым условием для его квалификации в качестве дисциплинарного проступка и отграничения его от преступлений и административных правонарушений.

В качестве другого примера можно привести меры дисциплинарного взыскания, которые применяются к судьям. Основаниями специальной дисциплинарной ответственности судей является совокупность норм «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодекса судебной этики. Названный Закон предусматривает замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе, досрочное прекращение полномочий судьи. Перечисленные меры накладываются на судью как на публично служащего за совершение дисциплинарного проступка. В данном Законе можно выделить три вида дисциплинарного проступка: нарушение положений настоящего Закона, нарушение положений Кодекса судебной этики, нарушение прав участников процесса. Однако в законе также не содержится определения понятия проступок. Как полагает О. А. Ларькова, с которой следует согласиться, хотя законодательно дисциплинарная ответственность судьи определяется как совершение дисциплинарного проступка, в нем не содержится определения категории проступок, в результате которого допущено нарушение положений Закона о статусе судей и Кодекса судебной этики [3, с. 36]. Это свидетельствует о наличии пробелов в законодательстве, касающихся критериев и оснований дисциплинарного проступка судьи.

В контексте данной статьи рассмотрим также вопрос о возможности привлечения спортсменов к специальной дисциплинарной ответственности. Дисциплинарная ответственность спортсменов носит расширенный характер, нежели дисциплинарная ответственность иных работников. Как полагает А. Р. Рюмин, перечень дисциплинарных взысканий спортсменов нужно дополнить следующими мерами:

- предупреждение спортсмена;
- отстранение спортсменов от участия в спортивных соревнованиях за нарушение дисциплины труда на определенный промежуток времени;
- лишение специальных наград за нарушение дисциплины труда, в том числе за нарушение антидопинговых правил [4, с. 83].

Эти меры позволяют преодолеть путаницу между дисциплинарной ответственностью спортсменов и спортивной ответственностью, разграничив случаи, когда такая ответственность наступает и какие меры наказания предусмотрены за тот или иной проступок. Как представляется, необходимо принятие нормативного акта, в котором бы содержался раз-

дел, посвященной дисциплинарной ответственности спортсменов.

Исходя из рассмотренных примеров, надо отметить, что специальная дисциплинарная ответственность может налагаться в двух случаях: 1) неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей; 2) совершение проступков в нерабочее время, которое привело к умалению авторитета той или иной государственной структуры и ее служащих [7, с. 142]. К особенностям дисциплинарной ответственности относится ограниченный круг лиц, на которых распространяется действие законодательных норм; исключительные меры дисциплинарного взыскания; специальная процедура обжалования назначенных взысканий [8, с. 362]. Следовательно, отличие специальной дисциплинарной ответственности от общей состоит в том, что в ней предусмотрена более широкая дефиниция дисциплинарного проступка, противоправность которого установлена специальными нормативными правовыми актами.

На практике при применении норм о дисциплинарной ответственности возникает множество споров. При судебных разбирательствах, связанных с дисциплинарной ответственностью, наиболее распространены иски об отмене наложенного взыскания и восстановлении на работе. Суд в результате рассмотрения спора может отменить дисциплинарное взыскание, если будет установлено, что оно было наложено с нарушениями действующего законодательства. Однако если подтверждается обоснованность наложенного дисциплинарного взыскания, то оно остается в силе.

Приведем пример. Шипуновским районным судом Алтайского края было рассмотрено дело К. Н. к Управлению Федеральной службы судебных приставов по Алтайскому краю об отмене дисциплинарного взыскания. В обоснование заявленных требований истец указала, что проходит службу в должности начальника отделения – старшего судебного пристава отделения судебных приставов Шипуновского района Управления Федеральной службы судебных приставов по Алтайскому краю. На нее наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания за совершение дисциплинарного проступка, выразившегося в неосуществлении контроля за деятельностью подчиненных сотрудников и несвоевременной регистрации 49 электронных документов. С приказом истец не согласна в связи с тем, что в указанной в заключении проверки период времени была нетрудоспособна по причине болезни и не имела возможности надлежащим образом исполнять свои должностные обязанности. Истец просит признать незаконным приказ Управления Федеральной службы судебных приставов по Алтайскому краю и отменить взыскание в виде замечания. Исследовав материалы дела, суд пришел к следующим выводам. В связи с временной нетрудоспособностью К. Н. не имела возможности осуществлять регистрацию самостоятельно. В указанный период исполнение обязанностей было возложено на заместителя начальника Л. А. В ходе рассмотрения дела данный довод истицы нашел свое подтверждение в виде представленных медицинской организацией по запросу суда листов освобождения от выполнения служебных обязанностей по временной нетрудоспособности. В качестве основания для наложения дисциплинарного взыскания в приказе имеется ссылка на заключение служебной проверки в отношении К. Н. Судом было выяснено, что при наложении взыскания на К. Н. от истца было взято объяснение, а также соблюдены сроки привлечения к дисциплинарной ответственности. Доводы

К. Н. о временной нетрудоспособности в данный период не опровергают выводы работодателя о нарушении ею сроков регистрации электронных обращений в период до временной нетрудоспособности, хоть и в меньшем количестве. Таким образом, доказательства, представленные истцом, не опровергают доказательства, предоставленные представителем ответчика в подтверждение обоснованности наложенного дисциплинарного взыскания. Соответственно, основания для признания незаконным приказа Управления Федеральной службы судебных приставов по Алтайскому краю отсутствуют. На основании изложенного суд решил в удовлетворении исковых требований К. Н. к Управлению Федеральной службы судебных приставов по Алтайскому краю об отмене дисциплинарного взыскания отказать в полном объеме¹.

На основе данного судебного решения можно заключить, что суд при рассмотрении дела выясняет все обстоятельства для того, чтобы принять правильное решение.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Специальная дисциплинарная ответственность является важным и неотъемлемым институтом трудового права. Наличие широкого перечня мер специальной дисциплинарной ответственности обусловлено непосредственно самой спецификой профессиональной деятельности определенных категорий лиц. Допущение ими дисциплинарных проступков может повлечь негативные последствия как для авторитета публичной власти, так и для других граждан.

В действующем законодательстве имеются пробелы, на которое хотелось бы обратить внимание законодателя. Представляется целесообразным внесение изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, добавив его главой 30.1 «Специальная дисциплинарная ответственность» либо ввести новую статью 192.1, которая будет регламентировать понятие специальной дисциплинарной ответственности и другие общие положения, связанные с ней. Следует также отметить пробелы в законодательстве, касающиеся критериев и оснований дисциплинарного проступка судьи.

В Федеральном законе «О статусе судей в Российской Федерации» не содержится определения категории проступок, в результате которого допущено нарушение положений данного Закона и Кодекса судебной этики, тогда как четко определить, что такое дисциплинарный проступок судьи крайне затруднительно. Это свидетельствует о наличии пробелов в действующем законодательстве, касающихся вопросов о критериях, основаниях определения дисциплинарного проступка судьи. В связи со сказанным следует сформулировать критерии оценки при рассмотрении дел о привлечении к дисциплинарной ответственности судей.

Нужно законодательно закрепить также понятие дисциплинарного проступка в сфере прокурорского надзора, его видов, что является необходимым условием эффективной деятельности должностных лиц органа прокуратуры по рассмотрению и разрешению правовых конфликтов, возникающих в названной сфере и принятию законных, обоснованных и справедливых решений.

Для более детального регулирования дисциплинарной ответственности такой категории работников, как спортсме-

ны необходимо принятие специального нормативного правового акта, который бы четче регулировал профессиональный спорт в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Яхина М. Р. Специальная дисциплинарная ответственность: проблемы современного правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 92-102.
2. Ушаков В. Н. Специальная дисциплинарная ответственность: особенности правоприменения // Вестник научной мысли. 2021. № 4. С. 100-105.
3. Ларькова О. А. Актуальные вопросы специальной дисциплинарной ответственности судьи как носителя судебной власти // Вопросы продуктивного взаимодействия в процессе обмена знаниями: сборник научных трудов. Казань, 2021. С. 34-37.
4. Рюмин А. Р. К вопросу о специальной дисциплинарной ответственности спортсменов // Colloquium-Journal. 2019. № 10-10 (34). С. 82-83.
5. Гейхман В. Л. Дмитриева И. К. Трудовое право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021.
6. Джематулова А. А. Специальная дисциплинарная ответственность: проблемы современного правового регулирования // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 21. С. 143-146.
7. Сороколетова М. А., Пантюхина Е. А. Понятие, признаки и особенности применения специальной дисциплинарной ответственности // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 86-7. С. 140-143.
8. Еланский М. М. К вопросу о понятии и видах дисциплинарной ответственности // Синергия наук. 2020. № 44. С. 361-367.

¹ Решение Шипуновского районного суда Алтайского края по делу № 2-523/2020 от 25 марта 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/vlyhczOxZNNr/> (дата обращения: 03.09.2022).

САРАНКИНА Юлия Александровна

заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

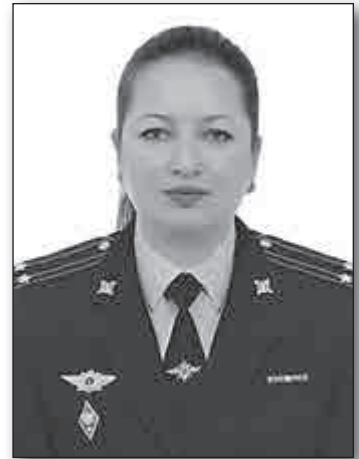
РОЛЬ ПРОФСОЮЗА В ЗАЩИТЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена анализу истории становления профсоюзного движения в России и мире, эффективности профсоюзного движения в современных условиях, анализу объективных и субъективных причин неэффективности деятельности профсоюзов, определению роли профсоюза в защите трудовых прав работников.

Ключевые слова: профсоюз, профсоюзное движение, защита трудовых прав работников, правовой статус профсоюзов.

SARANKINA Yuliya Alexandrovna

Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

Саранкина Ю. А.

THE ROLE OF THE TRADE UNION IN THE PROTECTION OF WORKERS' LABOR RIGHTS: HISTORY AND MODERNITY

The article is devoted to the analysis of the history of the formation of the trade union movement in Russia and the world, the effectiveness of the trade union movement in modern conditions, the analysis of objective and subjective reasons for the inefficiency of trade unions, the definition of the role of the trade union in the protection of workers' labor rights.

Keywords: parental leave, fulfillment of official duties beyond the norm, balance of official time and rest time, rationing in official activity.

Профсоюзное движение имеет долгую историю становления не только в России, но и в мире в целом. Считается, что первые профсоюзы появились в Великобритании еще в 1792 году. Однако на тот момент они имели полулегальный статус. Официально правовой статус профсоюзов Великобритании был закреплен в 1871 году, когда парламент принял соответствующий закон о профсоюзах. С принятием указанного закона профсоюзы получили не только правовую защиту, но и освободились от ответственности за «сговор». В 1875 году был принят закон, который освобождал работников от уголовной ответственности за участие в забастовке. В 1920 году в профсоюзах состояло около 60% работников. Однако на сегодняшний день в профсоюзах Великобритании состоит около 6 млн человек. В Германии профсоюзное движение начало развиваться позже, чем в Великобритании. Только в 1863 году был образован Всеобщий германский рабочий союз, после создания которого стали образовываться профсоюзы в отдельных отраслях. Однако с 1878 по 1890 годы во время правления Бисмарка профсоюзы были под запретом и начали функционировать вновь только после его отставки. В 1890 году была создана Генеральная комиссия профсоюзов Германии, с созданием которой началась эпоха расцвета профсоюзного движения в этой стране. Но с приходом к власти нацистов профсоюзы были вновь запрещены и возродились в 1949 году с созданием Немецкой конфедерации профсоюзов. В США профсоюзы были легализованы в 1842 году. В 1866 году появляется Национальный профсоюз труда, на смену которой в 1869 году пришел Орден рыцарей труда, который стал самым крупным в США с численностью около 750000 человек. В 1886 году была создана Американская федерация труда, которая впоследствии трансформирова-

лась в AFL-CIO – федерацию профсоюзов США, членами которой являются 12 млн человек.

В России профсоюзы начали действовать позже, нежели в других зарубежных странах. Еще в конце XIX столетия создание профсоюзных организаций не допускалось и было под запретом. Первые шаги к легальному созданию профсоюзных организаций начали предприниматься лишь с 1901 года. Однако в этот период деятельность профсоюзных организаций скорее носила фрагментарный характер, поскольку профсоюзы создавались, но потом прекращали свою деятельность, упрощались. Поэтому говорить о моменте возникновения профсоюзного движения можно только лишь с 1910 года. Именно с этого момента начинается полноценное развитие профсоюзного движения, происходит его становление. Этот период завершился объединением всех созданных к этому времени многочисленных профессиональных союзов во Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов в 1918 году. Все время существования СССР профсоюзы играли важную роль в обеспечении и защите трудовых прав работников. Профсоюзные организации эффективно функционировали на всех предприятиях, в учреждениях, организациях. Однако с распадом СССР и профсоюзное движение утратило свой былой авторитет. В 1990 году была создана Федерация независимых профсоюзов России, а в 2010 году создается Союз профсоюзов России [1, с. 58].

На сегодняшний день в Российской Федерации деятельность профессиональных союзов регулируется нормами Трудового кодекса РФ¹, а также Федеральным законом от 12

1 Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

января 1996 года «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (далее – ФЗ О профсоюзах)² и другими нормативными правовыми актами. Так, в соответствии со ст. 2 ФЗ О профсоюзах, профессиональный союз представляет собой общественное объединение граждан по производственным, профессиональным интересам по роду деятельности. Основная задача профсоюза – представительство и защита социально-трудовых прав и интересов работников на местах. Для решения возложенных на профсоюзы задачи они могут объединяться.

Так, Федерация независимых профсоюзов России (далее – ФНПР) на сегодняшний день объединяет 120 членских организаций (19,4 млн членов профсоюзов). Согласно статистической отчетности ФНПР за 2021 год в последние годы наблюдается общая тенденция снижения численности членов профсоюзов. Если в 2017 году количество членов профсоюзов входящих в ФНПР составляло 20,3 млн человек, то в 2021 году данный показатель составил 19,4 млн. Кроме того, в России сохраняется тенденция к уменьшению и количества самих профсоюзных организаций. Так, в 2017 году на территории Российской Федерации осуществляли свою деятельность 157,9 тыс. профсоюзов. К 2021 году количество профсоюзов составило 136,4 тысячи³.

Уменьшение количества профсоюзных организаций, а также их членов обусловлены рядом объективных причин. Прежде всего – это распространение новой коронавирусной инфекции и, как следствие, – пандемия негативно сказалась на экономических процессах, происходящих в государстве, что привело к снижению производства, сокращению численности штата, ликвидации предприятий, учреждений, организаций. Так, за период пандемии было ликвидировано 4,5 млн предприятий, 45% – сократили численность штата. Однако можно выделить и субъективные причины, которые привели к такой ситуации: недостаточная эффективность защитной деятельности профсоюзных организаций на местах; низкий уровень информированности работников об основных задачах и результатах деятельности профсоюзов; отсутствие активной позиции среди профсоюзов среднего звена в части создания профсоюзных организаций и привлечения работников в профсоюзы; отсутствие в профсоюзах квалифицированных кадров, обладающих, в том числе, организаторскими способностями; низкий уровень финансирования мероприятий, направленных на увеличение профсоюзного членства⁴.

На сегодняшний день на практике профсоюз мало напоминает независимое объединение, основной целью которого является защита интересов работника в отношениях с работодателем. Нередко профсоюз и его деятельность напрямую подконтрольны работодателю и не действуют в разрез с его мнением, даже если последний нарушил трудовое законо-

дательство. Это привело к тому, что из всех задач, которые возложены на профсоюз, в соответствии с его правовым статусом, закрепленным в действующем законодательстве, выполняется лишь малая их часть, которая сводится к распределению путевок в оздоровительные учреждения, участию профсоюзов в культурно-просветительской работе с трудовым коллективом и пр. В свою очередь, это обусловило возникновение недоверия у работников к профсоюзам, снижение их авторитета в глазах работающих.

Это подтверждается и низким процентом участия профсоюзов в разрешении трудовых споров. Одной из задач профессионального союза является его участие на стороне работника в разрешении трудового спора, возникшего с работодателем. Однако, исходя из официальной статистики, за 2020 год судами было вынесено 230 тыс. решений по трудовым спорам. При этом ФНПР участвовала при разрешении 3,9% споров из ранее приведенного количества.

В целом, если говорить о значении и роли профсоюзов в защите трудовых прав работников, следует констатировать, что за долгую историю существования профсоюзов им удалось добиться нормативного закрепления таких базовых величин и гарантий, как: минимальный размер оплаты труда; нормированный рабочий день; надбавки за вредность; права на оплачиваемый отпуск; права на оплачиваемый больничный; пенсия за выслугу лет. И нужно сказать, это основополагающие гарантии, которые на сегодняшний день являются незыблемыми. Но это результат – деятельности профсоюзов «прошлого». На сегодняшний день в условиях трансформации мировых экономических процессов, рынка труда, появления принципиально новых видов занятости профсоюзы должны стать современным качественным инструментом защиты работников в трудовой сфере. Для этого современный профсоюз должен приобрести принципиально новые качества, а именно: влиять на рост оплаты труда работников и социальных гарантий; активно влиять на принимаемые органами законодательной власти решения в интересах членов профсоюзов; обеспечивать эффективное социальное партнерство в интересах работников; быть способными на организацию массовых коллективных действий в поддержку требований работников; опираться на осознанное профсоюзное членство; иметь оптимальную структуру, отвечающую структуре современной экономики, а также с точки зрения организационных и финансовых ресурсов профсоюза; обладать высокопрофессиональными кадрами руководителей и специалистов; иметь крепкую финансовую базу.

Пристатейный библиографический список

1. Кадейкин В. А. История профсоюзов России: этапы, события, люди. - М.: Академия труда и соц. отношений, 1999. - 156 с.

2 О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12 января 1996 года № 10-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/

3 Информация о сводной статистической отчетности по профсоюзному членству, профсоюзным органам за 2021 год в членских организациях ФНПР: Приложение к постановлению Исполкома ФНПР от 19.04.2022 № 6-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://fnpr.ru/uploads/6-3%20%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20\(3\).pdf](https://fnpr.ru/uploads/6-3%20%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20(3).pdf).

4 Доклад «О перспективах развития профсоюзного движения, о Годе организационного и кадрового укрепления профсоюзов» от 14 апреля 2021 года.

БОГУСЛАВСКАЯ Наталья Ароновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия

ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕДИТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье автором рассматривается роль Российской Федерации как кредитора в отношениях по предоставлению государственных кредитов, раскрываются цели и принципы предоставления государственных кредитов Российской Федерацией на основе анализа нормативных правовых актов, дана авторская классификация целей и принципов государственного кредита, предложены направления по совершенствованию законодательства в рамках данных отношений.

Ключевые слова: кредитор, должник, государственный кредит, цели и принципы государственного кредита, долговые обязательства.

BOGUSLAVSKAYA Natalya Aronovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Far Eastern branch of the Russian State University of Justice

GOALS AND PRINCIPLES OF PROVIDING STATE LOANS BY THE RUSSIAN FEDERATION: SEPARATE ASPECTS OF LEGAL REGULATION

In the article, the author considers the role of the Russian Federation as a creditor in relations for the provision of public loans, reveals the goals and principles of the provision of public loans by the Russian Federation based on the analysis of regulatory legal acts, gives the author's classification of the goals and principles of public credit, suggests directions for improving legislation within the framework of these relations.

Keywords: creditor, debtor, public credit, goals and principles of public credit, debt obligations.

В научной литературе особое внимание уделяется таким принципам государственного кредита как возвратность, возмездность, срочность, обеспеченность, целенаправленность [1, с. 16, 29.], которые должны соблюдаться заемщиком при предоставлении ему кредита и формировании у него долговых обязательств. В связи с этим, кредитные отношения наиболее часто рассматриваются с позиций долговых обязательств, которые возникают у заемщика. Обычно к целям получения государственного кредита заемщиком относится погашение дефицита бюджета [2, с. 356] и обслуживание долговых обязательств. В то же время не уделяют должного внимания в научной литературе целям предоставления государственного кредита публичными правовыми образованиями-кредиторами и какими принципами они руководствуются при принятии и реализации решений о предоставлении государственного кредита.

Цели предоставления государственного кредита в отношении принятия, реализации решений Российской Федерации в зависимости от общественных отношений, можно условно разделить на две основные группы: 1) в рамках международных публичных отношений, в которых государство выступает кредитором, а иностранное государство - должником, в результате чего у иностранного государства образуются долговые обязательства; 2) в рамках взаимоотношений внутри страны, например, между РФ и субъектами РФ, где у субъекта РФ как должника образуются долговые обязательства, а РФ выступает кредитором по предоставлению бюджетного кредита.

Богуславская Н. А.

При анализе целей предоставления государственных кредитов в рамках международных публичных отношений необходимо проанализировать международные соглашения о предоставлении государственных кредитов Российской Федерацией, Бюджетный кодекс Российской Федерации¹ (далее – БК РФ), Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 г. № 1456-50².

Глава 15 БК РФ регулирует международные публичные отношения, возникающие между РФ как кредитором и иностранными государствами как должниками. Анализ п. 4,5 ст. 122 БК РФ позволяет сделать вывод, что предоставление государственного кредита может быть обусловлено: заинтересованностью РФ в предоставлении, а иностранного государства в получении определенных товаров, работ, услуг; содействием развитию иностранного государства путем предоставления государственного кредита на льготных условиях³. Более

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>. 2022. 04 ноября.

2 Об утверждении Правил предоставления Российской Федерацией государственных кредитов иностранным государствам – заемщикам: Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 г. № 1456-50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 23 сентября.

3 См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о предоставлении Правительству Республики Беларусь государственного финансового кредита от 21.12.2020 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>. 2020. 30 декабря.

подробно БК РФ цели предоставления государственных кредитов не раскрывает.

Отдельные аспекты в рамках данных отношений отражены в Постановлении Правительства РФ от 16.09.2020 г. № 1456-50. На основе анализа данного Постановления цели предоставления государственных кредитов необходимо разделить на: экономические; политические; репутационные; правовые; смешанные.

Экономические цели, к ним можно отнести: закрепление присутствия российских хозяйствующих субъектов на внешних рынках, в т.ч. путем получения выгод в связи с поддержкой экспорта российских товаров (работ, услуг); содействие развитию и углублению экономического сотрудничества между РФ и иностранными государствами-заемщиками⁴. Государство может предоставить кредиты на поставку товаров, работ, услуг для строительства и (или) модернизации инфраструктуры в стране-должника (например, строительство атомных электростанций и т.д.); на поставку продукции военного назначения и т.д.⁵ Таким образом, в тех сферах, где РФ имеет развитую инфраструктуру, технологии и может предложить востребованные на мировом рынке товары, работы, услуги иностранным государствам, целесообразно использовать механизм предоставления государственного кредита.

Политические цели, к ним можно отнести: содействие развитию и углублению политического сотрудничества между РФ и иностранными государствами-заемщиками⁶ и, как следствие, выстраивание доверительных отношений, оперативность принятия решений между странами, поддержка государствами-должниками страны-кредитора при принятии решений в рамках международных организаций, отказ от присоединения к санкциям и т.д. При этом, в международных соглашениях политический аспект может не отражаться, однако может подразумеваться в силу тесных связей между государствами.

Кроме того, в условиях конкурентной борьбы между странами за экономическое, политическое и иное влияние, необходимо формирование репутации государства как ответственного кредитора во взаимоотношениях с другими государствами⁷ для налаживания тесных связей, выстраивания доверительных отношений (репутационные цели).

Правовые цели направлены на правовую регламентацию данных отношений посредством заключения и реализа-

ции международных соглашений (облечение их в правовую форму); на выстраивание и развитие сходных правовых систем и законодательства для упрощения правовых процедур взаимодействия между странами. Примером является международное соглашение между РФ и Республикой Абхазия о предоставлении государственного кредита на модернизацию банковской системы и приведение ее к стандартам, установленным российским законодательством⁸.

Следует отметить, что так как экономические, политические, правовые, репутационные цели могут быть тесно связаны, взаимообусловлены между собой, часто встречается смешанный вариант, сочетающий несколько целей или все цели одновременно.

Что касается общественных отношений, возникающих внутри страны между РФ и субъектами РФ, то цели бюджетного кредита направлены, прежде всего, на: поддержание финансовой устойчивости, стабильности, развитие бюджетной системы субъекта РФ; на экономическое развитие субъекта РФ⁹. В научной литературе выделяются такие цели бюджетного кредита как решение социально-экономических задач, связанных с поддержкой той или иной отрасли [3, с. 121.]. Таким образом, здесь реализуются, прежде всего, экономические и правовые цели.

Что касается принципов государственного кредита, где РФ выступает как кредитор, их необходимо разделить на две группы: принципы в рамках международных отношений; принципы в рамках взаимоотношений внутри страны. При этом, безусловно, что принципы должны обеспечивать реализацию тех целей, которые были рассмотрены выше.

В частности, при анализе международных отношений, где РФ выступает в качестве кредитора с учетом рассмотренных целей, следует выделить принципы в зависимости от требований к самому кредитору; от требований, предъявляемых кредитором к заемщику; а также от требований, предусмотренных в отношении как кредитора, так и заемщика.

Принципы, устанавливающие требования к кредитору: 1) принцип безусловного выполнения РФ как кредитором своих обязательств¹⁰, данный принцип необходим для реализации репутационных, политических, экономических, правовых целей; позиционирования РФ как ответственного кредитора, соблюдение им своих обязательств в соответствии с международными соглашениями и связан в т.ч. с необходимостью иметь достаточные финансовые, кадровые, информационные и иные ресурсы для предоставления кредита; 2) принцип гибкости во взаимоотношениях с государствами-должниками, который предполагает возможность по обоюдному согласию изменения условий международных соглашений на взаимовыгодных условиях; 3) принцип получения экономической выгоды при предоставлении государственного кредита в связи с возвратом должником кредитных

8 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия о предоставлении Республике Абхазия государственного кредита от 06.08.2010 г. // Официально не опубликовано. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902254030>.

9 См. ст.11 ФЗ №390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» // Российская газета. – 2021. – 10 декабря.

10 См. раздел III Постановления Правительства РФ от 16.09.2020 г. № 1456-50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 23 сентября.

4 См. раздел II Постановления Правительства РФ от 16.09.2020 г. № 1456-50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 23 сентября.

5 См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о предоставлении Правительству Республики Беларусь государственного экспортного кредита для строительства атомной электростанции на территории Республики Беларусь от 25.11.2011 г. (в действ. ред.) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 11. С. 96 – 101. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>. 2021. 14 апреля; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о предоставлении Правительству Республики Сербии государственного экспортного кредита от 19.10.2019 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 14 января и др. соглашения.

6 См. раздел II Постановления Правительства РФ от 16.09.2020 г. № 1456-50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 23 сентября.

7 См.: раздел II Постановления Правительства РФ от 16.09.2020 г. № 1456-50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 23 сентября.

средств, уплатой им процентов, с закреплением присутствия РФ на рынках государства-должника, развития совместных проектов и т.п., здесь реализуются экономические, политические, правовые, репутационные цели.

Принцип, который связан с предъявлением требований кредитором к должнику: безусловное выполнение обязательств государством-должником перед РФ, заключающийся, в т.ч. в анализе возможностей иностранного государства по возврату и погашению кредита, соблюдении иных условий, которые могут быть предусмотрены международным соглашением, т.е. в оценке рисков вступления в отношения по государственному кредиту и дальнейшей реализации таких отношений с должником. Для РФ возврат кредита и процентов направлен, прежде всего, на реализацию экономических целей. К предложениям по совершенствованию действующих нормативных правовых актов следует отнести необходимость учета кредитных рейтингов не только большой тройки международных рейтинговых агентств при оценке рисков возврата должником государственного кредита, но и в предоставлении возможности российским кредитным рейтинговым агентствам проводить оценку международных соглашений для присвоения суверенных кредитных рейтингов иностранному государству и учет таких рейтингов при принятии решений по заключению новых международных соглашений.

Принцип, который относится как к кредитору, так и к заемщику: отсутствие спора между сторонами в международных кредитных отношениях¹¹ для заключения и дальнейшей реализации новых международных соглашений. Этот принцип обеспечивает реализацию экономических, политических, правовых, репутационных целей и направлен на выполнение взаимных обязательств по предыдущим отношениям в сфере государственного кредита для выстраивания новых отношений.

При анализе взаимоотношений внутри страны, можно выделить сходные принципы, в которых устанавливаются требования к РФ как к кредитору; требования, предъявляемые РФ к субъекту РФ как должнику с учетом вышеназванных целей государственного кредита. К основному принципу, устанавливающему требования в отношении кредитора, следует отнести принцип исполнения обязательств РФ как кредитором перед субъектом РФ, который заключается, в т.ч. в наличии ресурсов для предоставления бюджетного кредита. Принцип, устанавливающий требования РФ к субъекту РФ – должнику: принцип исполнения обязательств перед РФ субъектом РФ – должником, заключающийся в отсутствии просроченной задолженности перед РФ для принятия решения о предоставлении бюджетного кредита; в установлении требований к объему государственного долга; в оценке эффективности налоговых льгот и другие требования, предъявляемые РФ.¹²

Представляется, что предложенная классификация целей и принципов государственного кредита позволит внести вклад в развитие государственного кредита как института финансового права. Полагаем, что перечисленные выше цели в рамках международных публичных отношений должны быть более подробно раскрыты в гл.15 БК РФ. Сходной позиции придерживается А. С. Ложечко, который предлагает закрепить цели государственного кредита в БК РФ [4, с. 529.]. Кроме того, необходимо в данной главе закрепить принципы государственного кредита с позиций РФ как кредитора. Это позволит внести ясность на уровне федерального закона в формирование целей и принципов государственного кредита, предоставляемого РФ иностранным государствам. Более того, учет суверенных кредитных рейтингов, присвоенных российскими кредитными рейтинговыми агентствами иностранным государствам, позволит обеспечить независимую оценку при принятии решений о предоставлении государственных кредитов иностранным государствам.

Пристатейный библиографический список

1. Цареградская Ю. К. Правовое регулирование государственного долга России как института в системе финансового права: Автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. докт. юрид. наук. – М., 2016. – 49 с.
2. Долгодворова К. В. Государственный долг в РФ и его роль на современном этапе / К. В. Долгодворова, Э. Г. Шакирова, К. А. Семенова // Молодой ученый. – 2017. – № 14 (148). – С. 356-358.
3. Баранова Ю. К. Правовые основы функционирования государственного кредита // Социально-экономические явления и процессы. – 2019. – Т. 14. – № 105. – С. 119-123.
4. Ложечко А. С. Государственные кредиты Российской Федерации: проблемы теории и практики // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24. – Вып. 9. – С. 522-536.

11 См. раздел III Постановления Правительства РФ от 16.09.2020 г. № 1456-50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 23 сентября.

12 См. Об утверждении Правил предоставления (использования, возврата) из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации бюджетных кредитов на 2017 год: Постановление Правительства РФ от 26.12.2016 г. № 1482 (в действ. ред.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>. 2016. 29 декабря; 2021. 30 сентября.

ЕРЕМЕЕВ Денис Викторович

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются правовые основы инвестиционной деятельности со стороны государственных служащих, в том числе и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Рассматриваются некоторые правовые проблемы осуществления инвестиционной деятельности на фондовом рынке госслужащими Российской Федерации. Предлагаются некоторые пути усовершенствования законодательства Российской Федерации в данной сфере.

Ключевые слова: инвестиции, фондовый рынок, ценные бумаги, брокер, государственные служащие, сотрудники органов внутренних дел, доверительное управление, ограничения, запреты, коррупция.

EREMEEV Denis Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITIES OF CERTAIN CATEGORIES OF CIVIL SERVANTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the legal framework for investment activities by public servants, including employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Some legal problems of implementation of investment activity in the stock market by civil servants of the Russian Federation are considered. Some ways of improving the legislation of the Russian Federation in this area are proposed.

Keywords: investments, stock market, securities, broker, civil servants, employees of internal affairs bodies, trust management, restrictions, prohibitions, corruption.

Еремеев Д. В.

Более года тому назад в статье «Некоторые вопросы совершенствования нормативно-правовых актов, регулирующих инвестиционную деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [1] мною было обращено внимание на несовершенство действующего законодательства в сфере инвестирования на фондовом рынке со стороны сотрудников органов внутренних дел РФ. Однако, следует отметить, что несмотря на все произошедшие события за прошедший год (специальная военная операция – далее СВО) нормативное регулирование в вышеуказанной сфере совершенно не изменилось.

Проведение Россией специальной военной операции на Украине в этом году повлекло, к сожалению, введение со стороны недружественных стран, в первую очередь США и ЕС, множества различных санкций, что очень негативно сказалось на экономике нашей страны в целом, и ее фондовом рынке в частности. Запреты на инвестиции в фондовый рынок России повлекли серьезный отток финансовых средств зарубежных инвесторов из ценных бумаг РФ, что повлекло значительное падение практически всего фондового рынка нашей страны и увя, но этот процесс еще не закончен, так как дальнейшему его падению помешало беспрецедентное административное вмешательство в этот процесс Центрального Банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) запретившее вывод значительной части этих средств иностранными инвесторами и продажу ими Российских акций и облигаций. Однако, рано или поздно, скорее всего после принятия политических решений о взаимных уступках в экономических вопросах между Россией и недружественными странами, «заморозившими» финансовые активы, как государства, так и граждан РФ и юридических лиц, зарегистрированных в РФ, иностранным инвесторам будет предоставлена возможность продать вышеуказанные ценные бумаги и вывести эти средства из России, что может повлечь дальнейшее общее

падение фондового рынка в целом, и большинства акций и облигаций российских эмитентов в частности.

Российский фондовый рынок в настоящее время даже после его нахождения под серьезным давлением, что, несомненно, негативно сказывается на экономическом развитии нашей страны, подрывает ее инвестиционную привлекательность и наносит ущерб действующим инвесторам.

В этих крайне непростых экономических условиях, по мнению бывшего первого заместителя председателя ЦБ РФ Сергея Швецова, который в настоящее время является председателем наблюдательного совета Московской биржи, важен каждый новый инвестор, в связи с чем необходимо пересмотреть ограничения на инвестиции для госслужащих и разрешить им инвестировать в российские акции и облигации. Также, он заявил – «Я переживал последние 20 лет, что не могу быть инвестором, я считаю, что у нас запретительно ненужные ограничения для чиновников покупать акции, облигации. Вот почему они должны сидеть за другим столом, мне не очень понятно. То ли мы их спасаем, но тогда почему мы не спасаем народ? То ли там есть еще какая-то хитрая причина – «как бы чего не вышло» [2].

Эту инициативу также прокомментировал журналистам директор департамента финансовой политики Минфина России Иван Чебесков, который высказался за более либеральный подход для инвестиций чиновников – «В целом, я бы точно поддержал, чтобы чиновники были в одной плоскости с гражданами и инвестировали свои средства для поддержания экономики, учитывая конфликт интересов». В свою очередь зампред ЦБ РФ Филипп Габуния назвал эту идею «интересной новацией» [3].

Лично мне тяжело не согласиться с этими утверждениями, тем более что часть 2 статьи 19 Конституции РФ гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от их должностного положения.

Увы, но в настоящее время на сотрудников ОВД РФ, как, впрочем, и на иных граждан, проходящих государственную службу распространяется ряд, предусмотренных действующим российским законодательством запретов и ограничений.

Так, например, пункт 4 части 1 статьи 17 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает, что в связи с прохождением гражданской службы гражданскому служащему запрещается приобретать в случаях, установленных федеральным законом, ценные бумаги, по которым может быть получен доход. Однако, пока еще нет закона, который регламентирует данные случаи. Теоретически к таким случаям можно отнести приобретение ценных бумаг, которое повлечет возникновение конфликта интересов при выполнении служебных обязанностей. Согласно части 2 статьи 17 вышеуказанного закона в случае, если владение ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций) приводит или может привести к конфликту интересов, гражданский служащий обязан передать принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

В свою очередь в Федеральном законе РФ от 30 ноября 2011 года «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ-342) в части 2 статьи 14 («Ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел») предусмотрено, что «На сотрудника органов внутренних дел распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Ни в коем случае не ставя под сомнение необходимость борьбы с коррупцией среди госслужащих в целом, и необходимость предупреждения конфликта интересов в их деятельности в частности, уверен, что одним из компромиссных вариантов в данной сфере, который бы учитывал и интересы государства и самих госслужащих стало бы разрешение приобретения конкретных российских ценных бумаг из списка, утвержденного правительством Российской Федерации.

Другим вариантом решения данной правовой проблемы могло бы стать разрешение приобретения паев специальных паевых инвестиционных фондов (далее - ПИФ) для госслужащих, в составе которых были бы только эмитированные в РФ акции и облигации. На сегодняшний день «ВТБ Капитал Инвестиции» запустили два новых открытых паевых инвестиционных фонда со стратегиями, предполагающими инвестиции исключительно в российские активы: ОПИФ «ВТБ — Фонд Акции. Российские эмитенты» и ОПИФ «ВТБ — Фонд Облигаций. Российские эмитенты». Их портфели формируются с учетом ограничений для госслужащих, предусмотренных федеральным законом № 79-ФЗ (от 7 мая 2013 года «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»¹). Как сообщает пресс-служба брокера, это первые учитывающие требования данного нормативного акта фонды на рынке, аналогов им сегодня нет² [4].

Таким образом, приобретение специальных паев, сформированных с учетом ограничений для государственных служащих, возможно, являлось бы самым оптимальным способом инвестиций в российские акции и облигации для госслужащих в Российской Федерации.

Еще одним действенным способом предупреждения конфликта интересов и недопущения приобретения госслужащими РФ иностранных ценных бумаг могло бы стать законодательное требование по отношению к брокерам, осуществляющим свою деятельность на фондовом рынке, при открытии брокерских счетов учитывать правовой статус гражданина и при установлении его отношения к государственным служащим автоматически ограничивать возможность приобретения не рекомендованных (запрещенных к приобретению) ценных бумаг, установив при этом ответственность госслужащих за сокрытие факта нахождения на государственной службе в Российской Федерации.

В заключение следует отметить, что частью 3 статьи 71 ФЗ-342 также определена дополнительная обязанность сотрудников ОВД РФ принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов, а согласно части 7 статьи 71 того же закона в случае, если сотрудник органов внутренних дел владеет ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций), он обязан в целях предотвращения конфликта интересов передать принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

Глубоко убежден, что данные нормы не соответствуют современным реалиям и требуют серьезной переработки, так как действие данных норм ставит сотрудников ОВД РФ фактически в самое невыгодное правовое положение в вопросах инвестирования в сравнении со всеми остальными категориями госслужащих, а также наносит вред не только их имущественным правам, но и в целом экономике России.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что действующее законодательство РФ в сфере инвестирования на фондовом рынке со стороны госслужащих в целом, и сотрудников ОВД РФ в частности, достаточно несовершенно, не соответствует современным реалиям и требует скорейшего усовершенствования. Какой конкретно из перечисленных выше способов или их комбинацию использовать для предупреждения коррупции среди госслужащих при реализации их прав на российском фондовом рынке необходимо определить с учетом мнения всех заинтересованных в этом субъектов.

Пристатейный библиографический список

1. Еремеев Д. В. Некоторые вопросы совершенствования нормативно-правовых актов, регулирующих инвестиционную деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10 (161). – С. 207-208.
2. Глава набсовета Мосбиржи предложил разрешить чиновникам инвестировать. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/article/6347c3e29a7947c7375c3132>.
3. Экс-зампред ЦБ предложил разрешить чиновникам инвестировать в акции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://frankrg.com/94811>.
4. «ВТБ Капитал Инвестиции» запустили первые ПИФы с учетом ограничений для госслужащих. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10956619>.

1 О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: Федеральный закон Российской Федерации № 79-ФЗ от 7 мая 2013 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/12192456/>.

2 «ВТБ Капитал Инвестиции» запустили первые ПИФы с учетом ограничений для госслужащих. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10956619>.

ЭЛЯКОВ Александр Львович

аспирант кафедры правового обеспечения публичных финансов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОВМЕСТНОГО СОЗДАНИЯ ОСОБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ (ОЭЗ) НА ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проведено научное исследование теоретических экономико-правовых основ и проблем правовой реализации создания и реализации особых экономических зон на территориях Российской Федерации, особенно в регионах Дальневосточного Федерального округа в современных условиях, требующих устойчивого экономического и социального развития. Автор исследует историко-правовой опыт поэтапного создания ОЭЗ и их законодательных основ в регионах РФ и результаты их реализации по четырем типам ОЭЗ. На основе проведенного анализа нормативно-правовых основ создания и функциональной основы ОЭЗ выявлены недостатки и проблемы в вопросах создания ОЭЗ и предложены эффективные правовые механизмы для их совершенствования в действующих законодательных основах.

Ключевые слова: федеральный закон, Республика Саха (Якутия), муниципальное образование, законодательные основы, особая экономическая зона, создание, функционирование.

ELYAKOV Alexander Lvovich

postgraduate student of Legal support of public finance sub-faculty of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ECONOMIC AND LEGAL JUSTIFICATION FOR THE JOINT CREATION OF A SPECIAL ECONOMIC ZONE (SEZ) IN THE TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents a scientific study of the theoretical economic and legal foundations and problems of legal implementation of the creation and implementation of special economic zones in the territories of the Russian Federation, especially in the regions of the Far Eastern Federal District in modern conditions requiring sustainable economic and social development. The author examines the historical and legal experience of the phased creation of SEZs and their legislative bases in the regions of the Russian Federation and the results of their implementation in four types of SEZs. Based on the analysis of the regulatory framework for the creation and functional basis of the SEZ, shortcomings and problems in the creation of the SEZ have been identified and effective legal mechanisms for their improvement in the current legislative framework have been proposed.

Keywords: federal law, Republic of Sakha (Yakutia), municipality, legislative framework, special economic zone, creation, functioning.

Актуальность исследования заключается в том, что существуют проблемы эффективности создания и реализации особых экономических зон в регионах России и на различных этапах ее развития и их законодательных основ. Для долгосрочного устойчивого и опережающего развития территорий Российской Федерации, особенно территорий Крайнего Севера, в т.ч. Республики Саха (Якутия) и ее муниципальных образований с их богатым природно-ресурсным, производственно-энергетическим и человеческим потенциалом наиболее эффективно создание особых экономических зон в территориях муниципальных образований или нескольких муниципальных образований, где действуют специальные режимы с особыми льготными условиями ведения предпринимательской деятельности, как промышленно-производственные, технико-внедренческой, туристско-рекреационной и портовые их типы.

Президент РФ Владимир Путин поставил стратегическую цель перед Правительством РФ, регионами и бизнесом в 2020 году, что в ближайшие годы необходимо провести прорывные изменения в экономике страны, для этого правительству, регионам и бизнесу предложено стать участниками данных глобальных изменений за счет реализации масштабных инвестиционных проектов.

И одним из существенных решений и инструментом выполнения данной цели является создание и эффективное развитие особых экономических зон в территориях Российской Федерации за счет развития в регионах, имеющегося природно-ресурсного и человеческого потенциала, естественных экономических и географических конкурентных преимуществ реализации инвестиционных проектов с особыми льготными условиями ведения предпринимательской деятельности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предлагаемая законодательная инициатива провести экономическое обоснование совместного создания

ОЭЗ на территориях РФ приведет к выполнению стратегической цели прорывного и устойчивого развития национальной экономики, которые возложены на федеральные и региональные исполнительные органы государственной власти.

Объектом проекта - является нормативно-правовая база действующего законодательства РФ в сфере создания и функционирования особых экономических зон и об общих принципах организации местного самоуправления в РФ.

Предметом проекта - является совокупность организационно-правовых отношений в процессе формирования, функционирования и развития особых экономических зон на уровне федеральных, региональных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти местного самоуправления.

Цель проекта – экономико-правовое обоснование совместного создания особой экономической зоны в муниципальных образованиях или в территориях нескольких муниципальных образований регионов Российской Федерации путем внесения дополнений в ФЗ от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и ФЗ от 06.10.03 г. № 131-ФЗ (в редакции от 14.04.22 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [7].

В соответствии с целью работы поставлены следующие задачи исследования:

1. Провести анализ исторический опыта развития ОЭЗ в РФ и их законодательных основ;
2. Рассмотреть типы ОЭЗ, основные направления их деятельности и провести оценку эффективности реализации;
3. Выявить проблемы создания и организации ОЭЗ и ее законодательной основы;
4. Провести экономическое обоснование совместного создания ОЭЗ в территориях РФ и разработать предложение по изменению ее законодательной основы;

5. Определить эффективность предлагаемой законодательской инициативы для устойчивого развития экономики РФ и ее регионов за счет реализации льготных налоговых и управленческих механизмов развития ОЭЗ.

Методами исследования являются: общенаучные методы исследования, методы историко-правового и экономико-статистического анализа, использованы нормативно-правовые, научные и практические материалы о развитии особых экономических зон в Российской Федерации.

Анализ основных этапов создания и функционирования ОЭЗ и нормативно-правовых основ их реализации ОЭЗ в РФ.

Особые экономические зоны появились в мире более 200 лет назад, поэтому большинством европейских, азиатских стран, Российской Федерацией накоплен существенный опыт их создания и функционирования. В современный период функционирования ОЭЗ в более 147 странах и территориях мира, где приняты специальные законы, их количество превысило больше пяти тысяч [15]. Названия особых экономических зон в разных странах мира, а также в отдельные периоды их развития могут различаться в зависимости от их целей и задач, как например, свободные экономические зоны (СЭЗ), особые экономические зоны (ОЭЗ), специальные экономические зоны и т.д. Но общим для них остается их общая характеристика – эта ограниченная территория с особым юридическим статусом по отношению к остальным территориям и с особым льготным режимом для ведения предпринимательской деятельности. Основной целью их создания является достижение стратегических целей устойчивого развития государств за счет развития отдельных его регионов, либо части их территорий.

В особой экономической зоне для инвестора при реализации инвестиционного проекта ожидается существенное снижение расходов (до 30%) и административное сопровождение, что является весьма привлекательным для вложения инвестиций, тем более срок действия ОЭЗ - 49 лет согласно действующему законодательству, для регионов - перспективы развития экономики, общества за счет создания условий благоприятного развития бизнеса, в том числе производства новейших конкурентоспособных технологий, продукции и товаров, предоставления услуг, а также создание новых рабочих мест.

Начиная с 1980 года в течение последних 40 лет Российская Федерация создает особые экономические зоны в территориях регионов с особыми режимами введения предпринимательской деятельности субъектами-резидентами ОЭЗ и на которых используется процедура свободной таможенной зоны.

Единой классификации особых экономических зон в мире не существует. Но по функциональным характеристикам их разделяют на: зоны свободной торговли; промышленно-производственные зоны; сервисные зоны, технико-внедренческие зоны; комплексные зоны.

Деятельность ОЭЗ в России регулируется Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (Закон).

В Российской Федерации существуют следующие типы ОЭЗ в зависимости от видов их деятельности: промышленно-производственная зона, технико-внедренческая зона, туристско-рекреационная зона и портовая зона [16].

Согласно ст. 6 п.1. федерального закона от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» решение о создании ОЭЗ принимается Правительством РФ и оформляется постановлением Правительства РФ, исходя из определенных критериев их создания, утвержденных Правительством РФ, а также на основе заявки, подготовленной высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации или высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации совместно с исполнительно-распорядительным органом муниципального образования или исполнительно-распорядительными органами муниципальных образований, подаваемого в уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти. Срок действия ОЭЗ согласно данному закону составляет 49 лет.

Проведем краткий анализ основных этапов реализации ОЭЗ в Российской Федерации и их нормативно-правового регулирования.

1 этап создания и реализации ОЭЗ (СЭЗ) в РФ их нормативно-правового регулирования (за период 1980-2004 гг.):

Правовая основа особых экономических зон (ОЭЗ) базировалась на следующих нормативно-правовых актах:

– Единая государственная концепция СЭЗ Правительства СССР в 1980 г.;

– Закон СССР от 10.04.90 г. № 1421-1 «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» [2];

– Постановление Верховного Совета РСФСР от 14.07.90 № 105-1 «Об основных принципах осуществления внешнеэкономической деятельности РСФСР» [10];

– Постановление Верховного Совета РСФСР от 13.09.90 г. № 165-1 «О создании зон свободного предпринимательства», положения для каждой СЭЗ [11];

– Указ Президента СССР от 26.10.90 г. № УП-942 «Об иностранных инвестициях в СССР» [9];

– Закон РСФСР от 04.07.1991 N 1545-1 «Об иностранных инвестициях в РСФСР» [3];

– Указ Президента РФ от 04.06.92 г. № 548 «О некоторых мерах по развитию свободных экономических зон (СЭЗ) на территории Российской Федерации» [8];

– Таможенный кодекс Российской Федерации от 18.06.93 г. № 5221 [1];

– Федеральный закон от 13.10.95 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [4];

– Федеральный закон от 22.01.96 г. № 13-ФЗ «Об особой экономической зоне в Калининградской области» [5];

– Федеральный закон РФ от 31.05.1999 № 104-ФЗ «Об особой экономической зоне в Магаданской области» [6].

За этот период реализации ОЭЗ были созданы следующие особые экономические зоны и территории:

– «Находка» (административные границы г. Находки и Партизанского района Приморского края);

– «Выборг» (административные границы г. Ленинграда);

– «Ленинградская зона свободного предпринимательства»;

– «Зеленоград» (г. Зеленоград);

– «Янтарь» (Калининградская область);

– «Садко» (Новгородская область);

– «Кузбасс» (Кемеровская область);

– «Даурия» (Читинская область);

– «Сахалин» (Сахалинская область вместе с включаемыми в нее районами континентального шельфа);

– «Ева» (Еврейская автономная область);

– «Алтай» (Алтайский край, включая Горно-Алтайскую автономную область);

– Магаданская область.

В тот период цель создания СЭЗ (ОЭЗ) заключалась в привлечении иностранных инвестиций, повышение конкурентоспособности производства, закупки передовой импортной техники, технологий и развитие притока экспорта товаров и услуг [20].

Основными задачами создания СЭЗ (ОЭЗ) являлись:

– гарантировать защиту осуществления внешнеэкономической деятельности РСФСР путем создания свободных экономических зон и обеспечения стабильности договорных отношений;

– обеспечить защиту экономического суверенитета и экономической безопасности РФ, стимулировать развитие национальной экономики при осуществлении внешнеторговой деятельности и обеспечить условия эффективной интеграции экономики РФ в мировую экономику [21];

– определить правовые, экономические и организационные основы таможенного дела, активизировать внешнеэкономические связи российской экономики, обеспечивать защиту прав граждан, хозяйствующих субъектов и государственных органов и соблюдение ими обязанностей в области таможенного дела;

– сохранять и увеличивать число рабочих мест высококвалифицированных специалистов высокотехнологических производств.

Льготы предоставлялись одинаковые. Экономико-правовые льготы предполагались для предприятий с иностранным участием, при зарубежном долевом финансировании, ресурсообеспечении, но с задействованием отечественных производственных кадров на данных экспериментальных площадках и устанавливался упрощенный порядок регистрации предприятий с иностранными инвестициями для осуществления экспортно-импортных операций [19].

В 1996 году функционировали 18 (СЭЗ), созданных в 15 регионах на 1/3 площади страны., такие как свободные порты (Находка и Калининград), технопарки (г. Зеленоград, «Шерризон» - аэропорт Шереметьево), экспортно-производственные зоны (г. Выборг, Сахалинская обл.) и концессионные участки (Республика Горный Алтай, г. Чита, г. Кемерово) [17].

Первые итоги начального этапа создания и реализации особых экономических зон выявили, что СЭЗ не в полной мере оправдали ожидания и выявили существенные недостатки и проблемы ОЭЗ (СЭЗ):

- не был проработан вопрос инфраструктуры, как и источников финансирования капитального строительства в рамках юрисдикции СЭЗ;

- не было сформирована полноценная нормативно-правовая база в области правового регулирования;

- свободные экономические зоны (СЭЗ) не до конца были реализованы и не смогли достичь окончательной цели;

- не были предоставлены механизмы гарантий, льгот и господдержки на федеральном уровне, фактически большинство СЭЗ лишились основной части ранее полученных преференций на федеральном уровне;

- отсутствовали в полной мере институциональные условия СЭЗ;

- противоречия между интересами отдельных регионов и интересами федеральной власти;

- выявилась необходимость отдельного закрепления статуса ОЭЗ за Калининградской и Магаданской областями, в связи со стоящими перед ними острыми проблемами выживания населения и экономики, что особенно проявилось в Магаданской области после экономического кризиса (дефолта) в стране в 1998 году.

Особый режим ОЭЗ «Янтарь» Калининградской области был закреплён Федеральным законом № 13-ФЗ от 22.01.1996 г. «Об особой экономической зоне в Калининградской области» [5], хотя до этого действовали правовые нормы хозяйствования от 1991 года, в связи с тем, что Калининградская область в период распада СССР стала анклавом, обособленной территориально от РФ и расположенной среди европейских стран.

ОЭЗ Магаданской области был принят отдельный федеральный закон РФ от 31.05.1999 г. № 104-ФЗ «Об особой экономической зоне в Магаданской области» [6], исходя от угрозы прекращения добычи стратегически значимых полезных ископаемых, как золота, олово, серебро, углеводородное сырье на шельфе Охотского моря и огромного количества биологических видов рыб, а также исходя от угрозы массового оттока населения, в том числе трудовой силы из-за структурной перестройки в стране после распада СССР и дефолта в 1998 г.

2 этап реализации ОЭЗ - правовая основа, недостатки и проблемы правового обеспечения и функциональной основы (2005 г. по н.в.).

В 2005 году Правительство РФ подготовило проект Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», который был утвержден 22.07.05 г. № 116-ФЗ. С этого времени начался новый этап реализации особых экономических зон в Российской Федерации с учетом анализа недостатков и ошибок правового обеспечения и функциональной основы ОЭЗ. Этот закон является законодательной основой и регламентирующим актом создания, создания и реализации особой экономической зоны в Российской Федерации.

В настоящее время правовое регулирование ОЭЗ осуществляется:

- федеральным законом от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»;

- таможенным законодательством Таможенного Союза в рамках ЕврАзЭС (18 июня 2010 г.;

- указами Президента РФ,

- постановлениями и другими нормативно-правовыми актами Правительства РФ.

Согласно закону, решение о создании ОЭЗ утверждается Правительством Российской Федерации.

Основными критериями создания ОЭЗ закреплены в постановлении Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2012 г. № 398 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны» являются [12]:

- наличие естественных экономических и географических конкурентных преимуществ для реализации инвестиционных проектов;

- наличие инвестиционного проекта (или проектов), потенциального инвестора (или инвесторов) и их средств, документального подтверждения средств кредитной организации о готовности финансирования для реализации инвестиционного проекта;

- обоснование прогнозов роста доходов в бюджеты трех уровней: федеральный, региональный и местные, в связи с созданием и функционированием особой экономической зоны.

- превышение 5 раз к концу 10 года реализации инвестиционного проекта инвестиционного мультипликатора - объемов вложенных инвестиций над объемами средств бюджетов всех уровней;

- в случае если объем запланированных инвестиций накопленным итогом на конец 10 года составляет от 8 до 20 млрд рублей, то необходимо наличие не менее 5 таких инвестиционных проектов. В случае если объем запланированных инвестиций накопленным итогом на конец 10 года составляет свыше 20 млрд рублей, то необходимо наличие не менее одного инвестиционного проекта.

При создании ОЭЗ Правительство РФ изначально ввело ограничения в следующих видах предпринимательской деятельности, являющихся высокорентабельными: добыча полезных ископаемых и металлургическое производство; переработка полезных ископаемых и переработка черных и цветных металлов; производство и переработка подакцизных товаров (за исключением автомобилей и мотоциклов).

Начиная с 1980 года в течение последних 40 лет Российской Федерация создает особые экономические зоны в территориях регионов с особыми режимами введения предпринимательской деятельности субъектами -резидентами ОЭЗ и на которых используется процедура свободной таможенной зоны. Согласно материалам официального сайта, Министерство экономического развития Российской Федерации на 2022 год действуют 45 особых экономических зон из них промышленно-производственных - 26, технико-внедренческих - 7, туристско-рекреационных - 10 и портовых - 2, в том числе комплексных зон - 3, сочетающие в себе черты всех типов экономических зон, предусмотренных законом [18].

Регионы, в которых расположены комплексные ОЭЗ, являются стратегически важными для России. Калининградская область — регион соприкосновения России и зарубежной Европы; Республика Крым и город Севастополь — ворота России в Черноморский регион; Магаданская область, как и весь Дальний Восток, играет важную для страны роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе [13].

В территориях РФ действуют 4 типа ОЭЗ:

- 1) Промышленно-производственные особые экономические зоны (ОЭЗ ППТ):

Условия и основные положения о создании ОЭЗ ППТ таковы [18]:

- создаются для производства и переработки товаров, а также для их реализации на участках площадью не более сотки квадратных километров;

- располагаются в наиболее развитых с экономической точки зрения регионах. Для них характерно преобладание промышленных предприятий, а также наличие разветвленной транспортной инфраструктуры, богатых природных ресурсов и квалифицированной рабочей силы;

- резидентом может являться только коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия.

По состоянию на 26 июля 2022 года действуют следующие 26 промышленно-производственными ОЭЗ [18]:

- «Авангард» (Омская область);
- «Алабуга» (Республика Татарстан);
- «Алга» (Республика Башкортостан);
- «Грозный» (Чеченская Республика);
- «Доброград-1» (Владимирская область);
- «Иваново» (Ивановская область);
- «Калуга» (Калужская область);
- «Кашира» (Московская область);
- «Красноярская технологическая долина» (Красноярский край);
- «Кулибин» (Нижегородская область);
- «Липецк» (Липецкая область);
- «Лотос» (Астраханская область);
- «Максимиха» (Московская область);
- «Моглино» (Псковская область);
- «Новгородская» (Новгородская область);
- «Орёл» (Орловская область);
- «Оренбуржье» (Оренбургская область);
- «Пермь» (Пермский край);
- «Стабна» (Смоленская область);
- «Ступино Квадрат» (Московская область);
- «Титановая долина» (Свердловская область);
- «Тольятти» (Самарская область);
- «Третий полюс» (Курская область);
- «Узловая» (Тульская область);
- «Усть-Луга» (Ленинградская область);
- «Центр» (Воронежская область).

Приоритетными направлениями деятельности промышленно-производственных ОЭЗ являются: выпуск строительных и отделочных материалов; выпуск электротехнической и электронной техники; производство технологически сложного торгового оборудования; производство, сборка автомобилей, а также выпуск автозапчастей; выпуск продукции нефтехимического производства.

Согласно отчетным материалам Министерства экономического развития РФ по состоянию на 26 июля 2022 года резидентами ОЭЗ являлась 341 компания, которыми создано более 26,8 тысяч рабочих мест, осуществлено 394,2 млрд. рублей инвестиций, объем выручки составил порядка 1 110,8 млрд. рублей, уплачено 145,6 млрд. рублей налоговых, таможенных отчислений и отчислений в государственные внебюджетные фонды [18].

2) Техничко-внедренческие особые экономические зоны (ОЭЗ ТВТ):

Условия и основные положения создания технико-внедренческих ОЭЗ [МЭР]:

- формируются в целях развития инновационной деятельности для создания и реализации научно-технической продукции, доведения ее до промышленного применения, включая изготовление, испытание и реализацию опытных партий, а также создание программных продуктов, систем сбора, обработки и передачи данных, систем распределенных вычислений и оказание услуг по внедрению и обслуживанию таких продуктов и систем.

- создаются на участках площадью не более четырех квадратных километров;

- по решению экспертного совета разрешается также осуществление промышленно-производственной деятельности. Они располагаются в крупнейших научно-образовательных центрах, имеющих богатые научные традиции и признанные исследовательские школы;

- резидентом может являться как индивидуальный предприниматель, так и коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия.

По состоянию на 26 июля 2022 года согласно отчетным материалам Министерства экономического развития РФ созданы следующие 7 технико-внедренческие особые экономические зоны в РФ:

- «Дубна» (Московская область);
- «Иннополис» (Республика Татарстан);
- «Исток» (Московская область);
- «ОЭЗ в Саратовской области»;
- «Санкт-Петербург» (Санкт-Петербург);
- «Технополис Москва» (Москва);
- «Томск» (Томская область).

Основные приоритеты деятельности технико-внедренческих ОЭЗ – это разработка и внедрение IT технологий и связи, биотехнологий и медицинских технологий, СВЧ – технологий, ядерной физики и точного приборостроения.

По состоянию на 26 июля 2022 года согласно отчетным и аналитическим материалам Министерства экономического развития РФ резидентами являлись 518 компании, которыми создано 28,1 тыс. рабочих мест, осуществлено более 318,2 млрд. рублей инвестиций, объем выручки составил 688,3 млрд. рублей, уплачено 147,6 млрд. рублей налоговых, таможенных отчислений и отчислений в государственные внебюджетные фонды [18].

3) Туристско-рекреационные особые экономические зоны (ОЭЗ ТРТ):

Условия и основные положения о создании ОЭЗ ППТ таковы [18]:

- создаются для развития и оказания услуг в сфере туризма на одном или нескольких участках территории;

- разрешается осуществление только туристско-рекреационной деятельности, а именно, деятельности по строительству, реконструкции, эксплуатации объектов туристской индустрии, объектов, предназначенных для санаторно-курортного лечения, медицинской реабилитации и отдыха граждан, а также туристской деятельности и деятельности по разработке месторождений минеральных вод и других природных лечебных ресурсов, в том числе деятельности по санаторно-курортному лечению и профилактике заболеваний, медицинской реабилитации, организации отдыха граждан, промышленному розливу минеральных вод;

- располагаются в самых живописных и востребованных туристами регионах России;

- резидентом признаются индивидуальный предприниматель и коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия.

По состоянию на 26 июля 2022 года действуют следующие 10 туристско-рекреационные ОЭЗ [МЭР]:

- «Архыз» (Республика Карачаево – Черкессия);
- «Байкальская гавань» (Республика Бурятия);
- «Бирюзовая Катунь» (Алтайский край);
- «Ведучи» (Чеченская Республика);
- «Ворота Байкала» (Иркутская область);
- «Завидово» (Тверская область);
- «Эльбрус» (Республика Кабардино – Балкария);
- «Матгас» (Республика Дагестан);
- «Армхи и Цори» (Республика Ингушетия);
- «Мамисон» (Северная Осетия (Алания)).

Основные приоритеты деятельности туристско-рекреационных ОЭЗ – создание благоприятного климата для развития туристического, рекреационного, спортивного направления ведения бизнеса.

По состоянию на 26 июля 2022 года согласно отчетным и аналитическим материалам Министерства экономического развития РФ резидентами являлись 90 компании, которыми создано более 1,8 тыс. рабочих мест, осуществлено 15,4 млрд. рублей инвестиций, объем выручки составил 3,6 млрд. рублей, уплачено 1,1 млрд. рублей налоговых, таможенных отчислений и отчислений в государственные внебюджетные фонды [18].

4) Портовые особые экономические зоны (ПОЭЗ):

Условия и основные положения о создании портовых ОЭЗ таковы [МЭР]:

- создаются площадки для организации судостроительной, судоремонтной деятельности и предоставления логистических услуг, где всегда применяется процедура свободной таможенной зоны. Общая площадь участков площадок составляет не более чем 50 кв. км.;

- разрешается осуществление портовой деятельности и (или) строительства, реконструкции и эксплуатации объектов инфраструктуры морского порта, речного порта или аэропорта;

- располагаются вблизи к глобальным транзитным коридорам, позволяющим получить доступ к крайне востребованным поргово-логистическим услугам;

- резидентом является только коммерческая организация (кроме унитарного предприятия) и только ему разрешено осуществлять предпринимательскую деятельность.

По состоянию на 21 марта 2022 года действуют следующие 2 портовые ОЭЗ [18]:

- «Оля» (Астраханская область);
- «Ульяновск» (Ульяновская область).

Основные приоритеты деятельности портовых ОЭЗ – это перевалка международных и внутрироссийских грузов, создание перевалочного и логистического бизнеса, встраивание в крупные транспортные артерии.

По состоянию на 21 марта 2022 года согласно отчетным и аналитическим материалам Министерства экономического развития РФ резидентами ПОЭЗ являлись 44 компании, которыми создано 859 рабочих мест, осуществлено 9,46 млрд. рублей инвестиций, объем выручки составил 7,97 млрд. рублей, уплачено 991 млрд. рублей налоговых, таможенных отчислений и отчислений в государственные внебюджетные фонды [18].

Итогами деятельности ОЭЗ в Российской Федерации согласно отчетным и аналитическим материалам Министерства экономического развития РФ за последние 40 лет начиная с 1980 года по настоящее время, в т.ч. за 17 лет, начиная с 2005 года, с начала принятия федерального закона от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» являются [14]:

- создано 45 ОЭЗ в преимущественно в центральных, западных, юго-западных и северо-западных регионах страны, кроме северных территорий России, где не создано ни одного ОЭЗ, в том числе в Республике Саха (Якутия), а в регионах Дальнего Востока всего -1;

- в 45 ОЭЗ осуществляют свою предпринимательскую деятельность 993 резидента, в том числе 140 компаний привлекли иностранный капитал из 42 государств, 9 ОЭЗ созданы в течение 2020–2021 годов [18];

- вложено 738 млрд. руб. инвестиций из заявленных 1,64 трлн. руб. инвестиций, что составило 45% от запланированных объемов;

- создано более 57800 новых рабочих мест;
- уплачено в бюджеты и страховые фонды порядка 295 млрд. руб. налоговых платежей, таможенных отчислений и страховых взносов [18].

- за этот период накоплен достаточно богатый опыт управленческих, социальных и экономических достижений.

Существующие проблемы функционирования особых экономических зон в РФ и их нормативно-правовых основ.

Несмотря на успешность ОЭЗ с 2005 года и оценку эффективности их реализации выявлены также существующие проблемы функционирования особых экономических зон в РФ и их нормативно-правовых основ:

Особого внимания заслуживают следующие недостатки и проблемы:

1. В результате проведенного анализа опыта практической реализации нормативно-правовых актов РФ по созданию и функционированию особых экономических зон, а также на основании итоговых результатов выявления эффективной деятельности резидентов в ОЭЗ согласно официальным отчетным материалам Министерства экономического развития РФ прорывного и устойчивого развития ОЭЗ и их ожидаемой экономической и социальной эффективности за 17 лет не получилось;

2. Нет результатов оценки их влияния на рост ВРП и ВВП страны, эффективности вложенных в развитие инвестиций, создания запланированных новых рабочих мест, получения в бюджеты налоговых доходов и страховых взносов;

3. Всего одна ОЭЗ была создана в Дальневосточном федеральном округе РФ — это комплексная ОЭЗ в Магаданской области, хотя ускоренное развитие Дальнего Востока имеет огромное значение для страны и играет важнейшую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

4. Также несмотря на вышеперечисленные положительные результаты деятельности ОЭЗ, обращают внимание следующие результаты анализа и аудита широкого спектра аналитиков, ведомств, аудиторов Счетной палаты РФ и контрольного управления при Президенте РФ:

а) согласно заключению аудиторов Счетной палаты РФ во 2 квартале 2020 г. за период 2014-2019 гг. из бюджетов трех уровней бюджетной системы РФ ОЭЗ было израсходовано 157 млрд руб., а результаты деятельности были зафиксированы лишь у единиц, в т.ч. основной объем выручки (83%) приходится на 5 ОЭЗ, как «Алабуга», «Технополис», «Липецк», «Дубна», ОЭЗ «Санкт-Петербург» из общего числа ОЭЗ;

б) на начало 2019 г. из 22000 запланированных новых рабочих мест было создано около 13000, что составило 59% и их создали лишь 4 ОЭЗ;

в) за период 2005-2016 гг. в 7 из 9 ОЭЗ туристического кластера не осуществлялась деятельность и не было зарегистрировано ни одного резидента, что было обусловлено проблематикой правового регулирования земельно-имущественных отношений, хотя средства из федерального бюджета были выделены. В связи с этим, в 2016 году правительством РФ было принято решение о закрытии 4 из 9 ОЭЗ в республиках Северная Осетия (Алания) и Адыгея, в Ставропольском и Краснодарском крае.

5. Ограничение минимального уровня привлекаемых инвестиций, сфер деятельности и площадей для промышленно-производственных типа ОЭЗ, недостаточный уровень привлекаемых инвестиций.

6. Не совершенство законодательства по основам создания ОЭЗ, что только принимает решение об их создании высший исполнительный орган в РФ - Правительство РФ, а не совместно принимает решение с регионами, согласованное с будущими резидентами.

Экономическое обоснование создания ОЭЗ в территориях РФ и предложение по изменению ее законодательной основы.

В целях эффективного и ускоренного развития территорий Дальнего Востока и Арктики, в том числе Республики Саха (Якутия) с их богатым природно-ресурсным, энергетическим и производственным потенциалом необходимо принятие новых механизмов создания территорий с особыми экономическими условиями для экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Перспективные инвестиционные проекты развития производительных сил, транспорта и экономики субъектов Российской Федерации на Дальнем Востоке и в Арктике, разработанные на государственном уровне и согласованные в Правительстве Российской Федерации с 2007 года не смогли реализоваться в связи с тем, что не хватало финансовых средств на строительство объектов, требующих огромных капиталовложений, например, на строительство крупнейшего мега-проекта по созданию железнорудного и металлургического гиганта по производству стали и его сплавов, а также для его запуска и эксплуатации, строительство Южно-Якутского гидроэнергетического каскада по производству дешевой электроэнергии на гидроресурсах северных рек Учур и Тимптон.

Следовательно, в регионах Дальнего Востока целесообразно и экономически обосновано развитие добывающих и новых перерабатывающих отраслей, строительство ГЭС как инфраструктурной отрасли для обеспечения электро- и теплоэнергией. В связи с этим, предлагается создать ОЭЗ промышленно-производственного типа и снять ограничение предоставляемых площадей для промышленно-производственных зон на территории республики в целях привлечения внешних и внутренних инвестиций.

На неоднократные предложения со стороны Правительства Республики Саха (Якутия) на территории Южной Якутии создать ОЭЗ не нашли поддержки в лице Правительства РФ, и поэтому до сих пор не создано ни одного ОЭЗ и даже только один ОЭЗ был создан еще в 1999 году в Магаданской области.

И несмотря на существующие условия создания ОЭЗ, на льготные налоговые режимы ведения предпринимательской деятельности и на льготное административное сопровождение ОЭЗ, данные механизмы оказались недостаточно эффективными для устойчивого, полноценного развития территорий регионов РФ, так как действующее федеральное законодательство о создании особых экономических зон не предусматривает эффективного механизма совместного создания ОЭЗ.

На федеральном и на региональном уровнях создание, реализация и развитие ОЭЗ на территориях РФ, в т.ч. в муниципальных образованиях регионов рассматривается в качестве значимого и действенного инструмента привлечения инвестиций для развития экономики территорий, поэтому необходимы совместные обоснованные принятие решения о создании ОЭЗ на уровне Правительства РФ, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и исполнительного органа муниципального образования путем принятия соглашения между Правительством РФ, субъектом РФ и муниципальным образованием.

Следовательно, в регионах Дальнего Востока целесообразно и экономически обосновано развитие новых перерабатывающих и обрабатывающих инновационных отраслей; передовых технологий науки и производства; информационных и цифровых технологий и систем; строительство и реконструкция производственной, энергетической и транспортной инфраструктуры и для обеспечения развития человеческого капитала и роста уровня благосостояния населения. В связи с этим, предлагается создать ОЭЗ промышленно-производственного, технико-внедренческого и туристско-рекреационного типов и снять ограничение предоставляемых площадей для промышленно-производственных зон на территории республики в целях привлечения реальных инвестиций для реализации инвестиционных проектов.

В связи с этим, предлагаю внести правовую инициативу, которое обеспечит стабильное долгосрочное развитие регионов:

1. Внести изменения в статью 6 в п. 1. Федерального закона от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» по совместно созданию Правительством Российской Федерации, субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием особой экономической зоны на территории муниципального образования или территориях муниципальных образований субъектов Российской Федерации и изложить в следующей редакции:

«п. 1. Решение о создании особой экономической зоны в территории муниципального образования субъекта Российской Федерации или в территориях муниципальных образований субъектов Российской Федерации принимается Правительством Российской Федерации, субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием» оформляется соглашением между Правительством Российской Федерации, субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием».

2. Дополнит новым абзацем п. 1, статьи 6 «Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления» Федерального закона от 06.10.03 г. № 131-ФЗ (в редакции от 14.04.22 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» в следующей редакции:

«правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления наделены федеральным законом Российской Федерации в порядке, установленном насто-

ящим Федеральным законом от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особой экономической зоне».

Практическая значимость проекта заключается в эффективности совместного создания ОЭЗ в территориях РФ приведет к выполнению стратегической цели прорывного и устойчивого развития национальной экономики, социальной сферы и населения на местах, которые возложены на федеральные, региональные и муниципальные исполнительные органы государственной власти.

В результате проведенного исследования проведен: анализ основных этапов развития ОЭЗ в РФ и их законодательных основ; рассмотрены четыре типа ОЭЗ (промышленно-производственный, технико-внедренческий, туристско-рекреационный и портовой), в том числе основные направления их деятельности и проведена оценка эффективности реализации данных типов ОЭЗ и итоговой деятельности всех ОЭЗ в регионах; выявлены недостатки создания ОЭЗ на практике и ее законодательной основы, а именно принятие окончательного решения о создании ОЭЗ только Правительством РФ на основании рассмотрения заявок региональных властей совместно с органами местного самоуправления; проведено экономическое обоснование принятия решения совместного создания ОЭЗ в территориях РФ Правительством РФ и исполнительным органом государственной власти в регионе или исполнительными органами государственной власти регионов путем принятия соглашений между Правительством РФ и субъектом РФ или субъектами РФ; разработано предложение по изменению законодательной основы по созданию ОЭЗ и определена эффективность предлагаемой законодательной инициативы для устойчивого развития экономики РФ и ее регионов за счет реализации льготных налоговых и управленческих механизмов развития ОЭЗ.

Пристатейный библиографический список

1. Таможенный кодекс Российской Федерации (от 18.06.93 № 5221). — Первоначальная редакция ТК РФ 1993 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_624/.
2. Закон СССР от 10.04.90 г. № 1421-1 «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2978#app%20JTAh9NdDHPa1>.
3. Закон РСФСР от 04.07.1991 № 1545-1 (ред. от 10.02.1999) «Об иностранных инвестициях в РСФСР». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102/.
4. Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 13.10.1995 № 157-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8043/.
5. Федеральный закон от 22.01.1996 г. № 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://duma.consultant.ru/documents/1157470?items=1&page=14>.
6. Федеральный закон РФ от 31.05.1999 № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23257/.
7. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Российская газета. - 2005. - № 3831. - 27 июля.
8. Указ Президента РФ от 04.06.1992 № 548 (ред. от 29.08.2001) «О некоторых мерах по развитию свободных экономических зон (СЭЗ) на территории Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_539/.
9. Указ Президента СССР от 26.10.90 г. № УП-942 «Об иностранных инвестициях в СССР. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3589#wTKzJTHCa5DRg28>.
10. Постановление Верховного Совета РСФСР от 14.07.90 № 105-1 «Об основных принципах осуществления внешнеэкономической деятельности РСФСР. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=29072>.
11. Постановление Верховного Совета РСФСР от 13.09.90 г. № 165-1 «О создании зон свободного предпринимательства» (прекратило действие). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/10101124/>.
12. Постановлении Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2012 г. № 398 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны» (ред. от 15.07.2021). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129114/.
13. Баронов В. И. Свободные экономические и офшорные зоны (экономико-правовые вопросы зарубежной и российской практики): Уч. пос. / В. И. Баронов, Г. М. Костюнина. - М.: Магистр: НИЦ ИНФРА-М, 2018. - 560 с.
14. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России, 2020. Выпуск 4 / А. Н. Андреев, М. М. Бухарова, Л. В. Данилов, В. И. Зверков, Е. А. Кашинова, Е. И. Кравченко, М. А. Лабудин, М. А. Махаева, А. В. Телба, А. Г. Шипугин, А. В. Шпиленко; редакционная коллегия: А. В. Шпиленко (ответственный редактор), В. И. Зверков, А. Н. Козловский; Ассоциация развития кластеров и технопарков России. - Москва: АКИТ РФ, 2020. - 203 с.
15. Калман Калотай. Особые экономические зоны и стимулирование инвестиций: международный опыт // Пленарные конференции МАЭФ-2019. Труды ВЭО России, 218 том. С. 297-307.
16. Кацман Ф. М. Особые экономические зоны // Экономика и финансы. Журнал «Транспорт Российской Федерации». - 2007. - № 8. - С. 22-26.
17. Нилов К. Н. Правовой режим свободных (особых) экономических зон в России и Европе // Журнал ВСЯ ЕВРОПА. - 2007.- № 10 (15).
18. Официальный сайт Минэкономразвития России. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-61745 от 30 апреля 2015 г.
19. Павлов П. В. Правовые аспекты и исторические предпосылки создания института особых экономических зон в Российской Федерации // Российское законодательство: состояние и проблемы. Журнал российского права. - 2008. - № 8. - С. 49-60.
20. Плотникова А. П. Сравнительно-географическая характеристика комплексных ОЭЗ/СЭЗ в России и их влияние на экономику региона // Экономическая, социальная и политическая география. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. - 2022. - № 1. - С. 57-72.
21. Полякова В. Э., Зыкова Е. В. Историко-правовые аспекты развития института особых экономических зон в Российской Федерации и зарубежных странах // Актуальные проблемы правоведения. Международная научная конференция, посвященная Дню принятия Конституции Российской Федерации. - Псков, 2020. - С. 243-251.

АЛИБЕКОВА Альбина Муртазалиевна

магистрант кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского государственного университета

АБДУЛЛАЕВ Рамазан Мустангерович

преподаватель кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

В последние десятилетия информационные и цифровые технологии активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека и сфера образования не является исключением. Искусственный интеллект, Интернет, интернет-сервисы и т.д., без них жизнедеятельность обычного подростка уже не представляется возможной. Цифровизация активно проникает в область образовательных отношений, в которых основным субъектом выступает несовершеннолетний гражданин. Поскольку дети являются наиболее незащищенными категориями граждан, возникает необходимость обеспечения их информационной безопасности в данных условиях. На примере Республики Дагестан авторы характеризуют комплекс государственных мер по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, информационная безопасность, образовательный процесс, информационные технологии, вредоносная информация.

ALIBEKOVA Albina Murtazalievna

magister student of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

ABDULLAEV Ramazan Mustangerovich

Lecturer of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

SOME ISSUES OF ENSURING THE INFORMATION SECURITY OF MINORS IN THE EDUCATIONAL PROCESS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

In recent decades, information and digital technologies have been actively introduced into all spheres of human activity and the field of education is no exception. Artificial intelligence, the Internet, Internet services, etc., without them, the life activity of an ordinary teenager is no longer possible. Digitalization is actively penetrating into the field of educational relations, in which the main subject is a minor citizen, since children are the most vulnerable categories of citizens, there is a need to ensure their information security in these conditions. Using the example of the Republic of Dagestan, the authors characterize a set of state measures to ensure the information security of minors.

Keywords: minors, information security, educational process, information technology, malicious information.

Школьные годы являются важнейшим этапом в жизни каждого индивида. Как известно, именно школа является одним из агентов первичной социализации человека. На протяжении 9-11 лет ребенок проводит в школьной среде, где он познает окружающий мир, учится общаться, коммуницировать, выстраивать межличностные отношения и приобретает социально-полезные качества. Во многом именно от школы зависит то, каким станет ребенок [1, с. 71].

Государство, как субъект ответственный за формирование и реализацию образовательной политики, должно принимать меры по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних в период их пребывания в образовательных организациях всех уровней и типов [2, с. 165].

Рассмотрим на примере Республики Дагестан основные направления государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних.

В соответствии с принципом разделения властей и структурой органов исполнительной власти Республики Дагестан, утвержденной Указом Главы Республики Дагестан от 27 февраля 2022 г. № 19¹, органом, осуществляющим функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, управлению и контролю в сфере образования и науки в Республике Дагестан, является Министерство образования и науки Республики Дагестан.

Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних выступает в качестве приоритетнейшего направления деятельности Минобрнауки РД, ввиду того, что с каждым годом степень интеграции цифровых технологий и образовательной среды только увеличивается.

Так, с целью ориентации образовательных организаций на принятие дополнительных мер по обеспечению проведения разъяснительной работы среди педагогов по повышению компетентности в части распознавания актуальных признаков деструктивного поведения у обучающихся, а также актуализации навыков безопасного поведения несовершеннолетних в цифровой среде Минобрнауки РД в адрес муниципальных органов управления образованием регулярно направляются письма о проведении совещаний для руководителей органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования.

В целях повышения эффективности деятельности по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию в Республике Дагестан утвержден «Перечень мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей, производство информационной продукции для детей и оборот информационной продукции в Республике Дагестан, на 2022-2027 годы»².

1 Указ Главы Республики Дагестан от 27 февраля 2022 г. № 19 «О структуре органов исполнительной власти Республики Дагестан» // Официальный интернет-портал правовой информации, 2022, 1 марта, № 0500202203010002.

2 Постановление Правительства Республики Дагестан от 29 июня 2022 г. № 198 «Об утверждении Перечня мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей, производство информационной продукции для детей и оборот информационной продукции в Республике Дагестан, на 2022-

Согласно пункту 2 перечня мероприятий и в целях обеспечения ограничения доступа несовершеннолетних к незаконному и негативному контенту информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» Минобрнауки РД в мае 2022 года в образовательных организациях проведен мониторинг наличия систем контент-фильтрации в общеобразовательных организациях и образовательных организациях среднего профессионального образования. По данным мониторинга общее количество компьютеров в образовательных организациях – 46 280. Из них: используются для образовательных целей – 39 308, имеют доступ к сети «Интернет» – 23 741. Из количества компьютеров, имеющих доступ к сети «Интернет», в 22 067 (92,9 %) установлены системы контентной фильтрации.

В рамках реализации пункта 15 перечня мероприятий Минобрнауки РД рекомендовано ГБУ ДПО РД «Дагестанский институт развития образования» ввести модули по вопросам обеспечения информационной безопасности, обучающихся в программы повышения квалификации работников образовательных организаций.

В целях обеспечения информационно-психологической безопасности молодежи, повышения их цифровой компетентности, и недопущения вовлечения молодежи в противоправную деятельность, через информационные ресурсы сети «Интернет», в республике разработан и реализуется просветительский проект «ИнтернетБЕЗОпасности» (далее – Проект). В рамках Проекта в образовательных организациях республики проводятся семинары. В ходе семинаров участникам рассказывают о правилах безопасного поведения в сети «Интернет», как нужно обезопасить себя от нежелательных контактов, как бороться с кибербуллингом, а также знакомят с понятиями «цифровая репутация» и «сетевой этикет» [3, с. 108].

Проект реализуется совместно с представителями заинтересованных органов исполнительной власти, общественных объединений, таких, как АОО «Патриоты» и активистами просветительских проектов «Волонтеры Кибербезопасности» и «Стоп терроризм» с привлечением представителей МВД по РД и Муфтията Республики Дагестан.

Сложность и многофакторность воспитательного процесса требуют от субъектов воспитания постоянного повышения квалификации. С этой целью Минобрнауки РД для педагогов образовательных организаций на постоянной основе проводятся конференции, курсы повышения квалификации и методические семинары по вопросам воспитания.

Для повышения квалификации педагогов по вопросам профилактики негативного влияния информационных ресурсов на несовершеннолетних на базе ГБУ ДПО РД «Дагестанский институт развития образования» проведены курсы повышения квалификации «Планирование и организация деятельности по обеспечению информационной безопасности обучающихся в образовательной организации».

Кроме того, для организации профилактической работы образовательных организаций по вопросам, направленным на предупреждение рисков, влияющих на проявление социальной дезадаптации несовершеннолетних на базе ГБУ ДПО РД «Дагестанский институт развития образования» создана и функционирует «Лаборатория мониторинга и социально-психологических исследований в образовании».

С целью формирования комплексной системы по защите детей и подростков от воздействия негативной информации в цифровом пространстве в Республике Дагестан 21 июня 2022 г. подписано соглашение о взаимодействии между Министерством образования и науки Республики Дагестан и Автономной некоммерческой организацией «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды».

Очевидно, что меры по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних должны иметь комплексный характер и последовательно реализовываться, как органами государственной власти субъектов, так и федеральным центром.

В связи с этим, в целях создания безопасной цифровой образовательной среды Министерством просвещения Российской Федерации совместно с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ведётся работа по внедрению во всех субъектах Российской Федерации федеральной государственной информационной системы «Моя школа», которая включает в себя компоненты цифрового образовательного контента, инструменты коммуникаций, проведения конференций, облачного хранилища, электронного дневника-журнала и пр.

На фоне нестабильной политической обстановки, в условиях информационной войны, огромного массива фейковой информации, которая может отрицательно влиять на детей, необходимо ограничивать возможность использования несовершеннолетними социальных сетей и мессенджеров, так как в сети «Интернет» и иных открытых источниках возросло число публикаций, содержащих призывы к участию в незаконных массовых мероприятиях, протестных митингах, а также к совершению иных противоправных деяний [4, с. 121].

Целевой аудиторией их организаторов стали в основном жители Северокавказских республик России, в особенности дети и подростки, так как в силу своего возраста они наиболее уязвимы, внушаемы и подвержены влиянию извне. Помимо того, что участие несовершеннолетних в несанкционированных мероприятиях и массовых беспорядках представляют реальную угрозу их жизни и здоровью, оно также сопряжено с риском применения к ним мер административной и уголовной ответственности.

Таким образом, можно сделать вывод, что Интернет и иные цифровые технологии тесно вплетены в повседневную жизнь человека, в том числе и ребенка. Современный образовательный процесс немыслим без применения информационно-телекоммуникационных сетей и т.д., однако, стоит помнить, что, облегчая жизнь учителя и ученика, информационные сервисы могут таить в себе серьезную опасность. В виртуальной реальности родители и учителя порой теряют контроль над той информацией, которую потребляет несовершеннолетний.

Анализ государственной политики Республики Дагестан в области обеспечения информационной безопасности обучающихся показал, что государство активно борется с вредоносной информацией, негативно влияющей на сознание ребенка. Органами публичной власти федерального и регионального уровней проводится совместная работа по повышению квалификации педагогических работников по вопросам воспитания и в сфере цифровой грамотности, а также по принятию мер, ограничивающих доступ обучающихся к опасному контенту.

Пристатейный библиографический список

1. Сорокун П. В. Юридический аспект информационной безопасности несовершеннолетних в современной России // *Modern Science*. – 2021. – № 9-1. – С. 71-75.
2. Буданов С. А., Гаврилов С. Т. Информационная безопасность несовершеннолетних: правовой аспект // *Территория науки*. – 2015. – № 2. – С. 165-169.
3. Магдилова Л. В. Правовые основы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. – 2017. – № 3. – С. 104-108.
4. Голубых Н. В. Потанин К. В. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деятельность деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. – 2020. – № 4. – С. 121-124.

ИБРАГИМОВ Исмаил Нариманович

магистрант кафедры информационного права и информатики юридического института Дагестанского государственного университета

МАГДИЛОВА Лариса Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры информационного права и информатики юридического института Дагестанского государственного университета

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАПРЕТА О ПРОДАЖЕ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Статья посвящена вопросам привлечения к административной ответственности за продажу алкогольной продукции в информационно-коммуникационной сети «Интернет». В настоящее время законодательством запрещена продажа алкоголя дистанционным способом, однако правоприменительная практика свидетельствует о частом нарушении указанного запрета. В результате анализа норм Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также нормативных правовых актов в сфере оборота алкогольной продукции и практики их применения выявлено, что существует пробел в части регистрации информационных ресурсов, препятствующий установлению личности их владельцев в случае установления факта продажи посредством сети «Интернет» алкогольной продукции. В целях повышения эффективности мер борьбы с незаконным оборотом алкогольной продукции и привлечения к ответственности виновных лиц предлагается внести в действующее законодательство соответствующие изменения.

Ключевые слова: алкогольная продукция интернет, сайт, администратор доменного имени, административная ответственность.

IBRAGIMOV Ismail Narimanovich

magister student of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

MAGDILOVA Larisa Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Information law and informatics of the Institute of Law of the Dagestan State University

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF THE PROHIBITION ON THE SALE OF ALCOHOLIC BEVERAGES VIA THE INTERNET INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS NETWORK

The article is devoted to the issues of bringing to administrative responsibility for the sale of alcoholic beverages in the information and communication network "Internet". Currently, the law prohibits the sale of alcohol remotely, but law enforcement practice indicates a frequent violation of this prohibition. As a result of the analysis of the norms of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection", as well as regulatory legal acts in the sphere of alcohol turnover and the practice of their application, it was revealed that there is a gap in the registration of information resources that prevents the identification of their owners in case of establishing the fact of sale via the Internet of alcoholic products. In order to increase the effectiveness of measures to combat illicit trafficking in alcoholic beverages and bring to justice the perpetrators, it is proposed to make appropriate changes to the current legislation.

Keywords: alcoholic beverages, internet, website, domain name administrator, administrative responsibility.

Отличительной чертой Конституции Российской Федерации 1993 года является ее явно выраженный антропоцентрический характер. Идея о человеке и его правах как о высшей ценности получила широкое распространение и стала проецироваться во сферы общественной жизни. Принципиальное значение в рамках настоящего исследования имеет содержание пункта 4 статьи 29 Основного закона РФ, в котором провозглашается право на свободные поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом [1, с. 238].

Весь процесс жизнедеятельности индивидов и общества в целом сопровождается реализацией указанного права, потому как любое взаимодействие предполагает обмен информацией. Становясь пользователями сети Интернет, люди также сталкиваются с огромным количеством разнообразной информации коммерческой и некоммерческой, полезной и деструктивной, научной и публицистической и т.д. Не оспаривается и то, что в той или иной степени любая информация оказывает воздействие на своего потребителя [2, с. 161]. Это воздействие может быть положительное или негативное, его последствия могут иметь краткосрочный или долгосрочный характер и проявиться сразу после получения информации субъектом, либо спустя продолжительное вре-

мя. Государство не может игнорировать данный факт и относиться к нему безразлично, в связи с этим в действующем законодательстве имеются правовые положения, определяющие виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей¹, а также виды информации распространение которой запрещено в отношении всех возрастных групп населения.

В последние десятилетия информационные технологии активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека. О важности информационных технологий не раз говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин в посланиях Федеральному Собранию РФ, на различных совещаниях и форумах. Несомненно, использование результатов научно-технического прогресса гораздо упрощает многие управленческие процессы, оказание государственных и муниципальных услуг, да и в целом повседневную жизнь человека.

Особое значение информационные технологии приобрели в то время, когда мировое сообщество проживало не самые простые времена, вызванные пандемией коронавируса. Интернет-активность населения резко возросла, боль-

1 Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. - 2010. - № 297.

шинство покупок и расчетов стали осуществляться в онлайн режиме. Использование информационных технологий для электронной коммерции, коммуникации и подачи документов (исков, заявлений, жалоб) обеспечивают безопасность населения и минимизируют риски злоупотреблений.

Интернет стал неотъемлемым средством коммуникации и обмена информацией для всех участников общественных отношений, а также источником информации самого широкого спектра, в том числе информации, распространение которой запрещено законом.

Благодаря таким характеристикам Интернета, как анонимность, трансграничность, скорость распространения информации, сложность осуществления юридического контроля, по всему миру совершаются сотни тысяч правонарушений, причиняющие вред личности, обществу и государству.

На фоне указанных событий одним из основных направлений деятельности государства стала разработка и реализация мер по борьбе с вредоносной и деструктивной информацией, нарушающей права и законные интересы граждан и юридических лиц. С 2012 года в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» было внесено более 80 поправок, направленных на создание совершенствование механизма ограничения распространения информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», появились процедуры, допускающие блокировку Интернет-ресурсов во внесудебном порядке, расширился перечень информации, распространение которой запрещено, увеличилось и количество блокируемых информационных ресурсов.

Одним из оснований блокировки Интернет-ресурсов выступает размещение на сайте в сети Интернет информации, распространение которой запрещено законом. К таковой в том числе относится информация о продаже алкогольной продукции дистанционным способом.

Известный отечественный психиатр, невропатолог, физиолог, психолог – Владимир Михайлович Бехтерев говорил: «Алкоголизм является таким социальным злом, которое трудно вообще переоценить». Английский государственный деятель – Уильям Гладстоун полагал, что алкоголизм приносит гораздо больше вреда, чем голод, чума и война вместе взятые. Для российского государства проблема алкоголизма сохраняет свою актуальность на протяжении многих веков. Об алкоголизме говорят и пытаются с ним бороться посредством разнообразных мер, начиная от медицинских и заканчивая политическими [3, с. 595].

Вместе с тем, статистические показатели свидетельствуют о том, что ситуация с потреблением алкоголя в России остается плачевной. По данным, содержащимся в Докладе о демографической ситуации федерального проекта «Трезвая Россия», количество трудоспособных россиян, употребляющих алкоголь достигло 85 % (76 миллионов граждан), из которых 53 % употребляют алкоголь систематически не реже одного раза в неделю².

Действующим законодательством предусмотрен целый ряд мер, направленный на пресечение незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. К таковым можно отнести запрет на дистанционную продажу алкоголя, который одновременно может быть отнесен к числу правовых норм, составляющих правовую основу ограничения распространения информации в сети «Интернет».

В настоящее время Федеральным законом № 171-ФЗ установлен запрет на продажу алкогольной продукции дистанционным способом, а также на распространение информации, содержащей предложения о розничной продаже дистанционным способом алкогольной продукции, спирто-содержащей пищевой продукции, этилового спирта, спиртосодержащей непищевой продукции.

Однако, несмотря на установленный запрет, практика свидетельствует о существовании в Интернете множества сайтов, предлагающих приобрести алкогольную продукцию дистанционно. Существуют различные способы обхода данного запрета, о которых рассказывают сами продавцы алкогольной продукции [4, с. 141].

Выявить факт продажи алкоголя в Интернете очень сложно в силу опять-таки технических свойств самой сети и правил создания сайтов и доменов. Для проведения расследований по факту продажи алкогольной продукции в сети Интернет следственными органами осуществляются запросы для получения информации о пользователях, которым принадлежат доменные имена, необходимые для регистрации Интернет-сайтов.

Проблема заключается в том, что администратором домена могут быть предоставлены сведения, не соответствующие действительности или не относящиеся к реальному владельцу Интернет-страницы. Иными словами, при регистрации сайта лицо может представить вымышленные данные, либо данные другого человека, что в конечном счете делает поиск реального правонарушителя невозможным.

Иными словами, удаление нелегальной информации или блокировка Интернет-сайта являются лишь мерой пресечения уже совершенного противоправного деяния. Между тем, ввиду невозможности установления личности владельца информационного ресурса, привлечь к ответственности виновное лицо не представляется возможным, то есть принцип неотвратимости наказания в анализируемых случаях остается нереализованным. У правонарушителя возникает чувство безнаказанности, что способствует совершению еще большего количества правонарушений.

На наш взгляд, государство не должно ограничиваться лишь ограничением доступа к сайтам, на которых содержится информация, распространяемая с нарушением законодательства. Уполномоченные органы должны стремиться к повышению раскрываемости совершаемых противозаконных деяний и установлению личности правонарушителей. Между тем, существующий порядок регистрации информационных ресурсов не обязывает граждан указывать свои реальные паспортные данные, позволяющие их идентифицировать в случае совершения правонарушения.

Изложенное свидетельствует о том, что процесс регистрации доменных имен нуждается в более детальной регламентации и доработке. Считаем возможным внести в действующее законодательство изменения, в соответствии с которыми регистрация Интернет-ресурсов будет осуществляться только при условии предоставления документов, удостоверяющих личность администратора доменного имени.

Пристатейный библиографический список

1. Батов В. А. Право на информацию и право на доступ к информации в сети интернет: пределы свободы и ограничений // Молодые исследователи - регион: материалы Международной научной конференции: в 3 томах, Вологда, 23–24 апреля 2019 года. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2019. – С. 238-240.
2. Шевцова А. А., Дейнекина В. М. Анализ влияния средств массовой информации на личность // Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – № 12-4. – С. 161-163.
3. Мугдусян Н. С. Административная ответственность за продажу алкогольной продукции в сети «Интернет» // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 7. – С. 595-598.
4. Супонина, Е. А. О перспективах административной ответственности за дистанционную торговлю алкогольной продукцией // Инновационная наука. – 2016. – № 1-3. – С. 141-143.

² Доклад о демографической ситуации в Российской Федерации 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trezvos.ru/calendar/954>.

САДЫКОВА Амина Абдулнасировна

магистрант кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского государственного университета

МЕДЖИДОВА Хава Сайдалиевна

старший преподаватель кафедры информационного права и информатики юридического института Дагестанского государственного университета

КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ С ОГРАНИЧЕННЫМ ДОСТУПОМ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации провозгласила Россию демократическим правовым государством, в котором равным образом признаются и охраняются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, а также провозглашаются свобода рыночных отношений и свобода предпринимательской деятельности. Формирование рыночной экономической системы невозможно в условиях отсутствия достаточной нормативно-правовой базы по обеспечению свободной конкуренции хозяйствующих субъектов. Коммерческая тайна выступает одним из инструментов, используя который, субъекты предпринимательской деятельности могут повысить свою конкурентоспособность, добиться оптимизации производства, увеличить доходы или уменьшить расходы. В настоящей статье приведен анализ понятия «коммерческая тайна» и рассмотрены отдельные аспекты ее классификации.

Ключевые слова: коммерческая тайна, информация с ограниченным доступом, конфиденциальность, режим коммерческой тайны, разглашение.

SADYKOVA Amina Abdulnasirovna

magister student of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

MEDZHIDOVA Khava Saydalievna

senior lecturer of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

TRADE SECRET AS A TYPE OF INFORMATION WITH LIMITED ACCESS: SOME ASPECTS OF CLASSIFICATION

The Constitution of the Russian Federation adopted in 1993 proclaimed Russia a democratic State governed by the rule of law, in which private, State, municipal and other forms of ownership are equally recognized and protected, as well as freedom of market relations and freedom of entrepreneurial activity are proclaimed. The formation of a market economic system is impossible in the absence of a sufficient regulatory framework to ensure free competition of economic entities. A trade secret is one of the tools using which business entities can increase their competitiveness, achieve production optimization, increase revenues or reduce costs. This article analyzes the concept of "trade secret" and considers some aspects of its classification.

Keywords: trade secret, restricted access information, confidentiality, trade secret regime, disclosure.

Статьей 8 Конституции РФ был официально оформлен переход от социализма к капитализму. В основу нового экономического строя были положены принципы финансового самоопределения и рыночной экономики, характеризующейся признанием и охраной всех форм собственности, свободой предпринимательской деятельности, защитой конкуренции и минимальным вмешательством государства в экономические процессы.

Важнейшей гарантией реализации указанных конституционных положений является право на свободу предпринимательства, а также свободное использование своих способностей (ст. 34). В данном контексте коммерческая тайна выступает одним из наиболее эффективных инструментов защиты предпринимательской инициативы. Даже несмотря на то, что информация больше не является объектом гражданских прав, она продолжает оставаться стратегическим ресурсом, от которого во многом зависит успешность деятельности предприятия.

Отечественное законодательство на сегодняшний день содержит множество нормативно-правовых актов прямо или косвенно затрагивающих вопросы регулирования и охраны коммерческой тайны, центральное место среди них занимает Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ¹ (далее – Закон).

Легальное определение понятия «коммерческая тайна» закреплено в статье 3 Закона, раскрывающей основные понятия, употребляемые в нем.

Под коммерческой тайной в российском законодательстве понимается «режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду». Соответственно, коммерческая тайна – это особый правовой режим, применяемый для охраны сведений, обладающих потенциальной коммерческой ценностью [1, с. 48].

Между тем, в Законе не указывается, что собой представляет такая категория, как правовой режим. Равным образом она используется в других нормативно-правовых актах, но содержание ее не раскрывается.

Общей теорией права также не выработан единый подход в вопросе трактовки понятия «правовой режим».

По мнению Морозовой Л. А., правовой режим есть нечто иное, как «результат регулирующего воздействия на общественные отношения систем (определенного набора) юридических средств, присущих конкретной отрасли права и обеспечивающих нормальное функционирование данного комплекса общественных отношений» [2, с. 123]. Аналогичной точки зрения придерживается и Горленко В. А. [3, с. 5].

Признавая, что правовой режим выступает результатом нормотворческой деятельности, Беляева Г. С. [4, с. 28] критикует Морозову Л. А. и Горленко В. А. за слишком ограниченное толкование понятия «правовой режим», указывая

¹ Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 09.03.2021).

при этом, что он призван обеспечить наступление желаемого социального эффекта» [5, с. 14], а не стать им.

Наиболее удачным, на наш взгляд, представляется определение правового режима в качестве «нормативного порядка регулирования на основе установленных и обеспеченных государством правовых средств, направленного на создание условий для удовлетворения интересов субъектов права, который выражается в специфике способов и гарантий его реализации и основывается на действии общих принципов, приводящих все его элементы в единую упорядоченную систему» [4, с. 30].

Справедливости ради, стоит отметить, что независимо от того посредством какого из предложенных подходов раскрывается содержание правового режима, применительно к коммерческой или иной охраняемой законом тайне, это означает, что правовой режим не тождественен той информации, для обеспечения конфиденциальности которой он используется.

Коммерческая тайна представляет собой сложную комплексную категорию, которая может быть классифицирована по различным основаниям.

Можно выделить следующие виды коммерчески ценных тайн:

- производственную (представляет собой сведения о действиях работников, необходимых для превращения ресурсов в готовую продукцию, включающих в себя производство и переработку различных видов сырья, строительство, оказание различных видов услуг);
- технологическую (сведения о способах и методах обработки материалов, изделий и т.д.);
- организационную;
- экономическую [6, с. 656].

Поскольку обязанность по неразглашению коммерческой тайны может быть предусмотрена как трудовым, так и гражданско-правовым договором, коммерческую тайну можно дифференцировать на охраняемую трудовым законодательством и охраняемую нормами гражданского права.

В основу классификации коммерческой тайны может быть положен ее правообладатель. Так, коммерческая тайна может принадлежать лицу, являющемуся ее первоначальным обладателем, либо лицу, к которому право на ее использование перешло по предусмотренным законом основаниям.

Сарин С. В., в качестве подвидов коммерческой тайны называет адвокатскую, налоговую, банковскую, врачебную, аудиторскую, нотариальную и иные виды тайн.

Позволим себе не согласиться с предложенной классификацией. Анализ законодательства относительного каждого из перечисленных видов тайн показал, что все эти сведения становятся известными определенным должностным лицам в силу осуществления ими своих профессиональных обязанностей. Сведения, составляющие врачебную тайну, не имеют коммерческой ценности и не соответствуют признакам, которыми должна обладать информация, составляющая коммерческую тайну.

Кроме того, нами подчеркивалось, что ее обязательным признаком является факт установления правообладателем режима коммерческой тайны, а пациент или клиент банка, являющиеся субъектами врачебной и банковской тайны, не предпринимают никаких мер по их охране. Профессиональные тайны охраняются законом автоматически, без субсидиарных действий со стороны заинтересованных лиц, а в случае нарушения правового режима их охраны будут применяться меры ответственности, отличные от тех, что предусмотрены ФЗ о коммерческой тайне.

Более того, в некоторых случаях разглашение врачебной тайны может бы признано не существенным. Данный тезис нашел отражение в правовой позиции Конституционного Суда РФ².

Из содержания жалобы следует, что заявительница, работая врачом, обнаружила факт злоупотребления со стороны руководства больницы, об этом она сообщила в прокуратуру. Для убедительности Федосеева Р. Л. приложила к заявлению выписки из медицинских документов пациентов, подтверждающие доводы, содержащиеся в заявлении, после чего была уволена за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей, выразившееся в разглашении охраняемой законом тайны.

Гражданка Федосеева Р. Л. посчитала, что ч. 1 ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» нарушает ее конституционные права на свободу слова и на обращение в органы государственной власти.

Суд отказал в принятии жалобы, но при этом он указал, что «разглашение врачебной тайны, допущенное при обращении в орган власти, если это обращение имеет целью получения содействия по реализации прав и свобод граждан, не является существенным нарушением лишь только из-за возможного риска причинения вреда правам пациентов, чьи «тайные» сведения раскрыты в обращении».

Данный вывод КС РФ неприменим к коммерческой тайне, поскольку любое ее разглашение приводит к тому, что информация перестает быть конфиденциальной, а следовательно, прекращается ее правовая охрана, что в конечном счете может повлечь причинение убытков правообладателю.

Несомненно, адвокату, банковским служащим, аудиторам и нотариусам могут стать известны сведения, составляющие коммерческую тайну, но это не значит, что ими исчерпывается содержание соответствующих видов тайн.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что коммерческая тайна может быть классифицирована по различным основаниям, но при этом ее разновидностями не являются адвокатская, аудиторская, банковская, врачебная и налоговая тайны, которые можно охарактеризовать, как профессиональные тайны, имеющие иной правовой режим.

Пристатейный библиографический список

1. Ларин И. П. Анализ правового понятия «коммерческая тайна» и правовой значимости // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 3А. – С. 45-51.
2. Морозова Л. А. Конституционное регулирование в СССР. – М., 1985. – 143 с.
3. Горленко В. А. Режим правового регулирования (теоретико-прикладной аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 258 с.
4. Беляева Г. С. Понятие правового режима в теории права: основные подходы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 85. – С. 26-31.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: понятие и виды // Право и политика: современные проблемы соотношения и развития. – Воронеж, 1996. – С. 6-29.
6. Яркина Н. А., Мельникова Л. А. Понятие, сущность и виды коммерческой тайны в деятельности организации // Экономика и управление: вызовы, проблемы, перспективы: Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции преподавателей и студентов, Москва, 24 апреля 2020 года. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. – С. 655-660.

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Федосеевой Риммы Леонидовны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2020 г. № 540-О.

АДИЛОВ Заур Адилевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

В статье рассмотрены отдельные проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за террористический акт. Изучены и подвергнуты критическому анализу конструктивные признаки составов статьи 205 УК РФ. Обосновывается необходимость пересмотра основного непосредственного объекта данного преступления. Предлагается отграничить ответственность за угрозу совершения террористического акта от его совершения. Аргументируется необходимость в качестве конструктивного признака объективной стороны террористического акта рассматривать не только преступные действия, но и бездействие. Предлагается пересмотреть цели совершения террористического акта в действующей редакции исследуемой статьи.

Ключевые слова: уголовное право, терроризм, террористический акт, общественная безопасность, порядок управления, преступное деяние, специальный субъект преступления, цель преступления, неоконченное преступление, уголовная ответственность, уголовное наказание.

ADILOV Zaur Adilovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

PROBLEMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR A TERRORIST ACT IN THE LIGHT OF MODERN POLITICAL AND SOCIAL CHALLENGES

The article discusses some problems of legislative regulation of criminal liability for a terrorist act. The constructive features of the compositions of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation have been studied and critically analyzed. The necessity of revising the main direct object of this crime is substantiated. It is proposed to limit responsibility for the threat of committing a terrorist act from its commission. The necessity to consider not only criminal actions, but also inaction as a constructive sign of the objective side of a terrorist act is argued. It is proposed to revise the objectives of committing a terrorist act in the current version of the article under study.

Keywords: criminal law, terrorism, terrorist act, public safety, management procedure, criminal act, special subject of crime, purpose of crime, unfinished crime, criminal liability, criminal punishment.

В наше время легальное определение терроризма мы можем найти в Федеральном законе номер 35-ФЗ «О противодействии терроризму» с 6 марта 2006 года¹. В соответствии со статьей 3 ФЗ № 35 «Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий». При этом законодатель четко разграничивает понятия «терроризм» и «террористический акт». Последнее понятие является более узким и его следует рассматривать как часть и одно из проявлений более широкого понятия «терроризм», которое в своем широком содержании выходит за рамки правовой категории. Террористический акт является понятием уголовно-правовым и закреплено в составах ст. 205 УК РФ. Это не единственная уголовно-правовая норма, предусматривающая уголовную ответственность за проявления терроризма [1, с. 85].

Для четкого понимания необходимо проанализировать конструктивные признаки данного понятия, в ст. 205 УК РФ (Террористический акт)².

Прежде всего характеризую направленность преступного посягательства (объект преступления), следует отметить, что в соответствии с традиционными представлениями об объекте

террористического акта (закрепленного законодательно), в качестве основного непосредственного объекта принято рассматривать общественную безопасность [2, с. 105]. Обосновывается это тем, что преступление, предусмотренное этой нормой, посягает на широкий спектр интересов личности, общества и государства – то есть на общественную безопасность в целом.

Такая интерпретация направленности посягательства, предусмотренного ст. 205 УК РФ, нам представляется слишком широкой и не отражающей качественных его признаков, обусловленных его целями. В исследуемой норме конкретно закреплены цели террористического акта, которые связаны с дестабилизацией деятельности органов власти или международных организаций, либо оказанием воздействия на принятие ими решений. Иными словами, следует говорить о публичном характере указанных целей, что предполагает направленность террористического акта прежде всего на общественные отношения по защите интересов государства в сфере обеспечения надлежащего порядка управления. Такое публичное преступное посягательство может быть направлено непосредственно на публичные органы власти, либо на международные организации для достижения публичных результатов в сфере государственного, либо межгосударственного регулирования общественных отношений в сфере порядка управления.

Иными словами, публичный характер преступного воздействия в данном случае является ключевым: устрашение населения, применение общественно опасных способов совершения преступления средствами достижения основных публичных преступных результатов. Таким образом, общественная безопасность, жизнь, здоровье населения, собственность и т.п. следует рассматривать в качестве дополнительных объектов преступного посягательства.

Общественная безопасность ввиду своего многогранного содержания имеет достаточно широкое по объему содержание, о чем неоднократно указывалось в юридической литературе.

1 О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. 26.05.2021) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 07.09.2022).

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.09.2022).

Другим актуальным аспектом рассмотрения признаков терроризма является обоснованность включения в рамки одной части 1 ст. 205 УК РФ ответственности за совершение террористического акта и угрозу его совершения.

Преступные деяния, охваченные диспозицией исследуемой статьи, несомненно, характеризуются крайней степенью общественной опасности и заслуживают самой суровой меры ответственности за их совершение. Но совершение преступления и угроза его совершения с точки зрения юридической техники не могут быть поставлены в один ряд без надлежащей индивидуализации. Даже если эти угрозы подтверждены реальным намерением и возможностью к их реализации – речь следует вести о покушении на террористический акт. С точки зрения содержания норм Общей части УК РФ, которые являются основополагающими по отношению к нормам Особенной части – неоконченное посягательство следует рассматривать как смягчающее наказание и в соответствии с ч. 3 ст. 66 УК РФ не может повлечь полную меру ответственности в сравнении с оконченным преступлением. Если же рассматривать угрозу террористического акта в качестве оконченного преступного деяния, то ответственность за содеянный террористический акт следует выделить в отдельный самостоятельный состав преступления.

Угроза совершения террористического акта не может быть идентифицирована как террористический акт, она обладает меньшей степенью общественной опасности и соответственно у них должны быть различные санкции. Если провести параллель уголовной ответственности за убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ – от 6 до 15 лет лишения свободы), умышленным причинением вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 111 УК РФ – до 8 лет лишения свободы) с угрозой совершения таких преступлений (ч. 1 ст. 119 УК РФ – до 2 лет лишения свободы), то можем убедиться в оправданном подходе законодателя к дифференциации ответственности за подобные деяния в соответствии с принципом справедливости.

В качестве одного из решений обозначенной противоречивой ситуации мы видим в выделении ответственности за угрозу совершения террористического акта в ч. 1 ст. 205 УК РФ. Совершение террористического акта следует отграничить в ч. 1.1 ст. 205 УК РФ.

В абсолютном большинстве источников уголовно-правовой литературы указывается на то, что объективная сторона состава ст. 205 УК РФ включает в себя два вида поведения – действие или бездействие, а также выражается альтернативно в двух формах или альтернативных действиях. Однако исходя из буквального толкования диспозиции данной статьи, ответственность предусмотрена только за совершение преступных действий. Сложившаяся политическая ситуация обострения международных отношений России с некоторыми зарубежными странами в связи с проведением специальной военной операции нашего государства на территории Украины, Сирийской Арабской Республики и др. требует особого контроля и ответственности должностных лиц за совершаемые деяния, связанные с умышленным их участием в распространении террористической активности на территории Российской Федерации. Такое участие, как указывается в большинстве источников уголовно-правовой литературы, может проявляться как в форме активных действий, так и преступного бездействия. Однако использование в тексте статьи формулировки «или иных действий» предполагает, что данное преступление может быть совершено только в активной форме.

Пассивная форма совершения преступления характерна только для специального субъекта. В качестве такового в нормах УК РФ выделяется как правило должностное лицо. Как показывает анализ составов ст. 205 УК РФ должностное положение субъекта преступления никоим образом не выделено в качестве квалифицированного признака. Такое положение считаем не последовательным. Таким образом, конструктивные признаки действующей редакции составов ст. 205 УК РФ свидетельствуют, что террористический акт может быть совершен только в форме активных действий. Использование должностным лицом своих служебных полномочий при совершении преступления влечет его ответственность на общих основаниях наряду с общим субъектом. Даже при индивидуализации ответственности должностного лица, совершившего (или участвующего в совершении) террористического акта, его особый статус не может быть рассмотрен в качестве обстоятельство отягчающего наказания, как основания избрания более строгой меры наказания в пределах санкции соответствующей части ст. 205 УК РФ. В перечне обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных ст. 63 УК РФ, должностное положение виновного не предусмотрено в качестве одного из таковых. А, следовательно, суд не

может избрать более суровую меру ответственности по этому основанию. Отметим, что в иных преступлениях террористического характера совершение преступления с использованием служебного положения рассмотрено в качестве конструктивного признака квалифицированных составов. Так в ст. 205.1 УК РФ использование должностного положения при содействии террористической деятельности – является квалифицирующим признаком.

Мы считаем необходимым в диспозиции ст. 205 УК РФ вместо понятия «или иных действий» ввести в употребление понятие «или иных деяний» и выделить в особо квалифицированном составе ответственность за совершение террористического акта с использованием служебного или должностного положения. Таким образом будет обеспечена индивидуализация ответственности специального субъекта за совершение рассматриваемого преступления.

Характеризуя признаки субъективной стороны, следует отметить, что терроризм, прежде всего, является действием, и поэтому законодатель говорит про практику оказания преступного воздействия на принятие каких-либо публично значимых решений. Однако считаем, что целью такого воздействия может являться и удержание соответствующей инстанции от принятия определенных значимых решений, в тех ситуациях, когда принятие такого решения является необходимым с точки зрения обеспечения политической и социальной стабильности, экономической безопасности, обороноспособности и т.д. В современных условиях российской государственности своевременное принятие политических, социально-экономических и иных решений является жизненно важным. Воспрепятствование принятию таких решений посредством террористических угроз, с точки зрения действующей редакции ст. 205 УК РФ, оставлено без внимания. Актуальность такого понимания целеполаганий террористических деяний выявляется сегодня в условиях проведения специальной военной операции РФ на территории Украины.

Вследствие этого при определении целей террористического акта необходимо дополнить редакцию ст. 205 УК РФ формулировкой «или воздержания от принятия решения». Так как преступники могут быть заинтересованы в том, чтобы решения не были приняты.

На основании изложенного предлагаем предпринять следующие шаги:

1. Следует признать в качестве основного непосредственного объекта террористического акта – общественные отношения, посягающие на установленный порядок государственного управления. Вследствие этого пересмотреть обоснованность расположения данного состава в Главе 24 УК РФ.

2. Необходимо выделить в самостоятельный состав ответственность за угрозу совершения террористического акта (например, посредством выделения самостоятельной нормы об ответственности за совершенный террористический акт в квалифицированном составе ч. 1.1 ст. 205 УК РФ). Ответственность за угрозу совершения террористического акта сохранить в ч. 1 ст. 205 УК РФ.

3. В диспозиции ст. 205 УК РФ вместо понятия «или иных действий» ввести в употребление понятие «или иных деяний» и выделить в особо квалифицированном составе ответственность за совершение террористического акта с использованием служебного или должностного положения.

4. Внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 205 УК РФ путем указания формулировки «или воздержания от принятия решения». Так как преступники могут быть заинтересованы в том, чтобы решения не были приняты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в условиях особого внимания законодателя к ответственности за действия террористического характера и выделения значительного числа самостоятельных составов из действовавшей в первоначальной редакции ст. 205 УК РФ, существуют достаточно серьезные пробелы, что обуславливает актуальность более детального изучения данной нормы.

Пристатейный библиографический список

1. Жуков А. З. Современный подход к определению понятия терроризма: истоки и эволюция // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 85-87.
2. Очеретняя Р. Ю. Международный терроризм как угроза мировому порядку будущего и современного // Формирование нового мирового порядка в контексте современных вызовов и угроз. – 2019. – С. 103-107.

АЛЕКСЕЕВ Артем Михайлович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

СТУДНЕВ Александр Сергеевич

преподаватель кафедры ОРД и ОВД Краснодарского университета МВД России

МАРЧЕНКО Константин Сергеевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России

ПРОБЛЕМНЫЙ ВОПРОС, ВОЗНИКАЮЩИЙ ПРИ ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ

Взятничество является наиболее опасным коррупционным преступлением. Поскольку факты совершения взяточничества не только существенно нарушают права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества или государства, но и значительно подрывают авторитет государственных органов и органов местного самоуправления, вызывая недоверие граждан к государственным органам и органам местного самоуправления.

Факты взяточничества документируются соответствующими оперативными подразделениями, наделёнными полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности в рамках оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ и иными ведомственными нормативно-правовыми актами, регламентирующими оперативно-розыскную деятельность. Иных способов документирования взяточничества не существует.

К преступлениям, связанным со взяточничеством, относятся: а) получение взятки (ст. 290 УК РФ); б) дача взятки (ст. 291 УК РФ); в) посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ); г) мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ).

Ключевые слова: преступление, взятка, получение взятки, оперативные подразделения, посредничество во взяточничестве, взяткодатель, органы следственного комитета РФ, посредник.

ALEKSEEV Artem Mikhailovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

STUDNEV Alexander Sergeevich

lecturer of Internal affairs and internal affairs sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

MARCHENKO Konstantin Sergeevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia

A PROBLEMATIC ISSUE THAT ARISES WHEN DOCUMENTING CRIMES RELATED TO BRIBERY

Bribery is the most dangerous corruption crime. Since the facts of committing bribery not only significantly violate the rights and legitimate interests of citizens or organizations or the legally protected interests of society or the state, but also significantly undermine the authority of state bodies and local governments, causing distrust of citizens in state bodies and local governments.

The facts of bribery are documented by the relevant operational units empowered to carry out operational-search activities, within the framework of operational-search activities, in accordance with the Federal Law "On operational-search activities" dated 12.08.1995 No. 144-FZ and other departmental regulatory and legal acts regulating the operational-search activity. There is no other way to document bribery.

Bribery-related crimes include: a) receiving a bribe (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation); b) giving a bribe (Article 291 of the Criminal Code of the Russian Federation); c) mediation in bribery (Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation); d) petty bribery (Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: crime, bribe, taking a bribe, operational units, mediation in bribery, bribe giver, bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, intermediary.

Документирование фактов взяточничества начинается с момента, когда физическое лицо, либо представитель юридического лица обратилось с заявлением в орган Следственного комитета Российской Федерации о том, что у него должностное лицо требует передачи ему лично, либо через посредника взятки в виде денег, либо иных материальных ценностей, за совершение незаконных действий в пользу взяткодателя, либо за совершение действий (бездействий) входящих в должностные полномочия должностного лица (взяткополучателя), либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействиям), а равно за общее покровительство и попустительство по службе. Поскольку органы следствия не уполномочены на проведение ОРМ, в адрес оперативных служб, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ направляют поручение на проведение ОРМ. С этого момента, фактически указанным заявлением занимаются оперативные службы в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ и иными ведомственными нормативно-правовыми актами, регламентирующими оперативно-розыскную деятельность. Органы Следственного комитета Российской Федерации в деятельность оперативных служб и в целом в исполнение поручения не вмешива-

ются до момента задержания взяткополучателя, либо лица, выступающего в качестве посредника.

После получения поручения на проведение ОРМ, оперативными службами инициируется непосредственное проведение ОРМ. На данном этапе, сотрудникам оперативных служб необходимо понимать, что между выявлением в отношении должностного лица факта получения взятки и совершением провокации самими сотрудниками оперативных служб, тонкая грань. При проведении ОРМ, недопустимо какими-либо способами провоцировать, подстрекать на совершение преступления лицо, в отношении которого проводится ОРМ.

Далее, необходимо удостовериться о том, какую сумму взятки требует должностное лицо, для того чтобы понимать какое именно необходимо провести ОРМ. Так как, проведение оперативно-розыскного мероприятия «Оперативный эксперимент» допускается только по преступлениям средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления. В случае если сумма взятки, не превышает 10 000 рублей, то преступление будет квалифицировано по ст. 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество), относящееся к категории преступлений небольшой тяжести. В таком случае проведение оперативно-розыскного мероприятия «Оперативный эксперимент»

не допустимо и надлежит документировать факт получения взятки в рамках оперативно-розыскного мероприятия «Наблюдение».

Также, перед проведением оперативно-розыскного мероприятия, необходимо выяснить механизм получения взятки должностным лицом, то есть как он планирует это совершить, выяснить конкретно за какие действия (бездействия). Для этого необходимо инициировать диалог между взяткодателем и взяткополучателем, при этом осуществить аудио-видеофиксацию диалога, без уведомления взяткополучателя о проведении аудио-видеофиксации, которые в последующем будут использованы в качестве доказательной базы [1, с. 440].

Перед диалогом необходимо проинструктировать взяткодателя, о недопустимости совершения провокационных действий. То есть, самое основное, он не должен быть инициатором темы о передачи взятки. Взяткополучатель сам должен обозначить свои требования. Ситуации бывают различными, поэтому в зависимости от ситуации необходимо строить диалог.

После того, как взяткополучатель в ходе диалога обозначил свои требования, взяткодатель необходимо выяснить, что конкретно в его пользу сделает должностное лицо, отчётливо задать вопрос: я вам передам деньги, вы точно мне поможете?

Далее, если стало известно о том, что преступление, в зависимости от суммы взятки будет как минимум средней тяжести, инициируется проведение оперативно-розыскного мероприятия «Оперативный эксперимент», которое проводится на основании постановления, утверждённого руководителем уполномоченным на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Взяткополучатель чётко инструктируется о недопущении провокационных действий, ему доводится информация о том, что такое оперативный эксперимент, что это ОРМ, в котором создаётся ситуация максимально приближенная к реальности, под контролем оперативных сотрудников, но проверяемое лицо, должно само решить совершать преступление или нет и ни при каких обстоятельствах не должно подвергаться подстрекательству и провокации, что если проверяемое лицо откажется от совершения преступления, не нужно его в этом убеждать и на этом завершить ОРМ.

В ходе ОРМ «Оперативный эксперимент» задерживается должностное лицо по подозрению в получении взятки лично. Вызываются сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, которые в рамках осмотра места происшествия изымают денежные средства, сотовый телефон взяткополучателя, иные предметы, свидетельствующие о преступной деятельности [2].

В процессе доказывания виновности должностного лица возникают различные проблемные ситуации, их много, разберём одну из указанных ситуаций, а также действия направленные на недопущение их возникновения.

Проблема. После проведения ОРМ «Оперативный эксперимент» и задержания с поличным должностного лица, второй оперативной группе необходимо одновременно из организации, где работает должностное лицо изъять документы: приказ о назначении на должность, должностную инструкцию, личное дело должностного лица, получившего взятку, устав организации. Если, к примеру, получение взятки было связано за содействие в приёмке выполненных работ по муниципальному/государственному контракту, то нужно сразу изъять всю контрактную документацию, по следующей причине.

Субъектом получения взятки является лицо, которое является должностным лицом, постоянно или временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях.

В случае если лицо, задержанное по подозрению в получении взятки не обладает указанными полномочиями, то его действия подлежат квалифицировать как мошенничество (ст. 159 УК РФ), поскольку взяткополучатель не мог выполнить свои обязательства и фактически обманул взяткодателя. Такая ситуация может произойти если, взяткополучатель действительно не обладает указанными полномочиями. К примеру, заместитель главы администрации по сельскому хозяйству потребовал незаконное денежное вознаграждение от индивидуального предпринимателя за решение вопроса

о беспрепятственном принятии выполненных работ, связанных со строительством. Действия заместителя главы администрации будут квалифицированы как мошенничество (ст. 159 УК РФ), ввиду того что, приёмка выполненных работ по строительству не входит в его полномочия, и он своим служебным положением на результат повлиять не может [4].

При этом может быть иной случай, когда заместитель главы администрации по строительству задержан по подозрению в получении взятки за содействие в беспрепятственной приёмке выполненных работ по строительству (за общее покровительство). Фактически эти действия входят в его должностные полномочия, он является субъектом взятки. Но, ввиду его авторитета на службе, у него могут быть коллеги по службе, доверенные лица, заинтересованные в освобождении от уголовной ответственности взяткополучателя по факту получения взятки, использовав своё служебное положение, могут исказить действительные полномочия взяткополучателя, путём уничтожения действительной должностной инструкции взяткополучателя и изготовления новой, в которой не будут расписаны полномочия по приёмке выполненных работ связанных со строительством, а также уничтожения контрактной документации, в которой также прописаны полномочия должностного лица по приёмке выполненных работ и будут изменены таким образом, что в контрактной документации не будет никаких сведений о том, что ответственным должностным лицом по приёмке выполненных работ является взяткополучатель. Таким образом, невозможно будет доказать, что взяткополучатель мог действительно оказать какое-либо влияние на приёмку выполненных работ и таким образом действия взяткополучателя будут переqualифицированы на мошенничество (ст. 159 УК РФ), вследствие чего виновному лицу будут применены санкции гораздо мягче чем положено.

В целях исключения данной ситуации, необходимо, после задержания взяткополучателя незамедлительно изъять вышеуказанные документы в оригиналах и произвести опрос сотрудника отдела кадров, который пояснит о полномочиях взяткополучателя [3].

В случае если, не представилось возможным своевременно изъять вышеуказанные документы и вышло так, что их действительное содержание было изменено, остаётся один выход. Необходимо изъять ранее реализованные контракты, в которых найти сведения о том, что взяткополучатель ранее принимал работы по строительству, подписывал акты выполненных работ, что будет свидетельствовать о его должностных полномочиях и о том, что изъятые должностные инструкции, которые были переделаны, содержат заведомо ложные сведения и они не будут приниматься во внимание сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации.

При этом, при установлении лица внесшего заведомо ложные сведения в должностную инструкцию взяткополучателя будет рассмотрен вопрос о возбуждении уголовного дела по ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), 292 УК РФ (служебный подлог).

Далее, результаты оперативно-розыскной деятельности направляются в органы Следственного комитета Российской Федерации и являются основанием для возбуждения уголовного дела в отношении взяткополучателя.

Пристатейный библиографический список

1. Музафин Р. Р. Роль органов внутренних дел в противодействии коррупции в России // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2019. – № 1. – С. 440. – EDN DAOUXQ.
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Росс. газ. - 1995. - № 160.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. зак. Рос. Федер. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Росс. Газ. - 2001. - № 249.

БЕДНЯГИНА Юлия Андреевна

преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

БУЛЛИНГ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье проводится комплексное исследование буллинга как социально-психологического явления, а также анализируется действующее российское законодательство на предмет наличия правовых норм, характеризующих буллинг.

При этом в рамках исследования автор анализирует конкурентные мнения о необходимости нормативного закрепления понятия «буллинг». По результатам проведенного анализа автор выносит мотивированные предложения по теме исследования.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, насилие, буллинг, кибербуллинг.

BEDNYAGINA Yuliya Andreevna

lecturer of Criminal law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

BULLYING: CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

The article conducts a comprehensive study of bullying as a socio-psychological phenomenon, and also analyzes the current Russian legislation for the presence of legal norms that characterize bullying.

At the same time, within the framework of the study, the author analyzes competitive opinions on the need for regulatory consolidation of the concept of "bullying". Based on the results of the analysis, the author makes motivated proposals on the topic of the study.

Keywords: criminal law, crime, violence, bullying, cyberbullying.

Беднягина Ю. А.

Приступая к исследованию, представляется целесообразным привести определение понятия «буллинг».

Голованова Н. А. характеризует буллинг как издевательские действия [1].

Волкова И. В. дает определение буллингу как неоднократное умышленное нанесение вреда индивиду или группы лиц другому индивиду, который не способен себя защитить [2].

А Приступа Е. Н. пишет следующее: «буллинг – это травля, угрозы, унижение или физическое насилие в отношении человека, совершаемое одним или более лицами» [3].

Безусловно, деяния, которые соответствуют характеристикам такого явления как буллинг, совершались в обществе задолго до непосредственно формулировки указанного термина.

Первым исследователем, а также автором термина «буллинг» (иначе именуемого как травля) по праву принято считать норвежского профессора психологии Д. Ольвеуса, который, начиная с 1970-х годов, проводил анализ причин возникновения конфликтных ситуаций среди школьников. Школьные конфликты порой достигали критической стадии – в 1982 году трое обучающихся совершили суицид в связи с невозможностью противостоять обидчикам. Данный факт побудил Д. Ольвеуса разработать специальные программы по предотвращению буллинга, которые впоследствии стали успешно применяться и применяются в настоящее время во многих европейских странах [4].

В мировой общности распространено мнение о том, что буллинг – это проблема, возникающая только среди подростков или школьников, автор придерживается взгляда, что буллингу может подвергнуться человек любого возраста.

Несомненно, возникновение, изменение и развитие буллинга исследовано психологами и социологами на достаточном уровне. Однако буллинг – это многоаспектный вопрос.

Проведем исследование по теме буллинга с правовой позиции, а именно с уголовно-правовой и криминологической.

Уголовно-правовая характеристика – это совокупность исследований признаков определенного вида преступления, позволяющие правильно квалифицировать данный вид преступления, криминологическая характеристика обогащает уголовно-правовую характеристику количественными и качественными показателями.

Анализ отечественной нормативно-правовой базы позволяет сделать вывод о том, что российское законодательство не имеет нормативного закрепления понятия «буллинг».

Тем не менее, за совершение так называемого буллинга, субъект может нести гражданскую, административную и уголовную ответственность в зависимости от степени и характера совершаемых действий.

Так, ч. 1 ст. 152 ГК РФ гласит о том, что гражданам вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, а согласно ч. 1 ст. 152.1 ГК РФ

обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина¹.

Немаловажно отметить, что ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим возраста 14 лет, по общему правилу несут его законные представители – родители, усыновители, опекуны, попечители или иные лица (ч. 1 ст. 1073 ГК РФ).

Административное законодательство также содержит аналогичные сведения об ответственности родителей за правонарушения, совершенные несовершеннолетними, однако уже в уголовно-правовых нормам такие положения отсутствуют.

Кроме того, согласно ст. 137 УК РФ незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации – является преступлением, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 1 ст. 137 УК РФ².

Субъектом данного преступления является лицо, достигшее возраста 16 лет.

Таким образом, незаконное распространение фотографий жертвы буллинга или сведений, порочащих ее честь, влечет для субъекта буллинга от гражданских до уголовных мер ответственности.

Административным правонарушением, к примеру, являются действия субъекта буллинга, которые отражены в ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, а именно оскорбление чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Наказанием для гражданина за совершение данного правонарушения является наложение административного штрафа в размере от 3 тысяч до 5 тысяч рублей³.

А согласно ч. 3 указанной статьи оскорбление, совершенное в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» про-

1 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2 «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

зит для правонарушителя штрафом в размере от 5 до 10 тысяч рублей.

Оскорбление в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» — это одна из распространенных форм так называемого кибербуллинга.

Отметим ч. 1. и ч. 2. ст. 128.1 УК РФ, которая раскрывает сущность такого вида преступления как клевета. Так, согласно ч. 1. ст. 128.1 УК РФ клевета — это распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

Санкции для субъекта данного преступления, а равно для субъекта буллинга, следующие — штраф в размере до 500 тысяч рублей. А в случае, если клеветущий совершил данное преступление публично либо с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» имеет место быть альтернативная санкция — от штрафа в размере до 1 миллиона рублей до лишения свободы на срок до 2 лет.

Приведенные примеры административных правонарушений и уголовных преступлений лишь малая толика возможных деяний, которые соответствуют признакам буллинга.

Исследователи буллинга относят к данному понятию не только словесные оскорбления или клевету, но и действия физического характера.

Так, нередко конфликты между жертвой буллинга и ее обидчиком заканчиваются применением физического насилия.

В таком случае, говоря об ответственности за данные деяния, мы снова обращаемся к УК РФ, глава 16 которого содержит множество составов преступлений, которые можно отнести к буллингу

Так, ст. 115 УК РФ повествует об умышленном причинении легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Кроме того, согласно п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, для данного вида преступления предусмотрен квалифицированный состав, а именно совершение преступления из хулиганский побуждений.

Под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода⁴.

В ст. 116 УК РФ указано о характеристике такого вида преступления как побои, ст. 117 УК РФ посвящена истязаниям. Согласно ч. 1 ст. 117 УК РФ истязания — это причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями.

Еще один состав преступления, который соответствует характеристике буллинга, предусмотрен ст. 119 УК РФ — угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, наказание за которое предусмотрено от обязательных работ до лишения свободы на срок до двух лет.

Повествуя о буллинге, невозможно не отметить такие составы преступления как доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Самоубийство — это крайняя степень психического воздействия субъекта буллинга на жертву.

Обратимся к статистическим данным. Проанализировав Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 6 месяцев 2022 г., подготовленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, наблюдаем следующее количество осужденных по основной статье: по ст. 128.1 УК РФ (клевета) — 31 человек, ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни) — 116 человек, по ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства) — 4 человека, по ст. 110.1 УК РФ (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства) — 5 человек, по ч. 2 ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью из хулиганский побуждений) — 4224 человека, по ст. 116 УК РФ (побои, а именно совершенные из хулиганских побуждений) — 188 человек, по ст. 117 УК РФ (истязания) — 538 человек, ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) — 7778 человек⁵.

Так, приведенная статистика демонстрирует факт достаточно большого количества совершения уголовных преступлений,

которые соответствуют теме данного исследования и могут называться буллингом.

Таким образом, буллинг — это не правовое понятие, однако если опираться на изучения психологов и социологов, которые относят к буллингу такие действия как унижения, физическое насилие, распространение ложной информации о жертве буллинга и другие, то, проанализировав российскую нормативную базу, приходим к выводу о том, что буллинг — это комплексное явление, охватывающее несколько отраслей права — гражданское, административное, уголовное.

Автору удалось найти определение буллинга в Письме Минпросвещения России от 23.01.2020 № МР-42/02, где указано, что буллинг — это проявление агрессии, в том числе физическое насилие, унижение, издевательства в отношении обучающегося образовательной организации со стороны других обучающихся и/или учителей. Одна из современных разновидностей буллинга — кибербуллинг, травля в социальных сетях.⁶

Целесообразно ли законодательно рассмотреть вопрос о нормативном закреплении буллинга путем издания специального нормативного акта или внесения изменения в существующие — вопрос дискуссионный.

К примеру, Голованова Н. А. по данному вопросу пишет следующее: «легальное закрепление запрета буллинга в отдельном законе (или законодательстве об образовании) имеют важное превентивное значение» [1].

А Курбенков В. А. предлагает внести изменения в ст. 213 УК РФ и вернуться к определению хулиганства, данному в УК РСФСР 1922 г. Таким образом, по мнению Курбенкова В. А., хулиганство — это не только неуважение к обществу, но и к отдельной личности [5].

Кириллова Е. А. считает эффективным снизить возраст административной ответственности за совершение побоев до 14 лет для предупреждения развития дальнейших преступности среди несовершеннолетних [6].

Автор придерживается мнения, что необходимости для издания специального нормативного акта о буллинге нет, как и выделять буллинг как самостоятельный состав в качестве уголовного преступления или административного правонарушения. Однако, автор разделяет мнение Курбенкова В. А. о внесении изменений в УК РФ относительно характеристики хулиганства.

Пристатейный библиографический список

1. Голованова Н. А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение // Журнал российского права. — 2018. — № 8 (260). — С. 113-123. — DOI 10.12737/art_2018_8_11. — EDN UVCPPQ.
2. Волкова И. В. Характеристики подросткового буллинга и его определение // Вестник Мининского университета. — 2016. — № 2 (15). — С. 26. — EDN WHNBFH.
3. Приступа Е. Н. Социальная работа: словарь терминов / Под общ. ред. авт.-сост. Е. Н. Приступы; пер. Е. Н. Приступы, П. А. Степичева, М. С. Фироновой. — Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2022. — 232 с. - ISBN 978-5-00091-764-0. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/995418>.
4. Dan Olweus. Bullying at school: What we know and what we can do. — Malden: Blackwell Publishing, 1993. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://archive.org/details/bullyingatschool00olwe/mode/2up>.
5. Курбенков В. А., Новосельцев А. Ю. Буллинг в российских школах: правовые проблемы профилактики // Журнал российского права. — 2020. — № 3. — С. 95-102. — DOI 10.12737/jrl.2020.033. — EDN FJNGHR.
6. Кириллова Е. А. Институт административной ответственности несовершеннолетних в России: монография. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 183 с. — (Научная мысль). — DOI 10.12737/1383530. - ISBN 978-5-16-016924-8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1383530>.

6 <Письмо> Минпросвещения России от 23.01.2020 N МР-42/02 О направлении целевой модели наставничества и методических рекомендаций (вместе с Методическими рекомендациями по внедрению методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5 Статистические отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.

БИЧЕНОВА Анна Роландиевна

преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России, майор внутренней службы

МАКСИМОВА Татьяна Александровна

курсант 3 курса 2 взвода рядовой внутренней службы Самарского юридического института ФСИН России

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ: ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

В настоящее время глобальной остается проблема преступности несовершеннолетних. Ссылаясь на статистику, её сведения показывают, что преступность данной категории лиц имеет ярко выраженный характер, так как это затрагивает не только работу правоохранительных органов, но и всего общества. В связи с этим необходимо разобраться в причинах преступности несовершеннолетних и найти пути их решения. Данная статья посвящена преступлениям, совершаемым несовершеннолетними. Рассмотрено понятие преступности несовершеннолетних и основные детерминанты, предложены способы решения проблем, а также профилактика преступности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступления, несовершеннолетний, детерминанты преступности, профилактика.

BICHENOVA Anna Rolandievna

lecturer of Criminal and penal enforcement law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia, major of the internal service

MAXIMOVA Tatyana Alexandrovna

cadet of the 3rd year of the 2nd platoon of the private internal service of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

CRIMES OF MINORS: CONCEPT, CAUSES AND PREVENTION

Currently, the problem of juvenile delinquency remains global. Referring to statistics, its information shows that the criminality of this category of persons has a pronounced character, since it affects not only the work of law enforcement agencies, but also the whole society. In this regard, it is necessary to understand the causes of juvenile delinquency and find ways to solve them. This article is devoted to crimes committed by minors. The concept of juvenile delinquency and the main determinants are considered, ways of solving problems are proposed, as well as prevention of juvenile delinquency.

Keywords: crimes, juvenile, determinants of crime, prevention.

Для того, чтобы перейти к основным детерминантам преступности среди несовершеннолетних, необходимо разобраться с тем, что же такое преступность несовершеннолетних. Сарана В. А. отмечает, что это совокупность преступлений в обществе, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетия. Такую преступность следует рассматривать в качестве отдельного объекта изучения, так как она имеет свои специфические особенности [1, с. 8].

Преступность несовершеннолетних носит негативный общественный характер, потому что большая доля преступлений, совершаемых несовершеннолетними, являются корыстными и корыстно-насильственными преступлениями, а зачастую совершаются с особой жестокостью особенно в группах.

В свою очередь, несовершеннолетний, это лицо, достигшее 14-летнего возраста, но не достигшее возраста 18 лет. Рассматриваемый критерий относится к разделению вида, совершенного преступления в соответствии с Уголовным законодательством.

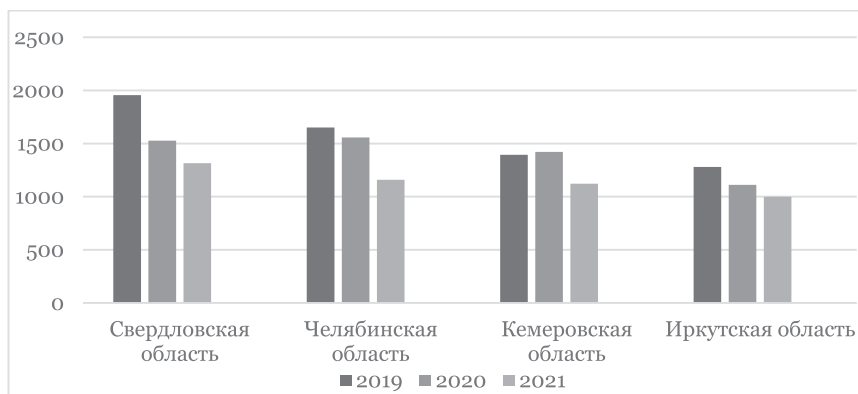
Особенностью данных преступлений является то, что несовершеннолетний преступник отличается пси-

хологическим состоянием, возрастом, методами совершения преступления и своим преступным поведением. Уголовное законодательство более гуманно к несовершеннолетним, так как при назначении уголовного наказания учитывается возраст, условия, в которых жил несовершеннолетний и иные особенности личности, всё это говорит о преобладании защитных мер со стороны законодателя.

Переходя к причинам преступности, необходимо упомянуть, что некоторые авторы придерживаются мнения, что преступность зависит во многом от исторического аспекта общества. Так, В. В. Кухарук считает: «Причины и условия преступности несовершеннолетних, как и преступности в целом, носят социально обусловленный характер. Они прежде всего зависят от конкретных исторических условий жизни общества, от содержания и направленности его институтов, сущности и способов решения основных противоречий» [2, с. 89].

Для дальнейшего исследования детерминантов преступности необходимо провести анализ статистических данных об их количестве за 2019-2021 гг. [3]. (См. табл. 1)

Таблица 1

Данные статистики свидетельствуют о том, что несмотря на тенденцию к сокращению выявленных преступлений в сфере преступности несовершеннолетних, это может свидетельствовать, как об уменьшении самой преступности, так и о снижении эффективности деятельности сотрудников правоохранительных органов в области выявления данных преступлений.

Поэтому в настоящее время остаётся острой проблема преступлений, которые совершаются несовершеннолетними лицами. Подростки часто подвергаются криминальному воздействию из-за влияния различных факторов на их жизнь и сознание: антисоциальный образ жизни родителей, негативное влияние преступных группировок, игорный бизнес и т. п.

Необходимо разобраться в основных детерминантах преступности среди несовершеннолетних и методах, направленных на предотвращение совершения ими преступлений.

К основным детерминантам преступности несовершеннолетних относят:

- ухудшение криминогенной обстановки в условиях экономического кризиса;
- безнадзорность со стороны родителей;
- семейное неблагополучие;
- незнания уровня ответственности при совершении преступления, т. е. низкий уровень правосознания;
- рост безработицы
- влияние дурного окружения в школе [4, с. 49].

При обсуждении причин преступности среди несовершеннолетних необходимо учитывать важную категорию детерминантов преступности, представляющую собой ряд социальных явлений, взаимосвязь которых приводит к преступности. Для того чтобы повлиять на преступность и помочь свести ее к минимуму, важно определить, что двигает развитию преступности [5, с. 99-99].

Ученый А. И. Бельский считает, что существуют внутренние и внешние причины, которые влияют на несовершеннолетнего.

Первые тесно связаны с изменениями, происходящими в государственных и общественных структурах. К ним относят: потребности, интересы, ценностные ориентации, установки, эмоции, негативно сказывающие и склоняющие лицо к совершению преступления.

Вторые проявляются под воздействием, которые формируют внутренние побуждения совершать указанные действия. Рост безработицы в основном затрагивает несовершеннолетних, поскольку он затруднен для молодежи, так как тенденции в поиске подходящей работы достаточно напряженны. Так же негативное воздействие средств массовой информации и различных антисоциальных групп [4, с. 49].

Для того, чтобы оказать воздействие на порождающие причины и условия преступности и предотвратить их дальнейшее влияние на подростков необходимо задействовать такие способы, которые будут предупреждать преступность среди несовершеннолетних. Несовершеннолетние подростки являются наиболее уязвимым звеном в обществе, ведь если вовремя не предупредить преступность в раннем возрасте, то это может оказать негативное влияние на будущих уже взрослых преступников.

Рассматривая различные факторы, необходимо упомянуть, что именно семья является основой в воспитании подростка. От того как родители сформируют его отношение к меняющемуся обществу и уровню жизни, а также подготовят его к дальнейшей личной жизни, такое и будет отношение к отрицательной направленности общества.

Многое зависит от взаимоотношений членов семьи и от их антиобщественного поведения, потому что подросток в большинстве случаев следует традициям семьи и подражает родителям. Так, ученый-криминалист А. М. Яковлев отмечает: «...Именно в эмоционально дезорганизованных семьях... царит ненормальная психологическая атмосфера, где система связей и отношений между членами семьи как раз и составляет ту дефективную социальную среду, которая объективно нарушает нормальное взаимоотношение подростка со средой в целом» [6, с. 58].

Говоря об учебных заведениях, главную роль здесь играют школы. Педагоги ежедневно общаются с подростками, знают особенности их личности, их положение в классе и их мотивы. Они наиболее успешно могут решить воспитательные задачи, заметить и предупредить нарушения дисциплины и иные отклонения от нормального поведения. Однако,

вовремя не замеченные расхождения в поведении у подростка приводят к неоказанию педагогической помощи, что может стать одним из факторов совершения преступления.

Так же крайне важна работа психологов, которые есть в каждом в учебном заведении. Они могут воздействовать на различные группировки, сформировавшиеся в школах, проводить профилактические беседы и предотвращать вовлечение так называемыми «старшими» данных групп младших по возрасту лиц вступить в их ряды.

Еще одной причиной являются недостатки в деятельности учреждений, отвечающих за борьбу с преступностью среди несовершеннолетних. Общественные и государственные учреждения не в полной мере осуществляют на практике мероприятия в целях просвещения и профилактики подростков от совершения преступлений. Также отстрой остается проблема деятельности правоохранительных органов по выявлению латентной преступности несовершеннолетних. К ним не принимаются меры реагирования и привлечения их к ответственности.

Необходимо сказать, что для предотвращения преступности нужно использовать различные способы и методы. Мы считаем, что важно обучать молодежь морально-нравственным качествам, воспитывать в них правовое мировоззрение, чтобы подростки понимали уровень ответственности при мысли о совершении преступления. Пока подросток растет важно, чтобы семья смогла его уберечь от негативного влияния общества. Также некоторые несовершеннолетние преступники, совершая преступления наедаются на то, что они не достигли возраста для привлечения их к уголовной ответственности, уместно, чтобы этим занимались люди с профессиональным образованием, например юристы, которые будут проводить так называемые уроки «Права».

Также целесообразно ввести в школьную программу обязательный урок, направленный на информирование учащихся об уголовной ответственности за преступления, совершаемые несовершеннолетними.

Создать отдельный специальный государственный орган, который бы занимался профилактикой предупреждения преступности, проводил пропаганду среди несовершеннолетних и агитационные уроки.

Таким образом, отметим тот факт, что в государстве остается опасной проблема преступности несовершеннолетних, так как необходимо использовать все имеющиеся возможности на предотвращение преступности как со стороны учебных заведений, так и со стороны семьи и правоохранительных органов. Всё это поможет снизить уровень криминализации в стране среди несовершеннолетних.

Пристатейный библиографический список

1. Сарана В. А., Шульга А. Е. Преступность несовершеннолетних как угроза общественной безопасности России // История государства и права. – 2006. – № 9. – С. 8-10.
2. Васильчикова Н. В., Кухарук В. В. Криминология: конспект лекций. – Москва: Юрайт-Издат, 2009.
3. Показатели преступности России за 2019-2021 гг. // Портал правовой статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_rate.
4. Бельский А. И. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Российский следователь. – 2019. – № 15. – С. 48-50.
5. Криминология: учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 800 с.
6. Яковлев А. М. Взаимоотношение личностей со средой, как предмет криминологического изучения // Советское государство и право. – 1966. – № 2. – С. 55-63.

БОНДАРЕВ Сергей Петрович

кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

КАНГЕЗОВ Марат Русланович

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ПОРЯДОК ПРИЕМА В ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УПРОЩЕННОМ ПОРЯДКЕ

Политическая обстановка в мире и на территории Украины, в частности, обусловила возможность принятия в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке в гуманитарных целях. Статья посвящена рассмотрению способов и порядка приема в гражданство по упрощенной процедуре, а также рассмотрена категория граждан, имеющая право на приобретения гражданства РФ в упрощенном порядке. Дан анализ изменениям законодательства в части усовершенствования процедуры приобретения гражданства Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданство, гражданин РФ, иностранный гражданин, филиация, натурализация, бипатриды, апатриды, упрощенный порядок.

BONDAREV Sergey Petrovich

Ph.D. in Law, Head of Criminal law and criminology sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

KANGEZOV Marat Ruslanovich

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PROCEDURE FOR ADMISSION TO CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION IN A SIMPLIFIED PROCEDURE

The political situation in the world and in Ukraine has led to the possibility of admission to the citizenship of the Russian Federation in a simplified manner for humanitarian purposes. The article is devoted to the consideration of methods and procedures for admission to citizenship under a simplified procedure, and also considers the category of citizens who have the right to acquire citizenship of the Russian Federation in a simplified manner. An analysis is given of changes in legislation in terms of improving the procedure for acquiring citizenship of the Russian Federation.

Keywords: citizenship, citizen of the Russian Federation, foreign citizen, filiation, naturalization, dual nationals, stateless persons, simplified procedure.

На современном этапе развития общества и государства наибольшую актуальность приобретают вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности, охраны общественной безопасности и общественного порядка, а также миграционной безопасности. Не менее актуальным и активно развивающимся институтом в настоящее время выступает институт гражданства. Стремительное развитие данного института связано во многом с событиями, происходящими на территории Украины, что способствовало возрастанию миграционных потоков на территорию Российской Федерации с сопредельного государства, в связи с чем в 2022 году были внесены изменения, позволяющие Президенту Российской Федерации самостоятельно определять категории граждан, которые могут вступить в гражданство Российской Федерации по упрощенной процедуре [1].

Рассмотрение упрощенного порядка принятия в гражданство РФ невозможно без рассмотрения дефиниции гражданство, которое в соответствии с Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» (далее – ФЗ «О гражданстве РФ») [2] представляется собой устойчивую правовую связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. Таким образом вступление в гражданство порождает взаимоотношения между человеком и государством, а также комплекс взаимных прав и обязанностей.

Наравне с проживанием на территории России ее граждан, немалую долю проживающих занимают лица, не обладающие данным правовым статусом. Следует заметить, что основной закон государства – Конституция РФ [3], разграни-

чивает в содержании своих норм права, распространяющиеся на всех без исключения людей и на права граждан РФ. Если обратиться к ч. 2 ст. 35 Конституции РФ, то можно заметить, что речь идет о каждом человека и его праве на владение, пользование и распоряжение имуществом, а уже в ч. 2 ст. 32 Конституции РФ речь идет лишь о гражданах Российской Федерации и их праве принимать участие в управлении делами государства.

Анализ приведенных норм свидетельствует об ограничении на территории РФ объема прав иностранных граждан в сравнении с гражданами России.

В соответствии с нормами международного права каждому человеку гарантируется право на гражданство, а также на отсутствие произвольного лишения права на гражданство [4].

Положения международного права, в частности ст. 15 Всеобщей декларации прав человека, гласят: «Каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права его изменить».

Если посмотреть на законодательную конструкцию нормы и употребление слова «произвольно», то думается, что здесь речь идет о лишении гражданства без законодательно установленной процедуры и оснований.

Заметим, что на территории РФ нет понятия лишения гражданства, есть – отмена принятия решения о принятии в гражданство РФ.

Решение как о принятии, так и о прекращении гражданства РФ может быть отменено в двух случаях: если решение принято на основании подложных документов или заведомо

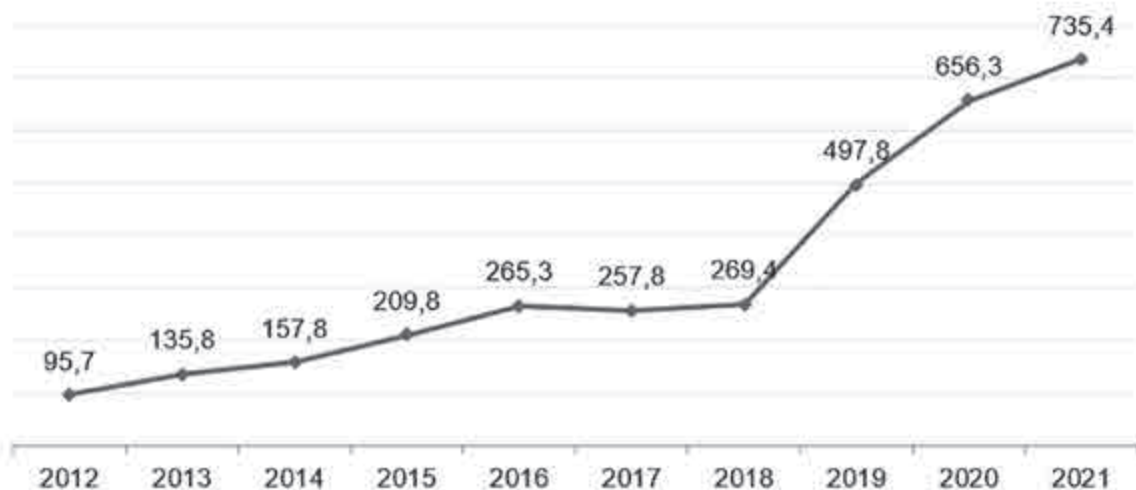

Рисунок 1. Количество иностранных граждан, получивших гражданство Российской Федерации в 2012-2021 гг.

ложных сведений; если заявитель отказывается приносить Присягу [2].

Уголовная ответственность за действия, направленные на незаконное получение гражданства РФ, путем внесения заведомо ложных сведений в документы в национальном уголовном законодательстве, получили закрепление в ст. 292.1 УК РФ. За совершение данного преступления наравне с уголовной ответственностью следует отмена решения принятия в гражданство РФ.

В соответствии с действующим законодательством о гражданстве получить гражданство РФ можно по следующим основаниям:

- по рождению (филиация);
- в результате приема в гражданство Российской Федерации;
- в результате восстановления в гражданстве,
- по иным основаниям.

За период январь – декабрь 2021 году российское гражданство получили 735,4 тыс. иностранцев, что является абсолютным рекордом с 2000 года (рисунок 1).

Статистика свидетельствует о постоянном увеличении числа приобретающих гражданство РФ, что, в свою очередь подтверждает тот факт, что Российскую Федерацию иностранные граждане, в подавляющем большинстве, из стран ближнего зарубежья рассматривают как привлекательную для осуществления не только трудовой деятельности, но и проживания.

Наравне с приобретением гражданства в общем порядке, законодатель предусмотрел и его упрощенный порядок, который получил закрепление в ст. 14 ФЗ «О гражданстве РФ».

Вступление в гражданство Российской Федерации по упрощенной процедуре в значительной степени сокращает срок, в течение которого необходимо проживать на территории России для возможности подачи документов до одного года и менее, в сравнении с общим порядком, где срок равен пяти годам.

В соответствии с нормой ст. 14 ФЗ «О гражданстве РФ» в число лиц, обладающими право на получение гражданства Российской Федерации по упрощенной процедуре входят следующие:

- граждане СССР, ибо проживающие в государствах, входивших в состав СССР;
- родившиеся на территории РСФСР;
- имеющие детей, являющихся гражданами РФ;
- выпускники отечественных образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования;

- предприниматели;
- инвесторы;
- один из родителей граждан РФ и проживает на территории РФ;
- граждане Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова или Украины;
- беженцы¹.

В целях совершенствования правового регулирования был принят Указ Президента РФ от 11 июля 2022 года № 440 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 года № 138 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлением о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке и Указ Президента РФ от 29 апреля 2019 года № 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлением о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке».

Упрощенная форма приобретения гражданства РФ действует также для жителей Херсова и Запорожья с мая 2022 года, для жителей ДНР и ЛНР с 2019 года и продолжает действовать после их вхождения 30 сентября 2022 года в состав Российской Федерации.

Так, в соответствии с Указом президента граждане Украины, Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики или Украины, в том числе ранее имевшие гражданство Российской Федерации и оформившие выход из гражданства Российской Федерации.

Статистические данные за период 2021 года свидетельствуют о том, что гражданство по упрощенной процедуре получили выходцы из (рис. 2):

Упрощенная процедура получения гражданства с сентября 2022 года действует и для иностранных граждан, проходящих службу по контракту в вооруженных силах Российской Федерации.

Далее проанализируем насколько проще лицам, не имеющим гражданства РФ, получить паспорт гражданина РФ в соответствии с положениями ст. 14 ФЗ «О гражданстве РФ».

Одним из самых важных, на наш взгляд, положений, упрощающих процедуру получения гражданства РФ, является требование об отсутствии необходимости отказа от предыдущего гражданства. Данная норма упрощает проце-

1 О гражданстве Российской Федерации: Федер. Закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ: ред. от 30.12.2020 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2022).

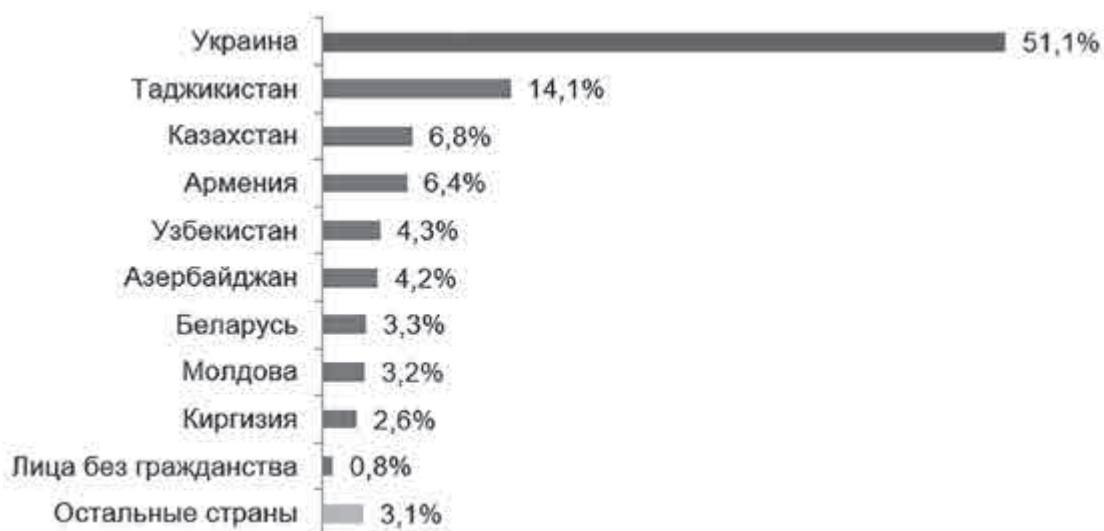

Рисунок 2. Статистика иностранцев, получивших гражданство Российской Федерации по упрощенной процедуре в 2021 году

дуру в той части, что в связи с отсутствием консульств страны предыдущего гражданства на территории России возникла сложность с официальным подтверждением об отказе от гражданства. Данная норма, также, стала гарантией для лица, что оно не окажется лицом без гражданства, в случае отказа от предыдущего гражданства и вероятностью неприятия его в гражданство Российской Федерации, так как подача документов на получения гражданства не гарантирует положительного результата по результатам его рассмотрения.

Снижение срока нахождения на территории Российской Федерации для получения гражданства по упрощенной процедуре законодателем было снижено до 1 года (5 лет в общем порядке). Однако данное правило действует лишь для ряда категорий:

- лиц без гражданства, достигших совершеннолетия, которые имели гражданство СССР, и проживают или проживали в тех государствах, которые входили в состав Советского Союза, но не получили гражданство этих государств;
- иностранных граждан, состоящих в браке с гражданином РФ, и проживающим на территории Российской Федерации, и имеющих общих детей;
- иностранных граждан, у которых как минимум один из родителей имеет российское гражданство и проживает на территории РФ;
- иные категории иностранных граждан, указанные в ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» [5, с. 21].

Как нами было упомянуто выше, процедура применяется и к гражданам Республики Беларусь, Казахстан, Молдова или Украины, а также жителям ДНР, ЛНР, Херсона и Запорожья, которые 30 сентября 2022 года вступили в состав Российской Федерации.

Упрощенная процедура действует и в части осуществления трудовой миграции на территории РФ, если в общем порядке срок составлял 3 года, то в упрощенном порядке – 1 год для лиц, окончивших образовательные и научные учреждения в Российской Федерации.

Изменения порядка получения гражданства также коснулось тех категорий граждан, которые являются носителями языка, и одновременно имеют вид на жительство на территории Российской Федерации. Эта категория, наравне с ранее описанной, обладает правом на сокращенный срок в течение 1 года (ранее 5 лет) с дополнительной мерой – подтверждение источника средств к существованию.

Наряду с расширением перечня лиц, способных получить гражданство Российской Федерации в упрощенном по-

рядке и существенным изменением требований к его получению, законодателем был введен и ряд ограничений.

Законодателем были изменены правила обращения граждан и лиц без гражданства, которые состоят в браке с гражданином РФ, не менее трех лет. Необходимо заметить, что постоянное проживание на территории РФ нуждается в подтверждении.

В соответствии с ч. 2.2 ст. 14 ФЗ «О гражданстве РФ» супруг гражданина РФ должен проживать на территории России на постоянной основе, а второй супруг, который не имеет гражданства РФ, должен постоянно или временно проживать.

На основании изложенного можно заключить, что законодатель существенным образом расширил основания приобретения гражданства Российской Федерации и упростил процедуру его получения для части категорий, однако, наравне с этим были введены дополнительные ограничения.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 30.09.2022 № 690 «О приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке иностранных граждан и лиц без гражданства, заключивших контракты о прохождении военной службы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/77303.html/>
2. О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ: ред. от 30.12.2020 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2022).
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2022).
4. Дитятковский М. Ю., Таран Н. Н. Тенденции приобретения гражданства Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2021. – № 1 (60). – С. 18-23.

ЗАИДОВА Манарша Усмахановна

старший преподаватель кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Дагестанского государственного университета народного хозяйства

УСИЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В статье речь идет о некоторых изменениях, которые были внесены в Уголовный кодекс РФ в связи с мобилизацией, объявленной Президентом страны. Рассматриваются новые составы преступлений, которые появились в гл. 33 Особенной части Уголовного кодекса РФ. Автор исследует новые квалифицирующие признаки, которые появились в преступлениях против военной службы. Также проводит анализ и востребованность внесенных изменений в уголовное законодательство и предлагает некоторые предложения, которые являются актуальными на ее взгляд.

Ключевые слова: мобилизация, военное положение, военное время, вооруженный конфликт, ведение боевых действий, военнослужащий, защита Отечества.

ZAIDOVA Manarsha Usmakhanovna

senior lecturer of Criminal law and state and legal disciplines sub-faculty of the Faculty of Law of the Dagestan State University of National Economy

Зайдова М. У.

INCREASED RESPONSIBILITY FOR CERTAIN CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE

The article deals with some of the changes that were made to the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the mobilization announced by the President of the country. New elements of crimes are considered, which appeared in Chapter 33 of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The author explores new qualifying features that have appeared in crimes against military service. Also analyzes and the relevance of the changes made to the criminal legislation and offers some proposals that are relevant in her opinion.

Keywords: mobilization, martial law, wartime, armed conflict, conduct of hostilities, serviceman, defense of the Fatherland.

Государственная Дума Федерального собрания РФ 20 сентября 2022 года приняла поправки в Уголовный кодекс РФ, которые предлагают усилить уголовную ответственность за отдельные преступления против военной службы. Между прочим, Федеральный закон об ужесточении уголовной ответственности за преступления, совершенные в период военного времени и мобилизации все три чтения Государственной Думой, прошел в один день, мгновенно.

При прохождении службы у граждан возникает много вопросов, связанных с ответственностью военнослужащих. И главный вопрос, который на сегодняшний день, в голове у всех, это за что можно привлечь к уголовной ответственности военнослужащего?

Военнослужащие, как и все граждане, наделены всеми конституционными правами и свободами, однако, в силу профессии на них возлагаются повышенная уголовная ответственность. Ст. 59 Конституции РФ является правовым основанием установления уголовной ответственности за преступления против военной службы. В ней говорится, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации, гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом, гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой¹.

Ответственность людей в погонах независимо от звания наступает за совершение общеуголовных, а также воинских

преступлений. Преступлениями против военной службы признаются предусмотренные главой 33 Уголовного кодекса РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов². В Уголовном кодексе появились новые понятия такие как военное время, военное положение и мобилизация.

В современных условиях наиболее активными стали такие военные преступления, как «Неисполнение приказа» (ст. 332 УК РФ), которая предусматривает неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке, причинившее существенный вред интересам службы. Наказывается такое деяние ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет. Здесь внимание привлекает такой квалифицирующий признак, как наступление тяжких последствий. Однако, понятие тяжкий последствий не раскрывается ни в Уголовном кодексе, ни в иных НПА. Согласно сложившейся в уголовной среде правовой позиции тяжкими последствиями могут быть при определенных обстоятельствах и условиях отнесены: наиболее серьезные формы подрыва воинской дисциплины и боеготовности подразделения, части (явное нарушение правопорядка в подразделении, части, срыв боевого задания или серьезное затруднение выполнения боевой задачи на учении, боевом дежурстве и т.п.), катастрофы и аварии, гибель или повреждение боевой техники, крупный материальный ущерб, наиболее опасные формы причине-

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2 «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022).

ния вреда личности военнослужащих или граждан³. При наличии этого квалифицирующего признака, а также при неисполнении приказа в соучастии, то наказание это лишение свободы на срок до 5 лет.

Следует понимать, что не любой приказ, поданный начальником, подлежит беспрекословному исполнению. Если военнослужащий понимает, что ему отдается незаконный приказ, то его можно не исполнять, так как это обстоятельство предусмотрено в уголовном законодательстве как обстоятельство, исключающее преступность деяния. А если все-таки заведомо незаконный приказ был исполнен, то уголовную ответственность понесет лицо, отдавшее приказ.

Данная статья Уголовного кодекса была дополнена новыми частями Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ⁴, который определяет неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке, в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, а равно отказ от участия в военных или боевых действиях.

Следующим составом преступления в рассматриваемой главе и имеющим значимость в современных условиях является ст. 333 «Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы». Сопrotивление является ответной реакцией на правомерные действия начальника или иного лица, направленные на пресечение данного нарушения. Сопrotивлению может предшествовать неповиновение начальнику, неисполнение его приказа, отданного по службе. Принуждение – это действия, направленные на то, чтобы заставить начальника или иное лицо нарушить возложенные на него обязанности военной службы, т.е. совершить незаконные действия в интересах принуждающего либо действовать вопреки интересам службы. При сопротивлении виновный своими действиями не дает возможности начальнику или иному лицу выполнять обязанности по службе, а при принуждении он пытается заставить их действовать вопреки интересам службы (например, когда военнослужащий, угрожая насилием или применяя насилие, требует от начальника незаконно предоставить ему отпуск, досрочно уволить из Вооруженных Сил, перевести в другую воинскую часть).

В связи с тем, что Верховный главнокомандующий РФ подписал 21.09.2022 года указ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» появилась необходимость внесения изменений и в эту статью УК РФ. В частности, в ст. 333 появилась новая часть 3, которая устанавливает, что сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, сопряженные с насилием или с угрозой его применения совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий наказываются лишением свободы на срок от 5 до 15 лет⁵.

Третий состав, на котором мы хотим остановиться, это ст. 338 УК РФ «Дезертирство». Дезертирство – это самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а также неявка в этих же целях на службу. Уголовное законодательство за данный состав предусматривает наказание только в виде лишения свободы. Другие виды наказаний не предусмотрены за данное преступление. Не одобряется бежать со службы, прихватив с собой оружие, вверенное по службе и боевых товарищей, поскольку за такое можно получить наказание на срок до 10 лет лишения свободы.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stykrf.ru/332>.

4 Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

5 Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Также усиливается ответственность за данное преступление, если дезертирство совершено в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или введения боевых действий. В этом случае наказывается лишением свободы на срок от 5 до 15 лет.

Однако, мало кто знает, что можно избежать уголовной ответственности за дезертирство и самовольное оставление части или места службы. Для этого нужно доказать, что оставление места службы произошло вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств. Таковыми являются неблагоприятные ситуации личного, семейного или служебного характера, из-за которых военнослужащий принял решение покинуть службу.

Как разъяснил Верховный суд РФ к таким обстоятельствам относятся тяжелое состояние здоровья отца, матери или других близких родственников, похороны близких родственников, неуставные взаимоотношения военнослужащих, отсутствие возможности получить медицинскую помощь.

Также в Уголовном кодексе РФ появились новые составы: добровольная сдача в плен (ст. 352.1) и мародерство (ст. 356.1). В частности, добровольная сдача в плен при отсутствии признаком государственной измены наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет. Речь идет только о тех, кто решит сдаться по трусости, т.е. не планируя изначально сотрудничать с противником. Однако, даже в такой ситуации у военнослужащего есть шанс не быть подвергнутым уголовной ответственности. В примечании указанной статьи говорится, что военнослужащий впервые совершил указанное преступление, он может быть освобожден от уголовной ответственности, если он принял меры для своего освобождения, вернулся в часть или в место службы и не совершил во время пребывания в плену новых преступлений.

Согласно нововведениям мародёрством считается совершенное с корыстной целью в период военного положения, в военное время или в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий «изъятие чужого имущества», максимальное наказание за которого предусмотрено лишение свободы на срок от 8 до 15 лет.

При анализе внесенных в Уголовный кодекс изменений, вырисовывается вторая сторона этой ситуации, а именно деятельность сотрудников военкоматов и иных ответственных лиц, которая в некоторых случаях может иметь незаконный характер (мобилизация лиц, которые не подлежат мобилизации; «не замечать» лиц, которые подлежат мобилизации и т.д.), совершенные в корыстных или иных целях. Учитывая этот момент, предлагаем включить в УК РФ норму, устанавливающую ответственность указанных лиц.

Итак, в завершении хотим сказать, что на военнослужащих возложена повышенная уголовная ответственность поскольку на них распространяются нормы об уголовной ответственности как за общеуголовные, так и за воинские преступления. Принимая решение о прохождении военной службы по контракту, важно подойти обдуманно к этому важному и ответственному шагу в своей жизни.

Пристатейный библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022).
3. Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stykrf.ru/332>.

ИЛИКБАЕВА Евгения Сергеевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ЖУК Анна Павловна

курсант 3 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ «РУФЕРОВ» И «ЗАЦЕПЕРОВ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблема движений молодежи на сегодняшний день является актуальной проблемой для родителей, подростков и педагогов. Именно в подростковом возрасте у молодежи происходит поиск себя и выбираются образцы для подражания, формируются и закладываются жизненные ценности. Подросток пытается понять кем он хочет стать, на кого быть похожим. В связи с массовой информатизацией общества и, как следствие, глобализацией, процесс распространения пропаганды «руфинга» и «зацепинга» значительно упростился. Одной из таких платформ в сети «Интернет» стал YouTube, где в свободном доступе размещены экстремальные видеоролики.

Ключевые слова: руфинг, зацепинг, молодежная субкультура, уголовно-правовая характеристика, особенности квалификации экстремальных увлечений, девиантное поведение.

ILIKBAEVA Evgeniya Sergeevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

ZHUK Anna Pavlovna

cadet of the 3rd course of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

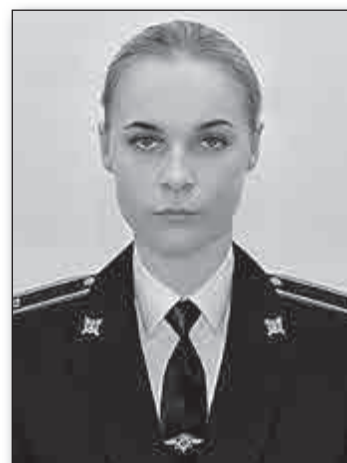
FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY OF "ROOFERS" AND "ZATSEPERS" IN THE RUSSIAN FEDERATION

The problem of youth movements today is an urgent problem for parents, teenagers and teachers. It is in adolescence that young people are searching for themselves, and role models are chosen, life values are formed and laid. A teenager is trying to figure out who he wants to become, who he wants to be like. Due to the mass informatization of society and, as a consequence, globalization, the process of spreading propaganda of "roofing" and "hooking" has become much simpler. YouTube has become one of such platforms on the Internet, where extreme videos are freely available.

Keywords: roofing, hooking, youth subculture, criminal-legal characteristics, features of qualification of extreme hobbies.

Иликбаева Е. С.

Жук А. П.

Крыши высотных строений, радио и телевышки, многоэтажные жилые дома и небоскрёбы – всё это становится объектом для экстремалов – руферов. Альпинисты покоряют горные вершины, а руферы – самые высокие здания мира. С чем связано появление нового социального движения? Когда оно возникло и к каким последствиям может привести?

Исторические корни экстремального субкультурного движения определить трудно, так как факты проникновения на крыши зданий с одновременным выполнением различного рода упражнений были зафиксированы ещё в период существования империй. Современное понимание «руфинга» начало формироваться с ситуации, произошедшей в 1983 году в Сиэтле. Во время молодёжного фестиваля четверо молодых мужчин, минуя систему охраны, проникли на крышу небоскрёба. «The roofers» [1, с. 195-203] (руферы) - под таким названием была опубликована информация о произошедшем событии в местных новостях.

Несмотря на приобретённую популярность руфинга единой точки зрения относительно его отнесения к одной из категорий социальных явлений нет. Одни относят руфинг к экстремальному виду спорта, другие – к молодёжной субкультуре. На наш взгляд, руфинг является синтезом двух указанных явлений, так как содержит высокую степень опасности для жизни и здоровья, как правило, определённой категории населения – молодого поколения.

В связи с массовой информатизацией общества и, как следствие, глобализацией, процесс распространения пропаганды руфинга значительно упростился. Одной из таких платформ в сети «Интернет» стал YouTube, где в свободном доступе размещены экстремальные видеоролики.

Анализируя YouTube каналы известных российских руферов, мы пришли к выводу, что каждый из них преследует свою

цель от выполнения экстремальных упражнений. «Шанхайская Башня (650 метров)», «Мост на остров Русский», «Башня Лотте», «Shun Hing Tower in Shenzhen» и т.д. – названия видеосюжетов, набравших наибольшее количество просмотров на страничке Виталия Раскалова. Многомиллионная аудитория фактически вместе со своим «героем» переживает каждый его подъём на высоту, показатели которой с каждым разом возрастают. Каждый «трюк» выполняется без страховки, что, по мнению самого руфера, увеличивает обхват просмотров.

Процесс «покорения» самых высоких небоскрёбов мира Виталием Раскаловым и Вадимом Махноровым размещён на телеканале «ЧЕ!». В каждом видеоролике содержится информация о контроле выбранного объекта со стороны правоохранительных органов, а также санкция, предусмотренная за незаконное проникновение на указанную территорию. Ограничения не становятся препятствиями для руферов. За эффектный снимок они могут получить неплохие денежные средства, поэтому для некоторых – это профессиональная деятельность.

Аудитория популярных экстремалов состоит из различных возрастных категорий населения, о чём свидетельствуют комментарии. Так, под очередным видео 11-летний мальчик выразил своё восхищение смелостью двух парней и пообещал повторить подобные «трюки» на крыше девятиэтажного здания. Подобного рода комментарии содержатся под каждым сюжетом. Однако находятся и оппоненты, которые негативно реагируют на бездумное обращение со своей жизнью и пропагандой необдуманных действий для подрастающего поколения.

Видеосюжеты, содержащие информацию о впечатлениях, которые испытывали руферы, находясь на высотках зданий, зачастую вызывают потребность в ощущениях таких же эмоций со стороны несовершеннолетних. Указанная категория лиц наибо-

лее подвержена влиянию извне, что связано с биологическими и психологическими особенностями возрастного периода.

Волна тревоги о необходимости минимизации и ликвидации видеороликов любителей-экстремалов прокатилась после увеличения количества смертности среди несовершеннолетних. По данным Росстата в Москве в 2012 году травмы получили 17 детей-руферов, в 2013-м — 29, в 2014-м — 48, в 2015-м — 25 (из них 13 случаев с летальным исходом). В период с 2016 по 2018 год в отделы полиции были доставлены 1167 несовершеннолетних, находящихся на крышах высоток [2, с. 40-41].

Как видно из приведённых данных, количество незаконных проникновений увеличилось. На наш взгляд, это было связано с отсутствием достаточного правового регулирования: государственных механизмов воздействия. За незаконное проникновение на охраняемые объекты с одновременным нарушением пропускного режима лицо подлежало административной ответственности по ст. 20.17 КоАП РФ, санкция ч. 1 которой предусматривает наказание в виде административного штрафа в размере от 3-х до 5 тысяч рублей с конфискацией орудия совершения либо без такового. Размер штрафа от 75 до 200-х тысяч рублей с конфискацией орудия либо без такового или административный арест до 15-ти суток — по ч. 2.

С 7 июня 2017 года Федеральным законом № 120 в главу 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) была введена ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего». Необходимость введения данной нормы, по мнению Г. Н. Прокументовой, заключается в обеспечении нормального физического и нравственного развития несовершеннолетнего путём уговоров, предложений, обещаний, обмана, угрозы и иными способами [3, с. 99-105]. Профессор подчёркивает, что общественная опасность активных действий преступника заключается в негативной воздействию на ещё не сформировавшуюся психику ребёнка, в результате чего происходит нарушение нормальных условий их социализации и ставится под угрозу здоровье несовершеннолетних.

Ч. 2 ст. 151.2 в виде квалифицирующего признака представляет вовлечения несовершеннолетних в опасные для них действия через информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет») [4, с. 138-146]. Актуальность виртуального распространения деструктивно влияющей на ребёнка информации была отмечена в пояснительной записке Министерства Юстиции РФ к проекту закона, в связи с чем предлагалось снизить возраст для привлечения к уголовной ответственности по п.в ч. 2 ст. 151.2. с 18 до 16 лет. Решение Министерства Юстиции было мотивировано ростом зарегистрированных фактов вооружённого нападения на образовательные организации — «скулшутинг», интернет на котором появились после многократного обсуждения действий Эрика Харриса и Дилана Клиболда на просторах «Интернета». Ещё одной причиной внесённого законопроекта стала популяризация «трейнсерфинга» (проезд на крыше поезда) и «руфинга» (незаконного проникновения на крыши высотных зданий) [5].

В связи с тем, что деянием, выраженным в активной форме, признаётся такое поведение несовершеннолетнего лица, которое направлено на возбуждение желания у несовершеннолетних совершить опасные для их жизни или здоровья действия, в том числе и через информационно-телекоммуникационные сети. Поэтому, несмотря на обоснование необходимости понижения возраста уголовной ответственности, законопроект так и не был принят.

Попытки блокирования начались с требования Роскомнадзора о запрете всех видео с «руферами» на YouTube и во «ВКонтакте» ещё в 2017 году. 6 мая 2021 года Колпинский районный суд города Санкт-Петербурга, на основании проверки надзорного ведомства, которое выявила деструктивную для нравственного и физического здоровья несовершеннолетнего информацию, вынес решение о её блокировании [6].

Подобные видеоролики действительно должны быть запрещены для несовершеннолетних. Согласно ст. 5 ч. 1 ФЗ от 29.12.2010 года № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» сведения, побуждающие детей к совершению либо направленные на склонение к риску для их жизни или здоровья, либо иное вовлечение — запрещены. Исходя из смысла «руфинга», его пропаганда и размещение на различных источниках подпадают под приведённый пункт.

Проблема наложение окончательного запрета на подобный рода контент вызван двойственным характером возможных последствий. С одной стороны, блокировка видео с руферами соответствует правовым и моральным нормам, обеспечивающих нормальный уровень социализации и развития несовершеннолетнего. С другой, — ограничивает конституционное право

человека на свободный поиск, передачу, производство и распространение информации любым законным способом, за исключением сведений, составляющих государственную тайну.

Таким образом, ограничивая доступ к информационному пространству «руферов» в отношении несовершеннолетних, происходит автоматическое ограничение прав лиц, достигших совершеннолетия. Во избежание возникновения подобных противоречий, на наш взгляд, необходимо установить «пропускной режим» для посещения интернет-площадок, в которых размещена в том числе информация о деятельности «руферов».

На территории РФ при регистрации аккаунта на платформе Google необходимо указать своё имя (ник), фамилию, имя пользователя (данные электронной почты), пароль. Данные о поле, возрасте не сверяются с фактическими данными, подтверждёнными документами, удостоверяющие личность. В связи с этим лицами могут быть указаны любые сведения, не соответствующие действительности. После создания аккаунта происходит автоматическая регистрация на платформе YouTube. Кроме этого, возможно создание отдельного аккаунта непосредственно на самом видеохостинге. В обоих случаях данная процедура не обеспечивает систему фильтрации информации по возрастным категориям, открывая несовершеннолетним доступ к материалам любого содержания.

Анализируя опыт зарубежных стран в сфере защиты несовершеннолетних от вредоносных материалов в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет», мы пришли к выводу, что самую реакционную политику проводят власти Китая. Согласно Закону «О защите несовершеннолетних», ответственность за нарушения прав детей несут не только киберпреступники. Обеспечение интересов лиц, не достигших совершеннолетия — одна из задач производителя и продавцов сетевых товаров. Законодательство обязывает их устанавливать на каждом техническом устройстве онлайн-программы, способные ликвидировать распространение вредной информации. Кроме того, в Китае на просторах интернета полностью запрещена анонимность. С 1 декабря 2019 года в Китайской народной республике ужесточили возможность беспрепятственного выхода в глобальную сеть. Для того, чтобы воспользоваться интернет-услугами необходимо пройти обязательное визуальное распознавание личности. Нововведения связаны с обеспечением и защитой прав всех категорий населения в киберпространстве и борьбой с телефонным мошенничеством.

Возможно, для более безопасного нахождения несовершеннолетних в сети интернет, необходимо ужесточить регистрацию аккаунтов, в различных видео хостингах, таких как: Youtube и Rutube. Для достижения данной цели необходимо пересмотреть политику анонимности личной информации в уставах или регламентах данных компаний. Необходимо обязать вовремя регистрации аккаунта, указывать данные паспорта либо данные свидетельства о рождении в дополнительно введённых графах для регистрации. Другим решением возможно считать, регистрацию данных аккаунтов через сайт госуслуг.

Пристатейный библиографический список

1. Саранчин Д. В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (предусмотренного статьей 151.2 УК РФ) // Теория права и межгосударственных отношений. - М., 2021. - № 8 (20). - С. 195-203.
2. Зозырева Э. А. Как определить подростков группы риска // Профессиональное образование. Столица. - 2019. - № 10. - С. 40-41.
3. Набатова Е. А., Пырьева Е. И. Способы совершения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. - 2018. - № 1 (5). - С. 99-105.
4. Саранчин Д. В. Проблемы дифференциации ответственности за деяние, предусмотренное статьей 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2020. - № 3 (53). - С. 138-146.
5. Чунин А. С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://minnats.alania.gov.ru/sites/minnats/files/media/pages/files/2021-07/НАК%20феномен%20скулшутинга.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).
6. Суд в Петербурге запретил аниме «Тетрадь смерти» и «Инуяшики». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ria.ru/20210120/anime-1593865249.html> (дата обращения: 10.11.2022).

Сыч Константин Антонович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Академии ФСИН России

МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В СВЯЗИ С КОНЦЕПЦИЕЙ «ОПАСНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ»

Работа посвящена мерам социальной защиты (безопасности), которые имеют отличие от наказания. Целью их применения является специальная превенция и защита от опасного поведения любого лица, включая и невменяемых лиц, и не достигших возраста уголовной ответственности. В работе опасное состояние личности рассматривается в качестве основания применения мер социальной защиты. В отличие от наказания, носящего ретроспективный характер, меры социальной защиты обращены в будущее и преследуют цель превентивного воздействия. В таком смысле меры социальной защиты существенно дополняют арсенал мер уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: меры социальной защиты, меры безопасности, опасное состояние личности, наказание.

SYCH Konstantin Antonovich

Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

SOCIAL PROTECTION MEASURES IN CONNECTION WITH THE CONCEPT OF "DANGEROUS STATE OF PERSONALITY"

The work is devoted to measures of social protection (security), which differ from punishment. The purpose of their application is a special prevention and protection against the dangerous behavior of any person, including both insane persons and those who have not reached the age of criminal responsibility. In the work, the dangerous state of the individual is considered as the basis for the application of social protection measures. Unlike punishment, which is retrospective in nature, social protection measures are directed to the future and pursue the goal of preventive action. In this sense, social protection measures significantly complement the arsenal of criminal law measures.

Keywords: measures of social protection, security measures, dangerous state of the individual, punishment.

Сыч К. А.

Институт наказания, с точки зрения процесса правового регулирования общественных отношений, отнесенных к ведению уголовного права, можно рассматривать в качестве метода разрешения социальных конфликтов, связанных с причинением вреда или с реальной угрозой причинения такого вреда. Однако проблема, на мой взгляд, заключается в том, что посредством этого метода можно разрешать далеко не все такого рода социальные конфликты, в силу ретроспективности применяемых судом мер наказания. Для наказания важнейшим правовым условием является то обстоятельство, согласно которому деяние, причиняющее вред, уже совершилось или находится в процессе его совершения. Иными словами, деяние должно содержать все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ), как правового основания для реального применения судом мер наказания. Отсюда следует, что применение наказания в превентивных целях недопустимо. Кроме того, наказание может применяться далеко не ко всем лицам, представляющим общественную опасность или социальную угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом юридическим благам (невменяемые, лица, не достигшие возраста уголовной ответственности и др.). В рассматриваемом контексте справедливо будет предположить, что для разрешения отмеченных проблем действующий УК РФ не имеет в своем арсенале достаточно необходимых правовых средств.

В этой связи обращает на себя внимание институт неоконченного преступления, который в силу ч. 2 ст. 29 УК РФ относится к нему и приготовление к преступлению. Само по себе приготовление, как известно, представляет собой действия, которые не являются признаками объективной стороны тяжкого или особо тяжкого преступления. В строгом юридическом смысле приготовительные действия лица не содержат признаков состава преступления, как основания уголовной ответственности. Тем не менее, ч. 2 ст. 30 УК РФ закрепляет положение, согласно которому уголовная ответственность все же наступает за приготовительные действия к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Вполне очевидно, что отмеченное положение ч. 2 ст. 30 УК РФ находится в явном противоречии со ст. 8 и ч. 1 ст. 14 УК РФ. Представляется, что законодатель вынужден был закрепить такое противоречивое положение потому, что имеющимися в арсенале уголовного закона принудительных средств разрешить отмеченную проблему практически сложно.

Приготовительные действия к совершению тяжкого или особо тяжкого преступлений, на мой взгляд, представляют яр-

кий пример, указывающий на опасное состояние лица, которое целеустремленно стремится причинить вред, охраняемым уголовным законом юридическим благам. По-видимому, меры социальной защиты применительно к этому и подобным случаям, были бы более эффективными, поскольку они являются не карательного свойства, а превентивного и преследуют цель разрешения социального конфликта.

Парадигма мер социальной защиты, получившая свое воплощение в уголовном законодательстве ряда европейских государств, в середине сороковых годов XX века, явилась результатом длительной научной дискуссии, которая велась между сторонниками классической и социологической школ уголовного права. Представители социологического направления в уголовно-правовой науке склонялись к идее о неэффективности мер наказания, основанных на принципах классической школы уголовного права, предложили концепцию мер социальной защиты. Отмеченная концепция претендовала на законодательное место, взамен уголовного наказания, которое не способно, по мнению сторонников этого научного направления, преодолеть преступность как социальное явление.

Традиционно наука уголовного права остается на позициях преимущественно наказания, как правового последствия преступлений. Однако судебная практика все острее сталкивается с проблемами, явно не связанными с институтом преступления, например, с общественно опасными деяниями, подпадающими под признаки норм Особенной части УК РФ, но не являющимися преступлениями. Действующий УК РФ в своем арсенале содержит принудительные меры медицинского характера, а также принудительные меры воспитательного воздействия, которые резонно соотносить с мерами безопасности и исправления.

Меры безопасности достаточно полно получили теоретическое обоснование, например, в германском уголовном праве, однако, как признают сами немецкие криминологи, современная теория уголовного права является преимущественно теорией уголовного наказания. Это объясняется некоторыми причинами, связанными с тем, что меры безопасности были включены в уголовное законодательство зарубежных государств позже. Кроме того, до сих пор ведутся научные дискуссии по поводу правомерности мер социальной защиты и безопасности в законодательной и правоприменительной практике.

В российской юридической литературе тема мер безопасности начала развиваться применительно к проблеме пред-

упреждения преступности. Следует заметить, что монографических работ по рассматриваемой теме почти нет.

Возникает, естественно, вопрос о понятии и сущности мер безопасности и их отличии от наказания.

Профессор А. Е. Жалинский, анализируя современное немецкое уголовное право, в том числе и меры безопасности, приходит к выводу о том, что меры безопасности связаны не с виной, а лишь с социальной опасностью субъекта деяния, а потому могут применяться при отсутствии вины. Их объединяет с наказанием то, что они являются государственной реакцией на противозаконное деяние [2, с. 292].

Уголовное законодательство Республики Молдовы, приходит к выводу о том, что отличие наказания от мер безопасности заключается: 1) наказание имеет репрессивный характер, сущность мер безопасности состоит преимущественно в превентивном, предупредительном, значении; 2) наказание предусматривает превенцию, а меры безопасности ограничиваются специальной превенцией; 3) наказание применяется как последствие вины лица, а меры безопасности определяются опасностью лица, которая констатируется правоохранительными органами, а применение наказания зависит от психофизической способности преступника, тогда как назначение мер безопасности не связано с таким условием; 4) наказание назначается, как правило, на определенный срок, а меры безопасности имеют бессрочный характер, оставаясь в силе, пока не исчезнет опасность, что вызвала применение этой меры.

Справедливости ради, следует заметить, что отдельные российские авторы склонны полагать, что в перспективе произойдет замена лишения свободы системой социально-терапевтического влияния на лицо, которое совершило криминальное правонарушение [4, с. 155]. Такой теоретико-методологический подход, как известно, уже был использован в законодательной и правоприменительной практике, например, меры некарательного воздействия как законодательный опыт Швеции.

Истина, видимо, находится посредине. Меры безопасности должны иметь, на наш взгляд, точное законодательное описание, определение, основания и пределы вторжения в права и свободы лица.

Следует заметить, что отдельным мерам безопасности уделяется внимания в международном и европейском праве. Так Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988) настоятельно рекомендует государствам применять специальную конфискацию, которая является мерой безопасности. В частности, указанный документ акт Международного права предусматривает конфискацию: а) доходы, полученные в результате совершения соответствующих правонарушений, либо собственность, стоимость которой соответствует таким доходам; б) наркотических средств и психотропных веществ, материалов и оборудования или других средств, что использовались либо предназначались для использования лицом при совершении правонарушения.

Влияние идей социальной защиты на законодательную власть, как известно, было настолько велико, что целый ряд европейских государств, включили в действующее уголовное законодательство меры социальной защиты (меры безопасности), в качестве альтернативы наказанию либо наряду с ним: УК Испании 1928 года; УК Италии 1930 года; УК Польши 1932 года; УК Швейцарии 1937 года [1, с. 91].

Тенденция включения мер социальной защиты в уголовное законодательство была характерна и советскому уголовному праву. Например, УК РСФСР 1922 года включил меры социальной защиты наряду с мерами наказания, в последующем, УК РСФСР 1926 года закрепил в качестве мер уголовно правового реагирования на преступление, только меры социальной защиты. Возвращение советского уголовного законодательства в лоно классической школы, в связи с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, превало эту негативную тенденцию.

В основу мер социальной защиты, как известно, положена идея опасного состояния личности. Особенностью идеи «опасного состояния личности» является то, что она подменяет вину личности, а потому применение мер социальной защиты возможно даже при отсутствии совершенного преступного деяния лица.

Существенное различие мер социальной защиты наряду с наказанием заключалось в том, что назначение этих мер определялось не виновностью лица или тяжестью совершенного им преступления, а степенью опасного состояния человека, его психическим состоянием, которое угрожает обществу. Профессор А. Е. Жалинский, проводя грань отличия наказания от мер безопасности в немецком уголовном праве отмечал, что если наказание является правовым последствием совершенного виновного, наказуемого деяния, то меры безопасности связаны не с виной,

только с социальной опасностью субъекта деяния, и могут назначаться при отсутствии вины [2, с. 292].

В этой связи следует заметить, что отличие наказания от мер безопасности этим не ограничиваются: а) если наказание носит репрессивный характер и лишь опосредованно превентивный, то меры безопасности преимущественно превентивный характер; б) применение наказания связано с вменяемостью субъекта, то меры безопасности могут применяться и в отношении невменяемых; в) цель применения мер безопасности связана с обеспечением социальной безопасности в конкретных случаях; г) основаниями применения мер безопасности могут являться не только совершение общественно опасные деяния, но и опасное состояние человека, которое создает угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам.

Современный этап развития наказания и иных принудительных мер в российском уголовном законодательстве, основан на принципе двухколейного воздействия, состоящей из мер наказания, основанных на принципах классической школы уголовного права и иных мер уголовно-правового характера». Основное отличие иных мер уголовно-правового характера от мер безопасности зарубежного уголовного права, заключается в том, что они сконструированы не по системному принципу превентивного воздействия на ситуацию, связанную с опасным состоянием человека. Создающую угрозу причинения вреда. В силу отмеченных причин, трудно определить критерий отнесения к Разделу 6 УК РФ: «Принудительные меры медицинского характера» (Глава 15); «Конфискация имущества» (Глава 15.1); «Судебный штраф» (Глава 15.2). Между тем, в зарубежном уголовном праве меры безопасности носят превентивный характер, направленный на устранение опасности, охраняемым уголовным законом объектам. К примеру, ст. 96 УК Испании делит меры безопасности на две группы: 1) связанные с изоляцией от общества; 2) не связанные с изоляцией от общества (запрет на нахождение и проживание в определенной местности, лишение права на управление транспортным средством, лишение лицензии на оружие, профессиональная дисквалификация и др.). В этой связи представляет интерес ст. 42 УК Швейцарии, которая закрепляет право суда применять интернирование, если у суда сложится убеждение, что осужденный, совершивший проступок, склонен к совершению преступлений. По утверждению А. Г. Кибальника, отмеченная мера является превентивным заключением лиц, склонных к совершению преступлений или проступков [3, с. 46]. Действующий УК ФРГ предусматривает в этом отношении более сложные меры, известные как превентивное заключение, которое назначается в случае осуждения лица за умышленное преступление к лишению свободы на срок не менее двух лет. Превентивное заключение применяется в отношении опасных рецидивистов, с тяжкими личностными нарушениями, опасных сексуальных преступников, лиц с ограниченной вменяемостью и других категорий. В основе применения отмеченной меры лежит принцип соответствия, закрепленный в параграфе 62 УК ФРГ, который заключается в соответствии применяемой судом меры от ожидаемого деяния, а также зависит от степени опасности, которая исходит от этого лица.

Иные меры уголовно-правового характера ныне действующего УК РФ, основаны на совершенно иных принципах, мало отличающихся от наказания. Представляется, что они могли и должны быть сконструированы по критерию социальной опасности, в основе которого лежит учение социологической школы уголовного права «об опасном состоянии личности». При этом в современном правовом значении концепция «опасного состояния личности» не должна применяться при характеристике наказания, вместо признака «виновности». Из приведенного тезиса следует, что концепция «опасного состояния личности» социологической школы уголовного права нуждается в современных условиях в более продвинутом научном исследовании, поскольку это затрагивает фундаментальные конституционные права и свободы человека.

Пристатейный библиографический список

1. Ансель М. Новая социальная защита. – М., 1970.
2. Жалинский А. Е. Современное немецкое уголовное право. – М., 2004.
3. Кибальник А. Г. Основные положения общей части уголовного права зарубежных стран. – М.: Илекса, 2008.
4. Шестаков Д. А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 154-160.

АЛИСТАНОВА Ариза Эминовна

магистрант 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

МАГОМЕДОВ Гусейн Багавдинович

кандидат юридических наук, доцент, директор Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ В СЕМЬЕ НА КРИМИНОГЕННЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В БЫТУ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ

В статье проведён анализ влияния социального неблагополучия в семье на криминогенные ситуации, возникающие в быту между членами семьи, анализ причинного комплекса и условий им способствующих.

Причины насилия в отношении членов семьи проанализированы исходя из социокультурных, исторически сложившееся отношений к физическим наказаниям как к обязательному средству воспитания, с учётом социально-экономических особенностей семьи. В основу исследования так же положено социальное неблагополучие в семье как фактор, порождающий насильственную преступность. На основе такого анализа даны варианты решения проблемы преступного насилия в семье.

Ключевые слова: насилие в семье, поведение жертвы, насильственная преступность, агрессивное поведение.

ALISTANOVA Ariza Eminovna

magister student of the 2nd course of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

MAGOMEDOV Huseyn Bagavdinovich

Ph.D. in Law, associate professor, Director of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

THE INFLUENCE OF SOCIAL ILL-BEING IN THE FAMILY ON CRIMINOGENIC SITUATIONS, ARISING IN EVERYDAY LIFE BETWEEN FAMILY MEMBERS

The article analyzes the impact of social ill-being in the family on criminogenic situations arising in everyday life between family members, analyzes the causal complex and conditions that contribute to them. The causes of violence against family members are analyzed on the basis of socio-cultural, historically established attitudes to physical punishment as a mandatory means of education, taking into account the socio-economic characteristics of the family. The study is also based on social disadvantage in the family as a factor that generates violent crime. Based on such an analysis, options for solving the problem of criminal violence in the family are given.

Keywords: domestic violence, victim behavior, violent crime, aggressive behavior.

Насилие в отношении членов семьи это вид агрессивного поведения и использования силы для нанесения вреда: от словесных оскорблений и угроз до побоев и изнасилования. Изучению данного вопроса в криминологии стали уделять внимание только в последнее время, что обусловлено ростом агрессии в обществе и проявлениям насилия в отношении членов.

В 2022 году насилие в семье характеризовалось следующими показателями по видам преступных посягательств: ст. 105 УК – 1,1 %, ст. 111 – 1,9 %, ст. 112 – 1,1 %, ст. 115 – 0,7 %, ст. 116 – 1,7 %, ст. 118 – 3,2 %. В Дагестане проявление агрессии в семье и совершение преступных посягательств было установлено – в 8,2 % случаев[1].

К насильственной преступности совершаемой в семье относится, это прежде всего, изнасилования, развратные действия без полового сношения (блуд), так называемый грубый гомосексуализм, совершенных с применением физического насилия или угрозы его применения, с использованием зависимого положения потерпевшего, в отношении малолетнего или несовершеннолетнего, а также совершенных публично либо с целью склонение к занятию проституцией, похищение женщин с преступно-сексуальной целью. При совершении преступлений, связанных с порнографией, сводничеством, предоставлением помеще-

Алистанова А. Э.

Таилова А. Г.

Магомедов Г. Б.

ния для сексуальных целей, половым сношением с близким родственником (кровосмешением), отсутствует элемент насилия, какое бы криминологическое содержание ни вкладывалось в это понятие.

Особое влияние на проявления насилия в семье играет злоупотребления спиртными напитками. За последние годы они составляют - более 25 % всех преступлений.

По данным исследований, больше одной трети изнасилований в семье произошли при случайном стечении обстоятельств, без предварительной подготовки. Столько же и преступлений, приготовление которых заключалось в более или менее целенаправленном установлении контакта с жертвой.

Так, например, М. признан виновным в том, что он, находясь в квартире Л., напоил несовершеннолетнюю Т. (16 лет), а затем изнасиловал Т. Это преступление совершено при таких обстоятельствах. 3 марта 2010 года Т. приехала из села в г. Махачкалу к своим родственникам. Вместе с ней были ее младшая сестра и знакомая Ш. В. Ш-ва предложила поехать к своей хорошей знакомой Л. В это время в квартире Л. находились М-ов Абдул и ее двое детей и квартирантка Абакарова М. М. познакомился с Т., она ему понравилась, и он решил совершить с ней половое сношение. Вместе с ней он ходил в магазин, ухаживал за ней. Вечером Ш. предложила Т. и ее сестре остаться у Л. ночевать, а М. обещал утром отвезти их к родственникам, а затем и в село на закрепленной за ним автомашине. По инициативе М. купили две бутылки водки и бутылку вина (кроме того, одну бутылку водки привезла с собой Ш.) и организовали обед, продолжавшийся до поздней ночи. Все опьянели. Т. вначале отказалась пить, но М. заставил ее выпить 2 рюмки водки и стакан вина, отчего она также опьянела. Затем, решили лечь спать. В большой комнате на одну кровать легли Ш-ва В. и сестра Т., а на другую – двое детей хозяйки и квартирантки А. На застекленной веранде Л-ва М. приготовила постель для себя и для Магомеда, но по его настоянию на эту же кровать была уложена и Т. Через некоторое время после того, как Л-ва и Т. легли спать, к ним подошел М., разделся и лег рядом с Л-вой. Затем М. путем угрозы заставил Л-ву уйти, а сам остался с Т. и, воспользовавшись тем, что она находилась в опьяненном состоянии вопреки ее воли совершил с ней половое сношение, лишив девственности [2].

Большинство преступлений совершается в городах. Городская среда освобождает уже существующие социальные структуры от относительной замкнутости общения внутри своего круга и ставит личность в напряженное для ее социальной адаптации окружение.

В условиях анонимности преступник чаще прибегает к насилию для разрешения конфликтов. Агрессивное проявления личности бывает также следствием невроза и психопатии, особенно характерных для проявлений социального неблагополучия в семье.

Криминологи рассматривают человека как социально обусловленное явление, но не игнорируют и биологическое в нем. Последнее представляет собой лишь материальную форму отражения социальной действительности и поэтому не существует самостоятельно вне своей социальной определенности и не должно противопоставляться социальному. На процесс формирования личности агрессивного типа все большее влияние оказывает трудно контролируемая уличная среда, особое влияние она оказывает на несовершеннолетних членов семьи, которые в дальнейшем вливают свою агрессию на младших братьев или сестёр либо направляя её против родителей или престарелых членов семьи [3, С. 123].

В возрастной структуре лиц, совершивших изнасилования, выделяется группировка на переходе границы от второго к третьему возрастному десятилетию. Наибольшей преступной активностью отличается группа 29-40-летних.

Лица, совершившие изнасилования, характеризуются низким уровнем образования и правосознания, примитивными взглядами на сексуальные отношения, эгоизмом, невысокой степенью самокритичности и культом грубой физической силы.

Каждый третий осужденный был ранее судим, а каждый десятый — был осужден за половое преступление. Четверо из каждых пяти осужденных совершивших преступление в семье были нетрезвыми в момент совершения преступления. В нетрезвом состоянии находилась и изнасилованных женщин.

Анализ признаков, характеризующих жертвы изнасилований в семье, показывает, что наиболее высок индекс виктимизации у 16-17-летних, за которыми следуют 10-13-летние. При совершении почти половинными изнасилований жертва и насильник были соучениками, приятелями, родственниками, а в 30 % — случайными знакомыми. Как сексуальную провокацию можно квалифицировать поведение – 2 % жертв[2].

Определённое значение в агрессивных преступных посяательствах имеет аффект так, например А., признана виновной в причинении тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта своему супругу Р. В ходе рассмотрения данного уголовного дела было установлено, что Р. Систематически издевался над детьми и женой, приходил домой в подвыпившем состоянии, хулиганил, выгонял жену и детей из дома. Когда он, в очередной раз, пришёл домой в состоянии алкогольного опьянения и стал бить 5 летнего сына, а потом кричать на всех сидящих за столом детей, А., не выдержала такого издевательства и нанесла несколько ударов чугунной сковородкой по голове Р. [2].

При некоторых видах преступлений (убийствах, изнасилованиях) неправомерное поведение жертвы домашнего насилия наблюдается обычно в 20-30 и более процентах случаев.

Так, например, М., 16 лет обвинялся в причинении вреда здоровью своему брату – 18 лет (ст. 111 ч. 4). В ходе расследования выяснилось, что М., систематически подвергался избиению со стороны своего отца и старшего брата Магомеда. В ходе очередного скандала возникшего между братьями М., схватил табуретку и ударил ею по голове Магомеда. В результате полученной черепно-мозговой травмы, потерпевший скончался на 3 сутки в ТМО г. Махачкалы [2].

Неправомерное поведение жертвы в значительной степени привлекает волю и эмоции преступника, заставляет его обращать свое внимание на каждый ее шаг, обдумывать различные варианты действия с учетом возможных изменений в криминальной ситуации. Активность жертвы иногда бывает неожиданной для преступника и увеличивает риск нарушения ее личных или имущественных интересов.

Нейтральное поведение жертвы характеризуется отсутствием прямой связи с преступником, вследствие чего очень часто преступление оказывается неадекватным криминальной ситуации.

Конкретное поведение жертвы до и во время совершения преступления может быть активным или пассивным – это зависит от психосоциальных и физических особенностей жертвы, равно как и ее действий в конфликтной ситуации. Активность жертвы семейного насилия, например, может происходить в пределах необходимой обороны, но она может быть и агрессивной по отношению к лицу, ставшему преступником из-за внезапности конфликта и его неблагоприятного развития.

Проблема возможного влияния будущей жертвы семейного насилия на процесс формирования личности преступника ставится в тех случаях, когда взаимоотношения между будущей жертвой и преступником (родственниками, приятелями, знакомыми и др.) не ограничиваются рамками только криминальной ситуации.

При сложных и длительных взаимоотношениях человек - жертва преступления семейного насилия объективно оказывает на преступника большее воздействие своей собственной личностью и деятельностью, нежели своим конкретным поведением в конфликтной ситуации. Это воздействие особенно сильно, если оно касается несовершеннолетнего, антисоциальные ориентации которого, полученные в этом возрасте, приобретают весьма устойчивый характер. В сущности, это является «вкладом» будущей жертвы в формирующееся или абстрактно сформированное отрицательное отношение преступника к человеку или к другим ценностям.

Выяснение существовавших взаимоотношений между преступником и жертвой в семейных конфликтах позволяет преодолеть традиционное противопоставление их друг другу.

Таким образом, раскрытие диалектической взаимообусловленности виктимности и криминогенности, выяснение виктимогенных аспектов факторов, имеющих значение для понимания преступного поведения личности проявляющего агрессию в быту позволяет разработать проведение эффективной превентивной деятельности в отношении проявлений криминальной агрессии в семье.

Подобное отношение ведет к деградации внутрисемейных отношений и ценностей, а ребенок, в конце концов, переходит в состояние социально-психологической изоляции от собственных родителей. Важно упомянуть, что восприятие ребенком перенесенных актов насилия основывается на его уровне развития. То есть насилие воспринимается по-разному в силу возраста, иногда истинный смысл подобного жеста может и вовсе исказиться, формируя ложные представления в сознании у ребенка. Он может даже и не осознавать, что вообще подвергается насилию. Опасность данного положения связана с дальнейшим взрослением, когда ребенок уже лучше понимает социальные нормы и запреты, что приводит к определенному конфликту в картине мира и формирует экзистенциальный вакуум. Логично предположить, что пережившие насилие дети нуждаются в комплексной и конструктивной реабилитации, однако в современных российских реалиях работа над данным аспектом оставляет желать лучше, что снова приводит к возобновлению цикла насилия, о котором мы говорили выше.

Последствия внутрисемейного насилия можно проследить не только на личностном уровне, это также большая проблема для национальной безопасности.

Насилие не только является причиной распада семей, благодаря последствиям данного феномена снижается рождаемость и возрастает детская безнадзорность, помимо этого, многие жертвы воспроизводят насилие уже по отношению к другим, пополняя ряды преступников.

Причины насилия в отношении детей в семье могут быть различны:

- социокультурные: исторически сложившееся отношение к физическим наказаниям как к обязательному средству воспитания;
- социально-экономические: бедность, безработица и т. п.;
- особенности семьи: насилие одного супруга по отношению к другому, развод или вдовство;
- состояние здоровья родителей;
- недостаточная родительская компетентность;
- состояние здоровья ребенка.

Несмотря на то, что наиболее благоприятным местом развития и реабилитации детей с ограниченными возможностями является семья, очень часто именно дома такие дети становятся объектом насилия, которое может проявляться как со стороны родителей (или лиц их замещающих) так и со стороны здоровых детей в семье.

Рассмотрим самые распространенные причины подобного поведения со стороны родителей:

- потеря работы из-за болезни ребенка (один из родителей вынужден постоянно находиться дома и ухаживать за ребенком);

- постоянный стресс и нервозность из-за нехватки денежных средств на приобретение необходимых лекарственных средств и средств реабилитации; ограничение отдыха и культурных развлечений родителей;

- давление и непонимание со стороны общества (такая семья чаще всего находится в социальной изоляции, что кардинально сужает круг общения родителей, что приводит к затяжным депрессиям и нервным срывам); -неприятие болезни ребенка (родители не выполняют предписания индивидуальной программы реабилитации, отвергают ребенка и его особые потребности);

- чувство безысходности и депрессии, когда одинокая мать с ребенком с особыми потребностями на руках, живя в тяжелых жилищных и материальных условиях, срывает свое раздражение, обиду, злость на своем ребенке.

Причины проявления насилия в отношении детей с ограниченными возможностями со стороны здоровых детей в семье могут быть следующие:

- ревность, из-за того что здоровым детям уделяется меньше внимания и заботы чем ребенку с ограниченными возможностями здоровья;

- озлобленность и агрессия из-за того, что нуждам здорового ребенка уделяется меньше внимания, так как не хватает денежных средств;

- психологическое угнетение детей из-за негативного отношения окружающих к их семье (многие родители не разрешают своим детям общаться с детьми из семей, где есть дети с ограниченными возможностями здоровья).

Ограничение насильственной преступности связано и с правильным проведением уголовной политики правоохранительными органами.

Важность проблемы ограничения и сокращения агрессивных преступленных проявлений в семье составляющих значительную часть насильственной преступности, обусловлена и большим удельным весом их в общей преступности, они занимают второе место (после преступлений против собственности).

Все еще существуют трудности при изучении личности насильственного преступника на всех стадиях уголовного процесса, что затрудняет установление признаков субъективной стороны преступления, и в частности мотивации, которая во многих случаях остается недостаточно выясненной. Отсюда и ошибки в квалификации некоторых преступлений, недостаточная индивидуализация при назначении наказания.

Все это трудности познавательного характера, и для их устранения необходимо внедрить в практику комплексную психологическую и психиатрическую экспертизу.

Пристатейный библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-октябрь 2022 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/>.
2. Материалы уголовных дел по насильственным посягательствам, рассмотренные Советским районным судом г. Махачкалы. Архив суда Советского района г. Махачкалы за 2021-2022 года.
3. Ревин В. П. Современные проблемы изучения и организации борьбы с преступлениями в сферах семейно-бытовых и молодежно-досуговых отношений. — М., 2014. — 480 с.

АДИЛОВ Заур Адилевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОУЧАСТИЯ В НЕОКОНЧЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОГО И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В статье рассмотрены некоторые проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за отдельные специальные виды соучастия в неоконченных преступлениях экстремистского и террористического характера. Подвергнуты критическому анализу конструктивные признаки составов статей 210, 205.4 и 282.1 УК РФ в части оправданности и однообразности их закрепления в соответствующих нормах. Выделены некоторые проблемы законодательной техники изложения указанных норм в УК РФ. Обоснована необходимость совершенствования действующего уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за организацию вышеуказанных форм преступного соучастия.

Ключевые слова: уголовное право, преступное соучастие, формы соучастия, организованная группа, преступное сообщество, террористическое сообщество, экстремистское сообщество, неоконченное преступление, уголовная ответственность.

ADILOV Zaur Adilovich

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

ABOUT SOME PROBLEMS OF COMPLICITY IN UNFINISHED CRIMES OF EXTREMIST AND TERRORIST NATURE

The article discusses some problems of legislative regulation of criminal liability for certain special types of complicity in unfinished crimes of extremist and terrorist nature. The constructive features of the compositions of Articles 210, 205.4 and 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are critically analyzed in terms of the justification and monotony of their consolidation in the relevant norms. Some problems of the legislative technique of the presentation of these norms in the Criminal Code of the Russian Federation are highlighted. The necessity of improving the current criminal legislation providing for responsibility for the organization of the above forms of criminal complicity is substantiated.

Keywords: criminal law, criminal complicity, forms of complicity, organized group, criminal community, terrorist community, extremist community, unfinished crime, criminal liability.

Одной из наиболее опасных тенденций современной криминальной картины является все большая структурированность преступности в нашей стране. Институт соучастия всегда являлся предметом особого внимания, что вызвало необходимость выделить в обособленные составы УК РФ, устанавливающие наказуемость специальных видов соучастия, представляющих особую общественную опасность. При этом при конструировании таких норм законодатель не всегда последователен, что порождает некоторые противоречия и трудности в правоприменительной деятельности. В рамках настоящего исследования остановимся на рассмотрении некоторых проблем правовой регламентации ответственности за некоторые специальные виды соучастия в неоконченных преступлениях экстремистского и террористического характера.

В научной литературе не раз высказывались мнения об избыточности норм, предусматривающих самостоятельную ответственность за соучастие в экстремистской и террористической деятельности [4, с. 18]. Действующее уголовное законодательство было дополнено целым рядом таких составов. Мы выступаем за надлежащую индивидуализацию форм ответственности соучастников преступления, однако, формирование структуры вновь вводимых норм должно полностью соответствовать юридической технике и не создавать противоречий и проблем восприятия уголовного запрета.

Так, например, установление ответственности в случае инициирования образования объединения организаторов следует считать излишним. Более того, сохранение в ст. 282.1 УК РФ упомянутого обстоятельства в качестве одного из альтернативных вариантов реализации объективной стороны преступления может привести к фактическому двойному осуждению за одно и то же деяние, что недопустимо в соответствии со ст. 6 УК РФ.

Еще одно противоречие нам видится в выделении в рамках отдельных самостоятельных составов ответственности за

«организацию экстремистского сообщества» и «организацию деятельности экстремистской организации». Оба указанных состава, по нашему мнению, следует рассматривать как специальные виды соучастия по отношению к статье 210 УК РФ, в которой понятия «преступное сообщество» и «преступная организация» рассматриваются как некие тождественные категории. При этом в рамках указанной более общей нормы не выделяется четких конструктивных признаков, отграничивающих эти два понятия.

Исследование признаков объективной стороны состава статьи 282.2 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что под такими понимаются лишь общественные или религиозные объединения и только те из них, в отношении которых вступило в силу решение суда о запрете их деятельности в связи с экстремистской деятельностью. Иными словами, преюдициальное значение вступившего в силу решения суда имеет решающее значение. Основанием для принятия такого решения является осуществление таким объединением экстремистской деятельности (в том числе преступлений экстремистской направленности).

То есть в случае признания такой организации экстремистской в связи с совершением ее представителями преступлений экстремистского характера ответственность участников такого объединения следует рассматривать в контексте квалификации по совокупности со статьей 282.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за создание экстремистского сообщества (которая не требует обязательного наличия вступившего в силу приговора суда о признании организации экстремистской). Но если рассматривать статью 282.2 УК РФ более специальной по отношению к статье 282.1 УК РФ, то считаем неоправданным абсолютно равная мера наказуемости за совершение обоих указанных преступлений. Более специальная норма по логике должна предусматривать более суровую меру ответственности (с учетом установленного судом запрета деятельности такой организации).

Более того, при определении экстремистского сообщества, как формы соучастия, законодатель использовал формулировку «организованная группа лиц...», которая в соответствии с законодательной конструкцией ст. 35 УК РФ [1, с. 587] исключает возможность ее отнесения к специальному виду преступного сообщества. Такая же ситуация складывается при определении террористического сообщества в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ «... устойчивая группа лиц...». То есть, законодатель, определяя в названии соответствующих статей одну форму соучастия, описывая объективные признаки деяния указывает на другую. Таким образом, диспозиции данных норм содержат противоречивые формулировки, препятствующие качественной уголовно-правовой оценке признаков такой формы соучастия и их отнесения к специальным видам преступного сообщества. Использование в соответствующих нормах конструктивных признаков, не свойственных базовому понятию «преступное сообщество», установленному в ст. 35 УК РФ, вносит определенные проблемы надлежащему применению рассматриваемых норм в правоприменительной деятельности. Иными словами, произошло наложение двух самостоятельных форм соучастия (организованной группы и преступного сообщества (организации)) в рамках самостоятельных составов, предусматривающих ответственность за организацию или участие в террористическом сообществе или экстремистской организации. Следует напомнить, что, исходя из теоретических подходов к пониманию названных форм соучастия, организованная группа может характеризоваться наличием двух и более лиц в ее составе, а также соисполнительством всех соучастников в совершаемых преступлениях. Такое понимание экстремистского или террористического сообщества не вполне логично и не оправданно практическими потребностями борьбы с преступностью. Следует признать, что для потребностей правоприменителей было бы уместным рассмотреть в качестве специальных видов соучастия в нормах УК РФ такие как «организованная экстремистская группа» или «террористический бандитизм», что определенным образом упростило бы восприятие уголовно-правовой оценки деятельности таких форм неоконченного преступного соучастия.

Для устранения таких противоречий необходимым считаем однообразное определение всех специальных видов преступного сообщества в соответствующих нормах как «структурированную организованную группу или объединение организованных групп», что требует корректировки отечественного уголовного законодательства.

Другим противоречивым аспектом является отсутствие четкого определения законодателем целей экстремистского сообщества в качестве специальной формы соучастия [2, с. 167]. При сравнении конструкции состава ч. 1 ст. 282.1 УК РФ со смежными ему составами статей 210 УК РФ и 205.4 УК РФ, можно констатировать, что в последних присутствует прямое указание целеполаганий создания преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) и террористического сообщества (ст. 205.4 УК РФ). Применительно к ст. 282.1 законодатель, не называя конкретных целей, указывает на определенные направления преступной деятельности такого сообщества «для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности...». Ввиду того, что специфика конструкции состава данного преступления позволяют отнести его к числу усеченных составов [2, с. 69], конкретное обозначение конечной цели образования такого экстремистского сообщества считается необходимым. Поэтому формулировку «для подготовки или совершения...» заменить на «в целях подготовки и совершения...».

В соответствии с предлагаемой законом конструкцией соответствующих составов для квалификации деяний не имеет значение объем, масштаб выполненной организационной деятельности, ее успешность с точки зрения конечных преступных целей и задач, которые охватывались умыслом виновного. Подобные конструктивные особенности рассматриваемых составов оставляют возможность субъективной оценки правоприменителя, который имеют возможность принимать решения о наличии такой цели как поддержка терроризма. Ведь приходя к выводу о наличии такой цели, сразу меняем подход к рассмотрению объективной стороны преступления, а именно применительно к ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, наличие такой цели автоматически определяет участие лица в террористическом сообществе, а под участием необходимо понимать «вхождение лица в террористическое сообщество

с намерением непосредственного участия в деятельности террористического сообщества или совершения преступлений», а это исключает такие услуги, как информационные, консультативные, трудовые, личные, так как это не является непосредственным участием в деятельности сообщества [5, с. 205].

Помимо изложенного, обратим внимание, на некоторую недоработку законодателя, упустившего выделение в отдельный квалифицированный состав ст. 205.4 УК РФ ответственность в случае совершения указанных деяний с использованием должностного или служебного положения субъекта. Такой шаг необходимо предпринять для качественного отягчения ответственности указанной специальной категории субъектов. В смежных данному составу статей 210 УК РФ и 282.1 УК РФ индивидуализация ответственности такой категории субъектов предусмотрена. Следует обратить внимание, что использование должностного или служебного положения, как обстоятельства, отягчающего наказание, не предусмотрено и в ст. 63 УК РФ (за исключением отдельных специальных норм, предусмотренных в п.п. «м», «о» и «п», которые не всегда применимы к ст. 205.4 УК РФ). Иными словами, такое обстоятельство не должно быть рассмотрено в качестве отягчающего ответственность. Должностное или служебное положение субъекта указанных видов преступления значительно облегчает их совершение или позволяет скрыть деятельность указанных видов соучастия от правового вмешательства, поэтому указанное обстоятельство необходимо выделить в качестве квалифицированного состава ст. 205.4 УК РФ.

Подводя итог рассмотрения особенностей уголовной ответственности специальных форм неоконченного соучастия, выделенных в качестве предмета настоящего исследования, отметим еще одно несоответствие юридической технике в конструкции рассмотренных норм. Исходя из общего правила юридической техники изложения уголовно-правовых норм - основные составы статей Особенной части УК РФ принято располагать в первой части соответствующей статьи. Они не содержат признаков, отягчающих или смягчающих наказание. Все последующие части этой же статьи, приняты рассматривать как квалифицированные. Исходя из анализа содержания санкций ч. 2 ст. 282.1 УК РФ и ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, эти нормы следует рассматривать в качестве привилегированных, что требует их выделение в самостоятельные составы, либо в качестве основных, что вызывает необходимость конструктивных изменений в указанных статьях.

На основе проведенного исследования отметим, что выделенные нами проблемы несовершенства законодательной конструкции рассмотренных составов преступления не являются исчерпывающими, но требуют обязательного устранения для обеспечения единообразного понимания содержания уголовно-правового запрета и обеспечения реальных потребностей правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / Под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. - СПб.: Питер, 2017. - 699 с.
2. Павшукова А. Ю. Определение и классификации современного терроризма. Межгрупповые отношения как фактор террористической активности // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2020. - № 7 (47). - С. 164-167.
3. Подройкина И. А. [и др.] Уголовная ответственность и наказание: учебное пособие / Под редакцией И. А. Подройкиной. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2022. - 266 с.
4. Хлебушкин А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2007. - 28 с.
5. Юрченкова А. С. Терроризм как одна из опасных угроз национальной безопасности // Правовые аспекты нациестроительства в России: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. - 2020. - С. 204-207.

МАГОМЕДАЛИЕВ Марис Жабраилович

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета.

КУРБАНОВА Диана Нурмагомедовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В РОССИИ

Настоящее время трудно представить без использования множества различных высокотехнологичных устройств — мобильных телефонов, планшетов, компьютеров, пластиковых карт. Постоянно появляются новые сервисы и программы. Все перечисленное, безусловно, делает нашу жизнь удобнее, но при этом требует определенных знаний и навыков. Одновременно с появлением и развитием таких высокотехнологичных устройств появляются новые виды мошенничества, позволяющие путем обмана или злоупотребления доверием незаконно получать денежные средства граждан. В современных условиях экономической нестабильности преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий приобретает все новые направления. При этом сеть Интернет выступает не только удобным инструментом, но и благоприятной средой для совершения мошеннических действий в отношении граждан.

Ключевые слова: мошенничество, преступление, современность, интернет, денежные средства.

MAGOMEDALIEV Maris Zhabrailovich

magister student of the Institute of Law of the Dagestan State University

KURBANOVA Diana Nurmagomedovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

MODERN WAYS OF FRAUD IN RUSSIA

It is difficult to imagine the present without the use of many different high-tech devices - mobile phones, tablets, computers, plastic cards. New services and programs are constantly appearing. All of the above, of course, makes our life more convenient, but it requires certain knowledge and skills. Simultaneously with the emergence and development of such high-tech devices, new types of fraud are emerging that make it possible to illegally receive money from citizens through deceit or abuse of trust. In modern conditions of economic instability, crime in the field of information and telecommunication technologies is acquiring new directions. At the same time, the Internet is not only a convenient tool, but also a favorable environment for committing fraudulent actions against citizens.

Keywords: fraud, crime, modernity, internet, money.

На сегодняшний день как в России, так и во всем мире существует огромное количество способов совершения преступлений посредством обмана или злоупотребления доверием, всегда найдутся люди, желающие поживиться за чужой счет. Несмотря на постоянные совершенствования специализированных средств выявления и раскрытия преступлений, преступный элемент также не стоит на месте и изобретает все более новые и изощренные способы преступного завладения чужим имуществом.

В настоящее время современная криминология показывает, что общее количество мошенничеств, зарегистрированных в нашей стране за последние годы, только растет. Часть экспертов считают, что этому способствовало широкое толкование законов и эффективной работы органов МВД, а другие эксперты считают, что это связано с современными способами мошенничества.

Мошенничество является одним из видов преступлений, который продолжает сохранять тенденцию к росту, несмотря на некоторую стабилизацию общей преступности. По данным Генпрокуратуры Российской Федерации, в России общее число случаев мошенничества за 2021 г. выросло на 6,5 % [2].

Непосредственно современные технологии позволяют скрывать большое количество преступлений, которые даже невозможно зафиксировать и имеют низкую раскрываемость со стороны органов власти. Дистанционный способ мошенничества с помощью современных технологий позволяет преступникам чувствовать себя в безопасности. По официальным данным, можно сказать, что лишь четверть зафиксированных преступлений были раскрыты (рис. 1).

Стоит отметить, что данный рисунок отражает лишь зафиксированные нарушения без конкретного учета общего

количества совершенных преступлений, которые просто не попали в поле зрения правоохранительных органов [3].

Необходимо перечислить основные способы мошенничества, которые имеют современный подход со стороны преступников в отношении своих жертв.

Искусственный интеллект. В последние годы мировые технологические лидеры все активнее разрабатывают и внедряют искусственный интеллект во все сферы человеческой жизни. Про голосовых роботов (ботов иным языком) слышали многие, так вот они имеют специальный закодированный код комбинации выстроенного диалога с жертвой, который позволяет обзванивать больше потенциальных жертв. Искусственный интеллект не спит и не отдыхает, следовательно, число в день обзвонив или спам писем почти в 2 раз выше, чем работа обычного человека [5, с. 107].

Черные брокеры. Очень популярный вид мошенничества, который получил свое распространение в период пандемии из-за COVID-19, так как большинство граждан со всего мира проводили большую часть времени дома и отсюда совершали онлайн покупки. Черные брокеры начинают обзванивать «спам-звонки» и предлагать выгодные предложения инвестирования или купить чудо-исцеляющие препараты, разные некачественные товары в десятки раз дешевле оптовой цены. Самое худшее, что может быть в таком случае это выяснение реквизитов банковской карты, паспортные данные, номера телефонов и так далее [5, с. 108].

Очень важная роль тут отводится менеджеру (черному брокеру), чтоб смог убедить жертву скачать нужные различные программы вирусные или с плохой репутацией по продаже данных клиентов и там внести нужные данные для будущего использования их в мошеннических операциях. Также менеджер может воспользоваться финансовой неграмотностью жертвы, чтоб она оплачивала покупки как мож-

Рисунок 1. Количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [3]

но дороже или сказать, что произошла ошибка и платеж не прошел (на самом деле платеж прошел) и попросить оплатить повторно [4, с. 26].

Непосредственно, в УК РФ необходимо включить новый вид дополнительного наказания - кибернаказание, суть которого заключается в ограничении доступа в Интернет для лиц, совершивших киберпреступления. Либо более активно использовать такой вид наказания как «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», для чего провести обобщение практики применения судами данного вида наказания, разработать методические рекомендации по его единообразному применению, назначению и исполнению.

Помимо всего вышесказанного, предлагается создать «киберполицию», которая будет заниматься расследованием исключительно преступлений, совершенных в сети Интернет, что позволит правоохранительным органам своевременно, качественно и в полной мере реагировать на преступления, совершаемые в Интернете, тем самым исключив для преступника возможность избежать уголовной ответственности; предотвратить совершение других преступлений, набирающих оборот в информационно-телекоммуникационных сетях и имеющих огромный общественный резонанс в весьма сложный медико-социально-экономический период развития нашего общества.

Таким образом, после всего вышесказанного в статье можно предложить следующие рекомендации по решению проблем с современным мошенничеством:

- не нужно хранить все средства на одной карточке или денежном счете. Лучше всего использовать несколько карточек для накопительных средств и ежедневных затрат;
- выбрать хороший коммерческий банк с эффективной системой защиты в отношении своих клиентов. У Тинькофф банка на данный момент в этом вопросе считается лучшей защита по борьбе с мошенническим выводом средств;
- данное предложение будет понятным для тех, кто занимается криптовалютными операциями, так как речь идет о двухфакторной аутентификации. Двухфакторная аутентификация получает с каждым днем свое распространение и в разных самых популярных социальных сетях, так как имеет высокую эффективность защиты для пользователя;
- нужно внимательно смотреть каким сайтом пользуетесь или открываете ссылку на какой сайт, есть максимально похожи адресные строки с разницей в 1-2 символа. Тут только можно дать совет быть внимательным;
- каждый день по новостям предупреждают о том, что не стоит брать незнакомые номера и называть номер своей карты, своей почты и так далее. Необходимо быть бдительным к таким звонкам и лучше сходить на следующий день в

ближайший офис вашего банка, чем вот так в спешке решать проблему через телефонный звонок.

В заключение отметим, что сегодня как никогда важно сокращение имеющегося разрыва между практической и законодательной деятельностью в сфере информационной безопасности. Такой разрыв по большей степени объясняется темпами развития информационной сферы, за которой не всегда успевает законодательная, затягивая процессы, связанные с разработкой и принятием нормативных правовых актов. В связи с этим необходимо совершенствовать отечественное законодательство по противодействию киберпреступности. Данную работу важно строить на основе изучения положительного зарубежного опыта по законодательному регулированию противодействия киберпреступности, не только внося изменения в действующие отечественные законодательные нормы, но и делая акценты на принятии новых законодательных норм, соответствующих современным реалиям.

Пристатейный библиографический список

1. Бородкина Т. Н., Лавлюк А. В. Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия // Социально-политические науки. – 2018. – № 1. – С. 135-137.
2. В России выросло число случаев мошенничества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/01/12/moshenniki/> (дата обращения: 30.09.2022).
3. Мошенничество в сети: судебная практика и ключевые аспекты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/01/12/moshenniki/> (дата обращения 30.09.2022).
4. Орловский Е. А. К вопросу о противодействии хищениям, совершенным с использованием электронных средств платежа. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2021. – № 6. – С. 24-26.
5. Решняк О. А., Ковалев С. А. Организация расследования мошенничества, совершенных с использованием сети «Интернет», на первоначальном и последующем этапах // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 2 (53). – С. 106-111.
6. Смагоринский Б. П. О некоторых актуальных способах совершения мошенничества в отношении физических лиц в современных условиях // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – С. 172-178.
7. Тюнин В. И., Степанов Ю. И. Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (криминализация и квалификация преступления). – Текст: непосредственный // Российский следователь. – 2021. – № 3. – С. 41-45.

МАГОМЕДОВА Рисалат Магдибеговна

кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства

ВОПРОСЫ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Исследование затрагивает вопросы совершения коррупционных правонарушений в области природопользования и влияния ее на экологию в России. Приведена статистика за последние годы экологических преступлений, позволяющая сравнивать и анализировать динамику их развития. Провели анализ проблем в этой области и предлагаем некоторые пути их решений. На примерах обосновали коррупционные явления в области природопользования.

Ключевые слова: коррупция, лесной участок, полезные ископаемые, природопользование, недра, должностные лица.

MAGOMEDOVA Risalat Magdibegovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Criminal law and state legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy

CORRUPTION IN THE ENVIRONMENTAL MANAGEMENT SYSTEM

The study addresses the issues of corruption offenses in the field of nature management and its impact on the environment in Russia. Statistics for recent years of environmental crimes are given, which allows comparing and analyzing the dynamics of their development. We have analyzed the problems in this area and offer some solutions to them. Corruption phenomena in the field of environmental management were substantiated by examples.

Keywords: corruption, forest area, minerals, nature management, subsoil, officials.

В конце 20 – в начале 21 в. коррупция становится особенно злободневной ввиду ухода от юридической ответственности многих коррупционеров, мошенников, расхитителей государственной и иной формы собственности, в том числе на природные ресурсы и объекты. Прежде чем рассмотреть проявление коррупции в природопользовании, следует определиться с понятием «коррупция». Легальное определение даётся в ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции», т.е. «коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки или его получение, совершение действий от имени или в интересах какого-либо либо юридического лица» [4]. Коррупция в сфере экологии проявляется, когда государство разнообразно и богато природными ресурсами, и недрами. Коррупция возникает при выделении лесных участков, т.е. незаконное проведение аукционов, прикрытие неlegalного леса со стороны органов власти [1, с. 32]. Чаще всего должностные лица, контролирующие и осуществляющие надзор, за взятки от природопользователей незаконно выдают им лицензии, либо предоставляют документы, где не отображаются эти нарушения. В сфере недропользования осуществляют следующие незаконные действия, это самовольное использование недр без лицензии, или же лицензия была приурочена и т.п. Например, Западно-Байкальская межрайонная прокуратура обнаружила, что в селе Максимовщина на реке Иркут ОАО «СРК Зодчий», пользуясь разрешением Департамента лесного комплекса и водных ресурсов Иркутской области, незаконно добывает правильную смесь. Несмотря на этот протест, судебное решение не было отменено. Поэтому прокурор обратился в суд. В феврале 2015 г. Решение департамента было признано незаконным [2, с. 1]. Статистика показала, что часто нарушения с использованием полезных ископаемых незаконно происходят в Иркутской области. Коррупция охватывает все виды природных ресурсов. Например, отказ министерству экологии Республики Белоруссии от проведения общественных слушаний по проекту санации территории «УФАХИМПРОМ» разработанное за 100 млн рублей подведомственных Министерств ГУП НИИ по безопасности жизнедеятельности, в результате чего эти бюджетные средства стали боковыми затратами, проект не прошёл экспертизу и не имел шансов получить реализацию из государственного бюджета 5 млрд рублей. Более того, разработчик отнёс около 600 тысяч куб метров,

хранящихся на территории предприятия диоксиносодержащие отходы [2, с. 2]. Мы видим, что любое малейшее преступление, связанное с коррупцией, приводит к большим катастрофам. Еще один пример, произошедший 2-3 года назад, о создании проекта города-спутника Южный, в Пушкинском районе Санкт-Петербурга, строительство которого, как опасаются многие экологи, может привести к разрушению Кондакопшинского леса и одноимённого болота, питающего две малые реки. Экспертиза показала, что стоимость этой земли будет составлять 75 миллионов рублей. Однако, исходя из рыночной цены, он будет стоить 56 миллиардов рублей. Схожая ситуация была при строительстве Ленинградской АЭС, построили мигранты. Как отметил Рыбаков в своём докладе: «Когда люди, не имеющие квалификации, работают на строительстве столь важного объекта, это может привести к очень тяжёлым последствиям, но при этом, обеспечивают более высокую прибыль компании, ведущее строительство».

На сегодняшний день основными причинами, способствующими возникновению коррупции, являются:

1. Низкий уровень престижа профессиональной деятельности – многие граждане России при поступлении в государственную службу или вступлении в государственную должность стремятся получить высокую зарплату и удовлетворить свои материальные потребности. Большинство при выборе должности смотрят насколько она прибыльная. Также, в прямой зависимости от уровня престижа государственной службы находится не только обеспечение высококвалифицированными кадрами, но и доверие или уважение со стороны общества. В связи с неудовлетворением своих потребностей, госслужащих начинают искать «иные» источники дохода, зная при этом, что повлияет на престиж государственной службы. В связи с этим, в соответствии с Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих РФ, практически в каждом государственном органе или организациях были приняты соответствующие кодексы и приняты меры для борьбы с коррупционными проявлениями. Эти меры, в свою очередь, включают в себя следующие мероприятия:

а) объяснение государственным работникам об установленной Уголовным кодексом РФ ответственности за получение взятки, дачу взятки и т.п.

Таблица 1

Виды экологических преступлений	Количество нарушений	Года
– Вырубка лесов; – Загрязнение питьевой воды; – Незаконная охота; – Незаконное рыболовство.	7 тысяч.	2017 г.
Аналогичные нарушения, исходя из вышеперечисленных.	9 тысяч	2018 г.
Кроме вышеперечисленных, включаются и нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, порча земли.	6189 тысяч	2019 г.
В этом году особенно загрязнялась атмосфера, морская среда, вырубка лесных насаждений и использование незаконной лицензии.	9145 тысяч	2020 г.
Аналогичные правонарушения за 2020 год. За первое полугодие было выявлено 40 случаев загрязнения атмосферного воздуха и аварийных ситуаций в Чите, Барнауле и Улан-Удэ, где в 56 раз превысил бензпирена.	11 тысяч	
– нарушение правил охраны атмосферного воздуха; – самовольное использование лесов.	12,7 тысяч	С января по июль 2022 г

б) объяснение госслужащим порядка соблюдения ограничений и запретов, требований об предотвращении конфликта интересов.

2. Слабый контроль за действиями чиновников – согласно опросам ведущих социологических служб (Левада-Центр, ФОМ), коррупция не только является серьёзной проблемой для общества, но вредной для государственных работников. Были выделены несколько категорий госслужащих, которые наиболее коррумпированы: депутаты Госдумы, судьи, сотрудники полиции.

3. Низкая заработная плата должностных лиц.

Самой важной причиной является столкновение экономических и экологических интересов. То есть в экологических интересах задействованы экологические объединения, в экономических интересах – коммерческие организации. В этом случае государство занимает нейтральную позицию и берет на себя обязанность урегулировать сложившиеся правоотношения и стремится принять во внимание интересы обеих сторон. Конечно, органы власти чаще склоняются к решению, которое им удобно, а не то, что урегулировано законом. Например, в России запрещают ввозить в страну из-за рубежа тяжёлые отходы для захоронения и хранения. При этом допускают их импорт для до обогащения с последующим возвратом иностранному поставщику. Причем оборот финансовых средств за данные действия может достигать нескольких миллионов долларов, однако, вред, причинённый земельным ресурсам намного больше. Это дело было скандальным, являлось ли это коррупцией или преступной халатностью еще неизвестно. Внизу представлена статистика экологических преступлений за период с 2017 по 2022 год: *См. табл. 1.)

Большую роль в коррупционных преступлениях в сфере охраны окружающей среды составляют противоправные действия должностных лиц коммерческих организаций. Их действия выражаются в незаконной выдаче документов на использование недр, природных ресурсов, предоставление права на пользование лесных участков и водных ресурсов. Например, для совершения необходимых действий на водных ресурсах, необходимо соответствующее разрешение уполномоченного органа. Для получения этого разрешения проще дать взятку в виде денежной суммы уполномоченному органу, а не следовать требованиям закона. Например, «Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ оставила без изменений приговор Ставропольского краевого суда от 24 марта 2019 г. в отношении Р. А. Ибрагимова, который являлся представителем местной администрации, получил взятку в виде автомобильного транспортного средства за оказание содействия в получении разрешения на строительство». Аналогичная ситуация произошла в 2014 году, жители Гатчинского района Ленинградской области обнаружили, что на участках леса на берегу реки Оредеж начали рубить деревья и было установлено ограждение. Активисты узнали, что участок Сиверского лесопарка был

незаконно продан еще в 2010 году администрацией этого района. И почти сразу это земля решением главы муниципалитета была переведена из охраняемого статуса «Земли рекреации», в земли для ИЖС (индивидуальное жилищное строительство). Примеры из судебной практики, показывает, что чаще всего совершают преступления в сфере экологии, но на это мало обращает внимание государство. Любое государство считает, что экологию можно восстановить искусственным путём. Например, вместо живых деревьев сажают искусственные, применяют технику или химические препараты для быстрого урожая. Это конечно хорошо, но последствия после них отрицательные. Ничто не заменит живую природу, красоту и пейзажи. Поэтому для его сохранения нужно применить меры, направленные на защиту окружающей среды и сохранение биологического разнообразия. Для реализации этих мер, необходимо устранение коррупции. А именно путём повышения уровня экологической подготовки руководителей органов государственной власти и органов местного самоуправления, наделённых правом принимать решения об экологической безопасности, повысить уровень экологической грамотности, предупреждение и пресечение коррупционных преступлений в сфере экологии, объяснить гражданам, что уголовной ответственности подлежат не только должностные лица, но и физические. Нельзя не отметить, что уровень состояния экологии и коррупционных преступлений в Российской Федерации. По состоянию на 2021 год Россия занимает 126 место в рейтинге стран мира по восприятию коррупции и 57 по уровню состояния экологии [3, с. 23]. Таким образом, главной причиной коррупции в экологической сфере является несовершенство действующих нормативных актов в сфере защиты окружающей среды. Стоит уделить внимание природе и ввести санкции, ужесточающие наказания за совершение коррупционных преступлений. Правонарушитель просто платит штраф, этого мало. Надо хотя бы лишить его должности или заниматься определённой деятельностью на 5-6 лет. Необходимо знать, что любые нарушения законодательства в области охраны окружающей среды могут привести к серьёзным последствиям в виде загрязнения природы. Восстановить его будет сложнее всего.

Пристатейный библиографический список

1. Бурматова О. П. Проблемные аспекты применения лесного и водного законодательства в России // Вестник. – 2019. – С. 156.
2. Судебная практика по делам коррупции. – 2022 год. – П. 11-23.
3. Табакарь М. В. Противодействие коррупции в сфере экологии // Провинциальные научные записки. – 2018. – С. 200.
4. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ.

МАМОНТОВА Алёна Андреевна

преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ 206 УК РФ В УСЛОВИЯХ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РФ

Конституция Российской Федерации в статье 22 гарантирует каждому гражданину право на свободу и личную неприкосновенность. При этом согласно статьям 17, 18 Конституции Российской Федерации данное право является неотчуждаемым, принадлежащим каждому от рождения, имеет непосредственное действие, определяет смысл, содержание и применение законов, а также деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием.

Преступление, предусмотренное статьей 206 Уголовного кодекса Российской Федерации, посягает не только на свободу гражданина, но и на общественную безопасность, повышая тем самым общественную опасность совершаемого преступления.

Захват заложника в учреждениях УИС РФ является в общей массе пенитенциарных преступлений довольно редким общественно опасным деянием. При этом в текущем году имел место факт совершения данного преступления на территории Кемеровской области – Кузбасса.

Ключевые слова: захват заложника; учреждения уголовно-исполнительной системы; следственный изолятор; исправительные учреждения; пенитенциарный рецидив.

MAMONTOVA Alyona Andreevna

lecturer of Organization of execution of punishments sub-faculty of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the FPS of Russia

FEATURES OF THE APPLICATION OF THE NOTE TO ARTICLE 206 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF HOSTAGE-TAKING IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Article 22 of the Constitution of the Russian Federation guarantees every citizen the right to freedom and personal inviolability. At the same time, according to articles 17, 18 of the Constitution of the Russian Federation, this right is inalienable, belongs to everyone from birth, has direct effect, determines the meaning, content and application of laws, as well as the activities of legislative and executive authorities, local self-government and is provided by justice.

The crime provided for in article 206 of the Criminal Code of the Russian Federation encroaches not only on the freedom of a citizen, but also on public safety, thereby increasing the public danger of the crime being committed.

Hostage-taking in the institutions of the Criminal Justice System of the Russian Federation is a rather rare socially dangerous act in the total mass of penitentiary crimes. At the same time, this year there was a fact of the commission of this crime on the territory of the Kemerovo region – Kuzbass.

Keywords: hostage-taking; institutions of the penitentiary system; pre-trial detention center; correctional institutions; penitentiary recidivism.

Мамонтова А. А.

Проблема обеспечения свободы и личной неприкосновенности человека впервые на международном уровне была рассмотрена в конце 1940-х годов. Именно в тот период произошло документальное закрепление данного естественного права в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.). Схожее право закреплено в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и Конституции РФ 1993 г.

Одним их наиболее опасных преступлений, посягающих на физическую свободу человека, является захват заложника. Принимая во внимание характер и степень общественной опасности данного противоправного деяния, данное преступление причислено не только мировым сообществом, но и действующим уголовным законодательством РФ, к категории опаснейших преступлений против общественной безопасности и общественного порядка.

На международном уровне в рамках осуществления борьбы с захватом заложников 17.12.1979 резолюцией 34-146 Генеральной Ассамблеи ООН была принята «Международная конвенция о борьбе с захватом заложников».

Согласно действующему Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ) под состав преступления, предусмотренного статьей 206, подпадают деяния, выразившиеся в захвате или удержании лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина со-

вершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника.

Основным непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения в сфере общественной безопасности, отношения в сфере свободы человека являются дополнительным непосредственным объектом.

Законодатель справедливо относит захват заложника к категории тяжких, а при наличии квалифицирующих признаков – особо тяжких, преступлений. При этом совершение данного преступления в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) представляет еще большую общественную опасность.

Новиков А. В. выделяет следующие отличительные особенности захвата заложников в учреждениях УИС:

1. Создается опасность для жизни и здоровья лицам, захваченным в заложники.
2. Происходит дезорганизующее нарушение порядка и режима работы учреждения.
3. Осуществляется принуждение к принятию вынужденных решений администрацией учреждения.
4. Появляется опасность причинения вреда здоровью и смерти лицам, находящимся в учреждении, при силовом сценарии освобождения заложников [3].

Существующие особенности обуславливают также следующую специфику данного состава преступления в учреждениях УИС:

1. Субъектом совершения данного преступления выступает лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста и имеющее статус подозреваемого, обвиняемого или осужденного.

2. В качестве потерпевшего выступают лица, содержащиеся в учреждениях УИС (подозреваемые, обвиняемые, осужденные), а также работники данных учреждений. При этом в качестве потерпевшего могут выступать лица, посещающие данные учреждения (в том числе, преподаватели образовательных организаций, священнослужители, прокуроры и др.).

3. Специфика места совершения захвата заложников (объекты и помещения учреждений УИС, режимная территория).

4. Специфика выдвигаемых требований в зависимости от мотива и цели совершения захвата заложников (от банальной «тюремной скуки» до совершения данного преступления с целью дестабилизации деятельности учреждения УИС из корыстных побуждений, в том числе – заказной характер преступления).

5. Способ совершения преступления – чаще всего сопряжено с насилием или угрозой применения насилия, как опасного для жизни и здоровья, так и не опасного для жизни и здоровья, а также с применением предметов, используемых в качестве оружия (например, остро заточенные металлические пластины, укрытые ухищренным способом отвертки, иной инструмент и проч.).

При этом, несмотря на высокую степень общественной опасности захвата заложников, отечественное уголовное законодательство предусматривает возможность освобождения лица, совершившего данное преступление, от уголовной ответственности.

Основной идеей данной нормы является стимулирование правоуправляющего поведения виновных лиц к совершению позитивных действий, связанных с добровольным отказом либо добровольным прекращением дальнейших противоправных действий, путем «поощрения за это в виде освобождения от уголовной ответственности» [1].

Само существование возможности подобного освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о стремлении законодателя любым способом обеспечить (защитить) конституционное право на физическую свободу, освободить его из «неволи», а также предупредить возможное совершение в отношении потерпевшего любых других действий, посягающих на его жизнь и здоровье (убийство, причинение тяжких телесных повреждений и др.).

Примечанием к статье 206 УК РФ установлено, что лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Применение данного примечания в условиях захвата заложников в учреждениях УИС, в связи с обозначенной выше спецификой, имеет ряд своих особенностей.

Во-первых, единственным условием освобождения от ответственности по примечанию к статье 206 УК РФ является *добровольное либо по требованию властей* (выделено мной – А.А.) освобождение потерпевшего из состояния «неволи». Следовательно, возможно два варианта развития событий, при которых преступник будет освобожден от уголовной ответственности. Первое – в случае, когда лицо, захватившее заложника, по собственной воле без какого-либо принуждения (физического, психического) освобождает насильственно удерживаемого потерпевшего. В ситуации захвата заложника в учреждениях УИС первый вариант возможен в редких случаях, так как при возникновении данного чрезвычайного обстоятельства в кратчайшие сроки к месту совершения преступления выдвигаются сотрудники учреждения УИС для проведения переговоров. То есть в большинстве ситуаций совершения подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными захвата заложников освобождение удерживаемого лица будет осуществляться по требованию властей.

При этом, соглашаясь с позицией Власенко В. В., [1] в целом существование конструкции «освобождение заложника по требованию властей» в примечании к статье 206 УК РФ видится излишним, так как инициатива для принятия решения об освобождении заложника может исходить как от самого преступника (одного из соучастников при совершении преступления в соучастии), так и от иных лиц – сотрудников, третьих лиц, привлекаемых к переговорам (родственники или иные близкие лица потерпевших либо преступников, священнослужители, прокурор и др.). К примеру, в примечании к статье 126 УК РФ подобная конструкция «освобождение заложника по требованию властей» отсутствует.

Во-вторых, и это также связано с признаком добровольного освобождения заложника, лицо не будет подлежать привлечению к уголовной ответственности по примечанию к статье 206 УК РФ только в том случае, если подобное освобождение происходит без каких-либо дополнительных условий, выдвигаемых преступником. Если хотя бы одно из выдвинутых преступником условий освобождения заложника было удовлетворено либо лицо, вступившее в переговоры, дало обещание о выполнении какого-либо требования преступника, примечание к статье 206 УК РФ будет неприменимо. В условиях захвата заложников в учреждениях УИС требования преступников, в зависимости от цели и мотива совершаемого преступления, могут быть разнообразными: от предоставления пачки сигарет, алкогольных напитков, денег до изменения режима содержания, увольнения руководства учреждения. Следовательно, удовлетворение даже минимального требования лица, совершившего захват заложника (предоставление пачки сигарет), автоматически лишает его возможности избежать уголовной ответственности по примечанию к статье 206 УК РФ.

Признак добровольности будет отсутствовать также в том случае, когда преступник предлагает произвести обмен одного заложника на другого.

В-третьих, что наиболее ярко проявляется в условиях захвата заложников в учреждениях УИС, лицо освобождается от уголовной ответственности *при наличии в действиях лица состава соответствующего преступления* (выделено мной – А.А.).

В ряде случаев захват заложника в учреждениях УИС сопровождается применением насилия или угрозой применения насилия.

Соответственно специфика потерпевшего, в качестве которого, как было указано выше, выступают чаще всего сотрудники учреждений УИС, ставит вопрос о возможном наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти», частью 2 статьи 321 УК РФ «Деорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» либо иного преступления против личности. В процессе захвата заложников преступник также может совершить преступление, предусмотренное статьей 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти».

Таким образом, применение примечания к статье 206 УК РФ в условиях захвата заложников в учреждениях УИС имеет свои особенности, обусловленные специфической как места совершения преступления, так и субъекта, объекта и способа совершения преступления.

В целом динамика совершения преступлений, предусмотренных статьей 206 УК РФ, в учреждениях УИС свидетельствует о тенденции уменьшения количества данных деяний. К примеру, с 1994 по 1999 год количество зарегистрированных преступлений по статье 206 УК РФ составляло 30, в период же с 2000 по 2016 – 20 преступлений. При этом 5143 захвата заложников удалось избежать благодаря эффективной профилактической деятельности учреждений УИС [2].

Пристатейный библиографический список

1. Власенко В. В. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против физической свободы человека: проблемы законодательной регламентации и практического применения // Российский судья. - 2021. - № 6. - С. 26-33.
2. Лопина М. В. Некоторые особенности действий отделов безопасности исправительных учреждений по профилактике захвата заложников // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8-ми томах, Рязань, 21–23 ноября 2017 года. Том 7. - Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. - С. 188-190.
3. Новиков А. В. Основы пенитенциарии захвата заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты: Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки, Рязань, 06 февраля 2018 года. - Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, 2018. - С. 184-189.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-306-308

МИЛОВА Ирина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета

АНИСИМОВ Антон Александрович

аспирант кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета

ОСЬКИН Евгений Дмитриевич

магистрант кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ, ПРОЦЕДУРЫ И ИСПОЛНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Статья посвящена изучению альтернативной заключению под стражу меры пресечения – домашнему аресту. Авторы показывают ее перспективность и значимость для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по экономическим составам. Они высказываются о причинах ее осторожного применения судами. Подробно описывают саму процедуру, способы мониторинга за арестованными.

Ключевые слова: пресекательные цели; фиксация нахождения; изоляция субъекта; подозреваемый; обвиняемый; ходатайство.

MILOVA Irina Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Organization of the fight against economic crimes sub-faculty of the Samara State University of Economics

ANISIMOV Anton Alexandrovich

postgraduate student of Organization of the fight against economic crimes sub-faculty of the Samara State University of Economics

OSKIN Evgeniy Dmitrievich

magister student of Organization of the fight against economic crimes sub-faculty of the Samara State University of Economics

SOME ASPECTS OF APPOINTMENT, PROCEDURES AND EXECUTION OF HOUSE ARREST IN RELATION TO SUSPECTS, ACCUSED BY ECONOMIC CRIMES

The article is devoted to the study of an alternative preventive measure – house arrest. The authors show its prospects and significance for persons brought to criminal responsibility for economic structures. They speak out about the reasons for its cautious application by the courts. They describe in detail the procedure itself, the methods of monitoring the arrested.

Keywords: suppressive goals; fixation of finding; isolation of the subject; suspect; accused; petition.

Анализ статистических показателей демонстрирует устойчивый рост применения в качестве меры пресечения заключения под стражу. Вряд ли это монтируется с представлениями о правовом государстве и демократическом обществе, тем более, если речь идет об экономических преступлениях, поскольку лица, их совершающие, не являются социально опасными. Судебная система ссылается на недостаток финансирования, что ограничивает возможность снабдить подозреваемых, обвиняемых электронными браслетами для контроля за ними. Данную причину называют как основную, по которой суды крайне дозированно выбирают домашний арест в пресекательных целях. Вместе с тем заменой этому дорогостоящему прибору-слежения может стать любой аппарат с функцией фиксации нахождения лица в определенном месте.

В результате следственные изоляторы переполнены. В подобных условиях сложно соблюдать условия гигиены, предоставлять возможность для телефонных звонков и встреч с адвокатами. Установленные лимиты по количеству задержанных в большинстве регионов существенно превышены. Применяется перераспределение заключенных в соседние по локации субъекты. Такая система лишает их возможности получать передачи, свиданий с родными; возрастает стоимость услуг по защите.

Официальные данные показывают, что из двадцати пяти тысяч ходатайств о заключении под стражу, около 90% были судами удовлетворены. Приблизительно такой же процент отказов в просьбах о домашнем аресте. Вместе с тем Верховный Суд РФ фактически обязал судей обсуждать варианты мер пресечения, альтернативных заключению в следственный изолятор, включая домашний арест. Высшая судебная инстанция подчеркнул, что такой подход должен стать правилом по делам о преступлениях в сфере экономики.

Домашний арест может быть избран только после возбуждения уголовного дела (в отношении подозреваемого) или после предъявления обвинения. По экономическим преступлениям, его выбирают в том случае, когда есть основания предполагать, что лицо, привлеченное к уголовной ответственности, может попытаться воспрепятствовать нормальному ходу расследования, в том числе, предпринять меры к сокрытию следов содеянного, фальсификации доказательств, оказанию давления на потерпевших и свидетелей.

Изоляция субъекта в определенном жилом помещении преследует совершенно конкретные цели: не дать заинтересованному лицу возможности помешать установить истину по делу. Понимание того, что со стороны подозреваемого, обвиняемого не исключено противодействие процедурам следствия

и дознания должно быть мотивировано конкретными материалами. Кроме того, субъект подлежит помещению под домашний арест, если есть данные о том, что он продолжает заниматься противоправной деятельностью и планирует делать это в дальнейшем (например, он занимается незаконной предпринимательской деятельностью) [1, с. 566].

Решение вопроса о применении данной меры пресечения зависит от целого ряда обстоятельств. Большинство преступлений в сфере экономики относятся к категории тяжких, они состоят из значительного количества криминальных эпизодов. Сроки следствия по этим делам, как правило, неоднократно продляются. Кроме того, для этого вида противоправных деяний характерно причинение вреда. При условии нахождения на свободе лицо не лишено возможности работать и принимать меры к его погашению. Данное обстоятельство исключительно значимо. Затянутость мероприятий расследования по таким делам позволяет виновным лицам хотя бы частично погасить причиненный ущерб.

Принимая решение о выборе указанной меры пресечения по экономическим составам, суд анализирует всю имеющуюся в его распоряжении информацию относительно личностных качеств подозреваемого, обвиняемого, в том числе, направляются запросы по наличию судимостей, признанию рецидива).

Очевидно, что в применении домашнего ареста будет отказано, если суд выявит стойкую антисоциальную установку личности, комплекс негативных качеств фигуранта, длительность его противоправного поведения.

Особое внимание обращается на возраст субъекта, поскольку эта мера пресечения более мягкая, чем заключение под стражу, соответственно, приоритетно она избирается в отношении пенсионеров и несовершеннолетних, так как эти категории граждан нуждаются в особом снисхождении государства и общества.

Такой же мягкий подход адресован инвалидам и лицам, имеющим проблемы со здоровьем, в том числе, нуждающимся в стационарном лечении, срочном оперативном вмешательстве, страдающим хроническими заболеваниями с тяжелым течением, требующим постоянного врачебного мониторинга и специализированной помощи, которую не смогут оказать в условиях следственного изолятора или исправительного учреждения. В числе значимых факторов назовем наличие семьи, уровень ее материального положения, количество иждивенцев.

Безусловно, что принимается во внимание, чем занимается подозреваемый, обвиняемый, есть ли у него постоянное место работы и стабильный доход. Следовательно истребует данные о наличии постоянной регистрации, объектов недвижимости в собственности. С одной стороны, это подчеркивает уровень материального благосостояния лица, с другой – позволяет оценить степень его социальной привязанности к конкретной локации, что является гарантией от попытки скрыться от следствия и суда. Среди обстоятельств, учитываемых при выборе домашнего ареста по экономическим составам, выделяется деятельное раскаяние злоумышленника, выражающееся, в том числе, в возмещении вреда от содеянного. Применение домашнего ареста допускается по ходатайству любого участника судопроизводства, соответствующая инициатива может исходить от суда. Выбор данной меры пресечения находится в его исключительной компетенции. Он рассматривает такую возможность как альтернативу более строгой мере пресечения, а также в случаях,

когда ему поступает ходатайство о продлении срока содержания под стражей.

Для обращения с такого рода ходатайством следователь должен получить согласие руководителя соответствующего подразделения, а дознаватель одобрение прокурора. Суд может удовлетворить поступившее ходатайство или отказать в нем. Максимальный срок составляет один год шесть месяцев. Однако сразу на такой период домашний арест по экономическим составам не назначается, обычно это стандартные два месяца, которые затем при наличии достаточных оснований продляются судом. В постановлении в обязательном порядке указывается конкретное место, где подозреваемый, обвиняемый будет находиться в период домашнего ареста, а также приводится весь перечень назначенных ему запретов и ограничений. Подобные процессуальные решения подлежат немедленному исполнению, любое промедление должно рассматриваться как нарушение прав и интересов конкретных лиц. Соответствующие постановления могут быть обжалованы. В основном, этой процедурой пользуются субъекты, отрицающие свою вину в содеянном.

Нами были изучены уголовные дела по экономическим составам, где суды избирали указанную меру пресечения, как правило, в отношении обвиняемых. Проведенный анализ выявил типичные запреты, который устанавливаются для арестованных. Чаще всего им не разрешается выходить за пределы того помещения, в котором они проживают, его индивидуальные характеристики приводятся в тексте судебного постановления. В порядке исключения разрешается выходить на прогулку в определенные дни и части, по конкретному маршруту.

По многим делам устанавливался запрет на общение подозреваемого, обвиняемого с рядом лиц, как правило, в этот круг входят свидетели либо потерпевшие. Есть ограничения по отправке почты, телефонную связь можно использовать, если нужно вызвать сотрудников скорой помощи, полиции, МЧС, аварийных служб, а также необходим контакт со следователями, дознавателями.

Следует отметить, что запреты, названные в постановлении, носят исчерпывающий характер. Подобные ограничения распространяются исключительно на подозреваемого, обвиняемого. Иные лица, которые с ними проживают или приходят в конкретное помещение для общения с ними, под действие соответствующих запретов не попадают. Например, если обвиняемому запрещен выход на балкон, то это вовсе не означает, что подобное ограничение касается членов его семьи.

В теории отмечают черты сходства между домашним арестом и административным надзором, осуществляемым полицией в отношении ранее судимых лиц, освободившихся из мест лишения свободы [2, с. 30]. Действительно определенное сходство усматривается. В этой связи предлагается передать контроль за арестованными органам внутренних дел, возлагая его на основании судебного решения [3, с. 83].

Нами подобная позиция не поддерживается, поскольку она противоречит принципу презумпции невиновности. Не исключено, что вина подозреваемого, обвиняемого не будет установлена. При этом он уже, по существу, будет подвергнут мере, близкой к лишению свободы, с существенным ограничением его права на свободу передвижения. В то же время не вполне ясно, кто конкретно из сотрудников полиции мог быть взят на себя такие полномочия. Если речь идет об участковой службе, то у ее сотрудников имеет достаточно большое количество других задач.

Высказывается точка зрения, что можно контроль за арестованными возложить на судебных приставов-исполнителей, обладающих широким арсеналом мер для этого. С этой целью предлагается создать в системе УФСС особое структурное подразделение. Такой взгляд нам кажется неправильным, подобный функционал для данной службы вряд ли применим в рамках уголовного судопроизводства, тем более на досудебных стадиях. Определенные вопросы вызывает и дефиниция «домашний».

Действующее законодательство не дает однозначного определения понятия «дом» и тех локаций, которые можно к нему отнести. Исторически, начиная с УПК РСФСР 1923 года, под таковым понималось любое место, где в изоляции находился обвиняемый, не относящееся к помещениям тюремного типа. В свете сказанного спорным остается вопрос о возможности для подозреваемого, обвиняемого покидать место жительства. Термин изоляция не приравнивается к лишению свободы, но накладывает достаточно жесткие ограничения. При положительном ответе встает проблема: на какое расстояние можно разрешать отходить от конкретного места пребывания, определенного судом, насколько допустимо его покидать. Не до конца отрегулирован момент должен ли он ставить в известность следователя о том, что покидает соответствующее помещение по объективным обстоятельствам, какое обоснование является для этого достаточным. Законодатель не дает перечня обстоятельств, позволяющих исключительный выход.

Нам представляется, что подобные ограничения не должны быть слишком жесткими, поскольку тогда это не альтернатива заключению под стражу. Помимо медицинских учреждений, допустимо разрешать посещение магазинов, аптек, детских учреждений, коммунальных служб. В принципе обычная жизнь лица не должна подвергаться необоснованным изменениям. Запреты, конечно, судом устанавливаются, но произвольно, а исключительно в интересах следствия. Помимо замены домашнего ареста в случае его нарушения на более суровую меру пресечения, целесообразно установить наложение на виновных лиц денежных взысканий (по аналогии с обязательствами поручителей в гражданском праве). Суд должен разъяснять конкретным лицам о неблагоприятных последствиях, которые могут для них наступить при несоблюдении установленных для них запретов. Достаточно часто суд применяет домашний арест, если истекли предельные сроки для содержания лица под стражей. При этом тяжесть содеянного не является безусловным основанием к отказу в удовлетворении соответствующего ходатайства. Во внимание применяется вся совокупность имеющихся обстоятельств.

Запрет определенных действий считается более мягкой мерой пресечения, чем домашний арест. Разграничение между этими способами проводится по степени устанавливаемых ограничений [4, с. 59]. Безусловно, подозреваемому более комфортно находиться в привычных для него условиях и обстановке, хотя и изоляции.

По общему правилу покидать его он не должен, именно в этом и проявляется элемент принуждения, поскольку свобода передвижения существенно снижена. Смысл ареста состоит в том, что подозреваемый, обвиняемый должны постоянно находиться в определенном им судом месте. Самовольный выход подозреваемого, обвиняемого должен рассцениваться как нарушение предписания и повод для замены ареста на заключение под стражу.

Нам кажется излишним указывать в судебном акте, что исключением из общего правила запрета покидать жилое помещение, является участие в следственных действиях, оперативных мероприятиях, явка по вызову суда. По смыслу положений УПК РФ домашний арест как раз и применяется для того, чтобы обеспечить нормальный ход расследования и разбирательства.

Запрет на совершение определенных действий разрешает выход с места постоянного нахождения, но может его ограничивать невозможностью его покидать в ночное время.

Некоторые авторы полагают, что в этом нет вообще никакого обременения, поскольку этот период физиологически предназначен для сна и большинство граждан все равно его проводят дома. По их мнению, соответствующая трактовка законодателя создает сложности в разграничении критериев домашнего ареста и запрета определенных действий, поскольку грань отличий между ними практически стирается [5, с. 75].

По одному из уголовных дел было выявлено, что после отмены судом домашнего ареста следователь избрал для обвиняемой в качестве меры пресечения подписку о невыезде. Однако последняя отказалась пописывать обязательство о явке и надлежащем поведении, ходатайствуя о назначении ей запрета определенных действий. Такую позицию она мотивировала тем, что данная мера пресечения ей позволит осуществить зачет при назначении наказания, а подписка нет. В частности, возможен пересчет подобного пребывания, если будет назначено лишение свободы.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьева С. И., Малыгин К. В. Заключение под стражу по экономическим преступлениям: общие начала и особенности применения // Пермский юридический альманах. - 2021. - С. 566-578.
2. Кузнецова Ю. В. Актуальные проблемы домашнего ареста как меры пресечения // Тенденции развития науки и образования. - 2022. - № 83-4. - С. 30-32.
3. Советов А. М. Понятие и место домашнего ареста в российской систем мер пресечения // Вестник магистратуры. - 2019. - № 10-2 (97). - С. 83-84.
4. Бикмеев Р. Г., Буранов Р. С. Запрет определенных действий: первые результаты применения // Уголовный процесс. - 2019. - № 5. - С. 56-59.
5. Шабанов В. Б., Буданова Л. Ю. Применение мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий: проблемы реализации // Уголовно-исполнительное право. - 2020. - Т. 15 (1-4). - № 1. - С. 75-78.

ПХЕШХОВА Ирина Муаедовна

оперуполномоченный по особо важным делам УУР МВД по Карачаево-Черкесской Респуб-
лике, адъютант Академии управления МВД России, капитан полиции

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПУБЛИЧНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ (СТ. СТ. 207.1 И 207.2 УК РФ)

В данной статье анализируются родовые и непосредственные объекты преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. ст. 207.1 и 207.2 УК РФ), а также их обязательные и факультативные признаки, а именно предмет преступления и потерпевший.

Ключевые слова: объект преступления, предмет преступления, публичное распространение заведомо ложной информации, общественно значимая информация.

PKHESHKOVA Irina Muayedovna

Detective of particularly important cases, Department of Criminal Investigation for the Karachay-Cherkess Republic, adjunct of the Academy of Management of the MIA of Russia, captain of police

Пхешхова И. М.

OBJECT AND MATTER OF THE PUBLIC DISSEMINATION OF KNOWINGLY FALSE INFORMATION (ARTICLES 207.1 AND 207.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

This article analyzes the generic and direct objects of crimes that provide for criminal liability for the public dissemination of knowingly false information (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as their mandatory and optional features, namely the matter of the crime and the victim.

Keywords: The object of the crime, the subject of the crime, the public dissemination of deliberately false information, socially significant information.

Под объектом преступления в науке уголовного права традиционно понимается то, на что посягает субъект преступления, то есть то, чему причиняется или может быть причинен вред.

В определенные исторические периоды, в российской уголовно-правовой науке формировались различные концепции понимания сущности объекта преступления, так, в дореволюционный период преобладала концепция понимания объекта преступления как «правового блага» [1], а уже в советский период сформировалась иная концепция понимания объекта преступления как «общественных отношений» [2]. Данная концепция понимания объекта преступления преобладает в уголовно-правовой науке и сегодня.

Поскольку составы преступлений, предусмотренных ст. ст. 207.1 и 207.2 помещены в раздел 9 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» [3], следовательно родовым объектом данных преступлений является общественная безопасность и общественный порядок.

Под общественной безопасностью принято понимать состояние защищенности личности и общества от совокупности угроз противоправного, техногенного, природного, космического, экологического и иного характера различными по своему характеру и значимости мерами [4].

Под общественным порядком в науке понимается закрепленный в нормах права и морали определенный порядок отношений в общественных местах, определенная совокупность видов и форм поведения граждан в обществе, сформулированных в нормативных актах, регулирующих поведение людей в общественных местах [5].

Четких границ между категориями общественная безопасность и общественный порядок, нет. Данные категории представляются как часть и целое, общественный порядок понимается как неотъемлемая часть общественной безопасности [6].

Непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ являются общественные отношения, возникающие по поводу распространения ин-

формации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, о мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

В соответствии со ст. 2 ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под распространением информации понимаются действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передача информации неопределенному кругу лиц [7]. В качестве информации закон определяет сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Согласно примечанию к ст. 207.1 УК РФ, обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения.

Норма является бланкетной и отсылает к закону от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2020) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», где дается понятие чрезвычайной ситуации. Согласно изменениям, внесенным в ст. 1 ФЗ № 68-ФЗ к чрезвычайным ситуациям в том числе относится обстановка, сложившаяся в результате «распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих» [8].

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ являются общественные отношения, возникающие в связи с распространением общественно значимой информации.

Согласно ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в редакции от 3 апреля 2020 г.) «Об инфор-

мации, информационных технологиях и о защите информации», под «общественно значимой информацией», следует понимать информацию, создающую угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращению функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Дополнительным объектом преступления будет являться здоровье другого человека, а факультативным объектом - жизнь другого человека и (или) иные тяжкие последствия.

Достаточно проблемным представляется вопрос о том, что является предметом преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ. Сложность связана с тем, что в данном случае речь идет о преступлениях, совершаемых посредством распространения информации, а поскольку информация не материальна, вопрос о том, чем в данном случае является информация, предметом преступления или средством совершения преступления, остается дискуссионным.

Одни авторы считают информационные преступления беспредметными, поскольку, по их мнению, предмет наличествует только тогда, когда посягательство сопряжено с воздействием на материальный предмет внешнего мира.

По мнению других авторов, информация, при совершении информационных преступлений является не предметом, а средством совершения преступления.

Однако, в последнее время прослеживается тенденция, в соответствии с которой происходит расширение понимание предмета преступления, которое включает в себя наряду с объектами материального мира еще и неовещественные явления внешнего мира и даже субъективные права [9], любые доступные для восприятия, измерения, фиксации и оценки явления внешнего мира, путем воздействия на которые причиняется или может быть причинен вред объекту посягательства [10].

Так, например, Бикмурзин М. П. пишет, что информация является таким же предметом преступления, как и объекты материального мира [11].

Минин А. Я. также признает информацию предметом преступления, указывая на то, что она представляет собой «благо особого рода» [12].

Для того, чтобы понять сущность предмета преступления, необходимо выделить его основные признаки, а затем отграничить его от орудия (средства) преступления:

Во-первых, предмет – это всегда то, чему причиняется или может быть причинен вред, то есть то, на что непосредственно воздействует преступное посягательство. Это свойство принципиально отличает его от орудия (средства) преступления, поскольку орудие не страдает от преступного посягательства, а является «источником» этих «страданий».

Во-вторых, предмет преступления связан с объектом преступления, поскольку путем воздействия на предмет причиняется вред и объекту преступления. Можно сказать, что от преступления первоначально страдает именно предмет и причинение вреда предмету в перспективе влечет вред или угрозу причинения вреда объекту преступления.

Кроме того, важно понять намерения законодателя и роль, отводимую информации. Иными словами, разобраться в том, намерен ли законодатель данными нормами защищать информацию или же защищать от информации?

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в одних случаях информация может являться предметом преступления, а в других выступать средством совершения преступления.

Так, например, в качестве предмета преступления информация будет рассматриваться в том случае, если она существовала еще до преступного посягательства, то есть изначально являлась достоверной, но после преступного вмешательства, была искажена. Поскольку информация в этом случае претерпевает модификации со стороны субъекта преступления, это может создать угрозу общественным отношениям по поводу обеспечения общественной безопасности

и общественного порядка, то есть прослеживается главный признак предмета преступления, его связь с объектом преступления, при которой посредством воздействия на предмет причиняется или может быть причинен вред объекту преступления.

Однако, что делать в том случае, когда преступник не воздействует на уже существующую достоверную информацию, путем ее искажения, а создает новую, заведомо ложную информацию. В этом случае информация уже не может рассматриваться в качестве предмета преступления, поскольку ее просто нет до определенного момента, пока преступник ее не создаст и не воспроизведет каким-либо образом. Здесь информацию целесообразно рассматривать в качестве средства совершения преступления, поскольку не на нее оказывается воздействие, а посредством нее. Информация выступает в роли некоего инструмента, используемого преступником.

Относительно еще одного факультативного признака объекта преступления – потерпевшего, следует сказать, что в данных нормах он не персонифицирован. Это означает, что потенциально потерпевшим может стать любое лицо, которое ознакомится с распространяемой ложной информацией, но поскольку обязательным признаком объективной стороны деяния является признак публичности, следовательно информация носит массовый характер, а значит потенциальных потерпевших может быть неограниченное количество, но не менее двух.

Пристатейный библиографический список

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. - Тула, 2001. - С. 50.
2. Коржанский Н. И. объект посягательства и квалификация преступлений. - Волгоград, 1976. - С. 14-16.
3. УК РФ.
4. Коротких А. Г. О сути и значении понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» // Вестник Воронежского института МВД России. - 2011. - № 3.
5. Кузнецова Н. Ф. Уголовная ответственность за нарушение общественного порядка. - М., 1963. - С. 3.
6. Шамрай В. Н. Теоретико-правовое обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях // Социология и право. - 2012.
7. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция).
8. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ (последняя редакция).
9. Сулопаров А. В. Информационные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2008. - 24 с.
10. Турышев А. А. Информация как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2006. - 19 с.
11. Бикмурзин М. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. - М.: Юрлитинформ, 2006. - 184 с.
12. Минин А. Я. Кибербезопасность и защита информационных систем // Право и кибербезопасность. - 2013. - № 2. - С. 28-35.

НОВИКОВА Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ТОРОПОВ Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ПОНОМАРЕВ Александр Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

В статье рассмотрены тактические основы назначения судебных экспертиз по делам, связанным с расследованием преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Проведен анализ типичных исходных данных, необходимых для постановки вопросов эксперту в целях качественного проведения исследования. Даны рекомендации по оптимизации процесса оценки заключения эксперта с учетом рассматриваемой категории дел.

Ключевые слова: судебная экспертиза, назначение, методика исследования, следовая информация, дорожно-транспортные происшествия, проблемные ситуации, исходные данные.

NOVIKOVA Tatyana Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

TOROPOV Sergey Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

PONOMAREV Alexander Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

APPOINTMENT OF JUDICIAL EXAMINATIONS IN CASES RELATED TO THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST TRAFFIC SAFETY AND OPERATION OF TRANSPORT

The article discusses the tactical basis for the appointment of forensic examinations in cases related to the investigation of crimes against traffic safety and transport operation. An analysis of typical initial data necessary for asking questions to an expert in order to conduct a qualitative study was carried out. Recommendations are given for optimizing the process of evaluating the expert's opinion, taking into account the category of cases under consideration.

Keywords: forensic examination, appointment, research methodology, trace information, traffic accidents, problem situations, initial data.

При установлении обстоятельств дорожно-транспортных происшествий лицом, расследующим событие, важное значение имеет применение специальных знаний. Применение специальных знаний может быть выражено в форме дачи консультаций (как устных, так и письменных) заинтересованному в установлении обстоятельств события лицу, а также в форме проведения экспертиз и исследований [1, С. 118-119]. Немаловажна также первичная работа со следовой информацией непосредственно на месте происшествия, заключающаяся в ее обнаружении, фиксации, изъятии, предварительном исследовании, а также анализе и возможности отнесения к расследуемому событию.

Одним из проблемных вопросов проведения осмотров по рассматриваемым фактам является разграничение и перемешивание следовой информации на дорожном покрытии. Это вызвано постоянным использованием дорожного покрытия участниками движения (перемещениями; торможением, вплоть до образования следов покрышек; протечками рабочих жидкостей; отслоениями лакокрасочных материалов; в исключительных случаях и потерей элементов агрегатной и узловой части), постоянного взаимодействия последнего с неблагоприятными факторами окружающей природной среды. Дополнительно работа на месте происшествия усложняется смещением транспортных средств с момента первичного контакта или возникновения аварийной ситуации до полной остановки. Хотя при качественном сборе первичных данных и помощи программного обеспечения в ряде случаев удается в значительной мере воспроизвести обстоятельства произошедшего. Соответственно без привлечения специалиста проблемно оценить следовую картину на момент осмотра СОГ, изъять необходимые объ-

екты и собрать необходимые исходные данные для проведения последующих экспертных исследований.

Обращаясь к определению понятия «судебная экспертиза», можно отметить, что это процессуальное действие, заключающееся в проведении судебным экспертом с помощью утвержденных методик исследования объектов, предоставленных инициатором с целью установления данных, имеющих значение для расследования по делу [2, С. 157-160]. Под методикой экспертного исследования обычно понимают алгоритм исследования объектов, апробированный и утвержденный определенным образом. Возможны ситуации, при которых исследовать объект можно путем применения нескольких методик, все зависит от вопросов, поставленных эксперту, а также от внутреннего убеждения последнего. В случае необходимости применения в ходе производства экспертизы разрушающих методов исследования, эксперт должен получить на это разрешение от инициатора. Как правило, такое разрешение имеется в постановлении о назначении экспертизы, но в случае его отсутствия эксперту надлежит обратиться к последнему с ходатайством. Это позволит избежать в ряде случаев причинения излишнего ущерба собственнику исследуемого объекта и появления от него обоснованных жалоб [3, С. 105-108].

Необходимо отметить, что для проведения экспертиз и исследований, в частности автотехнических, необходимы определенные исходные данные для решения поставленных задач в виде вопросов инициатора исследования: 1) информационные данные об участниках ДТП (водители, пешеходы) и транспортных средствах (тип, марка, загрузка транспортных средств участников события); 2) место контакта транспортных средств с препятствием, расстояние от препятствия до правого габарита автомобиля; 3) характеристика проезжей части: тип, состояние

дорожного полотна, ширина проезжей части, анализ видимости и объекта (препятствие) с которым произошло столкновение; 4) характеристика дорожной обстановки (проезжая часть, разметка и располагаемые средства регулирования движения – знаки, светофоры) с выяснением расположения транспортного средства относительно границ перекрестка в момент включения сигнала светофора; 5) измерения на месте ДТП (координаты места происшествия, начало и окончание следов торможения до передних либо задних колес транспортного средства, место расположения транспортных средств). Проведение измерений целесообразно проводить от одного ориентира (например, правой части проезжей части), который именуют «базовым».

Если необходимо собрать информационные данные, характеризующие условия ограниченного обзора то проводят измерения от объектов, ограничивающих обзор, до линии движения потерпевшего, на которого совершен наезд [4, С. 39-41]. Вышеперечисленные информационные данные содержатся в материалах дела (процессуальных документах, приложениях, схемах).

Следовую информацию, изъятую на месте происшествия, также представляют для проведения экспертного исследования. По вышеуказанным фактам ее можно классифицировать на: 1) первичные (образуются в результате взаимодействия транспортных средств) и вторичные деформации, не имеющие признаков контакта поверхностей; 2) разрывы, задиры, разрезы, как правило связанные с нарушением целостности детали; 3) следы-наслоения, которые могут иметь протяженные трассы, вызванные перемещением поверхностей (транспортное средство – транспортное средство; транспортное средство – дорога) [5, С. 16-19].

Для построения первичных следственных и экспертных версий анализ следов, оставленных на месте происшествия может предоставить следующие данные: а) по следам колес (следы качения, следы юза, следы заноса) можно определить модель шины, скорость перед началом торможения, угол заноса; б) следы скольжения (царапины, выбоины, потертости) характеризуют перемещение автомобиля; в) сосредоточение отделившихся фрагментов – место контакта, перемещение, помогают установить модель автомобиля, место останова; г) следы пострадавших (следы обуви со смещением, следы волочения) – место наезда и направление удара; д) следы на транспортных средствах (обширные деформированные поверхности, отпечатки, трассы) позволяют получить информацию о взаимном расположении автомобилей, расположение автомобиля и препятствия, уточнить какое транспортное средство нанесло первичные повреждения; е) следы опрокидывания транспортного средства (деформации, разрушения стекол) подтверждают факт опрокидывания и конкретизируют условия выпадения потерпевших; ж) следы на теле пешехода (наслоения, разрывы, трения) определяют место наезда, волочения, смещения тела, позволяют определить опорную ногу в момент удара.

По фактам дорожно-транспортных происшествий назначают следующие разновидности экспертных исследований: 1) автотехническая экспертиза, в рамках которой проводят исследования: обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, технического состояния деталей и узлов транспортных средств, следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трасологическая диагностика); 2) судебно-медицинская экспертиза; 3) криминалистическая экспертиза: трасологическая, дактилоскопическая, экспертиза материалов, веществ и изделий [6, С. 108-127].

Проведение экспертизы состоит из следующих стадий: 1) поступление материалов эксперту экспертного учреждения; 2) изучение экспертом постановления о назначении экспертизы, вскрытие упаковки объектов, представленных на исследование; 3) проверка достаточности представленных материалов, поступивших на исследование, в случае установления их недостаточности для дачи заключения, вынесение ходатайства инициатору исследования о предоставлении новых материалов; 4) детальное изучение всех объектов, поступивших на экспертизу, выяснение их свойств, совокупности общих и частных признаков, сравнение объектов между собой и образцами, выполнение других исследовательских действий согласно утвержденным методик исследования; 5) формирование выводов эксперта, которые выглядят в форме ответов на вопросы, поставленные инициатором исследования. Выводы могут быть категорическими положительными, категорическими отрицательными, вероятными (событие могло иметь место); 6) оформление заключения, подготовка таблиц иллюстраций, схем, чертежей; 7) упаковка исследованных объектов.

Считаем необходимым обратить внимание и на оценку заключения эксперта, которая заключается: 1) в проверке соответствия заключения эксперта, предъявляемым требованиям: соблюдены ли процессуальные требования проведения экспертизы; соблюдены ли права лиц, участвующих в производстве исследования; имеет ли эксперт-исполнитель необходимые права для проведения исследования; все ли объекты были изучены в ходе исследования; получены ли необходимые информационные данные, на разрешение которых была направлено исследование; 2) в ознакомлении обвиняемого (подозреваемого) с материалами поступившей экспертизы, принятии экспертизы в качестве доказательств по делу; 3) в случаях установления инициатором исследования неясности формулировок, противоречий и отсутствия объективности в формулировании выводов можно провести повторную или дополнительную экспертизу в зависимости от конкретной ситуации.

Во время оценки заключения эксперта целесообразно обращаться к разделу «исходные данные» для проверки учета последних в применяемых расчетах при ответах на вопросы, поставленных инициатором исследования. Дополнительно можно провести анализ достаточности предоставляемых учетных данных для решения задач исследования [7, С. 197-200].

В ходе проведения экспертных исследований нередко возникает необходимость в получении образцов для сравнительного исследования. Это происходит в случаях, когда использование определенной методики экспертом в целях решения поставленных задач инициатором исследования предусматривает сравнение объектов и их признаков между собой (как правило при решении идентификационных и диагностических задач).

Подводя итог, можно отметить, что качественное решение задач, поставленных перед автотехническими и смежными исследованиями имеет определенные особенности, что требует специализации инициатора исследования. Поэтому в ряде случаев для конкретизации целей исследования, следовой работы, сбора учетных данных целесообразно пользоваться консультациями специалистов по профилю исследования. В противном случае не исключены случаи проведения дополнительных следственных и других действий, а также вынесения экспертом выводов о невозможности решения поставленных задач.

Пристатейный библиографический список

- Игнатов А. Н., Торопов С. А. Тактические особенности назначения и производства экспертизы по преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в условиях социальной напряженности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 118-121.
- Торопов С. А., Сафонов Д. А. Тактические особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений экстремистского и террористического характера, совершенных несовершеннолетними // В книге: Обеспечение ментальной безопасности молодежи в условиях реальных угроз и потенциальных вызовов. – Симферополь, 2021. – С. 157-165.
- Бодаевский В. П., Захаров Д. А., Кодицнев С. А., Никулин М. И., Новикова Т. Ю., Пелициана М. В., Руденко А. В., Савенко Н. В., Сошина Н. В., Шигонин А. Б., Яценко А. О. Актуальные проблемы гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Учебное пособие. – Симферополь, 2021. – 150 с.
- Суворов Ю. Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Судебно-экспертная оценка действий водителей и других лиц, ответственных за обеспечение безопасности дорожного движения, на участках ДТП. – Учеб. пособие. – М.: Издательство «Экзамен», издательство «Право и закон», 2003. – 202 с.
- Корухов Ю. Г. Транспортно-трасологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях (диагностические исследования) // ВНИИ судебных экспертиз. – 1988. – Вып. 1. – 100 с.
- Биденчук П. Д. Расследование дорожно-транспортных происшествий. – Киев: РИО МВД УССР, 1989. – 240 с.
- Руденко А. В., Захаров Д. А. Уголовно-процессуальная ответственность за нарушение нормального порядка исследования обстоятельств уголовного дела // В сборнике: Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции. – 2012. – С. 197-200.

РАХИМКУЛОВ Роман Алексеевич

старший преподаватель кафедры физической и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

Рассматриваемое в настоящем исследовании преступное деяние относится к особо тяжким преступлениям. Связано это с особой деятельностью таких сотрудников и возложенных на них государством обязанностей по поддержанию и охране общественного порядка, а также некоторыми полномочиями по принуждению граждан к выполнению определенных действий.

При совершении нападения на сотрудников правоохранительных органов под опасность попадают не только вопросы жизни и здоровья указанных лиц, но и нормальная деятельность самих правоохранительных органов как субъектов государственной власти.

Мы считаем, что вопрос уголовного наказания за настоящее преступное деяние нуждается в дополнительной и более полной регламентации в связи с высокой общественной опасностью преступления, а также особым правовым положением сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим, в данном исследовании рассмотрены основные проблемные вопросы, касающиеся уголовной ответственности за названное преступление, а также предложены возможные пути решения выделенных проблем.

Ключевые слова: посягательство на жизнь, правоохранительные органы, сотрудник правоохранительных органов, уголовная ответственность.

RAKHIMKULOV Roman Alekseevich

senior lecturer of Physical and tactical special training sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

CRIMINAL LIABILITY FOR ENCROACHMENT ON THE LIFE OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER

Encroachment on the life of a law enforcement officer is a particularly serious crime according to the Criminal Law of our state. This is due to the special activities of such employees and the duties assigned to them by the state.

When encroaching on the life of a law enforcement officer, it affects not only the issues of life and health of these persons, but also the normal activities of the law enforcement agencies themselves as subjects of state power. In this regard, the legislator pays special attention to law enforcement officers.

We believe that the issue of criminal punishment for a crime currently committed requires additional and broader mechanisms due to the high public danger of committing a crime and the special legal status of the authorities. In this regard, in this study, the most important problematic issues related to criminal liability for the specified crime were considered and possible solutions to the identified problems were proposed.

Keywords: assault on life, law enforcement agencies, law enforcement officers, criminal liability.

На современном этапе развития права и общества едва ли представляется возможным обозреть государство, в котором отсутствует специальный аппарат управления, главной целью которого является обеспечение безопасности в государстве. Не исключением стала и наша страна – Российская Федерация (далее – РФ). Одно из ведущих мест в структуре органов управления занимают правоохранительные органы. Государство наделило указанные органы определенными полномочиями, пользуясь которыми, сотрудники этих органов имеют право требовать от граждан определенного подчинения и соблюдения определенных правил. В связи с этим государство традиционно ставит жизнь и здоровье лиц, исполняющих правоохранительные функции, во главу угла и усиленно защищает права данных сотрудников. Кроме того, закон также защищает и членов семей указанных сотрудников от объективной угрозы их спокойствию. Связано такое положение дел с тем, что указанные лица, как мы уже указали ранее, являются представителями власти, соответственно государственная власть как правовое явление существует во многом благодаря таким лицам и без должной защиты интересов сотрудников правоохранительных органов, они не смогут в полной мере и объеме осуществлять свои полномочия, которые нередко сопряжены с риском для жизни и здоровья и психологическими перегрузками [1, С. 76].

Однако, стоит отметить, что несмотря на вышесказанное, нередко преступники все же имеют умысел посягнуть на жизнь и здоровье сотрудников. И происходит это в силу различных причин, среди которых нередко месть за ведение профессиональной деятельности. При этом важно отметить, что под такие преступные действия попадают и члены семей сотрудников как наиболее уязвимая единица для преступника.

Посягательства, как известно, происходят не столько на сами правоохранительные органы, сколько на сотрудников таких органов и их близких людей, с которыми сотрудники так или иначе связаны родственными связями. В связи с этим степень общественной опасности за такие деяния возрастает в несколько раз. Уголовный закон нашего государства предусматривает уголовную ответственность такое преступление в ст. 317 УК РФ. Стоит отметить, что преступное деяние, отраженное в указанной статье, является единственным особо тяжким преступлением в главе 32 УК РФ. Смертная казнь как наказание в который раз подтверждает уровень общественной опасности совершения указанного преступления [2]. Это неудивительно, поскольку указанные лица призваны охранять общественный порядок, а значит, и подвергать свою жизнь значительным рискам. Поэтому, такая забота и предусмотрительность государства и законодателя вполне

объяснима – в полной мере защищая сотрудника и членов их семей, государство, можно сказать, стремиться обезопасить и себя.

Сегодня, на наш взгляд, вопрос защиты сотрудников правоохранительных органов от посягательств не разобран в полном объеме. Связано это с целым рядом факторов. Первым из таких факторов является отсутствие законодательного закрепления понятия «посягательство». В целом, под данным термином можно понимать, как совершение убийства, так и покушение на убийство. При этом в законе легальное определение вышеназванного термина отсутствует. В связи с этим, не всегда возможно определить, подпадает ли то или иное преступное деяние под состав преступления, предусмотренного статьей 317 УК РФ. Мы считаем, что необходимо закрепить в законе легальное определение вышеназванного термина, например, в примечании к ст. 317 УК РФ, указав, что под указанным термином необходимо понимать либо убийство сотрудника, либо же покушение на убийство сотрудника.

Второй фактор, который мы имеем возможность выделить в рамках настоящего исследования, является отсутствие законодательного закрепления понятия «правоохранительные органы». В теории, к таким органам относятся МВД, ФСБ, военнослужащие. Кроме того, специальным правоохранительным органом является также и ФСИН России, выполняющее обязанности по исполнению уголовных наказаний по отношению к лицам, совершившим преступные деяния [3, С. 379.]. Из указанного следует, что чаще всего пострадавшими от покушений признаются сотрудники МВД, ФСБ и в некоторых случаях ФСИН России. Однако, на наш взгляд, необходимо привести к определенной системе механизм рассмотрения термина правоохранительные органы в рамках ст. 317 УК РФ. Например, указать перечень таких органов в примечании к статье УК РФ.

Кроме того, в законодательстве также отсутствует описание состава, субъективной и объективной стороны указанного преступного деяния, что может повлечь и влечет на практике некоторые затруднения при вынесении судами приговоров по уголовным делам. На наш взгляд, необходимо обратиться к практике советского законодательства, в котором имели место быть материалы судебной практики, разъяснявшие применение законодательства о посягательстве на жизнь и здоровье сотрудников органов, выполняющих правоохранительные функции. С развитием государства и права, указанный документ утратил свою силу, а новый правовой акт, аналогичный вышеуказанному, так и не был принят, что мы считаем существенным упущением в вопросе защиты сотрудников правоохранительных органов. Издание такого акта в первую очередь способствовало бы облегчению работы нижестоящим судам в вопросе защиты жизни и здоровья сотрудников, кроме того, с изданием этого акта уровень такой защиты вырос бы в разы.

Как мы уже неоднократно отмечали, преступное деяние, рассматриваемое нами в настоящем исследовании, обладает высоким уровнем общественной опасности, так как, в первую очередь направлено на жизнь и здоровье человека – сотрудника правоохранительного органа. В связи с этим, часто на практике ст. 105 УК РФ и ст. 317 УК РФ конкурируют между собой. При этом, возраст привлечения к уголовной ответственности за совершение названных преступлений расходится (14 лет и 16 лет соответственно). Возникает вопрос – если законодатель стремится к наиболее эффективной защите жизни и здоровья сотрудников правоохранительных

органов, то почему возраст уголовной ответственности за совершение такого преступления отличается от возраста привлечения к уголовной ответственности за убийство. В этой связи считаем необходимой мерой в системе защиты сотрудников снижение возраста привлечения к ответственности с 16 лет до 14 лет соответственно.

Таким образом, в ходе нашего исследования по вопросу уголовной ответственности за покушение на сотрудников органов, выполняющих правоохранительные функции, мы пришли к итогам, которые, как мы считаем, помогут усилить защиту жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов, а также предотвратить возможность судебных ошибок и сложностей при квалификации преступного деяния. Среди выводов:

1. Видится нужным законодательное закрепление термина «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», а также перечня лиц, относящихся к таким сотрудникам.
2. Необходимо обратиться к практике законодательства советского времени, в котором имели место быть материалы судебной практики, разъяснявшие применение законодательства о посягательстве на жизнь и здоровье сотрудников.
3. Необходимой мерой в системе защиты сотрудников снижение также считаем снижение возраста привлечения к ответственности с 16 лет до 14 лет соответственно за совершение рассматриваемого преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Стенникова С. Б. К вопросу об уголовной ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Пермский период. Сборник материалов V Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. 2018. – С. 75-77.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон: текст с изменениями и дополнениями на 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ [принят 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ] // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 30 сентября 2022 г.)
3. Каломен А. Г. О содержании умысла при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Вестник Омской юридической академии. 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 377-381.

ФЕДОРОВ Александр Федорович

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

ШТАБ Оксана Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Алтайского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ХИЩЕНИЙ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Исследуются вопросы, связанные с количественной характеристикой наиболее распространенных общеуголовных преступлений корыстной направленности за последние десять лет.

На основе подробного изучения статистических данных и приговоров в отношении лиц, совершивших хищения чужого имущества, автор приходит к выводу о том, что проводимая сегодня в стране политика, направленная на противодействие преступности, в целом является достаточно эффективной. Однако, с учетом наблюдающейся явной тенденции к росту количества мошенничеств, она нуждается в серьезной корректировке в плане акцентирования и концентрации повышенного внимания на реализацию дополнительных мер по профилактике хищений, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием.

Ключевые слова: корыстная преступность, кража, мошенничество, грабеж, разбой, присвоение и растрата, профилактика преступлений.

FEDOROV Alexander Fedorovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SHTAB Oxana Nikolaevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Altai branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

ANALYSIS OF THE STATE OF THEFT OF OTHER PEOPLE'S PROPERTY IN THE ALTAI TERRITORY

The issues related to the quantitative characteristics of the most common crimes of mercenary orientation over the past ten years are investigated.

Based on a detailed study of statistical data and sentences against persons who committed theft of other people's property, the author comes to the conclusion that the current policy in the country aimed at countering crime in general is quite effective. However, taking into account the observed clear trend towards an increase in the number of frauds, it needs a serious adjustment in terms of focusing and concentrating increased attention on the implementation of additional measures to prevent theft committed by deception and abuse of trust.

Keywords: mercenary crime, theft, fraud, robbery, robbery, embezzlement and embezzlement, crime prevention.

Изучение статистических данных о состоянии преступности в нашей стране и за рубежом свидетельствует о том, что наибольшую долю в структуре всех регистрируемых преступлений занимают преступления против собственности.

Так, согласно официальной статистической отчетности, по итогам 2021 года в России доля преступлений против собственности составила 59,66 %.

Подавляющее большинство среди данных преступлений составляют хищения, предусмотренные статьями 158-162 УК РФ, доля которых в общем числе преступлений, зарегистрированных в нашей стране в 2021 году, превысила 55 % [6].

Аналогичная ситуация сложилась и в Алтайском крае, где по данным штаба ГУ МВД России по Алтайскому краю в 2021 году зарегистрировано 22876 преступных посягательств на собственность, что составило 58,6 % в общей структуре преступности края. Это ровно на один процент больше по сравнению с аналогичным показателем предыдущего года.

При этом, такой рост во многом связан с увеличением количества именно хищений, число которых, включая деяния, предусмотренные статьями 158.1 и 159.1-159.6 в сумме достигло 22004 преступных случаев.

Данное количество случаев хищений составило 56,3 % от всех зарегистрированных преступлений на территории региона, что выше ранее приведенного общероссийского показателя.

Кроме того, количественные показатели хищений в крае в 2021 году оказались выше соответствующих показателей 2020 года, когда было зарегистрировано 21400 случаев хищений чужого имущества или 54,8 % от общего количества всех преступлений.

Выявленные сложившиеся неблагоприятные тенденции, связанные с ростом количества хищений, как в абсолютных, так и в относительных показателях, остро ставят вопрос о необходимости проведения более глубокого анализа их состояния в Алтайском крае за последние десять лет [2, с. 13-15].

Федоров А. Ф.

Штаб О. Н.

Таблица 1. Количество зарегистрированных хищений в Алтайском крае в 2012-2021 годах

Год/Вид преступления	158	158.1	159	160	161	162
2012	18068		2341	474	1366	164
2013	19139		2080	734	1271	127
2014	18492		1870	635	1038	116
2015	20763		3205	750	996	125
2016	17838	1	3831	702	912	122
2017	15347	184	3597	618	825	85
2018	14624	291	3079	608	660	97
2019	13787	511	3538	574	505	71
2020	14440	527	4923	525	488	62
2021	14561	666	5559	452	428	50

Таблица 1. Количество зарегистрированных хищений в Алтайском крае в 2012-2021 годах

С учетом этого нами были изучены статистические данные [5] о зарегистрированной преступности в регионе за последние десять лет, что позволило выявить динамику хищений данного периода, которая представлена в таблице 1.

Сведенные в таблицу 1 показатели позволяют судить о том, что динамика хищений в крае за последние десять лет выглядела весьма неоднозначно.

Примерно на одном уровне за десять лет сохранилось количество случаев присвоения и растраты. В 2012 году их было 474, а в 2021 году стало 452. Уменьшение составило 4,6 %. Однако, если рассматривать динамику внутри этого временного промежутка, то сначала наблюдался значительный рост числа данных преступлений, затем небольшое снижение, далее снова рост до 750 случаев в 2015 году, и потом наметилась устойчивая тенденция на снижение вплоть до конца анализируемого периода.

Статистика грабежей и разбоев свидетельствует о стабильной тенденции по уменьшению числа грабежей за весь период и об аналогичной тенденции количества разбоев, начиная с 2016 года. Общее число грабежей за весь период уменьшилось с 1366 преступлений до 428, или более, чем в три раза. Количество разбоев также сократилось более, чем в три раза – с 164 случаев до 50.

Однако, что касается таких составов преступлений, как кражи и особенно мошенничества, то по этим видам преступлений ситуация в регионе весьма сложная.

Так, количество краж с 2012 года до 2015 года менялось волнообразно, но в целом возросло с 18068 до 20763 случаев. Далее, начиная с 2016 года, наблюдалось последовательное снижение числа преступлений до 13787 в 2019 году. Однако, в последние два года снова прослеживается тенденция к росту краж до 14440 случаев в 2020 году и 14561 – в 2021 году. В целом же, при имеющейся положительной динамике за весь десятилетний период, касающейся уменьшения общего числа краж с 18068 в 2012 году до 14561 в 2021 году или на 19,4 %, количество данных посягательств, тем не менее, остается весьма значительным.

Анализ случаев мошенничества показывает, что их динамика также менялась волнообразно, но несколько иначе. Начиная с 2012 года, количество преступлений уменьшилось с 2341 случая до 1870 в 2014 году, затем два года шел рост до 3831 преступления в 2016 году, после которого опять отмечалось снижение до 3079 преступлений. Однако за последние три года наметилось существенное увеличение числа мошен-

нических посягательств, количество которых в крае достигло 5559 случаев.

Таким образом, за десять последних лет произошел значительный рост числа мошенничеств – более, чем в два раза с 2341 случая до 5559, что составило 237,5 % от уровня 2012 года.

Аналогичная динамика по числу мошенничеств прослеживалась и с учетом общего их количества, то есть вместе с совокупностью преступлений, предусмотренных статьями 159.1-159.6 УК РФ. Суммарный рост оказался еще больше и составил 248,7 % - с 2352 случаев в 2012 году до 5849 в 2021 году.

Анализируя состояние и динамику рассматриваемых видов хищений, необходимо учитывать, что ситуация во многом усугубляется в результате изменения способов их совершения [1, с. 170-172]. Это обусловлено тем, что в последние годы в повседневную жизнь граждан стремительно внедряются технологии так называемой IT-индустрии. Все большее количество наших граждан активно пользуется возможностями сети Интернет, где очень широко представлены различные торговые площадки, фирмы, предлагающие самый разнообразный спектр услуг, что позволяет значительно улучшить быстроту и комфорт их предоставления, облегчить физические, трудовые, временные и иные затраты граждан на их получение, в том числе приобретение товаров или получение услуг со значительной финансовой выгодой за счет отсутствия посредников.

Однако данные возможности активно используют и преступники, которые создают виртуальные лжефирмы, сайты-клоны, специальное программное обеспечение и иные продукты, с помощью чего весьма эффективно и достаточно безопасно совершают посягательства на имущественные интересы граждан и организаций, используя их доверчивость, отсутствие элементарной грамотности в IT-сфере и, соответственно, неумение защитить себя и свои электронные устройства.

Свидетельством тому является крайне низкая раскрываемость данных преступлений, которая к тому же имеет серьезную тенденцию к ухудшению.

Так, если в начале исследуемого периода по итогам 2012 года раскрываемость по кражам составила 53,2 %, а по мошенничествам – 38 %, то на фоне, и без того не высокой общей раскрываемости преступлений в целом по Алтайскому краю в 2021 году на уровне 54,8 %, раскрываемость по кражам была явно ниже, а именно только 39,4 %. Самый же низкий уровень раскрываемости среди хищений был по составам преступлений, связанным с мошенническими деяниями, составивший по итогам 2021 года всего 11,8 %.

Во многом это связано с тем, что в последние два года из-за неблагоприятной эпидемиологической ситуации большинству граждан в условиях самоизоляции пришлось существенно ограничить контакты и посещения магазинов, перейти от реального общения к виртуальному. IT-технологии стали абсолютно незаменимы, но при этом возникли условия, при которых еще более активизировались дистанционные мошенники.

В этих условиях на территории Алтайского края в 2021 году дистанционные мошенничества и кражи с банковских счетов стали самыми распространёнными видами посягательств, направленных против собственности – на каждые 300 жителей зарегистрировано по одному факту. При этом, чаще всего жертвами таких преступлений становились жители краевой столицы – 47,6 % из числа зарегистрированных преступлений данного вида совершены в отношении жителей города Барнаула, что объясняется более развитой IT – инфраструктурой самого крупного в крае города и более высокой оснащённостью проживающих в нем граждан соответствующими техническими устройствами.

В отчете начальника Главного управления МВД России по Алтайскому краю перед депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания в марте 2022 года было отмечено, что в результате проводимых органами внутренних дел профилактических мероприятий, граждане стали реже сообщать злоумышленникам реквизиты своих банковских карт, однако, последние стали чаще применять преступные схемы, связанные с убеждением потерпевших о необходимости получения кредита для размещения его на якобы безопасном счете, к выполнению операций через банкомат, предлагать простой и быстрый заработок, путём инвестирования денежных средств под высокие проценты. При этом потерпевшие для указанных целей приобретают кредиты на крупные суммы. И, как следствие, фиксируется рост числа дистанционных мошенничеств [4].

Так, например, житель Тальменского района обратился в полицию с заявлением о мошенничестве. Он намеревался разбогатеть на акциях, но остался без денег.

По сообщению пресс-службы ГУ МВД по Алтайскому краю, 53-летний сельчанин увидел в Интернете рекламу заработка на бирже и заполнил анкету на сайте. После этого с ним связался незнакомец, который представился игроком на рынке ценных бумаг и предложил подзаработать. Получив согласие мужчины, он сообщил, что для того, чтобы начать торговлю, необходимо перевести денежные средства, чтобы подтвердить свою платежеспособность. Доверчивый мужчина оформил на себя кредит и перевёл мошеннику один миллион двести семьдесят пять тысяч рублей. После этого злоумышленник перестал выходить на связь [3].

В результате подобных деяний гражданам причинен весьма значительный имущественный ущерб, который к тому же существенно возрос. Если в 2020 году жители края перевели мошенникам 515 миллионов рублей, то в 2021 году сумма превысила 900 миллионов.

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать вывод, что хищения продолжают занимать самый значительный объем в общей массе преступлений в Алтайском крае.

При этом анализ динамики отдельных составов хищений свидетельствует о наличии явных тенденций их изменения, что должно быть положено в основу планирования и реализации профилактических мероприятий, направ-

ленных как на снижение количества хищений в целом, так и, в первую очередь, на снижение числа мошеннических посягательств.

Пристатейный библиографический список

1. Ботвин И. В. К вопросу о современных причинах и условиях преступности в сфере экономики // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2020. - № 2 (39). - С. 170-172.
2. Ботвин И. В. Особенности криминологической характеристики преступлений в сфере экономики (по материалам Алтайского края) // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Сборник статей межведомственного круглого стола, регионально-круглого стола и Всероссийской научно-практической конференции, Орел, 25 октября 2019 года 29 2020 года. - Орёл: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2020. - С. 13-15.
3. Житель Алтайского края хотел разбогатеть на акциях и перевёл мошенникам 1,2 миллиона рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amic.ru/news/prochee/zhitel-altayskogo-kraya-hotel-razbogatet-na-aksiyah-i-perevel-moshennikam-1-2-mln-rublej> (дата обращения: 04.05.2022).
4. Отчет начальника Главного управления МВД России по Алтайскому краю генерал-лейтенанта полиции Подоляна Андрея Анатольевича перед депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания 31.03.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://22.mvd.pf/Dejatelnost/otchnas/> (дата обращения: 04.05.2022).
5. Сборник по России «Единый отчет о преступности» за январь-декабрь 2012-2021 г. ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс] // <http://10.5.0.16/csi/> (дата обращения: 04.05.2022).
6. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 04.05.2022).

ШАРИПОВА Алия Рашитовна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СТ. 207.3 УК РФ)

В статье рассматриваются наиболее вероятные социально-политические причины криминализации распространения заведомо ложной информации о Вооруженных силах Российской Федерации (Ст. 207.3 УК РФ). Автор подробно рассматривает состав новой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, а также первичные результаты ее правоприменения. В результате автор делает вывод о том, что криминализация распространения заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации и государственных органов Российской Федерации явилось ответом на соответствующий социально-политический вызов, а правоприменительная практика при этом на данный момент находится в процессе своего формирования, что обуславливает дальнейшую актуальность в исследовании соответствующей темы.

Ключевые слова: криминализация; Уголовный кодекс Российской Федерации; распространение заведомо ложной информации; Вооруженные силы Российской Федерации; правоприменительная практика; приговор.

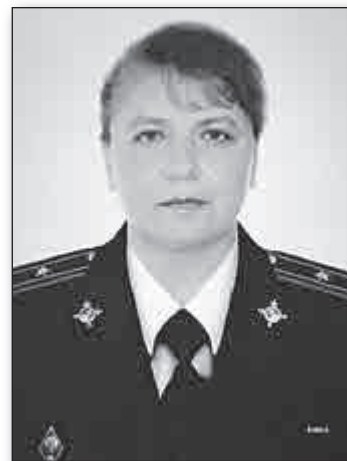
SHARIPOVA Aliya Rashitovna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

CRIMINALIZATION OF DISSEMINATION OF KNOWNLY FALSE INFORMATION ABOUT THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION (ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article discusses the most likely socio-political reasons for the criminalization of the dissemination of deliberately false information about the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author examines in detail the composition of the new article of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the primary results of its enforcement. As a result, the author concludes that the criminalization of the dissemination of deliberately false information about the activities of the Armed Forces of the Russian Federation and state bodies of the Russian Federation was a response to the corresponding socio-political challenge, and law enforcement practice is currently in the process of its formation, which causes further relevance in the study of the relevant topic.

Keywords: criminalization; Criminal Code of the Russian Federation; dissemination of knowingly false information; Armed Forces of the Russian Federation; law enforcement practice; sentence.

Шарипова А. Р.

Законодательство Российской Федерации представляет собой оперативно реагирующий на социально-политические изменения в государстве институт. Основная задача законодателя при этом, особенно в сфере уголовного права, чутко понимать актуальные тенденции, тренды и состояния, угрожающие нормальному функционированию государства.

Распространение ложной информации – это одно из видов противоправных деяний, которое угрожает нормальному функционированию общества. При этом распространение и популярность социальных сетей, инструментов публичного и массового распространения информации привели к тому, что возникла острая необходимость в пресечении распространения соответствующей информации [5].

Основной квалифицирующий признак информации, при распространении которой формируется общественная опасность – это ее социальная значимость, а также в перспективе – тяжкие последствия, которые могут быть представлены угрозой жизни и безопасности граждан. Таким образом, при наличии в государстве социально опасного состояния – например, при распространении заболевания, имеющего высокую степень поражения и летальности, ложная информация, распространенная каким-либо субъектом, может привести к массовой панике, неправильным с точки зрения тактики сохранения здоровья действиям и прочее.

Например, при распространении коронавирусной инфекции (COVID-19) наблюдалась волна ложной информации различного толка. Так, в социальных сетях, в блогах, в средствах массовой информации распространялись сведения, связанные с источником происхождения заболевания (наиболее распространенной версией было происхождение заболевания от неправильно приготовленной и употребленной в пищу летучей мыши).

Лица различных социально-демографических групп, а также различной степени влияния на публику (в том числе, крупные блогеры и лидеры мнений) высказывались, в том числе, о методах распространения заболевания (назывались, например, точки 5G, который в период 2020-х годов активно устанавливались в различных странах мира) [4, с.30]. Все это приводило к панике и зачастую неправильной оценке масштабов трагических событий, связанных с распространением коронавирусной инфекции. При

этом массовые призывы не верить специально уполномоченных государственных органам в сфере здравоохранения, а принимать альтернативное лечение (например, цитрусовые продукты, чеснок), собираться вместе группами для намеренного заболевания коронавирусной инфекцией и приобретения тем самым группового иммунитета могли в масштабе привести к глобальным негативным последствиям.

По этой причине законодатель был обязан оперативно среагировать на подобные угрозы, криминализовав публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а также в перспективе повлекшее тяжкие последствия.

Криминализация любого деяния с точки зрения законодателя – это всегда обоснованное и основанное на конкретных угрозах деяние. В рассматриваемых случаях однозначно можно говорить о важной социальной составляющей – о реально существующем информационном вакууме, особенно на начальных этапах трагических событий.

Недостаток информации о природе распространения коронавирусной инфекции связан с объективными причинами – штамм вируса COVID-19 ранее не был изучен специалистами в сфере здравоохранения, однако имел масштабные последствия с точки зрения скорости заражения и поражения дыхательной, сердечно-сосудистой и иных систем. Отсутствие или недостаток такой информации на централизованном уровне привело к распространению ложной информации различными субъектами популярных мнений, что было подкреплено общей паникой в обществе и восприимчивостью людей, тревожащихся о своем здоровье.

По этой причине кажется важным своевременное вмешательство законодателя в урегулирование подобных процессов, а именно, направленное на пресечение распространения ложной информации, которая может повлечь массовое принятие действий, влекущих негативные последствия для жизни, здоровья и безопасности людей.

Аналогичные процессы наблюдаются в обществе с начала специальной военной операции в феврале 2022 года. Принятие

соответствующих мер Главнокомандующим Вооруженными силами Российской Федерации по-разному оценивается гражданами России, однако очень важно при этом избегать любой информации, которая является ложной и не в полной мере соответствующей действительности.

По мнению автора, общественная опасность в рамках данного деяния формируется из:

1) Несоответствующей действительности информации о планах и боевых задачах Вооруженных сил Российской Федерации / государственных органов Российской Федерации, что может повлечь панику и рост протестных настроений в обществе;

2) Несоответствующей действительности информации о боевых потерях Вооруженных сил Российской Федерации, что также ведет к протестно-агрессивным настроениям в обществе;

3) Несоответствующей действительности информации об оснащении российской армии, в том числе техническом, что ведет к социальным противоречиям и росту напряженности в обществе;

4) Несоответствующей действительности информации о принятых или планируемых к принятию действий / нормативных актов государственных органов Российской Федерации, что также ведет к разобщенности в обществе, росту социального напряжения.

По причине существования соответствующей общественной опасности в марте 2022 года в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ (в ред. Федерального закона от 25.03.2022 № 63-ФЗ) была введена ст. 207.3 УК РФ. Статья расположена в Разделе IX Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», в Главе 24 «Преступления против общественной безопасности», соотносится со ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» как род и вид. Из позиции ст. 207.3 УК РФ виден подход законодателя к определению направления общественной опасности, связанной с распространением заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации и государственных органов Российской Федерации.

Так, исходя из прямого толкования статьи для квалификации деяния по ст. 207.3 УК РФ для привлечения к уголовной ответственности по соответствующей статье субъект должен:

1) Публично распространить сведения.

Данный признак трактуется в науке и судебной практике (см., например, Обзор Верховного Суда Российской Федерации от 30.04.2020 года) как массовое распространение сведений в отношении неопределенного круга лиц как с помощью традиционных средств распространения информации (СМИ в традиционном понимании), так и с помощью мессенджеров, постов в личных блогах, смс-рассылках, комментариях под постами и т.д. [1, с.155].

2) Распространить заведомо ложные сведения.

В этом случае следует отграничивать не подлежащее уголовному наказанию деяние, когда лицо добросовестно заблуждалось в правдивости информации. При квалификации соответствующего элемента уголовной ответственности следует обращать внимание на общие тенденции в информационной сфере общества, так как возможно, что фейк, лежащий в основе конкретного уголовного дела, может быть массово распространен и воспринят большинством членов общества, что формирует добросовестное заблуждение с возможным последующим публичным распространением.

Итак, согласно данному признаку, лицо, подлежащее уголовной ответственности, должно достоверно знать о ложности распространяемой информации, но при этом принимать активные действия по распространению такой информации.

Также важно, по мнению автора, отметить специфичность сведений, которые могут быть определены как «фейки» о Вооруженных силах Российской Федерации. Так, к примеру, ложные сведения, представляющие собой в какой-либо мере «завышение» реально существующей информации – о численности боевых потерь личного состава Вооруженных сил Российской Федерации, боевой техники, о количестве военнопленных и т.д. – также будет представлять ложные сведения, так как они несут потенциальную общественную опасность в виде роста агрессивно-протестных общественных настроений.

3) Распространить ложные сведения под видом достоверных.

Для этого в информационном источнике должны содержаться указания на «проверенность», «достоверность», ссылки на якобы существующие авторитетные источники и т.д.

При этом квалифицирующим признаком (п. «в» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ) является искусственное создание доказательств обвинения – например, подделка официальных документов о боевых потерях, о локациях, где производятся обстрелы и прочее.

На данный момент правоприменение по ст. 207.3 УК РФ находится в стадии становления. При этом в открытых источниках отсутствуют тексты приговоров, которые интересны с точки зре-

ния научного исследования. Однако средства массовой информации активно освещают первые приговоры по уголовным делам по ст. 207.3 УК РФ. Так, первый в Российской Федерации приговор по данной статье вынес Оловянинский районный суд Забайкальского края в отношении Петра Мыльникова. Площадка для распространения информации – интернет сообщества под наименованием «Я живу в руинах».

Объект – документы в письменной форме, касающиеся хода проведения специальной военной операции. Помимо непосредственного размещения документов, Петр Мыльников принимал участие в комментировании данной темы, что также было учтено судом при квалификации тяжести деяния (видимо, с точки зрения потенциального вовлечения масс людей в обсуждение соответствующего недостоверного факта).

Санкция в отношении Петра Мыльникова, согласно приговору Оловянинского районного суда Забайкальского края по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ, представлена штрафом в размере 1 000 000 (один миллион рублей). Однако судить о том, будет ли таким образом установлена тенденция в отношении предпочтительной меры наказания в виде штрафа по указанной статье, говорить рано. Кроме этого уже на сегодняшний момент встречаются случаи назначения наказания в виде лишения свободы.

Самое строгое наказание по ст. 207.3 УК РФ (прим. авт.: еще раз отметим, что это актуально для получивших публичное освещение приговоров судов; некоторые приговоры, в частности, гарнизонных военных судов, не подлежали огласке даже в отношении резолотивной части) получил муниципальный депутат Алексей Горинов в Москве – 7 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима². Данное уголовное дело было возбуждено по причине распространения Алексеем Гориновым определенного количества погибших в рамках специальной военной операции военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации, которое, по мнению, правоохранительных органов, не соответствовало действительности. При этом число осужденным называлось как достоверное, основанное на конкретных авторитетных источниках, было распространено публично.

Таким образом, криминализация распространения заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации и государственных органов Российской Федерации явилась ответом на соответствующий социально-политический вызов. Правоприменительная практика при этом на данный момент находится в процессе своего формирования, что обуславливает дальнейшую актуальность в исследовании соответствующей темы.

Пристатейный библиографический список

1. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (ст.ст. 207.1, 207.2 УК РФ) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2020. – Т. 1. – № 3 (96). – С. 154-163.
2. Егоров И. Муниципального депутата Горинова приговорили к 7 годам за фейки об армии // Интернет-портал «Российской газеты». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/07/08/reg-cfo/municipalnogo-deputata-gorinova-prigovorili-k-7-godam-za-fejki-ob-armii.html?ysclid=laknq7d10e483033160> (дата обращения: 11.11.2022).
3. Забайкальца первым в стране осудили за ложь о ВС РФ // Интернет-издание INFO. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://info.sibnet.ru/article/618169/?ysclid=laknq7d10e483033160> (дата обращения: 15.11.2022).
4. Садыков Д. И., Ахметьянова Н. А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-Journal. – 2020. – № 8-3 (60). – С. 30-31.
5. Трахов А. И., Бешукова З. М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207. 1 и 207. 2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6 (148). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/6/law/trakhov-beshukova.pdf (дата обращения: 15.11.2022).

1 См., например, Забайкальца первым в стране осудили за ложь о ВС РФ // Интернет-издание INFO. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://info.sibnet.ru/article/618169/?ysclid=laknq7d10e483033160> (дата обращения: 15.11.2022).

2 Егоров И. Муниципального депутата Горинова приговорили к 7 годам за фейки об армии // Интернет-портал «Российской газеты». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/07/08/reg-cfo/municipalnogo-deputata-gorinova-prigovorili-k-7-godam-za-fejki-ob-armii.html?ysclid=laknq7d10e483033160> (дата обращения: 11.11.2022).

ГАМИДОВА Тамила Тимурлановна

магистрант юридического института Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРЕВЫШЕНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

В статье рассмотрены некоторые актуальные проблемы превышения необходимой обороны, как привилегированного состава некоторых преступлений, а также как обстоятельства, смягчающего ответственность. Сделан вывод о необходимости изменения подхода к оценке объекта посягательства, как критерия превышения мер необходимой обороны. Также предложено внести, на уровне правоприменительной практики, критерии разграничения простого убийства и убийства при превышении необходимых мер обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение необходимой обороны, пределы необходимой обороны, своевременность обороны, соразмерность обороны.

GAMIDOVA Tamila Timurlanovna

magister student of the Institute of Law of the Dagestan State University

PROBLEMS OF EXCEEDING THE NECESSARY DEFENSE

The article deals with some actual problems of exceeding the necessary defense, as a privileged composition of some criminals, as well as circumstances mitigating responsibility. A conclusion is made about the need to change the approach to the assessment of the object of encroachment as a criterion for exceeding the necessary defense measures. It is also proposed to introduce, at the level of law enforcement practice, criteria for distinguishing simple murder and murder in excess of the necessary defense measures.

Keywords: necessary defense, excess of necessary defense, limits of necessary defense, timeliness of defense, proportionality of defense.

Среди обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, особое место занимает такое обстоятельство, как необходимая оборона. Как отмечает А. В. Татьяна, право на необходимую оборону является одним из важнейших уголовно-правовых институтов, который способствует пресечению и профилактике преступлений [5]. Вместе с тем, вопросы пределов необходимой обороны на сегодняшний день остаются одними из наиболее дискуссионных, учитывая необходимость оценки как объективных, так и субъективных критериев относительно определения меры необходимой обороны и критериев превышения необходимой обороны.

В данном контексте также следует отметить, что в уголовном праве следует дифференцировать не только необходимую оборону и превышение необходимой обороны, но также и превышение мер необходимой обороны с совершением общественно опасного деяния без этого признака.

Как отмечает И. И. Савельев, сущность превышения необходимой обороны состоит в том, что субъект, действуя умышленно, наносит посягающему явно больший вред по сравнению с вредом, который ожидался от его действий [4]. При этом, наряду с несоизмерностью вреда, следует рассмотреть вопрос запоздалой обороны, как обстоятельства, которое можно рассматривать в качестве превышения мер необходимой обороны.

З. М. Алиева считает, что запоздалая оборона не относится к превышению мер необходимой обороны и предлагает рассматривать такое состояние, при наличии соответствующих оснований, в качестве состояния аффекта [1]. При этом, как отмечает Л. Н. Смирнова, суды часто рассматривают запоздалую оборону в качестве превышения мер необходимой обороны [6].

По нашему мнению, запоздалая оборона по своей сути не является превышением мер необходимой обороны, так как в отличие от превышения мер необходимой обороны (при котором существует реальное посягательство), при за-

Гамидова Т. Т.

поздалой обороне на момент причинения вреда, общественно опасное деяние, вследствие чего возникло право на необходимую оборону, уже прекращено.

Как отмечает Пленум ВС РФ, при разрешении вопроса о наличии либо отсутствии признаков превышения необходимой обороны, суд должен учитывать следующие обстоятельства:

- объект посягательства;
- избранный посягавшим способ достижения результата, тяжесть ожидаемых последствий от достижения результата;
- обстановка посягательства (место, способ и т.д.), а также обстоятельства, которые могли повлиять на баланс сил посягавшего (посягавших) и обороняющегося (обороняющихся) лиц;
- характеристика обороняющегося и посягающего (возраст, пол, состояние здоровья)¹.

Объект посягательства является важнейшим критерием, дифференцирующим необходимую оборону и превышение необходимой обороны. Как отмечает М. И. Казарина, в том случае, если объектом посягательства является жизнь человека, в связи с прямым указанием законодателя, вопрос относительно превышения мер необходимой обороны не ставится [2].

Вместе с тем, на практике бывает сложно различить, на какой именно объект направлено посягательство: на жизнь человека либо же на его здоровье. При этом, следует отметить, что для правильной квалификации деяния важен не только объективный, но и субъективный критерий: для того,

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/.

чтобы квалифицировать определенное деяние как превышение необходимой обороны, следует установить, что в субъективном понимании обороняющегося отсутствовала угроза его жизни, а относительно угрозы его здоровью имел место либо запоздалый, либо чрезмерный ответ.

Следует отметить, что рассматривая значимость объекта посягательства, как критерий дифференциации необходимой обороны и превышения мер необходимой обороны, следует отметить, что ни УК РФ, ни правоприменитель не создали какую-либо иерархию объектов посягательства исходя из их важности. Исходя из принципа гуманизма в уголовном праве, можно сделать вывод, что жизнь и здоровье человека являются важнейшими объектами. Вместе с тем, по нашему мнению, данный принцип не может означать, что обороняющийся, например, защищая свое имущество, не может применить меры физического воздействия (в т.ч. связанные с нанесением телесных повреждений) лицам, посягающим на отношения собственности.

Учитывая вышеизложенное, по нашему мнению, целесообразным является изменение подхода к объекту, как к признаку соразмерной необходимой обороны, учитывая невозможность прямого сравнения разнородных объектов. По нашему мнению, любой объект посягательства, охраняемый уголовным законодательством, подлежит защите, в том числе и самозащите путем необходимой обороны. При этом, осуществить иерархию таких объектов не представляется возможным в связи с их разнородностью.

Следует отметить, что превышение необходимой обороны рассматривается в действующем правовом регулировании, с одной стороны, как обстоятельство, смягчающее ответственность (для большинства преступлений), а с другой стороны – как самостоятельные привилегированные составы двух преступлений (убийство с превышением мер необходимой обороны и нанесение тяжких телесных повреждений с превышением мер необходимой обороны).

Необходимо констатировать, что УК РФ предусмотрено такое отдельное смягчающее обстоятельство, как совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны. По мнению Р. Р. Гашимова, это обстоятельство может быть применено даже если в действиях лица присутствует хотя бы одно условие правомерности необходимой обороны, при дефекте остальных [2]. Вместе с тем, превышение мер необходимой обороны имеет место тогда, когда необходимая оборона от посягательства была, но такая необходимая оборона не отвечает критерием соразмерности и (или) своевременности.

Таким образом, невозможно согласиться с мнением о возможности применение такого обстоятельства, смягчающего ответственность, как превышение мер необходимой обороны, в том случае если имеет место быть только один из критериев необходимой обороны. По нашему мнению, для применения данного смягчающего обстоятельства необходимо соблюдение всех критериев, а также установление фактов чрезмерности или запоздалости такой необходимой обороны. Вышеизложенное, в то же время, не влияет на право суда рассматривать такое деяние, как деяние, совершенное вследствие случайного стечения обстоятельств (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), либо же как иное смягчающее обстоятельство (ч. 2 ст. 61 УК РФ).

Актуальной проблемой в правоприменительной практике остается и разграничение превышения мер необходимой обороны и простого убийства. Так, по мнению Е. В. Матвеевой, критерием разграничения простого убийства и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, выступает такой признак субъективной стороны, как цель преступления [3]. В данном контексте, особую сложность для разграничения представляяют случаи, когда убийство осуществляется при посягательстве на крайне незначительный объект. Например, субъект преступления уби-

вает подростка, застигнув его за кражей яблок. Формально, в данном случае, имеет место быть превышение необходимой обороны (явная несоразмерность объекта посягательства и способа защиты). Однако фактически, в данном случае речь идет об убийстве, причем об убийстве по хулиганским мотивам (т.е. с использованием формального, малозначимого повода для причинения смерти).

Исходя из вышеизложенного, предлагается рассматривать в качестве критерия разграничения убийства при превышении мер необходимой обороны и простого убийства наличие значимой правомерной цели. В случае, если значимая (пусть и не соразмерная) правовая цель отсутствует, а покушение нападающего выступает лишь поводом для причинения ему смерти, такие действия не могут рассматриваться как превышение мер необходимой обороны.

Пристатейный библиографический список

1. Алиева З. М. Проблемы превышения пределов необходимой обороны во времени // Проблемы науки. – 2012. – № 3 (13). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemuy-prevysheniya-predelov-neobhodimoy-oborony-vo-vremeni> (дата обращения: 15.11.2022).
2. Гашимов Р. Р. Проблемы учета превышения пределов необходимой обороны как смягчающего обстоятельства // Образование и право. – 2019. – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemuy-ucheta-prevysheniya-predelov-neobhodimoy-oborony-kak-smyagchayuschego-obstoyatelstva> (дата обращения: 15.11.2022).
3. Казарина М. И., Барканов И. А. О критериях отграничения необходимой обороны от превышения пределов необходимой обороны // ГлаголЪ правосудия. – 2020. – № 2 (24). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/okriteriyah-otgranicheniya-neobhodimoy-oborony-ot-prevysheniya-predelov-neobhodimoy-oborony> (дата обращения: 15.11.2022).
4. Матвеева Е. В. Актуальные проблемы разграничения убийства при превышении пределов необходимой обороны с составом простого убийства по УК РФ // Символ науки. – 2019. – № 9. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razgranicheniya-ubiystva-pri-prevyshenii-predelov-neobhodimoy-oborony-s-sostavom-prostogo-ubiystva-po-uk-rf> (дата обращения: 15.11.2022).
5. Савельев И. И. Превышение пределов необходимой обороны // Символ науки. – 2016. – № 5-3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prevyshenie-predelov-neobhodimoy-oborony> (дата обращения: 15.11.2022).
6. Смирнова Л. Н. Уголовная ответственность при нарушении условий правомерности необходимой обороны // Известия АлтГУ. – 2017. – № 6 (98). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-pri-narushenii-usloviy-pravomernosti-neobhodimoy-oborony> (дата обращения: 15.11.2022).
7. Татьяна А. В. Пути решения проблем, возникающих при реализации права на необходимую оборону // Вестник ТИУиЭ. – 2021. – № 1 (33). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-resheniya-problem-voznikayuschih-pri-realizatsii-prava-na-neobhodimuyu-oboronu> (дата обращения: 15.11.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-322-324

МАХМУТОВ Тимур Айдарович

аспирант 3 курса очного отделения аспирантуры по направлению «Юриспруденция», специализации «Уголовное право и криминология» Дальневосточного федерального университета

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ДОЗНАВАТЕЛЯМИ, СЛЕДОВАТЕЛЯМИ И СУДЬЯМИ, КАК СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье проводится анализ норм Уголовного кодекса РФ и правоприменительной практики, сложившейся по отношению к преступлениям против правосудия, фигурантами которых становятся сотрудники правоохранительных органов. В силу формата статьи, авторами рассмотрены не все составы отмеченных преступлений. Вносятся предложения по организации более эффективной борьбы с преступностью в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: правосудие, преступления, судья, органы предварительного расследования.

MAKHMUTOV Timur Aidarovich

postgraduate student of the 3rd full-time postgraduate department in the direction of "Jurisprudence", specialization "Criminal Law and Criminology" of the Far Eastern Federal University

CRIMES AGAINST JUSTICE COMMITTED BY INTERROGATORS, INVESTIGATORS AND JUDGES AS SPECIAL TYPES OF OFFICIAL CRIMES

The article analyzes the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the law enforcement practice that has developed in relation to crimes against justice, the defendants of which are law enforcement officers. Due to the format of the article, the authors have not considered all the elements of the crimes mentioned. Proposals are being made to organize a more effective fight against crime in the area under consideration.

Keywords: justice, crimes, judge, preliminary investigation bodies.

Махмутов Т. А.

Правосудие является одной из важнейших форм деятельности правоприменителя, осуществляемой в рамках административного, гражданского и уголовного процессуального права.

Ввиду этого преступления против правосудия направлены на нарушение нормальной деятельности судебных органов, то есть на те общественные отношения, которые реализуют цели и задачи правосудия.

Рассматриваемые составы преступлений закреплены в главе 31 Уголовного Кодекса РФ, а именно в статьях ст.ст. 294-315.

Преступления против правосудия, совершаемые дознавателями, следователями и судьями наносят обществу большой вред. Вследствие совершения таких преступлений сотрудниками правоохранительных органов, подрывается доверие граждан к власти в целом, к правоохранителям, в частности.

Стоит сказать, что по наблюдениям автора, большинство рассматриваемых преступлений носит латентный характер, что ещё более пагубно сказывается на правоприменительной практике, создавая опасный прецедент. Получается, что сотрудники правоохранительных органов, как бы подают плохой пример всему обществу. Данную гипотезу постараемся проверить в ходе нашего исследования.

Рассмотрим структурные элементы преступлений против правосудия в целом. Объективная сторона рассматриваемого преступления в большинстве своём выражена в активных действиях, но в отдельных случаях возможно бездействие.

Видовой объект – отношения правосудия. Однако, рассматривать видовой объект стоит в комплексе трёх состав-

ляющих, которые фактически и определяют три основных непосредственных объекта конкретных деяний, предусмотренных гл. 31:

- а) интересы отправления правосудия;
- б) интересы производства предварительного расследования
- в) интересы, реализуемые в рамках исполнения судебного решения либо приговора [1, с. 20].

Ещё одно обстоятельство, на которое стоит обратить внимание – это специфический потерпевший и специальный субъект.

Целесообразно разделить субъектов данного преступления относительно заявленной темы на две категории:

1. Лица, осуществляющие правосудие;
2. Лица, осуществляющие предварительное следствие.

При исследовании данной проблемы, на наш взгляд, важно обратить внимание на Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2022 г, № 20 «О судебной практике по делам о преступлениях против правосудия».

В Постановлении указывается особенности состава заведомо незаконного задержания и подчёркивается, что данное преступление может выражаться как в умышленных действиях, так и в бездействии. Ответственность при этом наступает лишь в том случае, если основания задержания подозреваемого стали заведомо известны должностному лицу [3, с. 42].

Не меньший интерес представляют разъяснения о квалификации принуждения к даче показаний либо к даче заключения экспертом или специалистом.

Анализируя составы рассматриваемых преступлений, обратим внимание на ст. 299 Уголовного кодекса РФ. Данное деяние совершается в форме действия. По ч. 1 и ч. 2 такими действиями являются те, в результате которых происходит

привлечение лица к уголовной ответственности, в процессе которых лицо в процессуальном порядке приобретает статус обвиняемого. По ч. 3 деянием является возбуждение уголовного дела. Стоит сказать, что деяния подозреваемых или обвиняемых в результате которых потерпевший не получил статус подозреваемого или обвиняемого, составом данной статьи не охватываются. В данной статье важно установить заведомость знаний лица о непричастности к преступлению. Часто на практике уголовные дела, в которых отсутствует состав преступления, либо к ответственности привлекается лицо, которое его не совершало, следствие очень неохотно идёт на прекращение уголовного дела. Это связано с тем, что если в отношении лица было вынесено то или иное процессуальное решение или применены меры пресечения в виде заключения под стражу, возникает вопрос: насколько следователем или иным лицом, производящим предварительное следствие изучены материалы дела и нет ли здесь состава преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ.

Стоит отметить, что единой позиции судов относительно привлечения к уголовной ответственности по данной статье не сложилось. Сложность заключается в неоднозначности формулировок диспозиции данной статьи и неочевидным доктринальным толкованием.

На наш взгляд, решить вышеназванные проблемы представляется возможным только посредством внесения изменений в законодательную конструкцию нормы Уголовного Кодекса для формулирования более точных правовых положений. Однако, прежде чем вносить изменения в Уголовный Кодекс, необходимо тщательно проанализировать ошибки правоприменительной практики, одной из которых, на наш взгляд, является расценивание изготовления и утверждение обвинительного заключения (если обвинение ещё не было предъявлено) только как приготовление к преступлению. Поскольку обвинительный акт является процессуальным документом, на основании которого лицо привлекается к уголовной ответственности, стоит расценивать данное деяние как оконченное преступление. Согласимся с позицией исследователей о том, что соответствующие изменения стоит внести и в Уголовный Кодекс.

Интересным представляется с мнение В. В. Миронова о необходимости исключения из законодательной регламентации состава незаконного возбуждения уголовного дела указание на цель и мотив совершения деяния, поскольку таковые не могут быть признаками, отличающими преступное поведение от аналогичных нарушений, осуществляемых из иных побуждений и не влекущих в настоящее время уголовной ответственности. Степень нарушения интересов потерпевшего от незаконного возбуждения уголовного дела не меняется в зависимости от того, какими мотивами и целями руководствовалось соответствующее должностное лицо. Именно такой подход имеет место в ч. 1 и ч. 2 ст. 299 УК РФ, предусматривающих привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, не содержащих указания на мотивацию или целевую направленность данных незаконных действий [4, с. 262].

Рассматривая ст. 300 УК РФ, стоит отметить, что объективная сторона заключается в действиях специального субъекта, выражающихся в принятии процессуальных решений, направленных на незаконное освобождение от уголовной ответственности. При этом освобождение от уголовной ответственности понимается достаточно широко. В данном случае подразумеваются все основания, предусмотренные Уголовным Кодексом РФ и в ряде случаев, процессуальные механизмы, предусмотренные УПК РФ. Относительно состава данного преступления часто имеет место коррупционная составляющая [6, с. 295].

Обращает на себя внимание интересная формулировка нормы ст. 301 УК РФ. В ч. 1 речь идёт о незаконном задержа-

нии лица, в ч. 2 о заключении под стражу, ч. 3 наступление тяжких последствий.

Вызывает интерес уголовное дело, по которому лицо обвинялось в совершении преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, при этом на него указал потерпевший и иные лица. Лицо задержали, следователь вынес постановление о возбуждении уголовного дела. Однако, впоследствии уголовное преследование по отношению к данному лицу было прекращено [7, с. 133].

Данный случай был описан в Бюллетене Верховного суда: «Уголовным Кодексом установлена ответственность за незаконное задержание. С субъективной стороны данное преступление может совершаться только с прямым умыслом, когда виновный осознаёт, что проводимое задержание незаконно, однако по тем или иным мотивам желает произвести задержание. Как видно из материалов дела, следователь выполнила все требования законодательства и в её действиях не усматривается прямого умысла на незаконное задержание подозреваемого». На этом основании дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Довольно распространённой в правоприменительной практике является привлечение к уголовной ответственности по ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности», которая включает в себя 8 составов преступлений.

Когда речь идёт о ч. 1 рассматриваемой статьи, правоприменитель должен принимать во внимание, положения не только уголовного закона, так и арбитражного процессуального кодекса, гражданского процессуального кодекса, а также кодексу административного судопроизводства. Иногда на практике можно встретить ошибочную квалификацию фальсификации доказательств по делу об административном правонарушении как фальсификацию по административному делу и наоборот.

Объективная сторона представлена активными действиями, направленными на искусственное создание, изменение доказательств, в силу чего существенно искажаются сведения. В судебной практике иногда в качестве объективной стороны упоминается уничтожение доказательств [5, с. 170].

Как верно отмечает И. А. Новиков, субъекты преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, указаны в диспозиции: это лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник. Возникает вопрос: допускается ли подделка доказательственной информации иными участниками уголовного судопроизводства?

Справедливо утверждение с А. Н. Полякова о том, что ряд участников уголовного судопроизводства наделен правом представлять доказательства, в связи с чем последние имеют возможность их сфальсифицировать и не быть привлеченными к уголовной ответственности. По мнению И. А. Новикова, ч. 2 необходимо сформулировать так: «Фальсификация доказательств по уголовному делу участниками уголовного судопроизводства». Это представляется верным и справедливым.

Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности представляет существенную угрозу общественной безопасности, ведь в связи с подделкой доказательств может быть осужден невиновный человек, а реальный преступник избежит уголовной ответственности. С нашей точки зрения, предлагаемые изменения и дополнения будут способствовать систематизации положений уголовного законодательства об ответственности за фальсификацию доказательств [2, с. 225].

Интересным представляется проанализировать статистические данные о состоянии преступности в рассматриваемой сфере за последние 3 года. (См. диаграмму 1.)

Итак, согласно данным судебной статистики, в 2019 году по ст. 301-303, 306 и 307 УК по основной и дополнительной квалификации было осуждено 2598 лиц, в 2020-м – 2322 и

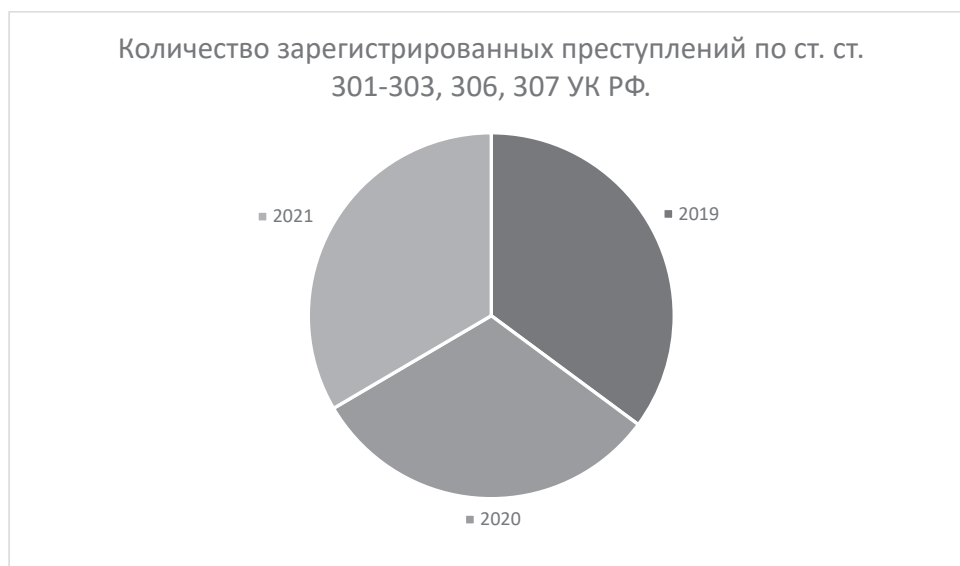

Диаграмма 1. Количество зарегистрированных преступлений по ст. ст. 301-303, 306, 307 УК РФ.

в 2021-м – 2473. При этом, по данным за 2021 год, три лица осуждены за незаконные задержания, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК), 201 лицо – за фальсификацию доказательств и результатов ОРД (ст. 303 УК), 1899 лиц – за заведомо ложный донос (ст. 306 УК), 370 лиц – за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК). По ст. 302 УК об ответственности за принуждение к даче показаний или заключения осужденных не было.

Таким образом, можно сказать о том, что большая часть преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов предварительного расследования и судьями, носит латентный характер и выявляется, если дело получило широкую общественную огласку. Зачастую руководители следственных органов и суда не желают признавать, что их подчинённые совершили уголовно-наказуемое деяние, а значит, к ответственности (пусть и дисциплинарной) должен быть привлечён и сам руководитель.

Вариант решения проблемы видится в усилении прокурорского надзора в рассматриваемой сфере. Для организации более эффективной и качественной надзорной деятельности предлагается также внедрить практики применения количественных и качественных показателей эффективности (KPI). Таким показателями могут быть: удовлетворённость граждан работой по жалобам и обращениям, хорошие показатели уровня профессиональных знаний, оценённые на основе независимых методик и др. Причём в прошлое должна уйти зависимость показателя переданных в суд дел, завершившихся обвинительным приговором, от оценки эффективности прокурорского надзора. Ведь основная задача прокурора – не наказать, а установить справедливость, восстановить права граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Карагодин В. Н. Ситуационные особенности расследования преступлений против правосудия, совершаемых следователями // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сборник научных статей. – М.: Юриспруденция, 2020. – С. 49-53.
2. Новиков И. А. Фальсификация доказательств: новеллы уголовного законодательства и вопросы квалификации // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сборник научных статей. – М.: Юриспруденция, 2020. – С. 225-229.
3. Плешаков А. М. Принуждение к даче показаний с применением пытки и использованием животных // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сборник научных статей. – Москва: Юриспруденция, 2020. – С. 41-44.
4. Миронов В. В. К вопросу об уголовной ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сборник научных статей. – Москва: Юриспруденция, 2020. – С. 261-264.
5. Сидоренко Э. Л. Развитие научных представлений о согласии потерпевшего в российском уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 170-179.
6. Тугутов Б. А. Преступления против правосудия: теория и правоприменение // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 315. – С. 294-297.
7. Фунг, Ань Зунг. Преступления против правосудия // Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – С. 133-137.

БОЙЦОВА Анна Юрьевна

аспирант кафедры уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ (НА ПРИМЕРЕ Ч. 1 СТ. 284.1 УК РФ)

В статье проводится сравнительный анализ статьи 20.33 КоАП РФ и статьи 284.1 УК РФ, а именно объектов, на которые посягает правонарушение и преступление. Несмотря на схожесть объектов, автор отмечает, что повторное совершение правонарушения, предусмотренное статьей 20.33 КоАП РФ переходит в преступление. Это связано с возникшей общественной опасностью повторно совершенного преступления. Автор делает вывод, что именно признак общественной опасности является основным условием для криминализации деяния.

Ключевые слова: административная преюдиция, преступление, правонарушение, общественный порядок, общественная безопасность, конституционный строй, безопасность государства, общественная опасность.

BOYTSOVA Anna Yurjevna

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

PUBLIC DANGER AS A BASIS FOR CRIMINALIZATION OF ACTS (ON THE EXAMPLE OF PART 1 OF ARTICLE 284.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article provides a comparative analysis of Article 20.33 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely, objects that are infringed by an offense and a crime. Despite the similarity of objects, the author notes that the repeated commission of an offense under Article 20.33 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation becomes a crime. This is due to the emerging public danger of a repeated crime. The author concludes that it is the sign of public danger that is the main condition for the criminalization of an act.

Keywords: administrative prejudice, crime, offense, public order, public safety, constitutional system, state security, public danger.

Бойцова А. Ю.

В статье 2.1 КоАП РФ дается законодательное определение административного правонарушения, которым считается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. В статье 14 УК РФ под преступлением понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания.

Несмотря на различия в признаках и последствиях, оба противоправных деяния имеют одно сходство – наличие состава, включающего обязательные его элементы, для привлечения лица как к административной, так и к уголовной ответственности.

Состав как преступления, так и правонарушения – это совокупность обязательных, предусмотренных УК РФ или КоАП РФ объективных и субъективных признаков.

Одним из признаков состава является объект преступления (правонарушения). Его законодательное понятие не дано в УК РФ или КоАП РФ. Отсутствие законодательного определения объекта породило немало дискуссий в науке уголовного права. Традиционное понимание объекта преступления сводится к системе общественных отношений, охраняемых уголовным законом, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда в результате совершения преступления [6, с. 100]. Действующие нормативно-правовые акты закрепили основные задачи отраслей уголовного и административного права, в число которых входит охрана

прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка, общественной безопасности, основ конституционного строя (ст. 2 УК РФ, ст. 1.2 КоАП РФ). Эти задачи как раз и указывают на те общественные отношения, которые находятся под охраной закона, которым причиняется или может быть причинен вред в результате совершения преступления или правонарушения. В структуре этих кодексов в Особой части имеются главы, сконструированные по родовому объекту – однородной группе общественных отношений.

Глава 29 УК РФ предусматривает группу преступлений, которые посягают на такой родовой объект как основы конституционного строя и безопасность государства. Одним из составов преступления, помещенных в эту главу, является статья 284.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности. Для действующего УК РФ – это сравнительно новый состав преступления, который был введен в 2015 году Федеральным законом от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Этим же Федеральным законом были внесены изменения в КоАП РФ, глава 20 которого была дополнена статьей 20.33, предусматривающая ответственность за осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее

деятельности, участие в такой деятельности либо нарушение запретов, установленных Федеральным законом от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

В дальнейшем положениями Федерального закона от 01.07.2021 № 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», объективная сторона этого преступления была значительно расширена и изменена. Если раньше в нее входили такие действия, как руководство деятельностью либо участие в деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, то теперь она предусматривает:

– участие в деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей (часть 1);

– предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации (часть 2);

– организация деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации (часть 3).

Законодатель сохранил административную преюдицию в части первой статьи 284.1 УК РФ. В соответствии с новой редакцией этой нормы, лицо подлежит уголовной ответственности в случае, если оно ранее было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние либо имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей

В статье 20.33 КоАП РФ предусмотрено правонарушение, повторное совершение которого в результате так называемой административной преюдиции образует состав преступления, предусмотренного частью 1 статьи 284.1 УК РФ: участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, либо нарушение запретов, установленных Федеральным законом от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Статья 20.33 КоАП РФ относится к группе из сорока административных правонарушений, посягающих на такой родовой объект как общественный порядок и общественная безопасность (глава 20 КоАП РФ).

Раздел IX УК РФ включает составы преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, глава 24 УК РФ посвящена преступлениям против общественной безопасности. При этом, глава 20 КоАП РФ включает составы административных правонарушений, посягающих также на общественный порядок и общественную безопасность. Получается, что объекты, на которые посягает преступление или правонарушение – практически совпадают. Разница лишь в том, что преступление обладает признаком общественной опасности, а у административного правонарушения его нет.

Общественная опасность – основной и безоговорочный повод для криминализации деяния, и основополагающий признак, который отличает преступление от иных видов противоправных деяний [2, с. 64]. Однако содержание признака общественной опасности на законодательном уровне не закреплено. Объяснить его значение – прерогатива доктрины уголовного права.

По мнению Н.Ф. Кузнецовой общественная опасность заключается в том, что такое деяние причиняет или создает угрозу причинения определенного вреда общественным отношениям [4, с. 70]. С позиции А.Н. Соловьева, общественно опасным следует считать такое поведение, которое причиняет значительный вред или создает угрозу причинения такого вреда охраняемым в уголовно-правовом порядке социальным объектам, определенным в ст. 2 УК РФ [5, с. 99].

Полагаем, что общественная опасность – необходимый признак любого уголовно-наказуемого преступления, наличие которого требует криминализировать, а его утрата – декриминализировать деяние.

Н.Г. Иванов включает в общественную опасность два фундаментальных признака, наличие которых будет являться основанием для криминализации деяния. К таким признакам относится ценность объекта и причиняемый вред [3, с. 69]. Именно такие признаки противоправного деяния характеризуют его как преступное.

С этой позицией нельзя не согласиться. Обратимся к главе 24 УК РФ. Составы преступлений, которые объединены в указанную главу посягают не только на родовой объект – общественная безопасность и общественный порядок, который совпадает с родовым объектом в главе 20 КоАП РФ, но и причиняют вред таким дополнительным объектам, как жизнь, здоровье, собственность конкретного лица, то есть на абсолютные ценности.

Безусловно, несмотря на совпадение объектов в главе 20 КоАП РФ и главе 24 УК РФ, именно противоправные деяния, отнесенные к преступлениям в главе 24, обладают общественной опасностью, что и является необходимым условием для отнесения противоправного деяния к преступному.

Рассмотрим конкретный пример.

Деяние, предусмотренное статьей 20.33 КоАП РФ является административным правонарушением, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность. Участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, создает угрозу для нормального функционирования российского общества, что в будущем может привести к более негативным последствиям. Впервые совершенное такое деяние не создает непосред-

ственной угрозы охраняемым объектам, а порождает лишь потенциальную возможность причинения им вреда.

Думается, что законодатель преобразует совершение повторного аналогичного административного правонарушения в уголовно-наказуемое деяние, принимая во внимание ценность общественных отношений, которым причиняется или может быть причинен вред при повторном совершении подобного правонарушения лицом, уже подвергнутым за это мере административной ответственности. Повторно ставя под угрозу причинения вреда, охраняемые уже УК РФ ценности, деяние приобретает имманентное свойство преступления – общественную опасность, у которого можно выделить такие ее признаки как характер и степень.

Часть 1 статьи 284.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за участие в деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей. Состав преступления, предусмотренного статьей 284.1 УК РФ, находится в главе 29 УК РФ, которая объединила группу преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Получается, что повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, посягает уже на иной, более важный круг общественных отношений, и поэтому становится преступлением.

В отличие от административного, уголовное законодательство в статье 2 УК РФ закрепляет задачи по охране в том числе основ конституционного строя и безопасности государства.

Думается, что замена административной ответственности за повторное правонарушение, предусмотренное статьей 20.33 КоАП РФ уголовной ответственностью по статье 284.1 УК РФ, означает, что законодатель полагает, что такое деяние приобретает свойственный только преступлениям признак общественной опасности. И здесь важно ответить на вопрос, почему однократное административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.33 КоАП РФ, при повторном его совершении становится преступлением средней тяжести, поскольку санкция ч. 1 ст. 284.1 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до четырех лет?

Безусловно, преобразование административного правонарушения в уголовное преступление – воля и право только законодателя, и то, что лежит в основании такого решения, может быть только нашим предположением. Формальной причиной является то обстоятельство, что в момент совершения повторного административного правонарушения деяние приобретает признак общественной опасности, который характерен только для преступлений. Справедливо отметить, что административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.33 КоАП РФ, имеет много общего в содержании объективной стороны с преступлением, предусмотренным статьей 284.1 УК РФ, а именно – участие в деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации.

Участие в такой деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в соответствии со статьей 3.1 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28.12.2012 № 272-ФЗ, представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства [1, с. 296]. Поэтому, лицо, впервые совершающее административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.33 КоАП РФ, посягает на общественную безопасность. В этом случае административное наказание реализует, в частности, одну из целей – предупреждение совершения наказанным нового подобного правонарушения.

В том случае, если лицо в период, когда оно считается повергнутым административному наказанию, вновь совершает административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.33 КоАП РФ, то его противоправное поведение приобретает уже свойство общественной опасности, которым обладает только преступление. Это происходит потому, что меняется объект посягательства. Вместо общественной безопасности им становятся основы конституционного строя и безопасность государства. Различие в объектах, на которые посягает первично и вторично совершенное деяние, предусмотренное ст. 20.33 КоАП РФ, заключается в том, что повторно совершенное административное правонарушение, становясь преступлением, ставит под угрозу не просто интересы общества или конкретной личности, а интересы и безопасность государства в целом. Поэтому повторное участие в деятельности указанных организаций, могут привести к нарушению целостности или разрушению действующего социально-экономического уклада страны, серьезно помешать работе органов государственной власти, поставить под угрозу территориальную целостность Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2012. – С. 296.
2. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации: монография. – Москва: Проспект, 2016. – С. 64.
3. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации: монография. – Москва: Проспект, 2016. – С. 69.
4. Кузнецова Н. Ф. преступление и преступность // Избранные труды. – СПб., 2013. – С. 70.
5. Соловьев А. Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – С. 99.
6. Уголовное право. Общая часть: учебник для студентов вузов по направлению «Юриспруденция» / А. Ф. Мицкевич, В. В. Питецкий [и др.]; отв. ред. А. Н. Тарбагаев; Сибирский федеральный университет [СФУ]. Юридический институт [ЮИ]. – Москва: Проспект, 2011. – С. 100.

МАШАДЫ Дмитрий Александрович

курсант 3 курса 2 взвода, старший сержант внутренней службы Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний

КАРТАШЕВА Екатерина Викторовна

курсант 3 курса 2 взвода, рядовой внутренней службы Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний

БИЧЕНОВА Анна Роландиевна

преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, майор внутренней службы

ОПАСНОСТЬ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Данная статья посвящена преступлениям, совершаемым с использованием всемирной компьютерной сети «Интернет», предназначенной для хранения, обработки и передачи информации, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, которые направлены против компьютерных данных. Выделены способы совершения преступлений в компьютерной информации. Проведена уголовно-правовая характеристика киберпреступлений. Рассмотрены основные причины совершения киберпреступлений в Российской Федерации и предложены пути их решения.

Ключевые слова: киберпреступность, детерминанты преступности.

MASHADY Dmitriy Aleksandrovich

cadet of the 3rd course of the 2nd platoon, senior sergeant of the internal service of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service

KARTASHEVA Ekaterina Viktorovna

cadet of the 3rd course of the 2nd platoon, an ordinary member of the internal service of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service

BICHENOVA Anna Rolandievna

lecturer of Criminal and penal enforcement law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia, major of the internal service

THE DANGER OF CYBERCRIME IN MODERN RUSSIA

This article is devoted to crimes committed using the worldwide computer network "Internet", intended for storing, processing and transmitting information, as well as other means of access to cyberspace, within computer systems or networks that are directed against computer data. The ways of committing crimes in computer information are highlighted. Criminal and legal characteristics of cybercrimes have been carried out. The main reasons for the commission of cybercrimes in the Russian Federation are considered and ways to solve them are proposed.

Keywords: cybercrime, determinants of crime.

В настоящее время люди живут в эпоху информационного общества, в котором все сферы жизнедеятельности охвачены компьютерами и различными телекоммуникациями. Несомненно, современные технологии значительно упрощают жизнь: расстояние не является помехой для общения; актуальная информация находится в свободном доступе; дистанционные технологии делают доступным образование и т.д. Вместе с тем, можно выделить множество отрицательных аспектов информатизации общества и вытекающих из них проблем. Так, принимаемая в свою жизнь глобальные компьютерные сети и различные телекоммуникации, общество не до конца осознавало, какие это большие возможности для злоупотребления такого рода ресурсами [1, с. 11-13].

Киберпреступность появилась в РФ 13 июля 1996 года, когда был принят Федеральный закон № 63 ФЗ «Уголовный Кодекс Российской Федерации», вступивший в законную силу с 1 января 1997 года, где впервые была предусмотрена ответственность за компьютерные преступления, и эти нормы действуют до сегодняшнего дня. На сегодняшний день в структуре Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) преступления в сфере компьютерной информации входят в состав главы 28 и включают в себя следующие составы преступлений:

- ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации»;
- ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»;
- ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»;
- ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

Для того чтобы перейти к детерминантам преступлений, которые совершаются в сети «Интернет», проведем анализ статистических данных об их количестве за 2019 – 2021 г.

На 2021 год по статистическим данным преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации 271145 тысяч, что составляет 20,3% от общего количества пре-

ступлений в целом. Из них тяжких и особо тяжких 34,5%, в том числе совершённых с использованием или применением расчётных (пластиковых) карт 9,2%, компьютерной техники 35,6%, программных средств 15,5%, фиктивных электронных платежей 48,7 %, сети «Интернет» 42,1%, средств мобильной связи 14,2% [8].

На основе обобщения статистических данных раскрытых компьютерных преступлений выявлено, что общими характеристиками личности преступника является то, что это – лицо, имеющее среднее (среднее-специальное) образование, в возрасте от 18 до 24 лет, ранее в противозаконных действиях незамеченный, с достаточно высоким уровнем технических знаний в области компьютерной информации.

Отличительными особенностями данных видов преступлений являются дистанционные способы совершения преступления, при которых исключается прямой контакт не только между преступником и потерпевшим, но и между соучастниками противоправной деятельности, которые могут находиться не только в разных городах, но и на разных континентах [1, с. 4-16].

Для РФ проблема киберпреступности состоит из угрозы не только экономической безопасности России, но национальной безопасности страны в целом. Данная проблема становится наиболее актуальной в условиях перехода на цифровую экономику.

На сегодняшний день проблема борьбы с киберпреступностью стоит наиболее остро. По данным «Лаборатории Касперского» на нашу страну приходится около 20% всех мировых атак, при этом многие пользователи не догадываются, что стали жертвами киберпреступников, а их приватные данные «утекли» в теневой сегмент интернета [7]. Кибератакам подвергаются не только личные данные пользователей, аккаунты в социальных сетях, банковские счета, но и крупные корпоративные сети компаний и государственных служб по всему миру.

Более того, значительный процент киберпреступлений направлен не на частную жизнь граждан и организаций, а на безопасность целого государства. Целей у таких преступлений много: незаконный сбор данных, подрыв национальной безопасности, пропаганда идей определённой группы и т.д. Однако, все они несут одну огромную проблему: невозможность нормального функционирования органов государственной власти. Известный

пример: заражение в 2008 году вирусом Conficker военной техники Франции, из-за чего истребители не могли выйти на взлёт. Также можно привести в пример заражение компьютеров участников конференции G-20 в 2013 году [3, с. 145-149].

Постоянная и разрушительная угроза кибератак, независимо от исполнителей, подрывает общую безопасность страны, поскольку по мере выявления основных уязвимостей киберпреступники используют их и переносят риски из области «кибер» в другие области, создавая своего рода системный беспорядок. От него органам национальной безопасности придется постоянно защищаться [4, с. 42-45].

Следует отметить, что действующее законодательство не содержит в себе такого понятия как «киберпреступление». В этой связи в научной литературе предлагается множество трактовок данной категории. Не ставя перед собой цели в рамках настоящей статьи подробно рассматривать имеющиеся в научной литературе точки зрения, всё же отметим, что в результате анализа различных мнений мы считаем целесообразным рассматривать киберпреступление как совокупность общественно опасных деяний, для совершения которых используются информационные технологии, включая компьютерные системы или сети, чтобы нанести экономический, политический, моральный, идеологический, культурный и иной ущерб физическим и юридическим лицам, а также государственным образованиям в целом.

Наибольший интерес для лиц, совершающих преступления в рассматриваемой сфере, представляет финансовая сфера, за последние годы активно оцифровываемая и переводимая в интернет-пространство [5, с. 80-86]. При этом, с началом пандемии кибермошенники стали пользоваться ограниченными возможностями россиян и начали атаковать их от имени различных организаций, предоставляющих финансовые услуги. Если анализировать статистику, то можно понять, что число преступлений в сфере компьютерной информации неуклонно растет большими темпами. Динамика роста составляет порядка 400% ежегодно. То есть с ростом усовершенствования и внедрения новых информационных технологий растет и число киберпреступлений [6, с. 131-133].

Следует отметить, что большинство преступлений в сфере компьютерной информации совершаются с корыстной целью. Т.е. главная причина киберпреступности – финансовая сторона. Преступники преследуют цель материального обогащения, в настоящее время не обходимо лишь распространить вредоносные программы на электронные устройства пользователей и неправомерно завладеть персональными данными гражданина, такими как: данные банковской карты или пароля от личного кабинета в интернет-банке. К сожалению, этому всячески способствуют различные условия, позволяющие киберпреступникам войти в контакт с устройством пользователя телекоммуникационной сети «Интернет».

Одно из них, это масштабная компьютеризация российского общества. Иными словами, в России произошло активное развитие компьютерных технологий, получили самое широкое распространение информационно-телекоммуникационные сети, которые во все большей степени охватывают всю страну и продолжают расширяться. Этот процесс не только будет продолжаться в ближайшей перспективе, но и завершится полным охватом сетью всей страны. Происходит расширение информационных услуг, развивается электронный документооборот, становится реальной система электронного управления на муниципальном и региональном уровнях. Все эти позитивные изменения в то же время способствуют расширению возможностей преступников совершать все новые преступления.

Далее можно отметить низкий уровень некоторых видов программного обеспечения. Зачастую программное обеспечение граждан не имеет должной контрольной защиты, которая бы обеспечивала проверку соответствия и правильности вводимой информации, из-за чего киберпреступники легко проникают в компьютерные системы вообще и в личные аккаунты отдельных граждан, в частности.

На основании существующей обстановки возникает потребность в реализации государственной политики в плане поддержания определенных стандартов и защиты информации, в т. ч. полученной в связи с применением компьютерных технологий. На примере отдельных зарубежных стран были рассмотрены вопросы усиления контроля пользования сетью Интернет. Предлагается, что Российская Федерация может использовать подобный зарубежный опыт в рамках своей страны.

Еще одной формой киберпреступности является распространение фейковой информации. Которая распространяется с использованием всемирной сети «Интернет» 04.03.2022 г. Федеральным законом № 32-ФЗ было криминализовано еще одно деяние, а именно ст. 207.3. УК РФ Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственных органами Российской Федерации своих полномочий. Данная норма предусматривает ответственность за распространение заведомо ложной информации о деятельности органов власти, данные «Фейки» распространяются с целью подрыва доверия граждан

к государственной власти РФ. Эта информация поступает к пользователям сети «Интернет» в виде различных фотографий, видеороликов, которые вызывают большой общественный резонанс, резкое недовольство действиями государственной власти со стороны граждан, что порождает совершение других преступлений, несанкционированных шествий, которые перерастают в массовые беспорядки.

Для решения проблемы «Фейков» необходимо полноценное участие всех органов власти по освещению своей деятельности в сети «Интернет». Нужно больше информационной открытости, больше разговоров с людьми, больше контента, больше новостей. Это рождает атмосферу доверия к новостям, и это будет самым лучшим отпором распространению такого рода информации, нужно публиковать ответ-опровержение на «Фейк» нужно на той же платформе, где он появился, причем не через сутки-двое, а в течение двух часов. Необходимо отслеживать появление такого рода информации и сразу на нее реагировать.

Таким образом, проблема киберпреступности в современной России является весьма актуальной, так как компьютеры, информационные технологии и телекоммуникационные системы проникли во все сферы деятельности человека и государства. Однако глобализация информационных технологий представляет огромную угрозу для человечества. За последнее столетие она приобрела особую актуальность. С годами информационные технологии становятся доступнее для пользователей. Безграничные возможности глобализации информационного поля позволяют злоумышленникам беспрепятственно оказывать воздействие на личность, группу и общество в целом.

Киберпреступность в настоящее время достигла беспрецедентного размаха. Все это не осталось без внимания президента Российской Федерации Владимира Путина, который назвал эту проблему вопросом государственной безопасности и предложил сформировать систему автоматизированного обмена информацией об угрозах в цифровом пространстве.

При указанных обстоятельствах эффективная борьба с киберпреступностью требует многоуровневой системы кибербезопасности, которая, в свою очередь, защищала бы государство и его граждан. Такая система должна включать в себя, в первую очередь, высокий уровень технологического обеспечения соответствующих органов. Кроме того, необходимо усилить государственную систему предупреждения и обнаружения компьютерных атак на информационные ресурсы России, а также своевременно устранять их последствия, а также усилить надёжность сети конфиденциальной связи силовых структур и органов власти.

Более того, с целью повышения эффективности противодействия киберпреступникам необходимо применять системный подход, направленный не только на повышения качества работы правоохранительных и следственных органов, совершенствованием программного комплекса и материально-технического оснащения, но и улучшать информационное обеспечение банковской сферы, повышать меры банковского реагирования, а самое важное грамотность населения.

Пристатейный библиографический список

1. Валеева Г. В., Берг С. А. Проблема киберпреступности в современной информационном обществе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2022. – № 3. – С. 11-13.
2. Левашова О. В., Сотников И. Л. Киберпреступность: основные направления международного сотрудничества и противодействия // Modern Science. – 2022. – № 1- 2. – С. 145-149.
3. Ляпин А. Е. Киберпреступность как новый объект статистического анализа // Статистика и Экономика. – 2021. Т. 18. – № 6. – С. 4-16.
4. Мамцов К. Г., Ачилов Н. Р. Киберпреступность как угроза национальной безопасности // Молодой исследователь Дона. – 2022. – № 1 (34). – С. 42-45.
5. Могунова М. М. Понятие современной киберпреступности и способы совершения финансово-ориентированных киберпреступлений // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2022. Т. 19. – № 1. – С. 80-86.
6. Халезова Е. А., Смирнов В. М. Развитие киберпреступности в России // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 74-2. – С. 131-133.
7. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации. Н. Касперская, развернутые тезисы выступления на Парламентских слушаниях в Госдуме. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://narodosnova.ru/2018/04/tsifrovayakonomika-i-riskitsifrovoj-kolonizatsii.html> (дата обращения: 02.03.2022).
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июнь 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/25094008>.

СЕМЁНОВ Владимир Владимирович

курсант Прокурорско-следственного факультета Военного университета

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

В настоящей статье рассматривается сущность оперативно-розыскных мероприятий в целях раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ. Автор акцентирует особое внимание на исследовании предметов и документов, наведении справок, как видах оперативно-розыскных мероприятиях, наиболее активно применяемых при борьбе с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем. В заключение публикации предложен комплекс законодательных и организационных мер, включающих в себя создание Межведомственной комиссии по борьбе с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем и введение уголовной ответственности за несообщение о готовившихся или совершаемых преступлениях, которые направлены на легализацию (отмывание) денежных средств, добытых преступным путем.

Ключевые слова: легализация денежных средств, отмывание денежных средств, преступный путь, оперативно-розыскные мероприятия, экономика.

SEMYONOV Vladimir Vladimirovich

cadet of the Prosecutorial and Investigative Faculty of the Military University

FEATURES OF CARRYING OUT OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES FOR THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF CRIMINALLY OBTAINED FUNDS

This article discusses the essence of operational-search measures for the purpose of disclosing and investigating crimes provided for by articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author focuses on the study of objects and documents, making inquiries, as types of operational-search activities that are most actively used in the fight against the legalization (laundering) of money obtained by criminal means. In conclusion, the publication proposes a set of legislative and organizational measures, including the creation of an Interdepartmental Commission on Combating the Legalization (Laundering) of Money Produced by Crime and the introduction of criminal liability for failure to report planned or ongoing crimes that are aimed at legalizing (laundering) money obtained by criminal means.

Keywords: money laundering, money laundering, criminal way, operational investigative measures, economy.

Со стремительным развитием экономики и изменением финансовой системы в условиях рыночных отношений, денежные средства приобретают свойство мобильности, что обуславливает рост экономической преступности.

Наибольший интерес среди экономических преступлений, на наш взгляд, представляют деяния, направленные на легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества (ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ)¹, т.к. они являются наиболее распространенными в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений², а их негативные последствия приобретают международный характер и создают финансовую базу для существования организованных антиобщественных групп, в т.ч. и террористических ячеек.

Под легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», понимается придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иного имущества, полученными в результате совершения преступления³.

Диспозиции ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ под легализацией (отмыванием) денежных средств подразумевают «совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом...».

Исходя из указанных определений, можно сделать вывод о том, что для легализации (отмывания) денежных средств необходимо наличие финансовых инструментов, позволяющих совершать финансовые сделки с денежными средствами и впоследствии использование их в преступных или личных (корыстных) целях.

Для установления факта легализации денежных средств, правоохранительным органам, следует проследить и доказать весь путь прохождения незаконно полученных денег от конкретного факта их получения до способа принятия правомерного вида денежных средств или иного имущества.

Анализ судебной практики показывает, что есть две оперативные ситуации, первая это когда правоохранительным органам известно о совершении предикатного (предшествующего, предыдущего) преступления, и вторая – в условиях отсутствия данной информации.

Ситуация, когда органу, уполномоченному на осуществление оперативно-розыскной деятельностью, стало известно о совершении предикатного преступления должна предполагать проверку должностными лицами правоохранительного органа мотива и целей лица, совершившего преступление, которая направлена на выявление корыстного умысла деяния и преступного дохода, полученного в результате совершения преступления.

В ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 114-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴ приведен перечень видов оперативно-розыскных мероприятий, которые используются правоохранительными органами для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. Проведение оперативно-розыскных мероприятий позволяет правоохранительным органам решить ряд важных задач:

1) установить виновных лиц, причастных к легализации (отмыванию) денежных средств, добытых преступным путем, а

* Научный руководитель: Вражнов Алексей Сергеевич – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Военного университета.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.

2 В частности, согласно portalу правовой статистики, по сравнению с предыдущим годом, преступления экономической направленности увеличились в 2021 г. на 11,6 %. Также, исходя из статистических данных, можно сделать вывод, что данные показатели являются наибольшими с 2014 г. См.: Показатели преступности в России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 17.09.2022).

3 Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – 13 августа. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.

4 Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 №144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – 14 августа. – № 33. – Ст. 3349.

также предикатное преступление, если правоохранительным органам неизвестно о нем;

2) определить место нахождения незаконных денежных средств;

3) выявить способ совершения легализации – от конкретно-факта введения денежных средств в финансовую систему до факта их получения (обналичивания) преступниками;

4) задокументировать и зафиксировать факты, свидетельствующие о наличии вины у подозреваемых, а также данные, позволяющие выявить мотив легализации денежных средств и использование их впоследствии в собственных интересах;

5) найти очевидцев, свидетелей данного преступления;

6) установить иные факты, имеющие значение для доказывания в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

Одним из необходимых оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих выявить факт легализации денежных средств, является исследование предметов и документов, которое позволяет сотрудникам правоохранительных органов определить факты сомнительных сделок, банковских операций, фиктивных договоров. Также данное оперативно-розыскное мероприятие позволяет собрать доказательственную базу, если впоследствии будет установлено, что умысел виновных лиц направлен на отмывание, т.е. придачу денежным средствам законного вида.

Следующим оперативно-розыскным мероприятием, проведение которого значительно сокращает время и ресурсы на поиск первичной информации (информации о преступлении, характере предполагаемых событий) является наведение справок. Наведение справок, как оперативно-розыскное мероприятие, является одним из способов получения информации из других источников, например из других органов и учреждений. Для установления факта отмывания денежных средств необходимо запросить информацию из Федеральной налоговой службы, Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинга), кредитных организаций в соответствии с Приказом Генпрокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21.08.2018) «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, добытым преступным путем»⁵. Указанные органы и организации по запросу правоохранительных органов обязаны предоставить данные о движении денежных средств по расчетным счетам физических и юридических лиц, а также персональные данные об их владельцах (бенефициарах). В случае наличия информации о факте легализации денежных средств – наличии подозрительных сделок и другой информации, которая имеет отношение к финансовым средствам, органу, проводящему оперативно-розыскные мероприятия, следует обратить внимание не только на самих лиц, которые имеют непосредственное отношение к юридическому лицу и компании, но и на членов их семей (дети, супруги, родители) и лиц, имеющих доверие к ним. Об этом также свидетельствуют исследования группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), куда входит с 2003 года Российская Федерация⁶.

При проведении указанных оперативно-розыскных мероприятий, сотрудникам, расследующим преступления, связанные с легализацией денежных средств необходимо проанализировать ряд финансовых операций, от которых зависит квалификация деяния. Список таких операций содержится в ст. 6 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и включает в себя: снятие со счета или зачисление на счет юридического лица денежных средств в наличной форме, покупку или продажу наличной иностранной валюты физическим лицом, приобретение физическим лицом ценных бумаг за наличный расчет, получение физическим лицом денежных средств по чеку на предъявителя, выданному нерезидентом и пр.

В правоприменительной практике имеются многочисленные примеры проведения финансовых операций, направленных на легализацию денежных средств.

Например, в приговоре суда по уголовному делу № 1-29/2021 сообщается о придании правомерного вида денежным средствам, которые перешли во владение управляющему домом гражданину А. Указанное лицо должно было эти денежные средства использовать для произведения ремонтных работ дома, но вместо этого заключил фиктивный субподряд с принадлежащей ему фирмой, которая оказывала услуги по ремонту жилых домов. В этой ситуации управляющий домом А. денежные средства использовал в личных целях [1].

В приговоре суда по уголовному делу № 1-700/2015 указывается о совершении преступления сотрудником банка, имеющим по своему служебному положению доступ к компьютерной информации, а именно – к балансу овердрафтового кредитования, который он впоследствии изменил для увеличения денежного лимита и использования денежных средств в корыстных целях. В ходе предварительного расследования правоохранительным органам пришлось проверить базу данных системы карточных платежей, которая корректировалась данным сотрудником на своем рабочем компьютере [2].

В отдельных ситуациях при расследовании преступлений, связанных с легализацией денежных средств уместны и иные оперативно-розыскные мероприятия: наблюдение; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации. Данные оперативно-розыскные мероприятия позволяют органу, проводящему оперативно-розыскные мероприятия, выявить предикатное преступление, если оно не известно, средства и методы легализации денежных средств у злоумышленников, а также наличия умысла на совершение данного преступления.

Таким образом, у правоохранительных органов, в настоящее время имеются средства и методы изучения и раскрытия преступлений, связанных с легализацией денежных средств. Однако, исходя из общей латентности указанных преступлений, обусловленных несовершенством законодательной базы и отсутствием у сотрудников правоохранительных органов специальных познаний в экономической сфере, они продолжают оставаться сложными в раскрытии и расследовании.

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, для более эффективного проведения оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию и расследованию преступлений связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем, необходим следующий комплекс законодательных и иных мер.

Во-первых, для выработки единого подхода к проблематике расследования преступлений в вышеуказанной сфере целесообразно создать Межведомственную комиссию по борьбе с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем, в состав которой включить как представителей оперативно-розыскных структур, так и контрольно-надзорных органов. Перечень должностных обязанностей данной комиссии представляется следующим: переподготовка и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, которые уполномочены на борьбу с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем; контроль за соблюдением законности при расследовании данных видов преступлений; создание и принятие методических рекомендаций для сотрудников, уполномоченных проводить оперативно-розыскные мероприятия по ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ.

Во-вторых, рекомендуем ввести уголовную ответственность за несообщение о готовившихся или совершаемых преступлениях, которые направлены на легализацию (отмывание) денежных средств, добытых преступным путем. Введение данной меры обусловлено сложившейся правоприменительной практикой, в рамках которой при проведении оперативного розыскного мероприятия «наведение справок» сотрудниками кредитных организаций и иных финансовых учреждений, зачастую, достоверно зная о фактах легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путем, не представляют указанную информацию правоохранительным органам.

Пристатейный библиографический список

- Приказ Генпрокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21.08.2018 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
- Стратегия оценки рисков легализации денежных средств, полученных преступным путем, и финансирования терроризма // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurasiangroup.org/files/uploads/files/ru_img/news/typ_strat.pdf (дата обращения: 17.09.2022).

- Уголовное дело № 1-29/2021 // Прикубанский районный городской суд г. Краснодара.
- Уголовное дело № 1-700/2015 // Левобережный районный суд г. Воронежа.

ЧАЛАЕВ Мурад Алиевич

слушатель Академии управления МВД России

К ВОПРОСУ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

В данной статье проведен детальный анализ уголовной политики, проводимой государством в период пандемии, направленной на борьбу с преступными угрозами национальной и общественной безопасности. В работе автором изучены изменения, вносимые в Уголовный кодекс РФ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, на основе которых сделаны выводы об основных особенностях реализуемой в этот период уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика, статья, Уголовный кодекс РФ.

CHALAEV Murad Alievich

student of the Academy of Management of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF CRIMINAL POLICY DURING THE PANDEMIC

This article provides a detailed analysis of the criminal policy pursued by the state during the pandemic aimed at combating criminal threats to national and public security. In the work, the author studied the changes made to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, on the basis of which conclusions were drawn about the main features of the criminal policy implemented during this period.

Keywords: criminal policy, article, Criminal Code of the Russian Federation.

Преступность – это противоправная деятельность человека, отрицательно влияющая на функционировании государства и жизнедеятельности общества, существенно снижая их благоприятное развитие и материальное процветание. В противовес преступности государство реализует уголовную политику, как научно обоснованную правомочную деятельность компетентных государственных органов, направленную на борьбу с любыми криминальными проявлениями и профилактику преступлений.

Существенной проблемой борьбы с преступностью является ее умение легко адаптироваться ко всем социально-правовым явлениям, подстраивая их под себя, ища лазейки в законодательстве, тем самым продолжая свою преступную деятельность, и, естественно, пандемия не стала исключением.

Анализируя и исследуя все проявляемые в период пандемии криминальные процессы, государство разрабатывало и принимало адекватные меры, внося соответствующие коррективы в реализуемую уголовную политику, главным нормативным правовым источником которой является Уголовный кодекс РФ¹. В течение 2020–2021 гг. в него внесено 29 изменений. Однако, наряду с уголовным законом, изменения вносились и в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации², и иное федеральное законодательство.

Первый вектор проводимой уголовной политики был направлен на установление контроля за эпидемиологической обстановкой и борьбой с распространением недостоверной или фейковой информацией. Осознание серьезности наносимого ущерба от распространения недостоверной информации и её масштабов привело к вынужденной криминализации в России действий по созданию и тиражированию фейковых новостей (ст. ст. 207.1 и 207.2 УК РФ). Практически схожие изменения внесены законодателем в ст. 13.15

КоАП РФ, предусматривающую административную ответственность за распространение недостоверной информации для физических и юридических лиц.

Помимо этого, за счет введения в состав преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, дополнительного условия «создавшее угрозы наступления последствий», с одновременным ужесточением санкции, значительно расширился круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил.

Второй вектор проводимых изменений касался сферы информационно-коммуникационных технологий. Цифровизация общества и элементарная доступность Интернета, в пространстве которого можно найти удовлетворение практически всех своих запросов, начиная от развлекательной индустрии и заканчивая официальной трудовой деятельностью, становятся привычной сферой жизни не только законопослушных граждан, но и криминальных элементов. Одной из попыток уголовной политики урегулировать данную сферу явилось введение в ряд статей УК РФ дополнительного квалифицирующего признака «совершено с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Данные изменения коснулись диспозиций статей 110.1, 110.2, 128.1, 133, 137, 151.2, 159.6, 171.2, 205.2, 222, 222.1, 222.2, 228.1, 230, 238.1, 242, 242.1, 242.2, 245, 258.1, 280, 280.1, 280.4, 282, 354.1 УК РФ. Наряду с введением дополнительного квалифицирующего признака, наблюдается и ужесточение санкций. Например, в декабре 2020 года в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ «Клевета» внесены изменения в части конкретизации способа совершения преступления - «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», одновременно с этим законодатель предусмотрел наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет, при этом ранее данный вид наказания ч. 2 ст. 128.1 УК РФ не предусматривался.

Следующий вектор реализуемой уголовной касался сферы экстремистских проявлений. В декабре 2020 года УК РФ пополнился новой статьей 280.2 - «Нарушение территориальной целостности РФ», предусматривающей внуши-

1 Далее – «УК РФ»

2 Далее – «КоАП РФ»

тельную санкцию в виде лишения свободы на срок от шести до десяти лет. Закреплением административной преюдицией, детализирован состав преступления, предусмотренный ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ».

В апреле 2020 года внесено дополнение в ст. 243.4 УК РФ, обеспечивающее сохранение исторической памяти России, а через год ужесточена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ).

Уделено особое внимание противодействию экономической преступности. Сначала, путем криминализации деяний, связанных с нарушением требований о зачислении денежных средств на счета резидента, внесены изменения в ст. 193 УК РФ. Затем, УК РФ дополнили новые статьи, предусматривающие уголовную ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи) и незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов). Далее, ужесточена уголовная ответственность за преднамеренное банкротство и неправомерные действия при банкротстве с одновременным расширением круга лиц, попадающих под действие данного состава (арбитражные управляющие, председатели ликвидационных комиссий, лица, совершившие преступления с использованием служебного положения и т.д.).

Ряд вносимых в проводимую уголовную политику в период пандемии изменений носит разносторонний характер. Изменениями положений ст.ст. 79, 80 и 93 УК РФ закрепились норма, согласно которой досрочное освобождение возможно после отбытия 6 месяцев в исправительном учреждении. Введено наступление уголовной ответственности за хулиганские действия с «угрозы применения насилия», за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения с момента создания угроз жизни, здоровья и безопасности граждан либо угрозы уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц. Пополнился круг субъектов, отнесенных к должностным лицам в нормах 30 главы УК РФ, за счет введения лиц, выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных внебюджетных фондах, публично-правовых компаниях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых РФ, субъект РФ или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно распоряжаться более чем 50% голосов. Введена конфискация имущества за совершение преступлений, связанных с государственной изменой и разглашением государственной тайны.

На фоне произошедших в учебных заведениях серии террористических актов, с 12 июля 2021 года внесены изменения, ужесточающие уголовную ответственность за преступления в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (ст. 222, 222.1, 222.2, 223, 223.1 УК РФ), а на фоне резонансных дорожно-транспортных происшествий - за управление транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ). Декриминализации коснулись деяния, связанные с уничтожением лесных насаждений (ст. 261 УК РФ). Если они не повлекли значительный ущерб, то образуют состав namного лояльного административного правонарушения.

Проведенный анализ корректировок УК РФ, осуществленных в период пандемии, дает основания полагать, что реализуемая уголовная политика реагировала на социальные изменения и криминальные проявления, однако, по мнению

ряда ученых, не все проблемы разрешены, что даже провоцировало дискуссии в научном сообществе о необходимости разработать и ввести в действие новый УК РФ. [1]. Однако, как мы видим, пока законодатель ограничивается корректировкой действующих норм права.

При этом, проведенный анализ, а также сложившееся мнение ученых-юристов относительно реализуемой в период пандемии уголовной политики, дает основания выделить определенные свойственные ей тенденции [2], [3], [4], [5].

В целом, вносимые законодательные изменения оперативно реагировали на криминальные угрозы, возникающие в период пандемии и соответствовали проблемным направлениям в области общественной безопасности.

В то же время, у реализуемой в период пандемии уголовной политики можно выделить ряд особенностей:

- наблюдается тесное взаимодействие административного и уголовного права путем внедрения составов с административной преюдицией;

- избирательное возвращение в качестве квалифицирующего признака наличие судимости;

- введение особой юридической категории «создавшее угрозы наступления последствий», а также юридическое обособление информационно-телекоммуникационной преступности;

- разрозненный подход уголовно-правового воздействия на преступные угрозы, сочетающий общесоциальную либеральность и ужесточение мер в отношении спецсубъектов.

Из изложенного следует, что только в начале пандемии реализуемая уголовная политика остро ориентировалась на потребности и проблемы общества, связанные с этим явлением, оперативно решая их. Последующие вносимые изменения не имели к пандемии прямого отношения, а исходили из общегосударственных задач в области общественной и национальной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: Материалы VII Конгресса уголовного права (31 мая - 1 июня 2012 года). - М.: Проспект, 2012. - С. 664.
2. Голикова А. В., Ковлагина Д. А., Пономаренко Е. В. Пандемический кризис и уголовная политика: экспертная оценка законодательных инноваций // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2021. - № 4 (141). - С. 124.
3. Бааль Н. Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства // Российский следователь. - 2020. - № 12. - С. 47.
4. Лопашенко Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией – «свой среди чужих»? // Российский следователь. - 2022. - № 5. - С. 52.
5. Скрипченко Н. Ю. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): анализ законодательных новелл // Банковское право. - 2022. - № 1. - С. 74.

ЯХЪЯЕВ Магомедсалам Юсупович

магистрант 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ТАИЛОВА Айша Габиповна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

МАГДИЛОВ Нурмагомед Магомедович

преподаватель кафедры уголовного процесса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ДОЛЖНОСТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ФИСКАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПО ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

В статье проведён комплексный анализ должностных преступлений, совершаемых сотрудниками налоговых органов, выявлены их причины, разработаны возможные методы противодействия. Уголовно-правовое вмешательство в деятельность по обеспечению оптимального развития налоговых процессов все шире применяется во многих странах мира. Одновременно с этим непрерывно растёт объем преступности в налоговой системе, усложняются проблемы борьбы с ней.

Ключевые слова: должностные преступления, налоговые органы, налоговые преступления, предупреждение.

YAKHYAEV Magomedislam Yusupovich

magister student of the 2nd course of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

MAGDILOV Nurmagomed Magomedovich

lecturer of Criminal process sub-faculty of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

OFFICIAL CRIME OF EMPLOYEES OF THE FISCAL SERVICE AND THE MAIN DIRECTIONS FOR THEIR PREVENTION

The article provides a comprehensive analysis of official crimes committed by employees of tax authorities, identifies their causes, and develops possible methods of counteraction. Criminal law interference in the activities to ensure the optimal development of tax processes is increasingly used in many countries of the world. At the same time, the volume of crime in the tax system is constantly growing, and the problems of combating it are becoming more complicated.

Keywords: official crimes, tax authorities, tax crimes, prevention.

Обязанность по уплате налогов лежит на каждом из нас, ведь налоги составляют основной источник дохода государства. За счет средств, поступающих от налогоплательщиков, содержатся государственные органы и вооруженные силы, государственное здравоохранение и выплачиваются пенсии.

Должностная преступность налоговиков негативное для фискальной службы Российской Федерации явление. Данная проблема встречается в экономической, социальной сферах жизни общества и представляет угрозу финансовой и экономической стабильности нашего государства. В виду этого, выявление причин и противодействие должностным преступлениям в органах фискальной службы является одной из задач по противодействию должностным преступлениям.

Должностные преступления налоговиков в России можно назвать системным преступлением. Становление же данного вида преступности связано с деятельностью фискальной службы и отсутствием надлежащей координации в противодействии данному негативному явлению.

Примерами трансформации должностных преступлений фискальных служб в структурный элемент криминального характера может служить «криминальное сотрудничество» между различными органами государственной власти.

Должностные преступления в фискальной службе являются угрозой для финансовой безопасности России, которую нужно преодолеть с учётом международных стандартов и

опыта других государств в сфере противодействия должностным преступлениям. Поэтому исследование в данной области направления представляется актуальным.

Содержание понятия «должностная преступность налоговиков» нельзя сформулировать одинаково для всех стран мира с их различиями в общественном строе, в уголовно-правовых системах, да и во взглядах отдельных криминологов и специалистов по уголовному праву.

Большинство западных ученых (Э. Сатерленд, Г. Маннгейм, Р. Кларк, Г. Геппингер и др.) ищут объединяющий признак этих посягательств в «злоупотреблении доверием». Сколь этот признак ни характерен, его нет, например, в некоторых умышленных служебных преступлениях. С другой стороны, как правильно возражают Г. Шульц и Г. Кайзер, признак «злоупотребление доверием» чрезмерно расширяет представление об этой преступности.

Этот термин не совсем точен, но используется как наиболее краткий для обозначения рассматриваемой преступности. Неудачны и попытки других авторов принять за основной критерий способ и направленность посягательств («нарушения налогового порядка») или круг лиц, их совершивших («беловоротничковые преступления»).

Как и в большинстве стран, у нас отличительным признаком этого преступления является объект посягательства. Это преступления в сфере экономики и одновременно в сфе-

ре нормальной деятельности органов государственной власти, предусматривает те деяния, путем совершения которых непосредственно нарушается правильное ведение фискальной деятельности государства. Этим они уже достаточно четко отграничиваются от различных прямых посягательств на экономические отношения, от некоторых должностных преступлений и других, которые также наносят вред экономике страны, но имеют свой специфический объект.

Уголовно-правовое вмешательство в деятельность по обеспечению оптимального развития налоговых процессов все шире применяется во многих странах мира. Одновременно с этим непрерывно растет объем преступности в налоговой системе, усложняются проблемы борьбы с ней.

Очень сложно позитивно воздействовать на налоговую сферу, несмотря на некоторые частичные успехи в этом деле, достигнутые за последние десятилетия, доказывают принципиальную несовместимость частных интересов должностных лиц в сфере налоговых органов с плановостью и законностью в развитии экономики.

Ежегодно увеличиваются случаи уклонения от налогового обложения, преступного сговора при списании долгов по налогам, неправомерного объявления банкротства, нарушения правил налогообложения и налогового контроля [1, с. 64].

Интеграция между развитыми странами стала подходящим средством для преодоления антагонизма. В зарубежных странах уже довольно широко применяются уголовные меры при нарушении протекционных тарифов, связанных с налогообложением.

Ведомственные, групповые и индивидуальные интересы сотрудников налоговых органов как бы ни преобладали они в конкретных случаях, не являются решающими в рамках налоговой политики и общества в целом. При этих обстоятельствах вполне понятно, что государство обеспечивает всестороннюю уголовно-правовую защиту всех налоговых отношений, которые являются определяющими с точки зрения планомерного ведения налоговой политики, экономического потенциала государства, жизненного уровня населения.

Уголовно-правовое регулирование должностных посягательств в налоговой системе определяет, в сущности, характер налоговой преступности в нашей стране.

В криминологии можно выделить две основные группы должностных преступлений сотрудников налоговых органов.

К первой группе относятся общие преступления, которые могут быть совершены во всех отраслях экономики, относятся несколько основных составов, обеспечивающих уголовно-правовую защиту от проявлений преступлений, связанных с планированием и отчетностью в налоговой деятельности, хотя в судебной практике почти не встречаются дела по этим статьям. Учитывая конкретные условия налоговой деятельности в стране, особенно при ныне действующем экономическом механизме, усилилось практическое значение уголовной ответственности за такого рода преступные посягательства.

Второй вид посягательств включает преступления в отдельных направлениях деятельности налоговых органов. При повышенных требованиях интенсификации, высокого уровня и рентабельности промышленного производства возрастает общественная опасность всякого виновного попустительства со стороны сотрудников налоговых органов в контроле за налогообложением, которые могут иметь тяжкие последствия прежде всего для развития бюджета, а также и для всего общества.

Доля отражаемых в статистике преступлений должностных лиц налоговых органов и доля осужденных за них лиц составляют около 1,9 % общего числа преступлений и осужденных в стране за должностные преступления. За последние годы, особенно в период 2019 – 2020 гг., отмечается тенденция к росту этой доли, главным образом в результате улучшения раскрываемости этих преступлений [2].

Высокий коэффициент скрытости преступлений должностных лиц налоговых органов, имеют подкупы и некоторые другие преступления (главным образом из-за недооценки борьбы с ними). Корыстные посягательства на личную

собственность и транспортные преступления, совершаемые налоговиками в рамках своей служебной деятельности, значительно реже остаются без противодействия.

В структуре статистически отраженной преступности должностных лиц налоговых органов преобладают мелкие посягательства, но за последние несколько лет увеличивается доля материально ответственных лиц и руководителей налоговых структур, осужденных за сравнительно более тяжкие, имеющие большую общественную опасность посягательства и в основном взяточничество.

Более двух третей всех преступлений налоговиками совершается в сфере нарушения порядка налогообложения. Быстрый рост числа лиц, осужденных за взяточничество, объясняется главным образом недостаточным контролем за деятельностью должностных лиц налоговых органов.

Игнорирование некоторыми должностными лицами налоговых органов норм налогового законодательства, злоупотребление ими своими служебными обязанностями, предпочтение личных интересов общественным – основные источники преступной активности при совершении деяний, в налоговой системе.

Среди всех преступлений, совершаемых налоговиками, можно выделить ряд преступлений, которые характерны для должностных лиц в общем.

Нами проанализированы должностные преступления в целом, среди процент должностных лиц налоговых органов составил – 3 %. В основном ими совершаются такие преступления как взяточничество, злоупотребления служебными положениями, мошенничество, присвоение или растрата. Нецелевое расходование бюджетных средств, служебный подлог и т.д.

Наиболее часто непосредственная материальная выгода есть та движущая сила, которая толкает к нарушению закона, к попранию интересов общества. При этом может преследоваться личная выгода или даже выгода всего коллектива налоговой инспекции (при даче неверных исходных данных налоговыми органами, при незаконном распределении бюджетных средств).

Выгода иногда бывает и не чисто материальной, а сопровождается служебными амбициями, соображениями личного престижа либо выражается в «предпочтении – меньшего зла».

Перевес личного интереса над общественным проявляется и в недооценке необходимости дополнительной заботы, углубленных и компетентных предварительных исследований при выполнении задач налоговых органов (например, при проведении налоговых проверок). В проявлениях ошибок по налогообложению, которые обычно являются неосторожными, нередко какой-нибудь мелкий личный интерес вытесняет должную заботу о крупных материальных благах государства.

Рассмотренный основной механизм порождения преступлений должностных лиц налоговых органов, установленный при криминологических исследованиях, не функционирует изолированно от других криминологических факторов. Обобщенный анализ исследовательских данных выявил следующие существенные причины и условия этих преступлений:

- 1) неувязки в планировании налогового контроля, в заключении по налоговым проверкам, слабости в организации и руководстве деятельностью в налоговой системе, недостатки в системе стимулирования, плохое состояние первичной отчетности и внутреннего контроля;
- 2) недостатки в подготовке, подборе и воспитании налоговых кадров, профессиональная или нравственно-этическая непригодность некоторых из них;
- 3) затруднения в системе координации и надлежащего контроля за налоговыми органами;
- 4) недостаточная принципиальность, глубина и полнота внешнего финансового контроля – финансово-ревизионного, контроля за налогообложением физических лиц, индивидуальных предпринимателей;
- 5) пробелы и недостатки в правосознании значительной части лиц, совершивших эти преступления (85,6 %);

б) упущения в работе оперативно-розыскных, следственных, прокурорских и судебных органов.

Коррупция среди должностных лиц налоговых органов рассматривается нами угроза финансовой безопасности Российской Федерации [3, с. 44-45].

Возникает вопрос: в чём же заключаются причины должностных преступлений сотрудников налоговых органов? Сегодня должность в органах власти, в том числе и фискальных органах является важным инструментом, который может обеспечить своего рода вертикальную мобильность тем социальным группам (их представителям), для которых другие возможности «закрыты» (то есть тем представителям социальных групп, которые хотят «всего сразу», и это им проще заплатить, например, за их будущую вертикальную мобильность, чем «пойти» на это самостоятельно).

Основная причина существования данной категории преступлений – это не афишируемые привилегии официальных уровней, отсутствие механизмов ответственности и контроля власти в органах фискальной службы. Наши налоговики не хотят конкурентного рынка. Они не хотят воевать, проигрывать, придумывать новые стратегии, не жалея времени на последствия своих собственных криминальных действий [4, с. 27-30].

Служебные злоупотребления – это насущная проблема в современном мире. Люди могут достичь своих целей через связи и взятки, не нужно думать и работать, они могут его купить. Иногда люди целенаправленно не представляют другим никаких услуг из-за получения взятки.

Система, в которой власть и собственность объединяются, а важнейшими источниками дохода являются монопольное положение привилегированных фирм на рынке, а также грабёж налогоплательщиков.

Многие эксперты согласны, что проявление должностных преступлений совершаемых сотрудниками налоговых органов приводит к очень серьезным издержкам в системе налогообложения. Они выражаются в финансовой нестабильности и в постоянной угрозе экономической безопасности в России. Должностные преступления налоговиков ведут к самоуправству в органах государственной власти, самого государства.

И состояние фискальной службы неспособно на какую-либо систематическую работу в области государственного налогообложения в экономике. Государство просто некомпетентно.

Коррупция стала обычным явлением для всех слоев населения. Люди видят, что любой бизнес может быть связан со связями в госструктурах и не только, но без связей он обречен. Все это говорит о том, что коррупционные явления в налоговой системе стали в «порядке вещей».

Менталитет россиян формируется не законами, которые не соблюдаются и не изобилуют противоречивыми нормами, а известными им фактами коррупции среди налоговиков, которые сегодня очень распространены. Взятки и откаты в налоговые органы большинство россиян воспринимают как эффективный и быстрый способ достижения цели. Они считают, что иначе невозможно жить в России, опять же это стереотипное мышление возникает в умах людей, которые видят, что часто люди покупают свою должность. У большинства россиян предпринимательство и эффективность в рамках закона сменяется стремлением к богатству любой ценой, том числе и путём уклонения от уплаты налогов.

Специфические деформации в правовом сознании, в оценках фактов у каждого из осужденных налоговиков за должностные преступления с такими недостатками, взятые в отдельности, порождают не преступность, а лишь единичные деяния. Но они дают облик общей причины должностных преступлений сотрудников налоговых органов – низкого правосознания.

В настоящее время нет исчерпывающего объяснения неуклонного роста числа взяточничества. Из этого можно заключить, что взяточничество становится всё более обычным явлением в российском обществе. Сложившаяся си-

туация ведёт к моральному разложению общества, созданию и развитию коррупционных сетей в системе управления, и общему росту преступности, так как коррупционные преступления часто сочетаются с другими тяжкими преступлениями: организованным хищением имущества, с легализацией денежных средств и имущества, приобретенных незаконным путем. Из вышеизложенного можно заключить, что борьба со взяточничеством ведётся на недостаточном уровне и требует активизации как со стороны правоохранительных органов, так и всех государственных и муниципальных структур, а также общественности.

Меры предотвращения преступности должностных лиц налоговых органов можно классифицировать по их направленности на две основные группы:

а) меры субъективной направленности – они имеют приостанавливающий характер и применяются в отношении должностного лица, которое имеет намерение или готовится совершить преступление;

б) меры объективной направленности – ими воздействуют на условия, от которых зависит реализация преступного намерения, или же на предмет проектируемого преступного посяательства должностного лица, сотрудника налоговой инспекции.

К ним относятся:

1) предупредительная беседа или составление предупредительного протокола. Наиболее часто эта форма вмешательства практикуется органами прокуратуры и собственной безопасности;

2) так называемые «превентивные административные меры» как типичные меры предотвращения преступлений и других антиобщественных проявлений должностных лиц налоговых органов.

3) меры неуклонения, обеспечивающие невозможность уклонения лица от судебной ответственности. Это процессуальное средство предотвращения задуманных или подготавливаемых преступлений.

Реально предотвращающий характер, однако, имеют только домашний арест и заключение под стражу. Но их особенность состоит в том, что применяться они могут только органами предварительного производства при наличии начатого уголовного процесса, и только против обвиняемого или подозреваемого.

Успехи в предотвращении преступлений должностных лиц налоговых органов зависят от соблюдения ряда тактических и организационных требований. Среди них, прежде всего, следует отметить наличие хорошо развитой системы получения и первичной оценки сигналов о задуманных или готовящихся преступлениях.

Пресечение должностной преступностью налоговиков имеет двустороннее профилактическое действие: оно предотвращает наступление, ограничивает или прекращает действие общественно опасных последствий преступления должностных лиц налоговых органов, одновременно оно ведёт к ограничению уголовной ответственности преступника – вместо того чтобы отвечать за оконченное преступление, он будет отвечать за приготовление или покушение или за меньшую по объёму продолжаемую или продолженную преступную деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. Григорьев В. Н. Понятие должностного лица в уголовном праве. – Екатеринбург, 2011. – 350 с.
2. Статистика и аналитика: статистика за 2019-2021 гг. // Официальный сайт МВД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Иванов М. Г. Служебно-экономическая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. – Нижний Новгород, 2012. – 270 с.
4. Ревякин М. Н. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступлениям, совершаемым должностными лицами. – Ростов-на-Дону, 2014. – 378 с.

АЛЫМОВ Дмитрий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ЛЯСКОВЕЦ Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТОВ ТАКТИКИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Статья посвящена анализу наиболее проблемных аспектов тактики производства предъявления для опознания.

Предлагаются основные направления совершенствования тактики предъявления для опознания с учетом практики прошлых лет, а также в опоре на современные научные достижения и общественно-правовые реалии.

В статье проанализированы различные научные подходы к формированию тактико-криминалистических средств и приемов производства предъявления для опознания с учетом особенностей опознаваемых объектов, а также значимости сведений о них, исходя из обстоятельности, подлежащих установлению в процессе расследования уголовного дела.

Авторы убеждены, что развитие научно-практических основ тактики предъявления для опознания способствует четкому уяснению сущности данного следственного действия, а также значимости его проведения с целью получения качественной криминалистически значимой информации для решения общих и частных задач расследования.

Ключевые слова: опознание, предъявление для опознания, тождество, криминалистическая тактика, тактический прием.

ALYMOV Dmitry Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Southwest State University, Kursk

LYASKOVETS Andrey Vladimirovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Southwest State University, Kursk

ANALYSIS OF PROBLEMATIC ASPECTS OF PRESENTATION TACTICS FOR IDENTIFICATION

The article is devoted to the analysis of the most problematic aspects of the tactics of production of presentation for identification.

The main directions of improving the tactics of presentation for identification are proposed, taking into account the practice of previous years, as well as relying on modern scientific achievements and socio-legal realities.

The article analyzes various scientific approaches to the formation of tactical and forensic means and methods of production of presentation for identification, taking into account the characteristics of identifiable objects, as well as the significance of information about them, based on the circumstances to be established during the investigation of a criminal case.

The authors are convinced that the development of scientific and practical bases of the tactics of presentation for identification contributes to a clear understanding of the essence of this investigative action, as well as the significance of its conduct in order to obtain high-quality criminalistically significant information for solving general and particular investigation tasks.

Keywords: identification, presentation for identification, identity, forensic tactics, tactical technique.

В процессе расследования преступлений в сфере уголовного судопроизводства часто оказываются конкретные лица, а также предметы, характер и назначение которых, относимость их делу не бесспорны и нуждаются в выяснении. При решении этой задачи используются методы криминалистической идентификации, одним из которых является выделение объекта из числа однородных по мысленному образу, сохранившемуся в памяти человека. Лицо, давшее показание (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый) сообщает об известном ему человеке или ином объекте, называет отличительные признаки и выражает готовность указать его в группе других.

Сущность предъявления для опознания состоит в установлении тождества (групповой принадлежности) того или иного лица или предмета по мысленному образу, который отобразился в памяти опознающего.

Опознание объектов – это очень сложный психический процесс, связанный со способностью человека выделить наиболее значимые и устойчивые идентификационные признаки ранее наблюдаемого им объекта. Некоторые из этих признаков могут оказаться наиболее выраженными и легко запоминающимися, а некоторые могут быть маловыразительными и трудно воспринимающимися опознающим. В данной ситуации эффективность проведения опознания зависит от результатов предварительного допроса потенциального опознающего [1, с. 476].

Безусловно, следователь должен быть заинтересован в получении полной и достоверной информации о признаках объекта опознания, а также в достоверности результатов проведения рассматриваемого следственного действия.

Результаты проведения опознания следователю утвердиться в правильности выдвинутых им версий либо усомниться в них

Алымов Д. В.

Лясковец А. В.

и выдвинуть новые предположения [2, с. 70]. Кроме того, правильное определение цели опознания в совокупности с иными обстоятельствами обуславливает обоснованность выбора того или иного следственного действия в конкретной следственной ситуации [3, с. 165].

Предъявление для опознания представляет собой процессуальную форму идентификации. Вывод о тождестве или групповой принадлежности предъявляемого объекта может служить полноценным доказательством по уголовному делу. Однако следует рассмотреть ряд проблемных вопросов, касающихся, во-первых, субъектов данной формы идентификации, а, во-вторых, вопросов, связанных с разграничением идентификационных процессов в ходе «опознания» и «предъявления для опознания».

Ни в коем случае нельзя смешивать данные понятия.

Анализируя содержание уголовно-процессуального закона, регламентирующего данное следственное действие, следует обратить внимание на главу 26 УПК РФ, которая называется «Допрос. Очная ставка. Опознание. Проверка показаний». В содержании главы 26 УПК РФ фигурирует следственное действие, которое называется «Предъявление для опознания».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодатель отождествляет понятия «опознание» и «предъявление для опознания», что, по нашему мнению, является не совсем верным.

Во-первых, целью опознания является идентификация объекта по мысленному образу. Это подчеркивает тот факт, что опознание хоть и является видом идентификации, но представляет собой именно психический процесс, который происходит в сознании опознающего, результатом которого является установление тождества, сходства или различия воспринятого ранее и предъявляемого объекта. Однако такая идентификация основывается на субъективном мнении опознающего лица. При этом опознающий не руководствуется основными положениями теории криминалистической идентификации, а делает свои выводы на основе психического процесса усвоения и распознавания объекта.

Во-вторых, субъектами опознания могут быть, в соответствии с ч. 1 ст. 193 УПК РФ, только свидетель, потерпевший, подозреваемый и обвиняемый.

В-третьих, целью предъявления для опознания, по мнению ряда ученых, является обнаружение, проверка и закрепление доказательств, а само «опознание» лишь создает для этого предпосылки.

В-четвертых, субъектами предъявления для опознания как следственного действия является следователь (дознатель). Он создает необходимые условия для опознания: проводит предварительный допрос опознающего, осуществляет подбор и постановку предъявляемых для опознания объектов, приглашает понятых и т.д., после этого познающему предлагают указать лицо или предмет, о котором он давал показания. Именно при предъявлении для опознания наиболее ярко проявляются закономерности процесса криминалистической идентификации. В стадии раздельного исследования, осуществляемого в рамках подготовки к предъявлению для опознания, следователь, проводя предварительный допрос опознающего, получает первичную информацию о признаках опознаваемого объекта. Затем в ходе самого предъявления для опознания, когда опознающий, например, узнал объект среди группы ему однородных, следователь интересуется, по каким признакам он его распознал. Таким образом, он получает повторную информацию о признаках предъявляемого объекта. После получения повторной информации с последующим отражением ее в протоколе предъявления для опознания, следователь сравнивает ее с теми сведениями, которые были озвучены опознающим в ходе предварительного допроса. На основе этих данных следователь имеет возможность в процессуальном порядке констатировать факт установления тождества или его отсутствия, закрепив сведения об этом в соответствующем протоколе.

Таким образом, понятия «опознание» и «предъявление для опознания» имеют существенные различия, обусловленные особенностями восприятия признаков опознаваемых объектов различными субъектами и в различных условиях. Опознание по своей сути является психическим процессом, проистекающим в сознании человека, а предъявление для опознания является процессуальным действием, в ходе которого следователь создает условия, необходимые для того, чтобы психический процесс обычного (бытового) узнавания преобразовать в достоверные сведения, имеющие доказательственное значение.

Отдельного внимания заслуживают проблемные аспекты предъявления для опознания неопознанного трупа.

Предъявление трупа для опознания – одно из наиболее сложных и ответственных следственных действий [4, с. 91]. Следователь должен учитывать необычное психологическое состояние

граждан, которым труп необходимо предъявить для опознания [4, с. 91]. Кроме того, следователь должен учитывать и изменения внешности человека в силу естественных причин. Труп человека, не говоря об его частях или останках, является специфическим объектом, как из-за происходящих необратимых физиологических изменений, так и с точки зрения психологических особенностей его восприятия [5, с. 80].

Кроме того, опознание трупа затрудняется не только в силу естественных процессов, но и в результате повреждений, причинно связанных с происшествием, а также обезображения трупа грызунами и хищниками. Перечисленные обстоятельства должны быть учтены следователем при подготовке трупа к предъявлению для опознания, проведении опознания и оценке полученных результатов для того, чтобы самому не впасть в заблуждение [6, с. 37].

По мнению К.В. Барышникова и М. Э. Червякова, тактическое мастерство следователя должно проявить себя в выборе оптимальной последовательности предъявления для опознания отдельных фрагментов тела неизвестного трупа с тем, чтобы получить от субъекта опознания максимум информации, сохранив возможность объективной проверки ее достоверности [7, с. 7].

По словам А.Я. Гинзбурга, учитывая обстоятельства, затрудняющие опознание трупа, следователь обязан без промедления провести предъявление для опознания. Отсрочка в таком случае должна рассматриваться как тактическая ошибка [6, с. 38].

Существует мнение о том, что предъявление трупа для опознания в зависимости от конкретных обстоятельств может производиться: 1) до осмотра места происшествия; 2) параллельно осмотру места происшествия и трупа; 3) после осмотра места происшествия и трупа [6, с. 38].

Однако с этой позицией согласиться полностью нельзя. Предъявление для опознания – это самостоятельное следственное действие, проведение которого возможно после возбуждения уголовного дела. Предъявление для опознания в первом случае означает проведение указанного следственного действия до возбуждения уголовного дела, что является нарушением уголовно-процессуального закона. В данном случае опознание может быть произведено только в непроцессуальной форме, например, в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «Отождествление личности».

Предъявление для опознания во втором случае может повлечь смешения двух следственных действий: осмотра и предъявления для опознания. Нет никакой необходимости прерывать осмотр и производить опознание. Параллельно с осмотром можно проводить, например, проверку лица по учетам, используя при этом современные технические средства, в частности, карманные дактилоскопические сканеры.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство выделяет труп в качестве отдельного, самостоятельного объекта предъявления для опознания, занимающего особое процессуальное положение, отличное от положения опознаваемых живых лиц и предметов. Так, в ч. 1 и 4 ст. 193 УПК РФ отмечено, что «для опознания может быть предъявлен и труп», при этом правило, согласно которому лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ними и общим числом не менее трех, на опознание трупа не распространяется – он предъявляется в единственном числе [8, с. 115]. Данное указание направлено, прежде всего, на то, чтобы не допустить психического потрясения опознающего при виде нескольких трупов.

Следует отметить, что неприменение правила о количестве минимуме предъявляемых для опознания объектов объясняется еще и тем, что оно обычно невыполнимо, поскольку нет возможности подобрать трупы по признаку их сходства. Предъявление трупа в числе не менее трех, кроме того, не имеет смысла и является не этичным в отношении опознающего, глубоко переживающего смерть близкого человека.

В тактике предъявления для опознания трупов следует выделить необходимый элемент данного следственного действия, как допрос лица, которому труп предъявляется для опознания.

В соответствии с ч. 2 ст. 193 УПК РФ опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленное для опознания лицо, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать.

Выясняя сведения обо всех известных допрашиваемому признаках, характеризующих внешность исчезнувшего гражданина, предположительно погибшего, следователь должен пристальное внимание обращать на броские и длительные время сохраняющиеся на теле человека особенности (аномалии в строении скелета, асимметрия в строении лицевого черепа, различного рода шрамы, татуировки, особенности стоматологического статуса и т.д.).

Д. А. Бурыка считает, что сложность в качественном проведении допроса многократно возрастает, когда в роли опознающих выступают люди, близкие погибшему. В силу глубоких эмоциональных переживаний они довольно часто, не смотря на то, что речь идет о близких им людях, не могут описать признаки внешности опознаваемых [8, с. 125].

Важной тактической составляющей предъявления для опознания трупа служит психологическая подготовка опознающего субъекта.

Психологическая подготовка к предстоящей ему процедуре опознания трупа должна проводиться и во время допроса, предшествующего опознанию, и непосредственно перед началом следственного действия. Задача следователя состоит в том, чтобы по возможности нейтрализовать отрицательное действие факторов, повлиявших на смертные изменения внешнего облика трупа, не допустить снижения психической активности опознающего субъекта при выполнении им своей функции. Получив согласие субъекта осмотреть труп, следователь путем беседы с опознающим должен подготовить его к ситуации, в которой он окажется во время процедуры опознания трупа, подготовить его к тем трудностям, с которыми ему придется столкнуться. В частности, указанная подготовка может состоять в разъяснении опознающему последовательности выполнения им своих функций, желательно также объяснить ему, в каком виде и в какой именно обстановке труп будет предъявлен и т.д. [4, с. 92-93].

Говоря о самом моменте опознания трупа, следует указать на тактические особенности его демонстрации опознающему субъекту после ознакомления с его показаниями.

А. Я. Гинзбург указывал, что опознающим, хорошо знавшим пострадавшего либо запомнившим приметы на теле, целесообразно предъявить для опознания труп без одежды, прикрыв его простыней и по мере надобности открывая тело для показа характерных примет на нем [6, с. 39]. Также данный автор указал, что если речь идет о предъявлении трупа лицам, случайно видевшим человека при жизни и в одежде, лучше предъявить труп в той одежде, в которой он обнаружен. Сочетание опознавательных признаков лица и одежды может способствовать активизации памяти и облегчить опознание [6, с. 39-40].

П. П. Цветков справедливо заметил, что предъявление трупа в той одежде, в которой он был обнаружен, может привести к тому, что будет опознана или не опознана лишь одежда трупа, а не сам труп. Достоверность же опознания трупа по одежде всегда будет сомнительной [9, с. 75]. Вот почему одежду, принадлежности туалета, аксессуары и т.д. следует предъявить для опознания отдельно от трупа [4, с. 93].

Нам представляется верной мнение П. П. Цветкова. В практике возникает немало случаев, когда, опознав одежду, опознающий не обращает внимание на другие опознавательные признаки. Соответственно, вывод о принадлежности трупа может быть ошибочным.

Результатом предъявления для опознания может быть отождествление (узнавание единичного объекта), установление сходства (отнесение объекта к общей группе), неузнавание [4, с. 93].

Если труп, у которого хорошо сохранились черты лица, с достоверностью опознан, акт опознания следует считать законченным. Если опознающий не может уверенно утверждать, а только говорит, что погибший похож конкретного человека, результатом опознания является установление сходства. В этом случае труп необходимо предъявить для опознания другим лицам, провести опознание одежды, личных вещей погибшего, проверить результаты опознания экспертным путем. Оценка результатов предъявления для опознания проводится следователем в совокупности с другими фактическими данными по делу [10, с. 88-89].

И в заключение несколько слов хотелось бы сказать о возможности предъявления трупа для опознания повторно. Так, снова обращаясь к ч. 1 ст. 193 УПК РФ, мы видим, что следователь может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому. Для опознания может быть предъявлен и труп. То есть, труп в данном контексте выступает в качестве отдельного объекта предъявления для опознания. Однако с ч. 3 ст. 193 УПК РФ гласит, что не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам. О трупе в данной части ст. 193 УПК РФ ничего не говорится.

Таким образом, возникает закономерный вопрос: можно ли все-таки труп предъявить для опознания повторно?

Анализируя указанную норму, можно сделать выводы о том, что законодатель либо допускает повторное предъявление трупа для опознания, либо сознательно делает акцент на, что ввиду морально-этических соображений само собой разумеет-

ся, что это и не стоит вовсе предъявлять повторно, тем самым, не указав это в рассматриваемой статье.

Однако в данном случае речь идет о неопознанном трупе, как специфическом объекте исследования. В связи с этим целесообразно было бы указать в данной статье на возможность повторного предъявления для опознания, если предоставляемые фото-и видеоматериалы, с помощью которых производилось данное следственное действие, были недоброкачественные, опознающий в момент опознания не мог адекватно воспринимать происходящее, либо имели место иные обстоятельства, отрицательно повлиявшие на результаты первоначального опознания.

Таким образом, тактика предъявления для опознания представляет собой сложный процесс получения новых или подтверждения уже существующих данных об объектах, имеющих уголовно-процессуальный или криминалистический интерес. Особое внимание необходимо уделять этапу подготовки к рассматриваемому следственному действию, в ходе которой следователю необходимо получить достаточный объем информации об опознаваемых объектах и способности опознающих правильно воспринимать и воспроизводить информацию в рамках предъявления для опознания. С тактической точки зрения очень важным является разграничение понятий «опознание» и «предъявление для опознания». Их различия обусловлены особенностями восприятия признаков опознаваемых объектов различными субъектами и в различных условиях. В основе опознания лежат психические процессы, протекающим в сознании человека, а в основе предъявления для опознания как следственного действия организационно-тактические, создающие условия, необходимые для того, чтобы психический процесс обычного (бытового) узнавания преобразовать в достоверные сведения, имеющие доказательственное значение.

Отдельные проблемы предъявления для опознания лежат в уголовно-процессуальной плоскости и касаются, прежде всего, вопросов, связанных с возможностью повторного опознания объектов, а также некоторых аспектов предъявления для опознания трупов. Эти аспекты требуют более детальной проработки и разработки предложений по дополнению действующей нормы уголовно-процессуального закона положениями, указывающими на исключительные случаи повторного предъявления для опознания объектов с целью получения более точных и объективных сведений, необходимых для достижения общих и частных задач рассматриваемого следственного действия.

Пристатейный библиографический список

1. Махлис М. А. Тактика предъявления для опознания живых лиц: проблемы и пути их решения // Научный альманах. 2015. № 11-4 (13). С. 476-480.
2. Федосеев К. В., Малюгина А. В. Тактика предъявления для опознания, следственного эксперимента и проверки показаний на месте. Особенности проведения в условиях УИС // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 3 (34). С. 69-72.
3. Матвейчев Ю. А. Объекты и цель предъявления для опознания: дискуссионные вопросы в уголовном процессе и криминалистике // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2017. № 14. С. 164-166.
4. Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1983. 200 с.
5. Соколова О. А. Использование диагностической информации при освидетельствовании и предъявлении для опознания живых людей и трупов // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 102. № 5. С. 75-84.
6. Гинзбург А. Я. Тактика предъявления для опознания. М.: «Юридическая литература», 1971. 63 с.
7. Барышников К. В. Червяков М. Э. Тактические особенности предъявления трупа для опознания // Эпоха науки. 2018. № 15. С. 6-9.
8. Бурыка Д. А. Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2005. 235 с.
9. Цветков П. П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. 114 с.
10. Шухнин М. Н. Неопознанный труп. Установление личности. М.: Юрлитинформ, 2006. 224 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-340-342

БАЙРАМОВ Рамзи Раджабович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

БЕЛОУСОВА Евгения Алексеевна

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

ГАБДУЛХАКОВ Марсель Фанильевич

бакалавр права, соискатель магистерской степени МГИМО (У) МИД России

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ

В работе представлен уголовно-процессуальный анализ понятий «доказательства» и «электронные доказательства», в частности. Рассмотрены особенности изъятия электронных носителей информации, вопросы их относимости и допустимости. Проанализированы точки зрения ряда ученых относительно вопроса тайны переписки. Рассмотрены принципы работы с электронными доказательствами в виде компьютерной информации, разработанные The International Organization for Cooperation in Evaluation (IOCE). Выделяются слабые стороны, присущие электронным доказательствам. Делается вывод о том, что ввиду неустоявшейся практики вовлечения электронных доказательств в уголовное судопроизводство, может иметь место нарушение прав участников уголовного процесса при использовании данного вида доказательств.

Ключевые слова: доказательства, электронные доказательства, вещественные доказательства, носитель информации, тайна переписки, оперативно-розыскное мероприятие.

BAYRAMOV Ramzi Radzhabovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the V. B. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy

BELOUSOVA Evgeniya Alexeevna

Ph.D. in Law, Head of Criminal law disciplines sub-faculty of the V. B. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy

GABDULKHAKOV Marsel Faniljevich

LL.B., competitor for a master's degree of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

ON THE ISSUE OF ELECTRONIC EVIDENCE

The paper presents a criminal procedural analysis of the concepts of "evidence" and "electronic evidence", in particular. The features of the seizure of electronic media, the issues of their relevance and admissibility are considered. The points of view of a number of scientists regarding the issue of secrecy of correspondence are analyzed. The principles of working with electronic evidence in the form of computer information developed by The International Organization for Cooperation in Evaluation (IOCE) are considered. Weaknesses inherent in electronic evidence are highlighted. It is concluded that due to the unsettled practice of involving electronic evidence in criminal proceedings, there may be a violation of the rights of participants in the criminal process when using this type of evidence.

Keywords: evidence, electronic evidence, physical evidence, information carrier, privacy of correspondence, operational-search measure.

Современный этап характеризуется стремительным развитием научно-технической сферы, появлением новых и модернизацией существующих способов информационного обмена. Преступный мир тоже развивается. Преступность идёт в ногу со временем и также активно использует инновационные технологии. Поэтому для действительно результативной борьбы с преступностью важно разрабатывать и внедрять в практику новые способы расследования преступлений.

Не так давно в отечественной уголовно-процессуальной практике стало допустимым использование электронных доказательств. Законодатель не выделяет их в отдельную группу, поэтому электронные доказательства относят или к категории «иные документы», или к числу вещественных доказательств [1].

Согласно законодательному определению, доказательствами могут выступать любые материалы и сведения, позволяющие установить факт определённых обстоятельств, обладающих значением для расследуемого дела (ст. 74 УПК РФ).

Допустимыми доказательствами признаются: протоколы, составленные по проведённому судебным или следственным действиям; заключения и показания, подготовленные

специалистами или экспертами; показания участников уголовного процесса; иные документы; вещественные доказательства.

В документах может содержаться не только письменная, но и иная информация (ч. 2 ст. 84 УПК РФ). Доказательства фиксируются в аудио-, видео- и ином формате. Истребование, получение и представление доказательств должно осуществляться в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством (ст. 86 УПК РФ).

Итак, приходим к выводу, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве нет однозначного определения электронного доказательства. Вместе с тем, на сегодняшний день трудно представить дело, не предполагающее вовлечения оформленной соответствующим образом электронной информации или цифровых носителей. Поэтому справедливым видится мнение М. И. Воронина о том, что в ч. 2 ст. 74 УПК РФ необходимо закрепить законодательное определение электронных доказательств с примерным перечнем. Соответствующие поправки предлагается внести также в ст. 5 УПК РФ [2, с. 79].

В то же время вышеуказанный автор справедливо полагает, что достаточно будет перенести в УПК РФ уже существующие

ющее определение электронного документа, закреплённое в Законе № 149-ФЗ от 27.06.2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (п. 11.1 ст. 2). Под определение, содержащееся в указанном законодательном акте, фактически подпадают любые электронные данные в любом существующем на сегодняшний день формате [3, с. 47].

Ю. В. Гаврилина, которая также исследует вопрос применимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве, отмечает, что под электронным информационным носителем следует понимать специальное устройство, позволяющее временно либо постоянно хранить электронную информацию в пригодном для восприятия и использования виде. Также при помощи информационных носителей обеспечивается обработка электронной информации и передача по электронной почте, сети Интернет и пр. [4, с. 47-48].

Согласно ст. 84 УПК РФ, электронные (цифровые) носители информации подпадают под понятие «документы». При этом цифровые носители информации должны, в свою очередь, отвечать общим требованиям оценки доказательств, закреплённым в ст. 88 УПК РФ, т. е. быть достоверными, допустимыми и относимыми. Цифровые носители информации при их наличии должны быть приобщены к материалам уголовного дела (ст. 81.1 УПК РФ). Из этого следует, что к электронным доказательствам можно отнести личные электронные сообщения, изображения экрана монитора или мобильного устройства (скриншоты).

Личные электронные сообщения, таким образом, вполне могут выступать в качестве доказательств по делу об уголовном преступлении. Для ознакомления с телефонной перепиской и осмотра смартфона сотрудником правоохранительных органов судебное постановление не требуется.

Обзор материалов правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что наиболее часто доказательствами выступают изображения (скриншоты) экрана мобильного устройства, ноутбука или компьютера, содержащие изображения страниц сайтов или электронной почты. Также доказательствами могут выступать скриншоты переписки в мессенджерах и др.

Однако снимки (скриншоты) могут быть выполнены в графическом редакторе, т. е. подделаны. Такие подделки внешне отличить от оригинала невозможно. Аналогичным образом можно подделать и видеозапись программы. Соответственно, подобные виды доказательств обладают производным характером и относятся к так называемым «суррогатам», которые не могут быть приняты судом по причине недостоверности [5, с. 5-8].

Необходимо обратить внимание на специфику изъятия электронных информационных носителей и копирования данных с них в рамках следственно-оперативной деятельности (ст. 164.1 УПК РФ). Отметим, что участие специалистов при изъятии является обязательным. Но если дознавателем или следователем будет принято решение о копировании данных, содержащихся на цифровом носителе, без изъятия, то привлечение специалиста не обязательно (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ).

В ходе расследования уголовных дел правоохранителям может потребоваться информация из переписки в мессенджерах. Её получение происходит несколькими способами. Как правило, изымаются сами информационные носители. Изъятие осуществляется при проведении оперативно-розыскного мероприятия согласно ч. 1 ст. 15 Закона № 144-ФЗ от 12.08.1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности». Для изъятия информационного носителя должностное лицо правоохранительных органов должно предварительно получить постановление о проведении соответствующего оперативно-розыскного мероприятия. По результатам в обязательном порядке составляется протокол.

Кроме того, смартфон может быть изъят при задержании подозреваемого в порядке ст. 91-92 УПК РФ. В процессе расследования дела следователь может оформить изъятие на основании постановления о выемке (ст. 183 УПК РФ).

Изъятие смартфона в ходе проверки, проводимой перед началом следствия, происходит при осмотре места происшествия. Также возможна добровольная передача информации

носителя следователю для проверки (например, при опросе, проводимом согласно ст. 144 УПК РФ).

При отказе владельца смартфона либо другого информационного носителя от его предоставления правоохранители могут воспользоваться универсальным устройством извлечения судебных данных (например, аппаратно-программным комплексом UFED) [6, с. 43].

В случае невозможности изъять устройство, правоохранительные органы могут получить информацию посредством дистанционного перехвата, то есть при проведении оперативно-розыскного мероприятия в виде электронного наблюдения.

Существуют и другие способы получения информации, например, с помощью лиц, оказывающих содействие; используя дубликат сим-карты; применив соответствующую программу, позволяющую перехватить данные в онлайн-режиме. При этом важно помнить, что любые способы перехвата сообщений в мессенджерах можно применять только при наличии постановления руководителя органа дознания или следственного органа и только в рамках соответствующих оперативно-розыскных мероприятий.

Соответственно, пожалуй, единственным легальным способом получения данных является официальный запрос поставщику подобного рода услуг.

Что же касается электронных сообщений, то некоторые учёные предлагают, чтобы их выемка и осмотр производились по адресу оператора сотовой связи либо интернет-провайдера представителями службы безопасности этой же организации [7, с. 132-235].

Поскольку ведение переговоров между абонентами обеспечивается современными каналами связи, Соколов Ю.Н. высказывает предложение о расширении рамок следственных действий, указанных в ст. 186 УПК РФ, путём включения голосовых сообщений и сообщений, передаваемых при помощи разных средств связи. Данным предложением охватываются электронные сообщения с различными вложениями (аудиофайлами, видеофайлами, графическими изображениями и пр.). Тем самым будут восполнены имеющиеся пробелы по получению электронных данных, создаваемых вследствие предоставления переговоров и электронных сообщений (ч. 7 ст. 185, ст. 186 УПК РФ). Также предлагается изменить название статьи 186 УПК РФ на «Электронное наблюдение на единой сети электросвязи РФ» и подробно регламентировать порядок производства данного следственного действия.

Кроме того, предлагается выделить ещё одно следственное действие. Таким следственным действием может стать осуществление электронного наблюдения за устными переговорами и действиями (ст. 186.2). Благодаря этому, следователи смогут получать необходимую информацию о переговорах обвиняемых и подозреваемых без применения средств связи [8, с. 40-41].

По мнению М. И. Воронина, в современной уголовно-процессуальной деятельности особым значением обладает вопрос относительно достоверности и допустимости доказательств в электронном формате. Как показывает обзор материалов правоприменительной практики, если сторона защиты ходатайствует о недопустимости электронных доказательств, то судьи, чаще всего, не принимают такие ходатайства. Объясняется это тем, что УПК РФ не содержит однозначно определённых правил, которые обязывали бы судей изымать и изучать первоисточники электронных данных [3, с. 51].

Подобного мнения придерживается и Ф. Е. Лашкин, обращая внимание, что в действующем УПК РФ нет конкретных правил, которые касались бы оценки, исследования или фиксации доказательств в электронном формате. Также отсутствуют критерии, соблюдение которых делало бы электронную информацию допустимым доказательством. Все эти вопросы решаются в рамках правоприменительной практики в зависимости от ситуации [9, с. 59].

Что же касается вопроса о необходимости получения разрешения суда для получения доступа к данным переписки абонента с другими людьми (смс или сообщения в мессенджерах), то здесь имеют место разные точки зрения.

Так, по мнению А. Н. Яковлева, если сообщения находятся на устройстве абонента, то речи о тайне связи не идёт.

Данный статус сообщения приобретают только при передаче иному пользователю либо оператору связи. После доставки на устройство получателя соответствующие сообщения перестают выступать в качестве объекта охраны [10, с. 46].

Однако на наш взгляд, следует согласиться с мнением Клевцова и Квык, которые справедливо полагают, что «тайна переписки не может возникать или появляться в зависимости от этапа передачи сообщения, а напрямую связана с содержанием самого письма» [11, с. 58].

The International Organization for Cooperation in Evaluation (IOCE) разработала перечень принципов работы с электронными доказательствами в виде компьютерной информации. Можно выделить четыре ключевых принципа:

Первый принцип: ответственность за сохранность компьютерной информации несёт тот, кто совершает операции с ней (в течение всего времени, пока имеется доступ к такой информации).

Второй принцип: каждая операция с электронными доказательствами должна фиксироваться документально. Форма фиксации операций с электронными доказательствами должна быть пригодна для дальнейшего исследования и защищена от несанкционированных изменений третьими лицами.

Третий принцип: каждый, кто работает с электронными доказательствами, содержащимися на цифровых носителях, обязан чётко придерживаться криминалистических и процессуальных требований.

Четвёртый принцип: организации, занимающиеся поиском, изъятием, перемещением и хранением электронных доказательств, обязаны чётко соблюдать вышеуказанные принципы [12, с. 143].

Безусловно, многие исследователи и даже практикующие работники сомневаются в необходимости и практической применимости доказательств в электронной форме в уголовном процессе. Одной из причин, обуславливающей сомнения, выступает то, что электронные доказательства сложно идентифицировать. Вторая причина – их неизменность.

Среди всех основополагающих свойств электронных доказательств (например, отсутствие привязки к конкретному материальному носителю, возможность существования в разных форматах и пр.) особо выделяется проверяемость.

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо отметить, что требования в отношении данных, содержащихся на цифровом носителе, должны быть аналогичны тем, что предъявляются к любым другим доказательствам с точки зрения их оценки [13, с. 563].

В связи с этим некоторые авторы отмечают слабые стороны, присущие электронным доказательствам. Выделим основные недостатки:

1. Во-первых, доказательствами в электронном формате легко можно манипулировать, что свидетельствует об их высокой уязвимости.

2. Во-вторых, при использовании электронных доказательств достаточно проблематично установить их ценность с правовой точки зрения. Указанная проблема обусловлена отсутствием единообразного толкования законодательных положений и непониманием особенностей процедуры обработки электронных данных и документов.

3. В-третьих, действующим законодательством и правоприменительной практикой не выработаны достаточно эффективные средства для проверки электронных документов на предмет подлинности и надёжности.

4. В-четвёртых, для того чтобы хранить электронные документы и доказательства в электронном формате, нужны дополнительные затраты, что не всегда возможно и приводит к повышению стоимости оказываемых услуг.

5. В-пятых, электронная документация относится к числу технических доказательств, не понятных многим работникам органов прокуратуры и судебной системы. Объяснить некоторые такие доказательства бывает довольно сложно. Для работы с этим видом доказательств нужны особые познания и определённый уровень подготовки [12, с. 19].

В настоящее время информация, представленная в электронном формате, ещё не имеет законодательно определённого статуса электронного доказательства. Для приобрете-

ния данного статуса необходимо разработать соответствующие правовые нормы и правовое регулирование. Пока ещё этот вид доказательств находится на стадии теоретического обоснования и осмысления [12, с. 11]. По мере дальнейшего развития юридической доктрины и правоприменительной практики будут появляться новые рекомендации, которые могут быть учтены при разработке правового регулирования электронных доказательств. Также целесообразно воспринять накопленный положительный и негативный опыт иностранных государств в сфере применения в уголовном судопроизводстве доказательств в электронной форме.

Сегодня же не исключено нарушение прав участников уголовного процесса в связи с применением электронных доказательств, так как практика их вовлечения в уголовное судопроизводство ещё не устоялась. Поэтому очень важно устранить неопределённость как можно скорее. Важно разработать надлежащее законодательное регулирование и регламентацию порядка производства рассматриваемых процессуальных действий.

В любом случае использование при расследовании уголовного дела электронных баз данных и доказательств на цифровых носителях само по себе выступает сложной задачей, требующей предельного внимания и строжайшего соблюдения действующего законодательства при расследовании и разрешении уголовных дел.

Пристатейный библиографический список

1. Ермакова Е. С., Джумангалиева Д. М. Электронные доказательства как новое направление в практике расследования преступлений // Молодой ученый. – 2018. – № 23 (209). – С. 85-87. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/209/51196/> (дата обращения: 10.12.2020).
2. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // LEX Russica. – 2019. – № 7 (152). – С. 79.
3. Воронин М. И. Недопустимая допустимость электронных доказательств. Судебная практика и пробелы в УПК // Уголовный процесс. – 2020. – № 10. – С. 46-67.
4. Гаврилин Ю. В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 47-48.
5. Конин В. В. Производные доказательства в уголовном судопроизводстве // Адвокат. – 2016. – № 6. – С. 5-8.
6. Клевцов К. К. Переписка в мессенджерах как доказательство. Способы получения информации // Уголовный процесс. – 2020. – № 10. – С. 42-45.
7. Архипова Н. А. Тактика осмотра и выемки электронных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи // Закон и право. – 2018. – № 6. – С. 132-235.
8. Соколов Ю. Н. Наложение ареста на электронные сообщения, их осмотр и выемка // Российский следователь. – 2020. – № 10. – С. 38-41.
9. Лашкин Ф. Г. Как адвокату работать с цифровыми доказательствами в защите по уголовным делам // Уголовный процесс. – 2020. – № 10. – С. 56-67.
10. Яковлев А. Н. Правовой статус правовой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 4. – С. 46.
11. Клевцов К., Квык А. Изъятие и осмотр информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств // Законность. – 2020. – № 12. – С. 58-60.
12. Зуев С. В. [и др.] Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / Ответственный редактор С. В. Зуев. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 193 с.
13. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сб. научн. ст. – М., 2017. – С. 558-566.

БАММАТОВ Абдулжапар Бамматович

магистрант 2 года обучения Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

КУХТЯЕВА Елена Алексеевна

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ НОРМ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

В статье рассматривается актуальный вопрос действия уголовного закона во времени. Рассматривается вопрос применения нового и старого уголовного закона в отношении лица, совершившего преступление. Необходимо помнить, что данный вопрос решается в зависимости от наличия условий, улучшающих положение лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: уголовное право, норма, действие во времени, нормы улучшающие положение, нормы ухудшающие положение.

БАММАТОВ Abdulzhapar Bammatovich

magister student of the 2nd year of study of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

KUKHTYAEVA Elena Alekseevna

senior lecturer of Criminal law and process sub-faculty of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

THE TIME LIMITS OF THE NORMS OF THE GENERAL PART OF THE CRIMINAL CODE

The article deals with the actual issue of the operation of the criminal law in time. The issue of applying the new and old criminal law in relation to the person who committed the crime is being considered. It must be remembered that this issue is resolved depending on the availability of conditions that improve the situation of the person who committed the crime.

Keywords: criminal law, norm, action in time, norms that improve the situation, norms that worsen the situation.

Бамматов А. Б.

Кухтяева Е. А.

Распространение действия уголовного закона на определенных лиц в контексте ст. 10 УК РФ ставится в зависимость от содержания включенных в данный закон норм, которые, в свою очередь, можно разделить на две группы.

1. Нормы, образующие нормы нового уголовного закона, улучшающие положение лица, совершившего преступление, 2. Нормы ухудшающие положение этого лица.

При этом необходимо помнить, что нормы первой группы придают закону обратную силу. А нормы второй группы, наоборот, запрещают действие обратной силы закона.

Для правильного применения положений статьи 10 УК РФ требуется установить наличие оснований, которые разрешают или, наоборот, запрещают распространение его действия на определенных этой статьей лиц.

По этому вопросу есть большое количество разъяснений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, но они в силу объективных причин не затрагивают весь спектр проблем, возникающих в правоприменительной деятельности при реализации принципа действия уголовного закона во времени. Так же в научной литературе остро обсуждается этот вопрос, но единого право понимания до сих пор не достигнуто.

Одна и та же норма Уголовного Кодекса РФ в связи с внесенными в нее изменениями в разное время может оказаться в разных редакциях. Применению в этом случае подлежит норма в той редакции, в которой она улучшает положение лица, совершившего преступление, отбывающего наказание или отбывшего наказание, но имеющего судимость.[1, с. 53-55]

Интересной представляется позиция И. А. Тарханова о том, что «любой закон, понимаемый как определенным образом сформулированный и скомпонованный нормативный акт, может включать в свое содержание разнонаправленные и относительно автономные правовые предписания. Каждое из них

является законом в широком понимании этого понятия. Это дает возможность заключить, что какие-то предписания одного и того же нормативного акта обладают обратной силой, другие же – нет». [3, с. 172]

Необходимо отметить, что проблемы обратной силы уголовного закона не могут быть исчерпаны возможностью распространения на лиц, совершивших преступление до вступления закона в силу, в том числе на отбывающих или отбывших наказание лиц, но имеющих судимость.

Еще одним актуальным вопросом, который не нашел разрешения ни в практике, ни в теории, это вопрос о возможности применения к лицу, совершившему преступление до вступления поправок и УК РФ в силу норм Общей части этого закона и старого уголовного закона (УК РСФСР 1960 г.) одинаковой целевой направленности.

Поводом для обсуждения данной проблемы стало конкретное уголовное дело, ставшее предметом рассмотрения в Дзержинском городском суде Нижегородской области. У. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, событие которого имело место 02.04.1996, то есть до момента вступления нового уголовного закона (УК РФ) в силу.

В ходе судебного рассмотрения материалов уголовного дела в отношении У. было установлено, что он уклонился от следствия по данному уголовному делу, в связи с чем был объявлен в розыск (задержан 18.12.2012), и при этом совершил уже во время действия нового уголовного закона еще одно преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, событие которого имело место 20.11.2010.

По результатам рассмотрения материалов уголовного дела в отношении У. было вынесено постановление о возвращении в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 Уголовно-процессуальным

кодексом Российской Федерации этого уголовного дела прокурору для устранения недостатков, допущенных при составлении обвинительного заключения.[3, с. 162]

Теоретический интерес в рассматриваемом случае так же обусловлен тем, что по таким случаям отсутствуют разъяснения высших органов судебной власти (Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ), что создает пробел в правоприменительной деятельности в части разрешения указанного выше случая. Помимо этого в доктрине уголовного права уделяется недостаточно внимания проблемным аспектам применения положений об обратной силе уголовного закона в контексте обозначенного ранее вопроса. И наконец по смыслу ст. 10 УК РФ во взаимосвязи с его ст. 9 применению подлежат нормы старого либо нового уголовного закона, либо разнонаправленные нормы и старого и нового уголовных законов, но содержание поставленного вопроса выходит за рамки этого смысла в силу того, что в нем говорится об одновременном применении не разнонаправленных норм и старого и нового уголовных законов, а норм данных законов с одинаковой целевой направленностью.

Этот актуальный вопрос, можно рассмотреть на классическом примере - уголовное дела в отношении А. А. совершил преступление, во время действия старого уголовного закона, и это деяние было квалифицировано по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР. Он уклонился от следствия и в период уклонения совершает новое преступление, которое подпадает под действие нового уголовного закона и его деяния квалифицируются по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Разбирая этот случай, необходимо, прежде всего, начать с определения надлежащей уголовно-правовой оценки (квалификации) преступления, совершенного У. во время действия старого уголовного закона (УК РСФСР 1960 г.), поскольку данное преступление было инкриминировано ему после вступления нового уголовного закона (УК РФ) в силу, что, в свою очередь, обуславливает возникновение потребности в разрешении вопроса о возможности распространения в отношении У. действия нового уголовного закона в части квалификации совершенного им преступления по соответствующей норме УК РФ.[4, с. 58].

Еще одно отличие ст. 78 УК РФ от ст. 48 УК РСФСР касается течения сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Так, если лицо совершает новое преступление это не влечет за собой прерывания течения сроков давности. Сроки давности по каждому преступлению исчисляются самостоятельно, в этом случае, в соответствии с ч. 2 ст. 78 УК РФ чего не было в ранее действовавшем УК РСФСР.

Необходимо отметить, что, если лицо совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда то это является основанием приостановления течения сроков давности (ч. 3 ст. 78 УК РФ). Такое положение предусматривалось и статьей 48 УК РСФСР. Но статья 78 УК РФ, в отличие от статьи 48 УК РСФСР, не устанавливает срок, прошедший со времени совершения преступления, по истечении которого лицо, совершившее преступление, не может быть привлечено к уголовной ответственности.

Так, на основании изложенного, сделаем следующие выводы.

1. Ни одна из рассмотренных выше норм старого и нового уголовных законов, касающихся освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, на наш взгляд не может выступать в качестве приоритетной при решении вопроса об освобождении А. за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности.

Недопустимо при решении этого вопроса принимать за основу только ст. 48 УК РСФСР или ст. 78 УК РФ, так как они содержат условия освобождения от уголовной ответственности, частично ухудшающие положение А., и, соответственно, применение какой-либо одной из данных норм приведет к принятию неправильного решения.

2. Освобождение от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, должно производиться в соответствии со ст. 48 УК РСФСР и ст. 78 УК РФ с одновременным применением условий освобождения от уголовной ответственности, улучшающих положение лица.

Решая вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности за совершение какого-нибудь преступления, необ-

ходимо руководствоваться ст. 48 УК РСФСР и ст. 78 УК РФ в их взаимосвязи и применять их предписания лишь в той части, в которой они улучшают положение лица, совершившего преступление.

К таким предписаниям в ст. 48 УК РСФСР можно отнести следующее: «...лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со времени совершения преступления прошло пятнадцать лет...» (ч. 3 статьи); в ст. 78 УК РФ – «...сроки давности по каждому преступлению исчисляются самостоятельно» (ч. 2 статьи).

В соответствии с этим законодательным предписанием лицо, совершившее преступление, подлежит освобождению от уголовной ответственности только если с момента совершения преступления прошло 15 лет и если лицо в течение 15-летнего давностного срока не совершило нового преступления. Эти условия конечно же взаимосвязаны.

Если отсутствует второе условие, то это означает невозможность освобождения от уголовной ответственности лишь на основании истечения со времени совершения преступления 15 лет, поскольку в случае совершения в продолжении пятнадцатилетнего давностного срока нового преступления течение этого срока прерывается, а весь фактический срок, прошедший до момента совершения нового преступления, аннулируется.

Таким образом, буквальное применение предписания ч. 3 ст. 48 УК РСФСР к рассмотренному случаю из судебной практики означало бы, что в рассматриваемом примере лицо, совершившее преступление не подлежит освобождению от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, ввиду прерывания течения 15-летнего давностного срока совершением нового преступления.

Так же необходимо ответить на вопрос о возможности одновременного применения к лицу, совершившему преступление до вступления нового уголовного закона в силу, норм общей части данного закона и старого уголовного закона (УК РСФСР 1960 г.). Основываясь на рассмотренном примере из судебной практики, однозначно ответить, что такое применение допустимо при условии, если в результате этого улучшается положение лица, совершившего преступление.

Проведенное исследование проблем действия уголовного законодательства во времени, обусловленных вступлением в силу Уголовного кодекса РФ 1996 года, позволило мне сделать следующие основные выводы и предложения. Действие уголовного закона во времени представляет собой обеспечиваемую государством способность уголовного закона влиять на поведение граждан и в течение определенного законодателем периода времени (от момента вступления закона в силу до момента ее утраты) регулировать деятельность участников правоотношений, порожденных преступлением. Изменения, внесенные законодателем в правила действия уголовного закона во времени, посредством указания о придании обратной силы не только законам, устраняющим преступность деяния и смягчающим наказание, но и законам, иным образом, улучшающим положение лица, совершившего преступление, позволяют предписаниям, содержащимся в ст. 10 УК РФ 1996 года, определять порядок действия практически любой нормы УК.

Целесообразным было бы принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления, разъясняющего, что законами немедленного действия являются законы об условном осуждении, законы об освобождении от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям (в частности, в связи с деятельным раскаянием, в связи с примирением с потерпевшим, в связи с изменением обстановки или истечением сроков давности), законы об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, а так же закон о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов Н. Г. Обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2012. № 5.
2. Решняк М. Г. О некоторых принципах действия уголовного закона во времени // Российская юстиция. 2014. № 8.
3. Тарханов И. А. Уголовное право в различных правовых системах // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2020. Т. 162. С. 161-176.

ВАЛЮЛИН Руслан Рашитович

преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

Валюлин Р. Р.

ОБ ОЦЕНКЕ ПРЕДМЕТА ЗАЛОГА, ЕГО СОДЕРЖАНИИ, УПРАВЛЕНИИ ИМ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ЕГО СОХРАННОСТИ, В ПОРЯДКЕ СТ. 106 УПК РФ

Статья посвящена исследованию такой перспективной меры пресечения как залог. Ввиду частично бланкетного характера ч. 3 ст. 106 УПК РФ, отсылающего к постановлению Правительства РФ, ГПК РФ, постановлению Пленума Верховного Суда РФ, и ряду других нормативных правовых актов, автором проанализировано постановление Правительства РФ от 13.07.2011 № 569 «Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности». При исследовании порядка оценки, содержания предмета залога, управления им и обеспечения его сохранности, выявлена неоднородность правовой природы данных положений, данные процедуры «насыщены» гражданско-правовыми отношениями. Исследуемое постановление Правительства РФ включает в себя гражданско-правовые отношения, при этом оно «пропитано» уголовно-процессуальным содержанием. Непосредственно для залога, как меры пресечения положения постановления Правительства РФ от 13 июля 2011 г. № 569 имеют существенное процессуальное значение.

Ключевые слова: залог, постановление Правительства РФ, оценка, содержание предмета залога, управления им и обеспечении его сохранности, правовая основа, правовая природа.

VALYULIN Ruslan Rashitovich

lecturer of Criminal process sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

ON THE ASSESSMENT OF THE SUBJECT OF PLEDGE, ITS CONTENT, ITS MANAGEMENT AND ENSURING ITS SAFETY, IN ACCORDANCE WITH ART. 106 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the study of such a promising preventive measure as bail. Due to the partially blanket nature of Part 3 of Art. 106 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, referring to the decree of the Government of the Russian Federation, the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and a number of other regulatory legal acts, the author analyzed the decree of the Government of the Russian Federation of 13.07.2011 No. 569 "On approval of the Regulation on the assessment, content of the subject of pledge in a criminal case, managing it and ensuring its safety". In the study of the assessment procedure, the content of the subject of pledge, its management and ensuring its safety, the heterogeneity of the legal nature of these provisions was revealed, these procedures are "saturated" with civil law relations. The investigated decree of the Government of the Russian Federation includes civil law relations, while it is "saturated" with criminal procedural content. Directly for bail, as a preventive measure, the provisions of the Government of the Russian Federation of July 13, 2011 № 569 have significant procedural significance.

Keywords: pledge, decree of the Government of the Russian Federation, assessment, content of the subject of pledge, its management and ensuring its safety, legal basis, legal nature.

В соответствии со ст. 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) «в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу возможно внесение или в передача подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом движимого, либо не движимого имущества орган или суд, в производстве которого находится уголовное дело» [5].

У такой меры пресечения имеются несомненные плюсы. С позиции стороны защиты положительными чертами залога является то, что подозреваемый, обвиняемый остаются на свободе, при этом имеют возможность работать, обеспечивать свою семью, вести привычный образ жизни, с позиции стороны обвинения залог должен предостерегать от ненадлежащего поведения из-за опасения потерять и свободу, и залог. На современном этапе развития институтов уголовно-процессуального права залог мог бы составить гуманную альтернативу заключению под стражу. Однако, несмотря на многие попытки, предпринятые законодателем по рефор-

мированию залога, этого не происходит, залог применялся и применяется крайне редко. По данным Судебного департамента при Верховном суде России, в 2017 году судами было удовлетворено 204 ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога, в 2018 году – 177, в 2019 году залог избирался лишь в отношении 126 обвиняемых, в 2020 году залог был применен 269 раз [2]. При этом, мера пресечения в виде заключения под стражу в указанные годы избиралась чаще, чем залог примерно в 200 раз.

Поскольку «залог, как мера пресечения предусматривает комплекс запретов и риск потерять внесенное движимое и недвижимое имущество, порядок оценки, содержания предмета залога, управления им и обеспечения его сохранности детально регламентированы нормами УПК РФ, ГПК РФ и подзаконных актов» [5].

Правовая основа порядка оценки, содержания предмета залога, управления им и обеспечения его сохранности
Отличительная черта ч. 3 ст. 106 УПК РФ – ее частично бланкетный характер.

1. Для определения имущества, которое не может приниматься в качестве залога, она отсылает к ст. 446 ГПК РФ

«Имущество, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам».

2. Порядок оценки, содержания предмета залога, управления им и обеспечения его сохранности в свою очередь устанавливается нормативным актом Правительства РФ. Данное предписание реализовано в постановлении Правительства РФ от 13 июля 2011 г. № 569, «Об утверждении положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности» [4], которое как комплексный межотраслевой нормативный правовой акт играет основополагающую роль при избрании и соблюдении меры пресечения в виде залога.

3. Указанное постановление Правительств РФ в свою очередь отсылает еще к ряду нормативных правовых актов законодательства Российской Федерации.

4. Разъяснения о практике применения данной меры пресечения содержатся в п.п. 43-51 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [3].

Порядок оценки, содержания предмета залога, управления им и обеспечении его сохранности

Постановление включает в себя пять разделов:

1. Общие положения.
2. Оценка предмета залога.
3. Содержание предмета залога.
4. Управление предметом залога.
5. Обеспечение сохранности предмета залога.

По нашему мнению, более подробно в данном постановлении следует рассмотреть оценку предмета залога.

На первый взгляд оценка предмета залога может показаться идентичной сложившейся правоприменительной практике оценки имущества, на которое накладывается арест, в порядке ст. 115 УПК РФ, когда рыночная стоимость имущества устанавливается экспертом, в рамках производства судебной экспертизы, назначенной следователем, в порядке главы 27 УПК РФ. Однако, при детальном изучении оценки предмета залога становится очевидно, что это совершенно разные процедуры.

«Оценка предмета залога в Постановлении Правительства РФ предусматривает, что:

- Имущество, передаваемое в залог, за исключением денег, подлежит оценке в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности.

- Оценка имущества, передаваемого в залог, осуществляется на основании договора о проведении оценки данного имущества.

- При оценке имущества, передаваемого в залог, определяется его рыночная стоимость.

- Оценка имущества должна быть произведена не ранее чем за 5 рабочих дней до дня подачи ходатайства о применении залога.

- Отчет об оценке имущества, составленный оценщиком, должен соответствовать требованиям, установленным законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности.

- К отчету об оценке имущества, передаваемого в залог, прилагается экспертное заключение, подготовленное в соответствии со статьей 17.1 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

- Отчет об оценке имущества, передаваемого в залог, экспертное заключение и копия договора о проведении оценки данного имущества представляются залогодателем одновременно с ходатайством о применении залога. Указанные документы на стадии предварительного расследования представляются в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства – в суд» [5].

Подвергнув анализу положения об оценке предмета залога, выявлены пять особенностей данной процедуры:

- Во-первых, результаты оценки оформляются **отчетом**, в отличие от предусмотренного ст. 204 УПК РФ **заключения эксперта**. К отчету прилагается **экспертное заключение**, подготовленное в соответствии со статьей 17.1 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». В отличие от заключения эксперта, предусмотренного ст. 204 УПК РФ, экспертное заключение в соответствии с указанным ФЗ сводится к перепроверке и утверждению отчета. Отчет и заключение эксперта приобщаются к уголовному делу в качестве иных документов.

- Соответственно, во-вторых, вышеуказанный отчет об оценке имущества, составляется **оценщиком**, а экспертное заключение на этот отчет готовится **экспертами саморегулируемой организации оценщиков**. При этом такие привычные участники уголовного судопроизводства как специалист и эксперт, предусмотренные гл. 27 УПК РФ в этой процедуре участия не принимают.

- В-третьих, оценка имущества, передаваемого в залог, осуществляется на добровольной основе на основании **договора** между заказчиком экспертизы и саморегулируемой организацией оценщиков, в отличие от УПК РФ, где решения оформляются **постановлениями**.

- В-четвертых, сроки исчисляются в рабочих днях, что не характерно для УПК РФ, где сроки исчисляются часами, сутками и месяцами.

- В-пятых, в отличие от сроков, регламентированных УПК РФ, к примеру ч. 7 ст. 162, где постановление представляется руководителю следственного органа **не позднее 5 суток** до дня истечения срока предварительного следствия, правила оценки предмета залога регламентируют ее производство **не ранее чем за 5 рабочих дней** до дня подачи ходатайства о применении залога. Это объясняется разными целями ограничений сроков. Если УПК РФ предусматривает срок **«Не позднее»**, с целью предоставить руководителю следственного органа время для рассмотрения ходатайства, то правила оценки предмета залога предусматривает срок **«не ранее»**, с целью обеспечения достоверности реальной рыночной стоимости имущества, передаваемого в залог на момент рассмотрения ходатайства. Оценка, проведенная задолго до рассмотрения возможности применения данной меры пресечения, на момент рассмотрения может уже не соответствовать рыночной стоимости» [5].

Остальные выявленные особенности объясняются положениями ч. 2 ст. 106 УПК РФ, согласно которой ходатайствовать о применении залога перед судом вправе подозреваемый, обвиняемый либо другое физическое или юридическое лицо. Указанные субъекты не наделены УПК РФ правом вынесения постановления, в том числе и о назначении судебной экспертизы, соответственно эксперт государственного экспертного учреждения не может произвести для них оценку предмета залога и составить по её результатам заключение эксперта в порядке УПК РФ. Очевидно, что наделить подозреваемого, обвиняемого, и другое физическое или юридическое лицо правом назначения судебной экспертизы ради предоставления им возможности получения заключения эксперта о стоимости залогового имущества не целесообразно. Правоприменительной практике известны случаи приобщения к уголовному делу заключений экспертов не государственных экспертных учреждений, проведенных по заказу участников уголовного судопроизводства, не наделенных правом назначения судебной экспертизы (подозреваемых, обвиняемых, защитников, потерпевших). Однако, такие заключения эксперта требуют дополнительной проверки и часто по различным причинам являются недопустимыми.

В данном случае Постановлением Правительства РФ вполне уместно предусмотрена возможность данных субъектов обратиться в саморегулируемую организацию оценщиков, с которой на добровольной основе составить соответствующий договор и в последующем получить отчет об оценке имущества и экспертное заключение.

«Кроме оценки предмета залога, уголовно-процессуальную природу содержат некоторые положения и других разделов Постановления Правительства РФ, а именно:

- Залогодатель подтверждает право собственности на передаваемое в залог имущество, отсутствие ограничений (обременений) прав на него, предоставляя об этом подлинные экземпляры документов.

- Принятие недвижимого имущества в залог, а также его передача на хранение оформляются протоколом с приложением акта приема-передачи по форме установленного образца.

- Залог недвижимого имущества и ценных бумаг подлежат обязательной регистрации соответствующими органами.

- Сведения о государственной регистрации залога недвижимого имущества или ценных бумаг в течение 5 рабочих дней со дня такой регистрации направляются залогодателю, а также предоставляются по запросу органа, в производстве которого находится уголовное дело, или суда.

- В течение десяти рабочих дней со дня регистрации залога недвижимого имущества залогодатель обязан подтвердить этот факт органу, в производстве которого находится уголовное дело, или суду, предоставив им соответствующие сведения.

- Залогодатель вправе пользоваться предметом залога в виде недвижимого имущества и ценных бумаг в соответствии с их назначением, не допуская их отчуждения» [5].

Правовая природа порядка оценки, содержания предмета залога, управления им и обеспечения его сохранности

Хоть оценка предмета залога, его содержание, управление им и обеспечение его сохранности не характерны УПК РФ, по целевому назначению эта деятельность подчинена залого как мере пресечения.

Согласно ч. 3 ст. 106 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее пятидесяти тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях - менее пятидесяти тысяч рублей, т.е. от оценки предмета залога зависит возможность избрания соответствующей меры пресечения.

Производство оценки специализированными оценщиками с оформлением результатов в виде отчета и экспертного заключения, составленных в соответствии с установленным законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности, исключает вариант не приобщения к уголовному делу заключения эксперта не государственной экспертной организации, признанного не допустимым доказательством.

Оценка имущества не ранее чем за 5 рабочих дней до дня подачи ходатайства о применении залога обеспечивает установление реальной рыночной стоимости предмета залога на день рассмотрения ходатайства.

Государственная регистрация залога недвижимого имущества или ценных бумаг не допускают их отчуждения, тем самым обеспечивают эффективность избранной меры пресечения.

Непосредственно для залога как меры пресечения положения постановления Правительства РФ от 13 июля 2011 г. № 569 имеют существенное процессуальное значение и в данном случае они должны оставаться именно в рамках данного Постановления, более того, размещать их в УПК РФ не целесообразно.

В оценке предмета залога, его содержании, управлении им и обеспечении его сохранности, в отличие от производства многих других процессуальных действий следователь принимает пассивное участие. Данные процедуры «насыщены» гражданско-правовыми отношениями залогодателя, саморегулируемой организации оценщиков, эмитента ценных бумаг, депозитария, или держателя реестра владельцев ценных бумаг, банка или иной кредитной организации, хранителя, органа осуществляющего государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, и другими по обеспечению данной меры пресечения. Таким образом, включение в процедуру оценки предмета залога, его содержания, управления им и обеспечения его сохранности, раз-

ных по своей сущности действий, осуществляемых к тому же разными субъектами, предопределило неоднородность его правовой природы.

Деятельность вышеперечисленных физических и юридических лиц, действующих в рамках постановления Правительства РФ от 13 июля 2011 г. № 569, представляет единый комплекс процессуальных средств, имеющий специальное правовое регулирование и обеспечивающий избрание меры пресечения в виде залога. При таком подходе не возникает необходимости дробить нормативную основу положений постановления Правительства РФ на процессуальные и не процессуальные нормы, тем более, что осуществить подобную «сортировку» нормативных предписаний и предпринимаемых на их основе действий на практике довольно трудно, если вообще возможно [1].

Применительно к оценке предмета залога, его содержанию, управлению им и обеспечению его сохранности, это означает, что они «пропитаны» уголовно-процессуальным содержанием, предусмотренные действия являются не только гражданско-правовыми, но и в ином значении уголовно-процессуальными. На теоретическом уровне, если принять во внимание комплексный характер Постановления (они адресованы сразу нескольким субъектам), не исключено выделение норм, имеющих уголовно-процессуальное, либо гражданско-правовое содержание. Это вовсе не означает, что уголовно-процессуальные нормы со временем должны быть перемещены в УПК РФ. Унифицированный кодифицированный нормативно-правовой акт, коим является УПК РФ, не может, да и не должен охватывать все уровни правового регулирования сферы уголовно-процессуальных отношений. Поэтому в данном аспекте, полагаем, незаменимы уточняющие, конкретизирующие нормы, облеченные в форму Постановлений Правительства РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Медицинское освидетельствование обвиняемого для установления заболевания, препятствующего содержанию его под стражей // Законы России. 2020. № 7. С. 63-69.
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F1-svod_vse_sudy-2020.xls.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. № 294. 27.12.2013.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.07.2011 № 569 «Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности» // Собрание законодательства РФ. 18.07.2011. № 29.
5. Федеральный Закон РФ от 29 июля 1998 г. № 135ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ГРИШИН Дмитрий Алексеевич

докторант Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

АНТИПОВ Андрей Юрьевич

старший преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС Академии ФСИН России

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ГАРАНТИЯ ЗАКОННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассматривается проблематика обеспечения законности процессуальной деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Обращается внимание на обеспечение правового статуса личности при производстве следственных действий в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. Автор выделяет ряд задач, которые допустимо решить посредством интенсивного применения цифровых технологий.

Ключевые слова: принцип законности, правовой статус личности, права и свободы человека, цифровизация уголовного судопроизводства.

GRISHIN Dmitriy Alekseevich

doctoral student of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

ANTIPOV Andrey Yurjevich

senior lecturer of Regime organization and supervision at the UIS sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS A GUARANTEE OF THE LEGALITY OF INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS

The article deals with the problems of ensuring the legality of procedural activities at the pre-trial stages of criminal proceedings. Attention is drawn to ensuring the legal status of an individual in the course of investigative actions in the conditions of digitalization of criminal proceedings. The author identifies a number of tasks that can be solved through the intensive use of digital technologies.

Keywords: the principle of legality, the legal status of the individual, human rights and freedoms, digitalization of criminal proceedings.

Гришин Д. А.

Антипов А. Ю.

Одним из категоричных требований к уголовно-процессуальной деятельности является необходимость соответствия действий должностных лиц, осуществляемых в рамках производства по уголовному делу, установленной законом процедуре. Подобный формализм – условие обеспечения прав и свобод человека, достижения целей уголовного судопроизводства. Совершенно справедливо отмечается в научной литературе, что «процессуальная форма имеет приоритет, основанный на концепции уголовного иска, в рамках которой уголовный процесс рассматривается как особая форма разрешения правового спора между государством и личностью» [1, с. 144]. Значение предусмотренной законодателем процедуры переоценить сложно – она выступает действенным средством предоставления личности потенциальной возможности реализации предоставленных прав, свобод и законных интересов.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству основным способом получения доказательств является производство следственных действий. Несоблюдение установленных УПК РФ процедурных требований является причиной утраты доказательств и соответственно обуславливает невозможность изобличения и наказания виновных. Кроме этого, подобная ситуация культивирует благоприятные условия для привлечения к уголовной ответственности невиновных, что согласно УПК РФ является столь же негативным обстоятельством [2, с. 284].

Предоставленные властные полномочия властным субъектам уголовного судопроизводства обуславливают необхо-

димость контроля за их реализацией, исключения возможности неправомерного использования.

Совершенно обоснованно отмечается в научной литературе, что «одним из возможных векторов деятельности по развитию гарантий прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является, цифровизация уголовного процесса» [3, с. 57].

При этом автор согласен с мнением о недопустимости преувеличения значения цифровизации через слом традиционных институтов уголовного процесса [4, с. 52]. Она не является самоцелью и должна выступать как средство достижения определенного эффекта, значимого для уголовного процесса, позволяющего его совершенствовать. Именно поэтому необходим баланс, умеренное и разумное использование цифровых технологий в рамках производства по уголовному делу.

В настоящее время в УПК РФ уже внесен ряд изменений, направленных на решение указанной задачи. Однако в большинстве своем они распространяются на стадию судебного разбирательства, а возбуждение уголовного дела и предварительное расследование в этом аспекте неоправданно остаются без внимания.

Досудебное производство позволяет аккумулировать необходимый объем доказательственной информации, на основе которой суд решает вопрос о виновности подсудимого, принимает промежуточные решения по уголовному делу.

Основное содержание уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и в осо-

бенности предварительного расследования составляют следственные действия, направленные на обнаружение, собирание, проверку доказательств.

Законодатель предусмотрел определенные процедурные правила для производства следственных действий, имеющие как общий характер, так и применяемые к отдельным из них. Соблюдение данных требований позволяет вести речь о законности как характеристике активности соответствующих уполномоченных лиц государственных органов на данном этапе.

Представляется возможным использовать процессы цифровизации в рамках процедуры производства следственных действий для решения следующих задач:

1. Обеспечение разумности сроков уголовного судопроизводства.

2. Обеспечение правового статуса личности.

3. Обеспечение достоверности фиксации хода и результатов процессуальной активности.

Требование законодателя о производстве уголовного судопроизводства в разумные сроки имеет важное значение для эффективности соответствующей деятельности, в том числе в части обеспечения прав и свобод личности. Действительно, временные рамки производства по уголовному делу должны быть обоснованы объективными факторами – сложность совершенного деяния, необходимость производства большого количества следственных действий. В частности, нельзя оправдать неоднократное продление сроков невозможностью допроса участника ввиду нахождения его на значительном удалении от места производства предварительного расследования. В ряде случаев существует потребность проведения указанного следственного действия лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Именно данный субъект полностью осведомлен об обстоятельствах произошедшего, а также лично заинтересован в проведении эффективного и успешного расследования. Это повысит эффективность процессуальной деятельности за счет максимально правильной постановки вопросов, выбора тактики. Применение процедуры направления поручения о производстве следственных действий не позволит получить аналогичных результатов.

Важным является предоставление участникам возможности обжалования процессуальных решений и осуществляемых процессуальных действий по уголовному делу. Значимость данного правомочия участника подтверждается его закреплением в качестве принципа уголовного судопроизводства, то есть положения, опосредованного сущностью политики государства в уголовно-процессуальной сфере, выражающего демократическую и гуманистическую сущность уголовного процесса [5, с. 23]. Принципы любой отрасли права определяют характер регулирования общественных отношений, ориентируют правоприменителя на достижение целей и задач уголовного судопроизводства.

В связи с этим представляется целесообразным масштабное применение цифровой фиксации хода и результатов соответствующей процессуальной активности. Строгая формализация уголовно-процессуальной деятельности обуславливает необходимость совершенствования системы гарантий объективности соответствующей активности уполномоченных должностных лиц. Таким образом, неукоснительное соблюдение установленной процедуры выступает как необходимое условие достижения целей рассматриваемой деятельности. Прежде всего, подобный подход позволит обеспечить объективность процесса доказывания за счет точного закрепления информации, исключения субъективных факторов, присущих человеческому восприятию. Обеспечение достоверности фиксации хода и результатов процессуальной активности – необходимое условие обеспечения правового статуса участников уголовного судопроизводства. Указанные меры позволят в том числе и обезопасить лич-

ность от незаконного уголовного преследования, неправомерного ограничения прав и свобод.

Указанный способ фиксации хода и результатов следственных действий выступает гарантией реализации принципа уголовного процесса – право на обжалование процессуальных действий и решений, а также совокупности соответствующих прав, закрепленных в главе 16 УПК РФ. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что при производстве следственных действий присутствует ограниченный круг участников. При этом довольно часто может возникнуть необходимость оспаривания совершенных действий у различных лиц, в том числе изначально не вовлеченных в уголовное судопроизводство. Это возможно ввиду фактически закрепленной в УПК РФ процессуальной свободы обжалования [6, с. 23], когда соответствующим правом может воспользоваться достаточно широкий круг лиц, даже не являющихся участниками уголовного судопроизводства. В таком случае наличие цифровой фиксации процессуальной деятельности – условие полноценной реализации права на обжалование, важный источник информации, которую допустимо использовать для подтверждения доводов заявителя.

Также не мало важным является психологический фактор, который проявляется в том, что уполномоченные должностные лица, обеспечивая цифровую фиксацию следственных действий, более строго подходят к соблюдению процедурных требований, предъявляемых законодателем. В данном случае возможность наступления негативных последствий является стимулятором осуществления деятельности в рамках предусмотренных правовых границ.

Таким образом, цифровизация уголовного судопроизводства – важный фактор повышения его эффективности, обеспечения правового статуса личности, вероятности его восстановления в случае незаконного ограничения.

Пристатейный библиографический список

1. Печников Г. А., Блинков А. П. О формальной и объективно-истинной законности в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 3 (46).
2. Гришин Д. А. Обеспечение законности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 9 (124).
3. Долгов А. М. Достижение назначения уголовного судопроизводства в условиях цифровизации уголовного процесса // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 1 (23). – С. 56-59.
4. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологического подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 50-55.
5. Янин М. Г. К вопросу об обжаловании процессуальных действий и решений на досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 2 (103). – С. 123-128.
6. Лугинец Э. Ф. «Процессуальная свобода» в реализации правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. – 2018. – № 1 (84). – С. 22-26.

ГРЯЗЕВА Надежда Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОИСШЕСТВИЯХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье исследуются вопросы правовой регламентации правоприменительной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, связанной с проверкой сообщений о преступлениях и происшествиях. Исследование нормативной основы рассматриваемой деятельности позволило выявить некоторые пробелы, восполнение которых стало целью настоящей работы и реализовано в ней. На основании анализа результатов интервью сотрудников УИС выявлена проблема, связанная с необходимостью приведения Инструкции в соответствии с нормами УПК РФ в части устранения из ее текста отсылок к ст. 476 УПК РФ, содержащей перечень бланков процессуальных документов досудебного производства, как утратившей силу. Полагаем, это будет способствовать эффективности, полноте и всесторонности проведения проверок сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях пенитенциарного ведомства.

Ключевые слова: сообщение о преступлении, сообщение о происшествии, уголовно-исполнительная система, учетно-регистрационная дисциплина, орган дознания.

GRYAZEVA Nadezhda Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE VERIFICATION OF REPORTS OF CRIMES AND INCIDENTS IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

The article examines the issues of regulatory regulation of law enforcement activities of employees of the penal enforcement system related to the verification of reports of crimes and incidents. The study of the legal basis of the activity in question allowed us to identify some gaps, the filling of which was the purpose of this work and implemented in it. Based on the analysis of the results of the interviews of the employees of the UIS, a problem related to the need for methodological support of the law enforcement activity under study has been identified. In addition, there is a need to bring the Instruction in accordance with the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of removing from its text the reference provisions to Article 476 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which contained a list of forms of procedural documents of pre-trial proceedings, as invalid. We believe that this will contribute to the efficiency, completeness and comprehensiveness of the verification of reports of crimes and incidents in the institutions of the penitentiary department.

Keywords: crime report, incident report, penal enforcement system, accounting and registration discipline, body of inquiry.

Исследование теоретических и прикладных аспектов приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) представляет интерес как для представителей научного сообщества, так и для практических сотрудников, в виду недостаточного правового регулирования и методического обеспечения. В частности, в нормативных правовых актах, регламентирующих рассматриваемый институт, отсутствуют критерии, в соответствии с которыми уполномоченные на то лица учреждений и органов УИС определяют учетный документ, где регистрируется поступившие сообщения о преступлениях и происшествиях. Отсутствует правовая регламентация порядка проведения проверок сообщений о происшествиях и сроков их проведения. У правоприменителей зачастую отсутствуют практические рекомендации относительно порядка приема, регистрации и проверки в учреждениях и органах УИС сообщений о преступлениях и происшествиях, содержащие, в частности специфику первичного документирования отдельных видов правонарушений и преступлений.

Безопасность учреждений УИС находится под угрозой, поскольку находится в прямой связи с уровнем пенитенциарной преступности. По данным официальной статистики за последние пять лет в учреждениях УИС прослеживается динамика роста количества зарегистрированных преступлений с 872 в 2017 г. до 1271 в 2021 г.

Каждый факт противоправной деятельности лиц, содержащихся в учреждениях УИС, должен быть должным образом задокументирован, что, полагаем, в полной мере не

представляется возможным в виду отмеченных нами выше обстоятельств.

Изучение пробелов нормативного регулирования рассматриваемой сферы правоприменительной деятельности, теоретических аспектов и потребностей практики обусловили предмет исследования настоящей работы. Придерживаясь мнения, что проведение научных изысканий в отрыве от практической деятельности лишено смысла, акцентируем внимание не только на общетеоретических основах приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы, но и на прикладных, в которых остро нуждаются практические сотрудники УИС.

В настоящее время правовую основу, регламентирующую порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, как вид правоприменительной деятельности сотрудников учреждений и органов УИС, составляют, в первую очередь нормы Конституции РФ, в частности ст. ст. 33, 52, 53 которые констатируют охрану прав потерпевших, предоставляют гражданам право на обращения в государственные органы, и как следствие, обеспечивают доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба и возмещение вреда. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) от 18.12.2001 № 174-ФЗ является основным нормативным актом, регулирующим рассматриваемый институт. Указанными нормативными актами регулируются общие положения рассматриваемого института.

В учреждениях и органах УИС приказом Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250 утверждена Инструкция о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголов-

но-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях (далее – Инструкция), которой определен порядок приема, регистрации, проверки сообщений о преступлениях и происшествиях, организация контроля за соблюдением указанного порядка, сроки хранения документов с учетом специфики и особенностей деятельности учреждений и органов УИС. В Инструкции, в основном, определяют вопросы приема и регистрации в учреждениях и органах УИС сообщений о преступлениях и происшествиях.

Проведение проверки, в соответствии с п. 29 рассматриваемого нормативного акта, осуществляется в порядке, предусмотренном УПК РФ и Инструкцией. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ лицо, осуществляющее проверку сообщения о преступлении, вправе проводить процессуальные действия, фиксируя их ход и результаты в процессуальных документах, требования к форме и содержанию которых регламентированы УПК РФ. Относительно срока проверки сообщений о преступлениях в п. 30 Инструкции указано, что они определяются ст. 144 и 146 УПК РФ, а сроки проверки сообщений о происшествиях и закон, которым при этом следует руководствоваться, не отражены. Полагаем, что по сообщениям, за исключением содержащих признаки административного правонарушения или преступления ответы направляются в срок не более тридцати суток. Время проверки сообщения об административном правонарушении ни КоАП РФ, ни другими нормативно-правовыми актами не определено.

Стоит отметить, что сроки проверки сообщений о преступлениях регламентируются только ст. 144 УПК РФ, в виду чего, полагаем, что упоминание в п. 30 Инструкции ст. 146 УПК РФ, как содержащей сроки, является лишним.

Обращаясь к положениям Инструкции, стоит отметить, что последние изменения в нее были внесены приказом Минюста России от 15 августа 2016 г. № 184. Однако приходится констатировать, что на настоящий момент отдельные ее положения содержат отсылки к статьям УПК РФ, утратившим силу ранее указанной даты последней редакции. Например, в п. 5 Инструкции указано, что рапорт об обнаружении признаков преступления следует составлять в соответствии с приложением 1 к ст. 476 УПК РФ, в п. 31 отмечается, что постановление о передаче сообщения по подследственности составлять в соответствии с приложением 10, а постановление о передаче сообщения в суд – с приложением 11 к упомянутой выше статье УПК РФ. Правила ведения Книги регистрации сообщений о преступлениях, которые отображаются на обороте ее титульного листа, изобилуют отсылками к приложениям ст. 476 УПК РФ, в части оформления сообщений о преступлениях.

Упомянутая ст. 476 УПК РФ, содержащая перечень бланков процессуальных документов досудебного производства, утратила силу в соответствии с Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Считаем, что выявленные несоответствия в части требований к оформлению процессуальных документов досудебного производства могут ввести в заблуждение правоприменителей, в связи с чем полагаем, что назрела необходимость привести Инструкцию в соответствии с нормами УПК РФ.

В подтверждение нашего вывода и предложения по усовершенствованию Инструкции приведем некоторые данные полученные в процессе интервью сотрудников следующих отделов: оперативного, режима и надзора, и безопасности. Респондентам был задан вопрос «Достаточно ли у Вас знаний и навыков, необходимых для проверки сообщений о происшествиях и преступлениях совершаемых на территории СИЗО (ИУ)?», на который получено 62,7 % положительных ответов и 37,3 % отрицательных. Кроме того, 90,7 % участников опроса положительно и только 9,3 % участника отрицательно ответили на вопрос о необходимости обеспечения правоприменителей соответствующими методическими рекомендациями. При этом высшее юридическое образование имеют 90,3 % участников опроса, а стаж работы респондентов представлен следующими данными: 64 % – от одного года до трех лет, 12 % – от трех лет до пяти лет, 21,3 % – от пяти до десяти лет и более 10 лет – 2,7 %. Т.е. большинство сотрудников УИС недавно окончили юридические вузы, в которых получали необходимые знания, умения и навыки по дисциплинам юридического профиля.

Сотрудники УИС при реализации рассматриваемой правоприменительной деятельности испытывают определенные трудности, поскольку эта деятельность не является их основной, а многочисленные несоответствия Инструкции и достаточно размытые рекомендации, которые в ней содержатся, не позволяют им в полном объеме реализовывать свои полномочия, даже при наличии тех обстоятельств, что большинство недавно окончили юридические вузы, в которых получали необходимые знания, умения и навыки по дисциплинам юридического профиля.

К сожалению, в действующих нормативно-правовых актах не закреплено четкое регулирование порядка проведения проверки сообщений о происшествиях, особенно мало о ней упоминается в НПА регулирующих деятельность сотрудников УИС. К недостаточному правовому регулированию рассматриваемой сферы деятельности органов и учреждений УИС мы уже обращались в своих работах, результатом которых стали предложения по усовершенствованию нормативного регулирования проверки сообщений о происшествиях. На основе анализа нормативно-правовых актов, правоприменительной практики и результатов экспертного опроса сотрудников УИС был предложен двухэтапный алгоритм проверки сообщений о происшествиях в учреждениях УИС.

В целях осуществления контроля за исполнением указания ФСИН России от 09.11.2018 № исх-02-82679 в 2020 г. обработано 1489 представлений об устранении нарушений законодательства, внесенных органами прокуратуры Российской Федерации на имя начальников (руководителей) территориальных органов ФСИН России и учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России. Анализ нарушений свидетельствует о том, что основные из них связаны с неисполнением (ненадлежащим исполнением) требований Инструкции в части непринятия мер к регистрации поступившей информации о совершении преступлений.

В журнале регистрации информации о происшествиях может быть зарегистрировано сообщение о происшествии, в котором по результатам проверки будут обнаружены признаки преступления, а сотрудники учреждения УИС не переносят его в книгу регистрации сообщений о преступлениях, тем самым укрывая преступление от учета. Указанный способ укрывательства совершенных на территории ИУ преступлений (правонарушений) встречается в 65 % и является самым распространенным способом совершения в учреждениях и органах УИС преступлений коррупционной направленности, проявляющимся в форме бездействия [1, с. 49].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Анализ положений Инструкции позволяет констатировать, что отдельные ее положения не соответствуют федеральному отраслевому законодательству (УПК РФ), являющемуся основным источником правового регулирования института приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях. Полагаем, что настало время для комплексной модернизации Инструкции, поскольку последняя ее редакция датируется от 15.08.2016 г., а с этой даты по настоящее время в уголовно-процессуальное законодательство было внесено достаточно много изменений, в том числе и затрагивающих институт проверки сообщений о преступлениях. Наряду с этим, полагаем, что весь институт приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях УИС нуждается в серьезном переосмыслении и оптимизации. Поскольку перед настоящим исследованием авторы не ставили такую глобальную задачу, коснемся лишь предложений, которые на настоящий момент обоснованы в работе.

Предложения по изменению Инструкции:

- 1) из п. 30 Инструкции исключить упоминание ст. 146 УПК РФ, как не содержащей информации о сроках проведения проверки сообщений о преступлениях;
- 2) из п. 5, 31 и Правил ведения Книги регистрации сообщений о преступлениях Инструкции исключить отсылку к ст. 476 УПК РФ, утратившей силу 05.06.2007.

Пристатейный библиографический список

1. Криминалистическое обеспечение антикоррупционной деятельности в уголовно-исполнительной системе России: учебное пособие / В. Н. Бодяков и др. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. – 184 с.

ИВАНУСЕНКО Юлия Борисовна

преподаватель кафедры предварительного расследования Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В статье проанализированы основные аспекты осмотра предметов (документов), как отдельного следственного действия. Речь идет о предметах, которые сохранили следы преступления, и которые в дальнейшем могут являться объектом осмотра. В ходе осмотра устанавливаются внешний вид, назначение, индивидуальные признаки, дефекты и особенности, но особо отмечаются признаки, которые указывают на связь предмета с преступлением. Далее в статье приведен порядок, а также тактические особенности производства осмотра предметов (документов), указано, что в некоторых случаях целесообразно привлечь к осмотру предметов специалиста, но это в зависимости от категории объекта и сложившейся следственной ситуации.

Ключевые слова: осмотр, следователь, преступление, специалист, предмет, объект, доказательство.

IVANUSENKO Yuliya Borisovna

lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the Educational and scientific complex on preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

PROCEDURAL SIGNIFICANCE AND TACTICAL FEATURES OF THE EXAMINATION OF PHYSICAL EVIDENCE

The article analyzes the main aspects of examining objects (documents) as a separate investigative action. We are talking about items that have retained traces of the crime, and which in the future may be the object of inspection. During the inspection, the appearance, purpose, individual signs, defects and features are established, but signs are especially noted that indicate the connection of the object with the crime. Further in the article, the procedure is given, as well as the tactical features of the production of inspection of objects (documents), it is indicated that in some cases it is advisable to involve a specialist in the examination of objects, but this depends on the category of the object and the current investigative situation.

Keywords: inspection, investigator, crime, specialist, subject, object, proof.

В ходе расследования уголовных дел, практически во всех случаях проводится осмотр предметов (документов). Данное следственное действие является не просто необходимым, а даже важным, так как в последующем объекты, имеющие значение для уголовного дела, будут признаны доказательством, но до производства осмотра каких-либо объектов по уголовному делу, важно установить происхождение предмета, то есть место, способ и время обнаружения. Все перечисленные обстоятельства, должны содержаться в протоколе соответствующего следственного действия, в ходе которого могли быть обнаружены и изъяты объекты, назовем пока их так. В правовой литературе объекты или предметы называют вещественными доказательствами, но, до прохождения процедуры приобщения, это все же изъятые объекты, предметы и следы, и никак иначе. Следственными действиями, в ходе которых изъятые те или иные следы, в данном случае могут быть выемка, обыск, осмотр места происшествия, или же личный досмотр. Любые предметы, которые по мнению следователя имеют отношение к делу, в том числе вещи и предметы, оказавшиеся объектами преступного посягательства, предметы, на которых сохранились следы преступления, все это может быть объектом осмотра. В ходе осмотра устанавливаются внешний вид, назначение, индивидуальные признаки, дефекты и особенности, но особо отмечаются признаки, которые указывают на связь предмета с преступлением. В некоторых случаях целесообразно привлечь к осмотру предметов специалиста, но это в зависимости от категории объекта и сложившейся следственной ситуации. Допустим, на поверхности какого-либо осматриваемого объекта могут быть микрочастицы и иные следы, которые необходимо изъять, и изъять квалифицированно, чтобы в дальнейшем при

надобности, назначить экспертизу. При осмотре документа производится его обзор, это нужно для выявления анализа и фиксации признаков, которые в дальнейшем позволят признать данный документ вещественным доказательством. Конечно же, осмотр документа предусматривает соблюдение, и выполнение ряда правил. То есть, на начальном этапе следователь (дознатель) получает общее представление о документе, где он хранился, внешний вид и реквизиты. Если документ является письменным доказательством, то при осмотре особое внимание необходимо обратить на те части документа, которые удостоверяют тот или иной факт. Или же обратить внимание на содержание документа, которое позволит сделать вывод об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Если говорить о тактических особенностях, то необходимо в ходе осмотра произвести фотографирование, однако при детальном осмотре нельзя использовать технические средства и методы, которые могут повредить документ, или еще хуже, уничтожить следы лица, совершившего преступление. И так, после проведенного осмотра объектов, изъятых по уголовному делу, следователем или дознавателем должно быть вынесено постановление о признании и приобщении изъятых в качестве вещественных доказательств. Процедура приобщения должна быть произведена с соблюдением требований ст. 81 УПК РФ [1]¹. Одним из спорных вопросов при осмотре предметов (документов) является то, должен ли субъект расследования вскрывать упаковку. На этот счет существуют свои мнения и видения в каждом территориальном органе, а также у надзирающих органов и в конечном итоге у судебных. К примеру, при ос-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

мотре объектов по уголовным делам, неважно, что это за объекты, орудия преступления, наркотические средства, или боеприпасы, могут возникнуть ситуации, при которых часть объектов будет утрачена. Данные факты недопустимы, поэтому, по рекомендации судов, в некоторых подразделениях не вскрывают упаковку, а описывают внешние признаки и виды печатей. Это, я считаю, верное, устоявшееся правило. Так, к примеру, по факту организации притона для потребления наркотических средств, другими лицами, изъятые объекты упакованы зачастую в пакеты из полимерного материала, сквозь которые не составит труда распознать осматриваемый объект. Объекты в большинстве случаев направляются для производства экспертизы, в ходе которой специалист, имеющий образование и навыки, производит полное исследование, после чего предоставляет заключение экспертизы, содержащее выводы. Оснований сомневаться в достоверности заключения нет, так как эксперт помимо всего прочего предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Кроме того, объект после произведенного исследования упаковывается и опечатывается надлежащим образом. Если все необходимые сведения содержатся в заключении эксперта, то возникает резонный вопрос, какой смысл вскрывать тщательно подобранную упаковку. А ведь заключение эксперта в соответствии с уголовно-процессуальным законом, является доказательством по уголовному делу. Помимо всего перечисленного, в ходе осмотра предметов, которые в дальнейшем субъект расследования намерен признать и приобщить к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, необходимо принять все меры к сохранности объектов. В практической деятельности случаются ситуации, когда следователь (дознатель) производят осмотр каких-либо объектов, и в служебное помещение входит «нерадивый» коллега, который просто в силу своей некомпетентности, попросту берет предмет преступления, чтобы посмотреть, и появляются повреждения. Или же, производится осмотр документов, которые имеют значение для уголовного дела, и в момент осмотра они разложены на поверхности стола. В служебном помещении открыто окно, и в неудачный для следователя момент коллега открывает входную дверь, и документы, которые так важны для дела, просто разлетаются по служебному кабинету, и в окно. Изложенные ситуации возникали в практической деятельности, поэтому приведенные данные не голословны. Такие ситуации должны быть исключены в полном объеме, и следователи (дознатели) обязаны принимать меры по недопущению приведенных выше фактов, или же по предотвращению уже внештатной ситуации. Кроме того, в практике случаются ситуации, когда после экспертно-криминалистического исследования поступил объект, а на упаковке имеются незначительные нарушения, которые возникли не вследствие халатных действий эксперта, а в ходе транспортировки. В данном случае необходимо указать, об имеющихся нарушениях целостности упаковки, но при этом отразить в протоколе осмотра предметов, что непосредственная первоначальная упаковка не нарушена, и имеющиеся оттиски печати также без повреждений. Такая ситуация имела место быть в ходе расследования уголовного дела по факту незаконного приобретения и хранения боеприпасов, когда сотрудник оперативного подразделения неудачно доставил полученный на основании доверенности объект в экспертно-криминалистическом центре, в кабинет дознавателя. Полимерный пакет чуть повредился, однако все боеприпасы и отстрелянные гильзы находились на месте, о чем была сделана отметка в протоколе осмотра и данный

факт зафиксирован в протоколе допроса оперативного сотрудника, во избежание процессуальных последствий.

Что касается судебного следствия, то осмотр вещественных доказательств, производится по ходатайству сторон в любой момент. Суд должен рассмотреть ходатайство стороны и, выяснив мнение других участников процесса, принять решение об удовлетворении, либо вынести определение (постановление) об отказе в удовлетворении данного ходатайства. При всем при этом осмотру подлежат вещественные доказательства, полученные не только в ходе предварительного расследования, но и предметы, которые представлены участниками уголовного процесса уже в ходе судебного заседания, признанные и приобщенные судом в качестве вещественных доказательств. Лица, которым предъявлены вещественные доказательства, вправе обращать внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Осмотр вещественных доказательств, как правило, производится непосредственно в судебном заседании, однако в случаях хранения вещественных доказательств отдельно от уголовного дела, что может быть связано с их громоздкостью, большим объемом, то осмотр может быть произведен по местонахождению данных объектов. Возвращаясь к практической деятельности, хочется отметить, что редко, но такие факты имели место быть, когда в отделе полиции камера хранения вещественных доказательств мала, и вместила максимальное количество вещественных доказательств, то вещественные доказательства, к примеру, двадцать пять компьютеров, приобщенные к материалам уголовного дела, были переданы на ответственное хранение предприятию, при этом руководитель был предупрежден об уголовной ответственности за хищение и растрату вверенного ему имущества.

Таким образом, осмотр предметов (документов) как следственное действие, является одним из самых важных средств получения информации об объектах и предметах, имеющих отношение к расследуемому преступлению. От его качества зависит во многих случаях успех расследования, поскольку полученная в ходе осмотра информация может носить доказательственный характер. При этом полученные при осмотре предметов фактические данные, невозможно получить из других источников. Следовательно, с учетом теоретического подхода, задачи осмотра предметов (документов) – сбор и исследование доказательств, что придает данному следственному действию особое значение.

Пристатейный библиографический список

1. Бастрыкин А. И. Криминалистика. Техника, тактика и методика расследования преступлений: Науч.-практ. пособ. 3-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Проспект, 2011. - С. 275.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. - М.: Омега-Л, 2022.
3. Бирюков С. Ю. «Деятельность следователя на месте происшествия: процессуальный и организационный аспекты» // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2019. - № 1 (48).

КУБАНОВ Валерий Викторович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России

ЧЕРЕЗОВ Александр Валентинович

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье анализируются вопросы совершенствования процессуальных средств проверки сообщений о преступлениях и происшествиях. Исследованы теоретические и прикладные аспекты назначения и проведения судебной экспертизы; производства осмотра места происшествия, предметов, документов и трупа; требования производства исследования документов, предметов, трупов; направления органу дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Рассмотрена процессуальная природа истребования документов или предметов и их изъятия в порядке, предусмотренном УПК РФ. Выделены требования, предъявляемые к тактическим приемам, предназначенным для достижения максимального эффекта в ходе собирания и исследования доказательств.

Ключевые слова: проверка сообщений о преступлениях, производство судебной экспертизы, следственный осмотр, исследование предметов и документов, орган дознания, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия.

KUBANOV Valeriy Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

CHEREZOV Alexander Valentinovich

lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ABOUT PROCEDURAL MEANS OF CHECKING MESSAGES ABOUT CRIMES

The article analyzes the issues of improving the procedural means of verifying reports of crimes and incidents. The theoretical and applied aspects of the appointment and conduct of forensic examination; the production of inspection of the scene, objects, documents and a corpse; the requirements for the production of research of documents, objects, corpses; sending instructions to the body of inquiry to conduct operational search activities. The procedural nature of the claim of documents or objects and their seizure in the manner prescribed by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is considered.

Keywords: verification of crime reports, forensic examination, investigative examination, examination of objects and documents, body of inquiry, operational search measures, investigative actions.

На стадии возбуждения уголовного дела обостряется проблема законодательной регламентации оснований и порядка производства следственных действий, так как при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе провести ряд процессуальных действий, направленных на собирание доказательств.

На сегодняшний день стадия возбуждения уголовного дела усилиями законодателя обогатилась достаточным количеством процессуальных средств получения доказательственной информации, включая ряд следственных действий традиционных для предварительного расследования.

В ходе проведения процессуальной проверки по сообщению о преступлении дознаватель, следователь или орган дознания согласно нормам уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК) имеют право получать образцы для сравнительного исследования, а также получать объяснения, истребовать предметы и документы, а при необходимости и изымать их, назначать проведение судебной экспертизы, а в особо сложных случаях самостоятельно принимать участие в производстве назначенной экспертизы для получения от эксперта заключения в разумный срок. Помимо перечисленного процессуальным действием на этапе проведения проверки по факту поступления заявления о преступлении является производство осмотра места происшествия, а также трупов, предметов и документов. Одним из процессуальных действий которое важно произвести как можно быстрее с момента совершения преступления является освидетельствование, так как со временем может стать невозможным получение определенных результатов, могущих повлиять на ход расследования.

Истребование документов или предметов и их изъятие в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Обращает на себя внимание то, что ст. 144 УПК использует два действия в одном процессуальном мероприятии – «истребование» и «изъятие». Наличие союза «и» позволяет прийти к выводу о том, что указанное мероприятие является составным и включает, во-первых, направление требования о предоставлении предметов и документов, представляющих интерес для проводимой проверки, во-вторых, действия, направленные на изъятие указанных объектов. Но является ли изъятие самостоятельным процессуальным действием? Порядок его фактически не определен, и это позволяет сделать вывод о том, что «изъятие» является не отдельным процессуальным действием, а отсылкой к иным действиям, которые и следует применять в данной ситуации. Из анализа норм уголовно-процессуального закона, регулирующих правоотношения в рамках доследственной проверки, следует, что действиями, в ходе которых уголовно-процессуальный закон уполномочивает изымать что-либо, являются осмотр и освидетельствование.

Под фактическим основанием назначения судебной экспертизы принято понимать необходимость в оказании содействия должностным лицам, производящим проверку сообщения о преступлении либо следствие по уголовному делу в установлении обстоятельств, необходимых для конкретной стадии уголовного судопроизводства, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла [1, с. 15].

При назначении судебной экспертизы должностное лицо, осуществляющее проверку, предварительно определяет перечень исследуемых объектов, а также материалов уго-

ловного дела, содержащих исходные данные для будущего исследования. Если предполагается проведение идентификационной экспертизы, предварительно нужно получить образцы для сравнительного исследования, необходимые для решения вопросов об установлении тождества. В компетенцию осуществляющего проверку должностного лица также входит формулирование экспертных задач и выбор экспертного учреждения либо эксперта.

Вышеперечисленная информация находит отражение в постановлении о назначении судебной экспертизы, где также приводится перечень вопросов, выносимых на разрешение экспертом. В целом следователь свободен в их выборе, но постановка перед экспертом вопросов правового характера не допускается как не входящих в его компетенцию.

Следует указать, что срок производство экспертизы может достигать 30 суток, а при проведении особо сложных экспертиз и более, поэтому ее, как правило, назначают в самом начале доследственной проверки.

Использование специальных знаний в ходе проверки сообщений о преступлениях также может осуществляться в непроцессуальной форме в виде консультаций специалиста, проверки по криминалистическим учетам и др. [2, с. 56].

Осмотр места происшествия, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Из анализа ст. 177 УПК РФ следует, что осмотр предметов и документов может являться как составной частью осмотра места происшествия, так и самостоятельным следственным действием, которое производится уже по ранее изъятым объектам в целях их более подробного изучения. Таким образом, предметы и документы, изъятым непроцессуальным способом и не приобщенным к материалам проверки, следует изымать в рамках осмотра места происшествия. По результатам указанных следственных действий составляется протокол соответствующего осмотра.

Осмотр трупа также может являться составной частью осмотра места происшествия, когда для следствия представляет интерес не только сам труп, но и окружающая его обстановка, в которой он был обнаружен, в том числе следы и объекты, которые находятся вблизи тела и в его ложе. Протокол осмотра трупа составляется при отсутствии в окружающей обстановке элементов, имеющих криминалистическое значение.

Освидетельствование проводится для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления и телесных повреждений, а также выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для доследственной проверки, если для этого не требуется производство судебной экспертизы. По нашему мнению, речь идет именно о судебно-медицинской экспертизе, в рамках которой подлежат описанию не только следы преступления или свойства и признаки организма, но и обстоятельства, предусмотренные ст. 196 УПК РФ, для установления которых необходимо ее проведение. При наличии сомнений о том проводится экспертизу или освидетельствование, представляется целесообразным назначить судебно-медицинской экспертизы живого лица.

В иных случаях, например, когда потерпевший указывает на то, что он нанес повреждения (кровоподтеки, порезы, царапины и т.п.) нападавшему во время преступных действий последнего и описывает их локализацию, то в целях проверки указанной информации следует проводить освидетельствование. Так, заподозренное лицо проверяют на наличие указанных повреждений для сравнения их локализации с описанием потерпевшего. Кроме того, ч. 3 ст. 180 УПК разрешает должностным лицам производить изъятие определенных объектов.

Необходимо отличать освидетельствование от получения образцов для сравнительного исследования. Последние достоверно принадлежат конкретному лицу (кровь из вены, срезанные с головы волосы, экспериментальные отпечатки пальцев на дактило-карте и др.). Освидетельствованием необходимо изымать те следы, которые являются чужеродными по своему происхождению для данного человеческого организма и которые имеют другой источник происхождения. Это могут быть следы другого человека, у которого, в свою

очередь, необходимо в последующем получить сравнительные образцы в целях установления тождества.

Для примера можно привести потерпевшего, под ногтями которого содержатся частички эпидермиса подозреваемого в совершении преступления – источника данных следов. Первое лицо подлежит освидетельствованию, в отношении второго необходимо провести получение образцов для сравнительного исследования.

Необходимо уточнить, что в ходе проведения данного процессуального действия возможны конфликтные ситуации, возникающие, как правило, при отказе в предоставлении образцов. Ст. 308 уголовного кодекса РФ предусматривается уголовная ответственность в том числе за отказ свидетеля и потерпевшего от предоставления образцов для сравнительного исследования в случаях, если не требуется их согласие. В то же время, уголовной ответственности за подобный отказ в отношении подозреваемого и обвиняемого не возникает.

Требование производства исследования документов, предметов и трупов похоже на производство и назначение экспертизы, однако ст. 80 УПК определяет заключение специалиста, как представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Порядок постановки вопросов перед специалистом не регламентирован в уголовно-процессуальном кодексе. Как представляется, вопросы специалисту ставятся следователем путем направления требования о даче заключения.

Согласно Ст. 144 УПК в рамках доследственной проверки разрешено давать поручение органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Интересен тот факт, что указанному органу нельзя поручить производство иных процессуальных действий, в том числе и следственных как это возможно на стадии предварительного расследования (ст. 52 УПК). В стадии возбуждения уголовного дела орган дознания вправе исполнять поручение следователя достигая его цели только путем проведения мероприятий, перечень которых предусмотрен ст. 6 ФЗ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - ФЗ об ОРД), при этом лицо направившее поручение, не может ограничить орган дознания проведением конкретного оперативно-розыскного мероприятия, стратегию исполнения поручения орган дознания избирает сам, он ограничивается только рамками указанного федерального закона. Поручение представляет собой письменный документ с одноименным названием, составленный следователем либо дознавателем, который направляется на имя начальника органа дознания. В указанном документе помимо сведений о проверяемом событии указываются те обстоятельства, которые смогут помочь органу дознания достичь цели указанного поручения. В резолютивной части дознаватель (следователь) указывает цель направления поручения (например, с целью установить местонахождение очевидцев происшествия или иные важные для материала проверки обстоятельства), а также излагает просьбу об организации проведения начальником органа дознания подчиненными ему сотрудниками оперативно-розыскных мероприятий. Как правило, указанные поручения дознаватель (следователь) направляет в орган дознания ввиду невозможности установления представляющих интерес обстоятельств процессуальным путем. Также необходимо отметить, что начальник органа дознания может возложить исполнение указанного поручения только на тех должностных лиц, которые вправе производить ОРМ в соответствии со ст. 13 ФЗ об ОРД, то есть именно сотрудникам оперативных подразделений соответствующего органа.

Пристатейный библиографический список

1. Судебные экспертизы в уголовном процессе: учебное пособие для вузов / Н. Н. Ильин [и др.]; ответственный редактор Н. Н. Ильин. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 212 с.
2. Грязева Н. В. Использование специальных знаний при проверке сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Пенициарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Самарский юридический институт ФСИН России. - Самара, 2022. - С. 56-57.

КОБЛЕВА Мария Мухадиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

ДАРАСЕЛИЯ Елизавета Васильевна

магистрант 3 курса Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

ПРИМЕНЕНИЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНО-МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕМ

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью использования восстановительно-медиативных технологий в работе с несовершеннолетними. В основе проблематики данной темы заложены своего рода «препятствия», с которыми регулярно сталкиваются сотрудники профилактики. Предлагаются различные способы наиболее продуктивного взаимодействия с несовершеннолетним правонарушителем при помощи восстановительно-медиативных технологий.

Ключевые слова: несовершеннолетние, конфликт, препятствия, восстановительно-медиативные технологии, посредничество.

KOBLEVA Mariya Mukhadinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process law sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

DARASELIYA Elizaveta Vasiljevna

magister student of the 3rd course of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

THE USE OF RESTORATIVE MEDIATION TECHNOLOGIES IN WORK WITH A JUVENILE DELINQUENT

The relevance of this article stems from the need to use restorative and mediative techniques in working with juveniles. This article is relevant because of the need to use restorative and mediative techniques in juvenile work. Various ways of the most productive interaction with a juvenile offender with the help of restorative-mediative technologies are proposed.

Keywords: minors, conflict, obstacles, restorative mediation techniques, mediation.

Целесообразность использования восстановительно-медиативных технологий в работе с несовершеннолетним правонарушителем обуславливается многими разнообразными факторами.

В первую очередь стоит обратить внимание на то, что несовершеннолетний является еще не до конца сформированной личностью, что влечет за собой определенные последствия применения к нему обычных видов наказания и обращение с ним, как с обычным преступником. Повторная деформация личности несовершеннолетнего, как следствие совершенного преступления или влияние преступной среды, так и нанесенная органами системы профилактики может сделать бесполезными дальнейшие меры его социализации в обществе. Восстановительно-медиативные технологии, применяемые к несовершеннолетнему, позволяют соблюдать баланс между применением справедливого взыскания и наказания, а также сохранностью психики несовершеннолетнего.

Следует также отметить, что прямой контакт со специалистами из системы профилактики может породить дополнительный конфликт, несовершеннолетний может воспринимать сотрудника как часть «карательной» системы государства.

Психологи, работающие с несовершеннолетними, также отмечают повышенный фон их тревожности и агрессивности, высокий уровень конфликтности и не понимания [1].

Неконструктивный подход или отсутствие знаний восстановительно-медиативных технологий со стороны подобного специалиста может привести к усложнению ситуации или же усилению девиантного поведения со стороны несовершеннолетнего.

Сотрудники системы профилактики и несовершеннолетние правонарушители в своем взаимодействии сталкиваются со следующими возможными препятствиями:

– Организационные препятствия: отсутствие комфортного места для взаимодействия с несовершеннолетним, что мешает открытому и конструктивному диалогу; не подготовленность сотрудника; чрезмерная нагрузка на сотрудников, когда приходится работать со слишком большим количеством несовершеннолетних; отсутствие индивидуального подхода; отсутствие учета возраста и особенностей несовершеннолетних в группе.

– Содержательные препятствия: ставит ли сотрудник перед собой цель индивидуального подхода к несовершеннолетнему или нет; отсутствие навыков медиативных технологий; предвзятое отношение к какому-либо конкретному несовершеннолетнему или несовершеннолетней, который не в первый раз совершает правонарушение; формирование впечатления о несовершеннолетнем не из беседы с ним, а из мнения других специалистов.

– Институциональные препятствия: проблемы, существующие в правовом регулировании конкретных элементов системы профилактики, отсутствие единых стандартов к работе с несовершеннолетними; ориентированность на эффективность работы, а не на конкретного несовершеннолетнего; авторитарный стиль общения, присущий сотрудникам государственных органов.

Значимость использования медиативных технологий специалистом системы профилактики в ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей невозможно переоценить.

Каждый несовершеннолетний индивидуален, его личные особенности могут препятствовать или способствовать в дальнейшем эффективности применения медиативных технологий. Среди дополнительных характеристик несовершеннолетнего может быть – агрессивность, тревожность, дискомфорт, низкий уровень эмоционального интеллекта,

отсутствие воспитания и знания базовых принципов коммуникации.

Так, в определенном возрасте, когда несовершеннолетний старается найти и занять свое место в иерархии общества его конфликтность неизбежно повышается, особенно если ранее у него был негативный опыт конфликтных ситуаций. Соответственно его агрессивность будет направлена в отношении сотрудника системы профилактики.

На наш взгляд, медиативные технологии способствуют снижению уровня тревожности и агрессивности со стороны несовершеннолетнего, помогают выстроить конструктивный диалог.

Отметим, что медиация, в силу присущей ей индивидуальности, предлагает разумный и, несомненно, чрезвычайно выдающийся подход к работе с несовершеннолетними. Посредничество в основном ориентировано на потребности каждой стороны, соответственно посредник будет работать над изучением глубинных интересов потенциального правонарушителя и предоставлять правонарушителю возможность сгладить корыстные психологические искажения посредством понимания соображений противоположной стороны.

Восстановительно-медиативные техники могут применяться в отношении несовершеннолетних разными способами.

Во-первых, в форме групповых встреч. Групповая встреча может быть полезной для несовершеннолетних правонарушителей и служить эффективной альтернативой индивидуальной встрече. Она позволяет ведущему групповой встречи взять на себя роль модератора и позволить несовершеннолетним правонарушителям бросить вызов самим себе, чтобы выяснить проблемы, с которыми они имеют дело и преодолеть их.

Кроме того, группа создает основу для схождения среди несовершеннолетних правонарушителей — это позволяет несовершеннолетним правонарушителям опираться на общий опыт, а не выделиться. По сравнению с индивидуальной встречей иногда несовершеннолетние правонарушители могут испытывать сложности в открытой коммуникации, а в групповой встрече происходит огромный сдвиг из-за всей невербальной коммуникации и активного слушания несовершеннолетних правонарушителей. Это активное слушание является важной опорой в реабилитации, потому что они ищут ответы и поддержку друг друга. Кроме того, еще одна причина, по которой индивидуальная встреча может быть не так эффективна, потому что специалист (медиатор), рассматривается как авторитетная фигура, соответственно несовершеннолетнему правонарушителю трудно слушать и/или уважать этого человека. Когда это групповая обстановка, товарищи по группе больше уважают друг друга, потому что все несовершеннолетние правонарушители находятся в одинаковых ситуациях, им легче понять друг друга, потому что они имеют схожий опыт и это делает встречи более значимыми.

Во-вторых, встреча с семьей несовершеннолетнего. Участие семьи — это важная часть процесса реабилитации. Исследования показали, что у многих несовершеннолетних правонарушителей такие семьи, где много братьев и сестер, так что каждый ребенок не получает должного внимания. Также родители не участвуют в их жизни, по тем или иным причинам. Поддержка семьи, если она есть или если семья специально вовлекается в процесс — помогают бывшему правонарушителю преодолеть трудности. Семейная терапия также позволяет реабилитироваться всей семье, потому что семья получает возможность разобраться в ситуации своего ребенка-правонарушителя. Любой процесс работы с несовершеннолетним неизбежно должен затрагивать его социальные связи для большей эффективности. Важным для специалистов системы профилактики является поддержа-

ние контакта с семьей несовершеннолетнего даже, если его родители на это не настроены. При такой работе необходимо учитывать не только переживания и интересы ребенка, но и его родителей. Сотрудник должен обладать четким пониманием ситуации, что позволит укрепить позитивный ресурс семьи. В рамках восстановительно-медиативного подхода важно признать, что шанс есть даже в тех случаях, когда кажется, что восстановление нормального функционирования семьи невозможно.

В-третьих, реализация Концепции развития школьных служб медиации. Службой школьной медиации является структурная единица, созданная на базе образовательного учреждения, включающая одного или нескольких школьных медиаторов и «групп» равных. Школьным медиатором, как правило, являлся сотрудник данного учебного заведения: заместитель директора по учебно-воспитательной работе, социальный педагог, школьный психолог или один из учителей. Сотрудник должен был пройти обучение специальной базовой программе обучения школьных медиаторов [2].

«Группа равных» представляет собой учеников этого же учебного заведения, старших возрастных групп, пользующихся хорошей репутацией в школе. Данных учеников обучают при школьной службе примирения и в дальнейшем они могут самостоятельно проводить процедуру медиации среди сверстников и самостоятельно использовать медиативные техники. Кроме того, участники «групп равных» занимаются информационно-просветительской деятельностью, обучая основам медиативного подхода своих сверстников и младших учеников. «Группа равных» считается эффективным способом продвижения медиации в рамках учебных заведений, поскольку они получают возможность обучаться на собственном примере и сразу же применять приобретенные навыки [3].

Таким образом, последующее посредничество в отношении правонарушителя, будет эффективно решать проблемы и противодействовать причинам их возникновения. Давая возможность решения проблемы, где оно не только доступно, но и возможно позволяет правонарушителю активно участвовать в разрешении конфликта и развивать способности социального общения.

Пристатейный библиографический список

1. Белкина В. Н. Детская психология. Взаимодействие со сверстниками: учебное пособие для вузов. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - С. 30.
2. Микляева А. В., Румянцева П. В., Туманова Е. Н. Школьная медиация: теоретические и методические основы. - Москва: СВІВТ, 2016. - С. 15-20.
3. Коновалов А. Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под общей редакцией Карнозовой Л. М. - Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. - С. 200-202.

КОЗЛОВ Вячеслав Викторович

преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с разъяснением и обеспечением прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Затрагиваются вопросы относительно объема прав отдельных категорий лиц, проблемы их реализации при производстве отдельных следственных действий. Автором указывается на необходимость совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики с целью реализации конституционных принципов охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, разъяснение и обеспечение прав, участники уголовного судопроизводства.

KOZLOV Vyacheslav Viktorovich

lecturer of Criminal process sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS OF PERSONS INVOLVED IN THE PRODUCTION OF PROCEDURAL ACTIONS WHEN CHECKING A REPORT OF A CRIME

The article deals with issues related to the clarification and provision of the rights of persons involved in the production of procedural actions when checking a report of a crime. Questions are raised regarding the scope of the rights of certain categories of persons, the problems of their implementation in the production of certain investigative actions. The author points out the need to improve legal regulation and law enforcement practice in order to implement the constitutional principles of protection and protection of human and civil rights and freedoms at the stage of initiating a criminal case.

Keywords: verification of a crime report, the stage of initiating a criminal case, clarification and enforcement of rights, participants in criminal proceedings.

Козлов В. В

Установленные Конституцией Российской Федерации принципы, касающиеся охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, определяют правообеспечительную функцию уголовного судопроизводства. Однако, вопросы относительно объема прав участников уголовно-процессуальных отношений и их реализации не перестают быть актуальными на протяжении всего периода реформирования и совершенствования современного уголовно-процессуального законодательства России.

Наиболее дискуссионными среди теоретиков и вызывающими неоднозначное применение в практической деятельности являются правовые аспекты относительно статуса лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство на стадии возбуждения уголовного дела. Особое значение реализации прав таких участников обусловлено предусмотренной УПК РФ возможностью осуществления доказательной деятельности на данной стадии уголовного судопроизводства [5, с. 47].

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [6] в УПК РФ закреплены нормы, обязывающие следователя, дознавателя, орган дознания разъяснить и обеспечить участникам проверочных действий осуществление предусмотренным Кодексом прав в той части, в которой затрагиваются их интересы (часть 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Следует обратить внимание на возможное двоякое толкование понятия «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» с точки зрения объема реализуемых при этом прав. В одном случае речь может идти о правах, возникающих у лица при производстве конкретного следственного или иного процессуального действия с его участием, которое ограничивается лишь рамками данного действия, из содержания которого формируется круг прав, подлежащих разъяснению и обеспечению (например – право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении представителем администрации организации, в присут-

ствии которого производится осмотр помещения, являющегося местом происшествия). Во втором случае, представляется более широкий круг прав у лица, чьи интересы затронуты не только производством конкретного процессуального действия, но и ходом и результатами проверки в целом (заявитель, в отношении которого совершено преступление и т.п.).

Ученые принимают точку зрения о праве реализации полного комплекса прав участниками проверки, потенциально соответствующим правам определенного участника уголовного судопроизводства при расследовании (например, заявитель реализует права потерпевшего, лицо, в отношении которого проводится проверка, реализует права подозреваемого) [2, с. 69].

Решения судов высших инстанций подкрепляют данную позицию. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда от 29.03.2016 № 11, при определении права на судопроизводство в разумный срок, под началом уголовного преследования понимается момент производства первого процессуального действия в соответствии с частью 1.1 ст. 144 УПК РФ, или производство следственного действия, которые имеют своей целью изобличение лица в совершении преступления, до придания ему статуса подозреваемого или обвиняемого [7].

Конституционный Суд в своих решениях последовательно разъясняет, что лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред в ходе совершения преступления, уже по сути является потерпевшим, независимо от момента признания его таковым по уголовному делу. Соответственно, фактическое положение лица, которому причинен вред, определяет его правовой статус потерпевшего, который впоследствии процессуально оформляется решением следователя, дознавателя, но не формируется им [11]. Следовательно, лицу, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен вред, должна обеспечиваться реальная судебная защита в форме

восстановления нарушенных преступлением прав с момента обращения с заявлением о совершении преступления и на всей первоначальной стадии уголовного судопроизводства вплоть до возбуждения уголовного дела и признании заявителя потерпевшим [10].

В целом, соглашаясь с данным подходом, следует обратить внимание на то, что реализуемые на стадии возбуждения уголовного дела права априори имеют усеченный характер, поскольку часть из них может быть осуществлена только на последующих стадиях уголовного судопроизводства. Пример тому – право потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинении, право подозреваемого получать копию постановления о применении к нему меры пресечения и т.п. Следовательно, перед тем как разъяснить и в последующем обеспечить права того или иного лица, вовлеченного в уголовный процесс на стадии возбуждения уголовного дела, необходимо проанализировать нормы УПК РФ, определяющие соответствующий процессуальный статус с целью определения их объема с учетом особенностей рассматриваемой стадии.

Законодатель же обошелся общей формулировкой, конкретизировав лишь право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги), других близких родственников, право пользоваться услугами адвоката и право приносить жалобы в порядке, установленном главой 16 УПК РФ.

Вследствие изложенного, практические работники оказываются в затруднительной ситуации относительно определения перечня прав, подлежащих разъяснению. К тому же ситуация осложняется тем, что права того или иного участника могут определяться во множестве статей УПК РФ, расщепленных по всей его структуре, при этом избилуя отсылочными нормами. Данные аспекты послужили одной из причин того, что в правоприменительной деятельности следователь, дознаватель, орган дознания не осуществляют исчерпывающих действий по разъяснению и обеспечению прав участников проверки сообщения о преступлении в полной мере.

Не менее проблематичным является механизм обеспечения отдельных прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении даже в случае их своевременного разъяснения. В частности, это касается обеспечения права пользоваться услугами защитника (адвоката). Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому при осуществлении проверки сообщения о преступлении в отношении конкретного лица, последний имеет право на защиту [8], уголовно-процессуальный закон и, главным образом, подзаконные акты в полной мере не обеспечивают реализацию данного права, что приводит к невозможности участия «бесплатного» защитника (адвоката) до возбуждения уголовного дела [3, с. 141-143].

Ряд проблем возникает в связи с пробелами в регламентации производства следственных действий до возбуждения уголовного дела. Так, возникают проблемы ввиду неопределенности статуса освидетельствуемого лица на стадии возбуждения уголовного дела. Неразрешен вопрос о наличии у участника проверки права отказаться от производства освидетельствования, возможно ли его проведение в принудительном порядке. Аналогичные вопросы возникают при получении образцов для сравнительного исследования [4, с. 21-25].

Назначение и производство судебной экспертизы также не обошли стороной спорные вопросы относительно несовершенства законодательной регламентации. Проблема реализации прав участников проверки заключается в том, что закон напрямую не предусматривает обязанность лица, проводящего проверку сообщения знакомить с текстом постановления о назначении экспертизы и ее результатами граждан, в отношении которых она проводится. В результате отсутствует возможность реализации прав, закрепленных частью 1 ст. 198 УПК РФ, круг которых довольно широк и имеет существенное влияние на процесс доказывания.

В этой связи, на наш взгляд абсолютно обоснованно, некоторые авторы предлагают законодательно установить возможность ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и с её результатами заинтересованных лиц на стадии возбуждения уголовного дела [1, с. 30 - 33].

На основании изложенного следует сделать вывод о наличии проблемных вопросов, касающихся реализации прав

лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Ряд из них, не дожидаясь законодательного регулирования, представляется возможным решить путем разработки на основе анализа уголовно-процессуального законодательства единых перечней прав, применительно к каждому участнику проверки сообщения о преступлении с учетом особенностей рассматриваемой стадии и повсеместное внедрение в деятельность правоохранительных органов при проведении проверочных действий и разъяснении прав.

Кроме того, по мнению автора, требуется системное совершенствование уголовно-процессуального кодекса и других нормативных актов, с целью устранения рассмотренных проблемных вопросов, что должно послужить гарантированной реализации и защите прав и свобод человека и гражданина на стадии возбуждения уголовного дела.

Пристатейный библиографический список

1. Зебницкая А. К. Право заявления ходатайства на этапе проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. - 2019. № 6. - С. 30-33.
2. Кальницкий В. В. О следственных действиях в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. - 2015. - № 1. - С. 69.
3. Козлов В. В. К вопросу об обеспечении права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2020. - № 2 (39). - С. 141-143.
4. Ряполова Я. П. Производство следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении: системные противоречия уголовно-процессуального закона // Российский следователь. - 2021. - № 5. - С. 21-25.
5. Ряполова Я. П. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела: Монография. - Курск: ЗАО «Университетская книга», 2016. - С. 47.
6. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. [Электронный ресурс]: постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова. [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 23-П.
11. По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 131-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

КОСАРЕВА Ирина Андреевна

преподаватель кафедры уголовного процесса Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ С НИМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Автор рассуждает о природе и значимости показаний, получаемых от лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Как и любые сведения, имеющие значение для расследования уголовного дела, они должны быть получены законным способом и зафиксированы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. Однако до сих пор возникают дискуссии по поводу принадлежности к какому-либо источнику доказательств, представленных в законе, показаний, упомянутого ранее участника. В связи с чем, существует необходимость в закреплении их в ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту УПК РФ), в качестве самостоятельного источника доказательств.

Ключевые слова: доказательства, показания, досудебное соглашение о сотрудничестве, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

KOSAREVA Irina Andreevna

lecturer of Criminal process sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

EVIDENTIARY VALUE OF THE TESTIMONY OF A PERSON AGAINST WHOM A CRIMINAL CASE HAS BEEN SEPARATED INTO A SEPARATE PROCEEDING IN CONNECTION WITH THE CONCLUSION OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT WITH HIM

The author discusses the nature and significance of the testimony received from a person against whom a criminal case has been separated into a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him. Like any information relevant to the investigation of a criminal case, they must be obtained legally and recorded in accordance with the procedure established by the criminal procedure legislation. However, there are still discussions about whether the testimony of the participant mentioned earlier belongs to any source of evidence presented in the law. In this connection, there is a need to consolidate them in Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as an independent source of evidence.

Keywords: evidence, testimony, pre-trial cooperation agreement, a person against whom a criminal case has been separated into separate proceedings in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him.

Косарева И. А.

Одним из критериев современного правового государства, является осуществление уголовного судопроизводства, в соответствии с требованиями, установленными в законе. При этом преследуются важные его цели – защита пострадавших и восстановление, нарушенной в ходе совершения преступления, справедливости, а также недопущение наказания невиновного человека. Поэтому должностные лица органов правосудия должны грамотно и оперативно проводить необходимые мероприятия, направленные на выяснения всех обстоятельств произошедшего.

Говоря про досудебную стадию, процедура доказывания проводится в рамках предварительного расследования по уголовному делу. Оно непрерывно связано с получением значимых доказательств, которые выражаются как в предметах материального мира, так и являются результатом субъективного восприятия происходящей действительности участниками процесса. Индивид, воспринимая информацию извне, руководствуется всем комплексом органов чувств, получая собирательный образ событий реальности. Однако в данный процесс может вмешиваться личная заинтересованность субъекта, которая способна привести к искажению, замалчиванию или предоставлению ложных сведений, особенно если лицо само является соучастником преступления.

Цель статьи мы видим в оценке процессуальной значимости показаний, полученных от лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, а также в выявлении проблематики использования их в качестве доказательства. Это актуально в первую очередь потому, что спорность и неординарность процессуального положения указанного субъекта в уголовном судопроизводстве не вызывает сомнений [2, с. 16-20], [4, с. 47-54], и данный факт может вызвать недоверие к полученным от него сведениям.

Сущность показаний, как и других доказательств, состоит в освещении и подтверждении всех обстоятельств подлежащих доказыванию, которые могут быть известны лицу. Поэтому доказательственное значение показаний любого из участников процесса сложно переоценить. Использование указанного доказательства характерно не только для уголовного расследования, а также активно применяется, например, в гражданском¹ и административном² производстве, с

- 1 Ст. 69 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ / Российская газета. - 2002. - 20 ноября. - № 220.
- 2 Ст. 69 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ / Российская газета. - 2015. - 11 марта. - № 49.

учетом особенностей, регламентированных для каждой из отраслей права.

В уголовном процессе, для того чтобы была возможность признать показания допустимыми и на их основе построить и линию защиты, и линию обвинения, к ним предъявляются жесткие требования как общие, так и частные, исходя из процессуального статуса участника. В числе которых, например, такие как иметь определенную форму, указание на источник осведомленности, наличие ответственности за «лжесвидетельствование» и другие. Для того чтобы определиться какие именно требования должны быть предъявлены к показаниям лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, следует выяснять к какому источнику доказательств они относятся.

Полный список доказательств, которые стороны процесса могут использовать для обоснования своей позиции, указан в ст. 74 УПК РФ. Согласно мнению Л. В. Головки, с которым мы солидарны, тот факт, что данный перечень является исчерпывающим, имеет двойственное значение. В одном случае, он является фильтром для сомнительной информации, что, безусловно, важно для составления реальной картины произошедшего. В другом же, правоприменитель пытается адаптировать данный перечень исходя из внесенных нормативных изменений или имеющихся пробелов в уголовно-процессуальном законе [3, с. 444]. Однако как классифицировать показания лица, не являющегося по своей сути ни свидетелем, ни обвиняемым, исходя из позиции Конституционного Суда РФ³. В связи с чем, у правоприменителя возникают вопросы, в каком процессуальном качестве оформлять протокол допроса лица, сотрудничающего со следствием, при разделении производств, чтобы впоследствии данное доказательство не было признано недопустимым. Также по данной проблеме в научных кругах высказывалось мнение причислять эти показания к иным документам [1, с. 122]. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости соответствующих изменений в ст. 74 УПК РФ, закрепив показания лица, сотрудничающего с правосудием в качестве самостоятельного источника доказательств. Мы также предлагаем зафиксировать в уголовно-процессуальном законе, что же будет пониматься под этими показаниями, обозначив те обстоятельства относительно которых может производиться его допрос.

Зачастую при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в группе, следователи стараются получить как можно больше доказательственной базы по уголовному делу. В данном случае показания одного из соучастников, принимавшего непосредственное участие в совершении преступлений, являются ценными сведениями по делу. Они помогают установить роли всех участвующих лиц, а также получить новые ранее неизвестные доказательства. Поэтому заключение досудебного соглашения о сотрудничестве выгодно не только обвиняемому, из-за сокращения максимального предела назначения срока наказания, но и органам, осуществляющим предварительное расследование.

Говоря о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как об особом производстве в отношении обвиняемого лица, стоит учитывать тот факт, что он, принимая условия сделки со следствием отказывается от части принадлежащих ему прав. Поэтому он отступает в частности от права не давать против себя показания, но, в свою очередь, берет на себя обязанность свидетельствовать против своих соучастников. При указанных условиях необходимо соблю-

дение гарантий обеспечения того, чтобы процессуальные меры и решения, которые принимаются при производстве в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не оказали отрицательного воздействия на справедливость решения, принимаемого при рассмотрении впоследствии уголовного дела соучастников.⁴ Поэтому надлежит более тщательно проверять объективность тех сведений, которые он представит следствию относительно своих сообщников. Не стоит исключать оговор с целью приуменьшения степени участия в совершении преступления или перераспределения ролей между участниками.

Следует еще осветить один вопрос, относительно необходимости снова допрашивать лицо, в рамках основного дела, после разделения производств, в новом статусе. Ведь в основном производстве уже имеются его показания, которые он излагал, будучи обвиняемым. Однако мы считаем, что в рамках предварительного расследования, следует его допросить еще раз, после разделения производств, уже в новом положении, предусмотренном ст. 56.1 УПК РФ, с целью закрепления его позиции и намерения изобличать своих сообщников. Чтобы впоследствии, если он вдруг откажется от своих слов, либо попытается изменить показания, в суде они могли быть использованы в качестве доказательств по делу.

Несмотря на схожесть требований предъявляемых к показаниям анализируемого нами участника и свидетеля главным нормативным отличием является отсутствие уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а также за отказ от них. Для лица, заключившего досудебное соглашение все равно остаются негативные последствия в указанных случаях, в виде расторжения соглашения и потери привилегий особого производства. Однако ложность показаний невозможно определить в одночасье, что не может не настораживать следователя. Поэтому хочется отметить, что, несмотря на колоссальную помощь в получении доказательственной базы по основному делу, сведения, полученные от лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, должны быть особенно тщательно проверены и оценены субъектом, производящим расследование в совокупности с другими доказательствами по делу.

Приставейный библиографический список

1. Азаренок Н. В. Эволюция уголовно-процессуального доказывания виновности лица по «основному» уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (к 10-летию введения в действие гл. 40.1 УПК РФ) // Уголовное право. - 2019. - № 4. - С. 118-123.
2. Аширбекова М. Т. Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. - 2018. - № 1. - С. 16-20.
3. Головки Л. В. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. - М.: Статут, 2016. - 1276 с.
4. Победкин А. В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание «сущего без нужды» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2018. - № 4 (82). - С. 47-54.

3 По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко [Текст]: [Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П] // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2016. - № 9.

4 Постановление Европейского суда по правам человека «Навальный и Офицеров против России» (Жалобы №№ 46632/13 и 28671/14) СТРАСБУРГ 23 февраля 2016 г.

КРАИНСКИЙ Александр Владимирович

преподаватель кафедры трасологии и баллистики Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ И ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ХОЛОДНОГО И МЕТАТЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

В работе рассмотрен вопрос влияния субъективной стороны на вывод экспертного исследования судебной экспертизы холодного и метательного оружия при проведении этапа экспертного эксперимента и квалифицированной оценке его результатов.

С учетом рассмотренных особенностей эксперты-криминалисты при проведении судебных экспертиз холодного и метательного оружия при грамотном подходе к проведению этапа экспертного эксперимента и его оценки значительно повысят качество, достоверность и научную обоснованность своих исследований.

Ключевые слова: судебная экспертиза, холодное оружие, экспертный эксперимент, оружие ударно-раздробляющего типа.

KRAINSKY Alexander Vladimirovich

lecturer of Traceology and ballistics sub-faculty of the Educational and scientific complex for expert criminalistic activity of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

SOME ASPECTS OF CONDUCTING AND EVALUATING THE RESULTS OF AN EXPERT EXPERIMENT IN THE FORENSIC EXAMINATION OF EDGED AND THROWING WEAPONS

The paper considers the issue of the influence of the subjective side on the conclusion of an expert study of the forensic examination of cold steel and throwing weapons during the stage of the expert experiment and a qualified assessment of its results.

Taking into account the considered features, forensic experts, when conducting forensic examinations of edged and throwing weapons, with a competent approach to conducting the stage of the expert experiment and its evaluation, will significantly increase the quality, reliability and scientific validity of their research.

Keywords: forensic examination, edged weapons, expert experiment, impact-crushing weapons.

В современном мире уже давно все постепенно подчиняется электронному вычислению. Все больше областей науки не представляют свое существование без мощных вычислительных систем. Вот и экспертную практику проникает специальная техника, без которой невозможно представить современное экспертное исследование. Все возможные видео компараторы, автоматизированные информационные системы (АБИС «Арсенал», АДИС «Папилон» и т.д.) и другая разная техника. Только одна судебная экспертиза холодного и метательного оружия остается на том же уровне технической оснащенности, что и десятки лет назад.

При всей своей явной необходимости данная экспертиза является крайне неприспособленной в технических средствах исследования. Самой сложной технической установкой на пути решения относимости объекта к холодному оружию является твердомер Роквелла. (рис.1)

Для работы с твердомером таким, как например TP5008A даже не требуется специальная подготовка. Эксперту необходимо изучить инструкцию по эксплуатации, и он может производить необходимые замеры.

Для всестороннего исследования, например, клинкового холодного оружия или предметов схожих с ним по своей конструкции эксперту понадобится, согласно типовой экспертной методике исследования вещественных доказательств под ред. канд. тех. наук Ю. М. Дильдина, следующий перечень технических средств:

- штангенциркуль (с ценой деления 0.1 мм);
- установка «Клинок», которая представляет собой тески с закрепленным на ней измерительным прибором (линей-

Рисунок 1. Твердомер Роквелла TP 5008A.

кой, динамометром и т.д., с ценой деления 1 мм.) для проведения статического эксперимента;

- установка «Мишень», имитирующая мягкие ткани человека или сухая сосновая доска толщиной от 30 мм до 50 мм (при этом влажность древесины не должна превышать 30 процентов) для проведения динамического эксперимента.

- твердомер, для измерения твердости клинка (с ценой деления 1 HRS).

По методике эксперт с клинковым объектом поэтапно производит несколько основополагающих экспертному исследованию манипуляций. Сначала, оценивает наличие или отсутствие конструктивных элементов, необходимых, для оценки предназначенности объекта исследования к нанесению тяжких телесных повреждений или смерти, после чего приводит все возможные измерения этих элементов. Затем эксперт определяет степень обработки тех материалов, которые применялись для изготовления исследуемого объекта, на предмет установления самодельного способа производства. Далее проводит сравнительное исследование с соответствующими госстандартами и справочно-информационной литературой, где окончательно устанавливает вид и тип объекта. Если при этом вид и тип объекта подходит под криминалистические требования и ГОСТ для отнесения объекта к клинковому холодному оружию, то эксперт переходит к этапу экспертного эксперимента.

На этапе экспертного эксперимента эксперт проводит сначала статический эксперимент, в ходе которого он оценивает прочностные и упругие характеристики клинка, а потом динамический эксперимент, при котором уже производится оценка прочности, поражающей способности и пригодности для применения в качестве холодного клинкового оружия. В конце проведенного исследования и строго на его основе дается определенный вывод об относимости объекта к клинковому холодному оружию

Проанализировав современную методику производства судебной экспертизы холодного и метательного оружия, нельзя не отметить, что очень много зависит не только от навыков производства экспертизы того или иного специалиста, но и от их, в частности, анатомических особенностей.

Например, при производстве экспертизы клинкового холодного оружия один и тот же клинок может у одного эксперта быть признан холодным оружием, а у другого – объектом хозяйственно-бытового назначения. И речь не идет о предвзятости кого-либо из экспертов. Дело в том, что клинок, относящийся к холодному оружию, должен быть удобен в руке и при нанесении им колюще-режущих или режуще рубящих ударов и не вызывать болевых ощущений. Но на практике встречаются всевозможные конструкции рукоятей клинковых объектов, которые обладают различными размерами. Соответственно при проведении необходимых испытаний один эксперт, с рукой большего размера будет испытывать болевые ощущения, а другой нет. Также данное противоречие может встретиться при исследовании и ударно-раздробляющего оружия. Кастет может одному эксперту хорошо и удобно ложиться в руку и не вызывать болевых ощущений при производстве динамического этапа экспертного эксперимента, а у другого соответственно нет. В следствии чего возникает казус, если объект не прошел сертификационные испытания, которые каждый объект от-

носящийся к холодному оружию или предметам конструктивно схожим с ним обязан пройти, согласно статьи 7 Федерального закона «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ (а это возможно если он самодельного изготовления), то первичная экспертиза может признать его не холодным оружием или не оружием ударно раздробляющего типа, а повторная уже отнесет его к категории холодного или ударно-раздробляющего оружия. При этом следовательно, статистически ориентированный на направление дела в суд и зная о такой возможности может целенаправленно назначать производство данной экспертизы, эксперту с меньшими размерами тела. Тем самым нарушается один из главных принципов судопроизводства, а именно возможность на справедливое и беспристрастное расследование.

Пути решения данной ситуации на наш взгляд в разработке нового технического средства, которое позволило бы решать вопрос о пригодности объекта к клинковому холодному оружию, невзирая на анатомические особенности каждого эксперта. Данное устройство должно оценивать объект со стороны удобства, возможности многократного нанесения соответствующих ударов средним человеком без болевых ощущений, и оценки пригодности для поражения цели.

На основе уже полученных данных эксперты смогли бы давать и одинаковые выводы в отношении одного и того же объекта и главное они были бы научно обоснованные.

Пристатейный библиографический список

1. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. [Электронный ресурс]: учеб. пособие. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Дильдина. – М.: ЭКЦ МВД РФ, 2011. – 568 с. - Доступ из ЭК библиотеки ВА МВД России. - pdf.

МАКОГОН Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

БЕЗВЕРХОВА Светлана Викторовна

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ФОНОСКОПИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы использования специальных фоноскопических знаний на современном этапе, как криминалистически значимой информации. Цифровизация современного общества, безусловно, значительно облегчает жизнь человека. Однако на этапе расследования различных категорий преступлений отказ участников уголовного судопроизводства от традиционной фиксации информации в письменных документах приводит к возникновению определенных проблем с идентификацией и диагностикой речи по фонограммам и видеозаписям, на которых все чаще такая информация фиксируется. Законом установлены четкие рамки ее использования в качестве доказательств в уголовном процессе. Исследование фонограмм устной речи происходит посредством производства фоноскопической экспертизы и нередко ее заключение становится единственным вещественным доказательством.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, криминалистическая деятельность, нейросети, признаки голоса, речи, программисты, звуковой след, мошенничество, расследование уголовного дела.

MAKOGON Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Preliminary investigation sub-faculty of the Educational and scientific complex for preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

BEZVERKHOVA Svetlana Viktorovna

senior lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ACTUAL ASPECTS OF THE USE OF SPECIAL PHONOSCOPIC KNOWLEDGE IN CRIMINALISTICS AT THE PRESENT STAGE

This article discusses the problematic issues of the use of special phonoscopic knowledge at the present stage, as criminalistically significant information. Digitalization of modern society, of course, greatly facilitates human life. However, at the stage of investigation of various categories of crimes, the refusal of participants in criminal proceedings from the traditional fixation of information in written documents leads to certain problems with the identification and diagnosis of speech phonograms and videos, on which increasingly such information is recorded. The law establishes a clear framework for its use as evidence in criminal proceedings. The study of phonograms of oral speech occurs through the production of phonoscopic examination and not infrequently its conclusion becomes the only material evidence.

Keywords: phonoscopic examination, forensic activity, neural networks, signs of voice, speech, programmers, sound trace, fraud, criminal investigation.

В настоящее время идет активная цифровизация общества. Письменные документы уступают место электронным, коммуникации в свою очередь также приобретают формат электронной переписки через мобильную связь, в социальных сетях, через электронную почту и специальные приложения. Автоматически письменные документы утрачивают свое значение. В связи с чем, авторитет фоноскопических экспертиз увеличивается.

Сама суть фоноскопической экспертизы, которая работает со звуковым следом, заключается в том, что появляется возможность идентификации соответствия либо несоответствия звукового следа субъекта с тем, что отражено на представленном носителе – источнике информации [1]. Более того, звуковой след имеет и информационную составляющую, которая позволяет использовать материалы для проведения экспертных исследований. Отождествление человека по голосу – это особая область научных знаний, в процессе экспертных исследований проводится работа с голосовыми следами, выясняются общие и индивидуальные черты в сравнимых объектах, определяется степень устойчивости голоса и другие аспекты, характеризующие речевой след. В целом познавательные возможности фоноскопических исследований велики.

Так, В. обвинялся в совершении дистанционного мошенничества. Следственно-оперативным путем было установлено пять эпизодов его преступной деятельности, когда он звонил потерпевшим на мобильные телефоны и представлялся сотрудником службы безопасности банка, информировал о подозрительной активности в отношении денежных средств на банковских картах и предлагал «обезопасить» эти средства. В результате инструкций преступника денежные средства переводились на счет, к которому он имел доступ, снимались им и переходили, таким образом, в его личное пользование. Виновность В. была доказана, в том числе и данными фоноскопической экспертизы № 6/354 от 14.07.2020, согласно которым голос и звучащая речь на предоставленных на экспертное исследование фонограммах, зафиксированных на рабочем слое компакт-дисков № 15-18 в файлах «06-08 Декабрь», принадлежат В., образцы голоса и устной речи которого предоставлены на экспертизу. В судебном заседании эксперты свои выводы подтвердили, на их категоричности настаивают. Образцов голоса В. было достаточно для проведения экспертизы [2].

Помимо собственно задач идентификации человека по голосу фоноскопические исследования позволяют решать и другие задачи: проверяются выдвинутые следствием версии; осуществляется планирование следственных действий и опе-

ративных мероприятий, розыска преступника и его идентификация путем отождествления звукового сигнала [3].

Так, в совместной преступной деятельности (угон автомобилей с целью перепродажи их в разобранном виде) обвинялось четыре фигуранта, которые отрицали свою причастность к совершению преступлений. По делу были проведены оперативно-розыскные мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров». Исходя из анализа материалов, содержащих сведения о прослушивании телефонных переговоров, а также ответов от операторов сотовой связи, содержащих сведения об IMEI телефонов, с которых осуществлялись соединения между абонентскими номерами, которые использовались подсудимыми, а так же протоколов личного досмотра подсудимых и протоколов обыска, в ходе которых изъяты телефоны, сим карты, следует, что абонентские номера, находившиеся в пользовании преступных абонентов, на что указывает содержание их переговоров, в ходе которых подсудимые называли имена друг друга, указывали личные данные, в частности паспортные данные одного из них, адрес его проживания, а также то обстоятельство, что сим-карта с абонентским номером ... выходила в эфир с IMEI телефона, который был изъят при обыске в квартире одного из подозреваемых лиц, и с IMEI телефона, который был изъят при личном досмотре у второго подозреваемого лица.

То обстоятельство, что по результатам оперативно-розыскных мероприятий «Прослушивание телефонных переговоров» (ПТП), при проведении фоноскопических экспертиз, эксперты не смогли дать заключения о принадлежности голосов, по мнению суда, не свидетельствует о невинности подсудимых, поскольку принадлежность указанных абонентских номеров подсудимым, не смотря на то, что официально сим-карты оформлены на третьих лиц, установлена совокупностью других собранных доказательств [4].

В процессе проведения рассматриваемых экспертных исследований, учитываются психофизиологические составляющие устной речи, механизм ее образования и другие факторы. Реальные условия аудиофиксации речевой информации не всегда бывают благоприятными: в процессе звукозаписи речевой сигнал искажается и сопровождается значительными шумами [5]. Экспертные технологии позволяют в определенном мере «очистить» звук от постороннего вмешательства, но это не всегда приводит к ожидаемому эффекту.

Кроме этого, ситуация может осложниться использованием специальных компьютерно-технических средств, для имитации и изменения голоса, различными специально созданными шумовыми фонами и т.д. Задачи идентификации в таких условиях часто остаются не решаемыми.

При таких условиях актуализируются возможности экспертно-диагностического исследования голоса и речи, в том числе по установлению обликовых характеристик личности говорящего (половозрастные, социо-биографические характеристики личности, особенности физиологического, психофизиологического состояния лица в момент речепорождения). При этом, такие судебно-экспертные исследования обликовых характеристик личности востребованы при расследовании преступлений, связанных с террористической, коррупционной, экстремистской деятельностью и т.д.

Выводы таких экспертиз не позволяют решать идентификационные задачи, но они востребованы в целях получения ориентирующей и доказательственной информации:

- у следствия появляется ориентирующая информация, на основе которой проводятся розыскные мероприятия для установления преступника, личность которого неизвестна и подлежит установлению. Это происходит тогда, например, когда какой-либо гражданин предоставляет информацию о готовящихся террористических актах, посредством анонимного звонка, а может и о совершении других преступлений (похищение человека, незаконное лишение свободы) и т.д.;

- не является излишней такая информация и для построения версий, как следственных, так и оперативных. В том случае, когда подозреваемое лицо и диктор, установленный по результатам идентификации, являются разными лицами, то возникает потребность в получении ориентирующей информации о личности диктора, чей голос записан на фо-

нограмме. Такие данные способствуют во многих случаях осуществлению успешного розыска и получению других значимых криминалистических сведений. Так, например, по делу о дистанционном мошенничестве была проведена фоноскопическая экспертиза в отношении подозреваемого лица (мужчина 37 лет), при этом эксперт не смог определить принадлежность голоса подозреваемому Б., но сделал вывод, что голос принадлежит женщине примерно такого же возраста, при этом было установлен акцент, скорее всего украинский. После анализа данной информации следователь направил поручение, на проведение сотрудниками уголовного розыска ОРМ. По итогам, исполнения которого выявлена сожительница Б., уроженка Киева, которая дала признательные показания, положенные в основу обвинения Б. [6];

- помогает выявить лиц, возможно причастных или не причастных к преступлению. И как следствие это приводит к значительному сокращению лиц, попадающих под подозрение, или позволяет вообще исключить вещающее лицо из числа подозреваемых;

- помогает в получении сравнительных образцов голоса и речи в порядке ст. 202 УПК РФ, когда подозреваемый не желает их предоставлять, а свободные или условно-свободные образцы получить не представляется возможным;

- помогает в обнаружении факта умышленного изменения голоса и речи, что приводит как правило к получению новой доказательственной информации.

Специалисты в сфере компьютерных технологий именно в развлекательной среде предлагают различные продукты, весьма востребованные пользователями. Одной из таких технологий является программа, позволяющая конструировать предложения и тексты из отдельных слов и словосочетаний, который использует в своей речи известное лицо. При этом особенности речи такого лица известны широкому кругу лиц. Созданные программы такого содержания нацелены на индустрию развлечения. При этом созданный искусственно голос и текст, несмотря на то, что транслировал похожесть на голос и текст какого-либо медийного лица, был различим и в целом определялся как ненастоящий.

Технологии развиваются стремительно, совершенствуясь, что применимо и в отношении рассматриваемой технологии. На сегодняшний день отечественными программистами компании «Vera Voice», было создано программное обеспечение под названием «parodist.ai». Эта программа способна синтезировать речь, имитируя особенности произношения конкретного человека: скорость, интонацию, тембр и т. д. В итоге появляется возможность сконструировать любые словосочетания предложения и тексты, фактически не отличимые от оригинала голоса – образца. Технология базируется на рекуррентных и сверточных нейронных сетях, которые обучают на больших массивах данных [7].

Этими же разработчиками было создано платное мобильное приложение, которое доступно для всех желающих, в нем уже имеются образцы голоса известных персон. Для получения результата нужно ввести печатный текст, который анализируется и озвучивается любым выбранным из программы голосом. В программе есть модуль защиты правообладателей голоса, который пресекает попытки смоделировать провокационные, нецензурные или иные недопустимые выражения. По заявлению менеджеров компании Vera Voice: «программа ориентирована на борьбу с подделками и несанкционированными копиями образцов речи людей» [8].

Соответственно актуализируется вопрос о возможностях программного обеспечения с позиций криминалистической фоноскопии.

Перспектива записи голоса любого человека, который программа генерирует относительно речевых индивидуальных, дает неограниченные возможности в криминалистической деятельности и не только. Пользователь предоставляет любой текст, получает его озвучивание заданным голосовым образцом. По заявлению создателей этой программы с целью поддельвания голоса, необходимо запустить трансляцию аудиозаписи голоса персоны и дать время, в течение которого аудиопоток и текст выгружаются в несколько нейронных сетей одновременно, одна генерирует спектрограм-

му звука (его визуальное изображение), а вторая – непосредственно звук [9].

Безусловно, приведенная методика является собой технологический прогресс в развитии нейросетей. Однако нельзя недооценивать серьезные риски, возникающие при этом, связанные с дальнейшим развитием и внедрением в массовое использование такой технологии. С ее помощью возможны фальсификации, осуществляемые в том числе и с преступными намерениями. Фактически рассматриваемая технология позволяет сконструировать любое речевое сообщение, которое в современном обществе может привести к определенным негативным последствиям, так как преступники неминуемо заходят ею воспользоваться в своих корыстных целях.

Вообще подделка голоса – это не новшество, ранее подделкой голоса занимались люди, чаще актерской профессии, у которых имелся определенный талант и физические возможности. На практике было совершенно множество мошенничеств с помощью схемы, где поддельвался голос. В настоящее время для подделки голоса не надо быть актером. Технологический уровень развития позволяет обойтись соответствующим программным обеспечением. Преступлений, которые можно совершить при помощи имитации голоса, множество, самое распространенное в настоящее время это различные виды дистанционного мошенничества. Таким образом, голосовые имитации при их не распознавании позволяют уйти от уголовного преследования.

Например: заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Такой вид преступления совершается в условиях неочевидности. Визуального контакта нет. Преступник совершает звонок, как правило, в различные публичные органы власти и учреждения. По таким делам в обязательном порядке назначается и проводится фоноскопическая экспертиза. Целью, которой является отождествление звонившего по признакам голоса и речи, записанной на фонограмме, выявления признаков стирания, копирования, монтажа и иных изменений, привнесенных в фонограмму в процессе или после окончания звукозаписи, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи, а также иных фактов, имеющих значение [10]. Допустим, что голосовое сообщение об акте терроризма было смонтировано при помощи компьютерной технологии. Закономерно возникает вопрос о возможности в рамках экспертизы выяснить вопрос: «Речь, имеющаяся на фонограмме – это продукт воспроизводства компьютерной программы, или подделка голоса живым человеком?».

В настоящее время возможности фоноскопической экспертизы, к сожалению, не безграничны. При существующем методическом и техническом обеспечении эксперты еще могут установить признаки звуковой фальсификации, и полное воссоздание звуковых особенностей человеческого голоса. Однако, технический прогресс не стоит на месте и в скором времени программа усовершенствуется и будет способна генерировать речь любого человека, при которой следы монтажа обнаруживаться не смогут. Соответственно эксперты будут сталкиваться с не решаемыми проблемами относительно установления подлинности записи техническими средствами, имеющимися на вооружении у них.

Очевидно, что развитие научных технологий в рассматриваемой области способно осложнить производство фоноскопических экспертиз и привести к некоторым трудностям в установлении принадлежности записанного голоса и звучащей речи конкретному лицу. Чтобы избежать этого, нужно проводить упреждающую политику, которая заключается в разработке и совершенствовании методики производства судебной-фоноскопической экспертизы. Предоставляя в арсенал экспертов новые технологии можно повысить ее возможности и эффективность, поднять их на новый высокоточный уровень. Тогда эксперт будет иметь возможность дать ответ на широкий круг вопросов, и, в частности, касающийся установления подлинности речи человека и возможности её отграничения от «виртуальной личности».

Таким образом, отказ от использования современных научных технологий, особенно в области нейросетей при производстве фоноскопических экспертиз, приведёт к их ма-

лой эффективности и возможно ошибочным заключениям эксперта, вследствие чего снизится и криминалистическая ценность. В итоге к уголовной ответственности могут быть привлечены невиновные лица, а виновные ее избежат, и дальше продолжат осуществлять свою преступную деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. Галяшина Е. А. Материалы аудио и видеозаписи как результат ОРД: проблемы судебно-экспертного обеспечения проверки доказательств // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 17.
2. Приговор Курганского городского суда от 27 ноября 2020 г. по делу № 1-1205/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ZzOoJpbKQd1c/?regular-txt=%/>.
3. Чебоганов А. И. Значение фоноскопических экспертиз для раскрытия и расследования преступлений // Актуальные проблемы правоправедения. – 2020. – № 2(66). – С. 40.
4. Приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска № 1-102/2020 от 23 июля 2020 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/KShVPgfkKVU7///>.
5. Кравец Е. Г. Современные возможности накопления, передачи и анализа информации, значимой для расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С. 72-78.
6. Материалы уголовного дела № 312255 Следственная практика ГУ МВД по г. Волжскому Волгоградской области, 2018 год.
7. Иванов В. Ю. Современные вызовы фоноскопического исследования и пути их решения // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Второй международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 22 мая 2020 года / Под редакцией Д. В. Бахтеева. – Екатеринбург: ФГБОУВО «Уральский государственный юридический университет», 2020. – С. 562.
8. Федуненко Е. Компания Vera Voice будет синтезировать голоса знаменитостей // Газета «Коммерсантъ» 2019. 29 окт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4141779> (дата обращения: 20.10.2021 г.).
9. Кузургашев Е. Г. К вопросу об особенностях назначения и производства фоноскопической экспертизы // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: Материалы международной научной конференции, Красноярск, 05 декабря 2019 года / Отв. за выпуск В. Л. Бопш, Е. А. Ерахтина. – Красноярск, 2020. – С. 252.
10. Бирюков С. Ю., Скориков Д. Г., Закатов А. А. Значение культуры речи в работе следователя // Вестник Волгоградской Академии МВД России. – 2018. – № 3(46). – С. 116-121.

ПЕТУХОВА Жанна Петровна

преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, направленные на рассмотрение проблемы доказывания по уголовным делам, связанным с кражей скота и принятие правового решения по результатам предварительного следствия. Объектом исследования является деятельность сотрудников органов внутренних дел, направленная на формирование доказательственной базы по уголовным делам. Новизна работы определяется необходимостью совершенствования методики допроса потерпевших и свидетелей при расследовании указанного вида преступлений, систематизации знаний, полученных в ходе предварительного следствия при принятии решения о приостановлении предварительного следствия. Основными выводами проведенного исследования являются: необходимость установить минимальные требования к описанию содержания протокола допроса потерпевшего и свидетеля, в целях фиксации оперативно-значимой информации для выявления всех причастных лиц к совершению краж скота.

Ключевые слова: приостановление предварительного следствия, неустановление лица, скот, шкура, мясо животного.

PETUKHOVA Zhanna Petrovna

lecturer of Criminal process sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

LAW ENFORCEMENT FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES AND THE SUSPENSION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The subject of the study is the norms of criminal procedure legislation aimed at considering the problem of proof in criminal cases related to theft of livestock and making a legal decision based on the results of the preliminary investigation. The object of the study is the activities of employees of the internal affairs bodies, aimed at the formation of an evidence base in criminal cases. The novelty of the work is determined by the need to improve the methodology for interrogating victims and witnesses in the investigation of this type of crime, systematizing the knowledge gained during the preliminary investigation when deciding to suspend the preliminary investigation. The main conclusions of the study are: the need to establish minimum requirements for describing the content of the protocol of interrogation of the victim and the witness, in order to record operationally significant information in order to identify all those involved in the theft of livestock.

Keywords: suspension of the preliminary investigation, non-identification of the person, cattle, skin, animal meat.

Приостановление предварительного следствия в настоящее время стало неотъемлемой частью уголовно-процессуальной действительности. Как показывает практика расследования уголовных дел, доля приостановленных производством дел, находится на достаточно высоком уровне.

В случае неустановления лица, совершившего преступление по возбужденному уголовному делу либо в случае, если лицо, совершившее преступление скрылось или его место нахождения не установлено, то предварительное следствие может быть приостановлено только по истечении предусмотренного ст. 162 УПК РФ срока следствия. При наличии иных оснований приостановить предварительное следствие возможно и до истечения установленных процессуальных сроков.

По каждому возбужденному уголовному делу следователь обязан выполнить все необходимые следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого. Также следователь обязан принять меры по розыску либо установлению лица, совершившего данное преступление.

Первоначальным и одним из важных следственных действий по уголовным делам, связанным с кражами скота, является осмотр места происшествия. В процессе осмотра места происшествия необходимо выяснить действительно ли имело место преступление либо скот самовольно покинул место пастбища.

Солитаризируясь с мнением А. П. Фокина необходимо отметить, что «... к обстоятельствам, прямо указывающим на кражу скота относятся: взлом запорных механизмов животноводческих помещений, частей; приведение в положение «открытое» предметов, используемых в качестве запоров; обрезанный, перерубленный предмет, которыми скреплено животное; показания потерпевшего, свидетеля о том, как похищали скот; дорожка следов животного и ног ведущая с места совершения кражи в дом постороннего лица; обнаружение похищенного скота у преступника; исчезновение со двора животного; возможности его выхода без посторонней помощи; наличие явных следов проникновения посторонних лиц в помещение, во двор, за ограду, где находились животные; убийство либо изоляция сторожевой собаки, охранявшей скот; обнаружение шкуры, головы, биров, ножек, мяса животного» [1, с. 10].

Ханов Т. А. в свою очередь поясняет, что «на кражу скота могут указывать и следующие обстоятельства:

- одновременная пропажа скота у нескольких владельцев;
- систематическая пропажа скота из одного и того же места;
- обнаружение скота в собственных домах (животноводческих помещениях), принадлежащих лицам, не имеющим официального отношения к этому скоту;
- реализация скота частными лицами на рынке» [2, с. 73-81].

Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии признаков преступления. Несмотря на то, что некоторые из вышеуказанных факторов свидетельствуют о совершенной краже скота, однако и они должны оцениваться следователем в совокупности, приниматься во внимание особенности криминалистической характеристики данного вида хищений [3, с. 1750-1754].

Учитывая тот факт, что чаще всего скот пасется безнадзорно, без присмотра владельцев, вдали от населенных пунктов, то установить было ли противоправное действие – хищение скота либо скот самовольно покинул место пастбища, не всегда представляется возможным.

Кроме того, по этой же причине не всегда представляется возможным установить точное время и место кражи, что в свою очередь затрудняет раскрытие преступлений по «горячим следам».

Бесконтрольный выпас владельцами сельскохозяйственных животных часто становится причиной, способствовавшей совершению преступления.

К примеру, 4 февраля в отдел полиции обратился житель Пий-Хемского района Республики Тыва с заявлением, что со свободного выпаса не вернулся скот. При проверке сообщения было установлено, что данный скот похищен 27-летним жителем п. Каа-Хем, который погрузил похищенный скот в багажный отсек автомобиля марки УАЗ-31512. Автомобиль был остановлен на проселочной дороге сотрудниками полиции. По данному факту было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В процессе предварительного следствия был установлен и задержан соучастник преступления гражданин – 29 лет, ранее судимый за совершение имущественного преступления – кражу¹.

Еще одним из важных следственных действий является допрос потерпевшего и свидетелей.

В процессе допроса потерпевшего и свидетелей следователь получает оперативно-значимую информацию, имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и определяет круг лиц, возможно причастных к совершению кражи скота и определяет дальнейшие следственные и процессуальные действия, направленные на раскрытие преступления.

У потерпевших целесообразно выяснять следующие вопросы:

– в какой период времени была обнаружена пропажа скота?

– кем была обнаружена пропажа скота?

– действительно ли произошло незаконное отчуждение скота, а не самовольный уход? Если да, то установить, каким способом похищен скот;

– был ли способ хищения животного действительно тайным для потерпевшего?

– установить, где именно в период кражи находился скот, на выпасе либо в огражденном помещении? Если на выпасе, то был ли в сопровождении кого-либо? Если в огражденном помещении, то каким способом было заперто помещение?

– осуществлялся ли самостоятельный поиск скота? Если да, то каким образом/методом, где, когда и какие результаты получены?

– подробно описать внешние признаки животного: породу, окрас, возраст, пол, вид, особые приметы, отметины, метки, клеймения, масть животного;

– выяснить количество животных;

– был ли каким образом помечен похищенный скот? Если да, то выяснить, каким образом и способом (буквенное либо цифровое обозначение, либо иное);

– имеются ли свидетели/очевидцы факта хищения животных?

– подозревает ли кого-либо в совершении указанного преступления?

– были ли неприязненные/конфликтные ситуации с кем-либо? Если да, то причина неприязненных/конфликтных ситуаций;

– выяснить сумму причиненного преступлением имущественного вреда.

Расследование уголовных дел данной категории требует от следователей и органа дознания обладание определенными и специальными знаниями. Для успешного расследования уголовных дел, установления лиц, совершивших данное преступление, принятия законного и обоснованного решения по делу от следователя требуется собрать, проверить, оценить и проанализировать все имеющиеся доказательства.

После проведения всех необходимых следственных действий следователь должен принять законное и обоснованное решение. В случае невозможности участия в производстве следственных действий подозреваемого или обвиняемого, предварительное следствие приостанавливается по одному из оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Однако наличие только оснований, закрепленных в ч. 1 ст. 208 УПК РФ, недостаточно для принятия решения о приостановлении предварительного следствия. С целью принятия законного, обоснованного, мотивированного и своевременного решения по делу, требуется соблюдение определенных условий. При отсутствии необходимых условий по делу может быть принято иное решение.

Пристатейный библиографический список

1. Фокин А. П. Расследование краж скота. – М., 1973. – С. 10.
2. Ханов Т. А. Действия следователя по поступившему заявлению, сообщению о краже скота // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 10-2. – С. 73-81.
3. Гаджиев В. Э. Значение криминалистической характеристики в процессе формирования и использования рекомендаций по выявлению и расследованию краж скота // Право и политика. – 2009. – № 8. – С. 1750-1754.

¹ Новости города «Безформата.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kizil.bezformata.com/listnews/krazha-skota-svobodnogo-vipasa/86402675/> (дата обращения: 15.08.2022).

САФОНОВА Юлия Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России

ТОКАРЕВА Екатерина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, Ленинградская область, г. Гатчина

ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, Ленинградская область, г. Гатчина

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования и реализации задач такого следственного действия как очная ставка. Исследуются пробелы действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего процессуальный порядок производства очной ставки, закономерности состязательной деятельности сторон в ходе проведения очной ставки, а также критерии существенности противоречий, служащих основанием для ее производства в уголовном процессе. Совершенствование правового регулирования целей и задач очной ставки и порядка ее производства позволит повысить ее эффективность, расширит инструментарий органа уголовного преследования, увеличит диапазон возможностей функции защиты, повысит эффективность процедуры реализации задач уголовного процесса.

Ключевые слова: следователь, предварительное следствие, следственное действие, очная ставка, пробел, показания, допрос.

SAFONOVA Yuliya Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Preliminary investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

TOKAREVA Ekaterina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Leningrad region, Gatchina

CHASOVNIKOVA Olga Georgievna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Leningrad region, Gatchina

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SPECIFIC INVESTIGATIVE ACTIONS

The article is devoted to the actual problems of legal regulation and the implementation of the tasks of such an investigative action as a confrontation. The gaps of the current criminal procedure legislation regulating the procedural procedure for the production of a confrontation, the patterns of adversarial activity of the parties during the confrontation, as well as the criteria for the materiality of contradictions that serve as the basis for its production in criminal proceedings are investigated. Improving the legal regulation of the goals and objectives of the confrontation and the procedure for its production will increase its effectiveness, expand the tools of the criminal prosecution body, increase the range of possibilities of the protection function, increase the effectiveness of the procedure for implementing the tasks of the criminal process.

Keywords: investigator, preliminary investigation, investigative action, confrontation, gap, testimony, interrogation.

Согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ следственные действия являются одним из основных источников доказательственной информации. Именно их грамотное проведение, основанное на положениях УПК РФ, позволяет следователю в наиболее полном объеме получить значимую для уголовного дела информацию, и, как следствие, достичь назначения уголовного судопроизводства, указанного в ст. 6 УПК РФ.

Как уже было обозначено выше, организация и проведение следственного действия, помимо различного рода тактических рекомендаций, в первую очередь должно основываться на нормах УПК РФ, что позволяет соблюсти законность его производства и дальнейшее использование в качестве источника доказательств (доказательства). Однако в настоящее время процессуальная регламентация отдельных следственных действий имеет ряд пробелов и недочетов, что приводит к возникновению спорных ситуаций в практической деятельности. Не стала исключением и очная ставка. Сама по себе очная ставка не относится к «сложным» по производству следственным действиям, однако вызывает вопросы не только в теории, но и в практике применения уголовно-процессуального законодательства. Выявление, анализ и предложение

возможного разрешения подобных «правовых пробелов» позволит избежать коллизий в процессе правоприменительной деятельности и обеспечит повышение эффективности деятельности органов предварительного следствия [1].

Проанализировав допускаемые сотрудниками органов предварительного расследования ошибки, хотелось бы отметить наиболее актуальные, на наш взгляд, проблемные вопросы, с которыми сталкиваются следователи (дознаватели) при производстве указанного следственного действия.

Отсутствие в УПК РФ указания на количество лиц, между которыми может проводиться очная ставка. Согласно ч. 1 ст. 192 УПК РФ следователь вправе провести очную ставку в случае наличия существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. При этом ни в данной части, ни в других частях ст. 192 УПК РФ нет конкретной фразы, указывающей на число лиц, которых возможно подвергнуть одновременно допросу. Основываясь на тактических особенностях производства данного следственного действия и опыте практической деятельности, в научном сообществе принято считать, что очная ставка проводится между двумя ранее допрошенными лицами. Мы также придерживаемся данной позиции, так как производство данного следственного действия в от-

ношении более чем двух лиц не только значительно повышает риск нарушения тайны предварительного следствия, но и исключает возможность достижения цели производства очной ставки – устранения существенных противоречий. Так как результативность очной ставки в существующих практических реалиях и так невысока, нецелесообразно широко трактовать нормы УПК РФ. Однако в практической деятельности имеются случаи, когда подозреваемый (обвиняемый), прямо используя положения УПК РФ, заявляют ходатайство о производстве очной ставки между несколькими участниками. Согласно нормам УПК РФ, такое ходатайство может быть удовлетворено, но в действительности следователю придется выносить постановление об (частичном) отказе в удовлетворении данного ходатайства, на что тратятся временные и иные ресурсы органов предварительного следствия, и, при этом, у подозреваемого (обвиняемого) сохраняется право вновь заявить данное ходатайство. Таким образом, с точки зрения целесообразности производства очной ставки, считаем необходимым указать в ст. 192 УПК РФ, что данное следственное действия должно производиться исключительно между двумя ранее допрошенными лицами.

Вопрос о возможности производства очной ставки в случаях, когда одно из ранее допрошенных лиц отказалось от дачи показаний. В практической деятельности нередки случаи, когда подозреваемый (обвиняемый) на протяжении всего предварительного следствия отказывается от дачи показаний, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ [2]. В таких ситуациях производство очной ставки с подозреваемым (обвиняемым), согласно действующим нормам УПК РФ, является незаконным, так как в материалах уголовного дела, несмотря на факт произведенного допроса, отсутствуют показания, в которых могли бы содержаться существенные противоречия, и сравнивать показания другого участника для их выявления попросту не с чем. Однако с тактической точки зрения, производство очной ставки в подобных ситуациях является достаточно эффективным способом получения показаний подозреваемого (обвиняемого), который, выслушав показания, например, потерпевшего, может подтвердить их или рассказать свою версию восприятия произошедшего и таким образом дать показания. Вследствие чего, считаем целесообразным закрепить в ст. 192 УПК РФ возможность производства очной ставки в случае, когда подозреваемый (обвиняемый) ранее отказался от дачи показаний, чтобы исключить возможность признания данного доказательства недопустимым.

Использование в ч. 1 ст. 192 УПК РФ оценочного понятия «существенные». В практике работы сотрудников следственных аппаратов имеют место случаи, когда очные ставки проводились безосновательно, при отсутствии противоречий в показаниях участников уголовного судопроизводства либо при наличии противоречий, не значимых для дальнейшего расследования, устранение которых не имеет доказательственного значения (например, когда противоречат друг другу сведения об обстоятельствах, не входящих в круг подлежащих доказыванию). При этом цель, которую преследуют следователи, проводящие подобные следственные действия, – закрепление ранее данных показаний и искусственное увеличение количества доказательств по уголовному делу.

В силу того, что в уголовно-процессуальном законе отсутствует прямое указание на то, какие противоречия следует считать существенными, а какие нет, в практической деятельности следователю приходится делать этот вывод индивидуально в каждом конкретном случае, основываясь на изучении материалов уголовного дела и его специфике. В теории также нет единого мнения по поводу определения понятия «существенные противоречия», однако, с учетом различных позиций, можно сделать вывод, что к существенным противоречиям целесообразно отнести расхождения в обстоятельствах, влияющих на квалификацию совершенного деяния. Принимая во внимание и тот факт, что, согласно требованиям прокуратуры, следователю при производстве по уголовному делу обязан исчерпать все возможные способы получения полных и достоверных показаний, в том числе и для устранения всех имеющихся противоречий, что и явля-

ется целью проведения очной ставки, нельзя не согласиться с позицией В. Ю. Стельмах, который придерживается мнения, что производство очной ставки необходимо в каждом случае возникновения противоречий [3].

Вопрос об обязательном производстве очной ставки. Как уже было указано нами выше в настоящее время прокурор при осуществлении надзорных функций при проверке уголовного дела достаточно часто обращает внимание на факт проведения очной ставки, причем не имеет значения ее итоговый результат. Подобная позиция объясняется тем, что основная цель производства очной ставки – устранение имеющихся противоречий, что позволяет получить максимально достоверную информацию и свидетельствует о надлежащей деятельности следователя в данном контексте.

Также споры об обязательности производства очной ставки возникают и в случае, когда при ознакомлении с материалами уголовного дела сторона защиты заявляет ходатайство о проведении очной ставки между обвиняемым и потерпевшим (свидетелем), ссылаясь на наличие противоречий в их показаниях. Нередко производство очной ставки в подобной ситуации превращается в своего рода «допрос» защитником потерпевшего (свидетеля) [4], направленный на побуждение его к изменению первоначально данных показаний.

В обеих описанных выше ситуациях обязательность производства очной ставки находится под вопросом, так как согласно ч. 1 ст. 192 УПК РФ проведение очной ставки – это право следователя, а не обязанность. Следователю при производстве предварительного следствия, согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, полномочен самостоятельно направлять ход расследования и принимать решения о производстве следственных действий, в силу чего сложившаяся на практике система «полноценного исследования обстоятельств» не является полностью соответствующей нормам УПК РФ. Никто не вправе требовать от следователя производства очной ставки при отсутствии оснований для ее проведения.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, целесообразно сказать о том, что такое следственное действие как очная ставка на настоящий момент имеет ряд проблем не только теоретического (законодательного), но и практического характера. Свободное толкование некоторых положений ст. 192 УПК РФ в практических реалиях приводит к возникновению трудностей при производстве очной ставки, в связи с чем целесообразность внесения в УПК РФ изменений, исключаяющих свободу толкования, на настоящий момент остается достаточно актуальной.

Разрешение обозначенных нами спорных вопросов позволит не только значительно увеличить эффективность проведения очной ставки, но и приведет к оптимизации производства предварительного расследования в целом.

Постатейный библиографический список

1. Смирнова П. В. Отдельные ошибки при производстве следственных действий, оказывающие влияние на качество и полноту расследования // Молодой ученый. – 2020. – № 23 (313). – С. 293-295.
2. Хоршева В. С. О некоторых аспектах взаимодействия следователя, дознавателя с оперативными подразделениями органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 1 (48). – 2018. – С. 166-173.
3. Стельмах В. Ю. Процессуальные, тактические и психологические аспекты производства очной ставки // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2 (36). – С. 99-109.
4. Нарядчиков В. Н. Проблемные моменты в практике производства очной ставки: процессуальные аспекты // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 1 (23). – С. 108-113.

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НОВИКОВА Людмила Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

МАСЛЕННИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Следственная практика и криминалистика разработали достаточное количество рекомендаций для собирания доказательств по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Сложность процесса оказывания по данной категории уголовных дел заключается в том, что гласным способом собрать доказательства затруднительно. В основном доказательства формируются за счет проведения ОРМ, где результаты ОРМ оформляются в качестве доказательств. По данной категории дел отсутствует потерпевший, преступления совершаются, чаще всего, организованными преступными группами, предметом преступления является наркотическое средство. Обязательно по делу назначение криминалистических экспертиз.

Ключевые слова: собирание доказательств, поиск, фиксация, удостоверение информации, производство расследования по уголовному делу, противоправный оборот наркотических средств.

SULEYMANOV Talyat Aliевич

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NOVIKOVA Lyudmila Vladislavovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

MASLENNIKOVA Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

INVESTIGATIVE PRACTICE OF OBTAINING EVIDENCE IN CRIMINAL CASES OF CRIMES RELATED TO ILLICIT DRUG TRAFFICKING

Investigative practice and criminology have developed a sufficient number of recommendations for collecting evidence in cases of crimes related to illicit drug trafficking. The complexity of the process of rendering criminal cases in this category lies in the fact that it is difficult to collect evidence in a transparent way. Basically, the evidence is formed by conducting an ORM, where the results of the ORM are issued as evidence. There is no victim in this category of cases, crimes are committed, most often, by organized criminal groups, the subject of the crime is a narcotic drug. The appointment of forensic examinations is mandatory in the case.

Keywords: collection of evidence, search, fixation, certification of information, investigation of a criminal case, illegal drug trafficking.

Процесс доказывания в большинстве случаев начинается с собирания доказательств. В результате собирания доказательств формируется информационная основа уголовного дела. Как собирать доказательства, УПК РФ детально не раскрывает, но представляется, что оно осуществляется следователем, дознавателем путем проведения следственных действий. Остальные участники процесса вправе представлять доказательства следователю, дознавателю. Путем представления доказательств участники процесса оказывают воздействие на ход предварительного расследования. На стадии судебного разбирательства государственный обвинитель также вправе представлять сторонам и суду доказательства. В соответствии со ст. 11 ФЗ «Об ОРД», результаты ОРМ представляются органом дознания следователю, прокурору либо в суд.

Под собиранием доказательств понимается Деятельность следователя, дознавателя, направленная на обнаружение, изъятие и фиксацию сведений, имеющих значение для уголовного дела, составляет собирание доказательств. Получение доказательств представляет собой восприятие следователем информации о преступлении и последующее его ис-

пользование в ходе разрешения уголовного дела. Получение доказательств осуществляется целенаправленно, проводится в активной форме, а представление доказательств – это пассивная форма собирания доказательств следователем, дознавателем [1, с. 248]. Представляемые сведения и документы могут быть приняты следователем и приобщены к уголовному делу, а могут быть отвергнуты, как не имеющие отношение к уголовному делу [2, с. 15]. Поэтому основной формой является собирание доказательств, а дополнительной формой выступает представление доказательств.

Собранная по уголовному делу информация подлежит закреплению в процессуальной форме. Доказательства появляются в уголовном деле в результате проведения следственных действий. Собирание доказательств осуществляется в два этапа, вначале ведется поиск информации, после чего, полученная информация по делу фиксируется в протоколе следственного действия. К протоколу следственного действия могут быть приложены кино-, фотодокументы, аудиовидеозапись следственного действия. Процессуальная форма закрепления доказательств выступает гарантией законности собранных по делу сведений [3, с. 62]. Формирование дока-

зательственной базы по уголовному делу является исключительной компетенцией следователя, дознавателя. Участники уголовного процесса могут представлять доказательства на досудебных стадиях и на стадии судебного разбирательства.

Учитывая специфику преступления — незаконный оборот наркотических средств, можно отметить, что данное преступление относится к группе латентных преступлений, поэтому собрать гласными способами сведения о преступной деятельности невозможно. Результаты ОРМ нередко являются первоначальной и единственной информацией по делу. В этой ситуации представленная оперативная информация переводится в процессуальное доказательство. Следователю остается только проверить и оценить информацию по делу, так как собирание доказательств по уголовному делу отсутствовало. Особенность процесса доказывания по данной категории дел заключается в следующем [4, с. 122]:

- этап собирания доказательств как таковой отсутствует, оперативная информация является основой для возбуждения уголовного дела;

- происходит процессуальное закрепление полученной оперативной информации;

- по данной категории дел обязательно изъятие у виновного лица наркотического средства и последующее назначение экспертизы;

- по итогам экспертизы определяется, что изъятая вещь является наркотическим средством, определяется масса вещества для правильной квалификации деяния. По указанной категории уголовных дел результаты ОРМ являются единственным источником, на котором строится обвинение.

Собирание доказательств начинается на стадии возбуждения уголовного дела, где еще на этапе проверки разрешается проводить следственные действия, которые впоследствии будут приобщены к уголовному делу в качестве доказательств. Далее процесс собирания доказательств продолжается на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства. При этом на всех этапах процесса доказывания, доказательства должны отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности (ст. 75 УПК РФ) [5, с. 43].

Также в ходе собирания доказательств следователем, дознавателем запрещается подмена одного следственного действия на другое. Например, вместо обыска в жилом помещении проводится осмотр места происшествия в жилом помещении. В ходе собирания доказательств следователь вправе истребовать от юридических и физических лиц необходимые документы, справки и т.д. На момент составления плана расследования по уголовному делу рекомендуется указать, какие следственные действия требуется выполнить для отыскания доказательств. Собранные по уголовному делу доказательства могут быть реализованы для принятия процессуальных решений только после их обязательной проверки и оценки.

Следующая особенность собирания доказательств по данной категории дел заключается в том, что здесь, практически всегда, используются доказательства в электронной форме (электронные документы, сообщения, видеоизображения в цифровом формате). Лица, участвующие в незаконном обороте наркотических средств, покупают-продают в сети Интернет наркотические средства. Количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых в сети Интернет, ежегодно увеличивается. При этом подобные преступления раскрываются менее, чем наполовину, и это связано со сложностью получения и проверки электронных доказательств. Отсюда пристальное внимание необходимо уделять собиранию электронных доказательств по данной категории уголовных дел. Электронные носители информации, полученные при проведении следственного действия, приобщаются к протоколу следственного действия. Изъятие сведений, содержащихся в электронном формате, выполняется следователем с участием специалиста. Информация в электронном формате оформляется по делу в качестве вещественного доказательства либо иного документа [6, с. 204].

Иллюстрацией сказанного можно привести приговор Н-ского районного суда Рязанской области от 22 сентября 2021 г., где житель г. Н-ска, гражданин С-ов. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ. Судом на основании собранных доказательств было установлено, что гражданин С-ов. через систему почтовых отправок «SMS - доставка» посредством сети Интернет выполнил на интернет-сайте заказ наркотического средства для личного потребления. После чего наркотическое

средство в особо крупном размере поступило в отделение почтовой связи, о чем С-ов. был извещен посредством смс-сообщения. Доказательством виновности С-ов. было признано заключение эксперта, согласно которому в мобильном телефоне С-ов. было обнаружена интернет-ссылка и история заказов наркотических средств. По данной категории уголовных дел электронная информация выступает основным или единственным доказательством виновности лица.

Собирание электронных доказательств осуществляется также путем проведения следственных действий. Специфика электронного доказательства предполагает назначение по этому виду доказательства компьютерной экспертизы, осмотр сайта в сети Интернет осуществляется следователем с участием специалиста. При этом следователь должен знать особенность электронного доказательства, которое состоит в том, что оно легко может быть уничтожено или изменено.

Ошибки, допущенные в процессе собирания доказательств, приводят к вынесению ошибочного судебного решения либо влекут признание подобных доказательств недопустимыми [7, с. 226]. В период собирания доказательств следователь принимает меры к обеспечению сохранности изымаемых наркотических средств, в протоколе следственного действия подробно должно быть описано какое вещество изъято (вес, цвет, состояние вещества, запах, вкус), во что оно упаковано, кто присутствовал при изъятии вещества, куда оно направлено и где будет храниться в качестве вещдока. Основная доказательственная масса по уголовному делу формируется на первоначальном этапе расследования. При этом предел собирания доказательств определяется следователем самостоятельно.

Вывод: таким образом, собирание доказательств способствует формированию доказательственной базы по уголовному делу, является началом процесса доказывания по уголовному делу, полученная информация по делу приобретает процессуальную форму. Собирание доказательств осуществляется путем проведения следственных действий. Собирание доказательств способствует расследованию уголовного дела, привлечению виновных лиц к уголовной ответственности, обеспечивает реализацию прав и свобод участников уголовного процесса. С собиранием доказательств связаны все участники уголовного процесса (поняты, специалисты, свидетели) на досудебных и судебных стадиях. Доказательства должны собираться объективно, беспристрастно.

Назначение собирания доказательств по уголовному делу состоит в процессуальном оформлении информации, имеющей значение для уголовного дела. Накопление доказательств носит ретроспективный характер, т.е. изучаются и документируются факты и события, имевшие место в прошлом.

Пристатейный библиографический список

1. Бочинин С. А. Собирание доказательств в следственных действиях // Актуальные проблемы российского права. - 2011. - № 1. - С. 248.
2. Бородкина Т. Н. Предоставление защитником по уголовному делу доказательства или сведений? // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - № 5. - С. 15. doi: 10.24411/2073-0454-2019-10244.
3. Дейнис Д. В., Воронин С. Э. К вопросу об особенностях доказывания по делам о незаконном обороте наркотических средств // Эпоха науки. - 2018. - № 14. - С. 62.
4. Белов В. А. Особенности собирания доказательств по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2015. - № 3. - С. 122.
5. Бравилова Е. А. Доказательственное значение в уголовном деле предметов и документов, изъятых в ходе осуществления оперативно-разыскной, административной и иных видов деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2017. - № 4. - С. 43.
6. Васюков В. Ф., Семенов Е. А. Некоторые проблемы получения и использования цифровой информации при расследовании уголовных дел // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. - 2016. - № 3-2. - С. 204.
7. Лютинский А. М. О процедуре признания доказательства недопустимым в российском уголовном судопроизводстве // Russian Journal of Education and Psychology. - 2015. - № 7 (51). - С. 226.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-373-374

ПРЫСЬ Евгений Владимирович

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ

В статье рассмотрены вопросы предварительного расследования как важнейшего института по предупреждению преступлений в сфере экономики совершаемых должностными лицами. Определено состояние должностных преступлений в сфере экономики, проанализирована их динамика. Раскрыты особенности правового статуса субъекта преступления и применения к нему специального порядка производства предварительного расследования как меры предупреждения преступлений. Высокая эффективность предварительного расследования, является залогом стабильности в экономике и в целом в развитии государства.

Ключевые слова: меры предупреждения, статус, экономика, преступления, предварительное расследование, должностные лица, общественные отношения.

PRYS Evgeniy Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

PRELIMINARY INVESTIGATION AS THE MOST IMPORTANT MEASURE TO PREVENT ECONOMIC CRIMES COMMITTED BY OFFICIALS

The article discusses the issues of preliminary investigation as the most important institution for the prevention of crimes in the field of prevention of crimes in the field of economics committed by officials. The state of official crimes in the sphere of economy is determined, their dynamics is analyzed. Features of the legal status of the subject of the crime and the application to it of a special procedure for conducting a preliminary investigation as a crime prevention measure. High efficiency of criminal procedural activity, which is the key to stability in the economy and in general in the development of the state.

Keywords: preventive measures, status, economy, crimes, preliminary investigation, officials, public relations.

Прысь Е. В.

Уголовно-процессуальные меры являются важнейшими направлениями государственной политики по предупреждению преступлений, в том числе в сфере экономики, совершенные должностными лицами.

Огромная нагрузка в реализации соответствующей государственной задачи возложена, прежде всего, на правоохранительные органы. «Эхо громких уголовных дел относительно преступно-корыстной деятельности должностных лиц различных уровней, прокатилась не только по стране, но и далеко за её пределами. Таким образом, с невероятно большой скоростью стереотип вседозволенности в нашей стране стал разрушаться [1].

Важность экономики подтверждается историей её развития. Первоначально она определялась «как ведение домашнего хозяйства», со временем, в результате расширения и совершенствования сферы производства, укрепления государства уточнялось и понимание экономики. В IV веке до нашей эры по определению древних мыслителей Кассидона и Аристотеля экономика как понятие состояла из двух уже существовавших в то время слов: «хозяйство» (enes) и «закон» (намаз), то есть хозяйствовать по закону [2]. В большом энциклопедическом словаре говорится: «Экономика — это совокупность общественных отношений в сфере производства, обмена и распределения продукции» [3]. Стало быть, незаконное производство, обмен и распределение продукции является противозаконным. А при наличии существенного вреда преступлением.

Ещё УК РСФСР (1960 года) требовал хозяйствовать по закону, в ином случае в дело вступали статьи главы 6 «Хозяйственные преступления». Глава 22 действующего УК РФ

(1996) является её правопреемницей несмотря на то, что большинство статей изменилось в связи с переходом России от экономики плановой к экономике рыночной. В этой связи законодатель расширил арсенал норм, защищающих экономическое благосостояние населения и государства в целом. Так, законодатель в УК РФ 1996 года поместил Раздел VIII «Преступления в сфере экономики», в которых включил кроме Главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», Главы 23 УК «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и Главу 21 «Преступления против собственности».

Противозаконная экономическая деятельность получила отражение и в литературе. Так, например в современном экономическом и юридическом словарях под редакцией А. Н. Арзилияна говорится: «Экономические преступления - это уголовно наказуемое деяние в сфере материального производства, распределения и потребления товаров и услуг, в том числе связанные с незаконным использованием служебного статуса (хищение, совершенное путем присвоение вверенного имущества, мошенничество, незаконные сделки с валютными ценностями, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, обман потребителей, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения, незаконное предпринимательство в сфере торговли, взяточничества, контрабандой и нарушение таможенного законодательства; преступления, связанные с приватизацией и другие) [4].

Анализируя данную группу преступления А. Я. Гришко пишет: «Типовым объектом всех этих преступлений явля-

ется совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование экономики страны» [5]. Другие авторы справедливо указывают на три составляющие этого объекта: 1) преступления, посягающие на собственность; 2) хозяйственные; 3) предпринимательские преступления. В этой связи Г. К. Мишин пишет, что такой подход обеспечивает широкое комплексное видение экономических преступлений [6]. Надо сказать, что некоторые авторы представляют преступления в сфере экономики ещё шире. Так, О. В. Дмитриев отмечает, что «экономические преступления могут посягать и на экономическую безопасность государства. Более того, защита экономической безопасности государства в принципе должна быть главным приоритетом при конструировании экономических преступлений» [7]. Принципиально важные обстоятельства, имеющие значение как в науке, так и судебной практики определена В. Е. Мельниковой относительно рассматриваемой нами проблемы. Она заключается в том, что преступления в сфере экономики включают в себя группу хозяйственно-должностных преступлений, которые представляют собой «стыковую» область собственно экономической и должностной преступности [8]. Но имеет место взгляды если не противоположные, то наверняка не разделяющие такую точку зрения. Так Кузнецов А. П. полагает, что «значительная часть преступлений против собственности совершается вне сферы экономических отношений, а грабеж, разбой в подавляющем большинстве» [9]. Несмотря на, казалось бы, противоречивые точки зрения ученых по отдельным вопросам рассматриваемой проблемы, мы в целом разделяем их позиции, поскольку каждая из них по-своему верна, при этом как нам представляется необходимо выделить один аспект, который заключается в защите интересов государства, производителя и потребителя от преступных посягательств должностных лиц. Исследование рыночного хозяйства, причин и условий, способствующих его нестабильности, в первую очередь, предопределяет необходимость повышения эффективности имеющихся в разработке новых мер предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых должностными лицами. Поэтому, касаясь понятия экономики, мы предполагаем защищать её, прежде всего от лиц в ней участвующих. Лиц, которые в силу своих должностных обязанностей влияют на её стабильность и развитие.

Надо сказать, что защита чьих-либо интересов это, прежде всего прерогатива (обязанность) государства. Такая защита наряду с иными должна осуществляться уголовно-процессуальными мерами. Поэтому государственная деятельность по защите, прежде всего интересов экономического развития является в нашей стране самым приоритетной. Важнейшую роль в этом играет правоохранительная деятельность, которая и призвана стоять наряду иными государственными интересами на страже законности и созидательного развития экономики в нашей стране. Поэтому не случайно в определенной степени уже в первом десятилетии XXI века произошел перелом положения дел борьбы с преступлениями в сфере экономики. Так значительно уменьшилось количество особо тяжких преступлений, связанных с лишением жизни из корыстных побуждений. Сократился вывоз денежных и материальных ценностей в особо крупных размерах за рубеж. Значительно уменьшилось количество случаев распродажи стратегических объектов, в том числе и вооружения. Практически были сведены к нулю рейдерские захваты. Благодаря деятельности правоохранительных органов были проведены проверки в отношении сделок, связанных с реализацией нефти, газа, торфяных залежей, ископаемых, леса. Стал наводиться порядок в сфере капитального строительства и распределение жилья, в том числе детям сиротам.

Если говорить о предварительном расследовании преступлений в сфере экономики, то предварительное следствие к рассматриваемой нами категории, как правило, при-

водилось в особом порядке, что и предусмотрено УПК РФ. Причём предварительное следствие такого уровня осуществляется следственными органами следственного комитета Российской Федерации. Отдельные из них осуществляется следственными органами МВД РФ, ФСБ РФ и некоторыми другими подразделениями, в том числе осуществляющие дознание (ст. 151 УПК РФ). Таким образом, сегодня в результате применения уголовно-процессуальных мер соответствующими органами удалось добиться стабильности реализации всех без исключения хозяйственно-социальных процессов в нашей стране. Данное обстоятельство позволяет оценить огромный вклад правоохранительных органов по борьбе и предупреждению преступлений в сфере экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Гришко Л. Е., Прысь И. Е. Личность осужденного за экономические преступления: на примере личности осужденного за налоговые преступления // Человек: преступление и наказание. - 2018. - Т. 26 (1-4). - № 4. - С. 470
2. История мировой экономики: Учебник / ВЗФЭИ; Под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. - 3-е изд. - М.: ЮНИТИ, 2010. - С. 29.
3. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая Рос. энцикл.; СПб.: Норинт. 2009. - С. 24.
4. Большой экономический словарь: 22000 терминов / Под ред. А. Н. Азрилияна - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Институт новой экономики, 1999. - С. 34
5. Гришко А. Я. Уголовное право. Учебное пособие. Юрид. Ин-т МВД России. - М., 2001. - С. 54.
6. Проблема экономической преступности: (Опыт междисциплинар. изуч.): Монография / Г. К. Мишин; МВД Рос. Федерации, Всерос. НИИ. - М. ВНИИ МВД., 1994. - С. 79.
7. Дмитриев О. В. Экономическая преступность и противодействие ей в условиях рыночной системы хозяйствования / Отв. ред. М. П. Клейменов. - М.: Юрист, 2005. - С. 34.
8. Мельникова В. Е. Ответственность должностных лиц за преступления в области хозяйственной деятельности // Задачи и средства уголовно-правовой охраны социалистических общественных отношений. Сборник научных трудов. - Изд. ВЮЗИ-М., 1983. - С. 109.
9. Кузнецов А. П. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, место, классификация // Следователь. - 1999. - С. 10.
10. Третьяков Ю. В. Деятельность следователя по предупреждению преступлений в сфере экономики // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2012. - № 4 (18). - С. 80.
11. Кручинина Н. В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в сфере экономики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2017. - № 5. - 76 с.
12. Ищенко Е. П. Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности // Экономическая преступность: проблемы правосудия. - СПб.: Изд-во Политехн. ун-та., 2015. - С. 91-99.

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ЗАДЕРЖАНИЯ И ЛИЧНОГО ОБЫСКА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

В настоящей статье рассматриваются особенности тактики задержания и личного обыска лица при попытке доставки наркотических средств и психотропных веществ на территорию пенитенциарного учреждения. Предложены конкретные тактические приемы задержания заподозренного лица, приемы и тактические рекомендации его личного обыска в ходе раскрытия и расследования преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков в условиях исправительного учреждения.

Ключевые слова: задержание, личный обыск, осужденный, наркотические средства, психотропные вещества, тактический прием, пенитенциарное учреждение.

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF TACTICS OF DETENTION AND PERSONAL SEARCH DURING THE INVESTIGATION OF ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

This article discusses the specifics of the tactics of detention and personal search of a person when trying to deliver narcotic drugs and psychotropic substances to the territory of a penitentiary institution. Specific tactical techniques for detaining a suspected person, techniques and tactical recommendations for his personal search during the disclosure and investigation of a crime related to drug trafficking in a correctional facility are proposed.

Keywords: detention, personal search, convict, narcotic drugs, psychotropic substances, tactical reception, penitentiary institution.

В ходе расследования незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконного приобретения, хранения, перевозки растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ), совершаемого в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, лицо, ведущее это расследование использует различные методы изучения преступного события и действий его участников в целях установления все обстоятельств и истины по уголовному делу. Одним из методов установления этих обстоятельств является задержание и личный обыск подозреваемого в совершении данного преступления. Кроме указанной выше статьи Уголовного кодекса есть еще 5 статей (229-233 УК РФ), предусматривающих ответственность за преступления, связанные с распространением наркотиков. Однако, наиболее часто возбуждаются дела именно по ст. 228 УК, поэтому далее речь пойдет в основном об элементах тактики и методике расследования преступлений, предусмотренных именно этой статьей. Так за 2021 год по ст. 228 ч. 1 было осуждено 32396 человек, что является одним из самых больших показателей в работе судов. Из них направлены в

места лишения свободы 4265 человек. За предыдущий 2020 г. по данной статье было осуждено 31240 человек, из них реальные сроки получило 4201 человека [1, с. 3]. Просматривается очевидный рост преступлений данного вида, что говорит об актуальности рассматриваемого вопроса. Соответственно, спец. контингент учреждений УИС России (осужденных лиц за подобные преступления), по крайней мере, постоянно «обновляется» и требует постоянной «подпитки наркотиками» осужденных. Это не может не сказаться на общей и латентной преступности пенитенциарных преступлений.

Задержание с личным и последующий за ним личный обыск задержанного характерны для уголовных дел, возбуждаемых в связи с задержанием сбытчика с личным и при непосредственном обнаружении признаков преступления органом дознания. Однако есть и другие основания для возбуждения уголовного дела по незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: заявление отдельных лиц, сообщение представителя администрации исправительного учреждения. В таком случае, проведение задержания с личным и личный обыск проводятся, исходя из необходимости проведения первоначальных следственных действий, соотносимо с имеющимися первичными материалами в перспективе расследования.

Назаркин Е. В.

Сулейманов Т. А.

В условиях учреждения, исполняющего наказания, данная ситуация по начальной информации о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ может возникнуть при оперативном установлении лиц, причастных к нему. Также существуют иные основания обнаружения признаков данного преступления и причастных к нему лиц: «случайное» обнаружение администрацией учреждения признаков преступления в ходе режимного обыска; досмотра транспортных средств, идущих в учреждение по производственной необходимости и жизнеобеспечения; досмотра почтовой корреспонденции; обнаружение отделом охраны переброса или иной формы доставки наркотиков на территорию исправительного учреждения; досмотра лиц, входящих на территорию учреждения, а также иные способы доставки наркотиков (квадрокоптера, животные, естественные коммуникации и др.).

В ходе разработки и пресечения преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ первоначальным элементом раскрытия и расследования преступления, становится задержание лиц с поличным. Для этого основополагающим тактическими моментами становится определение места и времени предполагаемого задержания, а также обеспечение при этом документирования процесса задержания во всех деталях происшествя. Особое внимание уделяется распознаванию участвующих лиц и их действия, включая вещественную составляющую преступления. Данное мероприятие предполагает такие тактические приемы, как: широкое использование научно-технических средств фиксации визуальной информации (видеорегистраторы, фототехника), а затем последующий сбор материальной вещественной и следовой составляющей этого процесса. В условиях пенитенциарного учреждения это происходит, например, во время проноса наркотического средства на охраняемую территорию при проходе через КПП, в ходе досмотра проезжающего на территорию транспортного средства, в момент передачи их осужденным в любом доступном и плохо наблюдаемом, с точки зрения осужденных, месте территории исправительного учреждения. Организация и проведение данного мероприятия позволяет выявить лиц, сбывающих наркотики, их связей, также и самих наркозависимых (потребляющих) осужденных.

В ходе задержания с поличным заранее предполагается возможность сбытчика освободиться от наркотиков любым путем. Поэтому фиксация места задержания и последующий его осмотр, позволяет быстро выявить выброшенные предметы, упаковку. Как тактический прием задержания с поличным можно выделить – внимательное наблюдение за поведением задержанного в этот момент времени. При этом обращают внимание на других возможно присутствующих в ходе задержания осужденных, их поведение и действия, возможно причастных к проносу или передачи наркотических средств и психотропных веществ, а также приспособлений для их употребления и хранения в условиях пенитенциарного учреждения.

Незамедлительно после задержания проводится личный обыск задержанного. Эти действия являются, бесспорно, взаимосвязанными. Целями личного обыска, исходя из подозрения на конкретное преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств могут являться: обнаружение и изъятие у задержанного, в его вещах, теле, одежде, носимых предметах, транспортного средства, наркотических средств и психотропных веществ с их упаковкой, зачастую замаскированной под не вызывающего подозрения предметы; средств для употребления и хранения (шприцев, писем с нанесенными на бумагу наркотиками в сухом виде, записок, денег, почтовых корреспонденций и т.п.).

В ходе личного обыска применяется поисковая и аналитическая специальная техника различного назначения и технического использования. К ним относятся наборы реактивов по работе с основными видами наркотиков «Поли-тест», «Наркотест» и аналогичные, которые положительно реагируют на наиболее распространенные наркотики: коноплю, гашиш, марихуану, опий-сырец, соломку мака,

морфин, кодеин, героин, промедол, барбитураты, кокаин, эфедрин, амфетамины, омнопон, ЛСД. Также рекомендовано использование в ходе личного обыска ультрафиолетовых излучателей (осветителей), в том числе для обнаружения тайнописи в рукописях и следов наркотиков химического (синтетического) происхождения, а также переносных газовых анализаторов. Рекомендуется использовать для этой цели также специально дрессированных собак (биодетекторов), сразу при личном обыске лица. В ходе обнаружения, изъятия, осмотра предметов, связанных с наркотиками, необходимо учитывать применение в ходе личного обыска задержанного научно-технических средств для работы с запахами на предметах, с дактилоскопическими следами пальцев рук и ладонных поверхностей на упаковке. Если наркотики переносились в теле человека, то в случае подозрения на данный способ транспортировки, предполагается проведение по отношению к задержанному медицинского освидетельствования, рентгенографии или обычного освидетельствования как следственного осмотра с участием врача-нарколога. Изъятие в ходе личного обыска наркотические средства и психотропные вещества подразумевают в дальнейшем для следствия проведение химической, фармакологической (фармацевтической) и ботанической экспертиз.

В ходе личного обыска желательно участие в нем специалиста-криминалиста – для применения им в процессе задержания видео фотосъемки, поисковых научно-технических средств, предварительного исследования обнаруженных объектов. Желательно, также, возможное участие понятых, которые впоследствии могут опровергнуть утверждения обвиняемых (подсудимых) о «подбросе» наркотиков, наряду с обычным для следствия применением средств документальной фиксации преступления.

Все произведенные органом расследования задержание и личный обыск должны тщательно документироваться в соответствующий протокол с детализацией и приложениями в виде видеоматериалов, фототаблиц, аудиозаписи, изъятых и упакованных предметов, вещей.

Как свидетельствует практика осужденные-сбытчики путем переписки, в том числе через средства мобильной связи, договариваются со сбытчиками, находящимися на свободе о способах доставки и сбыта наркотиков, условных знаках, возможном времени, месте сбыта, лицах, расчета за доставленные средства.

Для обеспечения своевременного обнаружения фактов незаконного оборота наркотиков в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, а также выявления наркозависимых лиц из числа осужденных, необходимо, по нашему мнению, предварительно и параллельно проведенным задержанию и личному обыску, проводить также оперативно-розыскные и режимные мероприятия. Последние направлены на выявление связей сбытчиков и потребителей наркотиков, способов и каналов их проникновения на территорию исправительного учреждения к осужденным.

Подводя краткий итог, отметим, что тактика задержания и личного обыска в ходе расследования незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершаемого в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, имеет свою специфику. Предложены конкретные тактические приемы задержания заподозренного лица, а также приемы и тактические рекомендации его личного обыска в условиях пенитенциарного учреждения. Специфика связана с особым закрытым режимом функционирования пенитенциарного учреждения, постоянной «потребностью» в наркотиках некоторых лиц, отбывающих наказание, характером (видом) режима и складывающихся общественных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.apn-prcss.pf>.

ХАБАРОВА Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета

НИКОЛАЕВА Дарья Юрьевна

магистрант Института государства и права Тюменского государственного университета

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПО «ОБЩЕМУ» ОБРАЗУ

В следственной практике процедура предъявления для опознания вызывает вопросы. Чаще остальных такие вопросы связаны с самим процессом восприятия, поскольку не всем людям удается вербализовать воспринятый ранее объект опознания так, чтобы было возможно выделить отличительные особенности и приметы, по которым в дальнейшем проводится опознание. Нередко сотрудники органов, осуществляющих предварительное расследование, прибегают к процедуре опознания по «общему» образу. В статье анализируются точки зрения исследователей относительно процесса узнавания, возможности проведения опознания в ситуации отсутствия вербального описания на допросе ранее воспринятого объекта, а также способы активизации мыслительных процессов для получения на предшествующем опознанию допросе необходимых и достаточных сведений. Делается вывод о значении сведений, собранных в результате проведения предъявления для опознания по «общему» образу с учетом действующего в Российской Федерации законодательства.

Ключевые слова: опознание, восприятие, узнавание, отождествление, «общий» образ, память, допрос, приметы, словесное описание.

КНАВАРОВА Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

NIKOLAEVA Darya Yurjevna

magister student of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

THE EVIDENTIARY VALUE OF THE PRESENTATION PROCEDURE FOR IDENTIFICATION BY THE «GENERAL» IMAGE

In investigative practice, the procedure for presenting for identification raises questions. More often than others, such questions are related to the process of perception itself, since not all people manage to verbalize the previously perceived object of identification in such a way that it would be possible to highlight the distinctive features and signs by which it will be possible to carry out identification in the future. Often, employees of the bodies conducting preliminary investigations resort to the identification procedure according to a «general» image. The article analyzes the researchers' points of view regarding the process of recognition, the possibility of carrying out identification in the absence of a verbal description during interrogation of a previously perceived object, as well as ways to activate thought processes to obtain necessary and sufficient information during the previous identification interrogation. The conclusion is made about the significance of the information collected as a result of the presentation for identification by the «general» image, taking into account the legislation in force in the Russian Federation.

Keywords: identification, perception, recognition, «general» image, memory, interrogation, signs, verbal description.

Рассматривая процесс узнавания как психофизический процесс человека, можно выделить два вида: сукцессивное узнавание (от лат. «идти в след», преемственность) и симультанное узнавание (от лат. одновременно). Первый вид предполагает поэтапное осуществление опознавательного процесса, то есть субъект воспринимает признаки, свойства, качества, особенности объекта по отдельности, запоминает их и в дальнейшем осуществляет отождествление (сличение) предложенного объекта с ранее воспринятым. Часто такой вид восприятия характерен для образовательной деятельности, когда обучающийся шаг за шагом изучает материал, чтобы сформировать целостную картину о каком-либо предмете или явлении. Второй же вид узнавания, симультанный, предполагает одномоментное отождествление представленного объекта с воспринятым ранее образом. Для такого узнавания характерно схватывание информации целиком, а не в отдельности по каждому признаку. Примером такого

восприятия может служить просмотр рисунков или картин. В этом случае субъект не следует каким-либо правилам при запоминании, не рассматривает объект, например, строго слева направо, поэтапно устанавливая отличительные признаки, он как бы запечатлевает картину одномоментно и целиком.

В ходе установления тождества между объектом, сохранившимся в памяти опознающего, и объектом в ходе проведения процедуры предъявления для опознания, происходит «взаимодействие между следами памяти и поступающими перцептивными сигналами от предъявляемых объектов» [6, с. 39]. Психофизиологическим мыслительным процессом и работе органов чувств человека соответствует одномоментное узнавание по совокупности хранящихся в памяти человека ранее воспринятых признаков, а не по отдельным выделенным признакам. Учитывая такую особенность работы человеческого мозга исследователи отдают предпочте-

Хабарова Е. А.

Николаева Д. Ю.

ние использованию одномоментного узнавания, поскольку «опознавательные ориентиры в отдельности не осознаются опознающим: в сознании происходит слияние конкретного человека или же предмета в один образ-стимул» [9, с. 365].

Одним из этапов проведения процедуры предъявления для опознания является проведение допроса. На данном этапе предстоит выяснить обстоятельства, при которых опознающее лицо могло наблюдать ранее объект опознания, а также приметы или особенности, по которым опознающему удастся опознать предъявляемый объект. Исходя из такого законодательного регламентирования, стоит заключить, что законом установлен именно успешивный вид узнавания, поскольку перед проведением опознания сотруднику, осуществляющему предварительное расследование, требуется выяснить у опознающего лица приметы и особенности воспринятого объекта. Не случайно допрос является одним из самых сложных этапов в процессе предъявления для опознания, поскольку небольшой круг людей, как показывает практика, способен запомнить воспринимаемый объект так, что в результате проведения предшествующего опознанию допроса, у следователя появляется образ объекта опознания с характерными для него признаками, по которым в процессе опознания удастся его выделить среди остальных.

Вызывает интерес с точки зрения правоприменения вывод Т. П. Будяковой о том, что «подробность словесного портрета не находится в прямой взаимосвязи с точностью опознания» [2, с. 33]. Исследователь ошибок, встречающихся при проведении предъявления для опознания, особо отмечает, что не каждый человек может описать вербально воспринятый ранее образ с указанием каких-либо признаков и особенностей, а также описать их специфику, в результате чего ему удалось опознать тот или иной объект.

На допросе возникает проблема, что лицу удалось запечатлеть только самые общие признаки, такие как пол, рост, цвет волос. Возникает справедливый вопрос: достаточно ли таких признаков для проведения качественной процедуры предъявления для опознания? Законодательством не устанавливается какой-либо минимальный или максимальный предел широты описания примет и особенностей воспринятого объекта, однако сотрудники органов, осуществляющих предварительное расследование нередко идут на хитрости, указывая в протоколе опознания, что опознающий субъект узнал представленный объект по дополнительным признакам, ранее не указанным при проведении допроса. Данный факт негативно сказывается на проведенном следственном действии и ставит под сомнение возникновение доказательственного значения такого опознания. Справедливо на этот счет высказался Ю. Г. Корухов: «необходимо не только назвать признаки, по которым лицо способно опознать другое лицо, но и охарактеризовать их так же, как ранее при допросе» [5, с. 27].

Одним из требований, предъявляемых к процедуре предъявления для опознания, а именно к действиям сотрудника, осуществляющего предварительное расследование, является необходимость сопоставления и оценки показаний, данных опознающим в ходе предшествующего проведению предъявления для опознания допроса, с показаниями, полученными уже в ходе проведения предъявления объекта для опознания. В дальнейшем следователю при составлении протокола следственного действия потребуется дословно указать особенности, по которым опознающему субъекту удалось отождествить представленный объект с имеющимся мысленным образом и опознать его в ходе проведения процедуры предъявления для опознания. В случае расхождения этих сведений следственное действие не может считаться проведенным в соответствии с законом, а значит и сведения, собранные по его результатам, не могут быть признаны доказательствами по делу.

Трудности в словесном выражении на предварительном допросе каких-либо признаков, особенностей или примет ранее воспринятого объекта происходят, поскольку выразить и описать отличительные черты объекта сложнее, чем представить его мысленный образ и узнать посредством сличения с предъявленным объектом. Не стоит обходить вниманием также и саму ситуацию, в которой субъект наблюдает объект, чаще – большого душевного и эмоционального волнения в результате совершения преступления. Однако не исключена и обратная ситуация практически равнодушного отношения к совершению преступления и каким-либо признакам объекта ввиду отсутствия внимания к деталям. Совершение преступления против самого опознающего является стрессовой ситуацией и человеческий организм устроен так, что старается забыть или максимально абстрагироваться от произошедшего, поэтому мысленные образы со временем могут утрачиваться, тем более, если между совершением преступления и самим процессом опознания объекта в ходе предварительного расследования проходит значительный промежуток времени. По мнению А. Я. Гинзбурга в ходе проведения предварительного допроса следователю необходимо предпринимать меры по восстановлению ассоциативных связей и активизации мыслительных процессов у допрашиваемого лица как можно скорее, для этого предлагается воспользоваться вспомогательными материалами наглядной демонстрации [3, с. 21]. Однако данное предложение критикуется другими исследователями, поскольку выражаются опасения в возможном замещении или искажении ранее воспринятой информации демонстрационными материалами, которые могут лишь частично совпадать с ранее увиденным объектом [4, с. 41]. Для восстановления ассоциативных связей у лица может потребоваться повторное проведение допроса, поскольку воспоминания могут проявляться постепенно. Также возможна ситуация кратковременной потери памяти ввиду перенапряжения организма или сильного испуга в результате совершенного преступления. Я. М. Мазунин отмечал «встречаются случаи, когда первоначальное воспроизведение, последовавшее сразу после восприятия, оказывается менее полным, чем воспроизведение, отложенное на два - три дня» [7, с. 99], но не стоит забывать о том, что информация со временем может безвозвратно утрачиваться из памяти человека, поэтому к выбору оптимального времени для проведения предварительного допроса и процедуры предъявления для опознания необходимо относиться индивидуально.

В литературе существует две полярно разные точки зрения относительно доказательственного значения проведения опознания по «общему» образу. Первая точка зрения предполагает, что проведение опознания возможно, вторая же точка зрения требует безусловного соблюдения процессуальной формы и утверждает, что собранные в таком случае сведения не могут быть признаны допустимыми доказательствами, даже в случае положительного результата, то есть опознания объекта. Представители второй точки зрения особо подчеркивают, что для соблюдения законности в рамках уголовного процесса важен не только процесс узнавания объекта, но и обязательное соблюдение процессуальной формы, поскольку несоблюдение ведет к нарушению и одновременной утрате возможности получения таким образом доказательства. Исходя из такого понимания сущности уголовного процесса, нельзя не согласиться с А. Я. Гинзбургом: «узнавание хотя и является психологическим актом, но для установления истины в уголовном процессе важен не только результат психической деятельности человека, но и форма, в которой эта деятельность осуществлялась» [3, с. 16]. В поддержку позиции против проведения опознания по «общему» образу и закрепленное положение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) о том, что лицо предъявляется для опознания с лицами по возможности внешне схожими с ним в количестве не менее

трех. Если допустить возможность проведения опознания в ситуации отсутствия описанных особенностей и признаков, а также наличия уверенности, что опознающий узнает объект, то возникает вопрос подбора статистов, похожих на опознаваемого.

По мнению исследователей процедурных проблем опознания, симультанное опознание отвечает психологическим процессам восприятия. Не отрицая возможности сохранения определенного количества информации в актуальном слое и воспроизведения ее на предварительном допросе, ими особо подчеркивается, что иная часть информации о наблюдаемом объекте запечатлевается в скрытом слое, которая во время проведения опознания переходит в актуальный слой, в результате чего происходит отождествление объекта в совокупности по признакам, хранящимся в разных слоях запечатления. Исследователи приходят к выводу, что «неспособность описать предмет не исключает возможности его безошибочного опознания, как и описание объекта не обеспечивает возможности его несомненного опознания» [8, с. 264]. В этой связи сложно признать правильной с точки зрения действующего законодательства позицию Л. Д. Удаловой о том, что «необходимо отказаться от детализированного описания примет на предшествующем проведению опознания допросе, поскольку такая процедура является не основанной на науке» [11, с. 57], поскольку процедура установления тождества для уголовного дела имеет свою специфику, то сотруднику, осуществляющему предварительное расследование, необходимо выяснять и устанавливая признаки и особенности, по которым опознающий смог бы узнать опознаваемый объект. Справедливо на этот счет высказался А. М. Алексеев, указав на то, что «отсутствие зафиксированных в протоколе предъявления для опознания признаков свидетельствует о потере доказательственного значения проведенного предъявления для опознания» [1, с. 118].

Когда перед сотрудником, осуществляющим предварительное расследование, стоит вопрос о целесообразности проведения процедуры предъявления для опознания в ситуации отсутствия описания на предварительном допросе запечатленных при наблюдении примет и особенностей объекта, и уверенности опознающего в том, что он сможет опознать объект, если его увидит, стоит помнить – неопознание в данном случае это не просто отсутствие сведений, которые могут быть признаны доказательствами по делу, а сведения «против». Факт проведения опознания, при котором опознающий не смог опознать представленное лицо будет использоваться самим «неопознанным» и его защитником на всех этапах расследования и дальнейшего судопроизводства.

Исходя из требований УПК РФ на сегодняшний момент, процедура предъявления для опознания может быть возможна лишь в тех случаях, когда на предварительном допросе опознающий называет признаки и особенности воспринятого ранее объекта, по которым возможно установить различия. По данному вопросу категорично высказывалась З. Г. Самошина, указывая, что «процесс узнавания в следственном опознании (путем сравнения наблюдаемого объекта с запечатленным образом) должен сопровождаться созданием словесной или графической модели признаков, на основании которых сделан вывод о тождестве или его отсутствии с тем, чтобы этот вывод мог быть объективно проверен» [10, с. 13]. Такая позиция соответствует нормативно-закрепленным правилам, поскольку проверить достоверность опознания в ситуации отсутствия вербально описанного на допросе образа и уверенности опознающего, что он сможет узнать представленный объект при его предъявлении, очень сложно, а УПК РФ одним из своих назначений указывает защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Подводя итоги следует сказать, что вопрос доказательственного значения предъявления для опознания в ситуации

отсутствия сообщенных на допросе примет и особенностей, но уверенности опознающего в возможности узнать объект, должен решаться однозначно: данная ситуация невозможна в системе действующих норм уголовно-процессуального законодательства. Сведения, которые были получены в процессе осуществления процедуры предъявления для опознания по «общему» образу не могут быть признаны доказательствами и считаться допустимыми для правильного разрешения уголовного дела. В случае возникновения подобных ситуаций следует либо отказаться от проведения процедуры предъявления для опознания, либо использовать приемы активизации мыслительных процессов у опознающего лица для получения на допросе информации о приметах и особенностях воспринятого ранее объекта.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев А. М. Об одном дискуссионном вопросе в теории и практике предъявления для опознания // Труды Высшей школы МВД СССР. М.: НИИРИО МВД СССР, 1972. Вып. 34. С. 116-123.
2. Будякова Т. П. Психологические ошибки при опознании человека по лицу // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 20-39.
3. Гинзбург А. Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике. М., 1996. 122 с.
4. Иванова Л. Ф. Некоторые психологические рекомендации при проведении предъявления для опознания с учетом процессуального статуса опознающего // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право, 2007. № 18 (90). С. 41-45.
5. Корухов Ю. Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде. М., 1968. 30 с.
6. Космодемьянская Е. Е. Криминалистические аспекты предъявления для опознания: теория и практика // Научный компонент. 2019. № 1 (1). С. 34-43.
7. Мазунин Я. М. Особенности тактики допроса, предшествующего предъявлению для опознания // Сибирское юридическое обозрение. 2013. № 2 (21). С. 95-99.
8. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей: учебное пособие. М., 1967. 290 с.
9. Романов В. В. Юридическая психология: Учебник. М.: Юрист, 2002. 488 с.
10. Самошина З. Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М.: Изд-во МГУ, 1976. 90 с.
11. Удалова Л. Д. Тактико-психологические основы предъявления для опознания и достоверность его результатов. М., 2006. 189 с.

ШАМШИНА Ольга Сергеевна

преподаватель кафедры предварительного расследования Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

В статье на основе правовых и теоретических положений, а также практического опыта следственных подразделений рассмотрены особенности производства проверки показаний на месте, а также установлено ее значение в процессе расследования преступлений. Определены проблемы, возникающие при производстве проверки показаний на месте, а также предложены варианты решений путем внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: следователь, следственное действие, проверка показаний на месте, показания.

SHAMSHINA Olga Sergeevna

lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the Educational and Scientific Complex on Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

SOME ASPECTS OF ON-SITE VERIFICATION OF READINGS

In the article, on the basis of legal and theoretical provisions, as well as the practical experience of investigative units, the features of the production of verification of testimony on the spot are considered, and its significance in the process of investigating crimes is also established. The problems arising during the verification of testimony on the spot are identified, and solutions are proposed by introducing amendments and additions to the criminal procedure legislation.

Keywords: investigator, investigative action, verification of testimony on the spot, testimony.

Деятельность следователя и органов дознания по получению доказательств в ходе расследования основывается на сборе информации и выяснению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в частности при производстве следственных действий. При неправильном определении следственных действий органы предварительного расследования могут утратить доказательственное значение полученных результатов.

Одним из значимых фактором в уголовном судопроизводстве является постоянное стремление к минимизации ошибок, в том числе путем совершенствования способов, позволяющих установить истину в процессе расследования. Одним из таких способов, который позволяет установить истину, является доказывание, которое должно производиться, неукоснительно соблюдая требования уголовно-процессуального законодательства.

Несмотря на то, что такое следственное действие, как проверка показаний на месте, появилось с принятием УПК РФ, в уголовном процессе и криминалистике не утихают споры относительно процессуальной регламентации его проведения, а также используемых при этом законодательных формулировок.

Стоит отметить, что с фиксации в УПК РФ указанного следственного действия до настоящего времени ст. 194 УПК РФ не претерпевала изменений, хотя, поправки в уголовно-процессуальный закон вносятся достаточно часто. Можно предположить, что отсутствие внимания к ст. 194 УПК РФ связано с её безупречным изложением в первоначальной разработке, либо может свидетельствовать об отсутствии должного внимания со стороны законодателя.

Обратимся к истории становления проверки показаний на месте, как самостоятельного следственного действия. Так, обращение к историческому опыту становления рассматриваемого следственного действия может стать катализатором

к его правильному пониманию, а также к его ещё большему эффективному применению при расследовании преступлений.

Так, до принятия УПК РФ, рассматриваемое следственное действие проводилось, как «допрос на местности»; «осмотр места происшествия с допросом»; «проверочный выход».

В учебнике «Криминалистика», изданном в 1959 году в данное следственное действие именуется «выезд (выход) на место происшествия». Со временем, упоминаемое в учебнике следственное действие, заключаемое в выезде на место для того, чтобы проверить и уяснить обстановку, начинает именоваться «воспроизведением показаний».

Так, начали возникать споры о самостоятельности данного следственного действия, еще до его законодательного закрепления, ввиду того, что подозреваемый давал признательные показания, а в последующем его доставляли на место, где эти показания он повторял, что отражалось в протоколе рассматриваемого следственного действия и позволяло следователю «дважды» записать данные показания в обвинительное заключение.

Автор в данном вопросе солидаризирует Е. В. Горкиной, которая отмечает несомненную практическую значимость проверки показаний на месте, отмечая, что «исключительно в рамках рассматриваемого следственного действия можно решить ряд задач: установить осведомленность лица о совершенном преступлении (месте, обстановке, совершенных действиях); составить полное представление о пути следования к месту совершения преступления и самом месте преступления (его точное местонахождение, обстановка)» [1].

Стоит отметить, по результатам проведенного анкетирования следователей СУ УМВД России по г. Волжскому проверка показаний на месте ими проводится в ходе расследования 90 % преступлений, в том числе не исключением

становятся производством данного следственного действия по указанию должностных лиц, осуществляющих контроль и надзор за их деятельностью.

Вместе с тем, несмотря на высокую востребованность данного следственного действия, в судебно-следственной практике нередко допускаются ошибки при его производстве.

Одной из таковых является неверный выбор следственного действия. Например, следователь произвел со свидетелем по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, следственный эксперимент, где последний воспроизводил показания данные им в ходе допроса, уточняя их на месте, что свидетельствует о фактическом проведении проверки показаний на месте, которая регулируется ст. 194 УПК РФ и отличается от следственного эксперимента, что свидетельствует о подмене доказательств [2].

В данной ситуации следователь не выявлял возможность наступления определенных последствий, как результат действий конкретного лица, а получал информацию о знаниях этого лица о расположении конкретного места.

Следственный эксперимент, в свою очередь, возможно провести, если имеются возможности создать условия и обстановку максимально схожую с теми, в которых имели место произошедшие события. Полученный в процессе производства эксперимента результат будет означать доказательство в рамках расследуемого уголовного дела.

Проверка показаний может быть проведена только в определенном месте, где лицо, чьи показания проверяются, может перемещаться в пространстве. А именно, на месте происшествия, где происходит проверка показаний, полученных на допросе, что дает возможность провести наглядное исследование событий преступления следователю.

На такое различие указанных следственных действий обращали внимание Е. Г. Огородникова, К. А. Трифонова, отмечая единство двух рассматриваемых действий в следующем: проводятся после возбужденного уголовного дела, ориентируются на проверку информации, а различия: в целях, задачах, психологическом критерии и тактических особенностях [3].

Кроме того, если речь идет о проверке показаний подозреваемого (обвиняемого), совершившего кражу из жилого помещения (например, квартиры, дома и т.д.), может возникнуть проблема, когда лица, проживающие в нем, выскажут несогласие с производством такого следственного действия. В следственной практике данное следственное действие будет проводится до входной двери в указанное жилое помещение. Решением данной проблемы видится дополнение ч. 5 ст. 194 УПК разрешением производства проверки показаний в жилище на основании вынесенного судом постановления о производстве данного следственного действия по ходатайству следователя, без получения от проживающих в нем лиц согласия на ее производство.

Также, важно отметить, что проводить проверку показаний на месте следует как можно быстрее, после того как обвиняемый согласился на участие в ней, потому что, немного повременив с этим, обвиняемый может отказаться от ранее данного согласия. Так возникает следующая проблема, обусловленная законодательной нерешенностью вопроса о производстве данного следственного действия в ночное время. Решением данной проблемы видится дополнение ст. 194 УПК разрешением производства проверки показаний на

месте после 22 часов, в случае согласия лица, чьи показания будут проверяться.

К тому же, при производстве данного следственного действия могут быть обнаружены предметы, имеющие значение для дела. Так на сегодняшний день нет единого подхода к изъятию указанного.

Так в ходе изучения следственной практики установлено, что в ряде случаев указанные предметы, следы и документы изымаются в ходе проверки показаний на месте, что отражается в протоколе.

Кроме того также не исключены случаи производства ряда других следственных действий по изъятию указанного, таких как, разные виды осмотров, выемка. Однако для того, чтобы произвести какое-либо следственное действие, необходимо завершить проверку показаний на месте, на что потребуются время, а возможно и удаление от места обнаружения указанного, что не гарантирует сохранность данных предметов. Другой вариант, возможно, потребует приостановить проверку показаний на месте и произвести следственное действие по изъятию обнаруженного. Целесообразным видится изъятие обнаруженного в ходе проверки показаний на месте с подробной фиксацией данного факта в протоколе указанного следственного действия, а именно, фиксацией точного места обнаружения, индивидуальных признаков предмета, а также во что он был упакован. Думается необходимым дополнить ст. 194 УПК возможностью изъятия обнаруженных в ходе ее проведения предметов.

Таким образом, проверка показаний на месте сложное следственное действие, играющее большую роль в ходе предварительного расследования, обладающее широким комплексом возможностей, которые присущи только данному следственному действию, в то же время, не лишённое проблем, связанных с правовым регулированием и проблем организационного характера.

Пристатейный библиографический список

1. Горкина Е. В. Проверка показаний на месте: нерешенные проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 3 (46). – С. 121-126. – DOI 10.25724/VAMVD.DCDE.
2. Апелляционное постановление Белгородского областного суда № 22-1489/2020 от 23 декабря 2020 г. // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/uTMJwQlzQ3YO/?regular-txt=®ular-case_doc=22-1489%2F2020+®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=20®ular-area=1022®ular-court=®ular-judge=&_id=1668662574951 (дата обращения: 05.11.2022).
3. Огородникова Е. Г., Трифонова К. А. Следственный эксперимент: криминалистический, психологический и уголовно-процессуальный аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 2 (41). – С. 90-95.

ШМАТОВ Виталий Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации следственной работы Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы уголовно-процессуальных отношений следователя и органа дознания, его лидерства при взаимодействии, причины и условия взаимодействия, проведен анализ мнений и точек зрения сотрудников правоохранительных органов по вопросам и проблемам связанных с указанной тематикой.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, оперативный сотрудник, орган дознания.

SHMATOV Vitaliy Mikhailovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Management of investigative activities sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Preliminary Investigation in The Internal Affairs of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ON SOME ASPECTS OF THE CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS OF THE INVESTIGATOR AND THE BODY OF INQUIRY

The article deals with the issues of criminal procedural relations between the investigator and the body of inquiry, his leadership in interaction, the reasons and conditions of interaction, the analysis of opinions and points of view of law enforcement officers on issues and problems related to this topic.

Keywords: interaction, investigator, operative, body of inquiry.

Взаимодействие следователя МВД с оперативными работниками полиции при раскрытии и расследовании преступлений есть частный (для общества) момент совместной групповой деятельности. Многие работники дознания не уяснили себе до конца, что следственный аппарат в системе органов внутренних дел обладает самостоятельностью в основных, главных вопросах своей деятельности, что свою деятельность следователи МВД осуществляют только на основе уголовно-процессуального закона, регламентирующего порядок производства предварительного следствия, отличаясь этим от других работников органов внутренних дел. Характерно, что при взаимодействии со следователями прокуратуры оперативные работники (равно как и другие работники органов дознания) не предпринимают каких-либо попыток оспаривать их официальное лидерство, хотя и следователи прокуратуры, и следователи МВД наделены одними и теми же процессуальными полномочиями.

Такому отношению к следователям МВД способствует и то обстоятельство, что следственные аппараты являются структурными подразделениями в органах внутренних дел со всеми вытекающими отсюда последствиями (например, подчинение руководителю органа внутренних дел в порядке уставов и положений). Следователь МВД носит полицейскую форму, пользуется полномочиями, прерогативами и льготами сотрудников полиции, выполняет их обязанности, выступает как представитель власти. Поэтому вольно или невольно оперативные работники начинают смотреть на следователя как на обычного работника полиции.

Имеется немало оперативных работников, которые при взаимодействии формально не оспаривают лидерство следователя. Однако, не уважая его по каким-либо причинам или не считая достаточно авторитетным для себя, они практически игнорируют указания и рекомендации следователя, действуют, как считают нужным.

С точки зрения оперативных работников, при взаимодействии следователь прежде всего должен быть не официальным, а фактическим лидером. Неофициальный лидер пользуется авторитетом и влиянием не в силу должностного положения, а вследствие своих качеств сугубо личного свойства. К сожалению, очень многие следователи таковыми для оперативных работников не являются.

К числу причин, по мнению оперативных работников, следует отнести: слабую подготовку многих следователей как специалистов своего дела; отсутствие у некоторых из них профессионально важных для взаимодействия личностных качеств; наличие личностных ярко выраженных отрицательных психологических свойств; отношение к следователю как к «писарю», «фиксатору» результатов деятельности оперативных работников, многие из которых считают, что именно им принадлежит решающая роль в борьбе с преступностью; нежелание быть в роли «ведомого», стремление строить свои отношения со следователем в процессе взаимодействия только на паритетных началах; минимальную личную практику взаимодействия с данным следователем и влияние уже сложившихся о нем оценочных суждений других оперативных работников.

Следователи же дополнительными причинами непризнания их неофициального лидерства во всех случаях взаимодействия считают: большой профессиональный опыт многих оперативных работников, хорошее знание ими специфики местных условий, обычаев и традиций; непонимание отдельными руководителями органов роли и места следственного аппарата в системе органов внутренних дел, а также неправильное отношение с их стороны к следователям вообще и к данному следователю в частности.

Таковы основные причины, в силу которых многие следователи не всегда могут выступать в роли неофициальных лидеров при взаимодействии. Значение и влияние этих причин не равнозначно. Несомненно и то, что оценочные суж-

дения оперативных работников о возможностях того или иного следователя быть неофициальным лидером во многом субъективны. Не исключены и элементы самоуничтожения со стороны следователей в оценке своей роли в процессуальных отношениях с органами дознания и т. п. Но нельзя не признать и того, что еще многие следователи в силу тех или иных причин действительно не могут быть неофициальными (фактическими) лидерами в процессе взаимодействия, хотя и обязаны быть таковыми.

Если следователь обладает хорошими правовыми знаниями и высокой профессиональной квалификацией, коммуникативен, в общении не вызывает отрицательных реакций, хорошо понимает задачи уголовного судопроизводства вообще и те или иные задачи взаимодействия в частности, видит пути их достижения, он всегда пользуется авторитетом у оперативных работников, его официальное лидерство никогда не оспаривается.

Конечно, быть одновременно официальным и неофициальным лидером не легко и даже не всегда возможно. Этому в значительной мере препятствуют причины объективного и субъективного порядка, о которых говорилось выше. Но в преодолении и устранении этих причин многое зависит и от самого следователя. Это прежде всего постоянное совершенствование профессионального мастерства, повышение уровня специальных знаний и общей культуры, стремление к самовоспитанию, выработке профессионально важных качеств, добросовестное отношение к исполнению служебного долга.

На практике нередко можно встретить молодых следователей с небольшим стажем следственной работы, но уже сумевших завоевать большой авторитет у оперативных работников. С такими следователями они взаимодействуют охотно, не оспаривают их официальное лидерство и в большинстве случаев признают неофициальными лидерами.

Касаясь причин субъективного порядка, нужно особо отметить неправильный взгляд многих оперативных работников на следователя как на «писаря», «фиксатора» результатов их деятельности. В основе этого ошибочного мнения лежит незнание специфики следственной работы, недооценка значения удостоверительной деятельности следователя.

Никак не согласуется с положением женщины в нашем обществе упорное нежелание некоторых оперативных работников признавать неофициальное лидерство следователя только по признакам пола. Скорее всего это можно объяснить их недостаточной общей культурой, все еще бытующим кое-где мнением о якобы интеллектуальном превосходстве мужчины над женщиной, ошибочным представлением о профессии следователя как чисто мужской. В следственных аппаратах органов внутренних дел работают немало женщин, которые зарекомендовали себя высококвалифицированными специалистами, успешно расследующими дела любой категории и сложности.

Авторитет обуславливается и тем общественным мнением, которое господствует в коллективе при оценке тех или иных личных качеств. Причем это мнение может быть и неправильным. Неправильно могут оценивать те или иные личностные свойства и качества следователя, когда, скажем, недобросовестные оперативные работники и даже отдельные руководители горрайоргана внутренних дел не встречают «должного понимания» с его стороны. Такого следователя начинают упрекать в том, что он не «болеет» за хорошие показатели в работе горрайоргана внутренних дел, что ему безразличны «общественные интересы» и т. п. К сожалению, не

всегда в этих случаях следователь находит поддержку у своего непосредственного начальника. В результате о следователе может сложиться неправильное мнение, сквозь призму которого и начинают оценивать его возможности и достоинства.

Уступая фактическое лидерство на какое-то время в той или иной ситуации взаимодействия, следователь не перестает быть официальным (номинальным) лидером и сохраняет за собой право окончательного решения. Конечно, в условиях экстремальной ситуации реализовать это право ему трудно в силу быстротечности происходящего, да и психологически он не всегда к этому готов. Но подобные экстремальные ситуации в условиях взаимодействия не столь уж часты. Большинство ситуаций, когда следователь сознательно уступает лидерство оперативному работнику, характеризуется относительной длительностью протекания во времени, вполне достаточного для того, чтобы он мог прийти к выводу о разумности и целесообразности такого решения, а при необходимости и пересмотреть его.

Сохраняя право окончательного решения, следователь обязан поддерживать оперативного работника как ситуативного (фактического на данный момент) лидера и особенно, если имеются другие участники взаимодействия. Такая позиция определяется тем, что оперативный работник проявляет свои способности и качества не только и не столько для себя лично, сколько для общего дела, для успешного раскрытия и расследования преступления. После выполнения своей роли ситуативного лидера он вновь уступает фактическое лидерство следователю. Поступая таким образом, следователь авторитета своего не роняет. Наоборот, его психологическое влияние на участников взаимодействия усиливается, не возникает и конфликтов. Главное же заключается в том, что повышается эффективность взаимодействия.

Если оперативный работник после выполнения роли ситуативного лидера пытается остаться в этой роли (помимо воли и желания следователя), то неизбежны конфликты, отрицательно сказывающиеся на взаимодействии.

Можно выделить наиболее типичные причины, в силу которых неофициальное фактическое лидерство с ведома и согласия следователя переходит на время к оперативному работнику. Такими причинами являются: незнание или слабое знание следователем специфики оперативно-розыскной деятельности, от правильного и умелого использования результатов которой зависит решение той или иной задачи взаимодействия; более глубокое знание оперативным работником обстоятельств совершения преступления и оперативно-розыскных данных, подлежащих реализации в судебные доказательства; его большая компетентность в вопросах, знание которых необходимо при расследовании уголовного дела (в бухгалтерском деле, технологии производства, технике и т. п.); имеющийся у него практический опыт поведения в подобных ситуациях взаимодействия; хорошее знание специфики местных условий, обычаев и традиций; превосходство над следователем в эмоционально-волевой сфере (эмоциональной устойчивости, самообладании, инициативности, решительности и др.); превосходство в интеллектуальной сфере (способности разрабатывать комбинации, глубине рефлексии, находчивости, наблюдательности и др.); более ярко выраженные коммуникативные и организаторские способности; более высокая работоспособность; большая разница в возрасте и более высокое специальное звание; соображения субординации при взаимодействии с кем-либо из руководителей отраслевых оперативных служб.

ШУВАЛОВ Дмитрий Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ПРИ ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Рассмотрены исследовательские подходы к отношениям, складывающиеся между следователем и участвующим в производстве следственного действия лицом. Раскрыто криминалистическое содержание различных форм противодействия расследованию.

Ключевые слова: конфликт, ситуация, расследование, общение, следователь, посягательство, противодействие, свидетель, потерпевший.

SHUVALOV Dmitriy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Organization of investigative work sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

TO THE QUESTION OF INTEGRATION OF CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTIC KNOWLEDGE DURING THE INVESTIGATION

Research approaches to the relations between the investigator and the person participating in the production of the investigative action are considered. The forensic content of various forms of counteraction to the investigation is revealed.

Keywords: conflict, situation, investigation, communication, investigator, encroachment, opposition, witness, victim.

Отношения, складывающиеся между следователем и участвующим в производстве следственного действия лицом, могут быть рассмотрены с различных точек зрения. В науке образовалось два исследовательских подхода: формально-правовой (он же уголовно-процессуальный) и криминалистический, с которым смыкаются судебно-психологические исследования.

Разнообразие аспектов расширяет исследовательский кругозор, создает возможность для всестороннего ознакомления с чрезвычайно сложной областью человеческих отношений. Вместе с тем нужно обратить внимание и на то, что обогащение наших представлений о взаимоотношениях следователя с участвующими в деле лицами за счет неюридических знаний таит в себе опасность абстрагирования от первоначальной сущности рассматриваемого явления. Имеется в виду правовая природа отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в процессе уголовного судопроизводства.

Анализ следственно-судебной практики показывает, что самым распространенным следственным действием является допрос. Именно здесь следователь проявляет себя как участник общения. Неудивительно, что рекомендации, относящиеся к тактике допроса, составляют, объемный раздел криминалистической тактики. Криминалистические положения щедро пополняются психологическими знаниями. Допрос все больше рассматривается как разновидность общения. Меняется ли от этого сущность допроса? Конечно, нет. Допрос был и остается выражением уголовно-процессуального правоотношения.

В криминалистической науке юридическая сущность допроса уходит на второй план. Происходит это потому, что широко используемые в криминалистике социально-психологические знания, особенно из области межличностных отношений, не всегда соотносятся с принципиальными положениями уголовно-процессуального законодательства. В большей степени сказанное распространяется на судебно-

психологические воззрения, но последние, относятся к криминалистическим образованиям. Речь идет о психологическом контакте и конфликте, психологическом воздействии.

Психологический контакт — важная категория. Психологический контакт между следователем и допрашиваемым возникает вследствие деятельности следователя направленной на эмоциональное расположение допрашиваемого к взаимодействию, а результатом данных действий является желание допрашиваемого давать искренние и правдивые показания. Психологической, сущностью подобного взаимодействия является эмоциональная близость между людьми, основанная на взаимном расположении. Имеется в виду эмоциональный контакт.

Однако для описания делового взаимоотношения следователя с допрашиваемым недостаточно оперировать единственным понятием психологического контакта, как бы широко оно ни истолковывалось. Психологический контакт — это всегда дело личное, результат более или менее свободного выбора, тогда как в отношениях, образующих допрос, нужно видеть прежде всего их общественный, юридический характер. Именно поэтому законодатель полагается не на психологические, а на юридические гарантии выполнения задач уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальным законом расследование преступления понимается как согласованная деятельность следователя и участвующих в деле лиц: каждый четко выполняет свои юридические права и обязанности, уголовный процесс развивается неуклонно — от результатов к результатам. Возможность перехода от одного этапа к другому в этом процессе обуславливается «наличием достаточных оснований», под которыми закон подразумевает общественно значимую, юридическую мотивацию и, тем самым, обеспечивает независимость принятых решений от личностного усмотрения следователя.

В правовых отношениях, как известно, существует независимая от психологического выбора, заранее упорядоченная согласованность действий — взаимное следование сво-

им правам и обязанностям. Умения и навыки следователя, основанные на знании психологических закономерностей, по праву занимают большое место в общей структуре следственной деятельности и во многом способствуют ее успеху, однако оцениваться они должны лишь в зависимости от объективных условий, регулирующих эту деятельность. Думается, учение о психологической согласованности действий участников уголовного процесса должно развиваться не в плане подмены понятия правоотношения, а в плане его объяснения, подобно тому, как объясняют действие общих закономерностей применительно к частным случаям.

Психологический контакт, понимаемый нами как один из тактических приемов допроса, выражает реальное криминалистическое явление. Разновидности психологического контакта, его закономерности всегда будут вызывать интерес у юристов. Иным представляется нам развитие учения о конфликтных ситуациях в работе следователя. Будет признана, надо надеяться, бесполезность механистического заимствования понятий о конфликтах из математической теории игр и из социальной психологии, куда они некогда также были перенесены вместе с мотивационной концепцией конфликта. Согласно этой концепции, возникновение конфликта обусловлено осознанной несовместимостью индивидуальных намерений и интересов противоборствующих сторон. Искусственность таких моделей сразу обращает на себя внимание, как только их применяют по отношению к следственной тактике.

Следственной деятельности, по нашему мнению, свойственна другая зависимость отношений — сопротивление и противодействие заинтересованных лиц. В криминалистической теории до сих пор нет собственной интерпретации понятия заинтересованных лиц, какого-либо единого представления о формах и видах противодействия расследованию. В рамках данного подхода найдут применение и те рекомендации, которые разрабатывались для действия следователя в конфликтных ситуациях.

Можно сказать, что буквально по каждому уголовному делу проходят лица, заинтересованные в неудаче расследования или в исходе дела вообще. Заинтересованными лицами, помимо обвиняемых и подозреваемых на наш взгляд, нужно считать и таких лиц, которые, привлекаясь для участия в деле в качестве свидетелей, понятых, экспертов, переводчиков, специалистов, и по каким-либо причинам не желающих быть добросовестными участниками уголовного процесса. Какими бы ни были побуждения и мотивы лиц, не желающих участвовать в расследованиях, все они составляют особый вид заинтересованности — прямая заинтересованность в уклонении от участия в уголовном процессе и опосредованная заинтересованность в достижении следователем целей расследования преступления.

Анализ следственной практики показывает, что различного рода попытки учинить прямо или косвенно препятствие быстрому и объективному расследованию проявляются в формах активного или пассивного, открытого или тайного противодействия. Видами противодействия, как правило, являются: уклонение, сопротивление, препятствование, склонение, принуждение, посягательство. В рамках обучения студентов будущего следователя нужно готовить не к единоборству в конфликте (что было бы принципиально неверно), а к тому, чтобы он был способен предвидеть, предотвращать и преодолевать противодействующие поступки. Некоторые из этих поступков при всем желании не

назовешь конфликтными отношениями со следователем, поскольку они представляют собой меры, предпринимаемые по отношению к другому лицу (потерпевшему, свидетелю, подозреваемому, обвиняемому, эксперту, специалисту, переводчику). Такими мерами, осуществляемыми в тайне от следователя, могут быть: склонение (подкуп, уговор, обещание каких-то благ, дезинформация), принуждение (все возможные угрозы, запугивания), посягательство (активные действия, выражающиеся в насилии, вымогательстве, клевете, провокациях). Из этого видно, что психологическими понятиями о конфликтном общении нельзя охватить разнообразие путей и способов возможного противодействия следственным органам со стороны заинтересованных лиц. Необходимо учитывать также, что заинтересованные лица вступают фактически не в межличностный, а в социальный конфликт. Последний же не может быть полностью описан с помощью психологических категорий: враждебность, агрессия не всегда присутствуют в социальном конфликте. Более того, психологические проявления противодействия могут тщательно маскироваться.

Нужна, очевидно, своя, юридическая теория, признающая и объясняющая возможность антиобщественного поведения в русле уголовно-процессуальных правоотношений. Это лишь часть проблемы, объединяющей нерешенные вопросы реализации уголовно-процессуальных отношений при производстве следственных действий. Актуальность и сложность данной проблемы требуют комплексного подхода, определенной интеграции уголовно-процессуальных и криминалистических знаний. Одной из главных задач, стоящих перед этими науками, является, на наш взгляд, дальнейшее развитие и изучение категории «психологическое воздействие» при производстве отдельных следственных действий, критериев допустимости и не допустимости того или иного вида психологического воздействия на участников уголовного судопроизводства со стороны лиц участвующих в расследовании.

Общение следователя, прокурора, суда с иными участниками уголовного судопроизводства, конечно же, подчиняется невидимым законам психической жизни, однако во внешнем своем проявлении оно всегда воспринимается как праворазъяснительная и правоприменительная деятельность. Применение термина «психологическое воздействие» обедняет эту работу, визуально снижает ее значимость и искажает ее смысл. Это равнозначно тому, если бы несение государственной службы, например, передоверили частному лицу или неофициальной организации.

Как и в случае с «психологическим контактом», развитие учения о психологическом воздействии постоянно происходило как бы в стороне от уголовно-процессуальной науки, вне должной связи с юридическими положениями, понятиями и представлениями об активной роли следователя в расследовании преступления.

Представляется бесспорным, что активность следователя, понимаемая сегодня учеными в области уголовно-процессуального права и криминалистами как воздействие (процессуальное и тактическое), вытекает из задач правового регулирования отношений, реально складывающихся в процессе выполнения следственных действий. Однако психологический аспект воздействия (психологическое воздействие) следователя, прокурора, суда на иных участников уголовного судопроизводства не имеет, на наш взгляд, значения самостоятельного регулятора процессуальных отношений.

АСКЕРХАНОВА Диана Юсуповна

магистрант 2 года обучения Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

КУХТЯЕВА Елена Алексеевна

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ НА СТАДИИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Важность права на апелляционное обжалование в российском уголовном процессе обусловлена сущностью апелляции – возможностью полного пересмотра уголовного дела как по фактическим, так и правовым основаниям, что позволяет суду апелляционной инстанции выявить и устранить любую ошибку, допущенную при разбирательстве дела в суде первой инстанции.

Данные судебной статистики свидетельствуют о том, что несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела в период 2015-2020 годов послужило основанием к отмене обвинительных приговоров в апелляционном порядке в среднем в 37 % случаях, то есть каждый третий отмененный приговор содержал в себе ошибку именно в вопросах факта

Ключевые слова: апелляционное производство, суд первой инстанции, апелляция, кассация.

ASKERKHANOVA Diana Yusupovna

magister student of the 2nd year of study of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

KUKHTYAEVA Elena Alexeevna

senior lecturer of Criminal law and process sub-faculty of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

THEORETICAL FOUNDATIONS OF ENSURING THE RIGHT TO DEFENSE AT THE STAGE OF APPEAL PROCEEDINGS

The importance of the right to appeal in the Russian criminal process is due to the essence of the appeal – the possibility of a full review of the criminal case on both factual and legal grounds, which allows the court of appeal to identify and eliminate any mistake made during the trial of the case in the court of first instance.

Judicial statistics show that the inconsistency of the court's conclusions set out in the verdict with the actual circumstances of the criminal case in the period 2015-2020 served as the basis for the cancellation of convictions on appeal in an average of 37 % of cases, that is, every third canceled sentence contained an error in matters of fact

Keywords: appeal proceedings, court of first instance, appeal, cassation.

Одной из необходимых составляющих успешного управления правосудия является право обвиняемого на защиту, так как это позволяет минимизировать ошибки при судопроизводстве. Уголовный процесс наделяет обвиняемого широким кругом прав и обязанностей для осуществления защиты по уголовным делам. Но несмотря на это в уголовном процессе сохраняется возможность вынесения не законных, не обоснованных и не справедливых судебных решений.

Впервые, право на обжалование судебного решения суда первой инстанции было закреплено в Указе от 23 июля 1672 года [1, с. 47]. Однако апелляция, как процедура обжалования судебного решения и право обвиняемого закрепились лишь в результате судебной реформы 1864 года [2, с. 83-87].

Интересно отметить, что в соответствии с положениями ст. 882 УУС 1864 года участие защитника являлось обязательным при апелляционном рассмотрении уголовного дела в общих судебных установлениях: «Подсудимому, не избрав-

шему себе защитника, он назначается председателем палаты» [3, с. 85].

Отметим, что субъекты апелляционного обжалования определены в ст. 145-146 и ст. 856-861 УУС 1864 года. УУС устанавливал, что правом подачи апелляционной жалобы на приговор суда обладали подсудимый, частный обвинитель, прокурор, гражданский истец, иные лица, на которых обращено возмещение вознаграждения за причиненные преступлением или проступком вред и убытки, а также законные представители.

Таким образом, можно констатировать, что «введенный УУС 1864 года состязательный процесс установил институт судебного пересмотра на основе личной инициативы сторон. Начало ревизионное сменилось началом жалобы» [4, с. 15].

В таком виде апелляция просуществовала до 1917 года. 24 ноября 1917 года был принят Декрет о Суде № 1, в соответствии с которым апелляция была упразднена. Ей на смену пришла новая советская форма обжалования решений

Аскерханова Д. Ю.

Кухтяева Е. А.

– кассационная. Была создана смешанная форма проверки законности и обоснованности приговоров, не вступивших в законную силу, по письменным материалам дела, без возможности исследования новых доказательств и возможности вынесения нового приговора. [4, с. 15].

Статья 349 УПК РСФСР 1923 года устанавливала, что жалобы на приговоры народного суда могли быть принесены каждой из заинтересованных сторон. Прокурор уполномочивался приносить кассационные протесты по поводу нарушения прав и интересов всех участвующих в процессе сторон. В кассационном порядке допускалось обжалование только по поводу формального нарушения прав и интересов. При этом при подаче жалобы в ВС РСФСР УПЗ не предусматривал обязательно извещение участников о времени и дате пересмотра, что конечно же нарушало право участников на защиту.

Новый УПК 1960 года уже детально регламентировал кассационный порядок обжалования. А уже УПК 2001 года, предусмотрел две формы ординарного обжалования судебных решений – апелляционную и кассационную. Ст. 354 УПК предусматривала, что решения, не вступившие в законную силу, могут быть обжалованы, как в апелляционном порядке, так и в кассационном.

По данным Судебного Департамента ВС по РД за 2019-2021 годы в апелляционном порядке было отменено или изменено 1596 приговоров что составляет 24 % обжалованных приговор суда первой инстанции¹.

Право апелляционного обжалования выступает в качестве дополнительной возможность реализации прав и законных интересов осужденного. Важность апелляционного обжалования обуславливает сущность апелляции. Возможность пересмотра уголовного дела, выявление и устранение ошибок, допущенных при разбирательстве дела в 1 инстанции и реализации конституционного права на защиту.

Как отмечает В. Ю. Мельников, правовая норма без наличия механизма обеспечения и реализации представляет собой безжизненное и бесполезное правило поведения, носящее только декларативный характер [5, с. 88].

Для начала разберемся с субъектным составом обеспечения обвиняемому права на защиту в стадии апелляционного обжалования. Это суды первой и апелляционной инстанции. Из всего перечня можно выделить:

- меры обеспечительного характера, возложенные на суд первой инстанции;
- меры обеспечительного характера, возложенные на суд апелляционной инстанции;
- меры обеспечительного характера, возложенные как на суд первой, так и на суд апелляционной инстанции.

При чем, необходимо помнить, что часть таких мер суды как первой, так и апелляционной инстанции должны принимать в силу императивного указания УПК РФ, а часть в силу ходатайств обвиняемого или его защитника. Таким образом, обеспечительные меры можно подразделить на

- императивные
- диспозитивные.

Такое деление обусловлено состязательностью процесса, поэтому большинство мер, применяются при наличии волеизъявления сторон.

Рассмотрение уголовного дела в суде апелляционной инстанции трансформирует право обвиняемого на защиту.

Это связано с предметом и пределами разбирательства суда апелляционной инстанции. Ст. 389.9 УПК РФ определяет предмет судебного разбирательства – законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции.

Как отмечает С. А. Трухин, «законность приговора представляет собой соблюдение норм уголовно-процессуального закона при производстве по делу (как в судебной, так и на досудебной стадии), а также соблюдение норм уголовного (материального) закона» [6, с. 23].

Ст. 6 УПК РФ определяет понятие законности. Согласно с С. А. Трухиным, что помимо законности, обоснованности и справедливости приговора суда первой инстанции предметом апелляционного судебного разбирательства могут факультативно выступать и новые обстоятельства, отсутствовавшие в суде первой инстанции, существенно влияющие на решение предусмотренных ст. 299 УПК РФ вопросов об уголовной ответственности подсудимого, о назначении наказания либо освобождении от уголовной ответственности или наказания [6, с. 53].

Подведем итог – права обвиняемого на защиту на этапе апелляционного производства по уголовному делу – это установленная уголовно-процессуальным законом совокупность правовых предписаний и требований, которые должны выполнять участники уголовного процесса в правоотношениях, возникающих при реализации обвиняемым конкретных правомочий, входящих в содержание права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу, а также деятельность судов первой и апелляционной инстанций по исполнению соответствующих правовых предписаний и требований.

Пристатейный библиографический список

1. Сидорова Н. В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе Российской Федерации. Дис. ... на соиск учен. степ. канд. юрид. наук. Томск, 2005. 249 с.
2. Вдовин С.А. Право на защиту по уголовным делам в судах апелляционной инстанции: традиция и современность // Законодательство и экономика. 2017. № 2. С. 83-87.
3. Вдовин С.А. Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу. Дис. ... на соиск учен. степ. канд. юрид. наук. Москва, 2019. 274 с.
4. Апелляция в уголовном судопроизводстве. Под общей редакцией Ершова В. В. Москва, 2013. 315 с.
5. Мельников В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2014. 285 с.
6. Трухин С.А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2016. 206 с.

¹ Обзор судебной практики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vs.dag.sudrf.ru/modules.php?name=information>.

ГРИЦЕНКО Никита Сергеевич

аспирант Сибирского федерального университета, г. Красноярск

О ПОНЯТИИ КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ СОСТАВА СУДА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье рассмотрены и критически оценены ведущие подходы к определению понятия «коллегияльность состава суда при рассмотрении уголовных дел». Автором на основе инструментального понимания коллегияльности предлагается ее оригинальное определение, согласно которому коллегияльность состава суда следует рассматривать как институт уголовно-процессуального законодательства, регламентирующий общие и специальные вопросы рассмотрения уголовных дел судами в рамках уникальных форм процессуальной кооперации (объединения усилий нескольких участвующих в отправлении правосудия лиц) для вынесения законных, обоснованных и справедливых судебных актов по уголовным делам.

Ключевые слова: коллегияльность состава суда, уголовное судопроизводство, принципы уголовного процесса, общие условия осуществления правосудия, институт права (законодательства).

GRITSENKO Nikita Sergeevich

postgraduate student of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk

THE CONCEPT OF COLLEGIALLY OF THE COMPOSITION OF THE COURT WHEN CONSIDERING CRIMINAL CASES

The article examines and critically evaluates the leading approaches to the definition of the concept of "collegiality of the composition of the court when considering criminal cases". On the basis of an instrumental understanding of collegiality, the author proposes its original definition, according to which the collegiality of the composition of the court should be considered as an institution of criminal procedure legislation regulating general and special issues of consideration of criminal cases by courts within the framework of unique forms of procedural cooperation (combining the efforts of several persons involved in the administration of justice) for the issuance of lawful, reasonable and fair judicial acts on criminal cases.

Keywords: collegiality of the court, criminal proceedings, principles of criminal procedure, general conditions for the administration of justice, institute of law (legislation).

Гриценко Н. С.

Коллегияльность состава суда при рассмотрении уголовных дел в юридической науке исследуется с различных позиций, в связи с чем даются отличающиеся одно от другого определения данной разновидности официальной коллегияльности. При этом ведущую роль в теории уголовного судопроизводства играют два подхода, в рамках которых разъясняется сущность и формулируются собственные понятия коллегияльности состава суда.

Сторонники первого подхода коллегияльность при отправлении правосудия по уголовным делам рассматривают в качестве одного из принципов, или основных начал, уголовного процесса (судопроизводства) [4], [5], [7]. Так, например, Е. А. Асеева определяет коллегияльность при осуществлении правосудия как принцип, содержание которого может быть раскрыто следующим образом: «судебные дела рассматриваются и разрешаются равноправными членами судейской коллегии, действующими совместно в условиях независимости от влияния извне, а также от давления внутри коллегии и принимающими решения как по делу в целом, так и по отдельным возникающим в ходе его рассмотрения вопросам единогласно или в соответствии с мнением большинства членов коллегии» [1, с. 17-18].

Подобное видение коллегияльности как самостоятельного принципа уголовного судопроизводства вызывает возражения, поскольку: 1) в действующем УПК РФ отсутствуют положения, в которых коллегияльное рассмотрение уголовных дел именуется принципом (основным началом); 2) нормы УПК РФ устанавливают приоритет единоличного рассмотрения уголовных дел судьей перед коллегияльными формами отправления правосудия (п. 1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ), в

связи с чем речь необходимо вести о сочетании единоличных и коллегияльных форм, а не о принципе коллегияльности.

В рамках второго подхода коллегияльность при отправлении правосудия по уголовным делам понимается в качестве одного из общих условий осуществления правосудия. Данного подхода придерживаются, например, Г. С. Фельдштейн, рассматривающий коллегияльность судебных органов среди прочих условий, которые обеспечивают надлежащее отправление правосудия [12, с. 99-100]; А. А. Тарасов, полагающий, что единоличный и коллегияльный порядки рассмотрения уголовных дел являются общими условиями судебного разбирательства, которые следуют из принципов осуществления правосудия только судом и независимости судей [10, с. 9]; Е. И. Фадеева, относящая сочетание единоличного и коллегияльного составов судов к общим условиям судебного разбирательства, а коллегияльность состава суда к одной из его составляющих [11, с. 9].

Подобный подход также можно отнести к дискуссионным, так как его последователи отдают приоритет организационно-правовым началам отправления правосудия по уголовным делам, а также особое внимание уделяют логическим правилам классификации понятий, абстрагируясь от предмета исследования, в связи с чем сам феномен коллегияльности остается в полной мере не определенным в системе юридических категорий.

В то же время коллегияльность может быть рассмотрена в иных аспектах, к примеру, как ограничение административного и судебного усмотрения [9, с. 12], с чем в целом можно согласиться, ввиду того, что «выбор коллегияльной формы определяется необходимостью привлечения к решению

процессуальной задачи повышенной сложности нескольких независимых друг от друга лиц с тем, чтобы максимально использовать их индивидуальный мыслительный и творческий потенциал, исключить опасность единоличного властного произвола, создать повышенные правовые гарантии от принятия незаконных и необоснованных властных решений» [10, с. 14]. Вместе с тем и такой аспект рассмотрения коллегиальности состава суда при отправлении правосудия по уголовным делам может быть критически оценен, в связи с тем, что носит лишь объяснительный характер (отвечает на вопрос о необходимости рассматриваемой процессуальной формы, но не способствует ее совершенствованию, оторван от правоприменительной практики).

Между тем представляется верным, что в целях оптимизации правового регулирования, совершенствования соответствующей процессуальной формы необходимо определять коллегиальность состава суда при рассмотрении уголовных дел не с субстанциальных позиций (как принцип, общее условие, ограничение и т.д.), а использовать инструментальный подход, позволяющий «вести новые инструменты воздействия и регулирования, задать, скорректировать режим (интенсивность) действующих» [6, с. 124].

В доктрине распространенным является суждение о том, что следует совершенствовать уголовный процесс в направлении развития, оптимизации коллегиальных форм, в том числе института присяжных заседателей [2, с. 533], [3, с. 276, 348]. Но указанное направление не может основываться на рассмотрении коллегиальности лишь как принципа или общего условия, тем более в контексте правовой позиции Конституционного Суда РФ, который коллегиальность состава суда при рассмотрении уголовного дела отнес к одной из возможных процессуальных гарантий, предоставляемых на основе дискреционных полномочий федерального законодателя¹.

Сказанное позволяет нам коллегиальность состава суда при рассмотрении уголовных дел рассматривать на правах отдельного правового института, то есть «группы норм права, связанных между собой предметно-функциональными связями, регулирующих конкретный вид общественных отношений и приобретающих в силу этого относительную устойчивость и самостоятельность функционирования» [8, с. 201].

Так, глава 42 УПК РФ и иные положения уголовно-процессуального законодательства (ст.ст. 30, 64, 65, 231, 256, 301 УПК РФ и ряд других), обладая предметно-функциональным единством, то есть общностью предмета и метода правового регулирования, посвящены вопросам коллегиального рассмотрения уголовных дел.

Представляется верным, что рассмотрение коллегиальности состава суда как правового института обладает следующими достоинствами: а) позволяет согласовать ранее изложенные подходы, сняв одновременно их противоречия, так как правовой институт объединяет и нормы-принципы, и нормы, определяющие общие условия судебного разбирательства, иные положения посвященные коллегиальному рассмотрению уголовных дел; б) обеспечивает возможность рассмотрения относительно обособленных положений уголовно-процессуального законодательства, посвященных коллегиальности состава суда, в их взаимосвязи и взаимодействии; в) способствует переходу от абстрактных моделей к конкретным юридическим конструкциям, что позволяет совершенствовать действующее уголовно-процессуальное законодательство.

В то же время проблемы совершенствования и «оценки качества правовой регламентации публично значимой деятельности» не могут быть решены без обращения к резуль-

татам научных исследований, тогда как юридическая наука и практика нуждаются в точном установлении содержания используемых ими категорий [6, с. 120].

Таким образом, в ст. 5 УПК РФ, определяющую основные понятия уголовного судопроизводства, необходимо внести изменения, касающиеся определения коллегиальности состава суда, что ликвидирует существующую неясность в вопросах установления содержания соответствующей категории, позволив на основе единообразного понимания коллегиальности, осуществлять работу по дальнейшему позитивному изменению уголовно-процессуального законодательства.

Резюмируя изложенное, предлагаем закрепить в УПК РФ следующее определение коллегиальности состава суда при отправлении правосудия по уголовным делам: «Коллегиальность состава суда - институт уголовно-процессуального законодательства, регламентирующий общие и специальные вопросы рассмотрения уголовных дел судами в рамках уникальных форм процессуальной кооперации (объединения усилий нескольких участвующих в отправлении правосудия лиц) для вынесения законных, обоснованных и справедливых судебных актов по уголовным делам».

Пристатейный библиографический список

1. Асеева Е. А. Состав суда в уголовном процессе: дис ... канд. юрид. наук. - Иркутск, 2009. - С. 17-18.
2. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (Важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): дис. ... докт. юрид. наук. - Екатеринбург, 2005. - 533 с.
3. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие. - Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. - 314 с.
4. Давыдов П. М. Принципы советского уголовного процесса. - Свердловск: Свердл. ин-т им. А. Я. Вышинского, 1957. - 51 с.
5. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). - М.: Юрид. лит., 1971. - 200 с.
6. Домченко А. С. Публичное администрирование и стратегическое планирование: к вопросу о демаркации механизмов управления // Российский юридический журнал. - 2020. - № 3 (132). - С. 119-127.
7. Лупинская П. А. Пересмотр приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу в порядке судебного надзора: учеб. пособие. - М.: ВЮЗИ, 1978. - 52 с.
8. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. - М.: Эксмо, 2010. - 510 с.
9. Осинцев Д. В., Домченко А. С. Онтология креационного юридического процесса // Российский судья. - 2018. - № 12. - С. 11-15.
10. Тарасов А. А. Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2001. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://dissertation2.narod.ru/avtoreferats6/av18.htm> (дата обращения: 20.10.2022).
11. Фадеева Е. И. Коллегиальность состава суда в ходе судебного производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2014. - 29 с.
12. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. - М.: Типолиитография В. Рихтер, 1915. - 432 с.

¹ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудяева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2010. - № 3.

ЦИБУЛЬСКАЯ Галина Зиновьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры тылового обеспечения Академии ФСИН России

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КЛАССИФИКАЦИЯ И ВИДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Чтобы судебное решение по уголовному делу отвечало принципу законности, было обоснованным и аргументированным, а, как следствие, имело юридическую силу, оно должно быть основано на неопровержимых, проверенных, точных фактах и доказательствах, подтверждающих виновность или невиновность подсудимого. Современному уголовному процессу свойственны различные доказательства, которые обладают рядом отличий. В статье рассматриваются классификация и виды доказательств в уголовном процессе, анализируются особенности, присущие отдельным видам доказательств, раскрываются признаки и характерные черты отдельных видов доказательств. Актуализируется важность исследования доказательств в контексте практической реализации процедуры доказывания.

Ключевые слова: доказательства, классификация, разновидности, процедура доказывания, уголовный процесс.

TSIBULSKAYA Galina Zinovjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Logistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

CLASSIFICATION AND TYPES OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

In order for a judicial decision in a criminal case to comply with the principle of legality, be justified and reasoned, and, as a result, have legal force, it must be based on irrefutable, verified, accurate facts and evidence confirming the guilt or innocence of the defendant. Modern criminal procedure is characterized by various evidence, which have a number of differences. The article discusses the classification and types of evidence in criminal proceedings, analyzes the features inherent in certain types of evidence, reveals the signs and characteristics of certain types of evidence. The importance of the study of evidence in the context of the practical implementation of the proof procedure is updated.

Keywords: evidence, classification, varieties, proof procedure, criminal process.

Любое доказательство, собранное и полученное законным путем, обладает важным значением для справедливого и обстоятельного расследования уголовного дела. Без доказательств провести расследование и вынести законное, обоснованное решение невозможно. Многообразие общественных отношений и их стремительное развитие существенно влияет на все сферы современной жизни, в том числе и на право. Преступный мир и его многообразие так же не стоят на месте и постоянно совершенствуются. Ежегодно появляются новые способы совершения преступления, которые, ввиду их слабой изученности и отсутствия наработанных практических способов противодействия, мгновенно приобретают популярность среди преступителей преступного мира. Из криминалистики нам известно, что любое преступление оставляет следы, которые должны быть тщательным и скрупулезным образом собраны, изучены и использованы для расследования. Это касается и новых видов преступности, преимущественно связанных с современными цифровыми технологиями.

Вместе с преступлениями развиваются и иные элементы уголовно-правовой природы, в том числе и доказательства. В данном случае речь идет не только о материальном выражении доказательства, но и методах и способах и получения. Доказательства, используемые в современном уголовном процессе, чрезвычайно многообразны. Некоторые из них уникальны по своей природе и требуют особых навыков для сбора и анализа. Не удивительно, что подобное многообразие и разносторонний характер вынуждают исследователей доказательств, приступая к их детальному изучению, прибегать к классификации – де-

Цибульская Г. З.

Курбатова Г. В.

лению доказательств, чтобы не упустить все важные детали и признаки, присущие отдельным группам. Соответственно, необходимо ознакомиться с имеющимися видами доказательств и рассмотреть наиболее общую классификацию. Это позволит взглянуть на доказательства под иным углом.

Для начала установим, что на сегодняшний день чаще всего используется в качестве доказательств по уголовным делам. Напомним, что законодатель признаёт в качестве доказательств любые сведения. Главное – чтобы на основании таких сведений уполномоченные органы могли установить наличие или отсутствие доказательств, которые надлежит доказать. Однако дополнительно в части 2 статьи 74 УПК РФ законодатель поясняет, что именно допускается в качестве доказательств.

Первую группу составляют показания участников процесса с двух сторон и показания свидетелей. Это протоколы допроса и объяснения обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего. Из показаний данных лиц следствие может установить хронологию событий и обстоятельств произошедшего. Получить ответы на интересующие вопросы. Узнать о характере взаимоотношения сторон. Установить личности иных лиц, пояснения которых могут иметь значение для расследования. Свидетельские показания, как показывает практика, зачастую являются основной опорой обвинения и главным аргументом, который сторона обвинения использует в судебном разбирательстве. Особенно это актуально в случаях, когда свидетель является независимым лицом, которое не заинтересовано в исходе дела в пользу какой-либо из сторон. При получении показаний участникам процесса в обязательном порядке разъясняется

ответственность за дачу ложных показаний, что лишний раз подчеркивает их важность для справедливого и обоснованного итогового решения.

Вторая группа – заключения и показания эксперта и специалиста. К данным лицам и их деятельности закон предъявляет ряд требований. Одно из них – независимость и нейтральность. И эксперт, и специалист обязаны проводить исследование и давать заключения объективно и беспристрастно. К примеру, от показаний и заключения судебно-медицинского эксперта зависит установление реальной причины причинения вреда здоровью потерпевшему, на основании которой, в совокупности с иными полученными доказательствами, следствие делает вывод о причастности к этому подозреваемого. Перед началом проведения исследования перед экспертом или специалистом ставятся вопросы, на которые данные субъекты должны дать ответы в заключении. Вопросы перед экспертом могут ставиться как органами дознания или следствия, так и сторонами. Эксперт и специалист обладают особыми знаниями и умениями в какой-либо сфере, и их точка зрения принимается во внимание следствием и судом. Однако иногда одна из сторон ходатайствует о проведении повторного исследования у сторонних экспертов, специалистов, если имеются сомнения в достоверности и полноте заключения. Данный порядок описывается отдельно.

Не менее важны для доказывания вины подозреваемого вещественные доказательства. Они образуют обособленную группу и сами находят отражение в различных формах и видах. Основной признак любого вещественного доказательства – наличие у него материального выражения. Чаще всего в науке используется следующая классификация вещественных доказательств, основанная на сведениях, указанных в статье 81 УПК РФ: 1) предметы, которые служили средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; 2) предметы, на которые были направлены преступные действия; 3) имущество, полученное в результате совершения преступления; 4) предметы и документы, которые могут служить для установления обстоятельств совершенного преступления. Примером каждой из представленных групп указанной классификации можем являться немыслимое, бесчисленное количество различных вещей, поэтому перечислить абсолютно все не представляется возможным. Повседневная уголовно-процессуальная практика чрезвычайно многообразна, и вписать её в единые, универсальные рамки – значит ограничить кругозор и учёт особенностей отдельных категорий дел. Уже отмечалось, что в последнее время активно прогрессируют и набирают популярность преступления в сфере информационных технологий и компьютерных программ. Данной категории преступлений, в числе прочих, свойственны специальные вещественные доказательства – электронные носители информации [1, с. 242]. Именно они, как правило, ложатся в основу обвинения в киберпреступлениях. Учитывая это, а также осознавая стремительный рост киберпреступности, вполне небезосновательными видятся предложения некоторых специалистов о дополнении статьи 81 УПК РФ новым подпунктом, закрепляющим электронные носители в качестве отдельного вида вещественных доказательств.

Четвертую группу доказательств составляют протоколы следственных и судебных действий. Наиболее очевидный пример данного доказательства – проведение следственного эксперимента, на основании которого оформляется протокол. Посредством проведения эксперимента следствие восстанавливает картину произошедшего, устанавливает дополнительные обстоятельства, выясняет важные практические детали и особенности [2, с. 114]. Протокол приобщается к материалам дела и используется в дальнейшем. Другой не менее очевидный пример – очная ставка. Она позволяет внести ясность в расхождение показаний сторон, получить ответы на интересующие спорные вопросы. Оформляется она аналогичным способом посредством протокола.

Рассмотрев виды доказательств в отдельности, видится необходимым перейти к ознакомлению с наиболее популярной классификацией доказательств без привязки к их отдельным видам, отгалкиваясь исключительно от присутствующих свойств и единого объединяющего элемента для сравнения. Здесь же отметим, что классификация – элемент сутобо теоретический, действующим законодательством не закреплённый и представляющий интерес с позиции научного ознакомления. Она помогает глубже понять исследуемый объект, так как раскрывает его с различных позиций посредством сравнения и сопоставления.

Исходя из источника получения доказательства делятся на личные (полученные от людей) и вещественные (полученные от материальных объектов). Представленное разграничение не представляет существенной сложности и без труда реализуется

на практике. Так, к личным относятся все доказательства, которые были получены посредством взаимодействия с людьми. Объединяющий критерий – извлечение информации из показаний участников процесса, заключений экспертов и специалистов, протоколов следственных действий. К вещественным следует относить любые объекты, обличённые в материальную форму. Наиболее очевидный пример подобного вида доказательства – орудие совершения преступления.

Не менее простым представляется деление всех доказательств на обвинительные и оправдательные. Первые свидетельствуют о причастности лица к совершению преступления, вторые, напротив, опровергают доводы следствия и свидетельствуют о невиновности лица, либо позволяют смягчить степень его вины [3, с. 38]. Сущность данного деления состоит в направленности дальнейшего хода следствия. Собирая и анализируя доказательства, следователь, сгруппировав их по данному критерию, может правильно определить вектор развития последующих действий и в итоге установить истину.

В зависимости от отношения к устанавливаемым фактам доказательства классифицируют на прямые и косвенные. Прямыми являются доказательства, которые непосредственно связаны с предметом доказывания. Косвенными считаются доказательства, которые с предметом доказывания связаны не непосредственно, а через «промежуточные» факты, посредством которых делаются выводы об искомых фактах. Синоним косвенных доказательств – улики. Такое наименование они получили от представителей отечественной юридической доктрины.

По наличию промежуточного носителя информации доказательства можно разделить на первоначальные и производные. Первые – те, что были получены напрямую, без посредников. Это могут быть оригиналы документов, следы и улики, собранные на месте преступления, показания непосредственных свидетелей. Вторые – полученные не напрямую, а посредством цепочки событий. К примеру, свидетель делится со следователем важной информацией о произошедших событиях по делу, при этом лично при них не присутствуя, а узнав от третьих лиц. К такому роду доказательств следствие должно относиться с максимальной степенью осторожности, тщательно проверять достоверность и отсутствие искажений в сведениях.

На сегодняшний день органы следствия и дознания оказались в ситуации, когда периодически появляются всё новые и новые доказательства по отдельным категориям дел. Преступность, как и всё вокруг, активно развивается и стремится быть максимально латентной, но при этом эффективной и прибыльной. Изошёренные способы совершения преступлений требуют иного подхода при расследовании, в том числе и при сборе доказательств. Доказательства, используемые в современном уголовном процессе, чрезвычайно многообразны. Некоторые из них уникальны по своей природе и требуют особых навыков для сбора и анализа. Законодатель признаёт в качестве доказательств любые сведения. Главное – чтобы на основании таких сведений уполномоченные органы могли установить наличие или отсутствие доказательств, которые надлежит доказать. Не удивительно, что подобное многообразие и разносторонний характер вынуждают исследователей доказательств, приступая к их детальному изучению, прибегать к классификации – делению доказательств, чтобы не упустить все важные детали и признаки, присущие отдельным группам. Наиболее популярной классификацией доказательств является их деление на: личные и вещественные, обвинительные и оправдательные, прямые и косвенные, первоначальные и производные.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллаев Р. Р. Правовые вопросы сбора и использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве // Review of law sciences. – 2020. – № 1. – С. 241-244.
2. Гаджиева М. А. Задачи и современное значение следственного эксперимента // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 2. – С. 113-114.
3. Стельмах В. Ю. Классификация доказательств: некоторые теоретические и практические аспекты // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 36-40.

АСАДОВ Ватан Вагифович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ С СУДАМИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ УСЛОВНО

В статье рассматриваются отдельные аспекты осуществления взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с судами. Автором исследуется взаимодействие с судами в отношении условно осужденных на двух стадиях: на стадии назначения наказания и на стадии его исполнения. В работе приводятся результаты проведенного опроса сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и судей по проблемным вопросам такого взаимодействия. Обосновывается положение о том, что при назначении уголовного наказания условно редко учитывается степень и характер общественной опасности совершенного преступления, личность осужденного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность, что впоследствии влияет на эффективность условного осуждения. Автор с опорой на результаты проведенного исследования приходит к выводу о необходимости совершенствования механизма взаимодействия УИИ с судами, включая во взаимодействие иные государственные и общественные структуры (в частности органы внутренних дел, службу судебных приставов, социальные службы и др.).

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, предупреждение повторных преступлений, условно осужденные, взаимодействие, суды.

ASADOV Vatan Vagifovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the Pskov branch of the Academy of the FPS of Russia

SELECTED ASPECTS OF INTERACTION OF CRIMINAL ENFORCEMENT INSPECTIONS WITH THE COURTS IN THE APPOINTMENT AND EXECUTION OF A CONDITIONAL CRIMINAL SENTENCE

The article discusses some aspects of the interaction of criminal enforcement inspections with the courts. The author examines the interaction with the courts in relation to probation prisoners at two stages: at the stage of sentencing and at the stage of its execution. The paper presents the results of a survey of employees of penal enforcement inspections and judges on problematic issues of such interaction. The article substantiates the position that when assigning a conditional criminal sentence, the degree and nature of the public danger of the crime committed, the personality of the convicted person, the circumstances mitigating and aggravating his responsibility are rarely taken into account, which subsequently affects the effectiveness of a conditional sentence. Based on the results of the conducted research, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the mechanism of interaction of the UII with the courts, including other state and public structures (in particular, internal affairs bodies, bailiffs, social services, etc.).

Keywords: criminal enforcement inspections, prevention of repeated crimes, probation prisoners, interaction, courts.

Эффективность работы УИИ по контролю за условно осужденными и предупреждению совершения ими новых преступлений и иных правонарушений во многом определяется взаимодействием с сотрудниками других служб и подразделений территориальных органов ФСИН России (разыскными, оперативными и др.), ОВД, общественными формированиями (организациями социальной направленности, трудовыми коллективами и др.) и государственными организациями. При этом это должно быть не просто формальное периодическое взаимодействие, а постоянно работающий отлаженный механизм, который позволит найти эффективные способы исполнения назначенного альтернативного наказания и обеспечения контроля за осужденными к мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденного от общества.

Отдельно в деятельности УИИ следует выделить взаимодействие с судами в отношении условно осужденных: взаимодействие на стадии назначения наказания и взаимодействие на стадии его исполнения.

Применение условного осуждения – это предоставление лицу, совершившему преступление, возможности встать на путь исправления без изоляции от общества. Эта мера уголовно-правового характера, не связанная с изоляцией осужденного от общества, должна применяться к лицам, которые готовы добросовестно исполнять назначенные судом ограни-

Асадов В. В.

чения и не считают условное осуждение освобождением от уголовной ответственности. Как показывает практика, осужденные к наказанию условно, воспринимающие его как освобождение от ответственности, а не наказание, совершают повторные преступления или правонарушения. Кроме того, именно с этой категорией условно осужденных сложнее вести предупредительно-профилактическую работу.

Так, более 57,3 % от общего числа опрошенных сотрудников УИИ полагают, что суды часто и очень часто необоснованно принимают решение о применении условного осуждения вместо реального отбывания наказания или другого наказания, не связанного с изоляцией осужденного от общества. Лишь каждый пятый (19,2 %) считает, что суды без достаточного обоснования применяют условное осуждение редко.

Как показало исследование, судьи не могут однозначно ответить на вопрос об эффективности вида наказания в плане исправления осужденных – применение наказания в виде лишения свободы или применение наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Кроме того, большинство судей полагают, что к каждому осужденному должен быть применен индивидуальный подход с учетом личности осужденного и обстоятельства дела. Абсолютное большинство подчеркивают, что наказания и уголовно-правовые меры, не связанные с

изоляция осужденного от общества, должны применяться только к лицу, совершившему преступление впервые. Однако результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что условное осуждение нередко назначается более двух раз. Судьи, которые лишение свободы назвали более эффективным видом наказания, обосновали это тем, что осужденные к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденного от общества, чаще совершают повторные преступления.

Исследование показало, что среди эффективных и перспективных видов наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, судьи назвали обязательные работы (56 %), исправительные работы (43 %), ограничение свободы (21 %) и принудительные работы (17 %). Ни один из респондентов не назвал условное осуждение. Однако категория условно осужденных в настоящее время остается по-прежнему самой многочисленной: в 2021 г. от общего числа осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, состоящих на учете УИИ, условно осужденные составили 49,1 % (в 2020 г. – 51,8 %, 2019 г. – 52,8 %, 2018 г. – 53,7 %) [1].

Кроме того, практически каждый второй (53 %) из опрошенных работников УИИ полагает, что суды часто применяют условное осуждение к лицам, совершившим тяжкие преступления, без учета характеристики личности, когда установлена второстепенная роль этих мер в совершении тяжкого преступления. 52 % опрошенных встречались на практике с такими случаями (фактами), когда суды, применяя условное осуждение, редко учитывают степень и характер общественной опасности совершенного преступления, личность осужденного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность.

На момент совершения преступления большая часть осужденных не имела постоянного места работы (63,4 %), работали – 36,6 %. После осуждения число безработных увеличилось до 67 %.

Более того, 48 % опрошенных сотрудников УИИ считают, что суды, принимая решение о назначении условного осуждения, зачастую не мотивируют его в достаточной степени.

По мнению практических работников УИИ, суды нередко при вынесении определения об условном осуждении лица учитывают его поведение после совершения преступления. В связи с этим очень важно при применении предупредительных мер работнику УИИ иметь об условно осужденном данные о раскаянии, явки с повинной, наличии на иждивении детей, сведений о серьезных заболеваниях членов его семьи. Опрошенные единодушно предлагают применять условное осуждение только к лицам, совершившим преступление небольшой и средней тяжести впервые, а при назначении условного осуждения несовершеннолетним учитывать не только их возраст, но и другие обстоятельства, в том числе отношение к учебе, работе, семейное положение и т. д.

Второе направление взаимодействия УИИ с судами связано с исполнением назначенного судом условного осуждения.

1. Возложение дополнительных обязанностей. В соответствии с п. 2 ст. 190 УИК РФ в случае отказа осужденного отчитываться о своем поведении, неисполнении возложенных на него судом обязанностей, неявки по вызову, а также при наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о целесообразности дополнения имеющихся обязанностей, УИИ направляет в суд соответствующее представление о возложении дополнительных обязанностей.

Под иными обстоятельствами понимаются поведение осужденного, которое может привести к совершению им повторных правонарушений и преступлений, являющиеся отрицательно характеризующие осужденного материалы с места жительства и работы. Предлагаемые в представлении обязанности должны быть направлены на стимулирование правопослушного поведения осужденного и предотвращение совершения им правонарушений.

Как показывает исследование, на практике суды далеко не всегда устанавливают предлагаемые в представлении администрации УИИ дополнительные обязанности. Так, около 61,5 % от общего числа опрошенных сотрудников УИИ указывают, что суды по представлению УИИ редко или иногда

изменяют обязанности, ранее установленные, а только 20,5 % сотрудников ответили, что суды их представления удовлетворяли всегда, при частичном изменении обязанностей условно осужденных – 24 %. На вопрос: «Дополняют ли суды ранее установленные обязанности» – сотрудники УИИ ответили следующим образом: всегда – только 38 %, редко – 31,5 %.

Анализ приведенных результатов опроса практических работников УИИ свидетельствует о том, что от УИИ требуется обоснованное и аргументированное представление с изложением обстоятельств, свидетельствующих о целесообразности дополнения имеющихся обязанностей условно осужденных.

2. Отмена условного осуждения. В случае систематического неисполнения условно осужденным в течение испытательного срока возложенных на него судом обязанностей, либо если условно осужденный скрылся от контроля, УИИ направляет в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

В отношении нарушителей порядка отбывания наказания УИИ применялись предупредительно-профилактические меры. Так, по официальным данным, в 2020 году испытательный срок продлен 92 647, или 19,2 % условно осужденным (в 2019 году – 98 236, или 19,5 %); дополнительные обязанности возложены на 69 320 условно осужденных, или 14,4 % (в 2019 году – 75 556, или 15,0 %); произведено взамен наказаний более строгим видом наказания, отмен условного осуждения, отсрочки отбывания наказания, меры пресечения в виде домашнего ареста, в отношении 60 569, или 7,0 % (в 2019 году – 63 916, или 7,2 %).

3. Досрочная отмена условного осуждения со снятием судимости. Действенным средством стимулирования правопослушного поведения условно осужденного является возможность досрочной отмены условного осуждения со снятием судимости, которая является мерой поощрения и возможна лишь при условии достижения целей наказания, когда факт исправления осужденного не вызывает сомнений. Указанная степень исправления предполагает, что цели применения уголовно-правовой меры достигнуты в полном объеме и у осужденного сформировано уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также правопослушное поведение.

Суды не всегда поддерживают представление об отмене условного осуждения и исполнении назначенного судом наказания. Только каждый пятый (19,2 %) отмечает, что суды всегда по представлению УИИ отменяют условное осуждение, 25,8 % – всегда суды частично изменяют обязанности условно осужденным, 55 % – всегда дополняют по представлению УИИ ранее установленные обязанности. 72 % опрошенных указывают, что, по их мнению, суды редко или лишь иногда обоснованно устанавливают испытательный срок при условном осуждении.

В целом большинство судей (62 %) удовлетворены существующим уровнем взаимодействия с УИИ, а также качеством поступающей от них информации для принятия решений. Однако 38 % опрошенных не удовлетворены уровнем такого взаимодействия. Респонденты среди основных недостатков отметили недостаточность предоставляемой информации, а также ее полное отсутствие. Кроме того, судьи полагают, что в «цепочку» взаимодействия должны быть включены органы внутренних дел.

В заключение отметим, что необходимо совершенствовать механизм взаимодействия УИИ с судами как на стадии применения условного осуждения, так и в ходе его исполнения, включая во взаимодействие иные государственные и общественные структуры (в частности органы внутренних дел, службу судебных приставов, социальные службы и др.), что позволит повысить эффективность применения уголовного наказания условно.

Пристатейный библиографический список

1. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Федеральная служба исполнения наказаний. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 17.10.2022).

БОРЧЕНКО Вера Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ТУЛИЕВ Ильнар Ильнурович

курсант Самарского юридического института ФСИН России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье рассмотрен порядок оказания юридической помощи осужденным в исправительных учреждениях. Проанализировано понятие юридической помощи и рассмотрены международные стандарты предоставления правовой помощи осужденным. Авторами раскрыта общая характеристика субъектов оказания юридической помощи: адвокатами, нотариусами, юридическими клиниками и Уполномоченным по правам человека.

Ключевые слова: юридическая помощь осужденным; исправительные учреждения; субъекты оказания юридической помощи; адвокат; нотариус; юридическая клиника; Уполномоченный по правам человека.

BORCHENKO Vera Alexeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

TULIEV Inar Ilnurovich

cadet of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF LEGAL ASSISTANCE TO CONVICTS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

The article discusses the procedure for providing legal assistance to convicts in correctional institutions. The concept of legal aid is analyzed and international standards for providing legal aid to convicts are considered. The authors revealed the general characteristics of the subjects of legal aid: lawyers, notaries, legal clinics and Human Rights Commissioners.

Keywords: legal assistance to convicts; correctional institutions; subjects of legal assistance; lawyer; notary; legal clinic; Commissioner for Human Rights.

В Российском государстве каждому гражданину, вне зависимости от правового статуса, гарантируется право на получение юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ). При этом, в категорию граждан, имеющих право на оказание юридической помощи, включаются и осужденные к лишению свободы. Данные лица, как и другие граждане, нуждаются в квалифицированной юридической помощи, ввиду своего специфического положения: изоляция от общества, невозможность самостоятельно обратиться и посетить лиц и организации, оказывающих юридическую помощь и др. обстоятельства. Как отмечает М. И. Сторожук, основные проблемы реализации прав осужденных на обращения возникают из-за их правовой безграмотности [1, с. 57]. В связи с чем, актуальным стал вопрос организации эффективного механизма оказания квалифицированной юридической помощи осужденным.

Под юридической помощью понимается профессиональная деятельность лиц и органов, направленных на оказание юридических услуг в решении вопросов, касающихся реализации прав и законных интересов. Субъектами оказания юридической помощи осужденным, в соответствии с ч. 8 ст. 12 УИК РФ наряду с адвокатами могут быть и другие лица, имеющие право на оказание правовой помощи. Законодатель не дает четкого разъяснения какие лица, помимо адвокатов могут оказывать юридическую помощь и что понимается под «иными лицами». По нашему убеждению, в круг субъектов оказания квалифицированной юридической помощи входят государственные и негосударственные органы и лица, обладающие специальными знаниями и навыками в области права (нотариусы, юридические клиники, уполномоченный по правам человека, прокурор и др.). Обусловлено это тем, что допуск к оказанию юридической помощи осужденным всех желающих будет противоречить их праву на квалифицированную (профессиональную) помощь, а также ухудшать их правовое положение при решении вопросов, требующих специальных правовых знаний. В основном юридическая помощь предоставляется путем проведения консультаций, оформления документов, представления интересов в суде и т.д.

Предоставление юридической помощи осужденным регулируется нормами международного права, устанавливающие гарантии и стандарты ее оказания. Так, согласно ст. ст. 54, 61 Правил Нельсона Манделы, закрепляется право осужденных на получение правовой помощи, а также то, что администрация мест лишения свободы должна оказывать содействие в оказание такой помощи и, если есть система оказания данной помощи бесплатно – обязана уведомлять осужденных о такой возможности. При этом, «Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме» принятый Резолюцией ГА ООН, устанавливает право заключенного проконсультироваться с адвокатом, а также должны быть созданы условия для их личной встречи. Исходя из вышеизложенного стоит выделить, что на международном уровне гарантиям обеспечения прав осужденных на получение правовой помощи придается большое значение.

Рассмотрим основных субъектов, оказания юридической помощи осужденным, находящимся в местах лишения свободы:

1. Адвокаты оказывают первоочередную помощь, в случаях, когда осужденным требуется консультация по юридическим вопросам, а также помощь в составление документов [2, с. 61]. Согласно ч. 4 ст. 89 УИК РФ для получения юридической помощи осужденные могут пользоваться услугами адвокатов без ограничения в количестве продолжительностью до 4 часов, а также лично с ними встречаться в пределах территории ИУ в условиях, не позволяющих слышать либо прослушивать их разговор. В получении адвокатских услуг для осужденных ограничений нет, однако существует ряд проблем, связанных с оказанием услуг адвоката.

Во-первых, не все исправительные учреждения оборудованы помещениями для свидания с адвокатами в условиях, предусмотренных ч. 4 ст. 89 УИК РФ, что нарушает права осужденных на получение правовой помощи от адвокатов, а также зачастую администрация отказывает в получении данной помощи осужденным, которые находятся в штрафных изоляторах либо в лечебном учреждении;

Во-вторых, многие осужденные не имеют достаточных средств на получение квалифицированных адвокатских услуг, в связи с чем возникает проблема некачественной юридической помощи осужденным, так как данную помощь зачастую оказывают молодые либо недостаточно опытные юристы, получающие незначительную оплату за свои услуги.

Считаем целесообразным повысить квалификацию действующих юристов при исправительных учреждениях, организацию съездов и конференций, с целью обмена опытом, а также увеличить количество оборудованных помещений для свиданий под условия, которые позволяют осужденным встречаться с адвокатами лично, вне зоны слышимости сотрудниками ИУ.

2. Не менее часто осужденные обращаются за юридической помощью к нотариусам для заверения доверенностей, завещаний и иных документов, где требуется нотариальное заверение.

Нотариальная деятельность имеет отличительные признаки, отграничивающие ее от иных субъектов оказания юридической помощи: 1. юридическая помощь, оказываемая нотариусом, затрагивает конкретное юридическое действие, т.е. строго укладываться в рамки предоставленных ему законом полномочий по совершению нотариальных действий; 2. квалифицированный характер, т.е. деятельность по оказанию юридической помощи нотариусом осуществляется на профессиональной основе; 3. нотариальные услуги может осуществлять только нотариус, что говорит о беспорном характере правоотношений, на которые распространяется «юрисдикция» нотариата.

Осужденные, ввиду их изоляции и невозможности самостоятельно посетить нотариальные конторы, могут пользоваться выездными услугами нотариусов. Однако, ввиду высокой стоимости нотариальных услуг, многие осужденные не имеют средств для получения услуг нотариуса. Наряду с этим, существуют трудности при реализации нотариальных услуг со стороны нотариусов, закрепленных за ИУ, ввиду большого количества обращений со стороны осужденных и сильной загруженности самих нотариусов.

Для решения данных проблем, на наш взгляд, необходимо утвердить строго регламентированный график посещения нотариусами исправительных колоний (1 раз в месяц, 1 раз в квартал), а также увеличить количество нотариусов, закрепленных за ИУ на основе соглашения с нотариальной палатой и оказывающим юридическую помощь осужденным к лишению свободы.

3. В последнее время увеличилось число обращений осужденных за правовой помощью в юридические клиники. Юридические клиники формируются под руководством куратора-преподавателя в высших учебных заведениях, обучающих по юридическим направлениям, целью которых является правовое просвещение и помощь гражданам. Среди преимуществ данного субъекта стоит отметить, что помимо оказания юридической помощи осужденным и другим лицам, обучающиеся получают ценный практический опыт оказания юридических услуг, навык составления ходатайств, жалоб, обращений и т.д. [3, с. 57].

К примеру, в Самарском юридическом институте ФСИН России приказом начальника института от 10 апреля 2008 г. № 333 была образована юридическая клиника, которая оказывает юридическую консультацию осужденным в 6 исправительных учреждениях Самарской области. В частности, в 2021 году в юридическую клинику СЮИ ФСИН России поступило 132 обращения (АППП – 10) от осужденных из них 14 (АППП – 10) письменных по программе «Адвокат по переписке» [4].

Важным аспектом в деятельности юридических клиник является то, что многие юридические клиники при высших учебных заведениях зачастую оказывают юридическую помощь обычным гражданам. При этом не многие определяют одним из направлений своей деятельности оказание бесплатной юридической помощи осужденным. В основном правовую помощь осужденным оказывают юридические клиники, образованные в ведомственных вузах ФСИН России.

Исходя из этого, юридические клиники ВУЗов ФСИН, которые непосредственно взаимодействуют с исправительными учреждениями и оказывают бесплатную консультацию по юридическим вопросам, не могут организовывать регулярные выезды в ИУ ввиду того, что юридическую помощь осужденным оказывают небольшое количество юридических клиник.

4. Одним из важнейших субъектов, оказания юридической помощи осужденным, по нашему убеждению, является Уполномоченный по правам человека. Уполномоченный независим и не подотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам. При осуществлении своей деятельности он руководствуется Конституцией РФ, законодательством Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права. Свобода и независимость уполномоченного

при принятии решений является важными условиями эффективности его правозащитной деятельности.

Особенность предоставления юридической помощи Уполномоченным по правам человека обуславливает, то, что наряду с основными способами оказания правовой помощи: устное консультирование, правовое просвещение осужденных, составление и проверка юридических документов, он выступает гарантом соблюдения прав и свобод осужденных, в том числе прав на получение квалифицированной юридической помощи. Так, осужденные, при нарушении их прав, могут подавать жалобы Уполномоченному по правам человека. Уполномоченный при получении жалобы принимает одно из решений, указанных в ст. 20 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»: 1) принятие жалобы к рассмотрению; 2) разъяснение способов защиты нарушенных прав и свобод; 3) передача жалобы компетентному органу для решения ее по существу; 4) отказ в принятии для рассмотрения.

Согласно Докладу Уполномоченного по правам человека по Самарской области в 2021 году поступило 340 обращений из следственных изоляторов и исправительных учреждений, а также от адвокатов и родственников, содержащихся под стражей и осужденных, наибольшую долю (72) составили вопросы, касающиеся медицинского обеспечения в учреждениях УИС [5]. Наряду с этим, в 2021 году Уполномоченным было проведено 17 личных приемов граждан в исправительных учреждениях Самарской области, а также организованы Дни правового просвещения в исправительных учреждениях, общее количество которых составило 26 мероприятий во всех исправительных учреждениях Самарской области.

Между тем, Уполномоченный может также обратиться в суд с заявлением в защиту прав и законных интересов конкретного осужденного. В большинстве случаев это происходит по двум категориям дел. Во-первых, если заявитель вследствие состояния здоровья или иных причин не может осуществлять самостоятельно защиту своих прав. Во-вторых, если нарушение прав повлекло общественный резонанс. От осужденного требуется лишь письменная жалоба в адрес уполномоченного.

В рамках рассмотрения данного субъекта более эффективным представляется взаимодействие Уполномоченного по правам человека с другими субъектами оказания юридической помощи, что положительно повлияет на формирование опыта взаимодействия с различными органами и уменьшит нарушения прав осужденных, возникающих при оказании им правовой помощи.

Таким образом, в заключение можно отметить, что некоторые вопросы, касающиеся обеспечения юридической помощью осужденных в исправительных учреждениях полностью не решены, так как существуют недоработки в законодательстве и правоприменительной практике. Важно уделять внимание должному оказанию юридической помощи осужденным, которые являются особыми субъектами, нуждающимися в квалифицированной юридической помощи по защите их прав и законных интересов.

Приставленный библиографический список

1. Сторожук М. И. Обеспечение личных неимущественных прав и законных нематериальных интересов осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ, 2008. – С. 57.
2. Кузнецова О. Б. Порядок и условия предоставления осужденному свидания с адвокатом для получения юридической помощи // Адвокатская практика. – 2015. – № 1. – С. 59-63.
3. Хаснутдинов Р. Р., Владимиров О. А., Коновальчук М. В. Оказание правовой помощи осужденным в рамках работы юридической клиники: учеб. пособие. – Самара, 2017. – 96 с.
4. Отчет по образовательной деятельности СЮИ ФСИН России (неопубликованный документ).
5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Самарской области и соблюдении прав и свобод человека и гражданина на территории Самарской области в 2021 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://map.ombudsmantf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/ross_fed/doklad_v_sub/doklad_v_samarsk / doklad_v_samarskweb.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-396-398

БУТЕНКО Татьяна Павловна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Амурского государственного университета

ПЕТАЙЧУК Антон Андреевич

старший преподаватель кафедры уголовного права, аспирант Юридического факультета Амурского государственного университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье авторы анализируют нормативные акты, которые регламентируют возможность осуществления общественного контроля в исправительных учреждениях. Особое внимание уделяется видам субъектов, у которых *de jure* и *de facto* есть право на осуществление так называемого «общественного пенитенциарного контроля». В процессе исследования выявляются явные правовые коллизии, которые, по мнению авторов, препятствуют гармонизации применения уголовно-исполнительного законодательства. В заключении формулируются выводы, которые помогут ученым и практикам иначе взглянуть на проблематику правового регулирования общественного контроля в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: общественные наблюдательные комиссии, общественные объединения, омбудсмены, исправительные учреждения, общественный контроль, права человека

BUTENKO Tatyana Pavlovna

Ph.D. in Law, associate professor Head of Criminal law sub-faculty of the Amur State University

PETAYCHUK Anton Andreevich

senior lecturer of Criminal law sub-faculty, postgraduate student of the Faculty of Law of the Amur State University

LEGAL REGULATION OF PUBLIC CONTROL OVER THE PROVISION OF HUMAN RIGHTS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

In the article, the authors analyze the normative acts that regulate the possibility of public control in correctional institutions. Particular attention is paid to the types of subjects who *de jure* and *de facto* have the right to exercise the so-called "public penitentiary control". In the course of the study, obvious legal conflicts are revealed, which, according to the authors, hinder the harmonization of the application of penal enforcement legislation. In conclusion, conclusions are formulated that will help scientists and practitioners to look differently at the problems of legal regulation of public control during the period of serving a sentence of imprisonment.

Keywords: public monitoring commissions, public associations, ombudsmen, correctional institutions, public control, human rights.

Термин «контроль» в научной литературе и повседневной жизни употребляется довольно часто. Вопросы контроля так или иначе сопровождают исследования проблем социального управления, законности и правопорядка [1]. Согласно Словарю русского языка контроль – проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора [2]; это наблюдение, надзор над чем-нибудь с целью проверки [3].

Общественный контроль, наряду с другими видами контроля (органов государственной власти, судебным, ведомственным, международным) призван обеспечить реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций (п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»).

В. Ф. Лелюх говорит о том, что «общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы одновременно служит средством выявления и устранения причин и условий нарушения законности. Он также влияет на

совершенствование механизма регулирования, что в первую очередь касается подзаконных нормативных правовых актов, в случаях противоречия их действующему законодательству [4].

Справедливо замечает Н. С. Артемьев, что «органы общественного контроля, в отличие от субъектов государственного контроля, не наделены властными полномочиями и действуют, как правило, опосредованно либо апеллируя к общественному мнению» [5].

Ранее один из авторов данной статьи говорил о том, что контроль предполагает принятие каких-либо итоговых решений относительно соблюдения законодательства, он очень схож с надзором, который осуществляют органы прокуратуры. Вместе с тем, в случае выявления различных нарушений, общественные объединения не обладают таким арсеналом репрессивных мер, как, например, те же органы прокуратуры. Таким образом, функция контроля, который осуществляют общественные объединения в лице общественных наблюдательных комиссий, сводится к доведению соответствующей

Бутенко Т. П.

Петайчук А. А.

информации до компетентных органов, а выводы, которые они делают в ходе различных встреч с осужденными, носят сугубо рекомендательный характер [6].

В последнее время внимание государства все больше привлекает потенциал институтов гражданского общества, который можно использовать для более эффективного осуществления контроля за деятельностью органов власти. Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает возможность осуществления такого вида контроля, закрепив возможность его осуществления в ст. 23 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ).

В разделе XX «Повышение уровня взаимодействия с институтами гражданского общества» Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года закреплено, что «развитие сотрудничества Федеральной службы исполнения наказаний с институтами гражданского общества предполагает: расширение взаимодействия с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации, уполномоченными по правам ребенка в субъектах Российской Федерации, институтами гражданского общества и общественными организациями, включая общественные наблюдательные комиссии, в вопросах контроля за соблюдением прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей»¹.

Надо отметить, что проблемами правового регулирования общественного контроля за обеспечением прав человека в период отбывания уголовного наказания на современном этапе развития государства занимаются всего несколько ученых. Так, среди научных публикаций по данному вопросу чаще других можно встретить труды Артемьева Н. С., Малолеткиной Н. С., Скибы А. П., Свирина Е. В., Саттарова В. Д.

Вместе с тем, с учетом наличия важных исследований, которые проводят ученые, все еще нет однозначных ответов на вопросы, возникающие у правоприменителей относительно осуществления общественного контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание.

Акцентируя внимание на положениях ст. 23 УИК РФ, можно сделать вывод, что право осуществлять общественный контроль за обеспечением прав человека в пенитенциарных учреждениях есть только у общественных наблюдательных комиссий (далее – ОНК) и их членов.

В ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – ФЗ от 10.06.2008 № 76-ФЗ) также закреплены только два названных субъекта.

Однако ст. 23 УИК РФ называется «Участие общественных объединений в осуществлении общественного контроля за обеспечением прав человека. Содействие общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания», исходя из чего можно заключить, что перечень субъектов осуществления пенитенциарного контроля не ограничивается только названными в ч. 1 данной статьи ОНК и их членами.

Под общественным объединением, согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

В этом же нормативном правовом акте определены исчерпывающим образом организационно-правовые формы таких объединений, к числу которых относятся: общественная организация; общественное движение; общественный фонд; общественное учреждение; орган общественной самодеятельности; политическая партия.

Исходя из сказанного можно предположить, что законодатель подразумевает, употребляя в названии ст. 23 УИК РФ термин «общественные объединения», что возможности по осуществлению общественного контроля есть и у вышеперечисленных общественных объединений.

В обосновании данного вывода можно привести мнение доктора юридических наук, профессора Н. С. Артемьева, который к субъектам общественного контроля относит общественные наблюдательные комиссии, Общественную палату РФ, общественные советы при ФСИН России и территориальных органах уголовно-исполнительной системы, комиссии по вопросам помилования на территории субъекта РФ, органы местного самоуправления, общественные и религиозные объединения, средства массовой информации, отдельных граждан [7].

А. П. Скиба и Н. С. Малолеткина считают, что субъектами общественного контроля могут быть негосударственные международные организации; Совет по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ; попечительские и другие советы при соответствующих ведомствах; религиозные организации; родительские комитеты при воспитательных колониях, попечительские советы при исправительных учреждениях; комитеты солдатских матерей и пр. [8].

В. Д. Саттаров в качестве субъектов выделяет: общественные наблюдательные комиссии, Уполномоченного по правам человека (федерального и регионального), граждан страны и независимые общественные организации [9].

Таким образом, можно увидеть, что в юридической литературе нет единого подхода к определению субъектного состава лиц, полномочных осуществлять общественный контроль в пенитенциарных учреждениях.

Примечательно, что и законодатель в некотором смысле вводит правоприменителя в заблуждение, делегируя такие полномочия различным субъектам. Так, например, в п. 8 Приказа Минюста России от 19.03.2015 № 62 «Об утверждении Порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета» закреплено, что «основными целями Совета являются: ..., участие в исправлении осужденных и общественный контроль за обеспечением прав, свобод и законных интересов осужденных». При этом, ч. 4 ст. 23 УИК РФ попечительские советы закрепляет в качестве субъектов оказания содействия администрации исправительного учреждения, но никак не осуществления общественного контроля.

Если рассмотреть ст. 23 УИК РФ во взаимосвязи со ст. 24 УИК РФ, где перечислены лица, которые без специального на то разрешения имеют право посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, то можно увидеть наличие большего круга субъектов, чем те, которым ст. 23 УИК

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. - № 20. - Ст. 3397.

РФ предоставлено право осуществлять общественный контроль. Помимо общественных наблюдательных комиссий и их членов, право на посещение пенитенциарных учреждений имеют Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченные по правам ребенка в субъектах Российской Федерации; Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации.

Алогичным является отсутствие федеральных и региональных омбудсменов в ст. 23 УИК РФ в качестве субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека.

Вместе с тем, деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод².

Также, важно заметить, что с 10.06.2008 г. (с того момента, как был принят ФЗ от 10.06.2008 № 76-ФЗ) в Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» была введена ст. 36.1, которая говорит об обязанности Уполномоченного осуществлять взаимодействие с общественными наблюдательными комиссиями в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания.

Общественные наблюдательные комиссии ежегодно направляют Уполномоченному материалы по итогам осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания.

Уполномоченный по правам человека является субъектом общественного контроля, как заявляет В. Д. Саттаров, потому, что само понятие предполагает установление определенных критериев, которым соответствует Уполномоченный по правам человека, а именно «действует в интересах граждан и преследует цель защиты их прав, в своей деятельности независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам» [9].

Полагаем, что Уполномоченного можно отнести к субъектам пенитенциарного контроля лишь нормативно закрепив его в качестве такового в ст. 23 УИК РФ и в ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ.

Примечательно, что в ст. 38 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» до 01.07.2010 года право контролировать деятельность учреждений, исполняющих наказания, было предоставлено общественным организациям, однако после принятия Федерального закона от 01.07.2010 № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» общественные организации такого права лишились.

Сопоставив все вышеперечисленные нормативные акты, предусматривающие возможность осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в исправительных учреждениях, можно обнаружить отсутствию

корреспондирования одних положений закона другим, что говорит о наличии как правовых коллизий, так и правового вакуума при регулировании данного вопроса.

В связи с этим полагаем, что уместно проанализировать как законы, так и подзаконные акты и унифицировать регламентацию деятельности институтов гражданского общества в контексте осуществления общественного контроля. Начать следует с кодифицированного нормативного акта, а именно название ст. 23 УИК РФ изменить следующим образом: «Участие общественных наблюдательных комиссий и омбудсменов в осуществлении общественного контроля за обеспечением прав человека». Думается, что конкретное перечисление субъектов осуществления пенитенциарного контроля будет способствовать исключению двоякого толкования диспозиции ст. 23 УИК РФ.

Все остальные представители общественности могут осуществлять *содействие* в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, принимать участие в исправлении осужденных, взаимодействовать с администрацией исправительного учреждения по различным вопросам, но они должны быть лишены полномочий по осуществлению *контроля*.

Пристатейный библиографический список

1. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы: учеб. пособие / [С. Н. Ушаков и др.]; Федер. служба исполн. наказаний; Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. - Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2014. - С. 6.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. - М., 1981. - С. 259.
3. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1935-1940). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://slovariki.org/ushakov/ush-abc/11/us1e5013.htm> (дата обращения 04.11.2022).
4. Лелюх В. Ф. Современные виды (формы) контроля за деятельностью исправительных учреждений в период реформирования уголовно-исполнительной системы России // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2012. - № 3 (51). - С. 317.
5. Артемьев Н. С. Роль общественного контроля в предупреждении нарушений законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. - 2019. - Т. 14 (1-4). - № 3. - С. 242.
6. Петайчук А. А. К вопросу об оказании содействия общественных объединений в работе учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 7 (170). - С. 270.
7. Артемьев Н. С. Роль общественного контроля в предупреждении нарушений законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. - 2019. - Т. 14 (1-4). - № 3. - С. 242.
8. Малолеткина Н. С., Скиба А. П. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы: предмет и виды субъектов // Вестник Самарского юридического института. - 2020. - № 2 (38). - С. 69.
9. Саттаров В. Д. Основные особенности реализации общественного контроля в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: проблемы и пути их преодоления // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2022. - № 2. - С. 18.

² Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-399-402

ВЕТРОВА Ольга Алексеевна
пенсионер МВД России

ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

В статье рассматриваются отличия правового статуса гражданина Российской Федерации от правового статуса иностранного гражданина; заслуживает внимания вывод, что права и свободы рассматриваемой категории лиц не только могут, но и должны быть ограничены в соответствии с Конституцией РФ, принципами и нормами международного права, национальным законодательством РФ.

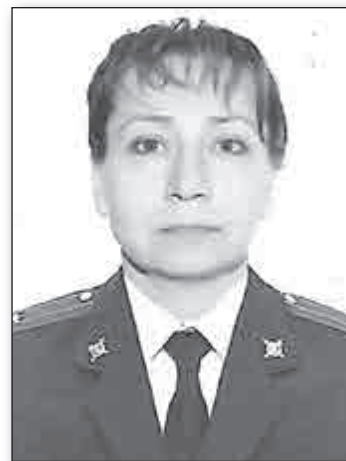
Ключевые слова: правовое положение, правоохранительные органы, правовой статус, права, обязанности, законные интересы, иностранные граждане.

VETROVA Olga Alexeevna
pensioner of the MIA of Russia

ISSUES OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF A FOREIGN CITIZEN WHO HAS COMMITTED A CRIME ON THE TERRITORY OF RUSSIA

The article examines the differences between the legal status of a citizen of the Russian Federation and the legal status of a foreign citizen; the conclusion deserves attention that the rights and freedoms of the category of persons under consideration not only can, but also should be limited in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the principles and norms of international law, the national legislation of the Russian Federation.

Keywords: legal status, law enforcement agencies, legal status, rights, obligations, legitimate interests, foreign citizens.

Ветрова О. А.

Любой иностранный гражданин, который находится на территории России, должен соблюдать положения нормативных правовых актов Российской Федерации. Проводимое исследование необходимо в первую очередь для определения правового положения иностранцев, законно проживающих на территории нашей страны. При этом для определения правового положения иностранных граждан необходимо уточнить административный механизм постоянного проживания иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Правовые институты различных стран всего мира характеризуются наличием возможности реализовывать права и обязанности лиц, проживающих на соответствующей территории. Соблюдение законодательства в области обеспечения прав человека и гражданина невозможны без наличия правовых институтов. Иностранцы граждане обладают возможностью защиты своих прав, прибегая к использованию юридических институтов. Однако иностранные граждане обладают особым правовым статусом на территории России [11].

Совокупность имеющихся у индивида (в данном случае иностранного гражданина) прав и обязанностей именуется юридическим статусом (или административным положением):

1. данная система является инклюзивной, то есть она включает в себя права и обязанности индивида, а также права и обязанности иных лиц. Структурно это выглядит следующим образом: права и законные интересы граждан; обязанности граждан; правоспособность; дееспособность; гражданство;

2. данная структура состоит из нормативных актов, относящихся к административно-правовым, то есть является продуктом административных правоотношений;

3. система характеризуется наличием механизма государственно-правового регулирования, с помощью которого обеспечивается реализация прав и обязанностей каждой личности, живущей на территории нашей страны [11, с.6].

Базовые аспекты, которые затрагивают жизнедеятельность иностранных граждан, находящихся в России, упомянуты в таких нормативных правовых актах, как Конституция России, Федеральных законах «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», и иных законах. Данный перечень правовых актов не имеет исчерпывающего характера. Существуют также международные источники миграционного права России, такие, например, как Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. (СССР ратифицировал данный акт в середине шестидесятых годов), Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года, а также иные международные соглашения и договоры. Любой иностранный гражданин обладает правом свободного выезда и въезда на территорию любого из субъектов России, а также обладает правом ограниченного выезда на территорию России и свободного выезда за пределы нашей страны [1].

В соответствии со статьей 3 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» нормативные правовые акты, регламентирующие права и обязанности иностранных граждан в нашей стране, включают в себя: Конституцию России, Федеральные законы России, подзаконные акты, именуемые указами, а также ратифицированные Государственной Думой России международные договоры и соглашения или их отдельные положения и составные части [2].

Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» устанавливает основы правового статуса иностранных граждан, которые находятся на территории нашей страны. Также он определяет вопросы и аспекты защиты их прав и исполнения ими своих обязанностей в стране пребывания.

Упомянутый нормативный правовой акт подразделяет иностранцев, пребывающих на территории Российской Федерации, на виды: лица, живущие на постоянной основе

в нашей стране, живущие на временной основе и живущие на основе виз. При этом визы делятся на различные категории в зависимости от цели пребывания иностранца в России. Например, существуют студенческие визы, рабочие визы и иные категории виз.

Для России характерно отсутствие сегрегации и дискриминации иностранных граждан. Иностранцы обладают всеми правами и свободами, такими же, какими пользуются и граждане России. Однако они не имеют права избираться и быть избранными в органы государственной власти на территории нашей страны. Для участия в выборах в представительные органы местного самоуправления существует исключение из указанного правила. Данные правоотношения регламентируются в том числе и международными договорами России с определенными странами, такими, как Таджикистан, Кыргызстан, Беларусь, Казахстан и Узбекистан. Особый статус имеют лица с двойным гражданством. Дискриминация иностранных граждан характерна для арабских стран, Брунея и Ирана, но не России.

В то же время иностранные граждане могут быть выдворены из России по определенным правовым основаниям, таким, как наличие приговоров судов за совершение преступлений и административных правонарушений. По более мелким административным правонарушениям решение о депортации принимает Министерство Внутренних Дел России. Однако указы о депортации может издавать Президент России, также он может вводить на основании собственных указов мораторий на административное выдворение за пределы России.

Таким образом, правовое положение иностранных граждан в части прав и обязанностей отличается от правового положения граждан Российской Федерации. Разумно также предположить, что иностранцы, приговоренные к наказанию в виде лишения свободы, должны иметь меньше прав и больше обязанностей. Определенные положения Конституции нашей страны предусматривают случаи и обстоятельства, при которых возможно ограничение прав и свобод граждан России, иностранных граждан, лиц без гражданства, а также лиц, обладающих иным международно-правовым статусом.

Население западных стран имеет крайнюю обеспокоенность наличием миграционной проблематики. Во многих странах Европы большинство криминальных деяний совершаются лицами, обладающими юридическим статусом беженца, соискателя на получение убежища и иностранного гражданина-мигранта, то есть имеющего статус иммигранта, трудового мигранта. Подобные данные упомянуты в различных докладах Министерства Внутренних Дел Австрии: в 2019 году 40 % всех подозреваемых в совершении преступлений составили иностранцы (беженцы, представители этнических меньшинств) [8].

Круг иностранных граждан, подлежащих депортации за пределы нашей страны, определяется законодательством Российской Федерации. Данный перечень может быть дополнен указами Президента России. Однако иностранные граждане могут быть депортированы только на основании судебных приговоров по делам об административных правонарушениях и по делам об уголовных преступлениях. Органы Министерства Внутренних Дел руководствуются при осуществлении действий по административному выдворению иностранных граждан за пределы России исключительно судебными решениями, вынесенными на основании российских законов.

Суровые приговоры судов выносятся во всех странах мира, в том числе, и в нашей стране. В отношении иностранных граждан российскими судами очень часто назначается наказание в виде лишения свободы. Указанная категория граждан представляет собой наибольшую опасность для нашего общества, поэтому данной группе лиц уделяется больше внимания с целью предупреждения и своевременного

пресечения возможного рецидива или иных антиобщественных проявлений.

Как указывает Г.Ю. Зинин, судимость представляет собой последнее осуждения лица, виновного в совершении преступления, выражающееся в наличии у него специфического правового статуса с момента вступления приговора суда в законную силу до погашения или снятия судимости, которое заключается в возложении на него определенных обязанностей и ограничении его прав и законных интересов в рамках различных отраслей российского законодательства [10].

Основанием для ограничения общих гражданских прав лиц, осужденных согласно закону к наказанию в виде лишения свободы, является судимость. Наиболее полный перечень общегражданских правоограничений приводит упомянутый выше автор. К общеправовым последствиям судимости, регламентированным различными отраслями российского права, относятся:

1. наличие ограничений для участия лица в деятельности, связанной с социальными отношениями в сфере медицины, безопасности нашей страны; ограничения на коммерческую, хозяйственную, финансовую и иную деятельность;
2. ограничения на восстановление и приобретение гражданства Российской Федерации;
3. запрет на осуществление усыновления лицом, у которого есть судимость, то есть наличие приговора суда по уголовному делу; запрет на получение лицензии на покупку и ношение огнестрельного оружия [10, с. 9].

Статьи 181 и 182 УИК РФ предоставляют дополнительные права лицам, освобожденным из-под стражи. Эти права соответствуют административной ответственности государственных органов, обеспечивающих деятельность по исполнению наказаний. Таким образом, лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы, имеют право на безвозмездную составляющую проезда к территории, на которой они проживают, питание или деньги, одежду за счет средств федерального бюджета, а также на единовременное денежное пособие, размер которого устанавливается Правительством России. Согласно статье 182 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, кроме других форм социальной помощи, освобожденные осужденные имеют право на труд и содержание семьи [3].

Часть 3 статьи 55 Конституции РФ устанавливает базу ограничения иностранных граждан в правах на легальной основе, без вступления в противоречия с Основным законом Российской Федерации и доктриной прав человека в целом. В России защита прав и свобод личности ограничивается в основном защитой прав собственности, жизни и окружающей среды.

Хотелось бы подчеркнуть, что рецидивизм является наиболее сложной формой преступления, обусловленной определенными социально-психологическими факторами. В случае с иностранными преступниками возрастающее количество этих факторов можно выделить в следующие характеристики:

1. отсутствие адаптации в родных странах проживания (многие преступники давно находятся в России и лишь регулярно посещают родную страну);
2. развал социальных отношений, выстроенных в России, и отсутствие таких отношений в странах, на территорию которых иностранные граждане должны прибыть после своего освобождения из мест лишения свободы;
3. наличие значительных трудностей с приобретением авиабилетов для выезда за пределы РФ;
4. затягивающиеся сроки решения вопросов открытия въездных (выездных) виз, что приводит к пребыванию иностранных граждан на территории нашей страны непосредственно при исправительной колонии или в местах, определяемых посольствами. Права освобожденных иностранцев зачастую при этом нарушаются, что подталкивает их к совершению повторных преступлений [9].

Юридическое положение отбывших наказание в виде лишения свободы иностранных граждан не отличается от правового положения лиц, обладающих статусом российского гражданина.

Считается, что порядок освобождения иностранных граждан такой же, как и у осужденных граждан Российской Федерации, то есть в соответствии со статьями 172-183 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. При этом ограничения прав иностранных граждан, осужденных к лишению свободы, могут принимать следующие формы:

1. согласно критериям миграционного учета существует несколько категорий иностранных граждан. Данные правоотношения регулируются целым комплексом нормативных правовых актов, таких, например, как Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», Федеральный закон РФ от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»;

2. Федеральный закон РФ от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» регулирует внешнюю миграцию и затрагивает создание базы данных на всех иностранных граждан, а также формирование и ведение миграционного учета [4]. Также данный закон косвенно затрагивает трудовые правоотношения;

3. существует перечень условий, при которых иностранные граждане, живущие в России, могут подвергнуться санкциям за ненадлежащее поведение в течение периода проживания в нашей стране. При этом до осуществления административного выдворения указанных граждан Российской Федерацией допускается выдворение или депортация иностранных граждан, отбывших наказание в виде лишения свободы, в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии. В целях обеспечения исполнения решения суда о наложении административного взыскания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации допускается помещение таких иностранцев в специальное учреждение, исключающее возможность самовольного выезда из таких учреждений, решение о репатриации или передаче иностранца в иностранное государство в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии. Рeadмиссия основывается на соглашении о международном сотрудничестве. При этом государство имеет право допускать проживание граждан на своей территории, которые по каким-либо причинам не соответствуют условиям въезда на территорию принимающей страны.

Отметим, что порядок освобождения иностранцев из российского тюрем сильно отличается от порядка освобождения осужденных граждан Российской Федерации. Порядок освобождения иностранного гражданина из мест лишения свободы определяется причиной его нахождения в России до осуждения к уголовному наказанию – законной или незаконной. О.М. Субботина подразделяет освободившихся из мест лишения свободы иностранных граждан на четыре категории: иностранные граждане, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления; лица, эмигрировавшие в нашу страну до вынесения им приговора; иностранные граждане, зарегистрированные в России; лица, являющиеся гражданами Содружества Независимых Государств, которое состоит из бывших союзных республик, ранее входивших в состав Союза Советских Социалистических Республик [12].

Существует две группы административных правонарушителей из числа иностранных граждан-мигрантов: нежелательно присутствующие (но прибывшие легально) на территории России и лица, нелегально прибывшие на территорию России.

Решения о нежелательности проживания иностранных граждан, освобожденных из мест лишения свободы, на территории Российской Федерации, принимаются Министер-

ством юстиции Российской Федерации. Данные решения должны исполняться Главным управлением по вопросам миграции МВД России. Эти процедуры регламентируются актами Министерства юстиции России и приказами Министерства внутренних дел Российской Федерации [7].

Кроме того, в пункте 4 статьи 31 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» перечислены основания для выдворения иностранных граждан за пределы Российской Федерации. Выдворение иностранных граждан осуществляется административным органом либо субрегиональными органами власти во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти и региональными органами власти [2].

Согласно пункту 11 статьи 31 указанного закона уполномоченным федеральным органом исполнительной власти «в отношении иностранного гражданина, находящегося в местах лишения свободы, может быть вынесено решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации или решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию» [2].

Не существует никаких оснований, препятствующих административному выдворению, если лицо откажется от депортации. Никто не имеет права на отказ от административного выдворения.

Наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений является основанием для осуществления депортации или административного выдворения за пределы Российской Федерации. Наличие оснований для административного выдворения не противоречит критериям федерального законодательства России.

Представляется, что данные правила противоречат Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», статья 6 которого содержит перечень профилактических мер уголовно-правового характера. Указанный перечень в числе прочих включает в себя такие направления профилактики правонарушений, как противодействие незаконной миграции и развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений [5]. Однако же иностранные граждане намного чаще подвергаются дискриминации в осуществлении своих прав по сравнению с гражданами России.

Согласно положениям статьи 6 указанного Федерального закона существуют следующие виды профилактических мероприятий:

1. предупреждение преступности; создание системы регистрации лиц, склонных к совершению преступлений; борьба с нелегальной миграцией;

2. формирование правовой культуры населения России; обучение юридической грамотности; проведение мероприятий по правовому просвещению иностранных граждан и граждан России;

3. осуществление действий по определению причинно-следственных связей между совершением преступлений и социальными условиями [5].

Иными словами, органы исполнительной власти России не имеют права единолично депортировать мигрантов и наказывать их. В этом вопросе существует наличие фактора разделения властей и системы сдержек и противовесов. То есть депортация иностранных граждан за совершение ими преступлений невозможна без актов органов судебной власти.

В соответствии с пунктом 2 статьи 28 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранцам, совершившим преступные деяния в России, не разрешается выезжать из Российской Федерации до их освобождения из мест лишения свободы или до освобождения от наказания, за исключением случаев, когда иностранные

граждане освобождаются от отбывания наказания условно-досрочно. При условно-досрочном освобождении данных лиц перед потерпевшей стороной у них не должно быть материальных обязательств (по решению суда) [1].

С учетом изложенного, в целях контроля за взысканием материальных средств службой судебных приставов, предлагается законодательно установить административный надзор за иностранными гражданами, в отношении которых администрация исправительного учреждения предъявляет иски в судебные органы о возмещении материального ущерба, и внести это предложение в пункт 5 части 2 статьи 3 Федерального закона от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 29.07.2017) [6]:

«2. Административный надзор устанавливается ... в отношении совершеннолетнего лица, освобожденного или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за: 5) причинение материального ущерба гражданам, государственным или негосударственным предприятиям, учреждениям, организациям или их объединениям, либо имуществу исправительного учреждения, в котором осужденный к лишению свободы гражданин отбывал наказание».

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Правовой статус иностранного гражданина, отбывшего наказание в виде лишения свободы, является специальным правовым статусом, представляющим собой особый статус, и включающий в себя специфические права, обязанности, а также законные интересы данного гражданина. При этом объем прав иностранных граждан, освободившихся из мест лишения свободы, меньше, а обязанностей – больше, чем у граждан России, также отбывавших наказание в виде лишения свободы. Ведь даже иностранные граждане, находящиеся на территории Российской Федерации на законных основаниях, имеют ряд правоограничений в соответствии с российским законодательством, как то: правоограничения в избирательных правах, участии в референдумах, ограничения на свободу передвижения для временно проживающих в нашей стране иностранных граждан, и т.д. В соответствии с российским законодательством, иностранные граждане, отбывшие наказание в виде лишения свободы в нашей стране, подвергаются следующим правоограничениям: учетный контроль данной категории граждан и административное выдворение иностранных граждан, отбывших наказание в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Однако представляется, что в целях контроля за иностранными гражданами, освобожденными из мест лишения свободы, ввиду неуклонного роста рецидивной преступности, свидетельствующей о повышенной опасности данной категории граждан, а также в целях исполнения устанавливаемых судами временных ограничений их прав и свобод, необходимо вернуть в уголовное законодательство понятие «рецидивист» и, соответственно, усилить меры воздействия по отношению к иностранным гражданам, отбывшим наказание в виде лишения свободы.

Вышеуказанное предопределяет необходимость поиска, систематизации и выработки правовых норм и нормативных правовых актов, определяющих правовой статус иностранных граждан, отбывших наказание в виде лишения свободы и пребывающих на территории Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон РФ от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (в ред. от 11.10.2018 г.) // Российская газета. – № 159. – 22.08.1996.
2. Федеральный закон РФ от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» (в ред. от 19.07.2018 г.) // Российская газета. – № 140. – 31.07.2002.
3. Федеральный закон РФ от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018 г.) // «Собрание законодательства РФ» - 13.01.1997. – № 2, ст. 198.
4. Федеральный закон РФ от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (в ред. от 01.05.2019 г.) // Российская газета. – № 156. – 20.07.2006.
5. Федеральный закон РФ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. – № 139. – 28.06.2016.
6. Федеральный закон РФ от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (в ред. от 29.07.2017 г.) // Российская газета. – № 75. – 08.04.2011.
7. Приказ Минюста России № 198, МВД России № 633 от 28 сентября 2018 г. «Об утверждении Регламента взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний, Министерства внутренних дел Российской Федерации и их территориальных органов при исполнении принятых Министерством юстиции Российской Федерации решений о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы, и вынесенных Федеральной службой исполнения наказаний (территориальными органами Федеральной службы исполнения наказаний) решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, осужденных за совершение умышленного преступления» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.11.2018 № 52617) // Консультант плюс. Документ опубликован не был (дата обращения 01.09.2022).
8. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О ситуации с правами человека в отдельных странах», г. Москва, 08.07.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1795175/ (дата обращения 05.09.2022 г.).
9. Ворохошко Л. Ю. Социально полезные связи осужденных к лишению свободы с родственниками в процессе их исправления и перевоспитания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 156 с.
10. Зинин Г. Ю. Судимость как последствие уголовно-правового осуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08. Рязань, 2014. С. 8.
11. Музыченко П. Б., Музыченко Ю. П. Юридическая ответственность иностранных граждан в Российской Федерации. Научное издание // Издательство ТОГУ. Хабаровск, 2014. С. 9.
12. Субботина О. М. Подготовка к освобождению осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства // Сборник трудов конференции «Исполнение отдельных видов уголовных наказаний: проблемы и пути совершенствования. Рязань, 21-23 ноября 2017 года. III международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Академия ФСИН России. С. 231.

ГЛЕБОВА Екатерина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ПИТИМИРОВА Екатерина Викторовна

курсант 3 курса Самарского юридического института ФСИН России

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ

В современных условиях, согласно статистическим данным, являются достаточно регулярными случаи неправомерного применения специальных средств и физической силы сотрудниками уголовно-исполнительной системы (далее по тексту УИС). До тех пор, пока существует хотя бы минимальное количество таких случаев в системе, проблема ответственности сотрудников УИС будет характеризоваться высокой актуальностью.

Проблема заключается в неэффективности правовых последствий за неправомерное применение специальных средств и физической силы сотрудниками УИС. С нормативно-правовой позиции можно констатировать наличие норм об ответственности сотрудников УИС за указанную группу деяний. Тем не менее, практика показывает, что подобные нарушения отличаются высокой степенью латентности, а также отсутствием реальной реакции со стороны уполномоченных органов на имеющие место быть жалобы, в том числе и фактически выявленные нарушения. В связи с этим необходимо выявить особенности ответственности сотрудников УИС за неправомерное применение специальных средств и физической силы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, сотрудник, ответственность, виды ответственности, специальные средства, физическая сила, применение, актуальные проблемы.

GLEBOVA Ekaterina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Samara Institute of law of the FPS of Russia

PITIMIROVA Ekaterina Viktorovna

cadet of the 3rd course of the Samara Institute of law of the FPS of Russia

LIABILITY OF EMPLOYEES OF THE PENITENTIARY SYSTEM FOR UNLAWFUL USE OF SPECIAL MEANS AND PHYSICAL FORCE

In modern conditions, according to statistical data, cases of the unlawful use of special means and physical force by employees of the penal enforcement system (hereinafter referred to as the UIS) are quite regular. As long as there is at least a minimum number of such cases in the system, the problem of the responsibility of the employees of the UIS will be characterized by high relevance.

The problem lies in the ineffectiveness of the legal consequences for the unlawful use of special means and physical force by the employees of the UIS. From the normative-legal position, it can be stated that there are norms on the responsibility of the employees of the UIS for the specified group of acts. Nevertheless, practice shows that such violations are characterized by a high degree of latency, as well as the lack of a real reaction from the authorized bodies to complaints that take place, including actually detected violations. In this regard, it is necessary to identify the specifics of the responsibility of the employees of the UIS for the unlawful use of special means and physical force.

Keywords: penal system, officer, responsibility, types of responsibility, special means, physical force, use, current problems.

В теоретическом смысле, что крайне негативно сказывается на эффективности в прикладном аспекте, ответственность сотрудников УИС сегодня является одним из малоисследованных вопросов в уголовно-исполнительном праве. В то же время, значение ответственности, особенно в этой области, очевидно, так как именно ответственность позволяет устанавливать границы правомерной и неправомерной деятельности. Ответственность сотрудников УИС – это действенное средство обеспечения надлежащего несения службы, соблюдения законности и служебной дисциплины.

Недостаточность теоретической разработанности вопроса, пробелы нормативного правового регулирования в совокупности с комплексом других проблем показывают, что ежегодно в стране фиксируются резонансные случаи применения пыток и всевозможных издевательств в учреждениях, реализующих функцию исполнения наказаний. Это недопустимая ситуация в правовом и демократическом государстве, что указывает на актуальность избранной темы.

Сотрудники УИС наделены специфическим правовым положением, они обладают специальными полномочиями, направленными на выполнение соответствующих целей и задач, имеющих конкретное назначение. Как специальные субъекты, а также, как субъекты, имеющие общегражданский статус, сотрудники УИС могут привлекаться к ответственности в двух смыслах – за неправомерные действия при выполнении своих служебных обязанностей; как обычные граждане, на которых на общих началах распространяет действие законодательство о тех или иных видах ответственности [5, с. 27].

Существует достаточно широкий комплекс юридической ответственности, который может быть применен к сотрудникам

за неправомерные действия. Применение того или иного вида ответственности в каждом случае будет иметь значение характер самого правонарушения, а также степень его общественной опасности. В частности, обращая внимание на положение федеральных законов и ведомственных актов, можно констатировать, что в отношении сотрудников УИС установлено применение четырех видов юридической ответственности: дисциплинарной, материальной, административной, уголовной.

Проблематика неправомерного применения специальных средств и физической силы сотрудниками УИС указывает на то, что достаточно перспективной в этой области, как и нуждающейся в совершенствовании с точки зрения практического применения, может быть гражданско-правовая ответственность.

Обеспечение нормального функционирования УИС требует наделения сотрудников этой системы возможностью применять специальные средства и физическую силу. На законодательном уровне сформулирована правовая основа порядка и оснований применения специальных средств и физической силы.

Сотрудники УИС представляют собой специфическую категорию должностных лиц, которая таким же образом становится специальным субъектом правоотношений, если причиняет вред при применении физической силы и специальных средств [6, с. 386]. Причиненный неправомерными действиями вред требует его возмещения в порядке, установленном законодательством.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) включает нормы о возмещении вреда в результате незаконных действий государственных органов и их должностных лиц. В основу механизма исполнения обязательств в виде возмещения вреда при применении сотрудником УИС специальных средств и физической силы, положено правило, закрепленное п. 1 ст.

1064 ГК РФ. В частности, суд возлагает обязанность осуществить возмещение путем возмещения причиненных убытков или же возмещение вреда в натуре. Возмещение убытков в таком смысле – мера гражданско-правовой ответственности [3, с. 14]. Тем не менее, лицо, которое требует возмещения, обязано доказать факт причинения убытков, а также их размер. При этом между вредом и наступившими последствиями должна быть причинная связь.

Подвергая буквальному толкованию положения ч. 2 ст. 1064 ГК РФ, необходимо отметить, что бремя доказывания отсутствия вины возлагается на причинителя вреда. Помимо этого, важно установить надлежащего ответчика. Как субъект спорных отношений надлежащим ответчиком при неправомерном применении сотрудником специальных средств, физической силы будет выступать ФСИН России. При этом на ФСИН России возлагается цель доказать правомерность такого применения спецсредств. На практике существует достаточное количество случаев, когда правомерность применения специальных средств и физической силы была доказана, в результате чего сотрудник не вступал в процесс, освобождаясь от ответственности. В свою очередь, если будет доказан факт неправомерности, тогда, в соответствии с положениями ст. 1069 ГК РФ, причиненный вред должен возмещаться за счет казны РФ, а ФСИН России имеет право в порядке регресса переложить это возмещение на виновного сотрудника.

Вред, причиненный сотрудником УИС в результате незаконного применения специальных средств и физической силы, подлежит возмещению за счет казны РФ, субъекта РФ или муниципального образования. Так, по ст. 1071 ГК РФ казну представляют финансовые органы, если такая обязанность не возлагается на другой государственный орган, юридическое лицо или гражданина. Казна – это средства бюджета и другое имущество, находящееся в собственности РФ, субъектов Федерации, муниципальных образований. То есть, ответственность по возмещению за счет казны несет собственник средств, и именно он должен исполнить соответствующее обязательство, безотносительно к тому, будет ли впоследствии иметь место регрессное требование или нет.

В бюджетном законодательстве закреплено, что по делу о возмещении вреда физическому или юридическому лицу вред возмещается государственными органами, органами местного самоуправления (должностными лицами данных органов) от имени РФ, субъектов Федерации, муниципальных образований. Субъектом, который несет ответственность, назначен главный распорядитель бюджета по ведомственной принадлежности, то есть, в данном случае за исполнение обязательства будет отвечать ФСИН России.

По гражданскому законодательству за счет казны вред возмещается не только по ст. 1069 ГК РФ, но и в случаях, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 1070 ГК РФ. Более того, по ст. 1070 ГК РФ действует специальный режим ответственности – без вины. Для этих случаев ч. 3 ст. 125 ГК РФ не предусматривает исключений, а значит, от имени РФ выступает Министерство финансов РФ [4, с. 71].

Иначе к регулированию анализируемого вида ответственности подходит диспозиция ч. 2 ст. 1070 ГК РФ, отсылая к ст. 1069 ГК РФ. Отдельное внимание в этом механизме заслуживают установления ст. 1069 ГК РФ. Причинение вреда не должностными лицами в том числе может повлечь ответственность по ст. 1069 ГК РФ. Данная позиция в российской практике получила свое подтверждение не на национальном уровне, а при помощи деятельности международных инстанций. Так, ст. 1069 ГК РФ актуальна к применению только тогда, когда речь идет о субъектах, указываемых в уголовно-правовом смысле¹. Не менее важно, что должностное лицо должно причинить вред только в условиях исполнения возложенных на него обязанностей, в противном случае речь будет идти об ином виде взыскания².

Даже при том, что уже на протяжении долгого времени актуальной является именно такая практика, обращение внимания на отраслевое законодательство, позволяющее обнаружить применение в ряде кодифицированных актов, в том числе и посвященных ответственности, легального определения понятия должностного лица. В деликтных обязательствах речь идет об отсылке к уголовному законодательству. Следуя общепринятой модели, а также для того, чтобы избежать проблем в ходе правоприменения, ви-

дится необходимым внести изменения в ст. 1069 ГК РФ. Так, в ст. 1069 ГК РФ следует включить Примечание 1 и изложить его в такой редакции: «Под должностным лицом в гражданском праве следует понимать государственных служащих, а также лиц, замещающих государственные должности и иных уполномоченных лиц, обеспечивающих выполнение государственными органами установленных задач и функций и наделенных соответствующими полномочиями».

Достаточно подробную, с точки зрения квалификации случаев наступления гражданско-правовой ответственности при неправомерном применении специальных средств и физической силы в отношении сотрудников предлагает М. Ю. Конарев [2, с. 456]. Согласно его точке зрения, ответственность за вред, причиненный при неправомерном применении специальных средств, физической силы должна наступать по правилам ст. 1069 и части 2 ст. 1070 ГК РФ; по правилам ст. 1079 ГК РФ, если вред был причинен такими видами специальных средств, которые отвечают признакам источников повышенной опасности.

Причиненный при неправомерном применении специальных средств, физической силы вред сотрудниками УИС, с позиции гражданского законодательства подвергается дифференциации на материальный и моральный. Материальный вред направлен на восстановление имущественной сферы потерпевшего, тогда как моральный вред направлен на восстановление лично-неимущественной сферы.

Подводя итоги, констатируем, что применение специальных средств и физической силы сотрудниками УИС поставлено в четкие правовые рамки – сформулирована правовая основа о порядке и основаниях, конкретных случаях их применения. Если имеет место выход за пределы правовой нормы – наличие неправомерное применение специальных средств и физической силы.

Сотрудник УИС одновременно являются специальным субъектом и обычным гражданином, когда в отношении него может быть применена ответственность, не только предусмотренная в отношении любых субъектов права, но и установленная служебным законодательством [1, с. 70].

Широкие перспективы, исходя из либерализации в УИС, в настоящее время должна открывать материальная ответственность. ГК РФ содержит соответствующие специальные нормы, отражает порядок и основания привлечения сотрудников за неправомерные действия. Поэтому основная работа должна быть направлена на практическое воплощение норм и дальнейшее совершенствование законодательства. Предложенные изменения, направленные на уточнение понимания субъектного состава гражданско-правовой ответственности, безусловно, не являются исчерпывающими.

Приставленный библиографический список

1. Конарев М. Ю. Особенности гражданско-правовой ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы России за вред, причиненный при применении физической силы, специальных средств и оружия // *Человек: преступление и наказание*. – 2016. – С. 69-71.
2. Конарев М. Ю. Особенности гражданско-правовой ответственности сотрудников пенитенциарных служб за неправомерное применение физической силы, специальных средств и оружия с точки зрения международного права // *Человек: преступление и наказание*. – 2018. – № 4. – С. 455-459.
3. Маскаева И. И. Проблемы возмещения вреда, причиненного действиями (бездействием) или решениями государственных органов и их должностных лиц в рамках // *Вестник Российского университета дружбы народов*. – Серия: Юридические науки. – 2016. – С. 1-25.
4. Острикова Л. К. Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования // *Актуальные проблемы российского права*. – 2019. – № 10 (70). – С. 68-78.
5. Павлов И. Н. Теоретические и практические аспекты применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // *Univsum: экономика и юриспруденция*. – 2021. – № 11. – С. 26-29.
6. Поникаров В. А., Калущкий И. Н., Смолев С. М., Строилов С. В. Новеллы, связанные с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы в их правоохранительной деятельности // *Человек: преступление и наказание*. – 2017. – № 3. – С. 384-389.

1 Постановление Европейского Суда по правам человека от 18.03.2010 по делу «Максимов (Maksimov) против Российской Федерации» (жалоба № 43233/02). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12180613/#ixzz6uKZsnHYJ> (дата обращения: 29.10.2022).

2 Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 01.12.2015 по делу № 33-4292/2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/138641867/#ixzz6uKatSyMY> (дата обращения: 29.10.2022).

КЛИМЮК Лия Ярославовна

преподаватель кафедры экономики и менеджмента Академия права и управления ФСИН России

О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В статье рассмотрено современное состояние привлечения осужденных к трудовой деятельности в исправительных учреждениях. Проанализированы дискуссионные вопросы по нормативно-правовым актам, касающимся выплат надбавок и доплат осужденным, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, а также вопросы по порядку предоставления отпусков осужденным, привлеченным к оплачиваемому труду.

Ключевые слова: труд, лишение свободы, осужденные, привлечение к труду, отпуск, надбавки, доплаты.

KLIMYUK Liya Yaroslavovna

lecturer of Economics and management sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

ON SOME LEGAL ASPECTS OF REGULATING THE LABOR ACTIVITY OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT

The article examines the current state of attracting convicts to work in correctional institutions. The normative legal acts of controversial issues concerning the payment of allowances and surcharges to convicts working in the Far North and equivalent areas, as well as the procedure for granting vacations to convicts involved in paid work, are analyzed.

Keywords: labor, imprisonment, convicts, employment, vacation, allowances, surcharges.

Климюк Л. Я.

Трудовая деятельность для всех пенитенциарных учреждений занимает важную нишу и выполняет ряд функций: оздоровительную, предупредительную, воспитательную, экономическую [5], [6 с. 26]. Для служб исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы привлечение осужденных к труду выступает многоаспектной задачей (производственной, воспитательной, медицинской, оперативной, психологической, режимной). Одинаковой для исправительных учреждений является организация привлечения осужденных к оплачиваемому труду.

Администрация пенитенциарных учреждений самостоятельно принимает решение об определении работы и места для осужденных. При привлечении осужденных к труду учитывается их возраст, пол, принимается во внимание их желание трудиться, состояние здоровья осужденных, а также, по возможности, администрация исправительного учреждения при трудоустройстве осужденного учитывает его специальность.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы по состоянию на 1 октября 2022 г. содержалось 453 тысяч человек осужденных, из них 64% составили осужденные, подлежащие к трудовой деятельности [4].

В 650 учреждениях УИС осуществляется приносящая доход деятельность, направленная на привлечение осужденных к лишению свободы к труду. Трудовая деятельность осужденных осуществляется в исправительных, воспитательных колониях, колониях-поселениях, тюрьмах, а также лечебно-профилактических и лечебно-исправительных учреждениях.

Доля привлекаемых к оплачиваемому труду и погашающих иски осужденных к лишению свободы составляет 86% от среднесписочной численности осужденных к лишению свободы, имеющих исполнительные документы и подлежащих привлечению к труду.

Осужденные привлекаются к труду:

- в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских ИУ;

- на федеральных государственных унитарных предприятиях УИС;
- на объектах организаций любых организационно-правовых форм, расположенных на территориях ИУ, и вне их;
- по хозяйственному обслуживанию ИУ и СИЗО.

Трудовая деятельность осужденных в УИС в основном регламентируется нормами Конституции РФ, международными документами, статьями Трудового кодекса РФ, Уголовно-исполнительного кодекса РФ и осуществляется в соответствии с ведомственными нормативно-правовыми актами.

В соответствии с ч. 1 ст. 102, ч. 1 ст. 104, ч. 1 ст. 105 УИК РФ на осужденных к лишению свободы законодательства РФ о труде распространяются лишь в части:

- материальной ответственности;
- оплаты труда осужденных;
- учета трудового стажа;
- правил охраны труда, техники безопасности;
- производственной санитарии;
- продолжительности рабочего времени.

Остальные вопросы в сфере регулирования трудовой деятельности осужденных в исправительных учреждениях регламентируются ведомственными нормативными актами и УИК РФ.

Дискуссионным остается вопрос о принудительности труда осужденных в местах лишения свободы. Обязательность труда для осужденных к лишению свободы не нарушает их права, труд для осужденных не является принудительным, а служит средством их исправления.

Вопрос необходимости привлечения осужденных к трудовой деятельности в местах лишения свободы стоит рассматривать как прерогативу государства, в зависимости от его возможностей [7].

Отношения, возникающие в результате привлечения осужденных к оплачиваемому труду, значительно отличаются от трудовых отношений, которые возникают на основании трудового договора, который действует в соответствии

с трудовым законодательством. В связи с этим, при регулировании труда осужденных к лишению свободы существуют разногласия и противоречия между трудовым законодательством и уголовно-исполнительным и, как следствие, возникает ряд проблемных вопросов правового характера.

Спорным является вопрос надбавок и доплат осужденным, работающим в районах Крайнего севера, а также приравненных к ним местностям.

Труд осужденных к лишению свободы, в соответствии со ст. 105 ч. 1 УИК РФ, является оплачиваемым и регулируется согласно законодательству Российской Федерации о труде. Законодательство о труде (ст. 315, 316 и 317 ТК РФ) предусматривает повышенную оплату труда в местностях с тяжелыми климатическими условиями.

Для лиц, осуществляющих трудовую деятельность в местностях с тяжелыми климатическими условиями, законодательство о труде в соответствии со ст. 315, 316 и 317 ТК РФ предусматривается повышенный размер оплаты труда.

Кроме того, основанием для выплаты районного коэффициента и процентной надбавки к заработной плате работников организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, является ст. 10 и 11 Закона Российской Федерации № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», а также в соответствии ч. 1 с. 1 данного закона, выплата районного коэффициента и процентной надбавки к заработной плате полагается лицам, осуществляемым трудовую деятельность на основании трудового договора, в организациях постоянно или временно находящихся в районах Крайнего Севера, а также местностях приравненных к ним, формы собственности данных организаций при этом не учитываются.

Неправомерной считается оплата труда осужденных, привлекаемых к оплачиваемой трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, с применением районных коэффициентов и процентных надбавок, в силу того, что между администрацией исправительного учреждения и осужденными трудовые отношения не возникают, так как трудовой договор не заключается, соответственно, нормы статей 315, 316, 317 ТК РФ, при расчете оплаты труда осужденных, не применяются.

Спорным является вопрос необходимости извещения осужденных о времени начала отпуска под подпись не позднее чем за две недели до его начала. Происходит ли факт нарушения ст. 123 ТК РФ, если осужденные не извещаются о начале отпуска за две недели до его начала?

ТК РФ предусматривает, что работодатель должен извещать работника о времени начала отпуска под подпись не позднее чем за две недели до его начала. Если работник был предупрежден о времени начала этого отпуска позднее чем за две недели до его начала, то работодатель по письменному заявлению работника обязан перенести ежегодный оплачиваемый отпуск на другой срок, согласованный с работником (часть вторая ст. 124 ТК РФ).

За неисполнение обязанности, предусмотренной ч. 3 ст. 123 ТК РФ, работодатель и (или) его должностные лица могут быть привлечены к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ.

Отпуск осужденных относится к разделу трудового законодательства - время отдыха, тем самым это время регулируется только УИК РФ.

Вместе с тем, для осужденных, привлеченных к оплачиваемому труду, разрабатывается график отпусков на следующий календарный год, с которыми они ознакамливаются под роспись.

Согласно ст. 68 ТК РФ, в случае трудоустройства и заключения трудового договора предусматривается ознакомление

работника с локальными нормативными актами, регулирующими его трудовую деятельность, под роспись.

Однако, требования, содержащиеся в ст. 103 и 129 УИК РФ, ст. 17 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 и «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», ст. 4, 11, 15 и 16 ТК РФ, исключают возможность факта заключения трудового договора с лицами, осужденными к лишению свободы. Эта же позиция отражена в определениях Конституционного суда РФ и постановлениях пленума Верховного суда РФ.

На основании изложенного, действие ст. 68 ТК РФ не может быть применено к осужденным, так как с ними не заключается трудовой договор.

Таким образом, не извещая осужденного о времени начала отпуска под подпись не позднее чем за две недели до его начала, администрация исправительного учреждения не нарушает действующее уголовно-исполнительное и трудовое законодательство в процессе ознакомления осужденных с Положением о системе нормирования труда и Положением об оплате труда.

Подводя итоги, можно сказать, что условия жизнедеятельности осужденных, специфика их труда, исключает возможность регулирования их трудовой деятельности в полном соответствии с трудовым законодательством. Трудовая деятельность осужденных к лишению свободы должна регламентироваться исключительно нормами пенитенциарного законодательства в целях предупреждения коллизий, возникающих при применении трудового и уголовно-исполнительного законодательства,

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/.
4. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>.
5. Обзор информации о деятельности ФСИН России за 1 полугодие 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fsin.gov.ru/statistics/obzor-informatsii-o-deyatelnosti-fsin-rossii-za-i-polugodie-2021-goda.php?sphrase_id=1507203.
6. Калинина Ю. И. Уголовно-исполнительное право: Учебник: В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Под общ. ред. - М. Рязань: Логос: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. - С. 276-277.
7. Копылова Л. Я. Труд осужденных в местах лишения свободы - обязанность или принуждение? // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 10 (149). - С. 320-322.

КУЗИНА Евгения Валерьевна

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

КЛИМОНОВ Павел Александрович

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ВЗЫСКАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ИСПРАВИТЕЛЬНЫМ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

В статье рассматривается механизм стимулирования правопослушного поведения осужденных к обязательным и исправительным работам. Проводится анализ проблемных аспектов, возникающих в процессе исполнения данных видов наказаний. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования применения мер взыскания, в отношении осужденных к обязательным и исправительным работам. Авторами предложено возможное внесение изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: меры взыскания, обязательные работы, исправительные работы, осужденные, нарушение порядка и условий отбывания наказания.

KUZINA Evgeniya Valerjevna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

KLIMONOV Pavel Alexandrovich

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF THE APPLICATION OF PENALTIES IN RELATION TO THOSE SENTENCED TO CORRECTIVE AND COMPULSORY LABOR

The article discusses the mechanism of stimulating law-abiding behavior of convicts to compulsory and correctional labor. The analysis of problematic aspects arising in the process of execution of these types of punishments is carried out. The necessity of improving the legal regulation of the application of penalties in relation to convicts to compulsory and correctional labor is substantiated. The authors proposed possible amendments to the current penal enforcement legislation.

Keywords: penalties, compulsory works, correctional labor, convicts, violation of the order and conditions of serving a sentence.

Политика гуманизации уголовного законодательства России, направленная на расширение практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, ставит перед УИС РФ задачу по совершенствованию механизма исполнения таких наказаний.

Исправление, как одна из важнейших целей уголовного наказания предполагается посредством воздействия на осужденных его основными средствами. Следует признать действенность установленного порядка исполнения и отбывания наказания (режима), воспитательной работы, общественно полезного труда, получения общего образования, профессионального обучения и общественного воздействия в процессе исправления осужденных, содержащихся в местах лишения свободы.

Наказания, не связанные с изоляцией от общества ввиду реализации их вне мест лишения свободы, определяют специфику применения к осужденным основных средств исправления. С одной стороны, некоторые элементы механизма исправления осужденных теряют свою актуальность, с другой их использование усиливается.

Так, соблюдение осужденными требований порядка исполнения наказаний (непентенциарного режима), по мнению Н. В. Ольховика, обеспечивается как положительными, так и отрицательными стимулами. Стимулами в данном случае будут являться не только меры поощрений, но и меры взысканий. Именно их применение способно изменить поведение людей [3. с. 125]. Аналогичную точку зрения по этому поводу имеет С. Л. Бабаян, который считает, что стимулирование правопослушного поведения осужденных к наказаниям без лишения свобо-

ды предусматривает также применение мер взысканий [1. с. 9].

В прямом толковании данные термины не закреплены законодательством для ряда наказаний без изоляции от общества. Например, правовое регулирование наказаний в виде обязательных и исправительных работ не определяет меры взыскания как таковые, но предусматривает санкции к нарушителям порядка и условий отбывания наказания. Например, в отношении осужденных к *обязательным работам* сотрудники УИИ могут проводить беседы о недопустимости совершения нарушений, выносить предупреждения, направлять представления в суд о замене обязательных работ другим видом наказания.

Беседа проводится при совершении следующих нарушений:

1. недобросовестное отношение к труду;
2. уклонение от работы на определенном объекте;
3. несообщение об изменении места жительства;
4. неявка в инспекцию по вызову без уважительных причин.

Предупреждение выносится за:

1. невыход на обязательные работы без уважительных причин;

2. нарушение трудовой дисциплины.

Представление о замене обязательных работ другим видом наказания направляется в суд в отношении осужденного:

1. более двух раз в течение месяца, не вышедшего на обязательные работы без уважительных причин;
2. более двух раз в течение месяца нарушившего трудовую дисциплину;

3. скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания.

Исходя из изложенного, следует, что большинство взысканий предусмотрено в отношении нарушителей-осужденных уже привлеченных к работам. Отметим, что период с момента постановки осужденного на учет и выдачи ему направления о необходимости явки в организацию для отбывания обязательных работ до момента фактического привлечения к работам, не подпадает под действия санкций. Не исключено, что осужденный, понимая свою безнаказанность, хотя и не отказывается от отбывания наказания, не спешит преступать к их выполнению. Существующий пробел в данной области, по нашему мнению, негативно сказывается на привлечении осужденного к наказанию в установленные законом сроки.

Таким образом, считаем возможным по аналогии с исправительными работами предусмотреть ответственность за неявку без уважительных причин в организацию в течение пяти дней со дня получения направления уголовно-исполнительной инспекции, в целях мотивации осужденного к своевременному началу отбывания наказания.

Другим неурегулированным аспектом в процессе отбывания обязательных работ, предполагаем, отсутствие обязанности являться в УИИ по вызову. Несмотря на имеющееся в законодательстве требование являться в инспекцию, отсутствие ответственности за неявку, оставляет за осужденным право поступать в данном вопросе по собственному усмотрению. Указанное положение, во-первых, снижает авторитет инспекции в статусе контролирующего органа, во-вторых, влияет на эффективность процесса исправления в целом. Считаем целесообразным применение профилактических мер воздействия, с помощью вынесения предупреждения в письменном виде, за данное нарушение.

Механизм стимулирования правопослушного поведения осужденных к *исправительным работам*, посредством применения комплекса мер взыскания, более оптимальное, по сравнению с обязательными работами. Законодательное закрепление санкций, позволяет сотрудникам УИИ оперативно реагировать в случае совершения нарушений и привлекать осужденного к ответственности на всех этапах отбывания наказания.

Статья 46 УИК РФ содержит перечень нарушений порядка и условий отбывания исправительных работ. Интерес вызывает нарушение в виде неявки на работу без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания УИИ. Предполагается, что осужденный должен в пятидневный срок обратиться в организацию, указанную в предписании УИИ, для решения вопроса трудоустройства. Буквальное толкование данного нарушения определяет уже существование трудовых отношений, где одним из субъектов выступает работодатель с другой, осуществляющий трудовые функции, работник в лице осужденного. Так, согласно Трудовому кодексу Российской Федерации (далее – ТК РФ) термин «работа» определяется через понятие «трудовая функция», т. е. выполнение работы в соответствии со штатным расписанием, профессией, специальностью с указанием квалификации; через конкретный вид поручаемой работнику работы. Неявка на работу без уважительных причин содержит аналогию с определением термина прогул, под которым признается отсутствие работника без уважительных причин на работе в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также на рабочем месте – более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены).¹

Таким образом, неявку на работу может допустить только лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем.

В соответствии со ст. 70 Приказа Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» инспекция выдает осужденному предписание о необходимости явки в организацию для отбывания исправительных работ.

Резюмируя изложенное, полагаем возможным внести изменение в п. а ч. 1 ст. 46 УИК РФ следующего содержания: *неявка в организацию без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания уголовно-исполнительной инспекции.*

Отметим, что исправление осужденных подразумевает в том числе формирование у них уважительного отношения к правилам и традициям человеческого общежития. Совершение в период отбывания обязательных и исправительных работ такого административного правонарушения, как нарушение общественного порядка, оказывает несомненно негативное влияние на процесс исправления осужденного и свидетельствует о том, что данное лицо не стремится оправдать оказанное ему судом доверие и доказать, что его исправление возможно без изоляции от общества [2. с. 75].

Указанное положение не является новеллой и нашло широкое применение в процессе реализации наказаний в виде ограничения свободы и принудительных работ, где нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности, является основанием применения мер взыскания.

Таким образом, полагаем возможным отнести нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности к числу нарушений порядка и условий отбывания наказаний в виде обязательных и исправительных работ, за совершение которых к осужденному могут быть применены меры взыскания.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что существующий механизм стимулирования правопослушного поведения осужденных к обязательным и исправительным работам, нуждается в совершенствовании. Закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве дополнительных мер взыскания в совокупности с оптимизацией существующих правовых норм, будет способствовать эффективности процесса исправления в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Бабаян С. Л., Габараев А. Ш. Совершенствование системы стимулирования в отношении осужденных к исправительным работам // Вестник Кузбасского института. - 2017. - № 3. - С. 9-13.
2. Ватылев Г. М. Применение мер взысканий при исполнении наказаний в виде обязательных, исправительных и принудительных работ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2021. - № 3. - С. 74-78. - DOI 10.52452/19931778_2021_3_74. – EDN UCOPGN.
3. Ольховик Н. В. Эффективность уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных средств обеспечения не пенитенциарного режима // Вестник Томского государственного университета. - 2012. - № 356. - С. 125-129.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.11.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34683.

СОКОЛОВ Александр Анатольевич

преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России

ПЕРЕДАЧА ОСУЖДЕННЫХ ИНОСТРАНЦЕВ В СТРАНЫ ИХ ГРАЖДАНСТВА КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматриваются порядок и условия передачи осужденных отечественными судами иностранных граждан. Анализируются положения действующего российского законодательства, решения высших судов Российской Федерации и международно-правовые акты. Отмечается различие понятий «экстрадиция» и «передача для отбывания наказания». В подтверждение такого мнения приводятся точки зрения некоторых ученых, а также официальные статистические данные ФСИН России. Исследуемый институт характеризуется в качестве юридического факта окончания уголовно-исполнительных правоотношений в Российской Федерации. Как следствие, указанную нормативную совокупность предлагается рассматривать одним из оснований освобождения от отбывания наказания. С учетом положения п. «ж» ст. 172 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации передачу осужденных иностранцев для отбывания наказания в страны их гражданства предлагается считать иным основанием освобождения от отбывания наказания.

Ключевые слова: экстрадиция, уголовно-исполнительные правоотношения, иные основания освобождения от отбывания наказания, передача осужденных, международные договоры о выдаче.

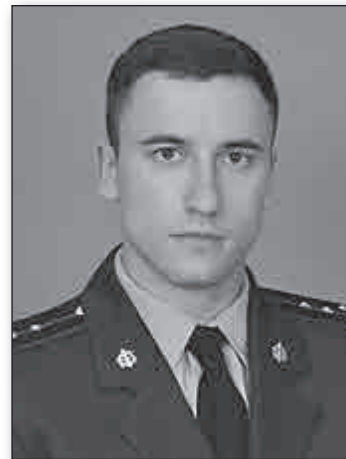
SOKOLOV Alexander Anatoljevich

lecturer of Penal law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

TRANSFER OF CONVICTED FOREIGNERS TO THEIR COUNTRIES OF CITIZENSHIP AS A BASIS FOR RELEASE FROM SERVING SENTENCES IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses the procedure and conditions for the transfer of foreign citizens convicted by domestic courts. The provisions of the current Russian legislation, decisions of the highest courts of the Russian Federation and international legal acts are analyzed. The difference between the concepts of «extradition» and «transfer to serve a sentence» is noted. In support of this opinion, the points of view of some scientists are given, as well as official statistics from the Federal Penitentiary Service of Russia. The institute under study is characterized as a legal fact of the end of penitentiary legal relations in the Russian Federation. As a result, the indicated normative totality is proposed to be considered as one of the grounds for exemption from serving a sentence. In view of the provisions of p. «ж» art. 172 of the Penal Code of the Russian Federation, it is proposed to consider the transfer of convicted foreigners to serve their sentences to their countries of citizenship as another basis for release from serving sentences.

Keywords: extradition, penitentiary legal relations, other grounds for release from serving a sentence, transfer of convicts, international treaties on extradition.

Соколов А. А.

Современные условия глобализации, интеграции, миграции населения приводят к соответствующему росту транснациональной преступности. Средства борьбы с ней заключаются как в уголовном преследовании, так и в исполнении приговора. Иностранные граждане, которым назначено наказание в виде принудительных работ, ареста или лишения свободы, имеют право поддерживать связь с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств в Российской Федерации. Данное право они реализуют через администрацию учреждений, исполняющих эти виды наказаний. Осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, осуществляют указанную возможность самостоятельно. Согласно методическим рекомендациям, утвержденным приказом Минюста России от 12 сентября 2007 г. № 185 «Об утверждении методических рекомендаций об организации работы по исполнению международных обязательств Российской Федерации в сфере правовой помощи по уголовным делам и передаче осужденных», Департамент международного права и сотрудничества, а также ФСИН России в лице учреждений, исполняющих наказания, уведомляют компетентные органы иностранных го-

сударств (консульства) об осуждении на территории России иностранных граждан.

Международными нормативно-правовыми актами и международными договорами Российской Федерации предусматривается возможность передачи иностранных граждан, осужденных отечественными судами, для отбывания наказания в странах их гражданства. Выдача лиц, осужденных судом иностранного государства, а также передача лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которых они являются, представляют собой важнейшие виды международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Это позволяет обеспечить неотвратимость уголовного преследования и наказания, социальную реабилитацию осужденных лиц. По данным Отдела по вопросам передачи осужденных в государства их гражданства ФСИН России в настоящий момент Российской Федерацией заключено 23 международных договора о передаче для отбывания наказания осужденных к лишению свободы со следующими странами: Абхазия, Азербайджан, Кипр, Ангола, Аргентина, Афганистан, Бахрейн, Вьетнам, Египет, Индия, Испания, Латвия, Литва, Марокко, Мексика, Монго-

лия, Польша, Туркменистан, Китай, Финляндия, Франция, Шри-Ланка, Южная Осетия. Среди многосторонних международно-правовых актов необходимо выделить Конвенцию Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., Европейскую конвенцию о выдаче от 13 декабря 1957 г. и дополнительные протоколы к ней (1975 и 1978 гг.), Конвенцию об обмене лиц, совершивших преступления (1983 г.), Конвенцию об упрощенной процедуре выдачи (1995 г.), Конвенцию по проблемам выдачи (1996 г.).

При отсутствии международного договора Российская Федерация может выдать, передать лицо иностранному государству, признать приговор суда иностранного государства на основе принципа взаимности (ч. 2 ст. 462, ст. 469 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), в соответствии с которым от иностранного государства можно ожидать, что в аналогичной ситуации такое государство выдаст Российской Федерации лицо для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, передаст гражданина Российской Федерации, осужденного судом указанного иностранного государства, для отбывания наказания в Российской Федерации, признает приговор, вынесенный судом Российской Федерации в отношении своего гражданина, для отбывания наказания в данном иностранном государстве¹.

Кроме того, в Российской Федерации данный процесс регламентирован гл. 55 Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Порядок рассмотрения вопроса о передаче осужденных лиц предусмотрен III разделом Приказа Минюста России от 12 сентября 2007 г. № 185 «Об утверждении методических рекомендаций об организации работы по исполнению международных обязательств Российской Федерации в сфере правовой помощи по уголовным делам и передаче осужденных».

Статьей 469 УПК РФ устанавливаются следующие основания передачи: решение суда по результатам рассмотрения представления федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области исполнения наказаний, либо обращения осужденного или его представителя, а равно компетентных органов иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации либо письменным соглашением компетентных органов Российской Федерации с компетентными органами иностранного государства на основе принципа взаимности. Такое ходатайство рассматривается судом в порядке и сроки, которые установлены ст.ст. 396, 397 и 399 УПК РФ. Согласно этим статьям, правом подачи такого представления или ходатайства обладают ФСИН России, осужденный или его представитель, а также соответствующие органы иностранного государства на основании международного договора Российской Федерации. Следует отметить, что в ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) и п. 6.1 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполни-

тельной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» устанавливается обязанность администрации учреждений, исполняющих наказание в отношении иностранного гражданина, разъяснить ему порядок и процедуру предоставления возможности отбывания наказания в стране его гражданства. При этом, по мнению Т. С. Хван, зачастую иностранные граждане не в полной мере владеют русским языком, а попытки перевода соответствующего текста на родной язык сотрудниками уголовно-исполнительной системы не всегда в нужной мере информируют осужденных о возможности рассчитывать на передачу в страну их гражданства для дальнейшего отбывания наказания [5]. В связи с этим, указанный законный интерес часто остается невостребованным.

Законодательством предусматриваются случаи, в которых такая передача невозможна. Так, ст. 471 УПК РФ устанавливается, что осужденному может быть отказано в передаче, если:

- суд иностранного государства не признал приговор суда Российской Федерации;
- совершенное деяние не признается преступлением в иностранном государстве;
- наказание не может быть исполнено в иностранном государстве вследствие истечения срока давности или по иному основанию;
- условия и порядок отбывания осужденным наказаний, определенных судом или иным компетентным органом иностранного государства, несопоставимы с российскими;
- от осужденного или от иностранного государства не получены гарантии исполнения приговора в части гражданского иска;
- не достигнуто согласие о передаче осужденного на условиях, предусмотренных международным договором Российской Федерации;
- осужденный имеет постоянное место жительства в Российской Федерации.

Передача лица для отбывания наказания также не будет осуществлена, если неотбытая часть срока меньше установленной в международном договоре Российской Федерации. Как правило, такой срок устанавливается в размере 6 месяцев (см., например: Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о передаче осужденных для отбывания наказания). Важно отметить, что законом устанавливается исключительно лишение свободы тем видом наказания, при котором возможна реализация исследуемого правового института. Осужденные к другим видам наказания не могут рассчитывать на передачу их для отбытия в стране их гражданства. Л. Л. Санташова, исследовав указанный вопрос, справедливо обосновывает возможность «разработки положений уголовно-процессуального законодательства о передаче осужденных к наказаниям без изоляции от общества». Она предлагает «положения гл. 55 УПК РФ распространить на указанные выше категории осужденных» [4, с. 11]. Вместе с тем отметим, что такие наказания могут существенно отличаться по условиям их применения и только лишение свободы обладает общими характерными особенностями, присущими значительному количеству уголовно-исполнительных систем государств.

По состоянию на 31 августа 2022 г. из Российской Федерации переданы для дальнейшего отбывания наказания в государства их гражданства 47 осужденных, приняты в Россию

1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Рос. газ. – 2012. – № 141. – 22 июня.

8 осужденных граждан Российской Федерации². Вместе с тем, в научной литературе касаются вопросов передачи граждан в иностранные государства, преобладает понятие «экстрадиция». Л. В. Иногамова-Хегай отмечает, что «экстрадиция это есть передача лица, которое совершило преступление, государством, на территории которого оно пребывает, запрашиваемому государству» [1, с. 130]. Представляется, что указанный правовой институт характерен по отношению к лицам, выдаваемым для уголовного преследования по запросам компетентных органов, например Интерпола. В свою очередь передача осужденных для отбывания наказания в страны их гражданства является самостоятельным правовым институтом. ФСИН России в отчетных документах также разграничивает указанные выше понятия. Так, в 2021 г. переданы (выбыли из исправительных учреждений) для дальнейшего отбывания наказания 280 осужденных, выданы для уголовного преследования – 687.

Следует отметить, что в случаях передачи иностранного гражданина (или лица без гражданства), отбывающего наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, по его ходатайству в запрашиваемую страну, данное лицо исключается из юрисдикции уголовно-исполнительной системы России (далее – УИС). Дальнейшее исполнение наказания возлагается на компетентные органы принявшего иностранного государства. В связи с этим, предлагается более подробно рассмотреть правовые последствия как для передавшего учреждения УИС, так и для самого осужденного.

Данные субъекты являются элементами состава уголовно-исполнительных правоотношений. В научной литературе распространено мнение, что, уголовно-исполнительные правоотношения возникают при вступлении приговора суда в законную силу и обращение его к исполнению. Как отмечает Н. И. Полищук, такой подход для определения начала действия уголовно-исполнительных правоотношений не совсем оправдан. Он придерживается точки зрения, согласно которой «уголовно-исполнительные правоотношения между государством и правонарушителем возникают в результате применения правовых норм, регулирующих вопросы уголовного процессуального принуждения, исполнения уголовного наказания, а также реализации иных мер правового воздействия» [3, с. 214]. В рамках рассматриваемого института передачи осужденного для отбывания наказания, существенным видится определение именно окончания таких правоотношений.

Так, В. Е. Лапшин и В. В. Шаханов отмечают, что «в классическом варианте уголовно-исполнительное правоотношение прекращается с выходом его субъекта из сферы опеки уголовно-исполнительной системы, то есть с момента отбытия наказания» [2, с. 53]. Другими словами, такие правоотношения заканчиваются освобождением от отбывания наказания по основаниям, предусмотренным ст. 172 УИК РФ. В связи с тем, что уголовно-исполнительные правоотношения между ФСИН России и лицом, выдаваемым иностранному государству, прекращаются, возможно называть такую передачу фактическим освобождением от отбывания наказания в Российской Федерации. Хотя такая возможность не предусмотрена в диспозиции ст. 172 УИК РФ, она все же устанавли-

вается УПК РФ и международными договорами РФ (которые согласно ст. 3 УИК РФ также являются источниками уголовно-исполнительного законодательства).

Вместе с тем пунктом «ж» ст. 172 УИК РФ устанавливается открытый перечень оснований освобождения от отбывания наказания, и названные в нем условия не являются исчерпывающими. Следовательно, с учетом формулировки указанного пункта такое освобождение вполне можно считать «иным основанием освобождения от отбывания наказания».

Пристатейный библиографический список

1. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 495 с.
2. Лапшин В. Е., Шаханов В. В. Общетеоретический анализ уголовно-исполнительного (пенитенциарного) правоотношения: момент окончания пенитенциарного правоотношения, проблема выделения общих правоотношений в пенитенциарной сфере // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 2. – С. 52-56.
3. Полищук Н. И. Дуализм подходов в вопросах определения момента возникновения уголовно-исполнительных правоотношений // Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международного пенитенциарного форума: (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т. – 2019. – С. 214-218.
4. Санташова Л. Л. Передача лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государства их гражданства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2017. – 26 с.
5. Хван Т. С. Проблемы реализации некоторых прав осужденными иностранцами гражданами в местах лишения свободы // Петербургские пенитенциарные конференции. Материалы конференций в 4-х т. – СПб., 2021. - Т. 1. – С. 247-253.

2 Отдел по вопросам передачи осужденных в государства их гражданства // Официальный сайт ФСИН России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fsin.gov.ru/structure/execution_department/OVPOG/index.php (дата обращения: 30.10.2022).

БУЗУЛУКСКИЙ Павел Витальевич

адъюнкт 4 курса заочной формы обучения Академии ФСИН России, капитан внутренней службы

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье проведен анализ основных проблем исполнения наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях. Предлагаются рекомендации по совершенствованию процесса исполнения наказания в отношении осужденных женщин; оказания более качественного предоставления осужденным медицинской помощи, организации в исправительных учреждениях специализированных спортивных площадок и спортивным инвентарем.

Ключевые слова: исполнение наказания, лишение свободы, исправительное учреждение, медицинская помощь.

BUZULUKSKIY Pavel Vitaljevich

adjunct of the 4th course of the correspondence education of the Academy of the FPS of Russia, captain of the internal service

PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THE EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF LIBERTY

The article analyzes the main problems of the execution of punishment in the form of deprivation of liberty in correctional institutions. Recommendations are offered to improve the process of execution of punishment in relation to convicted women; providing better quality medical care to convicts, organizing specialized sports grounds and sports equipment in correctional facilities.

Keywords: execution of punishment, deprivation of liberty, correctional institution, medical care.

Бузулукский П. В.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, современная пенитенциарная система не обеспечивает в полной мере достижение целей, стоящих перед наказанием в виде лишения свободы.

К основным проблемам можно отнести, во-первых, переполненность камер, в которых пребывают осужденные. Во-вторых, отсутствие качественного медицинского обследования и оказания квалифицированной медицинской помощи осужденным, что влияет на уровень здоровья. Кроме того, в России, в отличие от зарубежных стран, не в полной мере имеются возможности осуществления физического воспитания осужденных.

Рассматривая реализацию положения правовых актов, регламентирующих исполнения уголовных наказаний, нами выделены основные проблемы. Обратим внимание, что все проблемы можно классифицировать на две большие группы: правовые, т.е. отсутствие регламентации содержания женщин в исправительных учреждениях; социальные проблемы, к числу которых относятся низкое качество медицинской помощи и неразвитость физического воспитания, отсутствие оснащения камер и исправительных учреждениях специализированным оборудованием и инструментарием для инвалидов.

В качестве проблемы была выделена проблема в сфере регулирования отбывания наказания в исправительных учреждениях женщин. П. 34 Европейских пенитенциарных правил установлены условия и требования к исполнению наказания в виде лишения свободы среди женщин. Как следует из названной правовой нормы, при принятии решения в отношении осужденных женщин администрация пенитенциарного учреждения уделяет особое внимание социальным, физическим, психологическим и социальным потребностям женщин; женщинам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, предоставляется возможность рожать за пределами пенитенциарного учреждения, а в случае рождения детей в местах заключения администрация оказывает необходимую поддержку и создаются соответствующие условия.

Обратим внимание, что УИК РФ содержит гл. 17, регламентирующую исполнение наказания в отношении несовершеннолетних осужденных, тогда как в отношении осужденных женщин такого регулирования не предусмотрено. Такой пробел приводит к некоторым сложностям в правоприменительной деятельности. При этом, в УИК РФ имеются специальные правила, относящиеся исключительно к женщинам. В России функционируют колонии для девочек. При этом отметим, что правовое функционирование таких колоний определяется гл. 17 УИК РФ.

Рассмотрим социальные проблемы в исправительных учреждениях.

Во-первых, проблемы в области здравоохранения. Обратим внимание, что в исправительных учреждениях Ивановской об-

ласти осужденные подают жалобы Уполномоченному по правам человека на ненадлежащее оказание медицинской помощи (39,5% из общего количества жалоб [1]). В УИК РФ не нашло должного отражения предоставления осужденным медицинской помощи.

К проблеме в организации медицинской помощи в исправительных учреждениях следует отнести отсутствие проведения консультационных мероприятий, проводимых врачами-специалистами медицинских организаций государственной и муниципальной системы здравоохранения.

В медицинских организациях при исправительных учреждениях наличие лекарственных препаратов не соответствует заявленному перечню. Так, например, в исправительных учреждениях Алтайского края недостаточное количество лекарственных средств, что приводит к увеличению заболеваемости осужденных. В Пермском крае также наблюдается проблема, связанная с недостатком лекарственных средств. Осужденные по указанной причине приобретают их самостоятельно. Указанная проблема относится к наиболее актуальным, т.к. она влияет на качество оказания медицинской помощи в учреждениях, исполняющих наказание. Как было сказано выше, качество медицинской помощи зависит от наличия необходимого количества лекарственных средств.

К другой проблеме оказания медицинской помощи осужденным следует отнести неукомплектованность кадрового состава медицинских организаций исправительных учреждений. Одним из основных критериев качества оказания медпомощи является кадровая обеспеченность медицинских организаций при исправительном учреждении. Отсутствие такой обеспеченности приводит к снижению качества предоставления медицинской помощи, увеличению заболеваемости лиц, отбывающих наказание.

Кроме того, следует отнести к проблеме также и недостаточное обеспечение специализированным медицинским оборудованием медицинских организаций при исправительном учреждении.

Кроме того, назрела актуальная проблема, заключающаяся в том, что реализацию медицинской помощи выполняют специалисты (врач, фельдшер), не развивающие свои профессиональные знания и навыки. Обратим внимание, что в российском законодательстве (ТК РФ, ФЗ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») предусматривается повышение квалификации, переподготовки и подготовки работников. В настоящее время в исправительных учреждениях не производится повышение квалификации.

В качестве основной проблемы в оказании медицинской помощи осужденным следует назвать не соблюдение в полном объеме заявленных лицензионных видов деятельности. В качестве доказательств следует привести следующие данные. В Ивановской

области в одной колонии есть врач-психиатр; в Алтайском крае в некоторых исправительных учреждениях отсутствуют врачи-физзиатры, в одном учреждении отсутствует хирург. Кроме того, часть учреждений, исполняющих наказание, при оказании медицинской помощи нарушают Закон о лицензионной деятельности, а именно оказывая осужденным такой вид помощи, на который у них нет лицензии. Так, например, в Пермском крае ФКУЗ МСЧ-59 ФСИН России получил лицензию на оказание медицинских услуг только в 2021 году; при этом весь 2020 год медицинская организация осуществляла оказание медицинской помощи, не имея при этом разрешение на проведение такого вида работ [2]. В ряде медицинских организациях, при оказании медицинской помощи осужденным, были использованы лекарственные средства, на которые у организации не было лицензии. Так, например, ФКУЗ МСЧ ФСН России по Ульяновской области применял при лечении осужденного лекарственное средство «Сибазон», не имея при этом лицензию на его применение. Из вышесказанного следует, что медицинских учреждениях при исправительных учреждениях в ряде случаев нарушают лицензионное законодательство.

Во-вторых, проблемы в области реализации права на физическое воспитание в ИУ.

Положениями Минимальных стандартных Правил обращения с заключенными предусмотрено, что осужденные имеют право ежедневно заниматься физическими упражнениями и спортом во дворе исправительного учреждения; малолетним осужденным предоставляется право на тренировку и заниматься играми во время периода упражнений. Исправительное учреждение оборудуется специализированными площадками, инструментарием и установками. Положения УИК РФ не предусматривает организация в исправительных учреждениях специализированных спортивных площадок; большинство исправительных учреждений различных типов не снабжены спортивным инвентарем. Указанное упущение не позволяет осужденным реализовать предусмотренное международно-правовыми актами право на использование в целях воспитания и исправления физические упражнения и спорт.

В-третьих, обеспечение исправительных учреждений специализированным оборудованием и инструментарием для инвалидов. Так, необходимо обратить внимание на тот факт, что осужденным, признанным инвалидами, в реальных условиях не выделяются финансовые ресурсы на реализацию реабилитирующих мероприятий. Кроме того, необходимо указать, что материально-техническое обеспечение зданий в исправительных учреждениях в большинстве своем не соответствует условиям проживания лиц с ограничениями по здоровью.

Обобщая вышесказанное, следует, что к основным проблемам исполнения наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, относятся: нормы УИК РФ не раскрывают особенности исполнения наказания в отношении осужденных женщин; в УИК РФ не нашло должного отражения предоставление осужденным медицинской помощи; положения УИК РФ не предусматривает организация в исправительных учреждениях специализированных спортивных площадок; большинство исправительных учреждений различных типов не снабжены спортивным инвентарем.

Проанализировав проблемы в сфере исполнения наказания в ИУ, были разработаны рекомендации по их преодолению.

Необходимо дополнить УИК РФ положением относительно исполнения наказания в отношении женщин. Предлагаем внести новую главу 17.1 УИК РФ «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин», раскрывающая следующие вопросы: места содержания осужденных женщин к лишению свободы; условия отбывания лишения свободы женщинами в местах лишения свободы; особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осужденных женщин, имеющих детей; особенности применения мер поощрения и взыскания, применяемые к осужденным женщинам; сотрудники исправительных учреждений, обеспечивающие исполнение лишения свободы в отношении женщин; особенности социальной адаптации осужденных женщин.

Необходимо решить вопросы оказания медицинской помощи осужденным. Для этого п. 2 Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 22 сент. 2015 г. № 222 и ч. 1 ст. 101 УИК РФ следует дополнить следующей формулировкой: «... осужденным предоставляется лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая, а также медико-консультационная помощь...». Реализация указанного направления позволит произвести разъяснительную беседу с каждым осужденным по вопросам охраны здоровья, организации профилактики заболеваний, методам лечения и др., что позволит повысить уровень здоровья указанной категории лиц, а также обеспечить понимание о заботливом отношении о своем здоровье и самочувствии.

Предлагается дополнить положения Приказа Минюста России от 28.12.2017 г. № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» следующей редакцией: «... обеспечить повышение квалификации медицинских работников, осуществляющих лечебно-профилактическую и санитарно-профилактическую помощь за счет средств исправительного учреждения, в котором организованы медицинская часть, амбулаторий и стационар...». Реализация указанного направления позволит в значительной степени повысить эффективность организации медицинской помощи, охрану здоровья осужденных.

Внести дополнение в п. 9 Приказа Минюста России от 28.12.2017 г. № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» положение о том, что медицинские организации, осуществляющие оказание медицинской помощи осужденным без специального разрешения, несут ответственность, такие организации прекращают свою деятельность до полного устранения нарушений лицензионного законодательства, а также о том, что начальник исправительного учреждения несет ответственность в виде штрафа и отстранения от должности.

Кроме того, по нашему мнению, необходимо организовать мониторинг деятельности медицинских организаций при исправительных учреждениях на наличие лицензии на деятельность, связанную с оборотом наркотических средств и психотропных веществ. В случае выявления организации, у которых отсутствует лицензия на организацию указанного вида деятельности, необходимо, во-первых, привлечь организацию к ответственности, во-вторых, лишить права реализовать медицинскую деятельность такую организацию.

Целесообразно организовать проведения мониторинга по оценке качества оказания медицинской помощи на предмет:

- полноценности кадрового обеспечения медицинских организаций, обеспечивающих оказание медицинской помощи осужденным лицам;
- обеспеченности необходимым количеством лекарственных средств указанных медицинских организаций;
- обеспеченности специализированным медицинским оборудованием, обеспечивающим оказание качественное оказание медицинской помощи.

В целях решения проблем в области реализации физического воспитания необходимо внести дополнение в гл. 15 УИК РФ путем внесения ст. 110.1 УИК РФ «Физическое воспитание осужденных», положений, предусматривающих реализацию права осужденных на физическое воспитание и спорт; указать основания отстранения от реализации указанного права – вследствие нарушения правил внутреннего распорядка, совершения административного проступка или преступления, осужденный отстраняется от посещения спортивных площадок. Кроме того, необходимо организовать в исправительных учреждениях спортивные площадки и специализированные площадки для выполнения осужденными физических упражнений, тренировок.

Ввиду наличия кризисной ситуации в федеральном, региональном, муниципальном бюджете, формирование и обустройство таких площадок необходимо производить за счет собственных средств исправительных учреждений, полученных в результате выполнения дополнительных видов экономической деятельности. Реализация указанного направления позволит произвести исправительное воздействие на осужденных, повысить эффективность воспитательного воздействия на осужденных.

В целях реализации социальных гарантий лиц, признанных инвалидами, необходимо обеспечить камеральное обустройство помещений, мест общего пользования для лиц с ограничениями по здоровью, которые обеспечат функциональное использование указанной группой лиц. Необходимо предусмотреть дополнение в Приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 22 сент. 2015 г. № 222, в котором будут отражены следующие аспекты: организация условий пребывания осужденных лиц, признанных инвалидами; оснащение камер, мест общего пользования, прогулочных мест специальными устройствами, позволяющих обеспечить жизнедеятельность осужденных с ограничениями по здоровью.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад «О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Ивановской области и деятельности Уполномоченного по правам человека в Ивановской области в 2017 году». - Иваново, 2018. - С. 103.
2. Охрана здоровья и оказание медицинской помощи в местах принудительного содержания. Возмощности общественного контроля и его результаты. - М.: Грифон, 2021. - С. 34.

ДВОРЯНОВ Илья Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного полицейского сотрудничества и борьбы с преступностью по каналам Интерпола Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО НЕЗАКОННУЮ ПЕРЕДЕЛКУ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ

Статья посвящена характерным чертам личности преступника, осуществляющего незаконную переделку гражданского оружия. На основе результатов изучения следственной и судебной практики проанализированы такие признаки личности как пол, возраст, семейное положение, уровень образования и ряд других. Совокупность указанных признаков позволяет дать описание типичной личности вышеуказанного преступника.

Ключевые слова: типичная личность преступника, незаконная переделка гражданского оружия.

DVORYANOV Ilya Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of International police cooperation and combating crime through Interpol channels sub-faculty of the All-Russian Institute for Advanced Training of the MIA of Russia

Дворянов И. Б.

THE IDENTITY OF THE PERPETRATOR OF THE UNLAWFUL CONVERSION OF CIVILIAN WEAPONS

The article is devoted to the characteristic features of the personality of the offender, who carries out illegal alteration of civilian weapons. On the basis of the results of the study of investigative and judicial practice such personal traits as gender, age, marital status, level of education and a number of others are analyzed. The totality of these features allows us to describe a typical personality of the above-mentioned offender.

Keywords: typical personality of the offender, illegal conversion of civilian weapons.

Изучение личности преступника давно входит в сферу интересов таких юридических наук как криминология, криминалистика, уголовное право и др.

Как отмечал Р. С. Белкин, характеристика типичной информации о личности преступника имеет важное криминалистическое значение [1, с. 178]. Владение данной информацией позволит сократить круг поиска лиц, причастных к совершению преступления, выдвинуть версии о мотиве и цели преступления, о способе его подготовки, совершении и сокрытии. В том числе и о способе незаконной переделки гражданского оружия, хранении (или сбыте), а также его последующем использовании при совершении преступлений.

Интерес к личности преступника с точки зрения криминалистики подразумевает выявление, прежде всего в результате изучения следственной практики, таких данных о нем, на основании которых будет принято решение о дальнейшем ходе расследования, проведении отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Субъектом преступного посягательства по ст. 223 УК РФ «Незаконное изготовление оружия» является вменяемое лицо, достигшее 16 лет, которое осознает, что совершает незаконные действия с оружием, и желает их совершить.

Анализ следственной и судебной практики Северо-Кавказского федерального округа за период с 2010 по 2018 год [2], свидетельствует о том, что незаконная переделка гражданского оружия совершается преимущественно лицами мужского пола – 99%, а 1% женщины – являются соучастниками в незаконном обороте оружия и других видах преступлений,

совершенных с применением переделанного гражданского оружия.

На наш взгляд, это объясняется спецификой указанного вида преступления. Лица мужского пола исконно неравнодушны к оружию, в том числе огнестрельному. В то же время сама возможность незаконной переделки гражданского оружия подразумевает наличие специальных знаний, например, в области токарного мастерства, а также навыков и умений в обращении с различными инструментами (тиски, дрель, паяльник, молоток, и т.п.).

Лица, производящие незаконную переделку гражданского оружия, в большинстве своем, имеют среднее образование – 65,5% (включая среднее специальное – 40,5%), а неполное среднее – 12,9%. В то же время, высшее образование имеют всего 15,7%, а неполное высшее – 5,9%.

Возрастная категория лиц также варьируется: 26-40 лет – 58,0%; 40-60 лет – 25,1%; 21-25 лет – 10,2%; свыше 60 лет – 3,5%; и до 20 лет – 3,2%.

В 85,1% случаев незаконная переделка гражданского оружия осуществляется в одиночку.

К примеру, в конце февраля 2016 г., находясь у себя в домовладении, гр. Б. (образование неполное среднее, холостой, ранее не судимый) самостоятельно путем сверления с использованием дрели и сверла, незаконно переделал принадлежащую ему пневматическую винтовку «МР-512» путем увеличения диаметра патронника до 6,5 мм и использовании отдельного бойка (шпура). Согласно заключению баллистической экспертизы № 481 от 12 сентября 2016 года представ-

ленная винтовка является однозарядным короткоствольным нарезным огнестрельным оружием калибра 4.5мм [3].

Вместе с тем, в следственной и судебной практике часто встречаются случаи создания преступных групп, специализирующихся на незаконной переделке гражданского оружия. Такие группы создаются, например, если одно из лиц не обладает специальными познаниями в области переделки гражданского оружия в огнестрельное оружие. В этом случае возникает необходимость обратиться к соответствующему специалисту.

Так, например, в период с июня по август 2013 года, в производственном цехе (станция технического обслуживания), принадлежащем гр. Г., гр. М. из сигнального пистолета системы «МР - 371», полученного от гр. Г., незаконно изготовил самодельным способом короткоствольное, нарезное огнестрельное оружие, пригодное для производства выстрелов боевыми припасами калибра 9 мм, путем установки самодельного нарезного ствола, заварки проточки в стойке ствола, заварки и зашлифовки проточки затвора, стачивания переднего скоса корпуса магазина и извлечения из корпуса магазина ограничителя [4].

Следует отметить, что неработающих лиц из числа трудоспособных, на момент совершения преступления было – 78,9%, работающих – 18,2%, а пенсионеры – 2,9%. В официальном браке находились 33,6%, не состояли в браке – 66,4%.

Также, на момент совершения преступления 84,4% составляли – не судимые лица, а ранее судимые за преступления различной степени тяжести – 15,6%. В то же время, по месту жительства и месту работы указанные лица, как не судимые, так и ранее судимые, характеризуются положительно или удовлетворительно.

На основании изложенной выше обобщенной информации о личности преступника, осуществляющего незаконную переделку гражданского оружия, можно сформулировать следующий вывод.

Типичная личность преступника, осуществляющего незаконную переделку гражданского оружия – это, как правило, ранее не судимый мужчина, от 26 до 40 лет, не женатый, не работающий, имеющий среднее специальное образование или обладающий специальными знаниями, характеризующийся положительно по месту жительства.

Необходимо подчеркнуть, что результаты исследований в области криминологической характеристики личности преступника-изготовителя оружия и личности преступника, совершившего преступления в сфере незаконного оборота оружия, полученные другими учеными, по большей части совпадают с данными, полученные нами в результате изучения следственной и судебной практики [5, с. 22-24], [6, с. 85-90], [8, с. 141-147].

Вследствие вышесказанного, следует сказать, что разработка типичной информации о субъекте незаконной переделки гражданского оружия, имеет большое практическое значение, прежде всего на первоначальном этапе расследования, в связи с тем, что отсутствие достоверной информации о его личности, создает определенные трудности, связанные с тем, что данные преступления, как правило, имеют скрытый характер.

В связи с этим, владение типичной информацией о личности преступника, позволяет следователю восполнить пробелы в «информационной модели, сформулирован-

ной первоначально его воображением» [7, с. 45], что в свой черед, будет способствовать установлению и розыску лица, осуществляющего незаконную переделку гражданского оружия, определению тактики и направления расследования по делу.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. - М., 1988. - С. 178.
2. Более подробно см. Дворянов И. Б. Методика расследования незаконной переделки гражданского оружия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. - М., 2019. - 245 с.
3. Материалы архивного уголовного дела № 1-299/16 Изобильненского районного суда Ставропольского края.
4. Материалы архивного уголовного дела № 1-2/2014 Сергокалинского районного суда Республики Дагестан.
5. Гаджиметов А. А. Криминологические особенности личности преступника-изготовителя оружия // Пробелы в российском законодательстве. - 2017. - № 7. - С. 22-24.
6. Муркштис М. И. Особенности личности преступников в сфере незаконного оборота оружия // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. - 2017. - № 3 (43). - С. 85-90.
7. Образцов В. А. Криминологическая характеристика преступника и ее связь с потерпевшим и другими структурными элементами события преступления // Криминологическая виктимология. - Иркутск, 1980. - С. 45.
8. Робак В. А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего преступления в сфере незаконного оборота оружия // Известия Юго-Западного государственного университета. - 2017. - Т. 2. - № 3 (72). - С. 141-147.

ИВАНОВА Людмила Аполлоновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ШУСТИКОВА Мария Владимировна

адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ОСМОТР УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ

В статье рассматриваются основные принципы осмотра места происшествия, их классификация, мнения некоторых ученых-криминалистов. Следственный осмотр, как следственное действие, представляет собой непосредственное обнаружение, восприятие и исследование следователем объектов, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения, имеющих значение для расследования дела.

Ключевые слова: осмотр, место, материальные следы, технические средства, дополнительный осмотр.

IVANOVA Lyudmila Apollonovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

SHUSTIKOVA Mariya Vladimirovna

adjunct of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

FEATURES OF THE INSPECTION OF THE SCENE OF THE ACCIDENT AND THE INSPECTION OF THE SITE AREAS

The article discusses the basic principles of the inspection of the scene, their classification, the opinions of some forensic scientists. An investigative examination, as an investigative action, is a direct discovery, perception and study by the investigator of objects, their features, properties, state and relative position that are important for the investigation of the case.

Keywords: inspection, place, material traces, technical means, additional inspection.

В научной среде существует дискуссия вокруг понимания сущности осмотра как следственного действия, т. к. УПК РФ¹ не дает четкого определения термину «осмотр», но использует его в уголовно-процессуальном законе много раз. Под осмотром Д. С. Хижняк [9] понимает такое следственное действие, которое заключается в реальном изучении и восприятии следователем объектов для установления материальных следов, связанных с подготовкой криминалистической характеристики преступления. Л. В. Пинчук [6] не согласен с выше представленным определением. По его мнению, нельзя ставить знак равенства между «изучением и восприятием». Недостатком данного определения является тот факт, что основой изучения объекта являются только его представления о нем, которые можно получить благодаря изначальному восприятию этого объекта осмотра человеком. Целью осмотра, по мнению Д. С. Хижняк, является обнаружение материальных следов, связанных с элементами подготовки совершения преступлений. Осмотр позволяет получить сведения, которые подтверждают отсутствие события преступления: необходимо выявлять факты либо их отсутствие, касающиеся противоправного деяния.

Особое внимание привлекает определение А. П. Рыжакова [7], который уделяет значительное внимание методам научного познания. Так он использует термин «наблюдение», а не «восприятие», и под осмотром понимает следственное действие с помощью собирания доказательств, через непосредственного наблюдения за объектом, который не является человеком, и отражения его результатов в соответствующем протоколе. Основные органы чувств помогают получить об осмотренном объекте максимальное количество информации и через восприятие этого объекта составить представление о нем. Соответственно, через наблюдение не только воспринимается информация, но она проходит определенную переработку. Иными словами, если осмотр определить через термин «наблюдение», то тогда необходимо указать, что в ходе осмотра субъект, который производит осмотр, каким-либо образом осуществляет процесс изменения тех объектов, которые он осматривает, и изучает такое изменение, т. е. наблюдает определенные процессы. Однако в ходе осмотра объекты статичны, их изменения нецелесообразны и нежелательны, это может существенно исказить какую-либо информацию о преступлении, личности преступника, мотивах преступника, а также о других фактах, которые важны для того, чтобы установить механизм совершения преступления и общую карти-

ну преступления. Именно поэтому в ходе осмотра происходит восприятие существующих объектов, которые осматриваются в том виде, в каком они являются в данный момент и в каком они, возможно, находились при совершении преступления. В связи с этим наблюдение не может быть элементом осмотра, так как в ходе осмотра отсутствуют процессы изменения тех объектов, которые осматриваются. Более того, такие изменения являлись бы нежелательными для лица, которое производит осмотр, так как изменения объектов осмотра существенно исказили бы картину преступления и затрудняли бы его расследование и раскрытие. Вместе с тем в определении следственного осмотра, которое дано А. П. Рыжаковым, большое значение имеет указание на то, что осмотр, его итоги обязательно должны быть зафиксированы в протоколе. Это очень важное замечание, так как протокол должен быть составлен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Если такого не произойдет, если протокол будет составлен с нарушением требований УПК РФ, то осмотр не будет иметь правового значения, доказательства, которые могут быть получены вследствие такого осмотра при неправильной фиксации в протоколе, будут признаны недопустимыми и не могут быть положены в основу решения суда по данному уголовному делу. Поэтому правильное составление протокола, как указывает А. П. Рыжаков, имеет большое значение для признания доказательств допустимыми, на основании которых может быть решено данное дело.

Часть исследователей считает, чтобы не ограничивать следственное действие только одним методом познания, правильным считается употребление не термин «наблюдение», а термин «восприятие». Кроме всего прочего используются и другие методы познания при осмотре кроме вышесказанного, например, сравнение, измерение, описание и эксперимент.

Впервые обозначение субъекта осмотра дает О. Я. Баев [1]. В его понимании под осмотром следует иметь в виду следственное действие, основной целью которого является обнаружение и интерпретация всех категорий, имеющих значение для раскрытия преступления через восприятие и изучение следователем различных категорий объектов. Таким образом, субъектом осмотра является следователь, дознаватель.

Особые характеристики понятию осмотр присваивает Ю. Г. Торбин [8]. Под этим термином он понимает неотложное следственное действие, обеспечивающее непосредственное восприятие его участниками материальной обстановки расследуемого события с использованием научно-технических средств и приемов в целях обнаружения следов, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Основной упор автором делается на использование в отношении осмотра следующей категории, как «неотложное». Получается, что осмотр должен быть

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 52 (часть 1). – Ст. 4921.

проведен незамедлительно и обязательно. Кроме этого, осмотр должен осуществляться с использованием научно-технических средств и приемов. Однако данные вышеуказанные признаки не являются основными, т. к. «неотложными» могут быть и другие следственные действия (ст. 5, 157 УПК РФ). Кроме этого, данные следственные действия и их основными субъектами являются только органы дознания. Так ст. 164 УПК РФ при проведении следственных действий дает возможность применения любых технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

По мнению Р. С. Белкина [2], [3] осмотр является следственным действием, которое проводят в целях обнаружения и исследования объектов, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Авторы предлагают следующее определение осмотра места происшествия, как неотложное следственное действие, основной целью которого является восприятие и изучение объектов через обнаружение, исследование и фиксацию следов для определения наличия и содержания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Осмотр места происшествия имеет целью найти, зафиксировать какие-либо объекты, исследовать обстановку места происшествия, определить и изучить следы преступника, а также следы преступления. Кроме того, в ходе осмотра происходит поиск и обнаружение другой фактической информации, на основе которой появляется возможность в совокупности с другими доказательствами сделать какой-либо вывод о механизме совершения деяния.

Понимание механизма совершенного преступления, уяснение картины преступления, события преступления, а также иных обстоятельств, которые подлежат доказыванию в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, имеет большое значение в расследовании преступления, для поиска виновных, для формирования доказательственной базы, установления вины подозреваемых, а также для правильного разрешения уголовного дела. Именно поэтому осмотр должен быть проведен строго в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства так, чтобы результаты осмотра были оформлены надлежащим образом и впоследствии стали допустимыми доказательствами. Если же в ходе проведения осмотра нарушались требования уголовно-процессуального законодательства, если такие нарушения имелись.

Для того чтобы уяснить сущность осмотра места происшествия, необходимо понять суть самого термина «место происшествия». При этом важно отметить, что понятие «место происшествия» также не определено в уголовно-процессуальном законодательстве, что с практической точки зрения может вызывать проблемы, как именно определить и очертить ту территорию, на которой следует производить осмотр.

Места, на которых были обнаружены следы преступления, можно считать местом происшествия, представленные в виде, например, участка местности, лесного массива или какого-то помещения. Место, где были найдены предметы, которые связаны с совершенным преступным деянием, может быть и местом обнаружения. Место происшествия не всегда совпадает с местом преступления. Поэтому под местом преступления стоит понимать место, где проводилась подготовка к преступлению, где были найдены предметы преступления и место, где произошло само преступление. Следовательно, наличие нескольких мест происшествия может быть по одному уголовному делу.

При производстве осмотра места происшествия дознаватель и другие участники данного следственного действия непосредственно исследуют обстановку, объекты и материальные следы взаимодействий, произошедших в ходе преступного события. Это создает реальные условия получения качественной, достоверной информации о событии преступления и всех его составляющих, а протокол осмотра и приложения к нему, при условии грамотного составления, позволяют восстановить объективную картину преступления и установить роль в нем каждого причастного субъекта. В. В. Бирюков и Т. П. Бирюкова [4] отмечают, что важным условием при этом является правильная фиксация хода и результатов данного следственного действия.

Осмотр места происшествия является важнейшим следственным действием, которые определяют начало расследования по уголовному делу. Важность осмотра места происшествия проявляется в том, что здесь находятся материальные объекты, которые являются последствиями преступления. Такие объекты могут быть представлены разными следами, предметами, иными вещественными доказательствами, которые имеют значение для расследования и раскрытия преступления. Материальными предметами и следами преступления могут быть, например, труп человека, который имеет признаки насильственной смерти, возможно, на месте происшествия имеются отпечатки ног, следы рук, взломанная дверь, разбитое окно, оброненная перчатка, пу-

говица, а также иные следы и объекты материального мира, на основании которых можно получить какую-либо информацию о расследуемом преступлении. Кроме того, важно отметить, что даже тогда, когда в ходе преступления никаких материальных следов не оставлено, то сам характер места совершения преступления, обстановка, которая была во время совершения преступления, также имеют большое значение для расследования, например, для понимания логики действий преступника, познания механизма совершения преступления и события преступления. И потому, прежде всего, необходимо произвести осмотр места происшествия, чтобы получить первичную и очень важную информацию в совершенном преступлении.

Ценность осмотра места происшествия, по мнению, А. А. Бульбачевой [5] заключается в том, что он позволяет обнаружить, исследовать и закрепить сведения, устанавливающие событие преступления и лиц, его совершивших.

Осмотр места происшествия может быть первоначальным, повторным и дополнительным. Первоначальный осмотр производится впервые. В некоторых ситуациях нужно провести еще один осмотр того же места происшествия, такой осмотр называется повторным. Дополнительный осмотр имеет место в таких ситуациях, когда при первичном осмотре что-либо неполно исследовано, определены какие-либо фактические данные, которые требуют проведения дополнительного осмотра объекта.

Существления важнейших требований уголовно-процессуального законодательства возможно добиться при решении общих и частных задач. Такими требованиями, прежде всего, является необходимость установления признаков преступления в том событии, о котором идет речь. Ведь может быть так, что определенное событие никак не связано с преступлением. Кроме того, уголовно-процессуальный закон требует установить, при каких обстоятельствах произошло данное событие. Речь идет об определении способа совершения преступного посягательства, месте и времени преступления, а также о характере причиненного вреда, иных обстоятельствах, которые связаны с данным преступлением.

Важно также четко определить предполагаемой круг виновных лиц, а также возможные мотивы, которыми они руководствовались.

Таким образом, на первоначальном этапе необходимо незамедлительное проведение осмотра места происшествия. При проведении осмотра места происшествия должны неукоснительно соблюдаться принципы проведения осмотра. Халатное отношение к применению уголовного процесса приведет к нарушению процессуального законодательства, регламентирующего предварительное следствие. Профессионализм дознавателя должен отражать идею, что осмотр места происшествия не должен проводиться формально.

Результаты осмотра должны использоваться дознавателем в ходе расследования в полной мере. Необходимо помнить, что только протокол, составленный с соблюдением всех необходимых требований УПК РФ, является допустимым доказательством и может быть использован судом для вынесения приговора по уголовному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Баев О. Я. Тактика следственных действий: Учеб. пособие. – Воронеж: НПО «МОДЕК», 1995. – 224 с.
2. Белкин Р. С. Лившиц Е. М. Тактика следственных действий. – М.: Юрист, 2011. – 176 с.
3. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 1997. – 334 с.
4. Бирюков В. В., Бирюкова Т. П. Осмотр места происшествия: организационно- тактические основы оптимизации его производства и фиксации результатов // Уголовный процесс и криминалистика. – 2017. – № 5. – С. 33-44.
5. Бульбачева А. А. Актуальные проблемы осмотра места происшествия // Труды Академии МВД России. – 2015. – № 2. – С. 97-100.
6. Пинчук Л. В. К вопросу о понятии места происшествия // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 228-230.
7. Рязжаков А. П. Осмотр: основания и порядок производства: Науч.-практ. пособие. – М., 2014. – 144 с.
8. Торбин Ю. Г. Следы и особые приметы на живых лицах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты обнаружения и использования). – М.: Юрлитинформ, 2006. – 432 с.
9. Хижняк Д. С. Осмотр места происшествия: Учеб. пособие. – М.: ГроссМедиа, 2007. – 93 с.

МАШЛЯКЕВИЧ Вячеслав Андреевич

старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

В статье исследуются возможности фоноскопической экспертизы применительно к процедуре проверки достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого. На основе анализа эмпирического материала, а также научных источников, автором определены особенности использования экспертных исследований в целях выявления лиц, совершивших мошеннические действия с использованием средств телефонной связи. Для обеспечения указанных процессов предложены варианты постановки следователем вопросов перед экспертом. Определена категория преступных деяний, в которой рассматриваемая деятельность следователя будет носить актуальный характер.

Ключевые слова: судебная фоноскопическая экспертиза, мошенничества с использованием средств телефонной связи.

MASHLYAKEVICH Vyacheslav Andreevich

senior lecturer of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul Law institute of the MIA of Russia

SOME FEATURES OF THE FORENSIC PHONOSCOPIC EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF FRAUD COMMITTED WITH THE USE OF TELEPHONE COMMUNICATIONS

The article explores the possibilities of phonoscopic examination in relation to the procedure for verifying the reliability of the testimony of the suspect, the accused. Based on the analysis of empirical material, as well as scientific sources, the author determines the features of the use of expert research in order to identify persons who have committed fraudulent actions using telephone communications. To ensure these processes, options for posing questions by the investigator to the expert are proposed. The category of criminal acts in which the considered activity of the investigator will be relevant has been determined.

Keywords: forensic phonoscopic examination, telephone fraud.

Одними из наиболее приоритетных направлений деятельности органов внутренних, связанных с раскрытием и расследованием преступлений, являются совершенствование тактики проведения следственных действий, назначения и проведения судебных экспертиз. Прошедшее десятилетие ознаменовалось массовым развитием информационно-телекоммуникационных технологий, что, соответственно, нашло свое отражение и в преступной деятельности. Значительно возросло число мошеннических действий, совершаемых с использованием средств телефонной связи. Так, в 2015 году было зарегистрировано 21562 преступления рассматриваемого вида, а в 2021 уже 136570 (прирост составил более 500 %). Кроме того, необходимо отметить и рост доли телефонных мошенничеств в общей массе мошеннических действий, которая в 2015 году составляла 12,4 %, а в 2021 – 43,9 %¹.

Массу сложностей вызывает установление лица, совершившего преступление, так как злоумышленники зачастую находятся на большом удалении от места нахождения потерпевших, используют сим-карты и банковские карты, зарегистрированные на несуществующих лиц, а также активно пользуются возможностями IP-телефонии. Вместе с тем существуют и некоторые проблемные вопросы, связанные с доказыванием вины уже установленных лиц. Одним из ключевых материалов, имеющих доказательственное значение при расследовании телефонных мошенничеств, является за-

Машлякевич В. А.

ключение судебной фоноскопической экспертизы, назначаемой, как правило, при наличии полученных в установленном порядке результатов оперативно-розыскной деятельности.

Анализ эмпирического материала по делам рассматриваемой категории показал, что фоноскопическая экспертиза проводится в 41,6 % случаев и в большинстве своем имеет идентификационную цель – установление принадлежности представленного на исследование голоса (или речи) конкретному лицу. Верно отмечается, что «решение данной задачи предполагает установление индивидуально-конкретного тождества между голосом и речью, зафиксированными на исходной фонограмме, и голосом, и речью, представленными на фонограмме-образце» [5, с. 102]. При этом решение об упомянутом тождестве может быть принято экспертом на основе проведенного раздельного исследования исходной и сравнительной фонограмм, в ходе которого будут выявлены индивидуальные признаки голоса и речи лица, в отношении которого проводится экспертиза. В данной ситуации постановка основного вопроса перед экспертом может иметь следующую типовую форму: «Имеется ли на представленной для исследования фонограмме голос и речь гражданина Иванова А. А., сравнительные образцы устной речи которого представлены на оптическом диске «...» в директории «Образцы» в файле «Иванов.wav.?».

В криминалистической научной литературе последнего десятилетия немало работ посвящено рассмотрению различных способов совершения телефонных мошенничеств, в

¹ Данные ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России».

которых злоумышленники под предлогом проблем с банковской картой потенциального потерпевшего, либо сложной ситуации с его родственником пытаются получить денежные средства преступным путем [1], [3], [4]. Подробно на этом вопросе останавливаться мы не будем. В ходе изучения материалов следственной практики установлено, что в указанных способах совершения рассматриваемого вида преступлений может присутствовать как один преступник, разыгрывающий все «по ролям», так и группа лиц, в которой каждому отведена своя деятельностная линия.

В контексте данного исследования интерес представляют телефонные мошенничества, в ходе следственных действий по которым установлен один подозреваемый, утверждающий, что совершал преступления «в одиночку». Например, подозреваемый О. ... начал звонить на абонентские номера различных мобильных операторов, набирая в случайном порядке цифры. В результате нескольких попыток, после звонка на один из номеров, ему ответила пожилая женщина, которой он сообщил, что попал в аварию. Женщина приняла его за своего сына. Обманывая женщину, он якобы передал мобильный телефон следователю, и слегка изменив голос начал говорить с женщиной от имени следователя, который готов помочь ее сыну избежать уголовного наказания². Как показывает следственная практика, рассматриваемый тип преступной мошеннической деятельности хоть и получил заметное снижение в своем количественном показателе, однако до сих пор является актуальным.

В то же время, нередки случаи, когда при задержании одного подозреваемого и отсутствии информации об иных лицах, которые могут быть причастны к совершению преступления, задержанное лицо не выдает своих сообщников. Такие действия можно назвать скрытым противодействием расследованию, так как сотрудники правоохранительных органов могут о нем и не догадываться. При работе по материалам рассматриваемого вида телефонных мошенничеств перед следователем должен встать вопрос: «Действительно ли в событии преступления присутствует один подозреваемый?». Проверка достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, в соответствии со ст.87 УПК РФ, является прерогативой дознавателя, следователя, прокурора, суда и, в соответствии со ст. 85 УПК РФ, относится к составляющим элементам процесса доказывания. В этой связи следует согласиться с мнением Н. В. Кручининой, утверждающей, что «низкая эффективность борьбы с криминальной ложью отчасти связана с тем, что проблема проверки достоверности показаний подозреваемых ... еще не стала предметом серьезного внимания ... ученых, которые осуществляют исследования прикладного характера» [2, с. 131]. Также следует отметить, что отдельные аспекты рассматриваемой проверочной деятельности нашли довольно краткое отражение лишь в некоторых работах по тактике и методике расследования. Роль же судебно-экспертной деятельности в проверке достоверности показаний подозреваемых (обвиняемых) не являлась предметом научного исследования вовсе.

С учетом изложенного, можно говорить о том, что при реализации идентификационной задачи по установлению принадлежности голоса конкретному лицу экспертом может быть решена и еще одна – проверка действительности наличия одного преступника в событии преступления. Про-

веденное исследование показало, что типовой формулировкой вопроса, ставящегося перед экспертом, может быть следующая: «Какое количество действующих лиц участвовало в разговоре на представленной для исследования фонограмме ...?», либо возможен альтернативный вариант: «Сколько людей принимало участие в разговоре на представленной для исследования фонограмме ...?», а также: «Одному или разным лицам принадлежит голос и речь, зафиксированная на представленной для исследования фонограмме ...?». Полагаем, что, к примеру, первый и третий из представленных вопросов, могут использоваться одновременно.

Следует отметить, что постановка вопроса такого типа должна быть обязательной при проведении фоноскопической экспертизы по преступлениям рассматриваемого вида, в которых установлен один подозреваемый. Итоги работы эксперта в данном случае либо станут подтверждением факта того, что подозреваемый действительно был один, способствуя тем самым реализации полномочий следователя по проверке доказательств, либо приведут к выявлению более широкого круга участников события преступления, что повлечет за собой необходимость их установления, а также определения процессуального статуса.

Таким образом, профессиональная деятельность эксперта-криминалиста может охватывать и решение задач по проверке достоверности показаний участников уголовного судопроизводства. А в совокупности с правильным формулированием следователем вопросов, ставящихся перед экспертом, подобное взаимодействие будет способствовать закреплению доказательственной базы и выявлению лиц, совершающих мошенничества с использованием средств телефонной связи.

Пристатейный библиографический список

1. Грязева Н. В., Некрасов А. П. Актуальные способы совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 4 (40). – С. 33-42.
2. Кручинина Н. В. Некоторые методы проверки достоверности показаний // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». – 2019. – Выпуск 4. – С. 129-135.
3. Романов А. А., Машлякевич В. А. О современных способах мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10 (161). – С. 254-255.
4. Смагоринский Б. П., Дьяконов М. С., Дронова О. Б. О способах совершения мошенничеств с использованием сотовой связи // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 2 (29). – С. 98-104.
5. Черепович А. В. Значение кодифицированной языковой нормы при решении идентификационных задач криминалистической экспертизы звукозаписей // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2014. – № 2 (36). – С. 102-107.

² Обвинительное заключение по уголовному делу № 11801320067210180. ГСУ ГУ МВД России по Кемеровской области, 2019.

САФОНОВ Денис Андреевич

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

В представленной статье рассматриваются отдельные проблемные аспекты расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, в частности обозначены особенности и значение исследования предмета преступного посягательства для установления объективной стороны данных противозаконных действий. Рассмотрены основные факторы, влияющие на выбор преступниками определенных древесных пород деревьев и места их произрастания. На примере материалов судебно-следственной практики и официальной статистики приведены выводы о наиболее распространенных породах деревьев, которые подлежат незаконной рубке.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, криминалистическая характеристика преступлений, незаконная рубка лесных насаждений, предмет преступного посягательства, экологические преступления криминалистическая тактика, технико-криминалистические средства.

SAFONOV Denis Andreevich

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE SIGNIFICANCE AND PROBLEMS OF THE RESEARCH OF THE SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL CUTTING OF FOREST PLANTING

The article discusses separate problematic aspects of the investigation of crimes related to illegal cutting of forest planting, in particular, the features and significance of the study of the subject of criminal encroachment to establish the objective side of the data of illegal actions are indicated. The main factors are considered that affect the choice of criminals of certain woody trees and the place of their growth. On the example of practice materials of forensic practice and official statistics show conclusions about the most common breeds of trees that are subject to illegal cutting.

Keywords: crime investigation methodology, criminalistic characteristics of crimes, illegal logging of forest plantations, the subject of criminal encroachment, environmental crimes, criminalistic tactics, technical and forensic means.

Сафонов Д. А

Природные ресурсы Российской Федерации являются национальным достоянием и богатством ее населения, которое нуждается в охране и защите от противоправных посягательств криминальных элементов общества, реализующих свои преступные цели по личному обогащению за счет ухудшения экологической обстановки и истощения долгосрочно восполняемых природных источников. Так, одним из таких объектов, требующих внимания со стороны органов внутренних дел, являются лесные ресурсы. Бесконтрольная вырубка растительности лесов, приводит не только к нарушению защитных функций биосферы планеты, но и к угрозе появления необратимых экологических процессов, в том числе отражающихся на всех сферах человеческой деятельности. Безусловно, исходя из этого следует заключить то, что задачи по сохранности лесного покрова государства, его восполнения, контроля по разумному и рациональному его использованию являются первостепенными и актуальными.

На сегодняшний день угрозу национальной экологической безопасности в сфере охраны лесных насаждений составляют не только пожары, охватившие значительные площади Иркутской области (19 163 га), Красноярского края (16 076 га), Республики Тыва (2 831 га) и Хакасии (2 310 га) [1], но и интенсивные процессы незаконной рубки ценных пород древесины. Изучив статистические данные, предоставленные Федеральным агентством лесхоза Министерства природных ресурсов и экологии РФ, установлено, что латентный характер незаконной рубки леса достигает показателя в 75,3 % по соотношению с выявленными фактами [2, с. 122].

Одним из наиболее распространенных уголовных дел, которые осуществляются злоумышленниками в сфере уничтожения леса, следует выделить преступную деятельность, признаки которой подпадают под состав статьи 260 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Глава 26 относит данные деяния к категории экологических преступлений. При этом сфера противодействия таким преступлениям лежит в основе общественных отношений, которые не только направлены на недопущения фактов рубки значительных площадей леса, но и на повреждение древесных растений, находящихся под особым контролем государства. Основным мотивом совершения таких действий является получение материальной выгоды от реализации злоумышленниками промышленных и редких пород древесины, за границу или внутри страны, в том числе использования в качестве материала для строительных работ, расчистке местности под постройку жилых и нежилых помещений, реке для отопления в осенне-зимний период.

Отдельно надо сделать акцент на том, что процесс рубки, как правило, сопровождается признаками варварского отношения к экологическим условиям произрастания леса, нарушения свойств почвы ее загрязнения и эрозии.

В соответствии с действующим УК РФ предмет незаконной рубки составляют лесные насаждения, деревья, кустарники, не являющиеся лесными насаждениями. Пленум ВС РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» от 18 октября 2012 г. № 21 определяет предмет преступного посягательства по преступлениям,

предусмотренным ст. 260 УК РФ, являются как лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, так и деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (например, насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья). При этом не имеет значения, высажены ли лесные насаждения или не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы искусственно либо они произросли без целенаправленных усилий человека [3].

Исходя из анализа судебно-следственной практики, хотелось бы отметить, что чаще всего предметом преступного посягательства выступают следующие породы деревьев ель, кедр, пихты, лиственницы, березы, осины, ивы, клены и сосны. Значение предмета вырубке сложно переоценить, поскольку он обладает неоценимым материальным свойством.

Так, в период с января по март 2020 года гр. Г, находясь в качестве индивидуального предпринимателя и будучи заинтересованным в исполнении договора купли-продажи лесных насаждений, реализуя свой преступный умысел на незаконную рубку лесных насаждений Вижайского участка лесничества Горнозаводского лесничества ГКУ «Управление лесничествами Пермского края», расположенного в Горнозаводском городском округе Пермского края, с целью личного незаконного материального обогащения из корыстных побуждений, не имея на то разрешающих документов, нанял гр. С для рубки дороги в вышеуказанном лесном участке, введя в заблуждение относительно законности своих действий. В ходе таких действий было незаконно срублено 172 дерева, из них хвойной породы – ель в объеме 91,39 м³ в количестве 130 штук, пихта в объеме 3,67 м³ в количестве 9 штук, лиственной породы – береза в объеме 12,61 м³ в количестве 26 шт., осина в объеме 4,29 м³ в количестве 7 штук, в результате чего лесному фонду Российской Федерации был причинен материальный ущерб в особо крупном размере на сумму 1 429 283 рубля [4].

Как видно из указанного выше примера, предметами преступного посягательства выступают значительные по площади и объемам лесные ресурсы, при этом целью такой вырубке может являться расчистка территории для проведения строительных работ, так и сбыт древесины для получения материальной выгоды.

В качестве примера следует привести следующий пример. В ходе реализации умысла, направленного на личные незаконные обогащения генеральным директором «Крона» гр. О, им были осуществлены действия по организации и проведению незаконной вырубке древесины в особо крупном размере. Для реализации данного умысла им были введены в заблуждения работники ООО «Крона», которые произвели вырубку ценных промышленных пород деревьев в целях дальнейшего реализации и получения незаконного вознаграждения. Механизм совершения преступных действий предполагал вырубку леса видом улучшения породного состава деревьев и оставлению ценных пород, то есть крупных сортов хвойных пород леса для дальнейшего улучшения санитарного состояния лесных насаждений на протяжении трех месяцев 2019 года. За указанный период под руководством гр. О была проведена рубка сосны в размере более 160 кубических метров, ели в объеме более 5 кубических метров, пихты в объеме 2 кубических метров. Стоимость общей суммы ущерба составила более одного миллиона рублей [5].

По результатам анализа материалов судебной и следственной практики за 2021-2022 год установлено, что распространёнными видами лесных насаждений являются подвергающимися незаконной вырубке являются такие породы деревьев как: ясень (39 %), дуб (27 %) поскольку они представляют особую промышленную ценность, при этом достаточно высокий показатель незаконной рубки указывает на такие древесные породы как кедр (10 %), лиственница (11 %), бук (7 %), пихта (5 %), клен (5 %), береза (1 %).

Наиболее распространенными деревьями подверженными незаконной рубке в Республике Крым можно выделить можжевельник (53 %), кипарис (21 %), ясень обыкновенный (12 %), клён (11 %), дуб пушистый (7 %).

Так, приведем предположения, связанные с фактами вырубке ценных древесных пород, которые, как правило, составляют основу заготовительных мероприятий, данный факт, содержащийся в поступившей информации, уже опре-

деляет направление розыскной работы, направленный на выявления мест и времени существования сбыта, что также предусматривает временное хранение древесины и готовится реализация древесины третьим лицам. В ситуации, когда рубка произошла деревьев, которые в основном выполняют функции объектов заготовки, то следствие из версий будет связано с нахождением (проживанием) поблизости местных жителей, которые осуществляли вырубку для собственных нужд отопления, стройки и др.

Анализ и систематизация корреляционных связей предмета преступного посягательства обосновывается тесным взаимодействием со следовой картиной на месте происшествия. Следовая картина находится в тесной взаимосвязи с материальными свойствами и характеристиками предмета преступного посягательства по критерию последствий, которые наступили в результате незаконной рубки:

- 1) наличие верхушек оснований вырубленных насаждений (пни) содержат обозначения, соответствующие по размерным характеристикам радиусу ствола вырубленных деревьев;
- 2) остатки ветвей и верхних частей деревьев, обнаруженные на кронах, не спиленных деревьев;
- 3) отображения следов транспортных средств на месте незаконной вырубке на остатках спиленных ветвей деревьев, со следами их волочения;
- 4) следовая картина, указывающая на множественные следы человека, на небольшой площади.

Отдельно следует выделить наличие специально наносимой маркировки на стволах деревьев, которые наносятся с целью проведения учета лесных насаждений и информируют о запрете их спила без получения соответствующего разрешения. Кроме тех деревьев, которые подлежат санитарной вырубке, а именно деревья, имеющие грибки, сухостойные, перестойные (то есть дерево уже отмирает), буреломные, а также деревья, имеющие наклон ствола в районе 30 градусов.

Таким образом, подводя итоги по указанной выше проблематике, следует сказать об актуальности изучаемого вопроса, поскольку латентный характер совершения преступления, особенно в условиях труднодоступных мест, является основным детерминантом, который приводит к значительным масштабам вырубке лесных насаждений. Необходимо принимать меры к постоянному мониторингу состояния лесного фонда, поскольку данные ресурсы хоть относятся к восполнимым источникам, но их восстановление занимает достаточно продолжительный период времени. Кроме того, на современном этапе развития дистанционно управляемых технических средств, предлагается с их помощью осуществлять мониторинг состояния лесного фонда, что позволяет оперативно отслеживать процессы вырубке лесных насаждений и контролировать их границы.

Пристатейный библиографический список

1. В Авиалесоохране оценили расширение лесных пожаров в России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/05/19/17765804.shtml?updated>.
2. Фаткулин С. Т., Грищенко В. А. Предмет преступления, предусмотренного статьей 260 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. - 2018. - № 4 (7). - С. 123.
3. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/70246708/> (дата обращения: 20.08.2022).
4. Приговор № 1-36/2021 от 29 марта 2021 г. по делу № 1-36/2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/e7NSBRigi76x/> (дата обращения: 20.08.2022).
5. Приговор № 1-33/2021 от 22 марта 2021 г. по делу № 1-33/2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/kekBIBRntc5w/>.

АБДУЛАТИПОВ Абдулатип Магомедзагидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета

УРУМОВ Аскер Валерьевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ «СПЯЩИХ ЯЧЕЕК» ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Статья посвящена особенностям формирования «спящих ячеек», являющихся одной из доминирующих технологий террористической деятельности на современном этапе. Авторами отмечается, что факторы, способствующие формированию этих ячеек, для каждого региона Российской Федерации могут быть специфическими. Исследование показывает, что в значительной мере проблема подверженности граждан вовлечению в данную деятельность связана не только с нерешенными внутренними социально-экономическими проблемами, социальной напряженностью, масштабной коррупцией в обществе, низкой их занятостью общественно полезным трудом, ожесточенной борьбой различных кланов и группировок за доступ к бюджетным средствам, но и деятельностью определенных политических кругов зарубежных государств, их спецслужб, направленной на всемерное ослабление позиции России на мировой арене. На примере Республики Дагестан рассмотрены наиболее значимые детерминирующие факторы формирования «спящих/замороженных» террористических ячеек. Сформулированы узловые проблемы, которые могут возникнуть в перспективе в сфере противодействия терроризму и экстремизму в республике.

Ключевые слова: терроризм, преступления экстремистской и террористической направленности, террористическое сообщество, террористическая ячейка, «спящие ячейки», вербовочная деятельность, террористическая деятельность сетевых структур, информационно-пропагандистская работа, антитеррористическая стратегия.

ABDULATIPOV Abdulatip Magomedzagidovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

URUMOV Asker Valerievich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Special and technical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FEATURES OF TERRORIST STRUCTURES «SLEEPING CELLS» FORMATION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

The article is devoted to the peculiarities of «sleeping cells» formation, which are one of terrorist activity dominant technologies at present. The authors note that the factors contributing to the formation of these cells may be specific for each region of the Russian Federation. The study shows that to a large extent the problem of citizens' exposure to involvement in this activity is connected not only with unresolved internal social and economic problems, social tension, large-scale corruption in society, their low employment in socially useful work, fierce struggle of various clans and groups for access to budget funds, but also with the activities of certain political circles of foreign states, their special services, aimed at weakening position of Russia on the world stage in every possible way. On the example of the Republic of Dagestan, the most significant determining factors of the formation of «sleeping/frozen» terrorist cells are considered. The key problems that may arise in the future in the field of countering terrorism and extremism in the republic are formulated.

Keywords: terrorism, extremism and terrorism oriented crimes, terrorist community, terrorist cell, «sleeping cells», recruitment activities, terrorist activities of network structures, information and propaganda work, anti-terrorist strategy.

На современном этапе терроризм представляет собой реальную угрозу глобального масштаба, отрицательно влияющую на все стороны жизнедеятельности общества. В связи с этим исследование проблем, так или иначе связанных с терроризмом, в ближайшее время не теряет своей актуальности. Генерируемый крупными террористическими группировками и их приверженцами терроризм по-прежнему являет собой одну из наиболее значимых угроз современности. При этом характер и содержание данной угрозы периодически трансформируются с учетом различных обстоятельств. Так, после разгрома в Сирии и Ираке запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации «ИГИЛ», лидеры организации были вынуждены сделать ставку на точечный террор и диверсии, отказавшись от создания Халифата¹. Это подтверждает предсе-

датель Научно-консультационного совета при АТЦ государств-участников СНГ М. Кочубей, указывая на высокую опасность созданных «спящих ячеек» и сети автономно действующих так называемых «одиноких волков» («дремлющих» одиночек), которые сформированы в результате пропаганды и индивидуальных вербовок².

По мнению большинства учёных и практических сотрудников правоохранительных органов, в настоящее время

ки и противодействия // Наука. Общество. Оборона. 2019. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2019-4-21/article-0219/> (дата обращения: 05.09.2022).

2 Марианна Кочубей, председатель Научно-консультационного совета при АТЦ государств – участников СНГ. «Спящие ячейки: кто и как вербует террористов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/20190210/Spyaschie-yacheyki-kto-i-kak-verbuet-terroristov-v-afghanistan-1039950725.html> (дата обращения: 05.09.2022).

1 Бочарников И. В, Гончаров С. С. «Спящие ячейки» террористического псевдохалифата «ИГ» в России: меры профилак-

наибольшая террористическая угроза в Российской Федерации исходит от сформировавшихся на территории отдельных регионов нашей страны законспирированных террористических формирований, так называемых «спящих ячеек», подконтрольных международным террористическим организациям (далее – МТО) и спецслужбам недружественных стран. Следует отметить, что с проведением специальной операции по демилитаризации и денацификации Украины, вопросы использования «спящих ячеек» и «дремлющих» одиночек как технологии террористической деятельности приобрело особую актуальность в свете последних событий (совершение украинскими спецслужбами теракта на Крымском мосту, направленного против критически важной гражданской инфраструктуры Российской Федерации; подготовка украинскими спецслужбами диверсионно-террористического акта в Волгоградской области на объекте нефтегазового комплекса; убийство журналистки и политолога Д. А. Дуфиной, дочери известного философа и политолога, идеолога неоевразийского движения Дугина А. Г. и др.). В ходе организации и осуществления указанных диверсионно-террористических актов под контролем украинских спецслужб активно использовались «спящие ячейки» и «дремлющие» одиночки на территории Российской Федерации. Так, например, двое завербованных россиян из состава праворадикальной группировки «Реструкт» пытались подорвать нефтепровод. Сотрудниками СБУ также был завербован уроженец Хасавюрта, который с помощью Брянских пособников пытался взорвать газопровод.

Как известно, при проведении научного исследования любого явления, в том числе и социального характера, прежде всего возникает необходимость изучения признаков, присущих явлению в целом, а также его элементам. Сказанное, безусловно, относится и к такому негативному феномену, как терроризм, в том числе к различным его проявлениям. Это необходимо не только в научном аспекте, но и с точки зрения принятия целенаправленных превентивных мер.

В первую очередь нас интересует смысл этих понятий в уголовно-правовом и криминологическом аспекте. Исследование показывает, что ни в одной из отраслей права либо доктринальных источниках мы не встречаем определение этих понятий. В основном они используются работниками правоохранительных органов в практической деятельности, в аналитических документах, а также представителями средств массовой информации. Нередко их можно встретить и в научных трудах и публикациях.

Безусловно, в формировании этих ячеек участвует группа лиц, взаимосвязанных между собой определённым образом для достижения конкретных целей террористического и экстремистского характера.

Так, для обозначения групповых преступлений террористической направленности в уголовном праве используются такие понятия, как: группа лиц по предварительному сговору или организованная группа (например, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ), террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ), организация, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической (ст. 205.5 УК РФ), незаконное вооружённое формирование (ч. 1 ст. 208 УК РФ), вооружённое формирование, не предусмотренное законодательством иностранного государства (ч. 2 ст. 208 УК РФ), преступное сообщество (преступная организация) (ст. 210 УК РФ).

Полагаем, что понятия террористические или «спящие» ячейки можно применить для обозначения отдельных частей структуры, структурированной организованной преступной группы или террористического сообщества. При этом из логического смысла самих понятий вытекает, что террористическая ячейка является общим понятием, а «спящая» ячейка – его разновидностью, находящейся по разным причинам в пассивной фазе.

Уголовно-правовая сущность исследуемых понятий заключается в том, что они относятся к одной из названных выше уголовно-правовых форм соучастия в совершении преступлений террористической направленности.

Разъяснение понятия «спящие ячейки» даётся и в аналитических документах АТЦ СНГ. Как отмечает представитель Антитеррористического центра СНГ В. Григорьев, важнейшим трендом трансформации террористического «ИГ» является создание так называемых «спящих ячеек» – орга-

низованных групп, члены которых целенаправленно ведут вербовку граждан государств пребывания с целью подготовки и проведения терактов. Взаимосвязанные и в то же время действующие автономно ячейки этой сети «расползаются» по территории и за пределы Ближнего Востока, в том числе в Европу, Юго-Восточную и Центральную Азию. Эти «спящие» ячейки присутствуют более чем в 60 странах мира, в том числе в России³.

Характерными признаками «спящих ячеек» являются: 1) использование религиозного или идеологического фактора; 2) сетевой характер и автономность деятельности; 3) строгая конспиративность; 4) режим ожидания момента начала осуществления террористической деятельности; 5) целенаправленная вербовочная деятельность; 6) внешнее законопослушное поведение и соблюдение нравственных норм в целях воспрепятствования выявлению на стадии формирования; 7) направленность на сохранение высокой боеготовности и пропагандистского резерва. По форме соучастия они являются организованными группами. Юридически деяния лиц, только что вступивших в эти структуры, можно оценить, как приготовление к преступлению. Но эти преступления в основном являются усечёнными, и сама подготовка к их совершению по уголовному закону считается окончанным преступлением. Конечно же, в каждом конкретном случае должен быть индивидуальный подход к их квалификации, так как преступления террористической направленности носят разнородный характер и объединены правоприменителем в одну группу по террористическим целям их совершения.

Как показывают исследования, факторы, способствующие формированию этих ячеек, для каждого региона Российской Федерации могут быть специфическими. Так, на территории Республики Дагестан наиболее значимыми факторами являются:

- значительное число лиц, выехавших за рубеж для участия в вооружённых конфликтах на стороне международных террористических организаций (по данным правоохранительных органов и спецслужб более 50 % от общего числа установленных лиц данной категории на территории Северо-Кавказского федерального округа);

- наличие непримиримых лиц из так называемой группы риска (судимые за совершение преступлений террористической направленности и экстремистского характера, семьи членов незаконных вооружённых формирований и международных террористических организаций, приверженцы экстремистской идеологии), которые составляют потенциальную базу террористических структур и могут при тех же условиях примкнуть к террористической сети;

- активная вербовочная деятельность МТО через социальные сети;

- распространение идеологии экстремизма, в том числе в сети Интернет.

К возможным рискам можно отнести также следующие: нерешенность территориальных вопросов, возникших в процессе уточнения административной границы с Чеченской Республикой, что в дальнейшем может привести к возникновению очагов социальной напряженности и созданию возможности перерастания бытовых и земельных конфликтов в межнациональное противостояние; проблема восстановления Ауховского района и возвращения в места исторического проживания чеченцев-акинцев. Не исключено перерастание протестных настроений в дальнейшем в террористические проявления; протестные настроения, связанные с вопросами незаконного распределения земель, ростом цен и налогов, неудовлетворительным состоянием инфраструктуры и ЖКХ и другими социально-экономическими вопросами; возможность роста протестных настроений, связанных с ухудшением социально-экономической ситуации в связи с пандемией коронавируса; наличие носителей радикальных религиозных идей (представители салафитского и ваххабитского толка), представляющих потенциальную угрозу общественной безопасности и правопорядку.

3 АТЦ СНГ: «спящие ячейки» террористов существуют во многих странах // Сетевое издание РИА Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20181030/1531753522.html> (дата обращения: 05.09.2022).

4 Данные ЦПЭ МВД по Республике Дагестан.

Несмотря на ликвидацию в последние годы террористического подполья и устранение активных его участников, в республике правоохранительные органы и спецслужбы всё еще выявляют законспирированные террористические ячейки, участники которых периодически готовят террористические акты. Так, по данным ЦПЭ МВД по Республике Дагестан с 2017 года на территории Республики Дагестан пресечена деятельность около 34 «спящих ячеек» общим количеством до 152 человек. В своих действиях члены групп были нацелены на совершение резонансных преступлений, таких как, например, нападение на сотрудников полиции в августе 2017 г. в г. Каспийске, в результате которого один сотрудник погиб, а второй получил ранения.

В 2019 году в Дагестане выявлено наибольшее среди субъектов СКФО количество законспирированных ячеек МТО (19 из 30, т.е. 63 %). Указанная тенденция сохранялась и в 2020 году - выявлено 18 законспирированных («спящих») террористических ячеек в городах Махачкала и Дербент, а также на территории Хасавюртовского района⁵. Причем «спящие» или «замороженные» террористические ячейки могут быть представлены также и в иммигрантской среде. В настоящее время в целях вербовки активно применяется информационно-пропагандистский аппарат, который состоит из информантов, телеканалов и журналов на многих языках мира, в том числе и на русском, видеороликов в социальных сетях [1].

Образование законспирированных ячеек сторонниками террористической и экстремистской идеологии осуществляется из числа лиц, полностью интегрированных в общество и для конспирации соблюдающих установленные правовые и нравственные нормы, в связи с чем затрудняется их выявление на стадии формирования.

Исследование показывает, что одной из основных причин вовлечения граждан в законспирированные группы является их религиозная безграмотность, слабые знания основ ислама, вследствие чего под влиянием произвольного толкования ислама опытными проповедниками и миссионерами у них формируются радикальные взгляды и фанатизм. Показатели задержанных участников ячеек свидетельствуют и об их сомнениях, особенно на начальном этапе вербовки, в истинности радикальных религиозных взглядов. Однако умелое продолжительное осуществление вербовщиками психологической обработки постепенно формирует у них убежденность в истинности террористической идеологии.

Благоприятную почву для криминализации молодежи и распространения террористической идеологии создают экономическая нестабильность, безработица, социальное неравенство и несправедливость. Так, проведенное нами социологическое исследование с целью оценки основных причин формирования террористических ячеек в Республике Дагестан показало, что 77 % респондентов из числа опрошенных отмечают высокий уровень безработицы, незанятость молодежи, коррупцию в органах власти, здравоохранении, системе государственного образования и др., отрицательное влияние СМИ (Интернет, телевидение, газеты и др.), пропаганду идей экстремизма через социальные сети. Среди этих причин большинство респондентов также отмечают лояльность части населения к салафитскому направлению ислама, невосприимчивость поддерживаемых духовным управлением мусульман Дагестана традиционных для республики суфийских течений тариката накшбандийа и шазилийа.

По мнению 89 % респондентов, наибольшую угрозу представляет вербовочная деятельность МТО через киберпространство, которое является надёжным инструментом для вовлечения пользователей в законспирированные террористические группы, обучения, планирования и координации террористической деятельности сетевых структур и террористов-одиночек. Сетевой подход к вербовке заключается в пропаганде террористических идей через интернет-блоги, социальные сети и хостинги. При этом данный подход ориентирован на широкую общественность, аудитория не разбивается на отдельные сегменты. Как правило, такой метод используется в районах, где радикальная идеология вызыва-

ет интерес. Путем пропаганды идеологии терроризма, члены МТО выявляют в сети Интернет граждан, которые положительно воспринимают радикальные взгляды, одобряют их или по-иному демонстрируют свою лояльность, например, частыми просмотрами террористического контента и комментариями к нему [2].

Так, ряд участников, нейтрализованных в Республике Дагестан ячеек начали радикализироваться после просмотра видеороликов, на которых демонстрировались действия террористов на территории Сирии и членов ранее действовавших в Дагестане террористических ячеек, романтизирующих вооруженную борьбу за свои идеалы, а также призывающих к осуществлению джихада и прекращению якобы имеющего место «притеснения» мусульман. Основная цель таких материалов - вызвать интерес любопытствующих, а с лицами, отреагировавшими на них, проводится индивидуальная работа.

Некоторые молодые люди стали придерживаться радикальных религиозных взглядов после посещения тематических ресурсов в сети Интернет. У них формировалось чувство мести за погибших «братьев по вере» (участников террористических ячеек в республике, членов МТО в Сирии и Ираке). Так, в процессе общения они переправляли друг другу видеоролики с записями боевых действий в Сирии, казнями людей в Пакистане, инструкциями по изготовлению самодельных взрывных устройств. Ими также обсуждались вопросы выезда за границу для участия в боевых действиях на стороне МТО.

После выявления лояльных к терроризму лиц вербовщики постепенно начинают их вовлекать в свои сообщества в сети Интернет.

Для ведения информационно-пропагандистской работы в социальных сетях создаются аккаунты и профили, через которые распространяются сведения о деятельности МТО, проходит сбор средств на нужды боевиков. Одной из самых востребованных у экстремистов соцсетей является информационно-новостной сервис «twitter»⁶, выбор которого может объясняться тем, что он наиболее популярен у интернет-пользователей. Данная платформа обеспечивает высокую скорость и целевую направленность распространяемых сообщений, а также возможность поиска интересующих данных по хэштегам. При этом примерно 75 % подписчиков на twitter-аккаунты, публикующих пропагандистские сообщения, используют для коммуникации арабский язык.

Несмотря на то, что администраторы соцсетей блокируют контент экстремистского характера, сторонники МТО находят различные способы избежать его полного исчезновения из интернета, оперативно размещая удаленные материалы в новых группах и сообществах, а также на текстовых электронных досках объявлений. Кроме того, использование технологии «swarmcast» (размножение и сохранение данных на большом количестве ресурсов) позволяет террористам распространять контент на различных платформах и формировать механизмы, реагирующие на удаление информации созданием новых аккаунтов и перенаправлением к ним подписчиков.

Помимо этого, администраторы поддерживающих МТО групп пытаются маскировать деструктивный контент. В частности, они не публикуют фотографии боевиков, их видеообращения, а также другие материалы, позволяющие сразу причислить группу к «джихадистской». Вместо этого размещаются статьи, проповеди, цитаты, выдержки из Корана, которые оправдывают действия экстремистов. Такие группы к моменту закрытия успевают набрать значительную по численности аудиторию.

Для поддержания конспиративной связи между собой сторонники различных террористических ячеек используют мессенджеры с высоким уровнем конфиденциальности, наиболее распространенным из которых является «telegram». В дагестанском сегменте преимущественно используется социальная сеть «ВКонтакте», мессенджеры «telegram» и

5 МВД: за год в Дагестане было выявлено 18 спящих ячеек террористов // Газета «Молодежь Дагестана». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://md-gazeta.ru/gazeta-md> (дата обращения: 05.09.2022).

6 Доступ к социальной сети Twitter на территории РФ ограничен с 4 марта 2022 г. Ограничение доступа Роскомнадзор осуществляет на основании ст. 15.3 федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

«Whatsapp». Указанные ресурсы наиболее популярны среди молодежи, так как практически все имеют к ним доступ.

Для большинства членов ячеек характерно отсутствие постоянного источника дохода или низкий материальный достаток (зачастую являются безработными и находятся на финансовом обеспечении у родителей), наличие среднего образования.

Необходимо отметить, что если ранее средний возраст членов террористических ячеек составлял примерно 30 лет, то на сегодняшний день этот показатель снизился до 20-22 лет. Имеются также неоднократные примеры участия в террористических ячейках лиц, не достигших совершеннолетия. Так, в апреле 2019 г. пресечена деятельность законспирированной террористической ячейки МТО, четверо членов которой на тот момент не достигли совершеннолетнего возраста. Участниками ячейки готовились нападения на сотрудников полиции, в том числе обеспечивающих охрану церкви Казанской божьей матери, расположенной в г. Каспийске, в период проведения пасхальных праздников. В этих целях членами группы посредством инструкций, полученных в сети Интернет, было изготовлено самодельное взрывное устройство, приобретено огнестрельное и холодное оружие.

Привлекательность молодых людей для вербовщиков МТО обусловлена тем, что в молодости инстинкт самосохранения снижен и еще не сформированы социальные обязанности (ответственность за семью, детей и т.д.).

Большое влияние на радикализацию и подверженность молодежи террористической пропаганде оказывает эмоциональная возбудимость, слабое семейное, духовно-нравственное и патриотическое воспитание, отсутствие жизненного опыта, а также неустойчивое материальное положение. При этом члены МТО умело манипулируют мнением вербуемых, используя в своих убеждениях объективные социально-экономические проблемы (безработица, коррупция, клановость власти, низкий уровень жизни). Основной упор делается на ложные доводы о том, что власть не способна навести порядок в регионе, необходимо действовать насильственными методами, чтобы что-то изменить и т.д.

Вербовщики используют не только метод психологического воздействия на неустоявшиеся религиозные чувства подростков и молодежи, но и манипулирование примитивными человеческими потребностями (повышение социального статуса, личной власти, жажда приключений, жестокости, насилия).

В настоящее время, как правило, предпочтение отдается лицам, которые ранее не были причастны к действовавшему в республике террористическому подполью и ранее не находившимся в поле зрения правоохранительных органов.

Некоторые из членов ячеек являлись учащимися средних профессиональных учебных заведений республики (в г. Каспийске – Колледжа архитектуры и строительства, Колледжа машиностроения и сервиса им. С. Орджоникидзе; а также Дербентского медицинского колледжа им. Г. А. Илизарова).

Радикализовавшиеся лица регулярно проводили встречи и постоянно поддерживали связь друг с другом. Обычно сборы для этого осуществляли в спортивных и тренажерных залах, футбольных секциях, мечетях, молитвенных комнатах, кафе, производственных цехах (мебельные, обувные, оконные и т.д.), строительных площадках, станциях техобслуживания и т.д.

Изучение действовавших на территории республики ячеек показало, что процесс закрепления вербовки их членов составляет от одного месяца до года. В дальнейшем их объединяют в группы, финансируют, параллельно продолжают идеологическую обработку, снабжают инструкциями и призывают к совершению терактов. Роль лидера, как правило, занимает участник ячейки, обладающий псевдорелигиозными знаниями, стремящийся к доминированию среди сверстников и склонный к авантюрным поступкам. Выявлен случай, когда террористическую ячейку возглавлял несовершеннолетний. Так, в апреле 2019 г. в селении Рукель Дербентского района задержан главарь законспирированной ячейки МТО 2002 года рождения.

При готовности ячеек переходить к активным действиям координаторы выдают инструкции по изготовлению оружия, ориентируют по объектам устремлений и месту воз-

можной атаки. Как правило, членов ячеек ориентируют на простые способы совершения терактов в виде нападений с применением холодного оружия или нацеливают на завладение огнестрельным оружием путем убийств сотрудников полиции и т.д.

Часть лиц, которые были ранее осуждены за преступления террористической направленности, не отказываются от радикальных взглядов, продолжают поддерживать контакты с членами МТО и вынашивают намерения по совершению преступлений. После отбытия ими уголовного наказания остаются предпосылки рецидива. Возвращаясь к местам постоянного проживания, преступники объединяются в группы и возобновляют противоправную деятельность. Так, в июне 2019 г. в г. Дербенте задержан главарь законспирированной ячейки, 1993 г.р., который был ранее судим по ч. 2 ст. 208 УК РФ по факту организации незаконного вооруженного формирования или участие в нем.

Анализ показаний задержанных участников террористического сообщества и МТО свидетельствует о том, что большинство из них решение о начале преступной деятельности приняли под воздействием пропаганды в сети Интернет, где они и были завербованы членами МТО.

В связи с этим деятельность правоохранительных органов необходимо направить не только на выявление, пресечение деятельности вербовщиков МТО и блокирование материалов их пропаганды, но и на выработку дополнительных мер по нейтрализации влияния агитационного контента путем систематического мониторинга дагестанского сегмента сети Интернет.

В настоящее время появилась возможность кардинально изменить такое положение. С 1 февраля 2021 года вступили в силу изменения в Законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 10.6 Закона), который в СМИ назвали Законом о социальных сетях⁷. Принятые новые новеллы содержат серьезные рычаги воздействия на цифровые угрозы и риски, что позволит в дальнейшем снизить число террористических и экстремистских проявлений.

Законом введена обязанность владельцев соцсетей составлять правила поведения пользователей в сети, а также ответственность за их несоблюдение. Кроме того, в соответствии с данным документом владельцы социальных сетей должны самостоятельно выявлять и блокировать в числе других незаконный контент, в том числе о призывах к массовым беспорядкам, экстремизму, терроризму и участию в несогласованных публичных мероприятиях; информацию, склоняющую детей к совершению опасных незаконных действий; информацию о способах совершения самоубийства и призывах к нему; информацию, которая в неприличной форме оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, выражает явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам государственной власти и др.

В реализации антитеррористической стратегии также целесообразно использовать политику владельцев современных социальных и информационно-коммуникативных технологий.

Как отмечает И. В. Бочарников, примером реализации подобного рода технологий является использование США и их ближайшими союзниками (прежде всего из так называемого «англосаксонского мира») системы глобального перехвата информации «Эшелон». Эта система была разработана в США еще в годы «холодной войны», но после резонансных терактов 11 сентября 2001 года она была переориентирована на выявление потенциальных источников террористических угроз. В систему входят лучшие технические, программные решения, предназначенные для перехвата и анализа информации. Система может распознать любой язык, который есть в ее базе и если будут

7 Хохолков М. В. Что соцсети должны пользователям: новый закон. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.intellectpro.ru/press/works/chto_sotsseti_dolzhen_pol_zovatelyam/ (дата обращения: 05.09.2022).

обнаружены ключевые слова, то указанный объект попадет под присмотр спецслужб⁸.

Особое значение в настоящее время приобретает эффективное использование возможностей местных печатных и электронных средств массовой информации при проведении мероприятий антитеррористического характера в муниципальном образовании с учетом местной специфики. Было бы целесообразно создать на уровне муниципалитетов в популярных у местной молодежи социальных сетях группы по интересам из числа активной молодежи для организации и целенаправленного проведения мероприятий, направленных на противодействие террористической и экстремистской идеологии.

В настоящее время в республике успешно применяется опыт межведомственной рабочей группы НАК с дислокацией в Республике Дагестан по организации совместно с АТК в Республике Дагестан и Минкомсвязи Республики Дагестан трансляции в сети Интернет с демонстрацией видеороликов бесед с бывшими членами НВФ и их родственниками, а также изготовлению на их основе информационно-пропагандистских материалов.

Проводимые социологические исследования и опросы в Республике Дагестан также выявляют возрастающую религиозную идентичность населения, особенно молодежи. Именно религиозная идентичность является доминирующей в системе социальных идентичностей молодежи республики. Доминирование религиозной идентичности в светском государстве имеет и свое негативное влияние при выборе приоритета между законами государства и религиозными, зачастую архаичными, нормами.

Реальную опасность представляет радикальность религиозного сознания учащихся и студентов образовательных организаций. Изучение причин формирования террористических ячеек показывает, что незанятость учащихся и студентов и отсутствие контроля над их поведением после учебных занятий способствует подпаданию их под влияние МТО. Значительная часть учащихся школ помимо светского образования также получает религиозное образование, при этом качество этих знаний и их соотношение с современными научными знаниями никем не оцениваются. Кроме того, наиболее частыми приглашенными в светских учебных заведениях являются исламские духовные лица, делающие упор на воспитание детей в духе исламских традиций, а не общекультурологических ценностей.

С учетом указанных причин представляется необходимым на уровне муниципальных образований вносить коррективы в организацию работы с молодежью, в том числе в общеобразовательных учреждениях, изыскивать дополнительные возможности по организации занятости учащихся после школьных занятий, более широкому их вовлечению во внешкольное время в досуговые, кружковые мероприятия с научно-познавательным уклоном.

В этих условиях целесообразно создание эффективной системы просвещения, несущей в сознание людей идеи культурного и конфессионального плюрализма, религиозной терпимости и исторического единства народов Дагестана, обеспечивающей соответствующий общеобразовательный уровень населения [3].

В числе вопросов, требующих повышенного внимания муниципальных органов власти, также должны быть вопросы профилактики проявлений экстремистской и террористической идеологии среди выделенной категории граждан (семьи членов НВФ, их несовершеннолетние дети, лица, осужденные за преступления экстремистской и террористической направленности).

С учетом вышеуказанных причин и условий, способствующих формированию на территории Республики Дагестан законспирированных террористических групп, следует выделить наиболее значимые проблемы, которые могут возникнуть в перспективе в сфере противодействия терроризму и экстремизму в республике.

Во-первых, по данным ЦПЭ МВД по Республике Дагестан немало приверженцев радикального течения ислама выехали за пределы республики и в любое время могут вернуться для осуществления террористической деятельности.

Во-вторых, активизация радикалов в интернет-пространстве и социальных сетях с призывами к террористической деятельности вкупе со слабой работой субъектов профилактики с лицами, находящимися в зоне риска, может привести к росту потенциальных криминальных угроз. В связи с этим необходимо с такими лицами организовать адресную работу с использованием органов местного самоуправления, общественности, религиозных деятелей и сотрудников полиции.

В-третьих, представляется целесообразным муниципальным органам власти республики обратить повышенное внимание на их выявление и устранение при осуществлении профилактических мер по противодействию проявлениям экстремизма и терроризма на территории муниципально-образовательного образования. Кроме того, необходимо осуществлять постоянный мониторинг ситуации, складывающейся в сфере противодействия и профилактики террористической и экстремистской идеологии в молодежной среде, а также в образовательных организациях всех уровней, в том числе и религиозных, выявление среди данной категории лиц проявлений экстремистского религиозного сознания.

В-четвертых, требуется слаженная системная работа по обеспечению координации деятельности и взаимодействия в данной сфере органов государственной власти, местного самоуправления с привлечением возможностей гражданского общества в сфере организационного, идеологического, информационно-аналитического и пропагандистского, образовательного обеспечения противодействия терроризму и экстремизму.

Пристатейный библиографический список

1. Бураева Л. А. «Спящие ячейки» и «дремлющие» одиночки как одна из главных технологий террористической деятельности ИГИЛ // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 263-265.
2. Абдулатипов А. М., Магомедов Б. Ш. К вопросу о вовлечении граждан в террористическую и экстремистскую деятельность (на примере Республики Дагестан) // Юридический вестник ДГУ. 2018. № 2. С. 134-140.
3. Абдулатипов А. М. Об опыте работы правоохранительных органов республики Дагестан по противодействию экстремизму и терроризму // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы Международной научно-практической конференции (10 мая 2018 г.) / Редкол.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 182-194.

8 Бочарников И. В. Информационное противодействие терроризму в современных условиях // Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». 2013. № 3. С. 2-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21292041> (дата обращения: 05.09.2022).

АГАРКОВА Татьяна Константиновна

преподаватель кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ПРОКОФЬЕВА Елена Васильевна

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры криминалистической техники Волгоградской академии МВД России

ХАНИНА Наталья Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Калининградского филиала Московского финансово-юридического университета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Официальная статистика за 2021-2022 гг. позволяет рассмотреть всю масштабность незаконного оборота наркотических средств в современной России. Это обстоятельство обуславливает объективную необходимость разработки и принятия научно обоснованных мер противодействия указанному явлению. Настоящая статья посвящена рассмотрению общей характеристики наркопреступности в Российской Федерации. Приведена актуальная статистика и аналитика по наркопреступности. Рассмотрены пути оптимизации расследования преступлений данной категории.

Ключевые слова: наркопреступность, незаконный оборот наркотиков, наркотические средства и психотропные вещества, раскрытие и расследование преступлений.

AGARKOVA Tatyana Konstantinovna

lecturer of Criminal process sub-faculty of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

GAUZHAIEVA Viktoriya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Special-technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PROKOFJEVA Elena Vasiljevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor of Criminalistics techniques sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

KHANINA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Economics and management sub-faculty of the Kaliningrad branch of the Moscow University of Finance and Law

GENERAL CHARACTERISTICS OF DRUG CRIME IN RUSSIA

Official statistics for 2021-2022 allows us to consider the full scale of illicit drug trafficking in modern Russia. This circumstance determines the objective need for the development and adoption of evidence-based measures to counter this phenomenon. This article is devoted to the consideration of the general characteristics of drug crime in the Russian Federation. Up-to-date statistics and analytics on drug crime have been added. The ways of optimizing the investigation of crimes of this category are considered.

Keywords: drug crime, drug trafficking, narcotic drugs and psychotropic substances, detection and investigation of crimes.

Наркопреступность является общественно-опасным деянием, отрицательным социальным явлением, основу изучения которого составляют наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги. Процентное соотношение наркопреступлений в общем объеме зарегистрированных преступлений в России составляет порядка 10 %. Тенденция российской преступности, в сфере незаконного оборота наркотиков, говорит о значительном увеличении количества тяжких/особо тяжких преступлений, совершенных в крупном/особо крупном размере, в том числе совершенных организованными группами. Неизменной в структуре преступлений данной категории сохраняется цель распространения наркотических средств и психотропных веществ среди масс населения, а также деяния, связанные с незаконным производством, сбытом и пересылкой в целях сбыта [1].

Преступность в сфере незаконного оборота наркотиков – одна из глобальных проблем современности, которая может нанести значительный урон национальной безопасности России, так как с ее ростом наблюдается динамика различных аморальных социальных явлений (распад семей, проституция, самоубийства, бродяжничество и детская бес-

призорность). В стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 23.11.2020 г. № 733 [2] отмечено, что в настоящий период времени наблюдается увеличение регистрации фактов незаконного оборота и потребление без медицинских показаний высококонцентрированных наркотиков. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2030 г. источниками угроз признаны деятельность преступных транснациональных группировок и организаций, направленная на незаконный оборот наркотических средств и распространение наркомании в целом. Наркомания в Российской Федерации набирает все более широкие масштабы.

О масштабах наркотической зависимости и распространения наркотиков в стране свидетельствуют статистические данные правоохранительных органов и Министерства здравоохранения. Согласно данным «Портала правовой статистики» [3] за январь – сентябрь 2022 года было зарегистрировано 135505 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Самый большой прирост зарегистриро-

Алгоритм оптимизации процесса раскрытия преступлений связанных с НОН заключается в:
- установлении способов совершения, место и время совершения преступных действий;
- установлении способов сокрытия преступлений;
- определении группы и наименования наркотического средства, психотропного, сильнодействующего или ядовитого вещества, его количество, ценовой эквивалент при покупке/продаже;
- тождественном установлении источника происхождения наркотического средства, психотропного, сильнодействующего или ядовитого вещества;
- выявлении каналов поступления и сбыта;
- верификация установленных и иных возможных каналов сбыта, в том числе рассмотрение содержания притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ;
- установлении факта незаконного культивирования запрещенных к возделыванию наркотикосодержащих растений либо факта изготовления наркотического средства, психотропного, сильнодействующего или ядовитого вещества;
- определении круг участников преступной группы и роль каждого;
- установлении достоверных сведений о личности подозреваемых (является ли наркоманом, нуждается ли в принудительном лечении, ставит ли семью в тяжелое материальное положение и т.п.)

Рисунок 1. Алгоритм оптимизации процесса раскрытия преступлений связанных с НОН [6].

ванных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков зафиксирован по республике Марий Эл – 41,8 %, Курганская область – 40,1 % и Чукотскому ОА – 40,0 %. К регионам с наименьшими темпами прироста отнесены Саратовская и Курская области. По сравнению с аналогичным периодом 2021 года полицейскими выявлено и пресечено на 40,1 % больше преступлений, связанных с производством наркотиков, на 39,8 % – связанных с их пересылкой. Сотрудниками органов внутренних дел из незаконного оборота изъято 25 тонн наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также сильнодействующих веществ [4].

По данным Министерства внутренних дел, полиция стала раскрывать больше тяжких наркопреступлений. С начала года, согласно статистической оценке министерства, в России отмечается уменьшение общего числа зарегистрированных преступлений на 1,8 %, в том числе тяжких/особо тяжких составов - на 6,3 %, выросло количество расследованных фактов сбыта наркотиков. Приоритетной задачей деятельности правоохранительных органов является пресечение самых опасных наркопреступлений, связанных именно с незаконным распространением наркотических средств и психотропных веществ, а не с их потреблением. Также, МВД акцентируют свое внимание на распространение наркотиков в сфере IT. Проблема распространения запрещенных веществ через интернет весьма актуальна, для их реализации используют специально создаваемые «наркомагазины» как в открытой сети, так и в теневом сегменте, чаще всего реализуются вещества каннабисной группы. По официальной статистике за последние годы сотрудниками привлечено более 70 тысяч лиц к уголовной ответственности за совершение IT- наркопреступлений [5].

Анализ статистических данных показывает, что наркозависимость ежегодно убивает порядка 70 тысяч человек, при том, что официально начинают употреблять запрещенные вещества около 90 тысяч человек каждый год. Согласно мировой статистике по наркотикам – каждый 20 человек пробовал наркотические препараты, что составляет около 250 миллионов человек, из которых 78 % — действующие наркоманы. Широкое распространение наркомании, ее масштабность вынуждают государство направить силы на принятие различных мер по профилактике преступных проявлений в этой сфере, именно поэтому политика строится на принципе приоритетности. Но для достижения эффективности в профилактике данных преступлений необходимо повысить их раскрываемость. С этой целью требуется полное и всестороннее получение информации о преступлении.

Пути оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений по делам о незаконном обороте наркотиков (НОН) представляются нам в возможности воплощения ряда задач, алгоритмически представленных в виде схемы на рис. 1. Целесообразно также реализовать профессиональную переподготовку или рассмотреть возможность дополнительного профобразования в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ среди сотрудников органов внутренних дел занимающихся делами данной категории. Немаловажным фактом, влияющим на эффективность раскрытия и расследования преступлений в области НОН, является привлечение квалифицированных сведущих лиц для эффективной работы на осмотре мест происшествия и на этапе расследования преступлений данной категории.

Реализация установленных задач позволит в полной мере способствовать целям борьбы с наркопреступностью в России.

Пристатейный библиографический список

1. Готчина Л. В. Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // Всероссийский криминологический журнал. - 2017. - Т. 11. - № 4. - С. 767-775.
2. Указ Президента Российской Федерации от 23.11.2020 г. № 733 «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/file/ru/ZAgYxcqq1KueTyaLlJATA23PraYrDr.pdf>. – Текст: электронный.
3. Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течении суток. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map.
4. МВД России публикует информацию о состоянии преступности за восемь месяцев 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvdmedia.ru>.
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://мвд.рф/reports/item/33388812/>.
6. Шадрин А. М. Сущность раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, оперативно-розыскным путем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wiselawyer.ru>.

КОЛЕСНИКОВА Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, старший преподаватель Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье автор рассматривает средства невербальной коммуникации, используемые в расследовании преступлений. Анализирует семиотику, которая может свидетельствовать о ложности или правдивости сведений, сообщаемых лицом. Автором исследуются некоторые приемы, которые использует следователь при производстве следственных действий.

Ключевые слова: правда, ложь, семиотика, средства невербальной коммуникации, следственные действия, расследование.

KOLESNIKOVA Irina Evgenjevna

Ph.D. in philological sciences, senior lecturer of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

INVESTIGATION OF CRIMES USING NON-VERBAL COMMUNICATION

The article examines the means of non-verbal communication used in the investigation of crimes. Analyzes semiotics, which may indicate the falsity or veracity of the information reported by the person. The author explores some of the techniques used by the investigator in the production of investigative actions.

Keywords: truth, lie, semiotics, means of non-verbal communication, investigative actions, investigation.

Колесникова И. Е.

Задача усовершенствования практики расследования преступлений и повышения эффективности борьбы с преступностью приводит к необходимости поиска новых методов, средств, приемов и путей выявления, получения, фиксации, исследования и использования криминалистической информации о событиях. Одним из таких современных учений является невербальная семиотика, представляющая собой систему научных положений и практических рекомендаций по выявлению, фиксации, обработке, хранению, исследованию, то есть использованию невербальной информации в расследовании преступлений.

Обязательным правилом работы следователя в любой ситуации, складывающейся при проведении допроса, является его деятельность по диагностике эмоционального и информационного состояний допрашиваемого по отношению к самому себе, окружающему и, главное, происшествию преступления.

Важную роль при расследовании преступлений имеет невербальная информация, которую органы досудебного расследования могут получить от участников уголовного производства.

Невербальная коммуникация используется в строго обозначенных ситуациях или видах коммуникации и широко применяются в бытовой сфере общения, определённый как знаковый телесный знаковый код, язык тела (*body language*) [7, с. 9].

Без владения умениями и навыками невербальной семиотики невозможно принять правильное правовое решение. Поэтому знания, находящиеся на стыке психологии, юриспруденции и лингвистики, являются обязательной составляющей уголовного производства, в том числе в части фиксации невербальной информации. Получение информации (вербальной и невербальной) при расследовании преступлений осуществляется проведением следственных (розыскных) действий, к числу которых относится допрос, предъявление для опознания, следственный эксперимент, осмотр, освидетельствование, обыск и негласные следственные (розыскные) действия [3].

С помощью таких невербальных способов коммуникации как жесты и позы свидетеля, подозреваемого, потерпевшего во время допроса или иного следственного действия следователь может оценить правдивость их показаний, сделать соответствующие выводы о необходимости проведения дополнительных следственных действий, получения дополнительных доказательств.

Морфологии жестов разных культур посвящено много работ (N. Enfield [14], A. Kendon, [15], B. Munari [16], A. Wierzbicka [17], A. A. Акишина [2], Г. Е. Крейдлин [7, с. 226-234] и др.).

Отдельные разработки о возможностях невербального общения по расследованию преступлений встречаются в работах

J. Bowden¹, Я. В. Комиссарова [5], В. А. Коновалова [6], А. А. Луценко [9] и других.

Однако основная проблема заключается в том, что несмотря на рекомендации специалистов о необходимости углубленного изучения сотрудниками правоохранительных органов невербального поведения, субъект досудебного следствия, не имея специальных знаний, не может достоверно установить ни степень правдивости предоставленной информации во время общения с участником процесса, ни причины ее искажения.

Поэтому целью нашей статьи является исследование невербальных средств коммуникации при проведении отдельных следственных действий.

Объект исследования – невербальная семиотика в процессе расследования преступлений.

Предметом исследования стало использование в расследовании преступлений знаний, приемов и методов невербальной семиотики, которые еще получили недостаточного признания и распространения в практику и упорядоченным в теории криминалистики.

Много информации, важной для раскрытия преступления, можно получить, наблюдая за мимикой лица, участвующего в следственном действии. Если человек что-то скрывает, то его лицо тревожное, нервное, напряженное, потому что он боится сообщить следствию «лишнее» по фактам совершения преступления. Это должно быть знаком для следователя о том, что такому лицу известна дополнительная информация относительно совершенного преступления, которую он не сообщает следствию; что необходимо проводить дополнительные следственные действия для раскрытия преступления.

Жесты открытости свидетельствуют об искренности и желании говорить откровенно. К этой группе знаков относятся жесты «раскрытые руки» и «расстегивание пиджака». Для следователя во время проведения следственных действий эти невербальные знаки могут говорить о достоверности и правдивости показаний лица, а также стремлении помочь следствию в раскрытии преступления. Невербальным знаком, подтверждающим готовность лица пойти на встречу следствию, предоставить всю известную информацию о совершенном преступле-

1 Bowden John. Quickly read, analyze, and interpret body language. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.police1.com/investigations/articles/quickly-read-analyze-and-interpret-body-language-zRM4VIGAUxxwQkC/> (дата обращения: 20.09.2022).

нии, установить контакт со следствием, является разжимание рук и автоматическое расстегивание пиджака.

Зафиксировав эти знаки от лица, участвующего в следственном действии, следователю необходимо получить от такого лица максимальный объем информации, который поможет в расследовании преступления.

Жесты недоверия и скрытности свидетельствуют о недоверии, о желании что-то скрыть. В таких случаях собеседник машинально потирает лоб, виски, подбородок, стремится прикрыть лицо руками, старается не смотреть на собеседника, отводя взгляд в сторону. Если враждебный по отношению к следствию защищающийся человек улыбается, это означает, что за искусственной улыбкой он пытается намеренно скрыть от следствия свою неискренность. В указанных случаях лицу, которое проводит следственное действие, целесообразно отнестись критически к показаниям такого собеседника, проверить их другими доказательствами, провести повторную следственное действие для установления истины по делу.

Жесты и позы защиты являются знаком того, что собеседник чувствует опасность или угрозу. Наиболее распространенным жестом этой группы знаков являются руки, скрещенные на груди. Получив такой знак, следователю необходимо установить, почему лицо чувствует себя в опасности, получала ли оно угрозы от участников уголовного производства или со стороны других лиц, нуждается ли лицо в дополнительной защите [6].

Жесты несогласия могут говорить о том, что лицо, на словах соглашаясь с тем, что происходит на самом деле, имеет другую информацию и мнение относительно событий, которые выясняются во время проведения следственного действия. Одним из таких жестов является собирание несуществующих ворсинок с костюма. Собеседник, собирающий ворсинки, обычно сидит, отвернувшись от других, и смотрит в пол. В такой ситуации лицу, которое проводит следственное действие, необходимо отнестись критически к показаниям такого собеседника, проверить их другими доказательствами [10, с. 332].

Ученые давно установили, что у человека расширяются зрачки, когда его что-то удивило. Поэтому участникам следственных действий необходимо категорически запрещать быть в темных очках. Это позволяет лицу, которое проводит следственное действие, наблюдать за глазами собеседника, получать и фиксировать соответствующие знаки невербальной информации.

Взгляд, его направление, частота контакта глаз – еще один из компонентов невербального общения. Направление взгляда показывает направленность внимания собеседника и вместе с тем дает обратную связь, что показывает отношение собеседника к тем или другим сообщениям. Если, например, во время следственного эксперимента подозреваемый постоянно отводит взгляд в одно и то же место, это должно стать сигналом для лица, проводящего следственное действие, что это место связано с совершением преступления. Если подозреваемый, получив вопрос, сразу переводит взгляд на одно и то же другое лицо, это является знаком того, что он ждет подсказки от этого лица, то есть говорит, не то, что ему на самом деле известно.

Манерами поведения, выражающих ложь на языке жестов, являются: ограниченная жестикуляция, прятанья рук, обусловленное опасением появления неестественных жестов; ограниченные движения, потому что необходимо сконцентрировать усилия для лжи; активная жестикуляция, касание носа, потирание щек, приглаживание волос, почесывание лба; прикрытие рта, словно сдержек лжи, при этом в рот могут быть подняты пальцы. При лжи человек допускает противоречивые высказывания, демонстрирует больше телодвижений в сторону, а также характерных для побега. Меняется и величина ее зрачков. Таким образом, практически все люди в жизни так или иначе подсознательно, на уровне интуиции, пользуются языком жестов. Поэтому есть необходимость методического изучения и развития навыков невербальной коммуникации, которая является частью психической культуры человека. Полученные при этом данные могут быть с успехом использованы в борьбе с преступностью.

Интересно отметить, что в США рекомендации науки о *body language* учтены в полицейских инструкциях проведения допросов. Более того, в некоторых штатах полицейские проходят сами курсы повышения квалификации для «правильной» рабочей невербалики². Для удачного выполнения служебного долга американский полицейский прорабатывает такие вопросы:

– является ли моя внешность преимуществом или препятствием;

– считаю ли я, что люди, с которыми я работаю и для которых я работаю, стоят моего времени и усилий?

– слежу ли я за своей жестикуляцией руками, головой и глазами?

– осознаю ли я свое рукопожатие?³

Итак, на основании того факта, что каждый человек имеет чувство личной территории и испытывает дискомфорт, когда происходит вторжение в нее другого человека, инструкция дает совет, чтобы следователь размещался в подзудреваемом, и между ними не было каких-то посторонних предметов, которые бы облегчали и повышали уверенность в себе допрашиваемого [11]. Практика свидетельствует, что такой способ вторжения на личную территорию, когда следователь с каждым следующим вопросом все ближе приближается к допрашиваемого, является наиболее эффективным средством, что помогает преодолеть психологическое сопротивление [8]. При проведении обысков на места хранения предметов могут указывать недовольная реакция обыскиваемого на те или иные действия следователя.

При допросе подозреваемого в совершении преступления со стороны следователя, допрашиваемого и его защитника имеют место две формы человеческого общения – вербальная и невербальная. Чаще всего их сочетание называется конгруэнтными. Невербальное общение каждого из субъектов соответствующих процессуальных отношений осуществляется посредством образов и неречевых элементов. Правда, подозреваемый во время допроса или опроса с помощью собственных эмоционально-волевых функций психики, стремится контролировать свою речь. Однако, если следователь владеет специальными знаниями из сферы невербальной коммуникации, он имеет реальную возможность наблюдать за функционированием невербальных средств общения подозреваемого, анализировать их проявления и оценивать полученные сведения на предмет их искренности, правдивости и т.д.

Если допрашиваемое подозреваемое лицо дает ложные показания, то в зависимости от характера, темперамента или волевых качеств средства невербальной коммуникации могут проявляться как в активной, да и в пассивной формах. Активная форма подсознательного функционирования средств невербальной коммуникации может проявляться в действиях его рук, в частности, в прикрывании рта, потирании носа, щек, ушей.

Во время словесной коммуникации допрашиваемый или подозреваемое лицо, дающее ложные показания, может своими руками несознательно совершать касательные жесты, в частности, касаться носа, приглаживать волосы на голове, потирать уши, подбородок, лоб, глаза.

Пассивная форма функционирования средств невербальной коммуникации у подозреваемого, которое дает ложные показания во время допроса, также может проявляться в действиях ее рук, а именно – в ограничении жестикуляции. Например, когда допрашиваемое лицо сидит, то он может прятать свои руки (например, сзади спины, в кармане, всовывать руки под себя, прятать руки на груди, сложив его в прямоугольную форму и т.д.).

Изменение тембра голоса, цвета лица, дрожание рук и другие проявления, указывающие на высокий уровень нервно-го напряжения и возникающие при осуществлении поисков в определенном направлении или при обследовании определенных объектов, являются своеобразными сигналами, свидетельствующими о нахождении тайника рядом. Возможности эффективного и положительного использования невербальной информации при проведении отдельных процессуальных действий (выявление, фиксация, исследование, оценка и последующее использование, источником которой являются участники процессуального действия) зафиксированных в семиотической оппозиции правда/ложь. Итак, выделяют пять категорий поведения, в которых нужно учитывать:

– Поведение: физическое поведение, наблюдаемое во время ответов.

– Зрительный контакт: перерывы в зрительном контакте во время ответов.

– Ответ: сам ответ.

– Время: время ответа.

2 Freeman J. 5 things police officers should know about their body language. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.police1.com/patrol-issues/articles/5-things-police-officers-should-know-about-their-body-language-Y1LQ18dUEHPABCoq/> (дата обращения: 23.09.2022).

3 Sinning S. Whole officer training police body-language and community-trust. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov1.com/community-engagement/articles/whole-officer-training-police-body-language-and-community-trust-xQeYCTq9Hj7bBoTn/> (дата обращения: 20.09.2022).

Таблица 1. Анализ поведения в рамках оппозиции «правда / ложь»

	ПРАВДА	ЛОЖЬ
Поведение	поведение уверенное	закрытые движения и позы
Зрительный контакт	продуманный взгляд	взгляд не сфокусирован
Ответ	полные предложения	предложения неполные, много междометий
Время	во время опроса/допроса ровность в ответах	меняется скорость и тональность
Голос	нормальная скорость, тон, ясная речь, громкость	перепады тональности, эмоционирующий, бормотание, крик

– Голос: характеристики голоса: тон, скорость, громкость и т. д.

Теперь мы разделим это поведение на две группы: *правда / ложь*. В предложенной таблице № 1 «Анализ поведения в рамках оппозиции «правда / ложь» можно облегчить быструю классификацию и интерпретацию поведения.

Поведение: оценивайте только то поведение, которое является ответом на заданный вопрос и является его результатом. Не учитывайте движение, которое происходит между вопросами и может считаться движением, которое является нормой для этого человека во время допроса.

Зрительный контакт: наблюдайте за перерывами в зрительном контакте, когда субъект отвечает на вопрос. Человек, который не лжет, будет поддерживать хороший зрительный контакт. Когда обманщик отвечает на вопрос, он может разорвать зрительный контакт, пусть и ненадолго. Они могут возобновить зрительный контакт после вопроса, иногда как будто проверяя, принимаете ли вы ответ.

Ответ: оцените сам ответ. Ищите следующие характеристики: Использует ли человек резкие или мягкие выражения? Внушает ли доверие ответ или вызывает подозрение? На человека падает ли подозрение или ответ крайне сомнителен? Дает ли человек вам прямой ответ или ответ уклончивый или не относящийся к вопросу?

Сроки: проверьте ответ на своевременность и последовательность. Следует ли ответ вовремя, или имеет место обдумывания, прежде чем ответить? В таких случаях важно обратить внимание чтобы оценить время ответа к каждому типу вопроса.

Характеристики голоса: повышается ли тон голоса человека, понижается ли он или остается средним? Речь четкая или невнятная? Громкость голоса увеличивается в гневе, когда его обвиняют, или остается нейтральным?

Одно предостережение: эта модель – всего лишь инструмент для наблюдения и быстрого анализа поведения. Он не догматичный, и требует значительный объем знаний, чтобы научиться читать и интерпретировать поведение⁴.

Невербальные сигналы человеком почти не осознаются, они возникают на подсознательном уровне, поэтому для лица, проводящего следственные действия, важным источником информации является именно невербальное общение с участниками процесса. То, что лицо пытается сознательно скрыть от следствия, может проявиться мимо его воли в невербальных знаках и жестах. Ключевым аспектом в данном вопросе является то, чтобы лицо, проводящее следственное действие, обладало необходимыми знаниями для фиксации и толкования полученной от участника уголовного производства невербальной информации.

Выводы.

Все методы и способы невербального действия должны быть в рамках закона. Единственной их главной целью является установление истины по конкретному делу. Также следует помнить, что следователь сам является источником невербальной информации. Поэтому он обязан контролировать свои как вербальные, так и невербальные реакции. Следовательно необходимо всем своим видом, жестами, репликами, поощрять откровенность собеседника, желание доводить до следствия интересные факты, обстоятельства преступления. Невербальная информация, поступающая от субъекта, не имеет доказательного и процессуального значения. Данная информация ориентирующая, определяет тактику следственных действий. Из всего вышеска-

занного можно заключить, что возникает необходимость углубленного изучения сотрудниками правоохранительных органов невербального поведения.

Пристатейный библиографический список

1. Алферов Ю. А. Нетрадиционные методы изучения преступников (визуалистика и френология). – Домодедово: РИПК МВД РФ, 1998.
2. Акишина А. А., Акишина Т. Е., Кано Х. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. – Москва: URSS, 2010. – 345 с.
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. – М.: Юрид. лит., 1987. – 272 с.
4. Еникеев М. И. Образцов В. А. Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 216 с.
5. Комисарова Я. В., Семенов В. В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений: учеб. пособ. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 224 с.
6. Коновалова В. Е., Шепитько В. Ю. Основы юридической психологии: учебн. – 2-е изд. – Харьков: Одиссей, 2006. – 352 с.
7. Крейдлин Г. Е. Язык и семиотика тела / Коллективная монография в 2 т. Т. 1: Тело и телесность в естественном языке и языке жестов – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 944 с.
8. Луценко О. А. Невербальные коммуникации при расследовании преступлений // Актуальные проблемы современной криминалистики // Материалы научно-практической конференции: В 2-х ч., Симферополь – Алушта, 19-21 сентября 2002 г. – Симферополь: Доля, 2002. – С. 137-144.
9. Луценко О. А. Становление спецкурса «Криминалистическая невербалика» // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол» (15-16 июня 2000 г., Ростов-на-Дону): Сб. тезисов. – Ростов н/Д: РЮИ МВД РФ, 2000. – С. 53-56.
10. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2002. – 448 с.
11. Панасюк А. Ю. А что у него в подсознании? (12 уроков по психотехнологии проникновения в подсознание собеседника). – М.: Дело, 1996. – С. 46.
12. Протасевич А. А., Образцов В. А. Раскрытие убийств: нетрадиционные методы, приемы, рекомендации. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – С. 91.
13. Семенов В. В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации при расследовании преступлений: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Саратов. юрид. ин-т МВД РФ. – Саратов, 2003. – 22 с.
14. Enfield N. Lip-pointing: A discussion of form and function with reference to data from Laos // Gesture. – 2002. – Vol. 2. № 1. – P. 185-211.
15. Kendon A. Gestures as illocutionary and discourse structure markers in Southern Italian conversation // Journal of pragmatics. – 1995. – Vol. 23. – P. 247-279.
16. Munari B. Il dizionario dei gesti italiani. – Bergamo: Adn kronos Libri, 1997. Nemirovsky et al.
17. Wierzbicka A. Emotion, language and «cultural scripts» // Kitayama S. and Markus H. (eds.) Emotion and culture: Empirical studies of mutual influence. – Washington: American Psychological Association, 1994. – P. 130-198.

4 Bowden John. Quickly read, analyze, and interpret body language. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.policet1.com/investigations/articles/quickly-read-analyze-and-interpret-body-language-zRM4VIGAUxxcwQkC/> (дата обращения: 20.09.2022).

ПЛОТНИКОВ Дмитрий Владимирович

старший преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

СЕРЕДА Юлия Сергеевна

преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

РАГЗИН Никита Сергеевич

преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СО СЛЕДСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ И СУДАМИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Координация деятельности правоохранительных органов в профилактике правонарушений является важным условием успешного осуществления специальных мер по их предупреждению. Успешная организация взаимодействия экспертных учреждений с органами расследования и судом в области профилактики правонарушений предполагает систематический анализ состояния профилактической деятельности каждого субъекта взаимодействия, определение возможных направлений и форм взаимодействия, выбор наиболее рациональных из них, разработку мер по эффективному применению специальных познаний для профилактики правонарушений. В статье поднят ряд вопросов реализации предложений практических органов по профилактике преступлений.

Ключевые слова: профилактика преступлений, взаимодействие служб, экспертные учреждения.

PLOTNIKOV Dmitriy Vladimirovich

senior lecturer of Foundations of expert-criminalistic activities sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

SEREDA Yuliya Sergeevna

lecturer of Foundations of expert-criminalistic activities sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

RAGZIN Nikita Sergeevich

lecturer of Foundations of expert-criminalistic activities sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ISSUES OF CRIME PREVENTION ON THE INTERACTION OF EXPERT INSTITUTIONS WITH INVESTIGATIVE AUTHORITIES AND COURTS FOR THE IMPLEMENTATION OF PROPHYLACTIC PROPOSALS

Coordination of law enforcement activities in the prevention of offence is an important condition for the successful implementation of special measures to prevent them. Successful organization of interaction between expert institutions with investigative bodies and the court in the field of crime prevention involves a systematic analysis of the state of preventive activities of each subject of interaction, identification of possible directions and forms of interaction, selection of the most rational of them, development of measures for the effective use of special knowledge for the prevention of offences. The article relates a number of issues of implementation of proposals of practical bodies for crime prevention.

Keywords: crime prevention, interaction of services, expert institutions.

Взаимодействие судебно-экспертных учреждений с правоохранительными органами в реализации экспертных профилактических предложений можно определить, как совместную согласованную деятельность судебно-экспертных учреждений с органами прокуратуры, МВД, следственным комитетом и судами, направленную на повышение эффективности и качества работы по предупреждению правонарушений.

Координация деятельности правоохранительных органов в профилактике правонарушений является важным условием успешного осуществления специальных мер по их предупреждению. Взаимодействие судебно-экспертных учреждений с правоохранительными органами в реализации экспертных профилактических предложений можно определить, как совместную согласованную деятельность судебно-экспертных учреждений с органами прокуратуры, МВД, следственным комитетом и судами, направленную на повышение эффективности и качества работы по предупреждению правонарушений. Осуществляется она путем использования специальных познаний сотрудников экспертных учреждений для разработки профилактических предложений и успешной их реализации. Систематическое и целенаправленное взаимодействие экспертных учреждений с правоохранительными органами позволяет более четко планировать мероприятия по искоренению условий, способствующих совершению конкретных преступлений, шире использовать специальные познания в предупредительной работе, а также повысить эффективность профилактики правонарушений в целом.

Для этого необходимо осуществление взаимодействия на различных этапах экспертно-профилактической деятельности: подготовительном, разработке предложений, их оформлении, реализации.

На подготовительном этапе следователем или судом (часто с помощью эксперта) формулируются вопросы профилактического характера или эти вопросы решаются по инициативе эксперта, подбираются необходимые материалы следователем или судьей, осуществляются консультации и т. п.

На этапе разработки экспертом проводится исследование по выявлению обстоятельств, способствующих правонарушениям, и часто по согласованию с правоохранительными органами разрабатываются рекомендации по устранению этих обстоятельств. Результаты исследовательской деятельности эксперта фиксируются им в определенном документе на этапе оформления.

В процессе реализации осуществляются все необходимые меры по успешному внедрению профилактических предложений, разработанных экспертами.

Эффективность профилактической работы зависит от взаимодействия экспертных учреждений и органов расследования и суда на всех этапах, но особенно важным является этап реализации, в ходе которого должны осуществляться различные координационные связи субъектов взаимодействия [1].

Можно различать следующие стадии этапа реализации профилактических предложений экспертов и экспертных учреждений.

Внедрение разработанных экспертом профилактических предложений. При изучении поступившего от экспертного учреждения документа, содержащего предложения по профилактике правонарушений, следователь или суд всесторонне оценивают его значимость для данного уголовного (гражданского) дела и в целом для осуществления мер по профилактике правонарушений и на основании закона выносят мотивированное представление или частное определение об

устранении обстоятельств, способствующих совершению правонарушений [2].

Этот процессуальный документ направляется соответствующему учреждению, предприятию, организации или должностному лицу. Могут также иметь место случаи, когда документ экспертного учреждения, содержащий профилактические рекомендации, направляется для реализации непосредственно организациям и предприятиям.

Выяснение хода реализации профилактических предложений осуществляется путем направления судебно-следственным органам или соответствующим организациям, если рекомендации были направлены непосредственно им, запросов о том, как были использованы экспертные профилактические предложения.

Информирование о разработанных профилактических мерах. На этой стадии экспертным учреждением в вышестоящие органы МВД и прокуратуры направляются копии документов по профилактике.

Следует различать субъектов профилактической деятельности и субъектов взаимодействия по реализации профилактических предложений. К первым относятся следователь, прокурор, суд, которые в соответствии с законом, используя все имеющиеся в их распоряжении материалы уголовного или гражданского дела, выносят представление (частное определение), а также эксперт, который при проведении экспертизы по конкретному делу с помощью специальных познаний устанавливает обстоятельства, способствующие правонарушениям, направляет следователю, прокурору, суду свои профилактические предложения. Взаимодействие при реализации экспертных профилактических предложений осуществляется правоохранительными органами и экспертными учреждениями, с одной стороны, и должностными лицами, на которых законом возложена обязанность выполнения профилактических рекомендаций, с другой.

В ходе реализации профилактических предложений, разработанных при проведении экспертными учреждениями как процессуальной, так и не процессуальной профилактической деятельности, участники этой реализации выполняют различные функции.

Функция сигнализации осуществляется во всех случаях, когда эксперт или экспертное учреждение уведомляет (сигнализирует) правоохранительные органы об обстоятельствах, способствующих правонарушениям, или; исходя из необходимости принятия срочных профилактических мер, экспертное учреждение сигнализирует о криминогенных факторах непосредственно предприятиям, организациям, учреждениям, направляя копии такого документа судебно-следственным органам. Эта же функция характерна и для тех случаев, когда, сообщая следственным органам и суду о криминогенных факторах, экспертное учреждение копией такого документа сигнализирует иным (несудебным) органам.

При направлении представлений (частных определений), составленных с использованием предложений экспертов, в адрес организаций и предприятий, следственные органы и суд предлагают принять меры по устранению обстоятельств, способствующих правонарушениям, и сообщить о принятых мерах.

Функция реагирования выражается в сообщениях организациям и предприятиям судебно-следственным органам, принятых в соответствии с представлениями (частными определениями), в ответах организаций и предприятий непосредственно экспертным учреждениям о мерах, принятых по их предложениям, информации судебно-следственных органов экспертным учреждениям о том, как были реализованы профилактические рекомендации.

Информационная функция осуществляется в тех случаях, когда экспертные учреждения направляют копии составленных ими документов по профилактике правонарушений либо информации о них в Министерства внутренних дел региона, следственным управлениям, прокуратуре или в суд.

При направлении экспертными учреждениями органам расследования и суда напоминаний (запросов) о том, как были использованы экспертные профилактические рекомендации по конкретным делам, осуществляется проверочная функция.

Контрольная функция осуществляется при затребовании вышестоящими правоохранительными органами у нижестоящих данных о ходе реализации ими профилактических предложений, разработанных экспертами.

Между органами и лицами, осуществляющими упомянутые функции, возникают различные координационные связи. Необходимо подчеркнуть также важность общекоординационной связи, которая возникает при согласованном проведении

профилактической работы всеми правоохранительными органами. В частности, такая связь возникает при реализации профилактических рекомендаций, разработанных совместно экспертными учреждениями и судебно-следственными органами по материалам обобщений экспертной и судебно-следственной практики по отдельным категориям дел, объектам исследования, территориальным единицам. Общекоординационная связь обеспечивает согласованность мероприятий, повышает их эффективность, позволяет избежать параллелизма и дублирования в профилактической работе и является наиболее эффективной.

Анализируя степень практического осуществления различных функций, следует отметить, что в настоящее время большинство из них (реагирования, проверочная, контрольная и др.) выполняются еще недостаточно. Весьма редко осуществляется общекоординационная связь, возникающая при проведении совместных обобщений по профилактическим вопросам органами расследования (суда) и экспертными учреждениями. Чтобы успешно реализовать рекомендации, следует четко определить круг адресатов. Кроме основных адресатов – правоохранительных органов – копии документов в необходимых случаях могут направляться заинтересованным учреждениям и Организациям. Например, по выявленным обстоятельствам, способствующим дорожно-транспортному происшествию, копию уведомления целесообразно посылать и Государственной автоинспекции. В документе экспертного учреждения целесообразно по возможности указывать конкретную организацию, в адрес которой следственному органу (суду) рекомендуется войти с представлением (частным определением).

Систематический анализ реализации судебно-следственными органами профилактических рекомендаций позволяет экспертным учреждениям устранить недостатки в деле организации взаимодействия, оценить эффективность профилактических предложений экспертов, наметить дальнейшие пути по реализации профилактических предложений. Эффективность профилактической работы следует изучать также по материалам уголовных и гражданских дел, по которым экспертами были даны профилактические рекомендации.

В законе не оговаривается обязанность следователя (суда) направлять в экспертные учреждения копию представления (частного определения), подготовленного на основании экспертных профилактических предложений, а также сообщать о мерах, которые были приняты соответствующими организациями и учреждениями для устранения обстоятельств, способствующих правонарушениям. Для регламентации данного вопроса целесообразно принять совместные указания заинтересованных ведомств, обязывающие суды и следователей сообщать экспертным учреждениям о ходе реализации их профилактических предложений. Успешному взаимодействию экспертных учреждений с органами расследования и судами по предупреждению правонарушений способствовало бы совершенствование правового регулирования профилактической деятельности экспертов и экспертных учреждений, в частности, как уже отмечалось в литературе, дополнение специальной статьей, регламентирующей эту деятельность, уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных кодексов, издание методического пособия для органов расследования и суда, в котором рассматривались бы различные вопросы использования познаний сотрудников экспертных учреждений в работе по предупреждению правонарушений.

Целесообразным явилось бы создание в каждой регионе межведомственного координационного совета по профилактике правонарушений, в который входили бы представители экспертных учреждений. Наряду с осуществлением других функций совет координировал бы деятельность правоохранительных органов и экспертных учреждений по реализации профилактических предложений, имеющих значение. Полезно было бы также создать методический совет по вопросам экспертной профилактики, в функции которого, в частности, входила бы координация профилактической работы различных экспертных учреждений, обсуждение по существу наиболее важных рекомендаций.

Пристатейный библиографический список

1. Назаров С. В. Назначение, производство и оценка результатов автотехнической экспертизы на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: защищена в 1999 г. – Москва, 1999.
2. Борчашвили И. Ш. Экспертная профилактика. Постановка проблемы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 2 (31). – С. 256-265.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

КУРЛОВИЧ Павел Николаевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России

РОМАНЮК Владимир Станиславович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВИКТИМОЛОГИИ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

В последние годы учеными стал подниматься вопрос, который взаимосвязан с изучением непосредственно жертв преступления и внедрение в сам процесс предупреждения преступности такого понятия, как виктимологическая профилактика. Для этого вместе с изучением самих индивидуальных свойств личности преступника необходимо также уделять внимание и личности потерпевших. Понимание их необходимо, так как само совершение преступления и является тем самым результатом взаимодействия определенной жизненной среды с устоявшимися антиобщественными установками именно личности виновного. Этим актуальным вопросам посвящена научная статья.

Ключевые слова: виктимология, криминология, понятие, проблемы, профилактика, классификация.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KURLOVICH Pavel Nikolaevich

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Administrative law, administrative activities and management of the internal affairs bodies sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia

ROMANYUK Vladimir Stanislavovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Administrative law, administrative activities and management of the internal affairs bodies sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia

SOME PROBLEMS OF VICTIMOLOGY AS A CRIMINOLOGICAL CATEGORY

In recent years, scientists have begun to raise a question that is interconnected with the study of the victims of the crime itself and the introduction of such a concept as victimological prevention into the process of crime prevention itself. To do this, along with the study of the very individual properties of the personality of the offender, it is also necessary to pay attention to the personality of the victims. Understanding them is necessary, since the very commission of a crime is the result of the interaction of a certain living environment with the established antisocial attitudes of the personality of the perpetrator. A scientific article is devoted to these topical issues.

Keywords: victimology, criminology, concept, problems, prevention, classification.

Проблематика виктимологии в целом, и в том числе сами проблемы, связанные с непосредственной защитой жертв преступлений на практике, всегда вызывала большой интерес ученых, которые работают в области уголовного права, также криминологии, криминалистики и конечно же уголовного процесса. Внимание отводится становлению нового научного направления – виктимологии. Рассматривались необходимые различные дополнительные аспекты того, как становятся жертвами преступлений, строилась целостная отечественная доктрина профилактики преступности, шаг за шагом выводились и складывались новые подходы к решению возникающих вопросов, которые так или иначе были связаны с острой проблематикой потерпевших.

Несмотря на имеющееся достаточно большое количество научных исследований, связанных с данной темой, проблемы виктимизации так и не были разработаны на комплексном уровне, как хотелось бы. Правильное решение имеющейся проблемы виктимизации является достаточно актуальными и, как следствие, правильное их решение вме-

сте с другими задачами, которые стоят перед нашим обществом, будут способствовать непоколебимому повышению эффективности острой проблемы борьбы с преступностью [1].

Истоки публикаций, связанных с виктимологией берут свое начало с конца 1945 г. Примером проявления массовой виктимизации могут стать ядерные бомбардировки двух японских городов, в результате которых было выявлено большое количество погибших. Данная ситуация стала стимулом для японских ученых заняться изучением таких механизмов, которые стали определять, почему же все-таки люди становятся жертвами, более уязвимыми перед проявляющимися различного рода формами агрессии. Так, в конце 1980-х гг. стали выходить разные монографии, носящие название «Общая виктимология». В таких работах развивались концепции понимания значения виктимологии. В своих работах ими были выделены, так скажем, уровни классификации – группировка и типология.

«Типология» - метод, где в основе лежит деление таких систем и объектов с помощью обобщенной модели, следова-

тельно – это учение о разновидностях потерпевших от преступлений и их группировка по типовым признакам.

Также отличие типологии заключается и в том, что она акцентирует внимание на некоторых отличительных виктимных чертах личности жертвы преступления, группируя их по наиболее устойчивым, наиболее уязвимым чертам, которые делают видимым отличие потерпевшего от преступного посягательства [2].

Классификация потерпевших может быть различной, в зависимости от поставленных задач. Многие ученые ссылаются на то, что полным является разделение потенциальных потерпевших по типу их поведения и выделяют следующие группы:

1. Лица, чье социально порицаемое поведение является условием, способствующим совершению преступлений, жертвами которых они могут стать. Их можно разделить на «агрессивных», «корыстных» (прибегающих к нечестным способам удовлетворения некоторых материальных потребностей) и «неосторожных» (лиц, явно пренебрегающих элементарными правилами обеспечения личной и имущественной безопасности);

2. Лица, которые подвергаются повышенному риску стать жертвами преступлений в связи с исполняемыми ими служебными или общественными обязанностями;

3. Лица, между социально одобряемым поведением которых и вероятностью совершения в отношении них преступления не усматривается какая-либо значительная связь [3].

Также функционируют Кризисные центры для жертв преступлений. Например, в Республике Мордовия действуют такие правозащитные организации как: мордовский республиканский правозащитный центр, Мордовская республиканская общественная организация правозащитного и социального направлений «Взаимодействие». Помимо предоставления достаточно большого круга юридических услуг, данные организации проводят различные мероприятия для населения, которые помогут им более детально изучить законные способы защиты своих прав [4].

Регулирование иных мер виктимологической профилактики содержится также в самых различных нормативных актах. Деятельность профилактических виктимологических мероприятий имеет своей целью довести до людей информацию о том, как опасно совершение убийства и причинение вреда здоровью, каковы способы совершения убийства и какие хитрости используют преступники при совершении преступления.

Проведенный структурный анализ становления и развития виктимологии позволяет наглядно увидеть, что интерес многих ученых и специалистов, направленный к жертве преступления стал проявляться еще с давних времен, но именно как самостоятельное научное направление стала формироваться уже только в середине прошлого столетия [5].

Сегодня выделенная потребность в исследованиях сущности виктимологии стала признана во всем нашем мире, так как именно использование виктимологической профилактики на практике дает достаточный широкий объем результатов.

Терминологический аппарат виктимологии во многом содержит и выделяет такие понятия, как виктимность, виктимизация, а также виктимное поведение, которые на практике, как мы можем видеть, достаточно широко и полно разработаны в различных источниках и литературе.

Фигура самого потерпевшего заслуживает достаточно объемного внимания со стороны, как законодателей, так и

правоохранительных органов. Непосредственное изучение существенных особенностей личности и поведения потерпевших от преступлений может не только оптимизировать ход следственного процесса, но и может способствовать более детальному проведению профилактических мероприятий для населения, дабы предотвратить уровень их виктимности [6].

Целью правоохранительной системы должно стать создание комплекса мер, которые будут направлены на целостную защиту общества от возникающих негативных явлений. Действенным механизмом решения этой проблемы можно считать виктимологическую профилактику, в связи с чем уголовно-процессуальному законодательству надлежит использовать те нормы, которые обеспечат ее обязательное выполнение.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. - М., 2016. - С. 496.
2. Аракелян К. Н., Айрапетян Д. Р. Виктимология как актуальное направление развития науки // Наука и образование. - 2016. - № 3-4. - С. 85-90.
3. Варчук Т. В. Виктимология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности юриспруденция. - М.: ЮНИТИ данА; Закон и право, 2018. - С. 191.
4. Сахаров А. А. Личность преступника и типология преступников // Соц. законность. - 2016. - № 3. - С. 18-25.
5. Аракелян К. Н. Виктимология как отрасль юридической психологии: экскурс в историю возникновения // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. - М.: МГППУ, 2018. - С. 4-8.
6. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: монография. - Хабаровск, 2013. - С. 144.

СТЕПАНЕНКО Диана Аркадьевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета, г. Иркутск

ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ БЛОКЧЕЙНА

В условиях развития цифровизации общества и всех аспектов человеческой активности необходимо использовать новые цифровые инструменты, которые позволят более гибко реагировать на изменения в обществе. Одним из таких инструментов выступает блокчейн, который может рассматриваться, как новый инструментальный способ формирования криминалогических баз данных, обладающий высокой степенью защиты передачи и хранения, находящихся в них данных. Объектом исследования является цифровая криминалогия, как сочетания методов цифрового профилирования и хранения информации, в том числе, цифровых следов. Предметом исследования выступает блокчейн, как сформированная единая база данных, в которой производится запись необходимых криминалогических данных в неизменяемый реестр. Результаты исследования: 1. Представлено теоретическое описание технологии блокчейна, как элемента цифровой криминалогии; 2. Представлено авторское описание использования блокчейн в виде содержательных шагов от формирования базы данных до использования адресов, открытых и закрытых ключей.

Ключевые слова: цифровая криминалогия, цифровой след, цифровые данные, цифровой адрес, криптография, верификация.

STEPANENKO Diana Arkadjevna

Ph.D. in Law, professor, professor of Criminalistics, forensic examinations and legal psychology sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

FORMATION OF CRIMINOLOGICAL DATABASES USING BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES

In the context of the development of digitalization of society and all aspects of human activity, it is necessary to use new digital tools that will allow for a more flexible response to changes in society. One of these tools is the blockchain, which can be considered as a new instrumental way of forming criminological databases, which has a high degree of protection for the transmission and storage of data contained in them. The object of the study is digital criminology, as a combination of methods of digital profiling and information storage, including digital traces. The subject of the study is the blockchain, as a unified database formed in which the necessary criminological data is recorded in an immutable register. Research results: 1. The theoretical description of blockchain technology as an element of digital criminology is presented; 2. The author's description of the use of blockchain is presented in the form of meaningful steps from the formation of a database to the use of addresses, public and private keys.

Keywords: digital criminology, digital footprint, digital data, digital address, cryptography, verification.

С развитием информационно-коммуникационного пространства резко возросло количество преступлений в цифровой среде: «Уголовно наказуемые деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, характеризуются тенденцией к возрастанию их количества...» [1, с. 186], что объективно увеличивает потребность в защите баз данных, включая криминалогические базы данных. Помимо этого, возникла потребность в формировании цифровых баз данных, содержащих сведения о результатах «компьютерной экспертизы» [2, с. 882] с высокой степенью защиты и инструментами информационной безопасности. Подобным инструментом может выступать блокчейн: «Такие структуры данных укрепляют безопасность сети, снижая риск возникновения единой точки отказа, и могут сделать попытку взлома непомерно сложной задачей» [3, с. 30].

Блокчейн — это сформированная единая база данных, в которой производится запись данных в неизменяемый реестр. Блокчейн документирует и подтверждает условно анонимную идентификацию сторон, осуществляющих транзакции верифицируемым и устойчивым способом. После того, как транзакция подтверждена и криптографически проверена другими участниками или узлами в сети, она превращается в «блок» в цепочке блоков. Блок содержит информацию о времени совершения транзакции, предыдущих транзакциях и подробности о транзакции. Из-за наличия децентрализо-

ванных транзакций и данные не проверяются и права на них не соотносятся с одним лицом, как в традиционных системах баз данных. Объективность транзакции верифицируется принятыми большинством участников правилами, через узловые точки или компьютеры, имеющие доступ в сеть, в том случае, когда в сети приходят к консенсусу относительно новой транзакции, то она добавляется. Технология блокчейна защищает и аутентифицирует транзакции и данные с помощью криптографии. Пользовательская информация и данные при хранении могут неправильно обрабатываться и использоваться не по назначению, что создает угрозу конфиденциальности базы данных. В рамках «цифровой криминалогии» [4, с. 423] предусматривается активное внедрение технологии блокчейн из-за ее способности повышать конфиденциальность баз данных, защиту базы данных и закреплять собственность на базу данных государством.

Ключевым аспектом построения криминалогических конфиденциальных баз данных с помощью технологии блокчейна выступает использование закрытых и открытых ключей. Системы криминалогических баз данных, основанные на технологии блокчейна должны использовать асимметричную криптографию в качестве защиты цифровых данных. В подобной системе у каждого из пользователей (сотрудники правоохранительных органов, органов судебной системы) должны быть открытые и закрытые ключи. Данные ключи формируются из случайных цепочек про-

извольных чисел и связь между ними должна быть криптографической. Для злоумышленников, которые захотят получить противоправный доступ к криминологическим базам данных математически становится невозможным угадать закрытый ключ какого либо пользователя по данным его открытого ключа. Подобная система обеспечит высокую степень безопасности и защиту базы данных от взлома или изъятия (искажения) хранящейся информации. Открытые ключи могут передаваться по мере необходимости (следственные действия, оперативно – розыскные мероприятия) другим пользователям в сети, поскольку с помощью них невозможно изъять или изменить данные в базе. У каждого пользователя существует адрес, полученный из открытого ключа с помощью хеш-функции. Эти адреса используются для отправки новых данных в базу или обновления базы данных. Помимо всего контролирующие органы могут просматривать прошлые действия всех участников, которые произошли в блокчейне и регистрировать возможные недобросовестные действия, направленные на изъятие или получения информации без правовой основы.

При этом отправители и получатели новых данных должны быть представлены и обозначены их адресами; личности пользователей базы данных публично анонимны, но по цифровому следу и цифровой идентификации без труда будут установлены. Публичные ключи не содержат личной информации или идентификации; скорее, они должны быть анонимны, чтобы пресечь возможность коррупционной составляющей и в этом случае, такой ключ генерируется произвольным образом и никакой сложности подобная генерация не составляет, предлагается пользователям не использовать публичный адрес и ключ не более одного раза. Подобные действия позволяют избежать неправомерного отслеживания злоумышленниками прошлых действий с конкретного адреса в попытке раскрыть информацию о следственных или оперативных действиях. Закрытые ключи могут использоваться для защиты личности и безопасности пользователей с помощью цифровых подписей, подобные ключи добавляют уровень аутентификации личности. Когда одни пользователи хотят отправить некие данные другим пользователям, они должны предоставить цифровую подпись, которая создается при генерации закрытого ключа, такая последовательность защитит от неправомерного доступа к информации из базы данных.

Основную угрозу базам данных на основе технологии блокчейна представляют кибератаки, которые когда направлены на критическую инфраструктуру выступают действительно большой угрозой для работоспособности и текущей безопасности рабочей сети устройств. Рабочие сети устройств, которая разработана на базе аппаратного обеспечения, вполне может быть скомпрометирована, например, путем внедрения вредоносного программного обеспечения и манипулирования различными настройками устройств или взлома доступа к сети путем открытия сопряжённых портов. В этом случае создание защищенной одноранговой сети является одним из самых актуальных вариантов использования технологии блокчейна при формировании криминологических баз данных. Это позволит правоохранительным органам создать автономную безопасную и доверенную сеть устройств, и при каждой передаче и обмене данными возможно проведение аутентификации пользователя на основе неизменяемых отпечатков пальцев для доступа к устройству. Отпечатки пальцев пользователя, сверяются цифровыми образам отпечатков из базы и позволят пользователю, через

цифровые устройства аутентифицироваться в распределенной сети на основе блокчейна.

Также для защиты доступа к базам данных может использоваться доказательство с нулевым разглашением, подобный криптографический метод, предусматривает процесс с помощью которого одна сторона (доказывающая) может доказать другой стороне (верификатору), что данная запись истинная, не передавая никакой информации о передающей стороне, кроме того факта, что запись верна.

С переходом общества на цифровые технологии, которые получают всё большее распространение в жизни каждого человека, защита и безопасность хранения данных приобретает всё большее значение. Предметное содержание цифровой криминологии не должно быть ограничено только расследованиями в области цифровых преступлений, а расширять области компетенций в использовании и защите данных новыми цифровыми способами и технологиями. В этом исследовании описывается, как технологии блокчейна могут быть использованы при формировании криминологических баз данных, которые позволят не только более качественно защитить содержимое баз данных, но и способствовать более эффективному их использованию.

Пристатейный библиографический список

1. Хисамова З. И., Бегиев И. Р. Цифровая преступность в условиях пандемии: основные тренды // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 185-198. – DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).185-198. – EDN GNPYZX.
2. Лантух Э. В., Ишигеев В. С., Грибунов О. П. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 6. – С. 882-890. – DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(6).882-890. – EDN VHTUKP.
3. Умаров Х. С. Влияние блокчейн-технологий на трансформацию государственных и корпоративных процессов // Дискуссия. – 2021. – № 6 (109). – С. 28-36. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-6-109-28-36. – EDN NGQBHZ.
4. Серебренникова А. В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 423-430. – DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(3).423-430. – EDN WOBXFD.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

Ступина С. А.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье на основе комплексного анализа официальных статистических данных проведено краткое исследование состояния преступности. Определены изменения, которые проявились на фоне Специальной военной операции. В частности, установлено, что растет количество зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности, а также хищения и вымогательства оружия. Определено, что указанное происходит на фоне укрепляющейся тенденция к увеличению количества преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, среди участников которых фиксируется резкое увеличение несовершеннолетних на 75,5 %. За январь-сентябрь 2022 г. почти на четверть выросло количество вымогательств. Автором также исследованы и иные тенденции преступности в современных реалиях, а также сформулированы некоторые предложения профилактической направленности.

Ключевые слова: преступление, структура преступности, динамика преступности, причины преступности, социальные изменения в обществе.

STUPINA Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

SOME CRIME TRENDS IN MODERN CONDITIONS

In the article, on the basis of a comprehensive analysis of official statistical data, a brief study of the state of crime is carried out. The changes that have manifested themselves against the background of a special military operation have been identified. In particular, it has been established that the number of registered crimes of a terrorist nature and extremist orientation, as well as theft and extortion of weapons, is growing. It is determined that this is happening against the background of a growing trend towards an increase in the number of crimes committed by organized groups or criminal communities, among the participants of which a sharp increase in minors by 75.5 % is recorded. In January-September 2022, the number of extortion increased by almost a quarter. The author also investigated other crime trends in modern realities, as well as formulated some preventive proposals.

Keywords: crime, structure of crime, dynamics of crime, causes of crime, social changes in society.

Общеизвестно, что состояние преступности – это величина непостоянная, тесно связанная с социально-политическими и экономическими процессами в обществе.

Современные условия, определяющим вектором изменений которых стала Специальная военная операция (далее – СВО), по-иному влияют не только на миропорядок, политическую и экономическую сферу жизни общества, которые динамично стали изменяться, но и на такую специфическую среду, как преступную.

СВО, имея ряд важных целей, оказывает существенное влияние на изменение нашего общества. Все видят, как деструктивная его часть явно проявилась, как теряют смысл различные прозападные либеральные цели и модели поведения, в противовес которым актуализируются и становятся неотъемлемой частью общественного сознания патриотические цели.

Так, часть молодежи сбежала от частичной мобилизации. Однако другая часть мужского населения достойно защищает Родину.

Все, что происходит в обществе безусловно влияет и на формирование общественного сознания, и на личностное.

Будучи сторонником опосредственной концепции причинности, напомним, что «опосредованность человеческого поведения сознанием, вовсе не снимая объективной детерминированности поведения, тем не менее существенно меняет

направленность и содержание действия закона причинности в общественной жизни» [1, с. 92].

В причинном комплексе следует выделять непосредственные причины, которые также образуют комплекс (например, деформации экономического или бытового сознания, но обязательно в сочетании с дефектами нравственного и правового сознания и криминогенной мотивацией) и опосредованные – порождающие (формирующие) вначале деформации тех или иных срезов (видов, форм) сознания [1, с. 96].

Что касается формирующих условий, то они традиционно связаны с социальными противоречиями.

При этом на преступность оказывают влияние и способствующие условия, такие, к примеру, как организационные упущения.

Что касается факторов уровня преступности, то к основным относятся уровень жизни и социальное благополучие населения.

В контексте изложенного можно безусловно утверждать, что на фоне СВО как уровень, так и структура преступности будет меняться.

На сегодняшний день можно пока определить лишь некоторые векторы таких изменений, что связано с непродолжительным отрезком времени, а также отдельными факторами, следствие которых можно будет увидеть в обозримом

будущем и к которым можно отнести частичную мобилизацию, изменение уголовного законодательства, трансформацию российской экономики и т.п.

Полагаем, что современные реалии могут оказать как негативное, так и позитивное влияние на преступность.

Так, прежде всего, первые могут определяться напряженностью в обществе, а также возможным снижением доходов части населения. Однако, сразу заметим, что Правительством РФ своевременно в этом плане были приняты очень эффективные меры, которые обеспечили стабильность и социальную защищенность населения России. Последнее очень важно, поскольку в последнее десятилетие в структуре лиц, выявленных за совершение преступлений, стабильно высока доля лиц, не имевших постоянных источников дохода.

Что касается некоторых положительных моментов, то к ним, например, можно отнести консолидацию российского общества, что напрямую формирует сознание, и следовательно, служит определенным барьером для деформации нравственного сознания человека, как непосредственной сопричины любого преступного поведения.

Кроме этого, такие факторы как усиление мероприятий антитеррористической защищенности, введение специальных режимов, непосредственно оказывают влияние на предотвращение преступности.

Адекватное отражение через официальные статистические данные показателей преступности позволяет своевременно реагировать на ее изменения, что особенно важно в современных условиях, поскольку защищенность населения страны от преступности формирует его уверенность в стабильности не только внутри страны, но и, в том числе, в победе.

Есть и иная зависимость, которая проявляется в том, что, резкий рост преступности, может быть показателем кризиса в обществе и одним из маркеров его нестабильности.

К примеру, во время Первой мировой войны, в 1914-1916 гг., преступность в целом по стране снизилась примерно на 30 %, но с 1916 г. вновь обнаружилась тенденция к ее повышению. По мнению Г.И. Пещерова, указанное определяется тем, что в период вооруженных конфликтов и войн, когда наиболее активная часть населения занята военными действиями, уровень преступности в стране снижается [2, с. 205]. Также автор отмечает и тесную взаимосвязь между ростом преступности и нарушением социального баланса в обществе [2, с. 203].

Исследование официальных статистических данных Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности [3] за январь-сентябрь 2022 г. позволяет определить те изменения, тенденции, которые произошли в преступности в современных реалиях, определяемых СВО.

В целом, произошло снижение преступности на 1,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.

Практически по всем видам преступлений можно увидеть отрицательный прирост.

При этом симптоматичным для настоящего времени является тот факт, что в январе - сентябре 2022 г. зафиксирован рост преступлений террористического характера (+2,4 %; зарегистрировано 1818) и экстремистской направленности (+31,7 %; 1125 преступлений).

При этом из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 600 (+25,3 %) преступлений совершены в указанный период за пределами РФ - 274 (+22,9 %).

Обращает внимание и рост на 8,3 % (589 преступлений) количества выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Это в целом на фоне того, что общее количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем - сентябрем 2021 г. уменьшилось на 9,3 % и составило 17,2 тыс.

Что касается незаконного оборота оружия, то на этот вид преступности следует обращать особо пристальное внимание, особенно в перспективе на будущее.

Исследование преступности в различные исторические периоды [2] показывает, что такие факторы, как социальная дезадаптация демобилизованных лиц в совокупности с оседанием у населения трофейного огнестрельного оружия может привести к увеличению незаконного оборота оружия и, как следствие, к росту таких взаимосвязанных преступлений, как преступлений против личности и корыстно-насильственных преступлений.

Немаловажно учитывать и то, что в структуре современной преступности проявляется тенденция к увеличению количества преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами - 22,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+23,1 %), причём их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий возрос с 10,0 % в январе - сентябре 2021 года до 11,5 %.

Это достаточно тревожный маркер, поскольку это становится перманентным явлением преступности. Так, по 2021 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 21,4 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+26,5 %).

Заметим при этом, что при тенденции снижения количества выявленных лиц за совершение преступлений (-3,2 % за январь-сентябрь 2022 г.), увеличилось на 11,9 % количество лиц, совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) (10818 чел.).

При этом если их удельный вес в структуре всех выявленных лиц в 2011 г. составлял 4,6 %, в 2021 г. уже 11,4 %, то за девять месяцев 2022 г. составил 13,6 %.

Таким образом, налицо опасная тенденция консолидации преступной среды.

Негативно и то, что в исследуемом периоде 2022 г. в структуре лиц, совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), фиксируется резкое увеличение несовершеннолетних на 75,5 %. И это на фоне снижения на 8,7 % общего количества несовершеннолетних, совершивших преступления.

Отметим, что каждое тридцать седьмое (2,7 %) из зарегистрированных преступлений совершено несовершеннолетними или при их соучастии.

Если проанализировать все показатели по лицам, выявленным за совершение преступления, то за девять месяцев 2022 г. на фоне снижения всех фиксируемых официальной статистикой показателей, помимо увеличения вышеуказанной категории преступников, отмечается и увеличение количества таких лиц, совершающих преступления, как иностранные граждане и лица без гражданства (+10,8 %). И именно в этой категории отмечается рост несовершеннолетних (+9,9 %).

За январь-сентябрь 2022 г. на 3,5 % увеличилось и количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства и составило 12,2 тыс. преступлений.

Следует учитывать и то, что согласно опубликованным данным миграционного учета иностранцев за январь-сентябрь 2022 г. в Россию с целью работы въехало 8,9 млн. чел., которые в общей структуре рабочей силы составили 11,9 %, что почти в два раза больше, чем, к примеру, за девять месяцев 2017 г. [4].

Взаимосвязано и то, что за рассматриваемый период на 12,1 % увеличилось количество регистрируемых фактов преступной организации незаконной миграции, на 10,8 % выросла фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации.

В современных условиях следует пристальное внимание уделять как миграционной политике в целом, так и непосредственной профилактической работе с мигрантами. Особое внимание важно уделить разработке мер по профилактике преступности среди несовершеннолетних членов семей мигрантов.

Анализируя современные показатели преступности, нельзя не остановиться на таком факте, как то, что ущерб от преступлений составил 623,4 млрд руб., что на 80,3 % больше аналогичного показателя прошлого года.

И это фиксируется на фоне снижения как всей преступности, так и в сфере экономики.

Так, снижается число правонарушений экономической направленности, их в России зарегистрировали 93,7 тысячи. Материальный ущерб от таких деяний (по оконченным и приостановленным уголовным делам) превысил 283 миллиарда рублей [5].

Однако следует учитывать, что тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 61,8 %.

Представляет интерес вопрос о том, какие еще преступления причинили такой существенный ущерб?

Анализируя статистические данные видно, что за исследуемый период отмечается рост преступлений коррупционной направленности (+0,6 %), среди которых выросли на 9 % связанные со взяточничеством (в частности, получение взятки (+10,4 %) и мелкое взяточничество (+14,2 %)) и на 3,6 % связанные с коммерческим подкупом (в частности, коммерческий подкуп (+1,9 %) и мелкий коммерческий подкуп (+12,8 %)).

Неоспорим тот факт, что чиновник-коррупционер своими действиями дестабилизирует государственную власть, ослабляя веру населения к государственному аппарату, что особенно губительно в условиях СВО.

Отдельно важно отметить, что за январь-сентябрь 2022 г. отмечается резкий рост на 24 % количества вымогательств (5921 преступление).

На последнее нельзя не обратить внимание, поскольку все помнят «расцвет» рэкета в 90-е и его влияние на общество.

К этому следует учитывать и то, что зафиксировано увеличение на 1,6 % тяжких и особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. На 5,7 % выросло количество сбытов наркотиков, на 38,9 % их производства, на 30,5 % - пересылки.

Таким образом, кратко можно констатировать, что на фоне снижения как абсолютных показателей преступности в целом, так и по большинству ее видов, наметились следующие негативные тенденции, которые непосредственно или опосредовано связаны именно с изменениями в обществе.

Так, зафиксирован рост преступлений террористического характера и экстремистской направленности, а также фак-

тов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Укрепляется тенденция к увеличению количества преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами (преступными организациями), среди участников которых фиксируется резкое увеличение несовершеннолетних на 75,5 %.

На фоне роста количество преступлений как в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, так и с их участием, растет и доля несовершеннолетних иностранцев, совершивших преступления.

Среди преступлений против собственности фиксируется небольшой рост фактов мошенничества и практически на четверть резкое увеличение вымогательств. Последнее нуждается в тщательном изучении, поскольку может быть отчасти связано с возрождением рэкета 90-х.

Пристатейный библиографический список

1. Репецкая А.Л., Рыбальска В. Я., Репецкая А. Л., Рыбальская В. Я. Криминология. Общая часть. – Иркутск: Иркут. гос. экон. акад., 1999. – 240 с.
2. Пещеров Г. И. Взаимосвязь преступности и социально-политических условий в обществе: российский опыт // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 1. – С. 203-210.
3. Состояния преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/33388812/>. (дата обращения: 14.11.2022).
4. Трудовые ресурсы, занятость и безработица. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labour_force. (дата обращения: 14.11.2022).
5. МВД рассказало об ущербе от преступлений в России за девять месяцев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20221029/mvd-1827700391.html>. (дата обращения: 14.11.2022).

ТУТОВА Ольга Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДОБРАЗОВАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассмотрены особенности следообразования при совершении преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, показаны виды следов, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при расследовании преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, и рассказано о том, где эти следы могут находиться. Кроме того, предлагается в качестве одного из способов борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере информационно-коммуникационных технологий, рассмотрение специфики совершения таких преступлений с обучаемыми. Отмечается, что рассмотрение особенностей следообразования при совершении преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий формирует у слушателей базовые умения осуществления поиска следов при совершении таких преступлений.

Ключевые слова: преступление в сфере информационно-коммуникационных технологий, механизм следообразования, специфика следов преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

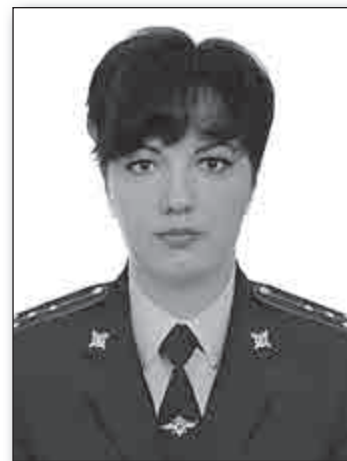
TUTOVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FEATURES OF TRACE FORMATION IN THE COMMISSION OF CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

The article describes the features of trace formation in the commission of crimes in the field of information and communication technologies. The types of traces that law enforcement officers face when investigating crimes in the field of information and communication technologies are shown. The article describes where these traces may be located. In addition, it is proposed as one of the ways to combat crimes committed in the field of information and communication technologies, consideration of the specifics of committing such crimes with students. It is noted that consideration of the features of trace formation in the commission of crimes in the field of information and communication technologies forms the basic skills of students to search for traces in the commission of such crimes.

Keywords: crime in the field of information and communication technologies, the mechanism of trace formation, the specifics of traces of crimes in the field of information and communication technologies.

Тутова О. В.

В настоящее время практически во все стороны жизнедеятельности человека все активнее внедряются технологии искусственного интеллекта, дистанционное банковское обслуживание, облачные вычислительные системы, биометрическая идентификация. Кроме того, анализ запросов пользователя позволяет интеллектуальным системам поисковых серверов сформировать достаточно точный социальный портрет пользователя Интернет-сетей, его род занятий, основные интересы, приблизительный уровень доходов, географию передвижений, социальные связи и другую информацию.

Данные изменения в сфере информационных процессов отрицательно сказались на состоянии преступности. Так, с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) совершаются такие преступления против личности как доведение до самоубийства, угроза убийством, угроза причинением тяжкого вреда здоровью и другие. Достаточно серьезной проблемой является совершение преступлений против несовершеннолетних, часто происходит вовлечение подростков в совершение преступления, в осуществление действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, разглашение тайны усыновления.

Также нередки и иные преступления, которые совершаются дистанционно и при которых нет непосредственного физического контакта между потерпевшим и правонарушителем, так как контакт между ними осуществляется с помощью сообщений в социальных сетях, мессенджерах, на сайтах или посредством электронной почты. IT-инфраструктура может быть также предметом, средством, орудием и местом совершения преступлений экстремистской направленности [1].

Большую роль в повышении уровня преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий играет также специальная военная операция, проводимая с февраля этого года: участились DDOS атаки на официальные сайты государственных органов власти, происходят регулярные вбросы ложной информации (клевета), нарушение неприкосновенности частной жизни участников СВО и др. Кроме того, развитие ИКТ открывает новые возможности для совершения преступлений в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, что является достаточно серьезным вызовом правоохранительным органам и общественной безопасности в целом.

Преступление, совершаемое с использованием информационно-коммуникационных технологий, осуществляет-

ся с характерными только ему признаками. Эта специфика определена особенностями процесса подготовки, способами совершения и попытками сокрытия преступлений такого вида, в связи с тем, что данный вид преступлений осуществляется с использованием технологий дистанционной передачи данных в информационно-коммуникационных сетях.

Специфичность данного вида преступлений влечет за собой особенности и иных элементов в преступлении. Так, орудиями и средствами совершения преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий выступают программное обеспечение компьютерных технологий, компьютерная техника, которая включает в себя как микропроцессорные устройства, электронные носители информации, так и устройства приема, передачи и хранения данных, информационные ресурсы, сервисы и электронные сообщения сети Интернет и др.

Компьютерная информация может являться предметом преступного посягательства, если ее неправомерно уничтожать, копировать, блокировать или модифицировать (ст. 272 УК РФ¹), либо если ее использовать в качестве средства совершения преступления (например, при совершении преступления против личности дистанционным способом, вымогательства и т. п.).

Все рассмотренные выше особенности преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, приводят к своеобразию следов данных преступлений.

Отметим, что следы совершения преступлений, совершаемых в сфере ИКТ, делятся на идеальные и материальные. К идеальным следам любого преступления относят отображение произошедшего события в сознании человека. Идеальные следы можно выделить из показаний свидетелей и потерпевших, экспертов, а также подозреваемых и обвиняемых².

Материальные следы преступлений обычно делят на: следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества. Считается, что данный вид следов – это традиционный объект криминалистического исследования. Они являются предметом изучения трасологии и включают в себя отпечатки пальцев на клавиатуре, мышке, принтере, сканере и другой компьютерной технике, волосы, перхоть и другие микрочастицы, волокна одежды, попавшие на/в клавиатуру, на мебель, следы обуви в помещениях, где происходил непосредственный физический контакт с компьютерной техникой, различные распечатанные документы, записи в блокнотах, распечатки договоров, литература, следы красителей, тонеров, смазок, средства компьютерной техники, и т.п. [2].

Ряд ученых-криминалистов описывают также виртуальные следы. Так, по мнению авторов, «виртуальные следы» – это данные о происхождении информации. К таким данным относят файловые системы (FAT, NTFS, ReFS, Ext, JFS и др.), системные реестры установленных на персональном компьютере операционных систем, отдельные кластеры магнитного носителя информации, файлы и папки хранения сообщений электронной почты, файлы конфигурации программ удаленного доступа и иное [3].

Таким образом, виртуальные следы совершения преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий не остаются в виде изменений внешней среды, то есть они не рассматриваются в рамках трасологии [4].

Кроме виртуальных следов выделяют также информационные следы преступлений, которые совершаются в сфере информационно-коммуникационных технологий. Это электронные коды и сигналы, которые передаются на уровне пользователей. Как и у любого сигнала, у них выделяется источник, носитель, владелец и среда.

Выделяют такие особенности информационных следов:

- 1) электронные носители, на которых существуют информационные следы, являются материальными;
- 2) у информационных следов присутствуют физические свойства виртуальных следов;
- 3) у информационных следов имеется конкретное информационное содержание.

Именно поэтому информационные следы выделены в отдельный вид классификации следов преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

При изучении темы «Особенности слеодообразования и фиксации следов при расследовании преступлений, совершаемых с применением современных информационно-коммуникационных технологий» курса «Основы кибербезопасности» со слушателями мы рассматриваем особенности совершения преступлений такого вида, в частности: время и место совершения, виды следов, оставляемых правонарушителями. Кроме того, важной целью изучения данной темы является обучение слушателей находить следы преступлений, совершенных в сфере информационно-коммуникационных технологий, то есть анализировать те места в компьютерной системе, где могут располагаться следы расследуемого преступления.

Важно отметить, что особенностью следовой картины любого компьютерного преступления будет распределение следов по большому количеству объектов: следы совершенного преступления могут храниться в компьютерной системе жертвы, на персональном компьютере преступника, у провайдера, на промежуточных сетевых узлах и т.п.

Данная особенность дополняется также тем фактом, что все электронные следы делятся на локальные и сетевые. Локальные следы находятся на индивидуально определенных электронных носителях, доступ к информации на которых осуществляется непосредственно на месте их нахождения. Выделяют два вида локальных следов – мета-данные и искомые данные. К первому виду относят признаки, которые однозначно определяют компьютерную информацию, например, данные файла (имя, размер, формат, автор, дата и время создания, изменения), связи файла, его категория. Искомые данные – это информация, которая имеет отношение к расследуемому событию и входит в предмет доказывания, и иная информация, которая не касается расследуемого события.

Таким образом, на практических занятиях по теме «Особенности слеодообразования и фиксации следов при расследовании преступлений, совершаемых с применением современных информационно-коммуникационных технологий» необходимо научить слушателей анализировать компьютерную систему подозреваемого на присутствие в ней:

- кодов вредоносных программ, которые созданы с помощью систем программирования;
- установленных систем программирования;
- тестирования вредоносной программы антивирусным программным обеспечением;

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Garant.ru>.

2 Комиссарова Я. В. Понятие и классификация следов в криминалистике // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-klassifikatsiya-sledov-v-kriminalistike> (дата обращения: 18.11.2022).

– программные средства для управления вредоносной программой.

Если рассматривать компьютерную систему пострадавшего, то в ней необходимо искать [3]:

- саму вредоносную программу;
- зашифрованные зловредом файлы, сообщения или письма, в которых указаны банковские реквизиты или контактная информация правонарушителя;
- отчеты и статистику антивирусного программного обеспечения, которое обнаружило вредоносную программу.

Несмотря на то, что некоторые программы самостоятельно запускают самоудаление по команде своего «хозяина», исполняемый код программы-вируса, а также следы ее присутствия в компьютерной системе жертвы, в случае проведения компьютерной экспертизы будут найдены, и это будет являться доказательством совершенного правонарушения.

Таким образом, при осмотре компьютерной системы подозреваемого или пострадавшего необходимо анализировать информацию о работе пользователя в сети Интернет, которая хранится в реестре, в истории браузеров, установленных на персональном компьютере, в папках Temporary Internet Files, Cookies, а также в настройках и протоколах работы браузера. Кроме того, достаточно информативными являются log-файлы веб-сервера, аккаунты социальных сетей, анализ трафика.

Одним из методов формирования умений применять нормативные правовые акты и нормативные методические документы в области обеспечения кибербезопасности, а также выделять квалифицированные составы компьютерных преступлений является выполнение на практических занятиях заданий частично-поискового характера. Приведем примеры ситуационных заданий, которые мы предлагаем обучающимся [5]:

1. Аспирант университета Перепелкин занимался научно-исследовательской работой, связанной с компьютерной «вирусологией». В результате ошибки в механизме размножения вирусы - «сетевые черви» - проникли в компьютерную сеть университета и уничтожили важную информацию, которая находилась на персональных компьютерах факультетов и подразделений университета. В результате этого были полностью уничтожены списки сотрудников университета, расчетные данные бухгалтерии по заработной плате работников университета, повреждены материалы научно-исследовательских работ сотрудников кафедры. Объясните правомерность действий Перепелкина.

Анализируя ситуацию, описанную в данном задании, обучающиеся выделяют субъективную сторону преступления в сфере компьютерной информации, а также классифицируют содеянное Перепелкиным, то есть указывают соответствующую уголовно-правовую норму, содержащую признаки этого преступления.

2. Данилевский, студент факультета информатики и вычислительной математики, осуществлял сетевые атаки, которые заключались в получении доступа в сеть Интернет обманным путем посредством имитации соединения. Благодаря этому он получал доступ к персональным данным о счетах пользователей Интернета, о номерах некоторых кредитных карт и их пин-кодов. Информацию, полученную таким образом, Данилевский за вознаграждение передавал своему товарищу Переченкову, который использовал ее для хищения денежных средств. Признаки какого явления усматри-

ваются в деянии Данилевского? Квалифицируйте содеянное товарищами.

Анализируя ситуацию, описанную в данном задании, обучающиеся разбираются с такими видами киберпреступлений как фишинг, спуфинг и фарминг. Кроме того, квалифицируя содеянное Данилевским и Переченковым, слушатели дают ему юридическую оценку, указывают соответствующую уголовно-правовую норму, содержащую признаки этого преступления.

3. Синицын и Фаллиудин ночью проникли в помещение управления городского фонда имущества и украли из находящихся там персональных компьютеров жесткие диски с данными о недавно приватизированных и готовящихся в ближайшее время к приватизации предприятиях и их владельцах. Эту информацию они решили предложить заинтересованным лицам за денежное вознаграждение. Дайте уголовно-правовую оценку их действиям.

В каждой ситуации обучаемым предлагается указать особенности слеодообразования и фиксации следов при расследовании преступления, что позволяет проводить анализ не только уголовно-правовой оценки каждой рассматриваемой ситуации, но и осуществлять рассмотрение правонарушения с точки зрения фиксации следов, которые могут оставить правонарушители.

Таким образом, широкие возможности сети Интернет, наряду с развитием общественных отношений, порождают феномен преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий. Рассмотрение проблемы специфики совершения таких преступлений с обучаемыми, а также особенности слеодообразования при их совершении, формируют базовые умения осуществления поиска следов при совершении преступлений в сфере ИКТ, что является одним из методов борьбы с ними.

Пристатейный библиографический список

1. Буткевич С. А. Безопасность в виртуальном пространстве (контрэкстремистский дискурс) // Личность в информационном пространстве: проблемы и перспективы исследования: Монография / Под редакцией С. А. Буткевича. – Симферополь: Полипринт, 2020. – С. 5-13.
2. Шагаева А. А. Понятие и классификация следов в трасологии // Аллея науки. – 2017. – № 16. Т. 4. – С. 43-45.
3. Введенская О. Ю. Особенности слеодообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4 (34). – С. 209-216.
4. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / [А. В. Аносов и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – Ч. 1. – 208 с.
5. Практикум по уголовному праву России / Под ред. проф. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан, И. А. Тарханова. – М.: Статут, 2014. – 520 с.

ИВАНЕНКО Игорь Николаевич

кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного университета

МИТАШОВА Анастасия Анатольевна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются отдельные вопросы, раскрывающие проблематику использования системы искусственного интеллекта в судопроизводстве, исследуется возможность его применения в приказном производстве. Отмечаются неизбежные недостатки и риски в создании, управлении и ответственности искусственного интеллекта, в частности раскрываются вопросы об ответственности искусственного интеллекта, способствовании искусственного интеллекта искоренению коррупции в судебной системе, а также вопрос эффективности работы судов как одна из целей использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебный приказ, замена судьи, приказное производство, проблемы внедрения искусственного интеллекта.

IVANENKO Igor Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of the Kuban State University

MITASHOVA Anastasiya Anatoljevna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

SOME ISSUES OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ORDER PRODUCTION

The article discusses some issues that reveal the problems of using the artificial intelligence system in court proceedings, explores the possibility of its use in writ proceedings. The inevitable shortcomings and risks in the creation, management and responsibility of artificial intelligence are noted questions about the responsibility of artificial intelligence, the promotion of artificial intelligence to eradicate corruption in the judicial system, as well as the issue of the effectiveness of the courts as one of the goals of using artificial intelligence are revealed.

Keywords: artificial intelligence, court order, replacement of a judge, writ proceedings, problems of artificial intelligence implementation.

Процесс внедрения новых технологий затронул все сферы в современной жизнедеятельности человека. Цифровизация и компьютеризация, то есть вхождение в повседневную жизнь цифровых, компьютерных и информационных технологий, являясь неизбежным следствием развития современного общества, коснулась практически всех сфер общественной жизни, включая и судебную систему [1]. Административное судопроизводство попросту не могло не претерпеть изменения под влиянием обозначенных выше факторов. Данные перемены проявились как в делопроизводстве, так и в судопроизводстве судов судебной системы России. К примеру, в делопроизводстве повсеместно используются системы автоматизации правосудия, такие как «МойАрбитр» и ГАС «Правосудие». Что касается судопроизводства, то следует отметить положения об использовании дистанционных средств связи, а именно видеоконференц-связь и веб-конференция. Наиболее обсуждаемыми и острыми остаются вопросы возможности замены судьи искусственным интеллектом. Особенно ярко обсуждается идея замены судьи на интеллектуальную автоматизированную машину именно в приказном производстве. Возможность использования системы искусственного интеллекта, являясь предметом обсуждений во многих научных кругах, представляет интерес не только в теоретическом плане, но и в практическом аспекте применения искусственного интеллекта.

Анализ вопроса о целесообразности применения технологий в судебной системе Российской Федерации стоит начать с дефиниции искусственного интеллекта. До сих пор нет однозначного подхода к толкованию понятия «искусственный интеллект», поскольку его определение ставится в зависимость от целей его использования. Однако, необходимо отметить положения Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. В указанной выше стратегии искусственный интеллект понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами человека» [2].

Если говорить о международном регулировании использования технологий искусственного интеллекта, то в первую очередь нужно обратиться к Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих реалиях 2018 года. Указанный акт международного регулирования установил пять основных принципов, на которых строится возможность использования искусственного интеллекта в судопроизводстве. К этим принципам относятся: 1) Принцип соблюдения основных прав, который выражается в обеспечении применения различных инструментов и услуг на базе искусственного интеллекта в соответствии с основными правами и свободами человека и гражданина; 2) Принцип не дискриминации, базирующийся на основе предупреждения дискриминации между отдельными лицами или группами лиц; 3) Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности, устанавливающий использование доступных и понятных способов обработки данных; 4) Принцип качества и безопасности, закрепляющий обязанность использования достоверных, сертифицированных и безопасных источников обработки судебных решений; 5) Принцип контроля пользователем, отражающий возможность пользователя быть информированным участником, а также при несогласии судьи с решением искусственного интеллекта по конкретному делу выражать свое несогласие непосредственно. Представленный акт, устанавливая данные постулаты использования искусственного интеллекта, абсолютно точно допускает его применение, но только под контролем судьи.

Потенциальное использование систем искусственного интеллекта в судопроизводстве во многом сводится к оказанию ими содействия судье в решении некоторых типовых задач или в той области, где уже имеется выработанный алгоритм действий [3]. Суждения ученых об использовании искусственного интеллекта в судопроизводстве, в частности, в приказном производстве, не лишены всякого смысла.

Специфика процедуры выдачи судебного приказа – без вызова сторон, без проведения судебного заседания, предполагаемая бесспорность требования, в отличие от других видов производства [4], объективно предопределяет постановку и обсуждение вопроса о возможности использования искусственно-

го интеллекта именно в приказном производстве. При рассмотрении бесспорных требований в приказном производстве, на наш взгляд, не исключается использование систем искусственного интеллекта, поскольку подобная работа не сопряжена напрямую с анализом правоотношений сторон и носит, в основном, технический характер.

Замена судьи интеллектуальным механизмом вызывает много вопросов, которые имеют довольно резонансный характер. В частности, если «электронному судье» поручить выдачу судебного приказа, то его следует наделить комплексом процессуальных прав и обязанностей, которыми в настоящее время наделен «живой» судья. Отсюда возникает совершенно справедливый вопрос: является ли искусственный интеллект, выдающий судебный приказ, субъектом процессуальных отношений?

В свою очередь положительные моменты использования «электронного судьи» представляются очевидными, однако нельзя забывать о недостатках, препятствующих его применению, поскольку они, по нашему мнению, являются существенными.

Гипотезы о том, что при рассмотрении дел о выдаче судебного приказа ответственность за неправомерные действия и бездействия будет возложена на искусственный интеллект, не имеют никакого смысла. Компьютерный разум, созданный человеком, не может осуществлять правосудие, поскольку невозможно в полном объеме исключить технические ошибки компьютерной системы. Изобретения, в том числе искусственный интеллект, человеческого разума являются собственностью данного лица в соответствии с положениями о собственности на результаты интеллектуальной деятельности. А искусственный интеллект является ничем иным как юридической фикцией подобно юридическому лицу.

Последователи использования интеллектуальных механизмов в качестве аргументов «за» указывают снижение или полное исключение коррупции, что в свою очередь тоже не представляется возможным. Наше противоположное мнение по данному поводу складывается из понимания того, что каким бы ни был искусственный интеллект, он так или иначе остается продуктом деятельности человека с присущими ему качествами. Следовательно, если создатель программы не может быть беспристрастным, то и его создание, аналогично, является небеспристрастным. Тогда использование таких механизмов, с точки зрения противодействия коррупции, будет неэффективным.

Главным аргументом в использовании системы искусственного интеллекта сводится к колоссальной эффективности. Однако оценивая эффективность, нужно обращать внимание на использование в целом, а не по конкретному делу. Сюда следует отнести время, которое потребуется для создания такого масштабного проекта, а также финансирование, необходимое для обеспечения внедрения данной системы. Предусмотреть абсолютно все возможные ситуации, которые могут возникнуть в деле, в процессе непосредственно, не представляется возможным. Предполагается, что неправомерные решения «электронного судьи» станут предметом рассмотрения судов вышестоящих инстанций, а данное обстоятельство, в конечном итоге, ставит под сомнение эффективность искусственного интеллекта.

Открытым остается также и вопрос о том, кто будет непосредственным создателем искусственного интеллекта. На наш взгляд, к участию в разработке и создании искусственного интеллекта кроме программистов, техников, инженеров, в обязательном порядке должны быть привлечены работники аппарата суда, а именно председатель суда, сами судьи и иные лица. Нет определенности в вопросе о том, что именно будет положено в основу создания компьютерного разума, чьи качества и опыт предполагается передать искусственному интеллекту. На наш взгляд, безусловно, прообраз судьи необходимо взять в качестве базиса для создания компьютерного разума, именно судебский жизненный и рабочий опыт должен выступать в качестве фундамента «электронного судьи».

По нашему мнению, основной проблемой введения искусственного интеллекта на данном этапе формирования современного общества представляется невозможность осмыслить ряд вопросов относительно, например, целей использования интеллектуальных систем, а также, основанной на таком использовании, неоднозначной перспективы в виде потери работы. Бесконечно важно, чтобы на существующем этапе формирования и планирования электронной системы судебного

разбирательства люди осмыслили факт, что успешным представляется принятие такого нового метода ведения судебного процесса, которое способствует не только разгрузке судов, но и увеличению действенности судебной системы в целом. Необходимо помнить о том, что если искусственный интеллект внедрится в российское правосудие, то представителям юридической специальности однозначно потребуется время для того, чтобы приноровиться к совместной работе с «электронным судьей», понять в целом механизм его действия.

Многообещающим направлением может быть предикативное (прогностическое) правосудие. Так, исследованию сходного опыта исполнения прогностического правосудия и рассмотрения споров через использование системы искусственного интеллекта уже посвящены российские монографии. Предикативная аналитика допускает на базе огромных объемов судебных актов установить факторы, от которых зависит принимаемое судом решение [5]. Обнаружение аналогичных закономерностей при осуществлении правосудия на основе искусственного интеллекта сможет гарантировать постоянство улучшения судебной деятельности, а также обнаружить и ликвидировать трудности выработки единой практики использования законодательства.

Впрочем, ответственность за принятие конечного решения должна возлагаться исключительно на судью, только он должен оценить полученные от искусственного интеллекта результаты, а также качественно их применить в конкретном деле. Нравственными началами, заложенными человеческой природой, невозможно наделить искусственный интеллект [6]. Следовательно, подобная разработка может рассматриваться в качестве вспомогательного устройства для судьи, но не полной его замены.

По нашему мнению, предложения об использовании искусственного интеллекта в приказном производстве в настоящее время далеки от своего реального исполнения ввиду большого количества нерешенных теоретических и практических вопросов и задач. При всей своей уязвимости именно человек способен выносить справедливое решение по делу, даже если этим судебным актом будет судебный приказ.

Пристатейный библиографический список

1. Зеленская Л. А. Некоторые аспекты использования различных технологий в судопроизводстве // Право и практика. – 2022. – № 2. – С. 161-165.
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
3. Журавлева М. Д. К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2021. – № 1(12). – С. 20-28.
4. Зеленская Л. А. Некоторые вопросы соотношения приказного и упрощенного производств в гражданском процессе // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции, Краснодар, 19 декабря 2019 года / Ответственный за выпуск А. Г. Коцаев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2019. – С. 365-366.
5. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 5 (81). – С. 188-191.
6. Дроздов А. Г., Малышев Е. А. Искусственный интеллект в эволюции статуса судьи // Правовой статус судьи, прокурора и адвоката в России и зарубежных странах: Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. – С. 136-141.

АРХИПОВ Евгений Владимирович

старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ПЕСТЕРЕВ Николай Николаевич

старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ЛИХОВА Алёна Александровна

слушатель 5 курса ФПСПиС, Барнаульского юридического института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена некоторым проблемам огневой подготовки в учебных учреждениях системы МВД России. В статье рассматривается необходимость совершенствования методики, создание дистанционного курса огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел. Дистанционный курс в сочетании с традиционным процессом образования, на наш взгляд, будет способствовать повышению уровня и навыком обращения с оружием.

Ключевые слова: огневая подготовка, применение оружия, методика, дистанционный курс, система образования, традиционный образовательный процесс.

ARHIPOV Evgeniy Vladimirovich

senior lecturer of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

PESTEREV Nikolay Nikolaevich

senior lecturer of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

LIHOVA Alyona Alexandrovna

student of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

CURRENT PROBLEMS OF FIREARMS TRAINING IN INTERNAL AFFAIRS BODIES: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

The article is devoted to some problems of fire training in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article considers the need to improve the methodology, the creation of a remote course of fire training of employees of internal affairs bodies. The distance course combined with the traditional education process, in our opinion, will contribute to improving the level and skill of handling weapons.

Keywords: fire training, the use of weapons, methods, distance learning, education system, traditional educational process.

Право сотрудника полиции на применение огнестрельного оружия, специальных средств, физической силы, а также порядок и случаи применения сотрудником полиции оружия и специальных средств, физической силы и, что является немаловажным, гарантии личной безопасности, регулируются Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», а именно главой 5 указанного закона.

Сотрудник полиции должен учитывать сложившуюся на определенной местности и в определенное время обстановку, характер созданной или возможной опасности, и на основе этого принимать решения. Помимо перечисленного необходимо определить степень опасности, представляющую правонарушителями или преступниками, в отношении которых применяется оружие, специальные средства или физическая сила, а также характер оказываемого ими сопротивления сотрудникам полиции.

К сожалению, известны случаи, когда сотрудники полиции допускают ошибки при обращении с огнестрельным оружием, что порой стоит человеческой жизни. Так, 28 мая 2021 года на новосибирской трассе в Мошковском районе инспекторы ГИБДД пытались остановить автомобиль с тонированными стеклами, водитель автомобиля законные требования сотрудников ГИБДД проигнорировал и прибавил скорость, в результате чего началось преследование сотрудниками правонарушителей. Через небольшое количество времени водитель автомобиля остановился и вместе с находящимися там пассажирами пытались скрыться от сотрудников ДПС. Совершая попытки задержать правонарушителей и пресечь оказываемое сотрудникам сопротивление, инспектор ГИБДД случайно выстрелил водителю автомобиля в голову, после чего последний скончался в больнице.

Такой пример очень ярко демонстрирует роль огневой подготовки в системе органов внутренних дел, ведь именно высокий уровень знаний теоретической основы применения огнестрельного оружия в сочетании с практическими навыками, то есть непосредственного обращения с огнестрельным

оружием, значительно уменьшают вероятность совершения подобной ошибки.

В настоящее время огневая подготовка является одной из основных дисциплин, которые преподают в учебных организациях системы МВД России. Несмотря на достаточно активное развитие методики и инструментов огневой подготовки, на сегодняшний день остается ряд актуальных проблем, требующих к себе внимания научного сообщества.

Изначально обратим внимание на развития дистанционной формы обучения огневой подготовки. Повсеместный процесс цифровизации и недавно прошедшая волна внезапной нахлынувшей пандемии внесли как в нашу жизнь, так и в образовательный процесс существенные изменения и указали на неподготовленность к таким условиям дисциплин имеющие практическую направленность, какой и является огневая подготовка. Что соответственно показало необходимость в совершенствовании рассматриваемого направления. Считаем, что пандемия навсегда оставила след и когда уже сняты многие ограничения, все равно осталась потребность в развитии онлайн-программ и платформ, позволяющих совершенствовать свои навыки и умения. Таким образом, необходимо создать дистанционный курс, который будет дополнять базовый, что в последующем позволит не останавливать учебный процесс, в случае возникновения новых непредвиденных обстоятельств. Ведь в противном случае неподготовленность к таким формам обучения, отсутствие отлаженных технологий, порождает трудности в процессе обучения, как технического, так и методического и кадрового характера.

Такой дистанционный курс должен содержать в себе не только теоретическую часть, но и практические задания.

К теоретическому модулю можно отнести размещение различных пособий, приказов, лекций, в том числе и в виде видеофайлов, которые будут подробно рассказывать о грамотных действиях с оружием, правильно и быстро способом извлечения оружия из кобуры, принятия положения для стрельбы, обучение хвату, уделяя внимание каждому

элементу формирования хвата. Практический блок, в свою очередь, может включать в себя как проверочные тесты, интерактивные задания по разборке и сборке пистолета Макарова, автомата Калашникова, знанию основных частей и частей ударно-спускового механизма указанного оружия, так и различные задания целью которых является – отработка навыков по обращению с оружием.

Акцентируем внимание на том, что именно сочетание практического и теоретического блоков, размещенных в дистанционном курсе, будут дополнять традиционный процесс обучения и, соответственно, расширять возможности обучающихся в познании такой учебной дисциплины, как огневая подготовка. Справедливым будет отметить, что обучающиеся всегда будут иметь возможность ознакомиться с необходимой литературой, учебным материалом, и будут иметь возможность выполнить интерактивные задания, отработать навыки обращения с оружием, как в учебном заведении, так и за его пределами.

Необходимо понимать, что дистанционный курс в полной мере не сможет обеспечить потребности образовательного процесса огневой подготовки, так как неотъемлемой частью является практическая отработка действий с оружием (пистолет Макарова, автомат Калашникова и т.д.), которое находится в ограниченном доступе и не всегда есть возможность с ним поработать, кроме того нужно периодически контролировать процесс обучения со стороны преподавателя (инструктора) с целью своевременного выявления допускаемых ошибок и их устранения. Несмотря на развитие дистанционных форм обучения, конечно, в приоритете остается традиционный образовательный процесс, где сотрудник видит оружие, может его потрогать, почувствовать вес, тем более ни что не заменит практические упражнения стрельбы. Если же говорить о первоначальном этапе обучения, то неотъемлемым в традиционном процессе обучения огневой подготовки является применение и использование специальных технических средств – тренажеров, которые способствуют повышению качества огневой подготовки и эффективности образовательного процесса в целом.

Следующий затронутый нами аспект касается применения огнестрельного оружия в условиях служебной деятельности. Как правило, сотрудники таких подразделений, как ДПС ГИБДД, участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений патрульно-постовой службы полиции, сотрудники оперативных подразделений в своей служебной деятельности сталкиваются с движущимися на них или убегающими от них преступниками, с реагированием на угрозы жизни и здоровью, возникающие на коротких дистанциях, в различных положениях, в разное время суток и в сложной окружающей обстановке [1, с. 158].

Таким образом, довольно часто условия реального применения оружия сильно отличаются от учебных, ведь сотрудники органов внутренних дел обычно применяют оружие в сложных многофакторных условиях, в отношении движущихся на них или скрывающихся преступников, в условиях угрозы собственной или чужой жизни. Также важно заметить, что, как правило, в учебном процессе обучающиеся осуществляют стрельбу в специально-оборудованных помещениях - тирах по неподвижной цели, но в разные зоны поражения, а в реальных условиях положение объектов в пространстве меняется, и могут возникать различные препятствия. Например, когда сотрудник полиции преследует вооруженного преступника, скрывающегося среди различных объектов. В таких случаях сотрудники полиции должны полностью совладать своими эмоциями, иметь высокие навыки обращения с оружием для того, чтобы не причинить вред неповинным людям. Развитие технического мастерства в огневой подготовке, доведение действий до автоматизма позволяют направить имеющиеся ресурсы на решение других важных в таких сложных обстоятельствах задач.

При помощи использования и работы со стрелковыми тренажерами можно приблизить учебные условия, в которых проходят тренировки, к условиям реальности, где сотрудникам полиции необходимо применить огнестрельное оружие, при этом ориентироваться на сложившуюся обстановку, а также выбирать поражаемую цель по степени опасности. Так, ряд авторов в своих работах указывают на способность специальных стрелковых тренажеров вырабатывать устойчивость к психологическим стресс-факторам с помощью имитации всевозможных экстремальных обстоятельств, таких как опасность, внезапность, неопределенность, новизна, увеличение темпа действий, дефицит времени, звуковые

эффекты [2, с. 70-73]. Эффективность использования стрелковых тренажеров обосновывается еще тем, что благодаря возможности регулирования отдачи оружия, звука выстрела и других факторов, оказывающих влияние на состояние сотрудника полиции и на результат его стрельбы, сотруднику будет легче справляться с различными психотравмирующими факторами, которые оказывают негативное воздействие на его боеспособность и общее состояние.

При этом моделируются и все составляющие выстрела: отдача оружия при выстреле, звук выстрела, попадание пули в мишень и т. д., что помогает справиться с психотравмирующими факторами, вызывающими негативные психологические реакции, снижающие боеспособность, в том числе факторами слухового (звук выстрела, грохот) и осязательного ряда. Также современные тренажеры позволяют выполнять стрелковые упражнения одновременно несколькими учащимися, что позволит им отработать правильные тактические действия в сложных ситуациях, при этом обеспечивая безопасность товарища [3, с. 322].

Таким образом, использование стрелковых тренажеров позволяет не только приблизиться к отработке навыков и умений по огневой подготовке к реальным условиям, но и применить теоретические знания в такой искусственно-созданной стрессовой ситуации. Так в п. 1 ч. 1 статьи 23 ФЗ «О полиции» указано, что сотрудник имеет право на применение огнестрельного оружия для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья, а ч. 1 статьи 24 данного ФЗ сказано, что сотрудник полиции имеет право обнажить огнестрельное оружие и привести его в готовность, если в создавшейся обстановке могут возникнуть основания для его применения, предусмотренные статьей 23 ФЗ «О полиции», таким образом, сотруднику полиции необходимо принимать ответственное решение о применении огнестрельного оружия даже в условиях тренажера, правильно выбирать цель и исходящую опасность.

Однако существует проблема, заключающаяся в отсутствии тренажеров или необходимого помещения для размещения оборудования в учебных организациях системы МВД России, а также возможности приобретения тренажеров из-за их высокой стоимости. Данные факторы оставляют свой след на качестве подготовки и умениях сотрудников полиции действовать, в частности, обращаться с огнестрельным оружием в реальных стрессовых ситуациях.

В заключение хотелось бы обозначить важность огневой подготовки в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, и отметить необходимость совершенствования учебного процесса, в том числе и сочетание дистанционного и традиционного обучения. Создание дистанционного курса обеспечит беспрепятственный доступ к необходимой литературе, учебным пособиям, а также различным законам и приказам, а также позволит отрабатывать свои навыки и умения, проверять свои знания как в стенах учебного заведения, так и за его пределами. Однако приоритет все же остается за традиционным способом обучения, что в настоящее время требует совершенствования материально-технического обеспечения, а именно оснащение стрелковыми тренажерами, оборудованием электронных тиров, специальных помещений для занятий огневой подготовкой, учебных полигонов, полос препятствий. Считаем, что именно такая система обучения позволит достичь высокого уровня обращения с оружием и боеприпасами сотрудниками органов внутренних дел.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева Т. Б. Использование электронных стрелковых тренажеров в методике преподавания огневой подготовки в образовательных организациях МВД России // Научный компонент. - 2019. - № 3 (3).
2. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности: учеб.-метод. пособие / М. И. Марьин [и др.]. - Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014.
3. Дмитриев А. В. Первоначальный этап развития электронных стрелковых тренажеров (конец XX - начало XXI века) // Вестник экономической безопасности. - 2016. - № 1.

ГОФМАН Александр Анатольевич

доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА» ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются все формы обучения студентов юридических факультетов колледжей и образовательных организаций высшего образования огневой подготовке. Выделены положительные и отрицательные стороны, связанные с проведением учебных занятий с оружием по дисциплине «Огневая подготовка». Учитывая милитаризацию современности, тема находится в тренде, требует внимания специалистов и управленцев. Обучение обращению с оружием, равно как и с автомобилем, должно стать нормой для всех форм обучения, включая старшие классы в школе.

Ключевые слова: правоохранительные органы, подготовка сотрудника, стрельба, огневая подготовка, пистолет Макарова, автомат Калашникова.

GOFMAN Alexander Anatoljevich

associate professor of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

“FIRE TRAINING” IN VARIOUS FORMS OF EDUCATION: FEATURES OF MASTERING

The article considers all forms of training students of law faculties of colleges and educational institutions of higher education in fire training. The positive and negative sides associated with conducting training sessions with weapons in the discipline “Fire training” are identified. Given the militarization of modernity, the topic is in trend and requires the attention of specialists and managers. Weapons training, as well as automobile training, should become the norm for all forms of education, including high school.

Keywords: law enforcement, officer training, shooting, firearms training, Makarov pistol, Kalashnikov rifle.

Общеизвестно, что социальная память, код любого общества, зависит от педагогической ретрансляции духовного опыта. Огромная роль в развитии и становлении личности принадлежит учителям и преподавателям. Преподаватель – в широком смысле слова работник высшей, средней специальной, профессионально-технической или общеобразовательной школы, ведущий какой-либо учебный предмет; в узком смысле слова штатная должность в вузах, средних и профессионально-технических учебных заведениях. Преподаватель – это человек, который не просто дает знания по своему предмету, он активно участвует в формировании нравственных и духовных ценностей у обучающихся, что может сыграть большую роль в дальнейшем их становлении как личности.

В настоящее время согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4] в образовательных организациях обучение осуществляется в очной, очно-заочной и заочной формах. В последние годы широко стала применяться также дистанционная форма обучения. Это, по сути, та же заочная форма только с применением дистанционных технологий. Вполне очевидно, что у каждой из этих форм есть свои положительные и отрицательные стороны. В рамках настоящей статьи постараемся выявить их на примере обучения огневой подготовке студентов юридических факультетов колледжей и образовательных организаций высшего образования.

Как известно, очная форма обучения построена на личном общении студентов с преподавателем на лекциях, семинарах и практических занятиях в максимальном объеме и осуществляется, как правило, в стенах учебного заведения. Безусловно, данная форма обучения является наиболее подходящей для освоения обучающимися дисциплины «Огневая подготовка», так как позволяет сочетать теоретические знания с практическими умениями и навыками.

Во время занятий в аудитории или классе огневой подготовки преподаватель может в случае недопонимания студентами материала разъяснить его более понятным языком, а не сложными научными терминами. В свою очередь, обучающиеся могут применить свои знания на реальном макете оружия.

На практических занятиях по учебной дисциплине «Огневая подготовка» студенты выполняют нормативы, такие как неполная разборка и сборка учебного оружия (пистолет Макарова и автомат Калашникова), снаряжение магазина патро-

нами на время, а также практические стрельбы из пневматического пистолета (Макаров МР-654К).

Иными словами, студенты видят реальные детали стрелкового оружия, трогают их собственными руками и в результате заполняют пробелы в теоретическом представлении об оружии. Таким образом, практические занятия помогают прочно закреплять изученный теоретический материал и в дальнейшем уверенно обращаться с оружием и соблюдать меры безопасности при обращении с ним.

Что касается зачетов и экзаменов, проводимых в очном формате, то их результаты, без сомнения, будут более объективными по сравнению с другими формами обучения, поскольку обмануть преподавателя относительно знаний теории лицом к лицу значительно сложнее, чем при дистанционном формате обучения.

Недостатком очного обучения является небольшое количество бюджетных мест в образовательной организации на выбранную специальность, поэтому руководство колледжей и вузов вынуждено открывать платные места для обучающихся. Однако учиться на платных местах удовольствие не из самых дешевых, и многие студенты выбирают очно-заочную или заочную форму обучения.

Кроме того, очное обучение, как правило, слишком перегружено. Практически в каждом учебном предмете имеется материал, который никак не связан с выбранной профессией либо тот, который в дальнейшем сразу забудется. Существует давняя философская сентенция про анамнез обучения: «Образование состоит в основном из того, что мы забыли». Если учитывать весь материал, пройденный за курс, то средний студент запоминает только около 30 %, остальное просто забывается. На наш взгляд, если в данной форме обучения переосмотреть политику проведения занятий, исключить лишнее и оставить только самое важное, то студентов было бы гораздо больше, причем по всем специальностям и во всех доступных учебных заведениях. Вместе с тем, несмотря на отдельные недостатки, очное обучение является стандартным видом обучения, благодаря которому образование получило множество студентов, в отличие от дистанционного или очно-заочного обучения.

Как было отмечено выше, дистанционная форма обучения – это обучение с использованием дистанционных технологий (интернет-ресурсов). Задания и теоретические материалы высылаются обучающимся по электронной почте, либо

выкладываются на образовательном портале вуза. Лекции проводятся онлайн, в виде аудио- или видеосвязи. При этом абсолютно все обучающиеся находятся в равных условиях, и к ним предъявляют одинаковые требования.

В результате пандемии коронавируса в 2020 г. образование в Российской Федерации претерпело ряд изменений, связанных с удаленным (дистанционным) обучением студентов, что стало рациональным выходом в данной ситуации при условии полной изоляции. Действительно, только с помощью общенародной изоляции процент заболеваемости снизился. Мера изоляции в ситуациях, связанных с заболеваниями и пандемией, необходима. Иногда приходится жертвовать практической частью обучения, заменяя ее на подробное изучение теории. Как пишет поэт К. Казимов: «Дистанционное обучение – это не дань моде, а дань необходимости».

Многим идея дистанционного обучения понравилась, поскольку возможность обучения по месту прохождения службы, работы, без отрыва от основной сферы деятельности позволяет более продуктивно и эффективно распределять учебный день. У студентов, проживающих далеко от места обучения, появляется сэкономленное на дорогу время, которое они могут использовать для более глубокого изучения теории. Кроме того, дистанционное обучение является очень удобным в плане не только сэкономленного времени, но и возможности отслеживать деятельность студентов. Сегодня в системе дистанционного обучения используются новейшие технологии, представляющие собой структурную «таблицу», в которой можно увидеть, заходил ли студент во время занятия в электронные средства дистанционного обучения или нет.

По оценочным показателям посещаемость занятий по дистанционной форме обучения выше, чем по очной форме. Однако не все студенты имеют высокий уровень ответственности и готовы учиться самостоятельно. Часть студентов не выполняют положенную норму лекций и заданий в установленные сроки и оставляют собственную учебу на потом. Вместе с тем, как справедливо заметил все тот же К. Казимов: «Главным в дистанционном обучении – является обучаемый, а не преподаватель». Следовательно, каждый находящийся на дистанционном обучении студент должен понимать, что успехи в учебе зависят только от его усилий и желания заниматься. Подобный формат обучения требует высокой самоорганизованности и дисциплины со стороны студента, что, к сожалению, не всегда имеет место быть [1]. Еще одной положительной стороной рассматриваемой формы обучения является сокращение финансовых расходов на обучение в целом.

Что касается отрицательных сторон дистанционного обучения, то здесь в первую очередь следует отметить связь обучающихся с преподавателем. Дело в том, что во многих образовательных организациях лекции проводятся в одностороннем режиме по принципу: преподаватель отправляет лекцию в текстовом варианте, студент получает ее и начинает работать с ней. Если у него возникают вопросы или он что-то не понял, то он должен обратиться к преподавателю. Но, к сожалению, есть преподаватели, которые считают, что личная жизнь – это одно, а работа – другое, поэтому не дают обучающимся свои номера телефона, электронной почты и т.д. [2].

На порталах дистанционного обучения имеются специализированные чаты для общения с преподавателями, однако отвечать каждому студенту из группы или потока очень сложно и требует много времени, поэтому связь студента с преподавателем является труднодоступной. Отсюда следует, что, в отличие от очной формы обучения, в дистанционном формате разъяснять сложный материал студентам никто не будет, и им самим придется разбираться в теме. Кроме того, отсутствие возможности очного общения обучающихся с преподавателем выступает снижающим фактором их общей мотивации в результате отсутствия эмоционального взаимодействия преподаватель – обучающийся. К тому же лица, получающие соответствующее образование посредством применения данных технологий, ограничиваются только техническими возможностями образовательной организации (компьютеры, возможности серверов и дистанционной образовательной среды).

Но наиболее, на наш взгляд, серьезной проблемой, связанной с дистанционным обучением, является реализация активных форм обучения. Применительно к дисциплине «Огневая подготовка» речь идет о практических занятиях, предполагающих проведение занятий на стрелковых объектах (тир, классы огневой подготовки, полигоны и т.д.) с применением

учебного и пневматического оружия, мишенного оборудования и имитационных средств, а также макетов, позволяющих создавать условия для выполнения необходимых упражнений стрельбы и являющихся основным видом занятий (60-70 % учебного времени) [3].

Иными словами, основной проблемой данной формы обучения для освоения дисциплины «Огневая подготовка» является невозможность практической работы с учебным оружием или отработки нормативов, предусмотренных учебной программой, тем более выполнения упражнений практической стрельбы. Зато по теоретической части возможно более углубленное изучение учебного материала. При очно-заочном обучении соотношение времени, которое студенты проводят в учебных заведениях и тратят на самостоятельную работу, составляет 50/50 или 60/40. В конце каждого семестра студенты очно-заочного обучения сдают зачеты и экзамены очно.

Обучение в данном формате осуществляется путем проведения обзорных лекций, охватывающих весь курс поверхностно, а не подробно, как при очной или дистанционной формах. Студенты, обучающиеся по очно-заочной форме, изучают теоретический материал и выполняют практические задания самостоятельно. Однако для освоения дисциплины «Огневая подготовка» не каждый студент очно-заочного отделения может позволить себе приобрести макет учебного оружия, в связи с чем они ограничиваются изучением теоретического материала и собственными представлениями о том, как на практике необходимо применять оружие. При этом очно-заочная форма обучения значительно дешевле очной, но и соотношение полученных знаний ниже.

Как правило, многие студенты, получившие специальность в очно-заочной форме обучения, свои знания по окончании учебного заведения не применяют и не работают по полученной специальности. Хотя очно-заочное обучение позволяет сочетать работу с учебой, что является плюсом для многих студентов. По данной форме обучения учится очень много студентов среднего возраста для повышения своей квалификации, чтобы в дальнейшем найти более высокооплачиваемую работу.

Таким образом, из всех форм обучения очно-заочное обучение является самым гибким в плане возраста, времени, денежных средств и других показателей. Итак, рассмотрев плюсы и минусы разных форм обучения применительно к изучению дисциплины «Огневая подготовка», можно сделать следующие выводы:

- очная форма обучения является неотъемлемой основной классической формой, наиболее подходящей для освоения данной дисциплины. Благодаря ей можно получить максимальные знания и практические навыки, необходимые в будущей профессии. Однако основными ее недостатками являются небольшое количество бюджетных мест и высокая стоимость;

- дистанционная форма обучения предполагает самостоятельное изучение студентом учебного материала и позволяет более глубоко изучать теорию. Но при этом отсутствует практика обращения с учебным и пневматическим оружием. Решение данной проблемы зависит от финансовых возможностей студента и его желания получить знания по дисциплине «Огневая подготовка»;

- очно-заочная форма обучения является очень гибкой для занятых студентов, но возможность практических занятий с учебным оружием также отсутствует.

Пристагтейный библиографический список

1. Байкин Р. Ф. Интегрирование элементов метода крутовой тренировки в методику проведения практических занятий по огневой подготовке // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2017. - № 3 (28). - С. 97-101.
2. Гофман А. А. Использование дистанционных образовательных технологий в процессе обучения дисциплины «Огневая подготовка» // Приднепровский научный вестник. - 2022. - № 2. - Т. 4. - С. 78-82.
3. Мещерякова Е. И., Сибирко М. А. Огневая подготовка как условие формирования морально-психологической устойчивости // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2011. - 64 с.
4. Российская газета. - 2012. - 31 дек.

КАЛЮЖНАЯ Ольга Васильевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ПОСРЕДСТВОМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

В статье рассматривается проблема формирования положительного имиджа уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и снижения рисков репутационных потерь для Федеральной службы исполнения наказаний посредством изменения формата взаимодействия ведомственных пресс-служб со средствами массовой информации и активном использовании социальных медиа. Обозначается необходимость использования передовых подходов для позиционирования органов государственной власти в медиа. Сделаны выводы о важности актуализации нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: корпоративные аккаунты, имидж, медиакультура, репутация, СМИ, социальные сети, ФСИН, УИС.

KALYUZHNNAYA Olga Vasiljevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF FORMING THE IMAGE OF EMPLOYEES OF THE PENITENTIARY SYSTEM IN THE PUBLIC MIND THROUGH SOCIAL NETWORKS

The article deals with the problem of forming a positive image of the penal system of the Russian Federation and reducing the risk of reputational losses for the employees of the Federal Penitentiary Service by changing the format of interaction between departmental press-services and the media and the active use of social media. The necessity of using advanced approaches to positioning of public authorities in the media is highlighted. Conclusions are drawn on the importance of updating the regulatory framework.

Keywords: corporate accounts, image, media culture, reputation, media, social networks, Federal Penitentiary Service, penitentiary system.

Развитие интернета и увеличение количества пользователей социальных сетей влияет на способы трансляции медиа-контента органами исполнительной власти. Сегодня, помимо образа, создаваемого средствами массовой информации (СМИ), работы официального сайта, у Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) существуют аккаунты в популярных социальных медиа и официальный канал в мессенджере Telegram. Более того, на примере ФСИН России можно говорить о существовании страниц и сообществ в социальных сетях у каждого из подразделений, входящих в ее структуру.

На современном этапе развития российского общества к числу актуальных проблем относится формирование у населения позитивного имиджа правоохранительных органов, включая УИС. Ученые разработали целую философию имиджа, последовательно доказывающую влияние внешнего, целенаправленно формируемого образа объекта на его дальнейшую «медиа-судьбу». Имидж или образ профессиональной деятельности должен ясно свидетельствовать о ее целях, задачах, отражать характер «работы» и нести позитивную нагрузку [2, с. 115].

В последнее время ФСИН часто подвергается информационным атакам со стороны СМИ, причем как вполне обоснованным, так и инспирированным, надуманным. В определенной степени, как реакция на справедливые упреки и замечания, связанные с качеством работы УИС, в том числе нашедшие освещение в СМИ, перед сотрудниками поставлена задача повышения эффективности своей деятельности [4, с. 154]. Для СМИ пенитенциарная система становится интересной только, если сотрудники нарушили закон или, если большой общественный резонанс вызвало преступление, совершенное каким-то осужденным. В результате в обществе создается искаженное представление о деятельности ФСИН.

Эксперты в области данной проблемы считают, что ответом на упреки должна стать интенсификация и конкретизация работы с населением, изучение и учет общественного мнения, своевременное реагирование на его изменение, а также мониторинг PR-активности и придание системного характера работе со СМИ. При этом основополагающим моментом является переход от тактики «текущей обороны» к увеличению вовлеченности целевой аудитории в информационные потоки, отражающие деятельность УИС, и опережающему управлению процессом формирования установок, диспозиций, оценок населения.

Появившись как развлекательные площадки, за последнее десятилетие эволюционировали в полноценные СМИ. Статистика показывает, что охват аудитории соцсетей на сегодняшний день огромен, а способ передачи материала максимально прост и удобен. Количество подписчиков социальных медиа превышает количество подписчиков печатных изданий, зрителей телеканалов. Общая совокупная аудитория официальных групп органов власти в соцсетях превышает 40 млн. человек [5]. Можно отметить, что количество просмотров публикаций в социальных сетях стабильно превышает количество просмотров тех же новостей на официальных сайтах. Информация, источником которой являются официальные сайты и аккаунты имеет большое влияние на формирование общественного мнения. Ведь сведения, появившиеся в любом из корпоративных аккаунтов, имеющих отношение к ФСИН России, приобретают в общественном мнении статус официальных данных. Актуальная законодательная регламентация должна положительно повлиять на унификацию и создание нормативно-правовой базы для ведения подобных пабликов, потому что ракурс, с которого рассматривается уголовно-исполнительная система в онлайн-пространстве, может способствовать по-

вышению престижа ведомства, либо, наоборот поставить его репутацию под удар.

В июле 2022 года внесены изменения в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в части создания официальных страниц государственных органов, органов местного самоуправления или подведомственных организаций). Теперь создавать и вести страницы в социальных сетях не право, а обязанность всех государственных органов. Документ предлагает расширить способы обеспечения доступа к информации, а именно «установить обязанности для органов и организаций по созданию и использованию официальных страниц в социальных сетях для размещения актуальной информации о своей деятельности». Расширяется круг субъектов регулирования, в частности включение подведомственных государственных органов и органов местного самоуправления организаций в число субъектов, обязанных обеспечивать доступ к информации о своей деятельности через соцсети. Также дается определение понятию «официальная страница» [4].

Корпоративные аккаунты учреждений ФСИН России живут по суровым законам SMM (social media marketing (англ.) — комплекс мероприятий по для продвижения информации через различные медиа-платформы). Поэтому при наполнении их, специалисты, отвечающие за контент, должны следовать общеизвестному для корпоративных аккаунтов правилу: у каждого профиля должны быть свои цели. Надо учитывать то, что цели разнятся у различных учреждений ФСИН — территориальных органов, образовательных организаций, исправительных учреждений. В соответствии с ними необходимо определять направления развития и анализировать целевую аудиторию, на основании чего уже создавать контент-стратегию (документ, отражающий вектор развития аккаунта в долгосрочной перспективе) и контент-план (план постинга на неделю/месяц). Итогами последовательной реализации контент-плана должны стать стабильный интерес целевой аудитории (в каждом конкретном случае — своей), а также сохранение и увеличение подписчиков аккаунта, для которых информация сообщества будет актуальной и востребованной. Привлечение в сообщество случайных подписчиков в надежде на то, что количество перейдет в качество лишено смысла. Корпоративный аккаунт лишь обзаведется «мертвыми душами», которые будут абсолютно равнодушны к тематике сообщества. Также следует учитывать специфику деятельности ФСИН, которая отличается от, к примеру, полиции, органов следствия, прокуратуры.

По нашему мнению, подобной работой должны заниматься сотрудники, в идеале имеющие компетенции SMM-менеджеров и PR-специалистов. Сегодня это - новое направление связей с общественностью, и оно уже внедряется в крупных федеральных компаниях с рабочим наименованием «блог-служба». «Блог-служба» или «блог-секретарь» должен быть частью пресс-службы, но иметь совершенно другой функционал. Для сотрудника пресс-службы важно выверить и тщательно согласовать официальную информацию для предоставления в СМИ. Для сотрудника, отвечающего за позиционирование в социальных сетях — оперативно ответить, снять проблему (негатив, непонимание) и тем самым улучшить отношение целевой аудитории к органу власти, который он представляет [1].

Нельзя вести аккаунт тенденциозно и забывать о том, что социальные сети, в отличие от «информирования», предполагают обязательную обратную связь в виде комментариев, репостов, включение аудитории в обсуждение опубликованного послания «без купюр». Необходимо трансформировать официальную информацию в такой вид, в котором она легко

будет восприниматься подписчиками, использовать инфографику и визуализацию. Для расширения тематики следует привлекать к сбору материала для корпоративного аккаунта сотрудников различных подразделений и служб конкретного учреждения. Специфика ведомства также обязывает «блог-секретаря» соблюдать баланс между образом сотрудника в погонах и обычного человека. Отдельной рекомендацией может стать регулярность и четкий выбор периодичности публикаций. Здесь важно знать меру и выкладывать слишком много постов. Иначе это приведет к снижению количества подписчиков аккаунта. Также стоит порекомендовать отказаться от использования всех инструментов, предлагаемых соцсетью или мессенджером. Например, использование «смайликов» и их сочетаний, на наш взгляд, не лучшее решение при ведении официальной страницы, поскольку смысловой контекст, складывающийся при их употреблении, может идти вразрез с общепринятой интерпретацией.

Большое значение имеет унификация. Единообразие и четкая структура официальных страниц в соцсетях сделает их удобными для использования сотрудниками, родственниками осужденных и обычных граждан. Информация в социальных медиа не должна дублировать информацию с официального сайта, а быть ее интерпретацией, желательно без характерного формализма. Иначе сообщество в соцсетях будет «уменьшенной копией» официального сайта с невостребованной широкой аудиторией информацией, которая вместо открытости и повышения престижа службы будет работать на формирование образа закрытой организации.

Таким образом, позиционирование в медиа с использованием передовых цифровых технологий позволит ФСИН России сделать общение с целевой аудиторией более конструктивным. Синхронизация официальных страниц в социальных сетях, адресная работа с подписчиками приведет к повышению их лояльности к УИС. Построенные на принципах гласности, публичности аккаунты в соцсетях — с живым общением, моментальной обратной связью, новостями, написанными живым языком, множеством инфографики, — будут реальным показателем открытости и эффективным инструментом повышения имиджа ведомства.

Пристатейный библиографический список

1. Гриценко А. О соцсетях органов государственной власти [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://document.wikireading.ru/86651> (дата обращения: 29.09.2022).
2. Ежова О. Н., Семикина А. П. Имидж сотрудника уголовно-исполнительной системы: психологический аспект // Вестник СЮИ. - 2020. - № 2 (38). - С. 113-119.
3. Лосева С. Н., Дроздова Е. А. Некоторые проблемы формирования положительного имиджа уголовно — исполнительной системы // Современный юрист. - 2019. - № 1 (26) январь-март. - С. 153-161.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в части создания официальных страниц государственных органов, органов местного самоуправления или подведомственных организаций). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/68371-8> (дата обращения: 29.09.2022).
5. Органы власти будут создавать официальные страницы в соцсетях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/54295/> (дата обращения: 29.09.2022).

МАНСУРОВА Зилия Рахимлановна

кандидат медицинских наук, доцент кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

АСЯНОВА Светлана Рифовна

кандидат педагогических наук, руководитель пресс-службы Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, полковник полиции в запасе

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОВД

В статье рассматриваются личностные факторы готовности сотрудников ОВД к деятельности в экстремальных условиях. На формирование профессиональных установок сотрудников ОВД оказывают влияние социально-психологические факторы и способности личности сотрудника ОВД к саморегуляции поведения во время решения оперативно-служебных задач.

Ключевые слова: сотрудник ОВД, экстремальные условия, профессионально-психологическая подготовка, саморегуляция, тренинги.

MANSUROVA Zilya Rakhimlanovna

Ph.D. in medical sciences, associate professor of Pedagogy and psychology in the activities of police officers sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ASYANOVA Svetlana Rifovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Head of the Press service of the Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology, retired colonel of police

PROFESSIONAL AND PSYCHOLOGICAL TRAINING OF POLICE OFFICERS

The article discusses the personal factors of the readiness of IAB employees to work in extreme conditions. The formation of professional attitudes of IAB employees is influenced by socio-psychological factors and the ability of an IAB employee's personality to self-regulate behavior during solving operational and service tasks.

Keywords: police officer, extreme conditions, professional and psychological training, self-regulation, trainings.

В современном обществе правоохранительная деятельность обладает повышенным психотравмирующим потенциалом и высокой степенью риска, для эффективной деятельности и сохранения высокой профессиональной компетентности сотрудникам ОВД, необходимо обладать человечностью, гибкостью, психолого-педагогическим тактом [1, с. 90-96]. Так как деятельность сотрудников ОВД относится к профессиональной сфере «человек-человек», от них требуется профессиональная и психологическая подготовки, коммуникабельность, развитые коммуникативные умения, которые формируются и развиваются на учебных занятиях по различным дисциплинам, в процессе социального общения, на занятиях по физической подготовке и т.д.

Экстремальные ситуации приводят к активизации инстинкта самосохранения и состояния разумных ответных реакций, сотрудник ОВД может действовать или активно осмыслено, или импульсивно. Высокий психологический уровень подготовки гарантирует адекватное поведение и действия сотрудника ОВД. При подготовке профессионально-психологической, необходимо на занятиях разбирать ситуации максимально приближенные к реальности, для дальнейшего формирования таких качеств сотрудников ОВД, как смелость, решительность и уверенность в своих силах, т.е. быстро адаптироваться в стрессогенных ситуациях [4, с. 299-301]. Учитывая быстротечность действий и намерений преступников, в данных

нестандартных ситуациях надо быстро принимать правильные решения.

При подготовке профессионально-психологической необходимо сформировать способность у личности сотрудника ОВД к саморегуляции поведения в зависимости от решаемых служебных задач, а также к самоанализу и самоконтролю [3, с. 383-385].

Саморегуляция – применение умений и навыков психологической защиты, для снижения психотравмирующего воздействия экстремальных факторов, преодоление стресса, фрустрации, внутриличностного кризиса. Стресс является сложным эмоциональным состоянием, возникающим под воздействием стрессоров, отличающихся по силе, содержанию, времени действия.

Наиболее углубленно проблемой приемами психологической защиты занимались Зигмунд и Анна Фрейд, Д. Н. Узнадзе, А. А. Налчаджан, И. С. Кон, А. Р. Ратинов, Ю. М. Антонян и т.д.

Следует отметить, что обоснованным методом повышения эмоциональной устойчивости является социально-психологический тренинг, включающий в себя аспекты: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Важное значение в программе тренинга уделяется формированию навыков рефлексии, общения, развитию позитивного самовосприятия. В процессе тренинга происходит восстановление утраченной работоспособности, эмоциональная разрядка, повы-

Мансурова З. Р.

Асянова С. Р.

шение уровня внимания т.п. Тренинги применяются с целью развития личностных ресурсов (саморегуляция, самопомощь), адаптации к условиям служебной деятельности.

При воздействии стрессовых факторов необходимо применять навыки саморегуляции, создавать определенный положительный настрой в деятельности, регулировать эмоциональное состояние.

Саморегуляция занимает особое место в успешности и безопасности трудовой деятельности, адаптивности сотрудника ОВД к различным жизненным ситуациям и адекватности поведения в них. Саморегуляция направлена на сохранение и укрепление здоровья сотрудника полиции, так как его служебная деятельность связана с выраженным нервно-психическим компонентом.

Помимо указанного выше, можно сформулировать качества сотрудника ОВД необходимые для успешного выполнения функциональных обязанностей:

- знание нормативно-правовой базы;
 - хорошая физическая подготовленность;
 - дисциплинированность;
 - способность к суждению, умозаключению, верность к служебному долгу;
 - умение пользоваться специальными средствами и оружием;
 - навыки взаимодействия с гражданами, способность сглаживать конфликты;
 - умение работать в группе, чувство солидарности, взаимопомощи, взаимовыручки;
 - инициативность и находчивость;
 - надежность;
 - психическая устойчивость, умение действовать в сложной, насыщенной опасностью и критическими ситуациями обстановке.
- Принципы психологической безопасности:
- ожидайте неожиданного;
 - руководствуйтесь не эмоциями, а здравым смыслом;
 - умеете владеть информацией, собой, ситуацией;
 - ключ к успеху – подготовка;
 - умеете предвидеть последствия своих поступков, необходимо помнить – мелочей не существует.

Для быстрого снятия напряжения необходимо отложить в сторону свои проблемы, в течение 3-х минут дышать медленно, глубоко и спокойно животом, считая по пульсу – на 5 ударов сердца – вдох, на 7 – выдох. «...Я могу управлять своими внутренними переживаниями, внутренне я ощущаю, что у меня все будет в порядке. У меня все будет хорошо. Работа мне удастся. Я – хозяин своей жизни. Я здоров, вокруг меня все спокойно, я правильный, я умный и т.д.... ». (Отвлечение внимания. Юмор. Прослушивание любимой музыки. Визуализация.)

Таким образом, только система методов саморегуляции способна регулировать психические состояния.

На сегодняшний день актуально, на наш взгляд, наиболее точное определение А. С. Макаренко, что важно «не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли» [2]. Приведем слова китайской мудрости: «Мало знать, лишь умение делает нас могущественными».

Тренинговые упражнения направлены на сплочение коллектива, и служат для поддержания работоспособности

в экстремальных условиях. Тренинговые упражнения, которые выполняются в группе, направлены на выработку новых коммуникативных и профессиональных умений и навыков у участников.

«Упражнение. Цифры на спине. (Ведущий готовит заранее листочки с цифрами, которые крепят на спины участникам. Задание: заключается в следующем: построиться по порядку номеров, но при этом нельзя разговаривать. Информирование о невербальном общении)».

«Упражнение. Испорченный видеомаягнитофон. (Все участники выстраиваются в одну шеренгу, спиной к ведущему. Ведущий показывает серию жестов первому участнику, затем первый участник передает второму, то, что увидел и запомнил. И т.д. Последний участник передает информацию ведущему. В последующем – обсуждение)».

«Упражнение. Эмоции, найти пару по эмоциям... (Раздаются карточки, на которых написаны эмоции [радость, гнев, страх и др....] по две с одинаковой эмоцией. Участники демонстрируют выпавшие им эмоции, и каждый должен найти свою пару. Информирование о невербальном общении)».

Профессиональные функциональные процессы сотрудников: коммуникативные, удостоверительные, поисковые, реконструктивные, организационные, прогностические, деятельностно-регулятивные основаны на хорошем развитии личности сотрудника ОВД в когнитивной, мотивационно-операциональной и эмоционально-волевой сферах (психические элементы).

Вне всякого сомнения, при высоком развитии профессиональных функциональных процессов и психических элементов достигается максимальная готовность сотрудников к действиям в экстремальных условиях.

В заключение следует отметить, что, находясь в экстремальной ситуации сотрудник ОВД должен оперативно оценивать ее, принимать правильное решение, регулировать свое поведение, умело руководить и управлять подразделением, разумно отдавать распоряжения, для задержания и обезвреживания преступников, и уметь защищать права граждан в рамках действующего закона.

Пристатейный библиографический список

1. Асянова С. Р. Основы психологической и педагогической техники в правоохранительной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2019. - № 2 (84). - С. 90-96.
2. Макаренко А. С. Собр. соч. - В 7 т. - Т. 5. - М.: Изд. АПН РСФСР, 1958. - 783 с.
3. Мансурова З. Р., Аглиуллин Д. Р. Стрессоустойчивость у сотрудников правоохранительных органов // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 4 (155). - С. 383-385.
4. Мансурова З. Р. Профессионально-психологическая устойчивость курсантов к воздействию экстремальных ситуаций // В сборнике: Психолого-педагогические аспекты становления развития сотрудника ОВД в условиях вузовской подготовки. Межведомственная научно-практическая конференция: сборник научных трудов. Сост. А. А. Базулина. - Москва, 2021. - С. 299-301.

ПАРАЩЕВИНА Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

КУЦЕНКО Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Данная статья рассматривает теоретические и практические аспекты реализации приоритетных мер по обеспечению безопасности экономической системы Российской Федерации и предупреждения слияния преступных сообществ с легальным бизнесом, а также противодействие легализации преступных доходов. Определяется место и значение органов прокуратуры Российской Федерации. Анализируются судебная, прокурорская практика и наиболее частые нарушения в данной сфере.

Ключевые слова: информационные технологии, коммуникационные технологии, криптовалюта, цифровая валюта, экономическая система, национальный проект, биткоин, финансовые операции, органы прокуратуры, государственная власть.

PARASHEVINA Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

KUTSENKO Katerina Sergeevna

senior lecturer of Prosecutorial supervision and participation of the prosecutor in civil arbitration and administrative procedure sub-faculty of the Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

THE ROLE OF THE PROSECUTION AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN COUNTERING THE LEGALIZATION OF DIGITAL CURRENCIES THROUGH THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

This article examines the theoretical and practical aspects of the implementation of priority measures to ensure the security of the economic system of the Russian Federation and prevent the merger of criminal communities with legal businesses, as well as countering the legalization of criminal proceeds. The place and importance of the prosecutor's office of the Russian Federation is determined. The judicial, prosecutorial practice and the most frequent violations in this area are analyzed.

Keywords: information technologies, communication technologies, cryptocurrency, digital currency, economic system, national project, bitcoin, financial transactions, prosecution authorities, state power.

Что же такое криптовалюта? Криптовалюта — это виртуальные деньги, не имеющие физического выражения. Единицей такой валюты является «coin», что в переводе с английского языка означает «монета». Особенностью криптовалют является децентрализация, то есть отсутствие какого-либо внутреннего или внешнего администратора. Поэтому государственные, налоговые, судебные органы и банки не могут воздействовать на транзакции пользователей криптоактивов.

Статус криптовалюты в Российской Федерации до сих пор недостаточно законодательно урегулирован, что влечет риски в её обороте. Однако наблюдается тенденция к расширению законодательства и судебной практики по данному направлению. Действия с криптовалютой ограничены законодательством Российской Федерации: криптовалюту запрещено использовать в качестве средства оплаты товаров и услуг, так как она является имуществом, а не денежным средством. Появление криптовалют создало одну из возможностей для легализации доходов, полученных преступным путем. Безусловно, введение криптовалюты в криминальные схемы в целях завуалирования преступных доходов, значительно затрудняет процесс доказывания преступлений.

Одной из первоочередных мер обеспечения безопасности экономической системы Российской Федерации и предупреждения слияния преступных сообществ с легальным бизнесом является противодействие легализации преступных доходов. На данном этапе в России наблюдаются тенденции легализации криптовалют, которые получают в результате незаконного оборота наркотических средств. Суть легализации преступных криптовалют заключается в их конвертации на торгах криптовалютных бирж в иные электронные средства платежа и безналичные денежные средства, которые в последующем, посредством совершения комплекса финансовых операций, перечисляются на банковские счета тех лиц, которые, как правило, не осведомлены об их преступном происхождении.

Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационные техно-

логии — это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. В соответствии с п. 4 вышеуказанной нормы вышеприведенного закона информационно-телекоммуникационная сеть — это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Правоприменительные органы, квалифицируя соответствующий вид общественно опасных деяний, учитывают неофициальный децентрализованный курс криптовалют, а общая сумма денежных средств, полученные после их конвертации, определяет размер легализованных преступных доходов.

Рассмотрим судебную практику по делам о легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (незаконный сбыт наркотических средств и легализация приобретенных таким способом денежных средств).

Так, по приговору Няганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 06.08.2020 гражданин К. признан виновным в совершении покушений на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере и оправдан в легализации приобретенных им денежных средств. Установлено, что гражданин К. разработал и использовал алгоритм по отмыванию денежных средств, полученных от незаконного наркооборота, с помощью перевода криптовалюты биткоин на свой криптокошелек, а затем — на банковский счет ПАО «Сбербанк России» на общую сумму 128 тыс. руб. Суд пришел к выводу, что криптовалюту гражданин К. конвертировал в рубли, переводил их на банковский счет, обналчивал и тратил на личные цели, являясь безработным и не имея постоянного источника дохода. Оплата за его незаконную деятельность производилась криптовалютой в целях скрытия, поскольку финансовые операции в банках контролируются правоохранительными органами.

Суд пришел к выводу, что полученные деньги были источником существования гражданина К., а способ, который он использовал для их получения, не содержал признаков состава

преступления, предусмотренного ст. 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Однако постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2021 по делу № 31-УД21-4-К6 гражданину Б., осужденному 06.07.2016 приговором Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики по пп. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, было отозвано в пересмотре кассационной жалобы. Судом установлено, что гражданин Б., осуществляя незаконный сбыт наркотических средств, получил преступный доход в сумме 8 млн 562 тыс. 794 руб. Для того, чтобы придать правомерности владению, а также пользованию и распоряжению данными денежными средствами, он произвел определенные финансовые операции по их перечислению с электронных счетов платежных систем на банковские счета, обналичив их через банкоматы. Верховный Суд Российской Федерации указал, что избранный гражданином Б. способ получения денежных средств свидетельствует о наличии у осужденного намерения придать легитимность их владению, пользованию и распоряжению. Гражданин Б., совершая указанные финансовые операции, путем конспирации незаконного происхождения таких денежных средств добивался придания статуса правомерности владения этими доходами, в результате чего денежные средства, полученные от незаконного оборота наркотических средств, были введены в законный экономический оборот, в том числе в систему банковской деятельности, в процессе которой банк взимал комиссии, что свидетельствует о наличии общественной опасности содеянного, выраженной в обособленном предмете преступного посяательства – сфере экономической деятельности.

Также необходимо отметить, что объективная сторона ст. 174.1 УК РФ не предусматривает наличия такого признака как вовлечение легализуемого имущества в экономический оборот. Уголовная ответственность по данной статье наступает в случае, если будет осуществлена финансовая операция или иная сделка с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. При формировании доказательственной базы следует шире использовать результаты финансовых расследований.

В правовом поле Российской Федерации криптовалюта не признана имуществом, за исключением тех случаев, когда это прямо предусмотрено законом. Следовательно, у правоохранителей отсутствует возможность наложить на нее арест. Для того, чтобы такая законная возможность появилась, целесообразно внесение соответствующих поправок в ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая регулирует порядок наложения судебного ареста. Основная цель – наложить арест на криптоактивы, отслеженные оперативным путем, непосредственно в момент их перевода в фиатную валюту.

Следует отметить, что органы прокуратуры РФ противодействуют росту теневой экономики посредством подачи административных исковых заявлений по КАС РФ о признании запрещенной информации, которая публикуется в сети «Интернет».

В период за 2020-2021 годы судами Российской Федерации было вынесено свыше пятидесяти судебных решений по искам прокуроров о блокировке интернет-ресурсов, на которых содержались сведения об операциях с криптовалютой. По мнению суда, распространение в сети Интернет информации об обмене криптовалютой на рубли является пропагандой преступлений в области легализации (отмывания) доходов и финансирования терроризма. Указанная информация, находясь в публичном доступе для неограниченного круга лиц, может провоцировать и способствовать совершению преступлений.

Также следует выделить, что статьями 23, 24, 25 и 25.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» предусмотрены акты прокурорского реагирования, которые могут выносить прокуроры в случае выявления нарушений действующего законодательства. Акты прокурорского реагирования в определенной степени также можно рассматривать как инструмент борьбы с легализацией цифровых валют.

Однако имеют место случаи, когда суд не соглашается с мнением прокуроров относительно запрета оборота криптовалют: решением Московского городского суда от 18.04.2018 по делу № 7-4313/2018 оставлен без удовлетворения протест Тверского межрайонного прокурора города Москвы на Постановление заместителя начальника Инспекции Федеральной налоговой службы № 7 по городу Москве от 19.09.2017, который прекратил производство по делу об административном правонарушении в отношении ресторана, которым за оказанные услуги была получена оплата в биткойнах. Суд не усмотрел в действиях юридического лица (ресторана) состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 15.25 Кодекса РФ об административных правонарушениях, поскольку объективная сторона административного правонарушения выражается в осуществлении валютных операций, запрещенных валютным законодательством Российской Федерации. Понятие

валюты определено Федеральным законом от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», тогда как правовое определение виртуальной валюты законом не установлено. Судом также сделан вывод, что, поскольку виртуальная валюта биткойн не является валютной ценностью (иностранной валютой и внешней ценной бумагой), совершение платежа с ее использованием не является валютной операцией и не образует состава административного правонарушения. Таким образом, судом фактически признана легальной оплата счета за услуги ресторана в криптовалюте.

Вышеуказанные административные искивые заявления прокуроров имеют под собой определенное правовое основание: это информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности биткойн» (далее – Информация Банка России), в которой предупреждается, что «предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Вопросы связанные с юридической силой нормативных актов Банка России и их местом в системе нормативных правовых актов Российской Федерации изучены не до конца. Согласно сложившемуся мнению большинства авторов о том, что все нормативные правовые акты России делятся на законы и подзаконные акты можно прийти к выводу, что критерием такого деления выступает юридическая сила. Банк России, в соответствии со ст. 7 Закона о Банке России и п. 1.4 Положения от 22.09.2017 № 602-П «О правилах подготовки нормативных актов Банка России» (далее – Положение Банка России), определил, что нормативные акты Банка России могут издаваться в форме указания, положения или инструкции. Нет никаких оснований относить такой акт, как информация Банка России, опубликованная на официальном сайте Банка России в сети Интернет к нормативным правовым актам, поскольку это следует из положения п. 1.3 Положения Банка России, следовательно, такой акт не является обязательным для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, всех юридических и физических лиц. Несмотря на указанные обстоятельства, органы прокуратуры и суды продолжают обосновывать свои выводы о запрещении оборота криптовалюты положениями акта, не имеющего юридической силы как таковой, а носящего характер предупреждения о возможных рисках.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что использование для достижения преступных целей информационно-телекоммуникационных технологий свидетельствует о посятельстве на достаточно обширную аудиторию для использования и реализации преступных целей. При этом используются все более новые, передовые, совершенные финансовые инструменты, что требует своевременных превентивных мер со стороны органов прокуратуры.

Пристатейный библиографический список

1. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30.07.2018 № 12-09-2018 «О причинах вынесения судами реабилитирующих решений по уголовным делам о легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем».
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/grpf>.
3. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smotrim.ru/article/1256022?amp-page=enabled> (дата обращения: 04.09.2022).
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/grpf> (дата обращения: 04.09.2022).
6. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 04.09.2022).

РУДЫХ Светлана Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

В статье акцентируется внимание на роль органов прокуратуры в обеспечении законности в сфере предоставления предпринимателям государственных и муниципальных услуг в свете реализации государственной политики по снижению неправомерного давления на бизнес. Приводятся типичные нарушения органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при предоставлении государственных и муниципальных услуг, а также примеры судебных решений, вынесенных по искам прокуроров.

Ключевые слова: прокурорский надзор, защита прав предпринимателей, государственные и муниципальные услуги, административный регламент, административные процедуры, многофункциональный центр.

RUDYKH Svetlana Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law disciplines sub-faculty of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

PROTECTION BY THE PROSECUTOR OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS IN THE PROVISION OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES

The article focuses on the role of the prosecutor's office in ensuring the rule of law in the provision of state and municipal services to entrepreneurs in the light of the implementation of state policy to reduce undue pressure on business. Typical violations of state authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies in the provision of state and municipal services are given, as well as examples of court decisions made on the claims of prosecutors.

Keywords: prosecutor's supervision, protection of the rights of entrepreneurs, state and municipal services, administrative regulations, administrative procedures, multifunctional center.

В современных экономических условиях особое значение приобретают вопросы соблюдения и защиты прав предпринимателей.

Конституция Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты устанавливают обязанность государства обеспечивать свободу экономической деятельности. Комплексное решение этой задачи возложено на органы государственной власти и местного самоуправления, а выявление правонарушений и устранение угроз свободе экономической безопасности – на органы прокуратуры [1, с. 3].

Одним из направлений совершенствования системы государственного управления является повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг, что направлено, прежде всего, на улучшение взаимодействия государственных органов с гражданами и предпринимателями, ликвидацию необоснованных административных барьеров и условий для проявления коррупции. Это нашло отражение в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р.

Процесс организации предоставления государственных и муниципальных услуг для населения России является болезненным с момента начала его реализации. Уже прошло более 10 лет с того момента, когда впервые в современной России в рамках административной реформы была законодательно закреплена возможность предоставления государственными и муниципальными органами и учреждениями, а также привлекаемыми организациями государственных и муниципальных услуг.

Так, принят Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹ (далее – Федеральный закон № 210-ФЗ), в

течение последующих лет принимались нормативные акты, регулирующие порядок предоставления услуг, в частности, определившие систему организации информационно-технологического взаимодействия, требования к административным регламентам, предоставлению услуг в электронной форме, а также по принципу «одного окна» через многофункциональные центры и др.

Безусловно, существующая правовая база для реализации основных мероприятий административной реформы обеспечивает эффективность деятельности в этой сфере. Однако обобщение материалов прокурорских проверок свидетельствует об имеющихся нарушениях законодательства о предоставлении гражданам и предпринимателям государственных и муниципальных услуг.

С учетом важности придания правовым актам, регулирующим предпринимательскую деятельность, понятного и внутренне непротиворечивого характера безусловным приоритетом прокурорского надзора остается обеспечение законности региональной и муниципальной нормативной базы в этой сфере.

Несмотря на предусмотренную ст. 29 Федерального закона № 210-ФЗ обязанность по утверждению в установленные сроки административных регламентов, полноценная правовая основа предоставления государственных и муниципальных услуг до настоящего времени сформирована не везде.

А ведь административные регламенты, по справедливому замечанию Ноздрачева А. Ф., это своеобразный «мостик» между государством и гражданами и предпринимателями. Они доступны физическим и юридическим лицам и используются ими для контроля и оспаривания неправомерных действий (бездействия) органов исполнительной власти и должностных лиц при несоблюдении последними их функций и услуг [2, с. 18].

Прокуроры обращаются в суд в интересах неопределенного круга лиц, оспаривая бездействие, выразившееся в непринятии административных регламентов предоставления

1 Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Рос. Федерации. - 2010. - № 31. - Ст. 4179.

государственных или муниципальных услуг и понуждая принять меры по их разработке и принятию.

Например, удовлетворяя требования прокурора, суд справедливо отметил, что отсутствие административного регламента предоставления муниципальной услуги по даче письменных разъяснений налогоплательщикам по вопросам применения нормативных правовых актов муниципального образования о местных налогах и сборах влечет неопределенность требований к организациям и предпринимателям, возможность нарушения порядка осуществления муниципального контроля².

Органами прокуратуры осуществляется постоянный мониторинг положений нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной сфере. Обращается особое внимание на наличие в них административных барьеров, в том числе коррупциогенных факторов и иных положений, нарушающих права и законные интересы предпринимателей. Наиболее распространенными являются нарушения, выражающиеся в наличии в административных регламентах предоставления услуг дополнительных требований к документам и иных административных барьеров, ненадлежащем и несвоевременном предоставлении муниципальной услуги, возложении на заявителей не предусмотренных законодательством обязанностей, вынесении необоснованного отказа в ее предоставлении и др.

Выявляемые прокурорами нарушения в административных регламентах органов местного самоуправления, обусловлены, прежде всего, спецификой данного вида правового акта, его большим объемом, а также динамикой федерального законодательства, которому он, безусловно, должен соответствовать.

Наиболее распространенным видом нарушения является несоблюдение срока предоставления государственных и муниципальных услуг. К примеру, подобный случай был выявлен в деятельности Министерства экономики Омской области. Установлено, что распоряжением Министерства экономики Омской области от 20.07.2016 № 376-л по заявлению ООО «Легенда» от 22.06.2016 отказано в предоставлении лицензии на осуществление розничной продажи алкогольной продукции.

Решением Арбитражного суда Омской области от 25.01.2017 № А46-11528/2016 распоряжение Министерства от 20.07.2016 № 376-л признано недействительным, решения и действия по его изданию – незаконными.

С учетом данного решения суда и в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 182, ч. 7 ст. 201 Арбитражного процессуального кодекса РФ Министерству надлежало немедленно принять решение о выдаче ООО «Легенда» указанной лицензии с момента принятия судом решения (25.01.2017). Однако, соответствующее решение было принято Министерством лишь спустя 8 месяцев – 23.10.2017, что повлекло нарушение права юридического лица на своевременное предоставление государственной услуги. По данному факту внесено представление в Министерство экономики Омской области.

В Обзоре практики прокурорского надзора в сфере защиты прав предпринимателей от 20.09.2021 № 76/1-520-2021, подготовленном Генеральной прокуратурой Российской Федерации, приведены примеры административной практики, когда по инициативе прокуратуры Псковской области председатель регионального комитета по природным ресурсам и экологии привлечен к административной ответственности по ч. 1.1. ст. 5.63 КоАП РФ в связи с незаконным отказом хозяйствующему субъекту в принятии лесных деклараций. В Астраханской области на основании постановления прокурора Лиманского района о возбуждении дела об административном правонарушении глава муниципалитета привлечен к ответственности по ст. 19.9 КоАП РФ за нарушение срока рассмотрения заявления предпринимателя о предоставлении земельного участка в безвозмездное пользование.

2 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 3 февраля 2020 г. № Ф09-9426/19 по делу № А60-26425/2019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Главным ориентиром для всех прокурорских проверок является реальное восстановление прав предпринимателей. Так, администрацией г. Черногорска Республики Хакасия предпринимателю было незаконно отказано в заключение договора на размещение нестационарного торгового павильона в связи с несоответствием вида павильона внешнему архитектурному облику городской застройки.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении № 2979-О от 28 декабря 2021 г. указал, что органы местного самоуправления не лишены возможности, действуя в пределах своих полномочий, решать вопросы размещения торговых объектов, принимая во внимание их нестационарный характер, в целях создания условий для наилучшего удовлетворения потребностей населения в получении необходимых товаров, работ и услуг по месту жительства и без ущерба для стабильного ведения предпринимательства, с тем чтобы при изменении места ведения бизнеса сам бизнес сохранялся³.

Вместе с тем, законодательством такое основание для отказа в предоставлении муниципальной услуги не предусмотрено. В этой связи заместитель главы города постановлением мирового судьи привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 20 (2) Закона Республики Хакасия от № 91-ЗРХ «Об административных правонарушениях» (нарушение порядка предоставления муниципальной услуги). Права предпринимателя на беспрепятственное осуществление своей деятельности восстановлены.

В последнее время исключительное внимание уделяется вопросам цифровизации. Правительством Российской Федерации разработана и утверждена программа по созданию условий для перехода страны к цифровой экономике – программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая создает надежную основу для развития экономики нашей страны, повышения уровня жизни граждан России.

Все органы власти подключены к системе межведомственного электронного взаимодействия. Однако не все муниципалитеты принимают меры к переходу на предоставление публичных услуг в электронном виде. Данная работа органами местного самоуправления проводится слабо ввиду отсутствия достаточных технических и финансовых возможностей.

Прокурорами в рамках реализации национального проекта «Цифровая экономика» предъявляются административные иски о возмещении вреда, причиненного нарушением обязанности обеспечить возможность получения заявителями муниципальных услуг в электронном виде с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что надзор за соблюдением законодательства о предоставлении государственных и муниципальных услуг не теряет своей актуальности и продолжает оставаться одним из магистральных направлений работы органов прокуратуры по защите прав предпринимателей.

Пристатейный библиографический список

1. Паламарчук А. В. Задачи прокурорского надзора за исполнением законов о защите прав предпринимателей // Законность. – 2014. – № 5. – С. 3-7.
2. Ноздрачев А. Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. – 2011. – № 8. – С. 18.
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.12.2021 № 2979-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахмедова Яхи Умуд оглы на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации». – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

НАГОЕВА Марина Аuesовна

доктор педагогических наук, профессор кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

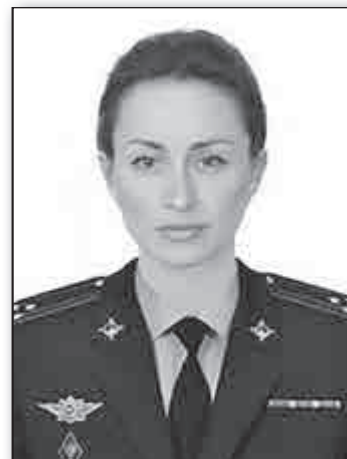
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

В статье рассматриваются особенности появления термина «экстремизм», его развитие на различных этапах социальной жизни. Автором раскрываются основные тенденции роста и развития экстремизма в мире, а также путей и методов борьбы с распространением международного экстремизма. Автор обращает внимание на влияние экстремизма на социальные, экономические, политические и общественные сферы жизни государства и общества.

Ключевые слова: экстремизм, преступность, правоохранительные органы, история экстремизма, международный терроризм.

NAGOEVA Marina Auesovna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Special technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

Нагоева М. А.

TOPICAL ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF MODERN INTERNATIONAL EXTREMISM

The article discusses the features of the emergence of the term "extremism", its development at various stages of social life. The author reveals the main trends in the growth and development of extremism in the world, as well as ways and methods of combating the spread of international extremism. The author draws attention to the influence of extremism on the social, economic, political and public spheres of life of the state and society.

Keywords: extremism, crime, law enforcement agencies, history of extremism, international terrorism.

Экстремизм все чаще выступает причиной деструктивных явлений в любом государстве мира. На территории Российской Федерации процент совершения экстремистских преступлений за последние 10 лет составил около 0,06% от общего числа всех совершенных преступлений. Несмотря на низкий процент регистрируемых экстремистских преступлений, эта категория преступлений не может не тревожить, так как каждое преступление экстремистского характера дестабилизирует гражданское общество, вызывая большой общественный резонанс и социально-политический дисбаланс [1].

Основными составляющими современного экстремизма являются: фашизм; ксенофобия; неприятие конфессионального многообразия; терроризм; сепаратизм.

Если разбираться в термине «экстремизм», то это слово в переводе с латинского имеет такие смысловые значения, как «крайний», «чрезмерный», т.е. уместно толкование экстремизма как явление, пренебрегающее существующие рамки и нормы.

Возвращаясь к истории развития экстремизма, можно утверждать, что это явление зародилось в периоды разделения гражданского общества на категории по материальному достатку, касаясь всех сфер общества и порождая легализацию власти богатых слоев общества над бедными, тем самым вызывая ответные действия в виде совершения преступных деяний с целью получения материальных благ. Ради достижения цели преступники идут на насилие, убийства.

Первые экстремистские еврейские группировки - сикарии, были замечены в Римской империи. Они нападали на римлян, главной целью которых было создание еврейского государства. В Средневековой Европе экстремизм, начиненный религиозной догматикой, проявлялся в гонении еретиков. Появление инквизиции только усугубило ситуацию, когда под видом борьбы с «неверующими» совершались насилия, господствовала социальная агрессия. Основы

экстремизма во Франции зародились в период борьбы за власть между левыми и правыми в конце XVIII века, где наблюдалось полное отсутствие диалога между сторонами и нежелание находить компромиссы. Считается, что на Руси экстремизм проявился впервые в XII веке с убийством князя Владимира Святославовича, что привело к подрыву Древнерусского государства и его последующему распаду.

Политический оттенок экстремизма является мощнейшим оружием против власти. Следствием процветания экстремизма стало изменение законодательства и появление методов и норм борьбы с преступниками. Появилась такая мера наказания за экстремизм, как смертная казнь. Но, несмотря на эту жесткую меру, экстремизм процветал в последующие несколько веков [2]. Это выражалось в борьбе власти с радикальными формированиями, крестьянскими войнами и восстаниями.

Иные специалисты считают началом экстремизма другие события — это попытка государственного переворота в Петербурге в XIX веке. Целью восстания было тогда убийство императора и отмена крепостного права. Следствием этого события стал жесточайший террор, царивший в стране в следующие 50 лет.

Некоторые специалисты связывают воедино экстремизм и терроризм, так как экстремизм в наше время проявляется схожей системой взглядов с терроризмом. Тенденциями современного международного экстремизма являются: международный характер; масштабность и массовые убийства; отсутствие определенных требований; психологическое давление через СМИ; сложность поиска исполнителей и заказчиков террористического преступления из-за отсутствия какой-либо доказанной информации.

Эти тенденции не являются исчерпывающими, а являются следствием других, не столь очевидных проявлений экстремизма. Феномен экстремизма не раскрывается до конца

во всех науках, таких как философия, социология или юриспруденция.

С точки зрения социальной философии экстремизм является составляющей социальной системой и является объектом исследования в его динамике, где все взаимосвязано и взаимозависимо [3]. Исходя из этого, целесообразно выделить и другие тенденции экстремизма:

- популяризация экстремизма;
- увеличение количества человеческих жертв;
- использование информационных технологий в достижении цели.

В настоящее время цели экстремизма претерпевают значительные изменения, экстремистская идеология получает все большее распространение среди современной молодежи. Особенностью экстремизма было их «меньшинство», но в конце прошлого столетия ситуация кардинально изменилась, появились экстремистские группировки, разжигающие конфликты на религиозной и национальной почве. Появившийся так называемый молодежный экстремизм характеризовался отсутствием этики и следовал ложным идеям, ведя войну за свои идеалы. Акты насилия со стороны таких группировок не ограничивались никакими рамками и считались способами отстаивания своих убеждений и самовыражения как основного жизненного приоритета.

Следующей целью экстремизма является ускоренный и прямой путь к установлению нового миропорядка и построение другого общества. Полное уничтожение оппонентов, по их мнению, — это вынужденная мера [4].

Психологи выделяют два наиболее основных типа субъектов деятельности экстремистов: субъекты с высокой самооценкой, интеллектом, обладающие лидерскими качествами; субъекты с низкой самооценкой, неудачники.

Для обоих типов личности характерно проявление агрессии, поглощенность собой и стремление утвердить свое «Я».

Другой тенденцией, получившей широкое распространение, является стремительное освоение экстремистскими группировками информационных технологий. Информационный экстремизм является по масштабам более разрушительным, целью которого является создание хаоса в информационном обществе [5]. Методом воздействия информационного экстремизма является речевой метод, влияющий на человеческое сознание, побуждающее человека на определенные действия и способствующие достижению цели говорящего.

Сегодня экстремизм стал доступен к изучению в книжных магазинах, в сети Интернет каждому недовольному гражданину, желающему следовать экстремистской идеологии как к способу скорого достижения своих целей. Целью речевого воздействия является не сам субъект, он лишь является средством достижения.

Информационный экстремизм является возможностью воздействия на общественное сознание, в результате чего с успехом захватываются широкие массы, у которых формируются соответствующие экстремистские установки.

Костяком экстремистских группировок зачастую выступают дилетанты, случайно вступившие в их ряды, так как эти группировки не являются строго иерархизированными. Этот факт позволяет эффективно противодействовать экстремизму путем искоренения аксиологического кризиса общественного сознания и путем рождения новых смыслов и ценностей у молодежи.

Радикальные политические партии и политические группировки, возникающие на фоне сепаратизма, являются довольно успешными проводниками экстремистских действий.

Проблемами международного масштаба следует считать такие направления, как: антисемитизм; ксенофобия; ре-

лигиозный экстремизм; антиэмигрантские настроения; рост числа ультранационалистических сил.

Угроза безопасности в РФ создается нерегулируемой миграцией на фоне отсутствия эффективной нормативно-правовой базы государства, следствием чего наблюдается приток представителей оппозиции и боевиков из ближнего зарубежья, обостряющих криминогенную ситуацию в стране. Таким образом, становится затруднительным контроль рыночной трансформации и формируется постепенно прямая угроза национальным интересам страны [6]. Международный экстремизм формируется с наличием ряда факторов: идеологические; социально-экономические; миграционные. Идеологические факторы международного экстремизма проявляются в беспорядочном использовании сети Интернет с целью экстремистской пропаганды, а также в попытках создания молодежных субкультур радикальной направленности.

Социально-экономическое расслоение общества способствует развитию у молодежи чувств социальной несправедливости, и являются следствием частого попадания молодежи под влияние различных радикальных течений.

Миграционный фактор характерен появлением проблем адаптации к новой среде у мигрантов и увеличением напряженности в межнациональных отношениях в связи с изменением этнического состава общества.

Органам внутренних дел отводится значительная роль в борьбе с экстремизмом. Профилактика преступлений и общественных проявлений, выявление, пресечение и раскрытие экстремистских преступлений, профессиональная грамотность сотрудников МВД в совокупности позволяют добиться значительных успехов в противодействии экстремизму.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно утверждать, что только максимальное подчинение всех без исключения государств международному праву по противодействию экстремизму может сделать наиболее эффективной борьбу с экстремистскими проявлениями во всех странах.

Пристатейный библиографический список

1. Ботвин И. В. Борьба с экстремизмом: обоснованная необходимость или современный тренд // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2019. - № 1. - С. 26-28.
2. Кадыханова С. А., Салина Е. В., Шаповалова В. А. Профилактика как один из методов борьбы с экстремизмом и терроризмом // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2020. - № 88. - С. 42-44.
3. Каратанов М. С., Жусупова Г. Б. Роль международных организаций в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом // Наука. - 2020. - № 4 (67). - С. 113-117.
4. Колпачева О. Ю., Сиволобова Н. А., Авдеева Л. Н. Подходы к проблеме борьбы с экстремизмом в молодежной среде // Modern Science. - 2020. - № 5. - С. 141-145.
5. Кубасов А. Л. Экстремизм как средство политической борьбы в современном мире // Ius Publicum et Privatum. - 2018. - № 2. - С. 27-29.
6. Мальцев В. А., Мирончуковская В. В. Борьба с экстремизмом в рамках системы обеспечения национальной безопасности // Вестник Воронежского государственного университета. - 2020. - № 1 (40). - С. 32-43.

СОБАЛИРОВА Зухра Хазретовна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

В статье раскрываются факторы распространения экстремизма в сети «Интернет». Установлено, что основным детерминантом распространения деструктивного контента следует назвать огромное разнообразие интернет-ресурсов. Это и социальные сети, и различные форумы, онлайн-площадки и видеохостинги. Отягчающим обстоятельством выступает отсутствие правового регулирования указанных ресурсов ввиду того, что они не попадают под сферу законодательного регулирования средств массовой информации. Исследовано понятие цифрового экстремизма. Сделан вывод о том, что противодействие цифровому экстремизму целесообразно осуществлять более жесткими мерами. В их числе: закрепить в законодательном регулировании четко сформулированное понятие экстремизма, делая прямое указание на достижение преступных целей любым (!) возможным способом и противодействовать именно с этой точки зрения; ужесточить меры наказания путем увеличения сумм денежных штрафов и сроков тюремного заключения; ввести технологию специальной фильтрации информации в сети «Интернет», которая будет блокировать экстремистский контент.

Ключевые слова: социальные сети, экстремистская деятельность, цифровой экстремизм, противодействие, блокировка экстремистского контента.

SOBALIROVA Zukhra Khazretovna

Ph.D. in Law, lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

SOCIAL NETWORKS AS AN INFORMATION RESOURCE FOR THE SPREAD OF EXTREMISM

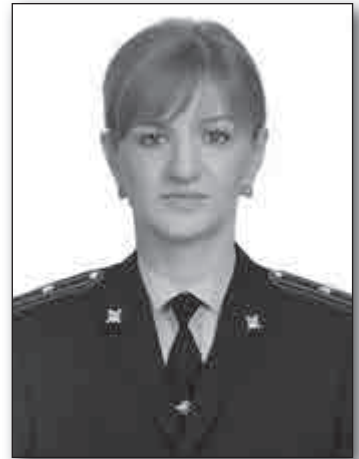
The article reveals the factors of the spread of extremism on the Internet. It has been established that the main determinant of the spread of destructive content should be called a huge variety of Internet resources. These are social networks, and various forums, online platforms and video hosting. An aggravating factor is the lack of legal regulation of these resources due to the fact that they do not fall under the scope of legislative regulation of the media. The concept of digital extremism has been investigated. It was concluded that it is advisable to implement tougher measures to counter digital extremism. Among them: to consolidate in the legislative regulation a clearly formulated concept of extremism, making a direct indication of the achievement of criminal goals in any (!) Possible way and counteract from this point of view; Increase penalties by increasing monetary fines and prison sentences; introduce a technology for special filtering of information on the Internet, which will block extremist content.

Keywords: social networks, extremist activities, digital extremism, counteraction, blocking extremist content.

В информационном пространстве сети «Интернет» пользователи обладают широкой свободой действий, что находит отражение на всех сферах общественной жизни. В сети люди находят полезную для себя информацию, знакомятся, осуществляют покупки, а также совершают преступления. Причем преступления могут осуществляться пользователями в одной стране находясь на территории другой страны, это обеспечивает настоящий простор для преступной деятельности, в т.ч. вброс фейковой информации, публикации недостоверных видео, травля пользователей и пр. Перечисленное – это лишь малая часть известных нам преступлений, совершаемых во всемирной паутине. А экстремизм в сети и вовсе разросся до феномена мирового масштаба представляя реальную угрозу всему человечеству.

Основным детерминантом распространения деструктивного контента следует назвать огромное разнообразие интернет-ресурсов. Это и социальные сети, и различные форумы, онлайн-площадки и видеохостинги. Отягчающим обстоятельством выступает отсутствие правового регулирования указанных ресурсов ввиду того, что они не попадают под сферу законодательного регулирования средств массовой информации.

Нормативное регулирование экстремистской деятельности осуществляется ст. 280, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, а также частично при наличии отягчающих факторов рассматривается в ст. 63 УК РФ [4]. Анализ указанных статей показыва-

Собалирова З. Х.

ет о недостаточной разработанности нормативного регулирования данного вопроса, что говорит о малоэффективном противодействии такому тяжкому преступлению, как экстремизм.

Исследователи при определении экстремистской деятельности указывают на положения Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который детерминирует данное явление как «попытки к насильственному изменению конституционного строя, публичные призывы к совершению преступных деяния, поддержание нацистской символики, идеологии и пр.» [1]. По нашему мнению, в этом и кроется одна из ключевых проблем, поскольку ни текст указанного закона, ни УК РФ не содержат четкого определения экстремистской деятельности и экстремизма, а это является недопустимым.

Важно отметить, что существует ряд законов, действие которых направлено так или иначе на предупреждение экстремизма, в т.ч. осуществляемом в глобальном информационном пространстве. Например, в нормах Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержится (ст. 10) запрет на «распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды» [2]. Однако, следует отметить, что указанный запрет направлен на

информацию, распространяемую в сети «Интернет», и никоим образом не влияет на цифровой экстремизм в целом.

Для более детального освещения необходимо раскрыть понятие информационного экстремизма, поскольку под запретом находится именно речевой экстремизм, который передается «из уст в уста», а его информационная сторона находится вне поля зрения нормативно-правового регулирования, что является еще одной уловкой экстремистов. Исследователи данной проблемы обобщенно определяют информационный экстремизм в качестве призывных действий к насилию, оправдания агрессивных методов решения проблем. А в это время цифровой экстремизм характеризуется лишь двумя основными концептами: формой и содержанием, где содержание постоянно трансформируется в новые формы, а значение информации отходит на второй план выводя на передовые позиции вид ее подачи.

Сегодня мир претерпевает влияние политических и преступных течений, которые трансформируют сферу общественной жизни, в т.ч. цифровую среду. Достаточно обратить внимание на то, как различными СМИ подается информация. Это особенно актуально, поскольку восприятие информации является одним из ключевых факторов влияния на сознание аудитории. Такое влияние имеет несколько направлений.

В последние годы статистика экстремистской деятельности в сети «Интернет» безрадостна и свидетельствует о неуклонном росте данного феномена. Так, за период с 2017 г. по 2021 г. в социальной сети и сервисе микроблогов Twitter по обвинению в пропаганде терроризма и экстремизма приостановлена работа более 300 тыс. аккаунтов. В Twitter с 2015 г. заблокировано около 1 млн страниц, а в социальной сети ВКонтакте зарегистрировано около 80 млн. попыток совершения экстремистских действий. Такие устрашающие цифры объясняются тем, что через социальные сети легче увлечь потенциальную жертву, поскольку преступнику доступна вся информация о жертве (а пользователи социальных сетей имеют такую слабость – выкладывать о себе сведения, вести новостные репортажи и т.п.), а это дает ему возможность с легкостью войти к ней в доверие с тем, чтобы навязать свое мировоззрение. Чаще всего со стороны пользователей не встречается особого сопротивления «обаянию» преступника, который переходит в статус хорошего друга. Впоследствии совершение экстремистского преступления жертвой – это лишь вопрос времени. Как только возникнет необходимость исполнения преступных действий жертва, убежденная в их правильности, пойдет на это не задумываясь [3], [7].

Правоохранительная статистика указывает на возрастную ценз экстремистов – это молодые люди в возрасте до 30 лет с преобладанием несовершеннолетних граждан от 14 до 18 лет. Незаконный контент в сети «Интернет» чаще всего карается штрафом, реже тюремным сроком. И первый, и второй методы воздействия не отличаются особой эффективностью ввиду ряда причин. Так, сумма штрафа в основном подъемная (1-3 тыс. руб. за распространение экстремистских материалов в соответствии со ст. 20.29 КоАП РФ и 300-500 тыс. руб. за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства согласно ст. 282 УК РФ), поскольку экстремистские организации обладают большими финансовыми средствами, а тюремный срок преступников тоже не сильно тяготит (арест сроком до 15 суток (без иного наказания) в соответствии со ст. 20.29 КоАП РФ и принудительные работы на срок от 1 до 4 лет, либо лишение свободы сроком от 2 до 5 лет согласно ст. 282 УК РФ).

Относительно российской социальной сети ВКонтакте правоохранители отмечают тесное сотрудничество в вопросах удаления экстремистских материалов. Однако, несмотря на указанное взаимодействие, сеть постоянно пополняется группами, открыто поддерживающими и пропагандирующими самые разнообразные формы и направления экстремизма и фундаментализма. В большем количестве в последние годы в сети возникают группы политического экстремизма, целью которых выступает нарушение территориальной целостности РФ, только публикуемые данными сообществами материалы обычно в ходе экспертиз обычно не признаются экстремистскими, либо о них органам внутренних дел становится известно намного позже.

Что касается зарубежных социальных сетей, учитывая их нахождение вне поля российского законодательства, следует

ли удивляться тому факту, что им отдается предпочтение для публикации экстремистских материалов. И если раньше пропаганда в них не обладала особой эффективностью ввиду присутствия небольшой российской аудитории, то с каждым годом эта ситуация меняется, поскольку иностранные платформы отмечают значительный приток российских пользователей.

Еще в марте 2013 года председателем комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи А. Митрофановым заявлялось, что «принципы борьбы с экстремизмом в сети «Интернет» и вне ее будут предельно одинаковыми, т.е. будет выдержан один и тот же подход и применяться одни и те же наказания» [5], [7]. Однако, сегодняшние реалии, по истечении почти 10 лет мы видим, что этого не произошло.

Но с экстремизмом нужно продолжать бороться и самым действенным способом до недавнего времени оставалась блокировка ресурсов. А в свете последних событий – признание экстремистскими организациями на территории РФ социальных сетей «Instagram» и «Facebook», российские пользователи активно перешли на скачивание VPN и беспрепятственно продолжают пользоваться данными ресурсами. Таким образом, блокировка доменов и вычисление IP-адресов не является особо эффективной мерой. Стоимость домена составляет 1 долл., его блокировка занимает целые месяцы, а сменить его каждый раз при угрозе атаки для экстремистской организации не составляет никакого труда. Также правоохранители отмечают, что адептами экстремистской деятельности становятся пользователи из молодежной аудитории, количество преступлений имеет устойчивую тенденцию к росту, а самой жесткой мерой для основного числа экстремистов, как мы указывали выше, выступают штрафные санкции, которые не приносят никаких плодов [4], [5], [6].

Ввиду изложенного целесообразно осуществлять противодействие цифровому экстремизму более жесткими мерами. В их числе: закрепить в законодательном регулировании четко сформулированное понятие экстремизма, делая прямое указание на достижение преступных целей любым (!) возможным способом и противодействовать именно с этой точки зрения; ужесточить меры наказания путем увеличения сумм денежных штрафов и сроков тюремного заключения; ввести технологию специальной фильтрации информации в сети «Интернет», которая будет блокировать экстремистский контент.

Пристатейный библиографический список

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 14.10.2022).
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 15.10.2022).
3. Арипшев А. М. Экстремизм и терроризм в социальных сетях: проблемы обнаружения и противодействия // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 1. - № 9. - С. 44-48.
4. Богомаз О. В. Информационно-психологические аспекты экстремистской деятельности в современном цифровом пространстве // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. - 2021. - № 4. - С. 58-61.
5. Кучмезов Р. А. Экстремизм в сети интернет: правовые основы и проблемы противодействия // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 2 (165). - С. 437-438.
6. Маркарян С. А. Экстремизм в сфере цифровой среды // Eromen. Global. - 2022. - № 26. - С. 78-85.
7. Шидемов А. Г. Экстремизм: состояние борьбы с ним в современном мире // В сборнике: Экстремизм - новые вызовы региональной безопасности. Сборник материалов международной научной конференции. Под редакцией Д. А. Проказина. - Барнаул, 2022. - С. 73-76.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

КУМЕХОВА Марьяна Борисовна

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОМАНИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Одной из глобальных проблем современного общества является распространение наркомании. Наркотики наносят вред здоровью граждан и создают угрозу для национальной безопасности многих государств. Особенно пагубно наркотики влияют на молодежь и подростков в силу возрастных особенностей. Когда речь идет о предотвращении распространения наркомании, профилактические мероприятия должны быть важной частью образования и воспитания. Грамотная предупреждающая работа среди подростков дает заметную результативность, главное, чтобы она велась систематически. Правильные действия и акции, проведенные психологами, наркологами и соцработниками, обязательно станут удерживающим фактором и уменьшат число молодых людей, склонных к наркомании.

Ключевые слова: наркомания, распространение, молодежь, наркотические средства, психотропные вещества, профилактика, предупреждение.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KUMEKHOVA Maryana Borisovna

lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PROBLEMS OF THE SPREAD OF DRUG ADDICTION AMONG YOUNG PEOPLE

One of the global problems of modern society is the spread of drug addiction. Drugs harm the health of citizens and pose a threat to the national security of many states. Drugs have a particularly detrimental effect on young people and adolescents due to age characteristics. When it comes to preventing the spread of drug addiction, preventive measures should be an important part of education and upbringing. Competent preventive work among adolescents gives noticeable results, the main thing is that it be carried out systematically. The right actions and actions carried out by psychologists, narcologists and social workers will definitely become a deterrent and reduce the number of young people prone to drug addiction.

Keywords: drug addiction, distribution, youth, narcotic drugs, psychotropic substances, prevention, prevention.

Наркомания – это масштабная общественная проблема, которая ежегодно уносит жизни миллионов граждан. Наркотизация приводит к увеличению числа больных СПИДом, заболеваниями, передающимися половым путем. Наркотики разрушают мозг человека, он не может нормально учиться, работать, втягивается в криминальную деятельность, теряет семью, становится опасным для общества. Чтобы помочь наркозависимому, необходимо как можно раньше обратиться в наркологическую клинику и начать лечение.

Распространение наркомании на территории стран СНГ в последние десятилетия происходит стремительными темпами. В Советском Союзе нарковещества стали приобретать популярность в 70-х годах в молодежной среде. Затем в России и в других развитых государствах потребление психостимуляторов распространилось и на другие слои населения. На Западе ситуация была еще более угрожающей, там процесс проходил очень быстро. Правительство СССР старалось вести жесткий контроль оборота наркотиков. Когда началась перестройка, употреблять запрещенные вещества стали члены неформальных молодежных группировок, таких как панки, стилияги, неохиппи. Они старались подражать аналогичным западным течениям, поэтому использовали различные таблетки и порошки. С течением времени наркотики стали еще более доступными для молодежи. Рынок нарковеществ постоянно обновляется, туда попадают новые синтетические препараты с мощным разрушительным действием [1, с. 158-164].

Опасность распространения наркомании заключается в том, что, когда люди в первый раз употребляют наркопрепарат, многие восхищаются его необыкновенным эффектом. Они уверены, что смогут контролировать его дальнейшее использование. Однако наркотики моментально меняют человеческую жизнь в худшую сторону. Если человек продолжает принимать психостимуляторы, положительные ощущения блекнут, и зависимый пытается вновь вернуться в первоначальное состояние, все время увеличивая дозу. Теперь наркотик ему необходим, чтобы избавляться от ломящих болей, которые он испытывает, когда воздерживается от приема,

интенсивного беспокойства и тревоги. Принимая нарковещества, зависимые наносят своему здоровью непоправимый вред. Также страдают их близкие, которые не знают, как победить заболевание. Распространение наркомании подобно эпидемии опасной болезни, не поддающейся полному излечению. Опытные наркологи, психологи и психотерапевты могут помочь пациенту достичь стадии ремиссии, но жизнь наркомана никогда не станет прежней [2, с. 53-59].

Употребление психотропов даже в минимальных дозировках является опасным. Ученые исследовали изображения мозга людей, страдающих наркозависимостью, с помощью ядерно-магнитного резонанса. Они обнаружили физические изменения в мозговых отделах, которые отвечают за волевое поведение, способность к обучению, память, внимание, мышление. Все это оказывает влияние на работу мозга и является причиной неконтролируемого и разрушительного поведения наркоманов.

Бывают редкие исключения, когда человек принимал наркотики несколько раз, но не стал зависимым от них. Это зависит от различных факторов риска, которые увеличивают или уменьшают вероятность развития наркозависимости.

Среди факторов, повышающих риск развития наркомании:

– Проблемная семья. Если родители или близкие родственники страдали наркозависимостью, у ребенка возрастает риск собственных проблем с наркотиками. Если в семье царит нездоровая атмосфера, например, мама и папа регулярно ссорятся или вовсе желают развестись, ребенок невольно чувствует себя виноватым. Он хочет отстраниться от этой ситуации и пробует забыть при помощи алкоголя или других более серьезных депрессантов. Также ребенок может начать употреблять наркотики из-за других особенностей семейного воспитания: дефицит внимания, гиперопека, вседозволенность.

– Друзья и школа. Дети в подростковом возрасте хотят быть «как все». Если их друзья курят травку, нюхают порошки, им тоже хочется попробовать, чтобы не выделяться из толпы. Плохая успеваемость в школе, недостаточные социальные навыки также увеличивают риск распространения наркомании среди подростков.

– Серьезные проблемы со здоровьем при невысоком качестве медицинской помощи. Нередко, когда у человека диагностируется опасное заболевание, он думает, что жить дальше бессмысленно. Он начинает употреблять психоактивные препараты, чтобы отстраниться от реальности, снизить болевые ощущения или даже приблизить летальный исход. Необходимость справиться с интенсивным болевым синдромом повышает вероятность опиоидной наркомании.

– Высокий уровень преступности в регионе, недостаточная работа служб социальной помощи. Часто подростков вовлекают в торговлю наркопрепаратами. Несовершеннолетние распространители – это выгодно, так как платить им много не нужно, к тому же они часто остаются незамеченными органами полиции. Когда ребенок торгует запрещенным веществом, он рано или поздно попробует его. Если социальные службы не проводят работу по профилактике и предупреждению наркозависимости, подростки попросту не знают, насколько пагубными могут быть последствия таких действий.

– Генетическая предрасположенность. Зависимости не передаются по наследству. Однако может передаваться склонность к ним, как результат сбоев в биохимических процессах головного мозга. Ученые выявили семь генов, отвечающих за зависимое поведение. Наибольшее внимание отводится тем, которые отвечают за обмен гормонов радости – дофамина и серотонина. Встречаются генетически определённые сочетания расстройств. Тогда риск формирования зависимости у ребенка довольно высок и ему необходимо особое воспитание.

– Социальные факторы. Несмотря на то, что продажа нарковеществ является уголовно наказуемым преступлением, дилеры все равно продолжают работу в этом направлении. При желании любой человек может найти способ купить наркотики, то есть они являются доступными. К тому же в обществе делается акцент на потреблении всего того, что приносит удовольствие. Сюда относится алкоголь, азартные игры, вредная еда, наркопрепараты, все это со временем вызывает у человека устойчивое привыкание.

Когда речь идет о предотвращении распространения наркомании профилактические мероприятия должны быть важной частью образования и воспитания. Для этого в школах, СУЗах, университетах проводятся специальные лекции и семинары по профилактике наркозависимости, показываются кинофильмы, актуальные видеоролики. Грамотная предупреждающая работа среди подростков дает заметную результативность, главное, чтобы она велась систематически. Правильные действия и акции, проведенные психологами, наркологами и сотрудниками, обязательно станут удерживающим фактором и уменьшат число молодых людей, «севших на иглу». В России существуют телефоны доверия, по которым может позвонить каждый человек, попавший в беду. Специалисты, работающие дистанционно, должны оказать профессиональную помощь и предотвратить дальнейший прием наркотиков [3, с. 53-59].

Если говорить о практике по уголовным делам по 228 статье УК РФ (приобретение и хранение наркотиков) основных стратегий защиты две:

– Признание вины в приобретении и хранении наркотиков, то есть в совершении преступления, предусмотренного статье 228 УК РФ. В этом случае адвокат по наркотикам делам упор на смягчение наказания, сбор характеристик, представлении подзащитного в суде с положительной стороны.

– Непризнание вины в приобретении и хранении наркотиков. Эта стратегия может быть успешной только если противоправные действия сотрудников полиции были зафиксированы на камеру видеонаблюдения, видеорегистратор, или их очевидцами были несколько человек (свидетелей). А также если в крови и моче задержанного не были обнаружены наркотические или психотропные вещества. Но таких «идеальных» дел защиты ситуации меньшинство.

В большинстве случаев сотрудники полиции обнаруживают у человека «пакетик» при досмотре без понятых (что незаконно), доставляют задержанного в отделение полиции, где изымают «пакетик» в присутствии понятых в полном соответствии с законом и убеждают человека дать признательные показания до прибытия адвоката по наркотикам, приглашенного родственниками. Поэтому в делах о ч. 1 и ч. 2 ст. 228 УК РФ чаще встречается признательная стратегия. В данном случае закон не устанавливает минимального размера наркотического вещества, следовательно, реализация даже незначительного количества наркотика повлечет за собой уголовную ответственность.

Большой проблемой представляется распространение веществ, имеющих одурманивающие свойства. Часто происходит рассылка с предложениями о том, что есть хорошо оплачиваемый заработок и можно стать распространителем химических веществ. Наркодилеры пользуются не только смс оповещением, есть и другие средства связи для информирования о не пыльных

доходах. Закладчики работают и выручают от ста до двухсот тысяч рублей в месяц. В связи с этим необходимо выяснить, провести опрос, как они могут прекратить такие сообщения. И вместе с юристами и правоохранительными органами необходимо поработать над идеями для дальнейшего их помещения в законодательную инициативу.

Понятно, что координаторы этого бизнеса находятся давно уже не в России. Как становятся наркоторговцами? Некоторые молодые ребята приезжают в Россию, чтобы зарабатывать на наркобизнесе, готовить закладки с химическими веществами, зарабатывать большие деньги на чужой скорби. И, согласно российскому закону, распространители не совершают правонарушения, потому что в основном химические вещества являются синтетиком, конструкторами, формулы которых не успевают составить список запрещенных химических веществ. Большинство людей, которые согласились заработать на этом пути, не являются наркоманами, они являются людьми, оказавшимися в тяжелой жизненной ситуации. По данным разведывательных служб, возраст распространителей составляет от двенадцати до шестидесяти лет. Поймать торговца наркотиками, привлечь к ответственности и перейти ко всей преступной цепи, это чрезвычайно сложно. Связь с координаторами осуществляется удаленно, через Интернет или по телефону, а личная встреча с организаторами и с клиентами исключается.

Одному зависимому от наркотика человеку в день требуется две три дозы, как минимум две три закладки. Наркоманы – это последний уровень, на которого ориентируются все торговцы. Чтобы покупать химические вещества, нет необходимости ехать в другой район города, просто позвоните по телефону, указанному почти на каждом заборе и стенах домов, а после оплаты получите координаты укрытия с любым заказом химического вещества, которое только существует. Подобная схема доступна каждому и даже школьникам.

На сегодняшний день для законодательства распространители химических веществ остаются недоступными. Поэтому необходимо вылавливать этих людей на законодательном уровне, насильно отправлять их на реабилитацию. Таким образом, мы искореним слой, на который полагаются сами организаторы наркобизнеса.

Все должны понимать, что современные химические вещества являются мощными психотропными препаратами. Большое количество примеров, когда под воздействием этих веществ происходят самоубийства, травмы, нападения на людей, кражи, убийства, расстрелы, несчастные случаи и тому подобное. Современные большие наркомании являются социально-опасными. Большинство из них готовы совершать террористические акты и разные диверсии, готовы выполнить любой заказ на наркотик.

Создать общественно полезного человека из больного человека – огромная работа, это комплекс работ, комплекс мер. Для этого должны быть задействованы силовые структуры, психотерапевты, психологи, наркологи, духовенство, консультанты-сверстники, а затем человек, по крайней мере через год, может быть возвращен в систему. Только подобным образом мы сможем уничтожить данный слой всей этой схемы, основанный на вырубке от распространения химических веществ.

Хотелось бы добавить, что почти весь руководящий состав во время Второй мировой войны – это были выпускники коммуны А. С. Макаренко. В то время самое точное видео, съемочное оборудование, камера FED, выпущена на его базе. А значит, старые преступники стали людьми, которые послужили родине. Конкретно для этого и построена наша структура, которая по настоящий день существует и совершенствуется. Специалистами в области борьбы с наркоманией разрабатываются действительно активные уголовные схемы с участием молодых ребят в распространении химических наркотиков и графические схемы самой торговли веществами, реализуемыми на юге России. Все это происходит для того, чтобы положить конец участию молодежи в распространении и использовании химических активных веществ. И необходимо помнить, что принципиальное гражданское положение личности играет очень большую роль в решении проблем социума.

Пристатейный библиографический список

1. Рублева Т. Ю. Проблемы как следствие распространения наркомании в молодежной среде на современном этапе // Научный компонент. – 2020. – № 4 (8). – С. 158-164.
2. Осипова Р. Г. Наркомания в молодежной среде: причины распространения и возможные методы профилактики // Молодой ученый. – 2011. – № 7 (30). – Т. 2. – С. 53-59.
3. Зайцев В. С. Проблемы наркомании среди молодежи и современные технологии ее профилактики: учебное пособие. – Челябинск: Издательство ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2019. – 65 с.

КУЧМЕЗОВ Расул Абдулмуталифович

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

Кучмезов Р. А.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИДЕЙ

Экстремизм являет собой приверженность к крайним взглядам и методам действий, обладает различными формами проявления. В экстремистскую активность с каждым годом вовлекается большое число молодежи. Анализ факторов, формирующих внутреннюю побудительную отправную точку для оправдания экстремизма, позволяет выделить в числе основных: негативные условия духовно-нравственного развития личности; неблагоприятный психологический климат в семье, школе, вузе; отсутствие альтернативных социально полезных форм проведения досуга. Все перечисленное у кого-то в отдельности, а у кого-то и в совокупности толкнуло молодежь в виртуальный мир. Таким образом, интернет-ресурсы, которые изначально предназначались для виртуальной коммуникации, стали постепенно превращаться в платформу для распространения экстремистских идей. Установлено, что проблема экстремизма в России существует как в ретроспективе, так и на современном этапе. А учитывая скорость развития компьютерных технологий, то на полном основании можно предположить, что экстремизм будет приобретать новые формы и проявления.

Ключевые слова: экстремизм, интернет-ресурсы, насилие, деструктивный контент, пропаганда, профилактика, противодействие.

KUCHMEZOV Rasul Abdulmutalifovich

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer of Law enforcement agencies sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

SOCIAL NETWORKS AS AN INFORMATION RESOURCE FOR THE SPREAD OF EXTREMISM

Extremism is a commitment to extreme views and methods of action, has various forms of manifestation. A large number of young people are involved in extremist activity every year. An analysis of the factors that form the internal motivating starting point for justifying extremism allows us to single out among the main ones: negative conditions for the spiritual and moral development of the individual; unfavorable psychological climate in the family, school, university; lack of alternative socially useful forms of leisure activities. All of the above for someone individually, and for someone in the aggregate, pushed young people into the virtual world. Thus, Internet resources, which were originally intended for virtual communication, began to gradually turn into a platform for the dissemination of extremist ideas. It has been established that the problem of extremism in Russia exists both in retrospect and at the present stage. And given the speed of development of computer technology, it can be reasonably assumed that extremism will acquire new forms and manifestations.

Keywords: extremism, Internet resources, violence, destructive content, propaganda, prevention, counteraction.

Процессы последних десятилетий, происходящие в современном обществе детерминированы обострением существовавших и возникновением новых угроз, главной из которых стал экстремизм. Осознавая многонациональность и многоконфессиональность РФ, стоит ли удивляться тому, что именно наша страна была выбрана экстремистами как поле для противоправных действий. Отягчающим фактором выступила кризисная эскалация в отношениях между Россией и Западными странами. Политические проблемы привели к проблемам социально-экономического порядка, которые стали главными причинами экстремистской деятельности, которая привела к еще большему ухудшению общественной безопасности.

Экстремизм являет собой приверженность к крайним взглядам и методам действий, обладает различными формами проявления. Исследователи в числе наиболее распространенных форм выделяют политический, религиозный и национальный экстремизм. Ситуация усугубилась тем, что в экстремистскую активность вовлеклось большое число молодежи, в том числе несовершеннолетней (от 14 лет). Основными причинами, по которым молодежь вовлеклась в данную деструктивную идеологию, называют: социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточная социальная зрелость, отсутствие профессионального и жизненного опыта, а у многих маргинальное мышление.

Акции, проводимые молодыми экстремистами, чаще всего не увенчиваются особой результативностью, поскольку

у их акторов отсутствует должный опыт. Но вместе с тем, следует отметить, что их действия более спонтанны и жестоки ввиду возрастных особенностей, которые отличаются эмоциональной неустойчивостью и неумением держать себя в руках, неумением вести себя в конфликтных ситуациях и обострять их, отсутствием страха перед угрозой наказания, а также жизни и здоровью [6], [7].

Анализ факторов, формирующих внутреннюю побудительную отправную точку для оправдания экстремизма, позволяет выделить в числе основных: негативные условия духовно-нравственного развития личности; неблагоприятный психологический климат в семье, школе, вузе; отсутствие альтернативных социально полезных форм проведения досуга. Все перечисленное у кого-то в отдельности, а у кого-то и в совокупности толкнуло молодежь в виртуальный мир. Таким образом, интернет, который изначально предназначался для виртуальной коммуникации, стал постепенно превращаться в платформу для распространения экстремистских идей. На всевозможных интернет-ресурсах – форумах, чатах, социальных сетях, видеохостингах созданы тематические площадки, с возможностью публикации фото, аудио- и видеоматериалов экстремистского содержания, их пересылки и комментирования. Любой, кто заинтересуется подобным содержанием может стать его обладателем и разместив у себя на странице обеспечить еще больше просмотров и комментариев.

Правоохранители в указанной связи отмечают, что от момента публикации экстремистского контента до милли-

онного его просмотра может пройти всего несколько часов. Этому способствует массовый характер использования интернет-ресурсов, наличие возможности общения практически из любой точки земного шара и реализации потребности в коммуникации. А учитывая анонимность, которую предоставляет виртуальное пространство, многие воспринимают это как призыв к свободе действий и пытаются освободиться от комплексов и осуществить никем не навязанный «свободный» выбор действий пользователя идут на правонарушение.

Отмечая группу несовершеннолетних пользователей следует отметить, что отрицательные эффекты использования интернет проявляются в формировании устойчивой зависимости, пренебрежительного отношения к реальности, собственного сленга и, как следствие, обеднение родного языка. Также у подростков тема общения сужается до околокомпьютерных тем и постепенно снижается интеллектуальный потенциал. Такой индивид становится прекрасной «мишенью» для экстремистских организаций и группировок [1], [4], [6].

Таким образом, на фоне развития компьютерных технологий участились экстремистские проявления, которые на интернет-ресурсах сегодня представляют собой особо распространяющимся деструктивным феноменом. Прибавляющиеся случаи экстремизма обуславливаются сложностью контроля со стороны правоохранителей всей информации, попадающей на интернет-ресурсы. Кроме того, невозможно в действительности предугадать эффективность пропаганды и число аудитории, примыкающей к подобным явлениям. Можно лишь отметить, что публика состоит в абсолютном большинстве из подростковой и молодежной среды.

В любом проявлении экстремизм – это угроза для национальной безопасности России, направленная на дестабилизацию работы государственных органов и подрыв межнационального и межконфессионального согласия. Большая опасность сегодня таится в антигосударственном (насиленном) экстремизме. Его целью является нарушение территориальной целостности РФ и изменение основ конституционного строя. Реализуется он по оценкам правоохранителей системно, организованно, масштабно с использованием насилия или угрозы его применения. В сети насилие проявляется в самых различных формах. Это:

1. Бойкот, когда человека исключают из всех кругов общения.
2. Домогательство, проявляющееся в угрозах, высмеиваниях и оскорблениях, как самого человека, так и транслируемых им социокультурных ценностей.
3. Троллинг, когда общение выстраивается на основе провокаций с использованием чаще всего ненормативной лексики.
4. Аутинг, является угрозой распространения личной информации человека, которая чаще всего является фейком, однако может его унижить или оскорбить в глазах других пользователей.
5. Фрейпинг, когда один пользователь, заподлучив доступ к аккаунту других пользователей в т.ч. паролям, кодам доступа и т.п. начинает публиковать с их страниц нежелательный контент [5].

Приведенный перечень не конечен, но даже он дает основание полагать, что проблема экстремизма в России существует как в ретроспективе, так и на современном этапе. А учитывая скорость развития компьютерных технологий, то на полном основании можно предположить, что экстремизм будет приобретать новые формы и проявления. И задача государства в лице прежде всего, правоохранительной системы выстроить качественную и адекватную стратегию противодействия новым формам экстремизма.

Правоохранители сегодня отмечают воплощение экстремизма в новую информационную войну, поскольку пропаганда чем в физической более проявлена в информационной форме. Способствует этому, как нами было замечено выше, обилие существующих интернет-ресурсов, на которых пропаганда сегодня приобрела статус «штормовой», что говорит о ее качественной составляющей. Экстремисты овладели всеми современными технологиями и снабдив это высокими коммуникационными способностями приобрели возможность производить видеобращения, которые немедленно набирают популярность на всевозможных интернет-ресурсах и располагают к себе новых пользователей.

Нацеленность экстремистской идеологии на молодую категорию граждан не раз отмечалась руководителями различных правоохранительных ведомств. Так, по данным СК РФ, только за прошлый год фигурантами дел об экстремизме стали около 100 учащихся школ и вузов, которые были завербованы в закрытых группах и чатах. Причем произошло это настолько молниеносно, что родные и близкие не успели заметить произошедших метаморфоз и как их дети стали приверженцами радикальных идеологии [3], [7].

Все изложенное отчетливо свидетельствует о необходимости усиления мер профилактики экстремизма именно в молодежной среде. Такими мероприятиями могут стать:

1. Разработка и реализация политики трудовой занятости, главной целью которой является вовлечение молодежи в профессиональное обучение, их трудоустройство, а также расширение квотирования рабочих мест.
2. Проведение военно-патриотических мероприятий и их информационно-пропагандистское обеспечение.
3. Создание разоблачительных репортажей о деструктивных факторах экстремизма средствами массовой информации.
4. Совершенствование нормативного обеспечения мер противодействия экстремистским преступлениям, в т.ч. на интернет-ресурсах.
5. Разработка программы эффективного использования средств массовой информации для формирования у молодежи приверженности к ценностям российской культуры, ее истории и традициям.
6. Пропаганда межнационального и межнационального согласия, а также неприемлемости любых форм насилия.
7. Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов по вопросам профилактики, выявления, раскрытия и пресечения экстремистских преступлений, совершаемых на интернет-ресурсах, а также обучение работе с новейшими достижениями цифровизации, программным обеспечением, чтобы реализовать возможность выявлять и пресекать преступления в сети [2], [8].

Со своей стороны считаем, что наряду с перечисленными мерами, ключевое направление профилактики должно состоять в формировании антиэкстремистского сознания. Молодежь должна на уровне инстинктов понимать общественную опасность экстремизма и его последствий. А создание и задействование защитных механизмов от проникновения на разные интернет-ресурсы любых идей, оправдывающих экстремизм, должно стать одной из задач противодействия данному явлению.

Пристатейный библиографический список

1. Абазов А. Б. Профилактические меры по противодействию радикализму и экстремизму в молодежной среде // Журнал прикладных исследований. - 2021. - № 5-2. - С. 168-171.
2. Арипшев А. М. Экстремизм и терроризм в социальных сетях: проблемы обнаружения и противодействия // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 1. - № 9. - С. 44-48.
3. Кормазов А. В. О роли социальных сетей в распространении молодежного экстремизма и меры противодействия // Журнал прикладных исследований. - 2022. - № 5-2. - С. 188-191.
4. Кучмезов Р. А. Экстремизм в сети интернет: правовые основы и проблемы противодействия // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 2 (165). - С. 437-438.
5. Мишин А. М. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 2 (141). - С. 389-390.
6. Тамбиев С. А. Криминологическая характеристика личности экстремиста // Журнал прикладных исследований. - 2022. - № 2-1. - С. 56-60.
7. Тарчоков Б. А. Противодействие распространению экстремизма в сети интернет // Образование и право. - 2022. - № 1. - С. 186-189.
8. Урусов З. Х. К вопросу противодействия экстремизму на современном этапе // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 6 (169). - С. 407-408.

МАЛЫШЕВ Сергей Яковлевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономики предпринимательства Уфимского университета науки и технологий

КИСЕЛЕВ Николай Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России

ЗАЩИТА СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ, ОТ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ ИЛИ РАЗГЛАШЕНИЯ

В статье рассмотрены основные проблемы, связанные с раскрытием содержательной стороны основных понятий, используемых в области защиты государственной тайны – «раскрытие», «распространение», «предоставление», «рассекречивание» и «разглашение» сведений, составляющих государственную тайну. Проведен сравнительный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы обеспечения охраны и защиты государственной тайны. Исследована содержательная сторона интересующих понятий. Авторы статьи указывают, что в правовых нормах Закона о государственной тайне содержание понятия «распространение сведений, составляющих государственную тайну», которое является существенным признаком в определении государственной тайны, прямо не раскрывается, но ее основное содержание выводится из других правовых положений Закона о государственной тайне. Особое внимание обращено на соотношение и структурно-системную связь между исследуемыми понятиями.

Ключевые слова: распространение, раскрытие, разглашение, рассекречивание, предоставление, сведения, составляющие государственную тайну.

MALYSHEV Sergey Yakovlevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Economics of entrepreneurship sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

KISELYOV Nikolay Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Operational investigative activity of internal affairs sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PROTECTION OF INFORMATION CONSTITUTING A STATE SECRET FROM UNAUTHORIZED DISSEMINATION, DISCLOSURE OR DISCLOSURE

The article deals with the main problems related to the disclosure of the content of the main concepts used in the field of protection of state secrets – “disclosure”, “dissemination”, “provision”, “declassification” and “disclosure” of information constituting a state secret. A comparative analysis of regulatory legal acts regulating the issues of ensuring the protection and protection of state secrets is carried out. The content side of the concepts of interest is investigated. The authors of the article point out that in the legal norms of the Law on State Secrets, the concept of “dissemination of information constituting a state secret”, which is an essential feature in the definition of state secrets, is not directly disclosed, but its main content is derived from other legal provisions of the Law on State Secrets. Special attention is paid to the correlation and structural-systemic relationship between the concepts under study.

Keywords: dissemination, disclosure, disclosure, declassification, provision, information constituting a state secret.

Правовой основой в области защиты сведений, составляющих государственную тайну, является Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»¹ (далее – Закон о государственной тайне), правовые положения которого основываются на Конституции Российской Федерации² и положениях других актов законодательства в сфере обеспечения безопасности страны. В соответствии со статьей 2 настоящего Закона под государственной тайной понимаются защищаемые государством сведения в

1 Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 16.11.2022).

2 Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA (дата обращения: 16.11.2022).

Малышев С. Я.

Киселев Н. Н.

области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Следовательно, ясное понимание субъектами содержательной стороны понятия «распространение сведений, составляющих государственную тайну» играет ключевую роль в обеспечении этой тайны. Важно знать, что сведения, составляющие государственную тайну, раскрытие которых перед посторонними третьими лицами могут нанести ущерб безопасности нашей страны, могут распространяться только несанкционированным (незаконным) путем.

Следует отметить, что в правовых нормах Закона о государственной тайне содержание понятия «распространение сведений, составляющих государственную тайну» прямо не раскрывается, но ее основное содержание выводится из других правовых положений данного Закона. Однако содер-

жание понятия «распространение информации» раскрывается в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ (далее – Федеральный закон об информации), который в соответствии с пунктом 3 Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25-П⁴ является базовым законом, устанавливающим правовые основы осуществления права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применения информационных технологий, обеспечения защиты информации. Так, в соответствии со статьей 2 Федерального закона об информации, под распространением информации понимаются действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц. Если бы речь шла о действиях, направленных на получение информации определенным кругом лиц или передаче информации определенному кругу лиц, то законодатель определил эти действия как предоставление информации. В связи с этим возникает вопрос, почему распространение сведений, составляющих государственную тайну, всегда связаны с действиями, направленными на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц. Дело в том, что несанкционированное распространение сведений, составляющих государственную тайну, предполагает наличие условий, при которых невозможно в дальнейшем осуществить контроль за движением в пространстве и времени указанных сведений ограниченного доступа, а в этих пространственно-временных показателях может существовать большое количество лиц неопределенного круга, ознакомившихся с содержанием указанных сведений. Следовательно, несанкционированное распространение сведений, составляющих государственную тайну, порождает условия отсутствия контроля со стороны должностных лиц за дальнейшим движением сведений ограниченного доступа, что, как правило, приводит к неопределенности круга лиц, получивших эти сведения на незаконных основаниях.

Таким образом, распространение сведений, составляющих государственную тайну, может осуществляться санкционированным (законным) и несанкционированным (незаконным) путем перед неопределенным кругом лиц.

В правовых положениях Закона о государственной тайне наряду с понятием «распространение» используются понятия «предоставление», «раскрытие», «разглашение» и «рассекречивание» сведений, составляющих государственную тайну. В данной ситуации необходимо определить их систему соотношения между собой, чтобы исключить в дальнейшем противоречивости их толкования и понимания в таком серьезном деле, как обеспечение защиты государственной тайны. Например, в части 3 статьи 21 Закона о государственной тайне регламентировано, что допуск должностных лиц и граждан к государственной тайне предусматривает принятия на себя обязательств перед государством по нераспространению доверенных им сведений, составляющих государственную тайну. Однако в части 2 статьи 23 указанного Закона указано, что прекращение допуска к государственной тайне не освобождает должностное лицо или гражданина от взя-

тых ими обязательств по неразглашению сведений, составляющих государственную тайну. Из анализа вышеуказанных правовых положений Закона о государственной тайне следует определенная противоречивость, а именно:

- должностное лицо и гражданин принимает на себя обязательство перед государством по нераспространению или неразглашению сведений, составляющих государственную тайну;

- понятия «распространение» и «разглашение» сведений, составляющих государственную тайну, тождественные или нетождественные между собой.

Дело в том, что эти вопросы не являются праздными, так как они затрагивают довольно серьезную тему защиты государственной тайны и от решения этих вопросов во многом зависит правоприменительная практика и ее юридические последствия в интересующей нас сфере. Например, в подпункте «в» пункта 6 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации⁵ определено, что трудовой договор может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей, а именно, разглашения охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей известной работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, в том числе разглашения персональных данных другого работника. В данной правовой норме законодатель указывает не на незаконное распространение охраняемой законом тайны, а на разглашение этой тайны. В статье 283 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ предусмотрена уголовная ответственность виновного лица за разглашение сведений, составляющих государственную тайну. В связи с этим, необходимо внести ясность в толковании и понимании содержания понятий «распространение» и «разглашение» сведений, составляющих государственную тайну.

Нам представляется, что все эти понятия «распространение», «разглашение», «предоставление» и «рассекречивание» сведений, составляющих государственную тайну, характеризуются общим для них существенным признаком – раскрытие сведений, составляющих государственную тайну. Ниже постараемся объяснить наше понимание сделанного нами вывода.

Так, из указанного выше вывода следует что:

- распространение сведений, составляющих государственную тайну – раскрытие (законное или незаконное) информации перед неопределенным кругом лиц;

- разглашение сведений, составляющих государственную тайну – незаконное раскрытие перед посторонними третьими лицами конфиденциальной информации, а также сведений, составляющих государственную тайну;

- предоставление сведений, составляющих государственную тайну – законное (санкционированное) раскрытие конфиденциальной информации, а также сведений, составляющих государственную тайну, перед определенным кругом лиц (должностными лицами), имеющими доступ к такого рода сведениям;

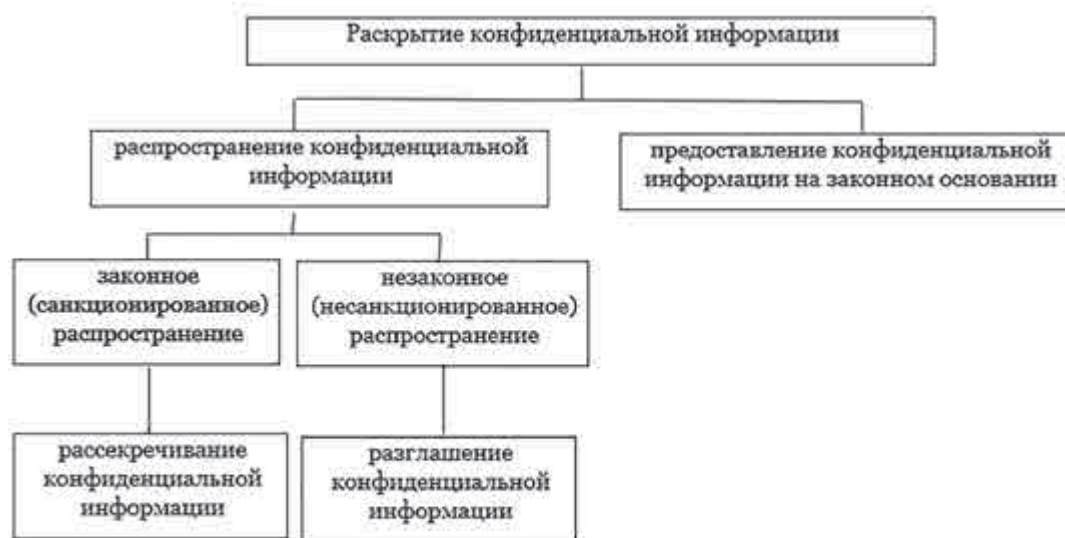
- рассекречивание сведений, составляющих государственную тайну и их носителей – законное раскрытие конфиденциальной информации, а также сведений, составляющих государственную тайну, которое заключается в снятии ранее введенных предусмотренных законодательством ограничений на распространение сведений, составляющих государственную тайну, и на доступ к их носителям.

3 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 16.11.2022).

4 Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 16.11.2022).

5 Трудовой кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_L (дата обращения: 18.11.2022).

6 Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc (дата обращения: 18.11.2022).

Схема

соотношение и структурно-системная связь между интересующими понятиями

Таким образом, понятие «раскрытие» имеет родовое значение для всех рассматриваемых ранее понятий. Рассмотрим, как соотносятся между собой понятия «рассекречивание» и «распространение» сведений, составляющих государственную тайну. В части 1 статьи 13 Закона о государственной тайне дается определение понятию «рассекречивание сведений и их носителей», где основным существенным признаком, характеризующим его содержание является понятие «распространение сведений, составляющих государственную тайну». Следовательно, распространение указанных сведений может быть законным (санкционированным), т. е. рассекречивание таких сведений и незаконным (несанкционированным), т. е. разглашением интересующих нас сведений.

Особое внимание следует обратить на понятие «предоставление сведений, составляющих государственную тайну», которое в соответствии со статьей 2 Федерального закона об информации законодателем определяется как действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц. Нам представляется, что предоставление такого рода сведений происходит в условиях жесткого контроля со стороны должностных лиц за движением интересующих нас сведений в пространстве и во времени лицам, которые имеют доступ к сведениям ограниченного доступа. Предоставление сведений, составляющих государственную тайну, всегда является законной (санкционированной) в отличие от незаконного (несанкционированного) распространения таких сведений, где отсутствуют условия жесткого контроля за их движением в пространстве и во времени. Именно отсутствие со стороны ответственных должностных лиц жесткого контроля за движением рассматриваемых сведений не позволяет нам говорить, что эта информация стала доступна только определенному кругу лиц, так как возникшие при незаконном распространении данных сведений условия неопределенности не дают возможности точно определить количество (круг) сведущих о содержании этой информации лиц.

Таким образом, предоставление сведений, составляющих государственную тайну, всегда является законной (санкционированной) и предоставляется только определенному кругу должностных лиц, имеющих доступ к такого рода информации. Незаконное (несанкционированное) распространение сведений, составляющих государственную тайну,

всегда является тождественным понятию «разглашение» и распространяется всегда среди неопределенного круга лиц. Рассматриваемое соотношение понятий «раскрытие», «распространение», «предоставление», «разглашение» и «рассекречивание», а также их структурно-системную связь изобразим в виде следующей схемы (см. схему).

Следует отметить, что в настоящее время законодатель четко обособил в правовых положениях Закона о государственной тайне сведения, составляющих государственную тайну от всех иных видов конфиденциальной информации. На это обстоятельство в свое время указывали ученые Т. М. Занина и А. А. Караваев при анализе эволюции правового регулирования в отношении сведений конфиденциального характера в Российской Федерации [1, с. 81-86].

На основе сделанного анализа вышеуказанных правовых норм можно сделать вывод о том, что понятия «незаконное (несанкционированное) распространение» и «разглашение» сведений, составляющих государственную тайну являются тождественными между собой и какой-либо противоречивости между частью 3 статьи 21 и частью 2 статьи 23 Закона о государственной тайне не существует. Например, в части 7 статьи 7 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»⁷ законодатель четко определил тождество интересующих нас понятий где указал, что к профессиональной тайне органов федеральной службы безопасности относится информация, не содержащая сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, разглашение (распространение) которой может создать угрозу собственной безопасности органов федеральной службы безопасности и (или) нанести ущерб их репутации.

Пристатейный библиографический список

1. Занина Т. М., Караваев А. А. Эволюция правового регулирования в отношении сведений конфиденциального характера в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2015. № 6. С. 81-86.

⁷ Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/10104197/paragraph/309:0> (дата обращения: 18.11.2022).

НАГОЕВА Марина Аuesовна

доктор педагогических наук, профессор кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье раскрываются правовые основы предупреждения дорожно-транспортных происшествий. Анализируются установленные правила и правовые нормы, которые обязаны соблюдать все водители ТС. Исследуются проблемы соблюдения правил безопасности на дорогах страны и вклад каждого в данный процесс. Автор подчеркивает необходимость проведения различных мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения, приводит главные принципы и задачи по обеспечению безопасности граждан на дорогах страны.

Ключевые слова: безопасность, правила дорожного движения, транспортное средство, государственная власть, законодательство, дорога, последствие.

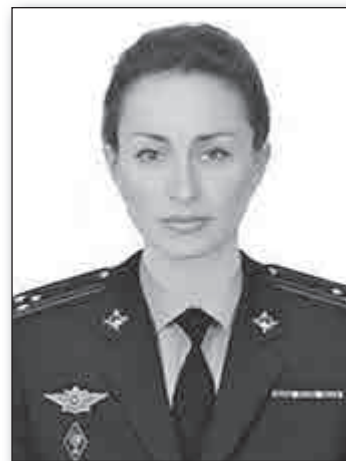
NAGOEVA Marina Auesovna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Special technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF PREVENTING ROAD ACCIDENTS IN MODERN RUSSIA

The article reveals the legal basis for the prevention of road accidents. The established rules and legal norms that all vehicle drivers are required to comply with are analyzed. The problems of compliance with safety rules on the country's roads and everyone's contribution to this process are investigated. The author emphasizes the need for various measures to ensure road safety, cites the main principles and objectives for ensuring the safety of citizens on the roads of the country.

Keywords: safety, traffic rules, vehicle, state power, legislation, road, consequence.

Нагоева М. А.

Проблемы обеспечения безопасности на дорогах являются очень актуальными и даже болезненными для современной России. Доказательством этому являются ежедневные сводки о раненных и погибших жертвах дорожно-транспортных происшествий. Дорожно-транспортные происшествия всегда являются следствием небрежности и безответственности участников дорожного движения и требуют применения социальных и государственных мер контроля.

Соблюдение правил безопасности дорожного движения, закрепленные в законодательстве, могут защитить участников дорожного движения от несчастных случаев, предотвратить тяжелые последствия для них. Забота о безопасности граждан на дорогах должна проходить по разным направлениям:

- эффективная профилактика детского дорожно-транспортного травматизма;
- улучшение инженерно-технических и организационно-правовых условий сокращения тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий;
- совершенствование системы профилактики дорожно-транспортных происшествий;
- поиск эффективных методов пропаганды по проблемам соблюдения правил дорожного движения [1].

Осуществлению задач службы безопасности способствуют повышение профессионального мастерства водителей и привитие им чувства ответственности за обеспечение безопасности перевозок. Повышение безопасности дорожного движения возможно при применении различных мер, таких как особый контроль за вождением в состоянии алкогольного опьянения, ужесточение требований при получении водительских прав, проверки по контролю наличия и использования ремней безопасности, совершенствование оказания срочной медицинской помощи, улучшение дорожной инфраструктуры.

Одной из приоритетных задач является ознакомление детей с правилами дорожного движения, донесение до их сознания тот факт, что жертв дорожно-транспортных с каждым

днем становится все больше. Современный транспорт сам по себе является зоной повышенной опасности и для каждого гражданина страны жизненно необходимо знать все правила дорожного движения и соблюдать их.

Дорожно-постовая служба является главным органом государственной власти, осуществляющим надзор за безопасностью граждан на дорогах, а также соблюдение их законных прав и интересов [2].

Многие ученые, общественные деятели и простые граждане подчеркивают тот факт, что угроза применения уголовного наказания за вождение транспортного средства в состоянии опьянения и в целом совершение дорожно-транспортных преступлений не останавливают водителей от противоправных действий.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, правом управления транспортным средством обладают лишь лица, сдавшие экзамен и получившие соответствующее право вождения транспортного средства. Один этот факт при должном его соблюдении предотвратил бы совершение многих дорожно-транспортных происшествий. К сожалению, многие граждане страны не знают Правил дорожного движения, в том числе и водители ТС [3]. Не менее опасными являются и водители, получившие права незаконными методами и, следовательно, не разбирающиеся в правилах дорожного движения. Все они выступают потенциальными виновниками дорожно-транспортных происшествий.

Есть и те, кто знает правила дорожного движения, знает, как необходимо вести себя на дороге, но в силу своей ответственности нарушает или из-за того, что куда-то опаздывает, показывает свое умение лихо водить транспортное средство, или просто не хочет уступать дорогу другим ТС и пешеходам.

Еще более безответственными и опасными для общества являются водители транспортных средств, управляющие автомобилем в нетрезвом состоянии. Пьяный за рулем не имеет никаких оправданий, он изначально является преступником, создающим опасность для себя и всех остальных [4].

Осознавая всю серьезность последствий пьяного вождения, законодательства Российской Федерации идет по пути ужесточения наказания за данные преступления. Государство, стараясь предотвратить совершение дорожно-транспортных преступлений непрерывно принимает меры ужесточения законодательства за их совершение, считая страх наказания главным фактором отказа за совершение преступления.

В 2015 году в уголовное законодательство были внесены изменения в плане того, что в соответствии со ст. 264.1 ст. УК при нарушении Правил дорожного движения лицом, в отношении которого уже вынесено решение об административной ответственности, предусматривается уголовное наказание.

В 2019 году внесены изменения, в соответствии с которыми при совершении ДТП в нетрезвом состоянии и за причинение тяжкого вреда здоровью теперь предусматривается также уголовная ответственность и наказание сроком от трех до пяти лет. Если в ходе подобного ДТП погибает человек, наказание уже составляет от двенадцати до пятнадцати лет.

Следует отметить, что для обеспечения должной безопасности на дорогах страны необходимо совместная работа абсолютно всех участников дорожного движения, а не только водителей [5]. Всем гражданам нашей страны необходимо не только обладать знаниями в области Правил дорожного движения, но и совместно организовывать и проводить различного рода мероприятия предотвращающие нарушения безопасности дорожного движения, в том числе и разрабатывать различного рода материалы и программы по предупреждению в целом ДТП и обращая особое внимание на предупреждение детского травматизма в ходе ДТП.

Очень важным в современной России на данный момент выступает грамотная организация государственного контроля за всеми транспортными средствами на дорогах страны, их должным состоянием и характеристиками [6]. В стране не только должны проводиться различные мероприятия по разъяснению гражданам важности правильного поведения на дороге, но и необходимости осуществления непрерывного контроля за состоянием транспортных средств. Соблюдение данных условий непременно приведут к существенному снижению количества дорожно-транспортных происшествий в России.

Само законодательство страны направлено на создание всех условий для охраны жизни и здоровья ее граждан, охраны интересов государства и общества с помощью проведения профилактической деятельности по предотвращению дорожно-транспортных происшествий [7].

Государственная система предотвращения дорожно-транспортных происшествий является многоуровневой и взаимосвязанной. В данной системе есть те, кто играет главную роль в деле противодействия нарушению Правил дорожного движения [8]. Это подразделения ГИБДД и подразделения по делам несовершеннолетних. Второстепенную роль играют такие субъекты как:

1. подразделения МЧС;
2. образовательные организации;
3. комиссии по делам несовершеннолетних;
4. учреждения здравоохранения;
5. различные органы государственной власти и муниципальные органы;
6. общественные объединения и организации;
7. граждане.

Полиция играет ведущую роль в системе предотвращения ДТП и именно подразделения ГИБДД на постоянной основе проводят профилактические мероприятия среди граждан России, обращая особое внимание на работу с несовершеннолетними гражданами страны [9]. Патрульно-постовая служба полиции осуществляет контроль в местах наиболее опасной концентрации транспортных средств и интенсивного движения граждан.

Сотрудники ДПС очень часто проводят беседы с несовершеннолетними, их родителями и опекунами. Особенное внимание обращается на подростков из неблагополучных семей, и подростков, совершивших преступления и правонарушения.

В структуре полиции действуют специальные подразделения безопасности дорожного движения, сотрудники которых выполняют очень сложные функциональные задачи [10]. Они не ограничиваются проведением профилактических бе-

сед с гражданами, но размещают различную информацию на официальных сайтах органов государственной власти, в социальных сетях, на интернет-ресурсах и т.д. Они сотрудничают с образовательными и общественными организациями, с представителями бизнеса и т.д.

Большую помощь оказывают и участковые уполномоченные полиции, как лица, обладающие наиболее полной информацией о гражданах курируемого ими участка. Они содействуют сотрудникам ГИБДД и ПДН в деле предотвращения дорожно-транспортных происшествий и в профилактической работе.

Следственные органы и органы дознания помогают в процессуальной форме. Оперативные сотрудники оказывают помощь в предотвращении совершения и расследования преступлений и правонарушений, в том числе и в области дорожного движения.

Таким образом, все службы полиции участвуют в деле охраны безопасности дорожного движения. В то же время не вызывает сомнений тот факт, что без согласованных действий полиции, граждан и всех государственных органов добиться существенных результатов в сложной работе предотвращения дорожно-транспортных преступлений и происшествий невозможно.

Пристатейный библиографический список

1. Колычева А. Н. Отдельные аспекты расследования дорожно-транспортных преступлений // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. - 2021. - № 1. - С. 221-224.
2. Хакимова Р. Ф. Уголовная ответственность лиц, совершивших дорожно-транспортное преступление в состоянии опьянения // Перо науки. - 2019. - № 6. - С. 22-27.
3. Дудниченко А. Н., Усенко О. В. Способы совершения дорожно-транспортных преступлений: теоретический аспект // Юристы-Правовед. - 2021. - № 3. - С. 189-193.
4. Мешков В. М., Тарасова В. И. Криминологические и криминалистические аспекты профилактики дорожно-транспортных преступлений, совершаемых лицами, управляющими маршрутными транспортными средствами // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2019. - № 1. - С. 17-21.
5. Баранчикова М. В., Эрте Д. А. Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. - 2020. - № 1. - С. 46-52.
6. Аксенова - Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А., Кузьмина О. Л., Маханек А. Б. Актуальные проблемы установления состояния опьянения лица, управляющего транспортным средством, при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Всероссийский криминологический журнал. - 2018. - Т. 12. - № 3. - С. 375-386.
7. Ганзера Р. А. Опасная ситуация как объективный фактор дорожно-транспортного преступления // Право Донецкой Народной Республики. - 2021. - № 1. - С. 42-47.
8. Кондратенко О. В. Особенности методики расследования дорожно-транспортных преступлений // Вестник Челябинского государственного университета. - 2018. - Т. 3. - № 4. - С. 115-119.
9. Колесников Р. В. О некоторых мерах профилактики дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. - 2019. - № 1. - С. 35-39.
10. Иванцов С. В., Добренков А. И. Органы внутренних дел в системе предупреждения дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних: функции и проблемные вопросы // Вестник Московского университета МВД. - 2020. - № 3. - С. 174-179.

УЛЕНДЕЕВА Наталия Ивановна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Самарского юридического института ФСИН России

КЕРОПЯН Манушак Оганесовна

курсант 2 курса 2.1 взвода Юридического факультета Самарского юридического института ФСИН России

ВОЗМОЖНОСТИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ДОКУМЕНТООБОРОТЕ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассмотрены основные возможности блокчейн-технологии при использовании в системе электронного документооборота: рассылка информации, хранение и возможность отслеживания внесенных изменений, защита от утечки информации, возможность формирования электронного офиса с внедренным нодом системой.

Ключевые слова: электронный документооборот, информация, информационные технологии, технология блокчейн, информационная безопасность.

ULENDEEVA Nataliya Ivanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Management and information and technical support of the criminal executive system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

KEROPYAN Manushak Ovanesovna

cadet of the 2nd course of the 2.1 platoon of the Faculty of Law of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

OPPORTUNITIES FOR THE IMPLEMENTATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE DOCUMENT FLOW OF INSTITUTIONS AND ORGANIZATIONS

The article discusses the main features of blockchain technology when used in electronic document management systems: sending information, storing and tracking changes made, protection against information leakage, the possibility of forming an electronic office with an embedded node system.

Keywords: electronic document management, information, information technology, blockchain technology, information security.

Применение информационных технологий (ИТ) в различных сферах жизни общества постоянно совершенствуется, меняются сценарии использования ИТ.

С реализацией технологии развития непрерывных цепочек-блоков, содержащих информацию, стали возможны блокчейн-технологии, обеспечивающие взаимосвязанные информационные списки, которые нашли применение в самых разных отраслях нашей жизни: управление поставками, логистика, защищенный документооборот и другие.

В литературе технологии блокчейн определяются как технологии распределенного реестра. Объект собственника одноранговой сети, создающий и генерирующий базу данных, сможет просматривать одну и ту же информацию в каждом блоке¹.

Примером является запись на одном компьютере или одном узле цифровой транзакции, которая видна каждому в группе компьютеров. После согласования и подтверждения введенной информации, ее передают другим блокам обработки в сети блокчейн [2].

В настоящее время в компьютерных сетях реализуются несколько блокчейн-сетей:

- публичный блокчейн;
- подучастный блокчейн;
- частный блокчейн;
- блокчейн сообщества.

Наиболее распространенным является блокчейн сообщества, в котором реализуется процесс консенсуса, затем он контролируется предварительно отобранными группами (такими как бизнес-группы) и отправляется каждому участнику сообщества.

Представим возможности применения блокчейн технологии при организации делопроизводства, которые по мнению авторов исследования востребованы в системах электронного документооборота [3].

Для формирования автоматизации повторяющихся процессов блокчейн технологии уменьшают взаимодействие между традиционными объектами и способствуют повышенной организованности используемой системы.

На современном этапе развития экономических связей и отношений предприятия стали внедрять блокчейн для повышения прозрачности и безопасности бухгалтерской отчетности. Механизм распределенной бухгалтерской книги содержит большое количество блоков информации по отдельно взятой операции, объединенных общей функциональной предопределенностью.

Для демонстрации возможностей блокчейн при реализации электронного документооборота компания интегратор блокчейн Sputnik DLT внедрила возможность через интернет моментально обмениваться документами и сообщениями, при этом для распределенного офиса достаточно организовать работу ноутбука с подключением в сеть интернет. Вопрос подлинности подписанных документов решается использованием электронной подписи, которая в зависимости от функциональной подробности может быть квалифицированной (для совершения сделок) и неквалифицированной.

¹ Блокчейн: определение, блоки транзакций и применение вне сферы криптовалют. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://portal.ru/varticle/blokcheynopredelenie-bloki-tranzakciy-i-primeneniye-vne-sfery-kriptovalyut> (дата обращения: 23.09.2022).

цированной (простой), применяющейся для подтверждения идентификации личности, который имеет право к торговым площадкам.

В настоящее время стали применяться облачные квалифицированные электронные подписи, которые способствуют решению технологических вопросов в «облаке», а подтверждение идентификации личности производится любым удобным для пользователя способом, например, через электронную почту.

Вторым преимуществом использования блокчейн технологии в документообороте является возможность быстрого подтверждения подлинности документа или наоборот, подтвердить внесенные в него изменения. Для формирования удобных решений в системе блокчейн используется сгенерированная хэш сумма электронного документа, которая при внесении изменений в документ также меняется, что способствует решению вопроса о подлинности и актуальности документа. Однако для хранения базы документов и генерация их хэшей собственники блокчейн-сетей используют сторонние сервисы, например, распределённую файловую систему с контентной адресацией IPFS, когда файлы сохраняются на различных узлах адресатов, что позволяет их сохранить при отказе одних сетей или их изъятии.

Другой тип хранения данных реализован в file-based блокчейне, технология которого использует ноды для непосредственного хранения информации. Например, при формировании пакета согласованных документов, через распределённую систему частного блокчейна этот пакет был разослан всем участникам «сделки». При получении и дальнейшей работе с такими документами участники сделки могут самостоятельно проверить подлинность переданных документов. Для file-based блокчейна можно настроить различную бизнес-логику, в том числе не позволять удалять ранее загруженные и не используемые документы, чтобы можно было отследить внесенные изменения и обзор меняющихся данных.

При использовании блокчейн технологии электронного документооборота можно разграничить доступ к информации и мониторинг данных в файловом хранилище. Для этих целей первоначально следует предусмотреть шифрование информации, которая будет защищена криптографическими способами от загрузки с помощью ключей подписи сотрудника, разработавшего документ и сотрудников, которые обращаются в децентрализованную систему для проверки подлинности данных. Блокчейн технология позволяет отследить добавление нового документа в систему и внести данные об изменениях в журнал доступа.

Востребованным действием в документообороте является возможность предотвращения утечки информации между двумя и более организациями. Вопрос встает о сохранении ноды как технического средства, подключенного к блокчейн-сети. Тогда в распределённой системе обеспечения информации добавляется кроме шифрования еще, например, физическая защита информации (фильтр, защитный экран и т.п.). Для этого нужно развернуть сабчейн или форк file-based блокчейна в корпоративной среде, чтобы никто другой не смог установить ноду не санкционированно на другой компьютер и подключиться к блокчейн-сети.

Формирование документооборота на смарт-контрактах стало возможным благодаря использованию прозрачного автоматизирования и применения децентрализованной системы управления информацией, когда от имени администратора может выступать любой пользователь, имеющий

определенную роль, ответственность и сроки для реализации процесса. Документооборот на распределённых системах с использованием смарт-контрактов можно применять в тендерах, при оформлении крупных сделок, в поставках и т.п.

По мнению А. А. Бульчевой развитие технологии электронного документооборота с помощью блокчейн наиболее широко реализовано в банковской сфере, когда внедрение в системе децентрализованных узлов обработки информации используется в межбанковских и банковских расчетах, с привязкой к национальной платежной системе или при разработке индивидуального эксклюзивного блокчейн-механизма для привязки расчетов к публичной платежной системе [1].

Таким образом, применение возможностей блокчейн-сетей и технологий позволяет выводить информацию в децентрализованную систему, имеющую определенные степени защиты с помощью хэш и ноды. Рассматриваемые процессы формируют электронный документооборот в базах данных, поддерживающих систему распределения информации внутри себя и защищенных от утечки, имеют возможности к подтверждению подлинности документов, к безграничному хранению информации со всеми возможными изменениями. Однако проблемы все же существуют. Они формируются исходя из возможностей учреждений и организаций иметь собственную блокчейн-сеть или использовать на правах аренды другие блокчейн-сети.

Пристатейный библиографический список

1. Бульчева А. А. Подходы к внедрению блокчейн-технологии в банковскую сферу // Вестник науки и образования. - 2018. - № 7 (43). - С. 40-45.
2. Генкин А. М., Михеев А. В. Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра. - М.: Альпина Паблишер, 2017. - 592 с.
3. Пескова О. Ю., Половко И. Ю., Захарченко А. Д. Применение блокчейн-технологий в системах электронного документооборота: анализ и программная реализация // ИВД. - 2019. - № 3 (54). [Электронная ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-blokcheyn-tehnologiy-v-sistemah-elektronno-go-dokumentoooborota-analiz-i-programmnaya-realizatsiya> (дата обращения: 13.09.2022).

ШОГЕНОВ Тимур Мухамедович

кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ФЕДОРЕНКО Святослав Петрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России

ВОЙЛОШНИКОВ Олег Диомидович

кандидат военных наук, доцент кафедры тактики инженерных войск Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

БУРАЕВА Людмила Александровна

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского направления Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ СОБЛЮДЕНИЯ МЕР ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКАМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ

В статье авторами рассматриваются актуальные вопросы обеспечения личной безопасности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму, выполняющих оперативно-служебные задачи по задержанию лиц, причастных к экстремистской деятельности. Проанализированы и рассмотрены меры личной безопасности при проведении оперативных мероприятий в различных условиях. Отмечены наиболее важные факторы в системе обеспечения личной безопасности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму.

Ключевые слова: обеспечение личной безопасности, противодействие экстремизму, экстремистская деятельность, подразделения по противодействию экстремизму.

SHOGENOV Timur Mukhamedovich

Ph.D. in economical sciences, Deputy Head of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FEDORENKO Svyatoslav Petrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

VOYLOSHNIKOV Oleg Diomidovich

Ph.D. in military sciences, associate professor of Tactics of engineering troops sub-faculty of the Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov Tyumen Higher Military Engineering Command School

BURAEVA Lyudmila Alexandrovna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, senior researcher of the Research direction of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON TOPICAL ISSUES OF COMPLIANCE WITH PERSONAL SECURITY MEASURES BY EMPLOYEES OF ANTI-EXTREMISM UNITS WHEN PERFORMING OPERATIONAL AND OFFICIAL TASKS

In the article, the authors consider topical issues of ensuring the personal safety of employees of anti-extremism units performing operational and official tasks to detain persons involved in extremist activities. Personal security measures during operational activities in various conditions are analyzed and considered. The factors that occupy the most significant place in the system of ensuring the personal safety of employees of anti-extremism units are noted.

Keywords: ensuring personal security, countering extremism, extremist activities, units for countering extremism.

На современном этапе вопросы обеспечения личной безопасности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму при задержании лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности становятся все более актуальными [1]. Задачи по обезвреживанию вооруженных и особо опасных преступников, причастных к экстремистской деятельности, являются одними из наиболее сложных задач, стоящих перед личным составом подразделений по противодействию экстремизму. Их успешное решение возможно при условии исключительной организованности, высокого уровня профессиональной и психологической готовности сотрудников, наличия в их тактическом арсенале средств, приёмов и методов, основанных на последних достижениях современной науки и практики [2].

Для достижения внезапности при выполнении оперативно-служебных задач нередко используется темное время суток. При таких условиях возможно достижение поставлен-

ных целей за счет: предварительной подготовки сотрудников к выполнению задач в таких условиях; изучения местности, ее особенностей и умения ориентироваться в темное время суток; наличия навыков по световой и звуковой маскировке; внезапности и быстроты действий подразделений; использования простых сигналов связи и взаимодействия; наличия умения и навыков по ведению огня в ночное время. Группа должна быть оснащена осветительными приборами, а также сигнальными пистолетами с набором осветительных и сигнальных патронов, а также электрическими фонарями. Выполнение задач в темное время суток требует бесшумного передвижения.

При выполнении оперативно-служебных задач в условиях горной местности особое влияние оказывает:

а) наличие на местности объектов естественного либо искусственного происхождения, способствующих либо затрудняющих выполнение задач;

б) сложные условия для ориентирования на местности;

в) труднодоступность к некоторым районам в силу отсутствия дорог, большой крутизны скатов и т.д.;

г) наличие снижающих поражающее действие огня полей невидимости, большого количества мертвых прострелов;

д) затрудненность использования звуковых сигналов, а также определения огневых позиций противника вследствие многократного эха;

е) экранирующее влияние гор на радиосвязь;

ж) быстрое течение горных рек, затрудняющее их пересечение;

з) быстрая смена метеорологических условий.

Для успешного и эффективного выполнения задач в условиях горной местности личный состав должен:

а) иметь достаточную физическую подготовку, а также обладать необходимым набором навыков и умений по действиям в таких условиях;

б) предварительно изучить местность с целью владения информацией о степени ее проходимости, наличии троп, переправ через реки, в том числе в разное время года и суток;

в) владеть навыками по ориентированию в условиях горной местности;

г) знать тактические особенности, приемы и навыки по ведению огня в таких условиях;

д) иметь достаточное оснащение, а также навыки в области горной и высотной подготовки для преодоления крутых скал и спусков, лощин и рек.

Лесистая местность создает благоприятные условия для маскировки, ухода от преследования, установки засад и минных ловушек, также для оборудования достаточно скрытых убежищ и подготовки к активному сопротивлению. Оперативные мероприятия в таких условиях следует осуществлять максимально осторожно, но при этом более тщательно. Сотрудники органов правопорядка должны быть подготовлены к выполнению служебно-оперативных задач в таких условиях, а именно: уметь действовать бесшумно, скрытно, тактически грамотно передвигаться, не теряя бдительность и находясь в постоянной готовности для отражения нападения. При осуществлении оперативных мероприятий в условиях лесистой местности особое внимание следует уделять густым зарослям, места со свеженасыпанной землей, кронам деревьев, внимательно изучать любые следы, которые могут указать на наличие преступников или их убежища.

Обезвреживание преступников следует осуществлять незаметно, с использованием маскировочных свойств местности, на максимальном удалении, позволяющем обеспечить надежное блокирование убежища, и исключает поражение личного состава огнем своих и противника.

Задержание преступников в населенном пункте является одним из наиболее сложных видов действий. Основные трудности в данном случае заключаются в том, что у преступников есть возможность замаскироваться под местных жителей, укрываться в жилых домах [3], а постройки использовать как достаточно надежные укрытия при огневом контакте. Для сотрудников подразделений по противодействию экстремизму сдерживающим фактором также является опасность того, что во время оперативных мероприятий могут пострадать мирные жители, а также пострадать жилые здания. Помимо этого, в населенном пункте могут возникнуть проблемы по управлению, взаимодействию и связи.

Перед началом оперативных мероприятий необходимо максимально изучить населенный пункт и его окрестности (площадь населенного пункта, жилые здания, промышленные предприятия, разбросанность построек, численность населения, его характеристика, подступы и т.д.) [4].

Все действия сотрудники подразделений по противодействию экстремизму при проведении оперативных мероприятий в населенном пункте должны осуществлять минимизируя ущерб частному и государственному имуществу и исключая возможность нанесения ущерба жизни и здоровью мирного населения.

При выполнении оперативно-служебных задач по задержанию и нейтрализации вооруженных преступников, причастных к экстремистской деятельности, необходимо помнить, что они в любой момент готовы действовать решительно, жестоко, в том числе применять оружие на поражение. Следовательно, сотрудники подразделений по противодействию экстремизму должны использовать следующие факторы: максимальная решительность сотрудников; готовность к применению любых подручных средств; импровизация, действия на опережение.

Оперативные мероприятия по задержанию преступников, причастных к экстремистской деятельности, передвижающихся на автомобиле, преимущественно должны проводиться вне населенных пунктов, так как в этих местах снижается вероятность причинения вреда посторонним лицам, исключается возможность захвата заложников, однако в исключительных случаях складывающаяся обстановка вынуждает проводить задержание в населенных пунктах. Для остановки транспортных средств сотрудниками используются средства принудительной остановки транспортных средств.

Проведение оперативно-служебных мероприятий, в том числе сопряженное с применением оружия оказывает сильное воздействие на психику как преступников, так и сотрудников подразделений по противодействию экстремизму и требует высокопрофессиональных действий со стороны личного состава ОВД [5]. В частности, сотрудник водитель должен быть психологически устойчивым, иметь навыки скоростного маневрирования и контраварийной подготовки, а также знать особенности действия сети, а экипаж должен иметь как минимум двукратное преимущество в силах и вооружении, оснащен средствами индивидуальной бронезащиты и должен знать предполагаемую тактику преследования или задержания подозреваемых.

Следует отметить, что особое место в системе обеспечения личной безопасности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму занимает психологическая подготовка, представляющая собой комплекс психологических и педагогических аспектов.

Успешная деятельность при выполнении оперативно-служебных задач по задержанию преступника определяется умением сотрудника управлять своим психоэмоциональным состоянием, способностью мобилизоваться в экстренный момент, а также личными качествами, такими как мужество, смелость, решительность, высокий уровень профессиональной подготовки [6], умением уверенно пользоваться табельным оружием, хорошим владением боевыми приемами борьбы и специальными средствами.

Пристатейный библиографический список

1. Тарчоков Б. А., Токбаев А. А. Тактические основы обеспечения личной профессиональной безопасности сотрудников органов внутренних дел // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел. - 2021. - С. 319-324.
2. Бураева Л. А., Шогенов Т. М. Роль информационных технологий в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности // Социально-политические науки. - 2019. - № 5. - С. 190-192.
3. Шогенов Т. М., Аушев У. М. Некоторые особенности действий сотрудников ОВД при обследовании жилых помещений // В сборнике: Современные подходы к подготовке сотрудников ОВД к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Сборник научных статей реферативных чтений, посвящённых дню Российской науки кафедры ДОВД в ОУ УНК СП Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Под общей редакцией В. Н. Гонтаря. - 2019. - С. 126-130.
4. Абазов И. С., Михайлов А. В. Особенности обучение сотрудников ОВД основам личной безопасности при проведении публичных мероприятий // В сборнике: Актуальные вопросы подготовки сотрудников правоохранительных органов в свете новых угроз. Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции. Под редакцией Гонтаря В. Н., 2022. - С. 7-11.
5. Федоренко С. П. Геополитическая доктрина России по утверждению принципов развития многополярного мира в контексте борьбы с экстремизмом // Философия права. - 2016. - № 6 (79). - С. 117-121.
6. Войлошников О. Д. Организация проведения практических занятий по тактико-специальной подготовке в ситуационном центре как процесс совершенствования профессиональной подготовки сотрудников МВД России // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. - 2018. - Т. 3. - № 3. - С. 93-99.

СОБАЛИРОВА Зухра Хазретовна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОГО КОНТЕНТА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Начало XXI в. для человечества стало временем интенсивного развития интернет-технологий и их внедрением практически во все сферы человеческой жизнедеятельности. Это привело к расширению возможности медиапотребления и информационного потока, который, по сути, не несет в себе никакой ценности ввиду отсутствия в его содержании моральных характеристик. Медиапродукты сегодня формируются не только из традиционных СМИ, но и других источников, которые в большом количестве сегодня представлены сетью интернет. В данном исследовании мы рассмотрели проблемы распространения экстремистского контента в социальных медиа и меры противодействия данному явлению. Вредоносность транслируемого контента состоит в производстве информации разрушительного действия для психического, духовного, нравственного, физического и иного развития личности. Подобного рода информационные ресурсы требуют немедленного распознавания, верифицирования и блокировки. Установлено, что распространение экстремистского контента в социальных медиа становится возможным по причине отсутствия корректных мер пресечения и распространения подобных материалов.

Ключевые слова: информационная среда, экстремистский контент, социальные медиа, деструктивная идеология, национальная безопасность, блокировка ресурсов, профилактика, противодействие.

SOBALIROVA Zukhra Khazretovna

Ph.D. in Law, lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

MEASURES TO COUNTER THE SPREAD OF EXTREMIST CONTENT ON SOCIAL MEDIA

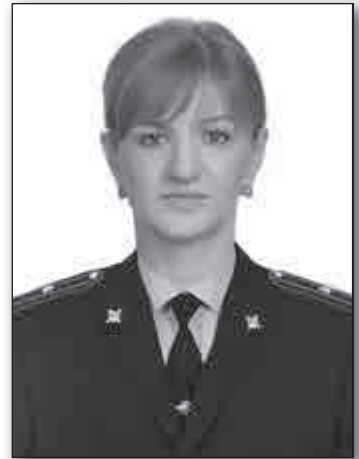
Beginning of the 21st century for humanity, it has become a time of intensive development of Internet technologies and their implementation in almost all spheres of human life. This has led to an expansion of the possibility of media consumption and information flow, which, in fact, does not carry any value due to the lack of moral characteristics in its content. Media products today are formed not only from traditional media, but also from other sources, which are now represented in large numbers by the Internet. In this study, we examined the problems of spreading extremist content in social media and measures to counter this phenomenon. The harmfulness of the broadcast content consists in the production of destructive information for the mental, spiritual, moral, physical and other development of the individual. Such information resources require immediate recognition, verification and blocking. It has been established that the dissemination of extremist content on social media becomes possible due to the lack of correct preventive measures and the dissemination of such materials.

Keywords: information environment, extremist content, social media, destructive ideology, national security, resource blocking, prevention, counteraction.

На жизнь современного социума все большее влияние оказывают социальные медиа, к которым относятся социальные сети, различные тематические форумы, мессенджеры. В глобальном информационном пространстве пользователи осуществляют рабочие процессы, общение с близкими, а также поиск и потребление необходимой информации. Высокая доступность и широкий охват аудитории являются ключевыми факторами использования возможностей социальных медиа различными деструктивными сообществами и организациями (в частности, экстремистскими), которые запрещены на территории РФ, для производства, распространения и пропаганды своих идей и действий.

В качестве основного формата распространения запрещенного контента в социальных медиа предпочтение отдается текстовой форме, ввиду ее большей доступности для передачи, распространения и изменения. На сегодняшний день на выявление экстремистского контента положены не только силы правоохранительных органов, но и привлечены е силы экспертов и волонтеров, также начали широко использоваться автоматизированные системы. Однако, несмотря на инновационность автоматизированных систем их возможности не столь широки, поскольку их предназначение не связано с определением смысловой составляющей текстов и различением экстремистского содержания с похожим по синтаксису, но различного по семантике т.н. «шумового» контента. С их помощью на сегодняшний день более решается задача обработки естественного языка, например, выявление негативных комментариев или распознавание спама [5, 6].

В социальных медиа экстремисты выходят с шокирующим контентом используя в качестве формы передачи ре-

Собалирова З. Х.

кламные кампании, поскольку большая часть пользователей тяготеет к эффективным зрелищам. Это побуждает видеохостинги, социальные сети, СМИ к увеличению транслируемого контента, в т.ч. скандалов, расследований, заговоров, исследований и т.п. Просмотр подобного контента вызывает у аудитории очень сильные эмоции, базовой из которых выступает страх. А именно при помощи страха можно оказывать давление на умы людей и вызывать изменения в их модели поведения, и это очень хорошо известно вербовщикам, которые и пользуются с успехом данным инструментом для вовлечения пользователей в деструктивные идеологии.

В целом в глобальной сети можно наблюдать такую картину: владельцы групп, сайтов и их модераторы в борьбе за «приток» пользователей полностью пренебрегают морально-нравственным содержанием транслируемого контента. По этой причине в сложившейся ситуации целесообразно ввести в нормы законодательства дополнительные обязательства по регулированию экстремистского контента, а его владельцев привлекать к ответственности [1, 2, 5].

Относительно зарубежных видеохостингов следует отметить, что их платформы в еще больших масштабах координируют различные типы экстремистского контента. И на практике не всегда можно понять, почему заблокирована та или иная официальная информация, в то время как не удаляется и не блокируется информация, на которую поступило множество жалоб, обращений и писем от официальных представителей с требованием удалить контент, запрещенный законодательством РФ.

Правоохранители, в чьих компетенциях находится противодействию экстремизму, отмечают, что техника вербовки

в экстремистскую идеологию устроена в виде «воронки», на поверхности которой лежат материалы, не имеющие прямого отношения к негативным последствиям. Так, сначала злоумышленники привлекают внимание потенциальной жертвы к в социальных медиа путем публикации броских фотографий, любопытных фактов или «выгодных» предложений и получив положительный отклик на приманку, создатели контента вовлекают его в дальнейшие действия, переводя фокус его внимания на закрытые чаты, а затем в офлайн режим.

Следует отметить, что большая часть аудитории имеет представление о возможных рисках подобного характера и пребывают в уверенности, что ничего плохого с ними не произойдет. Это говорит о недооценке масштабов трагедии. Организаторы подобных сообществ, которые используют индивидуализированный подход к вербовке потенциальной жертвы, на первый взгляд, всегда производят благоприятное впечатление. Как только участник отреагировал на заманчивый контент, система переводит его в чат с более подготовленным членом деструктивной организации (чаще всего они искусные психологи), целью которого является переход в зону доверия путем поиска общих интересов. И уже пребывая с жертвой в длительном общении, он формирует о себе ложное впечатление, что имеет с жертвой схожие взгляды на жизнь и настолько хорошо его понимает, что может стать ему хорошим товарищем или наставником. Таким образом, создавая комфортные условия новичку, вербовщик ненавязчиво переводит его в отдельную интернет-группу, где ему начинают изменять сознанию в «нужную» сторону. Новичку приводят аргументы, формирующие стойкое понимание его личной ценности в новом кругу общения. Затем его погружают в экстремистский контент, приглашают на экстремистско-террористические сайты, с соответствующим информационным наполнением, но при этом прямо не указывающим на свою принадлежность [4, 5].

Указанная последовательность действий формирует вкрут новичков информационную среду, в которой и черпаются принципы поведения для самореализации. Постепенно создается ложное представление о том, что благодаря новым знаниям и советам они смогут достичь своих целей. В реальной жизни их поведение также меняется, однако, близкие и родные долгое время могут это не замечать. А когда речь идет о несовершеннолетних подростках, то родители прибегают к запрету на пользование интернетом и социальными сетями, что является их главной ошибкой. В попытках уличить подростка в проступках они просматривают историю общения в социальных медиа, тем самым нарушая личные границы и ставя его в неловкое положение. Этим же родители подталкивают доверие к себе, и в результате подросток закрывается в себе еще больше. У него формируется уверенность в отсутствии понимания с близкими, обостряются конфликты в семье, подросток отдаляется от них и начинает искать поддержку вне дома. Подорванный авторитет родителей становится весомым аргументом для абстрагирования от семьи, и тем быстрее этим пользуются вербовщики, формируя у подростка оправдание экстремистского контента, предлагаемого в социальных медиа.

Правоохранители бьют тревогу, что со стороны неконтролируемого функционирования и развития социальных медиа исходит глобальная угроза национальной безопасности. Особая опасность таится не столько в количественном росте преступности, сколько в масштабах распространения данного явления в самых различных сферах. Вредоносность транслируемого контента состоит в производстве информации разрушительного действия для психического, духовного, нравственного, физического и иного развития личности. Подобного рода информационные ресурсы требуют немедленного распознавания, верифицирования и блокировки [3, 5]. Распространение экстремистского контента в социальных медиа становится возможным по причине отсутствия корректных мер пресечения и распространения подобных материалов. В то время как подобные группы подлежат блокировке. Правоохранители отмечают, что блокировка групп приводит к тому, что их участники публикуют в активных сообществах предупреждения о блокировках. Блокировка групп без блокировки лидеров неэффективна, поскольку ими с легкостью создаются новые группы, и их последователи перетекают вслед за ними. Не приносит долгосрочных результатов и временная блокировка аккаунта с возможностью

восстановления, поскольку его восстановление не составит труда.

Таким образом, защита информационного пространства от проникновения экстремистского контента является важнейшим элементом правоохранительной деятельности. Одним из способов профилактики и защиты пользователей социальных медиа от влияния экстремистского контента является активизация интернет-аудитории, обладающей определенным авторитетом среди молодежной публики, в сторону разоблачения экстремистских мировоззрений путем их опровержения и тем самым заложить у пользователей правильное отношение к экстремистскому контенту.

Также одним из вариантов позитивного воздействия на рассматриваемое направление является информационно-просветительская работа, суть которой состоит в разъяснении принципов адекватного пользовательского поведения, в т.ч. разъяснение принципов грамотного информационного поведения. Интернет является площадкой для самого разного контента, а не только экстремистского, поэтому пользователям необходимо обладать хотя бы минимумом знаний о правовых основах массовой коммуникации, в т.ч. о законодательстве в сфере противодействия экстремизму и терроризму, а также обеспечения информационной безопасности. Таким образом, решается задача обеспечения представления у пользователей личной ответственности и самоконтроля по отношению к информационным ресурсам. Данная работа проводится при участии сотрудников правоохранительных органов в образовательных учреждениях. Их участие обусловлено тем опытом, которым они могут поделиться с подопечными и показать на примерах к чему приводят необдуманные поступки в виде экстремистских преступлений [3, 4].

Пристатейный библиографический список

1. Арипшев А. М. Экстремизм и терроризм в социальных сетях: проблемы обнаружения и противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 1. № 9. С. 44-48.
2. Ашманов И. С., Касперская Н. И. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных сетях // Цифровая гигиена: молодежь в сети, Москва, 28 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://saizyral.rtyva.ru/wp-content/uploads/> (дата обращения: 24.09.2022).
3. Друкер М. М. Способы профилактики деструктивного контента социальных медиа // В сборнике: Пользовательский контент в современной коммуникации. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2021. С. 315-318.
4. Дьячек П. Э., Арцыбашев И. Г. Возможные способы защиты подростков от влияния деструктивного контента в социальных сетях // В сборнике: Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью. Материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции, под общей редакцией доктора педагогических наук А. В. Пономарева; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Казахский национальный университет имени аль-Фараби; Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, 2022. С. 158-163.
5. Ермаков А. А. Экстремизм в молодежной среде: причины, условия, факторы роста и направления противодействия // В сборнике: Пермский период. Сборник материалов IX Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. В 3-х томах. Сост. А. И. Согурина. Пермь, 2022. С. 238-242.
6. Таков А. З. Интернет как фактор распространения экстремизма в молодежной среде // Образование и право. 2021. № 6. С. 336-340.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-477-479

ГАДИЕВА Анета Николаевна

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных наук

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ОТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ДО РАЗРЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОСЕТИНО-ИНГУШСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

В статье рассматривается проблема разрешения осетино-ингушского конфликта. Дается оценка нынешнему состоянию межэтнических отношений между двумя народами, подтвержденная результатами интервью. Кроме этого, исследуются причины неразрешённого противоречия, усугубляющиеся возникшей правовой коллизией. Выводы, сделанные из неформализованных интервью, характеризуют ситуацию как малоперспективную, стагнирующую в состоянии вынужденного регулирования. Но это не повод не искать пути выхода из многолетнего противостояния.

Ключевые слова: межэтнический конфликт, этнос, межнациональные отношения, правовая коллизия, неразрешимое противоречие, комплекс отложенного решения.

GADIEVA Aneta Nikolaevna

Ph.D. in sociological sciences, senior researcher of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Sciences

INTERETHNIC CONFLICT: FROM SETTLEMENT TO RESOLUTION (ON THE EXAMPLE OF OSSETIAN-INGUSH RELATIONS)

The article deals with the problem of resolving the Ossetian-Ingush conflict. An assessment of the current state of interethnic relations between the two peoples is given, confirmed by the results of the interview. In addition, the causes of the unresolved contradiction are investigated, aggravated by the legal conflict that has arisen. The conclusions drawn from informal interviews characterize the situation as unpromising, stagnating in a state of forced regulation. But this this is not a reason not to look for ways out of the long-standing confrontation.

Keywords: interethnic conflict, ethnos, interethnic relations, legal conflict, insoluble contradiction, complex of deferred decision.

Гадиева А. Н.

В этом году исполнилось 30 лет осетино-ингушскому конфликту (произошёл 30 октября – 5 ноября 1992 г. на территории Пригородного района Республики Северная Осетия-Алания), одному из первых межэтническому конфликту на постсоветском пространстве. Для многих представителей обоих этносов, находящихся в осознанном возрасте, это событие стало разрушением прежней конструкции собственного бытия и попыткой создания новой, исключающей какое-либо присутствие в данном сюжете противоборствующей стороны. В сознании обоих этносов временной отрезок в 30 лет не смог существенным образом изменить исторические нарративы драматических событий осени 1992 года. По-прежнему, подвержены стигматизации оба этноса относительно друг другу. Риторика взаимных претензий смягчилась на официальных площадках (пресса, телевидение), но на виртуальных, в соцсетях, где субъекты коммуникаций обезличены и анонимны, проявляется нетерпимость к друг другу, не желание находить точки взаимопонимания, упование взаимной неприязни. Между тем, возможность продвижения к исчерпанию или, напротив, откату к эскалации конфликта, способны оказать серьезное влияние на дальнейший сценарий развития всего северокавказского региона.

Любой этнический конфликт можно характеризовать как комплексный, многоуровневый, отличающийся высоким уровнем напряжения, эмоций, иррациональным проявлением сторон человеческой природы. Как правило, этноконфликты имеют глубокие исторические корни, а если даже таковых и нет, то конфликтующие стороны их непременно создадут псевдоисторическими изысканиями типа: «Наши

предки всегда здесь жили!». Кроме этого, межнациональные конфликты характеризуются высокой мобилизацией. Защищаемые этнические особенности (язык, быт, вера, территория) составляют повседневную жизнь каждого члена этноса, что и обеспечивает массовый характер движения в их защиту [1]. Этноконфликты в большинстве случаев отличаются «хроническим» характером и не имеют окончательного разрешения, несмотря на то, что этнические отношения весьма подвижны и могут складываться в любой сценарий.

Первый межэтнический конфликт на территории Российской Федерации произошел в конце октября – начале ноября 1992 года между представителями двух северокавказских народов – осетинами и ингушами. В. А. Тишков в своем исследовании истоков конфликта описывает его следующим образом: «По своим пространственно-временным параметрам, интенсивности и последствиям этот конфликт может быть отнесен к категории крупномасштабных, а его природа может быть охарактеризована как глубоко-укоренившийся конфликт (deep-rooted conflict), к которым специалисты относят межэтнические или любые другие межгрупповые коллизии с трудноразрешимыми и далекозашедшими претензиями и требованиями конфликтующих сторон [2].

В работах российских ученых история двух этносов, предпосылки и причины острой фазы конфликта, формы и методы урегулирования противостояния достаточно глубоко проанализированы и широко представлены [3], [4]. Однако данная проблема, по-прежнему, актуальна, основное противоречие не разрешено и, следовательно, требует постоянного мониторинга и анализа. В связи с этим, отделом социаль-

но-политических исследований СОИГСИ и Центром исследования приграничных субъектов юга России ИСПИ РАН периодически проводятся прикладные исследования в виде экспертных опросов, проведения интервью, фокус-групп. В 2022 году в ходе серий неформализованных интервью нами был собран материал, который даёт возможность проанализировать отношение к драматическим событиям осени 1992 года представителей двух этносов (в данном случае осетин и русских). Целью исследования является выявить уровень напряжения между двумя этносами, исследовать факторы, влияющие на взаимоотношения двух народов и определить уровень запрос в двух этнических общностях на исчерпание конфликта. В качестве интервьюеров выступили жители республики, которые были либо участниками конфликта, либо свидетелями происходящих событий, либо активно занимались его исследованием.

Тридцать лет – это целая эпоха, за эти годы выросло не одно поколение, произошли события в стране, в двух субъектах, внесшие дополнительную эмоциональную окраску в межэтнические отношения двух народов. Между тем, основной фактор конфликта (территориальный спор по вопросу Пригородного района РСО-Алания), по-прежнему, остается не разрешенным и является детонатором в межэтнических отношениях. Препятствует преодолению конфликта и правовая коллизия, которая возникла в связи с принятием закона в 1991 году «О репрессированных народов»¹. Закон нельзя ни отменить, ни реализовать без тяжелых политических последствий [5].

Парламент Северной Осетии в августе 2005 года сделал запрос в Конституционный суд РФ в котором оспаривается конституционность положений статей 1 и 3 Закона РСФСР от 26 апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов», касающиеся территориальных вопросов. На данный запрос 1 декабря 2005 года Конституционный суд вынес Определение: «Признать запрос Парламента РСО-Алания не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда РФ, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предельного по статье 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления»².

Безусловно, действия государственных органов по урегулированию конфликта принесли определенные результаты, по крайней мере, удалось реконструировать систему отношений таким образом, что конфликтное противоречие перестает в них доминировать, а насилие перестает быть их атрибутом [6]. Федеральные органы выстраивали многоуровневую стратегию урегулирования путем создания институциональных структур в виде Временной администрации на части территории Северо-Осетинской республики (РСО-А) и Ингушской республики (РИ) (1992-1995 г.), которая в конечном итоге трансформировалась в Представительство специального представителя Президента РФ по вопросам урегулирования осетино-ингушского конфликта (сентябрь 2000 г. – октябрь 2004 г.). По-прежнему, как и тридцать лет назад, общий вектор в процессах восстановления комплекса межэтнических отношений в бывшей зоне конфликта направлен

«сверху вниз»: с уровня институционально-политического к уровню неформально-повседневного взаимодействия в локальных общностях [6]. При этом, доминирует институционально-политический уровень, так как именно на этом уровне людям приходится решать свои насущные проблемы через органы местных администраций.

За период после конфликта институциональные органы последовательно конструировали систему урегулирования межэтнического противостояния. Стороны неоднократно подписывали соглашения о преодолении последствий конфликта. Последнее из них было подписано после избрания М. Язикова Президентом Ингушетии в 2002 году. Подписанные соглашения, однако, не устранили всех имеющихся проблем.

За последнее десятилетие каких-то серьезных подвижек по выстраиванию конструктивных взаимоотношений между двумя народами не происходило. Было направлено руководством РСО-Алания уведомление по необходимости совместной работы по недопущению возникновения конфликта. Происходит межведомственное взаимодействие между министерством по делам национальностей РСО-Алания и министерством по внешним связям, межнациональной политике, печати и информации Республики Ингушетия, но не как перспективное долгосрочное сотрудничество, а как решение насущных проблем, сиюминутных задач; между министерствами внутренних дел по вопросам безопасности. Однако нет стратегического плана сотрудничества, нет запроса на взаимодействия.

Действия органов государственной власти все постконфликтные годы направлены, главным образом, на снижение межэтнической напряженности путем решения социально-экономических вопросов и создание благоприятной инфраструктуры для проживания. Однако акторами процесса разрешения конфликта не ведется достаточной работы по преодолению отчуждения и неприязненных взаимоотношений двух этносов. Официальная риторика, транслируемая в СМИ, избегает освещения вопроса, и даже если бывают какие-то сюжеты, то они достаточно нейтральны, чего не скажешь о виртуальном пространстве, социальных сетях. Обезличенность и анонимность позволяют пользователям проявлять свой негатив, порой явную агрессию на предполагаемого противника. Систематическое исследование и анализ ситуации даёт возможность сохранять равновесие во взаимоотношениях, и создает перспективы для исчерпания конфликта

Использованная автором методика неформального интервью, обладает определенным преимуществом в сравнении с анкетным и экспертным опросами. В первом случае респондент не может выходить за рамки сформулированных в анкете вопросов, во втором – предполагается оценочное суждение проблемы. Интервью даёт возможность собирать гораздо широкую информацию, на основании которой есть возможность не только анализировать проблему, но конструировать новые сюжеты и смыслы.

Можно предположить, что не снижающаяся эмоциональность вызвана тем, что в течение 30 постконфликтных лет произошло еще ряд трагических событий, сопряженных с ингушским этносом. Это теракт в Беслане в сентябре 2004 года, среди исполнителей которого были большинство ингуши (21 человек) [7], теракты на Центральном рынке в г. Владикавказ в ноябре 2008 г. и в сентябре 2010, на КПП «Чермен» в октябре 2012 г. Скорее всего, эти преступления также оказали воздействие на общий фон ответов интервьюируемых.

1 Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 (ред. От 01.07.1993) «О реабилитации репрессированных народов». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2 О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления // Собрание законодательства РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.szrf.ru>.

В рамках данной статьи представлена только часть анализа интервью, касающегося оценки осетино-ингушских отношений в настоящее время и запроса в обществе на разрешение конфликта. Проявляются следующие основные позиции:

Отношения стагнировались в состоянии «отложенного конфликта»: *«Осетино-ингушские отношения, по-прежнему, сложные. По Конституции Ингушетии Пригородный район – это территории Ингушетии. Пока из их Конституции не будет исключена эта статья, у нас не будет мира и согласия»; «отношения между двумя народами не продвинулись, они почти в том же состоянии, как сформировались после конфликта. Мы пробовали продвигать какие-то небольшие совместные проекты по предпринимательству, но они не получались».*

Разрешением конфликта, как и урегулированием, должны органы власти: *«Много делается, чтобы нас помирить. При чем инициатива идет сверху вниз. Поэтому есть ощущение, что у нас всё лучше, чем было. Но это только внешне, очень сильно сконструированная властью реальность. Потому что есть целое министерство, которому это поручено делать. Фактически, министерство по делам национальностей и там и здесь занимается тем, что имитирует дружбу народов насильно».*

Высок процент фобий насильственного сценария, ожидания непредсказуемого насилия, стигматизация другой стороны: *«После Беслана (имеется ввиду Бесланский теракт 2004 года) стало окончательно ясно, что с ними в дружбе быть нам не возможно»; «Они (ингуши) систематически совершали теракты на нашей территории, не знаешь, что от них ожидать».*

Межэтнические отношения находятся в том состоянии, когда есть возможность реализовывать ежедневный сценарий жизни: *«Уживаться всё-таки удаётся (народная экономика, всё-таки, своё дело делает. Наши (осетины – прим. автора) их часто нанимают на разные строительные работы, они хорошие каменщики. Искусственно сверху какие-то мероприятия, навязанные, сильного эффекта не имеют»; «У нас (в Северной Осетии – прим. автора) есть много профессиональных людей, например врачей, которые могут там работать. Кто-то бизнесом совместным занимается, кто-то там еще где-то работает. То есть низовой контакт какой-то пошел. Рыночные отношения ведут к здоровым взаимоотношениям».*

Социальные сети предпочитают развивать неблагоприятные сюжеты этнического взаимодействия: *«Сегодня особым полем для взаимодействия является интернет. Приходится сталкиваться в основном с различными формами реваншистских настроений. В редких случаях собеседники готовы были искать пути компромисса. Причем, такая реакция с обеих сторон. Скорее всего, это проявление специфики общения в интернете. Вероятно, другие площадки (например, «народная дипломатия», взаимодействие общественных и религиозных организаций) могли бы снизить конфликтность диалога».*

Результаты интервью демонстрируют отсутствия ресурсов для исчерпания конфликта. Можно предположить, что глубокая эмоциональная вовлеченность респондентов в саму проблему, способствует сгущению красок и драматизации ситуации. Нет широких исследований, где бы изучалось мнение молодежи, сегмента общества, которое уже выросло после конфликта. Поэтому мы можем только предполагать о каких-то тенденциях на основе записанных интервью.

В Осетии конфликт вытеснен на глубокую периферию общественного внимания, является формой нарочитого коллективного игнорирования значимости этой проблемы. Такая стратегия в определенной степени соответствует самим массовым установкам. В общественном сознании обеих

групп, вовлеченных в конфликт, сформировался комплекс отложенного решения «основного противоречия» [6]. Инфантная позиция перекалывания ответственности на потомков чревата обострением ситуации при определенных условиях. Все акторы процесса разрешения конфликта должны осознавать свою историческую миссию и пытаться выработать эффективные стратегии ненасильственного сценария разрешения основного противоречия.

Пристатейный библиографический справочник

1. Конфликтология. Вопросы – ответы: учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. В. П. Ратникова. – М., 2004. – С. 122.
2. Тишков В. А. Осетино-ингушский конфликт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mybiblioteka.su/tom2/4-39358.html>.
3. Здравомыслов А. Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. – М.: «РОССПЭН», 1998. – 128 с.
4. Маркедонов С. М. Осетино-ингушский конфликт: история и современность. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politcom.ru/>, 30.10.2007.
5. Гадиева А. Н. Два взгляда на «неразрешенное противоречие» (экспертная оценка осетино-ингушского конфликта // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 8 (98). – С. 170.
6. Цудиев А. А. Осетино-ингушский конфликт 1992 года: некоторые итоги десяти лет урегулирования // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2003. – № 9. – С. 24-47.
7. Кесаев С., Тотоонти И. Беслан три года спустя... Сборник материалов: факты, цифры, комментарии. – Владикавказ, 2007. – С. 60.

ФАСТОВИЧ Галина Геннадиевна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета

КУДАШОВА Ирина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирский юридический институт МВД России

КАПСАРГИНА Светлана Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Красноярского государственного аграрного университета

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЕКТОРЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется институт информационных технологий и его роли в различных секторах производства современной России. Авторы раскрывают характерные черты информационных технологий, их сущность, положительные и отрицательные стороны, а также их влияние на эффективность государственного регулирования. Определяются проблемы, связанные с внедрением информационных технологий в секторе агропромышленного развития Российской Федерации. Формулируются выводы о проблемах и возможностях дальнейшего внедрения информационных технологий в другие сферы правоприменительной и исполнительной деятельности.

Ключевые слова: информационные технологии, эффективность, государство, инновации, агропромышленное производство.

FASTOVICH Galina Gennadjevna

senior lecturer of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Krasnoyarsk State Agrarian University

KUDASHOVA Irina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

KAPSARGINA Svetlana Anatoljevna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Foreign languages sub-faculty of the Krasnoyarsk State Agrarian University

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the Institute of Information Technology and its role in various sectors of production in modern Russia. The authors reveal the characteristic features of information technologies, their essence, positive and negative aspects, as well as their impact on the effectiveness of state regulation. The problems associated with the introduction of information technologies in the sector of agro-industrial development of the Russian Federation are determined. Conclusions are formulated about the problems and opportunities for further implementation of information technologies in other areas of law enforcement and enforcement activities.

Keywords: information technologies, efficiency, state, innovations, agro-industrial production.

The world and European experience of farming is now connected with information technology. Geoinformation technologies, multi-operational energy-saving units, selection of high-yielding plant varieties and breeding of highly productive animal breeds, creation of biologically active feed additives, new medicines for animals, modern methods of combating animal and plant diseases allow replacing classical extensive agriculture with precision one. Information technologies have begun to be included even into such traditional fields as medicine, education and public services [1].

Now the prospects for the development of information technologies in agriculture are unusually high. Some Russian agro-industrial complexes are already using successfully new agricultural technologies. At the moment, such as programs for calculating and optimizing feeding rations and feed mixtures for various animals, software products for diagnosing animal diseases and agricultural crops, information systems for automating operational accounting, programs for animal husbandry, geoinformation systems, accounting information systems that take into account industry specifics, integrated enterprise management systems [2]. The introduction of modern information technologies in the production of agriculture involves

the constant enrichment of information from various external sources (for example, via the Internet) from almost anywhere in the region at any time. It is possible for farmers to get data on the forecasts of certain weather forecasters.

Various developments in the field of information technologies for animal husbandry are of great interest. Tiny sensors can be implanted or attached to all animals. At the same time, special software can have extensive knowledge about the location of animals in the global navigation system, as well as about the health and well-being of individual species (cows, sheep or goats) [3]. In case of unforeseen situations, the electronic shepherd can provide information to the farmer via communication via the Internet. In the modern world, it would be very important to support the development of the market of environmentally friendly and safe products and technologies, the most competitive, contributing to the development of innovative

Фастович Г. Г.

Кудашова И. В.

Капсаргина С. А.

technologies. Today, the issues of the production of ecological products come to the fore. In this regard, technologies that allow to increase the purity of products are in great demand today [4].

According to results of investigation, the general level of informatization of agricultural enterprises in modern conditions seems insufficient, which is explained by the following reasons:

- low efficiency of economic entities in conditions of insufficient and state influence on the processes of formation of the material and technical base and the organizational and economic situation of system informatization;
- lack of developed infrastructure for the informatization of the domestic agro-industrial complex [5];
- the low interest of economic entities in the development of informatization systems and the use of its products is due to insufficient stimulation of the production of information technology systems.

The EU countries are an example of intensive use of information technologies. At the same time, the number of computers in these countries connected to the Internet practically does not exceed 50%. A number of scientists in the field of information technology believe that the existing level of use of computer and communication technologies in the studied countries is extremely low for the effective use of information technology at present, a particularly urgent problem of agriculture in the Russian Federation is a noticeable lag in its technological development in relation to the leading agrarian states. According to the data used by scientists investigating this issue, agricultural production in Russia today is close to the level that was in the USSR in the 70s of the XX century.

This statistic can be depressed. It is believed that the leading factor in improving the efficiency of agriculture is precisely advanced information technologies, but currently there are some difficulties with this direction in the Russian Federation. The innovative development of the agro-industrial complex is slowing down, among other things, due to the low level of technological equipment, largely determined by the technical and technological level of the industry and insufficient qualifications of personnel. While the world and European experience of agricultural work is already directly related to information technologies [6], in Russia this area is still practically not open and for many reasons does not receive due attention.

Modern Russian farmers and animal breeders have inherited expensive technologies from the past. In the past, the main thing was not so much to achieve really high indicators with a minimum level of costs, as to ensure employment of the country's population. Now there is a market economy in the yard. Priorities have changed in the direction of increasing the efficiency of the agricultural sector. And we can say that a technological revolution is currently taking place in Russia's agriculture. Within the framework of the national project "Development of the agro-industrial complex", all existing obstacles are taken into account and measures are being developed to overcome them.

The main elements of new information technologies are computer programs. These programs demonstrate advanced modern methods of agricultural production in the form of mathematical models and methods of information processing, as well as the knowledge of leading specialists and scientists in the relevant fields of agriculture [7].

Modern agriculture operates in a constantly changing external environment. In order to reduce external risks and adapt to external conditions, agricultural enterprises need to process large amounts of information that arises outside of agricultural enterprises. This makes it necessary to introduce information technologies at enterprises in the field of agriculture in order to increase the efficiency of managerial decision-making and production at agricultural enterprises.

The knowledge accumulated over many years in the field of agricultural research should be applied to obtain practically useful information by processing databases. This means that IT is an indispensable source for research and development [8].

Agriculture needs an information system that will describe farming methods, give advice and comments. To increase the efficiency of its use, a division by region should be introduced.

Creating effective modern information systems requires a creative approach. Information and consulting systems solve many problems of commodity producers in the implementation of agricultural support programs, become an objectively necessary

condition for improving the efficiency of management activities, both in the agro-industrial complex and in other sectors of the national economy.

The use of modern information systems and technologies also makes it possible to mitigate one of the significant problems hindering the introduction of innovations in agricultural enterprises, the problem of asymmetric information.

Modern information technologies make it possible to change significantly the process of making managerial decisions by agricultural enterprises. Recent advances in telecommunications and systems based on knowledge of computer methods of decision support objectively contribute to the creation of fundamentally new software systems capable of integrating the knowledge and experience of many specialists in the field of agronomy, biology, agriculture, economics and other related fields of activity [9]. The widespread use of these systems and technologies in industry leads to simplification of the processes of collecting data on the functioning of individual agricultural enterprises, their processing and generalization, as well as the use of the data obtained to build models and forecasts. Provided that a common information system is created, the information obtained can be used by local and higher state authorities to develop and optimize policies aimed at the development of agricultural enterprises and regions as a whole.

References

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 2020. 04 июля.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
3. Fastovich G. G., Kapsargina S. A. On the development of information technologies in the agro-industrial complex of modern Russia // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. III International Scientific Conference: AGRITECH-III-2020: Agribusiness, Environmental Engineering and Biotechnologies. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations. 2020. С. 32010.
4. Трашкова С. М. Международно-правовое регулирование как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе // Казанская наука. 2015. № 5. С. 125-127.
5. Тепляшин И. В., Фастович Г. Г. Критерии эффективности государственного механизма: общетеоретический анализ // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества. Сборник докладов Междуна-родной научной конференции. 2011. С. 114-116.
6. Портал технической поддержки ГАС «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://techportal.sudrf.ru/index.php?id=31>
7. Фастович Г. Г., Кудашова И. В. Информационные технологии в системе повышения эффективности деятельности органов государственной власти: теоретико-правовой аспект // Право и политика. 2020. № 2. С. 18-22.
8. Тепляшин И. В. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации // Проблемы конституционно-правового регулирования статуса арктических территорий Российской Федерации: мат-лы круглого стола междуна-род. науч.-практ. конф. «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, 21-22 сентября 2017 г.) / Под ред. А. А. Кондрашева, О. В. Роньжиной, А. Б. Зенкиной; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2017. С. 46-48.
9. Заруба Д. С., Ситникова К. Н., Фастович Г. Г. Проблема АПК в регионах России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-2. С. 52-55.

ЦУПРОВА Виктория Олеговна

курсант 3-го курса Юридического факультета Самарского юридического института ФСИН России

УНТЕРОВ Владимир Анатольевич

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, подполковник внутренней службы

ЗАЩИТА СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА И ДЕТСТВА КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственная политика в области защиты семьи, материнства, отцовства и детства, безусловно, является важнейшим направлением реализации закрепленного в Конституции России принципа социального государства.

В представленной статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с государственной поддержкой института семьи. На основании изложенных мер поддержки делается вывод, что в последнее десятилетие произошли значительные положительные изменения в сфере социальной поддержки семьи. Несмотря на это, государство продолжает уделять данному направлению первостепенную роль.

Ключевые слова: социальная поддержка, защита семьи, пенитенциарный аспект поддержки материнства, служба семьи, материнский капитал, пересмотр Конституции РФ, тенденции образования.

CHUPROVA Viktoriya Olegovna

cadet of the 3rd course of the Faculty of Law of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

UNTEROV Vladimir Anatoljevich

senior lecturer of State and legal disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia, lieutenant colonel of the internal service

PROTECTION OF THE FAMILY, MOTHERHOOD, FATHERHOOD AND CHILDHOOD AS A KEY POLICY DIRECTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The state policy in the field of protection of the family, motherhood, fatherhood and childhood, of course, is the most important direction of the implementation of the principle of the welfare state enshrined in the Constitution of Russia.

The presented article discusses topical issues related to state support for the institution of the family. Based on the above support measures, it is concluded that significant positive changes have occurred in the last decade in the field of social support for the family. Despite this, the state continues to give this area a primary role.

Keywords: social support, family protection, penitentiary aspect of maternity support, family service, maternity capital, revision of the Constitution of the Russian Federation, educational trends.

Россия, являясь, в первую очередь, демократическим государством, признает права и свободы человека высшей ценностью, что обуславливает её социальную направленность. Политика Российской Федерации в рамках социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, данное положение указано в статье 7 Конституции Российской Федерации. Часть 2 данной статьи говорит о сущности социального государства: охрана труда и здоровья людей, установление гарантированного минимального размера оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. В Семейном кодексе Российской Федерации в ст. 1 закрепляется в качестве основного начала семейного законодательства защита семьи, материнства, отцовства и детства.

В то же время в современной России остается довольно много проблемных вопросов, связанных с главным социальным институтом в жизни каждого человека – институтом семьи. В частности, отмечается дезадаптация семьи к существующей реальности, которая выражается в трудностях в материальном положении, заработке, поддержке психологического климата в семье, элементарная неспособность обеспечить главную функцию семьи – воспроизводство рода [1].

Президент Российской Федерации В. В. Путин 4 марта 2020 года на форуме «Здоровье женщин – благополучие нации» в своем приветствии участникам, организаторам и гостям форума отметил, что «ключевое направление социальной, а также семейной политики – материнство и детство. Это особый приоритет для страны, ведь именно за счет рождения детей можно восполнить демографические ямы».

Институт семьи предполагает государственную поддержку не только материнства и детства, но и отцовства. Роли отца в семейных отношениях категорически нельзя отводить второстепенную роль. Безусловно, институт материнства незаменим и традиционное, устоявшееся понимание неполной семьи предполагает мать и ребёнка. Однако, как представляется, важно отметить в качестве тенденции последних лет повышение роли отца в семье и, в частности, в семейном воспитании, о чём свидетельствует судебная практика. Так, количество дел по бракоразводным процессам, выигранных отцами, растет. Вследствие наметившейся тенденции увеличения случаев антиобщественного поведения матерей (нарушение правовых, моральных, социальных норм, злоупотребление алкоголем и т.п.) суды стали чаще оставлять детей с отцами (увеличение на 11% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.). Это дает толчок для развития института отцовства в современной России.

Политика защиты семьи, материнства и детства предполагает обеспечение достойных условий, необходимых для рождения, выживания и защиты детей [2]. Важнейшим направлением социальной политики государства является поддержка молодых семей, так как они в большей степени нуждаются в помощи от государства в силу своей неопытности, слабого социального положения [3].

На протяжении последнего десятилетия государство регулярно реализует меры социальной поддержки молодых семей. В числе таких мер: скидка по «семейному автомобилю» при покупке авто, льготная ставка по ипотеке, льготы по налогам многодетным семьям, материнский капитал, единовременные или постоянные денежные выплаты для детей определенного возраста.

В Самарской области при Министерстве социально-демографической и семейной политики функционирует служба

семьи. Этот орган в качестве своего начала регулирует механизм по организации социальной работы в брачно-семейных отношениях. Целями данной службы является выполнение различных функций. В первую очередь, приоритетным направлением является проработка воспитательной, репродуктивной функции семьи, так как при утрате данных функций семьей она перестанет существовать как социальная ячейка. Второстепенными функциями данной службы будут являться: гармоничное развитие личности супругов и их детей, стабилизация брака, а также содействие одиночкам в создании семьи.

Несмотря на значительные положительные изменения в сфере социальной поддержки семьи государство продолжает уделять этому направлению первостепенную роль. Внесенные в 2020 году изменения в основной закон, Конституцию Российской Федерации, (п. «ж.1.» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ «защита семьи, материнства, отцовства и детства... создание условий для достойного воспитания детей в семье...», а также ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России») дали новый толчок развитию данному направлению государственной политики, что, в том числе, обусловило выделение дополнительных бюджетных средств.

В качестве одного из направлений развития вышеуказанных конституционных поправок является такой важнейший компонент государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства как обеспечение достойного уровня материального достатка. Существенная роль в этом аспекте принадлежит материнскому (семейному) капиталу. Его выплаты позволили в своё время преодолеть демографическую яму и значительно повысить рождаемость. С учётом наметившихся темпов увеличения инфляции актуализируется необходимость ежегодного увеличения материнского капитала. В соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. N 415-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» размер материнского (семейного) капитала подлежит ежегодной индексации (последнее увеличение произошло 1 февраля 2022 г.). В целом можно увидеть следующую картину пересмотра размеров материнского капитала:

– право у лиц возникло до 31.12.2019 года – с 483 881,83 руб. до 524 527,9 руб. (повышено соответственно на 40 646,07 руб.);

– право у лиц возникло начиная с 01.01.2020 года – аналогично с вышеуказанным, если право на маткапитал возникло в связи с рождением (усыновлением) второго ребенка;

– право у лиц возникло до 01.01.2020 года – с 639 431,83 руб. до 693 144,1 руб. (повышено соответственно на 53 712,27 руб.) – если первый ребенок был рожден (усыновлен) ранее указанной даты, а также, если право на материнский капитал возникло из-за рождения (усыновления) третьего или последующих детей при условии, что ранее права на дополнительные меры поддержки не было.

Другим направлением стало повышение роли социальной защиты прав детей. Рассматривая данный аспект в контексте образовательной деятельности, можно отметить следующее. Реализуя конституционное положение о том, что Конституция Российской Федерации гарантирует общедоступность и бесплатность практически всех уровней образования, государство активно развивает институты образования. В частности, наблюдается активная информатизация учебного процесса: закупаются новые компьютеры в школы, за счет чего обучающиеся значительно повышают свои умения и навыки работы на компьютере. Например, в городе Брянск открыли здание центра цифрового образования «IT-куб», где дети смогут осваивать основы программирования, внедриться в науку.

Не менее важным аспектом защиты детей является обеспечение учеников начальной школы бесплатным горячим питанием в соответствии с Федеральным законом от 01.03.2020 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов и статью 37 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Финансирование данного направления предусмотрено из федерального, региональных и местных бюджетов.

8 марта 2022 года Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко выступила с предложением о создании отдельного ведомства на федеральном уровне, отвечающего за выработку семейной политики в Российской Федерации. Она отметила, что в стране существует достаточное количество ведомств и министерств, занимающихся укреплением семьи, поддержкой ма-

теринства и детства, однако эти направления для них не являются профильными.

Как представляется, на федеральном уровне таким специализированным органом могло бы стать Всероссийское агентство по социальной защите семьи и детства с подразделениями во всех субъектах Российской Федерации. Кроме того, на уровне местного самоуправления, полагаем целесообразным организовать клубы семейного досуга.

Особое значение поддержка семей приобретает в связи с проводимой в настоящее время специальной военной операцией. Объявленная Президентом России 21 сентября 2022 года частичная мобилизация осуществляется с учетом комплекса мер, направленных на защиту семьи, материнства, отцовства и детства. Так, призыву не подлежат родители, имеющие четырёх и более несовершеннолетних детей, не достигших 16 лет; лица, обеспечивающие уход за инвалидами I группы; дети матерей, которые в одиночестве воспитывают не менее четырех детей в возрасте до 16 лет.

Таким образом, анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что политика, направленная на защиту семьи, материнства, отцовства и детства достаточно эффективна. Для государства данное направление является одним из приоритетных, о чем свидетельствуют, в частности, поправки, внесенные в Конституцию в 2020 году и уже принятые на их основе иные нормативно-правовые акты. Особое внимание, как отмечалось выше, уделяется защите детства. В то же время, разумеется, остаются проблемные моменты, для разрешения которых, как представляется, необходимо предпринять следующее:

1. Перераспределение бюджета государства в социальную сферу, материальные выплаты семьям, имеющим определённое количество детей, но независимо от ее материального статуса, поскольку реальным условиям соответствует только выплаты по материнскому капиталу, однако другие выплаты, которые осуществляются в данный момент – минимальны.

2. Повышение квалификации специалистов в области государственных услуг в направлении профилактики семейного благополучия, внесение новых профессий в области семейной помощи, сиротства, социальной работы и реабилитации семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

3. Информирование населения о государственной поддержке семьи, о центрах социальной реабилитации семей и детей.

4. Предоставление рабочих мест для членов молодых семей, стимулирование их к труду посредством достойной оплаты труда, социальных гарантий, предоставления пенсий по возрасту, оплачиваемых отпусков, в т.ч. по болезни.

5. Обеспечение неотвратимости ответственности работодателей в сфере трудового права: выполнение норм и правил охраны труда женщин.

6. Расширение организаций досуга, отдыха, оздоровления семей и детей для материально неблагополучных семей для стимулирования высокого качества жизни, постройка новых детских лагерей, семейных санаториев.

7. Пропаганда в средствах массовой информации поддержки семьи посредством рекламы и предоставляемой информации, профилактика семейного неблагополучия, внедрение в общественное сознание здорового образа жизни.

Пристатнейный библиографический список

1. Коряковцева О. А. Комплексная поддержка молодой семьи: учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Организация работы с молодежью». - М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. - С. 204.
2. Иванова В. А. К вопросу о реализации конституционного права на защиту материнства, детства и семьи // В сборнике: Система конституционного права современно России: ценности, принципы, институты и нормы. Материалы 11 Международного Конституционного Форума, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. - 2020. - С. 222.
3. Левицкий Д., Черноголов С., Анисимова О. Е. К вопросу о механизме социально-правовой защиты отцовства, материнства и детства в Российской Федерации // В сборнике: Экономика, управление и финансы в 21 веке: факты, тенденции, прогнозы. Материалы международной научно-практической конференции. - 2020. - С. 399.

ДОСОВА Анна Владимировна

кандидат юридических наук, начальник кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

СИДОРЕНКО Ольга Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФОРМА ПОЛУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Модификация процессов обучения отразилась и на подготовке специалистов в области судебной экспертизы, обеспечиваемой в том числе в рамках дополнительного профессионального образования. В их основу положены законодательные требования, направленные на совершенствование и адаптацию. Изучено современное состояние реализуемых программ и возможности внедрения цифровых ресурсов. При анализе деятельности выявлены проблемные аспекты, связанные с их обеспечением в образовательных учреждениях системы МВД России.

Ключевые слова: дополнительное образование, профессиональная программа, повышение квалификации, экспертная специальность, цифровой ресурс.

DOSOVA Anna Vladimirovna

Ph.D. in Law, Head of Foundations of expert-criminalistic activity sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

SIDORENKO Olga Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Foundations of expert-criminalistic activity sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ADDITIONAL EDUCATION AS A FORM OF OBTAINING PROFESSIONAL KNOWLEDGE

The modification of the training processes has also affected the training of specialists in the field of forensic examination, provided, among other things, within the framework of additional professional education. They are based on legislative requirements aimed at improvement and adaptation. The current state of the implemented programs and the possibilities of introducing digital resources have been studied. When analyzing the activities, problematic aspects related to their provision in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia were identified.

Keywords: additional education, professional program, professional development, expert specialty, digital resource.

Досова А. В.

Сидоренко О. В.

Изменения в государстве, силовых структурах и в сфере образования, накладывают свои требования на каждую из областей. Особое внимание уделяется отбору претендентов для получения специальных знаний, учитываются показатели их компетентности и соответствия определенной специальности.

Система образования структурирована в зависимости от требуемых задач, направлена на подготовку сотрудников-специалистов и характеризуется особенностями, базирующимися на эффективных формах и методах обучения. Образовательную деятельность регулируют положения закона «Об образовании в Российской Федерации». В частности - вопросы дополнительного профессионального образования¹ определены п. 6 ст. 10².

Намеченная стратегия развития образования, направлена на обеспечение новых уровней: в оценке его качества, в применении норм права, а также регулировании внедрения новых технологических процессов. Образовательный процесс, основанный на использовании информационных техно-

логий, формирует новые запросы. Позволяет индивидуализировать рассматриваемые вопросы, мотивирует обучаемых на коллективную работу и способствует взаимодействию, направленному на результативность решения поставленных задач. Способствует ускоренному и эффективному усвоению информации через наглядно-образную подачу материала³.

Требования, направленные на совершенствование образования и его процессов, не исключение для дополнительных профессиональных программ. Материализация должна быть построена на современных форматах, адаптирующих их в области цифровых ресурсов. В качестве механизмов внедряются средства, способствующие их использованию в рамках ДПО.

В настоящее время существует две формы подготовки специалистов в области судебной экспертизы, реализуемых институтами дополнительного образования. Это программа, дающая возможность повысить свою квалификацию за счет совершенствования имеющейся или получения новой компетенции, а также программа переподготовки, способствующей

¹ Далее – ДПО.

² Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³ О направлении методических рекомендаций: письмо Министерства просвещения РФ от 01.02.2021 № 08-166. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

щая получению профессиональных знаний в области ранее не реализуемой⁴.

Обучение, связанное с достаточно малым периодом образовательного процесса, востребовано. Предлагаемые образовательные платформы и их сроки предусмотрены программами повышения квалификации и переподготовки, разработанными на основе примерных положений и адаптированы для специалистов данной категории в системе МВД России. Срок освоения программ направлен на достижение результата по приобретению необходимой компетенции⁵.

Координация педагога и обучаемого модифицировалась за счет внедрения систем дистанционного образовательного процесса, реализуемого на начальном этапе программы. Здесь происходит бесконтактное взаимодействие педагога и обучаемого посредством технологических коммуникаций, направленное на усвоение материала в виде лекций, изучаемых самостоятельно в ограниченный период времени. Для формирования оценочного показателя сотрудника о приобретенных знаниях, программой предусмотрено прохождение промежуточной аттестации в форме зачета (реализуемой в режиме видеоконференцсвязи), дающей основание для дальнейшего обучения, направленного на приобретение знаний по конкретной экспертной специальности. В этом разделе предлагается освоить материал по вопросам теоретических и правовых основ судебной экспертизы, которые раскрывают большую область знаний и являются базовыми для получения специальной компетенции.

В дальнейшем учебный процесс строится на основе устоявшихся форм. Так для получения сведений необходимого характера, направленного на изучение определенной области знаний предлагается лекция. На усвоение пройденного материала направлены занятия-семинары, а для приобретения навыков в изучаемой области, предусмотрены практические занятия.

Материал по теме группируется, чтобы в скомпанованном состоянии последовательно и ясно позволял раскрыть лекционные вопросы с точки зрения науки. Определяя сущность этой формы обучения, ученые считают, что необходимо «...основываться на репродуктивном изложении учебного материала с помощью различных информационно-рецептивных методов» [2, с. 36].

Продолжением лекционных занятий в учебном процессе являются семинарские. Они способствуют глубоко и систематизировано изучить информацию по вопросам судебных экспертиз и их правоприменения. Проанализировать проблемы теоретического и практического характера, проявляющиеся в процессе материализации экспертной деятельности. Оценить их и квалифицированно применять в практической деятельности.

Еще одна форма - это проведение практических занятий. Подразумевается деятельность под руководством преподавателя в учебных аудиториях, на полигонах, в местах, где условия приближены к реальным. Его суть - приобретение научно-теоретических знаний на более глубоком уровне. Задачей занятия является овладение методами самостоятельной работы, направленными на формирование практических умений. В процессе общения, обучающиеся, по заданию педагога выполняют работы, адаптированные экспертной практике (изучают объекты с использованием специального оборудования, микроскопов, осветителей, изымают их, описывают, проводят исследования). Данная форма организации учебного процесса имеет особое значение при подготовке экспертов для реализации профессиональной деятельности, т.к. позволяет сформировать и закрепить навыки и умения по работе с реальными объектами, производству судебных экс-

пертиз, которые впоследствии будут применяться в практической деятельности.

В качестве формы исполнения целевой направленности обучения, сформированы занятия с практическими сотрудниками, реализующими свою деятельность в территориальных экспертно-криминалистических подразделениях МВД России. Общение направлено на обсуждение проблемных вопросов экспертной деятельности и современного состояния производства экспертиз.

Необходимо отметить, что существенное влияние на эффективность обучения оказывает состояние материально-технической базы. В ведомственных вузах оно унифицировано и лишь частично решает потребности практической деятельности.

Ввиду того, что материал дисциплин, изучаемый в рамках ДПО достаточно объемный, «...особую роль играет мастерство педагога в донесении определенных знаний до обучающегося и формировании ценностных позиций» [1, с. 5]. Педагог должен обладать познаниями в преподаваемой области не только с научной (теоретической) стороны, но и с практической. По нашему мнению, второй параметр является более ценным, т.к. ориентирован на специфичность изучаемой области, направленный на понимание реализуемого процесса. Необходимо учитывать, что ограничиваться двумя этими показателями невозможно, т.к. прогресс обусловлен развитием сфер жизнедеятельности человека и направлен на его модификации независимой от области применения. Не исключение и образовательный процесс системы МВД России, где создаются новые подходы и методики обучения, однако предполагаемая стабильность «...не всегда успевает за структурно-содержательными изменениями в ведомстве» [1, с. 8].

Образование, полученное в процессе реализации ДПО, дает право заниматься профессиональной экспертной деятельностью, в соответствии с положениями и требованиями к специалистам данной квалификации, предусмотренными нормами законодательства РФ.

Резюмируя рассмотренные вопросы, отметим, что образовательный процесс не стоит на месте. Соответствие требованиям потребителя закрепляется на законодательном уровне. В процессе реализации ДПО используются устоявшиеся формы обучения, а также разработаны инновационные, реализуемые технологическими ресурсами. Тем не менее, цифровизация не может заменить общение педагога и обучаемого, особенно с практической точки зрения. Не все современные технологические разработки внедряются в образовательный процесс, одним из негативных показателей выступает стоимость, другим невозможность адаптации в силу специфики специальности. Балансом в сложившейся ситуации могут стать программы поддержки вузов или решения, принятые на законодательном уровне, направленные на целевую комплектацию криминалистической техникой, расходными материалами, отвечающими современным запросам производства экспертных исследований.

Пристатейный библиографический список

1. Деккерт Д. В. Деонтологические основы формирования профессионально-нравственной культуры сотрудников органов внутренних дел: учеб.-метод. пособие. - Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2019. - 92 с.
2. Янин С. А., Зайцева Е. В., Колосович М. С. Правовое и организационное обеспечение деятельности органов предварительного расследования в системе дополнительного профессионального образования МВД России: учеб.-метод. пособие. - Волгоград: ВА МВД России, 2016. - 60 с.

4 Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

5 Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам: приказ Министерства образования и науки РФ от 1 июля 2013 года № 499. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

КИЛЬСЕНБАЕВА Дарья Геннадьевна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ВАЛИТОВА Ника Эдуардовна

кандидат политических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидуллович

кандидат философских наук, профессор кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ДУНОВА Регина Раилевна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

АНАЛИЗ КОММУНИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ВОЛОНТЁРСКИХ ЦЕНТРОВ НА ПРИМЕРЕ «ГАУ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЦЕНТРА ВОЛОНТЁРСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ»

Волонтерство является важной сферой общественной жизни и основой функционирования некоммерческих организаций. Для успешной деятельности волонтерских объединений, необходимо чтобы они выстраивали грамотную коммуникационную политику. В данной статье рассмотрены основные принципы эффективной коммуникативной стратегии для добровольческих организаций и проведен обзор инструментов коммуникации «ГАУ Республиканского центра волонтерского движения и поддержки молодежных инициатив».

Ключевые слова: коммуникационная политика, целевая аудитория, каналы продвижения, некоммерческие организации, волонтерские объединения, информационно-коммуникационные технологии.

KILSENBAEVA Darya Gennadjevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

VALITOVA Nika Eduardovna

Ph.D. in political science, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

GAREEV Eduard Sagidulloevich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

DUNOVA Regina Railevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

ANALYSIS OF THE COMMUNICATION POLICY OF VOLUNTEER CENTERS, ON THE EXAMPLE OF THE "GAU REPUBLICAN CENTER FOR VOLUNTEER MOVEMENT AND SUPPORT OF YOUTH INITIATIVES"

Volunteering is an important area of public life and the basis for the functioning of non-profit organizations.

For the successful activity of volunteer associations, it is necessary that they observe a competent communication policy. This article discusses the basic principles of an effective communication strategy for volunteer organizations and provides an overview of the communication tools of the "GAU Republican Center for Volunteer Movement and Support of Youth Initiatives".

Keywords: communication policy, target audience, promotion channels, non-profit organizations, volunteer associations, information and communication technologies.

В процессе активно меняющихся условий социально-экономического развития России и востребованности «инициативных групп помощи» различными уязвимыми слоями населения, важное значение приобретает популяризация деятельности многопрофильных волонтерских движений и организаций.

Может создаться впечатление, что термины «продвижение» и «public relations» относятся только к коммерческим проектам, а волонтерским организациям тратить усилия на создание имиджа и трендовые мероприятия по продвижению не принято. Но это неверная точка зрения. Любой стартовавший проект нуждается в стратегии продвижения, неважно коммерческий он или добровольческий.

Значительный критерий эффективной работы НКО – это формирование конструктивных отношений с другими учреждениями, организациями, группами людей и индивидуумами как внутри организации, так и вне ее. Эти связи в дальнейшем определяют восприятие самой добровольческой организации, ее репутацию, наличие ресурсов и конечно, устойчивость существования. Значение деятельности связей с общественностью сложно переоценить, ведь если рассуждать шире, то она напрямую влияет на выполнение главной миссии волонтерской организации – решение социальных проблем общества.

Актуальность исследования обусловлена тем, что коммуникативная компетентность — это одна из самых базовых навыков волонтеров, которая содействует успешному достижению поставленных целей и задач, и обеспечению высокой эффективности выполнения своей деятельности.

Суть продвижения волонтерских организаций в том, чтобы с помощью эффективных инструментов и каналов в общественном сознании сформировался и закрепился ее положительный имидж, наладилась коммуникация добровольческого движения с целевыми аудиториями, были обеспечены взаимопонимание с ними и их лояльность.

Руководителю волонтерского объединения важно уделить внимание на то, что связи с общественностью, продвижение имиджа и массовые коммуникации – представляют собой довольно сложную область профессиональной деятельности, требующей компетентности, особых навыков и высоких затрат. При оптимальном раскладе, такую работу должен выполнять как минимум отдельный сотрудник или волонтер со специальной подготовкой, но лучше — целая команда, включающая необходимый персонал. Инвестиция ресурсов и усилий в PR-команду способно обернуться успешным вложением и значительно расширить горизонты волонтерской организации.

В любом регионе страны найдутся волонтерские организации, которые воплощают невероятные по оригинальности и

эффективности проекты, но при этом они малоизвестны и не получают необходимого внимания и ресурсов. Зачастую, по причине отсутствия навыков позиционирования себя в обществе, и соответственно низкой узнаваемости.

Для каждого рода деятельности в области коммуникаций важно учитывать технологию построения коммуникационной стратегии. В основе этой стратегии следующие основные элементы:

- 1) постановка цели: для чего именно организация вступает в процесс коммуникации;
- 2) определение целевой аудитории;
- 3) создание послания: формулировка идеи, призыва для обращения к целевой аудитории.

Самая распространенная ошибка некоммерческих организаций, чья деятельность, без преувеличения, связана с благосостоянием и социальной стабильностью всего общества, это рассмотрение всего населения в качестве целевой аудитории для своих PR-коммуникаций. Работа НКО, действительно, может быть направлена на население, например, всего города или области. Однако, это не означает, что в PR-деятельности НКО надо тратить все усилия на то, чтобы переубедить, проинформировать, завлечь всех и сразу. Наоборот, чем четче сегментируется целевая аудитория, тем эффективнее окажутся эти действия.

Также, чрезвычайно важно иметь в виду, что для разных этапов осуществления PR-проекта, организации информационной или PR-кампании – могут выделяться различные целевые аудитории. И для решения конкретных задач в рамках выбранных форм PR-деятельности могут также возникать свои целевые аудитории.

Есть два основных типа каналов, которые при фундаментальном подходе, будут не только информировать потенциальных участников, а еще и обеспечат долгосрочное коммуникативное взаимодействие с ними:

- офлайн – традиционные СМИ, которые используют способы доставки информации до целевой аудитории без использования Интернета.
- онлайн – это все каналы коммуникации, которые доступны через сеть Интернет.

Очевидно, что в сегодняшнем мире более значим второй канал, так как практически большинство современных медийных средств имеют в сети Интернет свои электронные версии, которые создают новые возможности для коммуникации. В эпоху развития информационных технологий Интернет является по сути неким проводником в мир безграничной информации [1].

Применение информационно-коммуникационных технологий – важный аспект в деятельности некоммерческих организаций. Вкупе с интернетом, ИКТ позволяет организации качественно повысить вовлекаемость волонтеров, спонсоров и других заинтересованных лиц, обращать больше внимания к своим проектам и проблемам, также повысить конкурентоспособность оказываемых услуг.

Таким образом, вместе интернет и ИКТ формируют информационную среду организации и включают следующие каналы коммуникации:

1. Официальный сайт организации – веб-сайт, в котором содержится основная информация о деятельности организации. Он объединяет различные ресурсы и упорядочивает коммуникацию с пользователями.
2. Страницы в социальных сетях – персональные страницы или группы в социальных сетях, которые созданы для максимальной открытости. Они знакомят новых пользователей с деятельностью организации, привлекают волонтеров и спонсоров, организуют сбор пожертвований, поддерживают диалог с аудиторией.
3. Личный блог руководителя организации или подразделения – с его помощью руководитель может общаться с целевой аудиторией, делиться важными новостями, получать обратную связь. Такое знакомство с главным инициатором волонтерского движения, может значительно повысить лояльность к организации.
4. Группы в мессенджерах – беседы и сообщества в WhatsApp, Telegram, Viber. Сотрудники компании организуют их для взаимодействия с аудиторией по конкретным целям, потому что в мессенджерах устанавливается наиболее доверительный контакт.
5. Специализированные приложения для смартфонов, разработанные с учетом деятельности организации, из которых аудитория может снабжаться актуальной информацией по различным вопросам без лишнего поиска на веб-сайте или в социальных сетях.

6. СМИ – информационные издания, новостные ленты, сетевые варианты традиционных СМИ. Эти источники формируют общественное мнение об организации и ее деятельности.

Итак, чтобы взаимодействие с аудиторией волонтерской организации строилось должным образом, нужно вести качественную коммуникационную политику. На примере «ГАУ Республиканского центра волонтерского движения и поддержки молодежных инициатив» можно рассмотреть этот принцип в действии.

Главная цель данной волонтерской организации – это создание механизмов продвижения и популяризации ценности и практики добровольчества в обществе на территории Республики Башкортостан. Поскольку у центра множество проектов, выделяется несколько соответствующих им целевых аудиторий [2]. К примеру, для цели по вовлечению молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, упор делается на молодежь 18-30 лет, а для проектов по стимулированию деятельности детских общественных объединений, посыл адресуется школьникам начальных, средних классов и их родителям. Реализация большинства проектов подразумевает привлечение партнеров как регионального, так и федерального уровня.

Для построения взаимосвязи со своей целевой аудиторией ресурсный центр добровольчества использует следующие традиционные каналы коммуникации:

- ежегодные молодежные форумы и студенческие фестивали, где презентуются возможности и преимущества участия в волонтерской деятельности в рамках данной организации. Информация подается в развлекательно-образовательном ключе, с мастер-классами, креативными сессиями, творческими площадками, кейсами и др.
- также в рамках волонтерских проектов по гуманитарной помощи, совершаются выезды в Центры содействия семейному воспитанию, школы-интернаты, коррекционные школы, детские сады. Повышение лояльности аудитории не первостепенная задача в рамках таких мероприятий, тем не менее, те кому помощь оказывалась, могут делиться своим положительным опытом сотрудничества.

Рассмотрим инструменты коммуникации ресурсного центра добровольчества в онлайн-пространстве:

– у организации есть официальный сайт. Страница выполнена в едином стиле, у нее понятная навигация и она адаптирована под смартфон. На сайте сформулированы основные цели организации, направления деятельности, контакты, форма для обращения и новости. Однако прослеживается проблема нехватки информации. Так, на сайте волонтерской организации отсутствует актуальная информация о годовых отчетах, о штатном составе, не опубликован перспективный план работы на 2022 год.

– актуальная информация сосредоточена в сообществе в социальной сети «ВКонтакте». Там размещается вся информация о планируемых мероприятиях, отчеты о проведенных, также в сообществе осуществляется прием заявок на участие во всех проектах, предоставлен алгоритм действий для новых членов группы и ведется активная обратная связь. Лента разбавляется развлекательным контентом, по типу «Если бы направления волонтерства были породами собак...».

Таким образом, у данной волонтерской организации достаточно количество информационных каналов для регионального уровня. Однако можно внедрить омниканальную стратегию. Тогда все прямые и косвенные каналы коммуникации объединятся в общую систему, а для аудитории будет удобно получать информацию из каждого источника без потери данных.

Данная статья включает в себя ряд базовых рекомендаций, соблюдение которых способствует повышению результативности функционирования каналов коммуникации в системе волонтерского движения. Также, этот материал можно использовать для более детального исследования проблем информационного обеспечения деятельности НКО.

Пристатейный библиографический список

1. Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора РФ / Центр исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://grans.hse.ru/data/2022/09/28/1742693817/Bulleten%2022.pdf>.
2. Официальный сайт «ГАУ Республиканского центра волонтерского движения и поддержки молодежных инициатив». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volunteer-center.ru/about/activity>.

КРАУТМАН Татьяна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ТРЕБОВАНИЯ К ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА ВУЗА МВД РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются требования, предъявляемые к личности педагога в высших учебных заведениях МВД России в современных условиях. Актуальность темы определяется обозначенным кругом задач, востребованным для решения. Рассматриваются и анализируются различные точки зрения и подходы к организации эффективного учебно-воспитательного процесса. Обращается внимание как на положительные, так и отрицательные стороны работы педагога.

Ключевые слова: личность педагога, педагогический процесс, информационные технологии, новации, педагогическое мастерство.

KRAUTMAN Tatyana Evgenjevna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Humanitarian and social-economical disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the MIA of Russia

REQUIREMENTS FOR THE PERSONALITY OF AN INSTRUCTOR OF THE UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

The article discusses the requirements for the personality of an instructor in higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in modern conditions. The relevance of the topic is determined by the designated range of tasks that are in demand for solution. Various points of view and approaches to the organization of an effective educational process are considered and analyzed. Attention is drawn to both the positive and negative aspects of the instructor's work.

Key words: instructor's personality, pedagogical process, information technologies, innovations, pedagogical skill.

Краутман Т. Е.

Частые изменения педагогических условий, происходящие в последние годы (дистанционное обучение, усиление режима, введение новых дисциплин, связанных с информационной безопасностью и др.) требуют от личности педагога вуза МВД России постоянного совершенствования и саморазвития. Стоит обратить внимание, что огромное количество исследований раскрывают правоведческую базу, на основе которой должен осуществляться педагогический процесс и достигаться желаемый результат в качестве получения высококвалифицированного специалиста для органов внутренних дел, а также характеризуют специфику высших учебных заведений МВД России [1], [2], [3], [4]. Современные исследования свидетельствуют об актуальности заявленной темы и очерчивают круг наиболее востребованных для решения задач:

- профессиональное развитие педагога в научной сфере, воспитательной деятельности;
- использование информационно-коммуникационных технологий в условиях дистанционного образования;
- совершенствование преподавания дисциплин профессионального цикла, а также гуманитарных и социально-экономических дисциплин;
- использование интерактивных методов обучения;
- определение роли педагога в организации самостоятельной работы курсантов.

Указанные выше задачи находятся постоянно в поле внимания исследователей и имеют как точки соприкосновения, так и абсолютно противоположные мнения. Однако их изучение и анализ позволяют сформировать педагогический опыт в определенную систему координат, ориентирующую на создание идеального образа личности педагога вуза МВД России и определить его профессиональные обязанности.

Так, исследование Н. В. Ходяковой и П. Н. Жуковой [5], посвященное анализу педагогического опыта, основано на том, что существует пять уровней деятельности, в которые педагог высшей школы должен быть активно включен и которые свидетельствуют об эффективности и качестве его работы. Авторы высказывают мнение, что современный процесс обучения и воспитания в вузах МВД России не должен состоять только лишь из традиционного усвоения знаний и умений (репродуктивный уровень), он должен быть направлен на раскрытие творческого потенциала обучающихся, развитие критического восприятия информации, умение самостоятельно решать профессиональные задачи, самосовершенствоваться как специалисту в своей

области и развивать личностные качества (адаптивный, деятельностный, диалогический, целостный уровни). Стоит отметить, что авторы рассматривают целостный уровень как вершину профессионального мастерства педагога, при которой ломаются стереотипы традиционного обучения и преподаватель перестает выполнять функцию источника информации, берет на себя роль наблюдателя, выстраивая образовательный процесс таким образом, что на первый план выходит личность обучающегося, которая способна поставить цели и задачи, определить содержание, этапы исследования, получив при этом творческую свободу и благоприятные условия для деятельности. Примечательно, что Н. В. Ходякова и П. Н. Жукова не только характеризуют уровни педагогического мастерства, но и описывают путь его достижения, который основывается на том, что педагог постоянно должен:

- совершенствовать свои знания в области восприятия информации, организации самостоятельной работы обучающихся, инноваций в отечественной и зарубежной педагогике высшего образования и др.;
- уметь эффективно планировать и организовывать педагогический процесс;
- использовать современные информационные технологии, имеющиеся в распоряжении вуза.

Во многом схожее мнение имеет Е. В. Горкина [6], выделяющая следующие уровни развития педагога:

- педагогическая компетентность, которая предполагает, что преподаватель эффективно владеет и применяет знания, умения и навыки в образовательно-воспитательном процессе, что свидетельствует о его высоком профессиональном уровне, обеспечивающем качественное образование обучающихся;
- педагогическое мастерство, под которым понимается достижение наивысшего качества учебно-воспитательного процесса, основанного на гармоничном сочетании традиционных и инновационных методов и приемов образовательных технологий;
- педагогическое творчество, означающее преобразование и модернизацию существующих педагогических подходов и теорий;
- новаторство, при котором учебно-воспитательный процесс преподаватель выстраивает, применяя разработанные им новые теории, методы и приемы.

По мнению Е. В. Горкиной, новаторство проявляется в применении преподавателем интерактивных методов обучения, задача которых позволить обучающимся стать активными участ-

никами педагогического процесса, имея возможность выражать свое мнение, проявлять творческую инициативу, взаимодействовать со всеми участниками процесса. Исследователь формирует требования, которые должны соблюдаться при использовании интерактивных методов, главным из которых является то, что в процесс работы должны быть вовлечены все обучающиеся, поэтому важен выбор количества курсантов или слушателей, их психологическая подготовка, соблюдение регламента занятия. Стоит отметить, что уровень новаторства в исследовании Е. В. Горкиной соответствует целостному уровню Н. В. Ходяковой и П. Н. Жуковой, делая их подходы к организации деятельности педагога в системе высшего образования МВД России идентичными.

Отличным мнением обладает Т. С. Купавцев [3], который наделяет особым значением непрерывное повышение профессионально-педагогической компетенции профессорско-преподавательского состава вузов МВД России, точнее руководящего состава, как неотъемлемое условие для самосовершенствования сотрудников органов внутренних дел. Стоит обратить внимание и на то, что исследователь отмечает и отрицательные стороны педагогического процесса в рамках рассматриваемой темы, к которым можно отнести необходимость заполнять преподавателем огромное количество документации, не имеющей ничего общего с психолого-педагогическими аспектами его деятельности. Т. С. Купавцев считает, что организовать подготовку управленческого состава вуза МВД России возможно только в рамках разработанной им модели, которая включает:

- общепрофессиональную подготовку, которая должна состоять из комплекса групповых теоретических и практических занятий, самостоятельных занятий, с применением дистанционных технологий, способствующих получению общенаучной, гуманитарной, культурологической и профессионально-технической подготовки;

- психолого-педагогический блок, формами реализации которого могут быть индивидуальные и групповые занятия с применением проблемно-деятельностного подхода, всевозможные тренинги и круглые столы, направленные на достижение эффективности учебно-воспитательного процесса и взаимодействию всех его участников;

- специальная подготовка, которая предполагает высший уровень знания, умения, владения преподавателем своим предметом, основанный на способности к систематизации, анализу, обобщению получаемой информации.

Опираясь на анализ специфики педагогического процесса в вузе МВД России В. Н. Черниговский [7] делит характеристики учебно-воспитательного процесса на общие и специфические. К общим исследователь относит:

- соблюдение субординации, означающую регламентацию всех видов профессиональной подготовки, а также взаимоотношений обучающихся с преподавательским составом (историческая преемственность);

- система социально-культурных ценностей и норм взаимодействия субъектов процесса (социокультурность);

- способ взаимоотношений, ношение форменной одежды, знаки отличия и т.д. (организационность);

- развитие нравственных, патриотических и духовных ценностей (ментальность).

К специфическим характеристикам относятся:

- регламентации нормативными документами (нормативно-правовая детерминированность);

- соблюдение традиций, связанных с профессиональной деятельностью (традиционность);

- реализация социально-воспитательного потенциала сотрудников (ритуальность).

Н. В. Черниговский приходит к выводу, что все перечисленные характеристики педагогического процесса направлены и способствуют формированию морально-нравственной позиции курсанта, влияют на его становление как высокопрофессионального специалиста и позволяют добиться хороших результатов в правоохранительной деятельности.

Однако существует кардинально противоположное мнение в оценке педагогической деятельности сотрудников образовательных университетов МВД России, имеющее под собой основание. Так, исследователи И. Л. Морозов, С. Л. Фабрициева и М. А. Тихонина [8] утверждают, что современная организация и требования к работе преподавателя вуза МВД России имеют ряд негативных факторов, которые приводят к уходу наиболее активных и предприимчивых сотрудников, а оставшиеся теряют стимул к самосовершенствованию в профессии из-за увеличивающейся нагрузки. К факторам, подрывающим имидж педагога высшей школы, можно отнести увеличение часовой нагрузки в рамках ставки, неэффективное соотношение аудиторной нагруз-

ки и внеаудиторной деятельности, рост административного контроля, система оплаты труда, зависимость от премий и персональных надбавок, сокращение срока действия трудового договора сотрудника, разрыв в доходах ППС. Авторы видят выход из сложившейся ситуации в необходимости повышения социального статуса и имиджа педагога высшей школы, изменения системы финансирования вузов и трудового договора, а также сокращения аудиторной нагрузки за счет перераспределения времени на научно-исследовательскую деятельность и повышение профессиональной квалификации.

Таким образом, постоянное совершенствование личности является неотъемлемым условием развития в профессиональной сфере. Педагог в системе высшего образования системы МВД России имеет особый статус, сочетая в себе роль руководителя, наставника, организатора не только учебного процесса, но и воспитательного, при этом он должен быть восприимчив к новым тенденциям в научной сфере и переработке отечественного и зарубежного опыта работы в высшей школе. Однако важной психологической составляющей являются условия, при которых педагог осуществляет свою деятельность – для того, чтобы сохранять интерес к профессиональному развитию, должны быть созданы благоприятные условия, мотивирующие работу на высоком уровне.

Приставленный библиографический список

1. Балацкая Ю. Ю. К вопросу о формировании терминологической компетенции будущих сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы лингвистики и формирования языковой компетенции юристов в современных условиях [Электронное издание]: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 21 февраля 2018 года). – Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2018. – С. 149-153.
2. Коноплева А. А. Изучение учебных дисциплин духовно-нравственной направленности в образовательных организациях МВД России (на примере учебной дисциплины «религиоведение») // Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация учебного процесса. Материалы всероссийской научно-методической конференции. – Омск, 2021. – С. 143-145.
3. Купавцев Т. С. Повышение профессионально-педагогической компетенции и управленческой культуры субъектов управления образованием как условие самосовершенствования сотрудников органов внутренних дел // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 5. – С. 57-62.
4. Тутова О. В., Шведова Л. Е. Использование приемов интерактивного обучения на занятиях по информатике и информационным технологиям // Векторы развития информационных технологий: перспективы и направления. Сборник тезисов научных статей II региональной научно-практической конференции, 2018. – С. 86-89.
5. Ходякова Н. В., Жукова П. Н. Развитие научно-педагогической эрудиции у преподавателя вуза // Профессиональная компетентность педагогического работника вуза: содержание, уровни сформированности и оценка. [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. – Волгоград: ВА МВД России, 2016. – С. 16-20.
6. Горкина Е. В. Использование интерактивных методов обучения как необходимое условие повышения профессионального уровня педагога // Профессиональная компетентность педагогического работника вуза: содержание, уровни сформированности и оценка [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. – Волгоград: ВА МВД России, 2016. – С. 54-59.
7. Черниговский В. Н. Специфика педагогического потенциала учебно-воспитательного вуза МВД России в формировании профессионально-нравственной позиции курсанта // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2015. – № 7 (41). – С. 278-283.
8. Морозов И. Л., Фабрициева С. Л., Тихонина М. А. Угроза деградации качества работы преподавательского состава как системная проблема современной высшей школы // Профессиональная компетентность педагогического работника вуза: содержание, уровни сформированности и оценка. [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. – Волгоград: ВА МВД России, 2016. – С. 26-29.

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, филиала в г. Стерлитамак

РАЙМАНОВ Рамиль Ильдарович

магистрант 1 курса Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, филиала в г. Стерлитамак

ПРИМЕНЕНИЕ КЕЙС-МЕТОДА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ НАВЫКАМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ)

Мы живем в эпоху глобализации, когда в мире стремительно растет количество взаимодействий между государствами и народами. Глобализация неизбежно приводит к взаимодействию и взаимообогащению различных культур. Данная статья касается усовершенствования процесса обучения навыкам межкультурной коммуникации с представителями китайской культуры в вузах. Актуальность данной темы обусловлена сложившимися за последние десятилетия дружескими и взаимовыгодными отношениями между Россией и Китаем. Статья дает детальный анализ многовековой китайской культуры, которая основана на уважении к предкам, суровой дисциплине и принципах конфуцианства. Следует подчеркнуть, что возникающие коммуникационные барьеры способны привести к недопониманию между представителями двух разных культур. Для уменьшения риска возникновения таких барьеров необходимо усовершенствовать процесс обучения навыкам межкультурной коммуникации, используя различные активные методы обучения: презентации, проблемные лекции, дидактические игры, метод анализа конкретных ситуаций, basket-метод. Большое внимание уделено методу анализа конкретных ситуаций или кейс-методу. Данный метод предполагает моделирование определенной ситуации или проблемы с последующим нахождением её решения. Использование в процессе обучения кейс-метода позволяет студентам отрабатывать навыки межкультурной коммуникации и получать опыт взаимодействия с китайской культурой, избегая риска возникновения реальных конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: активные методы обучения; коммуникационные барьеры; стереотипы; межкультурное взаимодействие; культура Китая; российско-китайские отношения.

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University, branch in Sterlitamak

RAYMANOV Ramil Ildarovich

magister student of the 1st course of the Institute of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University, branch in Sterlitamak

CASESTUDY METHOD IN THE PROCESS OF TEACHING INTERCULTURAL COMMUNICATION SKILLS (BY THE EXAMPLE OF CHINA)

We live in the era of globalization when the number of interactions between states and peoples is rapidly growing in the world. Globalization inevitably leads to interaction and mutual enrichment of different cultures. The article deals with improving the process of teaching intercultural communication skills with representatives of Chinese culture in universities. The relevance of this topic is due to the friendly and mutually beneficial relations between Russia and China that have developed over the past decades. The article gives a detailed analysis of the centuries-old Chinese culture which is based on respect for ancestors, severe discipline and the principles of Confucianism. It should be emphasized that the emerging communication barriers can lead to misunderstanding between representatives of two different cultures. To reduce the risk of such barriers, it is necessary to improve the process of teaching intercultural communication skills using various active teaching methods: presentations, problem lectures, didactic games, case analysis method, basket method. Much attention is given to the case analysis method or the case study. It involves modeling a specific situation or problem and then finding its solution. Using the case study in the learning process allows students to develop intercultural communication skills and gain experience in interacting with Chinese culture avoiding the risk of real conflict situations.

Keywords: active teaching methods; communication barriers; stereotypes; intercultural interaction; culture of China; Russian-Chinese relations.

В последние десятилетия наш мир, в котором стремительно растет количество культурных контактов, а также взаимодействий между разными государствами и этносами, становится поликультурным. Все большее значение приобретает межкультурное взаимодействие, которое предполагает овладение чужой культурой, ее изучение, уважение сложившихся за многие годы традиций, обычаев и ценностей.

В результате этого процесса происходит взаимопроникновение культур, их взаимовлияние и взаимообогащение. Сегодня мы живем в эпоху глобализации, в которой все страны мира активно вовлекаются в международные экономические, политические, культурные и другие отношения. Глобализация оказывает огромное влияние на все стороны жизни человека, на все сферы его деятельности, на особенности развития общества, а также затрагивает различные культурные аспекты [4].

Одну из главных ролей в процессе глобализации играют транснациональные компании. В настоящее время их количество превышает 80 тыс., а с учетом филиалов – свыше 900 тыс. Миллионы работников, занятых в данных компаниях,

непрерывно находятся в таких условиях, когда для функционирования компании и достижения поставленных целей необходимо взаимодействовать с партнерами из других стран. Следует понимать, что данное взаимодействие представляет собой межкультурную коммуникацию – контакт людей, представляющих различные культуры. В таком случае, если один из коммуникантов не будет обладать достаточным уровнем компетентности в области межкультурной коммуникации, то его рабочие отношения могут потерпеть неудачу или привести к конфликту [5].

В последние несколько десятилетий одним из важнейших направлений внешней политики Российской Федерации является развитие и укрепление отношений с Китайской Народной Республикой. Наряду с Индией, Японией, Южной Кореей, Китай вносит значительный вклад в формирование одного из самых крупных экономических центров в мире. Именно азиатские страны представляют собой сосредоточение восточной культуры в целом.

Китай играет одну из ведущих ролей на мировой арене, обладает огромным экономическим потенциалом, имеет вы-

годное для нашей страны геополитическое положение. В связи с этим укрепление и развитие отношений с Китаем в настоящее время и в ближайшем будущем особенно актуально.

Наиболее интенсивно развиваются отношения России и Китая в XXI веке: происходит активное сотрудничество в деловой, социальной и культурной областях, политики и бизнесмены организуют и участвуют в совместных экономических форумах и на конференциях, создаются и реализуются проекты и программы на международном уровне [11]. Также не прекращается сотрудничество в рамках объединений ШОС, БРИКС, АТЭС и др. Важную роль в российско-китайских отношениях играет широкая распространенность элементов азиатской культуры на территории нашей страны. Данная распространенность обусловлена, в первую очередь, многонациональным составом населения: на территории России проживает свыше 190 различных национальностей, немалая часть которых тесно связана с уникальной культурой азиатских стран.

Кроме положительных результатов в политической и экономической сферах также наблюдаются успехи взаимодействия в гуманитарной области. Некоторые ученые и специалисты ставят на первое место необходимость сотрудничества в рамках межкультурной коммуникации. Научные знания, сфера образования, спорт, туризм – всё это представляет отношения России и Китая касательно межкультурной коммуникации [3].

В связи с этим возникает необходимость в уважительном и толерантном отношении к представителям иных народов и их культур, так как без грамотно выстроенных отношений невозможно достичь плодотворного сотрудничества и взаимной выгоды. Отсюда возникает потребность в специалистах, обладающих не только знаниями и компетенциями в рамках собственной профессии, но и достаточным багажом знаний, умений и навыков в области межкультурной коммуникации.

Формирование таких навыков может быть особенно полезно в вузах, т.к. в процессе обучения присутствует возможность получать не только общетеоретические знания о взаимодействии с представителями иных культур, но и более углубленные, связанные непосредственно со специальностью студента. Для эффективного формирования навыков межкультурной коммуникации требуется применение современных педагогических и образовательных методов, которые можно применять в процессе обучения.

Термин «межкультурная коммуникация» появился в середине XX века и на сегодняшний день имеет несколько десятков определений.

Эдвард Холл – один из основателей научной дисциплины «теория межкультурной коммуникации» утверждает, что основой данного понятия является непосредственный контакт между представителями различных культур, реализующийся посредством форм коммуникации, таких как язык, речь и письменность [14].

Профессор Г. Г. Молчанова в своих работах обращает внимание на то, что межкультурная коммуникация – это не только обмен информацией, но и процесс смещения мировоззрений, особенностей языка, различных ситуаций и их восприятий коммуникаторами, т.е. «таких аспектов, которые мы называем межкультурной компетенцией и межкультурной чувствительностью» [7]. Главной же целью межкультурной коммуникации, как предмета, по мнению профессора, является осознание через призму психологии сущности и природы человека, его поведения в рамках культурного контакта [8].

Ученый Цуй Тин утверждает, что межкультурная коммуникация – это обмен культурными элементами не только между двумя странами, но и в пределах одной страны, т.е. между основной культурой и субкультурами [12].

Можно сказать, что в XXI веке между двумя государствами уже сложилось полноценное стратегическое партнерство, основанное, в том числе, на взаимоуважении и сохранении культурной специфики обоих стран.

Культура Китая в значительной степени основана на уважении к предкам, суровой дисциплине, а также на этических принципах конфуцианства (например, гуманизм, честность, справедливость) и идеях даосизма и буддизма [2]. Сам Конфуций в одном из своих произведений утверждал, что «людей необходимо заводить с помощью образованности и морали» [10]. Данными словами можно описать нынеш-

нюю политику Китая в сфере культуры, в том числе в сфере репрезентации идентичности.

Следует упомянуть и о национальном составе Китая. На территории государства проживает около 50 народов, каждый из которых имеет собственную уникальную культуру, обычаи, язык. В связи с этим в Китае помимо официального ханского языка (язык самой многочисленной этнической группы – Хань) и 13 его диалектов существуют и иные языки, имеющие свои особенности. Так, например, на государственных купюрах имеются надписи на четырех разных национальных языках: тибетском, монгольском, уйгурском и чжунанском. Это языки наиболее многочисленных народов Китая.

При изучении китайского языка особенно необходимо придерживаться принципов культурологического подхода. Суть данного подхода в том, что изучение иностранного языка только в рамках грамматики и произношения не позволит полноценно наладить контакт с носителем данного языка. Важно уметь выстраивать речь, учитывая не только особенности языка, но и особенности национального мышления, мировоззрения.

Согласно различным исследованиям, при взаимодействии с представителями китайской культуры невозможно полностью избежать недопонимания из-за возникающих коммуникационных барьеров – психологических трудностей и ошибок, способных вызвать искажение передаваемой и получаемой информации и привести к конфликту. Барьеры чаще всего могут образовываться из-за влияния стереотипов, различий вербальных и невербальных средств общения, недостатка знаний особенностей чужой культуры и т.д.

Б. Р. Могилевич основной причиной возникновения коммуникационных барьеров называет дискурсивные ошибки, к которым относят:

- этикетные ошибки – незнание правил этикета, собственных чужой культуре;
- стереотипные ошибки – наличие неверно сформированных представлений;
- лингвокультурные ошибки – незнание сформированных проявлений языка в чужой культуре;
- идеологические ошибки – неверное восприятие иного мировоззрения [6].

И. А. Новикова, проводя экспериментальные исследования взаимодействия российских и китайских студентов, делает вывод о том, что китайские студенты менее подвержены влиянию стереотипов о представителях российской культуры. По её мнению, это связано с тем, что китайцы, обучаясь в России, постоянно взаимодействуют с российской культурой, сталкиваются с различными ситуациями в рамках межкультурной коммуникации и имеют реальный опыт общения с представителями отличной от своей культуры, поэтому ранее имевшиеся стереотипы разрушаются [9].

Важнейшую роль в процессе обучения навыкам межкультурной коммуникации в вузе играет непосредственное взаимодействие преподавателя и студентов. Для обеспечения максимальной результативности процесса преподавателем применяются различные обучающие методы – способы организованного взаимодействия педагога и учащихся, направленные на достижение поставленных задач [13]. По степени активности педагога и учащихся выделяют пассивные, активные и интерактивные методы.

В рамках вуза суть данных методов заключается в постоянном взаимодействии преподавателя и студентов. Обучение строится по принципу «преподаватель = студент», т.е. преподаватель находится на одном уровне со студентами.

Наиболее распространенными активными методами являются:

- презентация – демонстрация слайдов с параллельным обсуждением получаемой информации;
- проблемная лекция – обозначение преподавателем проблемы, задачи, решением которой занимаются студенты;
- дидактическая игра – игровой метод обучения, направленный на объединение студентов друг с другом и закрепление полученных знаний;
- метод анализа конкретных ситуаций – моделирование проблемной ситуации, имеющей одно или несколько решений;
- баскет-метод – имитация определенной ситуации, направленная на оценку уровня знаний учащихся и способность применять их на практике.

Использование активных методов для обучения навыкам межкультурной коммуникации даст студентам возможность погрузиться в такую среду, где процесс получения знаний и выработки навыков будет наиболее эффективным. Студенты могут взаимодействовать друг с другом, проявлять инициативу, обмениваться знаниями, предлагать свои варианты решений, работать с различными источниками информации. Подводя итоги коллективной работы, они оценивают собственные результаты и индивидуальный вклад, анализируют полученные знания и способность их применять.

Рассмотрим более подробно метод анализа конкретных ситуаций или кейс-метод.

Кейс-метод – относительно новый активный способ обучения, основанный на постановке определенной проблемы или ситуации с последующим нахождением путей её решений [1].

Название метода происходит от английского слова «case» – «случай, обстоятельство, пример», что полностью отражает суть самого метода. Таким образом, кейс может быть создан как на основе реально произошедшей ситуации, так и вымышленным случаем, который может произойти в той или иной сфере.

Процесс работы студентов с кейсами чаще всего предполагает наличие следующих этапов:

- разделение студентов на группы;
- ознакомление с заданной ситуацией/проблемой;
- обсуждение задания в группе, поиск решений на основе имеющихся знаний;
- определение плюсов и минусов предложенных решений, выбор наиболее подходящих из них;
- презентация и обсуждение с преподавателем и другими студентами полученных результатов работы;
- подведение итогов [1].

Применение кейс-метода в процессе обучения навыкам межкультурной коммуникации с представителями Китая позволит студентам применить свои знания о китайской культуре на практике, а также научиться принимать решения в непростых ситуациях, избежать возникновения которых практически невозможно.

Внедрение данного метода также даст студентам возможность получить необходимый опыт взаимодействия с культурой китайской цивилизации, избегая риска совершить ошибку и вступить в конфликтную ситуацию с представителем иной культуры.

Ещё одним преимуществом кейс-метода является возможность моделировать ситуации в бытовой, социальной и деловых сферах, что делает его актуальным и универсальным инструментом приобретения межкультурной компетентности.

Использование кейс-метода при разработке плана учебного занятия для обучения навыкам межкультурной коммуникации с представителями Китая должно выполнять следующие задачи:

- получение новых знаний о культуре Китая;
- обучение навыкам этикета в процессе межкультурного взаимодействия;
- развитие уважительного отношения к традициям и представителям китайской культуры;
- развитие аналитических и творческих способностей, а также навыков коллективного взаимодействия.

Отсутствие межкультурной компетентности на деловом уровне может привести к конфликту с коллегами, нарушить отношения с деловыми партнерами, а на дипломатическом уровне и вовсе стать причиной провала переговоров и ухудшения политико-экономических взаимоотношений.

Исходя из информации, полученной в процессе изучения и анализа китайской культуры, предпосылок и особенностей межкультурной коммуникации в рамках российско-китайских отношений можно сделать вывод о том, что в ближайшем будущем для поддержания и развития этих отношений между странами будет расти востребованность специалистов, обладающих, помимо профессиональных знаний и способностей, полученных в вузе, навыками межкультурной коммуникации.

В последние годы Россия и Китай регулярно участвуют в совместных экономических форумах и конференциях, проводят мероприятия по межрегиональному сотрудничеству, а также сотрудничеству в сфере науки и техники. Таким образом можно сделать вывод о том, что в настоящее время от-

ношения России и Китая являются примером открытости государств, примером постепенного движения от обычного межкультурного взаимодействия до продуктивного политического и культурного диалога [3].

В связи с этим для построения крепких, гармоничных и взаимовыгодных отношений с Китаем важно не только на профессиональном уровне изучать китайский язык, но и обучаться навыкам межкультурной коммуникации, обращая особое внимание на сложившуюся за несколько тысячелетий культуру, различные аспекты религиозных учений, а также менталитет представителей китайской нации.

Для усовершенствования процесса обучения навыкам межкультурной коммуникации в вузах был предложен и рассмотрен кейс-метод, позволяющий студентам получить опыт взаимодействия с представителями китайской культуры и её элементами и получить достаточный уровень межкультурной компетентности.

Пристатейный библиографический список

1. Айкина Т. Ю. Метод кейсов в формировании коммуникативной компетентности студентов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1 (129). – С. 58-61.
2. Аргашкина Т. А. Традиционная культура в современной национальной культуре Китая // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 5. – С. 85-91.
3. Богодухова Е. Е. Межкультурные коммуникации в российско-китайском диалоге // Научное мнение. – 2020. – № 9. – С. 50-54.
4. в К. Е., Ермоленко А. Д., Клявлин А. М. Межкультурная коммуникация между представителями различных культурных групп в сферах интереса. // Наука и школа. – 2020. – № 3. – С. 164-171.
5. Лебедева Н. М. Межкультурный диалог. Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия. – М.: Изд-во РУДН, 2003.
6. Могилевич Б. Р. Особенности дискурса межкультурной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2009. – № 1. – С. 410-412.
7. Молчанова Г. Г. Кто боится ГиртаХофстеде? Преподавание межкультурной коммуникации и перевода в условиях нарастающей культурной гибридности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4. – С. 9-16.
8. Молчанова Г. Г. Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – С. 7-23.
9. Новикова И. А. Особенности стереотипов о невербальной коммуникации и их роль в межэтническом взаимодействии российских и китайских студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2012. – № 4. – С. 21-28.
10. Переломов Л. С. Конфуций «Лунь Юй». – М.: Восточная литература, 2001.
11. Халикова С. С. Социокультурное взаимодействие России и Китая в приграничном пространстве // Власть и управление на Востоке России. – 2016. – № 4 (77). – С. 100-105.
12. Цуй Т. Глобализация и межкультурная коммуникация в современном Китае. – Шаньдун: Шаньдунский университет, 2009.
13. Чернилевский Д. В. Дидактические технологии в высшей школе: учеб. пос. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
14. Dumitrescu V. M. Culture as communication: communication style across and within cultures // SYNERGY. Vol. 9. – 2013. – № 1. – P. 84-91.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-493-495

МАДЖУГА Анатолий Геннадьевич

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, психологии и здоровьесбережения Института развития образования Республики Башкортостан

АГЗАМОВ Рифкат Раисович

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой естественно-научного образования Института развития образования Республики Башкортостан

САМОЛОВОВ Николай Александрович

кандидат педагогических наук, доцент Нижневартковского государственного университета

ЮМАГУЛОВА Нина Ивановна

учитель информатики высшей категории ГБОУ г. Москвы «Школа № 64», аспирант Московского городского университета

ЕЛАГИНА Марина Юрьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии Донского государственного технического университета

ФРАКТАЛЬНО-ГОЛОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ПРИНЦИПЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье рассматривается специфика научного познания в рамках постнеклассической парадигмы, акцентируется внимание на формировании у обучающихся фрактально-голографического мышления, которое способствует развитию личности в многомерном и многоплановом аспекте, позволяя ей не только эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям социальной, биологической, цифровой и информационной жизнедеятельности, но и выступать «творцом» собственного бытия, что имеет определяющую роль в формировании и развитии психического и психологического здоровья человека. Впервые авторы представляют фрактально-голографическое мышление человека как научный концепт и дают его дефиницию. На основе сравнительно-сопоставительного анализа типов мышления, присущих человеку, они определяют существенные характеристики фрактально-голографического мышления и обосновывают механизмы, лежащие в основе этого вида мышления.

Ключевые слова: холономный подход, постнеклассическая парадигма, фрактальный подход, холономный модус сознания, мышление, многомерное мышление, фрактально-голографическое мышление, перцептуальный вызов, принципы формирования фрактально-голографического мышления.

MADZHUGA Anatoliy Gennadjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, professor, Head of Pedagogy, psychology and health care sub-faculty of the Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan

AGZAMOV Rifkat Raisovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Natural science education sub-faculty of the Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan

SAMOLOVOV Nikolay Aleksandrovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Nizhnevartovsk State University

YUMAGULOVA Nina Ivanovna

computer science teacher of the highest category of the Moscow State Educational Institution "School No. 64", postgraduate student of the Moscow City University

YELAGINA Marina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of General and consultative psychology sub-faculty of the Don State Technical University

FRactal-holographic thinking of students: the essence, structure, principles and mechanisms of formation

The article examines the specifics of scientific cognition within the framework of the post-non-classical paradigm, focuses on the formation of fractal-holographic thinking among students, which contributes to the development of personality in a multidimensional and multidimensional aspect, allowing it not only to adapt effectively to changing conditions of social, biological, digital and informational life, but also to act as a «creator» of its own being, which it has a decisive role in the formation and development of mental and psychological health of a person. For the first time, the authors present fractal-holographic human thinking as a scientific concept and give its definition. Based on a comparative analysis of the types of thinking inherent in a person, they determine the essential characteristics of fractal-holographic thinking and justify the mechanisms underlying this type of thinking.

Keywords: holonomic approach, post-non-classical paradigm, fractal approach, holonomic mode of consciousness, thinking, multidimensional thinking, fractal-holographic thinking, perceptual challenge, principles of formation of fractal-holographic thinking.

Введение. Характеризуя современную научную картину мира, как нелинейно-динамическую, большинство исследователей считают, что мировой порядок разворачивается, структурируется подобно глобальному фракталу, воспроизводя в каждом фрагменте картины мира, первоначальный структурный рисунок, описанный в мифах как образование Космоса из Хаоса [2; 19]. Они утверждают, что фрактальный мир и есть та своего рода «прасреда», связывающая все явления и объекты. По мнению специалистов в области квантовой физики (Р. Ланц, М. Б. Менский, Р. Пенроуз, Л. А. Соков, С. Хамерофф, С. У. Хокинг и

др.), главным элементом фрактальной структуры Вселенной выступает человек, поскольку обладает всеми свойствами нелинейного фрактала [9; 10; 16]. В этой связи, возникшие в области синергетики фрактальные структуры, могут выступать в качестве фундаментального принципа научной картины мира. В этом контексте, фрактал есть первооснова коммуникации, а фрактальный подход выступает в качестве инновационной парадигмы, позволяющей, в полной мере, раскрыть абрис осмысления динамической рекурсии, координации эмоционально-эмфатической, когнитивной и знаковой модификации организма челове-

ка в языке ментальных репрезентаций, как системе концептов, и эмоциональной составляющей, представленной невербальными знаками [4]. Кроме этого, фрактальную систему можно считать наиболее устойчивой из всех видов систем, так как разрушить её может только масштабное глобальное воздействие извне, а не сумма отдельных внутренних флуктуаций, имеющих место внутри высокоорганизованной системы (Б. Мандельброт, М. Г. Гапонцева, В. А. Федоров, С. Д. Хайтун, Х. Юргенс, Х.-О. Пайттен, Р. Н. Coleman). В связи с этим сущность бытия должна заключаться в самоорганизации, которая через призму фрактального восприятия холономической целостности универсума, социума и индивидуального человеческого бытия усматривает голографическое соответствие сущности человека, как «вложенной» в бытие системы, сущности универсального бытия. Известно, что фракталы выступают как частично обособленные саморазвивающиеся системы, получающие свой рост фактически в бесконечность. В современных исследованиях, структуру мышления человека представляют как гиперкомплексный объект нецелочисленной размерности с локализацией самоподобных элементов в общей иерархической итеративной структуре [4; 6]. В такой интерпретации процесс построения фрактала можно представить как простейшую рекурсивную процедуру, в которой генератором является структура первичного взаимопроникновения и корреляции логики и интуиции. Рассмотрение мышления через призму фрактальной теории, позволяет определить резонансные отклики активизации мыслительной деятельности, которые в дальнейшем обеспечивают эффективное управление процессом познания человека на разных уровнях.

Методика. В ходе исследования применялись теоретический анализ и обобщение философской, психологической, социологической, культурологической и педагогической литературы по проблеме исследования. На основе теоретического анализа отечественной и зарубежной литературы было уточнено содержание понятия «фрактально-голографическое мышление», определены его структурные компоненты, обоснованы базовые принципы, выступающие в качестве основы формирования фрактально-голографического мышления обучающихся, обозначены его сущностные характеристики.

Цель исследования: рассмотреть сущность понятия «фрактально-голографическое мышление обучающихся», выявить подходы, существующие в отечественной и зарубежной литературе к его пониманию, определить структуру и механизмы, лежащие в основе формирования фрактально-голографического мышления обучающихся, показать взаимосвязь фрактально-голографического мышления с многомерным мышлением, раскрыть содержание принципов, на которых основывается формирование фрактально-голографического мышления обучающихся.

Результаты. Основываясь на философских положениях о человеке, как био-психо-социо-культурно-экзистенциальном феномене (Аристотель, Э. Гуссерль, Г. В. Лейбниц, А. Е. Казачинский, М. Мамардашвили, Ф. Ницше, В. И. Слободчиков, В. Н. Сагатовский, В. Франкл, М. Хайдегер и др.), теории самоорганизации (В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, В. С. Стёпин, Н. М. Таланчук, В. А. Федоров, И. Р. Пригожин, Г. Хакен и др.), теории фракталов (Ю. Барышев, Д. Зауле, Б. Мандельброт, Х.-О. Пайттен, П. Теерикорпи, В. В. Тарасенко, С. Д. Хайтун, Х. Юргенс и др.), фрактальной концепции детерминированного хаоса (Г. А. Донцов, Г. С. Мельников, И. Р. Пригожин, И. Н. Серов), идеи ноосферного (Г. М. Комарницкий, Н. В. Маслова) и холистического образования (Ш. А. Амонашвили, А. В. Вознюк, А. Маслоу, Дж. Миллер, М. Монтессори, К. Робинсон, К. Роджерс, А. И. Субетто, Р. Штайнер и др.), концептуальных положениях фрактальной педагогики (Л. Б. Абдуллина, Е. Е. Вакнин, М. Г. Гапонцева, В. Л. Гапонцев, А. Г. Маджуга, Г. В. Почукаева, И. А. Синицина, В. А. Федоров [1; 2; 4; 6; 7; 10; 13; 14; 15; 16; 17; 19; 21; 24]) целесообразно формировать целостное представление о научном концепте «фрактально-голографическое мышление». В этом контексте формирование нелинейного, фрактально-голографического мышления обучающихся связано, прежде всего, с выполнением ими роли активных конструкторов собственной жизнедеятельности. Именно поэтому, формирование фрактально-голографического мышления характеризуется человекоцентрической направленностью и предусматривает переход от выявления путей личностного выбора – к выявлению закономерностей развития личности, от адаптивно-дисциплинарной модели усвоения знаний и навыков – к рождению образа мира в совместной деятельности всех участников образовательного процесса, от информационной когнитивной педагогики – к смысловой ценностной педагогике, от «выученной беспомощности» – к надситуативной активности и постановки сверхзадач, от культуры полезности – к культуре достоинства [17].

Постнеклассическая научная парадигма имеет в своей основе значительные преимущества, так как во главу угла возводит субъектность и «человекомерность» научного знания, что проявляется в тесной связи с учетом таких системных компонентов как: комплекс антропологических факторов, развитие социальной среды, интерактивных межсубъектных коммуникаций и т.д. [1; 5; 12; 13; 15; 17; 22; 23; 25]. Ряд исследователей, определяя сущностные характеристики постнеклассических представлений о мире, на уровне холономного модуса сознания (С. Гроф, А. И. Субетто, К. Уилбер, и др.), отмечают, что определяющую роль в этом процессе играет фрактально-голографическое мышление, которое выступает в качестве образовательного результата в постнеклассической педагогике. Сущность фрактально-голографического мышления (далее – ФГМ) может быть объяснена на основе такого основополагающего когнитивного процесса, как мышление. Обобщение представлений о мышлении, имеющихся в научной литературе, даёт основание утверждать, что мышление – это высшая форма проявления познания человека, процесс отражения в его мозге окружающего реального мира, интегрирующий два принципиально различных психофизиологических механизма: образование и непрерывное пополнение запаса понятий, представлений и формирование новых суждений и умозаключений [18]. По этой причине, благодаря мышлению возможно получить знание о таких объектах, свойствах и отношениях окружающего мира, которые не могут быть непосредственно восприняты с помощью органов чувств.

Обсуждение. В аспекте обозначенной проблемы, существенный интерес представляет типология мышления, основанная на способах и уровнях мышления [18]. В рамках представленной типологии различают следующие виды мышления: точечное мышление, линейное мышление, «плоскостное» мышление; «многоуровневое» мышление, трёхмерное или «объёмное» мышление, «голографическое» мышление, многомерное мышление. Здесь, мы считаем целесообразным дать краткую характеристику отдельных видов мышления. На наш взгляд, ФГМ может быть соотносено с синергетическим мышлением. Человек, обладающий синергетическим мышлением воспринимает отдельное событие в непрерывности некоего общего процесса [9; 12; 16]. Его активность в формировании своего самосознания состоит, прежде всего, в преодолении дуальности мышления. Именно поэтому, в процессе синергетического мышления формируется осознание общности со всем миром, непрерывности переходов в восхождении к целостности («и то, и другое – в определённых условиях»).

Ещё одним видом мышления, который, имеет взаимосвязь с изучаемым феноменом, является голографическое мышление (holo означает «целое», graph – «писать»). Как отмечает Анри Бергсон в своей работе «Творческая эволюция», интеллект был создан эволюцией в процессе её движения; он выделен из чего-то более обширного, или, скорее, он представляет собой только проекцию реальности, проекцию по необходимости плоскую, тогда как реальность обладает рельефом и глубиной. Следовательно, голографическое мышление придаёт глубину воспринятой информации [4; 9; 19]. В рамках голографического мышления все события взаимосвязаны таким образом, что в одном событии заключена информация обо всех. Принципиальным отличием голографического мышления от «объёмного» является холистичность, предполагающая целостность образов, основанных на взаимопроникновении. Голографическое мышление присуще особой группе людей, так называемых «энергетов». Они являются представителями восточных философских школ, имеют большой жизненный опыт, а также высококвалифицированными специалистами в области артономических профессий (писатели, художники, режиссёры и т.д.).

На основе семантического анализа терминов «фрактал» и «голограмма», возможно дать определение ещё одному виду многомерного мышления – фрактально-голографическому мышлению. Фрактально-голографическое мышление представляет собой целостное отражение окружающей действительности, результатом которого является отсутствие градации на чувственные, логические, телесные, интеллектуальные и духовные составляющие в восприятии человеком мира и самого себя. Так, Р. Арнхейм, утверждает, что продуктивное мышление должно происходить в перцептуальной области. В этой связи, в качестве базового механизма фрактально-голографического мышления можно обозначить умение человека откликаться на «перцептуальный вызов», который инициирует в его сознании сложные и глубокие мысли и чувства. По своей природе, фрактально-голографическое мышление можно отнести к многомерному, на основе этого вида мышления, возможно проникновение в суть мыслимого через объединение множества смыслов, как эксплицированных ранее, так и вновь обнаруживающихся в ходе мно-

гомерных мыслительных операций. ФГМ осуществляется путём оперирования ценностно-смысловыми концептами, при этом концепт понимается как открытое множество смыслов, которые связаны с голографическими проекциями, возникающими в мозгу человека в системе нейронных сетей и ансамблей в различных проекционных зонах коры больших полушарий. Формирование новых познавательных стратегий, способствующих устранению культурных разрывов, являющихся следствием культурной дифференциации, составляет основу фрактально-голографического мышления человека в аспекте его взаимодействия с миром. Важно отметить, что формирование фрактально-голографического мышления обучающихся основывается на ряде основополагающих принципов: принцип голографической проекции (А. С. Белкин) [3], принцип информационного ускорения (И. П. Гетманов) [8], принцип холизма Д. Миллера [15], принцип самости К. Г. Юнга и принцип полифоничной самости О. И. Жуковой [11; 20], голограммный принцип бытийной системной рефлексии [14]. Обозначенные базовые принципы обладают значимым образовательным потенциалом в аспекте многомерных мыслительных процессов, проектирования новых когнитивных стратегий обучающихся и обеспечивают сопряченность человека в построении многомерной картины мира.

Заключение. Изменения, происходящие в сфере современного образования, основываются на императивах всестороннего, универсально-целостного, гармоничного развития личности; переходе от одномерного к многомерному человеку. При этом, гуманистический потенциал образования становится важным фактором развития человека в условиях доминирования рациональности (технологизма, практицизма и пр.) и вытеснения его чувственно-эмоционального и нравственного потенциала. Сегодня фактор холистичности находит свою реализацию в феномене постмодернистского мышления, направленного на достижение целостного отражения действительности, реализуемого на путях преодоления принципа асимметрии категориальных оппозиций, которые предполагают рассмотрение мира через призму асимметрических принципов, когда в каждом конкретном случае отдаётся предпочтение одной из двух парных позиций, таких, например, как «материальное – идеальное», «детерминизм – индетерминизм», «объективное – субъективное» и др. Стремление постмодернистского сознания к преодолению отмеченных дихотомий реализуется в его интересе к изучению «неопределенностей», «дуальностей», «дополнительностей» и др. В этой связи обращение к феноменологии фрактально-голографического мышления для решения образовательных задач современности представляется важным и своевременным.

Фрактально-голографическое мышление представляет собой целостное отражение окружающей действительности, в результате которого отсутствует градация на чувственные, логические, телесные, интеллектуальные и духовные составляющие в восприятии человеком мира и самого себя. В этой связи, в качестве базового механизма фрактально-голографического мышления можно обозначить умение человека откликаться на «перцептуальный вызов», который инцидирует в его сознании сложные и глубокие мысли и чувства. ФГМ осуществляется путём оперирования ценностно-смысловыми концептами. Формирование новых познавательных стратегий, способствующих устранению культурных разрывов, являющихся следствием культурной дифференциации, составляет основу фрактально-голографического мышления человека в аспекте его взаимодействия с миром. В процессе формирования фрактально-голографического мышления обучающихся в контексте постнеклассического образования, определяющую роль играет совокупность основных принципов: голографической проекции, информационного ускорения, холизма, самости, голограммный принцип бытийной системной рефлексии.

Таким образом, формирование фрактально-голографического мышления способствует развитию личности обучающегося в многомерном и многоплановом аспекте, позволяя не только эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям социальной, биологической, цифровой и информационной жизнедеятельности, но и выступать «творцом» собственного бытия, что имеет, определяющую роль в формировании и развитии психического и психологического здоровья человека.

Пристатейный библиографический список

1. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: ИФРАН, 1999. – 203 с.
2. Барышев Ю., Теерикорпи П. Фрактальная структура Вселенной. Очерк развития космологии. – Нижний Архыз: Изд-во САО РАН, 2005. – 396 с.

3. Белкин А. С., Жукова Н. К. Виталенное образование: Голографический подход / Урал. гос. пед. ун-т; Департамент психол.-пед. образования: Центр образоват. технологий. – Екатеринбург, 1999. – 135 с.
4. Богатых Б. А. Фрактально-голографический конструкт и теория поля К. Левина // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 2 (30). – С.123-134. DOI: doi: 10.11621/nprj.2018.0213.
5. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
6. Вакнин Е. Е., Маджуга А. Г., Почукаева Г. В. Фрактально-голографическое мышление как феномен постнеклассической психологии. – Sillamäe: Balti Rakendus Logoterapia Instituut, 2021. – 240 с.
7. Гапонцева М. Г., Федоров В. А., Гапонцев В. А. Понятие геометрии фракталов как объектов педагогики и теории научного познания // Образование и наука. – 2009. – № 4 (61). – С. 6-22.
8. Гетманов И. П. Принципы коэволюции: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.08. – Ростов н/Д., 2005. – 304 с.
9. Голографическая модель и психология. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.poliinform.ru> (дата обращения: 12.09.2021).
10. Донцов Г. А., Мельников Г. С., Серов И. Н. Фрактальная концепция детерминированного хаоса // Научно-педагогическое издание «Философия науки», 2003. – № 3. – С. 35-52. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy> (дата обращения: 29.01.2020).
11. Жукова О. И. Понятие самости в системе философских представлений о человеке // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия «Философия». – № 1 (1). – 2009. – С. 139-151.
12. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: синергетическое мировидение. – М.: КомКнига, 2005. – 265 с.
13. Маджуга А. Г., Вакнин Е. Е., Гайсин Э. Д., Почукаева Г. В. Фрактальная педагогика: от метафизики фрактала к антропологии культуры. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2021. – 348 с.
14. Мартынович К. А. Нелинейно-динамическая картина мира: онтологические смыслы и методологические возможности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2011. – С. 19.
15. Миллер Д. Холистическое образование. Педагогика предчувствия Д. Миллер – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ps.lseptember.ru/articdef.php?ID=200205007> (дата обращения: 05.10.2021).
16. Пригожин И. Р. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ.; под общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 471 с.
17. Субетто А. И. Приоритеты и философия целенаправленной фундаментальной науки в XXI веке. Трансформация парадигмы университетского образования – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/tus/> (дата обращения: 15.03.2020).
18. Тихомиров О. К. Психология мышления. – М.: МГУ, 1984. – 270 с.
19. Хайтун С. Д. От эргодической гипотезы к фрактальной картине мира. – М.: КомКнига, 2007. – 251 с.
20. Юнг К. Г. Исследование феноменологии самости / Пер. с англ., лат. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 336 с.
21. Юргенс Х., Пайттен Х.-О., Заупе Д. Язык фракталов в мире науки // Scientific American. – 1990. – № 10. – С. 36-44.
22. Coleman P. H., Pietronero L. The fractal structure of the Universe // Phys. Repts. – 1992. – Vol. 213. – № 6. – P. 311-389.
23. Eckmann J.-P., Ruelle, D. Ergodic theory of chaos and strange attractors // Reviews of Modern Physics. – 1985. – № 57, 3. – P. 617-656.
24. Mandelbrot B.B. The Fractal Geometry of Nature. – San-Francisco: W. H. Freeman and Company, 1982. – 470 p.
25. Moon F. C. Chaotic and Fractal Dynamics. New York, Chichester, Brisbane, Toronto, Singapore, A Wiley-Interscience Publication, John Wiley and Sons, Inc., 1992. – 408 p.

ОЗЁРСКИЙ Сергей Владимирович

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Самарского юридического института ФСИИ России

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗАХ ФСИИ РОССИИ

В статье анализируются особенности преподавания технических дисциплин в вузах ФСИИ России. Рассматривается взаимодействие ведомственного учреждения высшего образования и учреждений УИС. Приведены и проанализированы типичные формы взаимодействия ведомственного института и территориального органа для проведения практического занятия на территории исправительного учреждения. Сформулирован и описан авторский перечень принципов организации взаимодействия практических сотрудников и курсантов образовательных учреждений в процессе организации практического обучения. Сформулированы рекомендации по повышению эффективности проведения практических занятий в учреждениях УИС. Перечислены виды учреждений УИС, на территории которых целесообразно организовывать практические занятия.

Ключевые слова: интегративная технология, смешанное обучение, оснащение объекта, рубеж обнаружения, учреждения УИС.

OZERSKY Sergey Vladimirovich

Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor, associate professor of Management and information technology support of the activities of the penal enforcement system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

FEATURES OF TEACHING TECHNICAL DISCIPLINES IN UNIVERSITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

The article analyzes the features of teaching technical disciplines in universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. The interaction of the departmental institution of higher education and the institutions of the UIS is considered. Typical forms of interaction between a departmental institute and a territorial body for conducting practical classes on the territory of a correctional institution are presented and analyzed. The author's list of principles for organizing the interaction of practical staff and cadets of educational institutions in the process of organizing practical training is formulated and described. Recommendations are formulated to improve the effectiveness of practical training in the institutions of the UIS. The types of UIS institutions on the territory of which it is advisable to organize practical classes are listed.

Keywords: integrative technology, blended learning, facility equipment, detection boundary, UIS institutions.

В отечественной системе образования в связи с происходящими реформами, актуальным становится вопрос о выборе наиболее оптимальных форм, методик и методов обучения с точки зрения их эффективности. Известно, что применение только теоретического обучения, равно как и только практического, не всегда дает желаемый результат в подготовке грамотного и профессионально зрелого специалиста, который готов принимать правильные решения при неоднозначности и сложности проводимых оперативно-розыскных мероприятий.

Для повышения эффективности преподавания технических дисциплин в Самарском юридическом институте ФСИИ России преподаватели применяют интегративную педагогическую технологию обучения курсантов, позволяющую наиболее полно охватить и учесть особенности изучения инженерно-технических средств охраны и надзора (далее – ИТСОН), применяемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Под интегративной технологией в образовательном процессе понимается соединение двух или более дисциплин, для которых наблюдается межпредметное взаимодействие. Таким образом обеспечивается наиболее эффективное достижение междисциплинарных целей в процессе обучения. Интегративная технология включает в себя проведение лекционных занятий, деловых игр, анализ практических ситуаций, организацию круглых столов по наиболее актуальным темам [1]. Важным для процесса обучения является объемное соотношение представленных в интегративной технологии компонентов.

Рассматривая методологию интегративной технологии обучения как теоретической основы данного исследования, проанализируем возможности «смешанного обучения» в процессе преподавания и освоения дисциплины ИТСОН.

Методические аспекты применения смешанного обучения реализуются через применение различных подходов и

форм организации аудиторных и выездных практических занятий на базе учреждений УИС, синхронных и асинхронных инструментов коммуникации. Согласно исследованиям, смешанное обучение, тщательное планирование, интеграция онлайн компонентов и личного контакта очень важны в педагогическом процессе. Смещение синхронных и асинхронных инструментов коммуникации, интеграция различных педагогических технологий и приёмов, могут существенно улучшить процесс обучения [2].

В процессе изучения дисциплины ИТСОН у обучающихся должны быть сформированы следующие элементы профессиональной компетенции:

- применять теоретические знания, полученные при изучении дисциплин специализации;
- обобщать информацию и использовать ее в своей профессиональной деятельности;
- оперировать терминами и понятиями, полученными при изучении дисциплин специализации;
- правильно оценивать заданные практические ситуации;
- владеть навыками составления юридических (служебных) документов;
- знать алгоритмы и владеть методиками проведения специальных практических мероприятий, отработанных при изучении дисциплин специализации.

Следует отметить важность опыта педагога в сфере обучения, так как он ведет контроль над полученными знаниями и навыками работы не только посредством синхронных и асинхронных инструментов коммуникации, но и работает с конкретными образцами техники, периметровым оборудованием и моделированием профессиональной деятельности будущих сотрудников по работе на режимной территории [3]. Опыт преподавания дисциплины ИТСОН и результаты промежуточной аттестации обучающихся позволяют констатировать, что существует проблема в формировании кри-

териев оценки при работе с «виртуальными» техническими средствами в процессе изучения дисциплины.

Решением данной проблемы может быть создание оптимальных экспертных оценок практических работников инженерно-технических подразделений исправительных учреждений, позволяющих выявить наиболее трудные для усвоения курсантами теоретических и практических аспектов с точки зрения организации обеспечения безопасности, охраны, надзора и режима.

Следовательно, навыки практического применения наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы, необходимо формировать в процессе организации совместного изучения дисциплин ИТСОН и «Специальная техника». Поэтому выбор технологии обучения, совмещающей когнитивные компоненты «родственных» технических дисциплин, обосновывается из необходимости поэтапного изучения всех учебных материалов через анализ, знакомство, применение, понимание, синтез и оценку полученных знаний.

Основной целью освоения дисциплины ИТСОН является формирование профессиональных и профессионально-специализированных компетенций, определяющих способность будущего специалиста работать с комплексом оборудования, находящегося на территории исправительных учреждений, с разнообразными источниками информации, информационными технологиями и информационными ресурсами; применять основные методы проверки работоспособности оборудования.

Достижение основных целей изучения рассматриваемой дисциплины (знакомство с основными теоретическими принципами организации учреждения, оснащение объекта, планом охраны; понимание сущности и значения информации в рамках технического оснащения учреждения; знание основных требований информационной безопасности; овладение основными методами работы технических средств охраны и надзора, средствами фото- и видеofиксации, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; приобретение навыков работы с автоматизированным рабочим местом как основным средством автоматизированной обработки информации; формирование знаний, умений и навыков, необходимых для работы в охраняемом объекте со спецконтингентом) позволяет выделить особенности преподавания дисциплины ИТСОН.

1. Для формирования уверенных навыков работы с техническими средствами необходимы практические занятия на территории различных исправительных учреждений: следственных изоляторов, колоний-поселений, уголовно-исполнительных инспекций, лечебно-исправительных учреждений, колоний строгого и общего режима. Каждое учреждение отличается друг от друга инженерно-техническим оснащением, режимом и формой содержания осужденных.

2. Изучение темы «Ограждения и инженерные заграждения» на практическом занятии с курсантами целесообразно организовать со специалистами подразделений охраны и специалистами инженерно-технического обеспечения, связи и вооружения в исправительном учреждении. Ввиду специфики объектов УИС, для обхода учреждения по запретной зоне, комментирования рубежей обнаружения, принципа их действия и работоспособности охранных извещателей на охраняемом объекте, без сотрудников данного отдела это осуществить крайне сложно или практически невозможно.

3. Знать оснащение ИТСОН каждого объекта УИС преподавательскому составу практически невозможно по причине разнопланового характера деятельности сотрудников службы охраны различных учреждений. Поэтому необходимо взаимодействие сотрудников службы инженерно-технического обеспечения и вооружения (ЦИТОВ), где каждое учреждение курирует отдельный сотрудник, занимающийся оснащением, ремонтом и модернизацией ИТСОН данного учреждения. Интегрированные системы безопасности (ИСБ) также отличаются среди учреждений. Следовательно, для изучения различных ИСБ тоже необходима помощь сотрудников ЦИТОВ и специалистов, ответственных за данное оборудование.

4. Для проведения практического занятия на режимной территории необходим сотрудник группы инженерно-технического обеспечения, связи и вооружения отдела охраны, сотрудник отдела режима или безопасности. На режимной

территории идет изучение оснащения и оборудование камерных помещений, режимных корпусов, прогулочных дворов, ограждений, административных зданий, комнат обыска, следственных кабинетов, комнат длительных и краткосрочных свиданий, административных зданий в которые вход запрещен без сотрудника данного учреждения.

Таким образом, благодаря взаимодействию преподавателей ведомственных вузов, практических сотрудников, служб исправительных учреждений в ходе проведения выездного практического занятия по дисциплине ИТСОН, обучаемый получит необходимые профессионально-специализированные навыки по работе с инженерно-техническим оборудованием обеспечения безопасности, режима и надзора, будет совершать меньше ошибок в работе с периметровым оборудованием в непосредственной близости с осужденными.

Следует понимать, что исправительные учреждения не всегда готовы обеспечить сопровождение учебного процесса при проведении практических занятий на их территории. Необходимо разрешение руководителя территориального органа на проведение практического занятия, освобождение курирующего сотрудника по направлению ИТСОН от своих непосредственных должностных обязанностей на время проведения практического занятия. Не стоит забывать о комплексных, внеплановых, контрольных проверках в учреждениях, они не должны пересекаться с проведением практического занятия. Кроме того, необходимо согласование выезда в исправительное учреждение по дате, времени и месту проведения.

Для проведения практического занятия на территории исправительного учреждения практическому сотруднику необходимо иметь навыки работы с обучаемыми, которые предполагают разработку плана обхода режимного объекта, объяснение принципов действия охранных извещателей, ознакомление с расположением участков и рубежей обнаружения, а также способы обеспечения безопасности жизнедеятельности обучающихся.

Вопросы методического обеспечения по организации и проведению выездного практического занятия должны быть разработаны преподавателем совместно с сотрудниками исправительного учреждения. По итогам проведенного практического занятия сотрудником исправительного учреждения формируются рекомендации по повышению эффективности практических занятий и дается независимое экспертное заключение по результатам освоения материала курсантами.

Рассмотрев возможности применения интегративной технологии и элементов смешанного обучения, можно сделать вывод о том, что для качественного изучения технических дисциплин в вузах пенитенциарной системы целесообразно проводить выездные практические занятия на базе исправительных учреждений с привлечением сотрудников этих учреждений. При оценивании уровня сформированности компетенций по дисциплине ИТСОН, в частности навыков работы с оборудованием обеспечения безопасности, охраны, режима и надзора в исправительных учреждениях различного типа можно использовать рассмотренный в данной статье подход, основанный на применении критериальных экспертных оценок, разработанных совместно преподавателями технических дисциплин и сотрудников исправительного учреждения.

Пристатейный библиографический список

1. Попов И. В. Проектирование интегративной технологии обучения курсантов юридического вуза дисциплине «Специальная техника» (Научная статья) // Вестник Самарского технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». - 2006. - № 44. - С. 97-103.
2. Копылова Н. А. Интегративная технология смешанного обучения // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. - 2017. - № 13. - С. 1167-1169.
3. Гурье Л. И., Кирсанов А. А., Кондрагев В. В., Ярмакеев И. Э. Интегрированные основы инновационного образовательного процесса в высшей профессиональной школе. - Москва: ВИНТИ, 2006. - 288 с.

ТИТОВА Оля Зокировна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры философии и общегуманитарных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ КУРСАНТАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ»

Статья посвящена изучению курсантами особенностей культуры речи в деловой документации. Автор обосновывает необходимость изучения материала по стилистике языка, разбора типичных ошибок, совершаемых при ведении служебной документации. В статье приводятся примеры точного словоупотребления, построения предложений.

Ключевые слова: культура речи, языковые средства, коммуникативная компетентность, устная и письменная речь, профессиональная деятельность.

TITOVA Olya Zokirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and general humanitarian disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

STUDY OF SPEECH CULTURE FEATURES BY CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN THE COURSE "RUSSIAN LANGUAGE IN BUSINESS DOCUMENTATION"

The article is devoted to the study of the peculiarities of the culture of speech in business documentation by cadets. The author substantiates the necessity of studying the material on stylistics of language, analysis of typical mistakes made in business documentation. The article provides examples of accurate word usage, sentence construction.

Keywords: culture of speech, language means, communicative competence, oral and written speech, professional activity.

Грамотная речь, обширный словарный запас и умение коммуницировать с различной аудиторией являются важнейшим показателем образованности и интеллектуального уровня человека. Вопросами формирования речевой грамотности занимались многие видные советские и российские ученые. К. Д. Ушинский исследовал значение родного языка в формировании человека и изложил свое видение в книгах «Родное слово», «Детский мир», «Человек как предмет воспитания» [1, с. 615]. Н. И. Жинкин изучал механизмы порождения речи и заложил основы психолингвистики [2, с. 5].

Владение устной и письменной речью на высоком уровне возможно при сформированной коммуникативной компетентности, которая, в свою очередь, является инструментарием для будущей профессиональной деятельности [1, с. 42]. Коммуникативная компетентность является важным фактором не только для представителей гуманитарных профессий, но и для сотрудников правоохранительных органов.

Коммуникативная компетентность сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний России (далее ФСИН России) — неоспоримая составляющая профессионального имиджа. Для построения успешной карьеры во ФСИН России требуется владение грамотной устной и письменной речью, соблюдение норм русского литературного языка, умение использовать языковые средства в различных коммуникативных ситуациях, в том числе, профессиональных. По мнению Т. В. Никитиной, профессиональная коммуникация сотрудников ФСИН России требует совершенствования речевых умений и навыков, четкого изложения своих мыслей, правильного употребления профессиональной и общепупотребительной лексики [3, с. 145].

С этой целью в ведомственных вузах ФСИН России введена дисциплина «Русский язык в деловой документации», которая преподается в первом семестре и входит в обязательную часть блока 1 в соответствии с учебным планом по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность и 40.03.01 Юриспруденция для обучающихся юридических факультетов ведомственных вузов ФСИН России.

В рамках данной дисциплины рассматриваются стилистические, грамматические, орфографические, синтаксические особенности современного русского языка.

Приступая к изучению стилистики, обучающиеся знакомятся с понятием культуры речи, определение которого можно встретить у многих ученых-филологов. Так, Е. Н. Ширяев описывает культуру речи как выбор и организацию языковых средств, обеспечивающих наибольший коммуникативный эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [4, с. 9]. Г. О. Винокур в своих трудах рассматривает культуру речи с двух ракурсов: как правильную речь и как речь искусную [5, с. 22].

Сотрудники ФСИН России в своей профессиональной деятельности исполняют не только свои прямые обязанности, связанные с режимом и охраной осужденных, но и осуществляют различные виды коммуникации, в частности, ведут деловую переписку и, соответственно, должны знать стилистические нормы, точное словоупотребление, необходимые аспекты орфографии и пунктуации. При этом им нередко приходится сталкиваться с многочисленными сложностями, которые они стараются предотвратить, еще будучи курсантами и изучая дисциплину «Русский язык в деловой документации».

Перед началом изучения данной дисциплины нами традиционно проводится тестирование закрытого типа на знание норм стилистики современного русского языка, правил пунктуации и орфографии, включающее в себя 30 вопросов. В 2022 году в тестировании участвовало 40 курсантов (2 взвода 1-го курса), 25 из них показали высокое владение пунктуацией и орфографией. Это объясняется тем, что курсанты первого курса лишь недавно сдали Единый государственный экзамен по русскому языку, подготовка к которому осуществлялась в течение нескольких лет. В то же время при выполнении заданий на знание стилистики только 10 из 40 обучающихся смогли дать правильные ответы.

Нами были проанализированы результаты тестирования и отмечены часто встречающиеся ошибки. Основываясь

на результатах данного анализа, были изменены некоторые методы обучения с учетом особенностей курсантов.

Так, проводится работа по преодолению трудностей, возникающих в связи с употреблением предлогов и предлоговых сочетаний, таких как *в течение, в отношении, в целях, ввиду, вследствие, согласно*. Данный феномен отрабатывается в дальнейшем на занятиях, при выполнении обучающимися практических упражнений. Отметим также расширенное употребление предлога «на» с винительным падежом. При проведении проверочной работы на знание вышеуказанной грамматической темы слушатели допускали ошибки в словосочетаниях: *запрос на смягчение наказания; сведения на осужденных; выплаты на покрытие коммунальных услуг* [6, с. 28].

Существенное внимание уделяется ошибкам, связанным с логической несочетаемостью однородных членов предложения. Обучающимся объясняется, что слова, которые обозначают родовые и видовые понятия, не могут употребляться в качестве однородных членов предложения, например: *Виктор купил овощи и картофель* (родовое понятие «овощи» и видовое «картофель»). Достаточно часто при осуществлении письменной коммуникации возникают сложности с так называемыми скрещивающимися понятиями, которые не могут рассматриваться как однородные члены предложения, например: *Руководство исправительного учреждения отметило и премировало лучших сотрудников ценными подарками* («отметить» – подчеркнуть значение чего-нибудь, сделанного кем-либо, обычно наградив человека; «премировать» – наградить премией).

Грамматико-стилистические ошибки при построении предложений возникают в тех случаях, когда употребляются существительные и неопределенная форма глагола, например: *Иванов должен был вытолнить следующие действия: отметка личного состава, проинформировать сотрудников, подписать документы*. Правильный вариант: *Иванов должен был вытолнить следующие действия: отметить личный состав, проинформировать сотрудников, подписать документы*. К распространенным ошибкам в письменной речи также относится совмещение существительных и деепричастий, например: *С целью завладения личным имуществом граждан и осуществляя преступныйговор, Иванов и Петров остановили гр-на Сидорова*. В данном случае первый союз «и» неуместен. Сложности возникают при сочетании глаголов и деепричастий: *Смирнова, придя в магазин в состоянии алкогольного опьянения, и учинила скандал*. Правильно: *Смирнова, придя на магазин в состоянии алкогольного опьянения, учинила скандал*. Подобные примеры помогают курсантам понять ошибки и не допускать их при ведении документации в будущей профессиональной деятельности [7, с. 64].

Не менее важной темой является точное словоупотребление. При ведении служебной документации сотрудники используют профессиональную лексику, но без четкого представления о нормах словоупотребления, знаниях глагольно-именных сочетаний, разновидностей ошибок, таких как смешение близких по звучанию слов или паронимов (*представить – предоставить, оплатить – уплатить, доверие – доверенность*), повторений одинаковых по смыслу слов – тавтологии (*сотрудничать с сотрудниками, осудить осужденных, доказать виновность доказательствами и др.*), использования излишних словосочетаний – плеоназмов (*вновь прибывший новобранец, реабилитировать и восстановить в правах*) возможно искажение содержания информации в документах, а это недопустимо. Курсантам предлагается ряд упражнений, направленных на устранение пробелов, связанных со словоупотреблением.

Применяемый нами подход в обучении, а именно, построение занятий с учетом корректировки ошибок, допущенных именно данной группой курсантов, оправдывает себя. При проведении промежуточной аттестации (зачета) обучающиеся продемонстрировали более высокие показате-

тели при выполнении тестовых заданий по сравнению с началом изучения дисциплины «Русский язык в деловой документации». Так, из 40 тестируемых 29 курсантов успешно выполнили практические задания на проверку знаний пунктуации и орфографии. С выполнением заданий, направленных на знание стилистических особенностей русского языка, справились 30 курсантов из 40, что в три раза выше результатов входного тестирования.

В заключении отметим, что культура речи сотрудников ФСИН России включает в себя, помимо знаний грамматических правил и способов употребления лексики, бережное отношение к слову как инструменту коммуникации. Кроме того, культура речи влияет на формирование общественного мнения и повышает престиж службы во ФСИН России, формирует психологический комфорт в коллективе, оказывает положительное влияние на молодых сотрудников, поступивших на службу [8, с. 181]. Лицам, служащим в данной силовой структуре, приходится взаимодействовать с представителями многих правоохранительных и правозащитных организаций, СМИ, лицами, отбывающими наказания, а также их родственниками. Все это требует навыков эффективного общения.

Будущим выпускникам образовательных организаций ФСИН России предстоит вести деловую и служебную документацию в профессиональной деятельности различного уровня: составлять локальные нормативно-правовые акты, должностные инструкции, регламентирующие документы [9, с. 3]. Для этого необходимо изучение курсантами норм современного русского языка, владение которыми является существенной составляющей профессиональной компетентности сотрудника ФСИН России.

Пристатейный библиографический список

1. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Собр. соч.: в 11 т. – М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1950. – Т. 8.
2. Жинкин Н.И. Язык - речь - творчество: Исслед. по семиотике, психолингвистике, поэтике: (Избр. тр.) / Н. И. Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.
3. Никитина Т. В. Специфика профессиональной коммуникативной компетенции сотрудника уголовно-исполнительной системы // Педагогика и просвещение. – 2019.
4. Ширяев Е. Н. Что такое культура речи // Мы сохраним тебя, русская речь. - М.: Наука, 1995. - С. 9-10.
5. Винокур Г. О. Культура языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1929. – 336 с.
6. Марченко С. В. Русский язык в деловой документации. Учебно-методическое пособие для курсантов, студентов и слушателей юридических вузов и факультетов. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. – 159 с.
7. Иванова А. Ю. Русский язык в деловой документации: учебник и практикум для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 187 с.
8. Сидорова Н. И. Роль русского языка в структуре профессиональной компетентности сотрудника ФСИН России // Психолого-педагогический поиск. – 2015. – № 2. – С. 179-183.
9. Тюменева Н. П. Русский язык и культура речи (для обучающихся по специальности 56.05.01 Тыловое обеспечение): учебное пособие. – Рязань: Академия ФСИН России, 2017. – 155 с.

СЕМЕНОВ Вадим Владимирович

кандидат технических наук, доцент кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ТОМАС Артем Владимирович

преподаватель кафедры физической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ВЛИЯНИЕ СПОРТИВНО-КОМАНДНОГО ВИДА – БАСКЕТБОЛА НА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются вопросы влияния баскетбола на умственное и физическое развитие сотрудника органов внутренних дел, анализ работы организма людей, занимающихся баскетболом. Раскрывается влияние занятий баскетболом на физическое воспитание человека. Авторы делают вывод о том, что баскетбол для человека, будь он школьником, курсантом или сотрудником полиции – это не просто игра, а возможность развить в себе множество различных качеств, позволяющих в дальнейшей жизни преуспеть во многих направлениях, получить эмоциональную разгрузку, развить свое тело, укрепить психологическую устойчивость и социализироваться.

Ключевые слова: органы внутренних дел, баскетбол, двигательная активность, физическая подготовка, силовые способности, курсант.

SEMENOV Vadim Vladimirovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor, associate professor of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

THOMAS Artem Vladimirovich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

THE INFLUENCE OF A SPORTS TEAM SPORT – BASKETBALL ON THE LIFE OF A POLICE OFFICER

The article discusses the influence of basketball on the mental and physical development of an employee of the internal affairs bodies, the analysis of the work of the body of people engaged in basketball. The influence of basketball classes on the physical education of a person is revealed. The authors conclude that basketball for a person, whether he is a schoolboy, a cadet or a police officer, is not just a game, but an opportunity to develop many different qualities in himself, allowing him to succeed in many directions in later life, get emotional relief, develop his body, strengthen psychological stability and socialize.

Keywords: internal affairs bodies, basketball, motor activity, physical training, strength abilities, cadet.

Семенов В. В.

Томас А. В.

Люди, которые регулярно занимаются спортом, более успешны и уверены в себе. Физическая активность поднимает настроение. Эти и многие другие высказывания о положительном влиянии занятий спортом небезосновательно широко известны обществу.

С юношеского возраста человеку прививается любовь к спорту. Уже в детском саду дети осваивают базовые спортивные навыки: прыжки, бег, скакалка и т. п. С возрастом происходит спортивное совершенствование человека.

В жизни каждого действующего сотрудника органов внутренних дел большую роль играет занятие спортивной деятельностью. Кроме того, это один из самых важных аспектов в учебе и профессиональном совершенствовании практических навыков каждого курсанта системы МВД России, не зависимо от того, в какой сфере проходит его обучение [2].

Обучение спортивным навыкам включает в себя лекции, семинары, которые развивают интеллект, слух, внимание и способствуют становлению теоретического базиса. Однако большую часть обучения занимает практическая часть, где полицейский становится субъектом спортивного образования, он выполняет работу, осваивая разного рода спортивные навыки.

При этом следует отметить, что физическая деятельность подвигает человеческий организм к более активной и продуктивной деятельности нервных импульсов, ведь во вре-

мя активности они находятся в возбужденном состоянии, что способствует развитию суставов и мышц, чем объясняется оздоровительная функция занятий физической культурой и спортом.

Благодаря спорту организм начинает развиваться быстрее, его работоспособность увеличивается, что приводит к тому, что организм становится более восприимчив к высоким нагрузкам и восприятию информации, что, в свою очередь, способствует повышению уровня жизни человека.

Из вышеизложенного можно сделать промежуточный вывод, что каждый сотрудник полиции должен на подсознательном уровне понимать необходимость развития (в том числе саморазвития) полезных черт, навыков и умений среди которых быстрота реакции (принять, понять и действовать), умение концентрировать [1] и переводить внимание, высокий уровень памяти как длительной так и оперативной, мышление, оперативный анализ разноплановой информации (вербальной и невербальной), качества лидера и/или руководителя, которые в сумме двигают человека в иерархии социума.

Считается, что больше всего развивают все указанные качества виды спорта, где принимают участие ни один человек, а группа или команда, в которых тушно правильно организовать ни только себя, но и своих товарищей.

Таковыми признаками обладают игровые командные виды спорта, которые дают понимание того, как общими усили-

ями можно добиться результата, развивают стратегическое мышление в контексте будущего.

Среди большого разнообразия игровых групповых видов спорта мы выделяем такую спортивную игру как баскетбол. Баскетбол – это олимпийский вид спорта, что говорит о его мировом признании из всего «спортивного разнообразия». Сущность баскетбола заключается в том, что это спортивная командная игра с мячом, цель которой – забросить мяч в корзину соперника большое число раз, чем противостоящая команда.

Во время занятий этим видом спорта у сотрудника ОВД развиваются следующие физические способности: мышление; скорость; сила; выносливость; ловкость; быстрота; лидерские качества; умение взаимодействовать.

Не случайно, появившись в конце девятнадцатого века, уже в двадцатом веке баскетбол получил мировое признание, став олимпийским видом спорта. Здесь следует остановиться на истории возникновения этой игры. Она зародилась в 1891 году в США на уроке физической культуры, когда учитель хотел «оживить» занятие гимнастикой, прикрепил две корзины из-под фруктов к балконам и предложил забрасывать туда мячи. Что говорит о том, что среди многих видов спорта баскетбол – это «движение в движении».

Теперь следует обратиться непосредственно к физической активности во время занятий: система баскетбольных упражнений с разных сторон влияет на отношение человека к Миру через физические нагрузки.

На этом моменте исследования стоит озвучить роль упражнений: развивающая. Развиваются множество качеств, указанных выше. Еще одна роль – это изменение восприятия физической подготовки в целом и отдельно взятого упражнения или игры. Все вышперечисленные оказывают позитивное влияние на действия игрока как отдельно взятого звена, так и всей команды. Ведь баскетбол – это в первую очередь работа в команде, возможность правильно и объективно оценивать ситуацию, сочетание различных видов физических нагрузок, быстро сменяющих друг друга, например, таких как бег, с короткими ускорениями, затем работа в защите, когда все тело находится в напряжении, а игрок просчитывает возможные варианты развития событий, ходьба, то есть постоянная работа мозга и кардио-упражнения, сопровождаемые мячом.

Промежуточный вывод: нельзя назвать просто исторически сложившимся из случайной идеи «развлечением с фруктовыми корзинами», это полноценный, заслуженно отмеченный широкой общественностью вид спорта, который представляет из себя тяжелую структуру упражнений, выполнение которых дает гарант современному молодому человеку на силу духа и физиологии [3].

Так почему же баскетбол – это комплексность и сложность, в чем его специфика?

Во-первых, эта игра априори состоит из упражнений, нагружающих физиологию, которые комплексно нагружают все мышцы тела, суставы, связки, кости, дыхание (легкие), органы чувств (уши, глаза) и интеллект. Когда игрок бежит, затем ловит мяч, бросает его и снова бежит, ему важно сохранить дыхание, ведь именно оно позволяет сохранять силы на протяжении всей четверти. Игроку важно слышать своих товарищей по команде, видеть невербальные элементы определенных игровых сигналов и команда, понимать их и быстро ориентироваться в окружающей обстановке.

Во-вторых, эта игра решает немаловажную задачу по развитию навыка работать в команде, ведь играя в команде, баскетболист думает наперед, он должен знать достоинства и недостатки каждого игрока, будь то соперник или товарищ. От того, насколько плотно взаимодействуют и понимают друг друга игроки напрямую зависит результат. Тут команда должна играть по определенной тактике или стратегии, в которой каждый выполняет отведенную ему роль.

В-третьих, соперничество в процессе игры становится сильнейшим мотиватором для априори амбициозных игроков, в том числе к развитию способностей, таких как ловкость, скорость, внимание, точность, которые ведут к победе. Ведь зачастую все зависит от долей секунд, когда один подмигнул другому, когда второй быстрее добежал, или от миллиметров, когда третий выше прыгнул или четвертый, который всех обвел.

В-четвертых, повышает уровень осознания ответственности за свои слова, жесты и действия. Ведь ошибка одного игрока, его необдуманные действия, зачастую могут стать решающими для команды. Конечно, команда должна подсказать и помочь такому игроку, однако нередки и негативные эмоции в сторону такого игрока, что само собой заставит задуматься игрока о том, что он не так делает, и каким должно быть его дальнейшее поведение [4].

На вопрос: «В чем заключается анатомическое влияние баскетбола на физиологию человека?» существует масса ответов, среди которых: Качественно положительные изменения в сердечно-сосудистой системе; Увеличение объема легких; Укрепление костей и суставов; Улучшение работу мозга; Развитие координации; Наращивание мышечной массы; Совершенствование пространственного (глубинного) зрения.

Отличительной чертой данного вида спорта можно назвать и то, что за секунду может поменяться весь ход игры. Игроку приходится перестраиваться и адаптироваться, в независимости от того, что находится он с мячом или нет. Побывав множество раз в различных игровых ситуациях сотрудник полиции будет гораздо проще воспринимать другие моменты, с которыми он может столкнуться в повседневной жизни, баскетболист в реальной жизни способен оперативно ориентироваться и адаптироваться в резко возникающих ситуациях, требующих быстрого и единственного верного решения.

Еще одним большим плюсом игры в баскетбол это эмоциональная разрядка в процессе, которая подразумевает под собой расслабление и снижение тонуса после напряженной умственной или психологической деятельности полиции. Кто-то снимает стресс алкоголем, кто-то заедает его, по нашему мнению, лучше всего избавиться от стресса при помощи спорта. Спорт помогает преодолевать разрушающие эмоции, так как вовремя занятием спорта поглощается кортизол – гормон стресса, и вырабатывается эндорфин – гормон счастья. Важно понимать, что эмоции – это продолжение организма. А баскетбол – это игра, в которой игрок по максимуму задействует свой организм. Активность без агрессии – это баскетбол, что избавит от эмоции гнева. От грусти, как желание найти понимания среди людей, так же можно избавиться при игре в баскетбол, так как она командная. Страх – баскетбол поможет вам укрепить веру в себя.

Осмыслив все выше изложенной можно сделать вывод о том, что баскетбол для человека, будь он школьником, курсантом или действующим сотрудником полиции – это не просто игра, чтобы повеселиться, а возможность развить в себе множество различных качеств, позволяющих в дальнейшей жизни преуспеть во многих направлениях развития, получить некую эмоциональную разгрузку и при этом еще развить свое тело, укрепить психологическую устойчивость и социализироваться.

Спорт – это ключ к здоровому будущему, а, как известно в здоровом теле – здоровый дух. Наше исследование свидетельствует о том, что спортивные игры, а в частности баскетбол способствует становлению этого тела и духа в нем. Баскетбол – это универсальная игра для каждого человека, в том числе и для сотрудника органов внутренних дел.

Пристатейный библиографический список

1. Базилевич М. В. Эффективность спортизированных занятий баскетболом в вузе // Физ. культура: воспитание, образование, тренировка. - 2016. - № 4. - С. 25-27.
2. Ботвин И. В. Тенденции уголовной политики по борьбе с «новыми» угрозами // Государство и право в эпоху глобальных перемен: Материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 28-29 июня 2022 года / Под редакцией Д. Л. Проказина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД Российской Федерации, 2022. - С. 166-168.
3. Брантов П. Ю. К 2020 году мы должны вывести баскетбол на второе место по популярности // RMA Спорт. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.eurosport.ru/basketball/story_sto5533798.shtml.
4. Ивчатова Т. В., Запук С. Г. Баскетбол в физическом воспитании студентов нефизкультурных вузов // Педагогика, психология и медико-биол. проблемы. - 2010. - № 5. - С. 69-71.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-502-504

НУРМУХАМЕТОВА Ирина Фасхутовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Факультета психологии Уфимского университета науки и технологий

АСАФЬЕВА Наталья Валерьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Факультета психологии Уфимского университета науки и технологий

ДАВТЯН Валентина Гарниковна

ассистент кафедры общей психологии Факультета психологии Уфимского университета науки и технологий

СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Работа направлена на изучение психологических особенностей адаптационных возможностей личности, выполняющей задачи в экстремальных ситуациях. Представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке сотрудников ОВД г. Уфы по Республике Башкортостан. Использовались бланковые, аппаратные, компьютерные тесты. Бланковые методики представлены личностными закрытыми опросниками – самоотчетами испытуемых об адаптационных возможностях. Аппаратурные тесты применялись при физиологическом обследовании с использованием рефлексометрии. Компьютерная диагностика проводилась при исследовании памяти и внимания, отдельных черт личности с применением методики «СМИЛ». Полученные результаты дают возможность говорить о том, что адаптационные возможности сотрудников, выполняющих задачи в экстремальных ситуациях, снижены, им характерно стремление избегать излишней откровенности, недостаточная осторожность и осмотрительность в поступках, некоторая жесткость в поведении и неразборчивость в контактах, а психофизиологические показатели и показатели внимания указывают на наличие низкой способности к концентрации внимания и неудовлетворительный уровень адаптации системы кровообращения к физическим нагрузкам.

Ключевые слова: адаптация, адаптационные возможности, личность, сотрудники ОВД.

NURMUKHAMEDOVA Irina Faskhutovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of General psychology sub-faculty of the Faculty of Psychology of the Ufa University of Science and Technology

ASAFJEVA Natalya Valerjevna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of General psychology sub-faculty of the Faculty of Psychology of the Ufa University of Science and Technology

DAVTYAN Valentina Garnikovna

assistant of General psychology sub-faculty of the Faculty of Psychology of the Ufa University of Science and Technology

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE ADAPTIVE CAPABILITIES OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

This article is aimed at the study of psychological features of the adaptive capabilities of a person performing tasks in extreme situations. Materials of empirical research received on a sample of employees of the Department of Internal Affairs of the city of Ufa in the Republic of Bashkortostan are presented. Blank, instrumental and computer tests were used. Blank methods are represented by personal closed questionnaires – self-reports of examinees about adaptive capabilities. Hardware tests were used during physiological examination by reflexometry. Computer diagnostics was used to examine memory and attention, as well as some personality traits using the "SMIL" method. The results obtained allow us to say that the adaptive capacity of the employees performing tasks in extreme situations is reduced, they are characterized by the desire to avoid excessive frankness, lack of caution and prudence in the actions, some rigidity in behavior and promiscuity in contacts, and psychophysiological indicators and indicators of attention indicate a low ability to concentrate attention and poor level of adaptation of the circulatory system to physical exertion.

Keywords: adaptation, adaptive capacity, personality, IAA officers.

На сегодняшний день в сфере юридической психологии и права остро встает вопрос о профилактике профессиональных деструкций личности, чья деятельность предъявляет повышенные требования к ее адаптационным резервам, в частности в системе МВД Российской Федерации. В этом свете наиболее актуальным становится изучение адаптационных возможностей сотрудников органов внутренних дел, выполняющих служебные задачи в особых условиях. Анализ специфики нарастания негативных тенденций на ранних стадиях позволит специалистам-психологам своевременно выявлять признаки психологической, психической, социальной или физиологической дезадаптации.

Проблема адаптивных возможностей человека берет свое начало еще с античных времен в трудах Гераклита (адаптация – это способность человека мыслить, анализировать, выявлять закономерности), позднее к ней обратились такие философы, например, как А. Августин, А. П. Абеляр, Ф. Аквинский, Ибн-Сина, Б. Телезио, Ж. Кальвин, Б. Спиноза и др.

В прошлом веке вопросы адаптации рассматривались, в частности, Г. Селье (учение о стрессах и нервных расстройствах), И. М. Давыдовским (адаптационные механизмы в условиях патологии), Ж. Пиаже (психологическая модель адаптивно-го интеллекта), R. R. Grinker, J. P. Spiegel (анализ воздействия комплекса социально-психологических факторов на адаптацию к службе в условиях военных действий), Ф. Б. Березином (нарушение отдельных составляющих психической адаптации; тревожный ряд, который представляет существенный элемент процесса психической адаптации), Г. И. Косицким (фазы развития дезадаптации), А. Г. Амбрумовой и В. А. Тихоненко (два вида психической дезадаптации в зависимости от длительности нарушений, наличия и обратимости сопутствующих личностных изменений), Ц. П. Короленко (синдром психоэмоционального напряжения), Ю. А. Александровским (взаимосвязь собственно психических расстройств с вегетативными дисфункциями, а также взаимосвязь болезненных расстройств с личностно-типологическими особенностями).

ностями) и т.д. На сегодняшний день, вопрос адаптивности и адаптации, в целом, представлен в трудах таких исследователей, например, как Г. С. Човдырова (концепция поэтапной психологической адаптации и последующей реабилитации и реадaptации личного состава МВД к условиям профессиональной деятельности); Н. П. Маюров, П. Н. Маюров, О. Д. Ороева (специфика профессиональной адаптации молодых сотрудников МВД к службе) и др.

Обобщая проанализированный теоретический и практико-ориентированный материал по проблеме изучения адаптационных возможностей личности в отечественной и зарубежной психологии, можно отметить, что психическая адаптация является сплошным процессом, который, наряду с собственно психической адаптацией (то есть поддержанием психического гомеостаза), включает в себя ещё два аспекта: оптимизацию постоянного воздействия индивидуума с окружением; установление адекватного соответствия между психическими и физиологическими характеристиками. При этом, изучение адаптационных процессов тесно связано с представлением об эмоциональном напряжении и стрессе. Ценой эффективности деятельности в подобных условиях является истощение физиологических и психических ресурсов.

Однако психологические особенности личности определяют не только время, в течение которого человек может успешно действовать в экстремальных условиях, но и насколько быстро и успешно он может вернуться к обычной жизни. При действии на организм экстремальных нагрузок, особенно в ситуации хронического напряжения, психическая адаптация нарушается в первую очередь. Нарушение психической адаптации в условиях хронической стрессогенной ситуации развивается поэтапно, при чем четыре стадии психологического кризиса на физиологическом уровне аналогичны описанной Г. И. Косицким [2] последовательности стадий хронического стресса: первичный рост психического напряжения, сопровождающийся различными попытками приспособления к ситуации; дальнейший рост напряжения в условиях, когда эти попытки оказываются безрезультатными; еще большее увеличение психического напряжения; стадия срыва, характеризующаяся повышением тревоги и депрессии, чувствами беспомощности и безнадежности, дезорганизацией личности.

В целом, нарушение психофизиологической адаптации чаще всего описывается различными авторами (Р. М. Баевский, А. П. Берсенева, А. И. Еремеева, В. П. Казначеев, Э. И. Киршбаум и др.) в рамках астеноневротических и ипохондрических реакций. Как считают, Ю. М. Губачёв, Б. В. Иовлев, Б. Д. Карвасарский и другие, именно астеноневротический синдром является наиболее универсальным проявлением любых состояний психической дезадаптации. Как отмечают отечественные исследователи, он включает расстройство психической работоспособности при полной интеллектуальной сохранности (понижение «психического тонуса» – интенции, нарушение активного внимания, специфические изменения ассоциативной деятельности и др.), эмоциональные нарушения, развивающиеся на фоне измененного самочувствия (подавленность, беспредметное недомогание, сочетающееся с неудовольствием, раздражительностью, беспокойством), соматические и вегетативные дисфункции – головную боль, расстройство сна, приступы сердцебиения и прочие «физические симптомы с психосоциальными компонентами» [1].

Исходя из всего вышесказанного возникло предположение о том, что адаптационные возможности организма сотрудников, находящихся в экстремальной ситуации и сотрудников, служебная деятельность которых не сопряжена с экстремальными ситуациями, имеют свои различия как по психологическим показателям, таким как уровень тревоги и интроверсии, так и по психофизиологическим показателям.

В данном исследовании было проанализировано 100 сотрудников МВД в возрасте от 25 до 40 лет, которые были разделены на две группы по 50 человек в каждой: сотрудники, находящиеся в экстремальной ситуации (экспериментальная группа) и сотрудники, служебная деятельность которых не сопряжена с экстремальными ситуациями (контрольная группа). Сбор данных по группе сотрудников, выполняющих задачи в особых условиях, осуществлялся перед проведением психологического обследования. Изучались служебные, психологические и медицинские характеристики, архивные материалы психодиагностических обследований с момента приема на службу сотрудника в органы внутренних дел до настоящего времени. Определялся объем диагностических методов по каждому сотруднику индивидуально. Использовались бланковые, аппаратные, компьютерные тесты.

Бланковые методики представлены личностными закрытыми опросниками – самоотчетами испытуемых об адаптационных возможностях. Аппаратурные тесты применялись при физиологическом обследовании с использованием рефлексометрии, компьютерная диагностика проводилась при исследовании памяти и внимания, отдельных черт личности с применением методики «СМИЛ». Так как групповое обследование позволяло одновременно проводить испытания со всей группой сотрудников, то инструкция и процедура обследования были детально разработаны, строго соблюдалось единообразие условий проведения исследования. Обработка результатов групповых тестов обрабатывалась на ЭВМ при помощи сканерной программы, разработанной ГЦПД МВД России. Результаты психофизиологического обследования фиксировались врачами функциональной диагностики в амбулаторной карте сотрудников, материалы индивидуального собеседования с психологом оформлялись в протоколах психодиагностического обследования. Психологические заключения по результатам комплексного психодиагностического обследования для кадровых аппаратов МВД носили рекомендательный характер и по своему содержанию отражали уровень здоровья сотрудника.

В ходе проведения качественного анализа эмпирических данных выявлено, что показатели шкал достоверности в обеих группах сотрудников МВД находятся в диапазоне нормы, поэтому, материалы тестирования можно считать достоверными и интерпретировать. Показатели самооценки и коррекции сотрудников в обеих группах находятся на среднем уровне. Вместе с тем, было обнаружено, что по шкале «Сверхконтроля» методики «СМИЛ» как в экспериментальной, так и в контрольной группе преобладают средние показатели. В целом, это показывает, что в большинстве случаев сотрудники МВД адекватно относятся к своему физическому и психологическому благополучию, однако озабоченность состоянием своего здоровья выражают 4% сотрудников МВД обеих групп, а равнодушные к своему организму проявляют 4% респондентов из числа лиц, не выполняющих задачи, связанные с длительным постоянным воздействием неблагоприятных стрессовых факторов и 2% сотрудников, служебная деятельность которых сопряжена с экстремальными ситуациями, что указывает на исполнительность и умение подчиняться установленному порядку и следовать определенным инструкциям со стороны руководства большинства сотрудников обеих групп.

Также, для лиц, находящихся в экстремальных условиях, свойственно демонстрировать умеренную пессимистичность, что в процентном соотношении составляет 92% испытуемых от общего числа выборки экспериментальной группы. Тогда как этот же результат в группе лиц, не проходящих службу в экстремальных ситуациях, по той же шкале, характерен для 78% респондентов ($t=4,088$ при $p=0,001$). Полученные данные могут свидетельствовать о наибольшей сплоченности коллектива и наиболее четко поставленными целями перед сотрудниками МВД, находящимися в экстремальных условиях, чем у сотрудников МВД, не проходящих службу в экстремальных ситуациях. При этом, поведение испытуемых, участвующих в экстремальных ситуациях, отражает эмоциональную неустойчивость с низкой конформностью, высокий уровень эмоциональной напряженности, что может быть связано с выраженным стрессом. Однако, сотрудники МВД из экспериментальной группы меньше застревают на негативных эмоциях, так как стрессовая обстановка является для них привычной, и они к ней наиболее адаптированы, чем сотрудники МВД контрольной группы, о чем свидетельствуют высокие показатели по шкале ригидности у испытуемых экспериментальной группы. Тогда как у респондентов из числа работников МВД, чья деятельность не подвержена высоким эмоциональным нагрузкам и стресс-факторам, наоборот, фиксируется склонность демонстрировать умеренную устойчивость эмоций и пониженную чувствительность к средовым воздействиям ($t=3,069$, $p=0,001$). Тем не менее, анализ этих данных показывает, что сотрудники МВД, находящиеся в экстремальных условиях, более обдуманно совершают свои поступки и контролируют свои действия, при этом, импульсивность сохраняется у лиц с поведенческими реакциями по возбудимому типу. Полученный результат перекликается с высокими показателями по шкале «Интроверсия» у сотрудников МВД из числа экспериментальной группы, что символизирует о более высокой приспособляемости к смене окружающей среды и новой социальной группе, в отличие от испытуемых, не подверженных негативной среде и стресс-факторам, которых характеризует выраженная общитель-

ность, непринужденность в выставлении напоказ своих характерологических черт и отсутствие застенчивости ($t=2,215$, $p=0,03$).

Также, сравнительный анализ психологических показателей адаптационных возможностей респондентов из экспериментальной группы и респондентов из числа лиц контрольной группы, показал значимые различия по таким переменным методики «СМИЛ» как шкала достоверности «F» ($t=2,205$, $p=0,01$), «Тревожность» ($t=2,155$, $p=0,01$) и по системным показателям крови (КРВН) ($t=2,254$, $p=0,001$). С психологической точки зрения, это указывает на то, что сотрудники ОВД, не пребывающие постоянно в экстремальной ситуации, отличаются избыточной старательностью при выраженной самокритичности и откровенности. Сниженные показатели тревожности и системные показатели крови у сотрудников ОВД, длительное время находящихся в среде постоянного воздействия неблагоприятных стрессовых факторов, свидетельствуют о том, что основная их часть не испытывает тревогу, волнение и беспокойство в условиях своей постоянной деятельности в стрессовой ситуации в следствии «эффекта закалывания», но некоторые из них, в силу своих характерологических особенностей, отличаются неуверенностью в себе и на стрессовые ситуации реагируют более болезненно, чем остальные. Полученный результат соотносится с данными по шкале «Мужественность-женственность» методики «СМИЛ»: сотрудники экспериментальной группы более маскулинны, жестче, увереннее и самостоятельнее, чем сотрудники из контрольной группы ($t=3,554$, $p=0,01$). При этом, проведенный качественный анализ психофизиологических состояний сотрудников обеих групп, с помощью оценки объема кратковременной памяти и устойчивости внимания, свидетельствует о сниженных показателях внимания в экспериментальной группе респондентов ($t=3,769$, $p=0,001$). Данный результат косвенно указывает на то, что неблагоприятная среда и характерные стресс-факторы оказывают негативное воздействие на когнитивную сферу работника, в результате чего, у него наступает истощение психических процессов, снижается устойчивость и концентрация внимания. В определенной степени, сказанное подтверждает мысль о том, что длительное воздействие стрессовых факторов негативно влияет на адаптационные возможности личности и отражается в их снижении.

В целом, сотрудники ОВД, из числа лиц экспериментальной группы, характеризуются положительным настроением и готовностью к несению служебных обязанностей в особых условиях, так как эта деятельность для них наиболее предсказуема и привычна и является для них постоянной, в отличие от сотрудников контрольной группы, деятельность которой разносторонне направлена и нестабильна ($t=4,061$, $p=0,001$).

Далее была произведена факторизация всех переменных для каждой выборки испытуемых для подтверждения выдвинутой гипотезы о том, что адаптационные возможности сотрудников ОВД, подверженных стресс-факторам и пребывающих в экстремальной ситуации, имеют свою специфику по психологическим и психофизиологическим показателям в отличие от сотрудников ОВД, служебная деятельность которых не сопряжена с экстремальными ситуациями.

Исходя из данных факторизации переменных между личностными и психофизиологическими показателями сотрудников ОВД, служебная деятельность которых сопряжена и не сопряжена с экстремальными ситуациями, как в экспериментальной, так и в контрольной группах были обнаружены по три значимых фактора.

В первый фактор у контрольной группы со статистически значимыми весами вошли показатели шкалы коррекции ($f=0,842$), сверхконтроля ($f=0,808$) и эмоциональной лабильности ($f=0,712$), интроверсии ($f=0,865$). Исходя из этого, его допустимо именовать как «ипохондрично-интровертированный фактор», который определяет адаптационные возможности сотрудников, не выполняющих задачи в экстремальной ситуации. С качественной стороны переменные этого фактора указывают установочное поведение испытуемых к процедуре обследования, им свойственны пониженная чувствительность к средовым воздействиям, негибкий и пассивный стиль межличностного взаимодействия, стремление к самоутверждению, высокий уровень притязаний. Тогда как у лиц из экспериментальной группы первый фактор характеризуется наличием показателей достоверности «F» ($f=0,716$), мужественности-женственности ($f=0,777$) и интроверсии ($f=0,821$). Его можно назвать «сензитивно-интровертированный фактор», который определяет адаптационные возможности

сотрудников, выполняющих задачи в экстремальной ситуации. С качественной стороны переменные этого фактора указывают на взволнованность респондентов в период опроса, а также на трудности вживания в новую «микрогруппу», им характерна грубость в поведении, замкнутость, внутренняя ранимость, трудности в налаживании межличностных взаимоотношений.

Стоит отметить, что респонденты из контрольной группы более оптимистичны и общительны, нежели представители экспериментальной группы. О чем свидетельствуют показатели второго фактора. Так, в контрольной группе испытуемых со значимыми весами в него вошли отрицательные показатели шкалы депрессии ($f=0,717$) и положительные показатели шкалы оптимистичности, активности ($f=0,808$). Условно его можно обозвать как «фактор оптимистичности», который указывает на то, что испытуемым из контрольной группы свойственны позитивная самооценка, высокая мотивация достижения, ориентированная в большей степени на моторную подвижность и речевую продукцию, нежели на конкретные цели. В то время как респондентам из экспериментальной группы, чья деятельность сопряжена с риском и экстремальными ситуациями, наоборот, преимущественно характерен пессимизм.

Вместе с тем, лицам из экспериментальной группы свойственны также устойчивость интересов, рациональность склада ума с его недостаточной гибкостью ($f=0,781$) и трудностями переключения внимания ($f=0,732$) при внезапно меняющейся ситуации, что может объяснять снижение уровня продуктивности при эмоциональном напряжении и снижение показателей мнестических функций ($f=0,809$), о чем свидетельствуют показатели третьего фактора, условно обозначенного нами как «регидно-мнестический фактор». Тогда как у респондентов контрольной группы третий фактор вообрал в себя системные показатели крови и такие переменные как «эмоциональная устойчивость» ($f=0,898$), «индивидуальность» ($f=0,728$). Условно его можно назвать «фактором нервно-эмоциональной лабильности», который определяет умеренные адаптационные возможности организма сотрудников, не выполняющих задачи в экстремальной ситуации, проявляя индивидуализм при решении проблемной ситуации, социальную гибкость и эмоциональную устойчивость.

Таким образом, можно подытожить, что служебная деятельность сотрудников ОВД, находящихся в экстремальных ситуациях, характеризуется напряженностью труда, нагрузкой преимущественно отражается на центральной нервной системе, органах чувств и эмоциональной сфере сотрудника. При чрезмерном или протяженном психоэмоциональном напряжении, превышающем барьер психической устойчивости, адаптивная стресс-реакция переходит в патогенную, проявляющуюся в дезорганизации психосоциальных и психофизиологических функций индивидуума. Как следствие этого, сотрудники, выполняющие задачи в экстремальных ситуациях отличаются недостаточной осторожностью и осмотриельностью в поступках, некоторой демонстративностью и недостаточной разборчивостью в контактах, низкой способностью к концентрации внимания и неудовлетворительным уровнем адаптации системы кровообращения к физическим нагрузкам, что подтверждает гипотезу о наличии характерных особенностей адаптационных возможностей организма сотрудников ОВД, находящихся в экстремальных ситуациях по психологическим и психофизиологическим признакам. Необходимо подчеркнуть, сотрудники ОВД, выполняющие задачи в экстремальных ситуациях нуждаются в обязательном проведении комплексных психокоррекционных, реабилитационных и лечебно-оздоровительных мероприятий для восстановления адаптационных возможностей и функциональных резервов организма. Что позволит обеспечить сохранность профессионального здоровья, избежав или минимизировав нарушения социальной, служебно-профессиональной адаптации, развитие аддиктивных форм поведения, так и формирование различных психических нарушений.

Пристатейный библиографический список

1. Дашко М. Н., Виноградов М. В. Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел: новый подход к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на службу в подразделения МВД. – Психопедагогика в правоохранительных органах, 2015. – Том 62. – № 3. – С. 101-102.
2. Косицкий Г. И., Дьяконова И. Н. Резервы нашего организма. – М.: Просвещение, 1993. – 158 с.

ЩЕЛКОНОВ Евгений Евгеньевич

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России

БЫЧКОВ Сергей Николаевич

доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

ДЕРЮШЕВА Олеся Ивановна

доцент кафедры юриспруденции Воронежского экономико-правового института

ПРАНИЦКАЯ Татьяна Олеговна

доцент кафедры гражданского и трудового права Воронежского института ФСИН России

СЕМЕНОВ Константин Петрович

доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России

О НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ТАКТИКИ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматривается проблема исследования психологических аспектов тактики задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, как элемента личной безопасности сотрудников органов внутренних дел, а также деятельность по соблюдению мер личной безопасности при производстве задержания подозреваемых в совершении преступления лиц сотрудниками органов внутренних дел РФ. Ценность проведенного исследования заключается в привлечении внимания к обеспечению личной безопасности каждого сотрудника ОВД для снижения риска в процессе несения службы.

Ключевые слова: тактико-специальная подготовка, психология задержания преступника, личная безопасность.

SHCHELKONOGOV Evgeniy Evgenjevich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

BYCHKOV Sergey Nikolaevich

associate professor of Criminal law sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice

DERYUSHEVA Olesya Ivanovna

associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Voronezh Institute of Economics and Law

PRANITSKAYA Tatyana Olegovna

associate professor of Civil and labor law sub-faculty of the Voronezh Institute of the FPS of Russia

SEMENOV Konstantin Petrovich

associate professor of Criminal law sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

DETENTION OF PERSONS SUSPECTED OF COMMITTING A CRIME: PHYSICAL ASPECTS OF ENSURING THE PERSONAL SAFETY OF POLICE OFFICERS

The article deals with the problem of studying the psychological aspects of the tactics of detaining persons suspected of committing a crime as an element of personal security of employees of internal affairs bodies, as well as activities to comply with personal security measures during the detention of persons suspected of committing a crime by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The value of the conducted research lies in drawing attention to ensuring the personal safety of each employee of the Department of Internal Affairs in order to reduce the risk in the course of service.

Keywords: tactical and special training, physical aspects of detaining a criminal, personal security.

В настоящее время всё более актуальной для системы органов внутренних дел становится формулировка о том, что морально-психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел важна так же, как и служебно-боевая. Под психологической концепцией (аспектом) тактики задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, сотрудниками полиции понимают соответствие специальных мер, которые направлены на профилактику, и предотвращение профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел под влиянием стрессов, перегрузок и иных психотравмирующих факторов, которые связаны с непосредственным выполнением полицейским оперативно-служебных задач [1, с. 46-48].

Производство задержания предполагаемого преступника требует от сотрудников ОВД не только знания установленных образцов документов, возможных способов распознавания их фальсификации, но и знания тактики проведения данного

неотложного действия. На основании вышеизложенного одной из специальных целей психологической подготовки сотрудников ОВД к выполнению ими оперативно-служебных задач является обеспечение и достижение должного уровня личной безопасности каждого сотрудника, заступающего на службу. Именно выработка и планомерное развитие определённых психологических качеств в будущем позволит сотрудникам быстро, чётко и, главное – спокойно, оценить любую ситуацию, принять правильное решение, не идти на необоснованный риск.

Психологические аспекты задержания выражаются в её тактике. На сотрудников возлагается обязанность использовать полученные ими навыки по распознаванию психотипов личности (профайлинг), признаков поведения человека, для того, чтобы вовремя распознать намерения задерживаемого лица совершить какое-либо действие. Как показывает практика, применение таких психологических знаний, которые

часто ошибочно считаются «интуицией», не редко спасает сотрудникам жизнь, то есть обеспечивает их безопасность [2, с. 355].

Таким образом, исходя из предписанных психологических аспектов тактики задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, сотрудник должен быть не только бдителен, осмотрителен, но и должен соблюдать ряд рекомендаций.

Также стоит отметить, что психологическая подготовка помогает сотруднику спокойно держать в поле зрения всех лиц, находящихся на месте происшествия, включая тех, кто на первый взгляд абсолютно не причастен к преступлению.

Во-первых, следует внимательно рассмотреть одежду человека, обувь, причёску, личные вещи, так как внешний вид человека в целом способен многое сказать о нём. В каждой ситуации детали внешнего вида способны «рассказать» о своём хозяине очень много. На примере одних и тех же туфель в двух ситуациях на месте сотрудника ОВД можно сделать различные выводы. Так, при проверке документов в аэропорту у опрятно одетого мужчины начищенные туфли как деталь внешнего вида скажут об опрятности и педантичности хозяина, позволят примерно определить его психотип, предсказать его поведение. А в ситуации, когда было совершено убийство или причинён тяжкий вред здоровью, сотрудник замечает гражданина, находящегося рядом с местом преступления, на туфлях которого присутствуют пятна бурого цвета. В данном случае пятна могут свидетельствовать о возможной причастности лица к совершению преступления и становятся основанием к задержанию данного гражданина. Поэтому сотруднику всегда следует быть внимательным к деталям внешнего вида лица, подозреваемого в совершении правонарушения.

Во-вторых, при задержании лица следует посмотреть ему в глаза. Этот психологический приём позволит увидеть мгновенное движение глаз, которое обычно предшествует совершению общественно опасного деяния. В ситуации, когда сотрудник разговаривает с задерживаемым лицом, разъясняет ему права и обязанности, а лицо смотрит в живот сотруднику, в область грудной клетки – может означать, что задерживаемый готовится нанести удар в эту область тела. Прежде чем атаковать, он «прицеливается» в ту область, куда готовится нанести удар – для сотрудника в это время главное не упустить момент и вовремя среагировать, обеспечить свою личную безопасность, а также безопасность граждан, если таковые находятся в непосредственной близости.

Также при производстве личного досмотра, являющегося неотъемлемым элементом задержания, когда в руках сотрудников находятся личные вещи задержанного, взгляд подозреваемого на какие-то отдельные предметы и документы, нервозность, суетливость, могут свидетельствовать о том, что, зная место возможного сокрытия орудий преступления, предметов ограниченных в гражданском обороте или изъятых из такового, преступник боится разоблачения. Машинально, не задумываясь, при встрече с сотрудниками ОВД, он будет отводить взгляд, или трогать карман, в котором лежит похищенный телефон или иное имущество.

В-третьих, внимательное наблюдение за тем, как лицо осуществляет команды сотрудника при задержании способно предотвратить нападение на него. Никогда не стоит исключать возможности того, что вместо документа, удостоверяющего личность, лицо достанет оружие или же предмет, которым могут быть нанесены телесные повреждения. Сотруднику в такие моменты следует стоять вполборота (левым боком, т.к. справа у сотрудника – табельное оружие): это позволит исключить удары на поражение и неожиданность нападения в целом. Также не стоит забывать, что лицо, страхующие сотрудника (в большинстве – напарник) должен находиться в таком положении, чтобы проверяющий не был на линии огня; документы, которые случайно уронил граж-

данин, ни при каких обстоятельствах поднимать сотруднику лично – следует вежливо попросить об этом лицо проверяемое.

В-четвертых, при производстве задержания (вне зависимости от поведения задерживаемых лиц) следует быть сдержанным, уверенным, не повышать голос, не употреблять ненормативную лексику, а также сохранять спокойствие. Именно нерушимость спокойствия сотрудника, холодность рассудка, умение контролировать свои эмоции позволяют ему даже в чрезвычайной обстановке оценивать ситуацию разумно, не поддаваясь эмоциям. Следует разговаривать вежливо, настойчиво и уверенно – это даёт сотруднику психологическую основу для того, чтобы чувствовать свою правоту и уверенность.

Преваляющую роль в обеспечении личной безопасности каждого сотрудника полиции играет регулярная психологическая и моральная подготовка. Основопологающим фактором данной деятельности выступает выработка установки на выживание у каждого сотрудника ОВД. Под установкой на выживание в рамках теории тактико-специальной подготовки сотрудников системы МВД России понимается готовность к целенаправленной деятельности по осуществлению мероприятий, направленных на обеспечение должного уровня самозащиты, регулируемая тремя аспектами: познавательным, эмоционально-оценочным и поведенческим.

Одной из неотъемлемых частей ежедневной службы всех подразделений системы МВД России выступает как физический, так и психологический риск. На основании данного фактора программы профессиональной и морально-психологической подготовки сотрудников полиции выстраиваются таким образом, что приоритетным направлением выступает специальная работа по обеспечению личной безопасности сотрудников полиции, то есть целенаправленному уменьшению такого риска до реально возможного предела.

Использование правил тактики проверки документов сотрудниками органов внутренних дел обеспечивает их личную профессиональную безопасность. Представляется возможным утверждать, что личная безопасность должна иметь практическую основу – профессиональную подготовку сотрудников ОВД, а также комплекс морально-нравственных качеств личности, которые в совокупности помогают вовремя правильно оценить изменяющуюся обстановку, принимать единственно верные и правильные решения. Но, стоит помнить о том, что подготовка по своей сути не сможет создать сотруднику реально возможный уровень безопасности при решении конкретной профессиональной задачи, если он сам не приложит колоссальные усилия по формированию у себя психологических установок, конкретных знаний, умений и навыков обеспечения личной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Жикривецкая Ю. В. Психологический анализ личностных качеств сотрудников ОВД при стрессовых ситуациях // Новый университет. – 2013. – № 3 (40). – С. 46-48.
2. Бовин Б. Г. Психологическая пригодность к службе в правоохранительных органах. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 355 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-507-509

ГАЛИМУЛЛИНА Наталья Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

ФАРВАЗОВА Анастасия Вячеславовна

магистрант Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

ГИЛЯЗОВА Алиса Ильдаровна

студент Факультета математики и информационных технологий Башкирского государственного университета

СИЗОНЕНКО Зарина Лероновна

кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

САГАДИЕВА Диана Хадисовна

магистрант Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ОПЛАТЫ ТРУДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Актуальность исследования. В государственных органах власти управление персоналом играет важную роль, так как от этого зависит эффективность предоставляемых государственных услуг. Считаем, что формирование квалифицированного персонала зависит от профессиональных и личностных качеств, методов подбора и отбора кадров, мотивации государственных служащих и стимулирования оплаты труда.

Ключевые слова: мотивация персонала, анализ расходов на оплату труда государственных служащих, государственное учреждение.

GALIMULLINA Natalya Anatoljevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Public Administration sub-faculty of the Bashkir State University

FARVAZOVA Anastasiya Vyacheslavovna

magister student of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

GILYAZOVA Alisa Ildarovna

student, of the Faculty of Mathematics and Informational Technologies of the Bashkir State University

SIZONENKO Zarina Leronovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Public administration sub-faculty of the Bashkir State University, Ufa, Russia

SAGADIEVA Diana Hadisovna

magister student of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

MATERIAL INCENTIVES FOR THE REMUNERATION OF CIVIL SERVANTS

The relevance of research. In public authorities, personnel management plays an important role, since the effectiveness of public services provided depends on it. We believe that the formation of qualified personnel depends on professional and personal qualities, methods of recruitment and selection of personnel, motivation of civil servants and incentives for remuneration.

Keywords: staff motivation, analysis of expenses for the remuneration of civil servants, public institution.

В настоящее время органами государственной власти накоплен достаточный опыт повышения эффективности деятельности государственных служащих [1]. В рамках исследования был рассмотрен опыт мотивации персонала Аппарата Правительства Республики Башкортостан.

В таблице 1 представлены основные показатели деятельности Аппарата Правительства Республики Башкортостан за два года [2].

Как видно по данным, приведенным в таблице 2.1, доходы бюджета сократились на 313,4 тыс. руб. в 2019 году по сравнению

с 2018 годом. Расходы бюджета по плану увеличились на 1035060,9 тыс. руб., что вызвано ростом расходов на оплату труда на 148508,2 тыс.руб. и расширением решаемых вопросов в Правительстве РБ.

Расходы бюджета фактически возросли на 566935,2 тыс. руб., что показывает невыполнение бюджета по причине оптимизации расходов.

Распределение расходов осуществляется в зависимости от полномочий Аппарата Правительства РБ за год. Структура бюджета была изменена и представляет собой достаточно полное отражение распределения средств на оплату труда.

Таблица 1. Основные показатели деятельности Аппарата Правительства Республики Башкортостан за 2018-2019 годы

Наименование показателя	2018 год	2019	Изменение
1. Доходы бюджета учреждения, тыс. руб.	3862,4	3549,0	-313,4
2. Расходы бюджета учреждения по плану, тыс. руб.	1433875,6	2468936,5	1035060,9
3. Расходы бюджета учреждения исполненные, тыс. руб.	1380237,8	1947173,0	566935,2
4. Фонд оплаты труда государственных служащих, тыс. руб.	224842,3	373350,5	148508,2

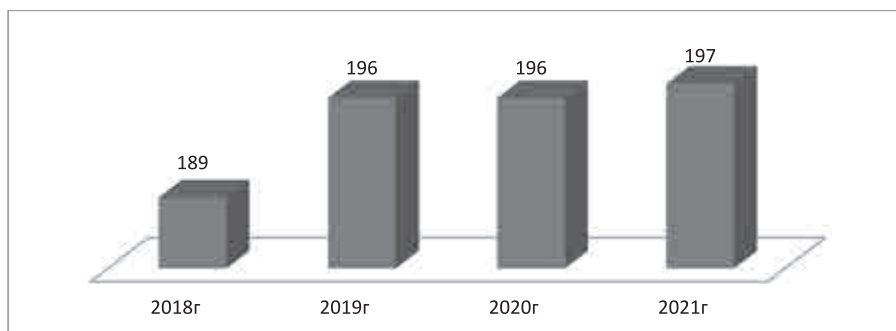

Рисунок 1. Динамика численности государственных служащих Аппарата правительства РБ, человек

Рисунок 2. Структура государственных служащих Аппарата Правительства РБ за 2021 год

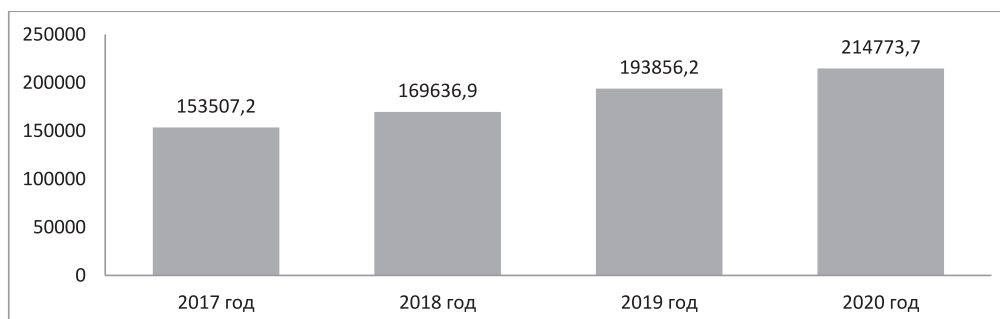

Рисунок 3. Динамика фонда оплаты труда государственных служащих Аппарата Правительства РБ, тыс. руб.

Оплата труда занимает весомую долю в составе расходов бюджета – 18,57 % и на внебюджетные фонды – 5,57 %, что в совокупности составляет 24,14 %.

Динамика среднесписочной численности показывает рост со 189 чел. В 2018 году до 197 человек в 2021 году (см. рис. 1).

Представленные данные характеризуют увеличение численности персонала, фонда оплаты труда и средней заработной платы одного работника в год. Это предусматривает необходимость изучения состава служащих Аппарата Правительства РБ.

В структуре должностей государственной службы наибольшую долю занимают руководители – 44,0 % и специалисты – 40,7 %, что вызвано спецификой государственных услуг, оказываемых Аппаратом Правительства РБ (см. рис. 2).

Полученные данные выявили, что в штатном расписании должностных ставок больше на 13 единиц, чем фактически, и не все работы могут выполняться в срок.

На рисунке 3 приведена динамика фонда оплаты труда государственного учреждения за 2017-2020 годы.

Представленные данные характеризуют достаточное усиление мотивации государственных служащих за четыре года. Рост составляет 61266,5 тыс.руб., однако спектр решаемых задач увеличился и внешние вызовы требуют аналитических исследований и междисциплинарных компетенций.

Приведенные сведения позволяют судить о мотивации государственных служащих Аппарата Правительства РБ. Увеличился фонд материального поощрения на 20959,9 тыс. руб. за рассматриваемый период, так же увеличились выплаты премий на 3552,6 тыс. руб. Это положительно характеризует динамику этих показателей.

В целях повышения эффективности управления персоналом следует использовать следующие методы и приемы управления:

1. Улучшение мотивации и оплаты труда, эффективное использование навыков и знаний работников; совершенствование методов оценки персонала [3].

Таблица 2. Критерии оценивания государственных гражданских служащих

Критерии оценивания	Пояснения	Методы внедрения
Адаптация кадров	– выполнение служебной этики, соответствие стандартам профессии и служащего, – мобильность, открытость, способность найти информацию и правильно ее использовать, – способность отвечать за принятые управленческие решения, – получение положительных результатов и поощрений, – преодоление препятствий и решение проблем;	Привлечение независимых экспертов
Рост и повышение качества профессиональных компетенций	– профессиональное развитие государственных служащих, получение смежных специальностей и дополнительного образования, – повышение уровня подготовки, профессиональных компетенций, умений и навыков;	Стажировка, повышение квалификации, проведение круглых столов и семинаров
Наличие компетенций в соответствии с ФЗ	– квалификационные требования к различным должностям государственной службы обусловлены их функциональными задачами (обязанностями), которые обязан решать государственный служащий.	Выполнение процедуры аттестации
Требования органа государственной власти	– требования знаний специфики территории, языковые навыки, стрессоустойчивость, психологическая устойчивость, принятие решений в сфере деятельности в ограниченном пространстве, ограниченных ресурсах и времени, исполнения служебных обязанностей, соблюдения этики государственного служащего, общественных интересов.	Применение региональных методов оценки кадров

2. Необходимо разработать мероприятия по повышению квалификации сотрудников, направленные на освоение цифровых компетенций, необходимых для освоения новых технологий.

3. Анализ и социальная диагностика государственных служащих.

На законодательном уровне так же предлагаются меры повышения эффективности кадровой работы в государственной гражданской службе:

- совершенствование порядка проведения аттестации гражданских служащих;
- мониторинг эффективности кадровой работы в государственных учреждениях;
- развитие системы социальных гарантий на гражданской службе.

4. Необходимо совершенствование критериев оценивания претендентов на государственную службу. Так предлагаются критерии:

- наличие поощрений по результатам профессиональной деятельности;
- наличие уровня развития профессиональных компетенций аттестуемого служащего в соответствии с картой компетенций (показатель должен достигнуть максимального значения).

К предлагаемым критериям можно отнести требования, приведенные в таблице 2.

Цифровизация и угроза распространения коронавируса выделили новые требования, предъявляемые к государственным гражданским служащим и методам управления [1].

Правительством РФ представлена «Дорожная карта» по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы на период с 2019 по 2021 гг. В этих целях предлагается применение информационных технологий, проведение проверки сведений о лицах, состоящих на службе, при помощи направления электронных запросов, а также федеральной информационной системы в области государственной службы.

Персонал, который не соответствует профессиональным стандартам, должен быть выявлен и направлен на обучение на соответствующие профессии.

Таким образом, предлагаемые мероприятия позволят усилить мотивацию государственных служащих, повысить цифровизацию, улучшить климат в коллективе, сократить время принятия управленческих решений и повысить производительность труда.

Пристатейный библиографический список

1. Игнатъева О. Н., Галимуллина Н. А., Гарипов Р. Р. Анализ методов управления в органах государственной исполнительной власти // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 356-358.
2. Официальный сайт Аппарата Правительства РБ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravitelstvorb.ru/>
3. Полянина О. А., Сизоненко З. Л. проектно-ориентированное обучение в вузе: опыт и ошибки // В сборнике: Современные технологии государственного и муниципального управления. Сборник научных трудов преподавателей, студентов и магистрантов кафедры государственного управления. Отв. редактор З. Л. Сизоненко. Уфа, 2021. С. 39-46.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-510-514

ТОЛИКОВА Елена Эдуардовна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры инновационного предпринимательства Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана

МАКЕЕВ Александр Викторович

студент кафедры инновационного предпринимательства Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ГОТОВНОСТИ БИЗНЕСА К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Статья посвящена исследованию причин трансформации методики оценки инновационного потенциала предприятия в методику оценки готовности бизнеса к цифровой трансформации. Проведено исследование подходов к вопросу оценки инновационного развития экономического субъекта или системы. Сделан вывод о необходимости включения в методики показателей, характеризующих цифровые составляющие бизнес-моделей (кадровая, управленческая, производственная, процессная, цифровая составляющая). Обобщены статистические данные, характеризующие текущее состояние активности бизнеса при использовании цифровых форм ведения бизнеса. Обосновывается актуальность развития методических подходов к количественной оценке готовности бизнес-моделей к цифровой трансформации. Основываясь на базовых показателях оценки инновационного потенциала предприятия, разработаны принципы авторской методики оценки готовности бизнеса к цифровой трансформации (методика - ГЦТ). Представлен: набор расчетных показателей методики ГЦТ; параметры для расчета уровня ГЦТ; критериальные значения показателей ГЦТ бизнес-модели; общий интегральный показатель ГЦТ. Сформулированы перспективные направления совершенствования методической базы оценки бизнес-моделей в целях инновационного развития.

Ключевые слова: инновация, цифровая трансформация, готовность к цифровой трансформации, оценка и анализ, методика, показатели ГЦТ.

TOLIKOVA Elena Eduardovna

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of Innovative entrepreneurship sub-faculty of the N. E. Bauman Moscow State Technical University

MAKEEV Alexander Viktorovich

student of Innovative entrepreneurship sub-faculty of the N. E. Bauman Moscow State Technical University

BUSINESS READINESS ASSESSMENT METHODOLOGY TOWARDS DIGITAL TRANSFORMATION

The article is devoted to the study of the reasons for the transition from methods for assessing the innovative potential of an enterprise to a method for assessing the readiness of a business for digital transformation.

A study of approaches to assessing the innovative development of an economic entity or system was carried out. It was concluded that it is necessary to include in the methodology indicators that characterize the digital components of business models. Statistics characterizing the readiness of the business to switch to digital forms of doing business are summarized. The study justifies the relevance of the development of methodological approaches to the quantitative assessment of the readiness of business models for digital transformation.

Based on the basic indicators of assessing the innovative potential of the enterprise, the principles of the author's methodology for assessing the readiness of the business for digital transformation (methodology - RDT) were developed. Presented: a set of calculated parameters of the RDT method; parameters for calculation of RDT level; criterion values of RDT indicators of the business model; total integral RDT-index. Promising directions for improving the methodological basis for assessing business models for innovative development have been formulated.

Keywords: innovation, digital transformation, readiness for digital transformation, assessment and analysis, methodology, indicators.

Процессы повышения конкурентоспособности предприятий и отраслей ставят новые вопросы актуализации существующей методологической базы по оценке и анализу готовности бизнеса и хозяйствующих субъектов российской экономики к цифровой трансформации в целях инновационного развития.

Полагаем, что направлением совершенствования методологии оценки готовности бизнеса к цифровой трансформации является апелляция к набору показателей, относящихся к характеристикам инновационного потенциала предприятия, но модифицированные под запросы и требования цифрового развития.

Обоснование необходимости формирования методик оценки инновационного потенциала предприятия ставились в работах российских ученых: Владислава Петровича Баран-

чиева, Андрея Андреевича Бовина, Владимира Яковлевича Горфинкеля, Ольги Петровны Молчановой, Виктора Олеговича Мосейко, Анатолия Георгиевича Поршнева. Специфические авторские методики анализа инноваций нашли отражение в трудах Екатерины Александровны Лаптевой, Анны Александровны Трифиловой, Татьяны Альбертовны Гилевой, Александра Александровича Дагаева.

Под термином цифровая трансформация бизнеса понимается комплексное преобразование бизнес-модели, продуктов и услуг, а также бизнес-процессов компании, направленное на рост конкурентоспособности компании и отвечающее критерию экономической эффективности на базе внедрения цифровых технологий, управления на основе данных, развития кадров, компетенций и культуры, а также современных подходов к управлению [4].

Рисунок 1. Направления использования интернета в организациях в 2020 году [8]

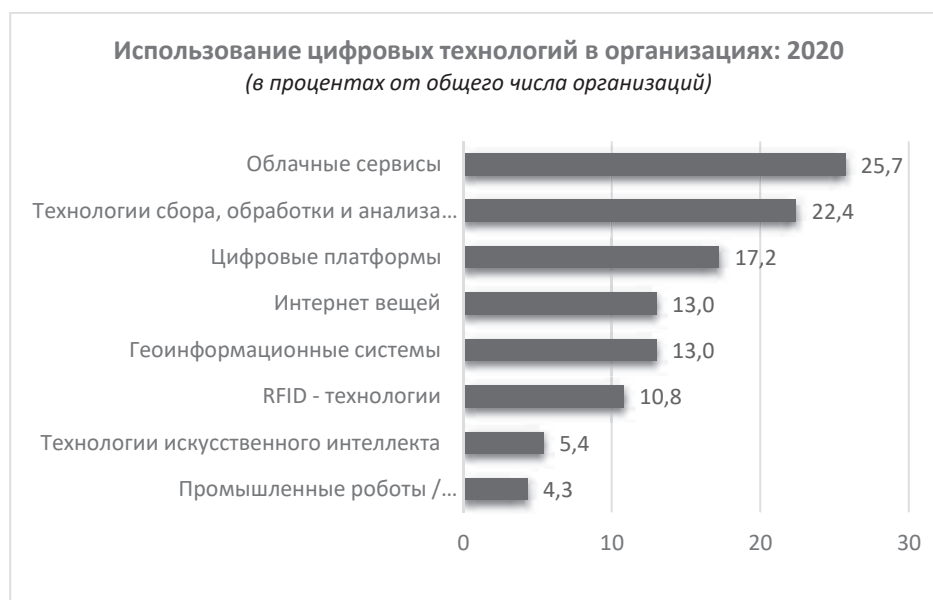

Рисунок 2. Использование цифровых технологий в организациях в 2020 году [8]

Основным регламентирующим нормативным документом в вопросах цифровой трансформации отраслей российской экономики является Указ Президента РФ 2017 года «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [5]. Он утверждает ключевым фактором производства цифровой экономики – «данные в цифровом виде» – обработка и анализ которых позволяют повысить эффективность ресурсов, технологий и процессов экономической деятельности.

Тенденции цифровизации отраслей народного хозяйства российской экономики были усилены пандемией COVID-19. Статистически, динамика роста использования интернета и цифровых технологий организациями российской экономики показана на рисунках 1 и 2.

По данным рисунка 1, в 2020 году направления использования интернета в российских организациях были связаны

с электронной почтой (76,5 %), поиском информации в сети (75,8 %), осуществлением финансовых транзакций (58,8 %).

Рисунок 2 демонстрирует, что наиболее востребованными цифровыми технологиями в организациях в 2020 году являлись облачные сервисы (25,7 %), и технологии сбора и анализа информации (22,4 %).

Вследствие вышесказанного дадим определение «готовности к цифровой трансформации» модели бизнеса – это такое состояние хозяйствующего субъекта, которое характеризуется способностью и возможностью к трансформации текущей бизнес-модели в инновационную, характеризующуюся набором показателей: кадровые, управленческие, производственные, процессные, цифровые показатели.

Процесс оценки инновационного потенциала по методу А. А. Трифиловой включает расчет показателей, характеризующих наличие источников финансирования производ-

Таблица 1. Показатели оценки инновационного потенциала по методике Е. А. Лаптевой

Группа факторов	Наименование показателя
Кадровый потенциал	
Человеческий капитал предприятия	Доля работников, занятых исследованиями и разработками
	Доля работников с учеными степенями и званиями
	Уровень образования менеджеров высшего и среднего звена
	Доля работников, прошедших обучение
Финансовые ресурсы предприятия	Затраты на обучение персонала
Финансово-экономический потенциал	
Финансовые ресурсы предприятия	Обеспеченность собственным капиталом
	Коэффициент автономии
	Затраты на технологические инновации
Научно-технический потенциал	
Достигнутый научно-технический уровень	Обеспеченность интеллектуальной собственностью
	Коэффициент освоения инноваций
Финансовые ресурсы предприятия	Затраты на исследования и разработки
Производственно-технологический потенциал	
Достигнутый производственно-технологический уровень	Обеспеченность основными средствами
	Освоение новой техники
	Освоение новой продукции
Финансовые ресурсы предприятия	Затраты на приобретение машин и оборудования
	Затраты на приобретение технологий
Организационно-управленческий потенциал	
Соответствие организационных структур управления задачам инновационного процесса	Организационные структуры и управленческие системы предприятия
Система мотивации	Система мотивации инновационной (творческой) активности персонала
Факторы инновационной активности	
Человеческий капитал	Готовность работников предприятия к инновациям
Масштаб предприятия	Масштаб предприятия
Отраслевая принадлежность предприятия	Отраслевая принадлежность предприятия

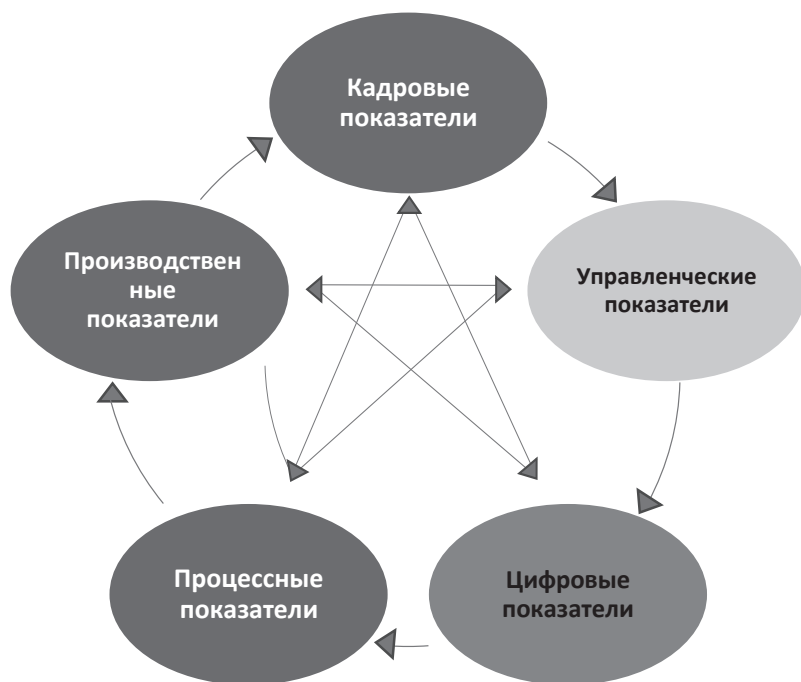

Рисунок 3. Взаимосвязь и взаимозависимость составляющих оценки ГЦТ в бизнес-модели

ственно-хозяйственной деятельности, расчет показателей их достаточности, определение типа финансовой устойчивости предприятия, расчет оценки достаточности покрытия затрат на инновации [6], [7].

И. В. Шляхто [9] для получения интегральной оценки инновационного потенциала оценивает каждую его составляющую (в т.ч. научно-технический, информационный, кадровый, финансовый, производственно-технологический, потребительский, организационный, управленческий потенциал и инновационную культуру).

Е. А. Лаптева предлагает набор «Комплекса показателей оценки инновационного потенциала», состоящий из 21 позиции [2], [3] (таблица 1).

На рисунке 3 показана взаимосвязь и взаимозависимость сфер бизнес-модели, оказывающих влияние на степень готовности к внедрению новых цифровых технологий и цифровой трансформации.

Применяя перечень исходных данных для оценки инновационного потенциала Е. А. Лаптевой, и в целях развития методики внедрения цифровой инноваций, по нашему мнению, следует использовать 9 дополнительных показателей, характеризующих затраты бизнеса на использование интернета, внедрение сквозных цифровых технологий, использование объектов интеллектуальной собственности, лицензионного программного обеспечения и прочих форм, характеризующих цифровую трансформацию бизнеса. К ним отнесем элементы Методики оценки готовности бизнеса к цифровой трансформации (Таблица 2).

Таблица 2. Составляющие методики оценки готовности бизнеса к цифровой трансформации (методика ГЦТ)*

№	Сфера, влияющая на цифровизацию	Показатели оценки ГЦТ	Расчет показателя ГЦТ
1.	Кадровая	- Доля заработной платы персонала, занятого в процессах цифровизации в фонде оплаты труда предприятия (Цк)	$Цк = \frac{ЗПЦ}{ФОТ}$
2.	Управленческая	- Удельный вес затрат на работу с объектами интеллектуальной собственности, лицензиями, патентами, программными средствами в общем объеме затрат на инновации (Цу)	$Цу = \frac{ЗНМА}{ЗИ}$
3.	Производственная	- Доля затрат на цифровую логистику в общем объеме затрат на инновации (Цп)	$Цп = \frac{ЗЦЛ}{ЗИ}$
4.	Процессная	- Доля затрат на создание и внедрение СЭД в общем объеме затрат на инновации (ЦСЭД) - Доля затрат на создание и внедрение CRM в общем объеме затрат на инновации (ЦCRM)	$ЦСЭД = \frac{ЗСЭД}{ЗИ}$ $ЦCRM = \frac{ЗCRM}{ЗИ}$
5.	Цифровая	- Доля затрат на создание и внедрение мобильного приложения в общем объеме затрат на инновации (Цмоб) - Доля затрат на создание и внедрение цифровых двойников продукта в общем объеме затрат на инновации (Цдвойн) - Доля затрат на VR/AR-технологии в общем объеме затрат на инновации (ЦVR/AR) - Доля затрат на IoT в общем объеме затрат на инновации (ЦIoT)	$Цмоб = \frac{ЗМП}{ЗИ}$ $Цдвойн = \frac{ЗЦД}{ЗИ}$ $ЦVR/AR = \frac{ЗVR/AR}{ЗИ}$ $ЦIoT = \frac{ЗIoT}{ЗИ}$

Таблица 3. Параметры для расчета показателей оценки ГЦТ бизнес-модели**

№	Наименование параметра	Обозначение параметра
1.	Фонд оплаты труда предприятия	ФОТ
2.	Заработная плата персонала, занятого в процессах цифровизации	ЗПЦ
3.	Затраты на работу с объектами интеллектуальной собственности, лицензиями, патентами, программными средствами	ЗНМА
4.	Затраты на инновации	ЗИ
5.	Затраты на цифровую логистику	ЗЦЛ
6.	Затраты на создание и внедрение СЭД	ЗСЭД
7.	Затраты на создание и внедрение CRM	ЗCRM
8.	Затраты на создание и внедрение мобильного приложения	ЗМП
9.	Затраты на создание и внедрение цифровых двойников продукта	ЗЦД
10.	Затрат на VR/AR-технологии	ЗVR/AR
11.	Затраты на IoT	ЗIoT

Таблица 4. Критериальные значения показателей оценки ГЦТ бизнес-модели

Кп	Показатели								
	Цк	Цу	Цп	ЦСЭД	ЦCRM	Цмоб	Цдвойн	ЦVR/AR	ЦIoT
0	x = 0								
1	0 % < x < 10 %								
2	10 % ≤ x < 20 %								
3	20 % ≤ x < 30 %								
4	30 % ≤ x < 40 %								
5	40 % ≤ x < 50 %								
6	50 % ≤ x < 60 %								
7	60 % ≤ x < 70 %								
8	70 % ≤ x < 80 %								
9	80 % ≤ x < 90 %								
10	90 % ≤ x ≤ 100 %								

Кроме того, цифровая логистика включает: интеллектуальные системы управления и прослеживания грузов на всех

этапах, автоматизацию документооборота (электронные товарно-транспортные документы) в обеспечении перевозок внутри страны и в международном сообщении с быстрым таможенным оформлением грузов в трансграничном сообщении [

* Разработано Авторами

** Значение параметра – руб.

Таблица 5. Готовность бизнес-модели к цифровой трансформации

Значение показателя ГЦТ	$0 \leq \text{ГЦТ} \leq 4$	$4 < \text{ГЦТ} \leq 7$	$7 < \text{ГЦТ} \leq 10$
Уровень готовности	Низкий	Средний	Высокий

Чтобы привести все частные показатели к сопоставимому виду, необходимо стандартизировать их значения, что достигается путем применения нормировочных коэффициентов или присвоением соответствующего балльного значения, основываясь на разработанных авторами критериальных значениях для каждого показателя.

Предложенные пределы и критериальные значения показателей оценки ГЦТ бизнес-модели (таблица 4) основываются на исследованиях российских экспертов в области инновационной деятельности, на анализе показателей деятельности российских промышленных предприятий, а также на данных статистической отчетности (Росстат).

По результатам определения балльного значения K_n для каждого частного показателя рассчитываем общий интегральный показатель ГЦТ.

$$\text{ГЦТ} = (\sum_{n=0}^{10} \cdot K_n) / n$$

Получаем значение, принадлежащее отрезку $[0; 10]$, по величине которого можно судить о готовности предприятия к цифровой трансформации (таблица 5).

На макроэкономическом уровне критерии оценки готовности государства к цифровой трансформации определены индексом International Digital Economy and Society Index (I-DESI) [10]. Он включает ключевые области DESI, к которым отнесены: человеческий капитал, возможности подключения, интеграция цифровых технологий, цифровые общественные услуги.

Полагаем, что предложенная авторская методика оценки ГЦТ бизнеса, на микроэкономическом уровне расширит управленческие возможности при принятии решений при переводе бизнес-модели на перспективные цифровые технологии.

Пристатейный библиографический список

1. Королева А. А. Экономические эффекты цифровой логистики // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. - 2019. - № 1. - С. 68-76.
2. Лаптева Е. А. Классификация факторов развития инновационного потенциала предприятия // Экономика и предпринимательство. - 2013. - № 9. - С. 495-498.
3. Лаптева Е. А. Комплекс показателей оценки инновационного потенциала предприятия // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). - 2014. - № 3. - Том 2. - С.440-448.
4. «Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием», Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 2020. [Электронный

ресурс]. - Режим доступа: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2022).

5. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2022).
6. Трифилова А. А. Оценка эффективности инновационного развития предприятия. - М.: Финансы и статистика, 2005. - 304 с.
7. Трифилова А. А. Управление инновационным развитием предприятия. - М.: Финансы и статистика, 2003. - 173 с.
8. «Цифровая экономика: 2022. Краткий статистический сборник» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://issek.hse.ru> (дата обращения: 10.10.2022).
9. Шляхто И. В. Оценка инновационного потенциала промышленного предприятия // Вестник Брянского государственного технического университета. - 2006. - № 1 (19). - С. 109-115
10. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://unctad.org> (дата обращения: 10.10.2022).

УВАРОВА Марина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры цифровой экономики и информационных технологий Орловского государственного аграрного университета

ПОЛЬШАКОВА Наталья Викторовна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры цифровая экономика и информационные технологии Орловского государственного аграрного университета

ГРИШИНА Светлана Юрьевна

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры цифровая экономика и информационные технологии Орловского государственного аграрного университета

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В САХАРОПРОДУКТОВОМ ПОДКОМПЛЕКСЕ КАК ПРИОРИТЕТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Развитие сахаропродуктового подкомплекса – основа обеспечения продовольственной безопасности по стратегически важному продукту – сахару. Для решения этой задачи экономические субъекты АПК должны повышать эффективность свеклосахарного производства, обеспечивая тем самым конкурентоспособность отечественной сахарной промышленности. В задачи исследования входило изучение современного состояния и тенденций развития свеклосахарного производства Орловщины, анализ динамики показателей урожайности, валового сбора сахарной свеклы – основного источника сырья для производства сахара, обеспеченности свеклосахарного производства материальными ресурсами, оценка экономической результативности свекловодства.

Ключевые слова: производство сахара, импортозамещение, продовольственная безопасность, свеклосахарный подкомплекс, рынок сахара.

UVAROVA Marina Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Digital economics and information technologies sub-faculty of the Oryol State Agrarian University

BOLSHAKOVA Natalya Viktorovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Digital economics and information technologies sub-faculty of the Oryol State Agrarian University

GRISHINA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor, associate professor of Digital economics and information technologies sub-faculty of the Oryol State Agrarian University

IMPORT SUBSTITUTION IN THE SUGAR SUB-COMPLEX AS A FOOD SECURITY PRIORITY

The development of a sugar-producing subcomplex is the basis for ensuring food safety for a strategically important product – sugar. To solve this problem, the economic entities of the agro-industrial complex should increase the efficiency of sugar beet production, thereby ensuring the competitiveness of the domestic sugar industry. The objectives of the study included the study of the current state and trends in the development of sugar beet production in the Oryol region, the analysis of the dynamics of yield indicators, the gross harvest of sugar beet – the main source of raw materials for sugar production, the provision of sugar beet production with material resources, the assessment of the economic effectiveness of beet farming.

Keywords: sugar production, import substitution, food security, beet sugar subcomplex, sugar market.

В пищевой промышленности свеклосахарное производство является одной из наиболее значимых отраслей, оказывающих значительное влияние на продовольственную безопасность страны. Это связано с тем, что Россия входит десятку крупнейших производителей сахара. Производство сахара на территории Российской Федерации прежде всего строится на переработке собственного сырья, в связи с этим интерес к этой отрасли обостран. Заводы, занимающиеся переработкой сахарной свеклы, как правило располагаются недалеко от свеклосеющих хозяйств, это связано с тем, что с увеличением радиуса удаленности от перерабатывающего предприятия возрастает себестоимость производства, затраты на транспортировку и хранение продукции, что существенно влияет на качество сырья (падает уровень дигистации, сахаристости) [1, 3].

Анализ производства сахара из сахарной свеклы показывает, что в январе 2021 г. было произведено в три раза меньше в сравнении с 2020 г. (183 тыс. тонн и 547 тыс. тонн соответственно). В феврале 2021 г. было выработано 5 млн. тонн сахара из сахарной свеклы урожая 2020 г., переработано 98,2 % от общего объема выращенных корнеплодов (31,2 млн. тонн), средняя цена составила 35 896 руб./т. (максимальная цена сложилась в Северо-Кавказском федеральном округе – 39190 руб./т., минимальная – в Сибирском федеральном округе 33480 руб./т.). На потребительском рынке стоимость сахара-песка в среднем оценивается около 48,54 руб./кг. (максимум 62,70 руб./кг в Дальневосточном ФО, минимум – 45,54 руб./кг в Приволжском ФО). По данным Союзроссахара для стабилизации рынка сахара установлено соглашение между основными участниками, занятыми производством сахара (сахароперерабатывающие предприятия, свеклосеющие хозяйства и сахарные заводы), для определения предельной цены на сахар, оно ранжируется от 36 руб./кг у производителя и 46 руб./кг в розничной торговле. В 2021 г. планируется среднее увеличение посевной площади на 14,4 %, так, например, в Липецкой области

на 19 %, Тамбовской – на 13,6 %, в Орловской – на 5-10 %. В связи с этим в регионах уделяется большое внимание свеклосахарному производству и обсуждаются меры поддержки сахарных заводов с привлечением льготных кредитов.

Анализ современного состояния свеклосахарного производства позволил авторам сделать вывод о том, что необходимо выработать механизм, позволяющий совершенствовать экономические отношения между участниками, занимающимися производством сахара из сахарной свеклы.

Анализ таблицы 1 показывает, что наибольшая себестоимость по семенам и посадочному материалу, средствам защиты растений, минеральным удобрениям в Брянске (9090, 21605, 18267 соответственно), затраты на топливо и на 1 га посевов в г. Орле превышают минимальный показатель на 15,2 % и 13,2 %. Себестоимость 1 тонны свеклы в поле ранжируется от 1542 руб./т в Алтайском крае до 3992 руб./т в Воронеже.

Уровень цен на сахар как на внутреннем, так и на мировом рынках оказал влияние на посевные площади в сторону их уменьшения. За последние семь лет показатели достигли своих минимальных значений (2019 г. и первая половина 2020 г.). В этот же период сложились неблагоприятные погодные условия для выращивания сахарной свеклы, урожайность снизилась на 25 % по сравнению с 2019 г. Наибольшая посевная площадь в Краснодарском крае – 171,1, Воронежской области – 114,9 га, минимальная – в Чеченской республике и в Волгоградской области – 1,8 га.

Сокращение посевов сахарной свеклы в сырьевых зонах привело к закрытию за последние годы 6 сахарных заводов, что влечет уменьшение производства сахара на 300 тыс. тонн ежегодно, уменьшению средней продолжительности работы одного сахарного завода от 132 суток до 95 суток в производственном сезоне. Импорт сахара-белого уменьшился с 467 тыс. тонн в 2000 г. до 231 тыс. тонн в 2019 г. и достиг своего минимального показателя 169 тыс. тонн в 2020 г. Аналогичные показатели характерны и для

Таблица 1. Себестоимость производства сахарной свеклы в регионах РФ в 2020 г., руб./т

	Алтайский край	Липецк	Воронеж	Тамбов	Краснодар	Орел	Брянск
Семена и посадочный материал	7756	6650	7191	6846	7595	8997	9090
Средства защиты растений	11420	11118	10840	10133	9266	19839	21605
Минеральные удобрения	10198	14264	16458	14239	12876	15517	18267
Затраты на топливо	3148	3881	3400	3561	3552	7820	5882
Оплата труда с отчислениями	1890	2072	2154	2261	2172	8583	8540
Амортизация техники	14087	13852	13570	13834	13136	13825	13450
затраты на 1 га в поле, руб.	72792	84253	88227	86220	78588	96121	93 194
Урожайность, т/га	47,2	35,6	22,1	28,0	26,3	40	34
Себестоимость 1 т свеклы в поле, руб.	1542	2367	3992	3079	2988	2 955	2 802
Доставка 1 т свеклы до завода, руб.	265	328	314	235	224	290	520
Себестоимость 1 т свеклы на сах. заводе, руб.	1807	2694	4306	3315	3212	3 245	3322

импорта сахара из стран СНГ. (максимум 268 тыс. тонн в 2018 г., минимум – 168 тыс. тонн в 2020 г.). В рассматриваемый период средняя цена уменьшилась с 426 в 2018 г. до 372 долларов за тонну в 2020 г. Средняя цена за 2018 – 2020 г.г. на сахар-песок выросла на 8,7 % с 46,23 до 50,23 руб./кг соответственно). Рост производства сахарной свеклы позволил сократить импорт сахара сырья, но полностью его исключить нельзя в связи с тем, что для некоторых регионов Российской Федерации использование импортного сырья логистически оправдано [2, 4].

По нашему мнению, российский рынок свекловичного сахара является конкурентоспособным и характеризуется достаточно высокой степенью концентрации, что повлияло на себестоимость продукции. Из-за падения цен уменьшился экспорт сахара, сахарные заводы должны в производственный период переработать наибольшее количество свежего свеклосырья, так как при его транспортировке и хранении увеличивается себестоимость и падает уровень дигистации [5, 7]. Если сахарный завод не будет обеспечен сырьем из прилегающей сырьевой зоны, то издержки производства возрастут, производственные мощности будут задействованы не полностью, что повлияет на конкурентоспособность выпускаемой продукции. По данным Росстата себестоимость 1 тонны свеклы на сахарном заводе составляет 2637 руб., при затратах на 1 га в поле – 78774 руб., затраты на минеральные удобрения, средства защиты растений и семена и посадочный материал – 14833, 13000 и 10500 руб. соответственно.

Решение проблем производства сахарной свеклы базируется на оптимальном использовании природно-климатических условий каждого региона страны, что дает возможность эффективного производства в свеклосеющих хозяйствах, которые напрямую связаны с перерабатывающими предприятиями. Уровень устойчивой и эффективной работы каждого звена, входящего в эту цепочку, дает возможность решить социальные проблемы, увеличить заработную плату. Для этого необходимо разработать комплекс мер, направленных на оперативное вмешательство в процесс производства с учетом изменяющихся условий (от природно-климатических до разработки логистических схем доставки продукции). Экономическая эффективность производства сахара из сахарной свеклы определяется урожайностью этой культуры, себестоимостью и рентабельностью производства. За последние три года максимальный валовый сбор сахарной свеклы был в 2019 г. – 22,8 млн. т. При посевной площади 1145 тыс. га и урожайности 480 ц/га.

Увеличение посевных площадей влечет за собой привлечение специализированной уборочной техники, которой не все свеклосеющие хозяйства владеют в нужном количестве. Для устранения диспропорции необходимо внедрение современных технологий, использование районированных семян, развитие мелиорации, комплексной механизации, рациональное использование трудовых ресурсов, что позволит повысить урожайность [4, 6].

Тенденция развития свеклосахарного подкомплекса направлена на увеличение объемов производства, при котором приращение показателей потребления сахара имеет незначительные колебания. Для этого необходимо вектор развития переместить на увеличение экспортных поставок, но решение этого вопроса невозможно без государственной поддержки и привлечения представителей бизнеса разного уровня [6, 8, 9]. Выходом из создавшейся ситуации может стать развитие экспорта продукции переработки сахара, имеющей большое значение в пищевой промышленности и животноводстве (использование жомы, мелассы).

Анализ объемов производства сахара показывает, что несмотря на снижение темпа роста производства, накопленных товарных остатков с учетом произведенного в текущем году,

достаточно для обеспечения внутренней потребности рынка до следующего производственного сезона (расширение по площадям посевов может составить 14,4 %, около 1,06 млн. га). Анализ производства сахара из свеклосахарного сырья позволяет сделать вывод о том, что необходим контроль за производством на каждом этапе, что дает возможность своевременного регулирования, усовершенствования процесса от стадии посева до сбора корнеплодов и их транспортировки на перерабатывающие предприятия, что позволяет повысить конкурентоспособность отечественного свекловодства. Для устранения диспропорции необходимо, чтобы отечественные семена отвечали современным требованиям, имели достаточно высокий биологический потенциал, что позволит повысить пригодность взрослых растений к уборке зарубежными комбайнами.

Таким образом, обеспечение продовольственной безопасности страны и стабилизация продовольственного рынка во многом зависит от повышения эффективности и конкурентоспособности продукции агропромышленного производства. Устойчивое развитие свеклосахарного подкомплекса служит гарантом продовольственной безопасности.

Приставленный библиографический список

1. Аничин В. Л., Сазонов С. В. Основные направления совершенствования хозяйственного механизма АПК // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2012. – № 1. – С. 7-9.
2. Быковская Н. В., Иванова Н. М., Соколов О. Б. Экономическая эффективность производства сахарной свеклы в России // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 1. – С. 258-260.
3. Воинова Н. Е., Чаплыгина О. Г. Свеклосахарное производство как фактор устойчивого развития муниципальных образований Центрального Черноземья // Муниципальные образования современных регионов: проблемы исследования, развития и управления в условиях геоэкономической и политической нестабильности. – Воронеж, 2016. – С. 234-237.
4. Калиничева Е. Ю., Уварова М. Н., Жилина Л. Н. Инструментарий реализации конкурентной стратегии развития сахарных заводов Российской Федерации // Вестник аграрной науки. – 2020. – № 1 (82). – С. 115-121.
5. Салтык И. П. Сахарная свекла – главное сырье для производства сахара // Научное обеспечение агропромышленного производства: материалы Международной научно-практической конференции. – Курск, 2014. – С. 246-247.
6. Уваров Д. В. Систематизация критериев, показателей и факторов эффективности развития сахарной промышленности // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2014. – № 6 (57). – С. 134-139.
7. Уваров Д. В., Уварова М. Н. Оптимизация сырьевого обеспечения сахарных заводов // Сахарная свекла. – 2012. – № 9. – С. 45-48.
8. Чаплыгина О. Г. Особенности развития сахарной промышленности России // Экономика устойчивого развития. – 2018. – № 3 (35). – С. 193-197.
9. Proka N. I., Gulyaeva T. I., Savkin V. I., Kalinicheva E. Y., Buraeva E. V. Assessment of labor incentive policy in the agro-industrial complex // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. – Krasnoyarsk, Russian Federation, 2021. – С. 22020.

ЧЕРЕМИСИНА Наталия Валентиновна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

ЧЕРЕМИСИНА Татьяна Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

ГОЛОМИДОВА Полина Никитична

студент 3 курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика» Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

ПУСТЫННИКОВА Елизавета Андреевна

студент 3 курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика» Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ

На основе данных государственной статистики проведен анализ социально-экономического положения региона на примере Тамбовской области. Проанализированы численность населения, естественное и механическое движение, основные показатели здравоохранения, денежные доходы населения, среднемесячная заработная плата работающих, как в номинальном, так и в реальном выражении. Проведенный мониторинг выявил основные проблемы социально-экономического развития Тамбовской области.

Ключевые слова: демографическая политика, медицинское обслуживание, денежные доходы населения, прожиточный минимум, покупательная способность.

CHEREMISINA Nataliya Valentinovna

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of Economics and management sub-faculty of the G. R. Derzhavin Tambov State University

CHEREMISINA Tatyana Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Economics and management sub-faculty of the G. R. Derzhavin Tambov State University

GOLOMIDOVA Polina Nikitichna

student of the 3rd course of the direction 38.03.01 "Economics" of the G. R. Derzhavin Tambov State University

PUSTYNNIKOVA Elizaveta Andreevna

student of the 3rd course of the direction 38.03.01 "Economics" of the G. R. Derzhavin Tambov State University

SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE TAMBOV REGION IN TIMES OF CRISIS

Based on the data of state statistics, an analysis of the socio-economic situation of the region was carried out on the example of the Tambov region. The population size, natural and mechanical movement, basic health indicators, monetary incomes of the population, average monthly wages of workers, both in nominal and real terms, are analyzed. The monitoring revealed the main problems of socio-economic development of the Tambov region.

Keywords: demographic policy, medical care, monetary incomes of the population, subsistence minimum, purchasing power.

Последние 8 лет были достаточно тяжёлыми для России: введенные в 2014 г. санкции, пандемия коронавируса и сейчас мы вновь переживаем влияние санкций. Для укрепления экономики страны в целом необходимо разрешить проблемы её субъектов. Тамбовская область относится к тем субъектам РФ, где продолжается сокращение численности населения, поэтому необходимо определить природу этих изменений и на основе анализа выстроить оптимальный план, направленный на устранение проблем в этой сфере. Демографическая политика стремится к сохранению стабильности и внутреннего равновесия, что достигается благодаря ряду факторов: характеру социальных отношений, развитию здравоохранения, культурных норм и иным факторам.

Проследив темп роста численности постоянного населения Тамбовской области, можно увидеть, что оно сокращается с 2011 г. по 2021 г., причем довольно равномерно. В целом за десять лет численность населения сократилась на 95280 человек или на 8,7 %. Для того, чтобы понять природу изме-

нения демографической ситуации в нашем регионе, рассмотрим показатели естественного и механического движения. Так, до 2016 г. включительно число родившихся оставалось примерно на одном уровне (в среднем около 10280 человек в год), но начиная с 2017 года значение данного показателя начало существенно снижаться и достигло в 2020 г. значения в 7419 родившихся [1]. За четыре последних года данный показатель снизился на 26,2 %. Число умерших постепенно снижалось, но в 2020 году наблюдается всплеск смертности в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Из-за снижения уровня рождаемости и, наоборот, увеличения уровня смертности естественный прирост населения, который и так на протяжении многих лет являлся отрицательным, преодолел отметку в - 10000 чел. Что касается механического движения населения, с 2013 по 2017 год число прибывших в Тамбовскую область практически не менялось и было на уровне около 40 тысяч человек в год [1]; с 2018 года началось снижение данного показателя, что особенно замет-

Рисунок 1. Численность медицинских кадров Тамбовской области в расчете на 10 тыс. чел. населения в 2017-2020 гг. [1]

но в 2020 году, когда из-за ковидных ограничений число людей, прибывших в регион, снизилось по сравнению с 2019 г. на 6684 чел. или на 19,2 % [1]. Аналогичная ситуация в 2020 г. наблюдается и с числом выбывших из региона, по сравнению с 2019 годом данный показатель снизился на 6656 человек (на 18,2 %) [1].

Мы произвели ранжирование регионов ЦФО по числу родившихся и умерших в расчете на 1000 человек населения, которое подтверждает наши выводы об отнесении демографической проблемы в Тамбовской области, как одной из самых важных в регионе. Так, по уровню смертности наша область входит в шестерку лидеров среди областей Центрального Федерального округа и на 22 % превышает общероссийское значение. По уровню рождаемости Тамбовщина является практически аутсайдером среди 18 регионов, входящих в ЦФО, опережая по этому показателю лишь Смоленскую область.

Вторая проблема Тамбовской области, тесно связанная со сложной демографической ситуацией, — это медицинское оснащение и обслуживание. Медицина — одна из важнейших отраслей человеческой жизни, только благодаря врачам мы можем справляться с болезнями и говорить о счастливых, здоровых годах. От её качества зависит желание жителей оставаться в регионе, возможность молодых людей становиться родителями, общее состояние (как физическое, так и психологическое) местного населения. Более того, смертность населения региона (которая является довольно высокой в Тамбовской области, как показал ранее проведенный анализ) напрямую зависит от его обеспеченности врачами. Средняя численность врачей на 10 000 населения в 2020 году по Тамбовской области составила 42,4 человека против 53,6 человека в среднем по ЦФО (ниже на 20,9 %) и 50,4 чел. в среднем по России (ниже на 15,9 %) [1]. Число больничных организаций и коек постоянно снижается: в сравнении с 2010 годом в 2020 г. их стало меньше на 27,4 % и 33 % соответственно [1]. Количество врачей медленно увеличивается: средний темп роста за исследуемый период составил 101,3 %. Статистика численности среднего медицинского персонала показывает сокращение этих кадров. Пришедшая пандемия стала тяжёлой не только из-за симптомов и повышенной тревожности, но и из-за сокращающихся показателей в области медицины. Из 43 больничных учреждений только 8 являются

сельскими, городских больниц больше в 4,4 раза — 35 единиц. Но население региона по территориальному признаку распределено иначе: в городах проживает 61,5 % жителей, а в сельских районах меньше только в 1,5 раза — 38,5 % [1]. Эти цифры говорят о дефиците медицинской помощи в сельских регионах, что также прослеживается на рис. 1. Показатели в городских регионах лучше практически в 4 раза по числу врачей и в 2,5 раза по среднему медицинскому персоналу. За указанный период количество специалистов в расчете на 10 тыс. чел. увеличивалось, однако прирост заметен, к сожалению, за счет сокращения общей численности людей в Тамбовской области.

Выявленная тенденция — пренебрежение качеством жизни сельского населения — является крайне негативной по нескольким причинам. Во-первых, люди стараются уезжать с земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, в результате чего деревни и сёла превращаются в призраки. Государство говорит о необходимости поддержания и восстановления таких территорий, однако отсутствие качественного здравоохранения явно не способствует этим целям. Недоступность медицинского обслуживания может заставить местных жителей переехать в город и оставить плодородные чернозёмные почвы. Во-вторых, больницы в Тамбовской области находятся в плачевном состоянии из-за устаревшего оборудования и маленького финансирования, их количественное сокращение делает медицину ещё более недоступной для сельского населения.

Здравоохранение Тамбовской области требует кардинальных изменений для улучшения текущей ситуации. Расходы на медицину постепенно уменьшались с каждым годом до эпидемиологического 2020г. Финансирование данной отрасли свелось к минимуму (возможно, частично это произошло из-за появления региональных программ с отдельным бюджетом), и только в позапрошлом году вновь увеличилось, пока, не достигнув показателя 2014 года. Государство начало понимать необходимость денежной поддержки здравоохранения (к сожалению, после случившейся трагедии с коронавирусом), и мы надеемся на укрепление этой тенденции.

Одним из условий привлекательности региона является уровень жизни населения в нем. К сожалению, многие социально-экономические показатели Тамбовской области отстают от показателей других регионов, с этим мы связываем

одну из причин сокращения населения в следствие миграции. Рассматривая динамику денежных доходов населения нашей области, мы заметили, что в период с 2010 по 2015 гг. средний темп прироста составил 12,8 %, а с 2016 по 2019 гг. лишь 3,2 %. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. уровень денежных доходов населения региона сократился на 0,9 % [2]. Снижение темпов прироста данного показателя произошло после введенных в 2014 г. санкций, а пандемия COVID-19 привела к сокращению денежных доходов. Но номинальные доходы не учитывают уровня инфляции, поэтому рассмотрим показатели реальных денежных доходов на душу населения. Значения данного показателя взаимосвязаны с экономическими периодами, переживаемыми в нашей стране, в целом, и в регионе, в частности. Периодам кризисов соответствует снижение данного показателя, а в периоды укрепления экономики – увеличению. В 2020 г. по сравнению с 2010 г. реальные денежные доходы сократились на 12,8 п.п. Данный факт является негативным для экономики Тамбовской области.

С 2010 по 2019 гг. мы не наблюдаем резких изменений в величине потребительских расходов. Их средний абсолютный прирост за данный период времени составил 1495 руб., что немного ниже среднего абсолютного прироста денежных доходов (на 119 руб.). В 2020 г. произошло первое с 2010 г. сокращение потребительских расходов в Тамбовской области на 5,3 %. Это подтверждает серьезное влияние пандемии на уровень жизни населения. Несмотря на рост номинальных доходов их реальная покупательная способность постепенно снижается. Кроме того, по размеру среднемесячной номинальной заработной платы Тамбовская область находится на 17-ом месте среди ЦФО, располагаясь в группе регионов с наименьшими доходами, и никаких предпосылок к изменению текущей ситуации не наблюдается. В регионе велика доля населения области с денежными доходами ниже величины прожиточного уровня. В 2020 году - 10,6 % общей численности тамбовчан [2]. Несмотря на то, что значение данного показателя ниже, чем в среднем по России (12,1 % в 2020 г.) оно все еще остается достаточно высоким при минимальном пороговом значении в 7 %. Изученные нами сферы жизни Тамбовщины – это, к сожалению, не все проблемы, которые присущи нашему региону, однако они являются наиболее важными и сложными. Мы проанализировали меры, принимаемые властями для улучшения ситуации, и нашли их недостаточно эффективными и полными. На наш взгляд, оказать положительное влияние на развитие Тамбовской области могут следующие предложения:

1) по направлению демография: размер выплаты для погашения ипотеки в рамках программы «Молодая семья» сделать зависимым от количества детей; развивать регион для удержания молодежи: улучшать инфраструктуру, увеличивать расходы на социально значимые отрасли (образование, здравоохранение), создавать программы, направленные на молодых людей, оставшихся в Тамбовской области;

2) по направлению здравоохранение: качественное улучшение имеющихся медицинских учреждений под их конкретные нужды, а не под показатели проектов; возвращение престижа и значимости профессий в области здравоохранения (посредством увеличения заработной платы, улучшения условий труда, выделения социальных льгот) для кадрового развития данной отрасли; более значимые инвестиции в сельскую медицину – возвращение числа учреждений на

прежний уровень, «выравнивание» их показателей с городскими больницами;

3) по направлению экономика: продолжение инвестирования субъектов малого и среднего предпринимательства, с целью увеличения количества рабочих мест; отмена уплаты НДФЛ для граждан, имеющих доходы ниже величины прожиточного минимума; льготы по НДС для определенных категорий предприятий.

Таким образом, мы сможем обеспечить достойное и надёжное будущее тамбовчанам, которые наконец-то полюбят родной край и перестанут задумываться о переезде в другие, более успешные регионы. Иначе молодые люди продолжат реализовывать себя в крупных, экономически развитых городах, сельская местность опустеет и превратится в брошенные деревни, а в Тамбовской области останется только её символ – тамбовские волки, популяция которых с каждым годом, к сожалению, также снижается.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tmb.gks.ru/>.
2. Официальный сайт Финансового управления Тамбовской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fin.tmbreg.ru/>.
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedstat.ru/>.
4. Национальный проект «Демография». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography>.

АСЛЯМОВА Элеонора Марселевна

магистрант 2 курса Национального исследовательского университета «Московский энергетический университет»

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗАКУПОЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЯХ

В представленной статье рассматриваются современные методические подходы к оценке эффективности внедрения цифровых технологий в закупочную деятельность нефтегазовых компаний. Представлен анализ зарубежной и российской практики оценки эффективности IT-решений и проектов по внедрению цифровых технологий. Определены основные критериальные параметры для расчета финансово-экономического эффекта и относительных показателей эффективности на примере системы государственных и корпоративных закупок.

Ключевые слова: закупки, цифровизация, цифровые технологии, эффективность закупок, финансовая экономия, трудовые ресурсы, временные параметры.

ASLYAMOVA Eleonora Marselevna

magister student of the 2nd course of the National Research University «Moscow Power Engineering University»

METHODS FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PROCUREMENT ACTIVITIES IN OIL AND GAS COMPANIES

This article discusses modern methodological approaches to assessing the effectiveness of the introduction of digital technologies in the procurement activities of oil and gas companies. An analysis of foreign and Russian practices for evaluating the effectiveness of IT solutions and projects for the introduction of digital technologies is presented. The main criteria parameters for calculating the financial and economic effect and relative performance indicators are determined on the example of a system of public and corporate procurement.

Keywords: procurement, digitalization, digital technologies, procurement efficiency, financial savings, labor resources, time parameters.

Роль цифровых технологий в экономике нефтегазовых компаний возрастает с каждым годом и с их развитием связано будущее всех бизнес-процессов, включая закупочную деятельность. В этой связи становится актуальным рассмотрение вопросов оценки эффективности внедрения цифровых технологий и получения эффекта от вложения колоссальных инвестиций в цифровую трансформацию бизнеса.

По данным аналитического исследования международной консалтинговой компании BCG в области оценки эффективности цифровизации закупочной деятельности в качестве ключевых критериев рассматриваются экономия затрат, повышение качества закупочного процесса, инновации, скорость принятия решений и управление рисками. Цифровизация позволяет прослеживать цепочку поставок через подрядчиков, исключать коррупционные риски, риски заключения контрактов с недобросовестными подрядчиками [1].

Большое количество публикаций, связанных с оценкой эффективности внедрения цифровых технологий в закупках, посвящено государственной контрактной системе, поскольку именно она сегодня полностью цифровизована в части создания единой цифровой платформы для управления государственными и муниципальными закупками, на которой участники получают аккредитацию, электронно участвуют в торгах, размещают документацию для технического аудита, а также проводится мониторинг поставщиков. Прозрачность этой системы позволяет управлять своей репутацией и сохранять свои конкурентные преимущества.

Что касается нефтегазовых компаний, то не во всех процессах закупочной деятельности применяются цифровые технологии. В первую очередь, это обусловлено отраслевой спецификой нефтегазовой отрасли, в которой закупается сложное технологическое оборудование, проводятся специ-

фические виды строительно-монтажных работ, оказываются специфические виды услуг, в которых используется значительное количество критериев и требований к аккредитации участников закупок, привлечение большого количества экспертов и специалистов к формированию технического задания на закупку и много другое. Во-вторых, любой закупочный процесс тесно связан с управлением эффективностью в нефтегазовых компаниях. Любая закупка анализируется с точки зрения операционной эффективности деятельности компании, то есть снижения затрат на закупку, логистику, хранение ресурсов и оптимизацию бизнес-процессов, связанных с сокращением трудовых и временных затрат на проведение конкурентного отбора, контрактование подрядчиков и на мониторинг исполнения контрактов.

Одним из наиболее распространенных методов оценки эффективности внедрения цифровых технологий в закупочную деятельность является стоимостной подход. Данный метод основан на определении стоимости привлечения или использования основных рычагов – организационного механизма, процессов, кадровых ресурсов, системы мотивации и управления эффективностью, сотрудничества с заинтересованными сторонами, которая затем сравнивается с ожидаемым будущим эффектом от внедрения цифровых технологий.

Инвестиционная стоимость цифровой технологии зависит от множества привлекаемых ресурсов и схематично представлена в математическом виде:

$$ИС = f(Y1, Y2, \dots, Yn), \quad (1)$$

где ИС – инвестиционная стоимость цифровой технологии;
Y1 – затраты компании на реструктуризацию (изменение) организационного механизма управления закупочной деятельностью в компании;

Таблица 1. Ключевые оценочные критерии эффективности закупочной деятельности в нефтегазовых компаниях

Критериальная группа эффективности	Наименование показателя
Финансовая экономия	Дисконтированный чистый денежный поток (положительный), отражающий окупаемость инвестиционной стоимости цифровой технологии
	Совокупная стоимость владения IT-технологией
Производительность	Трудоемкость операции (тендерной процедуры, поиска поставщиков и др.), определяемая количеством затрачиваемого времени на выполнение операции в стоимостном выражении к численности персонала, выполняющего операцию
Финансовый риск	Ожидаемая стоимость дополнительных расходов компании в результате возникновения рисков события

Y2 – затраты на обслуживание дополнительных бизнес-процессов, включая затраты на оплату труда, страховые взносы, оплата услуг по обслуживанию программного обеспечения, оплаты лицензионных услуг и прочее;

Y3 – затраты на привлечение кадров и обеспечение условий труда;

Yn – прочие затраты, связанные с внедрением цифровых технологий.

Ожидаемый эффект (экономическая выгода) от внедрения цифровой технологии определяется в виде суммарной экономии финансовых ресурсов, полученной в виде:

1) экономии операционных и инвестиционных затрат по закупкам материально-технических ресурсов, работ и услуг;

2) экономии времени на проведение тендерной процедуры и выбора поставщиков из-за повышения скорости обработки информации и проведения этапов закупочного процесса, упрощения административных процедур закупок в виде использования предиктивной аналитики и BIG DATA;

3) экономии возможных финансовых потерь в виде устранения рисков событий ввиду неисполнения обязательств по контрактам, рисков срыва поставок, риск банкротства поставщиков и др.

В научной публикации групп авторов Капогузова Е. А. и Дроздовой Н. В. систематизированы показатели эффективности закупочной деятельности на примере государственных закупок. В качестве основных выступают снижение транзакционных затрат при переводе закупочной деятельности в автоматизированный режим, повышение производительности труда закупщиков [2].

Большинство научных исследователей отмечают, что разработка универсального метода оценки эффективности закупочной деятельности до сих пор остается актуальной проблемной областью.

АО «Казахстанский центр индустрии и экспорта «QAZINDUSTRY» разработал нормативный документ для оценки эффективности цифровых решений, в которой отражена методика, основанная на расчете прямых и косвенных выгод компании от внедрения цифровых технологий [3]. Для определения прямых выгод используется традиционная модель оценки эффективности проектных решений, основанная на методике UNIDO, подробное описание которой рассмотрено в публикациях [4], [5]. Для определения косвенных выгод рассчитывается социально-экономический эффект, приобретенные знания и умения, создание и развития экосистем и прочее [3]. В качестве примера создания и развития цифровой экосистемы является компания Сбербанк, которая сегодня активно реализует цифровую логистику, цифровые магазины, цифровые услуги и цифровой университет.

Показатель, характеризующий косвенные выгоды от IT-решений, именуемый как ENPV (Expected Net Present Value), отражает полученный результат от реализации проекта, то есть какую выгоду получит компания и покрывают ли они затраты общественно-полезных ресурсов на его реализацию.

С помощью данного индикатора эффективности можно проводить сравнение стоимости проектов с позиции сопоставления чистых социальных, общественных выгод (возможно экологической эффективности).

На основе проведенного анализа методических подходов к оценке эффективности внедрения IT-проектов, внедрения цифровых технологий в бизнес-процессы компаний автором статьи определены ключевые оценочные критерии эффективности закупочной деятельности в нефтегазовых компаниях, которые представлены в таблице 1.

Таким образом, при обосновании управленческих решений, связанных со вложением инвестиций во внедрение или разработку цифровых технологий в закупочную деятельность, необходимо учитывать направление цифровизации и какой эффект компания получит в результате реализации цифрового решения. При этом всегда необходимо проводить расчет приращения денежного потока, полученного от экономии затрат в связи с переходом ручного труда к автоматизации отдельных операций или всего бизнес-процесса, а также от сокращения временного ресурса на выполнение тех или иных операций. Затем полученный денежный поток обязательно нужно сравнивать с денежным потоком, связанных с оттоком на оплату готовых цифровых технологий или на их разработку.

Пристатейный библиографический список

1. Цифровая трансформация закупок: с места в карьер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/images/8/83/RUS_Jumpstarting_the_Digital_Procurement_Journey.pdf.
2. Капогузов Е. А., Дроздова Н. В. Показатели эффективности в системе государственных закупок (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19. – № 4. – С. 88-104.
3. Методика оценки эффективности цифровых решений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://qazindustry.gov.kz/docs/Proekt_metodiki_otsenki_effektivnosti.pdf.
4. Халикова Э. А., Сафиуллин И. Р. Совершенствование системы управления корпоративными закупками // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 9 (112). – С. 384-385. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ung.uz/?ysclid=l8mtdtc3y377321763/>
5. Бизнес-планирование: от теории к практике: учеб. пособие / Л. И. Ванчухина, Т. Б. Лейберт, Э. А. Халикова. – 2-е изд., испр. и перераб. – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2016. – 305 с.

БОРИСОВ Александр Олегович

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

НИЗАМЕТДИНОВА Екатерина Алексеевна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СУЖЕНИЯ САНКЦИОННОГО КОЛЬЦА

Цель статьи – исследование перспектив экономической стабилизации топливно-энергетического комплекса (ТЭК) России в условиях сужения санкционного кольца. В работе использованы методы ретроспективного, статистического, графического, сравнительного, перспективного анализов. Анализ влияния санкций на устойчивость функционирования ТЭК РФ осуществлен дифференцированно по секторам: нефть и нефтедобыча, природный газ, уголь. Также отдельное внимание акцентировано на перспективах развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в РФ. По результатам исследования выявлено, что основными направлениями стабилизации ТЭК РФ являются переориентация рынка по восточному направлению, импортозамещение технологий и оборудования, преодоление логистических барьеров, привлечение частных инвестиций.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, уголь, природный газ, нефть, ВИЭ, санкции.

BORISOV Alexander Olegovich

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

NIZAMETDINOVA Ekaterina Alexeevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

PROSPECTS FOR ECONOMIC STABILIZATION OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE NARROWING OF THE SANCTIONS RING

The purpose of the article is to study the prospects for economic stabilization of the fuel and energy complex (FEC) of Russia in the context of the narrowing of the sanctions ring. The methods of retrospective, statistical, graphical, comparative, prospective analyzes were used in the work. The analysis of the impact of sanctions on the stability of the functioning of the fuel and energy complex of the Russian Federation was carried out differentiated by sectors: oil and oil production, natural gas, coal. Also, special attention is focused on the prospects for the development of renewable energy sources (RES) in the Russian Federation. According to the results of the study, it was revealed that the main directions for stabilizing the fuel and energy complex of the Russian Federation are the reorientation of the market in the eastern direction, import substitution of technologies and equipment, overcoming logistical barriers, and attracting private investment.

Keywords: fuel and energy complex, coal, natural gas, oil, RES, sanctions.

Современные условия функционирования топливно-энергетического комплекса России характеризуются экстремально-высокой экономической турбулентностью, перманентным повышением санкционной нагрузки, дестабилизацией геополитической обстановки, негативным климатическим воздействием, интенсификацией процессов декарбонизации. Вышеизложенные факторы оказали деструктивное воздействие на развитие ТЭК РФ, значительно масштабировав кризисное состояние рынка. После 2008 г., ознаменовавшегося началом великой стагнации, серьезным катализатором проблем на топливно-энергетическом рынке стала коронавирусная инфекция COVID-19, сократившая спрос на российские нефть и нефтепродукты [7].

Жесткие карантинные меры, принятые в мире в периоды первой и второй волн COVID-19, значительно ограничили мобильность и, как следствие, объем потребления нефтепродуктов ключевыми секторами-потребителями (промышленность, авиатранспорт, автомобильный и водный транспорт). Снижение спроса на нефтепродукты, в свою очередь, вызвало необходимость в сокращении добычи нефти крупными игроками. В рамках сделки ОПЕК+ Россия возложила на себя обязательства по сокращению объемов добычи нефти на 6 млн. барр. / сут., что за год составило 90 млн. тонн.

Кратное снижение доходов от экспорта нефти обусловило объективную потребность в реформировании инвестиционных программ и отмене ряда инвестиционных проектов. Так, перенесены сроки строительства завода по ремонту буровых установок в Курганской области, завода по производству оборудования для бурения нефтяных и газовых скважин в Самарской области, за-

вода по производству внутрискважинного оборудования в Тульской области и т.д. По данным Международного Экономического Агентства, сокращение инвестиций в российскую нефтяную отрасль к концу 2020 г. составило 30-40%. Для примера, Газпром-нефть снизила инвестиционную программу на 20%, Лукойл на 1,5 млрд. долл. США, Сибур на 50%, НОВАТЭК на 20% [3].

Относительная экономическая стабилизация и наращивание активности в 2021 г. ТЭК РФ в 2022 г. сменились тотальной неопределенностью и кардинальной переориентацией рынка, вызванными введением беспрецедентных санкций и эмбарго на отечественные топливно-энергетические ресурсы. В рамках четвертого, пятого и шестого санкционных пакетов, введенных странами ЕС, установлены запреты на осуществление инвестиций в ТЭК РФ, импорт угля и российской нефти, экспорт оборудования для энергетического сектора.

Далее, осуществим дифференцированный анализ влияния санкций на ТЭК РФ:

1. Нефть и нефтепроизводство. Март 2022 г. для нефтяной отрасли РФ стал критическим, что связано с введением полного эмбарго на импорт отечественной нефти и нефтепродуктов Канадой, США, Австралией и Великобританией. До событий 2022 г. доля данной группы стран в общем объеме экспорта российской нефти и нефтепродуктов составляла 6-7% (рисунок 2). В 2021 г. в США экспортировалось 19,7 млн. т. нефти и нефтепродуктов, в Великобританию – 5,4 млн. т., в Канаду и Австралию – 0,2 млн. т. В стоимостном эквиваленте объем российского экспорта нефти и нефтепродуктов в указанные страны составил 11 млрд. долл. США.

2. Сегодня основным направлением стабилизации нефтяной отрасли РФ провозглашается переориентация поставок по восточному направлению. Уже в первой половине марта 2022 г. показатели экспорта нефти и нефтепродуктов в Индию увеличились в 4 раза, достигнув отметки в 360 тыс. барр./день; поставки в Китай увеличились до 841 тыс. барр./день, что на 4% выше показателей 2021 г. Несмотря на наращивание объемов экспорта на Востоке, необходимо понимать, что, даже при условии увеличения экспорта в Индию до 10% и в Китай до 30% и сохранения тенденции повышения стоимости нефти, доход от продажи нефти в эти страны не может компенсировать потери от разрыва сотрудничества с США и ЕС. По прогнозам экспертов, в 2023 г. сокращение поставок нефти на западный рынок составит, как минимум, 20%, т.е. порядка 30-50 млрд. долл. США [5].

В среднесрочной и долгосрочной перспективах при введении Западом полного эмбарго на отечественные нефть и нефтепродукты, а также сохранении политики ускоренной декарбонизации, поддержание прежних объемов добычи нефти в России становится архисложной задачей. По оценке консалтинговой компании «Аргус», ежедневное сокращение добычи нефти до конца 2022 г. составляет 1,7 млн. барр. В связи с введением эмбарго на западные технологии и оборудование, российские нефтяные компании фактически лишаются возможности осуществления углубленной разработки действующих традиционных нефтяных месторождений с применением методов интенсификации добычи, разработки нетрадиционных запасов нефти на суше, разработки морских месторождений, что обеспечило бы сохранение адекватного уровня добычи нефти.

Наиболее критическими технологиями для поддержания объемов отечественной нефтедобычи сегодня служат: оборудование для шельфовых проектов, обеспечивающее устойчивое функционирование нефтяной промышленности и технология гидро-разрыва пласта, служащая залогом поддержания нефтедобычи на текущих месторождениях. Вклад данных технологий в коэффициент извлечения нефти достигает 80%. Базовой мерой по нивелированию обозначенной проблемы выступает импортозамещение, а дополнительной – приобретение части оборудования у Китая. Важно, чтобы нефтяные компании были заинтересованы в отечественных технологиях, только сотрудничество инновационных компаний и ТЭКа РФ позволит осуществить импортозамещение в адекватные сроки.

3. Природный газ. Добыча природного газа в 2021 г. в России характеризовалась рекордными показателями – 763 млрд. куб. м., что превысило показатель 2020 г. на 10% и показатель 2019 г. на 3%. Однако, уже в августе 2022 г. добыча газа вернулась к уровню пандемийного 2020 г., что, наряду с санкциями и соответствующим сокращением поставок на две трети общего объема 2021 г., было обусловлено рекордной выработкой электроэнергии на базе ВЭС в Германии. Прогнозируется, что в 2023 г. добыча российского газа сократится до 670,2 млрд. куб. м. Базируясь на планы Европы, связанные с наращиванием альтернативных источников энергоресурсов, можно предположить, что тенденция снижения добычи газа в РФ в среднесрочной перспективе значительно усилится. Помимо планомерного отказа ЕС от российского газа (к 2030 г. в соответствии с Планом REPower EU, Европа полностью откажется от поставок газа из РФ), важной проблемой, препятствующей развитию газовой отрасли РФ, является запрет на поставку западного оборудования для добычи, переработки и сжижения природного газа. Данное ограничение ограничивает реализацию проектов освоения месторождений с применением подводных добычных комплексов, строительства СПГ-заводов, а также газоперерабатывающих и газохимических производств.

Основным ориентиром на пути выхода из сложившегося кризиса российская газовая промышленность обозначила освоение новых регионов добычи – Таймыр, Восточная Сибирь и Арктики; переориентация экспорта в восточные страны; расширение мощностей по сжижению природного газа для большей мобильности такой переориентации. Однако, необходимо понимать, что переориентация рынка по восточному направлению в виду сложной логистической структуры займет существенно больше времени, нежели в угольной и нефтяной промышленности.

4. Уголь. В 2021 г. добыча российского угля достигла отметки в 439,5 млн. т., что превысило показатели предыдущего года на

9%. Экспорт угля составил 223,4 млн.т., из них 64,1 млн. т. экспортировано в Европу, т.е. 22,6% от общего экспорта. В виду полного эмбарго на российский уголь, введенного ЕС в августе, до конца 2022 г. Россия лишится 11 млрд. долл. США, а добыча угля снизится до 180 млн. т. Запрет на поставку российского угля в Европу, сопровождающееся нарушением логистики перевозок, проблемами взаиморасчетов с зарубежными контрагентами и изменениями валютного регулирования, ставит под угрозу функционирование угольной отрасли РФ. Основными мерами стабилизации ситуации, в том числе, обеспечения бесперебойного режима работы горнодобывающих предприятий, могут выступить: освоение альтернативных рынков (Китай, Индия, Вьетнам, Таиланд) и, как следствие, освоение новых месторождений на Востоке страны (в целях решения логистических и таможенных проблем) [4].

В числе негативных последствий введенных санкций необходимо также отдельно отметить проблему невозможности дальнейшего масштабирования рынка возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и интеграции России в процессы глобального энергоперехода. Предполагалось, что к 2035 г. в отечественный рынок ВИЭ будет инвестировано порядка 400 млрд. руб. Средства должны были быть направлены на строительство новых электростанций - 2,7 ГВт ВЭС, 1,2 ГВт СЭС и 170 МВт МгЭС. Однако, приостановка сотрудничества I-REC Standard Foundation с российскими компаниями и отзыв «зеленых» сертификатов нивелировала значимость данной задачи. Сегодня отечественные компании в силу погашения этих сертификатов не могут подтвердить «зеленое» происхождение выработанной энергии, а значит, доступ к международному рынку ВИЭ для нашей страны закрыт [6].

Таким образом, необходимо констатировать негативную коннотацию перспектив развития топливно-энергетического комплекса России. Основными направлениями стабилизации ТЭК РФ являются переориентация рынка по восточному направлению, импортозамещение технологий и оборудования, преодоление логистических барьеров, привлечение частных инвестиций. В первую очередь, фокус внимания должен быть смещен на внутренний рынок: необходимо обеспечить рабочие места на предприятиях, стабильность поставок энергоресурсов в регионы по обоснованным ценам, технологическую автономность ТЭК РФ, завершение работ по газификации субъектов РФ, модернизации тепловой генерации.

Пристатейный библиографический список

1. Евросоюз полностью прекратил закупки российского угля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/10/08/2022/62e229b39a794791f3187fe3> (дата обращения: 05.11.2022).
2. Экспорт нефти и нефтепродуктов из России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-Y2020-2021/RU/export/world/0527> (дата обращения: 05.11.2022).
3. Как российскому ТЭКу справиться с санкциями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/energy/2022-06-13/9_8459_sanctions.html (дата обращения: 05.11.2022).
4. ТЭК России в условиях санкционных ограничений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf> (дата обращения: 05.11.2022).
5. Рынок добычи и переработки нефти 2022: ТЭК под санкциями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-dobychi-i-pererabotki-nefti-2022-tek-pod-sanktsiyami/> (дата обращения: 05.11.2022).
6. Симонова М. Д., Захаров В. Е. Статистический анализ тенденций развития мировой возобновляемой энергетики // Вестник МГИМО Университета. - 2019. - № 4. - С. 67-75.
7. Громов А.А. Долгий эффект пандемии COVID-19 // Национальный отраслевой журнал. - 2020. - № 2. С. 7-15.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-524-525

АБРАМОВ Никита Романович

студент направления подготовки “Информационная безопасность” Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

САМИГУЛЛИН Руслан Расихович

студент Башкирского государственного университета

АБРАМОВА Светлана Радиковна

кандидат исторических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КАК МЕРЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Текущая международная обстановка характеризуется наращиванием противоречий, инструментом разрешения которых выступает санкционная политика западных стран с целью оказания давления на другие страны, не разделяющие гегемон стран-отправителей санкций. Актуальность исследования определяется наращиванием санкционной политики, эффективность которой вызывает вопросы и исследовательский интерес по изучению их воздействия на состояние стран участников. Объект исследования – международное пространство взаимодействия государств в рамках обеспечения международной безопасности. Предмет исследования – социально экономическое пространство, определяющее характеристики внутреннего состояния страны-получателя санкций. Цель исследования – теоретический анализ эффективности санкционной политики. Результат исследования – ретроспективный опыт применения санкционной политики западными странами убедительно доказывает полную неэффективность подобных мер воздействия с ухудшением социального и экономического положения обеих сторон.

Ключевые слова: санкции, политика, национальная безопасность, культурные ограничения, издержки, эффективность.

ABRAMOV Nikita Romanovich

student of the training course “Information Security” of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

SAMIGULLIN Ruslan Rasikhovich

student of the Bashkir State University

ABRAMOVA Svetlana Radikovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Economic and legal security sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF SANCTIONS POLICY AS REGULATORY MEASURES

The current international situation is characterized by the build-up of contradictions, the instrument of resolution of which is the sanctions policy of Western countries in order to exert pressure on other countries that do not share the hegemony of the sending countries of sanctions. The relevance of the study is determined by the build-up of the sanctions policy, the effectiveness of which raises questions and research interest in studying their impact on the state of the participating countries. The object of the study is the international space of interaction between states within the framework of ensuring international security. The subject of the study is the socio-economic space that determines the characteristics of the internal state of the recipient country of sanctions. The purpose of the study is a theoretical analysis of the effectiveness of the sanctions policy. The result of the study is a retrospective experience of the application of sanctions policy by Western countries convincingly proves the complete ineffectiveness of such measures of influence with the deterioration of the social and economic situation of both sides.

Keywords: sanctions, politics, national security, cultural restrictions, costs, efficiency.

Международные санкции — это политические и экономические решения, которые являются элементом внешней политики стран, многосторонних или региональных институтов, направленные против других государств или организаций с целью защиты интересов национальной безопасности, либо для защиты международного права, а также для защиты от угроз международному миру и безопасности. Подобные решения в основном включают временное введение в отношении объекта экономических, торговых, дипломатических, культурных или иных ограничений (санкционных мер), которые отменяются, когда более не действуют мотивирующая причина или соблюдены условия безопасности, или когда не возникает новых угроз.

Санкционная политика является мирным средством давления в рамках границ международного сообщества для предотвращения угроз международному миру и безопасности или их устранения. Санкции не предусматривают при-

менение военной силы. Однако, если санкции не приводят к дипломатическому урегулированию конфликта, применение силы может быть санкционировано Советом Безопасности отдельно в соответствии со статьёй.

Санкции международного сообщества (в рамках ООН) следует разграничивать от односторонних санкций, которые вводятся отдельными странами для защиты своих стратегических интересов. Обычно они предназначены для серьёзных мер воздействия в рамках экономического принуждения. Меры, применяемые в рамках односторонних санкций, могут варьироваться между принудительными дипломатическими усилиями, экономической войной или подготовкой к войне [1].

Экономические санкции – это, как правило, запрет на торговлю, и, ограничение экспорта определенных секторов промышленного производства, таких как вооружение, возможно с некоторыми исключениями.

Дипломатические санкции - сокращение или удаление дипломатических связей, таких как посольства [2].

Военные санкции – военное вмешательство с целью принуждения оппонента.

Спортивные санкции - запрет спортсменам и командам одной страны участвовать в международных соревнованиях [3].

Санкции в отношении окружающей среды - с момента объявления Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде человека международные усилия по защите окружающей среды постепенно наращивались.

Экономические санкции отличаются от торговых санкций, которые применяются исключительно по экономическим причинам и обычно принимают форму тарифов или аналогичных мер, а не запретов на торговлю.

Потенциальные издержки санкционной политики включают не только значительную потерю информации и конъюнктурных данных о государстве, значительное снижение коммуникационных возможностей и снижение способности влиять на государство. Как ни странно, санкции могут даже подорвать эффективность других инструментов принудительной политики, таких как спортивные санкции. Эти неблагоприятные последствия должны заставить политиков переоценить ценность санкционной изоляции как инструмента внешней политики и признать неотъемлемую ценность дипломатического взаимодействия.

Помимо сбора информации, одна из основных функций посольства - служить каналом связи между отправителем и целевым государством. Постоянные сотрудники посольства встречаются как с высокопоставленными членами правительства, так и с гражданами принимающей страны. Повседневное общение необходимо не только для передачи интересов страны и понимания проблем принимающей страны, но и для объяснения некоторых ключевых политических решений. Точно так же регулярное личное общение в целевой стране также помогает государству-отправителю наладить отношения с людьми в принимающем государстве и развивать эти отношения с течением времени. При этом в условиях развертывания санкционной политики происходит ограничение социальных коммуникаций и снижение функциональной значимости предствительств и посольств вовлеченных в санкционную политику стран.

Наращивание санкций препятствует общению между государством-получателем и государством-отправителем, повышая вероятность недопонимания или неправильного восприятия проблемной области между государствами. Санкции создают меньше формальных каналов связи и способствуют усилению сопротивления другим формам межгосударственного взаимодействия во угоду изоляции. Мало того, что общение сокращается, государства также с большей вероятностью пренебрежительно относятся к характеру сообщений, передаваемых через альтернативные каналы связи или через третьих лиц. Когда санкции вводятся в действие, возникает неопределенность в отношении готовности и способности другого государства нести экономическое бремя, связанное с санкциями. С течением времени решения о продолжении, принимаемые индивидуально целью и отправителем санкций, увеличивают неопределенность в политическом пространстве обоих государств. Помимо неопределенности по отношению к другому государству, оба правительства также сталкиваются с озабоченностью по поводу внутренней реакции на экономические издержки в рамках принуждения. В результате политические издержки на-

растают и сопровождаются как сопротивлением санкциям, так и их сохранением, и оба государства несут социальные и экономические издержки. Эти издержки нивелируют эффективность внешней политики и национальной безопасности. То, как экономические издержки преобразуются в политические издержки, также имеет решающее значение для оценки успеха или провала санкций. Независимо от степени оказываемого экономического давления, без политических издержек, у государств-объектов санкций нет причин подчиняться внешнему давлению. Политика санкций, которая, как считается, терпит неудачу, часто имеет экономические последствия, но воздействие не предусматривает преобразование в желаемый политический результат санкционной политики. Чтобы добиться изменений, санкции должны быть политически дорогостоящими по сравнению с проблемой, стоящей на кону между целью и отправителем. Национальные правительства также должны в достаточной степени оценить выгоды, получаемые в результате соблюдения требований.

Представление о санкциях как о двухуровневой системе взаимодействия (социальное и экономическое) позволяет учесть внутривнутриполитические факторы, которые помогают управлять процессами принятия решений по обе стороны участников санкционного взаимодействия - цели и отправителя. Когда применяются санкции, отправитель прогнозирует изменения поведения цели - санкций. Для того чтобы санкции увенчались успехом, правительство страны-объекта должно уступить требованиям отправителя. При этом ретроспектива всей истории санкционной политики западных стран не имеет примеров подтверждающих её эффективность. Продолжение болезненного сопротивления в качестве цели или поддержание непопулярных санкций в качестве отправителя только увеличивает величину максимальных издержек обеих сторон. Санкции, введенные в надежде добиться поведенческих уступок, в какой-то момент будут отменены, если этого изменения не произойдет и издержки санкционной политики превышают возможный эффект от санкций. Поскольку процессы принятия решений в государствах-мишенях и государствах-отправителях различны, что влияет на эффективность внутренней политики и убедительно доказывает, что подобные политические инструменты воздействия неэффективны.

Санкционная политика западных стран направлена на подавление национальных интересов стран-получателей, при этом санкционная политика не имеет никаких объективных подтверждений эффективности подобных инструментов воздействия. Помимо всего прочего санкционная политика наращивает социальную и экономическую напряженность, как внутри стран участников, так и в рамках международного взаимодействия.

Пристатейный библиографический список

1. Maller T. Diplomacy derailed: The consequences of diplomatic sanctions // *The Washington Quarterly*. – 2010. – Т. 33. – № 3. – С. 61-79. - DOI: 10.1080/0163660X.2010.492341.
2. Allen S. H. The determinants of economic sanctions success and failure // *International Interactions*. – 2005. – Т. 31. – № 2. – С. 117-138. - DOI: 10.1080/03050620590950097.
3. Best S. Sporting sanctions as symbolic violence: an evaluation of how the Football League communicates with fans who challenge the legitimacy of the sporting sanctions policy // *Soccer & Society*. – 2011. – Т. 12. – № 5. – С. 664-676.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-526-527

ХАКИМОВ Руслан Миратович

кандидат технических наук, доцент кафедры управления качеством Инженерного факультета Башкирского государственного университета

АБРАМОВ Никита Романович

студент направления подготовки "Информационная безопасность" Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

НУРУТДИНОВ Азамат Анварович

кандидат технических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

ИНЕРЦИОННОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Устойчивое развитие социальных и экономических систем в рамках общественной динамики и устойчивых хозяйственных связей осложняется наличием фактора инерции, который неизбежно провоцирует разрывы между мотивирующими факторами развития и планируемым результатом. Актуальность исследования определяется наличием необходимости изучения факторов и предпосылок к сокращению данных разрывов и обеспечения устойчивости развития на всех уровнях общественной иерархии. Объектом исследования является общественное пространство в котором обеспечивается сохранение национальных интересов и национальной безопасности. Предметом исследования выступают разрывы между элементами социально-экономических систем в рамках концепции устойчивого развития и сохранения экологического благополучия. Цель исследования – представить содержательную характеристику разрывов устойчивого развития и мероприятий по их устранению. Результаты исследования включают в себя теоретическое обоснование наличия инерции, как фактора противодействия устойчивому развитию на всех уровнях общественного пространства и описание возможных мероприятий по сокращению разрывов устойчивого развития.

Ключевые слова: социально-экономические системы, социальная инерция, экономическая инерция, экологический баланс, общество, природный капитал.

KNAKIMOV Ruslan Miratovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Quality management sub-faculty of the Faculty of Engineering of the Bashkir State University

ABRAMOV Nikita Romanovich

student of the Information Security training course Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

NURUTDINOV Azamat Anvarovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Economic and legal security sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

INERTIA OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The sustainable development of social and economic systems within the framework of social dynamics and sustainable economic ties is complicated by the presence of the inertia factor, which inevitably provokes gaps between the motivating factors of development and the planned result. The relevance of the study is determined by the need to study the factors and prerequisites for reducing these gaps and ensuring sustainable development at all levels of the social hierarchy. The object of the study is a public space in which the preservation of national interests and national security is ensured. The subject of the study is the gaps between the elements of socio-economic systems within the framework of the concept of sustainable development and preservation of environmental well-being. The purpose of the study is to present a meaningful description of the gaps in sustainable development and measures to eliminate them. The results of the study include a theoretical justification of the presence of inertia as a factor in countering sustainable development at all levels of public space and a description of possible measures to reduce the gaps in sustainable development.

Keywords: socio-economic systems, social inertia, economic inertia, ecological balance, society, natural capital.

Обобщая исследования устойчивого развития различных систем можно выделить три основные глобальные проблемы человечества: 1) технологическая и экономическая, подразумевающая истощение природных ресурсов. 2) Экологический; биологический баланс между человечеством и природой в условиях глобального загрязнения, 3) социально-политические проблемы развития национальных сообществ. Нарушения баланса может привести к критическим и даже катастрофическим последствиям, нарушающих нормальное функционирование всех аспектов общественного пространства. Представляется возможным использовать концепцию устойчивого развития, которая подразумевает, что триединство экономических, социальных и экологических факторов стабильность используется для контроля этих аспектов. Устойчивое развитие - это процесс, который включает в себя

эксплуатацию природных ресурсов, освоения инвестиций, направленность научно-технического развития, эволюцию личности и институциональные изменения, которые согласованы друг с другом и объединяют общий потенциал для более эффективного потребления общественных благ [1].

Основная проблема устойчивого развития состоит в сохранении природного капитала и экологического пространства. Современный законодательный режим в области добычи полезных ископаемых устанавливает четкие границы ответственности и подотчетности, одновременно создавая основу для надлежащего управления промышленным потенциалом, которое приводит к совместным выгодам и смягчает негативные последствия на протяжении всего жизненного цикла добычи, начиная с первых дней разведки и заканчивая переходом после добычи. Современные правовые рамки

часто используют процесс выдачи разрешений, требующий от застройщиков представления и применения комплексных оценок экологического и социального воздействия (ОЭСВ) и связанных с ними инструментов, таких как планы экологического и социального управления и планы закрытия. Для этих инструментов требуется поддерживающая правовая база, которая учитывает сроки, масштабы, внедрение, мониторинг и правоприменительные процессы, чтобы эффективно предоставить правительствам и другим заинтересованным сторонам дорожную карту для управления воздействиями и оптимизации социальных и экономических выгод, связанных с добычей полезных ископаемых.

Тематические исследования предметной области [2] также выделяют, что важнейшим фактором устойчивого развития выступают партнерские отношения с участием всех заинтересованных сторон (т.е. между местными/региональными/центральными органами власти, гражданским обществом и/или компаниями) при разработке и внедрении оценок воздействия с учетом социальных и экономических факторов могут обеспечить наилучшие результаты. Такие партнерские отношения должны поощряться правительствами и приниматься промышленностью для достижения не только лучших результатов, но и доверия, самоуверенности и сотрудничества, которые могут сохраняться на протяжении всего жизненного цикла проекта. Поэтому правительствам и промышленности следует рассматривать партнерские отношения с участием многих заинтересованных сторон как ключевой фактор при проведении оценок воздействия.

При этом устойчивое развитие, как динамический процесс системы неизбежно характеризуется инерцией элементов социальных и экономических систем: «Социальная инерция – такое свойство социальной системы, когда при изменении объективной или субъективной действительности из-за приложенных сил воздействия на социальную систему, некоторое время социальная система не меняет своё состояние с предыдущего на другое, отличное от предыдущего состояния» [3, с. 100]. Разрыв, который наблюдается между относительно широким спектром доступных инструментов и ресурсов для интеграции результатов анализа устойчивого развития и базой оценки (абсолютным отсутствием использования и внедрения этих инструментов) приводит к инерции структуры и динамики систем. Подобные факты убедительно указывают на необходимость построения организационных рамок и структур управления, которые нивелируют деструктивные процессы, вызванные социальной и экономической инерцией. Органам управления общественными системами необходимо усовершенствовать правовые рамки и структуры управления, чтобы регулировать устойчивое развитие как часть процесса общественного развития в рамках их юрисдикции. В дополнение к государственной политике необходимо разрабатывать и внедрять корпоративную политику, которая конкретно предусматривает оценку воздействия деятельности промышленных секторов экономики на социальные аспекты и расширение их хозяйственной деятельности в рамках их экологических, социальных обязательств и обязательств в области управления.

Учитывая совокупность рисков и наличие фактора инерции, крайне важно обеспечить, чтобы изменения не усугубляли экономическое неравенство и обеспечивали выгоды и возможности, которые может предоставить уровень технического и промышленного развития национальных систем.

Предполагается, что социальные факторы, связанные бедностью и чрезмерной эксплуатацией ресурсов окружающей среды, формируют важные экономические активы, составляющие природный капитал [4]. Экономическое развитие традиционно требует роста валового внутреннего продукта подобная модель неограниченного роста личного дохода и роста национального продукта имеет конечный границу роста. Устойчивое развитие может включать повы-

шение качества жизни многих людей, но может потребовать и снижения потребления ресурсов. Рост обычно игнорирует прямое влияние окружающей среды на общественное благосостояние, тогда как развитие обеспечивает условия сохранения экологического пространства. Инерция элементов социально-экономических систем ухудшает доходность чистых сбережений снижая стоимость в результате истощения ресурсов и ухудшения состояния окружающей среды, увеличивая стоимость инвестиций в человеческий капитал. Политическая система имеет множество вариантов инструментальных вмешательств для повышения устойчивости, в макроэкономике или чисто окружающей среде. Несколько исследований отметили [3], [4], что эффективная политика в отношении возобновляемых источников энергии и загрязнения окружающей среды совместима с повышением благосостояния людей, в конечном итоге достигая целей устойчивого развития при этом неизбежно сохраняется инерция устойчивого развития.

Теоретический анализ экологических и экономических исследований отражает отсутствие конкретного понимания того, что может повлечь за собой политика устойчивого развития на практике. Знания, производственный и человеческий капитал (здоровье и образование) не компенсирует деградацию природного капитала во многих сферах общественного развития, выступая фактором инерции. Можно предположить, что равенство возможностей между поколениями, обеспечено минимальными проявлениями инерции должно быть включено в устойчивое развитие и в программу принятия решений. Реализация политики по смягчению последствий изменения климата приводит к негативным социальным и экономическим последствиям, когда она не соответствует планируемым целям устойчивого развития в рамках инерционных систем отсчёта. В результате переход к политике смягчения последствий устойчивого развития замедляется, поэтому инклюзивность и соображения справедливости этой политики неизбежно снижаются, обеспечивая поддержку исключительно локальных улучшений в определенных регионах. Поскольку существуют объективные ограничивающие факторы, такие как бедность, отсутствие продовольственной безопасности и нехватка ресурсов, это объективирует содержание инерции и в тоже время препятствует применению политики, направленной на эффективную реализацию устойчивого развития.

Устойчивое развитие предполагает процессную реализацию, определяющую динамику развития общественных систем. Учёт фактора инерции в динамике изменения показателей устойчивого развития позволит объективировать планируемые результаты устойчивого развития и обеспечит необходимую эффективность реализации программ устойчивого развития.

Пристатейный библиографический список

1. Lenkova O. V. et al. Managing Sustainable Development of Socio-Economic Systems //Asian Social Science. – 2014. – Т. 10. – № 24. – С. 63.
2. Канаева О. А. Социальные императивы устойчивого развития //Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – № 1. – С. 26-58.
3. Хайруллин В. А., Макаров С. В., Ямалова Э. Н. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена // Дискуссия. – 2021. – № 5 (108). – С. 88-104. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-5-108-88-104. – EDN ZNUDXK.
4. Barbier E. B. Natural resources and economic development. – Cambridge University Press, 2005.

РУДКЕВИЧ Елена Юрьевна

доктор философских наук, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), филиала военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрани, член-корреспондент Академии военных наук

НАСЛЕДИЕ СУНЬ-ЦЗЫ И ЕГО ОЦЕНКА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ

Наследие Сунь-Цзы невелико: трактат о военном искусстве. В статье дается краткий анализ данного трактата, показывается его значение для характеристики современных гибридных войн. Предпринимается попытка ответить на вопрос, насколько универсальны идеи Сунь-Цзы о войне и тактике ведения боевых действий. Констатируется, что эпоха классических войн закончена, современные войны в большей степени могут быть охарактеризованы как гибридные. Выявлено, что в трактате Сунь-Цзы можно найти положения, характерные именно для гибридных войн.

Ключевые слова: философия войны, Сунь-Цзы, гибридная война, современная война, военное искусство.

RUDKEVICH Elena Yurjevna

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Military-political work in the military (forces) sub-faculty, branch of the Military Training and Research Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin" in Syzran, Corresponding member of the Academy of Military Sciences

THE LEGACY OF SUN TZU AND HIS ASSESSMENT FOR THE MODERN PHILOSOPHY OF WAR

Sun Tzu's legacy is small: a treatise on the art of war. The article gives a brief analysis of this treatise, shows its significance for the characteristics of modern hybrid wars. An attempt is made to answer the question of how universal Sun Tzu's ideas about war and tactics of warfare are. It is stated that the era of classical wars is over, modern wars can be characterized to a greater extent as hybrid. It is revealed that in the treatise of Sun Tzu it is possible to find provisions specific to hybrid wars.

Keywords: philosophy of war, Sun Tzu, hybrid warfare, modern warfare, military art.

По оценкам многочисленных специалистов в области военной теории и практики, философии войны и военной истории XX век оказался самым воинственным в истории человечества: две крупнейшие мировые войны, унесшие жизни многих миллионов людей пришлись именно на это столетие. И вот этот век уходит в историю. Начался новый век, и уже завершилось его первое десятилетие. Слабая надежда на то, что человечество уже пресыщено войной и, возможно в XXI веке постепенно будет отходить от военных конфликтов, рухнула. Усиливаются новые военные опасности, разворачиваются конфликты низкой интенсивности, расширяются причины военных столкновений. По меткому замечанию М. ванн Кревельда, мир постепенно скатывается в новое Средневековье, государства приходят в упадок, все большее значение в политической жизни начинают играть корпорации и международные организации [1]. Пессимизм в отношении будущего человечества и прекращения войн вполне оправдан: начало века показывает, что количество военных конфликтов не уменьшается, все большее и больше стран оказываются вовлеченными прямо или косвенно в эти конфликты.

Интересен тот факт, что война как комплексное социальное явление занимала умы мыслителей с древнейших времен. До нас дошли представления о войне древних китайцев, древних индийцев, древних греков. Война была частью их жизни, и, думаю, что к войне и к смерти в то время относились намного проще, чем сейчас. Искусство войны являлось искусством жизни. Размышления о войне поражают своей практичностью и рациональностью. Несмотря на то, что эти размышления о войне написаны еще задолго до начала нашей эры, многие идеи остаются актуальными и в настоящее время. Наибольшей популярностью пользуется, без сомнения, трактат «Искусство войны» Сунь-цзы. Считается, что это древнейший и наиболее глубокий трактат, посвященный проблемам военного строительства, тактики и стратегии, дошедший до наших дней. В нем можно найти рассуждения на разнообразные темы, связанные с военным искусством: о нападении, об отступлении, о защите, о снабжении войск провиантом, о военной хитрости, об использовании преиму-

щества местности и т.д. Насколько сегодня идеи Сунь-Цзы актуальны и представляют интерес для поколения военных историков, философов и стратегов XXI века?

Сунь-Цзы: основная концепция «Искусства войны»

Проблематика войны проходит красной нитью через практически все философские учения Древнего Китая. Острый интерес к этому вопросу обусловлен рядом причин, среди которых хотелось бы выделить две наиболее существенные. Во-первых, история Китая представляет последовательность «взлетов» и «падений», расцвета и упадка, тяжелейшие годы характеризуются жестокими войнами между царствами, массовыми восстаниями и вооруженным сопротивлением властям. Во-вторых, как и любая другая территория, Китай подвергался активному нападению со стороны кочевых племен и соседних государств. В таких условиях военное дело развивалось в Китае весьма интенсивно, что вполне объяснимо с позиций практических потребностей государства.

Трактат «Искусство войны» – краткое изложение основных идей по военному искусству. Сунь-Цзы опирается в своем трактате на учение Конфуция и создает оригинальное учение, содержащее основополагающие принципы организации военного дела, подготовки армии к ведению боевых действий, снабжению армии во время сражений и т.д. Трактат состоит из тринадцати глав разного объема, каждая из которых посвящена отдельной теме. В период создания трактата (середина V века до н.э.) военные действия уже породили реальные риски, угрожающие существованию многих государств. Сунь-Цзы понимал, что война – это не только и не столько военные действия и боевые столкновения, но и мобилизация всего общества и дипломатическая работа. Конечный итог любой войны заключается в создании условий для процветания и благополучия населения. Представления Сунь-Цзы сводились к пониманию того, что самым приемлемым решением любого конфликта между государствами будут дипломатические принципы, поскольку затяжная война губительная для населения, она изматывает армию и негативно скажется на существовании самого государства: «Если ведут войну и победа затягивается – оружие притупляется и

острия обламываются; если долго осаждают крепость – силы подрываются; если войско надолго оставляют в поле – средств у государства не хватает» [2, с. 27-28].

Тем не менее, войну Сунь-Цзы рассматривает как неизбежность, он констатирует, что «война – это великое дело для государства, это путь существования и гибели» [2, с. 23]. В короткой фразе метко подмечена диалектическая сущность войны. Сунь-Цзы открыто пишет о практической направленности войны и о рациональной составляющей каждого предпринятого действия: «Если нет выгоды, не двигайся, если не можешь приобрести, не пускай в ход свои войска, если нет опасности, не воюй» [2, с. 96].

Анализируя войну, Сунь-Цзы опирается на пять базовых принципов: Путь, Небо, Земля, Полководец, Закон. Это вполне объяснимо, поскольку общая идеология Сунь-Цзы совмещает некоторые ключевые концептуальные основания конфуцианства, даосизма и даже легизма, что имеет результатом понимание войны как «великого дела государства», «путь существования и гибели», и в то же время – «путь обмана» [2, с. 25]. Первый принцип – принцип Пути основан на единении народа и правителя: «когда мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений» [2, с. 23].

Второй принцип – принцип Неба, акцент ставится на «порядок времени» [2, с. 24]. Принцип Земли подразумевает соответствие месту, принцип Полководца – это правильное руководство, включающее «ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость» [2, с. 24], принцип Закона основан на дисциплине, подчинении командованию и правильному снабжению войска. Победа в войне обеспечивается тщательным предварительным расчетом, Сунь-Цзы выступает за максимально серьезный и взвешенный подход к войне. Пospешность в военном деле ни к чему.

Комплексное сочетание основных пяти принципов несомненно приведет к победе, и Сунь-Цзы возвещает, что «по всему этому я узнаю, кто одержит победу и кто потерпит поражение» [2, с. 24].

Учение Сунь-Цзы и современность

Современная война – явление сложное и неоднозначное. Эпоха классических войн канула в лету. XXI век предлагает иные принципы ведения войны. Тотальность насилия в нашем веке привела к тому, что война стала диктовать и устанавливать правила взаимоотношений, цели общения и задачи политики. Гонка вооружений, определившая сущность международных отношений в XX столетии, явилась решающим фактором, изменившим структуру геополитики в начале XXI века. По сути, гонка вооружений продолжается до сих пор. Конкурентное наращивание военной мощи, стремление получить преимущество – ее отличительные черты, она служит удовлетворению политических амбиций государств и коренным образом изменяет форму войны.

Война изменилась, но не изменилась ее сущность – насилие. По мнению М. Калдор, война в современном мире – это организованное насилие, «вражда, разожженная войной среди населения, может спровоцировать дезорганизованное насилие...» [5, с. 408], что представляет огромную опасность для общества.

XX век продемонстрировал, как тотальная, ничем не ограниченная война способна изменить не только географическую карту мира, но и «перекроить» сущность человека. «Современность оказалась безжалостной. Могущество бесчеловечности и действенность ненависти претерпевают опасные мутации», – отмечает А. Глюксманн [3, с. 16]. Он справедливо полагает, что «рано или поздно, волюн или вынужденно, наши умственные и нравственные категории будут опрокинуты» [3, с. 17]. В таких условиях непрекращающаяся война является вполне закономерным итогом человеческой истории. Еще Н. Элиас убедительно показал в своем исследовании, что культура не противоположна «кровожадным желаниям» [4].

Итак, «нынешний мир видит войну другими глазами...», – небезосновательно полагает У. Эко [5, с. 31], но он

ошибся, думая, что «общество в наши дни воспринимает эти явления (войну – Е. Р.) отрицательно» [5, с. 32]. Война увеличивает степень насилия и ненависти в современном обществе. М. Калдор справедливо замечает, что любой акт против кого-либо вызывает ответный военный удар, «который в свою очередь порождает еще более крайнюю контрреакцию» [7, с. 409]. Такую схему приобретает борьба против террористов: уничтожить их военными средствами невозможно. В этом случае происходит затягивание войны, переход ее в разряд «долгой войны». Как тут не вспомнить мудрого Сунь-Цзы, писавшего в своем трактате: «... на войне слышали об успехе при быстроте ее, даже при неискренности ее ведения, и не видели еще успеха при продолжительности ее, даже при искренности ее ведения» [2, с. 28]. Современность демонстрирует нам, что быстрые войны, как правило, более успешны. Не только искусство владения тактическими приемами поражения противника, не только стратегические задачи и цели дают нам возможность судить о выгоде войны, но и ресурсы (в самом широком смысле этого слова) позволяют определить слабость или силу противников. Важнейшим ресурсом современной войны является скорость. Французский исследователь П. Вирильо справедливо отмечает в своих исследованиях, что современная война – это в большей степени война во времени. Общество современности – это общество скорости. Местоположение в силу развития разнообразных технических средств уже не имеет столь огромного значения для одержания победы над противником. Важнейшим показателем является скорость как индикатор времени [6, р. 146]. Современная война тесно связана с технологическими инновациями, которые многократно увеличивают степень ужаса и насилия. Теперь полем битвы является весь земной шар, а повышение значимости феномена скорости приводит к экспорту войны во все регионы нашей планеты. Стратегии войны все более смещаются в область экономических показателей, война приобретает сугубо практический характер. Есть ли какие-либо пределы ускорению и повышению мобильности? Ответ на этот вопрос, увы, дан не может. На мой взгляд, повышение скорости как индикатора войны может привести (ненароком) к ядерному конфликту, что является началом конца. Вспомним, что война для К. фон Клаузевица – это пространство неопределенности и «область случайности» [7, с. 78]. Но, по мнению М. Калдор, «новые войны – это обоюдные предприятия, а не борьба воли. Заинтересованность воюющих сторон в предприятии войны, а не в том, чтобы победить или проиграть, имеет как политические, так и экономические основания» [8, с. 408]. О выгоде войны упоминал и Сунь-Цзы. Он полагал, что выгода от войны в полной мере понятна тому, кто понимает весь вред от нее [2, с. 29]. «Полководец, понимающий войну, есть властитель судеб народа, есть хозяин безопасности государства», – замечал древнекитайский мыслитель [2, с. 31]. Сунь-Цзы прекрасно осознавал, какой вред и какую разруху может принести война, принимая войну как нечто должное и принадлежащее, он в своей работе предпринял попытку обозначить основные вехи деятельности людей, полководцев и государства по минимизации затрат по продвижению к победе над врагом. Это серьезная и конкретная цель, задача выработки целостного подхода к ведению войны проходит красной нитью через всю книгу. Управление врагом – высшее искусство, которым должен овладеть полководец, только в этом случае он может претендовать на победу над врагом. Управление врагом включает множество составляющих, главным образом психологического характера, и отнюдь не исключает изучения военного искусства. Стремление к приобретению преимуществ – таковы цели любого военачальника, который на войне должен быть готов ко всему. Сунь-Цзы пишет о пяти опасных ошибках, которые могут преследовать военачальника: во-первых, это неосторожность, которая приводит к гибели; во-вторых, это трусость, которая приводит к неволе; в-третьих, это опрометчивость, которой способствуют обиды; в-четвертых, это чувствительность достоинства, которой способствует стыд; в-пятых, это чрезмерная забота о своих людях, которая грозит волнениями и бедствиями [9, с. 72]. Эти проступки нарушают ход войны, и, если войско разгром-

лено, то вина целиком и полностью лежит на военачальнике: он совершил какие-то эти ошибки.

Современная война ошибок не прощает. Это войны на долговременный результат, и способов достижения такого результата современное общество предоставляет немало. Неслучайно, современные войны попадают под категорию гибридных войн. Гибридные войны современности отличает отказ от классического военного вторжения и ведения войны, отдается предпочтение использованию скрытых операций, диверсионных действий, оказанию поддержки повстанцам, информационному и экономическому воздействию. Это крайне агрессивная форма военного воздействия, при которой применяются все возможные способы (технические, экономические, информационные, финансовые, сырьевые и т.д.) оказания давления на противника. Является ли гибридная война порождением современности? В определенной степени, – да. Следует, тем не менее, отметить, что гибридность была свойственна войне всегда, поскольку экономические, пропагандистские (информационные), диверсионные методы воздействия не противника не новы и не являются изобретением современности. «Искусство войны» Сунь-Цзы есть подтверждение этому: в книге мы можем найти рассуждения о том, что хитрость, обман есть важнейшие тактические приемы, помогающие военачальнику в борьбе с противником. Уже на первых страницах можно найти следующее: «... наивысшее мастерство состоит в том, чтобы сломить сопротивление врага без боя» [9, с. 20]. Подчеркивается важность мобильности и маневрирования: «Появляйся в таких местах, куда противнику, чтобы защититься, нужно будет поспешить; поспешно перемещайся туда, где не ждут твоего нападения» [9, с. 42], «Победит тот, кто обучился мастерству уклонения. Это и есть искусство маневрирования» [9, с. 59]. Отмечается значимость информационного воздействия и обмана: «Прибегай на войне к обману – и добьешься успеха» [9, с. 57]. Наличие сильного боевого духа есть важный аспект победы, Сунь-Цзы советует избегать прямого столкновения с сильным духом противником: «... не нападай на воинов, чей дух силен» [9, с. 63]. Вывод, к которому приходит Сунь-Цзы универсален, с одной стороны, и очевиден, с другой стороны: «Искусство войны учит нас полагаться не на вероятность того, что враг не придет, но на нашу собственную готовность встретиться с ним; не на предположение о том, что он может и не напасть, но на то, как мы обеспечим своим позициям неуязвимость» [9, с. 71]. Выводы, сделанные полководцем еще до нашей эры, актуальны и по сей день. Войны, гибридные по своей форме, подтверждают многое, сказанное Сунь-Цзы. Войны современности «начинается незаметно и приобретает столь разнообразие формы, что часто бывает трудно осознать факт ее начала» [10, с. 217]. Классическое противостояние «армия на армию» теряет свою первостепенную значимость, на первый план выдвигается борьба умов, цивилизационных начал, менталитетов, ценностных основ. Это скрытое до поры до времени противостояние впоследствии принимает весьма опасные формы военного насилия. Примеров в мировой истории, подтверждающих данную точку зрения, много. В первую очередь можно привести примеры массового геноцида различных народов: геноцид коренных американских народов, геноцид в Боснии, Холокост, геноцид армян в начале 20-ого столетия. Формирование русофобских настроений в начале 21 столетия является явным признаком гибридных военных действий против русского народа. Гибридная война набирает обороты. Она ведется на уровне крупных международных организаций, например, на уровне ООН, хотя её цели изначально совсем иные, но в силу того, что гегемония в этой организации принадлежит известному все государству, то ни о плюрализме мнений, ни о поддержании мира и решении конфликтов мирным, дипломатическим путем речи быть не может. Гибридная война имеет своей целью полное уничтожение государства противника, смену законной власти, уничтожение экономического потенциала страны. Прямые открытые вооруженные столкновения в современном мире являются второстепенными по отношению к латентным конфликтам информационного, психологического, экономического характера. Действия террористические, дивер-

сионные приоритетны в современной гибридной войне, что свидетельствует об изменении пространственно-временной модели войны в целом [11].

Конечно, Сунь-Цзы – автор своего времени. Абсолютной актуальностью не может обладать ни одна работа: любая работа своевременная лишь для конкретного периода. Но в работе Сунь Цзы можно найти некие интересные идеи, имеющие преходящий характер. Именно они и представляют интерес для современников. Это касается, в частности, идей об информационном превосходстве над противником, идей обмана противника, введения противника в заблуждение и т.д. Все это характерно для современных войн. Поиск сходства между современными войнами и войнами, которые описывает Сунь-Цзы, наводит на следующую мысль: гибридность свойственна войне изначально. Гибридность характеризует свойства целостности, которая проявляется в результате конвергенции разнородных и разнокачественных элементов. Война по своей сути есть гетерогенное социальное явление, и оно никогда не было гомогенным, хотя и предполагается, что сущность войны определяется насилием. Заслуга Сунь-Цзы, на мой взгляд, как раз и заключается в том, что он точно подметил гибридность войны, хотя и не употреблял подобных терминов. И уже тогда намечилось понимание войны как культурно обусловленного вида деятельности людей.

Пристатейный библиографический список

1. Кревельд М. ван. Трансформация войны. – М.: ИРИСЭН, Социум, 2015. – 320 с.
2. Сунь-Цзы. Искусство войны. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 192 с.
3. Глюксман А. Философия ненависти. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – 284 с.
4. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.
5. Эко У. Осмысляя войну // Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум, 2007. – С. 25-49.
6. Virilio P. Speed and Politics. – New York: Semiotext, 1986. – 174 p.
7. Клаузевиц К. фон. О войне. В 2 т. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1. – 558 с.
8. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с.
9. Сунь-Цзы. Искусство войны. – М.: Эксмо, 2020. – 448 с.
10. Попов И. М., Хамзатов М. М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – М.: Кучково поле, 2016. – 832 с.
11. Шакирова Е. Ю., Черепанов А. Ю. Типология войн: основы философского анализа // Вестник Академии военных наук. – 2018. – № 3 (64). – С. 16-21.

РУБАНЦОВА Тамара Антоновна

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий

КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье анализируется христианская антропология в Западной Европе в Средние века. Эпоха патристики интересна тем, что в это время идет процесс формирования христианской теологии и догматики. Однако следует отметить, что несмотря на отрицания античных ценностей и идеалов, отцы церкви сохраняют интерес к человеку, хотя и в рамках теологических концепций. В статье рассматриваются концептуальные подходы к человеку в средневековой христианской традиции. В исследовании дан сравнительный анализ христологии А. Августина и развитие идей христианского антропологизма Ф. Аквинского.

Ключевые слова: антропология, человек, христология Тертуллиана, концепция человека Августина и Ф. Аквинского.

RUBANTSOVA Tamara Antonovna

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Head of Legal and social sciences sub-faculty of the Siberian State University of Geosystems and Technologies

THE CONCEPT OF MAN IN THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TRADITION OF THE MIDDLE AGES

The article analyzes Christian anthropology in Western Europe in the Middle Ages. The era of patristics is interesting in that at this time there is a process of formation of Christian theology and dogma. However, it should be noted that despite the denials of ancient values and ideals, church fathers retain interest in man, albeit within the framework of theological concepts. The article examines conceptual approaches to man in the medieval Christian tradition. The study gives a comparative analysis of the Christology of A. Augustine and the development of the ideas of Christian anthropology of T. Aquinas.

Keywords: anthropology, man, christology of Tertullian, concept of man Augustine and T. Aquinas.

Рубанцова Т. А.

Традиционно в научной литературе Средние века рассматривают как эпоху, которая была антиподом античному мировоззрению, так как именно в это время человек был центром философского анализа. Однако в это время достаточно часто обращались к философскому античному наследию, и даже Возрождение достаточно часто сохраняет типично средневековые мотивы. При анализе места человека в философской мысли данного периода следует помнить, что средневековые – самостоятельный и уникальный феномен, который обеспечил преемственность развития философских идей. В исследовании необходимо следует проследить эволюцию идеи человека в теологической системе, и выяснить его место в ней.

Именно в Средние века зародилась христианская антропология, которая раскрывает природу человека с точки зрения христианства. В христианской философской традиции человек рассматривается как существо, созданное богом по образу и подобию самого себя, и поэтому он должен стремиться его познать. Христианство переосмыслило всю систему ценностных ориентиров античности, фундаментальной добродетелью стали вера и смирение. Древние греки никогда бы не поняли эти добродетели, так как отречься от самого себя, с точки зрения античности, было невозможно. Идеалом эллинистического мудреца было понять мир и место человека в нем. Античная философия сформировала идеал философа, который всегда имеет свою точку зрения на все события, происходящие в государстве и обществе. Он может влиять на общественное мнение и создавать некие теоретические рекомендации, как жить древнему греку, и к какому идеалу необходимо стремиться. Христианство отвергло все эти кон-

цепции, оно предложила новое миропонимание человека, которое, во многом, состояла в отрицании прежних идей, и было основано на самоотречении, любви к Богу и смирении.

Идеи А. Августина были полной противоположностью греческому толкованию мироустройства. Если в античности Дух является обобщением действительного мира, то в концепции Августина дух – надмировое начало, которое существует раньше земли, природы и космоса и творит их из ничего [1]. А. Августин – христианский теолог, который разработал учение, ставшее основой в процессах формирования католицизма как религиозного течения.

Он рассматривал общество как борьбу двух царств – грешного и праведного. Первое он отождествлял с Древним Римом, со светским государством, второе – с общиной избранных, наделенных благодатью, с церковью. Он утверждал, что власть светская, государственная, не может властвовать над духовной, церковной властью. Теолог считал, что человек при жизни должен терпеть бедность и нужду, то есть проповедовал аскетизм и смирение в жизни христианина. В борьбе с языческой идеологией он защищал христианские догматы и утверждал, что человеку необходимо стремиться познать бога и следовать христианским догмам [1, с. 165].

Идея бытия бога основана у Августина на идее его всеовершенство. Это мистическое учение составляет фундамент его онтологии. В своих философских доводах А. Августин близок Платону. Он утверждал, что бог не только когда-то создал мир, он его творит постоянно, непрерывно, сотворенными является пространство и время, материя, душа и человек. Именно человек должен стремиться к божественной истине, это и есть основа всякого познания. Августин считал,

что самодостаточность сознания и ощущений чувств, мыслей и стремлений отдельного человека состоит в стремлении познать божественный мир. Августин Блаженный рассматривал процесс познания бога как insight – пронизательность, интуитивное постижение через акт непосредственного познания, у которого нет логического анализа.

А. Августин доказывал, что человек обладает сознанием и способностью воспринимать реальность мира. Чтобы познать божественную истину, ему необходимо углубиться в себя, а эта истина затем приведет человека к богу. Он утверждал, вслед за неоплатониками, что «бытие» всеобщих истин должно рассматриваться как бытие идей в боге. Вера всегда была выше знания и предшествовала ему. Августин Блаженный рассматривал задачу богословия в познании божественного разума, то есть то, что уже было принято христианском [3]. Человек в системе А. Августина находится в пограничном состоянии между божественной волей, дающей сверхъестественные возможности и бесовскими соблазнами, вносящими в поведение человека противоречия. Он считал, что в мире правит божья воля, которая все предопределяет, и деятельность человека ничего не может изменить в развитии общества и самого себя. А. Августин создал христианско-монотеистическое учение, которое основано на креационистском представлении о едином боге, который создал мир из ничего. И все же Августин провозгласил сущность человеческого сознания не разум, а я свободную волю человека. Сочинения Августина Блаженного легли в основу католицизма, он разработал идеи христологии, в том числе о месте человека в христианской теологии и философии.

Иной подход в понимании человека мы найдем в концепции Ф. Аквинского – патриарха католической церкви. В средневековой философии Ф. Аквинский разработал систему томизма, основанную на средневековой схоластике. Основное место в системе теолога занимает работа «Сумма теологии», в которой он разработал доказательство бытия бога. Опираясь на Аристотеля, он доказывает, что первопричин всего сущего – бог, который служит для всего сущего целью, так как он – чистая форма. Бог в своей сущности и выражении бытия тождественен. А от человек, хоть и является творением господя, не совершенен, его сущность и бытие – не тождественны.

Ф. Аквинский не согласен с Августином, который утверждает, что познать при помощи разума можно только благодать, которую дает господь. Это происходит при помощи озарения и разума в процессе познания. Он утверждал, что разум и познание в процессе познания могут быть тождественны. С точки зрения Ф. Аквинского, разум и познание обладают разным уровнем порядка, хотя они не вступают в противоречие друг с другом [2]. Он утверждал, что вера и разум не зависят друг от друга, следовательно, и философия и теология – это науки, которые являются самостоятельными.

Антропологизм Ф. Аквинского основан на том, что человек – соединении души и тела, душа – не материальна, субстанциональна, однако получает завершение только через тело [2]. Проповедники, отрицающие телесность человека, с точки зрения Ф. Аквинского, вступают в противоречие со здравым смыслом и опытом. Он подчеркивал, что тело участвует в духовной деятельности человека. Он писал, что только две потенции души – мышление и воля сохраняются в душе человека после смерти. Единственная субстанциональная форма у человека – это его душа, она является двигателем тела, хотя влияет на него извне. Человек для Ф. Аквинского –

по своей природе разумен и благороден. Божественная душа отражается в душе человека, а его интеллект содержится у него в душе. Каждый человек имеет свой интеллект, свою душу и тело, так как он – творение господя. Таким образом, интеллект каждого человека содержится в душе и теле любого человека, так как он индивидуален. Именно поэтому Ф. Аквинский считал, что интеллект у человека главенствует над волей.

Волю человека Ф. Аквинский считал свободной, зло есть менее сотворенное благо, оно допускается богом для того, чтобы во вселенной существовали все ступени совершенства. Человек должен стремиться к блаженству через теоретическую деятельность разума, в познании истины ради самой истины, то есть ради бога. Он приходит к выводу, что есть некий «естественный закон», согласно которому нельзя творить зло. Цель жизни человека – достижение загробного блаженства, и только истинная вера, надежда и любовь могут привести к нему, а без бога достижение блаженства невозможно. Ф. Аквинский считал человека – политическим и общественным существом, он утверждал, что государство необходимо для управления людьми. Главная цель государства – содействовать всеобщему благу, сохранению мира и свободы. Вся власть – от бога, поэтому правителям необходимо соблюдать естественный закон и служить богу. Особую роль в системе общественных отношений Ф. Аквинский отводил христианской церкви, он утверждал, что государственная власть ниже христианской, так как католическая церковь заботится о божественном благе для всех христиан, то всем государствам следует ей подчиняться. Правители заботятся о земных ценностях, а церковь – о божественных.

А. Августин и Ф. Аквинский создали систему христианской антропологии, которая лежит в основе современных теологических концепций католицизма. Они проповедовали смирение, терпение, отречение от земных радостей, вселенскую любовь к ближнему, так как эти заповеди начертаны богом для людей, а нравственный образец поведения воплощен в личности святого, аскета.

Следовательно, в рамках католицизма в теологической философской традиции развивались идеи христианского антропоцентризма. Человек, наряду с Богом, был в центре внимания теологов, однако человек был подчинен общей идее божественного творения, хотя ему отводилось особое место в рамках религиозной концепции мира. Наиболее ярко это проявляется у А. Августина, именно у него намечается формирование понятия, которое в дальнейшем получило название «личность». Это и есть проявление самостоятельной ценности человека в средневековой философии, хотя она развивалась в рамках христианского догматического миропонимания.

Пристатейный библиографический список

1. Августин А. Исповедь / Пер. с латин. М. К. Сергиенко. – Москва: Ренессанс, 1991. – С. 156.
2. Аквинский Ф. Сумма теологии / Пер. с лат. С. Е. Еремеева, А. А. Юдина. – Киев: Эльга, Москва: Ника – Центр, 2002. – С. 237.
3. Марру А. Святой Августин и августирианство. – Москва: Вестком, 1999. – С. 34.

ВОРОХОБОВ Александр Владимирович

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

УЛАНОВ Михаил Владимирович

преподаватель Нижегородской духовной семинарии

ОТ РАЗУМНОГО ЖИВОТНОГО К ЧЕЛОВЕКУ РАЗУМНОМУ: ОСНОВЫ АНТРОПОЛОГИИ И. КАНТА

В статье концептуализируется учение И. Канта о человеке, как особом разумном существе, качественно отличном от мира вещей и животных. Рациональность, используемая в высших целях, составляет основу человеческого достоинства. Особая ценность человека не вытекает из его биологических особенностей, из его принадлежности к миру природы. Наоборот – его источник – способность подняться над собственной телесностью, отвергнуть веление природы и действовать по законам, которым человек, как умопостижимое существо с помощью своего разума он навязывает сам себе.

Ключевые слова: И. Кант, антропология, животное, разум, саморефлексия.

VOROKHOBOV Alexander Vladimirovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Privolzhsky branch of the Russian State University of Justice

ULANOV Mikhail Vladimirovich

lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

FROM A RATIONAL ANIMAL TO A RATIONAL PERSON: THE FOUNDATIONS OF I. KANT'S ANTHROPOLOGY

The article conceptualizes the teachings of I. Kant about man as a special rational being, different from the world of things and animals. Rationality, used for higher purposes, is the basis of human dignity. The special value of a person does not follow from his biological characteristics, from his belonging to the natural world. On the contrary, its source is the ability to rise above one's own physicality, reject the dictates of nature and act according to the laws that a person, as an intelligible being, imposes on himself with the help of his mind.

Keywords: I. Kant, Anthropology, Animal, Mind, Self-reflection.

Наследие И. Канта имеет решающее значение для западной интеллектуальной традиции [3, с. 25-35], [4, с. 35-37], [5, с. 237-245], [6, с. 440-441]. Антропология И. Канта является неотъемлемой частью его целостной философской системы, органически сочетающей в себе метафизику, гносеологию, этику и политическую философию. Человек для философа – это, прежде всего, существо разумное [8].

Имея в виду этот образ человека, следует задаться вопросом: какой путь ведет к реализации идеала и каковы следующие этапы процесса самосовершенствования? Кант подчеркивает, что человек, сотворенный природой, есть только *animal rationabile*, т. е. потенциально разумное существо, которое может стать *animal rationale*, то есть разумным существом, только после выполнения определенных условий. То, что значит быть человеком, не имеет четкого определения, но оно включает в себя множество возможностей, которые не являются одинаково ценными. Тем не менее с самого начала человек имеет право на достоинство, то есть на внутреннюю ценность, которая является необходимым и достаточным условием для того, чтобы требовать к себе уважения и уважать других. Источником этого достоинства является рациональность (потенциальная или актуальная). Следует подчеркнуть, что основной тезис кантовской антропологии о том, что человек есть разумное существо, является не только описательным, но и оценочным тезисом. Рациональность есть атрибут человека, который отражает определенное состояние «вещей». Однако в то же время она является также критерием ценности и основанием того или иного человеческого статуса. Это также основа для оценки различных форм человеческого существования, потому что человек может руководствоваться разумом в разной степени. Это зависит от его врожденных предрасположенностей, от внешних ус-

ловий (уровень развития культуры, воспитания, устройство государства), а также от его собственных усилий, собственной работы, направленной на ограничение влияния животных элементов его личности (аффекты, страсти, влечения) и возрастание роли разума.

Постепенно развивающаяся рациональность является тем фундаментом, на котором И. Кант строит свое антропологическое знание. Решающим в этом развитии является появление рефлексивного сознания, то есть способности различать самого себя в своем сознании. Именно это делает человека личностью, которая остается одной и той же в силу единства сознания. Это радикально отличает человека от вещей и животных, которыми он может распоряжаться по своему желанию [7, с. 142].

Понятие человека воспринимается И. Кантом специфически. Философ явно ссылается на взгляды своих предшественников, придававших этому понятию конкретный смысл. Классическое определение личности исходит от Боэция: *persona est rationabilis natu rae individua substantia*. Отсюда можно сделать два важных вывода: а) все люди личности, хотя и не все личности должны быть людьми; б) основой личного бытия является разумная субстанция [2, с. 349-359]. В Средние века, в основном благодаря Фоме Аквинскому, боэциевое понятие «человек» было уточнено путем анализа природы человека и определения критерия разумности. Неизменным элементом этих соображений было убеждение, что метафизическое, субстанциальное истолкование «человека» является необходимым условием понимания человеческого существования. Современная философия не отказалась от понятия «человек», но коренным образом изменила его понимание. Исходным пунктом новой интерпретации стал картезианский дуализм души и тела. Анализ этих двух

субстанций приводит автора «Размышления» к выводу, что уникальность человека проистекает из наличия у него души (*res cogitans*), а не тела (*res extensa*). Атрибутом души является мышление, которое в терминологии Декарта включает в себя все психические функции, все акты сознания, а следовательно, и акты хотения, чувства и воображения. Тело – всего лишь автомат, механически реагирующий на раздражители, душа – самосознательный субъект. Именно благодаря сознанию человек является автономным и автотелическим существом. Хотя Р. Декарт не использовал понятие «человек» в своих рассуждениях, его открытия, и особенно акцент на роли сознания в процессе конституирования субъекта (*cogito ergo sum*), оказали значительное влияние на понимание этой категории. Следующими поколениями философов. Дж. Локк, среди прочих, ссылаясь на него. Однако автор «Опыта о человеческом разумении» не разделял взглядов Р. Декарта относительно субстанции. По его мнению, то, что мы определяем как «А так как мы воображаем, что они не могут существовать *sine re substantia* без чего-нибудь, поддерживающего их, то мы называем этот носитель *substantia*, что в буквальном смысле слова означает «стоящее под чем-нибудь» или «поддерживающее»» [9, с. 346]. Это утверждение касается объектов не только внешнего, но и внутреннего опыта. В последнем случае, по Дж. Локку, нам даны только наши состояния сознания, единство которых мы переживаем, что обеспечивает нашу идентичность. Поэтому Дж. Локк не видит возможности или причины апеллировать к субстанции как к метафизической основе личного существования. Для него человек есть существо, наделенное разумом и способностью к саморефлексии. Человеческое существование связано с осознанием «Я», которое сопровождает все акты мышления. Идентичность человека основывается не на идентичности субстанции, а на идентичности самопознания. Размышления Дж. Локка привели его к различению человека и личности. Он признавал, что их существование определяется разными типами свойств. Человек конституируется физическими и биологическими свойствами организма, а личность – непосредственно самосознанием. Таким образом, человек есть личность не *per se*, а *per accidens*.

И. Кант был представителем этой традиции, обращаясь к понятию сознания в трактовке концепта «человек». Он утверждает, что человек становится личностью, если в образе самого себя он может различить «Я» [7, с. 142]. Эту мысль можно интерпретировать через призму кантовской концепции апперцепции. Апперцепция – это осознание себя в отношении свойств состояния, в котором мы находимся. Это – эмпирическая апперцепция. Она ориентируется на поток внутренних явлений, она изменчива и потому, по И. Канту, не может дать постоянного «Я». Это возможно только благодаря чистой апперцепции, при которой интеллект постигает «Я» посредством рефлексии, но не как предмет познания, а только как субъект мышления, сущность, сохраняющую свое тождество по отношению ко всем представлениям и независимо всех внутренних преобразований ума. Однако этот предмет нельзя отождествлять с субстанцией, потому что «Я» не дано наглядно, а лишь включено в представление [8, с. 313-351]. Несколько упрощая терминологию И. Канта, можно сказать, что человек становится личностью, т. е. приобретает особую внутреннюю ценность, когда он расширяет поле своего сознания и поднимает его на качественно более высокий уровень: осознание всех его переживаний и поступков обогащается с осознанием того, что он все знает о своих переживаниях и действиях [1, с. 24-53]. По И. Канту, самосознание (рефлексивное сознание) есть свойство человека и свидетельствует его разумности. Оно появляется у человека в процессе его развития. Таким образом, человек не рождается личностью, но имеет все данные, чтобы ею стать.

Представляется, что И. Кант допускает и возможность обратного процесса: при определенных условиях человек

теряет свой привилегированный статус и перестает быть личностью (не теряя при этом достоинства, вытекающего из того, что он человек). Такая ситуация имела бы место, если бы уровень самосознания индивида, а также его способность руководствоваться разумом были бы существенно ограничены (в результате психического заболевания или пристрастия к наркотикам).

В антропологии И. Канта человеку отведено особое место в онтическом порядке существ. Дело не только в том, что человек благодаря способности к самосовершенствованию возвышается над миром несовершенных животных и занимает особое место в системе природы. Ибо важно то, до чего оно поднимается. Недостижимый идеал, цель есть чистое разумное существо, всегда руководимое доброй волей, то есть Бог¹. Отводя человеку именно такое место в иерархии существ (неразумные, лишённые свободы животные – в известной мере свободный и нравственно дееспособный человек – совершенный во всех отношениях Бог) и делая акцент на цели, к которой он должен стремиться, указывая родство с высшим существом, он является последним и высшим основанием человеческого достоинства и прав.

Пристатейный библиографический список

1. Андриянов И. Е. Проблема соотношения апперцепции, самосознания и сознания в критической философии И. Канта // Кантовский сборник. - 2020. - Т. 39. - № 3. - С. 24-53.
2. Вороховов А. В. Личность с точки зрения персоналистического актуализма // Труды Нижегородской Духовной семинарии. - Нижний Новгород: Ридо, 2020. - Вып. 18. - С. 349-359.
3. Вороховов А. В. Особенности западной религиозности постмодерна // Труды Нижегородской духовной семинарии. - Нижний Новгород, 2012. - № 10 (10). - С. 25-35.
4. Вороховов А. В. Персоналистическая интерпретация протестантской хамартиологии в творчестве Эмиля Бруннера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2016. - № 9 (71). - С. 35-37.
5. Вороховов А. В. Проблема референта протестантского герменевтического дискурса: метод «туманистической» теологии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. - Нижний Новгород, 2012. - Выпуск 17. - С. 237-245.
6. Вороховов А. В., Семикопов Д. В., Собко Р. В., Уланов М. В. Эстетическое и моральное в гуманистической философии Н.В. Гоголя // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 2 (153). - С. 440-441.
7. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. - Издательство «Чоро», 1994. - Т. 7. - С. 137-376.
8. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. - М.: Наука, 1999. - 655 с.
9. Локк Д. Сочинения в 3 т. - М., 1985. - Т. 1. - 621 с.

¹ Это не означает, что Бог является моральным законодателем для человека. Этика И. Канта автономна. Для разумных существ Бог в силу Своей воли является идеалом нравственного совершенства, на который они должны равняться в своем собственном нравственном законе.

ГАЙНУЛЛИН Руслан Анварович

кандидат биологических наук, доцент Башкирского государственного медицинского университета;

БИКИМБЕТОВ Руслан Гиниятович

кандидат педагогических наук, доцент Башкирского государственного медицинского университета

ВИЛЬДАНОВ Ханиф Салимович

доктор философских наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОЦИЕТАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Статья посвящена исследованию теоретических и методологических проблем социального прогнозирования и проектирования социетальных систем. Рассмотрены недостатки и противоречия существующих методологических подходов к социальному прогнозированию и проектированию сложных социетальных систем и раскрыты потенциальные направления развития методологии для повышения точности прогноза социетальных объектов.

Ключевые слова: социальное прогнозирование и проектирование, социетальная система, методология, общество, риски и уязвимости социальных систем.

GAYNULLIN Ruslan Anvarovich

Ph.D. in biological sciences, associate professor of the Bashkir State Medical University

BIKIMBETOV Ruslan Giniyatovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Bashkir State Medical University

VILDANOV Khanif Salimovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of the Ufa State Petroleum Technical University

SOCIAL FORECASTING AND DESIGN OF SOCIETAL SYSTEMS

The article is devoted to the study of theoretical and methodological problems of social forecasting and design of societal systems. The shortcomings and contradictions of the existing methodological approaches to social forecasting and the design of complex societal systems are considered, and potential directions for the development of methodology to improve the accuracy of forecasting societal objects are disclosed.

Keywords: social forecasting and design, societal system, methodology, society, risks and vulnerabilities of social systems.

Не будет ошибкой утверждение, что вся история человечества со своих первых дней была основана на стремлении предвидеть, предугадать и преобразовать будущее развитие собственной социальной реальности, общества и человека. Устремленность в будущее и ожидаемому результату всегда характеризовала поведение и деятельность человека. Стремление субъекта социальных отношений предвидеть и предугадать развитие общества научные черты приобретает только в XX веке. Если быть точнее в конце 40-х гг. XX века научные основы социального прогнозирования появились в трудах Дж. Бернала, отметившего, что «в науке больше, чем в каком-либо другом институте человечества, необходимо изучать прошлое для понимания настоящего и господства над природой в будущем» [1, с. 16]. Идея применения науки для социального прогнозирования была связана с возможностями использования закономерностей общественного развития при создании методологии научного предвидения. Дальнейшее развитие методологии социального прогнозирования связано с именем Н. Винера, предложившего метод сценариев для прогнозирования потенциальных вариантов развития различных сфер социальной системы. И, согласно Н. Винеру, потенциальные варианты развития прогнозируемого объекта позволяют управлять этим объектом, моделируя и проектируя его будущее состояние [5, с. 2-13]. Начиная с этого времени, постоянно, с переменным успехом, развивается методология социального прогнозирования и проектирования. Интенсивный рост методологических разработок

социального прогнозирования в 60-е гг. XX века расширил сферу прогнозирования, включив в процесс все подсистемы общества – прогнозировались социально-экономическая, политическая, военно-политическая, демографическая, научная, научно-техническая сферы.

Именно в 60-е гг. XX века в научной литературе утвердилось устойчивое представление о роли и значении социального прогнозирования и проектирования для управляемого развития общества. Появляется уверенность в науке, способной разработать эффективные модели развития общества. Ж. Т. Тоценко социальное прогнозирование определяет как «специфическую научную деятельность, которая исходит из многозначности многовариативности изменений социальных систем и возможности вероятностных утверждений об их будущем с относительно высокой степенью достоверности» [7]. И, согласно автору, за социальным прогнозированием следует социальное проектирование, направленное на целенаправленное изменение социальных характеристик прогнозируемого объекта, в соответствии осуществленного прогноза. Логика прогноза основывается на определении детерминированных, непрогнозируемых величин прогнозируемого объекта. Независимо от того, социальное прогнозирование и проектирование носит краткосрочный или долгосрочный, одномерный или многомерный характер, включает в себя, во-первых, устойчивые, базисные и, во-вторых, изменчивые, надстроечные факторы, где первые выступают внутренними закономерностями и характеристиками системы,

определяющими базовый вектор развития, а вторые – внешними факторами, определяющими альтернативные варианты развития. Сложность любого прогноза заключается в том, что соотношение и сочетание внутренних и внешних факторов не всегда однозначно и равнозначно воздействует на поведение прогнозируемого объекта, и не всегда возможно заблаговременно определить, какой из факторов, в какой момент времени сильнее всего повлияет на систему. Введение в прогнозирование детерминированных, непрогнозируемых величин, как наиболее стабильных характеристик прогнозируемого объекта, является методологическим допущением, хотя и эти величины в зависимости от условий и сочетания событий могут проявляться не всегда однозначно.

Тяжело сказать, как развивалась бы современная цивилизация без прогнозов второй половины XX – начала XXI веков, без моделей общественного развития, основанных на социальных прогнозах, но ясно одно – дальнейшее развитие и усовершенствование методологии прогнозирования, составление новых прогнозов и моделирование на их основе будущего человечества остается существенной задачей современной науки. Современные реалии хорошо демонстрируют проблемные зоны современного общества, связанные рисками и угрозами, для решения которых необходимы прогнозирование и проектирование трансформирующихся, эволюционирующих и динамичных элементов социальных подсистем общества. Динамичность элементов социальных подсистем общества связана с большим количеством уязвимостей и факторов влияния, что система на любом временном или количественно-качественном этапе своего развития оказывается перед множеством вероятных и альтернативных векторов развития. Проблемы прогнозирования и проектирования на современном этапе развития общества связаны тем, что и первичные, устойчивые (базисные), и вторичные (надстроечные) структуры социальной действительности не только динамичны и изменчивы, но и одновременно многофакторны, многовекторны и противоречивы, и придают системе социетальный характер. В условиях трансформаций и метаморфоз существующие в социальной системе и ее подсистемах устойчивые внутренние закономерности и причинно-следственные связи оказывают существенно меньшее влияние на непредсказуемую изменчивость прогнозируемого объекта. Нестабильность и изменчивость социальной системе придают условно внешние факторы, непредсказуемо влияя на поведение объекта. В момент максимального ослабления влияния устойчивых внутренних закономерностей и причинно-следственных связей и усиления воздействия внешних факторов на социальную систему, сильнее проявляется ее нелинейное поведение, затрудняющее прогнозирование, без которого невозможно и проектирование. Сложность прогнозирования в условиях нестабильности системы, прежде всего, связана тем, что ослабление влияния устойчивых внутренних закономерностей и причинно-следственных связей, из прогноза устраняет первичные, базисные факторы, детерминированные и непрогнозируемые величины. Любой прогноз основывается на двух группах данных или факторов, где первая группа не прогнозируется, но выступает как устойчивые и неизменные элементы системы, вокруг которых осуществляется определение характеристик второй группы, которые влияют на процесс трансформации всей системе прогнозируемого объекта. Чем стабильнее и устойчивее первая группа опорных данных и факторов, тем точнее прогноз будущего состояния прогнозируемого объекта или совокупности объ-

ектов, и наоборот – изменчивость и динамичность первой группы делает менее эффективным прогноз.

Проблема прогнозирования и проектирования сложных систем, куда относятся социальная система и ее подсистемы, заключается не только в социетальности, многофакторности и динамичности надстроечных и базисных элементов структуры социальной системы, но и, как отмечалось выше, в отсутствии эффективной методологии. Формирование новой методологии прогнозирования и проектирования социальных систем была предпринята в 90-х гг. XX века, но и она оказалась не способной осуществлять прогноз социетальных систем. Например, к этому времени относится методология прогнозирования и проектирования устойчивого развития социальной реальности и глобальных социальных систем, функционирующих в мировом масштабе. В Концепции устойчивого развития изначально определялись базисные элементы социальной системы, как изначально существующие условия или как критерии, которые должны были исходно оставаться неизменными. В основу социального прогнозирования и проектирования в концепции устойчивого развития легла идея, в которой прогнозируемые социальная система и ее подсистемы выступают самоподдерживающейся и самодостаточной для функционирования системой, требующей соблюдения изначально установленных норм и правил всеми субъектами данной социальной системы, направленных на преодоление негативных последствий научно-технического прогресса. В данной концепции суть прогнозирования и проектирования многофакторного, целостного явления сводится к методологии, где социальная система рассматривается как двухфакторное, объектно-субъектное образование, где объект развивается однолинейно к конкретному предопределенному результату, по изначально определенной траектории, а субъект, в лице государств, социальных, экономических, политических образований или конкретных людей, воздействует на траекторию развития системы. Недостаток в подобном прогнозировании заключается в том, что прогноз изначально устраняет из анализа многофакторность, многовекторность, противоречивость и нестабильность как первичных, так и вторичных структурных элементов прогнозируемой системы. Но несмотря на то, что идея ушла, в самой концепции были заложены болевые точки и уязвимости социальной системы, названные индикаторами, которые способны обеспечивать или, наоборот, ограничивать устойчивое развитие в глобальных масштабах. Такими показателями проектирования долгосрочного развития человечества в глобальном масштабе были определены четыре индикатора: индикаторы, социальных, экономических, экологических, институциональных аспектов [6].

Идея устойчивого развития осталась идеей, а человечество пришло к новым вызовам – рискам и уязвимостям, которые становятся все масштабнее и глобальнее, а в самой социальной системе первичные, базисные факторы, выступающие некогда непрогнозируемыми элементами прогнозируемого объекта, оказываются под воздействием социетальных характеристик системы. И, как следствие, поведение социальной системы и ее подсистем все больше приобретают черты с нелинейными динамическими характеристиками, когда даже ее устойчивые, базисные характеристики, утрачивают целостность связей и отношений внутри организованной системы. Примером может выступать ситуация, которая сложилась в международных отношениях и взаимоотношениях между государствами на данный момент [2, с. 438]. Международные отношения и внешняя политика государств являются одним из структурных элементов

глобальной социальной системы. Осуществляя краткосрочный прогноз развития международных отношений в ближайшей перспективе, эксперты предсказывают кардинально противоположные сценарии развития – от резко негативного, до благоприятно устойчивого, но никто не допускает максимально позитивный прогноз. Проблема расхождения прогнозов имеет некоторые объективные предпосылки, которые связаны:

во-первых, со сложностью прогнозируемого объекта и спецификой применения системного подхода к нему – прогнозируемый объект сам имеет системно организованную структуру и является одним из множества элементов подсистемы, выступающей, в свою очередь, структурной частью глобальной социальной системы. Иерархически организованная природа структуры социальной системы характерна как для всех ее подсистем, так и элементам самих подсистем. Суть проблемы заключается именно в том, что социетальных системах рассматриваемый объект прогноза, являясь одним из элементов подсистемы, не может рассматриваться как автономное явление для прогноза;

во-вторых, со сложностью применения основного методологического принципа любого прогнозирования и проектирования сложных систем – ступенчатого подхода к этапам прогнозирования, в котором каждый этап является одной ступенью прогноза. Из трех ступеней первой ступенью прогнозирования является одномерный прогноз, второй ступенью выступает многомерный прогноз и завершающей ступенью становится сквозной прогноз. Применение методологического принципа ступенчатости предполагает системный подход к объекту прогноза и его завершенность. В процессе трехступенчатого прогноза первым осуществляется одномерное прогнозирование, когда каждый простой элемент системы анализируется независимо для дальнейшего определения его влияние на систему. Второй этап – многомерный прогноз предполагает одновременное и параллельное одномерное и независимое прогнозирование множества элементов системы, с последующим их согласованием между собой. На третьей ступени, когда осуществляется сквозное прогнозирование, на основе данных факторного анализа двух предыдущих ступеней, выявленных в них тенденций и закономерностей, определяется устойчивые, хотя и вероятностные, векторы и направления развития системы, устанавливающие будущее состояние и поведение всей социальной системы. Суть методологии ясна и логична, но проблема в другом – какой объект должен стать самой простой единицей одномерного прогнозирования? Из этого вопроса вытекает, что объектами одномерного прогнозирования станут или бесконечное множество простых элементов прогноза, требующих неограниченное количество человеческих и временных ресурсов, или за единицу, то есть простой элемент, будет взят некая, хотя и максимально упрощенная система элементов. Во втором случае прогноз изначально будет допускать явные неточности в результатах прогноза, что связано, прежде всего, тем, что многофакторное явление прогноза будет рассматриваться как однофакторное;

в-третьих, со сложностью процедурной формализации процесса прогнозирования сложных социальных систем, связанных их социетальным характером. Прогнозируемый объект, как социетальная система, представляет собой совокупность сложных и крупных подсистем, в которых функционируют разветвленные и развитые социальные, политические и экономические структуры, институты, организации и отдельные субъекты отношений, неравномерно насыщающие неоднозначными решениями, событиями, конфликтами социальные процессы

в различные отрезки времени. Формализация процесса усложняется из-за того, что прогнозируемый объект с социетальными характеристиками утрачивает устойчивые параметры, которые могли бы выступать в прогнозе в качестве детерминированных, непрогнозируемых величин. Событийная насыщенность в совокупности с факторами случайности резко усиливают нелинейную динамику прогнозируемого объекта, порождая огромное количество конкурирующих и альтернативных сценариев будущего. Все это усложняет определение точек устойчивости прогнозируемого объекта, нивелирует количественные и качественные характеристики системы.

Специфика прогнозирования и проектирования сложных социальных систем предполагает применение методологии, способной повысить точность прогноза социетальных объектов. Сам прогноз из-за сложности и многофакторности прогнозируемого объекта будет допускать несколько сценариев развития событий, и носить вероятностный характер, с приближением в шкале вероятности к максимальной или минимальной возможности осуществления сценария. И повышение эффективности методологии прогнозирования может быть, прежде всего, связано с обращением к объяснению нелинейных процессов, разработанных в рамках синергетики. И речь идет о способности прогнозирующего вычислить параметры поведения исследуемого объекта и критические значения, которые определяют количественные или качественные изменения в системе. Понимание социетальности социальной системы ставит под сомнение эффективность рассмотрения объекта прогнозирования и проектирования как простую сумму одномерных показателей, способных как-то определять детерминированные, непрогнозируемые величины, вокруг которых следовало бы выстраивать прогноз. Только системное понимание прогнозируемого объекта с социетальными характеристиками как целостности связей и отношений всей совокупности элементов с относительно устойчивыми параметрами, может повышать качественные показатели прогноза.

Пристатейный библиографический список

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. - М.: Изд. иностр. лит., 1956. - 735 с.
2. Вильданов Х. С. К проблеме релятивизма политических ценностей // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 11 (126). - С. 438-440.
3. Вильданов Х. С. Роль постнеклассической аксиологии в исследовании социальных процессов // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 5 (144). - С. 477-479.
4. Вильданов Х. С., Усманов М. Р. Социальный инжиниринг и социальные технологии в управлении социальными процессами в многонациональном и поликультурном обществе // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 10 (137). - С. 430-433.
5. Винер Н. Человек управляющий. - СПб. Питер, 2001. - 288 с.
6. Концепция устойчивого развития. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/world_history/text/2094308.
7. Тощенко Ж. Т. Социальное прогнозирование // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. Под ред. Ж. Т. Тощенко. - М., 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://voluntary.ru/termin/prognozirovanie-socialnoe.html>.

ГУТОРОВ Юрий Александрович

преподаватель Нижегородской духовной семинарии

ПЛАКСИН Виктор Александрович

преподаватель Нижегородской духовной семинарии

СПИРИН Василий Константинович

преподаватель Нижегородской духовной семинарии

ЕВРАЗИЙСКАЯ СУЩНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ИСТОРИОСОФИИ ЕВРАЗИЙЦЕВ

В статье представлен анализ философии русской истории, оформившейся в рамках философско-политического движения евразийства; освещается генезис и основные принципы историко-философской концепции евразийцев. Рассматриваются взгляды евразийцев на проблему взаимоотношения России и Европы, Востока и Запада, а также на место России во всемирной истории, специфику ее государственности, истории и культуры с учетом особого, срединного положения.

Ключевые слова: евразийство, история России, Г. В. Вернадский, Н. С. Трубецкой.

GUTOROV Yuriy Alexandrovich

lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

PLAKSIN Viktor Alexandrovich

lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

SPIRIN Vasilii Konstantinovich

lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

THE EURASIAN ESSENCE OF THE RUSSIAN CIVILIZATION IN THE HISTORIOSOPHY OF THE EURASIANS

The article presents an analysis of the philosophy of Russian history, which took shape within the framework of the philosophical and political movement of Eurasianism; the genesis and basic principles of the historical and philosophical concept of the Eurasians are highlighted. The views of the Eurasianists on the problem of the relationship between Russia and Europe, East and West, as well as on the place of Russia in world history, the specifics of its statehood, history and culture, taking into account a special, middle position, are considered.

Keywords: Eurasianism, History of Russia, G. V. Vernadsky, N. S. Trubetsky.

Поиск исторической и цивилизационной идентичности характерен для русской историософии практически всего периода существования нашего государства.

Ориентация национального сообщества на чужеземные образцы не является уникальным в цивилизационной практике. Можно назвать единичными государства, которые долгое время были замкнуты на себе и остались в силу этого самобытными. Процессы рецепции одной культурой образцов из других культур идут непрерывно на всем протяжении человеческой цивилизации. Римская культура впитала в себя достижения греческой, а европейская цивилизация, в свою очередь, была наследием римской.

Русская ментальность тяготела к Европе, а европейская историческая традиция запечатлела в своей памяти ужасающее нашествие монгольских орд. («Западный поход» монгольского хана Батые, - внука Чингисхана, - в XIII веке принес существенный урон не только русским землям, но и многим государствам Западной Европы.) Таким образом, негативное восприятие отечественной исторической наукой монгольского владычества над русскими землями является калькой, позаимствованной от западноевропейских хронистов. Подобная парадигма доминировала в отечественной исторической науке вплоть до начала XX века, когда крушение Российской империи заставило крупнейших русских мыслителей, философов и историков переосмыслить в культурологическом и цивилизационном аспектах место нашей страны.

Новый подход, именуемый «евразийским», имел под собой методологию, в корне отличавшуюся от прежних научных подходов. Действительно, неоспорим факт, что монгольские нашествия имели колоссальные отрицательные последствия для экономики и культурного развития Руси, так как происходило разграбление накопленных богатств и предметов материальной культуры, на русские земли налагалась тяжелая дань, а в рабство утонуло значительное число жителей.

С другой стороны, Русь, - переживавшая период политической раздробленности на момент начала монгольских интервенций, - получила от монгольских ханов новую форму политической организации русских земель посредством

«ярлыка на великое княжение». Прежняя система формирования верховной власти, основоположником которой был князь Ярослав Мудрый («лествица»: когда власть принадлежит старейшему мужчине в роду), была в скором времени дискредитирована желанием правителей передавать верховную власть по принципу майората (старшему сыну). Данное явление породило внутрисоциальную смуту, благодаря чему Русь к началу монгольского вторжения представляла из себя конгломерат небольших княжеств, стремящихся к независимости и конфликтующих с соседями. Новый механизм передачи власти, подкрепленный военной поддержкой монголов, позволил со временем минимизировать внутрисоциальный разлад на Руси, консолидировать силы русских княжеств в одних руках (великого князя) и, как следствие, в скором времени оправиться от нанесенного монголами ущерба.

В XIII веке русская государственность переживала непростой период: внутренний кризис (политическая раздробленность) внешняя угроза со стороны западных держав (Швеция, Ливонский орден) и восточных (монгольская агрессия).

«Евразийцы были убеждены, что рождение всякой культуры происходит на религиозной почве. Православие стало такой почвой для евразийской культуры. Оно, по мысли евразийцев, характеризуется стремлением к всеединству, что позволяет ему синтезировать различные идеологические течения — как входящие в рамки данной культуры, так и пребывающие за ее пределами» [3, с. 67].

Важно отметить, что ориентация Руси на Византию проявлялась лишь в культурно-духовном аспекте. Константинополь не оказывал политической гегемонии или иного серьезного влияния на внутреннюю жизнь русского государства. Таким образом, политическая структура Руси была вполне самобытным явлением.

Военное противостояние великих европейских держав в ходе Первой мировой войны и последующее крушение того, что автор называет «Русской культурой» заставило Н. С. Трубецкого задуматься о правильности выбора европоцентричного вектора развития русской цивилизации.

Перенос ценностей одной цивилизации в другую Н. С. Трубецкой рассматривает как неоднозначный процесс, и фактором успеха в этом случае является наличие органичной традиции в культуре принимающей стороны. Чаще всего, по мнению Трубецкого, «полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, – дело невозможное» и опасное.

Мысли Н. С. Трубецкого были подхвачены русским культурологом и философом П. Н. Савицким (1895-1968), который в своей рецензии на работу Трубецкого назвал новое направление «евразийством». Савицкий полагал, что большинство славянского населения в ходе взаимного цивилизационного проникновения перемешалось с тюркскими, финскими и иными племенами. Особое внимание Савицкого привлекали контакты славян с «кочевыми» этносами [4], особенно в свете нашумевших работ В. Вернадского (1887-1973), который произвел ревизию устоявшегося в историографии взгляда на «монголо-татарское иго». В статье «Степь и оседлость» Савицкий отвергает устоявшиеся штампы на «промонгольский» период в истории русского государства. Он пишет: Прежде всего укажем следующее: «без «татарщины» не было бы России. Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской Киевской Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским нашествием. Мы отнюдь не хотим отрицать определенных - и больших - культурных достижений Древней Руси XI и XII вв.; но историческая оценка этих достижений есть оценка превратная, поскольку не отмечен процесс политического и культурного измельчания, совершенно явственно происходивший в дотатарской Руси от первой половины XI к первой половине XIII в.» [4].

Савицкий полагает, что утрата политического суверенитета для политически раздробленных и ослабевших русских княжеств была неминуемой. Утратившие былое величие, русские земли были относительно легкой добычей для внешнего агрессора. Для Руси было благом, по мнению Савицкого, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому.

Далее он обосновывает свою точку зрения следующими доводами: «Татары - «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культуры», пала на Русь как наказание Божие, но не замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся «иранским фанатизмом и экзальтацией», ее испытание было бы многожды труднее и доля - горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу [4].»

Важно, что русские земли не стали монгольской колонией, сохранив культурно-религиозную идентичность: «Само татарское иго, способствовавшее государственной организации России, прививавшее или раскрывавшее дремавшие дотоле навыки, было в то же время горнилом, в котором ковалось русское духовное своеобразие. Стержень последнего - русское благочестие. И вот благочестие это - такое, как оно есть, и такое, каким оно питало русскую духовную жизнь, - создалось именно во времена «татарщины».

«В русле противопоставления России и Европы, начатом славянофилами, евразийцы, судьбу России связывали с познанием истоков национальной самобытности. Но, если славянофилы идеализировали русскую старину, то евразийцы самобытность русской цивилизации связывали с восточными корнями. Восприятие Востока у евразийцев во многом было обусловлено пониманием византийской культуры... Понимание византийской культуры как евразийской расширило представление об основах русской культуры. Византийская культура является основанием, на котором созидалась культура русская. Но наряду с этим основоположным влиянием, евразийцы отмечали и влияние новой, «степной» цивилизации, начавшееся с XIII в. Классики евразийства говорили о географической, духовной и кровной связи России и Азии».

Таким образом, Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий заложили методологическую платформу для дальнейшего развития учения «евразийцев».

Основополагающими постулатами их учения было следующее:

Культурная самоидентификация русского народа как части европейского мира была ошибочным вектором развития, что привело в конечном итоге к Октябрьской революции 1917 года.

Самобытный русский этнос, - смешанный со многими народами, - обладает достаточной масштабностью для самоидентификации как отдельной «евразийской» цивилизации.

«В русле противопоставления России и Европы, начатом славянофилами, евразийцы, судьбу России связывали с познанием истоков национальной самобытности. Но, если славянофилы идеализировали русскую старину, то евразийцы самобытность русской цивилизации связывали с восточными корнями» [1, с. 33].

Данная концепция обладала определенными изъянами-слабым историческим обоснованием доктрины: в частности, не был раскрыт концепт «личности в истории», хотя Трубецкой пытался вывести личность Чингисхана в качестве положительного героя. Разумеется, без активного взаимодействия монгольских ханов и русских лидеров была бы невозможна та новая политическая архитектура русских княжеств, которая позволила русским землям защитить себя от произвола монгольских чиновников, а в дальнейшем создать единое централизованное государство. Монголы не были заинтересованы в экономическом развитии покоренных земель. Территории, управляемые аморфными князьями, не сумевшими найти дипломатический подход к кочевникам, опустошались бы постоянными набегами монгольских отрядов, и в конечном итоге бы опустели, освободив пространство для новых народов.

Положение об уникальном евразийском характере самобытной русской цивилизации является базовым для всех представителей учения евразийцев.

«Итак, одно из основных положений евразийства гласит, что Россия не может следовать всецело по пути европейского культурного развития, потому что она входит в состав особого мира, представляющего собою своеобразное совмещение европейских и азиатских жизненных стихий... Однако сказав, что русская жизнь в своем историческом развитии представляла синтез европейских и азиатских начал, евразийцы не совершили принципиального открытия, - и географы, и историки, и экономисты всегда учитывали то, что Россия сложилась на стыке Европы и Азии. Новое в том, как евразийцы толкуют понятие синтеза» [2, с. 239].

По их мнению, синтез различных начал состоит во взаимном столкновении синтезирующихся начал. Притом в результате этой борьбы Азия должна восторжествовать над Европой по той причине, что душа русского народа, по сути более азиатская, чем европейская, и весь русский европеизм представляет собою не что иное, как внешний налет, искусственно навязанный русскому народу властью Петра I и его преемников. И потому он должен исчезнуть, лишь только Россия вновь проявит со всей силой свою истинную азиатскую духовную природу. Таким образом, евразийство есть призыв к борьбе против европейских элементов в русской культуре.

Находящиеся в эмиграции «евразийцы», не имея всесторонней и правдивой информации о происходящих в СССР событиях, полагали, что Советский Союз преобразуется с отказом советского правительства от концепции «перманентной революции» и устранением от власти наиболее одиозных большевиков. «Евразийцы» полагали, что СССР, отказавшись от «романо-германской культуры» и от большевизма, в конечном итоге встанет на «евразийский» путь развития. Можно отметить, что, хотя на тот момент надежды евразийцев на СССР не оправдались, все-таки в современной России идеи и взгляды евразийцев, во многом, находят свое подтверждение.

Пристатейный библиографический список

1. Гуторов Ю. А. Концепция национальных и межнациональных отношений в философии евразийства. // Православная церковная наука: традиции, новации, актуальные контексты. - Нижний Новгород, 2019. - № 9. - С. 29-36.
2. Гуторов Ю. А. Проблема «Восток-Запад» в творчестве евразийцев // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. - 2011. - № 14. - С. 233-240.
3. Гуторов Ю. А. Религия и церковь как духовный источник государства и личности по учению евразийцев. // Труды Нижегородской духовной семинарии. - Нижний Новгород, 2011. - № 9. - С. 65-70.
4. Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). - М.: Аграф, 2010. - С. 44.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-10-173-540-541

НАЗАРОВА Марина Григорьевна

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Н. А. БЕРДЯЕВА О СУДЬБЕ РОССИИ И МИРА

В статье рассматриваются эсхатологические представления Н. А. Бердяева, его понимание истории России и судьбы мира, переосмысление концепции прогресса. Мыслитель раскрывает свой подход к пониманию метафизики истории, сущности истории, дает философский анализ эпохам развития человечества. Учение о прогрессе связано с пониманием времени в контексте метафизики истории. С позиции идеализма он характеризует ошибки концепции прогресса, которые продолжают в неверных гуманистических установках. Гуманистические идеи Нового времени рассматривали судьбу человека в контексте временного дробления, а истинное понимание обращает человека к вечности, так как только таким образом можно разрешить судьбу конкретного человека и человечества в целом. История есть выход в иной мир через религиозное содержание. Трансцендентный выход поможет решить задачи истории и снимет ее противоречия.

Ключевые слова: философия истории, метафизика истории, учение о прогрессе, революция, религиозное содержание, цивилизация, культура, конец истории, гуманистическая идея, моральное сознание.

NAZAROVA Marina Grigorjevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Humanities and socio-economic disciplines sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

N. A. BERDYAEV'S ESCHATOLOGICAL IDEAS ABOUT THE FATE OF RUSSIA AND THE WORLD

The article deals with the eschatological ideas of N.A. Berdyaev, his understanding of the history of Russia and the fate of the world, rethinking the concept of progress. The thinker reveals his approach to understanding the metaphysics of history, the essence of history, gives a philosophical analysis to the eras of human development. The doctrine of progress is connected with the understanding of time in the context of the metaphysics of history. From the position of idealism, he characterizes the errors of the concept of progress, which continue in the wrong humanistic attitudes. The humanistic ideas of the New Age considered the fate of a person in the context of temporal fragmentation, and true understanding turns a person to eternity, since only in this way can the fate of a particular person and humanity as a whole be resolved. History is an exit to another world through religious content. The transcendental exit will help solve the problems of history and remove its contradictions.

Keywords: philosophy of history, metaphysics of history, doctrine of progress, revolution, religious content, civilization, culture, end of history, humanistic idea, moral consciousness.

Русская философская мысль в XIX веке обращалась неоднократно к проблемам философии истории, пропитывалась религиозным и моральным сознанием, философскими исканиями Бога и человека; отражалась в произведениях искусства и литературы, связывалась с формированием национального самосознания, языка и культуры в целом [4, с.395-399]. Дискуссии и споры между славянофилами и западниками, осмысление роли России и Европы, Запада и Востока – все это способствовало подъему русской культуры, так как «философия есть душа культуры» (К. Маркс).

В плеяде русских философов к XIX-н. XX вв. особое место принадлежит удивительному мыслителю – Николаю Александровичу Бердяеву (1874-1948 гг.), чей вклад в развитие философии данного периода до сих пор еще не оценен до конца, чьи труды до сих пор еще не были изданы полностью в России. Русский философ, вынужденный эмигрировать из России после революции, до конца жизни переживал и болел душой за свою Родину, посвящая ей свои думы и чаяния, свои научные исследования.

В работе «Смысл истории», которую Н. А. Бердяев пишет в 1922 году на основе лекций, прочитанных в Москве в Вольной Академии Духовной Культуры (которую он и основал), мыслитель раскрывает свой подход к пониманию истории, ее сущности, дает философский анализ эпохам исторического развития. Создавая это произведение в пере-

Назарова М. Г.

ломную для России эпоху, он по-новому подходит к понятиям «историческое», «культура», «цивилизация», «человек», «историческое время», «конец истории», наполняя их глубоким духовным содержанием, моральным значением. Переосмысливает учение о прогрессе и конце истории, обоснованно критикует марксистскую концепцию общественно-экономической формации, видя в ней однобокую трактовку человеческой истории и игнорирование моральной идеологической надстройки [7, с. 34-36].

На первый план в его работе выходит идея прогресса и метафизика истории, которая, может быть представлена следующим образом.

Идея прогресса имеет определенную цель и смысл для будущего исторического процесса. Основу этой идеи составляют религиозно-мессианские истоки, идущие из глубины древней иудейской культуры, связанные с Мессией, исторической судьбой Израиля, мыслью о Царстве Божьем (отождествленным с царством свободы и справедливости). Учение о прогрессе заменяло многим фанатичным людям веру религиозную, христианскую и приобрело мирской, светский характер [2, с. 145].

Учение о прогрессе связано с пониманием времени в контексте метафизики истории. Задачи всемирной истории будут разрешены, когда наступит момент в будущем и достигнуто высшее состояние, тогда трагедия истории придет

к концу. Но при этом прогресс рассматривает каждое поколение людей как средство достижения этой конечной цели, этой вершины блаженства, которое возможно только в будущем. Н. А. Бердяев пишет, что родится в будущем новое поколение счастливых, которое на костях предшествующих поколений взберется на вершину и для которых возможна будет вся полнота жизни, высшее блаженство и совершенство. Именно в этом, по мнению Бердяева, и кроется основное моральное и религиозное трагическое противоречие учения о прогрессе, которое делает его неприемлемым и недопустимым, так как с моральной точки зрения никакое грядущее совершенство и блаженство не может искупить всех страданий предшествующих поколений. Данная идея прогресса противоположна христианской идее воскресения всех умерших, всех поколений для вечной жизни [2, с. 146-148].

Н. А. Бердяев считает, что в истории нет прогресса совершенства и нет прогресса добра, в силу которого будущее поколение стоит выше поколения предыдущего, в истории нет прогресса счастья человеческого. В истории есть лишь наличие двух противоречивых нравственных начал: добра и зла. В обнаружении и раскрытии этих двух начал и есть внутренний смысл исторической судьбы человечества [2, с. 150].

Еще одна идея противоречит учению о прогрессе. Все без исключения национальные культуры подвергаются процессу старения и умирания. Ценности культуры - вечны, так как в культуре есть бессмертное начало, но народы, как живые организмы, обречены на умирание после высшего кульминационного пика своего развития. Культура Вавилона, появившаяся более 3000 лет до н.э., в некотором своем развитии обогнала культуру XIX века, погибла и исчезла практически бесследно [2, с. 151-152]. Археологические раскопки открыли удивительные артефакты древней цивилизации всему миру. Но данные факты опровергают концепцию прогресса всего человечества по прямой восходящей линии развития. И последующие культуры не всегда достигают вершин предшествующих цивилизаций и культур.

Н. А. Бердяев утверждает, что концепция прогресса дает неправильное понимание времени, что проявляется при дроблении времени на прошлое, настоящее и будущее. Возвеличивая прошлое или уповая на будущее, историки тем самым нивелируют ценность настоящего. Так как на самом деле прошлого уже нет, а будущее еще не наступило, и только настоящие события наполняют историческую мировую ленту вечности. Он говорит, что необходимо создавать собственную перспективу жизни, основанную не на планировании оторванного будущего, а уходящую в перспективу целостной вечности [2, с. 152-153].

Ошибки и «греховные противоречия» концепции прогресса продолжают в неверных гуманистических идеях прогресса. Гуманистические идеи Нового времени рассматривали судьбу человека в контексте временного дробления, а истинное понимание дает обращение человека к вечности, так как только таким образом можно разрешить судьбу отдельного человека и человечества в целом. Эти противоречия и привели к кризису гуманизма и концу Ренессанса [2, с. 153]. Гуманистическая идея веры в торжество разумных способностей и творческой мощи человека, лишенная религиозного духовного начала, потерпела крах. Идея гуманистического прогресса стала иллюзией. Человек пытался решить свою судьбу и судьбу мира вне религиозного контекста, не нуждаясь в вере в Бога. Но гуманистическая идея несет и положительный смысл, так как подкрепляет веру человека в свои собственные силы и помогая ему самоутвердиться и раскрыть свой творческий потенциал. В высшем кульминационном этапе гуманистической культуры содержится духовное потенциальное зерно нового религиозного откровения [2, с. 154].

История есть выход в иной мир через религиозное содержание, как утверждает Н. А. Бердяев. История дает трансцендентный выход, тем самым она разрешает свои задачи и снимает противоречия. Совершается прорыв истории в сверх-историю. Замкнутый круг истории включает в себя действие сил надисторических и возвещает о новом ноуменальном небесном событии в земном и феноменальном мире

– грядущем явлении Спасителя Христа. Так провозглашается идея неизбежности конца истории [2, с. 154].

Человеческая судьба постигается только в рамках конкретного познания истории, проявляясь через совокупность действий всех мировых сил.

Историческая действительность – это особая высшая духовная действительность. Историческое – это особая ступень бытия. Н. А. Бердяев называет «историческое» реальностью особого порядка [2, с. 10-13].

В завершении труда «Смысл истории» Н. А. Бердяев пишет, что борьба России и Европы, Востока и Запада являла всегда собой борьбу духа с бездушием, религиозной культуры с безрелигиозной цивилизацией. И надеется, что дальше Россия не пойдет путем цивилизации, поскольку у нее свой, особый путь, собственная судьба, что в России еще возможна культура на религиозной основе, истинная духовная культура [2, с. 162]. Воля к культуре у русского народа всегда была особой, переплеталась с волей к «жизни», и эта воля имела два вектора, которые пересекались: вектор к социальному преобразению жизни в цивилизации и стремление к религиозному преобразению жизни (явлению чуда в судьбе народа).

Таким образом, Н. А. Бердяев последовательно рассматривает концепцию прогресса, выделяя и обосновывая ее противоречивый характер и показывая, как можно снять эти противоречия, избежав дробления исторического времени на три части. С позиции идеализма он характеризует ошибки и «греховные противоречия» концепции прогресса, которые продолжают в неверных гуманистических установках. Гуманистические идеи Нового времени рассматривали судьбу человека в контексте временного дробления, а истинное понимание обращает человека к вечности, так как только таким образом можно разрешить судьбу отдельного человека и человечества в целом. История есть выход в иной мир через религиозное содержание. Трансцендентный выход поможет разрешить задачи истории и снимет ее противоречия.

Пристатейный библиографический список

1. Абузарова Н. А. О нравственности Человека // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 2 (153). - С. 437-439.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. - М.: Мысль, 1990. - 174 с.
3. Бондаренко В. Н. О становлении неклассической философии // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 2 (153). - С. 465-466.
4. Кувакин В. А. Мыслители России: Избр. лекции по истории рус. философии. - М.: Рос.гуманист.о-во, 2006. - С. 395-405.
5. Назарова М. Г. Отражение революционных процессов в философских трудах Н. А. Бердяева // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Буташева, А. С. Мина, Т. В. Рабуш. – Спб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. – С. 246-249.
6. Назарова М. Г. Размышления Н. А. Бердяева о революциях и судьбе России // Революция и современность: материалы научно-практической конференции 3 марта 2017 г. / отв. ред. А. Г. Аннин, Р. В. Евстифеев. - Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. - С. 171-175.
7. Назарова М. Г., Абрамов А. В. Русские революции и современный мир через призму философских взглядов Н. А. Бердяева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. - 2022. - Том 11. - № 3 А. - С. 34-40.

ИВАНОВА Евгения Владимировна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

КОНЦЕПТ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В статье на основе анализа нормативно-правовых документов в сфере регулирования национальных и религиозных отношений предлагаются некоторые практические рекомендации по реализации мер, направленных на соблюдение принципов свободы совести, веротерпимости в молодежной среде через образовательные учреждения. Выявлены новые формы современной религиозности – киберрелигии и «религии вымышленных миров», указаны причины появления интереса к такого рода религиозным феноменам «новой духовности». Делается вывод о возможном «ответе» на «вызовы» киберрелигиозной духовности через формирование «гражданской религии» в обществе.

Ключевые слова: религия, религиозная безопасность, духовность, новая духовность, традиционные российские ценности, гражданская религия.

IVANOVA Evgenia Vladimirovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Ontology and theory of knowledge sub-faculty of the first President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University

Иванова Е. В.

THE CONCEPT OF RELIGIOUS SECURITY AND ITS IMPLEMENTATION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article, based on the analysis of legal documents in the sphere of regulation of national and religious relations, offers some practical recommendations for the implementation of measures aimed at observing the principles of freedom of conscience, religious tolerance among the youth through educational institutions. New forms of modern religiosity are revealed – cyber-religions and “religions of fictional worlds”, the reasons for the emergence of interest in this kind of religious phenomena of “new spirituality” are indicated. The conclusion is made about a possible “response” to the “challenges” of cyber-religious spirituality through the formation of a “civil religion” in society.

Keywords: religion, spirituality, traditional religions, religious security, new spirituality, traditional Russian values, civil religion.

Гражданское единение россиян на основе традиционных духовных ценностей как цель государственной политики отражено в «Стратегии национальной безопасности», утвержденной указом Президента Российской Федерации 02 июля 2021 г. № 400. В «Стратегии-21» существует особый раздел «Защита российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». В п. 92 указывается, что «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития»¹. Включение в стратегический государственный документ нового национального приоритета — защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, подробное описание угроз и рисков дает основание выделить в составе национальной безопасности особый новый элемент — духовную безопасность, которую следует понимать как защищенность жизненно важных ценностей, составляющих основу российской идентичности и единого культурного (цивилизационного) кода российского народа.

Можно согласиться с мнением П. Н. Беспаленко [1, с. 5], который рассматривает духовную безопасность как «подсистему» в системе общей национальной безопасности. Автор считает, что «духовная безопасность выступает качественной характеристикой состояния общества в аспекте его духовно-нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланса индивидуальных, групповых и социальных интересов, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры» [1, с. 16]. Духовные факторы жизнедеятельности общества, функционируя через структуру формирования идейных и нравственных мотиваций социального действия, интеграции и мобилизации, принимают участие в «конституировании социального проекта будущего, выступают основными содержательными детерминантами национальной идентичности, сохранение и воспроизводство которой является

смысловым ядром национальной безопасности» — подчеркивает П. Н. Беспаленко [1, с. 16].

Важным составляющим элементом в духовной безопасности является религиозная безопасность, т.к. традиционно религия считалась выражением высших духовных стремлений и связи человека с Абсолютом. Однако пока исследование содержания понятия «религиозная безопасность» является предметом многочисленных обсуждений среди правоведов и юристов. К примеру, это работы таких отечественных правоведов, как А. И. Казаник, Е. С. Сулова, Ю. В. Стастилина, П. Е. Сулонов, И. А. Тарасевич, С. В. Козлов подчеркивал, что «религиозная безопасность – это состояние стабильного существования, воспроизводства и самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России» [5, с. 7]. И. А. Тарасевич полагает, что «система национальной безопасности России является уязвимой без выделения религиозной безопасности в качестве обособленного института» [7, с. 11]. Автор подчеркивает важность введения данного термина в научный оборот и необходимость изучения аспектов религиозной безопасности в контексте системы национальной безопасности, а также считает важным, что современный мир рождает новые угрозы религиозной безопасности. «Разработке перечня угроз религиозной безопасности сама по себе является чрезвычайно сложной задачей, которой должно быть посвящено отдельное исследование» [7, с. 11].

В этот дискурс хотелось бы вступить и религиоведам. Для обеспечения религиозной безопасности религиоведы проводят религиоведческие экспертизы [4], исследуют и новые феномены религиозности, существующие в современном религиозном поле. Так как современный мир невозможен без информационной среды, то и в религиозной сфере появляются новые формы бытования религии: «киберрелигии», «религии цифрового пространства», «цифровые религии», «сетевые религии».

Исследованием подобной проблематики в России занимается религиовед А. П. Забияко. Он дает этому феномену следующее определение: «Киберрелигия – религиозная формация, возникающая и существующая на основе компьютерных технологий как следствие предельно интеллектуальной деятельности. В киберрелигии компьютерные технологии наделяются статусом сверхценности, качествами священных объектов и атрибутами божественных сущностей; виртуальная реальность объявляется высшей реальностью, сверхценным инобытием, доминирующим над миром человеческих возможностей» [3, с.

1 Указ о стратегии национальной безопасности № 400 от 02.06.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1&rangeSize=1>. (дата обращения: 20.10.2022).

105]. В целом, исследуя киберпространство, или, словами А. П. Забияко, «страну Киберию», можно выделить два типа существования религиозного контента: в первом активно представлен научный и конфессиональный ресурс, посвященный тем религиям, которые возникли в реальности и применяют цифровые технологии либо для эффективности миссионерской деятельности, либо в научно-исследовательском плане, к примеру сайты по социологическим исследованиям религий, публикации исследовательских работ по различным религиоведческим проблемам. Исследованию одного из аспектов конфессионального ресурса уже была посвящена одна из статей автора [5].

Особый интерес представляют религии, созданные и создаваемые в киберпространстве и существующие только в нем самом, это второй тип существования религиозного контента в цифровом поле. А. П. Забияко подробно исследовал один из таких видов – богоискательство и богостроительство в киберрелигиях [3, с. 105]. Религиомайкеры создают целую систему сакрализации «Бога Великого Интернета»: культ, молитвы, виды жертвований, символику, Вселенские Соборы и т.д.

Другим проявлением второго типа являются «религии вымышленных миров». Это представленность на просторах Интернета и новое осмысление религиозного дискурса, спроектированного художественными средствами литературы, кино, телесериалами, компьютерными играми имеющего все признаки не игровой деятельности, «игры в религию», а системы сакрализации, на которой основываются все религиоведческие экспертизы. Это – наличие Священного Писания и Священного Предания (мировоззренческий аспект); наличие психологических приемов и средств убеждения верующих в безусловной истинности данных идей; культовая деятельность – ритуалы, праздники; символика; наличие организации/группы. К примеру – это религия вымышленных миров, имеющая название «джедаизм». Начало положили фанаты «Звездных войн» Д. Джонс, Б. Джонс Д. Линч в 2007 г. Они организовали веб-страницу «Британская церковь Джедаизма», а вскоре она стала называться «Интернациональная церковь Джедаизма». На данный момент джедаизм активно расширяет свое пространство в Бразилии, Чехии, Великобритания, Шотландии, Ирландии, Новой Зеландии, Чехии, Черногории, Хорватии, Сербии, Австралии, Канаде, США. Отечественные джедаисты имеют свою Академию, в ней важной и отличительной чертой является фехтование световым мечом.

Техасский «Храм ордена Джедаев» утверждает, что джедаизм – это религия, основанная на почитании Силы, вездесущей, объединяющей. Вопрос: как понимать эту Силу – в духовном или физическом аспектах? В религиозном аспекте про вездесущую силу говорилось в ранних религиозных воззрениях, в той же магии, к примеру.

Масс-медиа дает множество образцов популяризации не только кинематографических сюжетов, но и реально существующих религий, однако в завуалированной форме. При этом авторы, которые творят эти фантазийные миры, не отрицают своей конфессиональной принадлежности, более того, она определяет события и поступки героев. Например, в творении С. Майер «Сумерки» присутствуют признаки принадлежности самого автора к Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормонам). Это и «брак с умершим», и «Сны-видения Бэблы», семейные, а не клановые ценности inferнальных героев.

К причинам появления интереса к «религиям вымышленных миров» можно отнести секуляризацию и «разволшебствование мира», кризисные ситуации как в самом мире, так и в мировых религиях, появление у подрастающего поколения «клипового мышления», бегство от реальности в иллюзорный мир «вымышленных миров» и религиозной мифологии.

В ответ на вызов «киберрелигий» вымышленных миров можно предложить некоторые средства реализации концепта религиозной безопасности в образовательной среде, так как увлеченность данными феноменами чаще всего наблюдается в молодежной среде.

Во-первых, это формирование в нашем обществе «гражданской религии», у нее есть еще одно название – социоцентрическая религия. Но название «гражданская» более близко к целям и задачам «Стратегии-2021». Само понятие не новое для социологов, политологов и религиоведов, в отечественном дискурсе оно начинает звучать с 2007 г, хотя имеет более глубокие истоки с философских доктрин эпохи Просвещения. Гражданственность соединяет в себе светское и сакральное начала, создавая особое консолидирующее пространство. Как подчеркивает Н. Н. Мельник: «гражданская религия – это не просто светская идеология, которая призвана поддерживать стабильность государства. Гражданская религия – это идеология, которая совмещает в себе дух светскости и религиозности, что выражается в синтезе светских начал государства (идей гражданского и правового государства) и религиозных принципов и символов, которые помогают устанавливать не только стабильность в стране, но и осу-

ществлять ассимиляцию вновь прибывших граждан» [7, с. 58]. В. А. Егоров считает, что объединяющей идеей, которая озвучена в «Стратегии-21» в п. 11, п. 92, может быть «гражданская религия с внятно проговоренной формой и содержанием новых идентичностей, которые могли бы стать основанием общих разделяемых ценностей и при этом были бы понятны, имели историческое измерение, были бы актуальными и работающими, смогли бы транслироваться в будущее и иметь предельные общие смыслы, принимаемые как сакральные в новых условиях политической, конфессиональной и экономической плюральности» [2, с. 113]. Поэтому, думается необходимо ввести в образовательную среду, в курсы «История», «Обществознание» новые векторы - говорить с обучающимися о целях нашего государства, о формировании новой гражданской религии.

Также необходимо не упускать из виду и проектную деятельность обучающихся. Здесь можно отметить знакомство с историей религий, к примеру, на Урале. 28 октября 2022 г. в Екатеринбурге прошел IV Социально-гуманитарный турнир «Горнозаводской Урал в истории и мифах», на котором представляли свои исследовательские проекты более 35 команд уральских школьников Свердловской области. Были защищены различные проекты, в том числе и по истории старообрядчества на Урале. При защите школьники признавались, что не знали, кто такие старообрядцы и в процессе подготовки узнали многое о прошлом и настоящем религий на Урале. А ведь знания о религиозных традициях, о религиозных общинах, о религиях в целом – это один из моментов преодоления в сознании человека религиозной индифферентности.

Третьим аспектом является информационная безопасность, которая тесно переплетена с религиозной. Есть такой исторический анекдот, который называется «три сита Сократа» – правда, необходимость информации и полезность информации.

Возвращаясь к воспитанию в молодежной среде уважения и веротерпимости к представителям различных религиозных объединений и конфессий, следует отметить, что данный элемент обеспечения религиозной безопасности имеет сложный педагогически-воспитательный дискурс. Это постоянная работа с молодежью думать и жить своим умом, а не бессмысленно подбирать в интернет-пространстве «красивые», но лживые и бездуховные информационные лжеистины.

Пристатейный библиографический список

1. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институализации и модели решения: Автореф. ... на соиск. учен. степ. докт. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 54 с.
2. Егоров В. А. Тема гражданской религии в современном российском религиоведении // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 1. – С. 113-123.
3. Забияко А. П., Воронкова Е. А., Лапин А. В., Пратына Д. А. и др. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, библиотека журнала «Религиоведение», 2012. – 208 с.
4. Иванова Е. В., Мельникова Е. В. Правовая защита религиозных чувств верующих граждан: особенности проведения религиоведческой экспертизы // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (15). – С. 449-450.
5. Иванова Е. В., Пенионжек Е. В., Шмырова А. Ю. Киберрелигии: проблема участия Русской Православной Церкви в медиапространстве (на примере социальных сетей) // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 10 (137). – С. 448-450.
6. Козлов С. В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: Ростовский институт МВД Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 2006. – 24 с.
7. Мельник Н. Н. Феномен гражданской религии: определение и истоки формирования // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире. Сборник статей международной научно-практической заочной конференции. – 2015 – С. 57-60.
8. Тарасевич И. А. Религиозная безопасность как ключевая сфера национальной безопасности // Проблемы в Российском законодательстве. – 2010. – № 3. – С. 10-14.

АЛЬШЕВСКАЯ Лариса Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Иркутского государственного аграрного университета имени А. А. Ежевского

Альшевская Л. В.

ФИЛОСОФСКАЯ ОНТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИКИ БЫТИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Осуществляя анализ онтологического контента философии как вузовской дисциплины, автор статьи акцентирует внимание на единстве бытия человека и бытия, определяемого в качестве субстанциальности. Обозначена возможность качественного, глубокого понимания философского концепта бытия как экзистенциальной ценности в результате его распознавания в процессе саморефлексии. Предложен вариант выполнения исследовательской работы, основанной на системно-плюралистической методологической парадигме с обращением к широкому спектру методов, подходов и принципов философско-педагогической деятельности. Сделан обзор основных тезисов отечественной педагогики бытия и поддержана важная функция философии образования как воспитательной теории. В центр гносеологической парадигмы бытия помещается субъектность «Я», возможная только в процессе понимания-экзистенции.

Ключевые слова: бытие, «Я», онтология, сущее, быт, воспитание, образование, педагогика бытия, смысл, существование, свобода, субъектность.

ALSHEVSKAYA Larisa Vladimirovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy, sociology and history sub-faculty of the A. A. Ezhevsky Irkutsk State Agrarian University

PHILOSOPHICAL ONTOLOGY IN THE CONTEXT OF THE PEDAGOGY OF BEING: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Analyzing the ontological content of philosophy as a university discipline, the author of the article focuses on the unity of human being and being defined as substantiality. The possibility of a qualitative, deep understanding of the philosophical concept of being as an existential value as a result of its recognition in the process of self-reflection is indicated. A variant of the research work based on a system-pluralistic methodological paradigm with reference to a wide range of methods, approaches and principles of philosophical and pedagogical activity is proposed. The review of the main theses of the national pedagogy of being is made and the most important function of the philosophy of education as an educational theory is supported. The subjectivity of the "I", which is possible only in the process of understanding-existence, is placed in the center of the epistemological paradigm of being.

Keywords: being, "I", ontology, being, being, upbringing, education, pedagogy of being, meaning, existence, freedom, subjectivity.

Одной из сложнейших философских проблем при изучении вузовского курса философия для студентов всех направлений является проблема бытия. Несмотря на наличие множества качественных исследований непосредственно по онтологической проблематике, достаточно сложно обнаружить работы, представляющие сам процесс постижения бытия как личностно-свободную, субъектную форму существования. Этим обстоятельством обусловлена необходимость поиска как новых, содержащихся в канве проблемы, мотивационных оснований у обучающихся, так и методических принципов ее изучения.

Бытие в целом и бытие человека в особенности неотъемлемо едины в философском дискурсе. Проблема актуализации смысложизненных ценностей личности (как в индивидуальном, так и в общесоциальном плане) неразрешима вне осознанного понимания сущности, значения и специфичности теснейшей взаимосвязи концептов «я» и «бытие».

Учитывая тот факт, что проблема бытия оказывается наименее легкодоступной в освоении, необходимо обнаружить, а во многих случаях создать, благоприятные интеллектуальные условия для поддержания внутреннего, самостоятельного стремления и интереса для ее качественного понимания. Важным представляется так определить теоретическую основу, обозначить установки, представить и практически подтвердить такие факты, чтобы все это в купе способствовало личностному обоснованию собственной потребности в этом знании у студентов не только в процессе

обучения (на семинарских и лекционных занятиях), но и обуславливало целеполагание, смысл, бытийственную основу существования человека. С самого начала зарождения философско-гуманистического направления в российской педагогике первостепенное значение имела четко определенная цель воспитательно-образовательной деятельности: «определение цели воспитания мы считаем лучшим пробным камнем всяких философских, психологических и педагогических теорий» [23, с. 13]. Полагаю, что одной из важнейших (если не главной) целей процесса изучения онтологической проблематики в вузовском курсе дисциплины философия является эффективное сочетание реализации образовательных возможностей и актуализации воспитательного потенциала философии.

Гуманистические, личностно-ориентированные приоритеты русской философско-педагогической традиции, конкретизирующиеся в представлениях об обучении без принуждения, в основе которого – интеллектуальная и творческая свобода, самоанализ, саморефлексия и сотрудничество с педагогом в решении поставленных задач – довольно созвучны не только философско-педагогическому дискурсу, но и ожиданиям высшей школы в целом.

Переосмысление значения и роли философии в образовательной системе вуза происходит одновременно с разработкой новых методов, подходов и принципов в процессе изменения педагогической стратегии преподавания дисциплины. Предлагаются различные варианты ее адаптации к

современным социально-образовательным условиям и вызовам. В частности, высказывается предположение о возможном переходе в педагогической практике от историко-философской парадигмы к проблемной, когда целью изучения становятся «не абстрактные теоретические конструкции, а приобретение умения использовать философские практики мышления для решения экзистенциальных, социальных и профессиональных проблем, которые признаются актуальными самими студентами» [17, с. 83]. Обосновывается идея углубленного понимания и применения персонализированного подхода в образовании, воспринимаемая не как синоним индивидуализации, а как концептуально-теоретическая основа субъектности [7, с. 15-16]. Поддерживается норма разумного сочетания объективного и субъективного в образовательном процессе, заложенная отечественными философами, педагогами и психологами: результативный метод обучения должен быть сообразен натуре обучающегося, соответствовать содержанию и характеру науки и способствовать гармонизации личности обучающегося и личности педагога [8, с. 36-37].

В качестве основных методологических принципов исследовательской активности студентов при изучении проблемы бытия автор предлагает интенциональность и интерпретацию. С одной стороны, возможен феноменологический опыт интенциональности, – индивидуального, личного переживания бытия как процесс познания бытия, представляющего собой объект исследования. Феноменологические переживания «я» как условие единства трансцендентального мира, предшествующее всему существующему, всегда «мои», в них и происходит понимание и установление «я», а еще и отношение к непереживаемому содержанию – сознанию [1, с. 76]. С другой стороны, исходя из понимания пространственно-временной конечности всего сущего и следуя по экзистенциальному пути герменевтической онтологии Хайдеггера, стала возможной «интерпретация недостижимого бытия с точки зрения конечности» [21, с. 89].

Кроме того, герменевтический анализ философских текстов применялся для конкретизации и достижения цели и решения задач исследования, а также для ознакомления студенческой аудитории с данной проблемой. Метод непосредственного наблюдения и эмпирического обобщения в процессе обучения позволил выявить студенческую активность и заинтересованность в освоении обозначенной проблематики. Метод интроспекции, применяемый как самонаблюдение в необратимости бытия – для понимания невозможности «развернуть» во времени, реконструировать (прожить заново) ситуацию бытия. Метод диалектического обоснования контекстуального единства «я» и «бытия» – для выявления их нераздельной цельности. Достаточно продуктивным становится и применение методов и принципов музейной педагогики в части их исторической наглядности, деятельностного основания, интерактивности и коммуникативности, а также для примера проведения сравнительного анализа быта и бытия с целью обнаружения их противоречий и единства.

Главное условие, способ и одновременно задача применения предложенной методики – это осознанное само-бытие в реальности, интеллектуальная самоактуализация в настоящем.

Теоретической основой осуществляющегося исследования могут стать, с одной стороны, феноменологические идеи и понимание онтологической сущности человеческой экзистенции таких признанных мастеров, как Э. Гуссерль [5], М. Хайдеггер [24], [25], [26], а также труды отечественных и зарубежных философов новейшего времени, представителей неклассической философии: В. Бибикина [2], М. К. Мамардашвили [15], [16], А. Н. Чанышева [28], Ж.-П. Сартра [20]. С другой стороны, большой исследовательский интерес представляют произведения по философии образования В. В. Розанова [18], работы основоположников и продолжателей традиции русской гуманистической педагогики: П. Ф. Каптерева [8], К. Д. Ушинского [23] и работы современных авторов, например, Л. М. Лузиной [11], [12], [13], [14], Н. М. Борытко [3], [24] и других.

Философствование еще в сократовские времена воспринималось как стиль и образ жизни, то есть мыслилось и понималось в качестве бытия. М. Хайдеггер, у которого «стиль вписан в собственную идею философии» [32] назвал бытие «подлинной и единственной темой философии» [26, с. 15]. Речь не только и не столько о синонимичности бытия и жизни, сколько об онтологическом смысле и статусе различных ее систем и процессов, в частности, образования и воспитания (которые во времена античности соединялись в понятии падейя).

Важно, что онтологическая направленность не чужда российской педагогической мысли новейшего времени. Первые исследования по созданию нового, онтологического направления в отечественной педагогике появились в начале нынешнего столетия. Серьезная работа по изучению педагогической сущности бытия была проведена Л. М. Лузиной и Н. М. Борытко в указанных сочинениях.

По-настоящему новаторской стала идея о необходимости «дополнить научные (гносеологические) подходы в теории и практике воспитания онтологическими (бытийственными), философскими, метафизическими» [12]. «Предметное поле не научной, а бытийственной, онтологической философской педагогики» определяется не только как знание, но и как понимание, а понимание функционирует в педагогике как «способ бытия» [12]. Делая акцент на онтологической стороне педагогической реальности, Л. Н. Коковина отмечает, что в итоге развития понимающих технологий понимающего бытия отечественная педагогика, ставшая наукой и в силу этого оказывающая в основном, формирующее, то есть, внешнее воздействие на воспитуемого, обретет настоящую цель воспитания, которая «продуцируется в значительной степени изнутри, из соответствия потребностям субъектов бытия, а не привносится извне» [9, с. 86]. Отмечаются интегративные связи философии и педагогики, как и факт «встроенности» педагогики в бытие, что позволяет вывести постановку и решение проблем обучения и воспитания на онтологический уровень и обогащает педагогику проблематикой человеческого бытия [10]. Также в современных исследованиях дискутируется вопрос о событийном подходе к воспитанию школьников и студентов [6], [21], [22]. Совместное бытие (бытие вместе, бытие рядом, бытие-событие) интерпретируется как условие воспитательного процесса и возможность реализации диалоговой культуры детско-взрослого в ценностно-смысловом пространстве воспитания-события, и изучается влияние этой культуры на становление субъектных качеств школьника [29], [30]. Анализируется специфика онтологического подхода к цели и содержательной наполненности воспитания в аксиологическом и антропологическом плане, рассматриваются разнообразные аспекты и принципы «стратегии воспитания как воспроизводство человеческого в человеке-ребенке» [27, с. 13]. Отмечается уникальная особенность человека, который как «часть бытия, сущего, осознающая в принципе все бытие», приобретает к бытию «через его познание и эстетическое переживание» [12, с. 358].

Таким образом, отечественная педагогика бытия, развиваясь в направлении философии образования, разрабатывалась прежде всего, как воспитательная теория, осуществляя «воспитание как способ бытия» [12]. Предлагаемая философско-антропологическая модель в педагогике воспитания концептуализируется как понимающее бытие. Методологический, методический, деятельностный ориентир теории направлен на выработку и применение механизмов ее внедрения (философской, психологической и этической подготовки воспитателя, знакомство с практикой диалоговой культуры, понимание собственно идеи понимания как самоценности). Далее, принципы стратегии онтологии воспитания были нацелены преимущественно на функционирование в системе взаимодействия педагог – учащийся для общеобразовательных учреждений. И наконец, базисным критерием педагогики бытия является категория «человек», предложенная в качестве концептуальной.

В отличие от вышеизложенных тезисов авторский интерес реализуется в плоскости гносеологической парадигмы бытия, в основу которой закладывается идея «изучение (бы-

тия) как бытие». Сферой применения такого подхода становится изучение философской проблемы бытия с целевой аудиторией – студентами вуза. В центре предложенной идеи – не экзистенциальная категория «человек», а субъектность «я» и личное переживание, проживание бытия как способ его познания и понимания.

На первый взгляд, проблема бытия является исключительно философской, и в области естественнонаучного познания обычно не дискутируется: «наука скользит мимо бытия...» [2, с. 23]. Однако, всякое познание (социогуманитарное, или естественнонаучное) совершается в бытии, в то время, как и вне предметного познавательного процесса, без конкретного объекта бытие и «я» существуют, то есть, отсутствие объекта не уничтожает субъекта. За исключением единственного случая, когда объектом познания становится само бытие, без которого «я» не может быть: в отсутствие объекта нет субъекта. Субъект-объектные отношения в познавательной системе бытия особенные. Исключительно в постижении бытия познающий субъект, личность и объект познания (бытие) однажды и навсегда скреплены существованием, и только в силу этого скрепления становятся реальностью. В этих положениях заключается главный итог работы о приоритетной важности субъектного аспекта в педагогике бытия.

Пристатейный библиографический список

1. Белоусов М. А. К вопросу об очевидности в феноменологии Гуссерля: данность и горизонт // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 2. С. 66-81.
2. Бибихин В. Мир. Язык философии. СПб.: Азбука, Азбука-Антикус, 2016, 448 с.
3. Борытко Н. М. Онтологический подход в воспитании. // Духовно-нравственное воспитание: от методологии к педагогической деятельности: Сборник науч. и метод. трудов. / Сост. И. А. Соловцова; под ред. Н. К. Сергеева, Н. М. Борытко, Л. П. Разбегаевой и др. Волгоград, 2005. С. 142-152.
4. Борытко Н. М. Пространство воспитания: образ бытия. Волгоград: Перемена, 2000. 225 с.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009, 489 с.
6. Дрозд К. В. Педагогический потенциал событийного подхода к организации взаимодействия субъектов воспитательного пространства // Приволжский научный вестник. 2013. № 8-1 (24). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-potentsial-sobytiynogo-podhoda-k-organizatsii-vzaimodeystviya-subektov-vospitatelnogo-prostranstva> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Зеер Э. Ф., Крежевских О. В. Концептуально-теоретические основы персонализированного образования // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 4. С. 11-39. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-11-39
8. Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982. 707 с.
9. Коковина Л. Н. Онтологические аспекты педагогической реальности // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Вып. 1. Т. 18. С. 85-87.
10. Колесникова И. Л. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. Курс лекций по философии педагогики. СПб., 2001, 288 с.
11. Лузина Л. М. Бытийный (онтологический) подход к воспитанию // Стратегии воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы. М., 2005. С. 141-154.
12. Лузина Л. М. Онтологическая концепция воспитания: традиции и перспективы. 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2001/830.htm> (дата обращения: 30.04.2022).
13. Лузина Л. М. Синтез методологий как система методов, позволяющая увидеть человека без редукций и упрощений // Известия ВГПУ. 2010. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-metodologiy-kak-sistema-metodov-prozvolayuschaya-uidet-cheloveka-bez-reduksiy-i-uproscheniy> (дата обращения: 27.03.2022).
14. Лузина Л. М. Теория воспитания: философско-антропологический подход. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2000, 186 с.
15. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, Азбука-Антикус, 2014. 256 с.
16. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. СПб.: Азбука, Азбука-Антикус, 2019, 576 с.
17. Павловский А. И. Философия в системе массового образования: преподавание как миметическая практика // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 3. С. 78-103. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-3-78-103
18. Розанов В. В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990, 624 с.
19. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. / С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 282-426.
20. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
21. Соловьев Г. Е. Событийный подход в воспитании школьников // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2009. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiynyy-podhod-v-vospitanii-shkolnikov> (дата обращения: 20.04.2022).
22. Ушатикова И. И. Реализация событийного подхода в управлении формированием профессиональной позиции будущих учителей // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-sobytiynogo-podhoda-v-upravlenii-formirovaniem-professionalnoy-pozitsii-buduschih-uchiteley> (дата обращения: 20.04.2022).
23. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. В 6 томах. Т. 5. М.: Педагогика, 1990, 528 с.
24. Хайдеггер М. Время и бытие М.: Республика, 1993, 447 с.
25. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psihdocs.ru/martin-hajdegger-kant-i-problema-metafiziki.html?page=62> (дата обращения: 21.04.2022).
26. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.
27. Ходусов А. Н., Кононова С. А. Онтолого-мировоззренческий подход в воспитании детей // Тенденции развития психологии, педагогики и образования: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. С. 11-14. Казань: Инновационный центр развития образования и науки, 2016, 123 с.
28. Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Философия и общество. 2005. № 1. С. 5-15.
29. Шустова И. Ю. Воспитание в событии: ситуативная педагогика // Педагогика. 2018. № 1. С. 53-61.
30. Шустова И. Ю. Становление субъектности современного школьника // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. № 1 (58). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-subektnosti-sovremennogo-shkolnika> (дата обращения: 20.04.2022).
31. Ямпольский М. Между мировоззрением и миром. Логос. 2021. Т. 31 № 5. С. 77-90.
32. Yáñez Á. X. Filosofía y estilo. Meditaciones sobre el camino pensante de Martin Heidegger // Eikasia revista de filosofía, 2022, 105 (marzo - abril). págs. 51-74. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://revistadefilosofia.org/105/105-03.pdf> (in Spanish).

ВОРОХОБОВ Александр Владимирович

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

УЛАНОВ Михаил Владимирович

преподаватель Нижегородской духовной семинарии

ОСНОВЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ И. КАНТА (ЧЕЛОВЕК КАК РАЗУМНОЕ, САМОСОВЕРШЕНСТВУЮЩЕЕСЯ СУЩЕСТВО)

В статье рассматриваются антропологические воззрения И. Канта. Человек, по мнению философа, отличается от других живых существ своей способностью к самосовершенствованию. Эта способность разыгрывается на основе врожденных качеств и задатков. Целью этого процесса является совершенное разумное существо, т. е. такое существо, которое всегда и везде, без всякого принуждения, руководствуется разумом. Это тот идеал, к которому человек в своей земной жизни может приблизиться лишь в ограниченной степени.

Ключевые слова: И. Кант, антропология, философия, врожденные качества, нравственные задатки, прагматика.

VOROKHOBOV Alexander Vladimirovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Privolzhsky branch of the Russian State University of Justice

ULANOV Mikhail Vladimirovich

lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

FUNDAMENTALS OF ANTHROPOLOGICAL VIEWS OF I. KANT (MAN AS A RATIONAL, SELF-IMPROVING BEING)

The article deals with the anthropological views of I. Kant. Man, according to the philosopher, differs from other living beings in his ability to self-improvement. This ability is played on the basis of innate qualities and inclinations. The goal of this process is a perfect rational being, i.e., a being that is always and everywhere, without any coercion, guided by reason. This is the ideal to which a person in his earthly life can approach only to a limited extent.

Keywords: I. Kant, anthropology, philosophy, innate qualities, moral inclinations, pragmatics.

Философские воззрения И. Канта представляют собой самобытную систему, повлиявшую на всю последующую западноевропейскую интеллектуальную традицию [1, с. 25-35], [2, с. 35-37], [3, с. 237-245], [4, с. 440-441].

Основные положения кантовской концепции человека рассматриваются в «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798), но и в других его работах есть важные положения, непосредственно связанные с проблемой человека. Принимая это во внимание, казалось бы, правомерным предположить, что философия И. Канта представляет собой целое, в котором отдельные элементы тесно связаны между собой, и понимание антропологии И. Канта невозможно без обращения к его трансцендентальной философии. Однако оказывается, что это не очевидная точка зрения. Ее оппоненты указывают, что понятия «трансцендентальное» и «критическое» нигде в антропологии не фигурируют, хотя в других работах И. Канта только первое встречается более 1000 раз. Они также подчеркивают неоправданность отождествления «прагматической антропологии» с постулируемой И. Кантом в «Основах метафизики нравственности» [6] «практической антропологией». Ибо последняя, по замыслу И. Канта, должна быть эмпирической частью этики, следующей за рациональной частью, т.е. моральной философией. Между тем прагматическая антропология выросла из психологии Баумгартена и изначально была теоретической дисциплиной, хотя и имела практическое значение. Вызывает недоумение и отсутствие общих лозунгов, связывающих моральную философию с прагматической антропологией. В последней слова «категорический» и «императивный» не фигурируют, в то время как первая говорит о практической, но никогда не о прагматической антропологии.

Однако есть и аргументы в пользу противоположной позиции. В. Штарк цитирует примечания И. Канта к лекциям по антропологии и отрывки из лекций по этике его студентов, которые позволяют отождествить прагматическую и практическую антропологию и тем самым включить первую

в систему его философии. А именно, один из слушателей лекций И. Канта, П. Менцер, в «Ethik-Vorlesung», изданном им самим в 1774-1775 годах, включает следующее высказывание философа: «антропология; обе эти науки тесно связаны друг с другом, и этика (мораль) не может существовать без антропологии, ибо прежде всего надо знать субъекту, способен ли он добиться того, что от него требуют» [7, с. 15]. Это доказывает возможность включения прагматической антропологии в систему кантовской трансцендентальной философии, хотя практическая реализация этого постулата, несомненно, проста и может быть источником напряжения.

Дополнительный аргумент носит психологический характер. Трудно себе представить, чтобы И. Кант в течение многих лет развивал свое понятие о человеке, совершенно не связывая его с созданной параллельно трансцендентальной философией, которая в своих наиболее существенных элементах также касается человека. Скорее следует предположить, что эта связь была для него настолько очевидна, что он не чувствовал нужды ее оправдывать. Однако есть и аргументы в пользу противоположной позиции. Это видно, например, в кантовской теории морального характера [5, с. 137-376]. Таким образом, имеются доводы в пользу того, чтобы рассматривать кантовскую прагматическую антропологию как часть всей его философской системы и обосновывать истолкование отдельных положений этой антропологии через призму этого целого. Принимая во внимание эти доводы, можно предположить, что для понимания антропологии И. Канта необходимо принять во внимание большинство его работ, поскольку в своих рассуждениях о человеке И. Кант обращается к философии как теоретической, так и практической. Таким образом, прагматическая антропология заняла бы свое место между теорией познания и метафизикой, между этикой и концепцией государства (т. е. между основными частями кантовской системы).

С первого взгляда название работы И. Канта точно определяет сферу его интересов. С прагматической точки зрения

антропология должна быть знанием о человеке, которому учат благодаря его применению. Однако не всякое знание о человеке имеет одинаковое прагматическое значение. И. Кант меньше интересуется изучением человека с «физиологической» точки зрения, то есть изучением того, что природа сделала из «человека», а больше то, что человек делает или что он может и должен сделать, как свободно действующее существо. Другими словами, И. Кант сосредотачивает внимание на описании «человека», сущность которого раскрывается через ход культуры в ходе исторического процесса развития вида. Это не случайный выбор. За ним стоит предположение о том, что человек не является вполне сформировавшимся, законченным произведением природы (как и все остальные живые существа на Земле), но наделенный данными ему от природы признаками, он лишь творит себя, развивая свою сущность и придает себе неповторимую ценность.

Размышления, проводимые в «Антропологии», должны ответить на вопрос: «что такое человек?» И. Кант пишет об этом в письме теологу К. Ф. Штойдлингу от 4 мая 1793 г.: «Долговременный план, который я преследовал, требует от меня развития области чистой философии, был направлен на решение трех задач: 1) что я знаю? (метафизика) 2) что мне делать? (этика) 3) чего мне ожидать? (религия); в конце должно быть еще одно: что такое человек? [was ist der Mensch?] (антропология); читаю лекции на эту тему каждый год уже более двадцати лет» [Шит. по 7, с. 16].

В главе «Характер рода» И. Кант пытается определить человека с помощью понятия «земного разумного существа» [5, с. 362]. Именно таким образом он хочет отличить его от всех других разумных существ, живущих вне Земли. Однако, поскольку о последнем мы ничего не знаем, возможность характеризовать человека в заданном значении (дифференциация специфичности) рушится. Поэтому автор «Антропологии» принимает другое решение. К человеку как к живому существу выделяется место в системе природы. По его мнению, что отличает человека от других живых существ, так это способность к самосовершенствованию и прагматические наклонности к жизни в обществе. Он реализуется на основе врожденных талантов и недостатков, а его движущей силой является склонность к соперничеству и борьбе за максимально высокое положение в иерархии живых существ. И. Кант перечисляет три группы способностей самосовершенствующегося человека, каждого из которых в отдельности достаточно, чтобы поставить его высоко над миром несовершенных животных: а) технические таланты, б) прагматические наклонности, в) нравственные задатки.

Говоря о технической одаренности, И. Кант имеет в виду врожденную человеческую способность обращаться с вещами. Если бы не она, было бы трудно объяснить, почему человеческая одаренность инстинктами так скудна. Древний человек, лишенный их помощи, должен утонуть в первом же попавшемся водоеме или лишиться жизни, поедая отравленные плоды и корни. Однако этого не произошло. Природа наделила человека способностями, которые с лихвой компенсируют его недостатки в области инстинктов. Такая и никакая другая форма и строение рук и пальцев человека позволяют пользоваться не только некоторыми вещами, но всеми возможными. В конце концов разум становится его инструментом. Природа сделала человека разумным животным, что оказалось оптимальным решением. Для него не существует барьеров, связанных с узкой (инстинктивной) адаптацией к конкретному поведению или среде. Благодаря этому она заселила весь земной шар. Поэтому ни одна специализация не оказалась лучшей специализацией [5, с. 363-364].

Человеку также свойственны прагматические наклонности к жизни в обществе. Благодаря им она выходит из первобытного состояния, управляемого насилием, в состояние, где решающий голос принадлежит упорядоченным (что не всегда означает нравственным) существам, склонным к согласию, руководствующимся законом. В этой новой среде, используя разум, он может облагородить себя (это проявляется в овладении различными видами деятельности и художественного и научного творчества), цивилизовать (путем ограничения производства средствами социального принуждения) и морализировать (посредствами религии, язык и образование) [5, с. 364-365].

Нравственные задатки также играют важную роль в процессе самосовершенствования человека. По И. Канту, они могут проявляться как в хороших, так и в плохих по-

ступках. Благодаря своему умопостигаемому характеру, как разумному и свободному существу, человек по своей природе добр, но он также имеет тенденцию активно желать того, что является недопустимым. Эта склонность ко злу, которую можно трактовать как врожденную, имеет своим источником телесность человека, его отношение к миру природы. Таким образом, из-за своего чувственного характера человек может быть судим как злой по своей сути. Благодаря его собственному труду и благоприятным внешним обстоятельствам человеческий род постепенно выходит от зла к добру, его умопостигаемый характер получает преимущество над чувственным, осуществляется нравственно-правовой прогресс [5, с. 365-366].

Кратко представленные здесь склонности, наклонности и задатки составляют чрезвычайно важную часть человеческой природы, позволяющую ему возвыситься над животным миром. Его дополняют различные аффекты и влечения, связывающие его с существами, лишенными разума. Быть под их влиянием, по мнению И. Канта, равносильно болезни ума, которая делает его слепым и неспособным преследовать свою цель. Как угроза, эти импульсы должны быть преодолены.

Целью процесса самосовершенствования является совершенное разумное существо, то есть существо, которое всегда и везде без всякого принуждения следует своему разуму. Эта цель есть идеал, к которому стремится человек, идеал, в котором наиболее полно выражается сущность человечества. Разум, понимаемый как основная познавательная сила, источник идей и вместе с тем способность творить законы, посредством которых субъект связывает себя и налагает на волю определенные обязательства, составляет сущность человека и определяет его особое место в природной системе. Это не противоречит принятому ранее объяснению, что основой различия человека является его способность к самосовершенствованию [6, с. 655]. Рациональность и способность к самосовершенствованию неразрывно связаны и являются проявлением одной и той же сущности, свойственной каждому человеку. Разум определяет цель, без которой возможность улучшения была бы слепой. Это также критерий прогресса, который постепенно проявляется в истории индивидуума и человечества.

Пристатейный библиографический список

1. Вороховов А. В. Особенности западной религиозности постмодерна // Труды Нижегородской духовной семинарии. - Нижний Новгород, 2012. - № 10 (10). - С. 25-35.
2. Вороховов А. В. Персоналистическая интерпретация протестантской хамартиологии в творчестве Эмиля Бруннера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2016. - № 9 (71). - С. 35-37.
3. Вороховов А. В. Проблема референта протестантского герменевтического дискурса: метод «гуманистической» теологии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. - Нижний Новгород, 2012. Выпуск 17. - С. 237-245.
4. Вороховов А. В., Семикофов Д. В., Собко Р. В., Уланов М. В. Эстетическое и моральное в гуманистической философии Н. В. Гоголя // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 2 (153). - С. 440-441.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. - Издательство «Чоро», 1994. - Т. 7. - С. 137-376.
6. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. - М.: Наука, 1999. - 655 с.
7. Кант И. Основы метафизики нравственности. - СПб., 1995. - 528 с.
8. Brandt R. Kritischer Kommentar zu Kants "Anthropologie in pragmatischer Hinsicht" (1798). (Kant-Forschungen) (German Edition). Hardcover. - January 1, 1999. - 544 s.

ГАЛИМОВА Людмила Рустамовна

аспирант кафедры философии Башкирского государственного медицинского университета

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В статье рассмотрены проблемы функционирования социального субъекта в процессе социализации, которые всегда обусловлены той или иной ценностной системой. Ценностные основания поведенческих моделей социализации определяют и динамику становления социальной субъектности. Противоречия и основные тенденции становления личности в процессе социализации предстают через диалектику внутреннего и внешнего аспектов личностного становления. Ценностные основания представляют собой систему, которая рассматривается как специфический механизм организации мотивации на социальную активность, поэтому анализ ведется в терминах социализация, ценности, модели поведения и социальный субъект.

Ключевые слова: социализация, ценности, социальный субъект, модели поведения.

GALIMOVA Lyudmila Rustamovna

postgraduate student of Philosophy sub-faculty of the Bashkir State Medical University

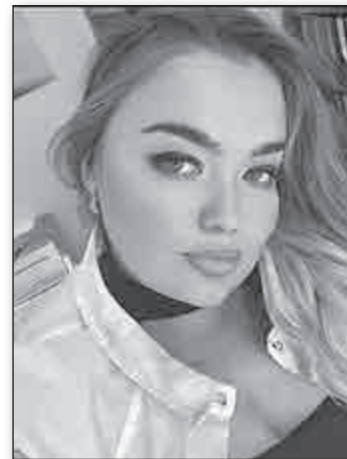
THE PROBLEM OF FORMING THE VALUE BASES OF SOCIALIZATION

The article discusses deals with the problems of functioning of a social subject in the process of socialization which are always conditioned by one or another value system. The value bases of behavioral models of socialization also determine the dynamics of social subjectivity. Contradictions and the main tendencies of personality formation in the process of socialization appear through the dialectic of internal and external aspects of personal formation. Value`s bases are a system that is considered as a specific mechanism for organizing motivation for social activity, therefore, the analysis is conducted in terms of socialization, values, behavioral models and social subject.

Keywords: socialization, values, social subject, behavior models.

Сегодня особенно остро возникает проблема научного осмысления роли социализации в личностном становлении индивида в социальном пространстве, в котором пребывает индивид. Противоречивость процесса социализации через реализацию ценностных оснований обусловлена более общим противоречием между культурными ценностями, которые сегодня далеко не однозначны, и высокой динамичностью современного общества. В результате сама ситуация функционирования социального субъекта и реализации ценностных оснований все больше отходит от традиционной модели. Традиционная стратегия ставит индивида, причем в его классической форме - во главу угла, поэтому многие проблемы социализации как личностного становления индивида разворачиваются именно в противоречивом и динамичном социальном [4, с. 380].

Поведенческие модели реализации ценностных оснований в процессе социализации, как вполне определенные траектории достижения деятельностной активности субъекта и ее соответствия существующей культуре, могут деформироваться в ходе личностного становления. В современной социальной среде степень деформации резко возрастает, равно как и увеличивается набор распространенных моделей поведения за счет актуализации ранее не востребуемых, а также возможно появление принципиально новых. Известно, что согласно теории социализации, поведенческая модель предполагает наличие цели как конечного пункта данной поведенческой траектории, в нашем случае они существуют в контексте представлений молодых людей о будущем, то есть естественной темпоральной доминантой является обращенность к будущему. Абсолютизация будущего может быть столь же деструктивна, как и его боязнь, поскольку девальви-

Галимова Л. Р.

рует ценность настоящего и делает неустойчивой стратегию реализации социальной субъектности как главного критерия личностного становления в целом [1, с. 550].

Методологические основания социально-философского анализа становления личности в социальном и ценностном обусловленном пространстве определили основной исследовательский контекст - проанализировать социальную субъектность как процесс и условие реализации ценностных оснований в процессе социализации, а также исследовать процессуальные характеристики личностного становления в зависимости от той или иной поведенческой модели и образа жизни. Сложность решения этой исследовательской задачи состоит в следующем: с одной стороны, необходимо, чтобы индивидуальная социальная эффективность и уровень ценностного осознания социализации как личностного становления были разными параметрами, иначе бессмысленно выяснять, есть ли между ними связь. Это значит, что они должны измерять разные характеристики поведения, взаимоотношения индивида и социальной среды и должны быть описаны в разных педагогических категориях; с другой стороны, если рассматривать личностную эффективность в широком смысле слова, как функциональное отношение между индивидом и социальной средой, то окажется, что механизмы реализации процесса социализации, основанные на определенных ценностных доминантах, должны рассматриваться как показатели или формы социальной эффективности индивида в целом. Имея значения следующих переменных - типа реализации ценностного основания индивида в социальной среде, социальной эффективности индивида, его психологического самочувствия и перспективы развития - мы можем сделать некоторые предположения о характере их связи. Во-первых,

между степенью реализации ценностного основания и степенью эффективности индивида не существует связи, то есть не существует связи между эффективностью индивида по социальным функциям среды и эффективностью по ее целям. Во-вторых, существует связь между структурой социализации как процесса реализации ценностного основания и степенью эффективности индивида. В-третьих, существует связь между структурой социального ресурса и структурой эффективности. В-четвертых, существует связь между степенью реализации ценностного основания и характером психологического самочувствия индивида. Чем выше степень реализации ценностных оснований социализации и потенциала социального ресурса индивида, тем лучше это состояние, (во-первых, социальные характеристики оказывают влияние в первую очередь на те механизмы личностного становления в процессе социализации, которые связаны с принятием той или иной социальной роли; во-вторых, социально-психологические характеристики связаны прежде всего с механизмами принятия норм и ролевых требований). В-третьих, существует связь между структурой социального ресурса и силой потребности в успешной социализационной динамике и развитии в целом. Если выделить основные типы личности по двум признакам – социально-культурный потенциал индивида, входящего в процесс социализации и ценностного основания, а точнее ее социальная эффективность, то можно предположить, что они выглядят примерно так: во-первых, социальная среда воспринимается индивидом не как сфера непосредственного удовлетворения потребностей, а как среда, где он может получить средства для удовлетворения этих потребностей, которое происходит другом месте, поэтому основное требование индивида к социальной среде – это высокий социальный статус и хорошая психологическая обстановка, при этом эффективность может быть разная и зависит она в первую очередь от системы реализации социального ресурса; во-вторых, социальная среда воспринимается как та сфера, где человек должен иметь возможность удовлетворять свои основные потребности и здесь содержание ценностного основания (и соответственно тип отношения к социальной среде) зависит от того, какую из основных потребностей индивид в первую очередь стремится удовлетворить и какова его система ценностей [3, с. 344].

Противоречия и основные тенденции становления личности в процессе социализации в современном мире также предстают через диалектику внутреннего и внешнего процесса личностного становления... Внутренний аспект – это трудности, связанные с необходимостью преодолевать себя, быть более самостоятельным (проблема здесь сводится к тому, что без индивидуального осмысления никакие идеи не обретут статус ценностей и тем более не будут функционировать как социальный капитал, поэтому основной трудностью, связанной с несформированностью ценностной сферы, является сложность отбора и конкретизации абстрактных ценностей для жизни индивида здесь и сейчас). Способ достижения конкретизации, самостоятельный выбор и построение своей системы жизненных стратегий – все это само по себе оказывается ценностью, поскольку индивидуализация в данном случае рассматривается как стремление, понимание значимости собственной активности, что приводит индивидов к необходимости не просто искать свой путь, но и заранее обеспечить надежную базу как обретение собственной социализационной динамики развития в обществе [2, с. 288].

Основной функцией ценностных оснований в процессе социализации является включение в социальную систему,

которая предстает как сумма заданных безличных требований к индивиду ценностного характера. Социальная активность субъектов социализации в данном случае рассматривается как стремление к пониманию и принятию значимости системы ценностей как социального ресурса в достижении собственной активности. Таким образом, индивидуальное сознание воспринимается и определяется как ценностная доминанта, дает возможность выявить содержательную характеристику социальной среды именно в названном контексте, другими словами определить, насколько эффективна система, в которой рассматривается ценностное отношение к социальной активности. В этом и рассматриваются социально-философские основания методологии исследования проблемы социализации и роли ценностных оснований в ее положительной динамике. Ценностная система – это система, которая рассматривается как специфический механизм организации мотивации, призванный мобилизовать на организованное социальное действие.

В статье развивается подход к рассмотрению социализации как освоению и реализации того социального ресурса, которым обладает каждый, через следующие параметры: социальные ценности, социальные интересы.

Таким образом, комплексный анализ учитывает многоуровневую организацию изучаемой реальности, внутри которой выделяются связи типа «субъект-объект», поэтому анализ социализации как системы и процессы, должен включать различные аспекты – субъектный анализ с позиции субъекта социализации, объектный анализ со стороны объекта – социальной среды.

Теоретическим ключом анализа нашей проблемы выступает идея реализации социальной субъектности в процессе социализации, а реализация социального ресурса, как и социальное конструирование реальности вообще – это растворенный в повседневности процесс усвоения, воспроизведения, создания различных представлений, ценностей, норм, в результате которого вырисовываются определенные модели поведения.

Каждое из измерений характеристик процесса социализации привносит в их содержание определенные качества, а личностное измерение определяет направленность ценностно – нормативного выбора, а культурное – обеспечивает этот выбор необходимыми образцами и средствами.

Пристатейный библиографический список

1. Бергсон А. Творческая эволюция / Гл. 4. - М.: Кучково поле, 2006. - Париж. - 550 с.
2. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. - М.: Изд-во Начала, 1994. - 288 с.
3. Сартр Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм / Сумерки богов. - М.: Изд-во политической литературы, 1989. - 344 с.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб.: Наука, 2000. - 380 с.

ЕГОРОВА Юлия Рабисовна

кандидат философских наук, доцент кафедры экономической теории Уфимского университета науки и технологий

Егорова Ю. Р.

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ЗЛА

В статье рассматривается тема природы и относительного характера феномена зла. Смена парадигм в истории философии обусловила изменения в понимании проблемы зла. Онтологический подход понимания проблемы добра и зла находится в области рассмотрения добра, как субстанции, а зла, как акциденции, нехватки благого бытия. Трансформация понимания категории зла в истории философии связана со смещением понимания причин зла к познавательной способности субъекта. Понятие зла в эпоху Нового времени либо приобретает конкретные исчисляемые значения, либо заменяется понятиями «вредный», «плохой» и т.д. Постепенно осуществляется переход понимания зла от аргумента от сущности к аргументу от реальности, что приводит к пониманию человека, как существа детерминированного социальной средой.

Ключевые слова: онтологический статус, бытие, сущность, благо, добро, зло, метафизика, субъект, объект.

EGOROVA Yuliya Rabisovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Economic theory sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

ON THE RELATIVE CHARACTER OF EVIL

The article deals with the topic of the nature and relative nature of the phenomenon of evil. The change of paradigms in the history of philosophy has led to changes in the understanding of the problem of evil. The ontological approach to understanding the problem of good and evil is in the field of considering good as a substance, and evil as an accident, a lack of good being. The transformation of the understanding of the category of evil in the history of philosophy is associated with a shift in the understanding of the causes of evil to the cognitive ability of the subject. The concept of evil in the Modern era either acquires specific calculable meanings or is replaced by the concepts of "harmful", "bad", etc. Gradually, the understanding of evil is moving from an argument from the essence to an argument from reality, which leads to the understanding of a person as a being determined by the social environment.

Keywords: ontological status, being, essence, good, evil, metaphysics, subject, object.

Когда мы говорим о категории зла, то мы неизбежно обращаемся к онтологическому статусу этого понятия. Прояснение онтологического статуса понятия заключается в понимании того, как нечто, то, что мы ищем, существует или проявлено в бытии. В философии мы можем выявить несколько концепций понимания зла – дуалистическую, монистическую, этическую, например.

Дуалистическая концепция представлена в философии Древней Греции и зороастризме. Добро и зло понимаются, как два начала, которые противостоят друг другу как «дух» и «материя». Эти два начала находятся в постоянной борьбе друг с другом, что проявляется и в человеческой душе. Греческая философия, хотя и использует это противопоставление (вспомним колесницу Платона), но порождает и монистическое понимание, так как Благо в классической древнегреческой философии есть основная цель и причина всего мироздания.

В монистической концепции добро понимается в тесной связи с понятием «субстанция», как неотъемлемая характеристика этого понятия. У Аристотеля Благо является целью всякого движения. В Священном писании это выражается словами, что «Бог всё сотворил и увидел, что это хорошо»¹. Христианское учение строилось во многом на идеях античной философии.

Представим себе, что мы обратились к беспредвзвешенной интуиции в вопросах проявления онтологического статуса добра и зла. Вероятнее всего, что большинство из нас будет считать, что добро первичная и основная характеристика бытия. Мы знаем, что должны стремиться к добру, мы хорошо понимаем, что оно существует в нас и в мире. При целостном рассмотрении характеристик бытия добро является такой доминантой сущности, которая неизбежно, как свет, окрашивает этот мир своими красками. Целостность и ценность бытия воспринимается человеком сразу в первичном опыте его по-

стижения мира и себя. Зло при таком понимании есть то, что существует как вторичное по отношению к добру, и поэтому оно относительно, в отличии от добра.

Если мы скажем, что зло — это видимость и кажимость, то это не разрешит проблему зла. Скорее всего это вывод из концепции относительности зла и признания силы добра, как закона существования мира. Мы можем фиксировать зло, существующее объективно. Это есть такой порядок вещей, который мы не в силах изменить окончательно, как бы мы ни стремились к этому. Блаженный Августин называл такое зло «метафизическим злом», и понимал его, как нехватку, ущерб бытия, недостаток блага. Такой вид зла сегодня называется «систематическим злом». Это зло, обусловленное природой естественной или природой человека, которая, имеет обыкновение существовать не в регистре этического. Оправданием того, что оно есть и всё продолжает быть, является концепция, согласно которой зло необходимо для возрастания и существования добра, так как мы бы не узнали, что есть добро, не познав зла. Если это положение можно понять на уровне логики или диалектики, то на уровне экзистенции человека это понять очень сложно.

Бытие включает и онтологическое понимание зла, и понимание зла в свете антропологического и гносеологического. Они связаны с тем, что зло есть порождение человеческой деятельности, идущее от неправильного, недостаточно мудрого видения мира - неведения (глупость в буддизме, невежество у Сократа) или же от отсутствия воли в человеке (Августин Блаженный), которая призвана соединять мир идей и мир поступка, то есть воплощать мыслимое и правильно переживаемое в реальность. Зло в антропологическом своем аспекте проявляется как понятие греха. Августин утверждает, что зло есть «плохое использование блага», если выбирать между двумя видами зла, то лучше зло, которое идет рядом со страданиями, так как они неучают человека, поэтому, зло без страдания, хуже.

Сами по себе страдание и смерть не есть зло или порок (то есть они не есть грех), порок возникает от злого помысла или

1 Книга Бытия. Ветхий завет. Глава 1. Стих 31.

действия – причинения страдания. Интересно здесь расхождение во взглядах на смерть, как зло, Василия Великого и Н. Федорова. Как пишет Василий Великий «Смерти ведь от Бога, однако смерть никоим образом не порок (οὐ μὴν πονηρὸν)» [1, с. 140]. В то время как Н. Федоров утверждал обратное, считая, что смерть носит нравственный характер: «Смерть – есть торжество силы слепой, не нравственной, всеобщее же восхождение будет победою нравственности, будет последнюю к высшей степени, до которой может дойти нравственность» [2, с. 29].

Этическая концепция зла основывается на том, что человеку дана свобода, творить добро или зло, чтобы проявить авторство и самостоятельность своего поступка. Мы можем помыслить зло, как противоположную ипостась добра, как то, что ведет к небытию, разрушению, смерти. Зло, как небытие имеет два элемента в своей основе: зло (умаление, ущерб, агрессия) по отношению к Другому, и зло по отношению к себе (неразвитость своих волевых или других качеств, распушенность, неспособность контролировать свои чувства и т.д.). Зло не равно небытию, оно есть акт движения к нему. Как пишет исследователь Шохин: «Зло – это не само небытие, не ничто как некое, а реальное действие, которое посягает на существование другого, пытается его разрушить или подчинить себе ... Зло не являет собой сущность, она есть род бытия в небытии сущности» [3, с. 146]. В этом проявляется еще один признак относительности зла.

Признак относительного характера зла заключается в том, что то, что мы видим, можно понять в условиях многоуровневости бытия и сознания. Зло существует как вид отношений между уровнями бытия. И оно есть низведение объекта к более низшему состоянию или уровню иерархии бытия. Это означает, что зло есть умаление сущности. Например, существование объективного и субъективного зла, или понижение уровней сознания.

В Новое время происходит резкое изменение в понимании проблемы добра и зла, обусловленное сменой онтологической картины мира. Метафизическое понимание зла отодвигается на второй план. Можно определить три характерные черты изменения проблемы зла в эпоху Нового времени – 1) усиление области рассмотрения зла, как познавательной способности субъекта, 2) замена самого термина на более конкретные и подчас легкие значения, 3) появление понимания зла, как аргумента от реальности (атеистическое мировоззрение).

У Г. В. Лейбница, например, зло, существующее в мире, имеет случайный характер, и существует как наименьшее по отношению к большему, то есть к благодати и справедливости. Зло, как несовершенство, есть результат недостаточности способности восприятия человека. Эта слабость восприятия была уже заложена в план мироздания. И. Кант считал, что зло есть нежелание человека действовать согласно моральной максиме долга, например [4], а И. Фихте считал, что зло связано с состоянием инертности природы человека, которая стремится к покою. Б. Спиноза утверждает, что добро и зло происходит из сравнительной способности человека сопоставлять хорошее и плохое. Спиноза утверждает, что нет добра и зла по природе, а есть лишь отношения между нашими суждениями [1, с. 146]. Этот аргумент был бы единственно верным, если бы не существовало проявлений зла, как от нас независимого, в самой системе природы.

Сам термин «зло» в эпоху Нового времени приобретает значения совсем иные. «Медленное исчезновение „зла“ и его производных из многих европейских языков, которое началось... в семнадцатом столетии, отчасти было вызвано отвержением этого концепта элитами. Врачи, моральные философы, естествоиспытатели, психологи и даже теологи избегали использовать эту концепцию, предпочитая более безобидные понятия, такие как плохое, вред и неудача, или такие, которые как бы поддаются количественному измерению: боль, страдание, травма и пагубность. Обыденные представления о зле как онтологически самостоятельном или даже сверхъестественном – нечто, что способно обладать телом или терроризировать душу, – стали выглядеть причудливыми, ненаучными, смущающими» [Chignell, 2019b, 2] [1, с. 144].

С появлением секуляризации стал использоваться «аргумент от зла» для того, чтобы утвердить позицию самостоятельности субъекта и атеистическую позицию. Так как Бог является творцом всего сущего и воплощает в себе высшую степень морального совершенства, и поскольку он всевидящ, то он должен быть всевидящ и в том, что существует очень много зла и ужаса, творящегося на земле. Увидев всё это, как существо моральное, он должен был бы вмешаться и прекратить зло. Невмешательство Бога в дела людей, говорит о том, что его не существует. В

диалоге Раскольникова со следователем о мотивах преступления Раскольников прибегает к аргументу не от сущности, а от реальности, ссылаясь на несовершенство социального мира, которое и стало причиной его личного преступления (кстати, этой же точки зрения придерживался глава мафии Аль Капоне). Как мы видим, «аргумент от зла» можно отнести к аргументам от реальности, а не от сущности.

Вопрос об источнике истины смещается в сторону субъекта и в философии Э. Гуссерля, Ж. П. Сартра. В качестве основной инстанции, порождающей истину, они мыслят инстанцию субъекта. Такое доверие к субъекту в европейском философии связано с тем, что субъект в конечном итоге мыслится как производное от трансцендентального субъекта И. Канта. Трансцендентальный субъект – это субъект, который наделен рассудком, способным осуществлять априорный синтез, в результате чего исследуемый объект постигается, как истинный. Центром происхождения добра и зла становится автономная свободная воля человека, действующая в состоянии выбора.

Для философских и теологических учений характерно размышлять над природой зла. В науках и практике зло приобретает более конкретные или же наоборот размытые смыслы. Вместе с тем, когда в юридической науке мы говорим о «правонарушении», то мы все-таки понимаем под этим какое-то явное проявление зла со стороны свободной воли субъекта. Ведь этическое находится в основании юридического, а также является основанием для существования всех других сфер деятельности человека. Если говорить о Неопределенность в употреблении понятия зла проявляется в современности, когда мы называем злом «плохое» или «вредное».

Современное понимание соотношения добра и зла отходит от понимания связи добра с Абсолютом или благом, то есть с сущностью. Можно утверждать, что в умах большинства побеждает аргумент от реальности. Постепенно ценностные основания веры в абсолютный характер добра утрачиваются, идеалы добра вытесняются критикой «реального» положения дел в мире, происходит редукция идеи добра к социальной, субъективной и другим средам.

Если рассматривать философию постмодернизма, то она пытается лишит оснований западноевропейскую субъектно-ориентированную философию. Постмодернисты, продолжая линию А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, утверждают, что дихотомией добра и зла можно пользоваться при небескорыстном оценивании мира и самого себя. С точки зрения постмодернистов бинаризм, то есть деление мира на оппозиции, особенно в моральном контексте, позволяет субъекту занять позицию всегда правого. Речь здесь идет о субъективном, преднамеренном и ложном использовании категорий «добро и зло» в своих собственных целях [5, с. 47]. Все это можно свести к высказыванию «Там, где добро, там я» или «Где я, там и добро». Сегодня мы наблюдаем такое смещение в реальности очень часто.

Принимая во внимание критику постмодернистов, все-таки необходимо понять, что аргумент от сущности восходит к человеческой душе и интуиции, и это нельзя сбрасывать со счета. Так как человек существо свободное, и он есть движение, то мы не можем гарантировать, что его свобода будет всегда вести его в сторону добра. Человеку подчас свойственно склоняться на сторону зла и делает это он так, что может и не увидеть всей ущербности этого обстоятельства. Аргумент от сущности может помочь нам разглядеть моральную ситуацию объективно. Несмотря на неумножение зла в истории, следование этому аргументу может пробудить в нас мужество и трезвость оценивания, возможность заметить само зло, отворотиться от него и предотвратить его.

Пристатейный библиографический список

1. Гагинский. Онтологический статус зла и метафизика сущности // Христианское учение, 2019.
2. Слепокуров А. А. Постижимость смерти как зла в учении Н. Ф. Федорова // Бердяев Н. А. Религия воскресения («Философия общего дела» Н. О. Федорова) // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга первая. - СПб.: РХГИ, 2004. - С. 424-469.
3. Шохин В. К. Проблема зла и теодицеи. - М.: ИФ РАН, 2006.
4. Котенко А. А. Вопрос о теодицее у Лейбница и Канта // Альманах «Vita Cogitans», Vita Cogitans. - Выпуск 1. № 1. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
5. Егорова Ю. Р. Современная западная философия. - Уфа: Издательство «Словохотов», 2012.

ШИЛОВА Ольга Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и мультимедиа Иркутского государственного университета

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА РУССКОГО НАРОДА

В статье рассматриваются существующие концепции становления русского этноса, уходящего корнями к раннеславянской этничности. Несмотря на обширный перечень литературы, затрагивающей этногенез русского народа, рассматриваемая тема остается актуальной, поскольку данный этнос имеет свою предысторию еще до образования древнерусского государства, насчитывающую несколько тысячелетий. Проблема формирования русского народа многогранна и неоднозначна, в науке до сих пор остается открытым вопрос о разделении древних славян на отдельные этносы, не определено точное время появления и значения этнонима «русы».

Также в работе рассматриваются основные характеристики этноса, особое внимание уделено начальным этапам формирования и особенностям самосознания ранних славян.

Ключевые слова: этносы, самосознание, народ, философия.

SHILOVA Olga Sergeevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Mass communications and multimedia sub-faculty of the Irkutsk State University

SOCIO-PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE ETHNOGENESIS OF THE RUSSIAN PEOPLE

The article examines the existing concepts of the formation of the Russian ethnos, rooted in the Early Slavic ethnicity. Despite the extensive list of literature concerning the ethnogenesis of the Russian people, the topic under consideration remains relevant, since this ethnos has its own prehistory even before the formation of the old Russian state, dating back several millennia. The problem of the formation of the Russian people is multifaceted and ambiguous, the question of the division of the ancient Slavs into separate ethnic groups remains open in science, the exact time of the appearance and meaning of the ethnonym "Rus" has not been determined.

The main characteristics of the ethnos are also considered in the work, special attention is paid to the initial stages of formation and the peculiarities of the self-consciousness of the early Slavs.

Keywords: ethnic groups, self-consciousness, people, philosophy.

Шилова О. С.

С ростом русского самосознания в разные исторические периоды существования российского общества всегда появлялся интерес к истокам зарождения данного этноса, а именно росов (русов). Этот процесс представляет волнообразный характер, особенно сильно он проявляется в периоды социальных потрясений и их осмысления. Например, после Отечественной войны 1812 года усилился интерес к истории русского языка, народного фольклора, обычаев. Истоками русского самосознания интересовались славянофилы, среди них, А. Н. Астафьев, К. С. Аксаков, П. Н. Рыбников, В. И. Даль и др. Они сумели выделить самобытность русского народа, тесно связанного со всеми мировыми процессами.

Следующая волна интереса к формированию русского этноса возникла в 30-50-х гг. XX века. Были представлены исследования по восточнославянской археологии и этнографии Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского, П. Н. Третьякова, и др. В результате появились новые концепции возникновения и ареала обитания не только восточных славян, а также праславян. Проблемы и особенности русского этногенеза были представлены в работе «Происхождение и этническая история русского народа» [7]. Именно в советский период были достигнуты значительные успехи в изучении славянского этногенеза. В 70-е годы вышла монография В. В. Мавродина», посвященная происхождению русского народа [6].

При этом большинство западных исследователей древнейшую историю русского народа не рассматривали по причине того, что они являлись приверженцами норманнской теории, согласно которой в Древней Руси до прихода на княжество Рюрика, норманна скандинавского происхождения, не существовало собственной государ-

ственности. По их мнению, древнерусское государство сформировалось в IX веке путем объединения восточнославянских племен. Эта концепция была сформулирована в XVIII в. немецкими историками Г. З. Байером и Г. Ф. Миллером и заключалась в том, что государственность на территории Древней Руси была образована приглашенными на княжение скандинавами. М. В. Ломоносов стал у истоков антинорманизма, русский ученый говорил о невозможности привнесения государственности по причине того, что она образуется исключительно в результате внутреннего развития общества и отсутствия в языке элементов скандинавских языков. Он полагал, что русская земля образовалась в результате слияния двух этносов славян и руссов. Славяне относятся к одному из древнейших народов земли, его истоки уходят к далекому периоду, когда они выделились из индоевропейской и индоиранско-арийской семей.

Перед тем как анализировать процессы этногенеза необходимо рассмотреть понятие «этнос» в социальной философии. Этнос – группа людей, которых объединяет осознание своей генетической связи с другими представителями этой группы, единый язык, общее историческое происхождение. У этноса формируется собственная культура, стереотип поведения, самосознание. Стереотип бытового поведения, который еще называют образом жизни, складывается из многих факторов, в частности, религиозных представлений, обычаев, особенности пищи, жилища, характера семейных отношений. Термин «этнос» в греческом языке имеет много значений: народ, племя, род, толпа, поэтому не всегда легко раскрыть содержание этого неоднозначного термина. Л.

Н. Гумилев определял этнос как естественно сложившийся на основе оригинального поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система [2].

Для обозначения общности людей также применяется понятие «народ» наряду с понятиями «этнос», «этническая общность». Народ – это связанная одинаковым происхождением и языком культурная общность людей; все население страны, государства [11].

Языковая и культурная общность являются важными компонентами этнической общности. Наряду с ними предстает еще один компонент – этническое самосознание, заключающееся в осознание людьми, составляющими этническую общность, своей принадлежности к определенной общности.

Этнос является не только социальной общностью, он имеет свою историю и может существовать, только постоянно воспроизводясь. Например, Ю. И. Семенов считает, что главный этнообразующий признак – это культура, а не биологический фактор, потому что этнос есть исключительно общность социальная [8].

Человек как представитель этноса формируется только в обществе, поэтому этнические различия проявляются не в биологии людей, а в их культуре. Если этническая группа попадает на территорию другого этноса, то она стремится к сохранению своей культуры, потому что иначе ассимилируется с другим этносом. История человечества свидетельствует, что этнические ассимиляции постоянно происходили и будут происходить.

Существует несколько научных концепций формирования русского этноса. Традиционная заключается в том, что несколько славянских родственных племен консолидировались в один этнос в IX в., который получил название русского народа и образовали единое государство (Русь). Существует много исследователей, не согласных с данной концепцией. Ученый Г. В. Вернадский был убежден в древнейшей истории русского народа, консолидация племен которого началась еще в скифский период [1].

Мысль о том, что истоки русского народа уходят в глубь тысячелетий, также предложила индолог Н. Г. Гусева. Она выявила схожие черты в языке и культуре древних предков славян и предков древнеарийских племен. Важнейшей основой истории этноса являются данные языка, которые позволяют решить задачу поиска предков. Язык сохраняет в себе слова, зарождавшиеся в период формирования этноса, и несет их сквозь столетия, в нем можно обнаружить отпечатки всего, что пережил народ за долгие века своего развития, даже того, что он уже не осознает. В языке сохраняются следы его встреч с другими этносами. Так, в иранских языках обнаруживается много общего со славянскими языками. Скифы, которых многие ученые считают потомками ираноязычных ариев, поддерживали близкие связи со славянами. Антропологи открыли значительное сходство славян со скифами, судя по анализу костяков, найденных в скифских погребениях.

Важнейшим моментом становления любого этноса является возникновение у него собственного имени, что говорит о проявлении этнического самосознания и выделении себя из других народов. Этноним «росы» является не заимствованным из других языков, а древнейшим самосознанием, закрепившимся нашими предками предположительно во II тысячелетии до н. э. Момент отделения росов от славянских народов точно установить не представляется возможным. Однако древность росов подтверждается сходством русского языка с санскритом, одним из древнейших языков в индоевропейской общности. Слово росы сохранилось не только в русском языке, но и санскрите [3]. Поскольку санскрит является языком древних ариев, это говорит о длительном соседстве этих двух народов и даже возможной их частичной ассимиляцией. На близость этих народов указывают их мифологические воззрения, обычаи, обряды. Стоит полагать,

что этногенез древних росов протекал одновременно с этногенезом древних ариев. Все славянские языки относятся к индоевропейской группе, которая приблизительно во 2 тыс. до н. э. распалась на прогерманцев, балтославян, иранские и индийские народы. Со временем балтославяне разделились на балтов и славян, которые в свою очередь поделались на западных и восточных славян.

Изучение санскрита открывает новые страницы этногенеза русского народа. В русском языке, как указывает В. И. Даль, любой источник воды определяется словами «русь», «русева», «русиловка» [4]. Из чего можно сделать предположение, что другие народы называли славян народом русел, поскольку они расселялись по течению рек. В санскрите можно увидеть полное тождество между русским словом «роса» и древнеиндийским «раса», обозначавшим влагу. В книге древневедического эпоса «Махабхарате» слово «раса» обозначает питье, жидкость. На славянских территориях многие реки в своих названиях имеют корень «рус», «рос», что указывает на понимание его как обозначения потока воды. Название реки Волга также является указанием на влагу, в древности согласно мифологии индоиранцев, эта река называлась Rasa.

Факты языка, археологии являются основными источниками изучения этногенеза русского народа. Проблема происхождения русского этноса, предками которого являются древние славяне, должна решаться на основе комплексного подхода, усилиями лингвистов, археологов, философов, историков.

Следует вспомнить, что картину истории формирования этносов в корне меняли археологические находки В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой, которые показывают праисторию славян, берущих свое начало в VIII в до н. э. [5], [9]. Кроме этого, пересмотру традиционных концепций способствуют переворот методологической основы в ряде гуманитарных наук, появляется сравнительное языкознание, сравнительная мифология.

Огромную ценность в качестве источниковой базы представляют священные книги Ригведа (древнейший из известных ведических санскритских текстов), Авеста (старейший памятник древнеиранской литературы), Каран (священная книга мусульман), которые позволяют раскрыть информацию о росах и ареале их расселения. Важные сведения об истории этносов можно получить в сочинениях древних авторов: Геродота (V в. до н. э.), Тацита (II в. н. э.), Птолемея (I в. н. э.) и др.

Славяно-русская мифология также является отражением знаний, выработанных тысячелетиями, и связанных с языковой историей славянских народов. Древним славянам было присуще космоцентричное мировоззрение, при котором существование человека сильно зависело от мира природы. Поэтому им было присуще одухотворение окружающей природы, огня, земли, воды, животных и растений. В славянских, а затем и русских верованиях сохранился культ Матери – сырой земли, обозначавшим божество плодородия. Чаще всего эта фигура изображалась в женском образе с поднятыми руками вверх. Также славяне верили в существ, управляющих окружающей природой: в леших, водяных, русалок. Славянские божества олицетворяли основные природные силы: Бог Рода, неба, предков – Род, Бог солнца – Дажьбог; Бог ветра – Стрибог; бог земли – Велес. Существовало много заговоров и обрядов для хорошего урожая. Древние славяне верили в трехмерный мир (Серединный, Нижний и Верхний). До нас дошел миф славянских народов о Дереве жизни, согласно которому хоть дерево находится в раю, но только ветвями. Ствол в среднем мире, а корни – в подземном. Также у славян существовали культы Рода и Рожениц, считавшимися основателями родов славянской расы. Им молились, делали подношения медом, сыром, хлебом, цветами. Хлеб был главной пищей славян, его называли «жито» от слова «жить». Кроме этого, важным являлся культ Чура

(Щура), отвечающий за связь с предками и охрану домашнего очага, откуда сохранившееся в русском языке выражение «чур меня», что означает «защити меня предок от нечисти». В местах своего проживания славяне устанавливали в знак поклонения Чуру деревянные столбики-кумиры, на которых вырезались знаки, обозначающие принадлежность к определенному хозяину. Культ Чура напрямую связан с поверьем в начертанный магический круг, в который благодаря защите Чура не войдет никакая нечистая сила. Предков по мужской линии называли пращурь, а по женской – роженицы.

Особый интерес представляет вывод, сделанный лингвистом О. Н. Трубачевым, касающийся обозначения в языке славян человека как такового. Человек имеет толкование как сын рода солнечного божества. Получается, что только через принадлежность к этому солнечному роду человек и становился настоящим человеком. В славянской системе ценностей человек являлся представителем божественного рода на земле в течение своей жизни. Спустя тысячелетия это подтверждает современный русский язык, в котором слову благородный противостоят такие понятия, как выродок, урод, безродный. Вне своего рода человек не может считаться благородным и истинным представителем своего племени [9].

На имени «словене» основывался еще один важный элемент самоназвания древних славян. Сначала данный этнос назывался «словене», позднее стал именоваться «славяне». Существует предположение, что данное племенное самоназвание берет истоки от понятия «слово». Получается, что словены – это «люди, говорящие понятно». Своих западных соседей они называли немцами, а если буквально, то «немыми» («непонятно говорящими»). В некоторых древнеславянских текстах народ обозначался не только понятием «язык», но и «слово». Можно говорить, что Дажьбог наделил славян истинной речью, что явилось в дальнейшем важнейшим критерием при определении ими своего отличия от их западных соседей. Способность созидать мир с помощью истинной речи также стало важным этапом национального самосознания славян.

Далее во время прославления чьих-либо великих свершений славяне начали подчеркивать свою связь не только со словом, но и со славой. Замещение слова на славу отчетливо прослеживается в литературных источниках древнерусского языка. Например, в «Слове мудрости Волхва Велимудра» говорится о славе рода и Богов, защищающих русский народ: «Ежили все Роды будут жить в единстве, благодати и взаимопомощии, созидая для блага своим потомков, во славу Богов и Предков своих, то никакая темная сила или вражеская рать не сможет одолеть сей Великий народ». Родство славы со светом уходит своими корнями к эпохе индоевропейской общности. Как ведают эпосы различных неиндоевропейских народов, человек рано осознал, что слава является для него возможностью преодолеть смерть и прикоснуться к бессмертному божественному миру.

Кроме этого, слава для славян являлась возможностью проявить свою божественную сущность, поскольку они являлись детьми солнечного божества – Дажьбога, что подтверждают археологические находки того периода, где повсеместно встречаются солнечные символы. Это самосознание ориентировало славян на подвиги, жертвенность во имя великой цели, дающей людям настоящую славу, поскольку она не подвластна смерти. Слава по своей сути нематериальна, ее нельзя купить за деньги, поэтому в той системе координат она была выше всех земных благ. В мироощущении русского народа вечная слава оказывается важнее материального. Такой истинной славой обладали русские богатыри, не щадившие своей жизни для защиты родной земли от вражеских набегов. В этом смысле слава оказывалась высшей наградой, которой мог удостоиться смертный человек во время своей жизни, которую можно было заслужить своими великими свершениями. Славяне в их самосознании являлись наро-

дом – носителем славы. Об этом свидетельствуют древнерусские поговорки: «Солнце не померкнет, народ не сломится» «С родной земли умри, но не сходи», а также личные имена славян: Владислав, Славомир, Святослав, в которых понятие славы употребляется в современном значении этого слова. В условиях родового общества слава принадлежала не только герою, но и всему его роду.

Таким образом можно сказать, что современное понимание этноса позволяет начинать историю русского народа не с периода официальной даты становления его государственности, а с этнических корней, берущих начало от ранних славян. Генезис русского национального самосознания представляет собой длительный исторический процесс, многоуровневый и неравномерный по своему развитию. Самосознание, глубинная сущность этноса проявляется в мифологии, фольклоре, религии русского народа. Методы сравнительной мифологии, лингвистики позволяют сделать выводы о том, что фундаментальные признаки русского этноса начинают закладываться задолго до распада индоевропейской общности. Именно в это время начинают закладываться основы самосознания русского народа, его мышления, образа жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Вернадский Г. В. История России. Монголы и Русь. – М.: Аграф, 1997. – 476 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.
3. Гусева Н. В. Славяне и арьи. Путь богов и слов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 336 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. – М.: Русский язык, 1982. – Т. 4. – 683 с.
5. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – М.: Белый волк. КРАФТ. ГУП Облиздат, 1999. – 312 с.
6. Мавродин В. В. Происхождение русского народа. – Л.: Изд-во: Ленинградский университет, 1978. – 184 с.
7. Происхождение и этническая история русского народа / Под ред. Б. Б. Бунак – М.: Наука, 1965. – 414 с.
8. Семенов Ю. И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003. – 775 с.
9. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. – 402 с.
10. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древних славян. – М.: Наука, 2003. – 500 с.
11. Шилова О. С., Хомич Н. В. Социальная философия. – Иркутск: Мегатрип, 2022. – 230 с.

ШМАТЬКО Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета

СОЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БАЗОВЫХ УРОВНЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В работе проводится исследование исторического сознания, имеющего сложную многоуровневую структуру. Базовым уровнем исторического сознания является мифологическое сознание, не отражающее принципа историзма, и практически неререфлексируемый, но компенсирующий разрывы в более высоких уровнях исторического сознания. Следующий уровень, который поддается рефлексии – обыденное сознание, синтетически отражающее повседневный опыт человека и общества. Указывается, что важную методологическую роль в процессе философского осмысления исторического сознания играет социальная феноменология. Подчеркивается, что темпоральные структуры сознания, составляющие основание исторического сознания, в феноменологии отображены достаточно сложно. Субъект находится одновременно в нескольких временах, темпоральных процессах. Первое время – это его собственное, непосредственное данное индивидуальное время жизни. Вторым темпоральным измерением для человека становится также внутреннее время вторичного проживания уже накопленного опыта (собственная «историчность»). Третьим уровнем темпоральности, воспринимаемым человеком, становится intersубъективный, общественный опыт (история общества).

Ключевые слова: социальная философия, философия истории, общество, историческое сознание, обыденное сознание, мифологическое сознание, социальная феноменология, темпоральность.

SHMATKO Alexander Alexandrovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Sociology, jurisprudence and human resources sub-faculty of the Kuban State Technological University

SOCIO-PHENOMENOLOGICAL STUDY OF THE BASIC LEVELS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

The paper studies the historical consciousness, which has a complex multi-level structure. The basic level of historical consciousness is mythological consciousness, which does not reflect the principle of historicism, and is practically unreflexive, but compensating for gaps in higher levels of historical consciousness. The next level that lends itself to reflection is ordinary consciousness, which synthetically reflects the everyday experience of a person and society. It is pointed out that social phenomenology plays an important methodological role in the process of philosophical understanding of historical consciousness. It is emphasized that the temporal structures of consciousness, which form the basis of historical consciousness, are displayed in phenomenology in a rather complicated way. The subject is simultaneously in several times, temporal processes. The first time is his own, immediate given individual time of life. The second temporal dimension for a person is also the internal time of the secondary living of already accumulated experience (one's own "historicity"). The third level of temporality perceived by a person becomes intersubjective, social experience (the history of society).

Keywords: social philosophy, philosophy of history, society, historical consciousness, ordinary consciousness, mythological consciousness, social phenomenology, temporality.

Одним из наиболее разработанных и продуктивных методологических комплексов, применяемых в исследованиях исторического сознания, является социальная феноменология. Феноменология Э. Гуссерля строится на установке, называемой феноменологической редукцией («феноменологическом эпохе»), заимствованном Гуссерлем у Пиррона и позднеантичных скептиков). Исследователь проводит мысленный эксперимент. Он закрывает глаза, уши, максимально изолирует себя от внешнего мира. И, по мысли материалистов, мир для такого изолированного сознания должен был бы перестать существовать, он становится потерянным. Однако этого не происходит, в сознании экспериментатора даже ничего не изменяется, мир в представлении каким был, таким и остается: ценности, смыслы, образы, течение времени, все остается неизменным, человек продолжает думать о том же, о чем думал до этого [1]. Для Гуссерля результат этого эксперимента означает, что содержание сознания («жизненный мир» человека) не зависит от внешнего мира настолько, насколько это предполагали материалисты. Сам мир не нужен сознанию, когда уже есть опыт познания. Переживания сами становятся внутренним миром, существующим достаточно автономно от внешнего. Более того, он приходит к выводу, что объективный мир человеку в его познании вообще недоступен, человек не имеет к нему выхода напрямую, он живет в мире собственных представлений (как это уже показывал в своей трансцендентальной аналитике И. Кант),

поэтому единственное, на что можно опираться в познании – это опыт, заключенный в сознании [2].

Вновь обретая мир, открывая глаза, Гуссерль смотрел на мир уже новым, обновленным взглядом, понимая, что видит перед собой не реальные объекты, а смысловые конструкты, заменяющие их (Гуссерль иллюстрировал это восприятие на примере художника, отображающем на полотне не объекты реального мира, а свои собственные ускользающие переживания). Исследование исторического сознания, начинается с определения сознания как фундаментальной, первичной сущности человека с миром. Существует множество подходов к определению сознания. Гегель определял сознание как «способность что-либо осознать, соотноситься с предметом». Материалисты (марксисты) понимали его как отражение мира. Гуссерль, рассматривая сознание, представлял себе живой движущийся поток, имеющий направление и захватывающий всё, на что направлен. Он преломляет их в новый «жизненный» мир сознания, сотканный из смыслов и представлений. То есть, например, можно отождествлять изображенное на картине с самим пейзажем, однако они совпадают только с одного единственного ракурса, в остальных становится понятно, что это различие радикально. Феноменологи объявили, что субъект познания живет в собственном мире, не противостоящем миру объектов, и не являющемся его «отпечатком», а полностью сотворенном его собственным сознанием как началом и концом всего существующего. Кроме того, Гуссерль открывает, что мир смыслов, создаваемый

человеком, не является окончательным, это – подвижная картина, на которой происходит постоянное переопределение того, что на ней видно. Ни один смысл не может быть единственным, эти смыслы умножаются, расширяются и сужаются. Смыслы текучи, подвижны и ситуативны, и настолько же плохо соотносятся с внешним миром, насколько опыт человека недостаточен или избыточен по отношению к нему. Избыточен потому, что сознание постоянно достраивает связи и качества, которыми не обладают реальные предметы. И обнаружение этой способности окончательно ставит крест на узких рамках классической субъект-объектной парадигмы науки.

История в феноменологическом формате оказывается не последовательной линией причинно-следственных связей, а обыденностью множественного порядка, многочисленных представлений о прошлом, которые выглядят для человека как реальные, но на самом деле не имеют к реальности никакого отношения. И, в лучшем случае, историк обнаруживает и удостоверяет коллективные нормативные или коммуникативные субмиры, продуцирующие собственный автономный формат норм, отношений, культурных объектов. «Каждый мир, пока на него направлено внимание, по-своему реален; только реальность эта исчезает вместе с вниманием» (А. Шюц) [3]. В худшем случае историк сам начинает творить «сверхповседневность», то есть, присваивать истории не присущие ей значения, а еще точнее, удаляться от тех значимых событий, которой они имели в собственное время. К несомненным достоинствам методологического аппарата социальной феноменологии можно отнести то, что он позволяет охватить все три уровня исторической реальности и создать картину единства культурного, антропологического и социального в историческом исследовании, при этом отображая и антропологический (индивидуальный), и интерсубъективный (коллективный), и интеробъективный (макроуровень) социально-исторической реальности.

Темпоральные структуры сознания, составляющие основание исторического сознания, в феноменологии отображены достаточно сложно. Субъект находится одновременно в нескольких временах, темпоральных процессах, первое из которых – его собственное, непосредственное данное индивидуальное время жизни. Это внутренне делящееся время накопления индивидуального опыта, на основе которого происходят все дальнейшие действия индивида и его рефлексия по поводу происходящего. Субъективное время неоднородно, как неоднороден опыт субъективного восприятия, относительно которого, оно «ускоряется» и «замедляется», прерывается, как прерывается сознание человека и его связь с миром. Вторым темпоральным измерением для человека становится также внутреннее время вторичного проживания уже накопленного опыта (собственная «историчность»). Эта структура собственного развертывания прошлого и будущего, а также обработки и сглаживания внутренних разрывов первичного опыта. Результат его действия - создания иллюзии непрерывности внутренней историчности человека (я не изменяюсь и остаюсь собой, несмотря на все изменения. «Я» в старости тот же самый, что и «Я» в детстве). Третьим уровнем темпоральности, воспринимаемым человеком, становится интерсубъективный, общественный опыт (история общества). Он образуется в процессе синхронизации людей друг с другом, установление сопричастности, единого порядка понимания происходящего. Феноменологи рассматривают течение этих трёх уровней не как последовательное переключение, а как одновременное, делящееся синхронно. Понимание чужого опыта не вынуждает человека выключать течение собственного (А. Шюц) [4].

Для понимания феномена исторического сознания интересно то, что, третий (социально-исторический) вид темпорального опыта предстает для человека как уже «готовая» нарративная структура (с уже извлеченными смыслами), тогда как собственный опыт нуждается в рефлексивной обработке и не может быть дан непосредственно. Человек узнает о себе не в момент совершения действия, а по следам собственной рефлексии (И. Фихте). Поэтому познание опыта Другого оказывается технически более простым, чем производство собственного опыта и рефлексия над ним. В разделении этих темпоральных уровней уже кроется множество возможностей для потери понимания не только одного человека другим, но и одним и тем же человеком самого себя. Человек не всегда различает «настоящего» себя и себя «рефлексивного»

себя («Я» сегодняшний и «Я» трехлетний – это один и тот же Я или разный? Иногда преемственность не сохраняется практически ни в чем, кроме воспоминаний самого человека). Здесь возникают интересные эффекты за счёт операции отождествления. Путаясь в этих трех уровнях, человек может придти к иллюзорному выводу о том, что другого он понимает лучше, чем себя (когда уже есть обобщённое суждение о Другом – Другой «такой-то», его, кажется, очень просто понять, чего не скажешь о себе. Себя сложно свести до такого обобщения). Тот же эффект часто распространён и на историческое познание: историк, редуцируя общество прошлого до одного смыслового измерения, определенного нарративом (например, до понятия «рабовладельческое общество»), обнаруживает, что ему «всё понятно», тогда как в собственном настоящем, в жизни своего общества отыскать единый смысл и связность гораздо сложнее, настоящие дисперсно. Распознавание смыслов происходит не от внутренней темпоральности к внешней, а, наоборот, от внешней к внутренней (от третьего уровня к первому). Понимая других лучше, чем себя, человек проецирует собственное сознание вовне, создавая сферу общественного феномен «Мы». И создавая, таким образом, собственную идентичность. Познание другого оказывается способом увидеть себя со стороны, проблематизировать себя, найдя собственные границы в мире. Не Другой познается по аналогии со мной, а я по аналогии с другим.

Этот парадокс переноса аппрезентации позволяет объяснить ещё один парадокс исторического сознания: чем более историк отдаляется от изучаемой эпохи, тем более гносеологически «беспроblemной» она для него становится. Эта беспроblemность при логическом анализе выглядит парадоксальной, потому что чужая эпоха должна представлять самой неизвестной и давать самое высокое приращение новых знаний, но происходит обратное. Она не только не даёт этого максимального приращения, но и снимает сами вопрошания. С точки зрения социальной феноменологии, это парадокс объясним – наиболее проблемной выступает та эпоха, внутри которой происходит «диалог» социального опыта. Если такого диалога не происходит, остаётся только голая проекция собственного опыта историка на эпоху. Возникает монолог, которому ничто не предшествует, кроме немногих реифицированных (вещественных) источников, которые в гносеологическом смысле могут иметь любую интерпретацию. Как в своё время мудро заметил Сократ, при возрастании знания возрастает и незнание, проблематизация должна иметь эпистемологическую базу, на которой увеличивается разрыв бытия и мышления. Если такой базы нет, или её расширение блокируется мифологическим сознанием, историческая реальность становится, как сказал А. Ф. Лосев, «насквозь понятной», в ней исчезают разрывы и гносеологические проблемы [5].

Таким образом, историческое сознание имеет сложную многоуровневую структуру. Его базовым уровнем является архаическое сознание (мифологическое), не отражающее принцип историзма, и практически нерелексивируемый, но компенсирующий разрывы в более высоких уровнях исторического сознания. Следующий уровень, который поддается рефлексии – обыденное сознание, синтетически отражающее повседневный опыт человека и общества. Оно также не входит непосредственно в объяснительные схемы исторического познания, но составляет важнейшую часть культуры, выражающую особенности мышления общества.

Пристатейный библиографический список

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. - М.: Академический проект, 2019. - 489 с.
2. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собрание сочинений. Т. 1. - М.: Гнозис, 1994. - 162 с.
3. Шюц А. Избранное: Мир, священный смысл. - М.: РОССПЭН. 2004. - 1056 с.
4. Шюц А. Социальный мир и теория социального действия // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. - М., 1997. - № 2. - С. 24-43.
5. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Erokhin A. M., Ponarina N. N., Akopyan G. A. Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // Journal of History Culture and Art Research. - 2018. - V. 7. - № 2. - P. 41-47.

ЛАРЮШКИН Сергей Александрович

аспирант кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина

ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПОДВИГЕ РОССИЙСКИХ НОВОМУЧЕНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ)

В статье предпринята попытка проанализировать в богослужебном православном тексте национальные аспекты, дающие представление о духовной стороне национальной картины мира. Обращение к текстам подобного рода с данной целью имеет своё основание в том, что именно в гимнографии кристаллизуются и сохраняются как константы национальные представления о духовных факторах в историческом процессе, о формировании на основе этих факторов духовно-нравственных норм и национального самосознания, а также мировидение социума. Современное общество продолжает осмысливать революционные события начала XX века, связывая историческое прошлое с настоящим временем, осуществляя в этом осмыслении поиск духовных констант своей национальной идентификации. В силу этого проведённый в статье анализ может быть учтён в философских и социологических теориях.

Ключевые слова: нация, национальное самосознание, национальная идея, Святая Русь, богослужебный текст, новомученики, духовный подвиг.

LARYUSHKIN Sergey Alexandrovich

postgraduate student of Philosophy and theology sub-faculty of the Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

MANIFESTATION OF NATIONAL CONSCIOUSNESS IN THE FEAT OF THE RUSSIAN NEW MARTYRS (BASED ON THE MATERIAL OF LITURGICAL TEXTS)

The article attempts to analyze national aspects in the liturgical Orthodox text, which give an idea of the spiritual side of the national picture of the world. The appeal to texts of this kind for this purpose has its basis in the fact that it is in the hymnography that national ideas about spiritual factors in the historical process are crystallized and preserved as constants, about the formation of spiritual and moral norms and national identity on the basis of these factors, as well as the worldview of society. Modern society continues to comprehend the revolutionary events of the early twentieth century, linking the historical past with the present, searching for spiritual constants of its national identification in this comprehension. Because of this, the analysis carried out in the article can be taken into account in philosophical and sociological theories.

Keywords: nation, national identity, national idea, Holy Russia, liturgical text, new martyrs, spiritual feat.

Ларюшкин С. А.

Любой переломный момент в истории народа порождает в народной среде активность в области национальных исканий, а философская мысль стремится отыскать первопричины судьбоносных потрясений, раскрыть неведомые ещё штрихи национальной картины мира, провидеть, насколько возможно, историческую судьбу народа. В кризисные периоды вызываются к жизни духовные народные потенциалы, которые задают динамику национального самопознания и отпечатываются в национальной культуре.

Феномен русской революции 1917 года остался в исторической памяти нашего народа как трагический перелом, подвергший испытанию и необратимому изменению все традиции народа, мировоззренческие установки, философские идеи, принципы государственности и прочее, – словом, всё то, что является содержанием понятия национального самосознания. По словам проф. Л. Е. Шапошникова, «отношение к истории своего отечества является доминантной характеристикой национального самосознания, так как именно она во многом определяет понимание личностью значимости своего народа в мировом процессе» [10, с. 162]. Неслучайно в предреволюционное и послереволюционное время, когда стремительно размывались очертания духовных и национальных ориентиров, вопрос исторической памяти приобрёл в России особую актуальность, так как он теснейшим образом связан с самосознанием, в котором народ осознаёт себя как самобытный культурно-исторический феномен, своё место в мировом культурном и цивилизационном пространстве, своё историческое и духовное предназначение [12], [13], [14], [15].

Отношение народа к своей истории представляет собой отношение к собственной исторической памяти, поэтому при забвении народом своей историчности меняются ценности самосознания, забывается коллективный опыт, традиции, на основании которых народ идентифицирует себя и видит свои исторические пути. Философские споры XVIII – XIX веков об исторических и духовно-культурных

судьбах России были, большей частью, вызваны поиском чего-то жизнеутверждающего, что было естественным для предшествующих поколений и что неумолимо предавалось забвению после реформ Петра I. В этих философских поисках было сделано открытие одного феномена, всегда присутствовавшего в русском менталитете, – была вновь открыта идея Святой Руси, то есть осмыслен её генезис и роль в формировании национальных констант, как отмечает проф. В. В. Лепяхин [5].

Само понятие нации является многогранным и многоаспектным, однако при определении его в качестве доминирующего принимаются во внимание две сферы существования и деятельности человеческого общества – внутренняя (природный характер этноса, религия, культура и т.п.) и внешняя (государственная деятельность, экономика и др.). Из этих двух сфер именно внутренняя составляющая позволяет исследовать самобытность нации, её императивы и постулаты. По мысли протоиерея Сергия Булгакова, «нация есть не как коллективное понятие или логическая абстракция, но как творческое живое начало, как духовный организм, члены которого находятся во внутренней живой связи с ним» [2].

Иными словами, народ, равно как и человеческая личность, имеет логосное начало, и это даёт право рассуждать о нём со стороны метафизической, на основании которой формируются и развиваются в едином творческом процессе все компоненты, определяющие самобытность нации, – язык, этнос, религия, культура, идеология, форма государственности и т.п. Причём ни один из этих компонентов нельзя признать исчерпывающим и окончательным в определении национального феномена, все эти составные части требуют единения. Однако творческий процесс развития нации совершается на основе одной идейной доминанты, формирующей национальную самобытность. История наглядно иллюстрирует, как разные народы по-разному осознают свою центральную идею: Франции угодно называть себя прекрасной, Англии – старой, Америке – свободной, Германии – учёной, Греции – великой и т.д. Русским народом был избран особый

идеал – христианская святость, на основании чего Русь и стала называться святою.

Идея Святой Руси представляет собой не столько политическое или иное какое образование, а более метафизическое пространство. Это, с одной стороны, выводит понятие «Святая Русь» за рамки чисто национальной идеи, которая локальна и ограничена, а с другой, прикрепляет её к доминирующему этносу. Собираение Руси как государства (или первоначально как некоего объединения) началось после крещения, когда был задан духовный вектор цивилизационного развития, создано определённое духовно-культурное поле тяготения, объединяющее народы в одну общность, подчиняющее деятельность всех членов общества одной идее – служению Богу. В этом случае не государство выступало изначальной собирательной силой, а культура, религиозные установки, направленные к сердцу человека, определяющие его целеполагание и мотивировавшие деятельность. В центре такого мировосприятия стоял Бог, а человек понимался как Его служитель, каждый на своей социальной лестнице. Такая парадигма взаимоотношений не позволила православной Руси стать теократическим обществом, а понятие «Святая Русь» превратит в отвлечённую идею, но способствовала формированию той уникальной духовной действительности, которую В. Н. Топоров обозначил как «соборный образ святости» [7, с. 11], составляющий стержень Святой Руси. Таким образом, понятие «Святая Русь» сделалось неким смысловым ступком, питавшим русское самосознание на протяжении многих веков расцвета православия и сохранявшим народ Божий в последующие секулярные и атеистические времена.

К подобным глубинным доминантам, позволяющим осмыслить своё историческое бытие, свой логос, народ всегда прибегает во дни исторических испытаний. В этих глубинах живут и воскресают в своё время образы героев как ориентиры для жизни целого народа. Для России такими героями являлись и остаются христианские святые, в которых мы, по словам Г. П. Федотова, «чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути» [9, с. 27]. Иными словами, в своих святых русский народ осмысляет себя пред лицом Бога на протяжении всей своей истории.

Для современного российского общества воспитание самосознания, осмысление исторических судеб своего Отечества, его уникальности и самобытности особенно актуально. Реализовать такие цели в масштабах целого народа весьма непросто, так как он весьма отличается не только от средневекового, но и даже от предыдущих поколений: изменились или исчезли многие традиции, изменены приоритеты, во многом деформирована аксиология, на смену соборному принципу социальной деятельности пришла индивидуалистическая разобщённость. У проф. В. А. Кутырёва есть слова, характеризующие качество современного общества. Он говорит, что современная вселенная (мир) «из вещественно-энергетической превратилась в квантово-информационную» [3, с. 5]. Эти слова можно понять таким образом, что на смену обществу, объединённому внутренним идейным единством, а потому имевшему энергию направленного движения, приходит общество индивидуумов («квантов»), сосуществующих в информационном поле и не имеющих какого-либо идейного центра и цели. Поиски этого центра являются главной задачей при формировании национального самосознания.

В поисках своей национальной идентификации человек и общество обращаются к знаковой системе, понимаемой как национальные традиции, нормы и доминанты: культура и искусство, религиозные традиции, нормы нравственности и социальных отношений, принципы государственности и т.п. По мысли проф. С. А. Панарина, русская культура «больше других тяготеет к «монотекстуальности» (пронизанности всех практик единым центральным смыслом)» [6, с. 44]. В качестве такого единого смысла, влияющего на жизненные сферы человека и общества, и выступала идея Святой Руси. С XIX века эта концепция активно употребляется в самых разных «книжных» текстах, в первую очередь в церковной литературе, в частности в богослужебных текстах. Именно в парадигме идеи Святой Руси раскрывается значимость подвига российских новомучеников в духовном и национальном аспектах.

В этой связи представляет интерес проанализировать богослужебные тексты и выявить отражённые в духовном подвиге новомучеников идеи национального самосознания. О жизни и страданиях мучеников XX века написано достаточное количество житий, биографий, свидетельств очевид-

цев, исследованы документы и т.п., однако эти тексты представляют собой, по сути, лишь изложение фактов. Они хотя и возбуждают духовные чувства у читателя, но не обладают теми художественными достоинствами, которые свойственны традиционной агиографии, поэтому на их основе невозможно исследовать во всей полноте национальные аспекты. В отличие от них, богослужебные тексты обладают яркой образной системой, поэтикой, глубиной духовного содержания, идейностью способны не только выразить духовные чувства, но и осмысливают национальные аспекты жизни святых в стране, где святость утвердилась в качестве национального идеала.

Для анализа привлечены следующие богослужебные тексты:

- 1) Служба Всем святым, в земле Российской просиявшим;
- 2) Служба Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Служба Всем святым, в земле Российской просиявшим

Самое общее и яркое представление об актуализации идеи Святой Руси в жизни русского народа можно наблюдать в Службе Всем святым, в земле Российской просиявшим. Данный текст составлен в XX веке, автором является епископ Ковровский Афанасий (Сахаров).

В богослужебном тексте рефреном проходит идея дара: Бог обращает к русскому народу евангельское слово, а народ приносит Богу в дар свою добродетельную жизнь, выразившуюся в духовных подвигах святых. Такая идея ярко выражена в тропаре: «Якоже плод красный Твоего спасительного сеянца, земля Российской приносит Ти, Господи, вся святые, в той просиявшие». Данный образ построен на евангельской притче о сеятеле, в которой говорится об обильном плодоношении, то есть о множестве духовных подвигов, явившихся своего рода откликом народа на евангельское слово. По замечанию проф. В. Н. Топорова, «образ... Святой Руси полнее всего передаёт собор святых, предстателей перед Богом и одновременно дар Ему от Святой Руси» [7, с. 11]. Данная мысль прослеживается практически во всех гимнографических произведениях, входящих в общий состав данного богослужебного текста (в стихирах, каноне и т.п.).

При описании сонма святых упоминаются все агиологические типы, которые явлены в духовных подвигах русских святых, – мученики, святители, преподобные, праведные, юродивые и т.п., что отображает полноту и многогранность истории русской святости, говорит об обилии духовного плода, принесённого Богу.

Подвижники благочестия способствовали тому, чтобы этот идеал закрепился в народном сознании и был усвоен в качестве духовного названия России – Святая Русь: «сии бо воистинну... соделашася святыми [т.е. святыми – С.Л.] и Руси тезоименне святости подаша...» (стихира на «Господи воззвах»). В этом случае Святая Русь понимается как Русь, возглавляемая святыми, и эти святые не существуют отдельно от остального народа, а подчеркнuto понимаются как наши сродники и «нам по всему подобни быша» (стихира на «Господи воззвах»). Также подвижники своими подвигами утвердили в народе и духовно-нравственные идеалы: любовь к Богу и ближнему, кротость, незлобие, дары Святого Духа, близость ко Христу и др.

Интересным фактом является многонациональность собора святых, именуемых русскими. Этнически этот сонм весьма разнообразен: в нём имена греческих иерархов, варягов, литовцев, поляков, грузин, армян, римлян. Упоминается также святые Аляски и Японии. Данный факт ясно говорит о полиэтнической природе Святой Руси. На протяжении всей русской истории многонациональность России понималась как данность, не нарушающая её целостности, ни территориальной, ни идейной.

Ещё одной неотъемлемой чертой в прославлении святых является корреляция духовного подвига с любовью к Отечеству, о чём не единожды говорится в гимнографических текстах («Молитесь ко Господу о земном отечестве вашем» (стихира на стиховне).

Заметим, что в тексте нет идей, в которых осмыслялась бы значимость русских святых в пространстве Вселенской Церкви, как это наблюдается, например, в Службе князьям Борису и Глебу, Владимиру, Александру Невскому. Практически отсутствуют аллюзии к Священной истории, нет параллелей с историей древнего христианства, идеи преемственности и проч. В противоположность древнерусским текстам, в данном произведе-

дени подчёркивается значимость русских святых для русских, обозначается их роль в истории земного отечества. Анализируемая Служба Всем русским святым составлена в начале XX века, после революции – в то время, когда понятия святости, соборности были целью уничтожения, но и в этом самом гонении осознавалась их значимость для русского народа, хранившего в глубине своей памяти идеалы Святой Руси.

Понимание русского мессианизма, как его называет Н. А. Бердяев [11], выражено в известных стихирах свт. Афанасия (Сахарова), в которых Русь сопоставляется с домом Евфрафовым, то есть Вифлеемом, плодородной землёй: «Земле Русская, граде святыи, украшай твой дом, в немже Божественный велии сонм святых прослави». «Соборе святых русских, полче Божественный, молитесь ко Господу о земном отечестве вашем». «Новый дом Евфрафов, уделе избранныи, Русь Святая, храни веру Православную, в нейже Тебе утверждение».

Земля Русская, именуемая новым домом Евфрафовым, связывается с явлением в мире Христа Спасителя, началом нового бытия. Проф. В. В. Лепахин по этому поводу пишет: «Как «дом Евфрафов» дан потомству Авраама по обетованию, так же Святая Русь дана её жителям на хранение. Святая Русь – хранительница Православия, но вместе с тем именно Православие служит залогом утверждения Руси» [5].

Нужно отметить, что в тексте нет и намёка на религиозное или национальное превосходство России под другими народами. Свою богоизбранность Русь понимала как служение Богу, как духовный подвиг по сохранению чистоты православных догматов. С этим сопряжено понимание своей греховности, искание воли Божией и подчинение себя ей. На основании этого тема покаяния, поиска чистоты и правды является неотъемлемой составляющей церковного мировоззрения и национального самосознания, что ясно выражается в тексте.

Отличительной особенностью русского духовного мировидения является понимание особого покровительства Русской земле Божией Матерью. Россия понимается как дом, избранный удел Богородицы, страдающей человеческой боли, покрывающей омофором, защищающей во время бед и скорбей. Данная идея пронизывает весь богослужебный текст: «Небесе и земли Царица, от святых сродников наших умоляемая, до ныне землю Русскую покрывает и лика Своего изображении милостивно обогащает...» (стихира на «Господи воззвах»).

Таким образом, данный богослужебный текст наглядно изображает константы духовной картины мира Святой Руси. Данную картину можно представить в следующих смысловых актуализациях.

1. Наличие духовного центра, к которому тяготеет национальное самосознание.
2. Понимание святости и греховности в русле православного вероучения о первородном грехе и обожении.
3. Корреляция любви к Богу и любви к Отечеству, благочестия общества и благостояния Отечества.
4. Единство народа на основе веры и любви к Богу.
5. Отсутствие этнической исключительности или изоляции в понятии «Святая Русь».
6. Понимание миссии русского народа, его богоизбранности как служения Богу и ответственности.
7. Понимание России как хранительницы Православия.

Данные концепты, или топосы, являются сквозными в тексте Службы Всем русским святым. Они же присутствуют, как некий эталон, в других современных богослужебных текстах, соединяя духовные и национальные компоненты.

Данное утверждение можно проиллюстрировать на примере текста Службы Собору новомучеников и исповедников Церкви Русския.

Служба Собору новомучеников и исповедников Церкви Русския

Данный богослужебный текст, составленный в 2003 году, посвящён мученическому подвигу православных христиан во время гонений на Церковь в начале XX столетия со стороны советской власти. Концептуально данное произведение связано со Службой всем русским святым, оно развивает аспект мученичества, отражая значимость в национальной картине мира и в национальном самосознании.

Идейным центром данного произведения выступает то же понимание Руси домом Евфрафовым, как это представлено в стихирах свт. Афанасия (Сахарова). Данные стихиры, написанные для Службы Всем русским святым, вошли также в состав Службы новомученикам, чем подчёркивается идейное единство этих двух текстов, выражающее, в свою очередь,

связь с духовным пространством Святой Руси. В корреляции с данной идеей (Русь как дом Евфрафов) формируют свои смыслы другие песнопения всего богослужебного текста.

Святые являются, во-первых, жертвой Богу от Русской Церкви и Русской земли: «...приносим Ти, Господи, молитвы святых сродников наших. Не отвержи Русь, издревле Святую» (Стихира на литии).

Во-вторых, мученики понимаются как Божий дар и благословение Русской земле: «Кровь же их [новомучеников – С. Л.] святая удоби землю Русскую во освящении и благословение» (стихира на стиховне Малой вечерни).

В этом случае нужно указать, что значимость духовного подвига новомучеников раскрывается в аспекте онтологичности понятия жертвы. Феномен жертвы присутствует в любой религии и представляет собой «некую естественную духовную рефлексию человечества на расторжение некогда существовавшего союза с Богом» [8, с. 395]. Жертва Христова, в отличие от жертвы в архаических религиях, имеет онтологичную природу, то есть она не избрета и не придумана человеком, а совершена Богом и дарована Богом человеку. Поэтому приобщение к ней даёт человеку действительное богообщение, «преодоление смерти». В христианстве существует заповедь следования за Христом, которая предполагает соединение с Ним, повторение Его пути, продолжение Его дела. В результате такого соединения со Христом подвиг мучеников приобретает те же признаки онтологичности, что и жертва Христа.

Такая онтологичность духовного подвига, в которой является истина Христова, стала центром притяжения верующего человека, праведным мерилом его целеполагания и жизненного выбора, формирования его аксиологии и мировоззрения. В силу этого, новомученики понимаются как жертва Богу, приносимая по подобию Жертвы Христа.

В этом контексте обращает на себя внимание то, что в тексте мученики XX века понимаются как новые мученики. Они именуются «новозаклани агнцы», «новые страстотерпцы». Фактом новизны указывается на связь духовного подвига новомучеников с подвигом древних мучеников, а через это подчёркивается их близость ко Христу, достоверность мученического свидетельства: как кровью первых христиан утверждалась Церковь, так и кровь новомучеников создаёт духовный потенциал для существования нового исторического этапа Русской Церкви и сохранения идеи Святой Руси. Данная параллель подвига новомучеников и первых мучеников выступает как концепт и проходит через весь богослужебный текст: «Радуйтесь, новомученицы и исповедницы Российстии... страданиями подражатели первым мучеником явитесь» (стихира на «Господи воззвах»); «Радуйтесь, страстотерпцы славнии, стопам последующе древних мученик» (стихира на «Господи воззвах») и др. Такая живая и обострённая связь со Христом является одним из компонентов русского самосознания, утвердившегося со времён крещения Руси, хотя в тексте отсутствует концептуальная связь новомучеников со святыми Древней Руси, а устанавливается параллель именно с первыми христианами.

В тропаре данной Службы говорится, что Церковь Русская ликует, прославляя своих новомучеников, в число которых входят все сословия и ранги. В заключительном обращении к Богу содержится просьба: «Тех предстательством [новомучеников – С. Л.] ... страну нашу в Православии сохрани до скончания века». Просьба направлена на сохранение именно русской страны, а не только Русской Церкви. В свою очередь, концепты «кровь» и «истина» сопоставляются, связываются воедино в контексте Жертвы Христовой, обнажая всю остроту и глубину православного понимания святости и греха, спасения и духовной гибели. Такое соприкосновение с истиной, или только стремление к этому, требует от верующего человека исповеднического подвига. В силу этого, новомученики в анализируемом богослужебном тексте понимаются как столпы Церкви, блюстители благочестия, выступающие образцами для подражания, ходатаями и молитвенниками за народ, за земное отечество.

Понимание идеи святости неотделимо от понимания человеком своей греховности (это христианская аксиома), поэтому в данном тексте ярко выражена мысль, что все нестроения в государстве расцениваются как Божие попущение за грехи народа. Например, в стихире на литии поётся: «Не отвержи Русь, издревле Святую, ныне же грехов наших ради люте страждущую». В тропарях канона не единожды встречаются обращения к новомученикам очистить нас «от грехов наших», что гонение «бысть по грехом нашим», в обращениях к Богородице содержится просьба об уврачева-

нии греховных язв, о прощении согрешивших людей и сохранении Руси, издревле избравшей идеал святости. Такое понимание свой греховности, своего недостоинства, признание «грехопадения народа» является отличительной чертой антиномичности идеи Святой Руси. По этой причине тема гонений на Церковь в анализируемом тексте неотделима от темы покаяния, и здесь в качестве очистительной жертвы выступают новомученики.

Важным художественным средством, изображающим духовный и смысловой континуум Святой Руси и Священной истории, являются аллюзии к библейским событиям, оперирование библейскими образами. Например, кровь новомучеников уподобляется водам Чермного моря, которыми были потоплены «безбожные мучители, Церковь же Русская ... похвалы победных, яко земля обетованная мед и млеко, вам источает» (канон); весьма употребительным является образ Каина и его братоубийство, используется образ вавилонских отроков для описания стойкости в вере, употребляются почти дословно слова апостола Павла о гонениях на праведников: «Яко отречение миру быша, святы новомученицы и исповедницы Российстии, камением побииени быша, претрени быша, искушению быша, убийством меча умроша, свидетельствующе о Свете Истиннем, Иисусе Христе, Господе нашем» (Светилен).

В настоящем богослужебном тексте, так же, как и в Службе всем русским святым, подчёркивается покровительство России Божией Матерью. В годы гонений, когда грозила исчезнуть не только идея Святой Руси из самосознания народа, но и сама Россия была поставлена на край цивилизационной гибели, помощь Богородицы, как и в древности, стала средоточием народных надежд. Способность Богородицы сострадать человеческой беде звучит в унисон с темой страдания новомучеников, в результате чего святые соотечественники воспринимаются как верные защитники своего народа.

Таким образом, текст Службы Собору новомучеников Российских указывает на то, что самосознание русского церковного человека не мыслилось вне идеи Святой Руси, и только в ней осознавалась вся глубина и значимость духовного подвига святых: в любых обстоятельствах сохранить веру в Бога и соблюсти те идеалы, которые легли в основание норм морали и нравственности народа, его естественного жизненного течения, самобытности его культуры и традиций.

Говоря о гонениях XX века, стоит упомянуть тот факт, что в отличие от гонений первых веков христианства, когда сознание социума было теистическим и отречение от Христа представляло собой смену веры, в XX веке требовалось кардинальное перестроение самосознания – оно должно было сменить свой теистический характер на атеистический, в котором служение человеку (народу) стало альтернативой служению Богу. Однако именно человек в этой идее стал самым уязвимым и незащищённым объектом. К особенностям гонений XX столетия следует отнести их повсеместность, тогда как гонения в первых веках христианства носили локальный характер. Всё это, по замечанию проф. А. Л. Беглова, требовало от верующих особого подвига – «продолжение обыденной, повседневной религиозной жизни» [1], что предполагало постоянный духовный выбор, укрепляло верующих и подготавливало их к серьёзным испытаниям, сохраняло Церковь, благодаря чему, «страна продолжала принадлежать к христианской цивилизации» [1].

Этот повседневный подвиг жизни во Христе русского народа сохранил ту живую струю духовной жизни, которая, в свою очередь, питала народный менталитет в рамках выработанного веками самосознания, сохраняла то лицо России, о котором говорит в своём восторженном эссе Г. П. Федотов.

Таким образом, богослужебные тексты дают представление о духовной составляющей национальной картины мира и национального самосознания, центром которого является концепция Святой Руси. Ни идея Третьего Рима, ни какие-либо имперские или вселенские идеи не присутствуют в данном богослужебном тексте, осмысляющем и воспевающим подвиг новомучеников. Собрание России вокруг ясно выраженного идейного центра, реализация «соборного образа святости» – вот основная национальная мысль богослужебного текста, посвященного новомученикам.

Такое собрание, как показывает фактический материал, осуществляется через идею сближения духовного подвига российских мучеников XX века и мучеников первых веков христианства. Причём, в отличие от богослужебных текстов русского Средневековья, где концепция «Святая Русь» как словесная формулировка не фигурирует (она была достояни-

ем преимущественно фольклора), в современной агиографии эта концепция становится центральной и доминирующей, понимается как центр притяжения и средство изображения национального самосознания. Святые реализуют христианские заповеди, являют в своих подвигах Христа, и потому через их жизнь и труды, через идеалы святости, реализуемые национальными религиозными гениями, русский человек ясно видит национальную историю, смысл бытия своего – своей Родины, утрата которой, по мысли кн. Е. Н. Трубецкой, есть «прямое последствие утраты святости» [8, с. 327].

Пристатейный библиографический список

1. Беглов А. Л. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psmb.ru/a/k-osmysleniyu-fenomena-novomuchenikov-i-ispovednikov-rossiyskih.html> (дата обращения: 13.08.2022).
2. Булгаков С., прот. Размышления о национальности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/razmyshleniya-o-natsionalnosti/ (дата обращения: 05.06.2022).
3. Кутырев В. А. Бытие или ничто. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2009. – 496 с.
4. Ларюшкин С., прот. Онтологичность и универсальность Христовой Жертвы как средство сохранения духовности социума // Труды Нижегородской духовной семинарии. – Н. Новгород, 2020. – № 18. – С. 395.
5. Лепяхин В. В. Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси. Ч. 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/333.html> (дата обращения: 17.08.2022).
6. Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
7. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. – М.: «Гнозис». Школа «Язык русской культуры», 1995. – 875 с.
8. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 656 с.
9. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. – М.: Московский рабочий, 1990. – 269 с.
10. Шапошников Л. Е., Париллов О. В. Становление русского мессианизма и его понимания в раннем старообрядчестве // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 18. Вып 1. – СПб.: Изд-во РХГА, 2017.
11. Бердяев Н. А. Национальность и человечество. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. – М.: Философское общество СССР, 1990. – С. 19.
12. Вороховов А. В. Особенности и принципы русского национального самосознания // Дамаскин. Журнал Нижегородской духовной семинарии. – 2020. – № 2 (52). – С. 10–15.
13. Вороховов А. В. Христианское послание и его контекстуализация // Дамаскин. Журнал Нижегородской духовной семинарии. – 2019. – № 4 (50). – С. 10–15.
14. Вороховов А. В., Семикопов Д. В., Собко Р. В., Уланов М. В. Эстетическое и моральное в гуманистической философии Н. В. Гоголя // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 440–441.
15. Париллов О. В., Собко Р. В., Вороховов А. В., Спиринов В. К. Христианская антропология русского масона-консерватора И. Г. Шварца // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5 (156). С. 509–510.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasioffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.